НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

2020

Випуск 3 (36)

КИЇВ

НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ — ЗАСНОВАНИЙ У 2011 р.

ВИДАЄТЬСЯ ЧОТИРИ РАЗИ НА РІК

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Головний редактор
БУЙСЬКИХ А. В., доктор історичних наук, Інститут археології НАН України

Відповідальний секретар
ГОРБАНЕНКО С. А., кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

Відповідальні за випуск
СКОРИЙ С. А., доктор історичних наук, Інститут археології НАН України
ДЗНЕЛАДЗЕ О. С., кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

У ВИПУСКУ:

НАШІ ЮВІЛЕЇ

СТАТТІ

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

НОВІТНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

АМАЗОНКИ АРХЕОЛОГІЧНІ

ДО ІСТОРІЇ КОСТЮМА

АНТРОПОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

ДИСКУСІЇ

ІСТОРІЯ НАУКИ

ЧЛЕНИ РЕДКОЛЕГІЇ

БИРКЕ В., доктор археології, Інститут археології та історії мистецтв Академії наук Румунії
БОЛТРИК Ю. В., кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України
БРУЯКО І. В., доктор історичних наук, Одеський археологічний музей НАН України
ҐОЛДЕН П., професор, Університет Ратґер, США
КУЛАКОВСЬКА Л. В., кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України
МОЦЯ О. П., член-кореспондент НАН України, Інститут археології НАН України
ОТРОЩЕНКО В. В., доктор історичних наук, Інститут археології НАН України
ПОЛІДОВИЧ Ю. Б., кандидат історичних наук, філіал Національного музею історії України — Музей історичних коштовностей України
ПОЛТОВИЧ-БОБАК М., професор, Жешувський університет, Польща
ПОТЄХІНА І. Д., кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України
СИМОНЕНКО О. В., доктор історичних наук, Інститут археології НАН України
СКОРИЙ С. А., доктор історичних наук, Інститут археології НАН України
СОН Н. О., кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України
СТЕПАНЧУК В. М., доктор історичних наук, Інститут археології НАН України
ТЕРПИЛОВСЬКИЙ Р. В., доктор історичних наук, Київський національний університет
ТОЛОЧКО П. П., академік НАН України, Інститут археології НАН України
ФІАЛКО О. Є., кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України
ХАЗАНОВ А. М., професор, Університет Медісон — Вісконсін, США
ХОХОРОВСКІ Я., професор, Яґеллонський університет, Польща
ЧАБАЙ В. П., член-кореспондент НАН України, Інститут археології НАН України

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ
Науковий журнал з проблем археології та давньої історії

У журналі публікуються результати досліджень з археології та давньої історії України. Висвітлюються питання соціально-економічного розвитку та культурних зв'язків населення України у кам'яному та мідно-бронзовому віках, сторінки з історії кіммерійців, скіфів та сарматів, матеріальна та духовна культура античних греків у Північному Причорномор'ї, етногенез та рання історія слов'ян, розвиток давньоруських міст і сіл, матеріальної культури середньовіччя і нового часу. Видаються нові археологічні матеріали, розвідки з історії археології та архівні джерела.

Для археологів, істориків, краєзнавців, учителів історії, студентів історичних факультетів, усіх, хто цікавиться давньою історією України.

The results of research on the archaeology and ancient history of Ukraine are published in the journal. The issues of social and economic development and cultural relations of the population of Ukraine in the Stone and Copper-Bronze Age, the pages of the history of the Cimmerians, Scythians and Sarmatians, material and spiritual culture of the Greeks in the Northern Pontic region, ethnogenesis and early history of the Slavs, development of the cities and villages of Ancient Rus, material culture of the Medieval and Modern periods are observed. New archaeological records, survey on history of archaeology and archival sources are being published.

This journal is intended for the archaeologists, historians, regional specialists, teachers of history, students of historical departments and for all who is interested in the early history of Ukraine.

Засновник та видавець:
Інститут археології
Національної академії наук України

Свідоцтво про реєстрацію ЗМІ:
КВ № 17659-6509Р від 29.03.2011

Адреса редакції:
Україна, 04210, Київ 210, просп. Героїв Сталінграда, 12
Тел.: (+380-44) 418-61-02
Факс: (+380-44) 418-33-06
E-mail: secretaradiu@gmail.com

Офіційний сайт журналу:
https://adiu.com.ua/index.php/journal
Офіційна сторінка журналу:
Сайт «Спілка археологів України» [http://www.vgosau.kiev.ua] —
Бібліотека — Журнал «Археологія і давня історія України»
[http://www.vgosau.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=111&Itemid=183]

Затверджено до друку Вченою радою
Інституту археології НАН України
17.09.2020, протокол № 6.

Рисунки *авторські*
Надруковано *в авторській редакції*
Комп'ютерна верстка *С. А. Горбаненка*

Усі права застережено. Передрук можливий
зі згоди редакції та авторів статей

Виходить за інформаційної підтримки
Всеукраїнської громадської організації
«Спілка археологів України»

ISSN 2227-4952 (Print)
ISSN 2708-6143 (Online)

Усі матеріали рецензовано

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2020

Підписано до друку 27.09.2020. Формат 60 × 84/8. Гарн. Century Schoolbook. Папір офс.
Друк офс. Ум.-друк. арк. 61,7. Обл.-вид. арк. 68,7. Тираж 100 екз. Зам.

Друк на обладнанні видавця: Пшонківський О. В. цифровими комплексами
Konica Minolta bizhub PRO 1050 та Konica Minolta bizhub PRO C1100.
Тел.: (044) 33-111-42, тел. / факс: (0456) 33-21-22, e-mail: *janina-book@ukr.net*; *www.janina-book@ukr.net*.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів
видавничої справи ДК № 1500, від 22.09.2003 р.

ЗМІСТ

CONTENTS

Вступне слово **6** Introduction

НАШІ ЮВІЛЕЇ

OUR ANNIVERSARIES

Скорий, С. А. До 100-річчя від дня народження Варвари Андріївни Іллінської **7** *Skory, S. A.* To the 100th anniversary of Varvara Andriivna Illinska

Хазанов, А. М. По поводу юбилея А. В. Симоненко — поздравления, размышления и пожелания **15** *Khazanov, A. M.* On the anniversary of O. V. Symonenko — congratulations, thoughts and wishes

Ave 70! (*О. С. Дзнеладзе, Д. М. Сікоза*) **17** Ave 70! (*O. S. Dzneladze, D. M. Sikoza*)

Список друкованих праць О. В. Симоненка (*упорядники О. С. Дзнеладзе, Д. М. Сікоза*) **27** The publications of O. V. Symonenko (compiled by *O. S. Dzneladze* and *D. M. Sikoza*)

СТАТТІ

PAPERS

Хохоровски, Я. «Птицеголовые» или «конноголовые» скипетры — реальная или фальшивая дилемма? **35** *Chochorowski, Ja.* «Bird-Head» or «Horse-Head» Sceptres — a Real or Apparent Dillema?

Махортых, С. В. Скифы и Урарту **79** *Makhortykh, S. V.* The Scythians and Urartu

Гречко, Д. С. Поселенські системи Дніпровського Лісостепового Лівобережжя другої половини VIII — середини VI ст. до н. е. **91** *Grechko, D. S.* Settlement System of the Dnieper Left-Bank Forest-Steppe of the Second Half of 8th — Middle of 6th Centuries BCE

Крютченко, А. А. О возможных вариантах развития укрепленных поселений скифского времени Днепро-Донской лесостепи **101** *Kriutchenko, O. O.* Presumable variants of the development of fortified settlements of the Dnieper-Don forest-steppe in the Scythian Age

Полин, С. В., Дараган, М. Н. Вертикальный тип скифских катакомб V—IV в. до н. э. в Степном Причерноморье **111** *Polin, S. V., Daragan, M. N.* Vertical Type of Scythian Catacombs of the 5th—4th Century BC in the Northern Pontic Steppe

Полидович, Ю. Б. Иранская мифологема царской власти и пектораль из Толстой Могилы **135** *Polidovych, Yu. B.* Iranian Myth about the Royal Authority and the Pectoral from Tovsta Mogyla

Королькова, Е. Ф. О стилях и метаморфозах (к проблеме дефиниций сарматского звериного стиля) **150** *Korolkova, E. F.* About Styles and Metamorphoses (the Issue of Definitions in the Study of Sarmatian Animal Style)

Оца, Л. Другий етап сарматського перебування у Валахії **157** *Oța, L.* The second stage of Sarmatian settlement in Wallachia

Любичев, М. В., Шультце, Э. Погребения с сарматскими признаками на могильниках позднеримского времени Войтенки и Зачепиловка: сравнительная характеристика **178** *Lyubichev, M. V., Schultze, E.* Graves with Sarmatian features at the grave fields of the Late Roman Period Voytenki and Zachepilovka: comparative characterization

Дзнеладзе, Е. С., Сикоза, Д. Н. Оборонительные сооружения поздних скифов Нижнего Днепра **191** *Dzneladze, E. S., Sikoza, D. N.* Fortification of the Late Scythians of Lower Dnieper Region

Скрипкин, А. С., Клепиков, В. М. Археологические памятники II—I вв. до н. э. Нижнего Поволжья и некоторые этнические проблемы сарматов **214** *Skripkin, A. S., Klepikov, V. M.* Archaeological Sites of the Lower Volga Region of the 2nd—1st Centuries BC and some Ethnic Issues of the Sarmatians

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2020

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

Гуцал, А. Ф. Житла Рудковецького городища (за матеріалами досліджень 1972—1974 р.) **223**

Бабенко, Л. І. Бронзова бутероль та біметалевий меч з колекції Харківського історичного музею імені М. Ф. Сумцова **238**

Пеляшенко, К. Ю. Курганний могильник скіфського часу «Дергачі» **246**

Романюк, В. В. Керамічний комплекс ранньоскіфського часу із урочища Китай Гора у Пороссі **261**

Медведев, Г. В. Мечі та кинджали у поховальному обряді Усть-Альмінського некрополя **266**

Воронятов, С. В. Фалары конского оголовья из кургана 1 на Зубовском хуторе **281**

Дзиговський, О. М., Масюта, Д. О. Амфорна тара з сарматських поховальних пам'яток Буджака (остання третина II—III ст. н. е.) **288**

PUBLICATIONS OF ARCHEOLOGICAL MATERIAL

Hutsal, A. F. Habitations of Rudkivtsi Settlement (According to Research Materials of 1972—1974) **223**

Babenko, L. I. Bronze scabbard-chape and bimetallic sword from M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum **238**

Pelyashenko, K. Yu. Kurgan Burial Ground of the Scythian Time «Dergachi» **246**

Romanuik, V. V. Ceramic Complex of Early Scythian Age from the Tract China Mountain in Porosie **261**

Medvedev, G. V. Swords and Daggers in the Funeral Ritual of the Ust-Alma Necropolis **266**

Voroniatov, S. V. Phalerae the Decoration of Horse Headgear from Barrow 1 on Zubovski Khutor **281**

Dzygovskyi, O. M., Masyuta, D. O. Transport Amphorae from the Sarmatian Burial Grounds of Budjak (the Last Third of 2nd—3rd Cent. AD) **288**

НОВІТНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В., Окатенко, В. Н. Курган 524 у с. Жаботин (новое в изучении «опорного» памятника скифской архаики в Украинской Правобережной Лесостепи) **300**

Козленко, Р. А. Новые тамгообразные знаки и элементы сарматского вооружения и снаряжения из Ольвии **327**

Медведев, А. П. Новые сарматские курганы на Среднем Хопре **334**

THE LATEST RESEARCH

Skory, S. A., Zimovets, R. V., Okatenko, V. N. The Barrow 524 near Village Zhabotin (New Research of the «Basic» Site of the Scythian Archaic Period in the Ukrainian Right-Bank Forest-Steppe) **300**

Kozlenko, R. A. New Tamga Signs and Elements of Sarmatian Armament and Equipment from Olbia **327**

Medvedev, A. P. New Sarmatian Barrows in the Middle Khoper Basin **334**

АМАЗОНКИ АРХЕОЛОГІЧНІ

Фіалко, О. Є. «А дівчат амазонки привчали до зброї, коней та полювання…» **347**

Иштванович, Э., Кульчар, В. Мужественные женщины или женственные мужчины? Находки оружия в сарматских женских погребениях Алфельда **360**

Шевченко, Е. Б. Методика исследования женских погребений с оружием (на материалах сарматского могильника «Новый») **367**

AMAZON ARCHAEOLOGICAL

Fialko, O. Ye. «And Girls Amazons Accustomed to Arms, Horses and Hunting...» **347**

Istvánovits, E., Kulcsár, V. Masculine Women or Feminine Men? Weapon Finds in Sarmatian Female Graves of the Great Hungarian Plain **360**

Shevchenko, E. B. Research Methods for the Women's Buries with Weapons on the Example of the Sarmatian Burial ground «Novy» **367**

ДО ІСТОРІЇ КОСТЮМА

Могилов, А. Д. Серьги из Светловодского могильника **375**

Клочко, Л. С. Головні убори із Бердянського кургану **383**

TO THE HISTORY OF THE COSTUME

Mogylov, O. D. The Earrings of the Svitlovodsk Cemetery **375**

Klochko, L. S. The Headdress from the Berdyansk Kurgan **383**

Ліфантій, О. В. Нові дані щодо скіфських золотих аплікацій одягу з курганів біля с. Ольгине Херсонської області **395**

Грумеза, Л., Бирке, В. Скляні намистини з сарматських могильників південно-західної Румунії **402**

Кропотов, В. В. Фибула из погребения 4 могильника Холмское в Северо-Западном Причерноморье **416**

Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. Хронология браслетов с коническими шишечками на концах из меотских памятников Прикубанья **423**

Полосьмак, Н. В. Вещи из гардероба хунну (по находкам в Ноин-улинских курганах) **431**

АНТРОПОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

Козак, О. Д., Слободян, Т. І. Неординарне поховання у кургані скіфського часу біля Жаботина **445**

Балабанова, М. А. К вопросу о западных связях сарматского населения по данным антропологии **452**

Перерва, Є. В. Трепанація у сарматів Нижнього Поволжя (до роздумів про пошук причин і витоків традиції) **465**

Рудич, Т. О. Пізні скіфи: формування складу населення за матеріалами антропології **476**

Шультце, Э., Любичев, М. В., Козак, А. Д. Детское погребение на могильнике черняховской культуры Войтенки **489**

ДИСКУСІЇ

Ольговский, С. Я. Бродячие металлурги в Северном Причерноморье **503**

Раев, Б. А. Конские налобники из новолабинского погребения 71 и курганов у с. Глиное как индикатор контактов Поднестровья и Прикубанья **510**

ІСТОРІЯ НАУКИ

Каравайко, Д. В. Історія дослідження городища скіфського часу Ширяєве **524**

ANTHROPOLOGICAL STUDIES

Kozak, O. D., Slobodyan, T. I. Unusual Burial in the Barrow of Scythian Age near Zhabotin Village **445**

Balabanova, M. A. Discussing the Western Connections of the Sarmatian Population According to Anthropology Data **452**

Pererva, E. V. Trepanation in the Sarmatians of the Lower Volga Region (Revisiting its Causes and Origins) **465**

Rudych, T. O. Late Scythians: the Formation of the Population According to the Anthropological Material **476**

Schultze, E., Lyubichev, M. V., Kozak, A. D. Children's Grave at the Cemetery of the Chernyakhiv Culture Voytenki **489**

DISCUSSIONS

Olgovskii, S. Ya. Wandering Casters in the Northern Pontic Region **503**

Raev, B. A. Horse Frontlets from Novolabinsky Grave 71 and Kurgans Near the Village of Glinoe as an Indicator of Contacts Between the Lower Dniestr Region and the Kuban Region **510**

HISTORY OF SCIENCE

Karavaiko, D. V. History of Investigations of Shyriaieve Hillfort of the Scythian Time **524**

ВСТУПНЕ СЛОВО

Пропонований увазі читача номер журналу «Археологія і давня історія України» не зовсім звичний по суті. Він присвячений ювілеям двох знаних спеціалістів в області археології раннього залізного віку: 100-річчю з дня народження Варвари Андріївни Іллінської, видатного дослідника Скіфії, і 70-річчю Олександра Володимировича Симоненка, відомого фахівця-сарматолога, безперечно, лідера сарматології в Україні, до сфери інтересів якого входить і вивчення пізньоскіфської культури Північного Причорномор'я.

Обидва вчені, археологи, мають безпосереднє відношення до Відділу археології раннього залізного віку нашого Інституту.

Варвара Андріївна працювала в цьому науковому підрозділі впродовж усього свого наукового життя, з 1945 по 1979 р., тобто 34 роки, пройшовши шлях від аспіранта Відділу до доктора наук, старшого наукового співробітника.

Із Відділом археології раннього залізного віку пов'язана і вся наукова доля Олександра Володимировича, стаж якого в цьому науковому підрозділі налічує майже півстоліття, а науковий ріст — більш ніж яскравий і показовий: від молодшого (1972) до доктора наук, провідного наукового співробітника Відділу.

При цьому, якщо основні наукові інтереси В. А. Іллінської знаходились в області класичної скіфської археології (VII—IV/III ст. до н. е.), то сфера першочергових занять О. В. Симоненка — наступний етап археології раннього залізного віку — сарматсько-пізньоскіфський (III ст. до н. е. — III ст. н. е.). Іншими словами, він своєю науковою діяльністю підхоплює й продовжує ініціативу у вивчення історії раннього залізного віку Північного Причорномор'я.

Наукові праці обох дослідників практично охоплюють весь ранній залізний вік Північного Причорномор'я.

Статті за тематикою наукових штудій В. А. Іллінської та О. В. Симоненка, співвідносяться з великим колом інтересів, притаманних цим дослідникам.

У першому випадку — це лісостепові й степові старожитності, поселенські й поховальні, доскіфського й скіфського часу, різні категорії матеріальної культури, питання скіфського мистецтва.

У другому — широке коло питань сарматської і пізньоскіфської культур не тільки Східної Європи, а і Євразії в цілому. Особливу увагу приділено військовій справі сарматського часу, жіночим похованням зі зброєю, мистецтву сарматського звіриного стилю.

Важливо, що в колі ювілейних статей присутні роботи антропологів, присвячені вивченню фізичного вигляду населення раннього залізного віку лісостеповій та степовій територій України.

Статті написані відомими фахівцями, що представляють різні — і не тільки вітчизняні — наукові центри. Сказане особливо стосується блоку сарматсько-пізньоскіфського періоду. Тут, крім фахівців з України, представлені роботи вчених Росії, Румунії, Угорщини.

Випуск розпочинається зі статей на честь ювілярів, в яких подані не тільки біографічні дані дослідників, а й цілком об'єктивно і детально представлено їхній вагомий внесок в археологію раннього залізного віку Східної Європи.

Усе сказане вище дозволяє вважати цей номер журналу «Археологія и давня історія України» яскравим, важливим і необхідним для археологічної науки виданням!

Редакція

УДК 929:902

С. А. Скорий

ДО 100-річчя ВІД ДНЯ НАРОЖДЕНИЯ ВАРВАРИ АНДРІЇВНИ ІЛЛІНСЬКОЇ

Можна з цілковитою впевненістю стверджувати, що в колі фахівців, які вивчають старожитності скіфського часу Євразії, навряд чи знайдеться хтось, не знайомий з роботами Варвари Андріївни Іллінської або принаймні кому не траплялося це ім'я на сторінках наукової літератури. На жаль, сталося так, що з часом, ім'я цієї жінки, яка пішла від нас дуже рано, більше 40 років тому, опинилося певною мірою в тіні імені її чоловіка, видатного археолога XX ст. Олексія Івановича Тереножкіна. Тому зараз, напередодні 100-річного ювілею, прийшла пора ще раз віддати належне пам'яті визначного ученого-скіфолога і яскравій особистості, якою була В. А. Іллінська.

Отож, біографія ученого у світлі відомих раніше й з'ясованих нещодавно фактів [1].

Народилася В. А. Іллінська 19 вересня 1920 р. в м. Іжевськ Удмурдської АССР, у сім'ї інтелігенції. Її мати — Варвара Володимирівна — учитель, викладач іноземних мов, зокрема англійської. Батько — військово-морський офіцер, інженер, Андрій Миколайович Іллінський. Він був особою неординарною і романтичною. У 1920-х рр. як механік двигунів брав участь у поході російських кораблів («Таймир» і «Вагач») по Північно-Морському шляху, дрейфував у льодах. Підірвавши здоров'я в умовах півночі, помер на початку 1930-х рр. [2] Коли згодом, у 1945 р., Варвара Іллінська зустрілася з відомим московським скіфологом Борисом Миколайовичем Граковим, професор, що любив приголомшити співрозмовника, заявив їй:

Учениця Варвара Іллінська (1930-і рр., НА ІА НАН України)

1. В основу цієї статті певною мірою покладено текст, написаний до 90-річчя з дня народження В. А. Іллінської (Скорий 2010; Скорый 2011). При підготовці статті використані не лише усі нечисленні опубліковані джерела, що стосуються біографії В. А. Іллінської, але і матеріали архіву Інституту археології НАН України, Центрального наукового архіву НАН України, особистого архіву сина В. А. Іллінської і О. І. Тереножкіна — художника-кераміста А. О. Ильинского. Крім того, залучені спогади співробітників ІА НАН України, добре знаючих В. А. Іллінську — Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессонової, Ю. В. Болтрика, К. П. Бунятян, Н. А. Гаврилюк, В. М. Корпусової.

2. Дані з особистого архіву А. О. Іллінського.

© С. А. СКОРИЙ, 2020

Фото до студентського квитка ЛДУ (архів А. О. Іллінського)

«*А знаєте, я ж знайомий з Вами ще до Вашого народження*». І розповів історію про те, як наприкінці літа (?) 1920 р. в поїзді його попутниками виявилися морський офіцер Андрій Іллінський і його молода дружина, яка була на останніх термінах вагітності. Поїзди тоді ходили повільно, довго стояли, тому дорожні розмови і знайомства запам'яталися. Зіставивши дати, Б. М. Граков легко вирахував, що це були батьки Варвари Андріївни [1].

У 1927 р. Варвара Іллінська вступила в Іжевську школу-десятирічку, але отримала атестат про середню освіту в 1937 р. уже в Україні, у м. Черкаси, куди сім'я переїхала після смерті батька. Там мати Варвари Андріївни працювала викладачем іноземних мов [2].

У 1937 р. випускниця Черкаської школи стала студенткою археологічного відділення історичного факультету Ленінградського державного університету. Мабуть, вибір майбутньої професії був зовсім не випадковим.

На жаль, у нас немає жодних відомостей про студентські роки В. А. Іллінської. У нашому розпорядженні лише деякі сторінки її особистого життя — щасливі, але більш трагічні події початку 1940-х рр.

У січні 1940 р. Варвара Іллінська познайомилася із студентом біологічного факультету ЛДУ 27-річним Леонідом Чернего. Почуття між молодими людьми було обопільне й глибоке. Невдовзі вони одружилися. 19 листопада 1940 р. у студентській сім'ї сталася щаслива подія — народився син Марк [3].

Як і багатьом радянським людям, розпочата війна зруйнувала плани молодої сім'ї на майбутнє. В. А. Іллінська у вересні 1941 р. завершила навчання в університеті прискореним випуском, отримавши кваліфікацію історика-археолога. Її чоловік, Л. Чернего, через 2 тижні після початку війни закінчив кулеметне училище і 4 липня 1941 р. став бійцем Армії народного ополчення. В. А. Іллінська залишилася сама з маленьким дитям, у місті, якому призначено було пережити одну з найстрашніших епопей війни, — ленінградську блокаду. На початку 1942 р. на ґрунті голоду, загального виснаження важко захворів Марк. У лютому, у віці трохи більше року, він помер. Про цей трагічній факт з життя В. А. Іллінської нещодавно написала в мемуарах О. М. Мельниківська, яка також пережила блокаду (2007, с. 34). Згодом, у квітні (?) 1942 р., загинув чоловік В. А. Іллінської — Леонід Никифорович Чернего.

В. А. Іллінська (фото кінця 1940-х рр., архів Н. О. Гаврилюк)

Після цих трагічних подій В. А. Іллінська у грудні 1943 р. переїхала до України, працювала в органах державної влади, зайнятою відновленням Києва після його звільнення від окупації, а 15 січня 1945 р., вона написала заяву на ім'я в. о. директора Інституту археології АН України член-кореспондента Л. М. Славіна з проханням допустити її до складання іспитів в аспірантуру Інституту. При цьому вона підкреслювала таке: «*Війна перервала моє навчання і роботу за фахом. Проте я гаряче прагну продовжити навчатися, а потім працювати в галузі археології, спеціалізуючись на скіфо-сарматському періоді*» [4]. Таким чином, наукові інтереси були сформульовані чітко й однозначно.

Із 1 червня 1945 р. В. А. Іллінська була прийнята тимчасово (строком на 2,5 місяці) на ро-

1. Розповідь В. А. Іллінської в спогадах С. С. Бессонової.
2. Інформація А. О. Іллінського.
3. Тут і далі — свідчення із особистого архіву А. О. Іллінського.
4. Із заяви в особистій справі (НА ІА НАН України, 50/1979).

боту в Інститут археології АН УРСР на посаду молодшого наукового співробітника у Відділ археології скіфо-сарматських племен і грецьких міст, а в жовтні, успішно склавши іспити, була зарахована до аспірантури Інституту. Тема дисертації їй була затверджена така: «Пам'ятники скіфського часу Посулля». Керівником В. А. Іллінської став відомий ленінградський учений, професор М. І. Артамонов.

Проте варто зауважити, що ще до вступу в аспірантуру з самого початку роботи в Інституті археології, В. А. Іллінська активно долучилася до польових археологічних досліджень. З середини липня 1945 р., вона поїхала на 2,5 місяці в Нікопольську експедицію, створену Інститутом археології АН УРСР, Інститутом історії матеріальної культури, Московським музеєм образотворчих мистецтв, Московським і Київським університетами [1]. Керував експедицією вже згаданий відомий московський скіфолог, професор Б. М. Граков. Експедиція здійснювала розкопки Кам'янського городища, скіфських курганів поблизу Нікополя, обстеження багатьох пам'яток скіфського часу на території між Нікополем і Запоріжжям. У цій експедиції працювали співробітник відділу Є. Ф. Покровська і молоді московські археологи Г. І. Мелюкова та І. В. Яценко, які з плином часу стали відомими фахівцями в галузі скіфознавства. Згодом В. А. Іллінську з ними зв'яже багаторічна дружба.

В аспірантські роки В. А. Іллінська проявила себе не просто «здібним і швидко зростаючим молодим дослідником» [2], як сказано в архівних документах, але й активним археологом-польовиком. Із 1946 р. вона вже самостійно керувала польовими роботами щодо вивчення пам'яток скіфського часу Лівобережжя — у басейні р. Сула, тобто на території, старожитності якої були основним об'єктом її дисертаційного дослідження. Спочатку (1946 р.) вона була начальником Верхньосульського загону Посульської експедиції [3], а в 1947—48 рр. — начальником Посульської експедиції. Під час численних розвідок нею були обстежені великі кургани Посулля, відкориговані зняті раніше плани декількох курганних могильників, оглянуто значну кількість городищ, зокрема Глинське, Свиридівське, Сухоносівське, Хатцівське. На багатьох з них був виявлений матеріал скіфського часу. У 1947 р. було розпочато розкопки Басівського городища скіфського часу. Дані цих досліджень лягли в основу перших наукових статей В. А. Іллінської (1949; 1952).

Варвара Іллінська і Олексій Тереножкін (Київ, 1948 р., архів А. О. Іллінського)

У жовтні 1948 р. В. А. Іллінська закінчила аспірантуру, представивши дисертацію, і була прийнята на посаду молодшого наукового співробітника у Відділ скіфо-сарматських племен і грецьких міст. У червні 1949 р. у Ленінградському відділенні ІІМК нею успішно була захищена кандидатська дисертація [4].

Але ще до закінчення аспірантури в житті Варвари Іллінської сталося найважливіше, можна сказати — знакова подія. Її діяльна натура прагнула до нових горизонтів, і навесні 1948 р. вона скористалася можливістю поїхати в експедицію до Узбекистану і опинилася на розкопках Самарканду. Саме там 17 березня 1948 р. відбулося знайомство молодої української аспірантки й вже досить відомого археолога, енергійного дослідника середньоазіатської старовини і древнього Самарканду, колишнього фронтовика, Олексія Івановича Тереножкіна (Из жизни… 2006, с. 59). Не виключено, що у Варвари Іллінської міг бути рекомендаційний лист до О. І. Тереножкіна, написаний Б. М. Граковим. Річ у тому, що Б. М. Граков, у Нікопольській експедиції якого Варвара Іллінська працювала впродовж літнього польового сезону 1945 р. (про що вже йшлося раніше), і О. І. Тереножкін були добре знайомі: по Москві, де Олексій Іванович мешкав, навчався і працював в 1928-1938 рр., участі в археологічних дослідженнях під керівництвом Б. М. Гракова в 1933 р. в Приуралліі (Скорий 2007, с. 3, 4) і в Нижньому Подніпров'ї в 1938 р. (Кривцова-Гракова 1961, с. 5). До моменту їхньої зустрічі за спиною О. І. Тереножкіна були не лише відкриття прекрасних середньоазіатських старожитностей, але й обпалені війною роки, зага-

1. Документи про роботу археологічної експедиції на території Нікопольського і Чкаловського р-нів Дніпропетровської обл., Каменського, Іванівського, Білозерського р-нів Запоріжської області. Центральний науковий архів НАН України, оп. 1, д. 24, арк. 16, 24.
2. Із характеристики, написаної в 1948 р. Л. М. Славіним. Особиста справа В. А. Іллінської. НА ІА НАН України, спр. 50/1979.
3. Із характеристики, написанної в 1948 р. Л. М. Славіним. Особиста справа В. А. Іллінської. НА ІА НАН України, спр. 50/1979.
4. Автореферат дисертації надрукований в журналі «Археологія» (Іллінська 1950, с. 184—191).

З чоловіком і сином Андрієм (Київ, листопад 1952 р., архів А. О. Іллінського)

лом не дуже влаштоване особисте життя, двоє дітей від першого шлюбу.

Але, ймовірно, саме провидіння звело цих двох талановитих людей, у долі яких було вже досить гіркоти і втрат. Варвара Андріївна Іллінська стала найбільшим коханням у житті О. І. Тереножкіна, дружиною і вірним соратником. Їй вдалося переконати Олексія Івановича зайнятися українською археологією. У грудні 1948 р. О. І. Тереножкін переїхав у Київ.

Незабаром після захисту кандидатської дисертації, у липні 1949 р., у сім'ї О. І. Тереножкіна і В. А. Іллінської народився син Андрій.

Життя налагоджувалося, зарубцьовувалися рани, нанесені війною. У Варвари Андріївни були улюблені робота, чоловік. Вона знову пізнала щастя материнства.

Після захисту кандидатської дисертації старожитності скіфської епохи Дніпровського Лівобережжя, як і раніше, залишаються у сфері наукових інтересів В. А. Іллінської, але значно розширюється їх територіальне охоплення, поширюючись уже на весь Лівобережний Лісостеп. У ці роки дослідниця не лише публікує результати своїх розвідок і розкопок, але й вводить у науку, творчо осмислюючи, матеріали досліджень ряду дореволюційних археологів у Дніпровському Лівобережжі (Іллінська 1951a; 1951b; 1954a; 1954b). Практично одночасно робляться спроби з'ясування генетичної основи для старожитностей скіфського періоду в цьому регіоні, що було пов'язано з вивченням пам'яток доби пізньої бронзи (Ильинская 1957; 1959). Зрештою, пізніше, це привело до виділення нової культури епохи пізньої бронзи — бондарихінської (Ильинская 1959; 1961), що дозволило їй виділити проблему генези юхнівської культури раннього залізного віку (Іллінська 1969). Нею критично розглядаються концепції про походження культур раннього залізного віку в Лівобережному Лісостепу (Іллінська 1950) і дається власне бачення цієї проблеми (Іллінська 1957b), пропонується вирішення окремих дискусійних питань етнічної географії Скіфії — співвіднесення старожитностей скіфської доби окремих регіонів Лісостепу з нескіфськими племенами Геродота, зокрема скіфами-орачами і будинами (Іллінська 1951b); до цієї проблеми вона звертатиметься й пізніше (Іллінська 1970). Загалом, у цей час відбувалося інтенсивне нарощування нею знань з археології раннього залізного віку, насамперед лісостепового регіону, що зрештою привело до цілком обґрунтованого вибору теми майбутньої докторської дисертації. З 1956 р. В. А. Іллінська почала працювати над перехідною темою «Скіфський період у Лівобережному Лісостепі», яка зрештою оформилася в дисертаційне дослідження «Скіфський період у Дніпровському Лісостеповому Лівобережжі», блискуче захищене нею в Москві в Інституті археології АН СРСР у травні 1971 р. [1] Захисту дисертації передувала публікація узагальнюючої монографії В. А. Іллінської «Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)», що неабиякою мірою закумулювала знання дослідниці з вказаної проблеми й принесла їй широку популярність (Ильинская 1968).

Однак до цієї тріумфальної події в житті ученого, до якої В. А. Іллінська йшла впродовж 15 років, в її науковому житті було ще багато важливих віх, у тому числі участь у підготовці фахівцями Інституту археології АН УРСР узагальнюючих праць з археології і давньої історії України. Першою такою працею стали «Нариси стародавньої історії УРСР» (Київ, 1957). Ідея написання фундаментальної роботи за підсумками вивчення давньої історії і археології Української РСР з'явилася в Інституті ще наприкінці 1940-х рр., проте досвіду створення подібних праць в українських археологів не було. Тому робота просувалася повільно. О. І. Тереножкін, який став на чолі Відділу в 1949 р., докладав чимало старань для концентрації зусиль співробітників, які працювали над розділами цієї роботи. У статтях, присвячених історії Відділу скіфо-сарматської археології (нині — археології раннього залізного віку) вже приділена увага цьому періоду (Скорий 2005, с. 4, 5; Скорий 2005, с. 252, 253). В. А. Іллінська стала одним з найбільш активних і продуктивних авторів вказаної колективної праці Інституту. З 1953 по 1956 рр. вона написала ряд розділів з історії і культури скіфів, а саме: скіфи-кочівники, племена Лівобережного Лісостепу, суспільний устрій скіфів, скіфське царство в Криму і на Нижньому Дніпрі. Зрозуміло, що написання таких розділів вимагало хорошого знання проблематики, що виходить далеко за межі Лісостепової Скіфії.

1. Автореферат дисертації: Ильинская 1971.

Поблизу Суботівського городища: зліва направо — Н. Г. Єлагина, О. І. Тереножкін, В. А. Іллінська, Б. М. Граков (фото 1950-х рр., архів В. Г. Петренко)

Під час роботи над «Нарисами стародавньої історії УРСР» В. А. Іллінська набула необхідний досвід і значно розширила горизонти знань, що зіграло надзвичайно важливу позитивну роль у її участі в створенні в 1960-і рр. наступної, фундаментальної тритомної праці — «Археології Української РСР». Основний розділ другого тому «Скіфський період» написали В. А. Іллінська й О. І. Тереножкін (Іллінська, Тереножкін 1971). Пізніше ця праця була видана російською мовою.

Наприкінці 1960-х рр. В. А. Іллінська по праву увійшла до числа найбільш выдомих, визнаних дослідників Скіфії. Це збіглося і з кар'єрним зростанням ученого: у березні 1960 р. В. А. Іллінській було присуджено вчене звання «старший науковий співробітник», а в жовтні вона була переведена на посаду старшого наукового співробітника Відділу скіфо-античної археології (з 1968 р. — Відділу археології раннього залізного віку). Спектр наукових інтересів у неї широкий і різноманітний. Серед них — поглиблена розробка різноманітних категорій матеріальної культури скіфів (Ильинская 1961b; 1961c; 1961d; 1966; 1973a; 1973b), вивчення тих чи інших аспектів образотворчого мистецтва скіфів, зокрема такого яскравого і цікавого явища, яким був скіфський звіриний стиль (Іллінська 1965b; 1971b; 1972; 1976). Варвара Андріївна була блискучим знавцем скіфської матеріальної культури. Згадується, як свого часу, О. І. Тереножкін говорив мені (його аспіранту в 1980—81 рр.) із цього приводу буквально наступне: «*Покажіть Варварі Андріївні будь-яку скіфську річ, і вона миттєво Вам наведе аналогії*»!

Працюючи в цей період над питаннями, яким вона присвятила роки свого наукового життя, — походженням і етнічними зв'язками племен скіфського часу Дніпровського Лісостепового Лівобережжя, вона прийшла до ряду найважливіших висновків, зокрема про прийшлий характер населення Посульско-Донецького регіону, яке, судячи з характеру матеріальної культури й особливостей похоронного ритуалу відноситься до іранського етносу, що просунувся з півдня, на відміну від племен басейну Ворскли, генезис яких був пов'язаний з племенами Дніпровського Правобережжя. Ці найважливіші положення були відображені в згаданій докторській дисертації, монографії, присвяченій скіфському періоду в Дніпровському Лісостеповому Правобережжі (1968), у розділі «Скіфський період» другого тому «Археології Української РСР», ряді подальших робіт. На початку 1970-х рр. у сферу наукових інтересів В. А. Іллінської потрапляє пласт архаїчних поховальних пам'яток, що концентруються в південній частині Правобережного Лісостепу — басейні р. Тясмин. Їх вивчення мало принципове значення для розуміння багатьох процесів, що мали місце в Лісостепу Східної Європи на зорі скіфської історії. Як і у випадку з курганами Посулля, джерелом були матеріали розкопок дореволюційних археологів, тому робота з ними вимагала неабиякої ретельності. Особлива увага при вивченні пам'яток була приділена їхній хронології (Ильинская 1973c). Результа-

Б. М. Мозолевський., В. І. Бідзіля, О. І. Тереножкін і В. А. Іллінська на Гайманової Могилі, 1969 р.

том досліджень декількох років стала солідна монографія (Ильинская 1975). Напружену кабінетну роботу В. А. Іллінська поєднувала з активною польовою діяльністю. Доречно зауважити, активна польова робота була характерна для неї впродовж практично всього її життя в науці. Свідчення цього — в одній з останніх, написаних нею автобіографій (12.11.1973 р.), де йдеться про 40 експедицій, в яких вона брала участь. В. А. Іллінська прекрасно, «наживо» знала багато пам'яток всього ареалу скіфської культури Північного Причорномор'я і за даними численних розвідок, і за розкопками, здійсненими нею безпосередньо або за її участі. Окрім робіт на Лівобережжі (Басівське городище в Посуллі: Іллінська 1962; 1965с; Книшівське городище в басейні Псла: Іллінська 1957с), вона, спільно з О. І. Тереножкіним та іншими колегами з Відділу, брала участь у розкопках в Дніпровському Лісостеповому Правобережжі (поселення в с. Жаботин, кургани у с. Матусів; Тереножкин, Илинская 1972; Ильинская, Мололевский, Тереножкин 1980). Чималий вклад вона також зробила у вивчення курганів північнопричорноморського Степу (Вязьмитина и др. 1960; Тереножкин и др. 1973; Ильинская, Мололевский, Тереножкн 1980), а також Лівобережного Терасового Лісостепу, який є степовим коридором в глибини лісостепової території (Іллінська 1966).

Треба також зауважити, що В. А. Іллінська на початку 1960-х рр. одна з перших у Відділі скіфо-сарматської археології усвідомила той факт, що для успішного дослідження історії Скіфії необхідно відновити розкопки курганів скіфської еліти, висловивши цю тезу на одному із засідань Відділу (Скорий 2005a, с. 8; 2005b, с. 256).

Остання експедиція, в якій брала участь В. А. Іллінська, спільно з О. І. Тереножкіним і Б. М. Мозолевським, відбулася в 1974 р. на Черкащині. Дослідження курганів поблизу с. Матусів, у тому числі Реп'яхуватої і Захарейкової Могил, дало блискучі результати (Ильинская, Мололевский, Тереножкн 1980).

Проте з початку 1970-х рр. у В. А. Іллінської, яка до цього відрізнялася «залізним» здоров'ям, різко здало серце, підірване в роки війни. У 1974 р. стався інсульт.

І в ці нелегкі для неї роки В. А. Іллінська разом з О. І. Тереножкіним почала написання фундаментального дослідження, яке підводить підсумки вивчення Скіфії декількома поколіннями фахівців, дослідження, в якому б були відбиті сучасні уявлення про скіфську історію і культуру. Без перебільшення можна сказати, що ця робота була її заповітною мрією (Памяті… 1981, с. 317). У ці роки, влітку, О. І. Тереножкін разом з нею винаймали пів будинку в дачній місцевості Коржі, на схід від Фастова, серед соснових лісів. Тут їй працювалося особливо добре [1]. Варвара Андріївна намагалася більше ходити, проводити час на свіжому повітрі, щоб відновити здоров'я. У першій половині 1979 р. робота над рукописом «Великої Скіфії» (а так спочатку називалася монографія) була завершена. На жаль, ні їй, ні О. І. Тереножкіну побачити виданою книгу «Скифия VII—IV вв. до

1. Зі спогадів С. С. Бессонової.

н. э.» (Київ, 1983) — не вдалося. Пізніше цю фундаментальну монографію по праву назвуть «енциклопедією сучасного скіфознавства» (Яковенко 1987, с. 7), і вона стане настільною книгою для всіх фахівців, які працюють в галузі археології раннього залізного віку.

Однією з мажорних і важливих подій останніх років життя В. А. Іллінської стало присудження їй серед інших авторів, що написали тритомну «Археологію Української РСР», високого звання лауреата Державної премії України (1977).

Незважаючи на здоров'я, що погіршилося, В. А. Іллінська намагалася як і раніше активно займатися наукою й суспільними обов'язками (вона була членом Вченої ради Інституту, Польового комітету, наставником молодих учених).

Померла В. А.Іллінська 11 грудня 1979 р. у Києві, в Республіканській лікарні вчених, у віці 59 років від серцевої недостатності [1].

Не дуже хочеться закінчувати цю ювілейну статтю на сумній ноті. А тому наведу кілька штрихів до образу В. А. Іллінської зі спогадів людей, що тісно спілкувалися з нею впродовж певного проміжку часу. Адже вона була не лише одним з провідних скіфологів, але й вельми яскравою, цікавою особистістю. На думку колег, Варвара Андріївна справляла враження людини строгої, часто безкомпромісної. Доречно зауважити, з першого моменту знайомства з нею, восени 1979 р., вона здалася мені саме такою. Але ця зовнішня суворість у неї дивно поєднувалася з надзвичайною емоційністю і майже молодим завзяттям. «*Її завжди переповнювали всілякі ідеї зі всіх гуманітарних галузей — від кінематографа… до археології. Вона ними захоплювалася і дуже пишалася, очі сяяли*» [2]. Любила і знала літературу, особливо поезію. Надавала перевагу поетам срібного віку, зокрема, А. Ахматовій. Проте з повагою ставилася, наприклад, і до віршів В. Маяковського, не зрідка із задоволенням цитуючи ті або інші його рядки, про що мені свого часу розповів Б. М. Мозолевський. Робила спроби сама писати прозу, сценарії фантастичних фільмів, для «власного вживання». Очі перед «оприлюдненням» таких творів хитро блищали, а читання супроводжувалося ремарками: «*Правда, чудово! Похвали мене!*» [3].

З «офіційних» учнів у неї був лише аспірант В. Ю. Мурзін. Проте теми кандидатських дисертацій, частенько вельми складні, ряду відомих нині спеціалістів-скіфологів (наприклад, С. С. Бессоновій, Н. О. Гаврилюк, які були аспірантами О. І. Тереножкіна) пропонувала саме вона. При цьому «Варвара Андріївна дотримувалася погляду — лише людина, що «влізла в аспірантський піджачок», здатна «провернути» ту роботу, на яку потім не наважиться» [4]. Сама В. А. Іллінська відрізнялася винятковою працездатністю і організованістю, строго дотримувалася вдома робочого графіка.

Квартира О. І. Тереножкіна — В. А. Іллінської завжди була відкрита для колег, у тому числі — зарубіжних. Варвара Андріївна була дуже гостинна, ніколи й нікого не відпускала зі свого будинку, не погодувавши чим-небудь смачним і ґрунтовним. Як приклад, можна навести такий епізод: «*Пам'ятаю прихід до шефів Е. А. Симоновича — красивого, з сивою гривою волосся і з величезним букетом білих хризантем: "Варя, голодний — нічого не їв — знав — все одно годуватимеш!"*» [5].

Строгість відносно Олексія Івановича поєднувалася в неї майже з материнською турботою про нього. «*Дуже зворушливо було спостерігати її ставлення до чоловіка, як вона милувалася ним, купивши йому обновку ("правда ж, Олексій такий красивий?")*») [6].

Їй подобалося все живе, не визнавала зрізаних квітів. І людей Варвара Андріївна Іллінська любила «сонячних», за її висловом, тобто тих, що зігрівають інших. Саме такою людиною була вона сама, залишивши яскравий слід про себе в нашій вдячній пам'яті!

1. Пізніше О. І. Тереножкін говорив мені, що ВарваруАндріївну «згубила Велика Скіфія», маючи на увазі її украй напружену роботу над книгою. Згодом, думаю, що в сказаному є резон. Мабуть, їй подібні навантаження були вже протипоказані.
2. Зі спогадів Н. О. Гаврилюк.
3. Зі спогадів Є. П. Бунятян.
4. Зі спогадів С. С. Бессонової.
5. Зі спогадів Н. О. Гаврилюк.
6. Зі спогадів В. М. Корпусової.

ЛІТЕРАТУРА

Вязьмітіна, М. І., Іллінська, В. А., Покровська, Є. Ф., Тереножкін, О. І., Ковпаненко, Г. Т. 1960. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». *Археологічні пам'ятки УРСР*, 8, с. 22-135.

Из жизни… 2006. *Из жизни Алексея Тереножкина. Написано его рукой, собрано его сыном*. Киев: ИА НАН Украины.

Іллінська, В. А. 1949. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі. *Археологічні пам'ятки УРСР*, II, с. 139-148.

Ильинская, В. А. 1950. По поводу так называемой зольничной культуры. *Краткие сообщения ИИМК*, XXXIV, с. 142-146.

Іллінська, В. А. 1951a. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. *Археологія*, V, с. 196-212.

Ильинская, В. А. 1951b. О скифах-пахарях и будинах Геродота. *Краткие сообщения ИИМК*, 40, с. 28-33.

Іллінська, В. А. 1952. Верхньосульська експедиція 1947 р. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IV, с. 34-42.

Ильинская, В. А. 1954a. Курганы скифского времени в басейне реки Сулы (раскопки И. А. Линниченко). *Краткие сообщения ИИМК*, 54, с. 24-41.

Ильинская, В. А. 1954b. Из неопубликованных материалов скифского времени памятников на Посулье. *Краткие сообщения ИИМК*, 3, с. 66-70.

Ильинская, В. А. 1955. О происхождении культур раннего железного века в Лесостепном Левобережье. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*, 4, с. 106-108.

Іллінська, В. А. 1957a. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу. *Археологія*, X, с. 50-64.

Ильинская, В. А. 1957b. О происхождении культур раннего железного века на левобережье Среднего Днепра. *Краткие сообщения ИИМК*, 70, с. 14-27.

Ильинская, В.А 1957c. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. *Советская археология*, XXVII, с. 232-249.

Ильинская, В. А. 1959. Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскол. *Краткие сообщения ИА АН УССР*, 8, с. 80-84.

Іллінська, В. А. 1961a. Скіфські сокири. *Археологія*, XII, с. 27-52.

Ильинская, В. А. 1961b. Бондарихинская культура бронзового века. *Советская археология*, 1, с. 26-45.

Іллінська, В. А. 1961c. Скіфська вузда VI ст. до н. е. (за матеріалами Посулля). *Археологія*, XIII, с. 38-61.

Іллінська, В. А. 1961d. Про скіфські навершники. *Археологія*, XV, с. 33-60.

Ильинская, В. А. 1962. Позднескифский слой Басовского городища. *Краткие сообщения ИА АН УССР*, 11, с. 59-63.

Ильинская, В. А. 1965a. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. В: Крупнов, Е. И. (ред.). *Новое в советской археологии*. Москва: Наука, с. 206-210.

Ильинская, В. А. 1965b. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. *Советская археология*, 1, с. 86-107.

Іллінська, В. А. 1965c. Басівське городище. *Археологія*, XVIII, с. 48-76.

Ильинская, В. А. 1966. Скифские курганы у г. Борисполя. *Советская археология*, 3, с. 152-171.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1969. Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры. *Советская археология*, 2, с. 85-102.

Іллінська, В. А. 1970. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? *Археологія*, XXIII, с. 23-39.

Ильинская, В. А. 1971a. *Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье*. Автореферат диссертации д. и. н. Москва.

Ильинская, В. А. 1971b. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. *Советская археология*, 2, с. 64-85.

Ильинская, В. А. 1972. Образ коня и быка в раннескифском искусстве. *Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии*. Москва, с. 41-44.

Ильинская, В. А. 1973a. Скифская узда IV в. до н. э. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 42-63.

Іллінська, В. А. 1973b. Бронзові наконечники так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія*, 12, с. 13-26.

Ильинская, В. А. 1973c. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р. Тясмин. *Советская археология*, 3, с. 3-23.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1976. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 9-29.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-64.

Іллінська, В. А., Тереножкін, О. І. 1957. Племена скіфського періоду. В: Бібіков, С. М. (ред.). *Нариси стародавньої історії УРСР*. Київ: АН УРСР, с. 109-214.

Іллінська, В. А., Тереножкін, О. І. 1971. Скіфський період, В: Бібіков, С. М. (ред.). *Археологія Української РСР*, 2. Київ: Наукова думка, с. 8-180.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Кравцова-Гракова, О.А. 1962. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 115, с. 5-55.

Мельниковская, О.Н. 2007. *Судьба моя — счастливица*. Москва.

Памяти… 1981. Памяти Варвары Андреевны Ильинской. *Советская археология*, 2, с. 317.

Скорий, С. А. 2005. Відділ скіфо-сарматської археології: історія, підсумки, перспективи. *Археологія*, 1, с. 3-15.

Скорый, С. А. 2005. 60 лет Отделу скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины: история, итоги, перспективы. *Археологические вести*, 12, с. 251-261.

Скорий, С. А. 2007. Олексій Іванович Тереножкін — видатний археолог XX ст. (до 100-річчя від дня народження*). Археологія*, 4, с. 3-10.

Скорий, С. А. 2010. «Гаряче бажаю продовжити навчання…, спеціалізуючись у скіфо-сарматському періоді» (до 90-річчя від дня народження В. А. Іллінської). *Археологія*, 3, с. 142-149.

Скорый, С. А. 2011. Горячо желаю продолжить обучение…, специализируясь по скифо-сарматскому периоду» (к 90-летию со дня рождения В. А. Ильинской). *Археологические вести*, 17, с. 366-374.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А. 1972. *Отчет о раскопках поселення на Тарасовой Горе и Субботовском городище*. НА ИА НАН Украины, ф. 64, 1972/15.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Черненко, Е. В., Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 113-186.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н. 1977. Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, с. 152-199.

Яковенко, Э. В. 1987. Энциклопедия современного скифоведения. В: *Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина*, 1. Кіровоград, с. 7-9.

УДК 929:902

А. М. Хазанов

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ А. В. СИМОНЕНКО — ПОЗДРАВЛЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ

Я признателен украинским коллегам, предложившим мне поздравить А. В. Симоненко с его юбилеем. Признателен, несмотря на то, что для меня публичные поздравления коллег являются скорее исключением, чем правилом. Поэтому я хочу начать с объяснения их причин. С А. В. Симоненко меня связывает многолетняя дружба, хотя он упорно продолжает величать меня по имени-отчеству, от чего я, признаться, уже давно отвык. Я очень ценю в нем его сильный характер, верность друзьям и порядочность — качество, далеко не столь распространенное, как это иногда принято думать. И еще, он не переносит научные разногласия в личный план, что, увы, свойственно очень многим ученым во всем мире. И конечно, мне импонируют его либерально-демократические политические взгляды и его украинский патриотизм, лишенный какой-либо ксенофобии по отношению к другим народам. Но сейчас я пишу не об этом.

Вот уже значительно более трети своей неожиданно долгой жизни я живу на Западе, где официальные юбилеи не в чести. Обычно все ограничивается частными поздравлениями коллег и иногда банкетом, который устраивают юбиляру те, с кем он вместе работает.

Сборники статей в их честь становятся все более редким явлением. Издатели печатают их крайне неохотно, потому что они плохо раскупаются из-за разнородного содержания и различного качества статей.

В Советском Союзе академические юбилеи, как и все прочее, были строго регламентированы. Право на официальные юбилеи имело академическое начальство, академики и член-корреспонденты, причем последние далеко не всегда. Теперь маятник качнулся в противоположную сторону. Ученые областного масштаба, особенно, если они занимают административные посты, едва достигнув пятидесятилетнего возраста, спешат издать в свою честь юбилейные сборники. Тираж их весьма небольшой, но и качество соответствующее, равно как и число ученых, читающих подобные сборники. Смешно, конечно, но человеческое тщеславие подчас не знает границ. Если дело и дальше пойдет таким образом, я не удивлюсь, что скоро появятся сборники, отмечавшие сорокалетие псевдо-юбилеи. А почему бы и нет, если такой юбиляр занимает какие-либо административные посты?

Но есть и другие ученые, в такой дешевой саморекламе не нуждающиеся. У них достаточно развито чувство собственного достоинства, и главное — их научные публикации говорят о них лучше любых неискренних славословий. К числу последних относится и А. В. Симоненко. Я не хочу, чтобы меня обвинили в дружеской пристрастности. Но я помню мудрые слова Библии о том, что «нет пророка в отечестве своем» (в более точном и исторически более правильном переводе с иврита «нет пророка в его родном городе»). Поэтому я хочу объяснить моим украинским коллегам — хотя надеюсь, что они и сами об этом знают — почему я и многие другие ученые из разных стран считают, что А. В. Симоненко является сейчас лучшим в мире специалистом по сарматам. А ведь для того, чтобы заслужить такую репутацию, ему приходилось преодолевать препятствия, с которыми ученым из многих других стран не приходится сталкиваться.

Нравится это кому-либо или нет, но английский язык стал международным научным

© А. М. ХАЗАНОВ, 2020

языком, в тои числе и в гуманитарных и социальных науках — еще больше, чем во многих других областях человеческой деятельности. Те ученые из самых различных стран, которые хотят, чтобы их работы читало максимальное количество коллег, стремятся публиковать свои работы на английском языке. Даже французы вынуждены теперь следовать общему примеру. Более того, в самых различных странах, даже таких, как Китай, Япония и Иран (очевидно, с разрешения айятол) некоторые научные журналы издают на английском языке. Александр Владимирович находится в этом отношении в невыгодном положении. Большинство его работ опубликовано на русском и украинском языках. И, тем не менее, его международное признание неоспоримо. Об этом свидетельствует, в частности, то, что он был и остается желанным участником многих международных конференций в Германии, США, Дании и других странах. Об этом в еще большей степени свидетельствует то, что он был стипендиатом и резидентом очень престижных программ, таких, как Фулбрайт в Университете Пенсильвании, Институт фундаментальных исследований в Принстоне, Институт по исследованию древнего мира в Нью-Йорке и Институт археологических исследований им. Олбрайта в Иерусалиме. Все эти программы в высшей степени конкуренты. На каждое место имеется очень много претендентов. Но получал их именно А. В. Симоненко.

Я не хочу писать сейчас о полевой работе Александра Владимировича, хотя не могу не отметить, что в его возрасте многие археологи ее уже прекращают. Многие, но не он. Я не буду также обсуждать его конкретные статьи и монографии, потому что пишу сейчас не рецензию. Вместо этого я хочу остановиться немного на одной черте А. В. Симоненко как ученого, которая представляется мне очень привлекательной. Многие археологи ограничивается вещеведением, и ничего плохо в этом я не вижу. Вещеведение — это источниковедение археологии. Если есть историки-источниковеды, то почему бы не быть археологам-источниковедам? Это дело индивидуальных склонностей отдельных ученых.

Но А. В. Симоненко стремится быть не только археологом, но и историком. Он отлично знает археологический материал, но делает на его базе исторические и подчас весьма смелые выводы. Не скрою, не со всеми из них я согласен, некоторые подчас кажутся мне слишком смелыми или недостаточно обоснованными. Но это совершенно нормальное явление, наши науки — не математика. Мой незабвенный учитель Б. Н. Граков всегда учил меня думать самостоятельно, а не только полагаться на авторитеты. И, следуя его примеру, я всегда говорю своим ученикам, что если два ученых во всем согласны друг с другом, то одного из них надо уволить за ненадобностью.

А теперь о другом, но очень важном. Согласно очень распространенному и в целом верному мнению, в наших науках ученый достигает своего пика где-то к пятидесяти годам, плюс-минус несколько лет. К этому времени его мозг в какой-то мере костенеет, хуже воспринимает новое, ученому трудно пересматривать свои выводы и тем более отказываться от них и т. д., и т. п. Но в науке, как и в жизни, всегда есть исключения из общих правил. И таким исключением является А. В. Симоненко. Несмотря на свой уже весьма солидный возраст, у него много новых идей, замыслов и проектов.

Увы, иногда он бывает при этом чрезвычайно упрямым. Уже много лет я безуспешно убеждаю его написать историю седла, потому что я твердо уверен в том, что он — единственный ученый в мире, который способен это сделать. Но Александр Владимирович упорно отказывается от этого. Видите ли, в каких-то музеях хранятся какие-то материалы, которые он не видел in situ. Как будто кто-то может ознакомиться со всеми ста процентами любых источников.

Сейчас Александр Владимирович занят другим и очень важным проектом. Он хочет написать монографию о сарматах Украины. Но мне хотелось бы, чтобы он замахнулся на большее, и я надеюсь в этом на поддержку украинских коллег. Мне хотелось бы, чтобы он написал книгу о сарматах в целом. На эту тему написана только одна хорошая монография А. С. Скрипкина. Но о сарматах можно и надо написать много самых разных книг. И я уверен, что А. В. Симоненко напишет такую книгу совсем по-другому. Дай Бог, я еще доживу до публикации этой книги.

Вот и все, что мне хотелось бы написать. Наверно, если не помешает окаянный вирус, 24 августа состоится традиционный банкет. Жаль, что я не смогу на нем присутствовать и выпить пару рюмок за юбиляра и его жену, Елизавету Ивановну, которая всегда и во всем является ему надежной опорой. Придется сделать это заочно.

Пане Олександре, бажаю Вам многая літа і нових наукових здобутків!

Анатолий ХАЗАНОВ,
Заслуженный эмеритус профессор Университета Висконсин в Медисоне, Выдающийся гостевой профессор Еврейского Университета в Иерусалиме, иностранный член Британской Академии, член-корреспондент Института ЮНЕСКО по изучению цивилизаций кочевников, почетный член Общества по изучению Центральной Евразии и пр. и пр. и пр.

УДК 929:902

AVE 70!

«Між речами немає суттєвої різниці,
все швидко змінюється, все є тлін.
Навколо тебе життя руйнується, проте всередині
ти стаєш твердіший за алмаз.
Мабуть, саме ця міцна серцевина як магнітом
притягує до тебе інших».

Ґ. МІЛЛЕР

24 серпня цього року виповнилося 70 років нашому дорогому Вчителеві — Олександру Володимировичу Симоненку. Святкування відбулося в дружньому колі Пізньоскіфської археологічної експедиції (ПАЕ), яку ювіляр успішно очолює вже 10 років. Спостерігаючи, як він завзято пробирає катакомбу на південному сонці, ніколи не даси йому його років. Олександр Володимирович очолює і відновлену Херсонську археологічну експедицію (ХАЕ), в якій він провів свої юнацькі роки. Протягом десяти років під керівництвом Олександра Володимировича проведено розкопки пізньоскіфських пам'яток у Червоному Маяку, Львовому, Золотій Балці, Зміївці, Понятівці, розкопано та обстежено кургани в Каїрах, Садовому, Іванівці, Сергіївці. Олександр Володимирович — справжній «археолог-польовик», він добре бачить землю, має багатющий досвід розкопок найрізноманітніших археологічних пам'яток і володіє практичними навичками, яким можна навчитися, тільки працюючи в полі. Нам, його учням, дуже приємно, що Олександр Володимирович невтомний і активний дослідник, який не полишає польової діяльності.

Втім, польові дослідження, як би не любив їх Олександр Володимирович, не є головним у його роботі. Він завжди вчить нас, що археолог — не той, хто копає, а той, хто пише. О. В. Симоненко — доктор наук, провідний науковий співробітник відділу археології раннього залізного віку, усіма шанований сарматознавець, визнаний експерт, науковий доробок якого добре відомий фахівцям далеко за межами України. Олександр Володимирович кілька років досліджував сарматські пам'ятки в Угорщині разом з угорськими колегами, читав лекції у Колумбійському, Нью-Йоркському та Пенсильванському університетах, 1998 р. його було обрано членом-кореспондентом

24 серпня 2020 р. с. Червоний Маяк

Германського археологічного інституту. Серед його відкриттів — ідентифікація пам'яток роксолан, багаторічне дослідження теми ритуальних депозитів, які ще звуть «дивними комплексами», нова хронологія та періодизація сарматських пам'яток Північного Причорномор'я. О. В. Симоненко вважається одним з провідних у світі фахівців з сарматської мілітарії та римських ім-

Чигирин, конференція пам'яті О. І. Тереножкіна. Зліва направо: Я. П. Гершкович, Б. А. Раєв, О. В. Симоненко, В. П. Ніконоров, А. М. Хазанов, Б. П. Єгоров. 2007 р.

портів у варварських культурах степу. Нині він активно вивчає проблеми походження і розвитку пізньоскіфської культури, взаємовідносини пізніх скіфів і сарматів, готує до друку методичні рекомендації з розкопок курганів.

Олександр Володимирович не втратив допитливості й певного наукового азарту, що робить його роботи по-справжньому цікавими. Значний перелік його друкованих праць й високий індекс цитування є тому підтвердженням. Проте бібліометрія не здатна відобразити, скільки сил, кропіткої праці й наполегливості прикладає дослідник. Вона не розповість, як це — бути вченим в радянській та пострадянській країні, працювати і жити в експедиціях по 6—7 місяців на рік, писати й видавати книги власним коштом, плекати і якісно робити свою справу навіть за чверть ставки посадового окладу. Не дивлячись на безліч труднощів, з якими Олександру Володимировичу доводилося і досі доводиться стикатися в науковому житті, він завжди з гідністю долає усі перепони. Він не озлобився, не перестав бути людяним, залишився вірний своїм принципам. Серед безумовних чеснот Олександра Володимировича — вишукане почуття гумору, ерудиція, щирість з людьми. Можливо, хтось скаже, що планка його вимог до учнів занадто висока: так, Олександр Володимирович суворий, вибагливий і педантичний в робочих питаннях керівник. Однак всі ці вимоги він перш за все ставить собі, а це вельми рідкісна людська якість у наш час. Він власним прикладом доводить, як треба робити, однак часто цитує свого вчителя Є. В. Черненка: «*Головне завдання керівника — не заважати*».

Олександр Володимирович ніколи не проти просвітницької діяльності, тому за роки роботи ХАЕ і ПАЕ лекції і екскурсії для місцевих мешканців стали доброю експедиційною традицією.

О. В. Симоненко завжди з повагою і чуйністю згадує своїх вчителів, колег, з якими їздив в експедиції, співробітників великих і малих музеїв, де йому доводилося працювати. Олександр Володимирович талановитий оповідач, і ось вже будні археологів минулих років, такі схожі і одночасно не схожі на наші, оживають за вечірнім чаюванням. Ми з нетерпінням чекаємо публікації мемуарів про більш ніж двадцятирічну роботу ХАЕ, про наших старших колег і розкопки, про які читаємо у звітах.

Олександр Володимирович завжди вчить нас, що справжній археолог має бути об'єктивним та безпристрасним до культур, які він вивчає. Однак сам він любить ті самі речі, що були так до вподоби сарматам: безкрайній степ, коней і собак. Він часто каже, що виріс із кіньми, і це правда — юнацькі тренування у кінному спорті розтяглися на все його життя, і досі наш вчитель скаче верхи на своєму вірному Бальзамі. Як поетично написав Олександр Володимирович в своєму поки що єдиному біографічному нарису: «*Швидкі ноги коня уносять мене від старості*». Любов до коней проявилася також і в детальному вивченні кінської збруї та вершників сарматського часу.

Олександр Володимирович ніколи не перестає опікуватися своїми обранцями. Він завжди порадить хороший фільм, поцікавиться, яку музику слухаєте, підкаже прекрасну художню книгу. Ми дуже пишаємося тим, що є учнями Олександра Володимировича, і в нас є можливість працювати з ним разом.

Від щирого серця ми бажаємо йому довгих і щасливих років, міцного здоров'я і наснаги, часу і сил для улюбленої роботи і терпіння для нових поколінь учнів.

О. С. ДЗНЕЛАДЗЕ,
Д. М. СІКОЗА

Перший сезон у степу. ХАЕ, курган біля с. Львове. 1973 р.

ХАЕ, с. Богданівка, з О. Петрусевич. 1977 р.

ХАЕ, с. Шевченківка, керівник розкопок скіфського кургану. 1978 р.

△
Ольвія. Зліва направо: М. М. Іевлев, О. В. Симоненко, В. М. Отрешко, С. Б. Буйських з дочкою Юлею. 1994 р.

◁ В Інституті з Н. В. Полосьмак. Початок 2000-х рр.

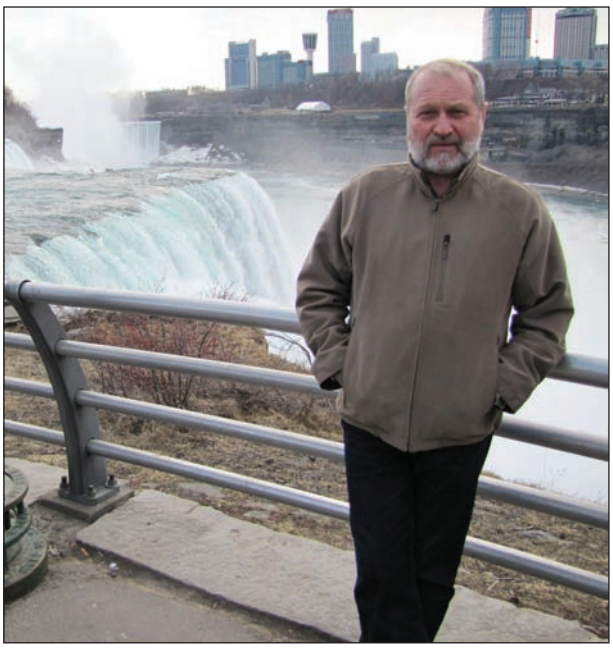
Копенгаген, Національний музей. 2006 р.
▽

Острів Борнхольм, біля «власного» магазину. 2006 р.

Санкт-Петербург. Остання зустріч із М. Б. Щукиним (ліворуч Б. А. Раєв). 2007 р.

Принстон, Інститут перспективних досліджень. Разом з С. С. Міняєвим (ліворуч) та Ніколою Ді Космо. 2008 р.

Нью-Йорк, з Є. І. Архиповою. 2009 р.



На Ніагарському водопаді, 2010 р.

Скіфополіс (Бет-Шеан, Ізраїль). 2011 р.

Конференція ROMEC (Копенгаген), з Ільдаром Каюмовим. 2013 р.

Національний музей (Копенгаген). Казан з Гундерструпа. 2013 р.

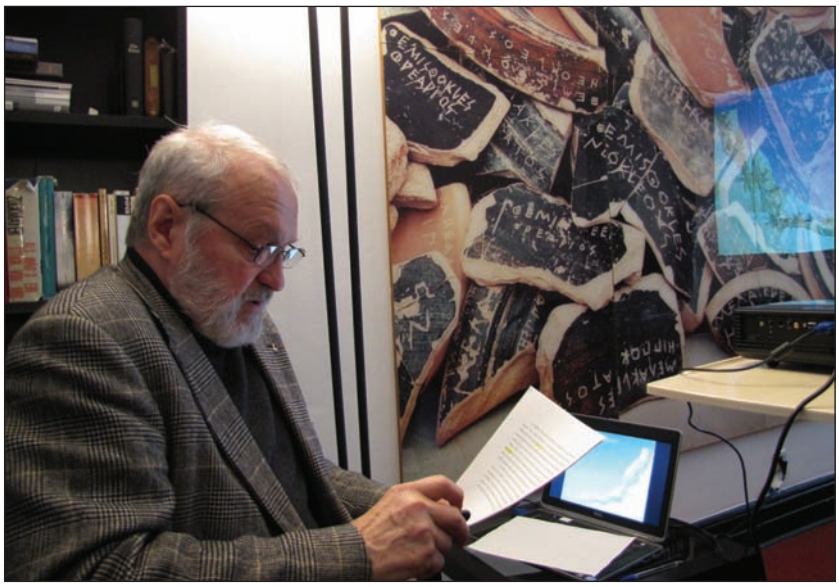
Село Ольгівка Херсонської області, у місцевому музеї. 2015 р.

Присивашшя, розвідка. 2016 р.

Інститут археології НАН України, на засіданні спецради. 2017 р.

Червоний Маяк, розкопки могильника. 2017 р.

Берлін, доповідь у Германському археологічному інституті. 2017 р.



Римське місто Суссіта (Ізраїль), з О. Єрмоліним. 2019 р.

Сімейна улюбленица Джака

З конем Бальзамом ▷

Єрусалим, з Є. І. Архиповою. 2019 р.

Село Золота Балка, шурфовка. 2019 р.

Червоний Маяк, могильник. Зі співробітниками експедиції Д. Сікозою, А. Кущевим та В. Овсянніковим. 2020 р.

СПИСОК ДРУКОВАНИХ ПРАЦЬ О. В. СИМОНЕНКА

1975

Симоненко, А. В. 1975. Сарматские погребения на Нижнем Днепре. В: *Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции*, 2. Киев, с. 62-63.

1976

Симоненко, А. В. 1976. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья. В: Баран, В. Д. (ред.). *Открытия молодых археологов Украины*, 1. Киев: Наукова думка, с. 41-42.

1977

Черненко Е.В. Симоненко, А. В. 1977. Курганная группа Широкое III. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Курганы Южной Херсонщины*, Киев: Наукова думка, с. 5-33.

Симоненко, А. В. 1977. Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, с. 221-230.

1978

Кубышев, А. И., Симоненко, А. В. 1978. О контактах сарматской и зарубинецкой культур в Поднепровье. В: *Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, апрель 1978 г.* Ужгород, с. 70-71.

1979

Симоненко, А. В. 1979. О сарматских поясах. В: Баран, В. Д. (ред.). *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 51-54.

1980

Черненко, Є. В., Мурзін, В. Ю., Симоненко, О. В. 1980. Ранній залізний вік у виданнях наукових установ Північного Кавказу (рец.). *Археологія*, 33, с. 97-100.

Симоненко, А. В. 1980. Конские налобники III—II вв. до н. э. В: *Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР. Днепропетровск, апрель 1980 г.* Днепропетровск, с. 99.

1981

Симоненко, А. В. 1981. Сарматы в Среднем Поднепровье. В: Артеменко, И. И. (ред.). *Древности Среднего Поднепровья*. Киев: Наукова думка, с. 52-68.

Зубарь, В. М. Симоненко, А. В. 1981. Об одном типе узды сарматского времени. В: *Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых.* Киев, с. 68-69.

1982

Симоненко, А. В. 1982. О позднескифских налобниках. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 237-245.

Корнілко, Л. М., Симоненко, О. В. 1982. Сарматське поховання на Полтавщині. *Археологія*, 37, с. 84-86.

1984

Симоненко, А. В. 1984. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причер-

номорья. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 129-147.

Зубарь, В. М., Симоненко, А. В. 1984. О снаряжении боевых коней первых веков н. э. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 148-155.

Симоненко, А. В. 1984. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры. В: *Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов*. Кемерово: КГУ, с. 74-76.

1985

Симоненко, А. В. 1985. Ольвия и сарматы. В: Крыжицкий, С. Д. (ред.). *Проблемы исследования Ольвии*. Парутино, с. 73-75.

1986

Симоненко, О. В. 1986. Пізньоскіфський комплекс з с. Мар'ївка Миколаївської області. *Археологія*, 56, с. 63-68.

1987

Симоненко, А. В. 1987. Кельто-италийские шлемы в Восточной Европе. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, с. 104-113.

Кубишев, А. І., Покляцький, О. В., Симоненко, О. В. 1987. Про взаємовідносини сарматів та носіїв зарубинецької культури. *Археологія*, 58, с. 56-63.

Симоненко, А. В. 1987. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 140-144.

Симоненко, А. В. 1987. Из истории взаимоотношений Ольвии и варваров в I в. н. э. В: *Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина*, 2. Кировоград, с. 67-70.

Симоненко, А. В. 1987. Появление сарматов в Северном Причерноморье (о «раннесарматских» погребениях Украины). В: *Проблемы археологии степной Евразии. Тезисы докладов*, 2. Кемерово: КГУ, с. 64-66.

Симоненко, А. В. 1987. Из истории взаимоотношений Ольвии и сарматов в I в. н. э. В: Раев, Б. А. *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов к семинару)*. Новочеркасск: НМИДК, с. 54-56.

1989

Лобай, Б. І., Симоненко, О. В. 1989. Про етнічну належність Фарзоя та Інісмея. *Археологія*, 1, с. 41-47.

Симоненко, А. В. 1989. Импортное оружие у сарматов. В: Раев, Б. А. (ред.). *Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов)*. Новочеркасск: МИДК, с. 56-73.

Симоненко, А. В. 1989. Фарзой, Инисмей и аорсы. В: *История и археология Нижнего Подунавья. Тезисы докладов конференции*. Рени, с. 76-78.

Симоненко, А. В. 1989. О периодизации сарматской культуры. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памятти академика М. И. Ростовцева*. Новочеркасск: НМИДК, с. 117-120.

Симоненко, А. В. 1989. Доспех сарматов Прикубанья. В: *Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов*. Краснодар: КубГУ, с. 78-80.

1990

Полин, С. В., Симоненко, А. В. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, с. 73-93.

Раев, Б. А., Симоненко, А. В., Трейстер, М. Ю. 1990. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе. В: Ждановский, А. М., Марченко, И. И. (ред.). *Древние памятники Кубани. Материалы семинара*. Краснодар, с. 117-135.

Симоненко, А. В. 1990. Сарматские памятники Таврии. В: *Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тезисы докладов юбилейной конференции*, 2. Херсон, с. 90.

Симоненко, А. В. 1990. О контактах сарматов Прикубанья и Северного Причерноморья. В: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье*. Ростов-на-Дону, с. 24-25.

1991

Симоненко, А. В., Лобай, Б. И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.

Симоненко, О. В. 1991. Роксолани (пошук археологічних відповідностей). *Археологія*, 4, с. 17-28.

Кубишев, А. І., Симоненко, О. В. 1991. Скіфські та сарматські пам'ятки Таврії. В: Толочко, П. П. (ред.). *Золото степу. Археологія України*. Шлезвіг, с. 75-78.

Симоненко, О. В. 1991. Поховання сарматської знаті біля с. Пороги та в Ногайчинському кургані в Криму. В: Толочко, П. П. (ред.). *Золото степу. Археологія України*. Шлезвіг, с. 215-220.

Raev, B. A., Simonenko, A. V., Treister, M. Ju. 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. *Jahrbuch des RGZM*, 38, 2, S. 465-496.

Симоненко, А. В. 1991. Сарматские погребения со рвами как исторический источник. В: Яровой, Е. В. (ред.). *Древнейшие общности*

земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Киев, с. 212-213.

Мурзин, В. Ю., Павленко, Ю. В., Симоненко, А. В. 1991. Политические образования ранних кочевников Восточной Европы по данным археологии. В: Яровой, Е. В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.).* Киев, с. 209-210.

1992

Симоненко, О. В. 1992. Гросу В. И. Хронология сарматских памятников Днепровско-Прутского междуречья (рец.). *Археологія*, 2, с. 153-157.

Симоненко, А. В. 1992. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? *Вестник древней истории*, 3, с. 148-162.

Симоненко, А. В. 1992. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии. В: Раев, Б. А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир*. 1. Новочеркасск: НМИДК, с. 24-33.

1993

Симоненко, А. В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка.

Agulnikov, S. M., Simonenko, A. V. 1993. The Late Sarmatian Bridle Set from Moldova. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, p. 92-97.

Simonenko, A. V. 1993. Sarmatian Tribes of Great Hungarian Plane and North Pontic Region. Problem of Migrations. *Spesimina Nova*, p. 59-64.

Симоненко, А. В. 1993. Общее и особенное в сарматской культуре Алфельда и Северного Причерноморья. В: Станко В. Н. (ред.). *Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества*. Одесса, с. 109-111.

Симоненко, А. В. 1993. «Клады» снаряжения всадника 2—1 вв. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации. В: *Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов*. Краснодар, с. 89-90.

Симоненко, О. В. 1993. Поховання шляхетного сармата в Побужжі. В: *Дослідження старожитностей України*. Київ, с. 43-45.

1994

Симоненко, О. В. 1994. Сармати. В: Толочко, П. П. (ред.). *Давня історія України (учбовий посібник)*. 1. Київ: Либідь, с. 137-156.

Симоненко, О. В. 1994. Ранньосарматський період в Північному Причорномор'ї. *Археологія*, 1, с. 32-48.

Simonenko, A. V. 1994. The Problem of the Sarmatian penetration to North Pontic area according to Archaeological Data. In: Avram, A. (ed.). *Il Mar Nero. Annali di archeologia e storia*. 1. Roma; Paris: Quasar di Severino Tognon, p. 99-134.

Симоненко, А. В. 1994. Этнические контакты сарматов Венгерской равнины и Причерноморья (к вопросу о миграционных волнах). В: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, с. 80-82.

Симоненко, А. В. 1994. Комплекс с сарматскими знаками из Ольвии. В: *Ольвия-200. Тезисы доклалов конференции*. Николаев, с. 56-58.

Симоненко, А. В. 1994. Северное Причерноморье в системе сарматской культурно-исторической общности. В: *Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции 13—16 сентября 1994 г. Волгоград*. Волгоград, с. 15-17.

1995

Симоненко, О. В. 1995. Кочовики раннього середньовіччя в причорноморському степу. В: Толочко, П. П. (ред.). *Давня історія України (учбовий посібник)*. 2. Київ: Либідь, с. 69-78.

Simonenko, A. V. 1995. Catacomb Graves of the Sarmatians of North Pontic region. *Studia archaeologica*, 1: A Móra Ferenc Múseum Évkönyve, p. 345-374.

Курчатов, С. І., Симоненко, О. В., Чирков, А. Ю. 1995. Сарматський воїнський могильник на Середньому Пруті. *Археологія*, 1, с. 112-123.

Simonenko, A. V. 1995. V.I. Grosu. Die Chronologie der Sarmatischen Kultur im Dnestr-Pruth-Zwischenstromgebiet (Buchbesprechung). *Eurasia Antiqua*, 1, S. 329-334.

1997

Полин, С. В., Симоненко, А. В. 1997. Скифия и сарматы. *Донские древности*, 5, с. 87-98.

Simonenko, A. V. 1997. Eine sarmatische Bestattung von südlichen Bug. *Eurasia Antiqua*, 3, S. 389-408.

1998

Бунятян, К. П., Мурзін, В. Ю., Симоненко, О. В. 1998. *На світанку історії*. Україна крізь віки, 1. Київ: Альтернативи.

Симоненко, О. В. 1998. Сармати. В: Толочко, П. П. (ред.). *Давня історія України*. 2. Київ: ІА НАН України, с. 154-176.

Симоненко, А. В. 1998. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях. В: Раев, Б. А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир*, 2. Краснодар, с. 68-78.

Podobed, V. A., Simonenko, A. V. 1998. The Late Sarmatian Grave in Central Donbass. *Communicationes Archaeologiae Hungaricae*, p. 99-108.

Симоненко, А. В. 1998. Шлемы в комплексе вооружения сарматов и поздних скифов. В: Вилинбахов, Г. В., Массон, В. М. (ред.). *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы*

международной конференции 2—3 сентября 1998 г. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 164-167.

Симоненко, А. В. 1998. Некоторые особенности сарматских могильников Днепровского Левобережья. *Музейні читання*, с. 86-90.

1999

Симоненко, О. В. 1999. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави. *Археологія*, 1, с. 106-118.

Симоненко, О. В. 1999. Міграції кочовиків давньої України за сарматської доби. *Проблеми міграції*, 4, с. 39-45.

Симоненко, А. В. 1999. Сарматский комплекс из Райгорода в коллекции НМИУ. В: Ковтанюк, Н. Г. (ред.). *Музей на зламі епох: минуле, сьогодення, перспективи (матеріали міжнародної науково-практичної конференції).* Київ, с. 72-73.

2000

Симоненко, А. В. 2000. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья. В: Мышкин, В. Н. (ред.). *Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология*. 1. Самара: СНЦ РАН, с. 158-163.

Симоненко, А. В. 2000. Соотношение раннего и среднесарматской культур в Северном Причерноморье. В: Мышкин, В. Н. (ред.). *Раннесарматская культура. Формирование, развитие, хронология*. 2. Самара: СНЦ РАН, с. 187-204.

Симоненко, А. В. 2000. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье. *Нижневолжский археологический вестник*, 3, с. 133-144.

Симоненко, А. В. 2000. Китайские и «бактрийские» зеркала у сарматов Северного Причерноморья. *Музейні читання*, с. 24-28.

2001

Симоненко, О. В. 2001. Сарматський період. В: Толочко, П. П. (ред.). *Історія української культури.* 1: Історія культури давнього населення України. Київ: Наукова думка, с. 361-380.

Simonenko, A. 2001. On the tribal structure of some migration waves of Sarmatians to the Carpathian Basin. In: *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st—5th centuries AD. Proceedings of the international conference held in 1999 in Asód and Nyíregyháza*. Asód; Nyíregyháza, p. 117-124.

Simonenko, A. 2001. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region. *Silk Road Art and Archaeology*, 7, p. 53-72.

Романюк, Л. М., Симоненко, О. В. 2001. Сарматський комплекс з с. Запруддя на Середній Наддніпрянщині. *Археологія*, 1, с. 19-28.

Симоненко, А. В. 2001. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье. *Российская археология*, 4, с. 77-91.

Симоненко, А. В. 2001. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. *Нижневолжский археологический вестник*, 4, с. 92-106.

Симоненко, А. В. 2001. Сарматы и их соседи на Дону. Ростов/Дон, 2000 (рец.). *Донская археология*, 3—4, с. 166-174.

Simonenko, A. V. 2001. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Eurasia Antiqua*, 7, S. 187-327.

Симоненко, А. В. 2001. Сарматская посадка — историческая реальность или историографический миф? В: *III Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции.* Краснодар; Анапа, с. 161-166.

Симоненко, А. В. 2001. Сарматы и ольвийское государство: современная историография проблемы. В: *Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України.* Київ, с. 122-124.

Симоненко, А. В. 2001. О датировке и происхождении античных драгоценностей из погребений сарматской знати 1 — начала 2 в. н. э. *Боспорский феномен*: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. 2, с. 190-194.

2002

Симоненко, А. В. 2002. Сарматы Северного Причерноморья. В: Мурзин, В. Ю., Тощев, Г. Н. (ред.). *Великая Скифия (учебное пособие).* Запорожье: ИА НАН Украины, с. 148-161.

Simonenko, A. 2002. Sarmatian Relics of the «Eastern Wave» in the North Pontic Region. *Silk Road Art and Archaeology*, 8, p. 1-28.

Симоненко, А. В. 2002. Некоторые дискуссионные вопросы сарматоведения. *Вестник древней истории*, 1, с. 107-122.

Редина, Е. Ф., Симоненко, А. В. 2002. «Клад» конца 2—1 в. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 2, с. 78-96.

Симоненко, А. В. 2002. Михайловские «рюмки». В: Толочко, П. П. (ред.). *Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов к 70-летию С. Д. Крыжицкого.* Киев: ИА НАН Украины, с. 132-136.

Симоненко, А. В. 2002. Латенский и римский импорт в сарматских памятниках Северного Причерноморья. В: Раев, Б. А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир.* Краснодар, с. 94-99.

Малєєв, Ю. М., Симоненко, О. В. 2002. Сарматські поховання на півдні Тернопільщини. *Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття та Волині*, 8, с. 108-111.

Симоненко, А. В. 2002. Комплекс из Чистенького: дата и этно-культурная принадлежность. В: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье*. Ростов-на-Дону, с. 118-122.

2003

Simonenko, A. 2003. Glass and Faience Vessels from Sarmatian Graves of North Pontic Region. *Journal of Glass Studies*, 45, p. 41-58.

Симоненко, А. В. 2003. Еще раз о рвах на сарматских могильниках Северного Причерноморья. В: Баран, В. Д. (ред.). *Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України*, Київ: ІА НАН України, с. 148-157.

Симоненко, А. В. 2003. Связи сарматских племен Поднепровья и Подонья в I в. н. э. В: *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, с. 38-39.

2004

Симоненко, А. В. 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. В: Раев, Б. А. (ред.). *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, с. 134-173.

Simonenko, A. 2004. Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbias. *Eurasia Antiqua*, 10, S. 199-227.

Melnik, A., Simonenko, A. 2004. Eine sarmatische Bestattung im Kurgan Kamova Mogila bei Krivoj Rog. *Eurasia Antiqua*, 10, S. 269-280.

Симоненко, А. В. 2004. Китайские и центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья. *Нижневолжский археологический вестник*, 6, с. 45-65.

Симоненко, А. В. 2004. «Проблема III в. до н. э.» — вариант решения? (рец. на Клепиков В. Н. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград, 2002). *Нижневолжский археологический вестник*, 6, с. 297-303.

Полин, С. В., Симоненко, А. В. 2004. Сарматы и гибель Великой Скифии. In: Chochorowski, J. (ed.). *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków: Księgarnia Akademicka, с. 367-374.

Симоненко, А. В. 2004. Некоторые позднесарматские элементы в черняховских ингумациях. *Боспорские исследования*, VII, с. 208-214.

Архипов, А. А., Симоненко, А. В. 2004. Перстень царя Инисмея. *Боспорский феномен*: Проблемы хронологии и датировки памятников. 2, с. 285-290.

Симоненко, А. В. 2004. Седло сарматского времени. В: Скрипкин, А. С. (ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья*. Волгоград: ВолГУ, с. 222-226.

2005

Симоненко, А. В. 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре. В: *Четвертая Кубанская археологическая конференция, тезисы и доклады*. Краснодар, с. 255-259.

2006

Симоненко, А. В. 2006. Несколько замечаний по поводу разного похода. В: *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. 1. Волгоград: Волгоградское научное издательство, с. 101-117.

Симоненко, А. В. 2006. Стекло миллефиори в сарматских погребениях. В: Симоненко, А. А. (ред.). *Liber Archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Б. А. Раева*. Краснодар; Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 137-152.

Симоненко, А. В. 2006. Парадоксы Раева. В: Симоненко, А. В. (ред.). *Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева*. Краснодар; Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 9-15.

2007

Симоненко, А. В. 2007. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины. В: Яблонский, Л. Т., Таиров, А. Д. (ред.). *Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Челябинск: ЮУрГУ, с. 99-113.

Симоненко, А. В. 2007. Стеклянные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника). *Археология, этнография и антропология Евразии*, 1 (29), с. 57-66.

Symonenko, O. 2007. Glass and faience objects from Nogaichik barrow. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 1, 29, p. 57-66.

Симоненко, О. В. 2007. (Рец.). Maria A. Očir-Gorjaeva. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Archäologie in Eurasien. B. 19. Mainz am Rhein, 2005. *Археологія*, 3, с. 109-111.

Раев, Б. А., Симоненко, А. В. 2007. «Странные комплексы»: от эпохи Латена до могилы Неизвестного солдата. *Боспорский феномен*: сакральный смысл региона, памятников, находок. 2, с. 268-273.

2008

Simonenko, A. V., Marčenko, I. I., Limberis, N. Yu. 2008. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.

Симоненко, О. В. 2008. Мистецтво сарматів Північного Причорномор'я. В: Скрипник, Г. (ред.). *Історія українського мистецтва*. 1. Київ: НАН України, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, с. 230-261.

Симоненко, А. В. 2008. Сарматские катафрактарии: научный фольклор и возможности исследования. *Нижневолжский археологический вестник*, 9, с. 272-287.

Симоненко, О. В. 2008. На північно-західній межі Причорноморської Сарматії. В: Климовський, С. І. (ред.). *Старожитності Верхнього Придністров'я. Ювілейний збірник на честь 60-річчя Юрія Миколайовича Малєєва*. Київ: Стилос, с. 148-149.

Симоненко, А. В. 2008. Тридцать пять лет спустя (послесловие-комментарий). В: Хазанов, А. М. *Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург: СПбГУ, с. 238-286.

Симоненко, А. В. 2008. Сарматоведение между наукой и фантазией. В: *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов*. Владикавказ, с. 337-341.

2009

Bârcă, V., Symonenko, O. 2009. *Călăreţii stepelor. Sarmaţii în spaţiul Nord-Pontic*. Cluj-Napoca: Mega.

Симоненко, А. В. 2009. Ножки-подставки римских сосудов из сарматских погребений. *Нижневолжский археологический вестник*, 10, с. 401-407.

Симоненко, О. В. 2009. До легенди про сарматських катафрактаріїв. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Археология и древняя история Украины. Киев; Полтава: ИА НАН Украины, с. 355-366.

Раев, Б. А., Симоненко, А. В. 2009. «Фалар» из «Давыдовского клада» В: Фурасьев, А. Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: СПбГУ, с. 65-79.

2010

Симоненко, А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История.

Simonenko, A. 2010. Cultura Sarmaţilor. In: Dergaciov, V. (ed.). *Istoria Moldovei. Epoca Preistorica şi Antica*. Chişinau, p. 556-581.

Symonenko, O., Dzneladze, O. 2010. The Eye Beads — Amulets of Warriors of the 3rd—1st Centuries BC. In: Condea, I. (ed.). *Tracii şi veciniilor în Antichitate. The Thracians and Their Neighbours in Antiquity. Studia in Honorem Valerii Sîrbu*. Brăila: Istros, p. 197-213.

Symonenko, O. 2010. Die Sarmaten in den Steppen des nordlichen Schwarzmeerraumes. In: Assmann, P. (ed.). *Goldener Horizont. 4000 Jahre Nomaden der Ukraine. Katalog der Ausstellung Oberosterreichische Landesmuseen, Schlossmuseum, Linz, Marz bis August 2010*. Linz: GmbH, S. 130-137.

Симоненко, О. В., Дзнеладзе, О. С. 2010. Намистини — воїнські амулети III—II ст. до н. е. *Археологія*, 3, с. 22-34.

Симоненко, А. В. 2010. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы). *Нижневолжский археологический вестник*, 11, с. 134-143.

Симоненко, А. В. 2010. О военном деле сарматов Северного Причерноморья. В: Ерофеева, И. В. (ред.). *Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова*. Алматы: LEM, с. 26-42.

Дзнеладзе, Е. С. Симоненко, А. В. 2010. О связях Северного Причерноморья и Закубанья в эпоху позднего эллинизма. В: *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов*. Магас: Пилигрим, с. 117-120.

2011

Симоненко, А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История.

Симоненко, А. В. 2011. Об изготовлении шлемов типа Монтефортино. В: Мачинский, Д. А (ред.). *Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 116-124.

Симоненко, А. В. 2011. Конский убор из большого кургана Васюринской горы. *Боспорский феномен*: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22—25 ноября 2011), с. 598-602.

Симоненко, А. В. 2011. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья. *Нижневолжский археологический вестник*, 12, с. 169-182.

2012

Симоненко, А. В. 2012. Богатое сарматское погребение у с. Весняное. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: Скіф, с. 207-226.

Симоненко, А. В. 2012. Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: Скіф, с. 241-262.

Симоненко, А. В. 2012. Стеклянные и фаянсовые сосуды из сарматских погребений Украины. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: Скіф, с. 273-294.

Симоненко, А. В. 2012. Сарматское погребение в кургане Камова Могила. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: Скіф, с. 295-308.

Симоненко, А. В. 2012. О крестовидных и подковообразных «псалиях» раннесарматского

сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной, с. 208-216.

Симоненко, А. В. 2012. Сарматское погребение в Ногайчинском кургане: окончание диалога. *Stratum plus*, 4, с. 327-338.

Симоненко, А. В., Гей, О. А. 2012. Новые раскопки позднескифского могильника Красный Маяк. *Археологічні дослідження в Україні 2011 р.*, с. 450-451.

Symonenko, O. 2012. On the Problem of the «Huns-Sarmatians». *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*, 3, p. 289-301.

Симоненко, А. В. 2012. Могилы сарматских «царей» I — начала II в. н. э. в Северном Причерноморье. В: *Аркасівські читання. Матеріали II міжнародної науково-практичної конференції*. Миколаїв, с. 87-90.

2013

Симоненко, А. В. 2013. *Римский и провинциальный импорт у сарматов Северного Причерноморья. Типология и хронология*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.

Symonenko, O. 2013. Trade and Trophy: Near East Imports in the Sarmatian Culture. In: *Bronze and Iron Age from Eurasia — Gender between Archaeology and Anthropology. Proceedings of the 13th International Colloquium of Funerary Archaeology. Buzău-Romania, 17th—21th October 2012*. Mousaios, XVIII, p. 303-324.

Симоненко, А. В. 2013. Полихромные сбруйные наборы позднеримского времени из Сарматии и Пантикапея. В: Симоненко, А. В. (ред.). *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Сборник статей к 60-летию А. Н. Дзиговского*. Киев: Олег Філюк, с. 223-241.

Симоненко, А. В. 2013. Еще раз о налобниках с крючком. В: *Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции*. Краснодар, с. 376-380.

Симоненко, А. В. 2013. Позднескифский могильник Красный Маяк: история исследования. В: *Аркасівські читання. Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції*, Миколаїв, с. 73-75.

2014

Симоненко, А. В. 2014. Шлемы сарматского времени в Восточной Европе. *Stratum plus*, 4, с. 249-284.

Симоненко, О. В. 2014. Вивчаючи Пороги: інтерпретації через 30 років. В: *Матеріали міжнародної наукової конференції «Сарматія від Алтаю до Дунаю» (до 30-річчя відкриття «царських» поховань біля с. Пороги Ямпільського р-ну)*. Винниця, с. 19-21.

Симоненко, О. В. 2014. Слово про Євгена Васильовича Черненка. *Феномен Більського городища 2014*: До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є. В. Черненка (1934—2007). Збірник матеріалів наукової конференції, с. 7-9.

2015

Симоненко, О. В., Сікоза, Д. М., Дзнеладзе, О. С. 2015. *Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011—2015 років*. Херсон: Сівак О. В.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. 2-е изд., испр. и доп. Киев: Олег Філюк.

Симоненко, А. В. 2015. Периодизация военного дела номадов Евразии в эпоху раннего железа. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 172-179.

Раев, Б. А., Симоненко, А. В. 2015. Псевдоаттический шлем из хутора Апостолиди: историко-археологический контекст. *Stratum plus*, 4, с. 237-256.

Symonenko, O., Dzneladze, O., Sikoza, D. 2015. Mormântul aristocratic scitic tàrziu de la Chervony Mayak (zona Niprului Inferior). *Istros*, XXI, p. 299-326.

Symonenko, O. 2015. Sarmatian-Age Helmets From Eastern Europe. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 21 (2014—2015): Festschrift for Thomas T. Allsen in Celebration of His 75th Birthday, p. 277-303.

Симоненко, А. В. 2015. Ближневосточный импорт у кочевников Евразии сарматского времени. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Кималя Акишевича Акишева*, Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 275-290.

Symonenko, O. 2015. Late Scythian cemetery Chervony Mayak: The History of the Exploration. In: *14th International Colloquium of Funerary Archaeology. Funerary Practices during the Bronze and the Iron Ages in the Central and Southeast Europe. Absracts*. Čačak: National museum, p. 30-31.

2016

Симоненко, А. В. 2016. Сарматский могильник Троицкое в бассейне р. Волчья (раскопки В. А. Ромашко 1985 г.). В: Марина, З. П. (ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, с. 287-303.

Симоненко, О. В. 2016. До ювілею Херсонської археологічної експедиції. В: *Збірник матеріалів Всеукраїнської науково-практичної краєзнавчої конференції «Минуле і сучасність: Херсонщина. Таврія. Каховка» (16—17 вересня 2016 р.)*. Каховка; Херсон: Гілея, с. 134-137.

Симоненко, А. В. 2016. О происхождении позднескифской культуры Нижнего Днепра. *Стародавнє Причорномор'я*, XI, с. 476-483.

Симоненко, О. В., 2016. Вироби з Близького Сходу у сарматів Північного Причорномор'я. *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 165-173.

Симоненко, А. В. 2016. Находка модели седла на Циркуновском городище (комментарий к статье К. Ю. Пеляшенко). *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 249-252.

Симоненко, О. В. 2016. Сарматські збруйні набори пізньоримського часу. *Сугдейский сборник*, VI: Материалы VI Судакской международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 19—22 сентября 2012 г.), с. 297-314.

Симоненко, О. В., Сікоза, Д. М., Дзнеладзе, О. С. 2016. Дослідження пізньоскіфських пам'яток на Херсонщині. *Археологічні дослідження в Україні 2014 р.*, с. 245-346.

Симоненко, О. В. 2016. Пізньоскіфські «спати» — хронологія та генезис. В: *ІІ Міжнародна зброєзнавча конференція: тези доповідей*. Київ, с. 15-17.

Симоненко, О. В. 2016. Розвиток мистецтва війни у номадів Євразії за доби раннього заліза. В: Чернявський, В. В. (ред.). *Військова історія Північного Причорномор'я: від найдавніших часів до сьогодення (збірка матеріалів конференції)*. Миколаїв, с. 6-9.

2017

Симоненко, А. В. 2017. К юбилею Анатолия Михайловича Хазанова. В: Моисеенко, М. Г., Деев, А. В. (ред.). *Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей*. I. Зимовниковский краеведческий музей, с. 8-11.

Симоненко, О. В. 2017. До ювілею Анатоля Михайловича Хазанова. *Археологія*, 4, с. 145-146.

Симоненко, А. В. 2017. Иерусалимские впечатления украинского археолога. В: Шитюк М. М. (ред.). *Історичні мідраши Північного Причорномор'я. Матеріали VI міжнародної науково-практичної конференції*. Миколаїв: Шамрай, с. 328-340

Симоненко, А. В., Дзнеладзе, Е. С., Сикоза, Д. Н. 2017. Воинское погребение в могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 255-270.

2018

Симоненко, О. В., Дзнеладзе, О. С., Сікоза, Д. М. 2018. Археологічні дослідження вежі Вітовта поблизу с. Веселе Бериславського району. В: *На розі двох світів. Історична спадщина України та Литви на території Херсонської області*. Київ ; Херсон: Гілея, с. 47-54.

Симоненко, А. В. 2018. О сарматском завоевании Скифии. *Нижневолжский археологический вестник*, 17, 1, с. 27-49.

Szimonenko, O. 2018. A Cirkuni melletti erődített telepen előkerült nyeregmodell. In: Nagy, M. L., Szőlősi, K. L. (eds.). *«Vadrózsából tündérsípot csináltam». Tanulmányok Istvánovits Eszter 60. születésnapjára*. Nyíregyháza, p. 111-116.

Симоненко, А. В. 2018. Костяная пластина из Ольвии: след сарматского рейда на Дунай? В: Бруяко, И. В. (ред.). *Народы и культуры Нижнего Дуная в древности. Материалы международной научно-практической конференции (г. Измаил, 23—26 августа 2018 г.)*. Измаил: Ирбис, с. 173-182.

Симоненко, А. В., Дзнеладзе, Е. С., Сикоза, Д. Н. 2018. Фибулы могильника Красный Маяк. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 358-373.

Дзнеладзе, О., Сікоза, Д., Симоненко, О. 2018. Перспективні напрями досліджень пізньоскіфської культури Низового Дніпра. В: *І Всеукраїнський археологічний з'їзд. Програма роботи та анотації доповідей. Ніжин, 23—25 листопада 2018 р.*, с. 111.

Symonenko, O. 2018. Beyond the Limes: the Sarmatians in North Pontic Region. In: Burgunder, P. (ed.). *Actualité archéologique ukrainienne: Olbia Pontique, le limes et les Barbares*. Etudes Bosporanes. Lausanne: UNIL, p. 53-59.

2019

Симоненко, О. В. 2019. Нарис українського сарматознавства. *Археологія і давня історія України*, 2 (31), с. 187-198.

Симоненко, А. В. 2019. Раннесарматские памятники Орель-Самарского междуречья. *Нижневолжский археологический вестник*, 18, 1, с. 81-96.

2020

Симоненко, А. В. 2020. Ритуальный депозит II—I вв. до н. э. из Брэвичень. *Revista Arheologică*, XVI, 1, p. 108-120.

Рассамакин, Ю.Я., Симоненко, А. В., 2020. Новый погребальный комплекс эпохи энеолита в Нижнем Поднепровье: к вопросу о погребениях репинско-рогачикского времени. *Stratum plus*, 2, с. 215-225.

Власкин, М. В., Симоненко, А. В. 2020. Ритуальный депозит сарматского времени из кургана на Нижнем Дону. *Вестник ВолГУ*, 25: *Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 4, с. 103-120.

Симоненко, А. В., Сикоза, Д. Н. 2020. Terminus ante quem позднескифской культуры Нижнего Днепра. В: Любичев, М. В., Мызгин, К. В. (ред.). *Inter Orientem et Occidentem: Сборник статей к 65-летию доктора Эрдмуте Шультце и 20-летию Германо-Славянской археологической экспедиции*. Ostrogothica-Serie, 3. Харьков: ХНУ, с. 303-316.

Symonenko, A. 2020. The Late Scythians and Sarmatians: allies or vanquished? *Mousaios*, XXIII, p. 407-423

Упорядники
О. С. ДЗНЕЛАДЗЕ, Д. М. СІКОЗА

СТАТТІ

УДК 904.2(4)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.01

Я. Хохоровски

«ПТИЦЕГОЛОВЫЕ» ИЛИ «КОННОГОЛОВЫЕ» СКИПЕТРЫ — РЕАЛЬНАЯ ИЛИ ФАЛЬШИВАЯ ДИЛЕММА?

Бронзовые скипетры на территории Карпатского бассейна — это полностью автономное явление, появившееся здесь где-то во второй половине или конце X в. до н. э., как своего рода маркер нового общественно-культурного порядка. Его чертами являлись м. д.: пастушеская модель скотоводческого хозяйства с существенной ролью селективного разведения лошадей степных пород, значение которого достигло европейской системы товарооборота, а также иерархические социальные структуры с выразительными признаками статуса. Эти черты проистекали из культурной тождественности сообществ Великой Степи, сформированной в специфических условиях жизни и — достигающего иногда энеолита — накопления жизненного опыта. Их введение (своеобразное «заимплантиронанние») в культурный потенцял Карпатского бассейна, произошло в результате продвижения во второй половине X в. до н. э., воинственных групп степных пастухов-воинов, искавших экологические ниши, удобные для пастушеского хозяйства.

Ключевые слова: *Карпатский бассейн, Кавказ, скипетры, сообщества Великой Степи, разведение коней.*

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЕ И КАВКАЗСКИЕ СКИПЕТРЫ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В разнообразном и ценном научном наследии Варвары Андреевны Ильинской, в основном посвященном скифам и их культуре, нашлось также место для различных исследований, затрагивающим частично или в целом проблематику доскифского периода. До сих пор актуальным и научно значимым, остается, например, работа о так называемых новочеркасских и жаботинских наконечниках стрел (Іллінська 1973, с. 13—26). Для археолога из Центральной Европы особый интерес представляет ее статья, посвященная бронзовым жезлам / скипетрам предскифского и скифского и времени (Ильинская 1965, с. 206—211). Привлекательная форма с элементами зооморфной пластики, напоминающая небольшой топорик, зачисляет эти предметы в состав редких и интересных для исследования изделий древнего бронзолитейного производства. Этого рода находки доскифского времени известны в двух удаленных друг от друга регионах Европы: на территории Северо-Западного Предкавказья и в Карпатском бассейне, а также его ближайших окрестностях.

Интерес В. А. Ильинской к этим находкам сложился после публикации статьи Иоахима Вернера [1] (Ильинская 1965, с. 206). Этот исследователь обратился к центральноевропейским находкам «конноголовых топоров-жезлов» (*Pferdekopfszepter*) в связи с изучением скипетра, найденного в захоронении раннегальштатского времени в местности Пжедмежице (Předměřice nad Labem) на верхней Эльбе, в Чехии (Werner 1961, S. 384—389). С этой находкой (рис. 1) И. Вернер сопоставил скипетры, уже ранее рассматривавшиеся как «доскифские» (Gallus, Horvath 1939, p. 17, 40, pl. XLIV: 1, 2; LIV: 2) [2]: экземпляр из Батина-Градац (Batina-Gradac)

© Я. ХОХОРОВСКИ, 2020

1. Иоахим Вернер (1909—1994) — известный немецкий археолог, профессор Университета в Мюнхене, исследователь Римского времени и эпохи Великого переселения народов в Европе, доктор honoris causa (1990) Ягеллонского университета в Кракове.
2. В этой, первой монографии, обобщающей все источники, связанные с «доскифскими всадническими сообществами в Венгрии» (Un peuple cavalieri préscythique en Hongrie), находки из Батины, канала Шарвиз и бывшего Турочского уезда были описаны как декоративные топоры в виде животного (haches d’apparat en forme d’animal).

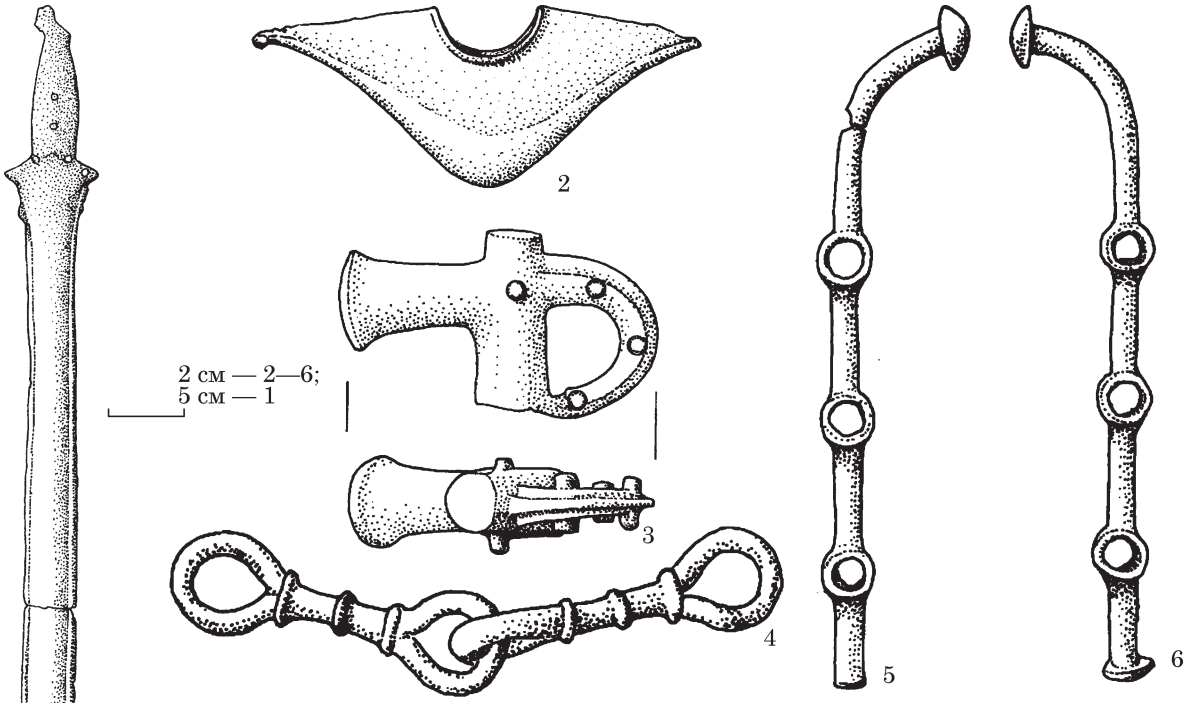


Рис. 1. Пжедмежице, Чехия; снаряжение раннегальштатского воина (по Werner 1961; Metzner-Nebelsick 2002)

в северо-восточной Хорватии; безпаспортную находку из территории Турчанской котловины (бывший комитат Тороч; Túróc) на севере Словакии, а также, случайно найденный скипетр в канале Шарвиз (Sárviz), на востоке Задунайского края (Венгрия). Все эти предметы объединяла близость формы (рис. 2), в том числе, расположенное приблизительно в центре отверстие (или тулейка) для крепления на рукоятке и молотковидный обушок. Это позволяло использовать их в качестве рубящего или ударного оружия — чекана, в какой-то степени сравнимого с клевцом. Противоположная обушку сторона скипетров вместо рубящего лезвия или кольцеобразно шипа имела форму, напоминающую натуралистично или схематично изображенную голову лошади на дугообразно изогнутой шеи с «гривой», обычно весьма рельефно выраженной (Chochorowski 1993, p. 129). Эта сторона могла тоже использоваться для нанесения ударов «нережущего» характера [1].

Из-за декоративной парадной формы И. Вернер считал эти предметы инсигниями, символами власти и статуса (*herrscherlichen Würdezeichen*), выполнявшими у восточных воинов-кочевников (*östlicher Reiternomaden*) больше функции «скипетров-жезлов», нежели оружия (Werner 1961, S. 386). Оценивая реалистический характер зооморфных парадных окончаний скипетров, которые он считал изображением головы лошади (*Pferdekopfszepter*), исследователь подчеркивал отсутствие такой стилистической традиции в местной центральноевропейской среде и указывал на аналогии, относившиеся к кавказскому ареалу, прежде всего, из Кобани. В этом контексте он обратил также внимание на существенное значение коневодства в зоне, простирающейся от Кавказа до территории Венгрии, через Понтийские степи, отмечая тот факт, что в кочевых сообществах, образ жизни которых характеризовался конным хозяйством и верховой ездой, вожди, как знак достоинства, использовали скипетры с символическим изображением лошади (*Szepter mit Pferdesymbolen*; Werner 1961, S. 337—339).

В. А. Ильинская, анализируя находку из Пжедмежице, посчитала ее разновидностью наджака-клевца, а в отношении «*топорика*» из Батины отметила, что его передняя часть «*напоминает стилизованный контур* ***орлиной головки***» (здесь и далее выделено мною — *Я. Х.*). По ее мнению, выступ, окруженный гравированным кольцом на изгибе «шеи» батинской находки, служил «эквивалентом глаза». Аналогичным образом исследовательница оценивала и скипетры с территории Турчанской котловины и канала Шарвиз (рис. 3), написав, что: «*они имеют вид* ***орлиных головок***

1. Этот вид парадного оружия, согласно польской номенклатуре оружейного дела, следует называть «обух» (obuch). Согласно Енджею Китовичу (1728—1804), историку и мемуаристу, участнику Барской конфедерации и автору работы: «Opis obyczajów za panowania Augusta III» (Описание обычаев во время правления Августа III), впервые опубликованной в Познани 1840—1841 гг.: «*если… обушок был плоский, как у топора, орудие называлось чеканом, если имел острую слегка подвинутую форму, то его называли наджаком* (клевцом — *Я. Х.*), *если шипообразное окончание было изогнуто в форме кольца, то его называли обухом*» (Kitowicz 1985, p. 249).

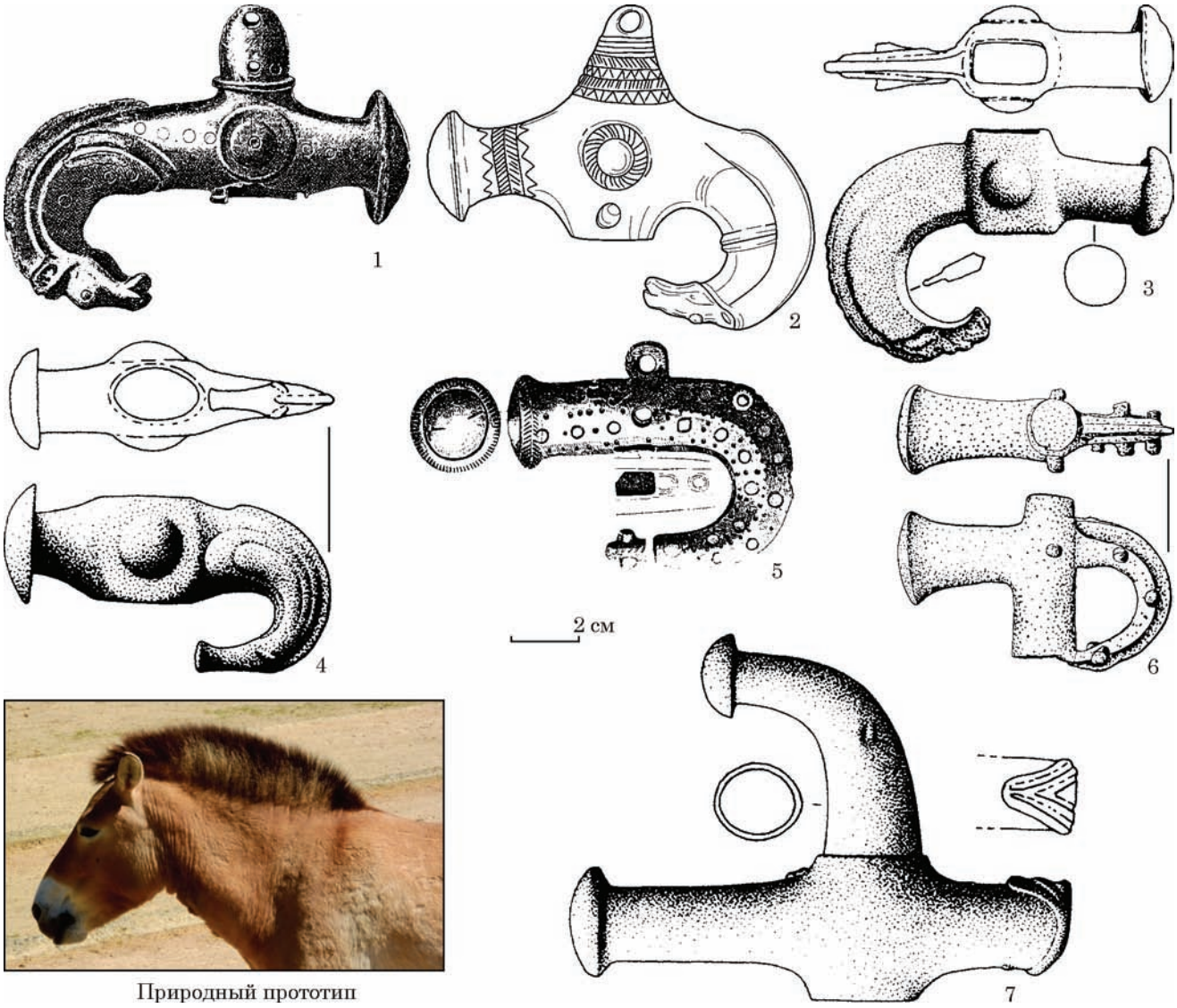


Рис. 2. Центральноевропейские бронзовые скипетры: 1 — канал Шарвиз; 2 — Турчианска Котловина (бывший комитат Туроч); 3 — Прюдь; 4 — Синмихаи де Падуре; 5 — Батина; 6 — Пжедмежице; 7 — Бекеш-Ходьмаши (по: 1 — Archeologiai Értesitő 1889; 2 — Gallus, Horváth 1939; 3, 4, 7 — Kemenczei 2005; 5 — Frey 1905; 6 — Werner 1961)

с глазами в виде солярных знаков и клювами, заканчивающимися конской головой». Она отметила тоже гипотезу И. Вернера о возможной связи бронзовых скипетров, найденных в Центральной Европе «*с проникновением на Дунай восточных кочевников*». Затронула, кроме того, и тему кавказских аналогий таким скипетрам. В. А. Ильинская обратила внимание на бронзовый скипетр из захоронения 14 могильника «Мебельная фабрика» в Кисловодске (рис. 4), где он был найден вместе с биметаллическим кинжалом, относящимся к горизонту находок *«Новочеркасского клада»* (Крупнов 1960, табл. VIII: 4, XXXVII; Виноградов, Дударев, Рунич 1980, с. 185, рис. 2: 1—7). Она указывала, что «*глаз на втулке*» кисловодского экземпляра «*имеет вид солярного знака*», а «*изогнутый наподобие клюва передний конец заканчивается головкой животного с вытянутой мордой и торчащим ухом*» (Ильинская 1965, с. 207—208). В. А. Ильинская определила, в конечном итоге, эту форму как «*изображение головки коня*» (Ильинская 1965, с. 209).

Распространив свои рассуждения и на группу скифских скипетров, исследовательница коснулась вопроса их социального статуса. Она полагала, что эти предметы имели, скорее, символическое, чем практическое значение, и принадлежали классу: «*скипетроносцев*», упоминаемых письменными источниками в среде скифской и персидской знати. По ее мнению, более сложный символический характер скифских скипетров нашел отражение в разнообразии морфологических завершений их передней части. В большинстве случаев они имели форму, напоминающую голову лошади или хищной птицы, хотя известны и изображения головы барана. Тем не менее, она полагала, что наиболее характерной группой являются «*топорики*», которые имеют «*клевец в виде голо-*

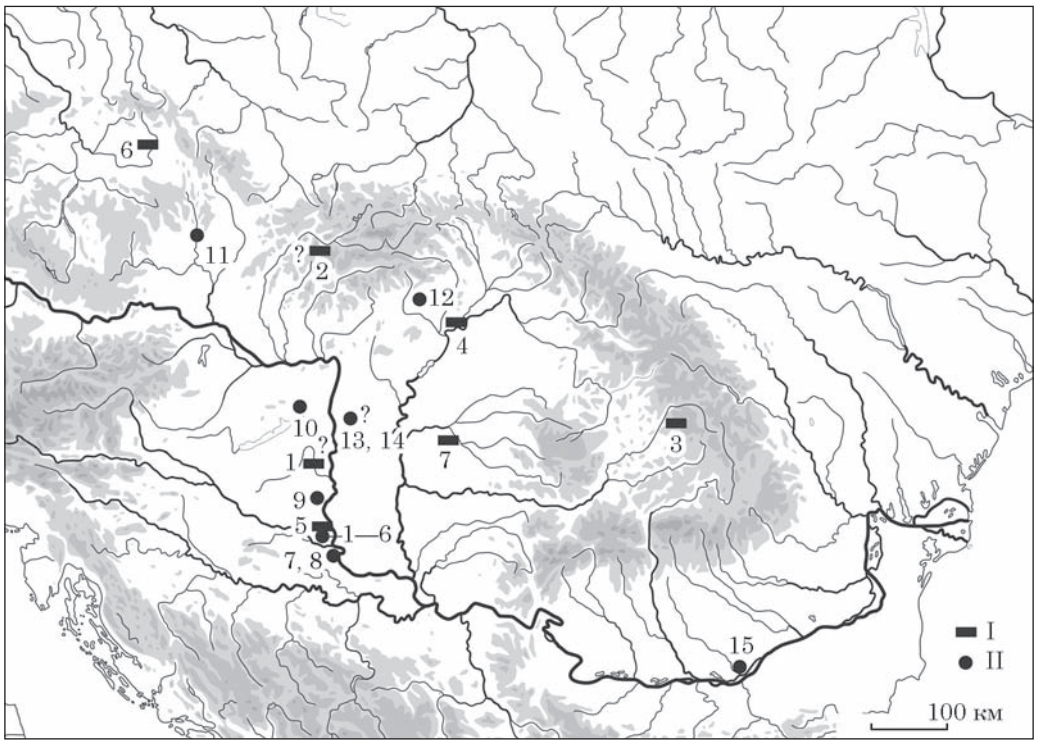


Рис. 3. Карпатский бассейн и его окружение: 1 — бронзовые скипетры; 2 — подвески / брелоки в виде коня

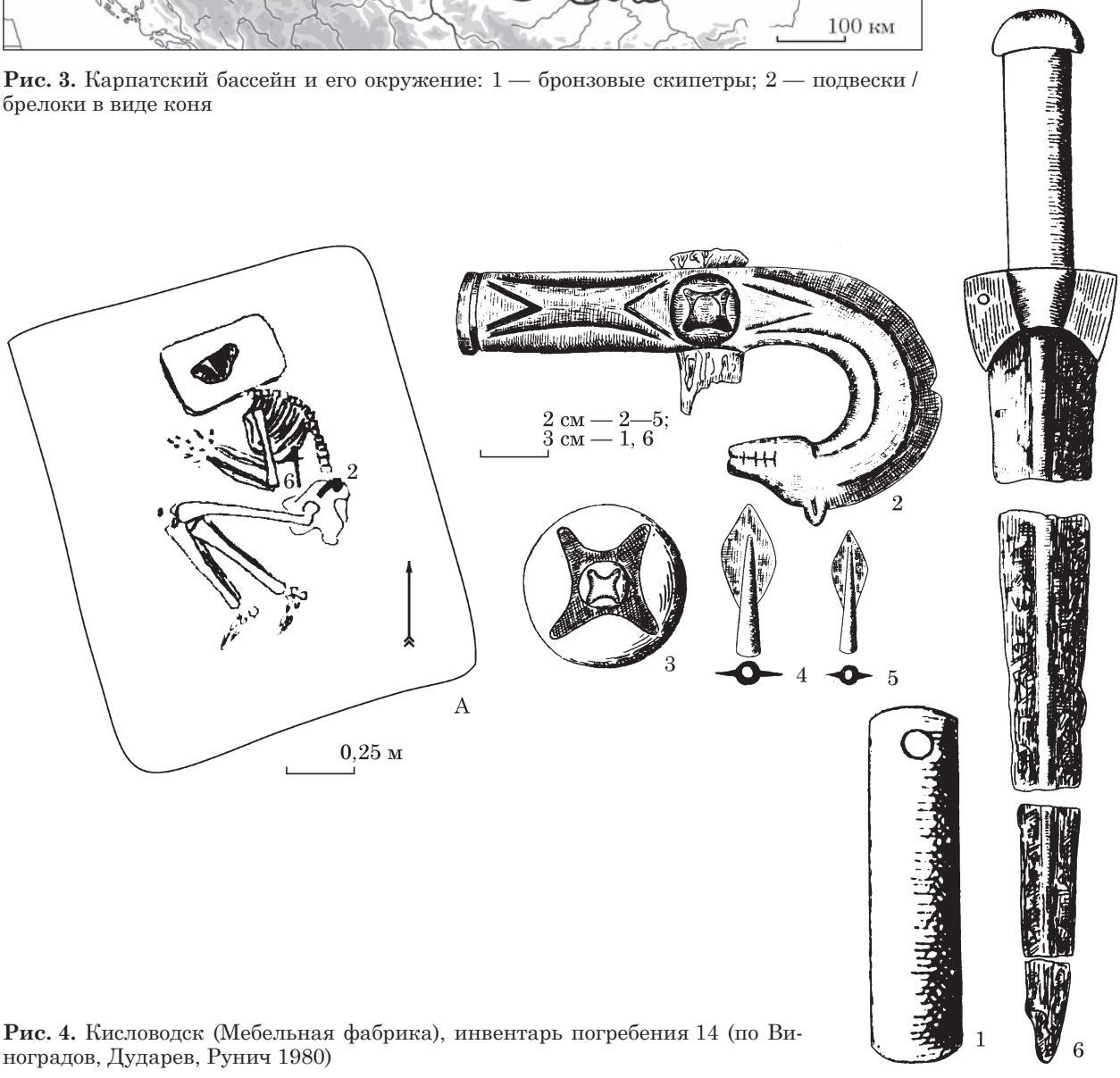


Рис. 4. Кисловодск (Мебельная фабрика), инвентарь погребения 14 (по Виноградов, Дударев, Рунич 1980)

вки хищной птицы» (Ильинская 1965, с. 208, рис. 3: 4—7). Эти изображения действительно выполнены в натуралистичной манере и напоминают голову орла (?) с массивным изогнутым клювом и довольно четко очерченным глазом, расположенным на линии отверстия для рукояти скипетра. В заключении автор констатировала, что скифские и доскифские «*топорики-скипетры*» относятся к группе предметов единой традиции. По ее словам, наиболее характерными для скифских скипетров является: изображения орла и лошади, которые: «*восходят к традициям скипетров предскифского времени, когда образы солнца, орла и коня объединялись*» (Ильинская 1965, с. 209—211).

Вследствие уникального характера и богатого историко-культурного и символического содержания, присущих бронзовым скипетрам из территории Центральной Европы, и, несмотря на их небольшое количество, начиная с 1960-х гг., они постоянно привлекали внимание исследователей (Hančar 1967, S. 113—134; Jacob-Friesen 1968, S. 66—73). Для своего времени интересны комментарии Франца Ганчара по поводу помянутой выше находки в Кисловодске (Hančar 1967, S. 124), касающиеся культурно-хронологических связей бронзовых скипетров с биметаллическими кинжалами с прямым перекрестием и грибовидным навершием, известными на территории Восточной Европы и происходившими, по его мнению, от форм подобных изделий карасукской культуры [1]. Стоит также обратить внимание на его замечания о символической связи между скипетрами и более древними каменными жезлами. С бронзовыми скипетрами их объединяет, по мнению исследователя, аналогичный социальный и религиозный контекст, как символов солярного культа (Hančar 1967, S. 129)

Однако изредка появлялись новые находки, которые пополняли базу источников и вносили новые аспекты в текущую дискуссию. В связи с этим, стоит обратить внимание на статью Гернота Якоб-Фризена, в которой, помимо публикации случайной находки скипетра из Синмихай де Падуре (Sînmihai de Pădure), в верховиях Марушы в Румынии (Jacob-Friesen 1968, Abb. 1), присутствуют некоторые интересные наблюдения. По мнению автора, определить зоологический вид животного, представленного на «клюве» опубликованного им скипетра, невозможно, в силу схематичности изображения, хотя предмет определенно связан с прообразами типа «*Pferdekopfkeulen*». Однако исследователь был убежден, что хронологические различия между натуралистичными или стилизованными изображениями не обозначают длительного «типологического развития» («*typologische» Entwicklung*) [2]. Он полагал, что скипетр из Кисловодска украшен головой животного, принадлежащего к группе «собакоподобных» (Canidae). Г. Якоб-Фризен опровергает также мнение В. А. Ильинской о том, что форма некоторых скипетров воспроизводит силуэт головы хищной птицы с изображением глаза в виде выступа / выпуклости на уровне отверстия для рукояти (проуха), увенченный головой лошади на конце клюва. Он считает, что в данном случае боковые «глаза-выступы», как и на бронзовых чеканах, служили лишь для усиления конструкции скипетра, будучи лишь утолщением боковых сторон проуха в самом уязвимом месте предмета. В то же время они могли оказаться реминисценцией заклепок, фиксировавших первично навершия скипетров (также как бронзовых чеканов) на рукоятке (Jacob-Friesen 1968, S. 71). Вслед за другими исследователями, такими как И. Вернер, М. Гимбутас и Д. Газдапустаи, Г. Якоб-Фризен признает связь бронзовых скипетров из Центральной Европы с т. н. фрако-киммерийским горизонтом (*«thrako-kimmerischen» Pferdegeschirrbronzen*). Появление этих предметов, по мнению исследователя, связано с восточными влияниями из кавказского региона (Jacob-Friesen 1968, S. 71—73). Интересно отметить, что в одновременно опубликованном крупном исследовании Дзюли Газдапустаи, посвященном культурным связям Кавказа с территориями бассейна Дуная в раннем железном веке (Gazdapusztai 1967, p. 307—333), бронзовые скипетры никоим образом не упоминались, хотя в то время уже была хорошо известна находка из Пршедмежице, которая, несомненно, связана с самым началом среднеевропейского периода HaC ранного железного века (Werner 1961, S. 384—385) [3]. Центрально-европейские и кавказские «конноголовые» («*horse-heads*») скипетры были, однако, упомянуты в исследовании Яна Боузека, посвященном отношениям между Кавказом и Центральной Европой в связи с т. н. «киммерийской проблемой» (Bouzek 1983, p. 211, fig. 19; 2, 6).

Среднеевропейские бронзовые скипетры также анализировались или упоминались в различных статьях и монографиях, посвящен-

1. Ф. Ганчар приписывал основную роль в распространении бронзовых скипетров носителям чернолесской культуры (Hančar 1967, S. 120—129).

2. Упомянутая в этой связи Г. Якоб-Фризеном (Jacob-Friesen 1968, S. 69—71) находка бронзовой булавы с изображением головок коня из клада в Свартарпе (Вестергетланд) (Svartarp, Västergötland), в западной Швеции, датируемого по скандинавской хронологии эпохой поздней бронзы (период VI — HaC), является местным гибридным изделием, стилистически не связанным с «карпатскими» или «кавказскими» находками.

3. Сейчас фаза HaC_1 на территории Верхнего и Среднего Дуная датируется временем 810/800/780—720 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254—255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4, 5; Trachsel 2004, S. 316—319).

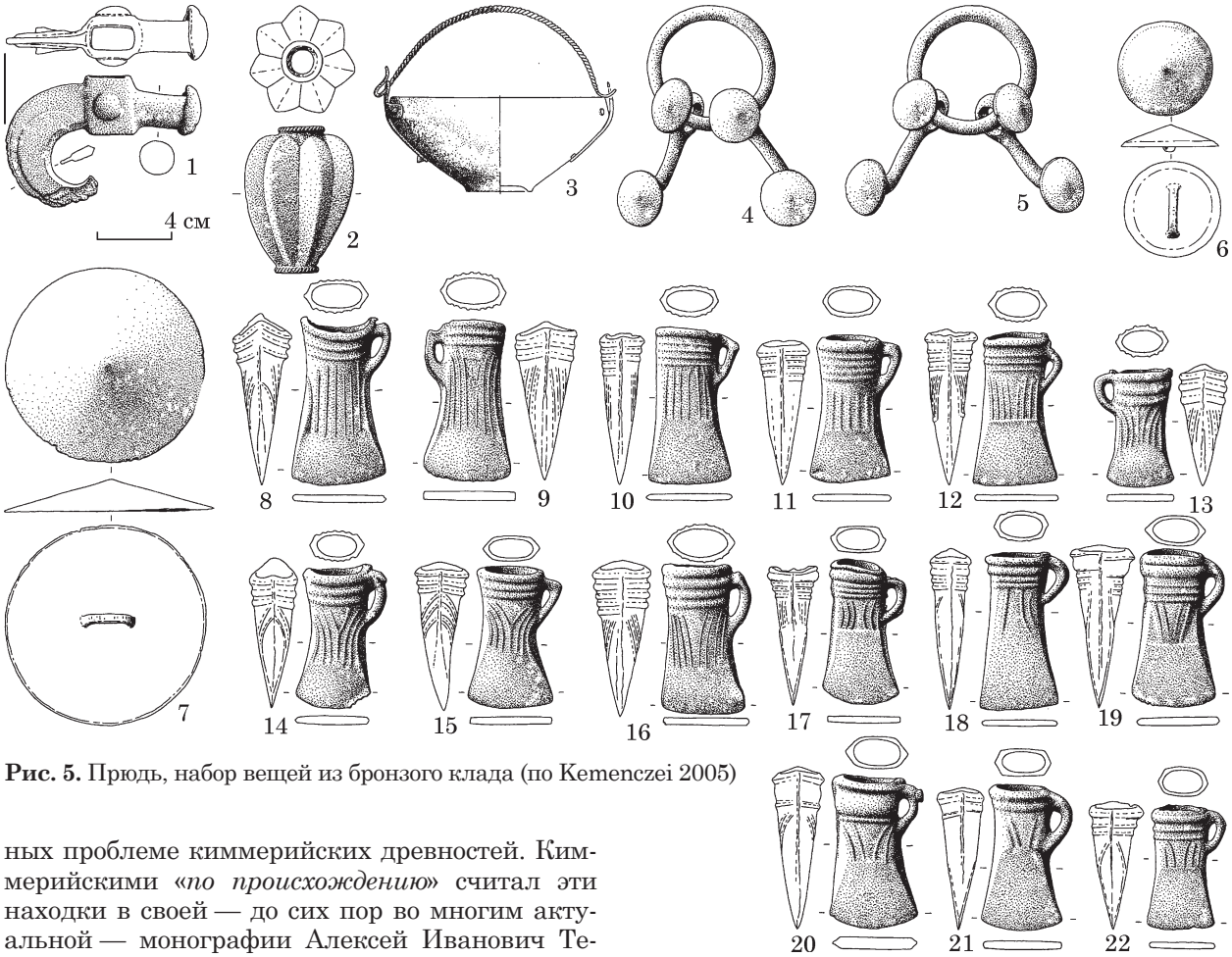


Рис. 5. Прюдь, набор вещей из бронзого клада (по Kemenczei 2005)

ных проблеме киммерийских древностей. Киммерийскими «*по происхождению*» считал эти находки в своей — до сих пор во многим актуальной — монографии Алексей Иванович Тереножкин (Тереножкин 1976, с. 142). Примечательно, что у А. И. Тереножкина бронзовые скипетры, в том числе и находка из Кисловодска, анализируются в контексте изделий, преимущественно изготовленных из камня: булав, топоров, клевцов и боевых молотов, будто бы, символические и практические функции этих предметов представлялись сравнимыми с функциями скипетров. А. И. Тереножкин (Тереножкин 1976, с. 142), упоминает также новую находку «*конноголового*» скипетра из клада 1970 г. в местности Прюдь (Prügy) на северо-востоке Венгрии (Kemenczei 1971, p. 45, fig. 21).

Открытие клада в Прюдь (рис. 5), в котором, помимо бронзового скипетра, также были найдены предметы, служащие хронологическими маркерами среднеевропейского периода HaB_2 (Kemenczei 1981, p. 29—41), остается важным и по сей день. Это второй случай в Центральной Европе, после находки в Пршедмежице, когда происходящий из комплекса скипетр имеет строгую хронологию. Ничто не противоречит первоначальному мнению Тибора Кеменцеи (Kemenczei 1981, p. 38), что перед нами одна из старейших находок «доскифского периода» в Альфельде (*A prügyi lelet a prészkíta kor legidősebb emlékei közé tartozik az Alföldön*) [1]. В хронологический промежуток между позицией этого комплекса и погребением из Пршедмежице необходимо тогда уместить, по мнению Г. Якоб-Фризена (Jacob-Friesen 1968, S. 69), все «типологическое развитие» центральноевропейских скипетров. Если исходить из принятых сегодня хронологических границ периода

1. В последующих публикациях Т. Кеменцеи (Kemenczei 1996, p. 258—263; 2005, p. 48) продолжает придерживаться первоначальной хронологии комплекса находок из Прюдь (Kemenczei 1981, p. 37, 38), сравнивая его с такими комплексами из Карпатского бассейна, как Романд (Románd) или Бикксентласло (Bükkszentlászló), представляющими горизонт кладов, относящихся к IX в. до н. э., т. е. датируемых временем моложе горизонта Хайдубесермень (Hajdúböszörmény) X в. до н. э. Однако он указывает, что для четырех горизонтов кладов (*chronological groups*), выделенных на территории Карпатского бассейна в конце бронзового века и в начале железного века (X—VIII вв. до н. э.), невозможно определить точные временные интервалы (Kemenczei 1996, p. 271). В своих более поздних наблюдениях о бронзовых скипетрах с территории Карпатского бассейна Т. Кеменцеи (Kemenczei 2005, p. 55, 56) приписывает им более широкий культурный и хронологический контекст, вспоминая о находках IX—VIII вв. до н. э. (*späte Urnenfelder- / frühe Hallstattzeit*). По его словам, древнейшей их аналогией является скипетр из Кисловодска; могильник «Мебельная фабрика» (погребение 14), который можно датировать IX в. до н. э. (Kemenczei 2005, p. 55).

HaB_2, к северу от Альп датируемого с 960/950 по 900/890/880 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254—255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4; 5; Trachsel 2004, S. 316—319) [1], и предположения, что комплекс из Прюдь связан, скорее, с более молодым отрезком периода HaB_2 или с рубежом периода HaB_2/HaB_3 (Chochorowski 1993, p. 187), а также из бесспорной датировки погребения Пршедмежице самым началом фазы HaC_1 (810/800/780—720 гг. до н. э.), то — с точки зрения абсолютной хронологии — это временное расстояние укладывается в промежуток между началом IX в. и рубежом IX и VIII вв. до н. э. [2]

К IX в. до н. э. относит комплекс вещей из Прюдь и Карола Метцнер-Небельсик, которая сопоставляла его с комплексами из Физешу-Герли II (Fizeşu Gherli), Ветиш (Vetiş), Мошанец и Адашевци (Adaševci), выделенных ею в отдельный горизонт кладов, обозначенный как «*Stufe V*» (Metzner-Nebelsick 2002, S. 67, Abb. 17). Оценивая появление бронзовых скипетров в Карпатском бассейне, К. Метцнер-Небельсик довольно скептически отнеслась к возможности решения этой проблемы в целом на основе данных хронологии, поскольку контекст в большинстве случайных находок остается неизвестным (Metzner-Nebelsick 2002, S. 464). Исследовательница затронула также тему отсутствия в Центральной Европе, местных традиций для зооморфных изображений в металлопластике эпохи поздней бронзы, о чем ранее уже высказывались и другие авторы. По ее мнению, отсутствие таких традиций свидетельствует не в пользу среднеевропейских истоков «конского мотива» и скипетров в целом. Идея «жезла», увенчанного топором/чеканом или клевцом, тоже чужда местным сообществом культуры полей погребальных урн. Скипетр из клада в Прюдь, который в силу стилистических особенностей кажется более реалистичным, может оказаться, как она полагает, либо импортным, либо местным продуктом, имитирующим восточные образцы («*Dabei ist entweder an einen Import zu denken oder aber an die lokale Produktion nach östlichen Vorbild*»; Metzner-Nebelsick 2002, S. 466).

К. Метцнер-Небельсик рассматривала и альтернативную концепцию о независимом появлении такой формы в Карпатском бассейне в процессе восприняия восточных, кавказских стилистических мотивов, но это представлялось ей наименее вероятным («*Dies erscheint mir weniger wahrscheinlich zu sein*»; Metzner-Nebelsick 2002, S. 466). При этом она обратила внимание на имеющую большое значение для дискуссии находку из могильника Клады (погребение 35) на р. Фарс на Кубани (рис. 6), где бронзовый скипетр входил в состав погребального снаряжения конного воина (Лесков, Эрлих 1999, с. 22, 23, рис. 29, 30). По ее мнению, этот комплекс следует датировать IX в. до н. э. Однако К. Метцнер-Небельсик отмечает, что изображения лошади на скипетрах, которое появляется на Кавказе также в IX в. до н. э., оказывается в принципе тоже новым явлением (Metzner-Nebelsick 2002, S. 464). Здесь стоит упомянуть, что авторы публикации могильника «Фарс / Клады» датируют погребение 35 более поздним временем: первой половиной — третьей четвертью VIII в. до н. э. (Лесков, Эрлих 1999, с. 71), ссылаясь при этом на выявленную в последних роботах Т. Кеменцеи (Kemenczei 2005, S. 55, 56), тенденцию датировать клад из Прюдь и входивший в его состав скипетр, более широко, а именно IX—XIII вв. до н. э. [3]

Проблемы происхождения бронзовых скипетров затронули также в своих роботах, известные исследователи доскифских культур Кавказа и Причерноморья, Сергей Леонидович Дударев и Сергей Владимирович Махортых. Оценивая гипотезу об их кавказском генезисе, в связи с присущей им зооморфной стилистикой, С. Л. Дударев признал, что: «*Действительно, манера украшать предметы, в том числе предметы культово-парадного назначения, како-*

1. Для юго-восточных альпийских районов и шире — западной части Карпатского Бассейна, период HaB_2 определяется как короткая переходная фаза, датируемая примерно 950/920 гг. до н. э. (Pare 1998, Tab. 4, 5). В более широком понимании это соответствует младшему этапу фазы HaB_2, согласно М. Трахселю, датируемой примерно 950—900 гг. до н. э. (Trachsel 2004, S. 316—319). Эта датировка не отличается существенно от более ранних попыток датировать HaB2 в североальпийской зоне, временем 950—880 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254, 255) или новейших построений того же автора (960—900 гг. до н. э. — Sperber 2017, S. 299). Сопоставление хронологических границ центральноевропейского периода HaB_2 с дендрохронологическими датами, полученными при анализе построек швейцарских озерных поселений, решающими для их подтверждения (Metzner-Nebelsick 2002, S. 46), сталкиваются с некоторыми трудностями. После фазы HaB_1 на некоторых поселениях наблюдается период запустения, за которым следует развитие нового этапа, со стилистикой характерной уже для фазы HaB_3 (Rychner 1995, S. 471; Metzner-Nebelsick 2002, S. 46). Возможно, оптимальным было бы рассматривать центральноевропейскую фазу HaB_2 как короткое переходное явление, датируемое в соответствии с предложением В. Рыхнера (Rychner 1995, Abb. 24) в пределах 950—890 гг. до н. э.
2. Таким образом, это будет расстояние примерно ±90 лет, это обозначает где-то три поколения пользователей скипетрами.
3. Речь идет о мнении, свойственном преимущественно Владимиру Р. Эрлиху, автору главы о хронологии в цитируемой монографии, который, в рамках многолетней дискуссии, начавшейся после работы Георга Коссака (Kossack 1987, S. 24—86), позиционирует себя как сторонника «умеренной» датировки доскифского и раннего скифского периодов, не соглашаясь с их ранней хронологией (Лесков, Эрлих 1999, с. 69),

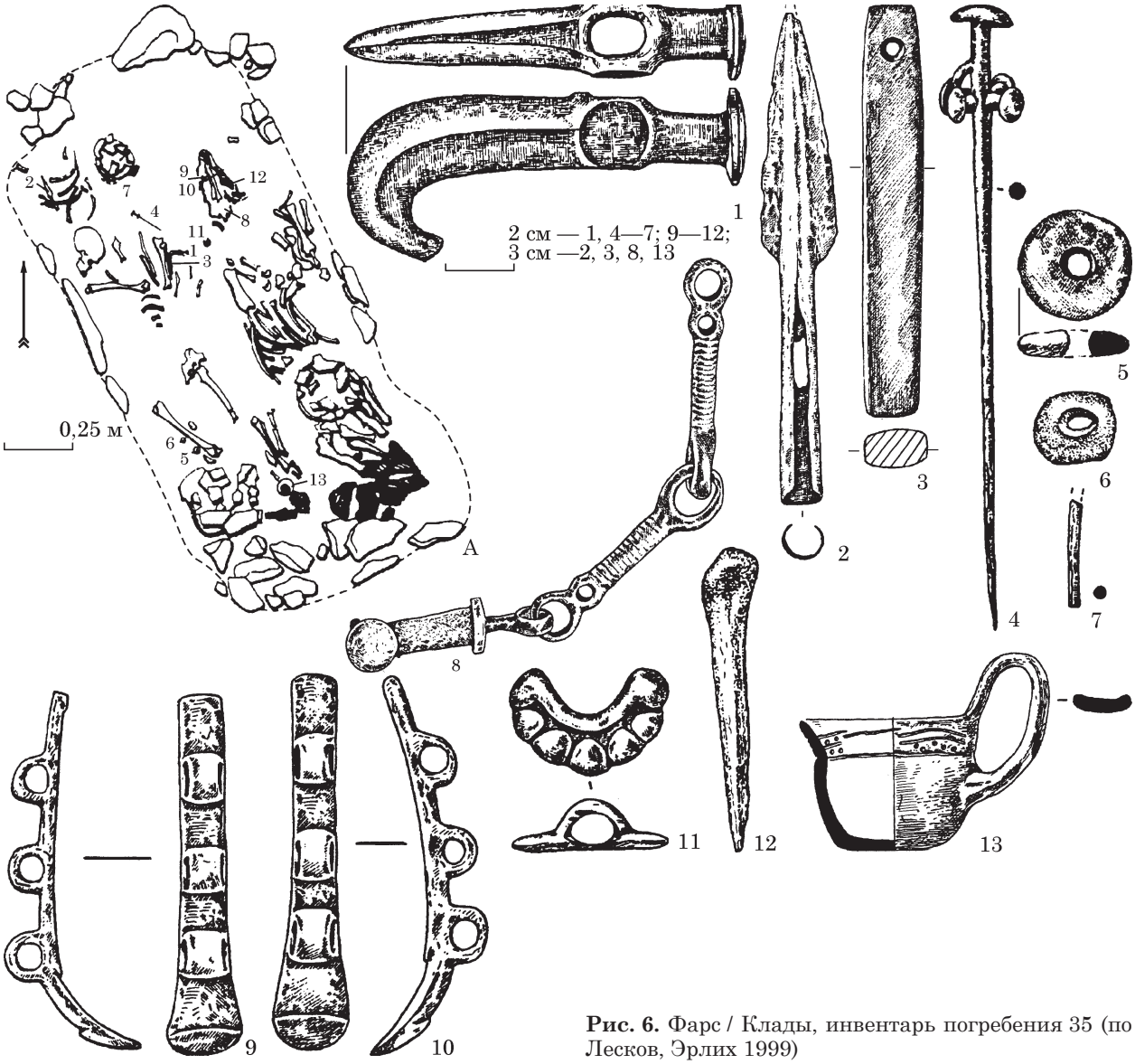


Рис. 6. Фарс / Клады, инвентарь погребения 35 (по Лесков, Эрлих 1999)

вое, безусловно, имеет секира из Кисловодска, головками животных, присуща кобанскому культурному миру» (Дударев 1991, с. 50). «*Думается* — писал он далее, — *что оформление подунайских скипетров действительно связано с Кавказом*» (Дударев 1991, с. 51). Однако он обратил внимание на раннюю хронологию клада из Прюдь, подчеркнув при этом, что проблема происхождения скипетров далека от своего решения. По его мнению, скипетр из Кисловодска: «*является отражением уже обратного влияния подунавских культурных центров на кобанские племена, чему благоприятствовала киммерийская "передаточная среда"*» (Дударев 1991, с. 51). В другой работе (Дударев 1999, с. 23), исследователь также отметил, что: «*На Северном Кавказе же птицеголовые образцы крайне редки (Фарс 35), а их схема не "стыкуется" здесь с мотивом конской головы. Причину такого явления мы усматриваем в том, что на Кавказе в эпоху поздней бронзы — начала раннего железа существовала традиция украшения подобных культово-парадных предметов головами плотоядных животных с синкретическими чертами (барсо-волк, собако-волк)…, что лучше отвечало воззрениям автохтонов. Поэтому следует предположить,* ***что "ретрансляции" в Среднюю Европу манеры украшать предметы конскою головой способствовали именно кочевники Восточной Европы***».

В свою очередь С. В. Махортых, комментируя тот факт, что в Центральной Европе «*нет формальных предпосылок для появления этих предметов*» (т. е. скипетров), отмечает: «*Вместе с тем, представленные на них детали оформления и их морфология* ***чужды для традиционной кавказкой среды****, но зато проявляются на предметах, входивших в круг древностей киммерийского типа из Центральной и Восточной Европы, что заставляет искать истоки возникновения этих форм предметов в районах, локализующихся западнее и севернее Предкавказья*» (Махортых 2003,

с. 52). Следует, однако, отметить, что в среде «киммерийских» кочевников Причерноморья бронзовые скипетры вообще не были известны. Интересно, что кроме редких находок каменных клевцов и топоров (Тереножкин 1976, с. 141, 142, рис. 19: 9, 44), бронзовые топоры-чеканы — в том числе кобанского типа (Тереножкин 1976, рис. 8; Скорый 1999, рис. 24: 10—12), были здесь весьма редкими находками (Махортых 2005, с. 31—51). Как писал в свое время известный знаток лесостепных и степных кочевников Сергей Анатольевич Скорый: «*Как и в Лесостепи, топоры кавказского происхождения еще* ***ни разу не найдены ни в одном из киммерийских захоронений степного причерноморского ареала…*** *Видимо, будет вполне правомерно говорить о том, что боевые топоры, как тип вооружения, вообще не играли какой-либо существенной роли в воинском деле киммерийцев*» (Скорый 1999, с. 39). Нельзя также не отметить, что в металлопластике доскифских обществ Причерноморья не известны изображения головы лошади, которые характерны для среднеевропейских скипетров. Обсуждая проблему генезиса скипетров, я писал (Chochorowski 1993, p. 133), что в кочевой среде Великой Степи на пороге исторического периода, мотив конской головы (причем в натуралистической манере) отчетливо проявился только среди вещей кургана Аржан 1 в Туве (Грязнов 1980, рис. 15: 1—3). В культурной модели, представленной в этом комплексе — которая сформировалась в Средней Азии не позднее как на протяжении IX в. до н. э. (Чугунов, Парцингер, Наглер 2017, с. 179) [1] — присутствуют также такого рода элементы воинского снаряжения, как бронзовые клевцы (Грязнов 1980, рис. 11: 6), форма которых была характерна и для тагарской культуры среднего течения Енисея (Вадецкая 1986, табл. 6: 12; Parzinger 2006, Abb. 202: 11; 203: 7—14).

Самый большой вклад интелектуальной вдумчивости в исследование «природы» бронзовых скипетров, как регионов Кавказа, так и Центральной Европы внес Владимир Роальдович Эрлих (Эрлих 1990, с. 247—250; 2004, с. 106—110; 2005, с. 151—162; 2007, с. 112—114). В его работах проблема стилистической интерпретации зооморфных изображений была связана с генезисом скипетров. Для определения характера этих памятников В. Р. Эрлих использует общее понятие — «*птицеголовые скипетры*», аргументируя, что это: «*“птицеголовые скипетры”, а не “конноголовые”, так как такой признак, как наличие конской головки на конце клюва, не является всеобщим даже для среднеевропейских образцов*» (Эрлих 1990, с. 247). Окончание «головки» скипетра из Кисловодска он интерпретирует, подобно многим другим исследователям (Виноградов 1972, с. 155; Виноградов, Дударев, Рунич 1980, с. 185; Дударев 1991, с. 51; Махортых 1996, с. 115), как изображение «*хищника*» (Эрлих 1990, с. 247) [2]. В. Р. Эрлих отвергает точку зрения Валентины Ивановны Козенковой (Козенкова 1975, с. 65) о кавказском происхождении «птицеголовых скипетров», подчеркивая, что: «***для кобанских бронз доскифского времени вообще не характерен мотив головы хищной птицы***» (Эрлих 1990, 248).

В поисках прототипов «птицеголовых скипетров» В. Р. Эрлих (Эрлих 1990, с. 248, 249; 2004, с. 106) сослался на некогда высказанное мнение Бернарда Хэнселя (Hänsel 1976, S. 40, 41) о морфологическом родстве скипетров Центральной Европы с парадными бронзовыми топориками (*Prunk- oder Paradeaxt*) типа Дражна де Жос (Drajna de Jos) из юго-восточной Румынии (Vulpe 1970, Taf. 67: 4). Эти топорики (рис. 7) известны также благодаря двум литейным формам, происходящим из клада в местности Побит Камък (Pobit Kamăk) в северо-восточной Болгарии (Hänsel 1976, Taf. 1: 1, 2; Черных 1978, с. 254—256, табл. 69: 1, 2). Подобная находка обнаружена и в кладе из Лозово (Lozova) в центральной части Молдовы, связанным с поздней культурой Ноа и датируемым XIII — началом XII в. до н. э. (Дергачев 1975, с. 13—18, рис. 4—6; 1986, с. 165—170, рис. 48, 24). Точно так же, XIII в. до н. э. (Reinecke BzD), датируется клад из Дражна де Жос, связанный с горизонтом кладов Уриу-Доманешти-Драгомиреште-Оупали (Uriu-Domăneşti-Dragomireşti-Ópályi; Petrescu-Dombovița 1977, p. 78, 79, Taf. 91: 3). Однако в последнее время появилась тенденция расширять хронологические рамки этого горизонта, как и периода Reinecke BzD, до второй половины XIV в. до н. э. (László 2006, p. 46—48), на основании дендрохронологической датировки известного остова финикийского корабля, затонувшего у мыса Ульу-бурун (Uluburun), вблизи полуострова Гелидония (Gelidonya), в юго-западной Турции (Pulak 1996, p. 12, 13). Характерная особенность этих топориков — «грибовидный» обушок и сильно закрученный каннелированный клюв-головка в передней части. Топорики из кладов в Побит Камък и села Лозово, на уровне втулки для рукояти имеют выпуклый, декоративный элемент. Это действительно напоминает стилизацию головы птицы с подогну-

1. Высказанная в свое время мысль (Chochorowski 1996, p. 248) на счет ранних, достигающих даже X в. до н. э., «корнях» аржанской модели культуры раннеисторических кочевников (может, даже — скифов), представляется сейчас более рельной, по мере накапления археологических источников (Чугунов 2013, с. 97—102; 2020, с. 58—60).

2. Помимо этой основной интерпретации, были также высказываны мнения, что изображенное животное относилось к группе «собакоподобных» (Jakob-Friesen 1968, S. 71) или напоминало голову лошади (Ильинская 1965, с. 209; Bukowski 1976, p. 79).

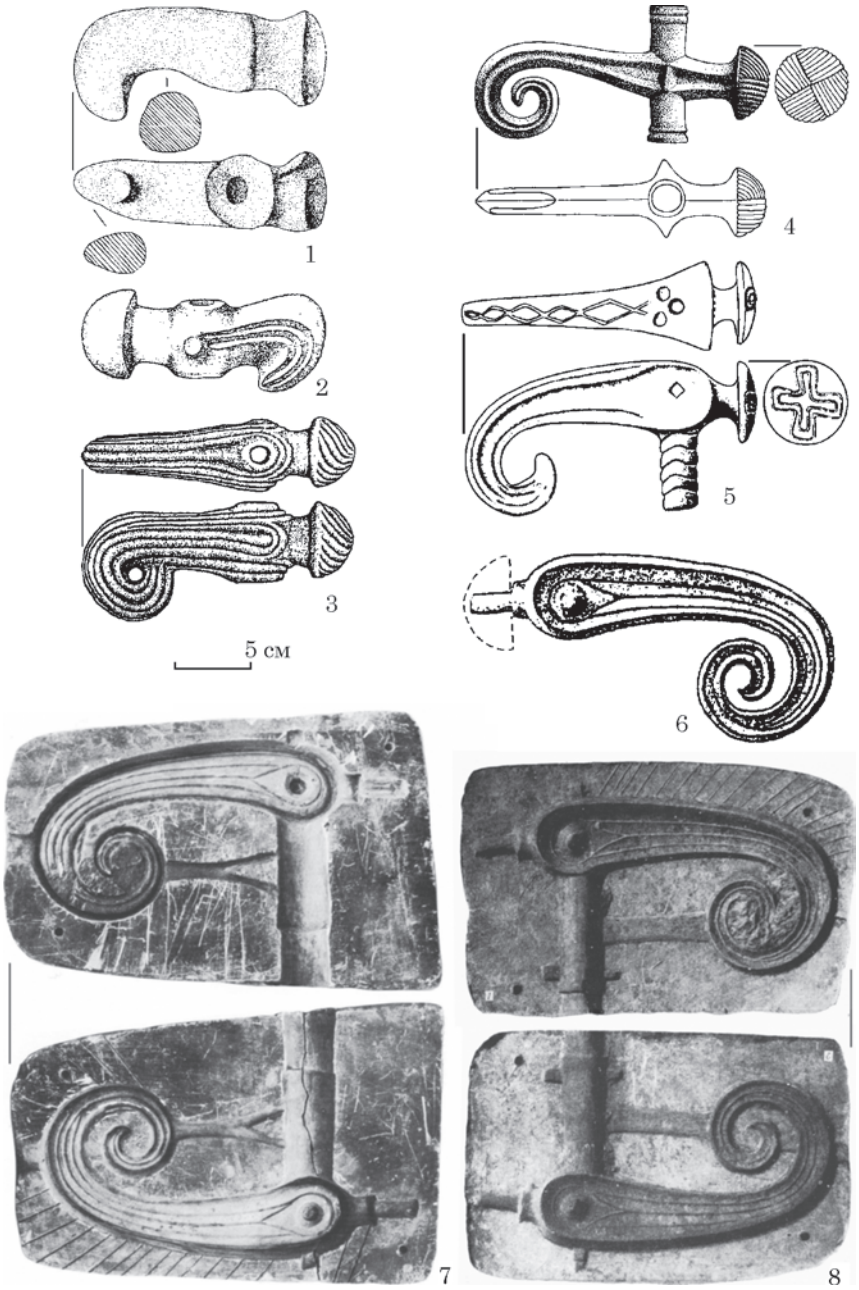


Рис. 7. Каменные и бронзовые «птицеголовые» топоры-обухи из Юго-Восточной Европы: 1 — Пантелимон де Сус; 2 — Люлин; 3 — Ульубурун; 4 — Дражна де Жос; 5 — Лозова; 6 — Побит Камык, вид топора на основе литейной формы; 7 — Побит Камык, Музей Разград; 8 — Побит Камык, Археологический музей, София (по: 1, 2 — Irimia 2008; 3 — Buchholz 1999; 4 — Vulpe 1970; 5 — Дергачев 1975 и László 2006; 6 — László 2006; 7 — Hänsel 1976; 8 — Черных 1978)

тым клювом, а выпуклое украшение на обеих сторонах, можно считать имитацией глаза. Образец из Дражна де Жос, напротив, имеет в этом месте профилированную поперечную выпуклость, явно служившую практическим целям усиления его конструкции.

Эта предполагаемая имитация «глаза» на обеих сторонах топориков играет важную роль в дискуссии, поскольку как В. А. Ильинская, так и В. Р. Эрлих придают этой стилизации особый смысл. Как пишет В. Р. Эрлих: «*о том, что все эти скипетры объединяет единый зооморфный образ обособленной головы хищной птицы, свидетельствует признак, имеющийся на всех без исключения скипетрах этой серии — это "глаз" животного, переданный различными способами, находящийся на проухе топора-скипетра. Это могут быть симметричные солярные розетки в виде вписанного в круг ромба (Мебельная фабрика или вихревая розетка (комитат Туроч), округлая выпуклость — на скипетрах из Фарса, Прюдь и Сынмихай де Падуре, сквозное отверстие на скипетре из Батина, или симметричные налепы (Пжедмежиц). Объяснить наличие этого изобразительного элемента, имеющегося на всех без исключения скипетрах, можно только тем,* ***что древние их обладатели видели в самом по себе скипетре отдельный зооморфный образ хищной птицы****, понять который помогают скипетр из Фарса и топорики из протомеотских памятников как бронзовые, так и каменные*» (Эрлих 2004, с. 107).

ДИЛЕММЫ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА БРОНЗОВЫХ СКИПЕТРАХ

В подтверждение этого тезиса В. Р. Эрлих обращается к серии бронзовых «протомеотских» топоров с асимметричным лезвием (рис. 8), имеющим с обеих сторон отверстия для рукоятки, декоративные утолщения и выпуклости, которые также могут имитировать «глаз» (Эрлих 2004, рис. 1: 9, 10, 17). Особенно интригующим является, однако, обращение им внимания и на протомеотские каменные топорики с асимметричным, «висящим» лезвием, иногда даже в виде изогнутой, «клювоподобной» головки (рис. 9). Действительно, эти формы могут

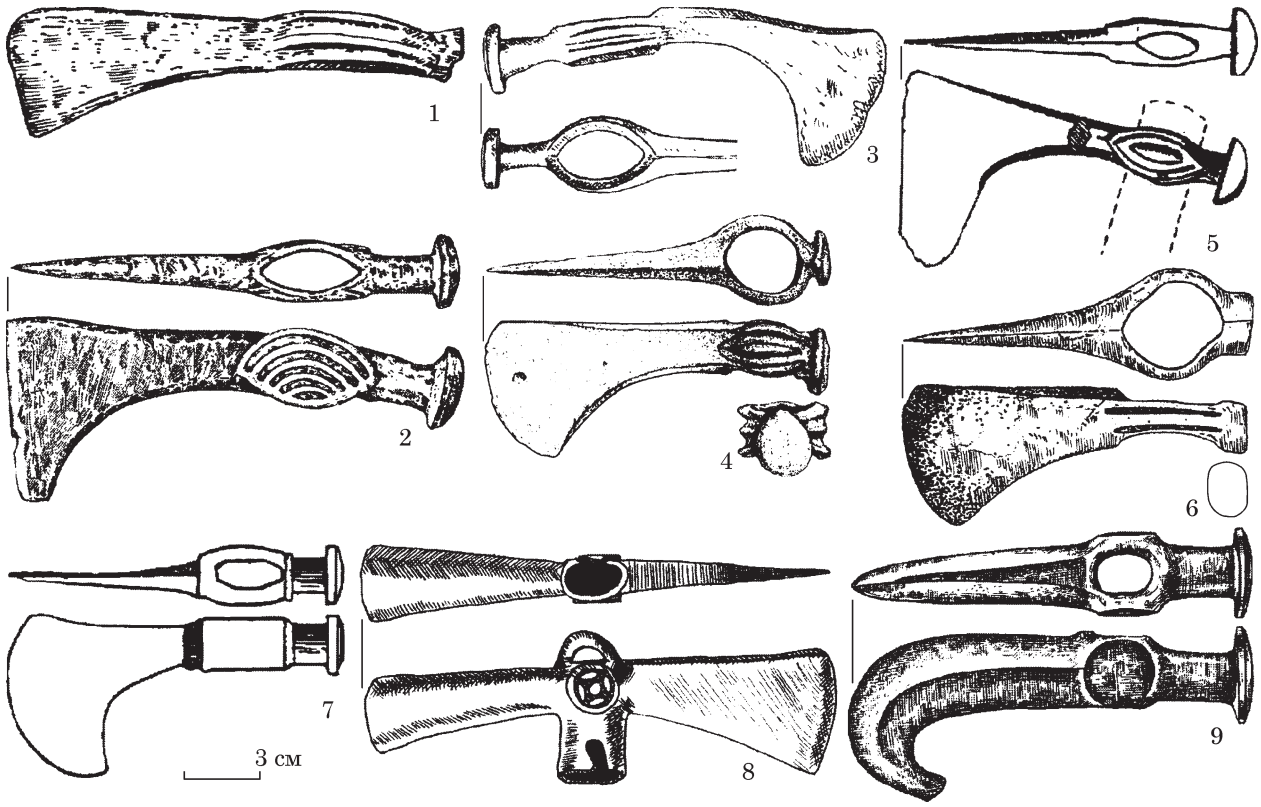


Рис. 8. Бронзовые топоры с территории Предкавказья: 1 — Майкоп (окрестности города); 2 — Абадзехская станица; 3 — Каменномостская станица; 4 — Шапсугская станица; 5 — Кочипэ; 6 — Бесленеевская станица; 7 — Абадзехская станица; 8 — Кубанский могильник, погребение 50; 9 — Фарс / Клады, погребение 35 (по Эрлих 2007)

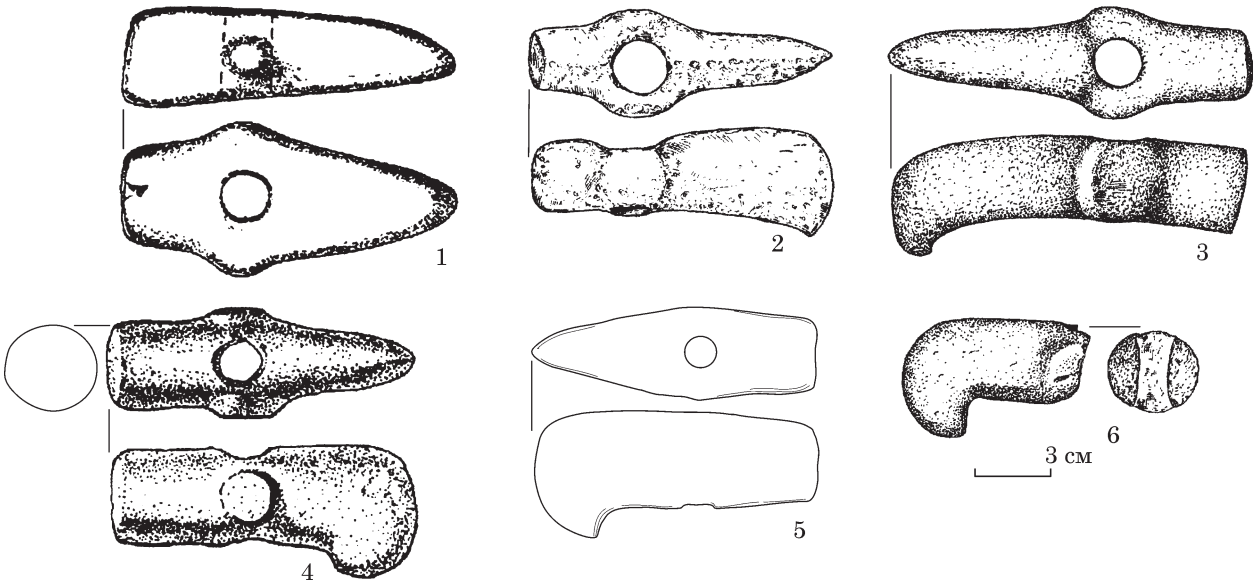


Рис. 9. Каменные топоры с территории Предкавказья: 1 — Зандак, погребение 51; 2 — Краснодарское водохранилище, левый берег; 3, 6 — аул Тауйхабль, окресности; 4 — Султан-Гора I, погребение 7; 5 — Кубанский могильник, погребение 5 (по Эрлих 2005 и 2007)

напоминать изогнутый клюв и голову птицы. С полной уверенностью их можно также считать прототипами бронзовых скипетров с загнутой вниз передней частью (головкой). Однако эти топорики имеют утолщения по обеим сторонам проуха явно практического характера. Несомненно, они должны были служить укреплению изделия в самом слабом месте; разломы в этой части зафиксированы неоднократно (Эрлих 2004, рис. 1: 15). Тщательно обработанная круглая или овальная, иногда даже «пуговицообразная» форма этой выпуклости оказывается обычным результатом особенностей технологии обработки камня.

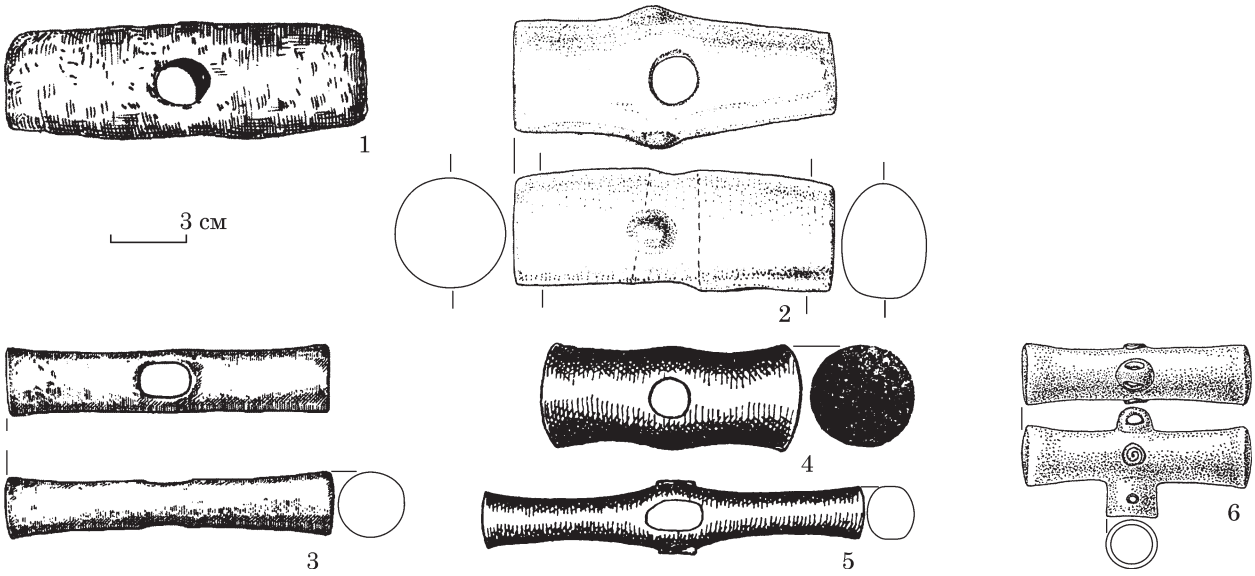


Рис. 10. Каменные и бронзовые молотки с территории Предкавказья: 1 — Кубанский могильник; 2 — Краснодарское водохранилище, левый берег, Казазово?; 3 — Фарс / Клады, погребение 9; 4, 5 — Кисловодск, Мебельная фабрика, погребения 6 и 28; 6 — Казазово (по: 1—3, 6 — Эрлих 2007; 4, 5 — Виноградов, Дударев, Рунич 1980)

Этот своеобразный пережиток, как по практическим (усиление конструкции), так и по эстетическим (декоративная форма скипетров), причинам, мог быть сохранен в технологии бронзового литья, более приспособленного для изготовления сложной, даже «фантазийний» формы изделия. Утолщения, овалы, выпуклости и т. д. по обеим сторонам отверстия (проуха), особенно на бронзовых топориках и скипетрах, возможно, восходили в виде реминисценции к их каменным прототипам. На этот технологический аспект морфологии бронзовых скипетров обращал уже внимание в свое время Г. Якоб-Фризен (Jacob-Friesen 1968, S. 71). Хорошим аргументом в этом плане является наличие подобных утолщений, декоративных мотивов или выпуклостей на топориках-чеканах и особенно на цилиндрообразных каменных и бронзовых «боевых молотках» (рис. 10), совершенно не напоминающих птичью голову (Эрлих 2004, рис. 1: 17—19). В. Р. Эрлих утверждает, что «*этот выступ-"глаз" придавал жезлу pars pro toto признак зверя, "оживлял" его, увеличивал его магическую "силу"*» (Эрлих 2004, с. 109). Однако эта особенность имела более широкий охват и не ограничивалась только бронзовыми «птицеголовыми» скипетрами или топорами и молотками, выполняющими символическую функцию «жезлов». Это, несомненно, технологическая черта прослеживается и на каменных эквивалентах таким изделиям. Конечно, сама форма топора (даже каменного), с изогнутой «головой», могла вызвать ассоциацию и эстетическое отождествление с «головой хищной птицы». Однако представляется более вероятным, что создание такой формы связано со спецификой технологического процесса и его продолжительностью, даже после преодоления сырьевого барьера: камень — бронза. Таким образом, не похоже, что мы имеем дело с сознательным и преднамеренным изображением символа или идеи «птицы», материализованных в том или ином материале. Скорее, эта символика был приписана технологической форме, возникшей в процессе изготовления изделия. В этом случае первична «материя», а «идея» — вторична.

Интересно, что сходное явление прослеживается и в юго-восточной Европе, в зоне присутствия вышеупомянутых скипетров типа Дражна де Жос. Среди находок, связанных с культурной средой памятников Ноа-Коследжени-Сабатиновка (Noua-Coslogeni-Sabatinovka) и в зоне их влияния, направленном в сторону Эгейского моря, известны каменные скипетры с «грибовидным» обушком и загнутой вниз головкой (рис. 7: 1, 2), напоминающие клюв или голову хищной птицы (орла?, сипа?) (Irimia 2008, p. 80). Один из них, с гладкой поверхностью без декора, происходит из местности Пантелимон де Сус (Pantelimon de Sus) близ Бухареста, другой, украшенный по бокам изогнутого «клюва» каннелюрами — из местности Люлин (Ljulin) близ Ямбола, в юго-восточной Болгарии (Irimia 2008, fig. 2; 3: 2). У находки из Люлина также есть выпуклости, расположенные с обеих сторон по центру, на уровне проуха, которые вместе с бороздками, подчеркивающими линию «клюва», как бы имитируют общей формой «голову» хищной птицы. Михаил Иримиа (Irimia 2008, p. 87, 88) сопоставляет эти находки с рифленым топориком-скипетром, найденным в остове корабля у мыса Ульу-бурун (рис. 7: 3). Его происхождение также связывается с восточной частей Балканского полуострова или с Северным Причерноморьем (Buchholz 1999, S. 74; László 2006, p. 44—49). Однако скипетр, найденный на корабле, покрыт канелюрами по всей повер-

хности (включая «грибовидный» обушок), что, скорее, создает впечатление обработки, нацеленной на повышение эстетической ценности и эксклюзивности изделия. Благодаря способу декорирования этого скипетра, и тому, что его «головка» изогнута в форме замкнутого кольца, он считается имитацией бронзовых скипетров-обушков типа Дражна де Жос, Лозова и Побит Камък (Buchholz 1999, S. 68—78; László 2006, p. 44). У всех этих экземпляров, несмотря на очень малый диаметр проуха, центральная часть явно утолщена, что, несомненно, является технической необходимостью. Не вдаваясь в дискуссию, какие из них были прототипами, а какие — имитациями (каменные для бронзовых или обратно), необходимо признать, что их взаимосвязь не вызывает сомнений, как и взаимосвязь протомеотских, каменных и бронзовых топориков / чеканов / скипетров на Кавказе (Эрлих 2007, с. 114).

Так как скипетры типа Дражна де Жос и их каменные аналоги типа Люлин относятся к периоду между серединой XIV и концом XIII в. до н. э. (Reinecke BzD), то самые ранние из среднеевропейских бронзовых скипетров относятся к фазе HaB_2, датируемой с 960/950 по 900/890/880 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254, 255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4, 5; Trachsel 2004, S. 316—319), т. е. второй половиной X в. до н. э. Таким образом, хронологический разрыв между временами бытования этих предметов составляет примерно 200—300 лет, не говоря уже о динамике исторических процессов, разделяющих эти два периода. Содержанием этих процессов был, среди прочего, кризис и крах всей культурной модели Ноа-Косльоджени-Сабатиновка, а также глубокие цивилизационные, социальные, этнические и другие изменения во всей юго-восточной Европе и в Восточном Средиземноморье, связанные с активностью т. н. «Народов Моря» (Sanders 1978; Клочко 1990, с. 10—17; Klochko 1993, p. 74—77; Śliwa 2004, p. 43—53; Ciszewska 2011, p. 427—433; Pietrzyk 2011, p. 5—18; Отрощенко 2018, с. 7, 8). Как однозначно полагают знатоки обсуждаемой проблематики (Metzner-Nebelsick 2002, S. 465), является очевидным, что бронзовые скипетры типа Дражна де Жос никаким образом не могут рассматриваться как прототипы «конноголовых» скипетров из территории Карпатского бассейна и, по-видимому, также Кавказа. Если, однако, на Кавказе стоит предположить вероятность создания местных форм бронзовых скипетров на основе бронзовых (и возможно каменных), «птицеголовых» (?) топориков, то в случае с Карпатским бассейном, нужно искать какое-либо иное внешнее воздействие, совершенно чуждое местной культуре полей погребальных урн. Следовательно, возникает вопрос, могла ли это быть — как принято считать — «кавказская» инспирация?

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ РАЗБОР ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ И КАВКАСКИХ БРОНЗОВЫХ СКИПЕТРОВ

Эта проблема требует, прежде всего, стилистического анализа скипетров как Центральной Европы, так и Кавказа с учетом их сходства и различия, заметных в художественной манере изображения (иконизации) зооморфных представлений. Очень важным является указанный В. А. Ильинской и замеченный также В. Р. Эрлихом синкретизм этих представлений. Как пишет В. Р. Эрлих: «*мы можем рассматривать птицеголовые скипетры с дополнительным образом, как случаи зооморфного превращения клюва хищной птицы в шею и голову лошади (Средняя Европа), и шею, и голову хищника (“Мебельная фабрика”)*» (Эрлих 2007, с. 113). Несомненно, что в случае двух скипетров известных из территории Карпатского бассейна, а именно экземпляра из канала Шарвиз и находки из территории Турчанской котловины на севере Словакии (рис. 2: 1, 2), мы имеем дело с натуралистическим, четко выражающим видовые биологические черты, изображением головы лошади на изогнутой шее. Этого рода изображения должны быть, как это ясно высказал Анатолий Робертович Кантарович (Кантарович 2016, с. 4, 5), вдохновлены «*природным прототипом*», то есть реально существующей «моделью», черты которой «художник-металлург» отразил в объеме, определенным технологией бронзового литья и собственными художественными умениями и навыками. Это — эффект воссоздания в бронзе зрительного ощущения, связанного с непосредственным наблюдением типичных черт конкретного животного или его образа, сохраненного в личном сознании. Реалистичность «образной» манеры подтверждается наличием на «шее» обоих упомянутых изображений, элементов «упряжки»: поясов или поводьев, подстегнутых под шеей лошади. Это особенно заметно при графическом изображении *en face* головы на скипетре, найденном в канале Шарвиз (рис. 11). Однако здесь отсутствуют какие-либо (!) элементы, которые бы в столь же натуралистической манере изображали голову или клюв птицы. Я, конечно же, воздерживаюсь здесь от общей ассоциации формы скипетра с головой птицы (Ильинская 1965, с. 207, 208), поскольку это не имеет ничего общего с реализмом изображения, что, несомненно, было настоящим намерением художника-изготовителя.

Существенным элементом моделирования головы лошади, на который я уже обращал внимание (Chochorowski 1993, p. 131, 132), является имитация короткой «стоячей» гривы, четко обозначенной на хребте дугообразно подогнутой шеи. Как известно, это одна из характерных черт лошади Пржевальского (Поляков 1881, с. 1—23), тарпана и других родственных

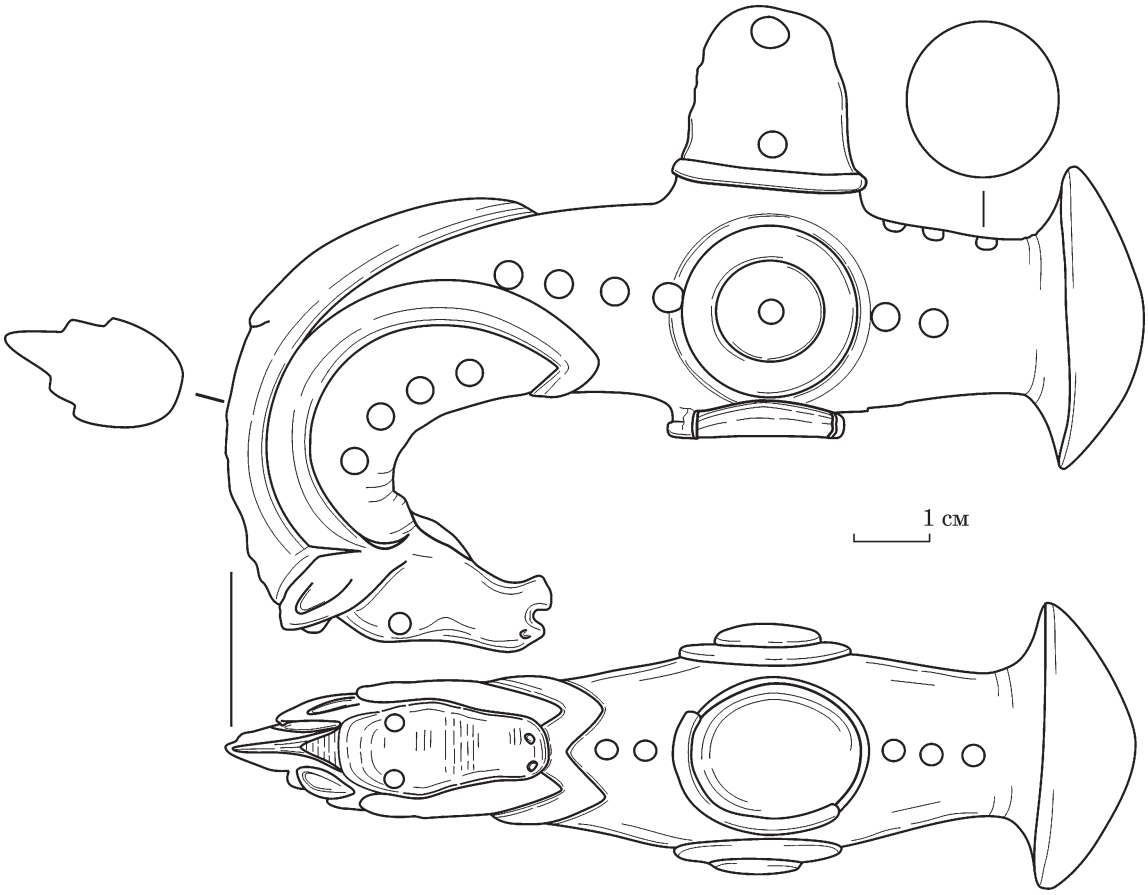


Рис. 11. Скипетр из канала Шарвиз, контурный чертеж, рис. автора

Рис. 12. Чертомлыцкая амфора; сцена спутывания ног коня скифским всадником (по L'art Scythe 1986)

им пород (Grabowski 1982, p. 10—13), которые широко разводились кочевниками Великой Степи. Одним из наиболее ярких свидетельств использования лошадей этого вида в скифской среде, среди прочего, является фриз на серебряной амфоре из кургана Чертомлык (Ковалевская 1977, с. 112, 113; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 120—122, 184—185). Здесь четко зафиксировано использование лошадей со «стоячей» короткой и вероятно, подстриженной гривой (рис. 12). О распространении этого обычая среди кочевников писал уже давно известный знаток конного дела и археологии всадничества, Александр Владимирович Симоненко, подчеркивая важность этой особенности как признака уже объезженной лошади (Симоненко, 1987, с. 141). В среде степных сообществ обычай стрижки гривы отличал подготовленных к верховой езде особей. В древней (в том числе ассирийской) иконографии эта особенность считается характерным признаком, отличающим изображения верховых конных лучников (Витт 1952, с. 198). Несомненно, металлурги, проживавшие на территории Карпатского бассейна в тех обществах, представители которых в IX в. до н. э. пользовались бронзовыми скипетрами, изображали верховых лошадей с короткими стоячими, специально ухоженными гривами, типичными для пород, традиционно используемых степными кочевниками. Тот факт, что в раннем железном веке разведение лошадей вида тарпанов (т. н. «восточной группы») стало популярным на Венгерской равнине (Bökönyi 1954, с. 104-109), подтверждается археологическими открытиями, в т. ч. захоронениями коней в Сентеш-Векерзуг (Szentes-Vekerzug; Párducz 1952, Pl. XLII: 1, 2; L: 1, 2), а также историческими данными о народе сигиннов, населявших эту территорию (Chochorowski 1987, p. 189—195; Хохоровски 2017, с. 233—238).

Показательный характер имеет также разнообразие форм, особенно моделирования головы лошади, характерно и для других скипетров из Карпатского Бассейна и прилегающих

территорий. Экземпляры из Прюдь и Синмихай де Падуре (рис. 2: 3, 4), весьма похожие друг на друга, характеризуются упрощением и своего рода сокращением видовых характеристик изображения головы, но с явным акцентом на наличие «гривы» на хребте массивно очерченной шеи. Однако, как и у экземпляров из Шарвиза и Турчанской котловины, здесь четко обозначены «торчащие» уши. У скипетров из Батины и Пжедмежице (рис. 2: 5, 6) отчетливость очертаний головы и шеи оказалась практически изжитой; сохранилась лишь реликтовая модель «гривы». У экземпляра из Батины «грива» была отмечена только угловым, острым выступом гребня подогнутой шеи от проуха до конца головки с ушками (?), отмеченными с обеих сторон в виде выпуклостей. Если, вслед за Т. Кеменцеи (Kemenczei 2005, S. 139, Taf. 43: A), в эту группу изделей включить также случайную находку из Бекеш-Ходьмаши (Békés-Hagymási), то здесь можно увидеть практически полное исчезновение зооморфного мотива, при сохранении общей морфологии скипетра с «тупо» оконченой головкой (рис. 2: 7). Если не считать «грибовидного» обушка и загнутой втулки с подобным завершением, сходство с натуралистическими экземплярами прослеживается только в присутствии изображения элементов «упряжи» в виде «поясов» (?) у основании шеи (?) [1].

Проведенный анализ свидетельствует, что набор бронзовых скипетров с территории Карпатского бассейна представляет собой самостоятельный феномен, демонстрирующий внутреннюю изменчивость, проистекающую из логических принципов «последовательности» или «типологической линии». Здесь мы имеем дело с эволюцией одного и того же образца (материализированной идеи) в очередних стадиях: 1) **визуализации / иконизации** «природного прототипа», т. е. головы лошади (находки из канала Шарвиз и Турчанской котловины), 2) различных уровни **стилизации и унификации** (Синмихай де Падуре и Прюдь), 3) **геометризации** (Батина и Пжедмежице), 4) **деградации** первичного мотива (Бекеш-Ходьмаши). В результате, в финале процесса, уже форма скипетра сама по себе отражала исходную идею и ее символику в такой же степени, как и «натуралистические» образцы. Причиной ухода от манеры натуралистического представления «природного прототипа» головы лошади, была, вероятно, тривиализация этого мотива, который на начальном этапе был новым, интригующим с точки зрения культурных поведений и высоко-престижным феноменом. Со временем он стал обычным «повседневным» явлением и потерял свою «коммуникативную свежесть» в общественном рассказе. Владелец скипетра подчеркивал свой статус самим фактом его наличия, даже без необходимости демонстрировать иконографический знак, символизирующий его социальную роль и функцию.

Стилистическая вариативность скипетров могла иметь хронологическое измерение и совершаться в реальном историческом времени, примерно в рамках IX в. до н. э., т. е. от конца фазы HaB_2 (клад из Прюдь) до рубежа HaB_3/HaC (находка з Пжедмежице). Следует учитывать, что, в соответствии с концепцией типологической последовательности, образцы «натуралистической» иконизации, из канала Шарвиз и Турчанской котловины, должны быть несколько старше находки в Прюдь, а «деградированная» форма скипетра из Бекеш-Ходьмаши — младше находки с Пжедмежице. Эти различия, однако, не обязательно должны выражать только изменения во времени и могли являться результатом, например, непонимания сути символического послания, содержащегося в изображении головы лошади, среди изготовителей, действующих вне определенного «общественно-культурного ядра» [2], в котором этот образец (в натуралистической форме) играл значительную роль в общественной и символической коммуникациях. Однако не похоже, что эта дилемма имеет здесь какое-либо существенное интерпретационное значение. Ибо это не меняет факта, что бронзовые скипетры из Карпатского бассейна и его окружении, являются своеобразным «знаком времени», отражающим специфику культурных и социальных изменений, которые произошли на этой территории в основном в IX в. до н. э.

Сопоставление бронзовых скипетров с территории Карпатского бассейна, с небольшой серией из трех находок из северо-западного Предкавказья (рис. 13: 2—4), не способно сильно обогатить наши знания о взаимоотношениях этих двух регионов. К указанным выше экземплярам из Кисловодска и могильника

1. Внешний вид этого скипетра говорит о том, что он не сохранился полностью. Возможно, у этого экземпляра была отломана «головка», а поверхность излома вторично сглажена (?). С другой стороны, это тоже под вопросом, учитывая размер находки по сравнению с другими образцами. Однако известно (Kemenczei 2002, S. 139), что какое-то время он хранился в частной коллекции: Венгерский национальный музей в Будапеште приобрел его в 1912 г. Следовательно, его могли использовать вторично и, возможно, даже внешне «улучшить» из-за эстетических или функциональных потребностей. В любом случае, крайне интригующе впечатление создает валикообразный угловатый узор (пояс или поводиья «упряжки») (?), напоминающий основание какого-то недостающего сегмента этой формы, который откололся (?); возможно, изогнутой шеи и головы (?).

2. Понятие «общественно-культурного ядра», я употребляю согласно концепции «культурного ядра» Дж. Х. Стьюарда (Steward 1972, p. 9—42, 79—98), как феномен, описывающий специфику и неповторимость индивидуальных культурных моделей.

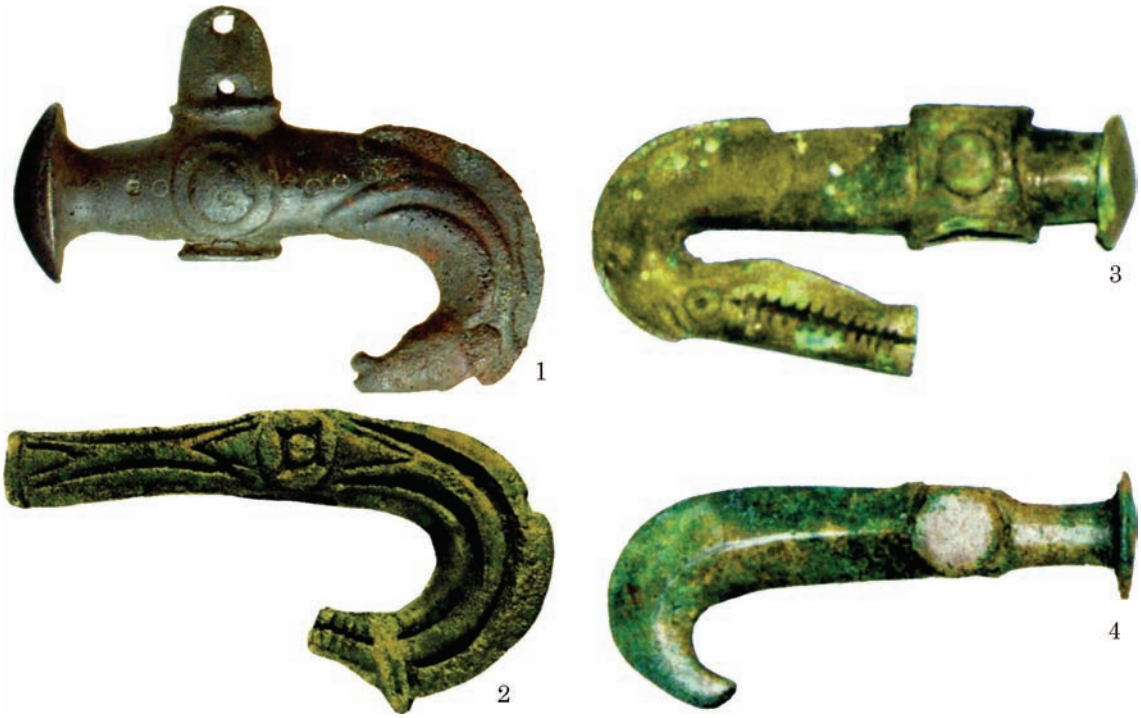


Рис. 13. Сравнение «натуралистического» скипетра из канала Шарвиз с экземплярами с территории Предкавказья: 1 — Шарвиз; 2 — Кисловодск, Мебельная фабрика, погребение 14 (вторично украшенный); 3 — Апшеронский район; 4 — Фарс / Клады, погребение 35 (по: 1 — Kemenczei 1998; 2 — Крупнов 1960; 3, 4 — Эрлих 2007)

Фарс / Клады следует добавить также опубликованную В. Р. Эрлихом случайную находку из Апшеронского района Краснодарского края (Эрлих 2005, с. 161, рис. 5: 4). По мнению В. Р. Эрлиха, «*У этого экземпляра, близкого по общему контуру к скипетру из клада Прюдь, на конце имеется некое* ***синкретичное изображение лошади с зубами хищника***. *Таким образом, можно предположить, что мастер-кавказец, безусловно, знакомый со среднеевропейскими культовыми жезлами с протомой лошади на клюве, счел необходимым наделить это зооморфное изображение и признаками хищника — острыми зубами*» (Эрлих 2007, с. 114). Как уже неоднократно упоминалось, зооморфное окончание скипетра из Кисловодска чаще всего ассоциировалась с головой хищника. С другой стороны, у «птицеголового» скипетра из погребения могильника Фарс / Клады, как пишет упомянутый исследователь «*полностью отсутствуют элементы образа лошади*» (Эрлих 2004, с. 107).

Среди особенностей зооморфного изображения скипетра из Кисловодска наиболее яркой является, однако, массивная имитация коротко подстриженной (?) стоящей гривы и «торчащих» ушей (рис. 14). Символом питающегося мясом хищника являются клыки, а не длинный ряд из шести премоляров и коренных зубов, характерных для зубной системы лошади

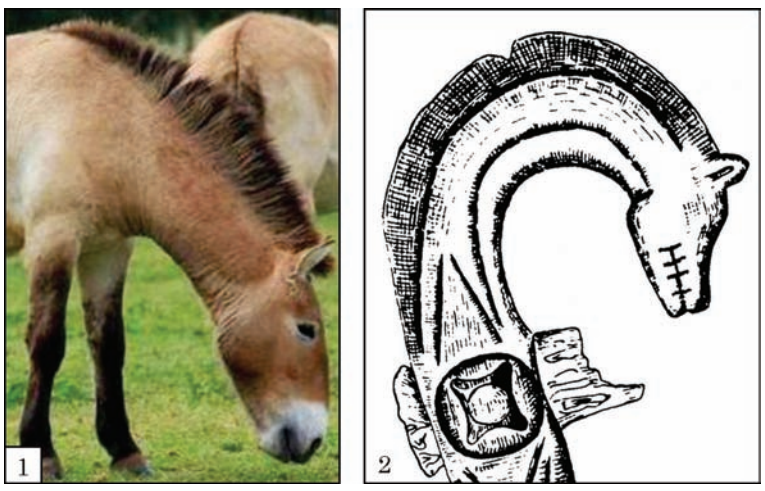


Рис. 14. Навершие («головка») скипетра из Кисловодска и его возможный «натуральный прототип»

Рис. 15. Скипетры из Апшеронского района и Кисловодска и их возможные «натуральные прототипы»

(рис. 15). Во всяком случае, грива и «торчащие» уши выразительно изображены и на схематически смоделированном навершии скипетра из Апшеронского района (рис. 13: 3). Несомненно, К. Метцнер-Небелсик права в том (Metzner-Nebelsic 2002, p. 467), что скипетр из могильника Фарс / Клады больше всего напоминает экземпляры из Батина и Пжедмежице, которые среди среднеевропейских изделий является примером геометризации первичного узора («природного прототипа»). Сопоставление кавказских скипетров с находкой из канала Шарвиз (рис. 13), т. е. с примером наиболее натуралистичного изображения головы лошади на изогнутой шее, позволяет считать их поздними по отношению с типологически самыми ранними экземплярами из Центральной Европы. Наиболее близким к «натуралистическим» формам является образец из Кисловодска, следующий этап — стилизации, представлен скипетром из Апшеронского района, а типологически самым поздним, является «геометризованный» экземпляр с могильника Фарс / Клады. «Грива», как и у скипетра из Батины, обозначена здесь только угловым острым пробором задней части подогнутой шеи, идущим от проуха до окончания головки. Четкая стилистическая дифференциация кавказских скипетров может, хотя не обязательно, означать тоже существенные различия в их датировке.

Очень сложно, однако, установить какие-либо существенные стилистические связи между кавказскими скипетрами и серией среднеевропейских находок. Масштаб различий может означать, что скипетры производились в обоих регионах, в какой-то степени независимо друг от друга. «Солярный знак» на скипетре из Кисловодска (Ильинская 1965, с. 208, 209, рис. 2), несомненно, связывает его с кавказским и, шире, восточноевропейским составом магических символов (Тереножкин 1976, рис. 92, 93; Рябкова 2008, с. 324—327). По сути, каждый предмет из обеих серий демонстрирует индивидуальные особенности и указывает «авторское» изобретение в способе моделирования, особенно имеющего решительное значение для их символики — зооморфного окончания. Наибольшее сходство прослеживается в общей морфологии этих памятников: в «грибовидной» форме обушка (здесь выделяется экземпляр из Кисловодска), в форме проуха или в сильном изгибе головки-клевца. Можно лишь сформулировать общий тезис о том, что степень диверсификации скипетров увеличивается с «удалением» от исходного образца («природного прототипа»). Поэтому сложно судить, какой из них мог быть прототипом (шаблоном) для другого экземпляра. Общей и, как бы, внешней, является, несомненно, идея зооморфного изображения и его символика. Однако здесь обратим внимание на наблюдение В. Р. Эрлиха по поводу находки в могильнике Фарс / Клады: «*Следует отметить, что скипетр из Фарса стоит типологически ближе всего к своим отдаленным прототипам. В Средней Европе — фарсовскому близки скипетр из клада Прюдь, и… скипетр из Синмихай де Падуре в Румынии… Однако они имеют дополнительный зооморфный образ в виде конской головы. Таким образом,* ***фарсовский скипетр в эволюционном ряду занимает более раннюю позицию***» (Эрлих 2004, с. 106). Такое мнение, несомненно, обусловлено убеждением в превосходстве (первичности) «птицеголового» образца в общей морфологии скипетров.

СКИПЕТРЫ — УНИВЕРСАЛИЗМ ФОРМЫ, ФУНКЦИИ И СИМВОЛИКИ

Уделяя внимание общей морфологии бронзовых скипетров, нельзя игнорировать некоторые особенности, свидетельствующие о вневременной универсальности этого рода памятников. Их присутствие, как показатель престижа и

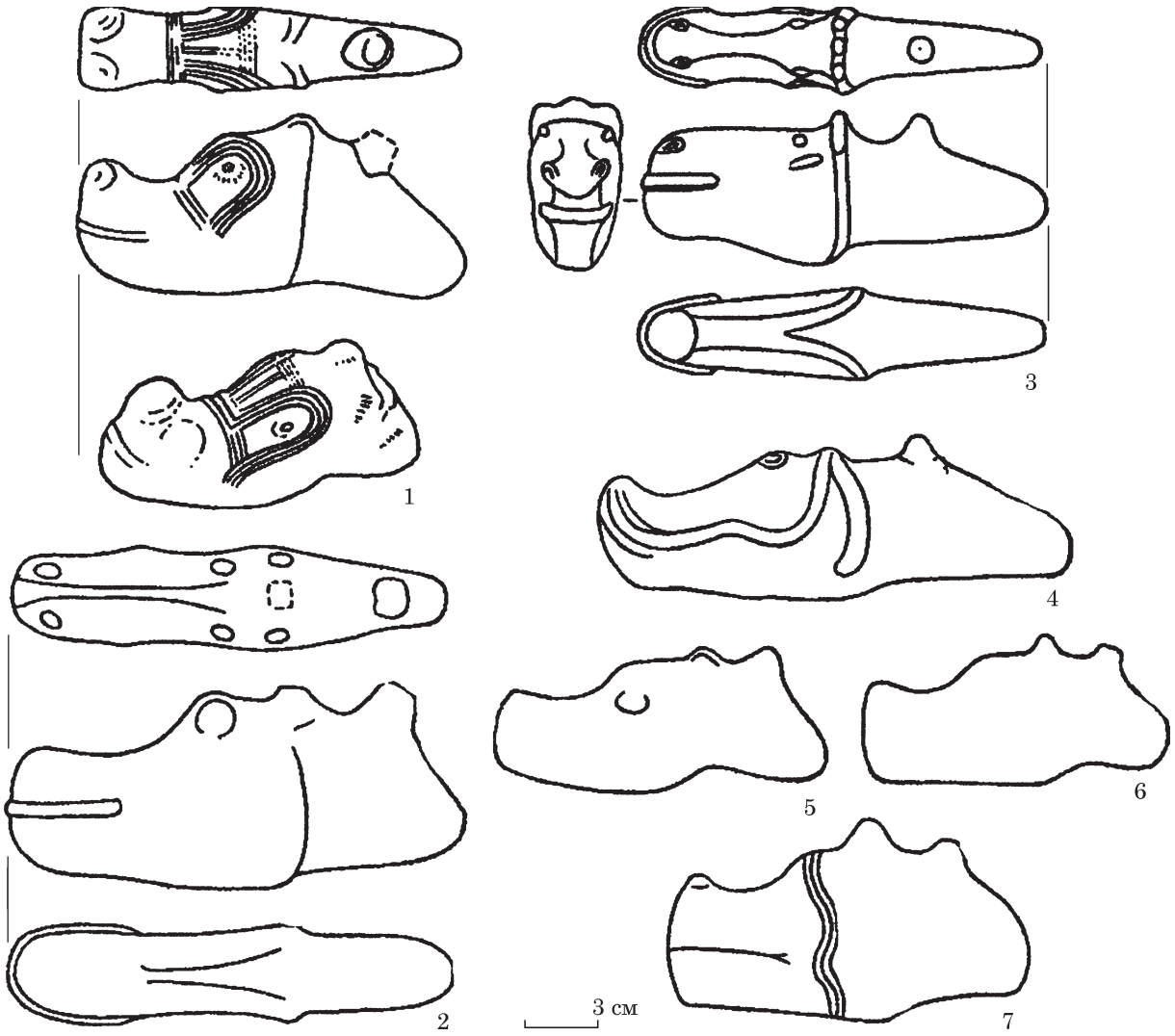


Рис. 16. Энеолитические навершия-скипетры в виде стилизованных конских голов: 1 — Касимча; 2 — Терекли-Мектеб; 3 — Суворово; 4 — Суводол; 5 — Феделишень; 6 — Режево; 7 — Селькуца (по Даниленко, Шмаглій 1972)

высокого социального положения — явление, которое проявляется в разные периоды, хотя и не постоянно, в том числе на огромных пространствах между Центральной и Передней Азией, и Центральной Европой [1]. Даже в период господства каменного сырья, в энеолите и в начале бронзового века им придавались, подобно, как и жезлам и топорам с аналогич-

1. Характерно, что именно на начальном этапе распространения всадничества, после приручения лошади к верховой езде, и возрастания ее культурной роли, среди прочего — в технике ведения войны, а также — роли пастушества, в районах Великой Степи в IV тыс. до н. э. появляются каменные скипетры с изображением головы лошади (Даниленко, Шмаглій 1972, с. 3—20). Это, несомненно, выражение своеобразного увлечения достоинствами этих животных (благодаря которым появилась возможность для увеличения мобильности, существенной для обитания в степных пространствах), и признания им культурной значимости, возведенной в ранг иконографического символа. В дополнение к классическим каменным скипетрам, топорам-скипетрам и жезлам, на этих территориях существовали также каменные колонкообразные предметы, т. н. «Zepter / Stössel-Zepter», или фаллические «Miniatursäulen» (Boroffka, Sava 1998, S. 17—113). Однако, вероятней всего, они были в большей степени связаны со stricte сакральной сферой поведения, служившей источником престижа и определявшей социальные роли (Boroffka, Sava 1998, S. 66—77). Об этом свидетельствуют, среди прочего, элементы солнечных изображений в их орнаментике (Boroffka, Sava 1998, S. 46). Однако стоит обратить еще внимание на комментарий цитируемых авторов, что: «*по нашему мнению, каменные скипетры вместе с другими перечисленными элементами показывают существование не только культурно-хронологических связей на огромном пространстве, а и духовную общность, которая по своему значению превосходила систему обычного торгового обмена… В целом все типы хронологически укладываются во временный горизонт, который на востоке начинается приблизительно в 1800 г. до н. э. и заканчивается около 1400 г. до н. э., а на западе охватывает период между 1600—1200 гг. до н. э.*» (Boroffka, Sava 1998, S. 113, русское резюме).

ными функциями [1], весьма эффектные декоративные формы, иногда с элементами зооморфного стиля, включавшего в себя конские головы (Даниленко, Шмаглій 1972, рис. 1—3; Шарафутдінова 1980, рис. 4, 5; Kloczko 2001, fig. 20: 6—8). Ещо во времена господства бронзы в качестве сырья, каменные топоры, жезлы и скипетры сохраняли все-таки, даже в сильно различающихся культурных средах Восточной и Центральной Европы, свое значение символов особого социального статуса (напр.: Klochko 2002, p. 26—30; Kośko 2002, fig. 17; Muhle 2008). Это подчеркивает вес необходимых для легитимации власти знамений преемственности и архаичности, которые наследуются (реалистично или символически) высоким социальным положением. Характерно, что особенно в культурных формациях, так или иначе связанных со средой Великой Степи с более или менее существенным значением пастбищного хозяйства в структуре общественно-культурного поведения, статус каменных символов престижа сохранялся долгое время, вплоть до конца бронзового века. Это может свидетельствовать об особенном значении таких символов в общественном нарративе / рассказе, регулирующем формирование социальных ролей.

Однако в юго-восточной Европе эта традиция была в значительной степени сорвана в период культурного и общественно-политического кризиса, который затронул, среди прочих, и сообщества комплекса памятников Ноа-Коследжени-Сабатиновка. Изменение культурной ситуации, имевшее место в XIII—XII вв. до н. э. в Карпато-Дунайской зоне и ранее (с XVI в. до н. э.) на территории Карпатского бассейна, несомненно, под подавляющим влиянием этно-культурных группировок из пограничья Центральной и Западной Европы (Przybyła 2010, p. 87—104; Torbay 2015, p. 29—70; Jung 2018, p. 251), привело к формированию иной модели «престижных поведений». Решающую роль начали играть в ней другие детерминанты социального статуса, прежде всего бронзовые а со временем — и железные мечи (напр.: Kristiansen 1984, p. 187—208; Gerdsen 1986; Kemenczei 1991; Falkenstein 2007, S. 37—40; Bunnefeld 2018, p. 198—212; Molloy 2018, p. 202—205). Кроме того, в культурах полей погребальных урн в Центральной Европе, появившихся в это время, хозяйственная и военная роль лошади, наблюдаемая особенно в контексте отсутствия явления «всаднической субкультуры» [2], была в целом маргинальной [3]. Таким образом, появление на территории Карпатского бассейна бронзовых скипетров с изображением головы лошади в культурной среде поздних культур полей погребальных урн, оказывается совершенно новой традицией. Использование бронзы для изготовления скипетров способствовало формированию визуально

1. Иногда это — образцы, весьма эффектно украшенные по всей поверхности глубоким рельефным орнаментом (Шарафутдінова 1980, рис. 4, 5; Kloczko 2001, fig. 44: 1—3, 5; Kośko 2002, fig. 19: 1—6). Примечательно, что как украшенные, так и не декорированные каменные топоры, часто значительного веса и размера, имеют отверстия для рукоятки относительно небольшого диаметра, что, якобы, свидетельствует об их более престижной, чем о практической (боевой) роли.

2. Речь идет о более широком спектре культурных поведений, включающих, наряду с расцветом, например, состава конского оборудования (упряжки и пр.) и техник взнуздывания, симптомы общественного «увлечения» и существенной роли коней не только в церемониальных событиях но, прежде всего, в повседневной жизни.

3. Похоже, что и в Центральной, и в Северной Европе, в эпоху бронзы, роль лошади проявлялась более в ритуальной (сакральной) и престижной, чем в практической (в том числе боевой) сфере. Об этом говорят, среди прочего, богатые (хотя редкие) наборы украшений конской сбруи для тягловых коней, являвшиеся маркерами элитной субкультуры (Kristiansen 1998, p. 181, fig. 82, 96). С другой стороны, существуют иконографические свидетельства, например, в виде скандинавских петроглифов, изображающих конных воинов, возможно, даже организованных в боевые порядки (Falkenstein 2007, Abb. 10). Независимо от того, считаем ли мы их изображением реального конфликта или ритуальной «дуэлью» (Falkenstein 2007, S. 51, 52), тот факт, что воины используют копья и щиты, доказывает «военный контекст» в аранжировке этих сцен. Сомнительная датировка этих петроглифов усложняет однако их использование как свидетельств в обсуждении конкретных культурно-исторических процессов. О каких-то проявлениях «увлечения» символикой коня в позднебронзовом веке Южной Скандинавии свидетельствует находка бронзового скипетра (?), увенчанного изображением конских головок, из упомнянутого уже клада в Свартрапе. На эту находку обратил внимание в своей статье уже Г. Якоб-Фресен (Jacob-Friesen 1968, S. 69—71, Abb. 3), который датировал ее VI периодом скандинавского бронзового века (= HaC—D) (Jacob-Friesen 1968, p. 70), но, кажется, что она может быть связана с несколько более ранними временами, т. е. V периодом бронзового века, по О. Монтелиусу (Thrane 2007, S. 443). Это соответствовало бы хронологическим пределам бронзовых скипетров Карпатского региона. Интересно, что изображения голов лошадей на «скипетре» из Свартрапа характеризуются довольно натуралистической моделировкой с четко обозначенной стоячей гривой и торчащими ушами. В дополнение к этим замечаниям, стоит также добавить, что незначительный процент конских остатков в остеологических материалах поселений поздний бронзы и раннего железа, как в Скандинавии, так и в Центральной Европе (Kristiansen 1998, fig. 54, 55), не обязательно свидетельствует о незначительности их присутствии в реальной структуре скотоводства. Неизвестно, в какой степени этот вид рассматривался как составная часть ресурсов потребления.

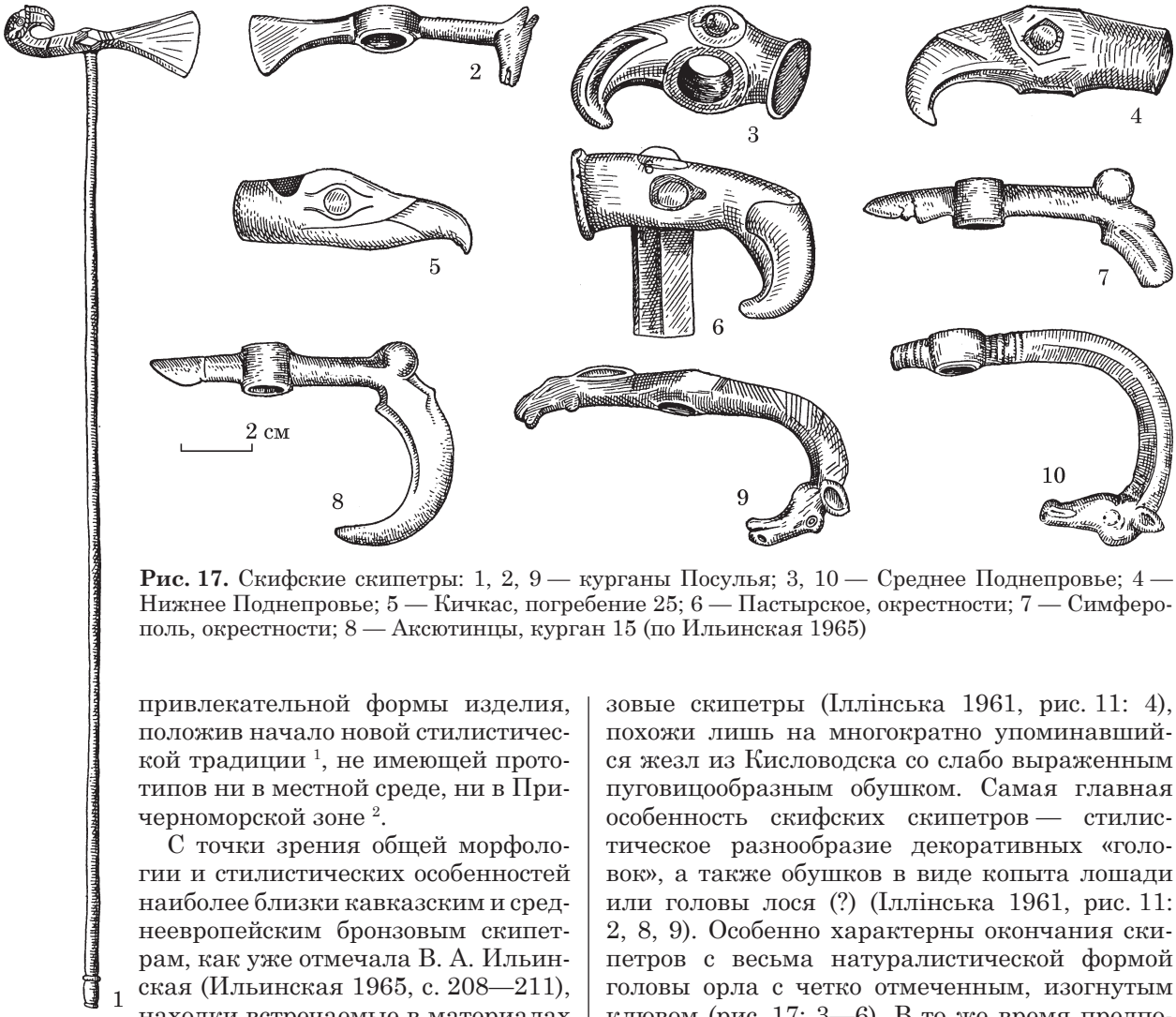


Рис. 17. Скифские скипетры: 1, 2, 9 — курганы Посулья; 3, 10 — Среднее Поднепровье; 4 — Нижнее Поднепровье; 5 — Кичкас, погребение 25; 6 — Пастырское, окрестности; 7 — Симферополь, окрестности; 8 — Аксютинцы, курган 15 (по Ильинская 1965)

привлекательной формы изделия, положив начало новой стилистической традиции [1], не имеющей прототипов ни в местной среде, ни в Причерноморской зоне [2].

С точки зрения общей морфологии и стилистических особенностей наиболее близки кавказским и среднеевропейским бронзовым скипетрам, как уже отмечала В. А. Ильинская (Ильинская 1965, с. 208—211), находки встречаемые в материалах скифской культуры (рис. 17). Это небольшая группа бронзовых изделий [3], происходящих, если контекст их обнаружения известен, из погребальных комплексов (Іллінська 1961, с. 44; Ильинская 1968, с. 155). Они похожи своей зоо- или орнитоморфной формой «головки» на доскифские скипетры. Однако их общая морфология иная. Они более стройные, «изящные» на вид, и, что самое главное, у них нет грибовидного обушка (Іллінська 1961, рис. 11; 1—9), который придает доскифским скипетрам массивную, молотковидную форму. В этом отношении некоторые скифские бронзовые скипетры (Іллінська 1961, рис. 11: 4), похожи лишь на многократно упоминавшийся жезл из Кисловодска со слабо выраженным пуговицообразным обушком. Самая главная особенность скифских скипетров — стилистическое разнообразие декоративных «головок», а также обушков в виде копыта лошади или головы лося (?) (Іллінська 1961, рис. 11: 2, 8, 9). Особенно характерны окончания скипетров с весьма натуралистической формой головы орла с четко отмеченным, изогнутым клювом (рис. 17: 3—6). В то же время предполагаемый мотив головы лошади (?) (Іллінська 1961, рис. 11: 2, 4) не демонстрирует однозначных видовых характеристик (например, заметная грива, явно доминирующая над ухом, как у доскифских скипетров) и может быть с равным успехом интерпретирован как животное из группы оленей, например, лань (?). Несколько иной характер имеют скипетры-чеканы с топоровидным лезвием (рис. 17: 1, 2), у одного из которых на обушке, по мнению В. А. Ильинской, изображена голова лошади (с весьма невыразительными чертами!) [4], а у другого — барана (Іллінська 1961, с. 46, рис. 11: 1, 3).

Небольшие размеры скифских скипетров (длина от 6,5 до 8,6 см; Іллінська 1961, с. 44) свидетельствует, по мнению В. А. Ильинской, «*что подобные топорики не могли иметь практического применения, а являлись особыми знаками скифских военачальников, возможно, из числа тех, которые названы в декрете в честь Протогена "скипетроносцами"*» (Ильинская 1968, с. 155).

1. Это более широкое явление, которое в интересующей нас культурной среде проявилось не только в украшении скипетров, но и в других изделиях из бронзы, например, в ювелирных.
2. Интересно, что в стилистике некоторых индикаторов престижа, например, бронзовых жезлов из Причерноморья, прослеживаются связи с их каменными прототипами (Klochko 2002, p. 30), что означает переживание более ранних традиций в этом регионе.
3. В. А. Ильинская (Ильинская 1968, с. 155) писала об 11 находках, 5 из которых связана с посульской лесостепной группой памятников.
4. Однако, А. Р. Канторович интерпретирует эти изображения как головы лошади (Канторович 2016, тип 6).

инская 1968, с. 156). Это убеждение о парадной, а не практической (боевой) функции скифских скипетров является повсеместным. Как отметила Анна Ивановна Мелюкова «*для этой цели бронзовые секиры слишком малы и легки*» (Мелюкова 1964, с. 68). Несомненно, подобную церемониальную роль играл скипетр с тонкой бронзовой рукояткой длиной 45 см, относящийся к комплексу находок посульской группы (Іллінська 1961, рис. 11: 1). У него топоровидное лезвие и необычно изогнутый вверх обушок с бараньей головкой. Практически идентичный скипетр, но с клевцовидным шипом (т. е. в виде наджака), держит в правой руке сидящий на «троне» скифский воин (вождь?) с сайдаком на поясе и ритоном в левой руке, изображенный на золотой накладке из кургана 2 (1905 г.) группы посульской у села Аксютинцы (Hančar 1967, Abb. 6; Іллінська 1961, рис. 10; Ильинская 1968, табл. XXII: 6). Рукоять представленного здесь скипетра ненамного длиннее предплечья, держащего его воина (рис. 18). Многочисленные иконографические источники, в главном греческой торевтики (Іллінська 1961, рис. 9) позволяют оценить приблизительную длину рукояти скифских топоров-чеканов пропорционально росту их пользователей. Говорится примерно об 1/3 высоты (Мелюкова 1964, с. 68), или приблизительно длины руки взрослого человека (Іллінська 1961, с. 42, 43).

Длина рукояти, несомненно, является одним из важных элементов оценки эффективности боевого ударно-рубящего (или пробивно-крушительного) оружия в виде топоров-чеканов или клевцов-наджаков и типологически связанных с ними скипетров. Проблема настолько сложна, поскольку — как уже упоминалось — топоры-чеканы, как бронзовые, так и каменные, также могли выполнять (и, несомненно, выполняли) престижные и церемониальные функции, даже если они не имели особо декоративной формы (Полідович, Цимiданов 1995, рис. 1, 2). Можно тогда смело предположить, за исключением крайних случаев, как упомянутый выше миниатюрный скипетр с бронзовой ручкой, универсальный характер функций этой категории воинского снаряжения. Однако непосредственных данных, происходящих из археологических объектов, которые позволили бы оценить длину рукояти различных типов ударно-рубящего оружия рассматриваемого времени, совершенно мало. Одно из немногих исключений — доскифское захоронение в кургане возле хутора Верхнеподпольный на левом берегу Дона (рис. 19), где деревянная рукоять каменного топора имела длину 30 см (Тереножкин 1976, с. 37, 38, рис. 10: 11—13). Значительные размеры топора (длина 14 см) и диаметр

Рис. 18. Изображение скифа со скипетром в руке на золотой бляшке из Аксютинцы, курган 2/1905 (по Hančar 1967)

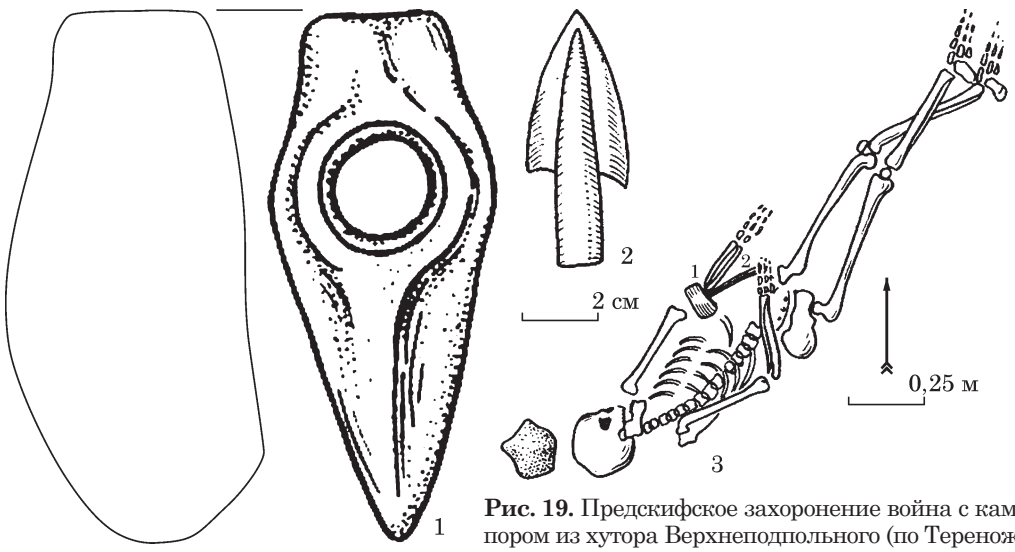


Рис. 19. Предскифское захоронение война с каменным топором из хутора Верхнеподпольного (по Тереножкин 1976)

Рис. 20. Степные изваяния с изображениями топоров-чеканов либо клевцов / обухов / скипетров: 1 — Керносовка; 2 — Чобручи; 3 — Чингатаг; 4 — Кызбурун; 5 — Зубовский хутор, стела I; 6 — Усть-Лабинская станица, стела II; 7 — Таганрогский музей; 8 — Кожемяки (по: 1 — Щепинский 1985; 2 — Новицкий 1990; 3 — Грязнов 1980; 4—8 — Ольховский 2005)

проуха (3,0—3,6 см) [1] с очевидностью позволяют квалифицировать его как полностью пригодное к употреблению оружие (Тереножкин, 1976, с. 141). В то же время данные иконографии позволяют оценить длину топоров-чеканов (по крайней мере, скифских) примерно в 50—60 см. Вероятно, реальная длина топорищ этой категории ударно-рубящего оружия варьировала в пределах 30—60 см. Анализ пропорций размеров различных категорий оружия (топоров, скипетров, дубин, жезлов, кинжалов, сайдаков), представленных на более выразительных образцах монументальной каменной скульптуры — степных изваяниях от энеолита до скифского периода (рис. 20), также не приносит однозначных данных [2]. Однако, иногда складывается впечатление, что демонстрация на каменных изваяниях топоров-чеканов-скипетров, по отношению к другим элементам снаряжения воина — даже наиболее значительны, в том числе с точки зрения размеров (Новицкий 1990, 4, рис. 23: 10). Бывает даже, что их изображения явно длиннее, чем, например, кинжалов (Ольховский, Евдокимов 1994, рис. 1: 1; 6: 8; 20: 33; 41: 74; 45: 78; 48: 81; 51: 86; 72: 120; 76: 127; 77: 128; 87: 149; Ольховский 2005, рис. 74: 2; 76; 79:1), или достигают размеров горита с луком (Членова 1984, рис. 4) [3].

Нет сомнений, однако в том, что бронзовые «доскифские», кавказские и центральноевропейские скипетры были частью личного, «подручного» снаряжения. Они, как и другие категории ударно-рубящего оружия (топоры-чеканы, наджаки), обычно использовались воинами кочевых обществ от Тувы до Карпатского бассейна. Этот вид оружия был, наравне со стрельбой из лука, одним из древнейших элементов «степной тождественности» в области боевых практик степных воинов-пастухов, уходя корнями в эпоху энеолита [4]. Помимо многочисленных погребальных наборов из воинских захоронений, это демонстрируют также изображения на упомянутых выше изваяниях, которые являются свидетельством героизации архетипа воина (Тереножкін 1978, рис. 1: 1, 4; 9: 2; Членова 1984, рис. 1—5; Новицкий 1990, рис. 23: 5, 8, 10; Ольховский 2005, рис. 13А: 1—4, 6, 16; 18: 1, 19—22) [5]. Ушки для подвешивания на некоторых среднеевропейских скипетрах указывают на то, что их крепили на поясе, вероятно, с правой стороны, как и в случае с топорами-чеканами, изображаемыми на киммерийских и скифских изваяниях (Іллінська 1961, с. 40; Мелюкова 1964, с. 66). Однако не исключено, что их также носили заправленными за пояс, как это видно на энеолитических стелах, например, на «идоле» с. Керносовки (Щепинский 1985, рис. 92; Новицкий 1990, рис. 23: 10). Это относится особенно к скипетрам без проушин для подвешивания, в этом отношении продолжавших, возможно, древние традиции ношения каменных топоров.

Несомненный универсализм формы и функции парадных скипетров-обухов разных видов, играющих церемониальную и престижную роль символов достоинства, социального статуса и власти и т. д., а также составляющих часть личного снаряжения воинов, заставляет задуматься о еще одном обстоятельстве, свя-

1. Диаметры проухов у скипетров Карпатского региона весьма различны и в значительной степени пропорциональны их размеру, например, у жезла из Синмихай де Падуре — 2,4 × 1,6 см, а из Шарвиза — 2,3 × 1,8 см. Диаметр отверстия скипетра из Пжедмержице совсем небольшой — 1,5 см.
2. Конечно, схематичность этих изображений заставляет нас критически относится к представленным на изваяниях предметам, в том числе и к реконструируемым размерам различных категорий оружия. Тем не менее, оценка пропорций предметов, изображенных на одной и той же скульптуре, может быть информативной.
3. Следует, однако, помнить, что раннескифские кинжалы, как правило, были не очень длинными. Согласно классической работе по скифским мечам и кинжалам А. И. Мелюковой, скифские кинжалы достигали максимальной длины около 40 см, а мечи — 80 см; мечи длиной более 70 см в Скифии, однако, были редкостью (Мелюкова 1964, с. 46, 60).
4. Несмотря на отсутствие детальных исследований, похоже, что в обществах раннеисторических кочевников (киммерийцов, скифов), различные категории ударно-рубящего оружия входили в боевое снаряжение как пеших, так и конных воинов. О широком использовании топоров-чеканов и наджаков пешими скифскими воинами свидетельствуют многочисленные иконографические доказательства (Іллінська 1961, рис. 9: 5, 9; Chochorowski, Gawlik 1997, fig. 3—5). Интересно, однако, что в V—IV вв. до н. э. ударно-рубящие оружие входило, в подавляющем большинстве случаев, в боевой набор тяжеловооруженных конных воинов, отличавшихся, несомненно, высоким социальным статусом (Шелехань 2012, с. 9). В силу престижного характера бронзовых «доскифских» скипетров, которые являлись показателями высокого социального статуса, представляется, что они также были элементом снаряжения конных воинов. Прямым аргументом в пользу такого предположения является контекст находки в Пжедмежице (рис. 1) или в захоронении 35 могильника Фарс / Клады на Кавказе (рис. 6).
5. Сакральное значение топора-чекана становится очевидно в контексте скифской мифологии, особенно «основательского мифа», и церемониальной магии (Мелюкова 1964, с. 65).

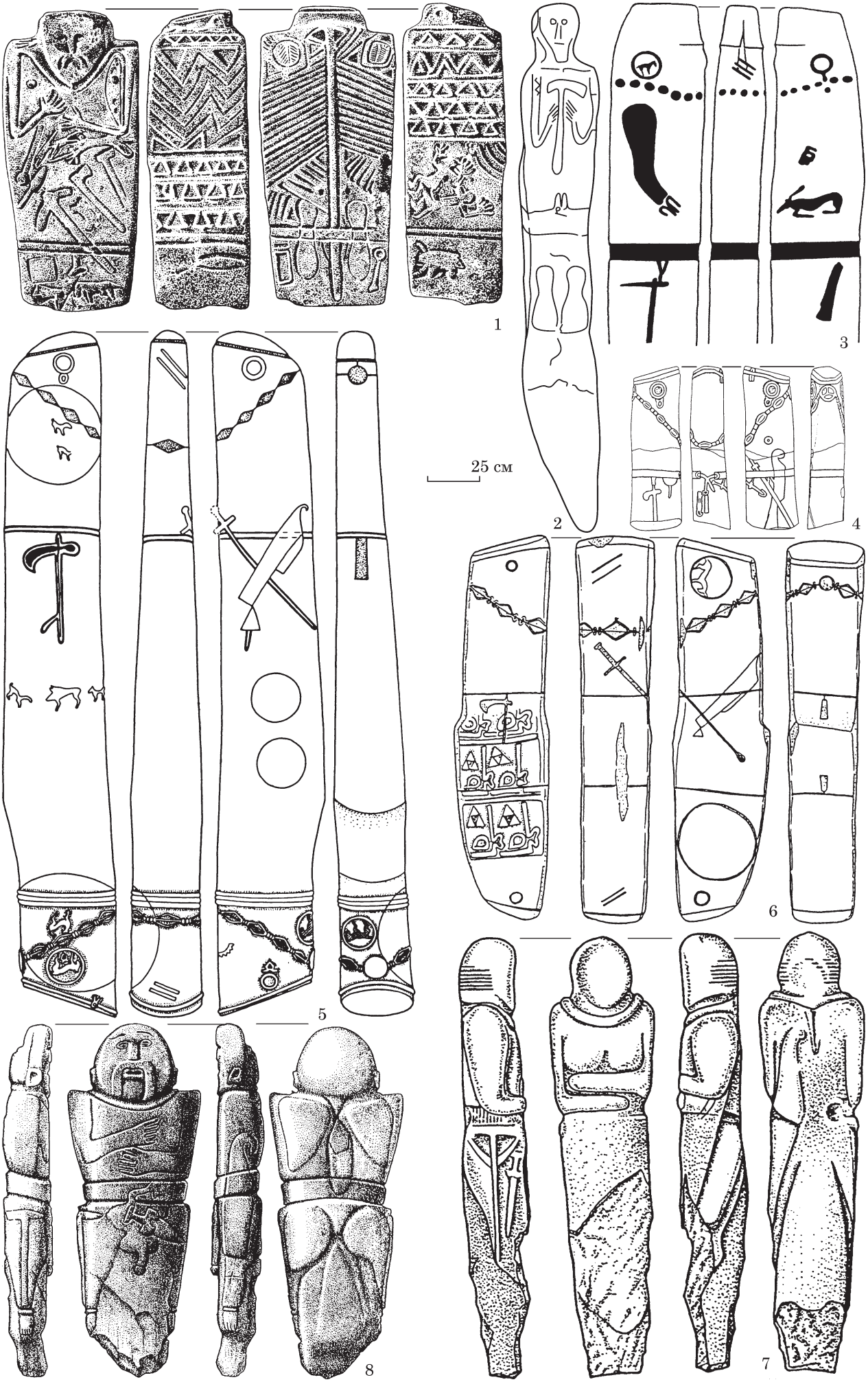

1
2
3
4
25 см
5
6
7
8

Рис. 21. «Польский всадник» (*De Poolse ruiter*) из картины Рембрандта (Frick Collection, New York)

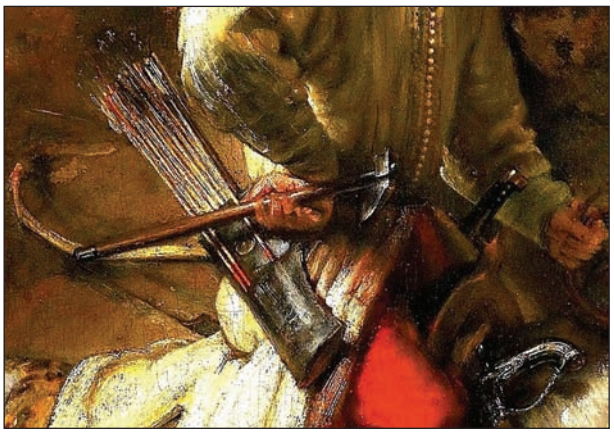


Рис. 22. «Польский всадник» из картины Рембрандта, деталь с топором-обухом в руке всадника

занном с их вневременным культурным статусом. Даже еще в новые времена, особенно в XVI—XVIII вв., металлические чеканы-обушки, иногда в декоративной форме, были, например, элементом личного снаряжения в отрядах легкой конницы, особенно у военачальников. Хорошим примером является так называемые «лисовчики», польская легкая конница, созданная Александром Лисовским в первые десятилетия XVII в. и организованная с точки зрения вооружения (включая лук) и способов ведения боевых действий (например, молниеносные марши без сопровождающего лагеря, т. н. «комуником») на подобие конных отрядов татар и казаков (Wisner 2013, p. 152). В европейской иконографии, среди прочих, это зафиксировал и Рембрандт ван Рейн на картине

Рис. 23. «Венгерский или хорватский дворянин» (*Ungaro, o'crovatto nobile*; по Vecellio 1590)

1655 г. «Польский всадник» (*De Poolse ruiter*) [1]. На нем изображен кавалерист, полностью вооруженный, с большим луком и колчаном, полным стрел, который держит в левой руке топор-чекан с сильно изогнутым лезвием (рис. 21, 22). По мнению специалистов, достоверность в изображении наряда, экипировки и подборе оружия доказывает, что художник пользовался аутентичной живой моделью.

В XVI—XVIII вв. обухи-наджаки были обычным показателем функций и достоинства военачальников («наместников») польских кавалерийских частей («знамен» — польск. *chorągwi*). Мемуарист Е. Китович, освещая ход военных парадов, писал: «*Когда знаме* (подразделение — *Я. Х.*) *шло не демонстрируя оружия, то* ***наместник*** (командующий — *Я. Х.*) ***держал наджак, т. е. обух в руке***» (Kitowicz 1985, p. 165).

В Центральной Европе, например, у венгерской, хорватской или польской знати (*nobiles*) наджаки и обухи были показателем социального положения, приведенным до уровня «личного вооружения» (рис. 23, 24). Согласно Е. Ки-

1. В настоящее время картина находится в коллекции Frick Collection в Нью-Йорке (https://pl.wikipedia.org/wiki/Plik:Rembrandt_-_De_Poolse_ruiter,_c.1655_(Frick_Collection).jpg).

Рис. 24. Фрагмент картины Вильхельма Августа Стрыовскего (1834—1917) «Польские дворяны в Гданске» (*Szlachta polska w Gdańsku*), Национальный музей в Гданске

Рис. 25. Гуцульские латунные обухи («*Келефы*»): 1 — по Wierzbicki, Obst 1882; 2 — Этнографический музей им. Северына Удзиели в Кракове

товичу: «*шляхтич, когда выходил из дому, прикреплял к боку саблю,* ***брал в руку обух*** [1]*,* ***который, помимо этого наименования, назывался также наджаком или чеканом»*** (Kitowicz 1985, p. 249) [2]. Помимо этих

Рис. 26. Татранские горные проводники; горцы («*górale*»), фото около 1877 г.

замечений, стоит добавить, что металлические обухи или топорики-чеканы (но с тупом лезвем) стали также одним из важных элементов персонального снаряжения мужчин в народных общинах с сильными пастушескими традициями, например, у украинских гуцулов (рис. 25) или польских гуралей (рис. 26).

СИМВОЛИКА «КОННЕГОЛОВЫХ» СКИПЕТРОВ И ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Связь бронзовых среднеевропейских скипетров со стандартами боевого снаряжения степных пастухов-воинов, достигающими генетически энеолита и в то же время их «экзотика» по отношению к местным культурным традициям, позволяет связать их происхождение с обществами Великой Степи. В этом смысле они являются одним из индикаторов общественно-культурных процессов, происходивших на территориях южной части Центральной Европы на рубеже бронзового и раннего железного веков. В конце бронзового века, на протяжении фаз HaB_2—HaB_3, которые к северу от Альп датируются с 960/950 по 810/800/780 гг. до н. э. (Sperber 1987, S. 254, 255; 2017, S. 299; Rychner 1995, S. 471; Pare 1998, Tab. 4, 5; Trachsel 2004, S. 316—319), в восточной части Карпатского бассейна произошел глубокий кризис поселенческих и культурных структур, которые непрерывно развивались в этом регионе в течение

1. По описанию Я. Китовича, топорище такого «обуха» имело длину «от талии человека до земли» (т. е. ±1 м) и диаметр в «один дюйм», т. е. по системе польских мер 1764 г. — 2,48 см. (Kitowicz 1985, p. 249).
2. Многие случаи злоупотребления чеканов-наджаков с острым шипом для разрешения «текущих споров» между дворянством, в том числе во время судовых съездов и сеймиков (Kitowicz 1985, p. 249), привело к принятию Сеймом Жечпосполитой в 1620 г. закона, запрещающего ношение чеканов в общественных местах (in loco publico), за нарушение которого было предусмотрено наказание в виде штрафа в размере двухсот гривен (Gloger 1985, p. 286). Мучительная эффективность этого вида «персонального оружия» снижалась за счет завершения острого шипа наджаков в форме кольца, что уменьшало вероятность смертельного удара. Как уже отмечалось, именно этот вид чеканов- наджаков получил название «обух».

нескольких сотен лет [1]. Он охватывал в основном поселенческие структуры культуры Гава (Gàva), которые розмещались на равнинных территориях Великой Венгерской низменности. В регионах, экологически наиболее близких к понтийской зоне Восточной Европы (Альфельд), в пределах т. н. Понтийско-Паннонской геоботанической формации (Medwecka-Kornaś 1972, fig. 2), поселения гавской культуры исчезают полностью. На возвышенностях Трансильвании и в предгорьях Карпат, особенно в бассейне верхнего течения р. Тиса, поселенческие структуры сосредоточились в высокой зоне ландшафта, рядом с поселениями оборонительного характера, иногда расположенными в высоких и труднодоступных местах (Bălan 2013, p. 267—312; Chochorowski 2015, p. 245—266). Одновременно, на протяжении фазы $HaB_{2—3}$, наблюдается кризис т. н. венгерско-трансильванского бронзо-металлургического центра (Petrescu-Dombovița 1977, p. 125—129, 140—146; Soroceanu 2008, S. 283—285, Taf. 75), деятельность которого в более ранний период охватывала как в количественном, так стилистическим смысле, производство и роспределение бронзовых изделий в большей части Центральной Европы (Blajer 2013, p. 101—108) [2].

Существенным признаком этих процессов, указывающим как на их источники, так и на природу, является появление в Центральной Европе, в фазе HaB_2, находок восточноевропейского происхождения (т. н. «киммерийский горизонт»), характерных, прежде всего, для черногоровской (степной) культурной среды. Их ареал в Центральной Европе во многом совпадает с границами Понтийско-Паннонской геоботанической формации (Chochorowski 1993, mapa 13). К ведущим формам относятся биметаллические или бронзовые кинжалы с прямым перекрестием и стержневой рукоятью типа Головятино — Лябниц (Leibnitz), кинжалы с ажурной рукоятью «кавказского» типа Березовка — Гамув (Gamów), а также бронзовые удила со стремечковидными и однокольчатыми окончаниями и псалии черногоровского, камышевахского и цимбальского типов. Характерно их появление в составе инвентаря захоронений всадников-воинов, культурно чуждых местной среде (Печ-Якабхедь / Pécs-Jakabhegy, Штильфрид / Stillfried).

Эти явления, скорее всего, были вызваны передвижением на территорию Карпатского Бассейна, вначале небольших мобильных групп кочевников, продвигавшихся и глубже в другие регионы Центральной Европы (Chochorowski 1993, p. 267-272)[3]. Вероятно, только потом здесь появились более крупные группы выходцев из Кавказско-Понтийской зоны, занимавшие, в основном, территории, более пригодные для кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства. Однозначно свидетельствует об этом факт, что поселения гавской культуры были полностью вытеснены из квазистепных областей венгерской «пусты», которая является естественной экологической нишей для степных пастушеских сообществ [4]. В культурно-экономической сфере одним из наиболее веских последствий хозяйственной активности пришельцев из степей, стало создание в квазистепных районах Альфельда первой в Центральной Европе зоны массового выпаса и селективного разведения лошадей, выведенных из степных тарпанов (Bökönyi 1954, p. 93—114; 1968, p. 3—71; Chochorowski 1987, p. 189—192; Kmeťova 2013, p. 252—254). Эти явления сопровождаются развитием местных форм конской узды и специфических приемов взнуздания лошадей, основанных, однако, на восточных образцах. Наиболее характерной их чертой было появление псалиев типа Дунакемлед (Dunakömlöd) (рис. 27: 1—10). Эта форма является оригинальным продуктом местного бронзолитейного дела, возникшим на территории Карпатского Бассейна на основе образцов цимбальского типа (Chochorowski 1993, p. 69, 70, fig. 3).

Псалии типа Дунакемлед являются одним из главных индикаторов, определяющих очередной по хронологии этап развития в Центральной Европе конской узды восточноевропейского происхождения, связанный уже с фазой HaB_3 (Chochorowski 1995, p. 269). Они встречаются в характерных пределах, в глав-

1. По крайней мере, с начала фазы HA_1 (около 1200 г. до н. э.; Przybyła 2009, fig. 4; Sperber 2017, S. 299).
2. На протяжении фаз $HaB_{2—3}$, количесто бронзовых кладов на территории Трансильвании резко уменшается: фаза HaB_1 — 54 клада, HaB_2 — 10, HaB_3 — 6 (Metzner-Nebelsick 2002, S. 62—67; Blajer 2013, p. 101, 102).
3. Допускается иногда (Schüle 1969, S. 55—57), что с учетом характера поселенческой структуры и военного потенциала среднеевропейских сообществ того времени, даже небольшие группы конных воинов-кочевников, обладавшие боевым преимуществом, могли перемещаться без серьезных препятствий на большие расстояния. Неожиданно появляясь на чужих территориях, они могли вызывать страх и чувство беспомощности, оказывая значительное влияние на социокультурное поведение, что укладывается в категорию «культурного шока» (Хохоровски 2011, с. 319—336; Chochorowski 2019, p. 67—132).
4. Вследствие этих процессов (самое позднее на рубеже IX—VIII вв. до н. э.) на Большой Венгерской низменности появляется новая культурная группировка. Самым важным ее элементом, при практическом отсутствии следов постоянных поселений, оказываются могильники с ингумацией типа Мезочат (Mezöcsát) и Фюзешабонь (Füzesabony), с погребениями на спине или, реже, скорченными на боку (Patek 1993, S. 19—46; Romsauer 1999, S. 167—174). Здесь мы имеем дело с полным прекращением погребальных традиций, присущих местной позднебронзовой среде, которая практиковала исключительно обряд кремации.

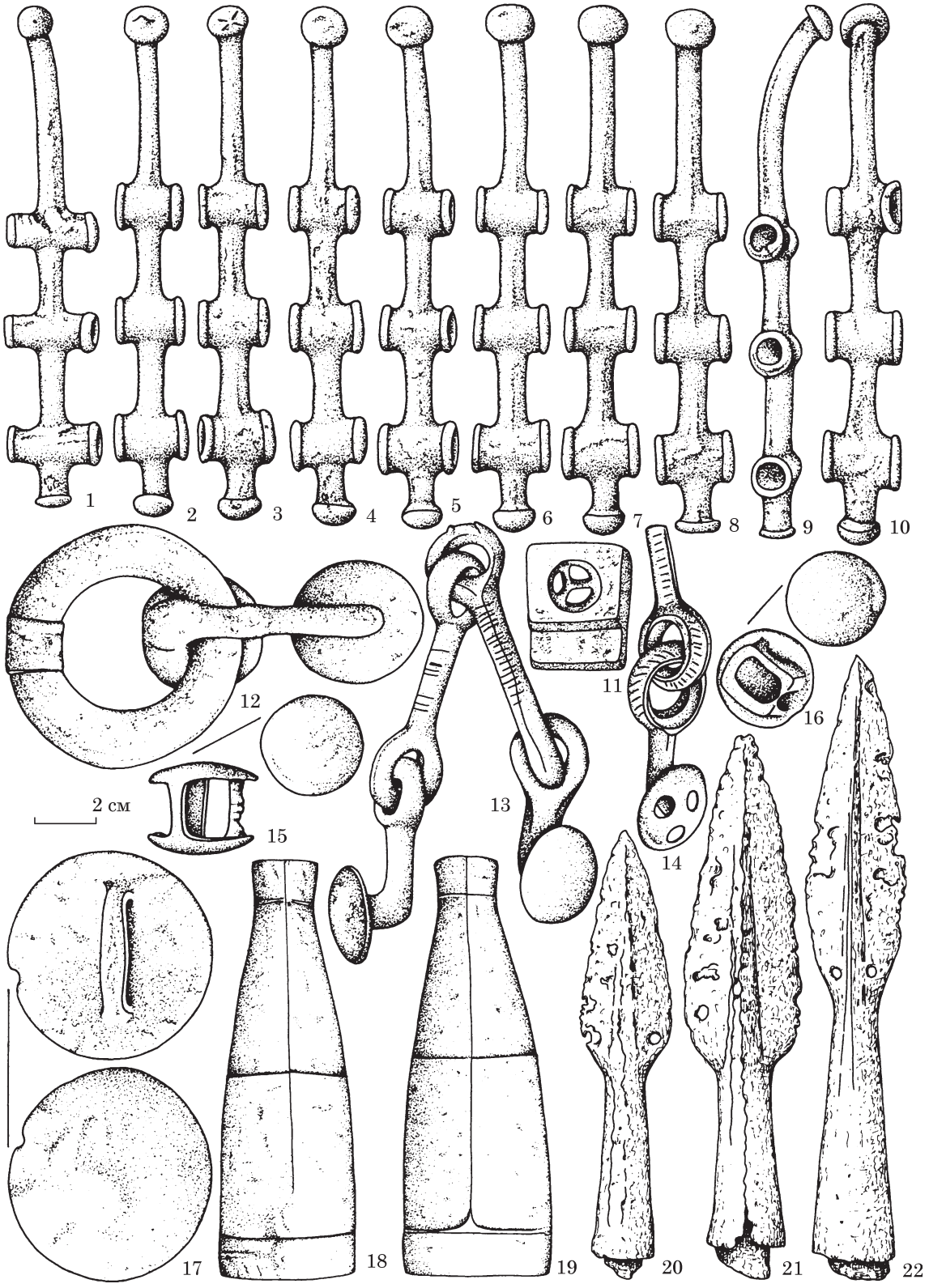


Рис. 27. Клад бронзовых и железных вещей из Дунакемлед (по Gallus, Horváth 1939)

ном — в окружении Венгерской низменности (Chochorowski 1993, mapa 8), как в погребениях, так и, прежде всего, в вотивных кладах [1], в которых преобладают уже местные подражения — формы, восходящие к прототипам вос-

1. Символика этих кладов кажется очень сложной, но нельзя исключать из-за присутствия в них также оружия, что в главном они представляют эквивалент погребального снаряжения элитных захоронений воинов-всадников.

точноевропейского происхождения [1]. В основном это бронзовые элементы конской упряжки, которые в новой культурной среде приобрели высокий «магический» статус, исходящий, несомненно, из значительной роли коневодства в хозяйственной и повседневной жизни этих сообществ. Представляют они собой характерный момент в развитии бронзолитейного дела, в — подавленным степным населением — окружении Великой Венгерской низменности. Их особенность проявляется в сохранении черногоровских традиций в модифицированном виде и творческая переработка кавказских прототипов (Chochorowski 1993, p. 273, 274) [2]. Наличие в этой среде вотивных кладов состоявших в основном из элементов конской сбруи, а также — хотя и реже — оружия, свидетельствует, в свою очередь, о феномене героизации архетипа конного пастуха-воина.

В глобальном масштабе создание специализированных структур скотоводческого хозяйства на Великой Венгерской низменности, со значительной ролью лошадей, а также стад крупного рогатого скота и овец [3], было полным новшеством, оказавшим значительное влияние на общественно-культурные процессы в южной части Центральной Европы [4]. Именно в этой среде появились бронзовые скипетры, увенчанные изображением головы лошади, изначально представленной в «портретной» натуралистической манере. Они одновременно выражали два аспекта происходивших процессов. С одной стороны, в символической форме канонизированного изображения головы лошади, выявляли состояние культурного «увлечения» полезностей животного [5] и значительность общественно-экономических последствий этого новшества. Действительность этого рода, обычна, «повседневна» у скотоводческих обществ Великой Степи — здесь экзотическая, несомненно, создавала особое влияние на менталитет местного оседлого населения с традициями земледелия и стационарного животноводства, которое принимало участие в процессах этой трансформации. Второй аспект явления, это функция скипетров, как знаков престижа и высокого социального положения, показателй — в характерном для степного мира виде — существования четкой системы признаков социальной иерархии. Скипетр на поясе и — при необходимости — в руке, указывал на ранг предводителя с высоким социальным и материальным положением, как «владителя и повелителя коней», в виде «*Herrn der Pferde*», согласно К. Метцнер-Небелсик (Metzner-Nebelsick 2002, p. 467), что, вероятно, также соответствовало положению скифского «*скипетроносца*», упомянутого в декрете в честь Протогена (Іллінська 1961, с. 46, 47; Ильинская 1968, с. 156; Jacob-Frisen 1968, S. 73), т. е. военачальника.

Феномен культурного «увлечения» лошадьми и их разведением, создавший — в среде пользователей «конноголовых» скипетров и узды с псалиями типа Дунакемлед — иконографические изображения, возведенные в ранг магического символа, подтверждается также на территории Карпатского бассейна находками подвесок в виде лошади (рис. 28). В основном это случайные находки, поэтому их хронологическая позиция может вызывать сомнения. Тем не менее, наличие такой подвески в погребальном «комплексе» из Батина (возможно урновым), опубликованном К. Метцнер-Небелсик (Metzner-Nebelsick 2002, S. 623, 624, Kat. 2), в котором известна и шпилька с вазообразной головкой, датирующаяся периодом НаВ (рис. 29), может свидетельствовать о такой связи. К ана-

1. Ядро этой группировки в Карпатском Бассейне представлено тремя памятниками: кладом из Бихаругра (Biharugra), комитат Бекеш (Gallus, Horváth 1939, p. 16, 18—20, 50, 90—92, Pl. XII—XVI; XVII: 1—4; XVIII—XIX; Kemenczei 2005, S. 131, 132, Taf. 13: C; 14; 15; 16: A), кладом из Диньеш (Dinnyés), комитат Fejér (Gallus, Horváth 1939, p. 16, 88, 89, Pl. IX; Kemenczei 2005, S. 132, 133, Taf. 18; 19: A) и кладом из Дунакемлед (Dunakömlöd), комитат Толна (Gallus, Horváth 1939, p. 28, 29, 51, 92, 93, Pl. XX; XXI; Kemenczei 2005, S. 133, Taf. XIX: B: 20). Единственный клад этого рода, который был найден вне территории Карпатского Бассейна, это находка из Голиградов на верхнем Днестре (Żurowski 1948—1949, p. 163, 203; tab. XXXVII: 1, 2; XXXVIII; XXXIX). Недавно был опубликован еще один клад этого типа, который относится к памятником чернолесской культуры, найденный в левобережной части Среднего Поднепровья (Террасовая Лесостепь), близ с. Леляки Киевского р-на, в бассейне р. Трубеж (Скорый, Костенко, Боряк 2016, с. 107, 108).
2. Как пример можно указать на однокольчатые удила с пуговицообразными подвесками для повода (Chochorowski 1993, p. 51—53, fig. 1: 9—13).
3. Характерной чертой погребального ритуала по обряду ингумации на могильниках типа Мезочат, было помещение в могилах, приношений в виде мясной пищи, в основном — огузков и туш мелкого и крупного рогатого скота.
4. Значение специализированного коневодства достигла своеобразного пика в рамках векерзугской культуры (Kmeťova 2013, p. 247—258; 2014). Коней, которых разводили на Альфельде, ценили как быстрых рысаков для гонок на колесницах (бигах), как в гальштатской среде, так и у адриатических венеттов, и даже в Спарте (Harmatta 1968, p. 153—157; Хохоровски 2017, с. 238, 239).
5. Существенным фактором общественно-культурного «увлечения» физическими преимуществами лошадей, были, несомненно, их мобильность и выносливость, что привело к их массовому использованию как для упряжи, так и для верховой езды, особенно для повышения боевой эффективности. Конные воины становятся с этого времени, обычным явлением в гальштатской среде, о чем свидетельствуют многочисленное изображения вооруженных всадников в памятниках круга «искуства ситул» (Lucke, Frey 1962, Taf. 14, 17, 54, 55, 63, 64).

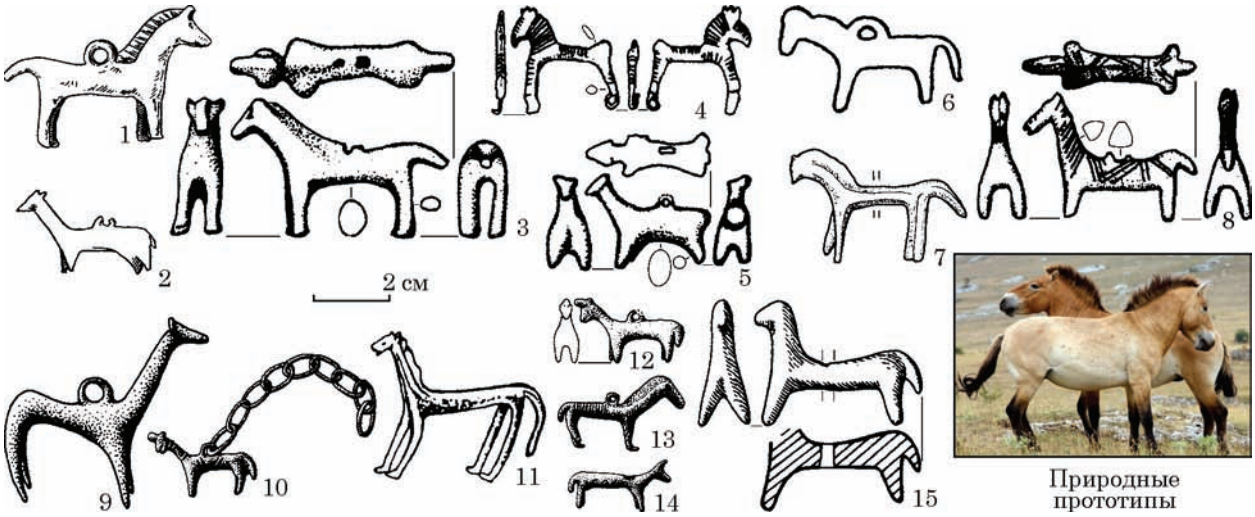


Рис. 28. Бронзовые подвески / брелоки в виде коня: 1—6 — Батина; 7, 8 — Далй; 9 — Себени; 10 — Секешфехервар; 11 — Брно-Обжаны, погребение 6; 12 — Скерешово; 13, 14 — Венгрия, беспаспортные находки; 15 — Бужору (по: 1, 2 — Hoernes 1917; 3—8, 15 — Metzner-Nebelsick 2002; 9, 10, 12—14 — Kemenczei 2005; 11 — Podborský 2006)

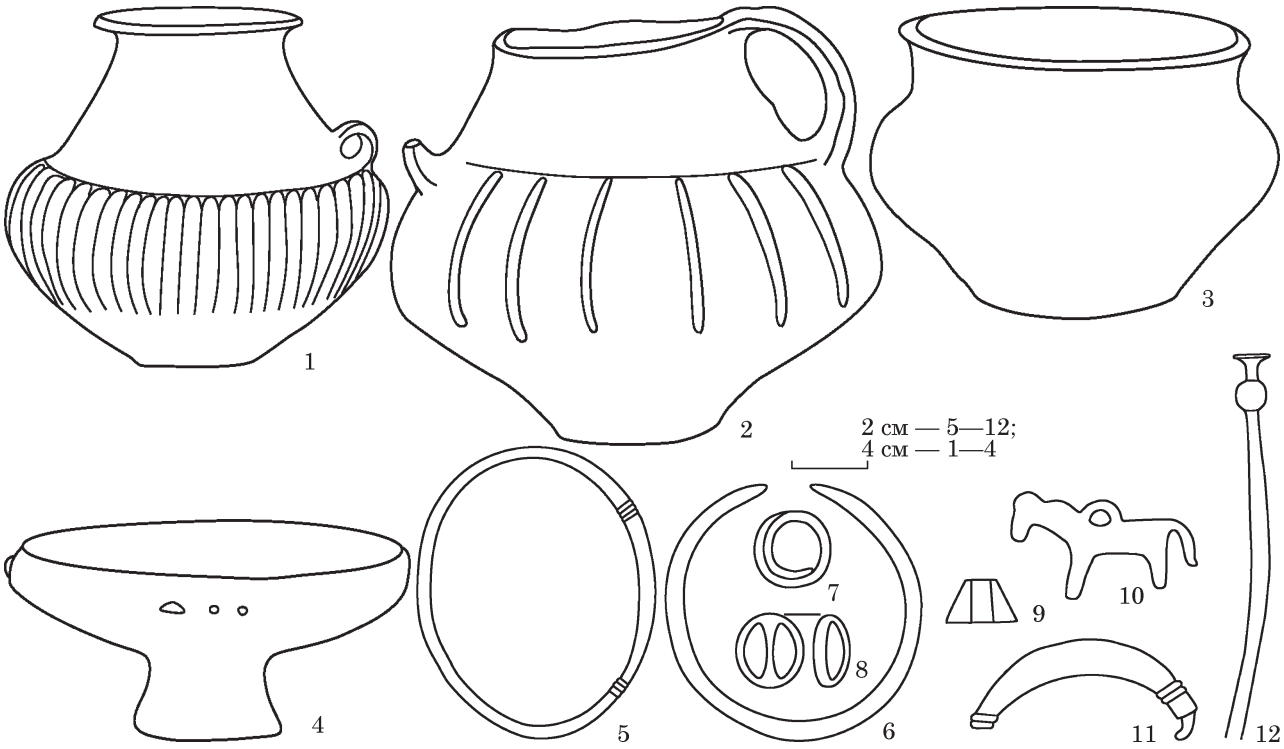


Рис. 29. Батина, предположительный инвентарь погребения (?) фазы HaB (по Metzner-Nebelsick 2002)

логичному выводу может также привести и наличие подобной подвески-брелока в инвентаре кургана культуры Басараби в местности Бужору (Bujoru) (рис. 30), на юге Румынии (Moscalu, Beda 1991, S. 197—218; Metzner-Nebelsick 2002, S. 334, 335, Abb. 156). Хотя это погребение расположено за пределами Карпатского бассейна, присутствие в его инвентаре украшений узды, стилистически относящихся к находкам «киммерийского горизонта» в Центральной Европе, также подчеркивает эту связь. Подвески в виде лошади имеют петельку для подвешивания или отверстие для ремешка. Вероятно, их носили на шее как своего рода вотивные амулеты или нанизывали на ремешок как брелок. Некоторые из этих подвесок-брелков в виде лошади, независимо от их небольшого размера, имеют четко смоделированную короткую стоячую гриву и торчащие уши (рис. 28: 1, 3, 7, 11, 13), характерные для внешнего вида их «природных прототипов».

Изображением головы лошади на массивной шее заканчивается каждый из четырех псалиев, составлявших единый комплект (рис. 31:

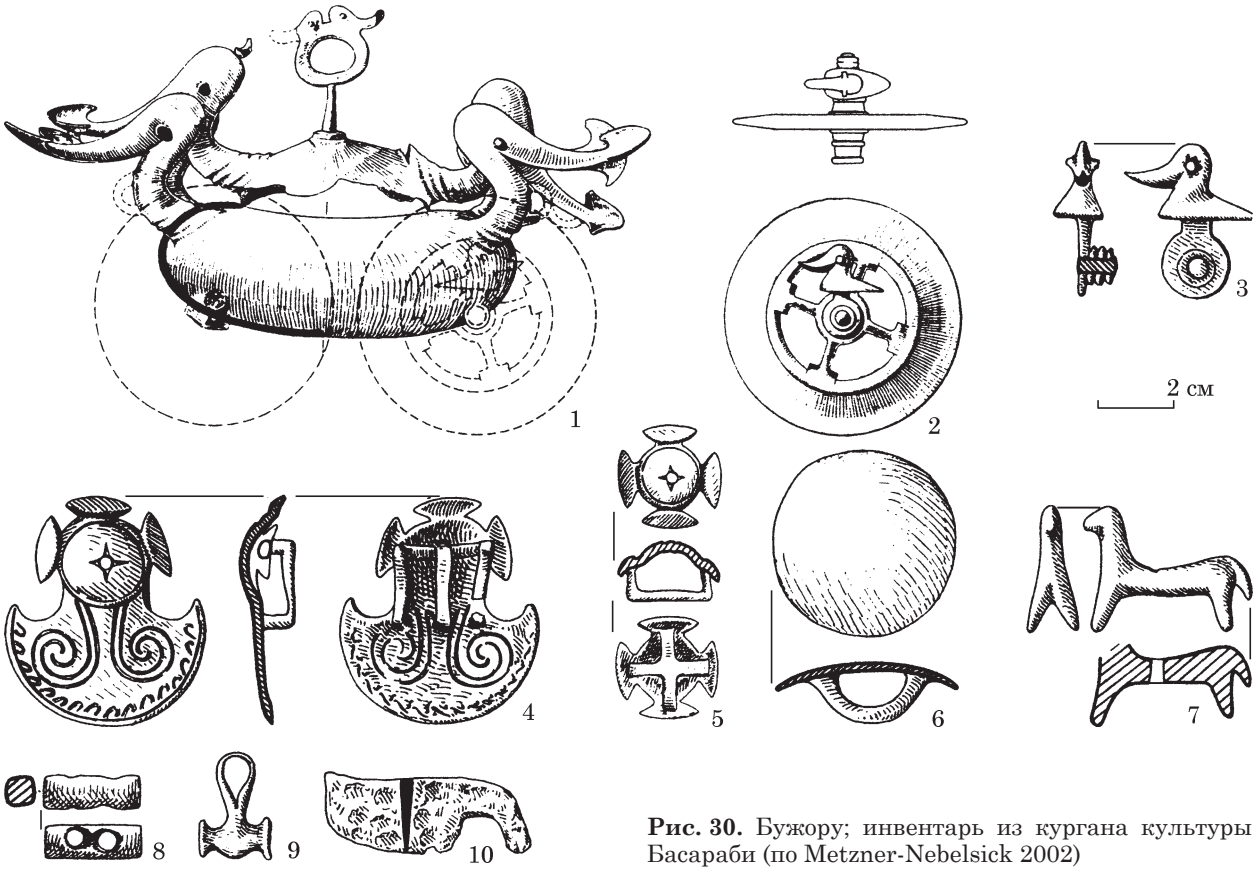


Рис. 30. Бужору; инвентарь из кургана культуры Басараби (по Metzner-Nebelsick 2002)

10), а также украшение узды из т. н. «клада» в Стилфрид (Willvonseder 1932, Taf. I: 2, 4—6; Kaus 1989, Taf. 1: 11; 2: 8—11). Головкой коня украшены и концы золотых браслетов (рис. 31: 10), относящиеся, согласно Т. Кеменцеи (Kemenczei 1995, Abb. 2: b, c), к горизонту кладов Михалков — Бешенисег-Фокору — Даль (Mihalkiv — Besenyszög-Fokoru — Dalj; Chochorowski 1993, p. 238). Несомненно, силуэт лошади представляет также собой спинка застежки-фибулы из Батина (рис. 31: 9; Hoernes 1917, Abb. 8) [1]. Форму лошади со стоящей гривой и торчащими ушами имеют псалии итальянских удил типа Ветулоня (рис. 31: 6—8; von Hase 1969, Taf. 5: 55; 6: 56, 57). Они являются в Этрурии свидетельством влияний с территории Карпатского региона, основой которых было распространение — через адриатические территории венетов севернее *Caput Adrie* — пород скаковых лошадей, выведенных на Альфельде (Bökönyi 1983, p. 335, 336) [2]. Вместе с ними сюда проникли тоже металлические элементы упряжи и способы взнуздания (Chochorowski 1993, p. 77). Находка псалиев этого типа (рис. 31: 5), известна также из бывшего комитата Золиом (Zólyom — ныне район Банска-Бистрица в центральной Словакии), в северной части Карпатского бассейна (Kemenczei 2005, Taf. 56: H).

Рядом с изображениями коней, в зооморфной пластике как бронзовой, так и глиняной, известной в изучаемой культурной среде, существуют здесь также изображения других скотоводческих животных, например, рогатого быка (Metzner-Nebelsick 2002, Taf. 14: 14; Kemenczei 1995, Abb. 2: a), а также барана с подогнутыми рогами (рис. 32). Если мотив быка имеет в центральноевропейской иконографии этого периода более универсальный характер (Patek

1. Этот вид мелких «конеобразных» фибул распространяется на протяжении гальштатского периода (Metzner-Nebelsick 2007, S. 707—735).
2. Хорошо подтвержденными являются тесные контакты населения Венгерской низменности (особенно векерзугской культуры) с территориями окружения юго-восточных Альп, достигающими земель, населенных в древности энетами (венетами), к северу от Адриатического моря и даже северной Италии (Chochorowski 1985a, S. 247—254, Taf. 5; Teržan 1998, S. 521—536). Не подлежит сомнению, что Венгерская низменность была исходным пунктом селективного разведения быстрых рысаков, выращиваемых также энетами. Эхо этого явления докатывается до времен Страбона [V: I, 4], который упоминает, что у энетов была «*слабость к разведении коней*», которые [V: I, 9] «*более отличаются быстроходностью, нежели красотой*». Результатом этих контактов было, среди прочего, распространение вплоть до северной Италии, низко- и среднерослых пород лошадей, происходящих от тарпана (Teržan 1995, S. 93; Dular 2007, S. 737—752; Kmetová 2014, p. 214—218, 255—257), которые через территории энетов и фактории Адрия и Спина, у устья р. По, попадали в Грецию, где с VII в. до н. э. пользовались репутацией быстрых и победоносных на скачках рысаков (Harmatta 1968, p. 153—157).

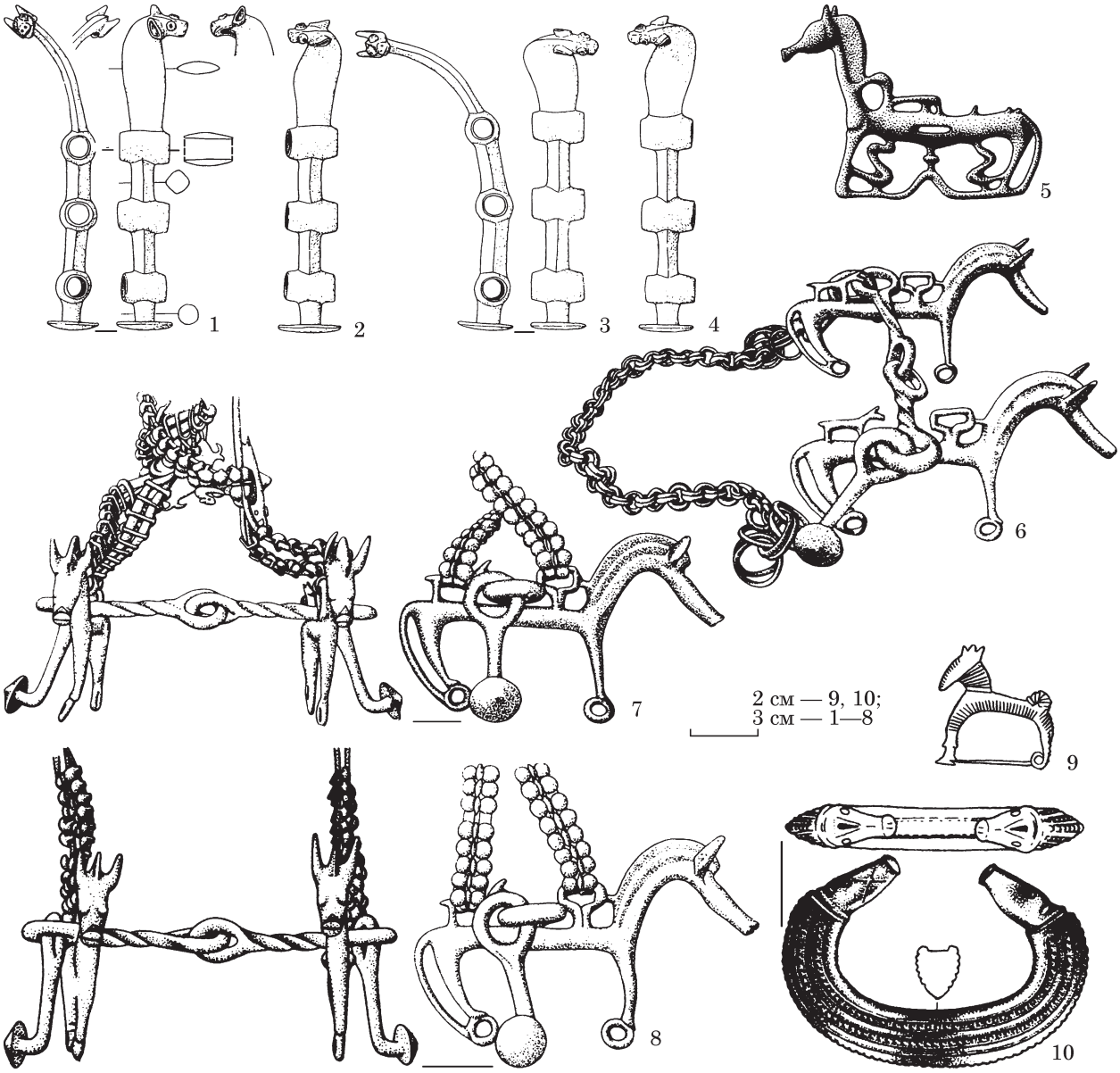


Рис. 31. Мотив коня (конской головы) в бронзолитейном производстве переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в Карпатском бассейне и его окружении: 1—4 — Штиллфрид; 5 — окрестности Банска Быстрица, бывший комитат Золиом; 6 — Ветулония; 7, 8 — Италия, беспаспортные находки; 9 — Батина; 10 — Трансильвания, беспаспортная находка (по: 1—4 — Kaus 1989; 5, 10 — Kemenczei 2005; 6—8 — von Hase 1969; 9 — Hoernes 1917)

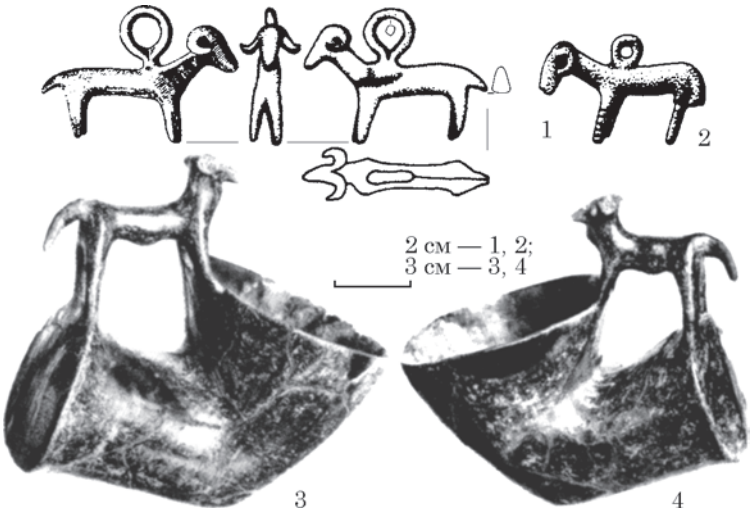


Рис. 32. Мотив барана в бронзолитейном и гончарном производстве переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в Карпатском бассейне: 1 — Батина; 2 — Венгрия, беспаспортная находка; 3, 4 — Даль (1, 3, 4 — по Metzner-Nebelsick 2002)

1993, Abb. 65: 1—3; 74: 1—3; Podborský 2006, p. 319, Abb. 94; 95; 103; Pl. 86: 25—29; 88: 3), то изображения барана относится — в пределах Карпатского бассейна — к менее популярным. Их присутствие в составе иконических символов магического мышления, укоренившегося в менталитете населения низовых территорий среднего течения Дуная в раннем железном веке, также отражало реалии повседневной жизни. Неслучайно, характерной чертой погребального обряда на некрополях типа Мезочат, было присутствие в захоронениях приношений мясных блюд, в основном огузков и туш говядины и баранины (Patek 1974, S. 342; 1993, Abb. 18—25). Все это указывает на заселение Венгерской низменности этническим суперстратом, тождественность которого была насыщена различными поведениями, типичным для степных, пастушеских общественно-культурных формаций.

Для полноты этой картины следует тоже упомянуть переданные Геродотом (V: 9) этнографические сведения о народе сигиннов, которые — согласно «*Аргонавтике*» Аполлона Родосского (ок. 295—215 гг. до н. э.) — заселяли, скорее всего, «*Лаврийскую равнину*», т. е. равнины среднего течения Дуная (Хохоровски 2017, с. 234, 235). Это касается, в частности, породы лошадей, выращиваемой сигиннами: «*Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в пять пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах*» (Геродот V: 9). Повествование Геродота достоверно и в отношении факта разведения сигиннами лошадей, с чертами типичными для тарпанов, а также особенной роли телег или колесниц (?), используемых, по всей видимости, не только для перевозок (Bökönyi 1954, p. 104—109). Конские погребения с повозками, известные в этой среде из могильника Сентеш-Векерзуг (Párducz 1952, Pl. XLII: 1, 2; L: 1, 2), подчеркивают символическое значение этого рода средства передвижения в общественно-ритуальных поведениях, возводя их до уровня культурного идентификатора. В четвертой песне «*Аргонавтики*» Аполлона Родосского (IV; 316—327), поэт вспоминает тоже местных пастухов, которые при виде судна Аргонавтов в страхе «*покинули безмерные стада*». «Бесчисленные стада» сигиннов выпасанные на равнинах среднего течения Дуная, как элемент этно-географических знаний древних писателей первой половины IV в. до н. э., т. е. со времен уже растущего давления кельтов на северные Балканы, можно образно рассматривать как завершение исторического эпизода, символическое начало которого отмечается «коннеголовыми» скипетрами из канала Шарвиз и Турчанской котловины.

Таким образом, бронзовые скипетры на территории Карпатского бассейна — это полностью автономное явление, появившееся здесь где-то во второй половине или конце X в. до н. э., как своего рода маркер нового общественно-культурного строя / порядка. Его чертами являлись: пастушеская модель скотоводческого хозяйства с существенной ролью селективного разведения лошадей степных пород, значение которого достигло европейской системы товарооборота (Sherratt 1993, fig. 12), а также иерархические социальные структуры с выразительными признаками статуса. Эти черты проистекали из культурной тождественности сообществ Великой Степи, сформированной в специфических условиях жизни и — достигающего иногда энеолита — накопления жизненного опыта. Их введение (своеобразное «имплантирование») в культурный потенцял Карпатского бассейна, произошло в результате продвижения во второй половине X в. до н. э., воинственных групп степных пастухов-воинов, искавших экологические ниши, удобные для пастушеского хозяйства. Со временем они интегрировались с местным населением, привнося в процесс интеграции свой собственный состав признаков общественно-культурного поведения. Особенно отразили свой взнос, в области скотоводства с учетом на высокого уровня коневодства, и уникальных умений как в сфере верховой езды, так в управлении лошадьми в колесничной запряжке (Chochorowski 1987, p. 190—194). Именно эти достижения стали значительным новшеством в европейском спектре экономических стратегий и за короткое время (где-то два поколения), предоставили степнякам возможность полностью интегрироваться и адаптировать в местной среде значительную часть своего «цивилизационного пакета» [1].

1. В случае настолько экономически благотворной и культурно привлекательной (особенно с точки зрения военного дела) инновации, процессы адаптации могли протекать очень быстрым ходом. Хорошим — хотя и взятым из совершенно другой общественно-культурной реальности — примером совершенно быстрой адаптации лошади и овладения соответствующими навыками (разведение, верховая езда и т. д.), является роспростронение лошадей среди индейцев американских Великих Равнин в XVII в. Первые упоминания о «захвате» лошадей у испанцев, первоначально индейцами племени юте (Ute), из Юго-Запада (Нью-Мексико, Колорадо; Palonka 2019, mapa 9.4), относятся к 30-м гг. XVII в. Уже в 1659 г. известны упоминания о конных воинах навахо (Nawaho) и юте, нападавших на испанцев, а в 60-х гг. того же столетия подобные нападения происходили и со стороны апачей (Apache). Практически, весь процесс военной адаптации лошадей совершился в течение жизни одного, максимум двух поколений воинов (Haines 1938, p. 112—117; 1964, p. 1—5). С 80—90-х гг. XVII в., после восстания индейцев пуэбло (Pueblo) против испанцев в 1680 г., произошло уже массовое распространение лошадей с Юго-

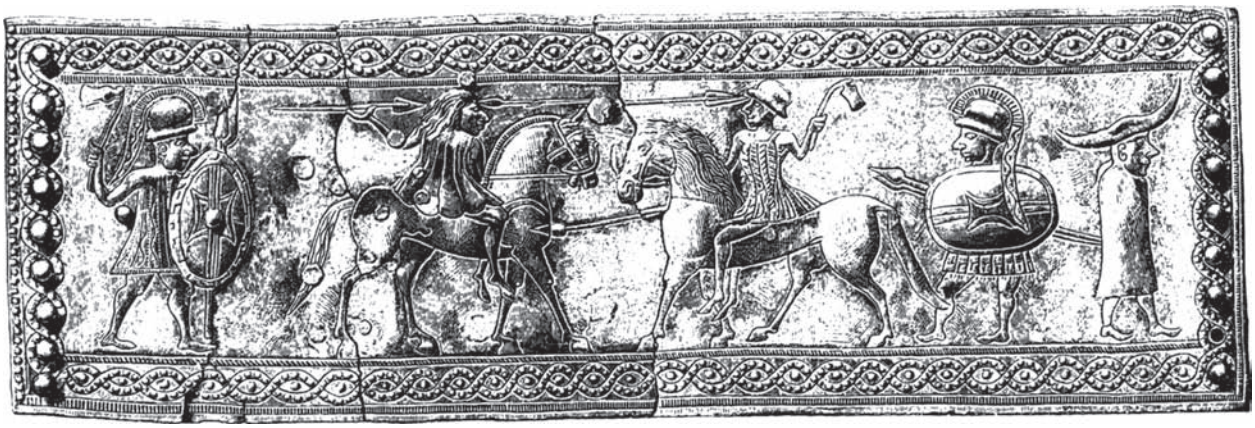


Рис. 33. Изображения «гальштатских» конных и пеших воинов на поясной оковке из Ваче (по Kromer 1986)

Это непосредственное «столкновение» феномена степных культурных традиций с цивилизационными достижениями [1] и общественными структурами населения культуры полей погребальных урн в среднем течении Дуная, оказалось — в историческом расчете — стимулом существенных изменений. Наиболее серьезным последствием вторжения восточноевропейских кочевников на территории Карпатского бассейна в период HaB_2 (960/950—900/890/880 до н. э.), оказался кризис, произошедший в структурах культуры полей погребальных урн в бассейне среднего течения Дуная и поток прцессов, в результате которых возник новый культурный порядок — «модель Гальштата» (Chochorowski 1993, p. 213—218). Ее основной особенностью, помимо повсеместного распространения металлургии железа и восприятия многих достижений средиземноморской цивилизации, было формирование сильных политических элит, господство которых гарантировалось структурами вооруженных формирований и распространение в широком масштабе — хозяйственной, военной и символической (престижной) роли лошади (рис. 33). Нет сомнений в том, что образцы этих атрибутов общественно-культурной модели гальштатской протоцивилизации, как и многие элементы аристократической субкультуры Гальштата, в значительной степени были позаимствованы из культурных традиций раннеисторических кочевников Великой Степи. Гальштатский конный воин (вождь?), погребенный в могильнике гальштатской (платеницкой) культуры в Пжедмежице, вместе с длинным (еще бронзовым) мечом, удилами с псалями типа Дунакемлед и бронзовым скипетром (Werner 1961, S. 384, 385, Abb. 1; Vokolek 1999, p. 112—125), даже если он не происходил из среды воинов-пастухов с Подунавских равнин, представляет ярчайший пример такого синкретизма.

Типичный для мира гальштатской культуры феномен «культурного увлечения» лошадьми, даже своего рода субкультура, документированный массовым присутствием в археологическом наследии наборов железных частей упряжи (Kossack 1954, S. 111—178; Patek 1995, S. 135—148; Koch 2010, S. 139—150), также можно рассматривать как доказательство этого диагноза. В типологическом и стилистическом смысле, гальштатская упряжь, как и гальштатский вид взнуздывания коней, восходят к традициям кочевников Великой Венгерской низменности. Об этом свидетельствует, среди прочего, клад из Фюгеда (Fügöd) близ Мишкольца, который состоит, с одной стороны, из классических элементов узды «киммерийского горизонта» (рис. 34: 1—19), в том числе бронзовых псалиев типа Дунакемлед, удил с пуговицеобразными подвесками, а также набора бронзовых фаларов и декоративных блях — парадных украшений конской упряжи. С другой стороны, он включает (рис. 34: 20—29): железные псалии гальштатского типа [2],

Запада на территорию Великих Равнин (Cassells 1983, p. 190—196; Keyser, Klassen 2001, map 2.1; Hämäläinen 2003, p. 833—862). Таким образом, полный процесс, от «захвата» лошадей индейцами Юго-Запада до их распространения на территории Великих Равнин, длился около 60—70 лет, т. е. примерно двух—трех поколений воинов. Существенную роль в этой практике сыграли индейцы юте, практикующие ранее жизнь охотников-собирателей, которые равернули разведение и распределение лошадей на Великих Равнинах. Стоит добавить, что одним из важнейших элементов боевого снаряжения индейских конных воинов был топор (томагавк; McNab 2010, p. 101). За предоставление ценных информации и помощь в поиске специализированной литературы благодарю д. г. н. Радослава Палонка из Отделения археологии Нового Света Института археологии Ягеллонского университета в Кракове.

1. В том числе, примерно, стабильные поселенческие структуры с экономическими центрами — городищами, эгалитарный социальный строй, высокий уровень бронзолитейного производства и пр.

2. По своей форме они похожи на весьма распространенные в ранней фазе гальштатской культуры железные псалии с прямоугольными отверстями для ремешков типа Платенице (Plátenice; Píč 1902—1903, tabl. III: 4).

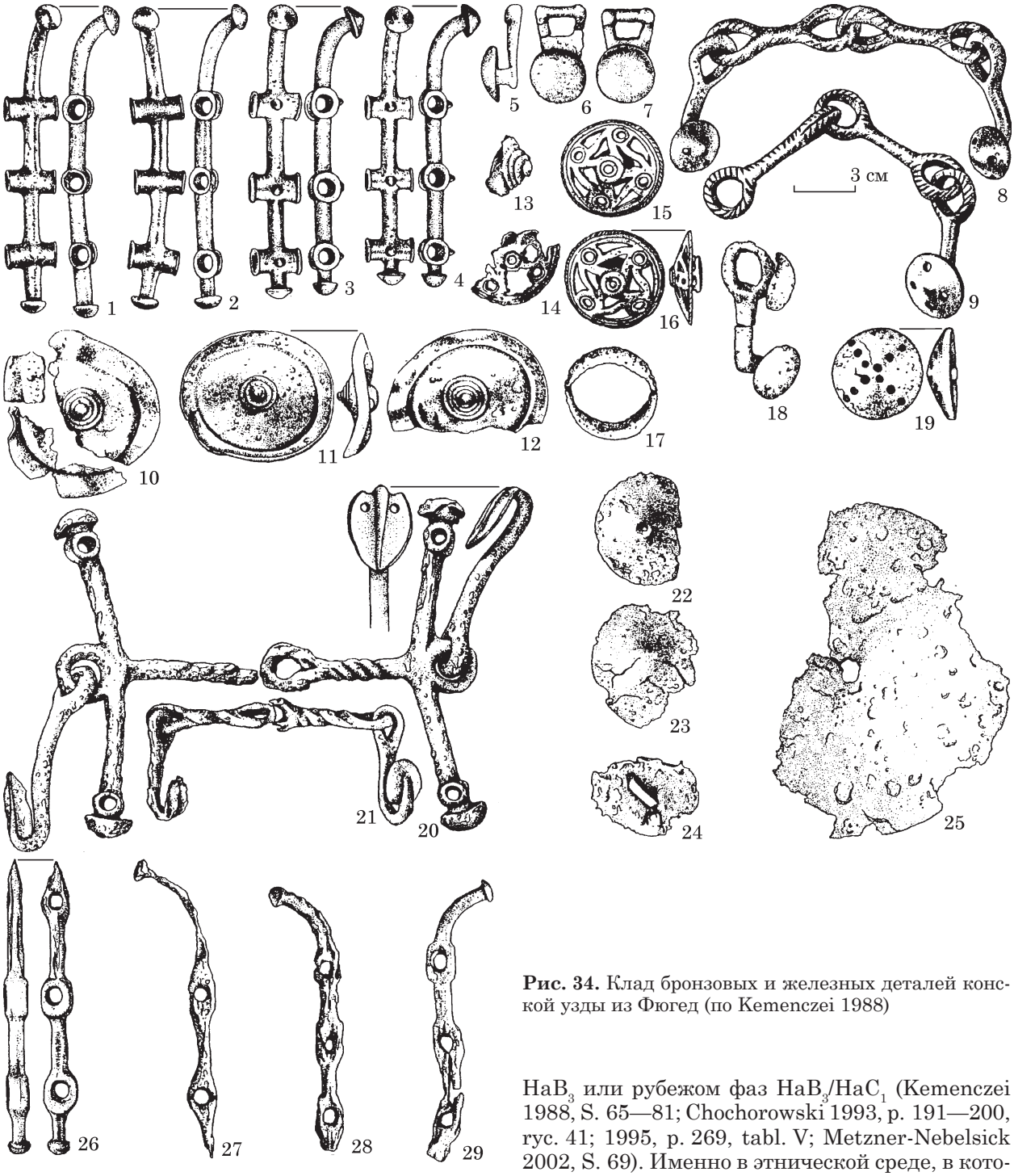


Рис. 34. Клад бронзовых и железных деталей конской узды из Фюгед (по Kemenczei 1988)

формально происходяще из типа Дунакемлед, железные (гальштатские) удила с крючковидными подвесками, а также специфический гибрид — удила с жесткими псалиями, по форме относящимися к типу Камышеваха, но выполненными из железа и снабженные крючковидными подвесками, характерными для способа взнуздывания в гальштатской среде, и, наконец, железные же большие и мелкие фалары (Chochorowski 2009, p. 92, 93). Среди находок «киммерийского горизонта» комплекс из Фюгеда представляет более поздний горизонт кладов, уже связанный с младшим этапом фазы HaB_3 или рубежом фаз HaB_3/HaC_1 (Kemenczei 1988, S. 65—81; Chochorowski 1993, p. 191—200, ryc. 41; 1995, p. 269, tabl. V; Metzner-Nebelsick 2002, S. 69). Именно в этнической среде, в которой депонировался этот клад, произошел переход в сырьевой базе от бронзы к железу — что имело определенное значение тоже для функциональности узды — при сохранении, однако, преемственности в формально-стилистических аспектах (Chochorowski 2009, p. 92, 93, fig. 3).

В настоящее время невозможно окончательно ответить на вопрос, касающийся соотношений карпатских и кавказских бронзовых скипетров, главным образом, из-за отсутствия информации о детальной хронологии отдельных находок (Metzner-Nebelsick 2002, S. 466). Правда, нельзя исключать их взаимосвязи, хотя определить исходную точку практически невозмож-

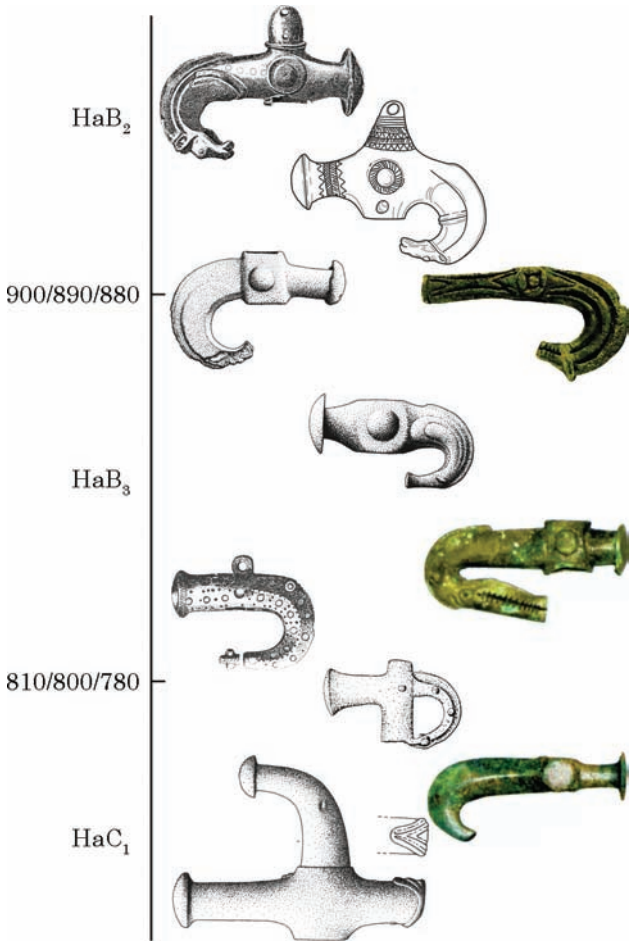


Рис. 35. Типолого-хронологическая схема стилистических взаимоотношений карпатских и кавказских «коннеголовых» скипетров

но [1]. Очевидно, прав В. Р. Эрлих, считавший, что в случае существования связей между этими регионами, положительное значение имели контакты элит (Эрлих 2007, с. 192) [2]. На современном этапе исследований более вероятным все-таки кажется мнение, что самые древние скипетры с натуралистическим видом изображения головы коня (Шарвиз, Туроч) появились в Карпатском бассейне (рис. 35) [3]. Однако ответить на вопрос: были ли карпатские скипетры образцами для кавказских — почти невозможно. Это могли быть в какой то степени и конвергентные явления. Предполагаемые каменные прототипы кавказских топориков (скипетров?) и широко распространенная символика образа лошади в этой культурной среде, наверное, создавали условия для самостоятельного развития идеи бронзовых «коннеголовых» скипетров на Кавказе. Общим, изначальным фактором в обоих случаях, являлось, однако, влияние пастушеских сообществ Великой Степи.

1. Среднеевропейских скипетров больше, чем кавказских, но статистика в случае культурных связей может быть весьма ненадежным аргументом. Лучшим примером этого рода межкультурных связей, хронологически близких к «доскифскими» скипетрами, является роспрастанение так называемых скифских крестовидных блях. Они, несомненно, были связаны своим происхождением со скифской средой Причерноморья или Лесостепи (?) (Ольговский 1995, с. 25—31; Ильюков 2016, с. 80—84), откуда происходит 8 экз. Однако наибольшую популярность (более 20 экз.), вследствие независимого типологического развития, они получили, прежде всего, в квази-скифской среде Карпатского бассейна (Chochorowski 1985, p. 95—99, Abb; Полідович 2000, с. 35—48; Hellmuth 2007, S. 66—84).
2. Контактами элит нельзя, однако, разъяснить территориального масштаба и глубокого характера общественно-культурных (поселенческих, хозяйственных и пр.) изменений в Карпатском бассейне в промежутке 960/950—810/800/780 гг. до н. э. (HaB_2—HaB_3). Источники этих процессов имеют внешний характер и заключаются в динамике исторических процессов Великой Степи.
3. Место определенного скипетра на этой диаграмме не определяет в никакой мере его абсолютной датировки. Это только схема стилистических соотношений, помещенных в рамках хронологических фаз HaB_2—HaB_3—HaC_1.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Вадецкая, Э. Б. 1986. *Археологические памятники в степях Среднего Енисея*. Ленинград: Наука.

Виноградов, В. Б. 1972. *Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство.

Виноградов, В. Б., Дударев, С. Л., Рунич, А. П. 1980. Киммерийско-кавказские связи. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 184-199.

Витт, В. О. 1952. Лошади пазырыкских курганов. *Советская археология*, 16, с. 165-207.

Грязнов, М. П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.

Даниленко, В. М., Шмаглій, М. М. 1972. Про один поворотний момент в історіп енеолітичного населения Південноп Европи. *Археологія*, 6, с. 3-20.

Дергачев, В. А. 1975. *Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Дергачев, В. А. 1986. *Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп)*. Кишинев: Штиинца.

Дударев, С. Л. 1991. *Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром*. Грозный: ЧИГУ.

Дударев, С. Л. 1999. *Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н. э.)*. Автореферат диссертации д. и. н. Москва: МГУ.

Іллінська, В. А. 1961. Скіфські сокири. *Археологія*, 12, с. 27-52.

Іллінська, В. А. 1973. Бронзові наконечники так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія*, 12, с. 13-26.

Ильинская, В. А. 1965. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. В: Крупнов, Е. И. (ред.). *Новое в советской археологии*. Москва: Наука, с. 206-210.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Ильюков, Л. С. 2016. Крестовидные бляхи раннего железного века из степей Восточной Европы. В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и степь*

на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции посвященой памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва: ИВ РАН, с. 80-84.

Канторович, А. П. 2016. Образ лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле. В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции посвященой памяти Марии Николаевны Погребовой*. Москва: ИВ РАН, с. 89-114.

Клочко, В. І. 1990. «Народи Моря» та Північне Причерномор'я. *Археологія*, 1, с. 10-17.

Ковалевская, В. Б. 1977. *Конь и всадник. Пути и судьбы*. Москва: Наука.

Козенкова, В. И. 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (Некоторые археологические паралели). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 52-73.

Крупнов, Е. И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.

Лесков, А. М., Эрлих, В. Р. 1999. *Могильник Фарс / Клады*. Москва: Государственный музей Востока.

Махортых, С. В. 1996. К проблеме хронологии раннескифской культуры. В: *XIX «Крупновские чтения»*: Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. Москва: РАН, с. 114-116.

Махортых, С. В. 2003. *Культурные контакты Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху*. Киев: Шлях.

Махортых, С. В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Археология СССР. Свод археологических источников, Д 1-4. Москва: Наука.

Новицкий, Е. Ю. 1990. *Монументальная скульптура древнейших земледельцв и скотоводов Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: Управление культуры Одесского облисполкома.

Ольговський, С. Я. 1995. Походження хрестоподібных блях скіфського часу. *Археологія*, 2, с. 25-31.

Ольховский, В. С. 2005. *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа*. Москва: Наука.

Ольховский, В. С., Евдокимов, Г. Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н. э.* Москва: РАН.

Отрощенко, В. В. 2018. Троя в дикурсі украпнскоп археологип. *Археологія*, 1, с. 5-10.

Полідович, Ю. Б. 2000. Скіфські хрестоподібні бляхи. *Археологія*, 1, с. 35-48.

Полідович, Ю. Б., Цимідапов, В. В. 1995. Кам'яна сокира в пам'тках зрубної культурно-історичної спільності. *Археологія*, 2, с. 52-62.

Поляков, И. С. 1881. Лошадь Пржевальского (*Equus Przewalskii* n. sp.). *Известия Императорского Русского географического общества*, 17, 1, с. 1-23.

Рябкова, Т.В. 2008. Ромбические знаки на предметах раннескифского времени. В: *Юбилейные XXV «Крупновские» чтения по археологии Северного Кавказа*: Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владикавказ, с. 324-327.

Симоненко, А. В. 1987. О семантике среднего фриза чертомлыцкой амфоры. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 140-144.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев; Полтава: Археология.

Скорый, С., Костенко, Ю, Боряк, В. 2016. Клады чернолесской культуры на севере Приднепровской Террасовой Лесостепи. *Revista Arheologică*, 12, 1—2, с. 106-127.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Тереножкін, О. І. 1978. Кіммерійські стели. *Археологія*, 27, с. 12-22.

Хохоровски, Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, с. 319-336.

Хохоровски, Я. 2017. Кавказ и Карпатский Бассейн в раннем железном веке (проблема происхождения сигиннов). *Археологія і давня історія Украпни*, 2 (23), с. 228-244.

Черных, Е. Н. 1978. *Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии*. София: БАН.

Членова, Н. Л. 1984. *Оленные камни как исторический источник*. Новосибирск: Наука.

Чугунов, К. В. 2013. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири. *Вестник Томского Государственного Университета. История*, 3 (23), с. 97-102.

Чугунов, К. В. 2020. Курган Аржан 5: Взгляд с птичьего полета. В: Рукавишникова, И. В., Радюш, О. А. (ред.). *Древние памятники, культуры и прогресс. Сборник, посвященный Д. В. Рукавишникову*. Москва: ИА РАН, с. 54-61.

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан 2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Шарафутдінова, І. М. 1980. Орнаментовані сокиримолотки з катакомбних поховань на Інгули. *Археологія*, 33, с. 60-70.

Шелехань, О. В. 2012. Бойові сокири скіфського типу з Північного Причорномор'я. *Археологія*, 2, с. 3-13.

Щепинский, А. А. 1985. Кеми-Обинская культура. В: Артеменко, И. И. (ред.). *Археология Украинской ССР*. 1. Киев: Наукова думка, с. 331-336.

Эрлих, В. Р. 1990. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров прдскифского времени. *Советская археология*, 1, с. 247-250.

Эрлих, В. Р. 2004. О «птицеголовости» некоторых предскифских топориков-скипетров. В: Скорий, С. А. (ред.). *Від Кіммерії до Сарматії*. Київ: Корвін-Пресс, с. 106-110.

Эрлих, В. Р. 2005. «Птицеголовые» скипетры предскифского времени: новые аргументы и дискуссии. *Материальная культура Востока*, 4, с. 151-162.

Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века*. Москва: Наука.

Bălan, G. 2013. Aşezările fortificate din aria culturii Gàva din România. In: Ailincăi, S.-C., Ţârlea, A., Micu, C. (eds.). *Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962—2012)*. Brăila: Istros, p. 267-312.

Blajer, W. 2013. *Młodsza epoka brązu na ziemiach polskich w świetle badań nad skarbami*. Kraków: Historia Jagellonica.

Boroffka, N., Sava, E. 1998. Zu den steinernen «Zeptern / Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 30, S. 17-111.

Bouzek, J. 1983. Caucasus and Europe and the Cimmerian problem. *Sborník Národního Muzea v Praze*, 37, 4, p. 177-231.

Bökönyi, S. 1954. Les chevaux scythiques de Szentes-Vekerzug II (Étude sur le materiel osseux des fouilles de 1952—1953). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 4, p. 93-114.

Bökönyi, S. 1968. Mecklenburg collection, part 1: data on Iron Age horses of central and eastern Europe. *American School of Prehistoric Research, Peabody Museum, Harvard University, Bulletin*, 25, p. 3-71.

Bökönyi, S. 1983. Trade of domestic animals between Pannonia and Italy. *Savaria. A Vas Megyei Múzeumok Értesítője*, 16, p. 335-339.

Buchholz, H. G. 1999. Ein aussergewöhnliches Steinzepter im östlichen Mittelmeer, *Prähistorische Zeitschrift*, 74, 1, S. 68-78.

Bunnefeld, J-H. 2018. The chief and his Sword? Some thoughts on the swordbearer's rank in the Early Nordic Bronze Age. In: Horn, Ch., Kristiansen, K. (eds.). *Warfare in Bronze Age Society*. Cambridge: Cambridge University, p. 198-212.

Bukowski, Z. 1976. *Elementy wschodnie w kulturze łużyckiej u schyłku epoki brązu*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.

Cassells, E. S. 1983. *The Archaeology of Colorado*. Boulder: Johanson.

Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Praehistorische Zeitschrift*, 60, 2, S. 204-271.

Chochorowski, J. 1985b. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.

Chochorowski, J. 1995. Datowanie horyzontu kimmeryjskiego w Europie środkowej a chronologia późnej epoki brązu. *Śląskie Prace Prahistoryczne*, 4, p. 267-281.

Chochorowski, J. 1996. Kurhan Arzhan (Tuva) a chronologia znalezisk kimmeryjskich i wczesnoscytyjskich we wschodniej i środkowej Europie. *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej. Geochronometria*, 14, p. 239-256.

Chochorowski, J. 2009. «Halsztatyzacja» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (eds.). *Tarnobrzeska kultura łużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-116.

Chochorowski, J. 2015. Późnobrązowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne problemy badań. In: Gancarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*, Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.

Chochorowski, J. 2019. «Foreign» markers in Černotín type hoards. A contribution to the discussion of the phenomenon of «culture shok» in Central Europe in the late Bronze Age. *Prace Archeologiczne*, 69: Chasing Bronze Age rainbows. Studies on hoards and related phenomena in prehistoric Europe in honour of Wojciech Blajer, p. 67-132.

Chochorowski, J., Gawlik, A. 1997. Żelazny czekan kultury Vekerzug z Żuklina, gm. Kańczuga. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, 18, p. 173-179.

Ciszewska, J. 2011. «Ludy Morza» na tle przeobrażeń kulturowych w strefie pontyjsko-bałkańskiej w 2. poł. II tysiąclecia p. n. e. *Folia Praehistorica Posnaniensia*, 16, p. 427-433.

Dular, J. 2007. Pferdegräber und Pferdebestattungen in der Doljensko-Gruppe. *Situla*, 44: Scripta praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 737-752.

Falkenstein, F. 2007. Gewalt und Krieg in der Bronzezeit Mitteleuropas. *Bericht der Bayerischen Bodendenkmalpflege*, 47—48, S. 33-52.

Gallus, S., Horváth, T. 1939. *Un peuple cavalieri préscythique en Hongrie. Trouvailles archéologiques du premier Âge du Fer et leurs relations avec l'Eurasie*. Budapest: l'Université Pierre Pázmány.

Gazdapusztai, Gy. 1967. Caucasian relations of the Danubian Basin in the early Iron Age. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 19, p. 307-333.

Gerdsen, H. 1986. *Studien zu den Schwertgräbern der älteren Hallstattzeit*. Mainz : Philip von Zabern.

Gloger, Z. 1985. *Encyklopedia staropolska ilustrowana*. Warszawa: Wiedza Powszechna.

Grabowski, J. 1982. *Hippologia dla wszystkich*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza.

Haines, F. 1938. Where did the Plain Indians get their Horses? *American Anthropologist*, 40, 1, p. 112-117.

Haines, F. 1964. How the Indian got the Horse. *American Heritage*, 15, 2, p. 1-5.

Hančar, F. 1967. Die bronzenen «Pferdekopfszepter» der Hallstattzeit in archäologischer Ostperspektive. *Archaeologia Austriaca*, 40, S. 113-134.

Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Grichenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 20, S. 153-157.

Harţuche, N. 2005. Sceptrele de piatră zoomorfe. Interpretare şi cronologie. *Pontica*, 37—38, p. 71-97.

Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. Prähistorische Bronzefunde, XVI, 1. München: C. H. Beck'sche.

Hämäläinen, P. 2003. The Rise and Fall of Plains Indian Horse Cultures. *The Journal of American History*, 90, 3, p. 833-862.

Hänsel, B. 1976. *Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau*. Bonn: Rudolf Habelt.

Hellmuth, A. 2007. Zur Datierung der kreuzförmigen Goryt- und Bogentaschenbeschläge im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift*, 82, 2, S. 66-84.

Hoernes, M. 1917. Prähistorische Miszellen. *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 4, S. 24-51.

Irimia, M. 2008. Sceptre de piatră inedite din judeţul Constanţa şi unele consideraţii privind legăturile zonei vest-pontice cu spaţiul Egeean în bronzul târziu. *Pontica*, 41, p. 79-117.

Jacob-Friesen, G. 1968. Eine Pferdekopfkeule der frühen Eisenzeit aus Siebenbürgen. In: Claus, M., Haarnagel, W., Raddatz, K. (eds.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte Herbert Jahnkun gewidmet*. Neumünster: Kar1 Wachholtz, S. 66-73.

Jung, R. 2018. Warriors and Weapons on the Central and Eastern Balkans. In: Alexandrov, S., Dimitrova, Y., Popov, H., Horejs, B., Chukalev, K. (eds.). *Gold & Bronze. Metals, Technologies and Interregional Contacts in the Eastern Balkans during the Bronze Age*. Sofia: NAIM BAS, p. 241-251.

Kaus, M. 1989. Kimmerischer Pferdeschmuck im Karpatenbecken — das Stillfrieder Depot aus neuer Sicht. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 118—119, S. 247-257.

Kemenczei, T. 1971. Az őskor művészetének emlekei a Herman Ottó Múzeumban. *A Miskolci Herman Ottó Múzeum Közleményei*, 9, p. 36-49.

Kemenczei, T. 1981. A Prügyi koravaskori kincslelet. *Communicationes Archeologicae Hungariae*, p. 29-41.

Kemenczei, T. 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fügöd. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 40, S. 65-81.

Kemenczei, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II*. Prähistorische Bronzefunde, IV, 9. Stuttgart: Franz Steiner.

Kemenczei, T. 1995. Zu früheisenzeitlichen Goldfunden aus dem Karpatenbecken. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkher im bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Südosteuropa-Gesellschaft, S. 331-348.

Kemenczei, T. 1996. Notes on the chronology of late Bronze Age Hoards in Hungary. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedlowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 247-279.

Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). In: *Schätze aus der Keltenzeit in Ungaren. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf / Enz, S. 15-37.

Kemenczei, T. 2005. *Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken*. Prähistorische Bronzefunde, XX, 10. Stuttgart: Franz Steiner.

Keyser, J. D., Klassen, M. A. 2001. *Plains Indian Rock Art*. Vancouver; Toronto: UBC.

Kitowicz, J. 1985. *Opis obyczajów za panowania Augusta III*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Klochko, V. I. 1993. *Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th—10th centuries BC*. Baltic-Pontic Studies, 1. Poznań: Adam Mickiewicz University.

Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of societies of the Northern Pontic culture circle: 5000—700 BC*. Baltic-Pontic Studies, 10. Poznań: Adam Mickiewicz University.

Klochko, V. I. 2002. Maces of the Neolithic-Bronze Age of the Northern Pontic region. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 22-30.

Kmeťova, P. 2013. «Masters of Horses» in the West, «Horse Breeders» in the East? On the Significance and Position of the Horse in the Early Iron Age Communities of the Pannonian Basin. *Studien zur Kulturgeschichte von Oberosterreich*, 37: Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeitrage der 5. Linzer Gesprache zur interpretativen Eisenzeitarchäologie, p. 247-258.

Kmeťová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej Panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.

Koch, J. K. 2010. Früheisenzeitliche Reitergräber zwischen Ost- und Westhallstattkreis. In: Jerem, E., Schönfelder, M., Wieland, G. (eds.). *Nord-Süd, Ost-West. Kontakte während der Eisenzeit in Europa*. Budapest: Archaeolinqua Alapítvány, p. 139-150.

Kossack, G. 1954. Pferdegeschirr aus Gräbern der älteren Hallstattzeit Bayerns. *Jahrbuch des RGZM*, 1, S. 111-178.

Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. In: Franke, H. (ed.). *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils*. München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften, p. 24-86.

Kośko, A. 2002. Fluted maces in cultural systems of the borderland of Eastern and Western Europe: 2350—800 BC. Taxonomy, genesis, function. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 31-81.

Kristiansen, K. 1984. Krieger und Häuptlinge in der Bronzezeit Dänemarks. Ein Beitrag zur Geschichte des bronzezeitlichen Schwertes. *Jahrbuch des RGZM*, 31, S. 187-208.

Kristiansen, K. 1998. *Europe before history*. Cambridge: Cambridge University.

Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.). Seine Beziehungen zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33, S. 3-93.

L'art. Scythe. 1986. *L'art. Scythe. Les antiquités Scythes milieu du VIIe—IIIe siècle avant notre ère*. Leningrad: Aurora.

László, A. 2006. Drajna de Jos — Lozova — Pobit Kamăk — Uluburun. Sur les relations a longue distance dans l'age tardif du bronze. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 12, p. 43-55.

Levine, M. A. 2005. Domestication and early history of the horse. In: Mills, D. S., McDonnell, S. M. (eds.). *The Domestic Horse: The Origins, Development, and Management of its Behaviour*. Cambridge: Cambridge University, p. 5-22.

Lucke, W., Frey, O-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur Situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

McNab, Ch. 2010. *The Native American Warrior 1500—1890 CE*. New York: Amber Books.

Medwecka-Kornaś, A. 1972. Czynniki naturalne wpływające na rozmieszczenie geograficzne roślin w Polsce. In: Szafer, W. Zarzycki, K. (eds.). *Szata roślinna Polski*. I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, p. 35-94.

Metzner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Panonien*. Rahden: Marie Leidorf.

Metzner-Nebelsick, C. 2007. Pferdchenfibel. Zur Deutung einer frauenzpezifischen Schmuckform der Hallstatt- und Frülatènezeit. *Situla*, 44: Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 707-735.

Molloy, B. 2018. Conflict at Europe's Crossroads: Analysing the Social Life of Metal Weaponery in the Bronze Age Balkans. In: Dolfini, A., Crellin, R. J., Horn, C., Uckelmann, M. (eds.). *Prehistoric Warfare and Violence. Quantitative and Qualitative*. New York: Springer, p. 199-224.

Moscalu, E., Beda, C. 1991. Ein Grabhügel der Basarabi-Kultur mit Votivkesselwagen aus Rumänien. *Prähistorische Zeitschrift*, 66, S. 197-218.

Muhle, B. 2008. *Vorderasiatische Keulen und ihr Umfeld vom 9. bis ins frühe 1. Jt. v. Chr. Typologie und Deutung*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. München.

Outram, A. K. 2015. Pastoralism. In: Barker, G., Goucher, C. (eds.). *The Cambridge World History II. A World with Agriculture 12,000 BCE — 500 CE*. Cambridge: Cambridge University, p. 161-185.

Palonka, R. 2019. *Sztuka i archeologia kultur indiańskich prekolumbijskiego Południowego Zachodu USA*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Párducz, M. 1952. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2, p. 143-172, pl. XLII-LXVIII.

Pare, Ch. F. E. 1998. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa, Teil I: Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.—8. Jahrhundert v. Ch.). *Jahrbuch des RGZM*, 43, S. 293-433.

Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.

Patek, E. 1974. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn. In: Dušek, M. (ed.). *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa*. Bratislava: Veda, S. 337-362.

Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH mbH.

Patek, E. 1995. «Reiterkriegergräber» in Westungarn. Hallstattzeitliche Gräber mit Waffen und Pferdegeschirr in Westungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 47, S. 135-148.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Academia Republicii Socialiste România.

Píč, J. L. 1903. Nový typ žárových hrobů v Čechách, *Památky Archeologické a Místopisné*, 20, p. 467-508.

Pietrzyk, M. 2011. Ludy Morza w kontekście źródeł archeologicznych i historycznych. *Starożytności*, 1, p. 5-18.

Podborský, V. 2006. *Náboženství pravěkých Evropanů*. Brno: Masarykovy universit.

Przybyła, M. S. 2009. *Intercultural contacts in the Western Carpathian area at the turn of the 2nd and 1st millennia BC*. Warszawa: National Centre for Culture.

Przybyła, M. S. 2010. Pottery analyses as the basis for studying migrations. The case of Danubian pottery groups from the end of 2nd Millennium BC. *Prace Archeologiczne*, 63: Migration in Bronze and Early Iron Age Europe, p. 87-104.

Pulak, C. 1996. Dendrochronological dating of the Uluburun ship. *The INA Quarterly*, 23, 1, p. 12-13.

Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezőcsát-Gruppe, In: Jerem, E., Poroszlai, I. (eds.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age*. Budapest: Archaeolinqua, p. 167-176.

Rychner, V. 1995. Stand und Aufgaben dendrochronologischer Forschung zur Urnenfelderzeit. *RGZM Monographien*, 35: Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Ergebnisse eines Kolloquiums, S. 455-487.

Sanders, N. K. 1978. *The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1250—1150 BC*. London: Thames and Hudson.

Schüle, W. 1969. *Die Meseta-Kulturen der Iberischen Halbinsel. Mediterrane und eurasische Elemetne in frühe-*

isenzeitlichen Kulturen Südwesteuropas. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.

Soroceanu, T. 2008. *Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien*. Cluj-Napoca: Accent.

Sperber, L. 1987. *Untersuchungen zur Chronologie der Urnenfelderkultur im nördlichen Alpenvorland von der Schweitz bis Oberösterreich*. Antiquitas, 3 (29). Bonn: Habelt.

Sperber, L. 2017. *Studien zur spätbronzezeitlichen Chronologie im westlichen Mitteleuropa und in Westeuropa*. Monographien der RGZM, 136. Mainz: RGZM.

Steward, J. H. 1972. *Theory of culture change: the methodology of multilinear evolution*. Urbana-Chicago: University of Illinois.

Śliwa, J. 2004. Inwazja Ludów Morskich na Egipt u schyłku II tys. p. n. e. In: Salamon, M., Strzelczyk, J. (eds.). *Wędrówka i etnogeneza w starożytności i średniowieczu*. Kraków: Historia Iagiellonica, p. 43-53.

Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 81-159.

Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München; Rahden: Marie Leidorf, S. 511-560.

Thrane, H. 2007. Vestby. *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde von Johannes Hoeps*, 35, S. 442-443.

Torbay, J. G. 2015. A New late Bronze Age warrior equipment from east Central Europe. *Archeologiai Értesítő*, 140, p. 29-70.

Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*, 1. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104. Bonn: Habelt.

Vecellio, C. 1590. *De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo*. Venezia: Damiano Zenaro.

Vokolek, V. 1999. *Východočeská halštatská pohřebiště*. Pardubice: Východočeské museum Pardubice.

Vulpe, A. 1970. *Äxte und Beile in Rumänien I*. Prähistorische Bronzefunde, IX, 2, München: C. H. Beck.

Werner, J. 1961. Bronzenes Pferdekopfszepter der Hallstattzeit aus Předměřice bei Hradec Králové. *Památky Archeologické*, 52, S. 384-389.

Wierzbicki, L., Obst, S. 1882. *Wzory przemysłu domowego. Wyroby metalowe włościan na Rusi*. Lwów: Muzeum Przemysłowe Miejskie we Lwowie.

Willvonseder, K. 1932. Ein Depotfund aus Stillfried a. March (Niederösterreich). *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 19, S. 25-38, I.

Wisner, H. 2013. *Lisowczycy. Łupieżcy Europy*. Warszawa: Bellona.

Żurowski, K. 1949. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. *Przegląd Archeologiczny*, 8, p. 155-247.

REFERENCES

Alekseev, A. Iu., Murzin, V. Iu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (Skifskii tcarskii kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Vadetckaia, E. B. 1986. *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia*. Leningrad: Nauka.

Vinogradov, V. B. 1972. *Centralnyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v skifskoe vremia*. Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo.

Vinogradov, V. B., Dudarev, S. L., Runich, A. P. 1980. Kimmeriisko-kavkazskie sviazi. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiia i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 184-199.

Vitt, V. O. 1952. Loshadi pazyrykskikh kurganov. *Sovetskaia arkheologiia* 16, s. 165-207.

Griaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Carskii kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.

Danilenko, V. M., Shmaglii, M. M. 1972. Pro odin povorotnii moment v istorii eneolitichnogo naseleniia Pivdennoji Evropi. *Arkheologiia*, 6, s. 3-20.

Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII—VIII vv. do n. e. iz Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechia*. Kishinev: Shtiintca.

Dergachev, V. A. 1986. *Moldaviia i sosednie territorii v epokhu bronzy (Analiz i kharakteristika kulturnykh grupp)*. Kishinev: Shtiintca.

Dudarev, S. L. 1991. *Iz istorii sviazei naseleniia Kavkaza s kimmeriisko-skifskim mirom*. Groznyi: ChIGU.

Dudarev, S.L. 1999. *Severnyi Kavkaz i rannie kochevniki v predskifskuiu epokhu (IX — pervaia polovina VII v. do n. e.)*. Avtoreferat dissertatcii d. i. n. Moskva: MGU.

Illinska, V. A. 1961. Skifski sokiri. *Arkheologiia*, 12, s. 27-52.

Illinska, V. A. 1973. Bronzovi nakonechniki tak zvanogo zhabotinskogo i novocherkaskogo tipiv. *Arkheologiia*, 12, s. 13-26.

Ilinskaia, V. A. 1965. Kultovye zhezly skifskogo i predskifskogo vremeni. B: Krupnov, E.I. (ed.). *Novoe v sovetskoi arkheologii*. Moskva: Izdatelstvo «Nauka» c. 206-210.

Ilinskaia, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhia (kurgany Posulia)*. Kiev: Naukova dumka.

Iliukov, L. S. 2016. Krestovidnye bliakhi rannego zheleznogo veka iz stepei Vostochnoi Evropy. In: Balakhvantcev, A. S., Kullanda, S. V. (eds.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentcii posviashchenoi pamiati Marii Nikolaevny Pogrebovoi*. Moskva: IV RAN, s. 80-84.

Kantorovich, A. P. 2016. Obraz loshadi v vostochnoevropeiskom skifskom zverinom stile. In: Balakhvantcev, A. S., Kullanda, S. V. (eds.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentcii posviashchenoi pamiati Marii Nikolaevny Pogrebovoi*. Moskva: IV RAN, c. 89-114.

Klochko, V. I. 1990. «Narodi Moria» ta Pivnichne Prichernomoria. *Arkheologiia*, 1, s. 10-17.

Kovalevskaia, V. B. 1977. *Kon i vsadnik. Puti i sudby*. Moskva: Nauka.

Kozenkova, V. I. 1975. Sviazi Severnogo Kavkaza s Karpato-Dunaiskim mirom (Nekotorye arkheologicheskie paraleli). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskii mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 52-73.

Krupnov, E. I. 1960. *Drevniaia istoriia Severnogo Kavkaza*. Moskva: AN SSSR.

Leskov, A. M., Erlikh, V. R. 1999. *Mogilnik Fars / Klady*. Moskva: Gosudarstvennyi muzei Vostoka.

Makhortykh, S.V. 1996. K probleme khronologii ranneskifskoi kultury. In: *XIX «Krupnovskie chteniia»*: Aktualnye problemy arkheologii Severnogo Kavkaza. Moskva: RAN, s. 114-116.

Makhortykh, S. V. 2003. *Kulturnye kontakty Severnogo Prichernomoria i Centralnoi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu*. Kiev: Shliakh.

Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriitcy Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Shliakh.

Meliukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov*. Arkheologiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-4. Moskva: Nauka.

Novitckii, E. Iu. 1990. *Monumentalnaia skulptura drevneishikh zemledeltcv i skotovodov Severo-Zapadnogo Prichernomoria*. Odessa: Upravlenie kultury Odesskogo oblispolkoma.

Olgovskii, S. Ia. 1995. Pokhodzhennia khrestopodibnykh bliakh skifskogo chasu. *Arkheologiia*, 2, s. 25-31.

Olkhovskii, V. S. 2005. *Monumentalnaia skulptura naseleniia zapadnoi chasti evraziiskikh stepei epokhi rannego zheleza*. Moskva: Nauka.

Olkhovskii, V. S., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvaianiia VII—III vv. do n. e.* Moskva: RAN.

Otroshchenko, V. V. 2018. Troia v diskursi ukraiinskoji arkheologiji. *Arkheologiia*, 1, s. 5-10.

Polidovich, Iu. B. 2000. Skifski khrestopodibni bliakhi. *Arkheologiia*, 1, s. 35-48.

Polidovich, Iu. B., Cimidanov, V. V. 1995. Kamiana sokira v pamiatkakh zrubnoji kulturno-istorichnoji spilnosti. *Arkheologiia*, 2, s. 52-62.

Poliakov, I. S. 1881. Loshad Przhevalskogo (*Equus Przewalskii* n. sp.). *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo Obshchestvva*, 17, 1, s. 1-23.

Riabkova, T. V. 2008. Rombicheskie znaki na predmetakh ranneskifskogo vremeni. In: *Iubileinye XXV «Krupnovskie» chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*: Otrazhenie tcivilizatcionnykh protcessov v arkheologicheskikh kulturakh Severnogo Kavkaza i sopredelnykh territorii. Vladikavkaz, s. 324-327.

Simonenko, A. V. 1987. O semantike srednego friza chertomlytckoi amfory. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, s. 140-144.

Skoryi, S. A. 1999. *Kimmeriitcy v Ukrainskoi Lesostepi*. Kiev; Poltava: Arkheologiia.

Skoryi, S., Kostenko, Iu, Boriak, V. 2016. Klady chernolesskoi kultury na severe Pridneprovskoi Terrasovoi Lesostepi. *Revista Arheologică*, 12, 1—2, s. 106-127.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriitcy*. Kiev: Naukova dumka.

Terenozhkin, O. I. 1978. Kimmeriiski steli. *Arkheologiia*, 27, s. 12-22.

Khokhorovski, Ia. 2011. Ekologicheskii «stress» v Zapadnoi Sibiri i kulturnyi «shok» v Karpatskoi kotlovine v kontce bronzovogo veka. In: Molodin, V. I., Hansen, S. (eds.). *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Terra Scythica»*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, s. 319-336.

Khokhorovski, Ia. 2017. Kavkaz i Karpatskii Bassein v rannem zheleznom veke (problema proiskhozhdeniia siginnov). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (23), s. 228-244.

Chernykh, E. N. 1978. *Gornoe delo i metallurgiia v drevneishei Bolgarii*. Sofiia: BAN.

Chlenova, N. L. 1984. *Olennye kamni kak istoricheskii istochnik*. Novosibirsk: Nauka.

Chugunov, K. V. 2013. Aktualnye problemy khronologii pamiatnikov epokhi rannikh kochevnikov Centralnoi Azii i Sibiri. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 3 (23), s. 97-102.

Chugunov, K. V. 2020. Kurgan Arzhan 5: Vzgliad s ptichego poleta. In: Rukavishnikova, I. V., Radiush, O. A. (eds.). *Drevnie pamiatniki, kultury i progress. Sbornik, posviashchennyi D. V. Rukavishnikovu*. Moskva: IA RAN, s. 54-61.

Chugunov, K. V., Partcinger, G., Nagler, A. 2017. *Carskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan 2 v Tuve*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Sharafutdinova, I. M. 1980. Ornamentovani sokiri-molotki z katakombnikh pokhovan na Inguli. *Arkheologiia*, 33, s. 60-70.

Shelekhan, O. V. 2012. Boiovi sokiri skifskogo tipu z Pivnichnogo Prichornomor'ia. *Arkheologiia*, 2, s. 3-13.

Shchepinskii, A. A. 1985. Kemi-Obinskaia kultura. In: Artemenko, I. I (ed.). *Arkheologiia Ukrainskoi SSR*. 1. Kiev: Naukova dumka, s. 331-336.

Erlikh, V. R. 1990. K probleme proiskhozhdeniia ptitcegolovykh skipetrov prdskifskogo vremeni. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 247-250.

Erlikh, V. R. 2004. O «ptitcegolovosti» nekotorykh predskifskikh toporikov-skipetrov. In: Skoryi, S. A. (ed.). *Vid Kimmerii do Sarmatii*. Kyiv: Korvin Press, s. 106-110.

Erlikh, V. R. 2005. «Ptitcegolovye» skipetry predskifskogo vremeni: novye argumenty i diskussii. *Materialnaia kultura Vostoka*, 4, s. 151-162.

Erlikh, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka*. Moskva: Nauka.

Bălan, G. 2013. Aşezările fortificate din aria culturii Gàva din România. In: Ailincăi, S.-C., Ţârlea, A., Micu, C. (eds.). *Din preistoria Dunării de Jos. 50 de ani de la începutul cercetărilor arheologice la Babadag (1962—2012)*. Brăila: Istros, p. 267-312.

Blajer, W. 2013. *Młodsza epoka brązu na ziemiach polskich w świetle badań nad skarbami*. Kraków: Historia Jagellonica.

Boroffka, N., Sava, E. 1998. Zu den steinernen «Zeptern / Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 30, S. 17-111.

Bouzek, J. 1983. Caucasus and Europe and the Cimmerian problem. *Sborník Národního Muzea v Praze*, 37, 4, p. 177-231.

Bökönyi, S. 1954. Les chevaux scythiques de Szentes-Vekerzug II (Étude sur le materiel osseux des fouilles de 1952—1953). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 4, p. 93-114.

Bökönyi, S. 1968. Mecklenburg collection, part 1: data on Iron Age horses of central and eastern Europe. *American School of Prehistoric Research, Peabody Museum, Harvard University, Bulletin*, 25, p. 3-71.

Bökönyi, S. 1983. Trade of domestic animals between Pannonia and Italy. *Savaria. A Vas Megyei Múzeumok Értesítője*, 16, p. 335-339.

Buchholz, H. G. 1999. Ein aussergewöhnliches Steinzepter im östlichen Mittelmeer. *Prähistorische Zeitschrift*, 74, 1, S. 68-78.

Bunnefeld, J-H. 2018. The chief and his Sword? Some thoughts on the swordbearer's rank in the Early Nordic Bronze Age. In: Horn, Ch., Kristiansen, K. (eds.). *Warfare in Bronze Age Society*. Cambridge: Cambridge University, p. 198-212.

Bukowski, Z. 1976. *Elementy wschodnie w kulturze łużyckiej u schyłku epoki brązu*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.

Cassells, E. S. 1983. *The Archaeology of Colorado*. Boulder: Johanson.

Chochorowski, J. 1985a. Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa. *Praehistorische Zeitschrift*, 60, 2, S. 204-271.

Chochorowski, J. 1985b. *Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde*. Warszawa; Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Chochorowski, J. 1987. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej. *Przegląd Archeologiczny*, 34, p. 161-218.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.

Chochorowski, J. 1995. Datowanie horyzontu kimmeryjskiego w Europie środkowej a chronologia późnej epoki brązu. *Śląskie Prace Prahistoryczne*, 4, p. 267-281.

Chochorowski, J. 1996. Kurhan Arzhan (Tuva) a chronologia znalezisk kimmeryjskich i wczesnoscytyjskich we wschodniej i środkowej Europie. *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej. Geochronometria*, 14, p. 239-256.

Chochorowski, J. 2009. «Halsztatyzacja» wschodniej części Kotliny Karpackiej. In: Czopek, S., Trybała-Zawiślak, K. (eds.). *Tarnobrzeska kultura łużycka — źródła i interpretacje*. Rzeszów: Mitel, p. 89-116.

Chochorowski, J. 2015. Późnobrązowe osiedla obronne w północno-wschodniej części Kotliny Karpackiej — główne problemy badań. In: Gancarski, J. (ed.). *Pradziejowe osady obronne w Karpatach*, Krosno: Muzeum Podkarpackie w Krośnie, p. 245-272.

Chochorowski, J. 2019. «Foreign» markers in Černotín type hoards. A contribution to the discussion of the phenomenon of «culture shok» in Central Europe in the late Bronze Age. *Prace Archeologiczne*, 69: Chasing Bronze Age rainbows. Studies on hoards and related phenomena in prehistoric Europe in honour of Wojciech Blajer, p. 67-132.

Chochorowski, J., Gawlik, A. 1997. Żelazny czekan kultury Vekerzug z Żuklina, gm. Kańczuga. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, 18, p. 173-179.

Ciszewska, J. 2011. «Ludy Morza» na tle przeobrażeń kulturowych w strefie pontyjsko-bałkańskiej w 2. poł. II tysiąclecia p. n. e. *Folia Praehistorica Posnaniensia*, 16, p. 427-433.

Dular, J. 2007. Pferdegräber und Pferdebestattungen in der Doljensko-Gruppe. *Situla*, 44: Scripta praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 737-752.

Falkenstein, F. 2007. Gewalt und Krieg in der Bronzezeit Mitteleuropas. *Bericht der Bayerischen Bodendenkmalpflege*, 47—48, S. 33-52.

Gallus, S., Horváth, T. 1939. *Un peuple cavalieri préscythique en Hongrie. Trouvailles archéologiques du pre-*

mier Âge du Fer et leurs relations avec l'Eurasie. Budapest: l'Université Pierre Pázmány.

Gazdapusztai, Gy. 1967. Caucasian relations of the Danubian Basin in the early Iron Age. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 19, p. 307-333.

Gerdsen, H. 1986. *Studien zu den Schwertgräbern der älteren Hallstattzeit*. Mainz : Philip von Zabern.

Gloger, Z. 1985. *Encyklopedia staropolska ilustrowana*. Warszawa: Wiedza Powszechna.

Grabowski, J. 1982. *Hippologia dla wszystkich*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza.

Haines, F. 1938. Where did the Plain Indians get their Horses? *American Anthropologist*, 40, 1, p. 112-117.

Haines, F. 1964. How the Indian got the Horse. *American Heritage*, 15, 2, p. 1-5.

Hančar, F. 1967. Die bronzenen «Pferdekopfszepter» der Hallstattzeit in archäologischer Ostperspektive. *Archaeologia Austriaca*, 40, S. 113-134.

Harmatta, J. 1968. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Grichenland. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 20, S. 153-157.

Harțuche, N. 2005. Sceptrele de piatră zoomorfe. Interpretare şi cronologie. *Pontica*, 37—38, p. 71-97.

Hase, F.-W., von. 1969. *Die Trensen der Früheisenzeit in Italien*. Prähistorische Bronzefunde, XVI, 1. München: C. H. Beck'sche.

Hämäläinen, P. 2003. The Rise and Fall of Plains Indian Horse Cultures. *The Journal of American History*, 90, 3, p. 833-862.

Hänsel, B. 1976. *Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau*. Bonn: Rudolf Habelt.

Hellmuth, A. 2007. Zur Datierung der kreuzförmigen Goryt- und Bogentaschenbeschläge im Karpatenbecken. *Prähistorische Zeitschrift*, 82, 2, S. 66-84.

Hoernes, M. 1917. Prähistorische Miszellen. *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 4, S. 24-51.

Irimia, M. 2008. Sceptre de piatră inedite din județul Constanța şi unele considerații privind legăturile zonei vestpontice cu spațiul Egeean în bronzul târziu. *Pontica*, 41, p. 79-117.

Jacob-Friesen, G. 1968. Eine Pferdekopfkeule der frühen Eisenzeit aus Siebenbürgen. In: Claus, M., Haarnagel, W., Raddatz, K. (eds.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte Herbert Jahnkun gewidmet*. Neumünster: Kar1 Wachholtz, S. 66-73.

Jung, R. 2018. Warriors and Weapons on the Central and Eastern Balkans. In: Alexandrov, S., Dimitrova, Y., Popov, H., Horejs, B., Chukalev, K. (eds.). *Gold & Bronze. Metals, Technologies and Interregional Contacts in the Eastern Balkans during the Bronze Age*. Sofia: NAIM BAS, p. 241-251.

Kaus, M. 1989. Kimmerischer Pferdeschmuck im Karpatenbecken — das Stillfrieder Depot aus neuer Sicht. *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 118—119, S. 247-257.

Kemenczei, T. 1971. Az őskor művészetének emlekei a Herman Ottó Múzeumban. *A Miskolci Herman Ottó Múzeum Közleményei*, 9, p. 36-49.

Kemenczei, T. 1981. A Prügyi koravaskori kincslelet. *Communicationes Archeologicae Hungariae*, p. 29-41.

Kemenczei, T. 1988. Der Pferdegeschirrfund von Fügöd. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 40, S. 65-81.

Kemenczei, T. 1991. *Die Schwerter in Ungarn II*. Prähistorische Bronzefunde, IV, 9. Stuttgart: Franz Steiner.

Kemenczei, T. 1995. Zu früheisenzeitlichen Goldfunden aus dem Karpatenbecken. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkher im bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Südosteuropa-Gesellschaft, S. 331-348.

Kemenczei, T. 1996. Notes on the chronology of late Bronze Age Hoards in Hungary. In: Chochorowski, J. (ed.). *Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświęcona Markowi Gedlowi*. Kraków: Oficyna Cracovia, p. 247-279.

Kemenczei, T. 1998. Die Große Ungarische Tiefebene vor und während der skythischen Eroberung (10.—4. Jh. v. Chr.). B: *Schätze aus der Keltenzeit in Ungaren. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus*. Eberdingen: Keltenmuseum Hochdorf / Enz, S. 15-37.

Kemenczei, T. 2005. *Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken*. Prähistorische Bronzefunde, XX, 10. Stuttgart: Franz Steiner.

Keyser, J. D., Klassen, M. A. 2001. *Plains Indian Rock Art*. Vancouver; Toronto: UBC.

Kitowicz, J. 1985. *Opis obyczajów za panowania Augusta III*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Klochko, V. I. 1993. *Weapons of the tribes of the Northern Pontic zone in the 16th—10th centuries BC*. Baltic-Pontic Studies, 1. Poznań: Adam Mickiewicz University.

Klochko, V. I. 2001. *Weaponry of societies of the Northern Pontic culture circle: 5000—700 BC*. Baltic-Pontic Studies, 10. Poznań: Adam Mickiewicz University.

Klochko, V. I. 2002. Maces of the Neolithic-Bronze Age of the Northern Pontic region. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 22-30.

Kmeťova, P. 2013. «Masters of Horses» in the West, «Horse Breeders» in the East? On the Significance and Position of the Horse in the Early Iron Age Communities of the Pannonian Basin. *Studien zur Kulturgeschichte von Oberosterreich*, 37: Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbeitrage der 5. Linzer Gesprache zur interpretativen Eisenzeitarchäologie, p. 247-258.

Kmeťová, P. 2014. *Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej Panvy*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.

Koch, J. K. 2010. Früheisenzeitliche Reitergräber zwischen Ost- und Westhallstattkreis. In: Jerem, E., Schönfelder, M., Wieland, G. (eds.). *Nord-Süd, Ost-West. Kontakte während der Eisenzeit in Europa*. Budapest: Archaeolinqua Alapítvány, p. 139-150.

Kossack, G. 1954. Pferdegeschirr aus Gräbern der älteren Hallstattzeit Bayerns. *Jahrbuch des RGZM*, 1, S. 111-178.

Kossack, G. 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils. In: Franke, H. (ed.). *Skythika. Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils*. München: Bayerischen Akademie der Wissenschaften, p. 24-86.

Kośko, A. 2002. Fluted maces in cultural systems of the borderland of Eastern and Western Europe: 2350—800 BC. Taxonomy, genesis, function. *Baltic-Pontic Studies*, 11, p. 31-81.

Kristiansen, K. 1984. Krieger und Häuptlinge in der Bronzezeit Dänemarks. Ein Beitrag zur Geschichte des bronzezeitlichen Schwertes. *Jahrbuch des RGZM*, 31, S. 187-208.

Kristiansen, K. 1998. *Europe before history*. Cambridge: Cambridge University.

Kromer, K. 1986. Das östliche Mitteleuropa in der frühen Eisenzeit (7.—5. Jh. v. Chr.). Seine Beziehungen zu Steppenvölkern und antiken Hochkulturen. *Jahrbuch des RGZM*, 33, S. 3-93.

L'art. Scythe. 1986. *L'art. Scythe. Les antiquités Scythes milieu du VIIe—IIIe siècle avant notre ère*. Leningrad: Aurora.

László, A. 2006. Drajna de Jos — Lozova — Pobit Kamăk — Uluburun. Sur les relations a longue distance dans l'age tardif du bronze. *Studia Antiqua et Archaeologica*, 12, p. 43-55.

Levine, M. A. 2005. Domestication and early history of the horse. In: Mills, D. S., McDonnell, S. M. (eds.). *The Domestic Horse: The Origins, Development, and Management of its Behaviour*. Cambridge: Cambridge University, p. 5-22.

Lucke, W., Frey, O-H. 1962. *Die Situla in Providence (Rhode Island). Ein Beitrag zur Situlenkunst des Osthallstattkreises*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

McNab, Ch. 2010. *The Native American Warrior 1500—1890 CE*. New York: Amber Books.

Medwecka-Kornaś, A. 1972. Czynniki naturalne wpływające na rozmieszczenie geograficzne roślin w Polsce. In: Szafer, W. Zarzycki, K. (eds.). *Szata roślinna Polski*. I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, p. 35-94.

Metzner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Panonien*. Rahden: Marie Leidorf.

Metzner-Nebelsick, C. 2007. Pferdchenfibel. Zur Deutung einer frauenzpezifischen Schmuckform der Hallstatt- und Frülatènezeit. *Situla*, 44: Scripta Praehistorica in Honorem Biba Teržan, S. 707-735.

Molloy, B. 2018. Conflict at Europe's Crossroads: Analysing the Social Life of Metal Weaponery in the Bronze Age Balkans. In: Dolfini, A., Crellin, R. J., Horn, C., Uckelmann, M. (eds.). *Prehistoric Warfare and Violence. Quantitative and Qualitative*. New York: Springer, p. 199-224.

Moscalu, E., Beda, C. 1991. Ein Grabhügel der Basarabi-Kultur mit Votivkesselwagen aus Rumänien. *Prähistorische Zeitschrift*, 66, S. 197-218.

Muhle, B. 2008. *Vorderasiatische Keulen und ihr Umfeld vom 9. bis ins frühe 1. Jt. v. Chr. Typologie und Deutung*. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität München. München.

Outram, A. K. 2015. Pastoralism. In: Barker, G., Goucher, C. (eds.). *The Cambridge World History II. A World with Agriculture 12,000 BCE — 500 CE*. Cambridge: Cambridge University, p. 161-185.

Palonka, R. 2019. *Sztuka i archeologia kultur indiańskich prekolumbijskiego Południowego Zachodu USA*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Párducz, M. 1952. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug, *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2, p. 143-172, pl. XLII-LXVIII.

Pare, Ch. F. E. 1998. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa, Teil I: Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.—8. Jahrhundert v. Ch.), *Jahrbuch des RGZM*, 43, S. 293-433.

Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter*. München: C. H. Beck.

Patek, E. 1974. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn. In: Dušek, M. (ed.). *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa*. Bratislava: Veda, S. 337-362.

Patek, E. 1993. *Westungarn in der Hallstattzeit*. Weinheim: VCH mbH.

Patek, E. 1995. «Reiterkriegergräber» in Westungarn. Hallstattzeitliche Gräber mit Waffen und Pferdegeschirr in Westungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 47, S. 135-148.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti: Academia Republicii Socialiste România.

Píč, J. L. 1903. Nový typ žárových hrobů v Čechách. *Památky Archeologické a Místopisné*, 20, p. 467-508.

Pietrzyk, M. 2011. Ludy Morza w kontekście źródeł archeologicznych i historycznych. *Starożytności*, 1, p. 5-18.

Podborský, V. 2006. *Náboženství pravěkých Evropanů*. Brno: Masarykovy universit.

Przybyła, M. S. 2009. *Intercultural contacts in the Western Carpathian area at the turn of the 2nd and 1st millennia BC*. Warszawa: National Centre for Culture.

Przybyła, M. S. 2010. Pottery analyses as the basis for studying migrations. The case of Danubian pottery groups from the end of 2nd Millennium BC. *Prace Archeologiczne*, 63: Migration in Bronze and Early Iron Age Europe, p. 87-104.

Pulak, C. 1996. Dendrochronological dating of the Uluburun ship. *The INA Quarterly*, 23, 1, p. 12-13.

Romsauer, P. 1999. Zur Frage der Westgrenze der Mezőcsát-Gruppe, In: Jerem, E., Poroszlai, I. (eds.). *Archaeology of the Bronze and Iron Age*. Budapest: Archaeolinqua, p. 167-176.

Rychner, V. 1995. Stand und Aufgaben dendrochronologischer Forschung zur Urnenfelderzeit. *RGZM Monographien*, 35: Beiträge zur Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Ergebnisse eines Kolloquiums, S. 455-487.

Sanders, N. K. 1978. *The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1250—1150 BC*. London: Thames and Hudson.

Schüle, W. 1969. *Die Meseta-Kulturen der Iberischen Halbinsel. Mediterrane und eurasische Elemetne in früheisenzeitlichen Kulturen Südwesteuropas*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.

Sherratt, A. 1993. What would a Bronze-Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. *Journal of European Archaeology*, 1—2, p. 1-57.

Soroceanu, T. 2008. *Die vorskythenzeitlichen Metallgefäße im Gebiet des heutigen Rumänien*. Cluj-Napoca: Accent.

Sperber, L. 1987. *Untersuchungen zur Chronologie der Urnenfelderkultur im nördlichen Alpenvorland von der Schweitz bis Oberösterreich*. Antiquitas, 3 (29). Bonn: Habelt.

Sperber, L. 2017. *Studien zur spätbronzezeitlichen Chronologie im westlichen Mitteleuropa und in Westeuropa*. Monographien der RGZM, 136. Mainz: RGZM.

Steward, J. H. 1972. *Theory of culture change: the methodology of multilinear evolution*. Urbana-Chicago: University of Illinois.

Śliwa, J. 2004. Inwazja Ludów Morskich na Egipt u schyłku II tys. p. n. e. In: Salamon, M., Strzelczyk, J. (eds.). *Wędrówka i etnogeneza w starożytności i średniowieczu*. Kraków: Historia Iagiellonica, p. 43-53.

Teržan, B. 1995. Handel und soziale Oberschichten im früheisenzeitlichen Südosteuropa. In: Hänsel, B. (ed.). *Handel, Tausch und Verkehr im bronze- und früheisenzeitlichen Südosteuropa*. München; Berlin: Hansa-Druck Kiel, S. 81-159.

Teržan, B. 1998. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes. In: Hänsel, B., Machnik, J. (eds.). *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. München; Rahden: Marie Leidorf, S. 511-560.

Thrane, H. 2007. Vestby. *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde von Johannes Hoeps*, 35, S. 442-443.

Torbay, J. G. 2015. A New late Bronze Age warrior equipment from east Central Europe. *Archeologiai Értesítő*, 140, p. 29-70.

Trachsel, M. 2004. *Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit*, 1. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 104. Bonn: Habelt.

Vecellio, C. 1590. *De gli habiti antichi et moderni di diverse parti del mondo*. Venezia: Damiano Zenaro.

Vokolek, V. 1999. *Východočeská halštatská pohřebiště*. Pardubice: Východočeské museum Pardubice.

Vulpe, A. 1970. *Äxte und Beile in Rumänien I*. Prähistorische Bronzefunde, IX, 2, München: C. H. Beck.

Werner, J. 1961. Bronzenes Pferdekopfszepter der Hallstattzeit aus Předměřice bei Hradec Králové. *Památky Archeologické*, 52, S. 384-389.

Wierzbicki, L., Obst, S. 1882. *Wzory przemysłu domowego. Wyroby metalowe włościan na Rusi*. Lwów: Muzeum Przemysłowe Miejskie we Lwowie.

Willvonseder, K. 1932. Ein Depotfund aus Stillfried a. March (Niederösterreich). *Wiener Prähistorische Zeitschrift*, 19, S. 25-38, I.

Wisner, H. 2013. *Lisowczycy. Łupieżcy Europy*. Warszawa: Bellona.

Żurowski, K. 1949. Zabytki brązowe z młodszej epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. *Przegląd Archeologiczny*, 8, p. 155-247.

Ja. Chochorowski

«BIRD-HEAD» OR «HORSE-HEAD» SCEPTRES — A REAL OR APPARENT DILLEMA?

Thanks to their visual attractiveness the bronze sceptres resembling small axe-heads but enriched with zoomorphic elements rank among the most exclusive and interesting objects of ancient bronzeworking. Late Bronze Age examples of such artefacts are known from two separate regions in Europe: north-west Ciscaucasia (3 pieces) and the Carpathian Basin (7 pieces). Cultural affiliation of these few albeit highly interesting objects was first discussed by J. Werner, who in 1961 characterised Central European finds of «battle axes-batons» when presenting a specimen discovered in an Early Hallstatt grave from Předměřice on the upper Elbe River (Czech Republic). Due to the shape of the top («head»), which resembled a stylised horse head set on an arching neck, he described such objects as «horse-head» sceptres (*Pferdekopfszepter*). The issue was re-addressed in 1965 by V. A. Ilinskaja, who interpreted the find from Předměřice as a kind of a horseman's pick. In her opinion, the contours of Pre-Scythian and Scythian sceptres resembled stylised eagle heads, so she introduced the descriptor «bird-headed» (*птицеголовые*

скипетры). All the researchers addressing Central European sceptres terminating in horse heads have been unanimous in noting the absence of local traditions for this type of zoomorphic style in the Late Bronze Age bronze metallurgy of Central Europe. Looking for the original inspiration for such artefacts and for the "horse head" motif, they have commonly pointed to the Caucasus, and in particular to the milieu of the Koban (Protomeotic) culture.

Addressing this issue requires above all the a stylistic analysis of both Central European and Caucasian sceptres, the analysis that would consider similarities and differences observable in the manner of rendering zoomorphic representations. In the case of two sceptres from the Carpathian Basin: found in the Sárviz channel in eastern Transdanubia and in the Turiec Basin (i. e. in the former *komitat* of Túróc in eastern Slovakia), we are undoubtedly dealing with naturalistic representations of horse heads set on arching necks, with species characteristics clearly discernible. In the approach to stylistic analysis of zoomorphic representations formulated by A. R Kantorovich (2016), these two representations were inspired by the «natural prototype» («*природный прототип*»), an actual existing animal «model», whose characteristics were imitated by the artist-metallurgist to an extent determined by limitations imposed by the bronze casting technology on the one hand and the artist's own skills on the other. They are the result of reproducing in bronze either a visual impression elicited by observation of characteristic features of a specific animal, or an image of these animals engrained in common consciousness. The realism of representation is emphasised by elements of harness (straps or perhaps reins) depicted on the necks of both figurines. This is particularly evident when we look *en face* at the horse head adorning the sceptre from Sárviz. In contrast, there are absolutely no elements there that would depict in the same realistic manner the head or beak of a bird. The important element in the rendering of the horse head, one which I noted some time ago (Chochorowski 1993), is the clearly marked imitation of the short, stiff mane running along the arching neck.

The diversity of forms among the remaining sceptres known from the Carpathian Basin and adjacent areas is also very telling, in particular with respect to the modelling of the horse head. Relatively similar to each other, the specimens from Prügy and Sînmihai de Pădure show simplification and certain reduction of species characteristics in the head itself, although the mane crowning the massive neck is still well-discernible. As in the pair of sceptres discussed above, they also have clearly marked pointed ears. In the sceptres from Batina and Předměřice, the head is almost undiscernible from the neck in outline, and the mane modelling is all but vestigial. In the artefact from Batina it is only marked as a narrow ridge running along the curved neck all the way from the shaft hole to the end of the «head», with the ears (?) marked by two small knobs, one on each side. If we follow T. Kemenczei (2005) in including to this group a stray find from Békés-Hagymási, we have an example which, while maintaining the overall morphological form of a sceptre with a «blunt» head, shows total disappearance of the zoomorphic motif. Apart from the mushroom-shaped butt and a similar termination of the curved «socket», the only similarity between this artefact and the naturalistically modelled examples discussed above is the fact that the «base» of the neck or mane (?) seems to be distinguished by mouldings. As a result, at the end of the process the original idea becomes represented by the very shape of a sceptre, and it expresses the same symbolism as the naturalistic artefacts.

The above analysis seems to prove that the collection of bronze sceptres from the Carpathian Basin represents an autonomous phenomenon, revealing internal changeability consistent with logical principles of a «typological sequence / line». Gradual departure from the naturalistic manner in representing the «natural prototype» of a horse head was probably due to the trivialisation of the motif which, initially innovative, with time became common and lost its «communicative freshness» in social narration. The owners of sceptres maintained their status by the very fact of their ownership, without a need for manifesting the iconographic symbol of the role and social function attached to the sceptre.

Thus, the bronze sceptres from the Carpathian Basin are a fully autonomous phenomenon, one which emerged at some point point at the second half or end of the 10th century as a sort of indicator of the new social-cultural order. The main characteristics of this new order included a pastoral economy with an important role (important enough to influence the European system of distribution of goods — Sherratt 1993) of selective breeding of horse breeds of steppe origins, and hierarchic social structures with distinct status markers. These characteristics are rooted in the cultural identity of Great Steppe communities, shaped by specific environmental conditions and a long — sometimes reaching as far back as the Eneolithic — accumulation of existential experience. As a result of migrations of aggressive groups of steppe shepherd-warriors looking for ecological niches advantageous to their pastoral economy, these characteristics were «implanted» into the Carpathian Basin in the second half of the 10th century. With time, the newcomers became integrated with local populations, contributing to the integration process with their own package of social-cultural behaviours. Their contribution was particularly evident in the sphere of specialised horse breeding and outstanding skills in using these animals, both for riding and traction (Chochorowski 1987). This package of achievements and cultural experience was an important innovation in the European spectrum of economic strategies and, in a short time (maximum two generations), allowed for full integration of the «steppe people», and for the adoption of a significant portion of their civilisational package in the local environment.

Keywords: Carpathian Basin, Caucasus, sceptres, Great Steppe communities, migrations, horse breeding.

Я. Хохоровські

«ПТАХОГОЛОВІ» ЧИ «КОНЕГОЛОВІ» СКІПЕТРИ — РЕАЛЬНА ЧИ УЯВНА ДИЛЕМА?

Бронзові скіпетри через привабливу форму, що нагадує невеликі топірці з елементами зооморфної пластики, належать до категорії рідкісних і дуже цікавих виробів давнього бронзоливарного виробництва. Для доби пізньої бронзи знахідки цього роду відомі у двох далеких один від одного регіонах Європи: на території Північно-Західного Передкавказзя (3 екз.) і в Карпатському басейні, а також його найближчих околицях (7 екз). До наукової дискусії, що стосується культурної тотожності і символічного значення цих артефактів, ввів їх німецький дослідник Іоахим Вернер, який в

1961 р., звернувся до центральноєвропейських знахідок «конеголових сокир-жезлів» (Pferdekopfszepter), у зв'язку з вивченням скіпетра, знайденого в похованні ранньогальштатского часу в місцевості Пжедмежице (Předměřice), на верхній Ельбі, в Чехії. Виходячи з декоративної парадної форми навершь у вигляді натуралістично або схематично зображеної голови коня на дугоподібно вигнутій шиї, І. Вернер визначив ці предмети назвою конеголові скіпетри» (Pferdekopfszepter) і визнав символами влади і статусу (herrscherlichen Würdezeichen). Цю тему підняла також у своїх дослідженнях у 1965 р., Варвара Андріївна Іллінська, яка, аналізуючи знахідку з Пжедмежице, визнала її різновидом наджака-клевця. За її уявленнями, доскіфські і скіфські скіпетри нагадують стилізований контур орлиної голівки, що обгрунтовує користування визначенням «птахоголові скіпетри». Практично усі дослідники, які досі піднімали тему середньоєвропейських скіпетрів, увінчаних головою коня, підкреслювали відсутність такої стилістичної традиції в місцевому центральноєвропейському середовищі. У пошуках первинного поштовху для цього роду форм і сюжету «голови коня» вказували на аналогії з кавказького ареалу, передусім, з кобанського (протомеотського) культурного середовища.

Вирішення цієї проблеми вимагає, передусім, стилістичного аналізу скіпетрів як Центральної Європи, так і Кавказу, з урахуванням їх подібності і відмінності, помітних в художній манері зображення (іконизації) зооморфних уявлень. Не викликає сумнівів, що у випадку двох скіпетрів, відомих з території Карпатського басейну, — екземпляра з каналу Шарвиз і знахідки з території Турчанскої улоговини — ми маємо справу з натуралістичним, чітко визначльним видові біологічні риси зображенням голови коня на зігнутій шиї. Цього роду зображення мають бути, як це ясно висловив Анатолій Робертович Канторович (Канторович 2016), зумовлені «природним прототипом», тобто реально існуючою «моделлю», риси якої «художник-металург» відбив в об'ємі, визначеним технологією бронзового лиття і власними художніми уміннями і навичками. Це — ефект відтворення у бронзі зорового відчуття, пов'язаного з безпосереднім спостереженням типових рис конкретної тварини або його образу, збереженого в особистій свідомості. Реалістичність «образної» манери підтверджується наявністю на «шиї» обох згаданих зображень елементів «збруї»: ременів або поводів, пристебнутих під шиєю коня. Це особливо помітно при графічному зображенні en face голови на скіпетрі, знайденому в каналі Шарвиз. Істотним елементом моделювання голови коня є імітація короткої «стоячої» гриви (Chochorowski 1993), чітко позначеної на гребені дугоподібно зігнутої шиї. Проте тут відсутні будь-які (!) елементи, які б в такій самій натуралістичній манері зображували голову або дзьоб птаха.

Показовий характер має також різноманітність форм, особливо моделювання голови коня, характерна і для інших скіпетрів з Карпатського Басейну і прилеглих територій. Екземпляри з Прюдь і Синмихай де Падуре, дуже схожі один на одного, характеризуються спрощенням і свого роду скороченням видових характеристик зображення голови, але з явним акцентом на наявність «гриви» на хребті масивно окресленої шиї. Проте, як і у екземплярів з Шарвиза і Турчанской улоговини, тут чітко позначені вуха, що «стирчать». У скіпетрів з Батины і Пжедмежице виразність контурів голови і шиї виявилася практично зниклою; збереглася лише реліктова модель «гриви».

Якщо, услід за Т. Кеменцеи (Kemenczei 2005), до цієї групи виробів включити також випадкову знахідку з Бійкійш-Ходьмаши (Békés-Hagymási), то тут можна побачити практично повне зникнення зооморфного мотиву, при збереженні загальної морфології скіпетра з «тупо» закінченою голівкою. В результаті, у фіналі процесу, вже форма скіпетра сама по собі відбивала початкову ідею і її символіку так само, як і «натуралістичні» зразки. Проведений аналіз свідчить, що набір бронзових скіпетрів з території Карпатського Басейну і його найближчого оточення є самостійний феномен, що демонструє внутрішню мінливість, яка виникає з логічних принципів «послідовності» або «типологічної лінії». Причиною відходу від манери натуралістичного представлення «природного прототипу» голови коня була, ймовірно, тривіалізація цього мотиву, який на початковому етапі був новим, інтригуючим з точки зору культурної поведінки і високо-престижним феноменом. З часом він став звичайним «повсякденним» явищем і втратив свою «комунікативну свіжість» в громадській розповіді. Власник скіпетра підкреслював свій статус самим фактом його наявності, навіть без необхідності демонструвати іконографічний знак, символізуючий його соціальну роль і функцію.

Таким чином, бронзові скіпетри на території Карпатського Басейну — це повністю автономне явище, що з'явилося тут десь в другій половині або наприкінці X ст. до н. е., як свого роду маркер нового суспільно-культурного ладу / порядку. Його рисами були: пастушача модель скотарства з істотною роллю селективного розведення коней степових порід, значення якого досягло європейської системи товарообігу (Sherrat 1993), а також ієрархічні соціальні структури з виразними ознаками статусу. Ці риси виникали з культурної тотожності співтовариств Великого Степу, сформованої в специфічних умовах життя (що сягає іноді енеоліту) і накопичення життєвого досвіду. Їх введення (своєрідна «імплантація») в культурний потенціал Карпатського басейну сталося в результаті просування в другій половині X ст. до н. е., войовничих груп степових пастухів-воїнів, що шукали екологічні ніші, зручні для пастушачого господарства.

З часом вони інтегрувалися у місцеве населення, привносячи до процесу інтеграції свій власний склад ознак суспільно-культурної поведінки. Особливо відбили свій внесок у царині скотарства з урахуванням високого рівня конярства і унікальних умінь як у сфері їзди верхи, так і в керуванні кіньми в колісничній запряжці (Chochorowski 1987). Саме ці досягнення стали значним нововведенням в європейському спектрі економічних стратегій і за короткий час (десь два покоління) надали степовикам можливість повністю інтегруватися і адаптувати в місцевому середовищі значну частину свого «цивілізаційного пакету».

Ключові слова: Карпатський басейн, Кавказ, скіпетри, Великі степові спільноти, міграції, кінське спорядження.

Одержано 2.04.2020

ХОХОРОВСЬКІ Ян, доктор габілітований, професор, Інститут археології Ягелонського університету в Кракові, вул. Голембіа, 11, Краков, 31-007, Польща.
CHOCHOROWSKI Jan, Dr. Hab., State professor, Institute of Archeology at the Jagiellonian Uniwersity, Gołędia, 11, Kraków, 31-007, Poland.
ORCID: 0000-0001-7853-5476, e-mail: j.chochorowski@uj.edu.pl.

УДК 904(560+479.25)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.02

С. В. Махортых

СКИФЫ И УРАРТУ [1]

Статья посвящена сравнительному анализу скифских древностей VII—VI вв. до н. э., выявленных в двух наиболее хорошо исследованных урартских крепостях. Одна из них (Аянис) локализуется на восточном берегу о. Ван (Турция), а другая (Кармир-Блур) на окраине г. Ереван (Армения).

Ключевые слова: *скифы, Урарту, Аянис, Кармир-Блур, VII—VI вв. до н. э.*[1]

Пребывание скифов на Древнем Востоке относятся к числу важнейших событий ранней истории этого кочевого народа. В VII—VI вв. до н. э. номады вступали в активные контакты с различными государственными образованиями Передней Азии, что не могло не сказаться на исторических судьбах и облике их материальной культуры. Одним из наиболее ярких примеров такого взаимодействия являются связи кочевников с государством Урарту, которое, сформировавшись в IX в. до н. э., занимало горные области, располагающиеся к северу от Месопотамии и протянувшиеся от восточной Турции через территорию Армении к северо-западному Ирану. Отражением этих контактов являются многочисленные археологические находки предметов скифского облика, обнаруженные в крепостях, которые относятся к числу наиболее известных и монументальных урартских памятников. Большинство из них, несмотря на погромы и разрушения, сохранили много ценных и неожиданных артефактов. Ряд вопросов древней истории Урарту является дискуссионным, в том числе и время прекращения его существования. Привлечение скифских (в широком смысле этого слова) археологических материалов для их решения представляется своевременным и необходимым.

Предлагаемая статья посвящена сравнительному анализу скифских древностей выявленных в двух наиболее хорошо исследованных урартских крепостях. Первая из них, Аянис (Ayanis), локализуется на восточном берегу о. Ван (Турция), а другая — Тейшебаини (Кармир-Блур) на окраине г. Ереван (Армения). Оба памятника были основаны в первой половине VII в. до н. э. урартским царем Русой II (685—645 гг. до н. э.) (Çilingiroğlu, Salvini 2001). Последний относится к числу наиболее выдающихся урартских правителей, при котором Урарту находилось на вершине процветания и военной мощи. С именем Русы II связывается активная строительная деятельность, выразившаяся в сооружении ряда крепостей и ирригационных систем. Благодаря искусной дипломатии, ему удавалось поддерживать стабильные, и, в целом, мирные, отношения с соседями, и, в первую очередь, с Ассирией, а также посещающими этот регион номадами (Salvini 1995; Çilingiroğlu 2002; Kroll et al. 2012, p. 19).

Рассматриваемые кочевнические материалы представлены несколькими категориями, и в частности, бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел, зооморфными окончаниями ножен, а также деталями конской сбруи (псалии, пронизи и пр).

1. Статья подготовлена в рамках авторского научного проекта, выполненного в Корнельском университете (штат Нью-Йорк), при поддержке программы Фулбрайт (США) в Украине. Пользуясь случаем, выражаю благодарность А. Смиту, Л. Хатчадорян и Н. Рассел за помощь и содействие в реализации этого проекта.

© С. В. МАХОРТЫХ, 2020

1. БРОНЗОВЫЕ ВТУЛЬЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

В Аянисе обнаружена одна из наиболее представительных серий этих изделий, выявленных на территории Урарту, которая, благодаря новым раскопкам, продолжает ежегодно пополняться. Эта серия насчитывает не менее 150 экз., при этом большая часть наконечников выявлена перед стенами укреплений и в районе ворот крепости, т. е. принадлежала врагам, штурмующим крепость. Помимо этого, скифские наконечники найдены и в цитадели: во дворе храма, внутренних помещениях и пр. (рис. 1; 2: 1—39; Derin, Muscarela 2001, fig. 6: 71—87; 7: 91—106; Çilingiroğlu, 2005, fig. 1; Özdemir, Işıklı 2017, fig. 3: a—d; 5: a—h).

Рассматриваемые находки представлены, главным образом, втульчатыми двухлопастными наконечниками с ромбовидной и овальной головками, с шипом или без шипа на втулке (рис. 1; 2: 1—23). Они являются довольно массивными, высота большинства варьирует от 4,2 до 5 см. В отличие от наконечников с шипами, лопасти у наконечников без шипов охватывают большую часть втулки, которая зачастую является слабо выделенной или практически «сливается» с основанием [1] (рис. 1; 2: 9—12, 24—31).

Близкие соответствия двухлопастным наконечникам стрел из Аяниса, и в частности ромбическим экземплярам с шипом и лавролистным без шипа, обнаруживаются в других урартских крепостях, например, в Бастаме. Необходимо, однако, заметить, что они там являются немногочисленными (около 10 экз.) и зачастую происходят из смешанных слоев, поэтому не связаны с определенным археологическим контекстом (Kroll 1979, p. 154, 157, 158, 166, 168, Abb. 3: 1, 2; 16: 30, 31; taf. 51: 4; 1988, p. 159, 160, Abb. 3: 4; taf. 37: 5).

Обращает на себя внимание довольно многочисленная коллекция наконечников стрел с ромбической формой головки из Аяниса (рис. 2: 1—15). Принимая во внимание дату разрушения этой крепости (около или, скорее, несколько позже 650 г. до н. э.), (Çilingiroğlu, Salvini 2001; Derin, Muscarella 2001), эти материалы чрезвычайно важны для уточнения хронологических рамок бытования близких наконечников на юге Восточной Европы, где они, зачастую, на мой взгляд, например, курган 524 у с. Жаботин, подвергаются неоправданному удревнению и относятся к середине VIII в. до н. э. (Рябкова 2014).

Бронзовые наконечники стрел с пером ромбической формы найдены на Древнем Востоке среди материалов, относящихся ко времени штурма Ниневии в конце VII в. до н. э., а также на юге Восточной Европы в кочевнических захоронениях второй половины VII в. до н. э., а возможно и первой половины VI в. до н. э.: курган 4 погребение 1 у ст. Холмская на северо-за-

1. Следует упомянуть находки отдельных двухлопастных наконечников иных типов с длинной втулкой из Аяниса (рис. 2: 34, 35). Помимо этого, там также найдены три бронзовых трехлопастных и один трехгранный наконечники стрел (рис. 2: 36—39; Derin, Muscarela 2001, fig. 6: 83; 7: 104, 107; Özdemir, Işıklı 2017, fig. 5: g, h).

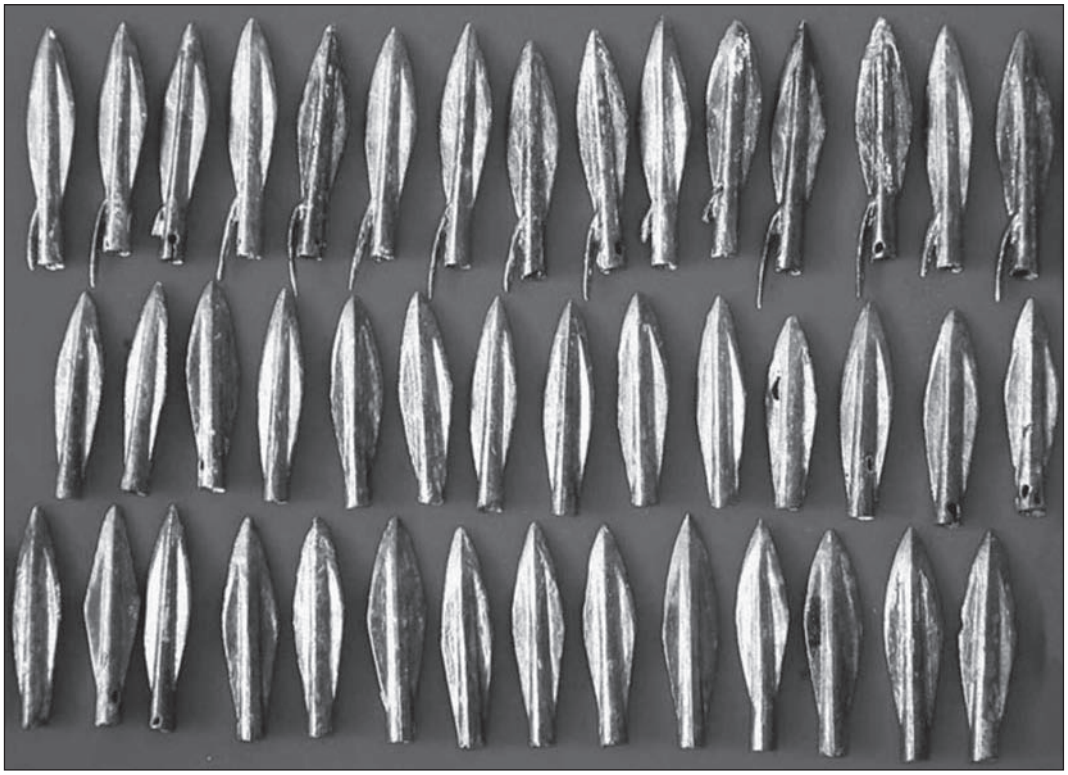


Рис. 1. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из Аяниса

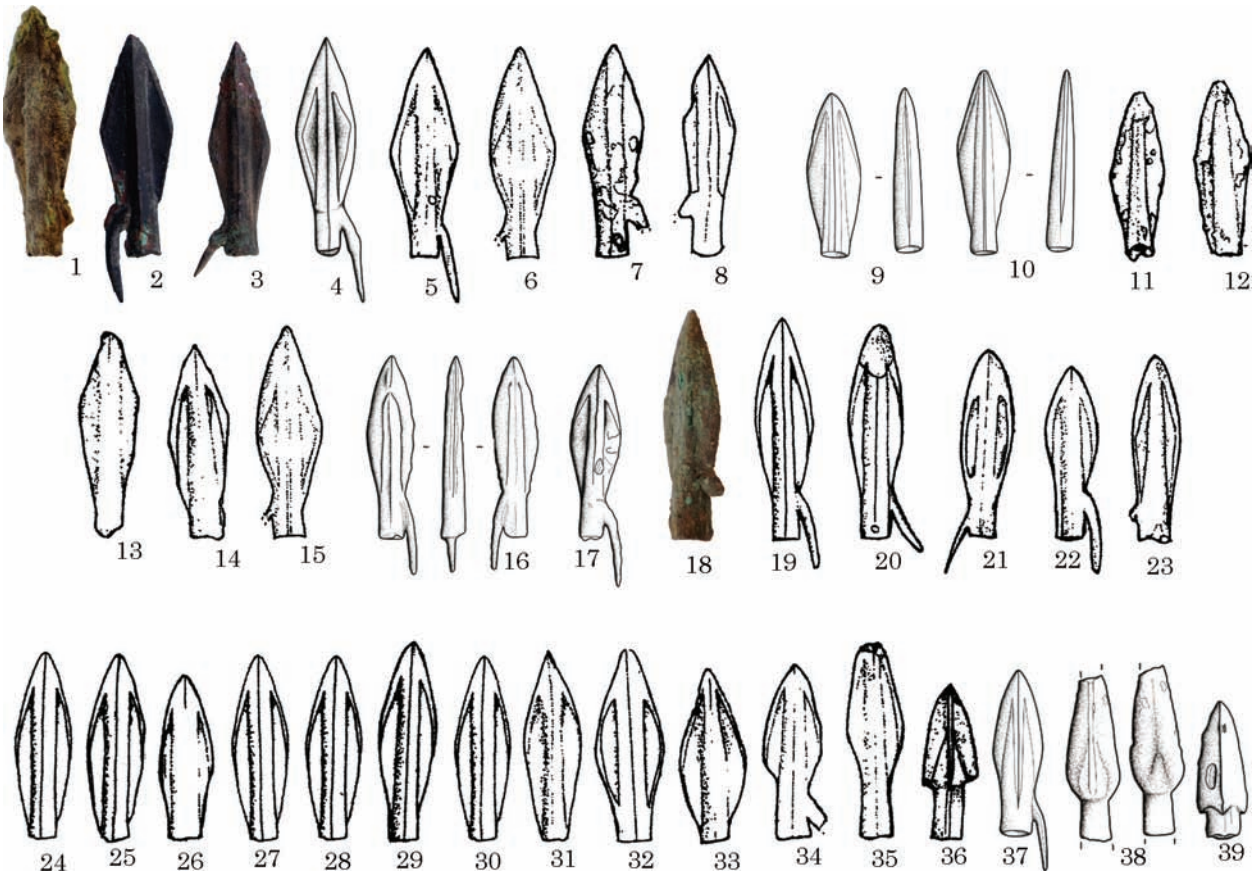


Рис. 2. Бронзовые втульчатые наконечники стрел из Аяниса, масштаб изображений произвольный

падном Кавказе; курган 1 могильника Осняги в округе Бельского городища; курган 1 погребение 1 близ с. Карпуси под Полтавой и др. (Шрамко 1987, рис. 71: 1; Василиненко, Кондрашев, Пьянков 1993, рис. 6: 3—30; Pickworth 2005, fig. 35) [1]. В связи с этим они не могут служить основанием для разделения памятников на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н. э. (Махортых 2014, с. 75).

Двухлопастные наконечники стрел с ромбовидной и овальной формой головки представлены также в Кармир-Блуре (Есаян, Погребова 1985, табл. II; ШЖ 1—15; Махортых 1991, рис. 30: 1—17; Рябкова 2009, рис. 1—3). Однако в целом на этом памятнике, где обнаружено более 120 бронзовых втульчатых наконечников стрел, преобладают трехлопастные наконечники различных модификаций (не менее семи типов), что, вместе с иными, встреченными здесь «поздними» элементами скифской материальной культуры, отличает этот памятник от Аяниса. Присутствие архаичных разновидностей двухлопастных наконечников стрел в Кармир-Блуре может объясняться различными причинами: бытованием их на протяжении большей части VII в. до н. э. или разновременностью материалов скифской культуры, происходящих с этого памятника, который мог использоваться кочевниками в качестве своеобразной базы, на протяжении довольно длительного времени (Махортых 2018, с. 46).

Среди обнаруженных в Кармир-Блуре трехлопастных наконечников наиболее многочисленными являются экземпляры с овальными очертаниями головок, короткими и длинными втулками, с шипом или без него, а также наконечники с остролистными головками вытянутых пропорций с максимальным расширением в нижней части пера, в том числе и с косо срезанными внизу лопастями (рис. 3: 1—4; 12—19; 4: 11—13; Azarpay 1968, pl. 8; Рябкова 2009).

Следует упомянуть и иные разновидности трехлопастных наконечников стрел, в числе которых — небольшие наконечники с широкой треугольной в плане головкой и сравнительно длинной втулкой, экземпляры со сводчатой и трапециевидной головками и слабо выделенной втулкой, а также — с вытянутой узкой головкой равной по ширине втулке (рис. 4: 14—17; Рябкова 2009, рис. 1: 11, 12; 3: 42—44).

Значительная часть упомянутых выше трехлопастных наконечников из Кармир-Блура находит соответствия в слоях разрушений та-

1. Необходимо отметить и находки бронзовых втульчатых ромбических наконечников стрел на поселении Олуз Хююк на севере Центральной Анатолии, где они связываются со вторым строительным периодом, датирующемся последней четвертью V—III вв. до н. э. (Dönmez 2011, fig. 7: a, b; 8: a, b; 9: a, b).

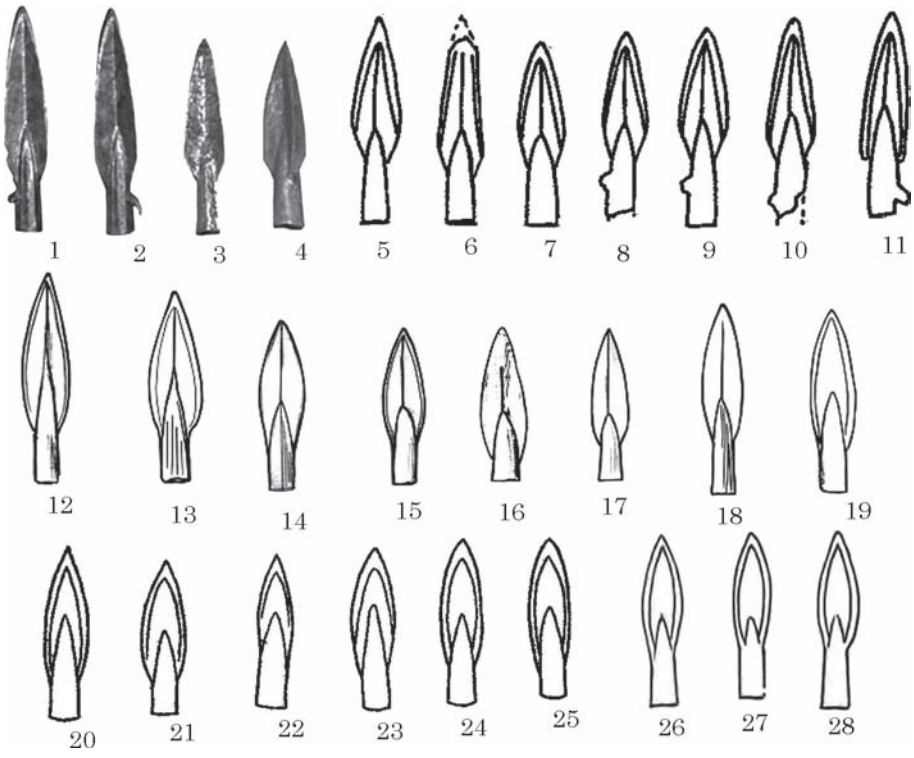


Рис. 3. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел из Кармир-Блура и их восточноевропейские аналогии: 1—4, 12—19 — Кармир-Блур; 5—11 — Новозаведенное II, курган 5; 20—25 — Репяховатая Могила, погребение 2; 26—28 — Китайгород. Масштаб изображений произвольный

ких памятников конца VII в. до н. э. Передней Азии, как Ашур, Кархемиш, Ниневия (рис. 4: 1—9; Woolley 1921, pl. 22: b; 23: b; Andrae 1977, abb. 185; Pickworth 2005, fig. 35). Известны они также и в скифских захоронениях юга Восточной Европы этого или даже более позднего времени (первая половина VI в. до н. э.): Новозаведенное II, курганы 5, 13; Нартан, курганы 15, 17, 23; Бейсужек XXXV, курган 6 погребение 9; Хапры, курган 25, погребение 1; курган у с. Китайгород; Репяховатая Могила, погребение 2 и др. (рис. 3: 5—11, 20—28) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 6, 9—14; 14: 2, 14, 15, 17; Батчаев 1985, табл. 53: 8, 10, 12; Петренко 1990, табл. II; Л: 2—10; Ильюков, Пашиньян 1999; Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 1: в; Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, рис. 3: 30—32; Маслов, Окороков, Клешенко 2019, рис. 3: 1—18) [1]. Примечательно, что в некоторых из названных выше скифских захоронениях с «поздними» колчанными наборами (Нартан, курган 17, Бейсужек XXXV, курган 6 и др.), также как и в урартской крепости Кармир-Блур встречены пастовые бусины в виде конических розеток, что является еще одним аргументом в пользу того, что основной период бытования этих предметов приходится на конец VII и / или первую половину VI вв. до

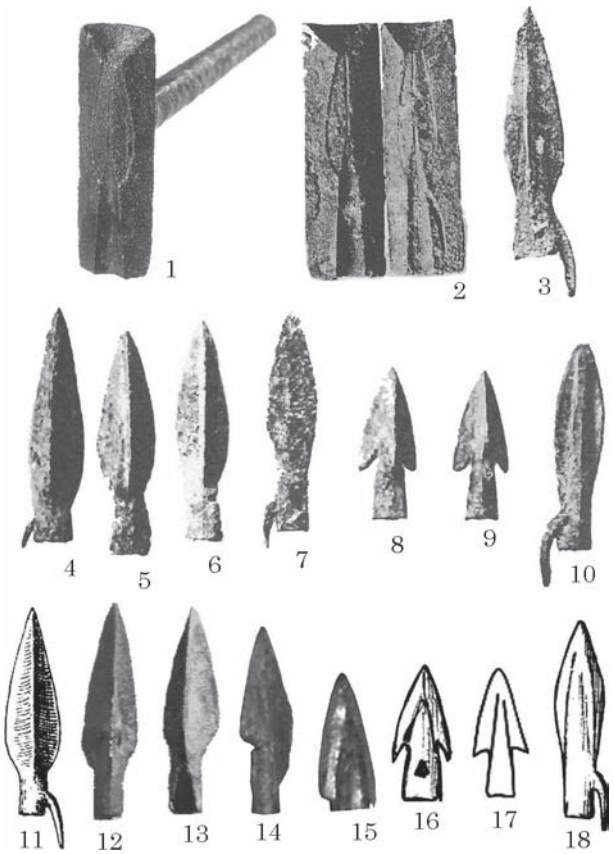


Рис. 4. Бронзовые наконечники стрел из Кармир-Блура и их переднеазиатские аналогии: 1—10 — Кархемиш; 11—18 — Кармир-Блур. Масштаб изображений произвольный

1. Одним из главных доводов в пользу датировки кургана у Китайгорода в Приорелье 610—600 гг. до н. э. послужила выявленная там столовая милетская амфора (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, с. 115). Однако приведенные в упомянутой публикации аналогии этой амфоре на самом деле являются более молодыми и относятся ко второй половине VI в. до н. э. (Seifert 2004, p. 18, 65, kat. 103). В связи с этим отсутствуют основания для датировки кургана у Китайгорода временем ранее первой половины VI в. до н. э.

н. э. (Махортых 2018, с. 37). Бронзовые двухлопастные и трехлопастные втульчатые наконечники стрел, обнаруживающие сходство с наконечниками стрел Кармир-Блура, выявлены также в слоях первой половины VI в. до н. э. таких хорошо стратифицированных памятников как Березанское поселение и Трахтемировское городище в Северном Причерноморье (Фіалко, Болтрик 2003, рис. 26; Ильина, Чистов 2012, табл. 54: 10, 11, 13).

Приведенные выше данные по колчанным наборам из Аяниса и Кармир-Блура демонстрируют их существенные отличия друг от друга, проявляющиеся как в соотношении представленных на этих памятниках двухлопастных и трехлопастных наконечников стрел, так и типологической характеристике последних. Хронологические различия между этими наборами, также как и событиями, приведшими к гибели урартских крепостей, на которых они были найдены, являются очевидными. Этот вывод подтверждает и сравнительный анализ других категорий скифской материальной культуры из Аяниса и Кармир-Блура, которые будут рассмотрены ниже.

Пока же приходится констатировать, что гипотеза, поддерживаемая некоторыми исследователями (Медведская 1992; Иванчик 2001, с. 59; Рябкова 2009), об одновременном разрушении урартских крепостей и тотальной гибели Урарту около середины или даже в начале (!) VII в. до н. э. не находит подтверждения в археологических материалах. Следует также упомянуть, что Б. Б. Пиотровский и И. Д. Дьяконов относили падение Урарту к началу VI в. до н. э. (Дьяконов 1956, с. 318; Пиотровский 1959, с. 186). При этом, однако, они в большей степени основывались не на археологических материалах, а на свидетельствах письменных источников. Следует также упомянуть специальную работу У. Хелваг, в которой приведены практически все существующие точки зрения о времени и причинах падения Урарту (Hellwag 2012).

2. КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕН

Костяная бутероль из Аяниса имеет округлую форму с сужающимся и выделенным верхним краем, образующим ее устье (рис. 5: 1; Çilingiroğlu 2018, fig. 12). Она украшена изображением свернувшегося в кольцо животного с массивной головой и вытянутой мордой подпрямоугольной формы, имеющей открытую пасть. Ухо передано полукругом. Глаз, ноздря, окончания лап и хвоста оформлены в виде концентрических окружностей. Передняя, поднятая вверх, лапа плотно прижата к шее, при этом ее окончание соприкасается с основанием нижней челюсти, тогда как хвост и задняя нога располагаются параллельно друг другу в горизонтальной плоскости и примыкают, в первом случае, к подбородку, а во втором — к коленному суставу передней ноги. В целом, изображение животного свободно свернуто по кругу, внутри которого располагаются лапы и хвост, а в центральной части имеется незаполненное поле наконечника.

Своей округлой формой, а также наличием выделенного устья находка из Аяниса сближается с золотым окончанием ножен меча из Келермесского кургана 1/Ш, а также костяной бутеролью, предположительно происходящей

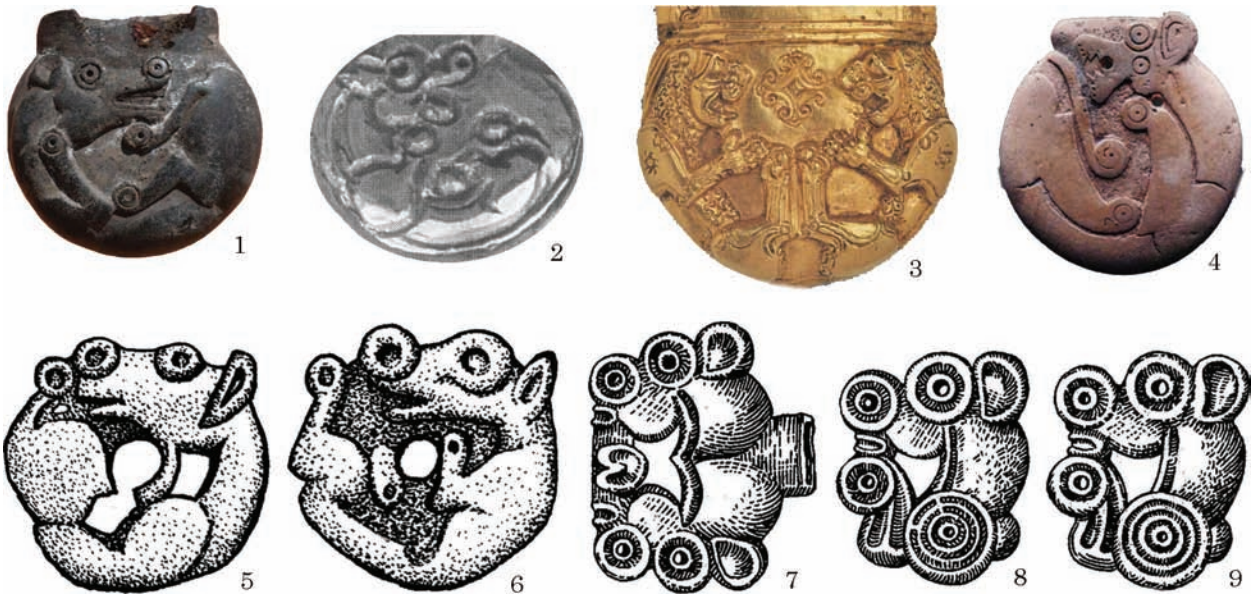


Рис. 5. Окончания ножен, бляшки и портупейный наконечник, украшенные зооморфными изображениями: 1 — Аянис; 2, 3 — Келермесский могильник, курган 1/Ш; 4 — Иран; 5 — Шунеры; 6 — могильник Ягуня, курган 11; 7, 8 — могильник Уйгарак, курган 28; 9 — могильник Уйгарак, курган 27. Масштаб изображений произвольный

Рис. 6. Костяные и металлические наконечники ножен, украшенные изображениями свернувшихся хищников: 1 — Кармир-Блур; 2 — Дарьевка; 3 — Сарды; 4 — Зивие. Масштаб изображений произвольный

из Ирана и хранящейся в коллекции Barbier-Mueller (Женева, Швейцария; рис. 5: 3, 4; Галанина 1997, табл. 9: 1с; Barbier 1996, p. 12, 37, fig. 7). Прямые аналогии изображению животного на окончании ножен из Аяниса не известны[1]. Вместе с тем, по некоторым изобразительным деталям и, в частности, наличию массивной головы с открытой пастью, оформлению глаза, ноздри, окончаний лап и хвоста выделенным кружком, оно сближается с изображением зверя на золотом портупейном наконечнике из упомянутого выше кургана 1/Ш Келермеса (рис. 5: 2; Piotrowski, Galanina, Gratsch 1986, kat. 8). При этом видовая принадлежность обеих животных является достаточно своеобразной и в большей степени, напоминает образ собаки или волка, чем кошачьего хищника, что необходимо учитывать при рассмотрении генезиса мотива свернувшегося животного. То же самое следует сказать и о некоторых близких изображениях голов свернувшегося животного без выраженных признаков кошачьего хищника на бронзовых бляшках из Минусинской котловины в Южной Сибири, многие из которых, к сожалению, являются случайными находками, и время их изготовления остается неизвестным (рис. 5: 5, 6; Богданов 2006, табл. II: 2, 5).

Бутероль из Аяниса является единственной из известных в настоящее время достоверных древневосточных находок с изображением свернувшегося хищника, у которого глаз, ноздря, хвост и окончания лап декорированы концентрическими окружностями. Обращает на себя внимание и упомянутая выше зооморфная бутероль с выделенным устьем из коллекции Barbier-Mueller в Женеве, предположительно происходящая из Ирана (рис. 5: 4). На ней глаз, а также окончания лап хищника также переданы концентрическими окружностями, а крупное ухо, имеющее каплевидную форму и повернутое острым концом вниз, сближается с изображениями уха знаменитой келермесской пантеры, а также кабана из Эфеса.

В восточных районах Евразии глаза, ноздри, окончания лап, а иногда и лопатки на изображениях кошачьих хищников VII в. до н. э. редко украшались циркульным орнаментом. К примеру, они представлены на предметах конской сбруи из курганов 27 и 28 могильника Уйгарак в Приаралье (рис. 5: 7—9; Вишневская 1973, табл. 9: 6—8; 10: 10—12). Возможно, своим появлением на этой территории такие изображения обязаны участием саков в переднеазиатских компаниях. На древневосточный вектор контактов указывает и такой признак как передача выделенной линией мускулатуры передней лапы, обозначенной на уйгаракских бляхах с внешней стороны (рис. 5: 8, 9).

Археологический контекст находки позволяет рассматривать выявленную в Аянисе зооморфную бутероль в качестве древнейшего скифского изображения свернувшегося хищника из известных сейчас на Древнем Востоке.

Костяной наконечник ножен, украшенный изображением свернувшегося зверя, обнаружен также в Кармир-Блуре (рис. 6: 1; Питровский 1970). На нем воспроизведено животное с крупной, гипертрофированно увеличенной головой, занимающей, практически, всю боковую часть пластины. На голове видны глаз, составленный из концентрических окружностей с точкой посередине, и ухо в виде подошвы лошадиного копыта. Передняя часть морды животного передана в виде двух полуовалов, обращенных вершинами в разные стороны.

По сравнению с зооморфной бутеролью из Аяниса изображение на наконечнике из Кармир-Блура является более схематическим. Стилизация осуществлялась через чрезмерно увеличенную передачу одних значимых элементов (голова), а также потерю или нивелировку других (хвост). Ближайшие соответствия изображению свернувшегося хищника на бутероли из Кармир-Блура, в том числе и по наличию гипертрофированно переданных элементов (крупная голова с глазом, оформленным в виде концентрических кругов, и ухом сердцевидной формы), обнаруживаются на зооморфных наконечниках ножен из Сард (Турция), Зивие (Иран) и Дарьевки (Украина; рис. 6: 2—4; Бобринской 1894, с. 132, фиг. 13; Ghirshman 1964, fig. 157; Dusinbere 2010, fig. 2). Все эти находки имеют непосредственное отношение к пребыванию восточноевропейских кочевников в Передней Азии. Изображения на бутеролях

1. Трактовка зверя на бутероли, как изображения лошади (Çilingiroğlu 2018, p. 21), представляется мне ошибочной.

из Кармир-Блура и Дарьевки сближают между собой и схематично переданные короткие лапы, располагающиеся параллельно друг другу и являющиеся продолжением неестественно размещенных и примыкающих к друг другу бедра и плеча животного. Перечисленные предметы из Кармир-Блура, Дарьевки и Сард следует относить к самостоятельной и более молодой в рамках второй половины VII — начала VI вв. до н. э., композиционно-изобразительной группе изображений свернувшегося хищника. Основной территорией ее распространения является Передняя Азия и юг Восточной Европы. Эта модификация рассматриваемого образа не находит аналогий в восточных районах Евразии в эпоху скифской архаики.

3. ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

В Аянисе уздечные принадлежности представлены железным псалием и обломком костяного зооморфного псалия (рис. 7: 1; 8: 9; Işıklı, Öztürk, Parliti 2016, fig. 6).

Железный псалий относится к стержневидным трехпетельчатым экземплярам с ровно обрезанными концами и тремя боковыми петлями. Ближайшие аналогии ему известны в Центральном Предкавказье: курганы 1 (южная гробница) и 3 у хут. Красное Знамя. Они датируются в пределах второй половины VII в. до н. э. (рис. 7: 2, 3; Петренко 2006, табл. 48: 30, 37, 42; Махортых 2014а, с. 179, рис. 7: 6).

Железные псалии в виде прямых стержней известны также в скифских памятниках Днепровского лесостепного Поднепровья: Журовка, курган 406; Волковцы, курган 12; Саранчево поле, курган 11 (Ильинская 1968, табл. XXXVI: 8; Махортых 2014а, рис. 8: 1). Однако в отличие от северокавказских их окончания зачастую завершаются утолщениями или шишечками (рис. 7: 4). Дата этих предметов определяется в рамках середины VII — середины VI вв. до н. э. (Могилов 2008).

Что касается обломка костяного зооморфного псалия из Аяниса, украшенного изображением головки барана, то ближайшие соответствия ему известны среди уздечных принадлежностей (костяные наконечники псалиев и пронизи) келермесских курганов 1/В и 2/В в Закубанье, датирующихся в рамках 660—640 гг. до н. э. (рис. 8: 9—11; Галанина 1997, табл. 21: 166, 167, 169, 170; 22: 232; 23: 292).

В Кармир-Блуре также обнаружены железные и костяные псалии. Первые представлены сильно коррозированными трехпетельчатыми экземплярами с изогнутым верхним концом (Пиотровский 1950, рис. 62). Аналогии таким псалиям хорошо известны в скифских памятниках Северного Кавказа и лесостепной Украины, где они бытовали на протяжении второй половины VII — первых десятилетий VI вв. до н. э. (Могилов 2008; Махортых 2014а).

Костяные псалии относятся к типу трехдырчатых с нижним концом, оформленным в виде копыта (рис. 7: 6, 7; Пиотровский 1950, рис. 61). В центральной части псалиев, с одной из сторон, имеется широкий прямоугольный выступ. Ближайшие аналогии костяным псалиям из Кармир-Блура известны на Березанском поселении архаического периода (полуземлянка СК 44), которые, благодаря сопровождающему их выразительному античному импорту, надежно датируется первой полови-

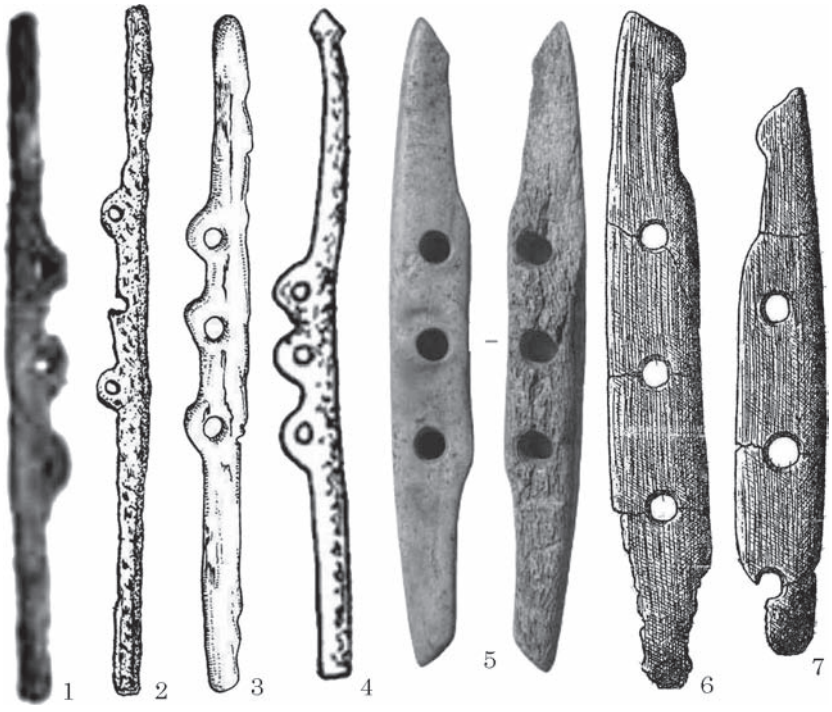


Рис. 7. Железные и костяные псалии: 1 — Аянис; 2 — Красное Знамя, курган 1; 3 — Красное Знамя, курган 3; 4 — Саранчево поле, курган 11; 5 — Березанское поселение, полуземлянка СК 44; 6,7 — Кармир-Блур. Масштаб изображений произвольный

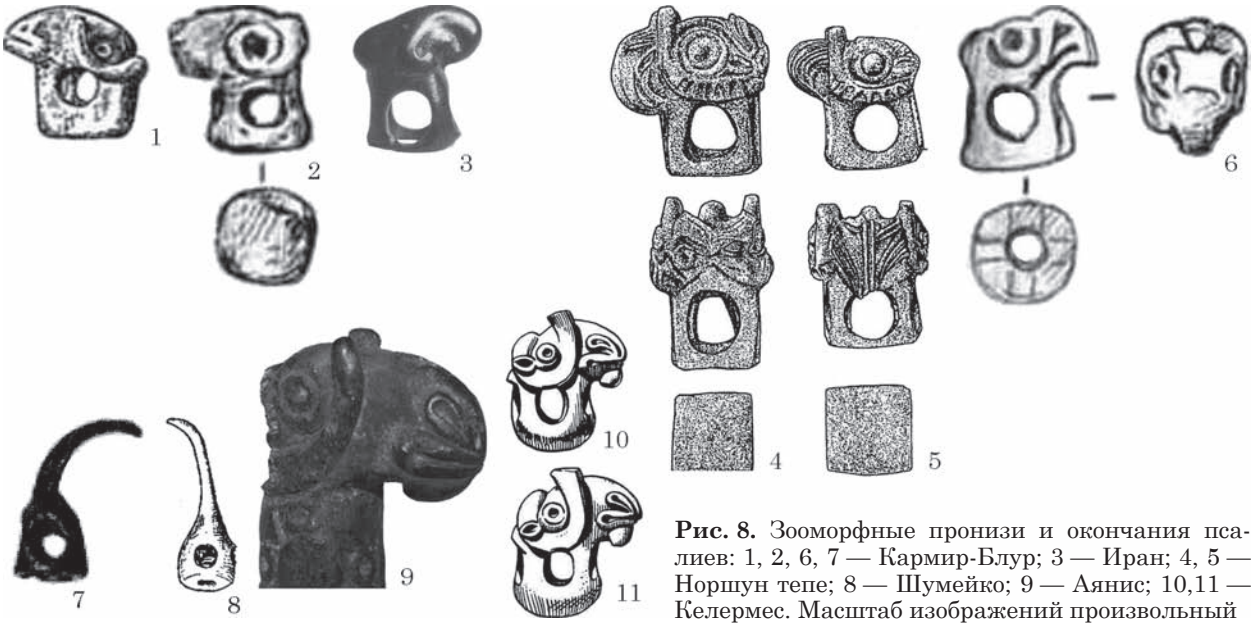


Рис. 8. Зооморфные пронизи и окончания псалиев: 1, 2, 6, 7 — Кармир-Блур; 3 — Иран; 4, 5 — Норшун тепе; 8 — Шумейко; 9 — Аянис; 10,11 — Келермес. Масштаб изображений произвольный

ной VI в. до н. э. (рис. 7: 5; Ильина, Чистов 2012, табл. 53: 7).

Помимо удил и псалиев из Кармир-Блура происходит представительная серия уздечных пронизей (более 20 экз.) Последние, среди которых выделяются более ранние и более поздние разновидности, отличаются значительное разнообразием, что, вероятно, объясняется довольно продолжительными контактами номадов и обитателей Кармир-Блура. Последний мог использоваться кочевниками в качестве своеобразной базы на протяжении довольно длительного времени, в том числе и в VI в. до н. э., что приводило к депонированию здесь разновременных материалов скифского облика (Махортых 2018, с. 46).

Интерес представляет костяная пронизь, украшенная головкой барана с клювом хищной птицы, найденная в помещении 11 северо-западной части цитадели Кармир-Блура (рис. 8: 6; Рябкова 2012). В Передней Азии типологически близкие предметы встречены в конском погребении Норшун тепе на верхнем Ефрате (рис. 8: 4, 5; Schmidt 2002, taf. 68: 1082, 1083). Вместе с тем, пронизи из Кармир-Блура и Норшун тепе отличаются друг от друга наличием или отсутствием изображения уха; сильно или слабо изогнутым клювом; выступающим надо лбом или вписанным в поверхность предмета гладким или орнаментированным рогом; оформлением основания предмета; а также количеством отверстий для перекрестных ремней. Отмеченные выше формально-стилистические особенности, вероятно, свидетельствуют о различной хронологической позиции этих находок. Пронизи из Норшун тепе выглядят более архаичными и на основании частичного сходства с северокавказскими и украинскими находками могут датироваться в рамках середины — второй половины VII в. до н. э., тогда как кармир-блурская пронизь, видимо, является более молодой и относится к концу VII — началу VI вв. до н. э. (Махортых 2018).

В Кармир-Блуре также найдено несколько уздечных распределителей, украшенных бараньими головками (рис. 8: 1, 2; Пиотровский 1950, рис. 62; 1952, рис. 19). Основной территорией распространения пронизей этого типа является юг Восточной Европы (16 экз.; Махортых 2017, с. 179, рис. 10: 9—16). Выявленные там экземпляры имеют различную иконографию и материал изготовления. На территории Закубанья (Келермесский могильник) концентрируются древнейшие костяные экземпляры, датирующиеся второй половиной — концом VII в. до н. э. Более схематические бронзовые пронизи, относящиеся, главным образом, к первой половине — середине VI в. до н. э., обнаружены в Днепровском лесостепном Поднепровье (Поповка, курган 10, Захарейкова Могила, Гуляй-Город, курган 38 и др.).

Примечательно, что костяная и бронзовая пронизи из Кармир-Блура также различаются деталями в передаче образа животного, например, у костяного экземпляра более детально проработаны морда и глаз (рис. 8: 1, 2; Рябкова 2012, с. 374). Вместе с тем, следует отметить отличие костяной пронизи с головой барана из Кармир-Блура от однотипных костяных келермесских пронизей. Закавказские экземпляры имеют более короткий и менее изогнутый рог, вписанный в поверхность предмета, у них отсутствует изображение уха, а также менее тщательно проработаны рот и нос. Последние или не выделены, или показаны в виде прорези, в отличие от двойных дуг, изображающих рот и нос в Келермесе.

Обращает на себя внимание и тот факт, что соответствия бронзовым пронизям из Кармир-Блура, украшенным изображением барана, об-

наруживаются не на Северном Кавказе, а в лесостепном Поднепровье, в памятниках VI в. до н. э. (Гуляй-Город, курган 38, Захарейкова Могила и др.) [1]. Эти параллели указывают на возможность пребывания в районе Кармир-Блура скифских отрядов из лесостепных областей Украины, которые могли совершать автономные рейды в Закавказье и на Ближний Восток без участия выходцев из Предкавказья (Махортых 2018, с. 46).

Обобщая приведенные выше данные, можно сделать ряд наблюдений.

ВЫВОДЫ

Урартские крепости Аянис и Кармир-Блур содержат довольно многочисленные скифские материалы, которые представлены предметами вооружения (бронзовые втульчатые наконечники стрел), конского снаряжения (железные и костяные псалии, пронизи и пр.), а также изделиями, оформленными в скифском зверином стиле. Эти материалы являются важным археологическим источником и независимым хроноиндикатором. Они конкретизируют существующие представления о времени и характере взаимоотношений номадов с различными государственными образованиями Древнего Востока.

Типолого-хронологический анализ скифских древностей в урартском историко-культурном контексте свидетельствует об их принадлежности к различным временным этапам и позволяет выделить среди них ранние и более поздние материалы. Находки из Аяниса, представленные двухлопастными наконечниками стрел с ромбической и овальной формами головок; бутеролью, декорированной образом свернувшегося животного без выраженных признаков кошачьего хищника; железным прямым трехпетельчатым и костяным зооморфным псалием, украшенным изображением головки барана, относятся к числу древнейших и фиксируют контакты Урарту и скифов во второй — начале третьей четверти VII в. до н. э.

Кочевнические материалы Кармир-Блура, репрезентированные широким ассортиментом наконечников стрел, в том числе и трехлопастными различных модификаций; бутеролью, украшенной схематическим изображением свернувшегося хищника; костяными трехдырчатыми псалиями с нижним концом в виде копыта и прямоугольным выступом в средней части; бронзовыми зооморфными уздечными пронизями в виде головки барана и пр., являются более молодыми. Они демонстрируют оживленные контакты урартийцев со скифами во второй половине VII в. до н. э., а также в начале VI в. до н. э.

Имеющиеся данные не подтверждают гипотезу об одновременном разрушении урартских крепостей и тотальной гибели Урарту около середины VII в. до н. э. [2] Новые исследования позволят уточнить вопрос о исторических судьбах различных региональных образований в составе Урарту на финальном этапе его существования, которые, по всей вероятности, не были идентичными и имели свою специфику в областях близлежащих к озерам Ван, Урмия и Севан.

1. Этот вывод подтверждается и находками в Кармир-Блуре иных разновидностей бронзовых зооморфных пронизей с окончаниями, оформленными в виде тонкого длинного клювовидного выступа, также находящих параллели в памятниках VI в. до н. э. лесостепного Поднепровья, например, курган Шумейко (рис. 8: 7, 8).

2. Вопрос о том, кто разрушил Кармир-Блур (скифы, мидийцы или их совместные отряды) является открытым (Пиотровский 1959; Дьяконов 1956, с. 318). Однако независимо от его решения очевидно, что падение Кармир-Блура не было синхронным прекращению существования Аяниса, и что между этими событиями имеется хронологический разрыв в несколько десятков лет.

ЛИТЕРАТУРА

Батчаев, В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов. В: Абрамова, М. П., Козенкова, В. И. (ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии.* Нальчик: Эльбрус, с. 7-115.

Бобринской, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.* Санкт-Петербург: В. С. Балашев.

Богданов, Е. С. 2006. *Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии.* Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Василиненко, Д. Э., Кондрашев, А. В., Пьянков, А. В. 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из западного Закубанья. *Понтийско-Кавказские исследования*, 1, с. 21-38.

Вишневская, О. А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.* Москва: Наука.

Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы.* Москва: Палеограф.

Дьяконов, И. М. 1956. *История Мидии.* Москва: Восточная литература.

Есаян, С. А., Погребова, М. Н. 1985. *Скифские памятники Закавказья.* Москва: Наука.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы.* Москва: Институт всеобщей истории.

Ильина, Ю. И., Чистов, Д. Е. 2012. Находки. В: Чистов, Д. Е. (ред). *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции.* 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 20-41.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.* Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ.* Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Ильюков, Л., Пашиньян, К. 1999. *На краю Меотиды.* Ростов-на-Дону.

Маслов, В. Е., Окороков, К. С., Клещенко, А. А. 2019. Раннескифское воинское погребение из мо-

гильника Бейсужек XXXV в Прикубанье. *Краткие сообщения Института археологии*, 256, с. 188-206.

Махортых, С. В. 1991. *Скифы на Северном Кавказе*. Киев: Наукова думка.

Махортых, С. В. 2014a. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья. *Revista arheologica*, 10, 1—2, с. 69-79.

Махортых, С. В. 2014b. Конское снаряжение всадников Предкавказья и украинской лесостепи в VII—VI вв. до н. э. В: Онгар, А. (ред.). *Всадники великой степи: традиции и инновации*. Астана: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 174-187.

Махортых, С. В. 2017. Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII—VI вв. до н. э. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 166-184.

Махортых, С. В. 2018. Распределители ремней конской упряжи VII—VI вв. до н. э. в Закавказье и Передней Азии. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 35-50.

Медведская, И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток. *Российская археология*, 4, с. 88-107.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи*. Київ: ІА НАН України.

Петренко, В. Г. 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. В: Мелюкова А. И. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Москва: ИА АН СССР, с. 60-81.

Петренко, В. Г. 2006. *Краснознаменский могильник*. Москва: Палеограф.

Петренко, В. Г., Маслов, В. Е., Канторович, А. Р. 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.* Москва: ИА РАН, с. 238-248.

Пиотровский, Б. Б. 1950. *Кармир-Блур I*. Ереван: АН Армянской ССР.

Пиотровский, Б. Б. 1952. *Кармир-Блур II*. Ереван: АН Армянской ССР.

Пиотровский, Б. Б. 1959. *Ванское царство (Урарту)*. Москва: Восточная литература.

Пиотровский, Б. Б. 1970. Кармир-Блур. Ленинград: Аврора.

Ромашко, В. А., Скорый, С. А., Филимонов, Д. Г. 2014. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье. *Российская археология*, 4, с. 107-117.

Рябкова, Т. В. 2009. Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаини. В: *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, с. 328-334.

Рябкова, Т. В. 2012. Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини. *Российский археологический ежегодник*, 2, с. 360-382.

Рябкова, Т. В. 2014. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Российский археологический ежегодник*, 4, с. 236-296.

Фіалко, О., Болтрик, Ю. 2003. *Напад скіфів на Трахтемирівське городище*. Київ: ІА НАН України.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище*. Киев: Наукова думка.

Andrae, W. 1977. *Das wiedererstandene Assur*. München: C. H. Beck.

Azarpay, G. 1968. *Urartian art and artifacts: a chronological study*. Berkeley; Los Angeles: University of California.

Barbier, J. P. 1996. *Art des steppes: ornements et pièces de mobilier funéraire scytho-sibérien dans les collections du Musée Barbier-Mueller*. Genéve: Musée Barbier-Mueller.

Çilingiroğlu, A. 2002. The reign of Rusa II: towards the end of the Urartian kingdom. In: Aslan, R., Blum, S., Kastl, G., Schweizer, F., Thumm, D. (eds.) *Mauer Schau: Festchrift für Manfred Korfmann*. Remshalden, p. 483-489.

Çilingiroğlu, A. 2005. Bronze arrowheads of Ayanis (Rusahinili Eiduru-kai): indicate ethnic identity? In: Yalçın, Ü. (ed.). *Anatolian Metal III*. Bochum, p. 63-66.

Çilingiroğlu, A. 2018. Ayanis fortress: the day after the disaster. In: Cilingiroglu, A., Culha, Z. (eds). *Urartians: A civilization in the Eastern Anatolia*. Istanbul, p. 13-26.

Çilingiroğlu, A., Salvini M. 2001. Historical background of Ayanis. In: Çilingiroğlu, A. Salvini, M. (eds.). *Ayanis I*. Rome: Instituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 15-24.

Derin, Z., Muscarella, O.W. Iron and bronze arrows. In: Çilingiroğlu, A. Salvini, M. (eds.). *Ayanis I*. Rome: Instituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 189-217.

Dönmez, S. 2011. New evidences on the existence of the Eurasian horse-riding nomads in the Black Sea region, Turkey. In: Öztan, A., Dönmez, Ş. (eds.). *Studies presented in Honour of Önder Bilgi*. Ankara, p. 135-146.

Dusinbere, E. 2010. Ivories from Lydia. In: Cahill, N. (ed.). *The Lydians and their world*. Istanbul, p. 191-200.

Ghirshman, R. 1964. *The arts of ancient Iran: from its origins to the time of Alexander the Great*. New York: Golden Press.

Hellwag, U. 2012. Der Niedergang Urartus. In: Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. (eds.). *Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007*. Leuven: Peeters, p. 227-241.

Işikli, M., Öztürk, G., Parliti, U. 2016. Van Ayanis Kalesi 2015 Yılı Kazı ve Onarım Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantıları*, 38, 2, p. 587-598.

Kroll, S. 1979. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W (ed.). *Bastam I. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972—1975*. Berlin: Gebrüder Mann, S. 151-170.

Kroll, S. 1988. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W. (ed.). *Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978*. Berlin: Gebrüder Mann, S. 155-160.

Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. 2012. Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007. Leuven: Peeters.

Özdemir, M. A., Işıklı, M. 2017. Van Ayanis Kalesinden Ele Geçen Ok Uçları Üzerine Genel Bir Değerlendirme. *Mimarlar Arkeologlar Sanat Tarihçileri Restoratörler Ortak Platformu*, 8 (11), p. 46-62.

Pickworth, D. 2005. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate. *Iraq*, 67, 1, p. 295-316.

Piotrowski, B., Galanina, L., Gratsch, N, 1986. *Scythische Kunst*. Leningrad: Auropa.

Salvini, M. 1995. *Geschichte und* Kultur *der Urartäer*. Darmstadt.

Schmidt, K. 2002. *Norsuntepe. Kleinfunde. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Istanbul.

Seifert, M. 2004. *Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet*. Oxford.

Wolley, C. L. 1921. *Carchemish. Part II. The town defences*. London: British Museum.

REFERENCES

Batchaev, V. M. 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov. In: Abramova, M. P., Kozenkova, V. I. (eds.). *Arkheologicheskie issledovaniya na novostrojkakh Kabardino-Balkarii.* Nalchik: Elbrus, s. 7-115.

Bobrinskoy, A. A. 1894. *Kurgany i sluchajnye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely.* Sankt-Peterburg: V. S. Balashev.

Bogdanov, E. S. 2006. *Obraz khischnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentralnoy Azii.* Novosiibirsk: IAEt SO RAN.

Vasilinenko, D. E., Kondrashev, A. V., Pyankov, A. V. 1993. Arkheologicheskie materialy predskifskogo i ranneskifskogo vremeni iz zapadnogo Zakubanja. *Pontijsko-Kavkazskie issledovaniya*, 1, s. 21-38.

Vishnevskaya, O.A. 1973. *Kultura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII—V vv. do. n. e.* Moskva: Nauka.

Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskie kurgany*. Moskva: Paleograf.

Dyakonov, I. M. 1956. *Istoriya Midii*. Moskva: Vostochnaia literatura.

Esayan, S.A., Pogrebova, M. N. 1985. *Skifskie pamyatniki Zakavkazya.* Moskva: Nauka.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijtsy i Skify*. Moskva: Institut vseobschej istorii.

Il'ina, Yu. I., Chistov, D. E. 2012. Nakhodki. In: Chistov, D. E. (ed.). *Materialy Berezanskoj (Nizhnebugskoj) antichnoj arkheologicheskoj ekspeditsii*. 2. Sankt-Peterburg, s. 20-41.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezhya.* Kyiv: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz.* Kyiv: Naukova dumka, s. 31-63.

Il'yukov, L., Pashinyan, K. 1999. *Na krau Meotidy*. Rostov-na-Donu.

Maslov, V. E., Okorokov, K. S., Êleschenko, A. A. 2019. Ranneskifskoe voinskoe pogrebenie iz mogilnika Bejsushek XXXV v Prikuban'e. *Kratkie soobsheniya Instituta arkheologii*, 256, s. 188-206.

Makhortykh, S. V. 1991. *Skify na Severnom Kavkaze.* Kyiv: Naukova dumka.

Makhortykh, S. V. 2014a. Ob odnoj gruppe ranneskifskikh pamyatnikov Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezhya. *Revista arheologica*, 10, 1—2, s. 69-79.

Makhortykh, S. V. 2014b. Konskoe snaryazhenie vsadnikov Predkavkazya i ukrainskoj lesostepi v VII—VI vv. do n. e. In: Ongar, A. (ed.). *Vsadniki velikoj stepi: traditsii i innovatsii.* Astana: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, s. 174-187.

Makhortykh, S. V. 2017. Pronizi dlya perekrestnykh remney konskoj upryazhi na yuge Vostochnoj Evropy v VII—VI vv. do n. e. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), s. 166-184.

Makhortykh, S. V. 2018. Raspredeliteli remney konskoj upryazhi VII—VI vv. do n. e. v Zakavkaz'e i Perednej Azii. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (27), p. 35-50.

Medvedskaya, I. N. 1992. Periodizatsiya skifskoj arkhaiki i drevniy Vostok. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 88-107.

Mogilov, O.D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koi dobi v lisostepu Skhidnoy Evropi.* Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Petrenko, V. G. 1990. K voprosy o khronologii ranneskifskikh kurganov Tsentralnogo Predkavkazya. In: Meliukova, A. I. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoj arkheologii.* Moskva: IA SSSR, s. 60-81.

Petrenko, V. G. 2006. *Krasnoznamenskiy mogilnik.* Moskva: Paleograf.

Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2000. Khronologiya tsentralnoj gruppy kurganov mogilnika Novozavedennoe II. In: Gulyaev, V. I., Ol'khovskij, V. S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.* Moskva: IA RAN, s. 238-248.

Pickworth, D. 2005. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate. *Iraq* 67 (1), p. 295-316.

Piotrovskiy, B. B. 1950. *Karmir-Blur I.* Erevan: AN Armyanskoj SSR.

Piotrovskiy, B. B. 1952. *Karmir-Blur II.* Erevan: AN Armyanskoj SSR.

Piotrovskiy, B. B. 1959. *Vanskoe tsarstvo (Urartu).* Moskva: Vostochnaya literatura.

Piotrovskiy, B. B. 1970. *Karmir-Blur*. Leningrad: Avrora.

Romashko, V. A., Skorij, S. A., Filimonov, D. G. 2014. Ranneskifskoe pogrebenie v kurgane u sela Kitajgorod v Priorel'e. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 107-117.

Ryabkova, T. V. 2009. Nakonechniki strel skifskogo tipa iz Tejshebaini. In: *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya.* Krasnodar, s. 328-334.

Ryabkova, T. V. 2012. Uzdechnye prinadlezhnosti skifskogo tipa iz Tejshebaini. *Rossijskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, 2, s. 360-382.

Ryabkova, T. V. 2014. Kurgan 524 u s. Zhabotin v sisteme pamyatnikov perioda skifskoj arkhaiki. *Rossijskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, 4, p. 236-296.

Fialko, O., Boltrik, Yu. 2003. *Napad skifiv na Trakhtemirivske gorodische.* Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoe gorodische*. Kyiv: Naukova dumka.

Andrae, W. 1977. *Das wiedererstandene Assur.* München: C. H. Beck.

Azarpay, G. 1968. *Urartian art and artifacts: a chronological study.* Berkeley; Los Angeles: University of California.

Barbier, J. P. 1996. *Art des steppes: ornements et pièces de mobilier funéraire scytho-sibÉrien dans les collections du Musée Barbier-Mueller*. Genéve: Musée Barbier-Mueller.

Çilingiroğlu, A. 2002. The reign of Rusa II: towards the end of the Urartian kingdom. In: Aslan, R., Blum, S., Kastl, G., Schweizer, F., Thumm, D. (eds.) *Mauer Schau: Festchrift für Manfred Korfmann.* Remshalden, p. 483-489.

Çilingiroğlu, A. 2005. Bronze arrowheads of Ayanis (Rusahinili Eiduru-kai): indicate ethnic identity? In: Yalçın, Ü. (ed.). *Anatolian Metal III.* Bochum, p. 63-66.

Çilingiroğlu, A. 2018. Ayanis fortress: the day after the disaster. In: Cilingiroglu, A., Culha, Z. (eds). *Urartians: A civilization in the Eastern Anatolia.* Istanbul, p. 13-26.

Çilingiroğlu, A., Salvini M. 2001. Historical background of Ayanis. In: Çilingiroğlu, A. Salvini, M. (eds.). *Ayanis I.* Rome: Instituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 15-24.

Derin, Z., Muscarella, O.W. Iron and bronze arrows. In: Çilingiroğlu, A. Salvini, M. (eds.). *Ayanis I.* Rome: Instituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 189-217.

Dönmez, S. 2011. New evidences on the existence of the Eurasian horse-riding nomads in the Black Sea region, Turkey. In: Öztan, A., Dönmez, Ş. (eds.). *Studies presented in Honour of Önder Bilgi.* Ankara, p. 135-146.

Dusinbere, E. 2010. Ivories from Lydia. In: Cahill, N. (ed.). *The Lydians and their world.* Istanbul, p. 191-200.

Ghirshman, R. 1964. *The arts of ancient Iran: from its origins to the time of Alexander the Great.* New York: Golden Press.

Hellwag, U. 2012. Der Niedergang Urartus. In: Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. (eds.). *Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007.* Leuven: Peeters, p. 227-241.

Işikli, M., Öztürk, G., Parliti, U. 2016. Van Ayanis Kalesi 2015 Yılı Kazı ve Onarım Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantıları*, 38, 2, p. 587-598.

Kroll, S. 1979. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W (ed.). *Bastam I. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972—1975.* Berlin: Gebrüder Mann, S. 151-170.

Kroll, S. 1988. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W. (ed.). *Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978.* Berlin: Gebrüder Mann, S. 155-160.

Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. 2012. Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007. Leuven: Peeters.

Özdemir, M. A., Işıklı, M. 2017. Van Ayanis Kalesinden Ele Geçen Ok Uçları Üzerine Genel Bir Değerlendirme. *Mimarlar Arkeologlar Sanat Tarihçileri Restoratörler Ortak Platformu*, 8 (11), p. 46-62.

Pickworth, D. 2005. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate. *Iraq*, 67, 1, p. 295-316.

Piotrowski, B., Galanina, L., Gratsch, N, 1986. *Scythische Kunst.* Leningrad: Auropa.

Salvini, M. 1995. *Geschichte und* Kultur *der Urartäer.* Darmstadt.

Schmidt, K. 2002. *Norsuntepe. Kleinfunde. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Istanbul.

Seifert, M. 2004. *Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet*. Oxford.

Wolley, C. L. 1921. *Carchemish. Part II. The town defences*. London: British Museum.

S. V. Makhortykh

THE SCYTHIANS AND URARTU

The numerous Scythian (broadly speaking) artifacts have been discovered in the Urartian fortresses Ayanis and Karmir-Blur. They include the weapons (bronze socketed arrowheads), trappings (iron and bone cheekpieces, harness fittings, etc.), and objects decorated in the Scythian animal style. These findings is the important source of archaeological data and serve as independent chronological indicator that advances our current understanding of the periodization and character of the interrelations between the nomads and various Middle Eastern states. The typological and chronological analysis of the Scythian antiquities in the Urartian historical and cultural context indicates that these antiquities belong to the different periods. It also allows us to identify the earlier and later sets of artifacts. The materials from Ayanis belong to the oldest antiquities and could be associated with the contacts between the Scythinas and Urartu in the second — the beginning of the third quarter of the 7th century BC. These finds are represented by bilobate arrowheads with rhomboid and oval heads, a scabbard chape decorated with the image of a curled animal without clear features of feline predators, iron straight three-looped and bone zoomorphic cheekpieces ornamented with an image of ram's head. On the contrary, nomadic materials from Karmir-Blur are a bit later and are indicative of active contacts between the Urartians and the Scythians in the second half of the 7th century BC and the beginning of the 6th century BC. These finds include the wide range of bronze socketed arrowheads, among them the numerous trilobate of various modifications, the bouterolle decorated with schematic image of curled predator, three-hole bone cheekpieces with the animal hoof on the lower end and rectangular protrusion in the middle of the bar, bronze zoomorphic harness fittings ornamented with the image of ram's head, etc. Thus, available data do not confirm the hypothesis about the simultaneous destruction of Urartian fortresses and the complete destruction of Urartu in the middle of the 7th century BC.

Keywords: Scythians, Urartu, Ayanis, Karmir-Blur, 7th—6th centuries BC.

С. В. Махортих

СКІФИ ТА УРАРТУ

Урартські фортеці Аяніс та Кармір-Блур містять численні скіфські (у широкому розумінні цього слова) матеріали. Серед них — зброя (бронзові наконечники стріл), предмети кінського спорядження (залізні та кістяні псалії, вуздечні пронизи) та вироби, оформлені у скіфському звіриному стилі. Ці знахідки є важливим археологічним джерелом і незалежним хроноіндікатором, які конкретизують існуючі уявлення про час і характер взаємовідносин між кочовиками та різними державними утвореннями Близького Сходу. Типолого-хронологічний аналіз скіфських старожитностей в урартському історико-культурному контексті свідчить про їх належність до різних хронологічних періодів та дозволяє виділити серед них ранні і пізні матеріали. Знахідки з Аяніса, представлені дволопатевими наконечниками стріл з ромбічними та листоподібними голівками, бутероллю, декорованою зображенням згорнутої тварини без ознак котячого хижака, залізним прямим трьохпетельчатім та кістяним зооморфним псаліями, належать до числа найдавніших і фіксують контакти Урарту і скіфів у другій — на початку третьої чверті VII ст. до н. е. Навпаки, археологічні матеріали *з* Карміра-Блура є пізнішими і вказують на активні контакти між урартами та скіфами у другій половині VII ст. до н. е. та на початку VI ст. до н. е. Ці знахідки включають широкий асортимент наконечників стріл, в тому числі і трилопатеві різних модифікацій, бутероль прикрашену схематичним зображенням хижака, що згорнувся, кістяні трьохдірчасті псалії з нижнім кінцем у вигляді копита і прямокутним виступом в середній частині, бронзові зооморфні вуздечні пронизи орнаментовані зображенням голови барана. Таким чином, наявні дані не підтверджують гіпотезу про одночасне руйнування урартських фортець та повне знищення Урарту близько середини VII ст. до н. е.

Ключові слова: скіфи, Урарту, Аяніс, Кармір-Блур, VII—VI ст. до н. е.

Одержано 20.04.2020

МАХОРТИХ Сергій Володимирович, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна

Makhortykh Sergiy V., Doktor of Historical Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Archaeology, National Academy of Sciencesof Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.

ORCID: 0000-0001-7865-0263; e-mail: makhortykh@yahoo.com.

УДК 903.4(292.485:282.247.32-196.6)"-7/-5" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.03

Д. С. Гречко

ПОСЕЛЕНСЬКІ СИСТЕМИ ДНІПРОВСЬКОГО ЛІСОСТЕПОВОГО ЛІВОБЕРЕЖЖЯ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ VIII — СЕРЕДИНИ VI ст. до н. е.

У статті проведено аналіз поселенських систем Дніпровського лісостепового Лівобережжя жаботинського періоду та ранньоскіфського часу.

Ключові слова: *Дніпровське лісостепове Лівобережжя, жаботинський період, ранньоскіфський час, поселенська система, зольник, номади.*

Етнокультурна історія населення Дніпровського лісостепового Лівобережжя протягом скіфського часу була динамічною, а ці території заселювались поетапно. Ця робота присвячена аналізу початкової стадії розвитку поселенської структури мігрантів з Правобережжя у регіоні.

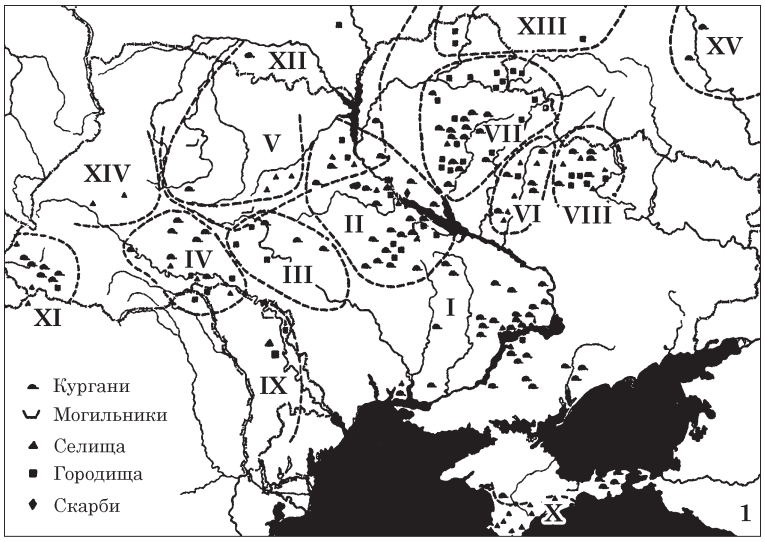
Особливу увагу етнокультурному розвитку цього регіону приділяла видатна скіфологиня Варвара Андріївна Іллінська. У своїй докторській дисертації вона узагальнила всі відомі на той час дані про пам'ятки Дніпровського лісостепового Лівобережжя скіфського часу (Ильинская 1971). Видатна дослідниця розділяла пам'ятки регіону на посульсько-донецьку (Сула, Псел, Сейм, Сіверський Дінець) та ворсклинську групи (рис. 1; Іллінська, Тереножкін 1971; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 341, 342). Пам'ятки Ворскли розглядались як «*острів правобережної культури скіфського типу*» в оточенні пам'яток посульсько-донецького типу. Заселення регіону відбулось, на думку В. А. Іллінської, у пізньочорноліський час у результаті міграції з Києво-Черкаського Правобережжя. Припускався контакт даного населення з бондарихинським, яке було доволі швидко витіснене. Виникнення городищ, в тому числі і Більського, дослідниця відносила до середини VI ст. до н. е. [1]

Дослідниця погоджувалась з тим, що Східне укріплення Більського городища виникло одночасно з Західним, а його населення було близьким посульсько-донецькому. Виходячи з цього, було поставлено питання про співіснування на Ворсклі правобережної та лівобережної груп населення, але аналіз цих стосунків вона залишала до публікації розкопок Більська. Слід відзначити, що цього дослідниця так і не дочекалась. Відмічалось поступове зникнення правобережних елементів у матеріальній культурі населення регіону. Дослідниця була впевнена у співіснуванні двох груп населення на Ворсклі. Проти походження посульсько-донецької групи від правобережно-ворсклинської свідчило, на думку дослідниці, відсутність на Правобережжі прототипів елементів матеріальної культури Лівобережжя (в першу чергу Посулля), а також, нібито, мізерність характерних для Правобережжя типів прикрас (цвяхоподібних сережок, шпильок) та кераміки. Відмічалась неможливість поділу посульсько-донецької кераміки на хронологічні групи. Пам'ятки цієї групи, на думку В. А. Іллінської, відмінні від ворсклинських та походять від скіфських степових, які пов'язані зі зрубною культурою. Нескіфське походження у Лісостепу мали, на думку дослідниці, племена Правобережжя та фракійські племена Дністро-Дунайського межиріччя. Населення Правобережжя, праслов'яни, лише засвоїли скіфську культуру (Ильинская 1971).

Через майже тридцять років дана тема була знов проаналізована у докторській дисертації А. О. Моруженко. Дослідниця розглядала лісостепову зону між Дніпром та Доном, як територію, де у VII—III ст. до н. е. сформувалась історико-культурна спільнота землеробського

1. Згідно хронології того часу — це старшожурівський час, або ранньоскіфський період.

© Д. С. ГРЕЧКО, 2020



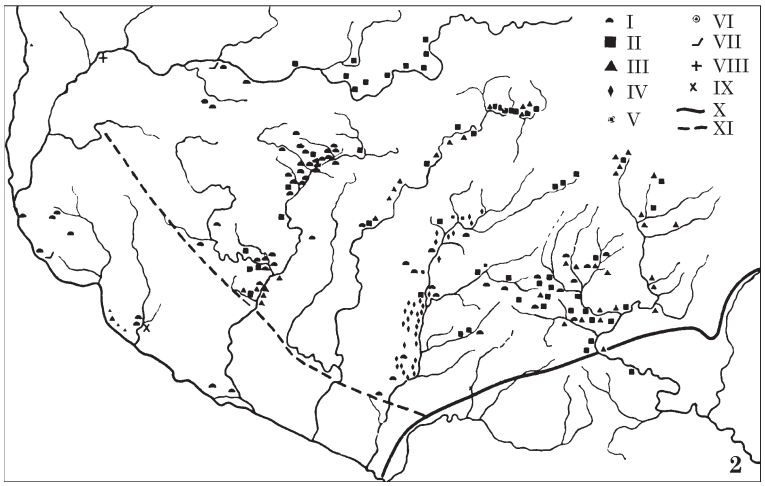


Рис. 1. Пам'ятки Дніпровського лісостепового Лівобережжя скіфського часу у працях В. А. Іллінської та О. І. Тереножкіна: **1 — пам'ятки скіфського часу** (I — степова зона; *групи*: II — києво-черкаська; III — східноподільська; IV — західноподільська; V — волинська; VI — ворсклинська; VII — посульська; VIII — сіверськодонецька; IX — молдавська; *культури*: X — кизил-кобинська; XI — куштановицька; XII — підгірцівсько-милоградська; XIII — юхнівська; XIV — пізньовисоцька; XV — воронезька (Іллінська, Тереножкін 1971)); **2 — пам'ятки Лівобережного Лісостепу скіфського часу** (I — кургани; II — городиша посульсько-донецького типу; III — поселення посульсько-донецького типу; IV — поселення правобережно-ворсклинського типу; V — городища правобережно-ворсклинського типу; VI — знахідки на дюнах; VII — могильник; VIII — випадкові знахідки; IX — скарб; X — кордони Лісостепу; XI — кордони Дніпровського терасового Лісостепу (Ильинская, Тереножкин 1983))

населення з багатьма загальними рисами у соціально-економічному і культурному розвитку. Вона, слідом за Б. А. Шрамком, вважала, що виникнення «скіфоїдної» культури типу Східного Більська є результатом складної взаємодії бондарихинсько-білозерського етнокультурного компоненту зі скіфським. Вплив правобережних племен дослідниця бачила у розповсюдженні деяких типів бронзових прикрас та окремих знахідок фрагментів чорнолискованого посуду (Моруженко 1989, с. 35, 36). Важливо відмітити, що А. О. Моруженко вважала, що з середини VI ст. до н. е. пам'ятки межиріччя Дніпру та Дону вже не мають відмінностей (Моруженко 1989, с. 36).

На території Дніпро-Донецького Лісостепу було відомо на той час 313 поселень і 103 городища, серед яких 49 мали зольники на своїй поверхні. Найкраще дослідженими були лісостепові частини басейнів Ворскли та Сіверського Дінця (218 поселень). Відмічалась відсутність зольників на Середньому Доні та Сеймі. Появу городищ у регіоні було віднесено до VII ст. до н. е., а у наступному столітті, на думку А. О. Моруженко, відбулося збільшення кількості поселень (Моруженко 1989, с. 26).

Були зроблені спостереження про систему розселення племен скіфського часу Дніпро-Донського Лісостепу. Було виділено скупчення пам'яток у середній течії Сіверського Дінця, Посейм'ї, басейні Сули, Псла, середній течії Ворскли, верхній течії Ворскли та Сіверського Дінця та на Середньому Доні. Найбільш близькими до пам'яток Дніпро-Донського Лісостепу дослідниця правомірно вважала правобережні. Але етнічною основою місцевого населення скіфського часу були, на думку дослідниці, носії бондарихинської культури, які зазнали скіфського впливу. Відмічались елементи жаботинського походження для Ворскли та Прикубанські для Посулля. В цілому, А. О. Моруженко розглядала ворсклинську, сіверськодонецьку та сейминську групи як пам'ятки гелонів, меланхленів та андрофагів, а Посулля, Псел, Середній Дон, верхів'я Дінця та Ворскли — багаточисельного племені будинів (Моруженко 1989, с. 25—40).

Концепція А. О. Моруженко ґрунтувалась на широкому колі археологічних джерел та була одним з варіантів реконструкції етнокультурної історії населення Дніпро-Донського Лісостепу скіфського часу. Однак, на мою думку, історичні процеси у Дніпровському лісостеповому Лівобережжі були складнішими і мали суттєві відмінності у різні періоди та для населення окремих регіонів.

* * *

Залюднення регіону на початку раннього залізного віку відбувалось у кілька етапів. Вперше, землеробське населення з'являється у ре-

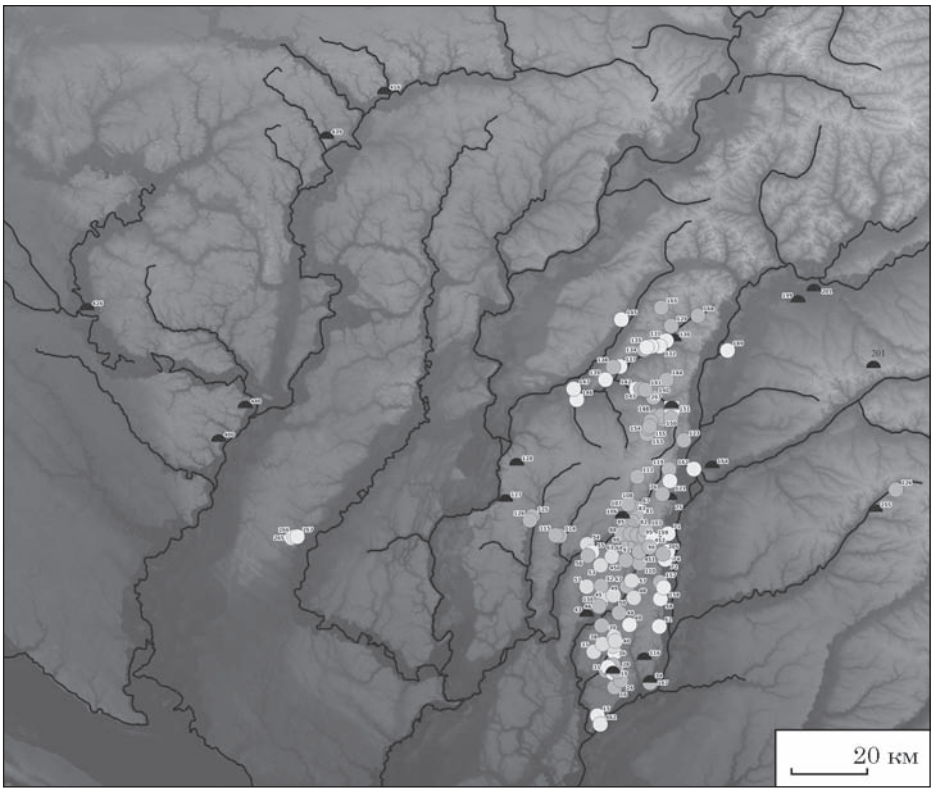


Рис. 2. Пам'ятки Дніпровського лісостепового Лівобережжя перед- та ранньоскіфського часу

гіоні у жаботинський час [1], на що вказує поява поселень з зольниками на території Середньої Ворскли (рис. 2).

Матеріали розкопок та розвідок дозволяють на сьогодні відзначити декілька пунктів з матеріалами жаботинського часу, хоча лише для кількох з них ці дані підтверджено розкопками, тому мої висновки носять попередній характер та потребують уточнення польовими дослідженнями. На півдні Середньої Ворскли першими почали функціонувати поселення Мачухи (Десяте поле), Снопове п. 1 і 2 (рис. 3: 2; Гейко 2003, с. 111) та Пожежна Балка 2 (рис. 2; Андриенко 2000). В околицях Диканьки розвідками матеріали передскіфського часу було виявлено на поселеннях в ур. Димитренкова Балка, Собакарьова Балка, Зозулина Балка, п. 2, Нелюби та Диканька п. 7 (рис. 3: 1; Щербань 1998, с. 87—89). Шари жаботинського часу виявлено у зольниках 5 і 19 поселення на місці Західного укріплення Більського городища, неподалік на поселенні Лазьківські Ставки 1 та на вул. Чапаєва у Більську (рис. 4; Шрамко 2012, с. 170; Задников, Шрамко 2017, с. 247; Шрамко, Задніков 2018, с. 112). Матеріали цього часу відомі на поселенні Хухра (Ковпаненко 1967, с. 40). Перші поселення були невеликими та мали на своїй поверхні 2—3 зольники, що може відповідати 2—3 патріархальним родинам, які могли складати один рід. Забігаючи наперед, хочу зауважити, що саме ці поселення будуть центрами окремих поселенських структур у ранньоскіфський час.

Варто відзначити відсутність *поховальних пам'яток* мігрантів з Правобережжя передскіфського часу у межиріччі Ворскли та Псла. Синхронними цій групі поселень з зольниками є вкрай нечисленні захоронення номадів даного часу (Люботин, Любовка). На території Дніпровського лісостепового Лівобережжя відомо кілька комплексів фінального передскіфського часу (Берестнев 1985). Два впускні поховання 1 і 2 було виявлено в кург. 2 біля с. Любовка на правому березі Мерли, основне поховання відомо під курганом 3 біля с. Корбіни Івани на р. Івани (обидві річки басейну Ворскли). Всі три поховання здійснено в ямах зі зрубами, чи у дерев'яному ящику (Любовка кург. 2/2). Небіжчиків було покладено випрастано, або у трохи зібганому положенні (Любовка кург. 2/2) та орієнтовано головою на захід з незначним відхиленням. С. І. Берестнев до цієї групи правомірно відносить ще два поховання, які було виявлено Є. Н. Мельник поблизу с. Кириківка на Ворсклі у 1900—1901 рр. С. І. Берестнев відніс дану групу поховань до «новочеркасской ступени» та генетично пов'язав зі зрубною культурою (Берестнев 1985, с. 104, 105). Картографування даної групи поховань та комплексу біля Бутенок показує, що поховання «новочеркаського часу», ніби, оточують ареал поселень з зольниками жаботинського часу межиріччя Ворскли та Псла. Вплив керамічних традицій ворсклинських землеробів на керамічний комплекс цих груп населення також очевидний. Усі комплекси,

1. Г. Т. Ковпаненко вважала, що перші групи населення з Правобережжя, які потрапили на Ворсклу, були носіями чорноліської культури (Ковпаненко 1967). Нещодавно до подібних висновків прийшла А. В. Корохіна при аналізі матеріалів з поселення Ніцаха (Корохіна 2011, с. 226).

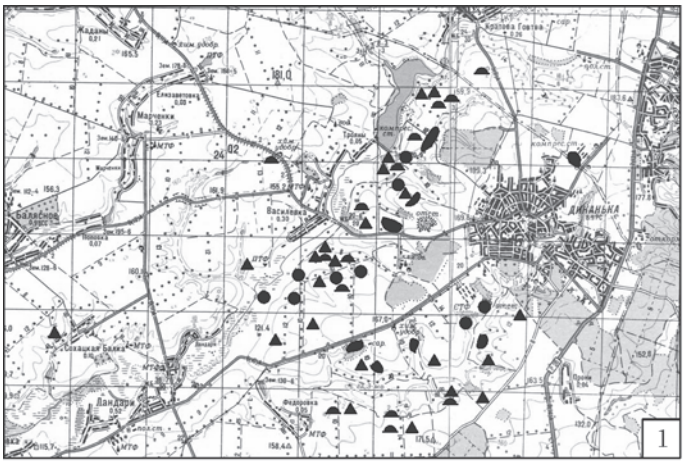
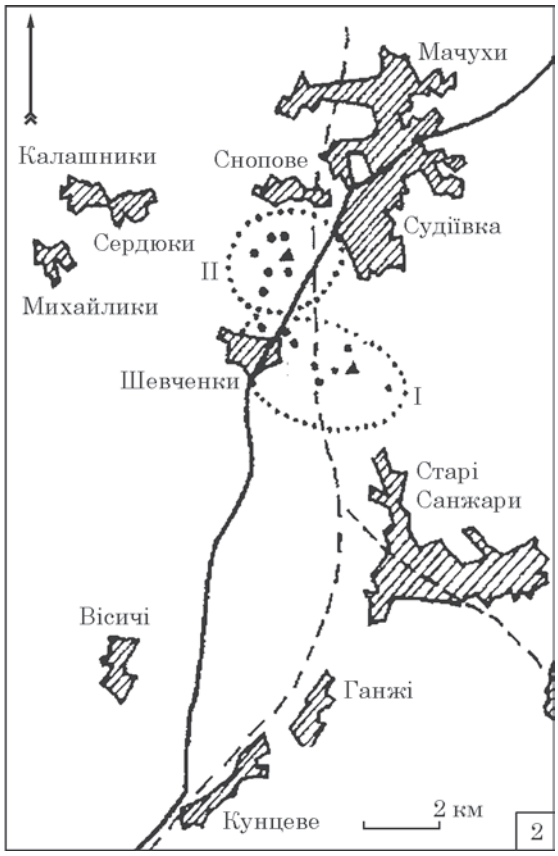


Рис. 3. Пам'ятки перед- та ранньоскіфського часу: 1 — околиці Диканьки; 2 — Мачухи (за: 1 — Щербань 2002; 2 — Гейко 2003)



крім Бутенок, не мають ознак мілітаризації постзрубного населення, яке залишилось у Лісостепу. Ймовірно, ці дві групи населення мирно співіснували, займаючи свої, специфічні екологічні ніші.

Розвиток цього населення на нових землях у відносно спокійних військово-політичних умовах, скоріш за все, спричинив демографічний вибух і до середини VII ст. до н. е. ми вже маємо розвинену поселенську структуру, яка представлена «кущами» поселень з зольниками, об'єднаними одним курганним могильником (рис. 3: 2; Гейко 2003, с. 109—113).

Важливі зміни відбулися у другій половині VII ст. до н. е. — у Дніпровське лісостепове Лівобережжя переселяються декілька груп номадів, частина з яких могла брати участь у передньоазійських походах (Караванська група Люботинського могильника біля Харкова), а також

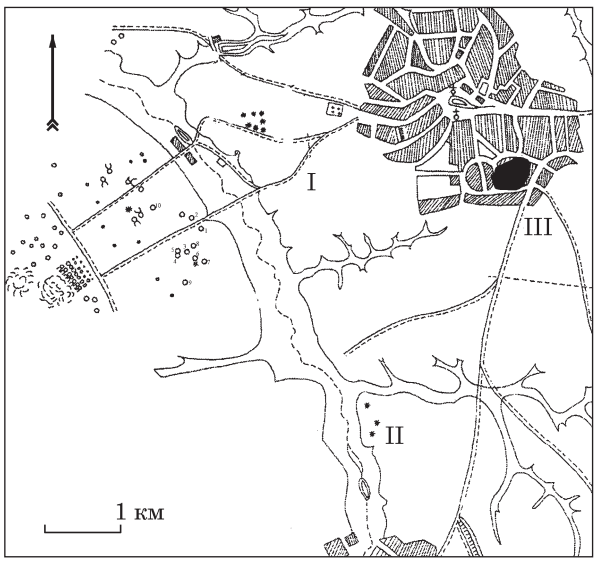


Рис. 4. Поселення перед- та ранньоскіфського часу біля с. Більськ: 1 — Західне укріплення; 2 — Лазьківські стаки 1; 3 — вул. Чапаєва. Основа мапи за (Городцов 1911)

вперше до регіону потрапляє античний імпорт. Усе це вказує на початок кроскультурного діалогу між місцевими землеробами, іраномовними кочовиками та грецькими колоністами.

У **ранньоскіфський час** осіле населення мешкало лише на Середній Ворсклі (межиріччя Ворскли та Псла), яке своїм походженням пов'язане з мігрантами з Правобережжя, які переселились сюди у жаботинський час (рис. 2). Виникнення поселенської структури у лісостепових частинах Сули, Сейма, Псла та Сіверського Дінця припадає на фінал ранньоскіфського часу — перехідний період (друга—третя чверті VI ст. до н. е.; Гречко 2016).

На сьогодні можна говорити про ще кілька спроб правобережного населення закріпитись на Лівобережжі. В останні роки сліди поселень передскіфського та ранньоскіфського часу були зафіксовані у басейні р. Трубіж в ур. Липняк (навпроти с. Пристороми), Заострів 2, ур. Кленове та Борщів 4 біля с. Борщів, ур. Рябці, Куликів Острів біля с. Коржі, Черняків Острів та Осавулове біля с. Волошинівка та Острів біля с. Баришівка, Під Веселою Горою та Михайлів біля с. Селище, Остролівка біля с. Гострлуччя. Частина матеріалів відноситься ще до жаботинського часу, а в V—IV ст. до н. е. на цій території вже добре відомі пам'ятки та матеріали підгірцівського типу (Костенко 2015, с. 302—378). Судячи з незначної кількості матеріалів, ця спроба, імовірно, населення з Поросся була невдалою.

Уже давно відомі два городища VI до н. е. біля с. Крутьки та Васютинці у Черкаській області,

на лівому березі Дніпра. Городища, на жаль, не розкопувались, тому більш детальну культурно-хронологічну характеристику дати важко. Можна лише відмітити наявність матеріалів ранньоскіфського часу. Біля Крутьківського городища на відстані 5 км зафіксоване синхронне селище (Телегін, Дяденко 1970, с. 173, 174, 178). Крім, двох городищ було зафіксовано сліди чотирьох селищ біля с. Жовнін Чорнобаївського р-ну. Селище в ур. Біленкові Бурти біля впадіння Сули у Дніпро функціонувало фактично протягом всього скіфського часу. Поселення на Жовнінському острові та в ур. Васюни відносяться до перед- та ранньоскіфського часу, а Коробинське селище — до ранньоскіфського часу (Телегін, Дяденко 1970, с. 176—178). Ці пам'ятки можна пов'язувати з намаганнями правобережного населення освоїти частину Лівобережжя у архаїчний період та контролювати стратегічні місця біля переправ та перелазів.

Два пункти з матеріалами ранньоскіфського часу відносно нещодавно були виявлені на території м. Хорол. Поселення ранньоскіфського часу в ур. Червона Гірка розташоване на мисі правого корінного берега р. Хорол (висота над заплавою — 38 м). Наймасовішими на поселенні матеріалами є знахідки ранньоскіфського часу. Культурний шар має потужність 0,8 м, що може говорити про стаціонарний характер поселення. Про друге поселення скіфського часу в ур. Остапівська Гора інформація носить загальний характер (Гавриленко, Супруненко 1995, с. 105—109). Пам'ятки не розкопувались.

Негативний результат спроб залюднення цих територій, імовірно, пов'язаний з близькістю до степових ділянок (так званий, терасовий лісостеп, межиріччя Сули та Хорола, Псла та Хорола), по яким часто переміщувались номади. Це не сприяло розвитку осілості.

Детальніше зупинимось на характеристиці поселенської структури осілого населення Середньої Ворскли. Можна говорити про те, що цей регіон є найкраще дослідженим у Лісостепу. Території довкола Більського городища, Опішні, Диканьки, Олефірщини на Середній Ворсклі та довкола Судіївки, Мачух, Пожарної Балки на Нижній Ворсклі, досліджені майже повністю, що створює можливості використовувати ці групи поселень у якості моделі.

На сьогодні підтверджується думка автора про те, що немає надійних підстав припускати функціонування городищ Дніпровського лісостепового Лівобережжя раніше середини VI ст. до н. е. (Гречко 2010, с. 122, 123). Відсутність укріплень у Поворсклі протягом ранньоскіфського часу може вказувати на те, що місцеві землероби та вихідці із кочового середовища, що були інкорпоровані/були на чолі (?) місцевого об'єднання племен, були домінуючою силою в регіоні.

Абсолютна більшість поселень розташовані в басейнах річок Полузір'я, Вільхової, Середньої Говтви та Груні. Цей мікрорегіон має спільні природні характеристики, які свідчать, що мігранти з Правобережжя обрали конкретну екологічну нішу, яка була максимально сприятлива для ведення, в першу чергу, землеробства. Чітко помітна прив'язка поселенських структур цього часу у Поворсклі до ареалів опідзолених чорноземів. Можна відмітити, цілком об'єктивне тяжіння до джерел води та байрачних лісів та тих, що йшли вздовж правого берега Ворскли, особливо, Диканського лісу.

Для абсолютної більшості поселень, крім тих, які розташовані на лівому березі Ворскли (Лихачівка, Хухра), характерним є наявність зольників, часто, значних розмірів, що характерно лише для цього періоду (Шерстюк 2012, с. 48). Достатньо чітко виділяються поселення-«гіганти», які налічують понад 30 зольників. У Нижньому Поворсклі це Мачухи 1 (36 зольників), дещо північніше Абазівка (38 зольників) та Жуки (34 зольники). Відстань між Мачухами та Абазівкою, оминаючи балки, біля 20 км, а від Абазівки до Жуків — 24 км. Цікаво, що програма Google Earth прокладає пішохідний маршрут уздовж Полузіря, через інші синхронні поселення. Північніше, два значних за розмірами поселення відомі біля сучасної Диканьки — в урочищах Димитренкова Балка (35 зольників) та Нелюби (38 зольників). Відстань до Жуків по найзручнішому маршруту становить біля 13 км, який також проходить уздовж річки. Від Диканьки до наступного поселення-«гіганта» на місці Західного укріплення Більського городища, яке виділяється і на фоні вище перелічених (61 зольник), біля 35 км.

Довкола кожного поселення-«гіганта» зафіксовано «кущі» поселень. Можна припускати, що Мачухи 1 були центром поселень землеробів у нижній течій невеликої, зараз пересохлої, річки Вільшани та декількох балок басейну Полузір'я (Мачухи, Судіївка, Малий Тростянець тощо) та безпосередньо Ворскли (Старі Санжари, Пожарна Балка 2); Абазівка — басейну середньої течії р. Полузір'я; біля Жуків — верхньої течії р. Полузір'я; в ур. Димитренкова Балка та ур. Нелюби — в першу чергу, середньої Говтви, а поселення на місці Західного укріплення Більського городища — річки Грунь. Найчіткіше виділяється північна група у верхній течії Груні та її приток.

Розташування зольників на поселеннях свідчить переважно про кільцеве планування поселень. Еталонним у цьому відношенні є поселення на місці Західного укріплення Більського городища та в ур. Царина Могила. Якщо не враховувати фортифікаційні споруди, які виникли вже на початку третьої чверті VI ст. до н. е., то ми бачимо кілька груп зольників з кільцеподібною планувальною структурою центральних частин (рис. 5). Перша, більш давня, розташована у північній частині поселення, має центральне ядро з зольників 5, 10, 13, 19, два з яких виникли ще у жаботинський

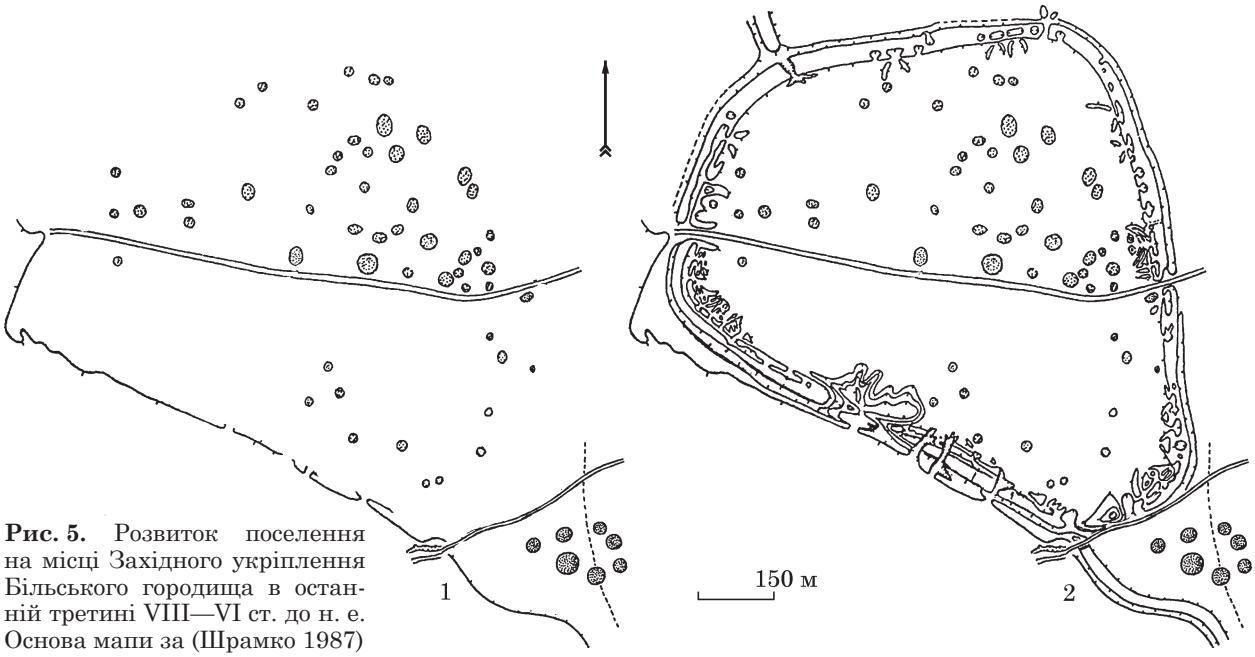


Рис. 5. Розвиток поселення на місці Західного укріплення Більського городища в останній третині VIII—VI ст. до н. е. Основа мапи за (Шрамко 1987)

час (горизонти А1—А2 за І. Б. Шрамко). Друга група зольників розташована у південній частині території майбутнього Західного укріплення (№ 4, 8, 30—35, 37—39, 41, 43, 47, 51). Третя, західна група зольників (№ 25, 28, 29, 36, 40, 45) не дуже чітко виділяється на відміну від скупчення зольних плям в ур. Царина Могила (№ 9). Південні та західна групи, судячи з датування античного імпорту, безумовно, молодші і відносяться до горизонтів Б2—Г. Тобто, ми можемо припускати територіальний розвиток одного поселення в часі, коли біля найдавнішого поселення на відстані кількасот метрів, або через балку, виникають нові групи зольників. По відношенню до поселення біля с. Островерхівка у сіверськодонецькому Лісостепу (60 зольників у декількох групах) Б. А. Шрамко слушно припускав, що ми маємо справу з сегментацією патріархальної общини в наслідок природного збільшення кількості її членів (Шрамко 1962, с. 185). Вважати ці групи зольників Західного Більська частинами одного, великого родового поселення, чи окремими структурами — тема спеціальної дискусії та майбутніх широкомасштабних розкопок. Можна лише стверджувати, що протягом VI ст. до н. е. всі групи зольників співіснують.

Дослідження поселення на місці Західного укріплення Більського городища та в ур. Царина Могила дозволяють говорити про те, що на території зольника та біля нього одночасно могло функціонувати в середньому два житла та комплекс господарчих споруд (зольники № 5, 7, 19, 28; рис. 6—8; Шрамко 2005; 2006; Гавриш 2006). Це дозволяє говорити про належність одного зольника садибі окремої великої патріархальної родини, а окремих жител — малим родинам чисельністю у 6—7 родичів (Шрамко 1987). Палеодемографічні реконструкції не входять до завдань роботи, тому наведу лише попередні приблизні підрахунки кількості мешканців поселення на місці Західного укріплення Більського городища та в ур. Царина Могила, враховуючи історичний розвиток даного пункту (Шрамко, 2012). Першопоселенці жаботинського часу мешкали на території зольників 5 та 19 та складали окремий рід чисельністю біля 24—28 осіб. До цього слід додати поселення на вул. Чапаєва та поселення в Лазьківські Ставки 1. Отже, ми можемо говорити попередньо про три екзогамні роди [1], які оселились біля сучасного с. Більськ, загальною чисельністю біля 72—84 осіб. У період Б1 за І. Б. Шрамко кількість зольників умовно подвоюється (№ 5, 10, 13, 19), відповідно і кількість населення також. Період Б2 характеризується потроєнням кількості зольників та населення у порівнянні з попереднім періодом Б1 (№ 1, 5, 7, 10—13, 19, 28, 40 та зольники 1 і 3 в ур. Царина Могила). Потроєння населення через покоління засвідчено даними палеодемографії для інших племен (див. Гречко 2011). У період В та Г більшість зольників співіснує (№ 1-54 Західного укріплення та № 1—7 в ур. Царина Могила). Таким чином, для періоду розквіту даної поселенської структури ми можемо припускати одночасне проживання на території 61 зольника біля 732—854 мешканці, які становили великий рід, а разом з поселеннями басейну Груні, ймовірно, фратрію.

Некрополі розташовані або безпосередньо біля поселення (поселення біля Диканьки),

1. Не можна виключати, що вони складали екзогамну фратрію (кровноспоріднена група родів за Л. Г. Морганом). В такому випадку, синхронні поселення поблизу сучасної Диканьки, Жуків (?), Абазівки (?) та Мачух могли становити інші, які були об'єднані в одну племінну структуру.

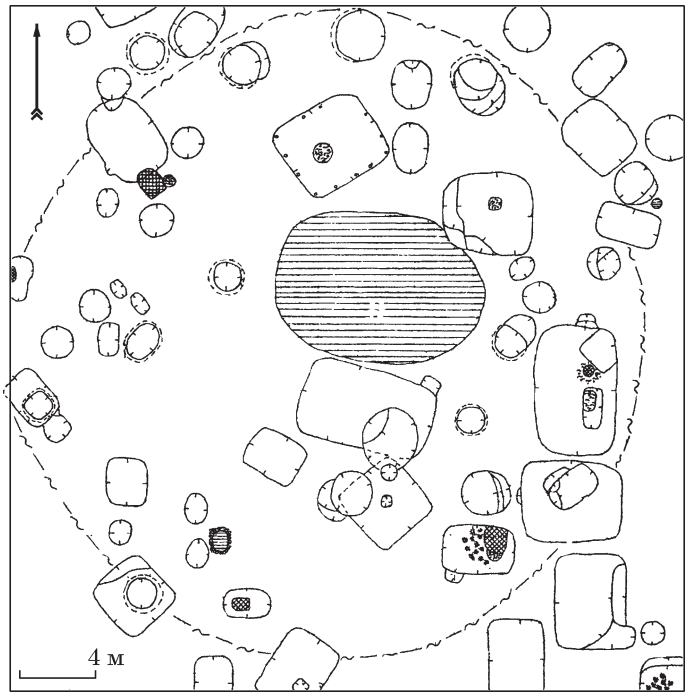


Рис. 6. План розкопу зольника 7 Західного укріплення Більського городища (Гавриш 2006)

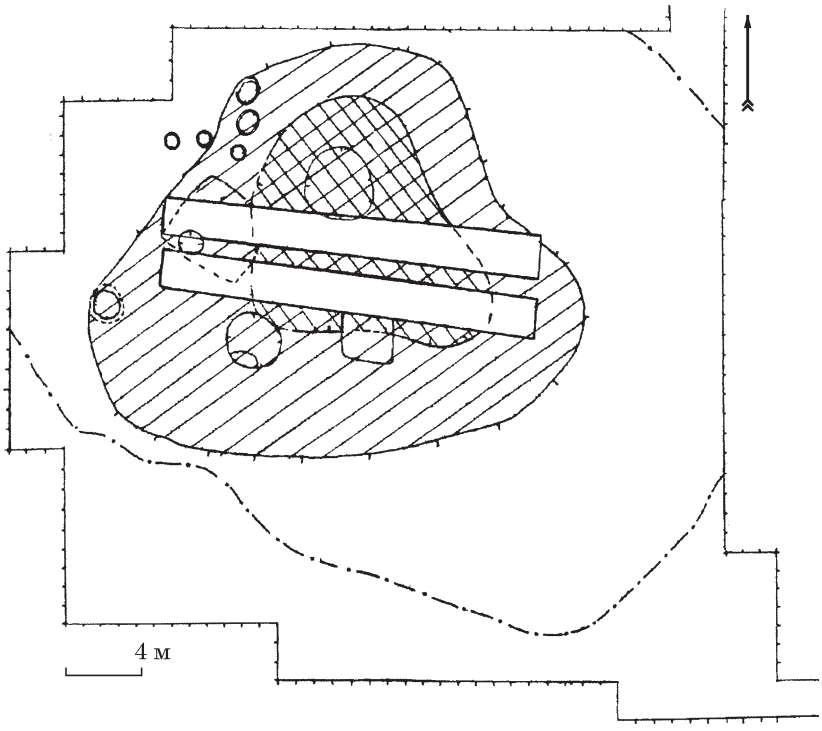


Рис. 7. План розкопу зольника 5 Західного укріплення Більського городища, горизонти А1—2 (Шрамко 2006)

через балку чи річку (Західний Більськ, Мачухи 1 (рис. 3) або поруч та через балку (Жуки тощо).

Всі великі поселення розташовані біля сухопутних доріг: Мачухи 1, Абазівка, ур. Нелюби, Західний Більськ біля меридіональної дороги вздовж Ворскли (рис. 3: 2; Гейко 2003, с. 111), а в ур. Димитренкова Балка — біля відгалуження від неї у бік переправ через Псел біля Шишак та Баранівки (рис. 3: 1). Кожне з поселень-«гігантів» могло бути, враховуючи значну кількість поселень-супутників з зольниками, центром фратрії, які, судячи з усього, складали плем'я.

Картографування всіх ранньоскіфських пам'яток вказує на те, що поховання напівкочовиків локалізуються довкола густозаселеного землеробським населенням межиріччя Ворскли та Псла поблизу сухопутних комунікацій (рис. 2). Дані некрополі можуть бути пов'язані з сезонними міграціями напівномадів регіону (наприклад, Вереміївка у пониззі Сули). В середині ареалу поселенських структур землеробів, поховання, які можна пов'язувати з рухливими скотарями зафіксовано лише у некрополях Більського городища в ур. Скоробір та Марченки (Шрамко 1987; 2015).

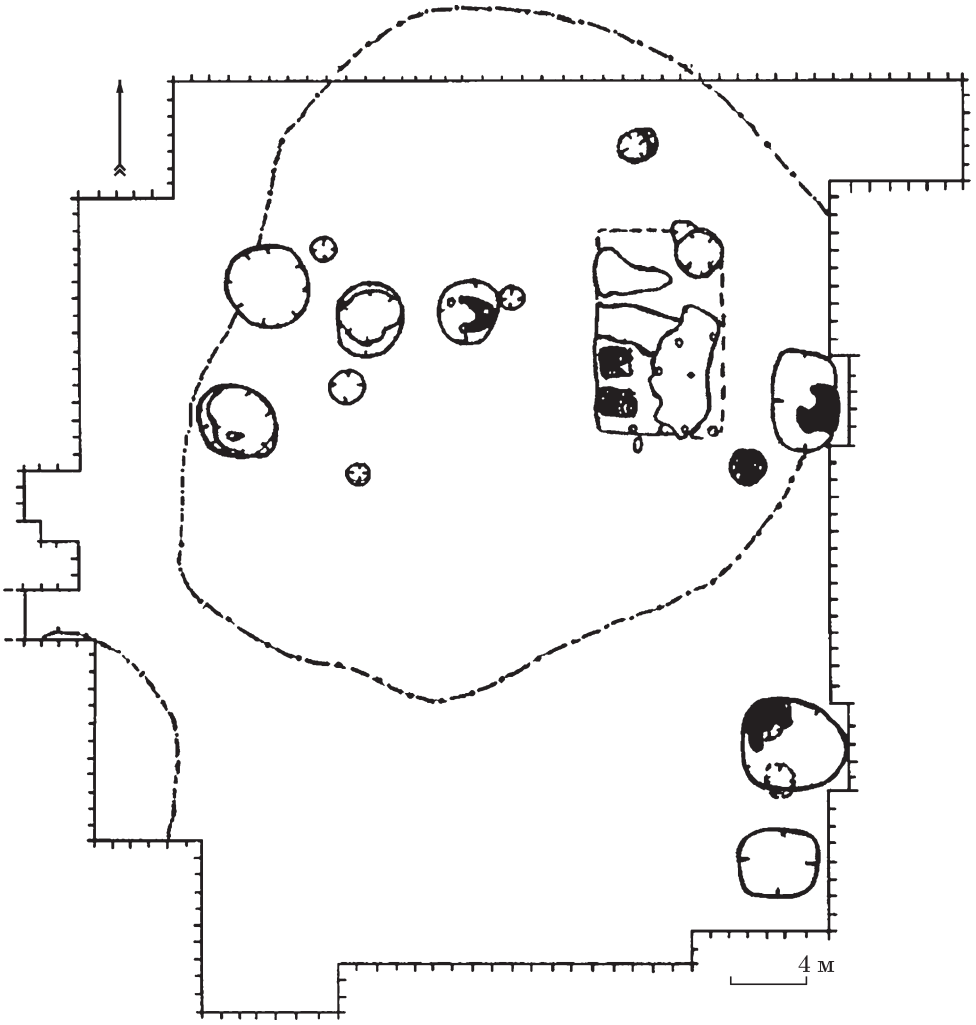


Рис. 8. План розкопу зольника 28 Західного укріплення Більського городища, II етап (Шрамко 2005)

У зв'язку з цим, цікавими і не до кінця зрозумілими є причини того, що поселення на місці Західного укріплення Більського городища стало відігравати центральну роль у Середньому Поворсклі, починаючи з ранньоскіфського часу (з другої половини VII ст. до н. е.). На це вказують доволі чисельні античні імпорти, включаючи східногрецький столовий посуд. Імпортний посуд та прикраси в цей час поступали, імовірно, з Березані на це поселення (Задніков 2014) і, що цікаво, фактично там і лишались, оскільки близькі матеріали відомі лише на Немирівському та Трахтемирівському городищах (Фіалко, Болтрик 2003; Кашуба, Вахтина 2017, с. 211—228). Наприклад, на дослідженому широкою площею поселенні Пожарна Балка 2 античний імпорт одиничний (Ляпушкин 1961, с. 118). Саме в цей час у некрополях Більська з'являються соціально виділені поховання, які мають риси характерні поховальним традиціям іраномовних груп номадів та напівномадів цього часу (Гречко 2018, с. 31—33). Це дозволяє припускати, що саме прихід та закріплення груп кочовиків у цьому стратегічному місці у другій половині VII ст. до н. е. і були одними з головних причин виділення цього поселення серед синхронних ворсклинських пам'яток. Саме існування ставки «*одного зі скіфських вождів*» А. С. Балахванцев вважає причиною появи масового античного імпорту на ранньомеотському поселенні Тарасова Балка у Прикубанні (Балахванцев 2019, с. 4).

Таким чином, на сьогодні ми можемо говорити про існування у ранньоскіфський час густозаселеного землеробським населенням правобережного походження межиріччя Ворскли та Псла. В цей час у регіоні з'являються групи номадів, з південного-сходу, частина з яких брала участь у передньоазійських походах. Їх поховальні пам'ятки здебільшого зафіксовані на маршрутах їх переміщення та місцях частих зупинок (зимівників тощо) — Посулля, північно-західного Поворскля (Куп'еваха, Коломак). Виділення поселення на місці Західного укріплення Більського городища також пов'язано з тим, що саме кочовики обрали, імовірно, у якості зимівника, це стратегічне місце на перетині сухопутних комунікацій. Отже, етнокультурна історія Дніпровського лісостепового Лівобережжя цього часу пов'язана з тісною взаємодією поворсклинських землеробів з різними групами іраномовних номадів, які були вирішальною силою у регіоні та встановили контроль за осілим населенням.

ЛІТЕРАТУРА

Андриенко, В. П. 2000. О нижней хронологической дате поселения Пожарная Балка. В: Крижицький, С. Д. (ред.). Археология и древняя архитектура Левобережной Украины *и* смежных территорий. Донецьк: Східний видавничий дім, с. 100-101.

Балахватцев, А. С. 2019. Греко-скифские контакты во второй половине VII в. до н. э. (по материалам Тарасовой Балки). В: *Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. Материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез».* Санкт-Петербург: Скифия-принт, с. 3-4.

Берестнев, С. И. 1985. О погребениях предскифского периода левобережной лесостепи Украины. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Проблемы* археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДнГУ, с. 98-107.

Гавриленко, І. М., Супруненко, О. Б. 1995. Археологічні розвідки в Хоролі. *Полтавський археологічний збірник*, 3, с. 105-110.

Гавриш, П. Я. 2006. Основні підсумки дослідження попелища № 7 у Більському городищі. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1, с. 11-20.

Гейко, А. В. 2003. До питання виділення так званих «селищних кущів» на пам'ятках скіфського часу Нижнього Поворскля. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1, с. 109-112.

Городцов, В. А. 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. *Труды XIV археологического съезда*, 3, с. 93-161.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАН України.

Гречко, Д. С. 2011. К вопросу о численности населения Нижнего Побужья в преддверии исчезновения большой хоры Ольвии. *Древности 2011*, с. 117-129.

Гречко, Д. С. 2016. От Архаической Скифии к Классической. *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 33-60.

Гречко, Д. С. 2018. Поховальний обряд населення Дніпровського Лісостепового Лівобережжя ранньоскіфського часу: варіант аналізу. *Археологія і давня історія України*, 1 (26), с. 20-44.

Задніков, С. А. 2014. *Античний керамічний імпорт на Більському городищі скіфського часу*. Автореферат дисертації к. і. н. Київ.

Ильинская, В. А. 1971. *Скифский период в Днепровском лесостепном Левобережье*. Автореферат диссертации д. и. н. Москва.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Кашуба, М. Т., Вахтина, М. Ю. 2017. Некоторые аспекты изучения материалов раннего железного века из раскопок Немировского городища в Побужье. *Археологические вести*, 23, с. 211-228.

Ковпаненко, Г. Т. 1967. *Племена скіфського часу на Ворсклі*. Київ: Наукова думка.

Корохіна, А. В. 2011. Культурно-стратиграфічна ситуація на поселенні Ніцаха в Поворскліі. *Матеріали та дослідження з археології Східної України*, XI, с. 217-227.

Костенко, В. Ю. 2015. *Археологічні пам'ятки Потрубіжжя*. Переяслав-Хмельницький: Лукашевич О. М.

Ляпушкин, И. И. 1961. *Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа*. Материалы и исследования по археологии СССР, 104. Москва; Ленинград: АН СССР.

Моруженко, А. А. 1989. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время. *Советская археология*, 4, с. 25-40.

Телегін, Д. Я., Дяденко, В. Д. 1970. Нові скіфські городища і поселення на Середньому Дніпрі. Археологія, XXIV, с. 173-175.

Фіалко, О. Є., Болтрик, Ю. В. 2003. *Напад скіфів на Трахтемирівське городище*. Київ: ІА НАН України.

Шерстюк, В. В. 2012. Селища Ворсклинської групи пам'яток скіфського часу між Пслом та Ворсклою у південно-західній окрузі Більського городища. *Феномен Більського городища 2012*, с. 47-50.

Шрамко, Б. А., 1962. *Древности Северского Донца*. Харков: ХГУ.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, И. Б. 2005. Новые данные о наземных жилищах Днепровской Лесостепи в скифскую эпоху. *Древности 2005*, с. 24-34.

Шрамко, І. Б. 2006. Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5). В: Черненко, Є. В. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 33-56.

Шрамко, И. Б. 2012. Зольники Западного Бельского городища: планиграфия и хронология. В: *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902—1968) 3—5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург.* Санкт-Петербург: Соло, с. 168-172.

Шрамко, І. Б., Задніков, С. А. 2015. Результати археологічних досліджень кургану скіфського часу в урочища Марченки. *Археологічні дослідження Більського городища 2014*, с. 56-67.

Шрамко, І. Б., Задніков, С. А. 2019. Дослідження ранньоскіфського поселення Лазьківські ставки 1 експедицією Харківського університету в 2018 році. *Археологічні дослідження Більського городища 2018*, с. 78-88.

Шрамко, І. Б., Задніков, С. А. 2018. Дослідження поселення Лазьківські ставки 1 експедицією Харківського університету в 2017 році. *Археологічні дослідження Більського городища 2017*, с. 95-125.

Щербань, А. Л. 1998. Пам'ятки археології в околицях Диканьки. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1—2, с. 87-89.

Щербань, А. Л. 2002. *Звіт про археологічні розвідки в Диканьському районі Полтавської обл. в 2002 р.* НА ІА НАН України, ф. 64, 2002/130.

REFERENCES

Andriyenko, V. P. 2000. O nizhney khronologicheskoy date poseleniya Pozharnaya Balka. In: Krizhits'kiy, S. D. (ed.). *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy*. Donets'k: Skhidniy vidavnichiy dim, s. 100-101.

Balakhvattsev, A. S. 2019. Greko-skifskie kontakty vo vtoroi polovine VII v. do n. e. (po materialam Tarasovoi Balki). In: *Greki i varvarskii mir Severnogo Prichernomoria: kulturnye traditsii v kontaktnykh zonakh. Materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Arkheologicheskie istochniki i kulturogenez».* Sankt-Peterburg: Skifiia-print, s. 3-4.

Berestnev, S. I. 1985. O pogrebeniiakh predskifskogo perioda levoberezhnoi lesostepi Ukrainy. In: Kovaleva, I. F. (ed.). Problemy arkheologii Podneprovia. Dnepropetrovsk: DnGU, s. 98-107.

Havrylenko, I. M., Suprunenko, O. B. 1995. Arkheolohichni rozvidky v Khoroli. *Poltavskyi arkheolohichnyi zbirnyk*, 3, s. 105-110.

Havrysh, P. Ya. 2006. Osnovni pidsumky doslidzhennia popelyshcha N 7 u Bilskomu horodyshchi. *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 11-20.

Heiko, A. V. 2003. Do pytannia vydilennia tak zvanykh «selyshchnykh kushchiv» na pam'iatkakh skifskoho chasu Nyzhnoho Povorsklia. *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 109-112.

Gorodtsov, V. A. 1911. Dnevnik arkheologicheskikh issledovanii v Zenkovskom uezde Poltavskoi gubernii v 1906 g. *Trudy XIV arkheologicheskogo sieezda*, 3, s. 93-161.

Hrechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Grechko, D. S. 2011. K voprosu o chislennosti naseleniia Nizhnego Pobuzhia v preddverii ischeznoveniia bolshoi khory Olvii. *Drevnosti 2011*, s. 117-129.

Grechko, D. S. 2016. Ot Arkhaicheskoi Skifii k Klassicheskoi. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (19), s. 33-60.

Hrechko, D. S. 2018. Pokhovalnyi obriad naselennia Dniprovskoho Lisostepovoho Livoberezhzhia rannoskifskoho chasu: variant analizu. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 1 (26), s. 20-44.

Zadnikov, S. A. 2014. *Antychnyi keramichnyi import na Bilskomu horodyshchi skifskoho chasu*. Avtoreferat dysertatsii k. i. n. Kyiv.

Ilinskaia, V. A. 1971. *Skifskii period v Dneprovskom lesostepnom Levoberezhe*. Avtoreferat dissertatsii d. i. n. Moskva.

Ilinskaia, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiia VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kashuba, M. T., Vakhtina, M. Iu. 2017. Nekotorye aspekty izucheniia materialov rannego zheleznogo veka iz raskopok Nemirovskogo gorodishcha v Pobuzhe. *Arkheologicheskie vesti*, 23, s. 211-228.

Kovpanenko, H. T. 1967. *Plemena skifskoho chasu na Vorskli*. Kyiv: Naukova dumka.

Korokhina, A. V. 2011. Kulturno-stratyhrafichna sytuatsiia na poselenni Nitsakha v Povorskli. *Materialy ta doslidzhennia z arkheolohii Skhidnoi Ukrainy*, XI, s. 217-227.

Kostenko, V. Yu. 2015. *Arkheolohichni pam'iatky Potrubizhzhia*. Pereiaslav-Khmelnytskyi: Lukashevych O. M.

Liapushkin, I. I. 1961. *Dneprovskoe Lesostepnoe Levoberezhe v epokhu zheleza*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, 104. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Moruzhenko, A. A. 1989. Istoriko-kulturnaia obshchnost lesostepnykh plemen mezhdurechia Dnepra i Dona v skifskoe vremia. *Sovetskaia arkheologiia*, 4, s. 25-40.

Telehin, D. Ya., Diadenko, V. D. 1970. Novi skifski horodyshcha i poselennia na Serednomu Dnipri. *Arkheolohiia*, XXIV, s. 173-175.

Fialko, O. Ye., Boltryk, Yu. V. 2003. *Napad skifiv na Trakhtemyrivske horodyshche*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Sherstiuk, V. V. 2012. Selyshcha Vorsklynskoi hrupy pamiatok skifskoho chasu mizh Pslom ta Vorskloiu u pivdennozakhidnii okruzi Bilskoho horodyshcha. *Fenomen Bilskoho horodyshcha 2012*, s. 47-50.

Shramko, B. A., 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa*. Kharkov: KhGU.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoe gorodishche skifskoi epokhi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, I. B. 2005. Novye dannye o nazemnykh zhilishchakh Dneprovskoi Lesostepi v skifskuiu epokhu. *Drevnosti 2005*, s. 24-34.

Shramko, I. B. 2006. Rannii period v istorii herodotivskoho Helonu (za materialamy rozkopok zolnyka N 5). In: Chernenko, Ye. V. (ed.). *Bilske horodyshche ta yoho okruha (do 100-richchia pochatku polovykh doslidzhen)*. Kyiv: Shliakh, s. 33-56.

Shramko, I. B. 2012. Zolniki Zapadnogo Belskogo gorodishcha: planigrafiia i khronologiia. In: *Slaviane Vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia Ivana Ivanovicha Liapushkina (1902—1968) 3—5 dekabria 2012 g. Sankt-Peterburg*. Sankt-Peterburg: Solo, s. 168-172.

Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2015.Rezultaty arkheolohichnykh doslidzhen kurhanu skifskoho chasu v urochyshcha Marchenky. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha 2014*, s. 56-67.

Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2019. Doslidzhennia rannoskifskoho poselennia Lazkivski stavky 1 ekspedytsiieiu Kharkivskoho universytetu v 2018 rotsi. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha 2018*, s. 78-88.

Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2018. Doslidzhennia poselennia Lazkivski stavky 1 ekspedytsiieiu Kharkivskoho universytetu v 2017 rotsi. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha 2017*, s. 95-125.

Shcherban, A. L. 1998. Pamiatky arkheolohii v okolytsiakh Dykanky. *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1—2, s. 87-89.

Shcherban, A. L. 2002. *Zvit pro arkheolohichni rozvidky v Dykanskomu raioni Poltavskoi obl. v 2002 r*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 2002/130.

D. S. Grechko

SETTLEMENT SYSTEM OF THE DNIEPER LEFT-BANK FOREST-STEPPE OF THE SECOND HALF OF 8th — MIDDLE OF 6th CENTURIES BCE

Dnieper Left-Bank Forest-Steppe region in the Early Iron Age was inhabited in several stages. For the first time, the agricultural population appears in the Zhabotyn period. Settlements that emerged at this time would become the centres of some settlement structures in the Early Scythian period. There are no burial sites of the settled population of Pre-Scythian times in the basin of Vorskla and Psel rivers. The few burials of nomads of Pre-Scythian time are synchronous to this group of settlements with ashhills. These assemblages, except Butenky, have no signs of militarization of the population of the Post-Zrubna culture, which have left in the Forest-Steppe. It's likely that these two groups of populations coexisted peacefully, occupying separate ecological niches.

The development of this population in relatively calm military and political conditions could have caused a demographic explosion and we have developed settlement structure in the middle of 7th century BCE. It represented by «cluster» of settlements with ashhills, which was united by a single burial mound necropolis.

Today, it may be considered densely populated territory between Vorskla and Psel rivers with an agricultural population from the Dnieper Right-Bank region in the Early Scythian time. At that time, nomadic groups are emerging in the region, some of which participated in Asia Minor campaigns. Their burial monuments are mainly identified at the routes of their movement and places of frequent stops (winterings, etc.) — the Sula river region, north-western Vorskla river region (Kup'ievakha, Kolomak). The appearence of the settlement at the place of Western fortification of Bil'sk hillfort Western fortification also connected with the fact that exactly nomads probably chose this strategic place as a wintering at the intersection of communications roads. Thus, the ethnical and cultural history of the Dnieper Left-bank Forest-Steppe of that time connected with close interaction of Vorskla river' farmers with different groups of Iranian-speaking nomads, which were the decisive force in the region and had control over the settled population.

Keywords: Dnieper Left-bank Forest-Steppe, Zhabotyn period, Early Scythian time, settlement system, ashhill, nomads.

Одержано 12.06.2020

ГРЕЧКО Денис Сергійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.

GRECHKO Denys S., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.

ORCID: 0000-0003-3613-795X, e-mail: ukrspadshina@ukr.net.

УДК [904.4:725.182](282.247.32:282.247.36:292.485)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.04

А. А. Крютченко

О ВОЗМОЖНЫХ ВАРИАНТАХ РАЗВИТИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

На основе материалов раскопок, разведок и данных планиграфии реконструированы этапы развития, а также варианты пространственного изменения городищ скифского времени Днепро-Донской Лесостепи. Данное исследование позволяет критически отнестись к существующим моделям классификаций и правомерности их применения в ходе исторических реконструкций.

Ключевые слова: *ранний железный век, скифский период, Днепро-Донская Лесостепь, городища, поселенческая структура.*

Городища, вне зависимости от сложности конфигурации линии укреплений, зачастую воспринимаются исследователями, как единовременно созданный комплекс оборонительных сооружений. Хотя, некоторые предположения о том, что отдельные их части, не имеющие специального «выразительного назначения», были построены в связи с увеличением площади памятника выдвигались и ранее (Фукс 1931, с. 107, 108; Шрамко 1962, с. 188; Моруженко 1968, с. 65—73; 1989, с. 32—62; Либеров 1971; с. 417, Крютченко, Пеляшенко 2012, с. 31). Но этот факт зачастую игнорируется исследователями. Об этом ярко свидетельствуют две наиболее популярные модели построения классификаций городищ — П. Д. Либерова (1971, с. 52—63) и А. А. Моруженко (1969; 1985, с. 160—178), послужившие основой для дальнейших типологических разработок (Гречко 2010, с. 28; Шевченко 2010, с. 40—46; Білинський 2018 и др.) и широких исторических обобщений (Медведев 1999; с. 80, Гречко 2010, с. 104; Шевченко 2010, с. 48 и др.). Основная проблема существующих классификаций заключается в восприятии защитных сооружений как конструкций, сохраняющих первозданный вид на всем периоде своего существования (Крютченко 2019, с. 77).

Серия исследований последних лет позволяет пересмотреть отношение к данной категории поселений, а также наметить ряд принципов их развития. Так, важные результаты удалось получить при раскопках К. Ю. Пеляшенко Циркуновского городища в бассейне Северского Донца. Опираясь на данные стратиграфических разрезов и общей планиграфии, исследователем выделено два больших периода в развитии городища, а также следы действий, связанные с перестройками и эксплуатацией уже существующих укреплений (Пеляшенко, Крютченко 2012, с. 31). Первый этап: строительство на памятнике оборонительных сооружений. Небольшая часть мыса была огорожена с севера земляным валом и рвом. Разрез укреплений показал наличие четырех строительных периодов, каждый из которых составлял основу для следующего. В ходе сооружения вала часть почвы бралась из рва, другая — с внутренней площадки, о чем свидетельствует наличие предваловой выемки, шириной до 3—4 м (рис. 5: 4). Схожую ситуацию удалось проследить А. И. Пузиковой на материале разреза укреплений городища Русская Тростянка в Подонье (Шевченко 2010, рис. 13). Время сооружения первых укреплений Циркуновского городища определено по золистому заполнению выемки, в которой обнаружены материалы начала V в. до н. э. (Пеляшенко, Крютченко 2009, с. 228—230). Более ранних слоев на городище не выявлено.

Кроме того, в стратиграфических разрезах фиксируются неоднократные следы переноса линии обороны. Тут ярким примером может служить ров первого этапа, зафиксированный под южным валом. Здесь прослеживаются два

© А. А. КРЮТЧЕНКО, 2020

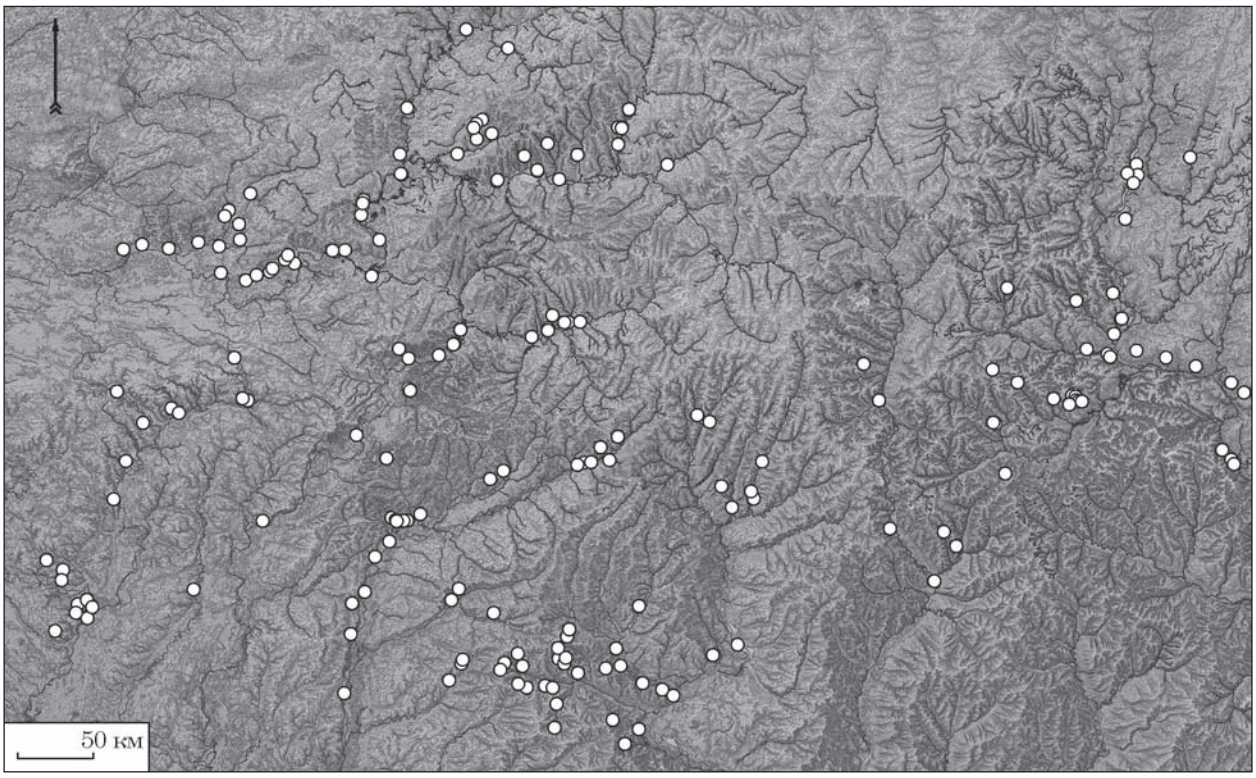


Рис. 1. Карта городищ скифского времени Днепро-Донской лесостепи

строительных периода. Похожую ситуацию мы наблюдаем на Люботинском городище (Шрамко 1998, с. 20—21, рис. 3), где ров трапециевидной формы впоследствии был заменен на подтреугольный (рис. 5: 3). Вполне вероятно, что форма рва в определенной степени зависела от объема и конструктивных особенностей структуры вала. Рядом со рвом функционировал вал, в дальнейшем, при перестройке этой линии укреплений, он был снивелирован. Общая «жилая» площадь «первого городища» составила 1,1 га (рис. 3: 2).

Второй этап: капитальная перестройка городища с увеличением его размеров. Сооружения первого строительного периода были частично нивелированы: ров, отделяющий южную часть мыса, засыпан и на его месте возведен вал, основу которого, составил золистый культурный слой предшествующего хронологического этапа. В северной части ров последнего, четвертого периода, засыпался грунтом, насыщенным бытовыми остатками. Площадка городища была увеличена более чем вдвое — до 2,3 га, новые деревоземляные сооружения кольцевой системы возведены в 100 м к северу (рис. 3: 3). Была искусственно увеличена крутизна склонов мыса. Разрез эскарпа позволил проследить угол искусственно созданного склона городища и профиль рва, а также установить, что по восточному краю городища был построен земляной вал, который в результате природных процессов, сполз вниз. Кроме основной линии укреплений, с напольной стороны построены дополнительные вал и ров небольших размеров. Они проходили на расстоянии 40 м от основного вала, а на концах соединялись с ним, образуя небольшой двор, в рамках которого отсутствует культурный слой. Южный и северный входы городища защищены дополнительной системой валов и рвов. Материалы, обнаруженные в северной части памятника, датируются в пределах конца V—IV вв. до н. э., что позволяет отнести время второго строительного периода не ранее конца V в. до н. э. (Пеляшенко, Крютченко 2009, с. 228—230).

Не менее значимые результаты дали многолетние исследования Бельского археологического комплекса. Он занимает территорию водораздельного плато, между реками Ворскла и Сухая Грунь (приток р. Псел) вокруг села Бельск Котелевского р-а Полтавской обл. Состоит из двух основных укреплений, Западного и Восточного, объединенных общим валом Большого укрепления. На северо-востоке искусственный вал и мысоподобный выступ коренного правого берега р. Ворскла дополнительно усиливают линию обороны, образуя Куземинское укрепление (Крютченко 2019b, с. 58, 59). В середине укрепления прослеживается «Южный вал», на сегодня практически полностью уничтоженный распашкой. Незначительные его отрезки фиксируются между балками Сухой Груни к востоку от Западного укрепления и на юго-восточной окраине с. Бельск. Общая площадь городища составляет 4887,4 га (Западного — более 101 га, Восточного — 86 га и Куземинського — 15 га).

Как показывают результаты раскопок, открытые поселения скифского времени возникают здесь еще во второй половине VIII в. до н. э.

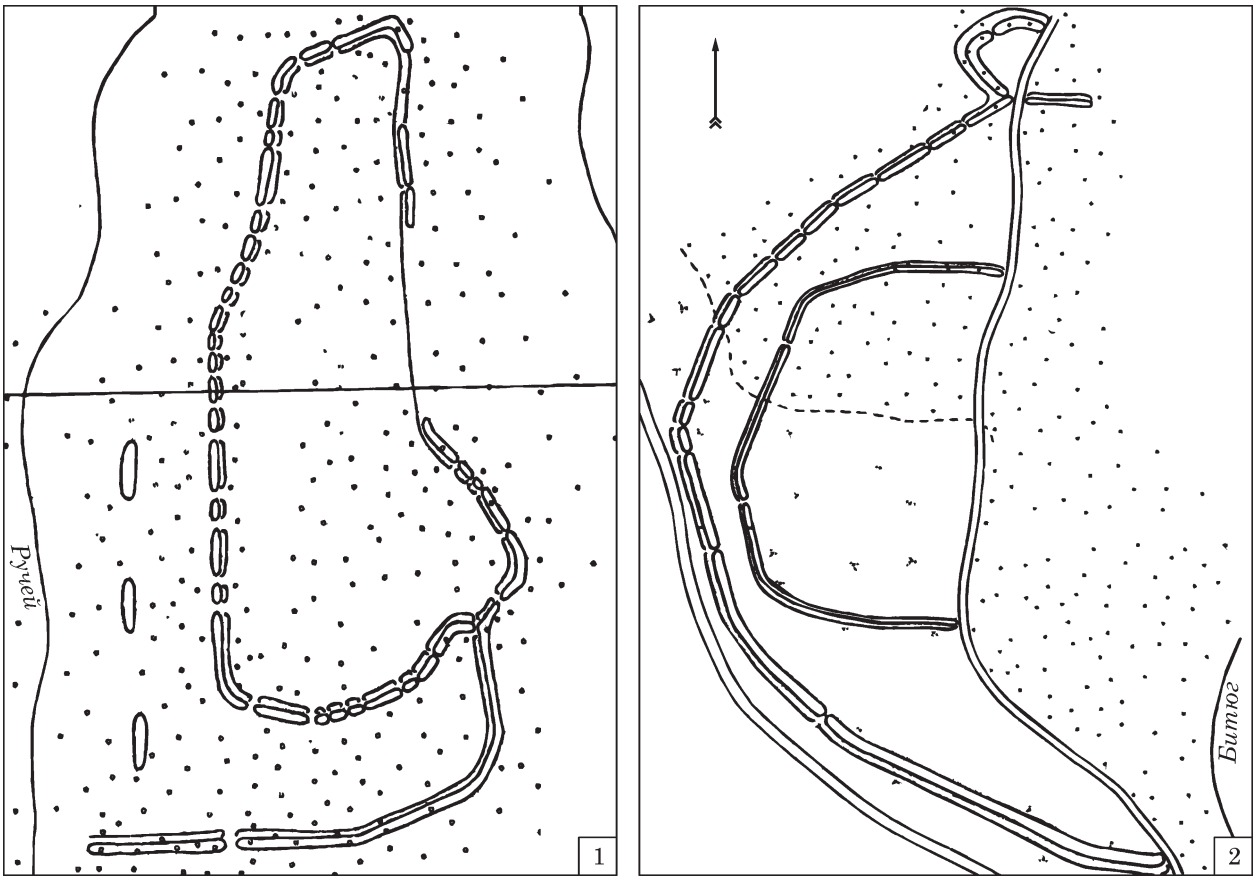


Рис. 2. Городища «загоны для скота»: 1 — Тромбаки (по П. Д. Либерову); 2 — Кудеярово (по А. И. Пузиковой)

(Шрамко 2006, с. 34). В середине — третьей четверти VI в. до н. э. (Гречко, Крютченко, Ржевуська 2018; Крютченко 2019b, с. 59—61) практически одновременно здесь возводится Западное, Восточное, Большое и Куземинское укрепления (рис. 4). В таком виде городище существовало по крайней мере до середины V в. до н. э.

В середине V в. до н. э. зона поселения значительно сократилось, до Восточного укрепления и участка плато ограниченного «Южным валом» (Гречко, Крютченко 2019; Крютченко 2019b, с. 61, 62). Вероятно, в таком виде оно просуществовало до полного упадка произошедшего в конце IV в. до н. э. (Заднiков 2014, с. 14).

На основе приведенных выше материалов многолетних стационарных раскопок в сочетании с отдельными разрезами, а также данными стратиграфии и планировки линий укреплений можно проследить общие тенденции возведения и развития укрепленных поселений на территории Днепро-Донской Лесостепи. Разумеется, мы не исключаем существования локальных различий и особенностей, но общий вектор развития данного типа поселений видятся именно так.

Незначительная доля городищ была возведена путем укрепления более ранних открытых селищ. Об этом свидетельствует наличие мощных культурных напластований, фиксируемых под насыпями валов. Сегодня к данной группе можно с уверенностью отнести Западное укрепление Бельского городища в бассейне р. Псел (Шрамко 2012, с. 5, 6; 2006, с. 33, 34) и городище у села Полковая Никитовка в бассейне Ворсклы (Моруженко 1975, с. 30). Для них характерна значительная площадь (101 и 65 га соответственно), наличие на них зольников — как более ранних, так и синхронных укреплениям, топографическое размещение на плато и простая в плане организации, но внушительная по размерам система обороны, представленная в виде одной замкнутой по периметру линии укреплений состоящей из вала и рва.

Организация обороны широких площадей в условиях минимально возможных природных преград на окраине плато была трудоемким занятием. Возможно, их укрепление указывают на высокий статус и социальную значимость находившихся там прежде открытых селищ. Многое в строении и масштабности отсылает нас к городищам-гигантам Днепровского Правобережья. С определенной долей вероятности, группу в дальнейшем могут пополнить укрепления Стаси (Шерстюк 2016, с. 145—157). К таким фортификациям исследователи относят Люботинское городище (Шрамко 1998, с. 14; Гречко 2010, с. 28—30; Крютченко 2017a, с. 60), однако детальный пересмотр материалов раскопок позволяет мне усомниться в существовании тут открытого поселения до сооружения

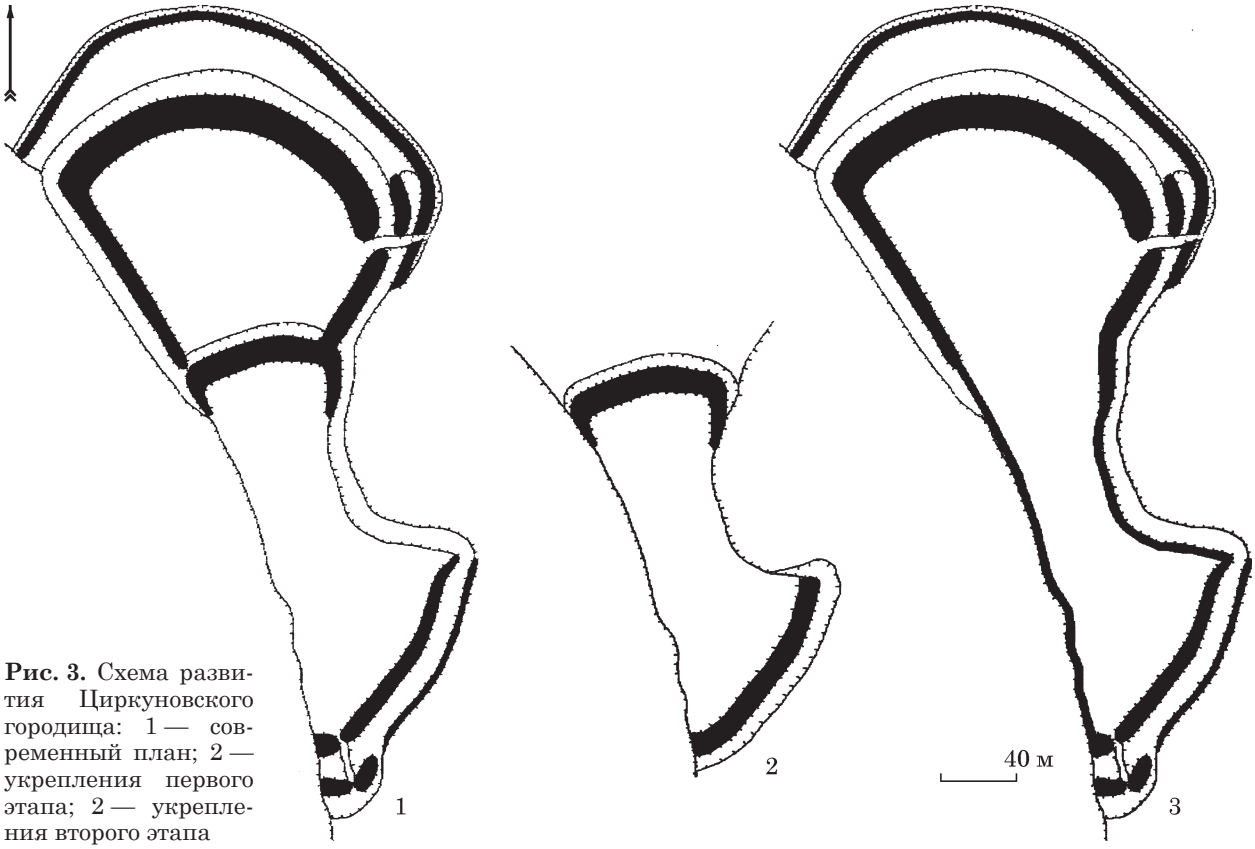


Рис. 3. Схема развития Циркуновского городища: 1 — современный план; 2 — укрепления первого этапа; 2 — укрепления второго этапа

укреплений. Б. А. Шрамко указывает на то, что к моменту возведения «первоначальной ограды» культурный слой не имел каких либо значительных отложений (Шрамко 1998, с. 15); несмотря на большую вскрытую площадь, под валом не обнаружено следов иных сооружений, кроме столбовых конструкций деревоземляной стены (Шрамко 1998, с. 11—21); а слой «перекрывшего ее зольника», вероятно, связан с возведением тут укреплений второго строительного периода, во время которого для насыпки вала использовался грунт с внутренней площадки городища. Не исключено, что золистый слой мог постепенно образоваться в результате подсыпки бытового мусора на внутренний склон вала. Примеры подобной планировки площадки городищ широко известны на ряде других памятников (Пеляшенко 2017, с. 74, 75).

Множественные разрезы оборонительных сооружений не фиксируют наличия под ними культурных отложений. Это дает нам возможность утверждать, что большинство городищ создавалась на необжитых прежде мысах. Комбинация природных и искусственных укреплений создавали вокруг поселения круговую линию обороны. Мы не имеем прямых данных касательно того, как проходил процесс возведения искусственных укреплений, однако серия планиграфических и стратиграфических наблюдений позволяет пролить свет на эту проблему.

Возведение укреплений проходило на отдельных отрезках одновременно по всему периметру оборонительных сооружений. Пример недостроенных городищ законсервировался, как мы видим, на планах ряда укреплений Лесостепного Подонья. Оборонительные сооружения городищ Кудеярово и Тромбаки, укрепления которых будто составлены из значительного числа коротких отрезков, образуемых перемычками в валу и рву (Крютченко 2017b, с. 182). Часть исследователей вслед за П. Д. Либеровым (1971, с. 46) ошибочно воспринимают перемычки в качестве входов на городище. А. А. Шевченко в своей кандидатской диссертации, посвященной городищам скифского времени Подонья, отмечает, что на серии укреплений (указанных выше), связываемых с «городищами-загонами», входы располагались по всему периметру системы обороны (рис. 2). По мнению автора, в случае возникновения военной опасности подобное строение укреплений позволяло значительно ускорить время захода скота внутрь площадки городища. Ввиду этого расположение входов было якобы продиктовано «практическими требованиями скотоводства» (Шевченко 2010, с. 48, 49).

Однако мы уверены, что эти сомнительные «требования скотоводства» не могли идти в разрез с правилами фортификации. Входы в системе укреплений поселений всегда был самым уязвимым местом (Моруженко 1975, с. 133—146). Организация его защиты требовала зачастую значительных дополнительных трудозатрат. Увеличение же их числа до нескольких десятков сводило бы на нет защитные функции предполагаемой конструкции. Если взять во

внимание удаленность этих двух памятников от общего массива городищ региона и практически полное отсутствие на них культурного слоя, то более вероятным представляется, что данные городища попросту не были достроены (Крютченко 2017b, с. 192), оставив нам застывшее свидетельство плана организации строительных работ (Крютченко 2017a).

О том какой была система обороны первых городищ мы можем подчеркнуть из данных о так называемых «городищах-убежищах». Серии укрепленных поселений со слабонасыщенным либо практически отсутствующим культурным слоем. В литературе их традиционно воспринимают как места, созданные в качестве временного убежища для населения окружающих селищ на случай набегов неприятеля или иной военной угрозы. Слабый культурный слой объясняют отсутствием на них постоянной жизнедеятельности (Крютченко 2014, с. 25, 26).

Но, изучая так называемые «городища-убежища» следует учитывать тот факт, что, как и возведение укреплений, поддержка деревоземляных сооружений вала и рва в надлежащем состоянии была довольно трудоемким занятием и требовала больших трудозатрат. Ввиду необходимости охраны поселения как важного стратегического объекта и частых ремонтных работ

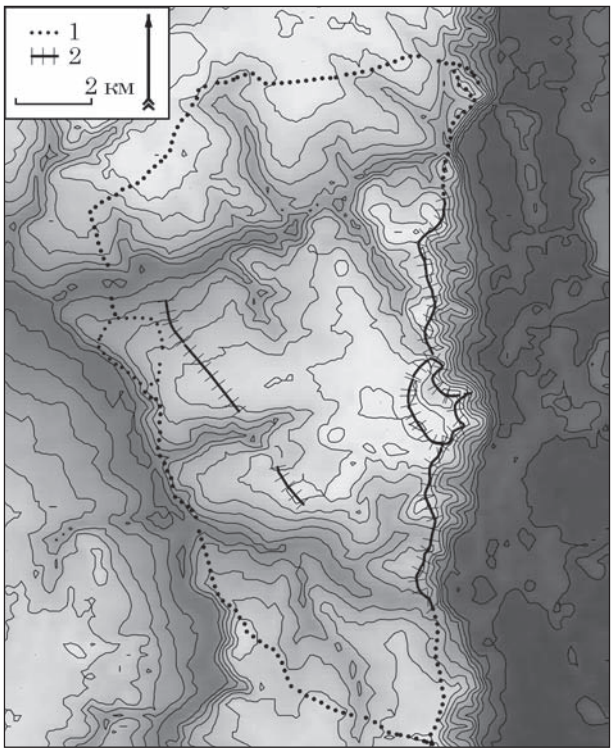


Рис. 4. Схема развития Бельского городища, оборонительные сооружения: 1 — вторая половина VI в. до н. э.; 2 — V в. до н. э.

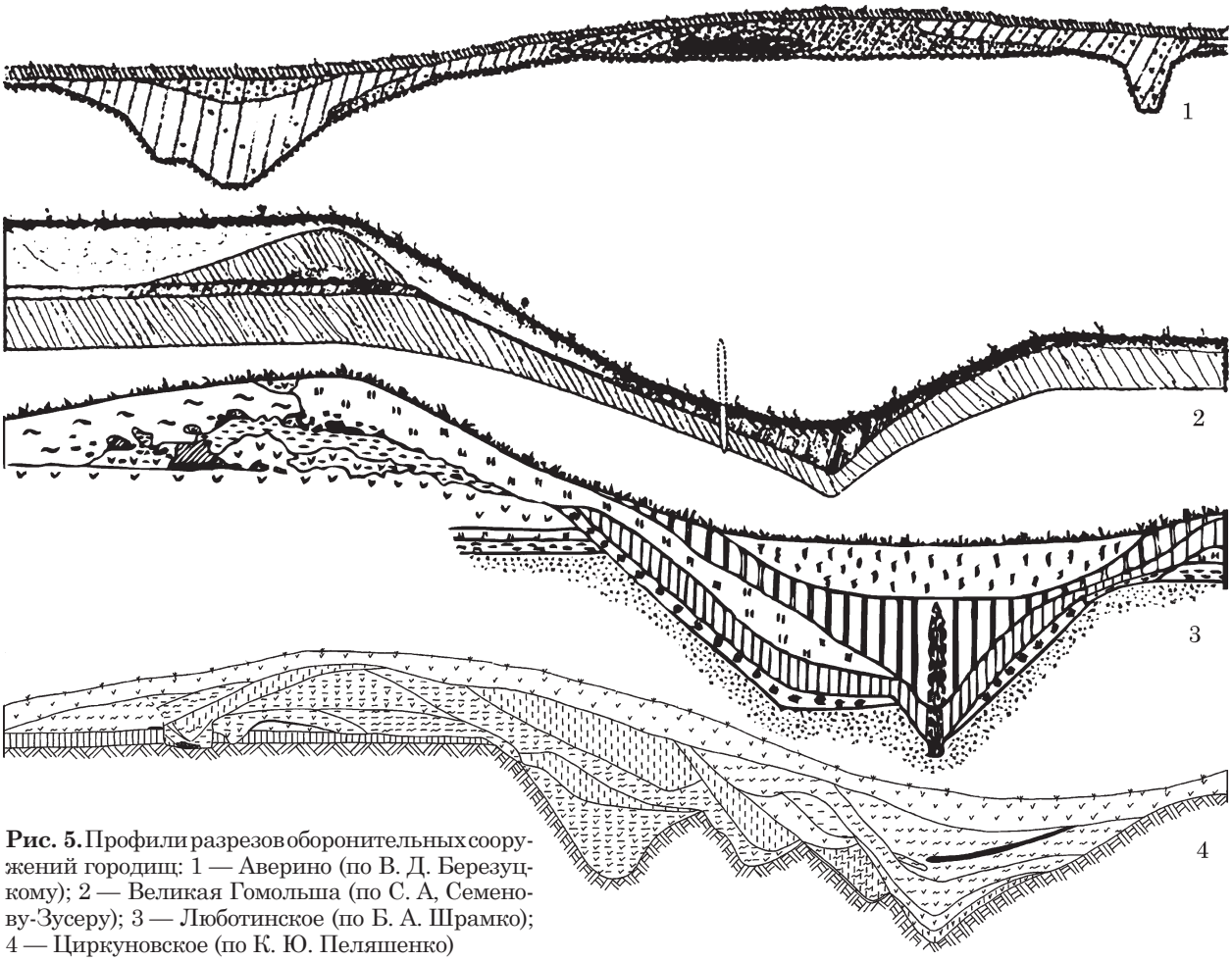


Рис. 5. Профили разрезов оборонительных сооружений городищ: 1 — Аверино (по В. Д. Березуцкому); 2 — Великая Гомольша (по С. А, Семенову-Зусеру); 3 — Люботинское (по Б. А. Шрамко); 4 — Циркуновское (по К. Ю. Пеляшенко)

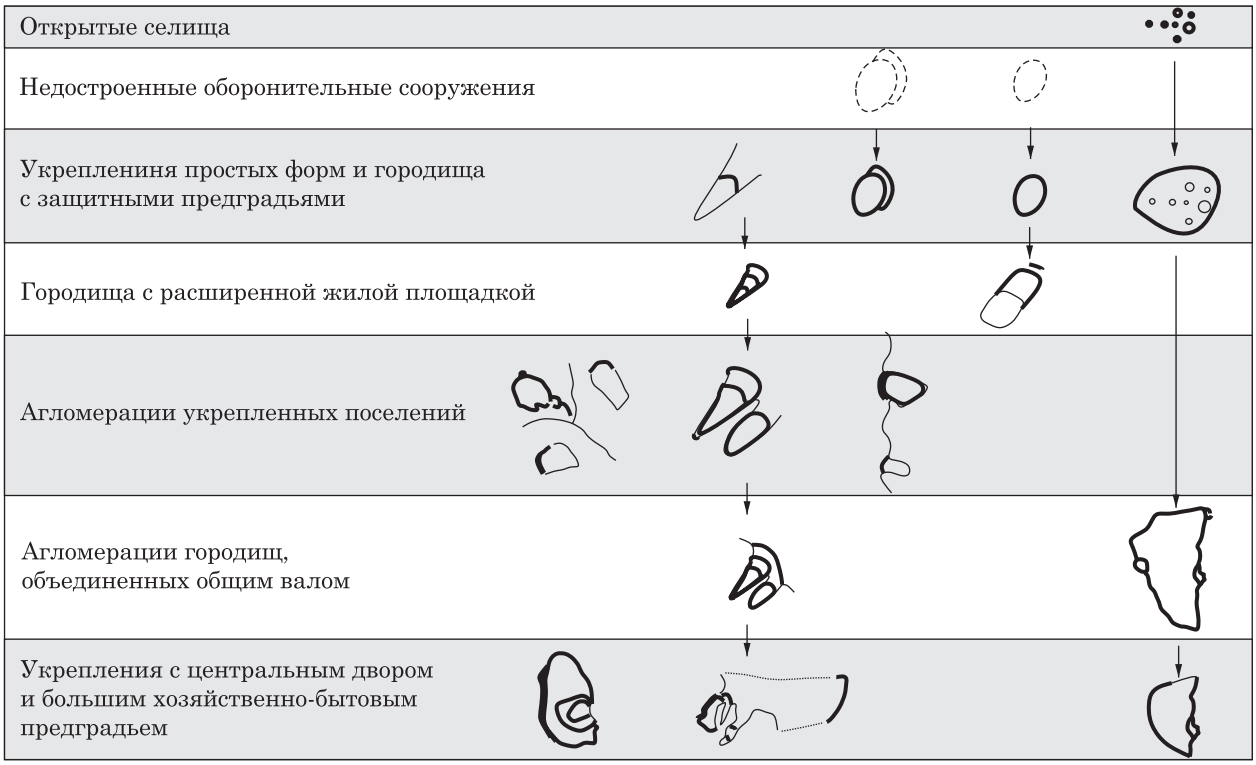


Рис. 6. Основные векторы развития укрепленных поселений

для обеспечения нормального функционирования, на городищах должна была постоянно проживать какая-то часть населения. Слой же мог иметь слабую насыщенность артефактами ввиду короткого периода эксплуатации отдельного конкретного памятника. По моему мнению, именно кратковременное использование городищ обусловило слабую насыщенность на них культурного слоя. Среди данной категории городищ укрепления в плане представлены простыми формами, состоящими из главного двора и редко из предградья, созданного для усиления защиты с напольной стороны. Интересную информацию мы получаем из разрезов оборонительных сооружений памятников «городищ-убежищ». В них прослеживается один строительный период без следов ремонтов и перестройки (рис. 5: 1, 2). Такие «городища-убежища» являются свидетельствами первых фаз развития (становления) укреплений. Построенных и не обжитых, малозаселенных либо частично заселенных, тех памятников, развитие которых прервалось в начале их существования (Шрамко 1962, с. 188; Левинский 2010, с. 60).

Подводя итог описанию данного типа памятников, мы наблюдаем городища простой формы, валы которых созданы в один прием и более не подлежали перестройкам и ремонту. Культурный слой слабо насыщен либо отсутствует вовсе. Все описанные выше свойства, как нельзя лучше подходят для описания памятников, срок эксплуатации которых не был долгим. Таким образом, памятники типа убежищ и запечатлели момент непосредственно после создания на них оборонительной системы.

Часть городищ, жители которых были удовлетворены местоположением и размерами поселения, продолжали существовать в рамках отведенных первоначальной линией укреплений. О чем свидетельствуют данные о перестройке, подчистках и ремонте в рамках одной оборонительной линии, а также материалы раскопок жилой площадки поселения со следами мощных культурных отложений (Шрамко 1998, с. 11—21).

В случае необходимости, поселение могли расширить до пределов размера мыса. Для этого возводили дополнительный двор, что, как правило, достраивался с напольной стороны. При этом старая линия укреплений нивелировалась, экономя площадь внутри поселения (Крютченко 2016, с. 115—119). Традиционно укрепление, примыкающее к первому двору, именуют предградьем. Тут следует указать разницу между предградьем, созданным для усиления обороны напольной части городища, входа либо подхода к источнику воды, и дополнительным двором, увеличивающим жилую площадку городища. В первом случае, оборонительные сооружения предградья не имели в своей основе деревянных элементов и состояли из земляного вала и рва (Крютченко 2016, с. 119, рис. 4; Гавриш 2000, с. 51). По своим объемам они гораздо меньше основной линии. На участке между укреплениями предградья и основной оборонительной линией не фиксируется культурный слой (Крютченко 2016, с. 119, 122, 123). Прослежено три спосо-

ба организации дополнительных предградий. Первый заключается в возведении линии укреплений, идущей параллельно основной на расстоянии от 40 до 120 м. Подобные линии примыкали к основному периметру городища и размещались с напольной стороны либо со стороны пологого склона мыса (Циркуновское городище). Цель такой конструкции, вероятно, заключалась в препятствии быстрой эскаладе основной оборонительной линии, а также защите входов и въездов. Второй способ заключался в создании небольших замкнутых рубежей обороны размещенных на неохваченных площадкой городища участках мыса (городище Токари). С их помощью организовывалась оборона входов. Так, системой из двух—трех таких рубежей, расположенных в виде извилистого коридора, организовывался выход из городища в форме клещей. Либо их сочетание со склоном яра дополнительно усиливало выход к источнику воды. Третий способ заключался в размещении отрезка укреплений из вала и рва непосредственно перед входом на городище, что препятствовало прямой атаке неприятеля на самый слабый участок укрепления (городища Коломак, Грашково).

Иначе обстояло дело с достройкой дополнительного двора. Линия укрепления с напольной стороны выносилась вперед на значительное расстояние, что увеличивало площадь городища. Зачастую, она возводилась более мощной, чем предыдущая (Крютченко 2016, с. 122, 123). Часто новые дворы дополнительно усиливались предградьями. Параллельно с усилением напольной части производилось укрепление оборонительных сооружений вдоль всего периметра городища. Старая напольная линия укреплений после возведения новой утрачивала свое значение, выводилась из эксплуатации и нивелировалась бытовым мусором (Пеляшенко 2017, с. 74, 75). Перспектива увеличения площадки городища, путем достройки дополнительных дворов ограничивалась исключительно размерами и конфигурацией мыса. Прослеживается нежелание древних строителей сильно вдаваться вглубь плато.

Известен также прием увеличения площади укрепленного поселения за счет создания городища спутника на соседнем мысу. Еще в 1930-х гг. Н. К. Фукс подчеркивал тяготение к формированию городищами «пар» (Фукс 1931, с. 106). Картографирование известных городищ дает возможность проследить серию укрепленных поселений, локализующихся на расстоянии пяти километров друг от друга. Название «парные» для данной категории весьма условно, ввиду того на соседних мысах городищ может размещаться три и более (рис. 1). П. Д. Либеров отмечал, что подобные «парные» городища следует воспринимать как «единое целое» (Либеров 1965, с. 8). Пример разрастания укрепленного поселения через освоение соседствующих мысов мы видим на Басовском городище, где население заселив один мыс, колонизировало соседний, а позже созданные в результате парные городища укрепили общим валом и рвом.

Часто наблюдается, что среди «парных» городищ одно имеет хорошо насыщенный культурный слой, который практически отсутствует на втором. По-видимому, те случаи, когда заселенное городище близко соседствует с «городищем-убежищем», говорят о попытке вынести дополнительный двор на соседний мыс, ввиду достижения пределов мыса, обусловленных принципами фортификации и природными факторами. На примере Немировского городища, мы знаем, что в рамках одного поселения небольшая обводненная река может не составлять существенных проблем в организации быта и обороны на двух ее берегах (Дараган и др. 2010, с. 113—115). Так разделенные яром городища у с. Сосонка на Ворскле образуют агломерацию из трех автономных укреплений (Гречко и др. 2016 с. 222—224). В единую группу выделялись городища Мостищенского комплекса (Либеров 1971, с. 48; Винников, Синюк 1990, с. 182, 183). Близость городищ у с. Волошино в Подонье привела П. Д. Либеров к выводу о существовании у них в прошлом общей оборонительной стены (Либеров 1969, с. 5—26).

На Бельском археологическом комплексе ярко прослеживается результат соединения общим валом Большого укрепления, двух автономных, с точки зрения обороны, цитаделей, расположенных по двум сторонам водораздельного плато. В более скромных масштабах мы наблюдаем соединение нескольких укрепленных поселений общей защитной линией на примере городищ Архангельское на Дону и Басовское на Сейме.

Решение о расширении городища на соседний мыс получило особое распространение в группе Посейминских и Подонских памятников. Тут изрезанный рельеф образует зачастую лишь небольшие по площади мысы, а средний размер городищ не превышает 1—2 га (Шевченко 2010, с. 37, табл. 6, Білинський 2018, рис. 1). Сам рельеф местности вынуждал население решать проблему с дефицитом городищенских площадок необходимой площади.

В позднескифский период на территории Днепро-Донской Лесостепи появляется новый, по принципу организации, тип памятников. Это городища, состоящие из детинца и большого хозяйственно-бытового двора. Примером подобных памятников могут служить Городище у хутора Городище (Окатенко 2018), Басовское (Болтрик, Фиалко 1995. с. 40—43) и Бельское (на позднем этапе) (Крютченко 2019 а). Главный двор такого поселения был хорошо укреплен и содержал слои, указывающие на активную жизнедеятельность на его территории, к нему примыкало крупное предградье площадью в разы больше главного двора. Тут культурный слой фиксируется небольшими очагами, что указывает на использованье лишь малой части их территории.

Формирование подобных структур было результатом расширения укрепления из небольших мысовых фортификаций, как в случае с Басовским городищем, постройки поселения по изначально заданной конфигурации — городище у хутора Городище, а также результатом сокращения более крупного поселения, как в случае с Бельским городищем.

Таким образом, укрепления со слабым либо отсутствующим культурным слоем («убежища» и «загоны для скота») отражают первые этапы существования городищ. В процессе длительной эксплуатации укрепленного поселения росла насыщенность культурного слоя. Для увеличения площади поселения дополнительно достраивались укрепленные дворы. Естественной границей для расширения территории городища был контур мыса. При этом старая линия укреплений нивелировалась, экономя площадь внутри поселения. Вторым вариантом увеличения было создания неподалеку парного укрепления. Позже такие агломерации могли быть соединены общим валом.

ЛИТЕРАТУРА

Білинський, О. О. 2013. Нові матеріали з Басівського городища на Посуллі. *Магістеріум. Археологічні студії*, 53, с. 28-32.

Білинський, О. О. 2018. Городища скіфського часу в Дніпровському Лівобережному Лісостепу: загальна характеристика, каталог, типологія. *Археологія і давня історія України*, 1 (26), с. 213-234.

Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е. 1995. Басовское городище — центр Посульского узла памятников эпохи раннего железа. *Древности 1995*, с. 40-43.

Гавриш, П. Я. 2000. *Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського лівобережжя (за матеріалами Припсілля)*. Полтава: Археологія.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАН України.

Гречко, Д. С., Берест, Ю. М., Коротя, О. В., Осадчий, Є. М., Крютченко, О. О. 2016. Археологічні розвідки на Сумщині у 2015 р. *Археологічні дослідження Більського городища 2015*, с. 210-231.

Гречко, Д. С., Крютченко, О. О., Ржевуська, С. С. 2018 Археологічні дослідження Більського археологічного комплексу у 2017 році. *Археологічні дослідження Більського городища 2017*, с. 61-68.

Гречко, Д. С., Крютченко, О. О. 2019. Дослідження «Південного» валу Більського городища у 2018 році. *Археологічні дослідження Більського городища 2018*, с. 42-73.

Дараган, М. Н., Разумов, С. Н., Снытко, Н. И., Бондарь. К. М., Вершило, И. В. 2010. Пространственное изучение Немировского городища. *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.*, с. 113-115.

Задніков, С. А. 2014. *Античний керамічний імпорт на Більському городищі скіфського часу*: Автореферат дисертації к. і. н. ІА НАН України.

Крютченко О. О., Пеляшенко К. Ю. 2012. Этапы фортификационного строительства на Циркуновском городище. В: *Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Межнународной научной конференции. 9—10 ноября 2012 г.* Харьков: НТМТ, с. 31.

Крютченко, А. А. 2012. Динамика развития Циркуновского городища скифского времени (в свете изучения оборонительных сооружений). В: *VII Межвузовская археологическая конференция студентов и аспирантов Юга России. Тезисы докладов, 26—28 ноября 2012 года*. Ростов-на-Дону, с. 72-74.

Крютченко, А. А. 2014. О городищах-убежищах в бассейне р. Северский Донец. В: *Проблемы истории и археологии Украины: Материалы IX Международной научной конференции, 30—31 октября 2014 г.* Харьков: НТМТ, с. 25-26.

Крютченко, О. О. 2016. Захисні споруди Циркунівського городища скіфського часу. *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 114-123.

Крютченко, О. О. 2017a. Працезатрати на зведення лісостепових городищ скіфського часу. *Магістеріум*, 67: Археологічні студії, с. 60-65.

Крютченко, А. А. 2017b. Городища-убежища скифского времени ДнепроДонской лесостепи. *Revista Arheologică*, XIII, 1—2), с. 181-196.

Крютченко, А. А. 2019a. Вариант систематизации городищ скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья, *Археологія і давня історія України*, 2 (31), с. 76-82.

Крютченко, О. О. 2019 b. Нові дослідження захисних споруд Більського городища. *Археологія*, 3, с. 55-64.

Левинский, Б. А. 2010. История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI — вторая половина IV в. до н. э.). *Stratum plus*, 3, с. 15-115.

Либеров, П. Д. 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. *Археология СССР. Свод археологических источников*, Д 1-31, с. 5-111.

Либеров, П. Д. 1969. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 151, с. 5-26.

Либеров, П. Д. 1971. *Древняя история населения Подонья. Рукопись докторской диссертации*. Диссертация к. и. н. ИА АН СССР.

Медведев, А. П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья: археология и этнокультурная история і тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Моруженко, А. О. 1969. Городища скіфського часу на території лісостепу Східної Європи. *Вісник ХДУ*, 33, 3, с. 65-73.

Моруженко, А. О. 1975a. Оборонні споруди Немирівського городища. *Археологія*, 15, с. 66-70.

Моруженко, А. А. 1975b. Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 133-146.

Моруженко, А. А. 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья в VII—III вв. до н. э. *Советская археология*, 1, с. 160-178.

Моруженко, А. А. 1989. *История населения лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время*: Автореферат диссертации к. і. н. ИА НАН Украины.

Окатенко, В. М. 2018. Фортеця скіфської доби в урочищі Городище на Харківщині: інтерпретація та перспективи дослідження. *Вісник ХНУ. Серія «Історія»*, 54, с. 220-232.

Пеляшенко, К. Ю., Крютченко, О. О. 2009. Дослідження на городищі скіфського часу біля с. Циркуни на Харківщині у 2008 р. *Археологічні дослідження в Україні 2008 р.*, с. 228-230.

Пеляшенко К. 2017. Про деякі особливості планування городищ скіфського часу в Дніпро-Донецькому лісостепу. В: *Збірник матеріалів VII Всеукраїнської науково-практичної конференції*. Кам'янець-Подільський: Буйницький О. А., с. 74-75

Пузикова, А. И. 1969. Поселения Среднего Дона. Население Среднего Дона в скифское время. *Ма-*

териалы и исследования по археологии СССР, 151, с. 41-81.

Синюк, А. Т., Березуцкий В. Д. 2001. *Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век)*. Воронеж: ВГПУ.

Скорий, С. А., Білозор, В. П., Супруненко, О. Б., Кулатова, І. М. 2020. *Селища скіфського часу в системі Великого укріплення Більського городища*. Харків: Майдан.

Фукс, М. 1931. Про городища скитської доби на Харківщині. *Записки Всеукраїнського археологічного комітету*, 1, с. 91-111.

Шевченко, А. А., 2010. *Городища скифского времени на территории Среднего Дона (как исторический источник)*. Диссертация к. и. н. ИА РАН.

Шерстюк, В. В. 2016. Стасівське городище скіфського часу. *Феномен Більського городища 2016*, с. 145-157.

Шрамко, Б. А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*. Харьков: Регион-информ, с. 9-131.

Шрамко, І. Б. 2006. Ранній період в історії геродотовського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5). В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Більске городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 33-56.

Шрамко, И. Б. 2012. Бельское городище — крупнейший поселенческий комплекс Лесостепной Скифии. *Феномен Більського городища*, с. 5-8.

REFERENCES

Bilynskyi, O. O. 2013. Novi materialy z Basivskoho horodyshcha na Posulli. *Mahisterium. Arkheolohichni studii*, 53, s. 28-32.

Bilynskyi, O. O. 2018. Horodyshcha skifskoho chasu v Dniprovskomu Livoberezhnomu Lisostepu: zahalna kharakterystyka, kataloh, typolohiia. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 1 (26), s. 213-234.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E. 1995. Basovskoye gorodishche — tsentr Posulskogo uzla pamyatnikov epokhi rannego zheleza. *Drevnosti 1995*, s. 40-43.

Havrysh, P. Ya. 2000. *Plemena skifskoho chasu v lisostepu Dniprovskoho livoberezhzhia (za materialamy Prypsillia)*. Poltava: Arkheolohiia.

Hrechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Hrechko, D. S., Berest, Yu. M., Korotia, O. V., Osadchyi, Ye. M., Kriutchenko, O. O. 2016. Arkheolohichni rozvidky na Sumshchyni u 2015 r. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha 2015*, s. 210-231.

Hrechko, D. S., Kriutchenko, O. O., Rzhevuska, S. S. 2018 Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho arkheolohichnoho kompleksu u 2017 rotsi. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha 2017*, s. 61-68.

Hrechko, D. S., Kriutchenko, O. O. 2019. Doslidzhennia «Pivdennoho» valu Bilskoho horodyshcha u 2018 rotsi. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha 2018*, s. 42-73.

Daragan, M. N., Razumov, S. N., Snytko, N. I., Bondar, K. M., Vershilo, I. V. 2010. Prostranstvennoye izucheniye Nemirovskogo gorodishcha. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009 r.*, s. 113-115.

Zadnikov, S. A. 2014. *Antychnyi keramichnyi import na Bilskomu horodyshchi skifskoho chasu*: Avtoreferat dysertatsii k. i. n. IA NAN Ukrainy.

Kryutchenko, O. O. Pelyashenko, K. Yu. 2012. Etapy fortifikatsionnogo stroitelstva na Tsirkunovskom gorodishche. In: *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy: Materialy VIII Mezhnunarodnoy nauchnoy konferentsii. 9—10 noyabrya 2012 g*. Kharkov: NTMT, s. 31.

Kryutchenko, A. A. 2012. Dinamika razvitiya Tsirkunovskogo gorodishcha skifskogo vremeni (v svete izucheniya oboronitelnykh sooruzheniy). In: *VII Mezhvuzovskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i aspirantov Yuga Rossii. Tezisy dokladov. 26—28 noyabrya 2012 goda*. Rostov-na-Donu, s. 72-74.

Kryutchenko, A. A. 2014. O gorodishchakh-ubezhishchakh v basseyne r. Severskiy Donets. In: *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy: Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 30—31 oktyabrya 2014 g*. Kharkov: NTMT, s. 25-26.

Kriutchenko, O. O. 2016. Zakhysni sporudy Tsyrkunivskoho horodyshcha skifskoho chasu. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (19), s. 114-123.

Kriutchenko, O. O. 2017a. Pratsezatraty na zvedennia lisostepovykh horodyshch skifskoho chasu *Mahisterium*, 67: Arkheolohichni studii, s. 60-65.

Kryutchenko, A. A. 2017b. Gorodishcha-ubezhishcha skifskogo vremeni Dnepro Donskoy lesostepi. *Revista Arheologică*, XIII, 1—2, s. 181-196.

Kryutchenko, A. A. 2019a. Variant sistematizatsii gorodishch skifskogo vremeni Dnepro-Donskogo lesostepnogo mezhdurechia. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (31), s. 76-82.

Kriutchenko, O. O. 2019b. Novi doslidzhennia zakhysnykh sporud Bilskoho horodyshcha. *Arkheolohiia*, 3, s. 55-64.

Levinskiy, B. A. 2010. Istoriya getov v lesostepi Yugo-Vostochnoy Evropy (konetsVI — vtoraya polovina IV v. do n. e.). *Stratum plus*, 3, s. 15-115.

Liberov, P. D. 1965. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*, D 1-31, s. 5-111.

Liberov, P. D. 1969. Problema budinov i gelonov v svete novykh arkheologicheskikh dannykh. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 151, s. 5-26.

Liberov, P. D. 1971. *Drevnyaya istoriya naseleniya Podonia. Rukopis doktorskoy dissertatsii*. Dissertatsiya k. i. n. IA AN SSSR.

Medvedev, A. P. 1999. *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo podonia: arkheologiya i etnokulturnaya istoriya i tysyacheletiya do n. e.* Moskva: Nauka.

Moruzhenko, A. O. 1969. Horodyshcha skifskoho chasu na terytorii lisostepu Skhidnoi Yevropy. *Visnyk HDU*, 33, 3, s. 65-73.

Moruzhenko, A. O. 1975a. Oboronni sporudy Nemyrivskoho horodyshcha. *Arkheolohiia*, 15, s. 66-70.

Moruzhenko, A. A. 1975b. Oboronitelnyye sooruzheniya gorodishch Povorsklia v skifskuyu epokhu. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiy mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 133-146.

Moruzhenko, A. A. 1985. Gorodishcha lesostepnykh plemen Dnepro—Donskogo mezhdurechia v VII—III vv. do n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 160-178.

Moruzhenko, A. A. 1989. *Istoriya naseleniya lesostepnogo mezhdurechia Dnepra i Dona v skifskoye vremya*: Avtoreferat dissertatsii k. i. n. IA NAN Ukrainy.

Okatenko, V. M. 2018. Fortetsia skifskoi doby v urochyshchi Horodyshche na Kharkivshchyni: interpretatsiia ta perspektyvy doslidzhennia. *Visnyk HNU. Seriia «Istoriia»*, 54, s. 220-232.

Peliashenko, K. Yu., Kriutchenko, O. O. 2009. Doslidzhennia na horodyshchi skifskoho chasu bilia s. Tsyrkuny na Kharkivshchyni u 2008 r. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2008 r.*, s. 228-230.

Peliashenko, K. 2017. Pro deiaki osoblyvosti planuvannia horodyshch skifskoho chasu v Dnipro-Donetskomu lisostepu. In: *Zbirnyk materialiv VII Vseukrainskoi naukovo-praktychnoi konferentsii*. Kamianets-Podilskyi: Buinytskyi O. A., s. 74-75.

Puzikova, A. I. 1969. Poseleniya Srednego Dona. Naseleniye Srednego Dona v skifskoye vremya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 151, s. 41-81.

Sinyuk, A. T. Berezutskiy, V. D. 2001. *Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (epokha bronzy — ranniy zheleznyy vek)*. Voronezh: VGPU.

Skoryi, S. A., Bilozor, V. P., Suprunenko, O. B., Kulatova, I. M. 2020. *Selyshcha skifskoho chasu v systemi Velykoho ukriplennia Bilskoho horodyshcha*. Kharkiv: Maidan.

Fuks, M. 1931. Pro horodyshcha skytskoi doby na Kharkivshchyni. *Zapysky Vseukrainskoho arkheolohichnoho komitetu*, 1, s. 91-111.

Shevchenko, A. A., 2010. *Horodyshcha skyfskoho vremeny na terrytoryy Sredneho Dona (kak ystorycheskyi ystochnyk)*. Dyssertatsiia k. i. n. IA RAN.

Sherstiuk, V. V. 2016. Stasivske horodyshche skifskoho chasu *Fenomen Bilskoho horodyshcha 2016*, s. 145-157.

Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa*. Kharkov: KhGU.

Shramko, B. A. 1998. Lyubotinskoye gorodishche. In: Buynov, Yu. V. (ed.). *Lyubotinskoye gorodishche*. Kharkov: Region-inform, s. 9-131.

Shramko, I. B. 2006. Rannii period v istorii herodotovskoho Helonu (za materialamy rozkopok zolnyka N 5). In: Suprunenko, S. O. (ed.). *Bilske horodyshche ta yoho okruha (do 100-richchia pochatku polovykh doslidzhen)*. Kyiv: Shliakh, s. 33-56.

Shramko, I. B. 2012. Belskoye gorodishche — krupneyshiy poselencheskiy kompleks Lesostepnoy Skifii. *Fenomen Bilskogo gorodishcha*, s. 5-8.

O. O. Kriutchenko

PRESUMABLE VARIANTS OF THE DEVELOPMENT OF FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE DNIEPER-DON FOREST-STEPPE IN THE SCYTHIAN AGE

The intensive constructing of fortified settlements has turned the Dnieper-Don forest-steppe into a huge building site since the second half of the 6th century BCE. Mass development of fortifications has begun. Despite the local features related with topography and the availability of building materials, it is possible to distinguish some common vectors.

The hillforts are traditionally perceived by researchers as static structures that have «frozen» in their original forms. Recent archaeological researches on the Tsyrkuny, Bilsk and Mokhnach hillforts in the Forest-Steppe, confirmed by the series of planographic observations on the other sites, allow us to classify some features of the development of fortified settlements.

On the one hand, hillforts are formed on the basis of the unfortified settlements. Another part was initially built as fortification. Simple forms of defensive structures and poorly saturated cultural layer are the characteristic features of the fortifications of so-called «shelter-fortresses». The review of the sources allowed us to say that these sites are hillforts which, for some unknown reasons, were not settled down, capturing the first stage of the existence of fortifications, and their specific cultural layer cannot be the evidence of their belonging to certain cultural and economic type.

The series of cross-sections of fortifications indicated the traces of restructuring and repairing of individual defensive lines throughout the entire period of their use. There are examples of expanding the area of the hillfort due to constructing of the new defensive structure as an extension of the main line or the creation of the fortification on the next cape that could be united by the common rampart. Also are known the examples of the special reduction of the area of hillfort. Similar situation is observed at the last stage of the Bilsk archaeological complex.

In the Late Scythian period, a new type of monuments appeared on the territory of the Dnieper-Don Forest-Steppe, fortifications consisting of the acropolis (central fortified part) and large household yard.

The current research allows to critically evaluate the popular models of classifications and the validity of their application for historical reconstructions.

Keywords: Early Iron Age, Scythian period, Dnieper-Don forest-steppe, hillfort, settlement structure.

О. О. Крютченко

ПРО МОЖЛИВІ ВАРІАНТИ РОЗВИТКУ УКРІПЛЕНИХ ПОСЕЛЕНЬ СКІФСЬКОГО ЧАСУ ДНІПРО-ДОНСЬКОГО ЛІСОСТЕПУ

З другої половини VI ст. до н. е. масштабне будівництво укріплених поселень перетворили Дніпро-Донський Лісостеп у величезний будівельний майданчик. Розпочалося масове зведення фортифікацій.

Незважаючи на локальні особливості, пов'язані з місцевою топографією і наявністю матеріалу, можна простежити деякі спільні вектори розвитку цих укріплених поселень.

Оборонні споруди традиційно сприймаються дослідниками як статичні структури, що фактично заморожені в їх початкових формах. Археологічні дослідження останніх років на Циркунівському та Більському укріпленнях в Лісостепу, доповнені серією планиграфічних спостережень на інших пам'ятках, дозволяють простежити деякі особливості розвитку укріплених поселень.

Частина укріплень формується на основі раніше існуючих відкритих поселень. Інші з самого початку спорудили як укріплені фортеці. Перегляд даних про «городища-сховища» дозволяє сказати, що ці пам'ятники з невідомих причин не використовувалися. Вони немов відкарбували на собі перший етап існування укріплень, а їх слабкий культурний шар не може бути свідченням їх належності до певного культурно-господарчого типу.

Низка фортифікаційні розрізів вказує на сліди реконструкції та ремонту окремих оборонних ліній протягом всього часу їх вжитку. Дані про такі зміни, поєднані з матеріалами розкопок житлових майданчиків, дають нам можливість надати приклади розширення площі фортифікацій, додавши нову лінію оборони як продовження споруди або створення її на сусідньому мисі. Останній, ймовірно, міг бути об'єднаний на пізніх етапах спільним валом. Існують також приклади навмисного зменшення площі фортифікацій. Подібна ситуація простежена на останньому етапі існування Більської фортеці. На пізньому етапі з'явився новий вид пам'яток — укріплення, що складаються з акрополя і великого побутового двору.

Це дослідження дає можливість надалі бути більш критичними при використанні існуючих моделей класифікації в історичних реконструкціях.

Ключові слова: доба раннього заліза, скіфський час, Дніпро-Донський лісостеп, оборонні споруди, поселенська структура.

Одержано 29.05.2020

КРЮТЧЕНКО Олексій Олександрович, кандидат історичних наук, молодший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.

KRIYTCHENKO Oleksij O., Candidate of Historical Sciences, Research Officer, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210,Ukraine.

ORCID: 0000-0001-8518-4168, e-mail: spg9m@ukr.net.

УДК 904.5(477-15)"-4/-3" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.05

С. В. Полин, М. Н. Дараган

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ТИП СКИФСКИХ КАТАКОМБ V—IV вв. до н. э. В СТЕПНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В работе публикуется серия скифских погребений в особого типа катакомбах, имеющих исключительно вертикальную планировку, в котором небольших размеров овальная или прямоугольная входная яма расположена непосредственно над большой овальной или прямоугольной камерой, в которую переходит, постепенно расширяясь по длине (иногда и по ширине) по мере углубления. Всего в степной Скифии выявлено 25 таких погребений. Проанализирована социальная принадлежность и половозрастной состав погребенных в таких катакомбам, сопровождающий их инвентарь и хронология. Предполагается связь этих катакомб с определенной группой скифского населения в Крыму и в Нижнем Поднепровье, что связано с сезонными перекочевками.

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, скифы, погребальный обряд, катакомба, хронология.*

При подготовке к изданию материалов раскопок скифских курганов Каховской-Херсонской экспедиции А. М. Лескова в 1968—1972 гг. наше внимание привлек довольно необычный тип погребального сооружения в нескольких курганах левобережной Херсонщины. Если все многочисленные типы скифских катакомб и их разновидности в Северном Причерноморье имеют вертикально-горизонтальную планировку, где входная яма имеет вертикально-горизонтальную, а дромос (дромосы) и катакомба (катакомбы), с нею связанные, имеют исключительно горизонтальную планировку, то ряд вызвавших наш интерес погребений отличается исключительно вертикальной планировкой. В этих погребениях небольших размеров овальная или прямоугольная входная яма расположена непосредственно над большой овальной или прямоугольной камерой, в которую переходит, постепенно расширяясь по длине (иногда и по ширине) по мере углубления.

В этих случаях мы имеем катакомбы принципиально иной конструкции, который мы определяем как «вертикальный тип скифской катакомбы» или «катакомба вертикального типа». Такие катакомбы не могли быть учтены в типологии скифских катакомб Б. Н. Гракова (Граков 1964, с. 120—124), поскольку на то время такие катакомбы не были известны. Отсутствуют они также и в типологии скифских катакомб В. С. Ольховского (Ольховский 1977, с. 108—112, рис. 2), что непонятно, поскольку автор обработал материалы скифских могильников из раскопок А. М. Лескова у сс. Любимовка и Вильна Украина и не мог их не видеть. Не попали они и в его типологию скифских погребальных ям (Ольховский 1991, с. 17—26, 189, 206, № 120—123, 126, 127), в качестве которых мог бы рассматриваться вертикальный тип скифских катакомб по формальному сходству с колоколовидными зерновыми ямами с вертикальными катакомбами в разрезе, но не в планировке [1]. По каким-то причинам эти погребальные сооружения не привлекли внимания исследователя и мы восполним этот пробел.

В материалах Каховской — Херсонской экспедиции А. М. Лескова 1968—1972 гг. имеется 6 таких погребений (№ 1—6 таблицы). Позднее в Нижнем Поднепровье были открыты еще 5 аналогичных погребений (№ 7—11). Еще 1 пог-

1. Зерновые ямы имеют круглое входное отверстие и круглое же дно, в отличие от вертикальных скифских катакомб, где входные ямы овальные или прямоугольные широтной ориентации, а донная часть преобразуется в большую овальную или прямоугольную камеру той же формы и ориентации.

© С. В. ПОЛИН, М. Н. ДАРАГАН, 2020

Сводная таблица вертикальных катакомб в скифских кургана V—IV вв. до н. э. в степном Причерноморье (нумерацию см. по тексту)

№	Размеры, м			Пол, возраст *	Инвентарь **	Датировка, в. до н. э.	Ограбление
	Входная яма	Камера	Глубина				
1	1,2 × 1,0	2,9 × 1,4	3,05	Ж, возмужалая	Нож, копье, скифос	1-я пол. IV	+
2	1,6 × 1,2	2,7 × 1,3	2,05	Ж	Бусы, серьга	1-я пол. IV	+
3	1,1 × 0,9	2,7 × 1,0	2,3	?	Ф-т сосуда леп., КЖ	1-я пол. IV	+
4	1,4 × 1,0	2,7 × 1,4	2,45	Ж	Скифос, КЖ, перстень Au, нож, пряслице, зеркало	2-я четв. IV	—
5	1,0 × 1,0	2,9 × 1,8	2,7	Ж	Зеркало, нож, 19 стрел, бусы, дротик, КЖ	1-я пол. IV	+
6	1,7 × 0,6	2,3 × 0,75	2,1	2 Р	КЖ	1-я пол. IV	—
7	1,3 × 0,7	1,65 × 1,2	1,2	Ж, 12—14	Нож, бусы	1-я пол. IV	—
8	1,4 × 0,8	2,55 × 1,2	2,1	М, 25—30	КЖ, нож, дер. сосудик, копье и дротик, ворварка, 92 стрелы, поножи	кон. V — не позднее нач. IV	—
9	2,3 × 1,2	2,5 × 1,35	2,1	?	КЖ	IV	+
10	1,8 × 0,9	2,55 × 1,25	2,0	Ж	КЖ и нож, ч/лак. чаша, ожерелье Au, пряслице	1-я четв. IV	—
11	1,5 × 0,6—0,9	1,9 × 0,9—1,15	1,5	Ж	КЖ, сера (?), нож, стержень Fe, бусы стекл., пряслице	IV	—
12	2,2 × 1,05	2,6 × 1,45	2,4	Ж?	КЖ, нож, 2 стрелы, ч/лак. чашечка, галька	1-я пол. — сер. IV	—
13	2,0 × 0,7	2,4 × 1,65	2,0	М + Ж	М: копье, КЖ, нож, накл. Au на дер. чашу, 22 стрелы; Ж: серьга Au, бусы стекл., зеркало, сосуд леп., КЖ, нож, ч/лак. солонка, кост. накладки на шкатулку, копье, 47 стрел	2—3-я четв. V	—
14	1,8 × 1,0	2,2 × 1,45	1,5	М + Ж + Р	КЖ, нож, бусина стекл., стрела	ок. руб. V/IV	—
15	1,8 × 0,8	2,0 × 1,0	1,5	М	Чаша дер., КЖ, нож, 26 стрел	2-я пол. V — 1-я пол. IV	—
16	2,2 × 0,5	2,6 × 0,9	1,5	М + 2?	Сосуд леп., КЖ, нож, 22 стрелы	2-я пол. V — нач. IV	—
17	1,1 × 0,6	1,4 × 0,8	1,5	Р	Кувшинчик	IV — нач. III	—
18	2,0 × 1,2	2,2 × 1,4	1,0	?	КЖ, сосуд леп.	IV	+
19	1,5 × 0,6	2,1 × 0,8	2,0	М	2 копья, кувшин гон., КЖ, нож, 50 стрел	1-я пол. — сер. V	—
20	0,9 × 0,5	2,1 × 1,0	2,2	Ж	Сосуд леп., КЖ, нож, 26 стрел, пряслице, амфора	конец V	—
21	1,1 × 0,5	2,0 × 1,4	1,4	Ж	КЖ, нож, пряслице, сосуд леп.	1-я пол. V	—
22	1,8 × 1,0	2,5 × 1,0	2,5	Ж	Бусы, пряслице	IV	—
23	1,5 × 0,9	2,2 × 1,4	2,0	2 Ж	КЖ, нож, ч/лак. канфар, сосуд леп., пряслице	2-я четв. IV	—
24	2,2 × 1,1	2,6 × 1,7	1,7	5 ?	17 стрел, пряслице, предмет Fe	IV	—
25	1,6 × 0,6	1,95 × 1,15	1,2	Ж	Серьга, бусы стекл., скрепа Fe, каури, зеркало, чаша дер., сосуд леп., отщеп, КЖ, нож	кон. V — 1-я четв. IV	—

Примечания. * Ж — женщина, М — мужчина, Р — ребенок; ** гонч. — гончарный, дер. — деревянный, КЖ — кости животных, кост. — кость, леп. — лепной, ч/лак. — чернолаковый; Au — золото, Fe — железо.

ребение в вертикальной катакомбе известно на Нижнем Днестре (№ 12). После появления публикаций С. Г. Колтухова стали доступными очень важные для раскрытия данной темы материалы раскопок новостроечных экспедиций в Крыму в 1970—1990-х гг., где выявлено 13 вертикальных катакомб (Колтухов 2012a, с. 34, 35; 2012b, с. 49—96, № 10—22). В целом мы располагаем данными о 25 подобных погребениях.

Ниже приведем краткие описания неопубликованных погребений и в меньшей степени опубликованных, необходимые для их характеристики и анализа.

1. Любимовка, к. 3, п. 1 (Лесков и др. 1968, с. 11). Основное в распаханном кургане высотой 0,8 м. Курган окружал кольцевой ровик диаметром 14 м, углубленный в материк на 0,5 м. В заполнении рва найдены обломки амфор. В кургане открыто три погребения: 2 скифских и 1 неопределенное.

Известняковая плита размерами 1,2 × 1,5 × 0,25 м перекрывала округлую в плане входную яму диаметром 1,2 × 1 м. По мере углубления яма расширялась на В и З и на дне на глубине 3,05 м образовалась овальная камера размерами 2,9 × 1,4 м, ориентированная по линии В—З (рис. 1: 1). Погребение ограблено и разрушено. В заполнении встречены кусочки дерева и железа, цельная полированная костяная ручка ножа, 8-гранная в сечении (рис. 1: 4), и обломки железной конической втулки наконечника копья (рис. 1: 3). На дне в центральной части

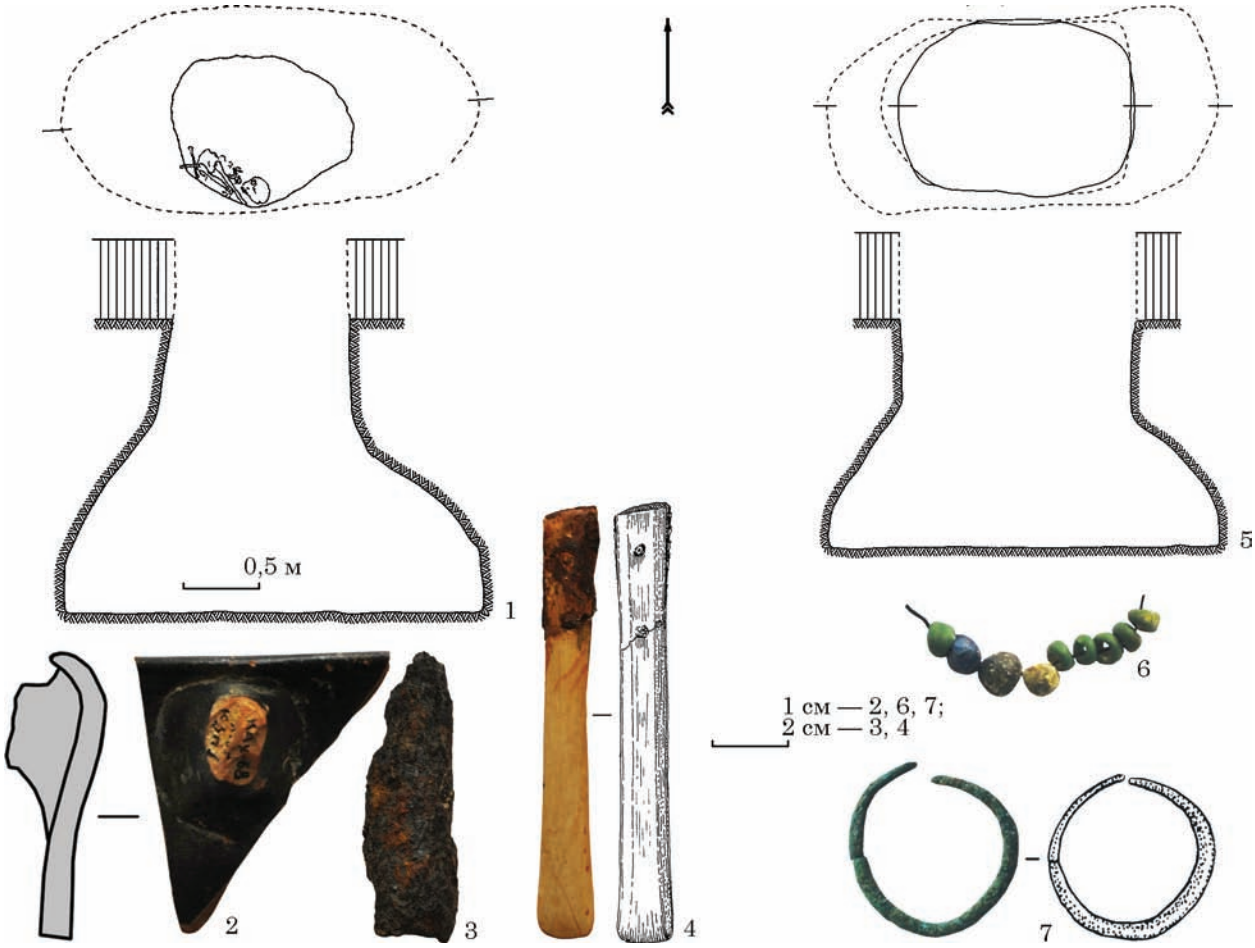


Рис. 1. Любимовка: 1—4 — к. 3, п. 1; 5—7 — к. 4, п. 2 (2—4, 6, 7 — фото С. Полина; 2, 7 — рис. Худфонда)

камеры обнаружены сметенные в кучу кости женщины возмужалого возраста (определение С. И. Круц — Круц и др. 1986, с. 326) и животного. Среди них найден фрагмент венчика чернолакового скифоса с обломком петлевидной ручки. Лаковое покрытие высококачественное, блестящее. Диаметр венчика 11—14 см (рис. 1: 2).

Датировка: Из-за фрагментарности скифоса возможно лишь определение его типа А, но невозможно установление точной датировки. Качество лака соответствует V—IV вв. до н. э. По аналогии с однотипными погребениями и общему контексту Любимовского могильника погребение может быть датировано в пределах первой половины IV в. до н. э.

2. Любимовка, к. 4, п. 2 (Лесков и др. 1968, с. 12). Основное в распаханном кургане высотой 0,35 м. В кургане открыто два погребения; скифское и средневековое кочевническое. Овальная входная яма размерами 1,6 × 1,2 м на уровне материка, ориентированная по линии З—В, по мере углубления расширялась на З и В, и на дне на глубине 2,05 м приобрела подпрямоугольную форму размерами 2,7 × 1,3 м той же ориентировки (рис. 1: 5). Костяк полностью разрушен при ограблении. Все кости найдены в заполнении ямы, где также обнаружены 11 мелких одноцветных стеклянных бусин, — 5 светло-зеленого цвета, 3 белых, 2 синих, 1 серая, диаметром 0,4—0,5 см (рис. 1: 6) и бронзовая проволочная серьга с несомкнутыми заостренными окончаниями диаметром 2,2 см, диаметр сечения 0,2 см (рис. 1: 7).

Датировка: одноцветные мелкие бусы фактически не являются датирующим материалом. Серьга относится к типу 27 классификации В. Г. Петренко, который в IV в. до н. э. был господствующим ушным украшением у скифов, особенно у рядового населения степной группы (Петренко 1978, с. 35, 36, табл. 23: 1—13). По аналогии с однотипными погребениями и общему контексту Любимовского могильника погребение датируется первой половиной IV в. до н. э.

3. Любимовка, к. 32, п. 1 (Лесков и др. 1968, с. 64). Основное в распаханном кургане. Овальная входная яма широтной ориентации размерами 1,1 × 0,9 м на уровне материка по мере углубления расширялась на В и З и на дне на глубине 2,3 м приобрела размеры 2,7 × 1 м. Погребение ограблено и частично разрушено. Сохранились остатки скелета взрослого человека, вытянутого на спине головой на З. В ЮЗ углу ямы лежали кости животных — остатки напутственной пищи (рис. 2: 1). Среди

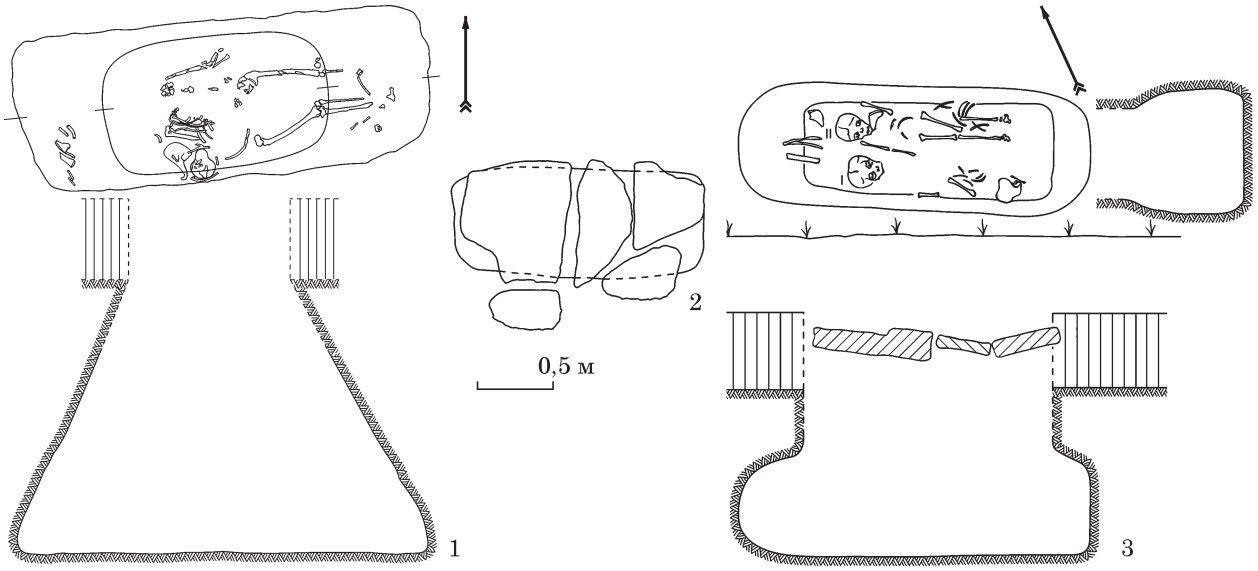


Рис. 2. Вертикальные катакомбы: 1 — Любимовка, к. 32, п. 1; 2, 3 — Вильна Украина I, к. 7, п. 2

костей найден обломок железа и мелкий фрагмент лепного сосуда.

Датировка: по аналогии с однотипными погребениями и общему контексту Любимовского могильника погребение датируется первой половиной IV в. до н. э.

4. Любимовка, к. 41, п. 1 (Лесков и др. 1968, с. 75—77). В уничтоженном распашкой кургане открыто 2 скифских однотипных погребения. Овальная входная яма размерами 1,4 × 1,0 м на уровне материка, ориентированная по линии СЗ—ЮВ, по мере углубления расширялась по длине и на дне на глубине 2,45 м приобрела размеры 2,7 × 1,4 м той же формы и ориентировки. На дне в центре камеры лежал скелет женщины вытянуто на спине головой на СЗ. Погребение потревожено грызунами — отсутствовали кисти рук и локоть правой руки, а также обе ступни. Справа от черепа стоял скифос (1). Возле левого колена найдена фаланга пальца с золотым перстнем на ней (2). За головой лежали остатки напутственной пищи — кости животных с ножом (3) и свинцовое пряслице (4) (рис. 3: 1). В экспедиционной полевой описи 1968 г. в составе находок в этом погребении числится также бронзовое зеркало, не упомянутое в полевом дневнике и в тексте отчета, а также не отмеченное на полевом чертеже. По-видимому, зеркало находилось под костями грудной клетки, и было обнаружено лишь в самом конце в процессе окончательной разборки скелета. Вероятно, в спешке не было внесено в дневник, не нанесено на чертеж погребения, почему и не попало в отчет. И лишь в процессе камеральной обработки было внесено в опись находок из этого погребения под № 218б, получило шифр данного погребения, вошло в коллекцию находок из данного погребения и в настоящее время хранится в НФ ИА НАН Украины (5).

1. Греческий краснофигурный скифос на кольцевом поддоне с двумя горизонтальными петлевидными ручками. Одна ручка отбита в древности. Высота 11,5 см, диаметр венчика 12,5 см, диаметр поддона 6,8 см. По форме датируется в пределах второй четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, N 350). С обеих сторон украшен аналогичными изображением пар мужчин в хитонах, обращенных друг к другу — т. н. FB-группа по Дж. Бизли (рис. 3: 3), датирующаяся ранним IV в. до н. э. (Beazley 1963, 1490—1492, N 172—207; 1696, N 172bis—205bis; Полин 2014, с. 333, рис. 246).

2. Золотой безразмерный перстень с округлым гладким щитком и заходящими друг за друга загнутыми концами дужки. Диаметр 2,0 см, размеры щитка 1,4 × 1,8 см. Золото, 520° масса 3,02 г (рис. 3: 2). Хранится в МИДУ, Инв. № АЗС-2313.

Данный тип перстней был наиболее распространен в Скифии IV в. до н. э. По данным В. Г. Петренко на начало 1970-х гг. было известно 127 щитковых перстней, происходящих из скифских погребений IV в. до н. э. (Петренко 1987, с. 61). С тех пор их количество значительно возросло.

Существует три разновидности гладких щитковых перстней. Первая, — простейшие перстни, целиком вырезанные из тонкого листа золота. После удаления заусениц отростки шинки загибались по размеру пальца владельца. Вес таких перстней колеблется в пределах 2,0—7,0 г, в зависимости от толщины листа. Такие перстни составляют подавляющее большинство щитковых перстней Скифии. Вторая разновидность, очень редко встречающаяся, — перстни составные, где щитки и отростки дужки вырезаны раздельно из достаточно толстого листа и затем спаяны. Третья разновидность, также представленная единичными экземпля-

Рис. 3. Любимовка, к. 41, п. 1 (2 — фото МИДУ; 3 — экспедиционное фото; 4 — фото С. Полина; 5, 6 — рис. Худфонда)

рами, изготовлена методом литья. Такие перстни отличаются изрядной массивностью и, соответственно, большим весом. Такой перстень из Соболевой Могилы весит 16,8 г, вес совершенно небывалый для щитковых перстней (Мозолевский, Полин 2005, с. 335, табл. 18: 4b). Подобные перстни найдены еще в женской гробнице Толстой Могилы (один из десяти, массой 11,76 г, все остальные вырезаны из расклепанной пластины, их вес в пределах 4,90—7,29 г), в Казенной Могиле — масса 11,25 г (Мозолевський 1979, с. 141, 235, 236, № 193, 194, рис. 125: 25; Tessori 1996, N 42) и в к. 6 у с. Водославка — масса 22,72 г (Polin, Daragan 2021, cat. 29). Наличие таких перстней свидетельствует о высоком уровне богатства их владельца.

Любимовский перстень из к. 41 принадлежит к первому, наиболее массовому типу простых щитковых перстней, вырезанных из тонкого золотого листа.

3. Железный нож с костяной полированной 8-гранной в сечении цельной ручкой. Черенок ножа крепился в распиле в верхней части рукояти с помощью 3 железных заклепок. Клинок ножа имеет прямое лезвие и горбатую спинку. Длина рукояти 11,8 см, общая длина 21,2 см (рис. 3: 6).

4. Свинцовое коническое пряслице, украшенное вертикальными рельефными полосками. Относится к наиболее распространенному типу в Скифии в IV в. до н. э. и позднее не встречается. Служило грузиком для деревянного веретена, окончание которого сохранилось в отверстии пряслица. Высота 1,2 см, диаметр основания 2 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 3: 5). Свинцовые пряслица нескольких типов производились в греческих центрах Северного Причерноморья, в частности в Ольвии и приольвийских поселениях, откуда поступали к скифам (Смольянинова 2009, с. 202—206).

5. Бронзовое зеркало с костяной ручкой. Диск представлен многочисленными обломками, на краях которых имеются следы ремонта в виде мелких сквозных отверстий. При такой фрагментарности использование ремонтированного зеркала по назначению было невозможным. По-видимому, разбитому зеркалу с помощью нехитрого ремонта был придан относительно целый вид специально для помещения в погребение. Диск диаметром около 14 см имеет по краю узкий слабо-отогнутый край. Полирован-

Рис. 4. Любимовка, к. 41, п. 2 (3—8 — фото М. Дараган; 9 — рис. Худфонда; 10, 11 — фото С. Полина)

ная костяная ручка, с обломанной нижней половиной, состоит из двух половинок, скрепленных 4 железными заклепками, 3 из которых находятся на сохранившемся верхнем расширенном окончании, крепившемся непосредственно к диску зеркала. На верхнем краю ручки имеются заполированные следы половинок еще 2 отверстий. Видимо, ранее ручка имела большую длину и первоначально крепилась к диску с помощью несохранившихся отверстий. Это крепление могло быть неудачным (лопнула костяная пластина возле отверстий при заклепывании) и мастер был вынужден укоротить ручку и просверлить новые отверстия ниже прежних. Сохранившаяся длина 5,4 см, ширина вверху 2,7 см. В целом виде ее длина была не менее 12—15 см (рис. 3: 4).

Датировка: по скифосу вторая четверть IV в. до н. э.

5. Любимовка к. 41, п. 2 (Лесков и др. 1968, с. 75—77). На глубине 0,8—1,55 м на площади 1,7 × 1,7 м обнаружены известняковые плиты перекрытия, беспорядочно разбросанные при ограблении и просевшие вниз при обвале катакомбы (рис. 4: 1). Первоначально погребальное сооружение имело овальную входную яму сравнительно небольших размеров около 1 м в поперечнике, расширявшуюся по длине по мере углубления до размеров 2,9 × 1,8 м на глубине 2,7 м. Ориентирована по линии З—В с незначительным отклонением. После ограбления свод камеры обвалился по всей площади, и сооружение приобрело вид обычной ямы.

Остатки разрушенного вытянутого на спине головой на З скелета женщины находились на продольной осевой линии камеры. Под грудной клеткой лежало зеркало (1). За головой лежали остатки напутственной пищи — КЖ с ножом с прямым лезвием и горбатой спинкой с несохранившейся деревянной ручкой. Также найдены наконечники стрел (2), бусы (3) и обломок же-

лезного стержня наконечника дротика длиной 7,5 см (рис. 4: 10).

1. Бронзовое цельнолитое зеркало с длинной ручкой с расширенным круглым окончанием. Диаметр диска 19,5 см, общая длина 32 см (рис. 4: 9). Цельнолитые зеркала с ручками встречаются в скифских погребениях Северного Причерноморья второй половиной V — первой половиной IV вв. до н. э. (Полин, Дараган 2019, с. 221—239).

2. Бронзовые трехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой, из которых 18 с дуговидной или треугольной выемкой в основании граней (рис. 4: 3—7) и 1 с прямоугольным ложком на 1/3 высоты головки, остриями граней, свисающими ниже обреза втулки (рис. 4: 8). Длина наконечников 2,0—2,9 см.

3. Стеклянные глазчатые круглые бусины: одна синяя и одна красная, две синих биконических, одна круглая белая, белый и голубой бисер (5 экз.). На сегодняшний день сохранились фрагмент темно-красной глазчатой бусины с крупными черными глазками в белой окантовке диаметром около 0,9 см в два ряда в шахматном порядке (рис. 4: 11в), обломок зеленой глазчатой бусины диаметром около 0,9 см с крупными белыми глазками в которых в тонком черном кольце помещены по кругу шесть мелких точек с седьмой в центре (рис. 4: 11а), синяя биконическая диаметром 0,7 см (рис. 4: 11б), мелкая зеленая овальная размерами 0,9 × 0,5 см (рис. 4: 11г), белая округлая диаметром 0,5 см (рис. 4: 11д) и две белых бисерины диаметром 0,3 см (рис. 4: 11е).

По Е. М. Алексеевой бусы типа рис. 4,11а с такими сложными глазками относятся к полихромным с розетковым орнаментом (типы 378 и 379). Бусы типа 378 происходят из погребения в Пантикапее второй половиной IV—III вв. до н. э. Единственная бусина зеленого стекла, составившая тип 379, — наиболее близкая нашей, — почему-то попала в I в. н. э. (Алексеева 1978, с. 55, табл. 27: 102—105). В литературе давно существует датировка идентичных по форме, размеру и цвету бус V в. до н. э. (Eisen 1916, p. 17, 26, pl. I: 55). В капитальных сводах Е. М. Алексеевой учтены только находки из греческих городов с весьма расплывчатыми, очень неточными и за давностью лет устаревшими датировками. Ей остались неизвестными бусы из скифских курганов, где они нередко имеют значительно более узкие и точные датировки, значительно отличающиеся от предложенных ею (Островерхов 1985). Аналогичные бусины найдены в гробнице 3 Гайматовой Могилы второй четверти IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 467, кат. 279/8, рис. 700), п. 2 к. 447 у с. Пастырское, датированного В. Г. Петренко в пределах V—III вв. до н. э. (Петренко 1967, с. 93; Галанина 1977, с. 29, табл. 14: 14), что на сегодняшний день следует ограничить первой половиной IV в. до н. э., к. 5 у с. Архангельская Слобода конца V в. до н. э. (Лесков 1981, рис. 25: 11), к. 3 у с. Богдановка конца V — начала IV вв. до н. э. (Битковский, Полин 1987, с. 82, кат. 11, рис. 7: 3; Полин 2014, с. 246—252), п. 3 к. 4 в ур. Носаки первой четверти IV в. до н. э. (Бидзиля и др. 1977, с. 112, 113, рис. 18: 8; Полин 2014, с. 255—258), в Золотобалковских к. 17 п. 1 и к. 22 п. 1 второй — начала третьей четверти IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 294—296, рис. 80: 4; 104), п. 24 в Вани 390—380 гг. до н. э. (Kacharava, Kvirkvelia 2009, p. 286, 295, 308, fig. 43а), п. 2 к. 16 V — начала IV вв. до н. э. в могильнике Филипповка в Южном Приуралье (Сокровища 2008, с. 127, рис. 105). Все имеющиеся находки в скифских курганах фиксируют датировку данного типа бус в пределах конца V — первой половины IV вв. до н. э.

Глазчатая бусина рис. 4: 11в не имеет соответствий в своде Е. М. Алексеевой.

Мелкие синие биконические бусы типа рис. 4: 11б, — тип 94 по Е. М. Алексеевой, — широко распространенный с конца VI по IV вв. до н. э. (Алексеева 1978, с. 68, табл. 33: 27). А. С. Островерхов по материалам скифских курганов отметил широкое распространение таких бус в V—IV вв. до н. э. (Островерхов 1985, с. 98). По нашему комплексу их датировка не выходит за пределы первой половины IV в. до н. э.

Зеленая овальная длинная бусина рис. 4: 11г — тип 53 одноцветных бус II—IV вв. н. э. по Е. М. Алексеевой (Алексеева 1978, с. 66, 67, табл. 33: 10), что, безусловно, не имеет ни малейшего отношения к нашей бусине, твердо датирующейся по комплексу не позднее первой половины IV в. до н. э.

Белая округлая (рис. 4: 11д) и белые бисерины (рис. 4: 11е) имеют слишком широкий хронологический диапазон.

Датировка: по зеркалу и некоторым бусинам — первая половина IV в. до н. э.

6. Вильна Украина I, к. 7, п. 2 (Лесков и др. 1969, с. 55, 56). Впускное погребение в распаханном кургане высотой 0,75 м. Курган окружал ров диаметром 20—21 м, углубленный в материк на 0,5 м. В кургане открыты два скифских погребения. В поминальной тризне, связанной с основным п. **1**, найдены обломки не менее 6 амфор: 2 Пепарета, 2 хиосских колпачковых, гераклейской и синопской первой половины IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 395, рис. 331).

Прямоугольную входную яму п. **2** размерами 1,7 × 0,6 м перекрывала вымостка из известняковых плит размерами 1,7 × 1 м, ориентированная по линии ЮВ—СЗ. По мере углубления яма расширялась по длине и на дне на глубине 2,1 м приобрела размеры 2,3 × 0,75 м и овальную форму при той же ориентировке (рис. 2: 2). На дне лежали параллельно скелеты двух младенцев вытянуто на спине головами на СЗ. Южный скелет почти полностью уничтожен землероями. За головами лежали кости живот-

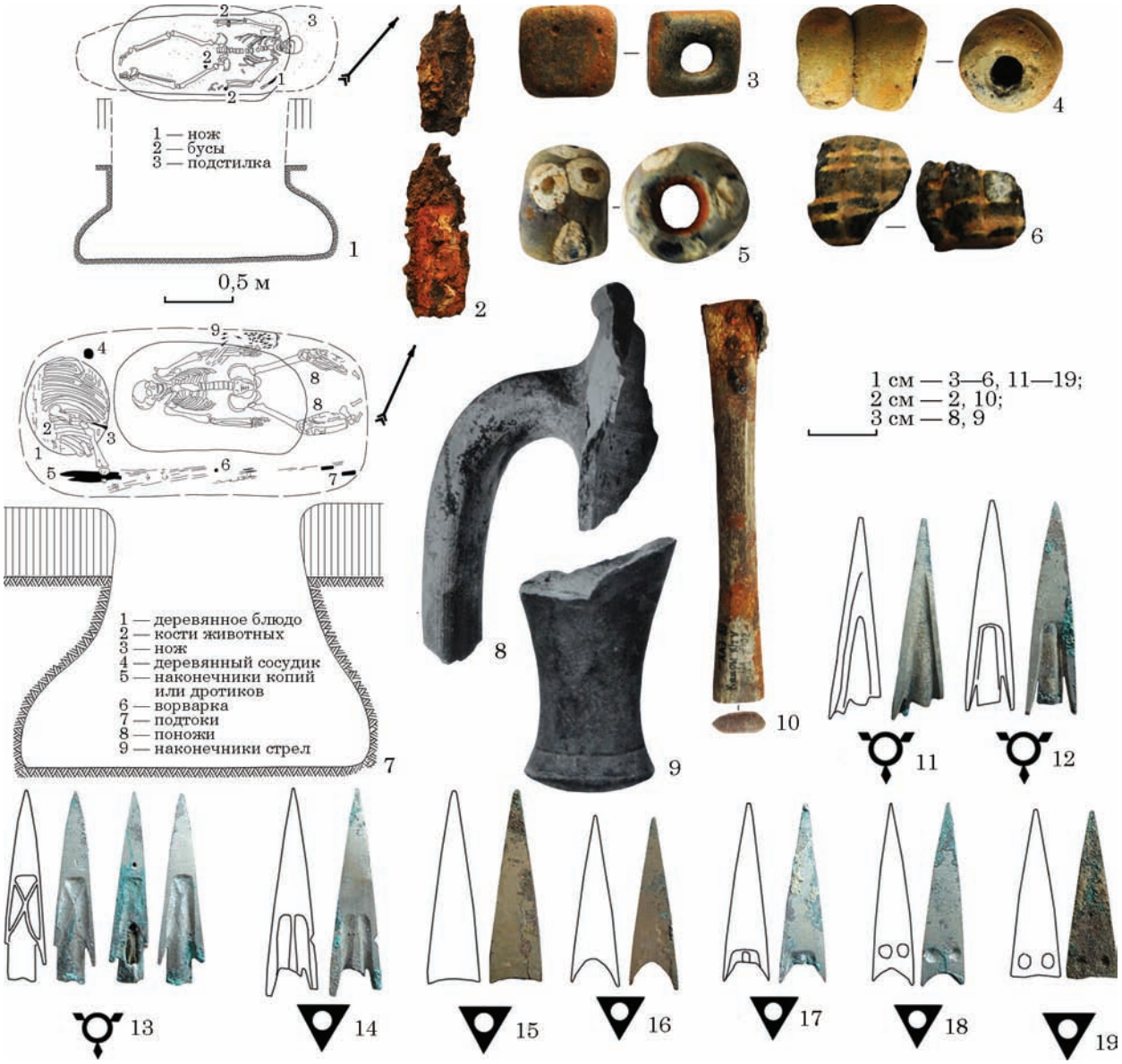


Рис. 5. Вертикальные катакомбы и сопутствующий инвентарь: 1—6 — Орджоникидзе, к. 42, п. 1; 7—19 — Каиры V, к. 1, п. 1 (2—6 — фото С. Полина; 8, 9 — фото из отчета; 11—19 — рис. и фото М. Дараган)

ных — остатки напутственной пищи. На дне сохранился коричневый и белый тлен от подстилки (рис. 2: 3).

Датировка: как известно, скифский курган является семейной усыпальницей. Младенческий возраст захороненных в **п. 2** указывает на крайне незначительную разницу во времени с основным п. 1, исчисляемую буквально несколькими годами. Датировка основного п. 1 первой половиной IV в. до н. э. будет справедливой и для впускного п. 2.

7. Катериновка, к. 42, п. 1 (Полин, Дараган 2018, с. 8, 9). Основное и единственное в уничтоженном распашкой кургане. Овальная входная яма размерами 1,3 × 0,7 м ориентирована по линии СВ—ЮЗ. По мере углубления яма расширялась по длине и на глубине 1,2 м приобрела размеры 1,65 × 1,2 м. На дне прослежены остатки травяной подстилки, на которой лежал скелет, вытянуто на спине головой на СВ. Руки несколько раскинуты в стороны, ноги, изначально согнутые в коленях и установленные вертикально, распались в стороны ромбом (рис. 5: 1). У левого предплечья лежал нож (1). На правом запястье найдены 2 (2), а на левом запястье 3 крупных стеклянных бусины (3). Возле левой бедренной кости с внутренней стороны ближе к тазу лежала еще 1 крупная стеклянная бусина (4). По определению А. Д. Козак скелет принадлежит подростку 12—14 лет, скорее всего девочке, что полностью подтверждается составом сопровождающего инвентаря [1].

1. Фрагменты железного ножа с широким прямоугольным черешком с остатками костяной ручки с двумя железными заклепками (рис. 5: 2).

1. Авторы искренне признательны А. Д. Козак за антропологические определения по могильнику у с. Катериновка.

2. 2 крупных бусины:

• круглая сплюснутая бусина голубого стекла, украшенная тремя поперечными рядами крупных белых глазков с крупными темно-синими точками в центрах. Диаметр 1,7 × 1,2 см, диаметр отверстия переменный: 0,7 см по краям и 0,5 см посредине. Внутри отверстия заметны следы обожженного глиняного сердечника (рис. 5: 5). В своде Е. М. Алексеевой сходные бусины относятся к типу 66б, даты не имеющему, и типу 118, датирующемуся II—I вв. до н. э. (Алексеева 1975, с. 66, 67, 71, табл. 15: 13, 14).

• обломки крупной, разделенной на 8 долек, бусины темного стекла, украшенной 2-мя поперечными сдвоенными параллельными горизонтальными полосками белого стекла. Диаметр 2,2 × 1,6 см, диаметр отверстия около 0,5 см (рис. 5: 6). По классификации Е. М. Алексеевой относится к полихромным стеклянным бусинам со спиралевидным орнаментом типа 220-б IV—III вв. до н. э. (Алексеева 1978, с. 45, табл. 28: 51).

3. 3 крупных бусины:

• крупная черная кубическая бусина. Размеры 1,4 × 1,4 см, диаметр овального отверстия 0,4 × 0,5 см (рис. 5: 3). В своде Е. М. Алексеевой такая форма для бус из одноцветного стекла отнесена к типу 137, датирующемуся II—III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 70, 71, табл. 33: 42).

• сдвоенная бусина, состоящая из 2 близких по размеру уплощенно-округлых светло-зеленых бусин, украшенных по окружности тремя крупными белыми или желтыми глазками с крупными темными точками в центре. Размеры 1,8 × 1,4—1,5 см, диаметр отверстия 0,4—0,5 см (рис. 5: 4). В своде Е. М. Алексеевой подобные бусы зафиксированы в одинарном варианте, относящемуся к типу 21 стеклянных одноцветных бус начала новой эры (Алексеева 1978, с. 65, табл. 33: 4).

4. 1 крупная округлая бусина, сплюснутая на полюсах, голубого стекла. Сохранилась в мелких фрагментах. Украшена по окружности рядом крупных белых глазков с мелкими черными точками (не менее шести).

Датировка: датировка погребения по бусам оказалась невозможной. Датировки по своду Е. М. Алексеевой не имеют ничего общего с нашими бусами. На нередко встречающиеся несовпадение датировок бус Е. М. Алексеевой по материалам греческих городов и некрополей, с датировками бус из скифских курганов, где они твердо датируются в пределах V—IV вв. до н. э., давно обратил внимание А. С. Островерхов (Островерхов 1985, с. 104). По общему контексту могильника у с. Катериновка п. 1 в к. 41 твердо датируется IV в. до н. э., а с учетом датировок большинства скифских погребений в вертикальных катакомбах — в пределах первой половины — сер. IV в. до н. э.

8. Курганная группа Каиры V, к. 1, п. 1 (Кубышев и др. 1989, с. 77—81, табл. 41, 42). Основное в распаханном кургане высотой 0,5 м. Курган окружал кольцевой ров диаметром 21 м, углубленным в материк до 1 м, с проходами с З и В. Во рву и на подкурганной поверхности найдены остатки тризны в виде костей животных, бедренной кости взрослого человека, фрагментов лепных сосудов и обломков не менее 6 однотипных гераклейских амфор (рис. 5: 8, 9). п. **1** было значительно смещено от геометрического центра кургана, благодаря чему избежало ограбления. Овальная входная яма размерам 1,4 × 0,8 м на уровне материка, ориентированная по линии ЮЗ—СВ, по мере углубления расширялась по длине и на глубине 2,1 м достигла размеров 2,55 × 1,2 м (рис. 5: 7).

Скелет мужчины 25-30 лет лежал вытянуто на спине головой на ЮЗЗ. Ноги, слегка согнутые в коленях, распались ромбом. Прослежены остатки гробовища из тонких деревянных плашек. Под голенями покойника сохранился фрагмент бурой кожи, раскрашенной чередующимися узкими красными и черными полосами шириной — черные 0,2—0,3 см, красные до 1—1,3 см. За головой лежал округлый деревянный поднос диаметром 0,6—0,7 м с костями животных. У его С края стояла деревянная чашечка (1), на В лежал нож (2), а вдоль Ю лежал скипевшийся от коррозии блок железных наконечников копий и / или дротиков (3), втоки которых лежали в ЮЗ углу камеры (4). Общая длина копий составляла 2,1—2,2 м. Посредине древков найдена ворварка (5). Вдоль левой локтевой кости лежал колчан с 92 наконечниками стрел (6). Голени покрывали бронзовые поножи, закрывавшие колени и с трех сторон голень до щиколоток (7).

1. От деревянной чашечки сохранился зеленый окисел от бронзовой оковки дна, а также золотое плетение, которым был прошит венчик. Плетение изготовлено из плоской золотой проволоки шириной 0,1 см. Размеры прошитых фрагментов составляли 3,2 × 0,6 × 0,4 см и 2,7 × 0,6 × 0,4 см. С внешней стороны конфигурация плетения представляет собой XXX-образную цепочку. Диаметр чашечки 7 см.

2. Нож с 6-гранной в сечении цельной костяной полированной ручкой. В распиле в верхней части 3-мя заклепками крепился клинок. Размеры 11,8 × 1,1—1,8 × 0,5—0,8 см (рис. 5: 10).

3. Длина скипевшегося от коррозии блока железных наконечников копий и / или дротиков составляла 45 см при ширине 10 см. Выделяются две втулки с муфтами по основанию диаметром 3 см внешним и 2 см внутренним.

4. Втоки цилиндрические, свернутые из широкой полосы. Длина 10 см, диаметр внешний 1,8 и 2,3 см, внутренний 1,2 и 1,5 см.

5. Железная ворварка диаметром 2 см.

6. Наконечники стрел из золотистой бронзы. Встречались с литейным браком в виде отверстий во втулках. Сохранились остатки древков,

одно со следами красной окраски. Из 92 найденных при раскопках, сохранилось 83 наконечника. Представлены следующими разновидностями [1]:

• 2 трехлопастных пирамидальных, с ложком до острия, окончаниями лопастей вровень или чуть свисающими в виде шипов ниже обреза втулки. Высота 4,8 см (рис. 5: 11).

• 28 трехлопастных с пирамидальной головкой, прямоугольным ложком на 1/2 высоты головки, с остриями лопастей в виде шипов вровень или свисающими ниже обреза втулки. Высота 2,7—3,1 см (рис. 5: 12).

• 3 трехлопастных с пирамидальной головкой, прямоугольным ложком на 2/3 высоты головки, выделенными остриями лопастей и выступающей втулкой. Во всех трех ложках имеется рельефная литая метка в виде косого (андреевского) креста. Высота 2,7—3,0 см (рис. 5: 13).

• 1 трехгранный со слабо дуговидными гранями, скрытой втулкой, маленьким П-образным ложком в основании граней, остриями граней, свисающими ниже обреза втулки в виде коротких шипов. Высота 2,7 см (рис. 5: 17).

• 1 трехгранный пирамидальный, с П-образным ложком на 1/3 высоты головки, с остриями лопастей, свисающими ниже обреза втулки в виде шипов. Высота 3,0 см (рис. 5: 14).

• 39 трехгранных с дуговидными гранями, скрытой втулкой, небольшой дуговидной выемкой в основании граней, остриями граней, свисающими ниже обреза втулки. Высота 2,6—3,0 см (рис. 5: 15).

• 1 трехгранный с дуговидными гранями, скрытой втулкой, с глубокой треугольной выемкой в основании, остриями граней, свисающими ниже обреза втулки в виде длинных шипов. Высота 2,6 см (рис. 5: 16).

• 8 трехгранных с дуговидными гранями, скрытой втулкой, с дуговидной выемкой в основании граней или ровно обрезанным основанием. В нижней части всех трех граней нанесено по две круглых выемки. Высота 2,6—2,9 см (рис. 5: 18, 19).

7. Бронзовые поножи. Вдоль боковых краев пробиты мелкие отверстия для подшивания кожаной подкладки, следы которой сохранились внутри. Изготовлены из листовой бронзы толщиной 0,5—1,5 мм и покрыты рельефным орнаментом, повторяющим рельеф колена и голени. Автор раскопок также усмотрел здесь некую антропо-зооморфную стилизацию в орнаментике, а также уподобление колонне с коринфской капителью в области колена. Но иллюстрации и сами поножи отсутствуют и трудно понять, о чем идет речь.

Бронзовые поножи, характерные для греческих гоплитов, были сравнительно мало распространены у кочевых скифов Северного Причерноморья. С учетом наборных пластинчатых поножей скифского производства на территории Северного Причерноморья и Кавказа известно 74 находки в скифских курганах, преимущественно скифской знати. Лишь 3 из них относятся к V в. до н. э., а все остальные датируются IV в. до н. э. (Мозолевский, Полин 2005, с. 353—354 — здесь литература вопроса).

Датировка: Амфоры из тризны (рис. 5: 8, 9) относятся к типу I-2 или I-3 гераклейских амфор пифоидного типа по С. Ю. Монахову, датирующихся концом V — началом IV вв. до н. э. (Монахов 2003, с. 127, табл. 86: 5; 87: 1). В наконечниках стрел сочетание большого числа трехлопастных с прямоугольным ложком с трехгранными указывает на датировку концом V — не позднее начала IV в. до н. э.

9. Новониколаевка I, к. 6, п. 1 (Ковалева и др. 1990, с. 22, рис. 45). Впускное в скифском кургане высотой 1,6 м. Овальная входная яма размерами 2,3 × 1,2 м на уровне материка ориентирована по линии ЮЗ—СВ. По мере углубления расширялась по длине и на глубине 2,1 м достигла размеров 2,5 × 1,35 м. Погребение разрушено при ограблении. На дне найдены разрозненные кости животных и взрослого человека (рис. 6: 1).

Датировка: IV в. до н. э.

10. Новониколаевка I, к. 6, п. 2 (Ковалева и др. 1990, с. 22, 23, рис. 46—50). Основное в кургане высотой 1,6 м. Курган по основанию окружен крепидой и кольцевым рвом с проходами с В и З. Овальная входная яма размерами 1,8 × 0,9 м ориентирована по линии З—В. По мере углубления расширялась по длине и на глубине 2,0 м достигла размеров 2,55 × 1,25 м. На дне лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине головой на В. Его сопровождали деревянное блюдо с костями животных и ножом (рис. 6: 3), — остатки напутственной пищи, нижняя часть чернолакового скифоса с обточенными краями в виде чаши (рис. 6: 4), ожерелье из золотых 13 подвесок и 16 биконических бусин (рис. 6: 6), свинцовое пряслице (рис. 6: 5). На плане погребения, в ногах погребенного, отмечен также деревянный брусок.

Чернолаковая чаша сделана из аттического скифоса типа А на кольцевом поддоне. Высота 4 см, диаметр сверху 11,2, поддона 9,5 см. Донышко снизу оставлено в цвете глины. Украшено в центре мелким красным колечком, обведенным двойным кольцом диаметром 2,3 см (рис. 6: 4).

Датировка: Золотые каплевидные подвески практически уникальны для Скифии (рис. 6: 6). Известно лишь две аналогии, в к. 1 у с. Григорьевка в п. 1 IV в. до н. э. (Колтухов 2012-б, с. 82, рис. 71: 2). И в к. 3 в ур. Стайкин Верх (Ильинская 1968, с. 76, табл. VIII: 3), по набору уздечных принадлежностей датированного второй четвертью — концом IV в. до н. э. (Могилов 2008, с. 120—124). О датировке в пре-

1. Колчанный набор обработан М. Дараган.

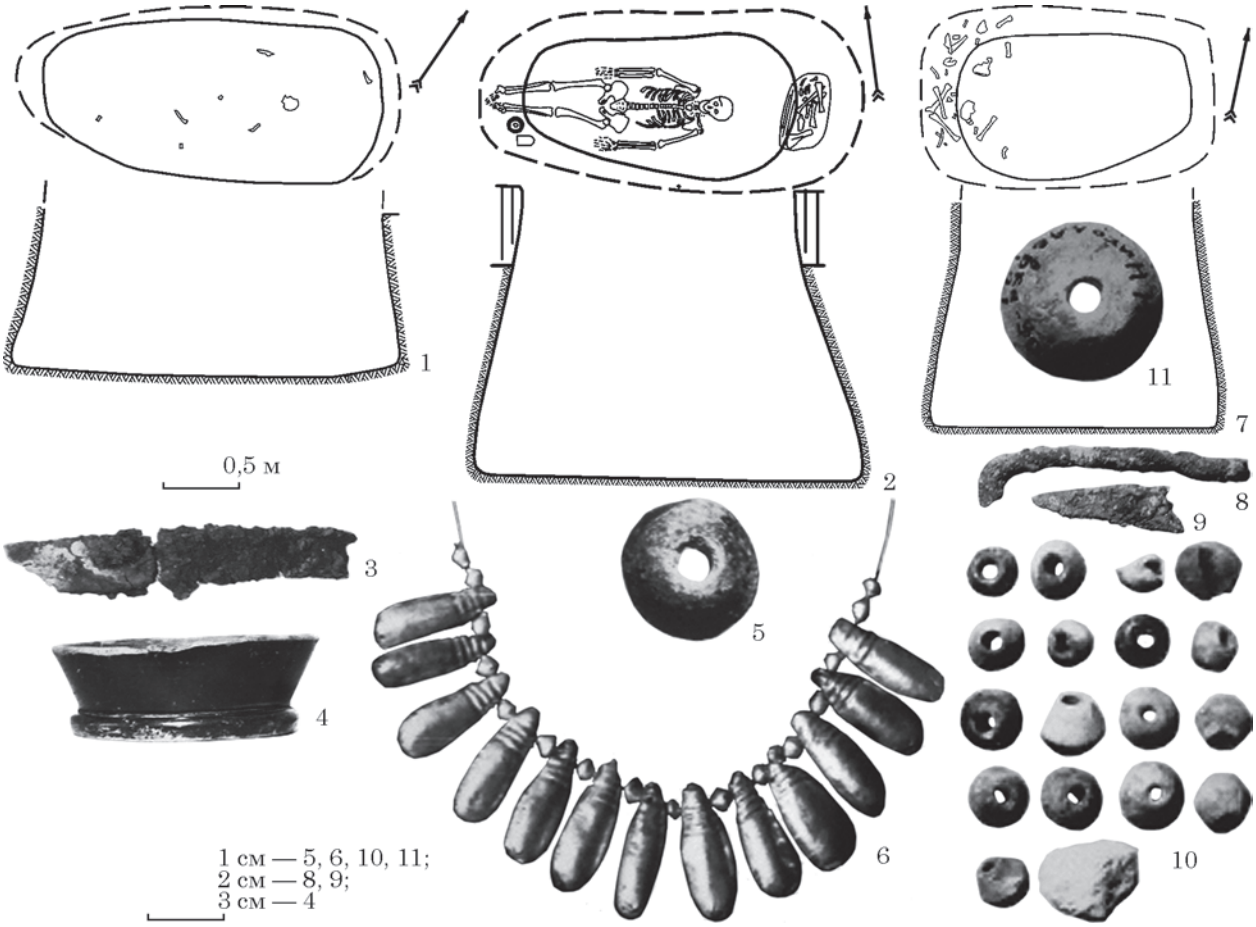


Рис. 6. Новониколаевка: 1 — к. 6, п. 1; 2—6 — к. 6, п. 2; 7—10 — к. 9, п. 1 (рис. по: Ковалева 1990)

делах конца V — не позднее начала IV вв. до н. э. свидетельствуют золотые рубчатые овальные бусы, аналогичные найденным в п. 2, к. 3 у с. Богдановка (Битковский, Полин 1987, рис. 9; Полин 2014, с. 246—252).

IV в. до н. э. датируется свинцовое пряслице. В курганах III—II вв. до н. э. представлены исключительно керамические пряслица (Тельнов, Четвериков, Тельнов 2016, с. 803, 804).

Уточняет датировку новониколаевского погребения чернолаковая чаша, изготовленная из скифоса типа А (рис. 6: 4). Аттические скифосы типа А существовали в период от посл. четверти VI в. до нач. посл. четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, N 354). Скифос из п. 2 по орнаментике донышка снизу относится к первой четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, N 349), что и определяет датировку погребения.

11. Новониколаевка, к. 9, п. 1 (Ковалева и др. 1990, с. 33, рис. 74—77). Основное в распаханном скифском кургане. Овальная входная яма размерами 1,5 × 0,6—0,9 м ориентирована по линии З—В с отклонением. По мере углубления расширялась по длине и на глубине 1,5 м достигла размеров 1,9 × 0,9—1,15 м. Погребение разрушено при ограблении. На дне под З стенкой обнаружено скопление костей взрослого человека, кости животных, кусочек серы (?), нож (рис. 6: 9), обломки железного стержня (рис. 6: 8), мелкие стеклянные биконические бусы желтого, белого и синего цветов (рис. 6: 11) и свинцовое пряслице (рис. 6: 10).

Датировка: Мелкие синие биконические бусы, — тип 94 по Е. М. Алексеевой, — были широко распространены с конца VI по IV вв. до н. э. (Алексеева 1978, с. 68, табл. 33: 27). А. С. Островерхов по материалам скифских курганов отметил их широкое распространение в V—IV вв. до н. э. (Островерхов 1985, с. 98). Датировку не позднее IV в. до н. э. имеет свинцовое пряслице. В курганах III—II вв. до н. э. таковых не имеется (Тельнов, Четвериков, Тельнов 2016, с. 803—804). Датировка погребения — IV в. до н. э.

12. Глиное, гр. Водовод, к. 3, п. 2 (Синика, Тельнов 2016) [1]. Впускное в распаханном скифском кургане высотой 0,4 м. Прямоугольная входная яма размерами 2,2 × 1,05 м на уровне материка, ориентированная по линии СЗ—ЮВ, по мере углубления расширялась по длине и на дне на глубине 2,4 м приобрела размеры 2,6 × 1,45 м той же формы и ориентации.

1. Наш рис. 7 смонтирован из иллюстраций к статье В. С. Синики и Н. П. Тельнова (2016), любезно предоставленных в наше распоряжение В. С. Синикой, за что мы ему искренне признательны.

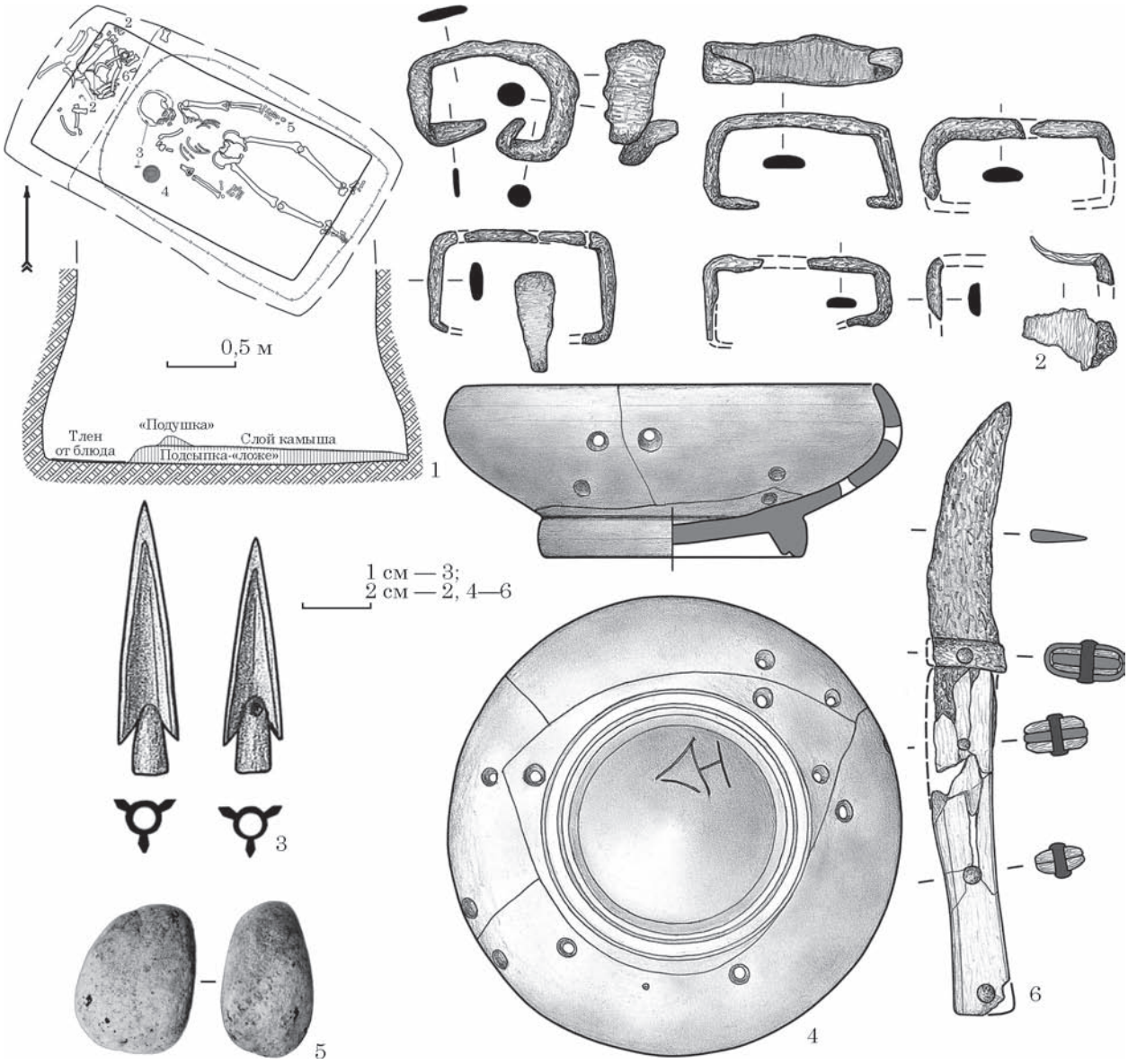


Рис. 7. Глиное, к. гр. Водовод, к. 3, п. 2 (рис. по: Синика, Тельнов 2016)

Костяк взрослого человека (Ж?) лежал вытянуто на спине головой на СЗ. Скелет лежал на подсыпке из материковой глины толщиной до 0,15 м с подстилкой из камыша или тростника поверх нее. Под черепом зафиксирована «подушка» из материковой глины. За головой на деревянном дощатом блюде, скрепленном железными скобами (рис. 7: 2) лежали кости животных с ножом с 6-гранной костяной ручкой из двух половинок, скрепленных заклепками по длине (рис. 7: 6). Возле черепа лежали 2 бронзовых трехлопастных наконечника стрел с ложком до острия, выделенными остриями лопастей и выступающей втулкой (рис. 7: 3). У правого плеча стояла чернолаковая чашечка (рис. 7: 4). У кисти правой руки найдена песчаниковая галька размерами 4,5 × 3,5 × 2,7 см (рис. 7: 5).

Для датировки погребения основное значение имеет аттическая чернолаковая чашечка на низком профилированном кольцевом поддоне с загнутым внутрь венчиком. Донышко снизу оставлено в цвете глины (Синика, Разумов, Тельнов 2016, с. 93, рис. 90). В центре имеет слабый сосцевидный выступ. Характерный для изделий такого рода штампованный орнамент внутри чашечки в данном случае отсутствует. На донышке снизу процарапана монограмма, объединяющая две греческих буквы Δ и Н. Чашечка разбита в древности и была примитивно «отремонтирована». Фрагменты были соединены через парные отверстия, расположенные друг против друга, видимо, с помощью тонкого шнурка, благодаря чему чашечке был придан относительно целый вид, пригодный для помещения в погребение. Высота чашечки 5 см, диаметр венчика 12,2 см, тулова 13,0, поддона 7,8 см (рис. 7: 4).

Датировка: для датировки погребения авторы совершенно закономерно использовали

датировку чернолаковой чашечки. Однако, для этого привлечена весьма приблизительная непрямая аналогия и избирательно использованы исключительно поздние датировки С. Ротрофф, а также сделан совершенно ошибочный вывод о весьма длительном использовании чашечки на основании наличия следов ремонта изделия. В итоге чашечка датирована рубежом IV—III вв. до н. э.

Однако, у С. Ротрофф все чашечки данного типа столь поздней датировки имеют сплошное покрытие лаком, в отличие от нашей, где донышко снизу оставлено в цвете глины, что характерно для чашечек более раннего времени в пределах первой половины — середины IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, N 826, 828, 830). На это же время указывают и наконечники стрел из погребения (рис. 7: 3).

Многочисленные следы грубейшего ремонта ни в коей мере не свидетельствуют о весьма длительном использовании чашечки. Чашечка была настолько разбита, что с помощью такого ремонта ей был придан лишь относительно целый вид, исключительно для видимости, пригодный только для помещения в погребение. Никакое реальное использование ее в быту при такой дефектности было физически невозможным. Поэтому говорить о каком-то ее использовании в ремонтированном виде вообще, и тем более длительном, просто не приходится. Ее датировка в пределах первой половины — сер. IV в. до н. э. на основании привлеченных аналогий вполне определяет датировку погребения.

Отдельно следует остановиться на граффито на дне чашечки. Авторы справедливо отмечают сходство этого граффито с обычными греческими монограммами, нередко встречающихся на донышках чернолаковых сосудов, чаще в раздельном написании ΔΗ (Толстой 1953, с. 28, 104, 108, № 33, 170, 177; Русяева 1971, с. 38, рис. 3: 9; Горская 2002, с. 115, 116, рис. 1: 1—4, 7—9; Соломоник 1984, с. 75, табл. XXXIII, № 337; Гайдукевич 1987, с. 52, 53, рис. 59: 2; Сапрыкин, Масленников 2007, с. 42, № 110). Но, по неизвестным причинам, они любой ценой захотели увидеть в греческой монограмме скифскую / сарматскую тамгу. И это при том, что в приведенных ссылках имеются точные аналогии именно в виде такой же монограммы, аналогичной публикуемой, и именно на донышках греческих чернолаковых сосудов в греческих городах (Горская 2002, с. 117, рис. 1: 1, 2). Внешне сходные по начертанию сарматские тамги датируются не ранее второй половины II в., а в основном I в. до н. э. Но благодаря находке в к. 3 в п. 2 гр. Водовод у с. Глиное, авторы предположили значительно более раннее происхождение тамги, к тому же не в сарматской, а в скифской среде (Синика, Тельнов 2016, с. 266).

Начнем с того, что на греческих чернолаковых сосудах, найденных в скифских погребениях Северного Причерноморья, все имеющиеся на них граффити исключительно греческого происхождения и обозначены греческими буквами (раздельными или лигатурами) или словами и даже текстами. Не останавливаясь на вопросе о значении таких граффити, безоговорочно греческое происхождение данного граффито, не имеющее ни малейшего отношения к каким-либо варварским знакам. Кроме отмеченных в Нимфее (Горская 2002, с. 117, рис. 1: 1, 2), точные аналогии нашему граффито имеются также на Елизаветовском городище (Потапова 1994, с. 105, № 5, рис. 1: 5) и на Афинской Агоре, где они найдены в надежном контексте IV в. до н. э. и еще в одном случае с сомнительной датировкой I в. до н. э. (Lang 1976, с. 52, N Fb1—3), где предполагать какие-либо тамги просто не приходится.

Часть чернолаковых сосудов, ввезенных в Северное Причерноморье и далее через причерноморских греков попадавших к скифам, прибывали в причерноморский регион из метрополии уже с нанесенными граффити. В составе груза греческого корабля «Змеиный-Патрокл» середины IV в. до н. э., затонувшего возле о. Змеиный на пути в Ольвию, кроме многочисленных амфор, в грузе корабля присутствовало значительно число разнотипных чернолаковых сосудов, представленных крупными партиями. Это рыбные блюда, тарелки, чаши, канфары двух разновидностей с тонким и валикообразным венчиком и килики двух разновидностей различных размеров. На двух рыбных блюдах имелись граффити КТН и ФІ, на одной тарелке — ФІ, на трех канфарах с тонким венчиком — ФІ, на одном килике — ФІ. Учитывая однотипность граффити на различных типах сосудов, А. И. Терещенко увидел в них метки мастера-изготовителя или его мастерской (Терещенко 2013, с. 77—80, рис. 6; 7). Поскольку поднята на поверхность лишь незначительная часть груза, то истинный масштаб распространения граффити на чернолаковой керамике в составе груза корабля остался неизвестным. Но ясно одно — что немалое количество чернолаковой керамики ввозилось в Северное Причерноморье уже с граффити. Также значительная часть граффити наносилась на чернолаковую керамику уже на месте в городах Северного Причерноморья и уже в таком виде поступала к скифам. Скифские метки на чернолаковых сосудах неизвестны. У скифов была широко развита традиция нанесения различных меток на наконечники стрел (прочерченных знаков в архаический период и литых рельефных меток в V—IV вв. до н. э.), обычно именуемых тамгообразными знаками [1]. Но, на всех без исключения остальных категориях вещей никаких меток скифы не ставили. Традиция ис-

1. Значение этих меток неясно. Знаками собственности или метками мастера (мастерской) они не являются. Это что-то другое.

Рис. 8. Калинино, к. 3, п. 3: 1—6 — верхний скелет; 7—17 — нижний скелет (рис. по Колтухов 2012а)

пользования тамги в Северном Причерноморье возникла не ранее конца II—I вв. до н. э. [1]. Датировка погребения — в пределах первой половины — середины IV в. до н. э.

13. Калинино, к. 3, п. 3. Впускное погребение в скифском кургане высотой до 1 м. Овальная входная яма размерами 2,0 × 0,7 м на уров-

1. Авторы признательны С. А. Яценко за исчерпывающую консультацию.

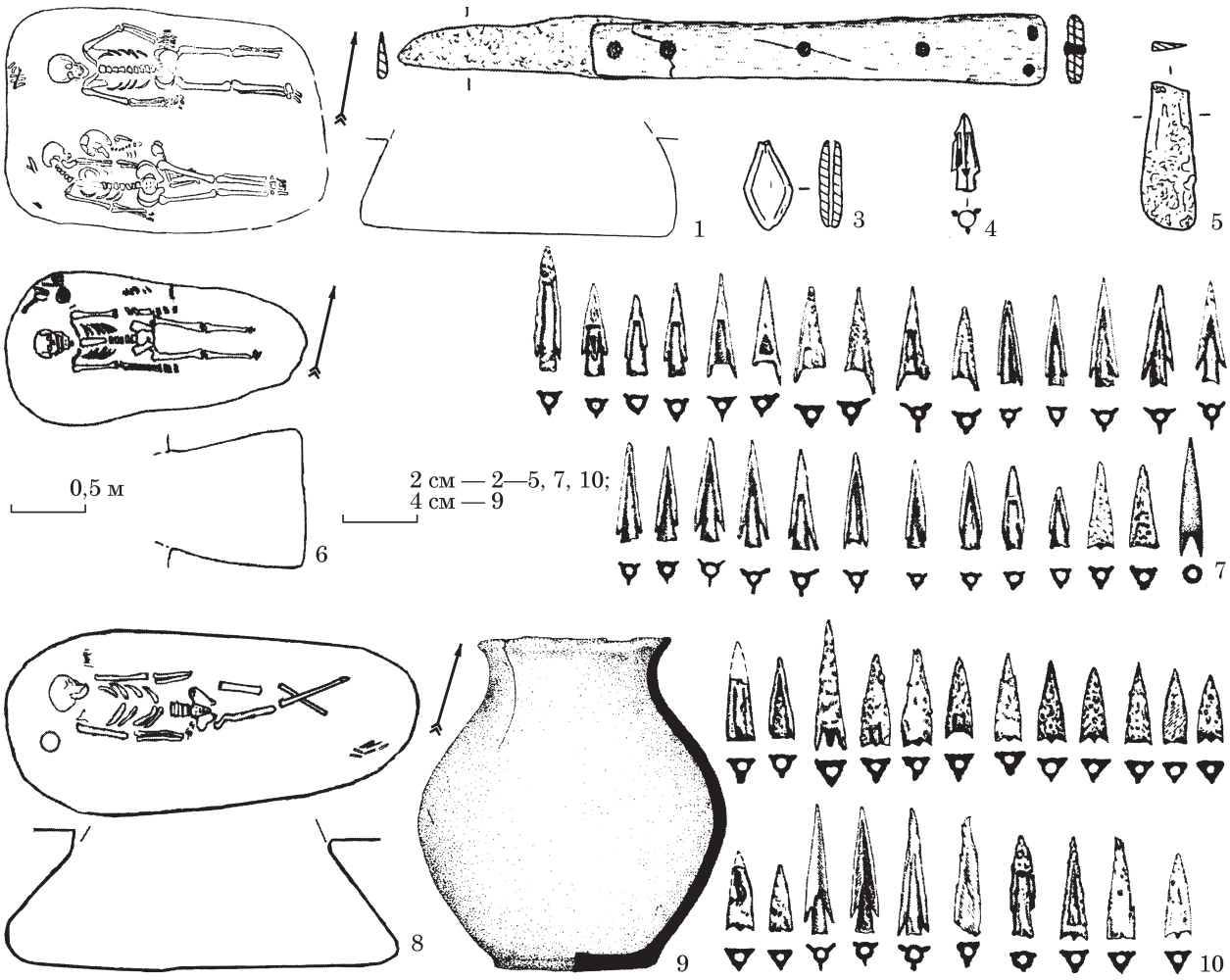


Рис. 9. Вертикальные катакомбы и сопутствующий инвентарь: 1—5 — Солдатово-Шалаши, к. 6, п. 2; 6, 7 — Дальнее, к. 2, п. 3; 8—10 — Дальнее, к. 2, п. 4 (рис. по Колтухов 2012a)

не материка ориентирована по линии В—З. По мере углубления расширялась по длине и ширине и на глубине около 2,0 м приобрела размеры 2,4 × 1,65 м. На уровне древнего горизонта перекрыта двумя каменными плитами, а в заполнении обнаружены бутовые камни. Погребение содержало 2 захоронения — первое на дне и второе на 0,25 м выше над ним (рис. 8: 1—6).

Верхний скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на З. Его сопровождали наконечник копья, кости животных на деревянном блюде, скрепленном железными скобами, нож, золотая накладка на деревянную чашу и колчан с 22 стрелами (рис. 8: 1—6).

Нижний скелет взрослого человека на дне лежал вытянуто на спине головой на З. Руки раскинуты вдоль тела, правая нога подогнута в колене. Его сопровождали золотая проволочная серьга, стеклянные бусы, в т. ч. 5 пирамидальных синего стекла, цельнометаллическое бронзовое зеркало с длинной ручкой с круглым медальоном на конце, лепной кувшинчик, кости животных с ножом, аттическая чернолаковая солонка второй четверти V в. до н. э. с граффити на нижней стороне поддона ΔΙ, костяные накладки на шкатулку, наконечник копья, колчан с 47 стрелами (рис. 8: 7—17).

Датировка: оба погребенных в пределах второй—третьей четверти V в. до н. э. (Колтухов 2012a, с. 34, 35, рис. 9; 10: 1, 2).

14. Солдатово — Шалаши, к. 6, п. 2. Впускное в кургане эпохи бронзы. На уровне материка размеры входной ямы составляли около 1,8 × 1,0 м при широтной ориентировке. По мере углубления расширялась по длине и на глубине около 1,5 м катакомба приобрела подпрямоугольные очертания и размеры 2,2 × 1,45 м. На дне лежали 2 скелета взрослых людей вытянуто на спине головами на З, и между ними скелет ребенка скорченного на правом боку также головой на З. При каждом из взрослых скелетов за головами лежали кости животных с ножом. Также найдены стеклянная бусина и бронзовый наконечник стрелы (рис. 9: 1—5).

Датировка: около рубежа V—IV вв. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 49, рис. 24: 3—6).

15. Дальнее, к. 2, п. 3. Впускное в курган срубного периода, досыпанный в скифское время до высоты 2 м. Входная яма на уровне материка размерами около 1,8 × 0,8 м ориентирована по линии В—З. По мере углубления расширилась по длине и ширине и на глубине около 1,5 м приобрела размеры 2,0 × 1,0 м при

Рис. 10. Вертикальные катакомбы и сопутствующий инвентарь: 1, 2 — Дальнее, к. 7, п .3; 3, 4 — Братское, к. 6, п. 1; 6—8 — Братское, к. 7, п. 3; 9—13 — Братское, к. 7, п. 6 (рис. по Колтухов 2012a)

той же форме и ориентировке. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на З. Сопровождался деревянной чашей, кости животных с ножом и колчаном с 26 бронзовыми наконечниками стрел (рис. 9: 6, 7).

Датировка: вторая половина V — первая половина IV вв. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 90, рис. 81: 1—3).

16. Дальнее, к. 2, п. 4. Впускное в курган срубного времени, досыпанного в скифское время до высоты 2 м. Синхронно основному скифскому погребению кургана. Овальная входная яма размерами около 2,2 × 0,5 м на уровне материка ориентирована по линии ЮЗЗ—СВВ. На уровне древнего горизонта имела деревянное перекрытие, на котором лежала наброска из камней. На глубине около 1,5 м приобрела размеры 2,6 × 0,9 м при той же форме и ориентировке. В погребении обнаружены останки 3 человек. Кости двух были сдвинуты под стенки. Последнее захоронение взрослого человека было совершено на грунтовой подсыпке. Скелет лежал вытянуто на спине головой на ЮЗЗ. Ноги перекрещены в голенях. Его сопровождали лепной сосуд, КЖ с

ножом на деревянном блюде и колчан с 22 бронзовыми наконечниками стрел (рис. 9: 8—10).

Датировка: вторая половина V — начало IV вв. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 90, рис. 81: 4, 5).

17. Дальнее, к. 7, п. 3. Впускное в скифский курган высотой 0,7 м. Овальная входная яма размерами 1,1 × 0,6 м на уровне материка ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Расширялась по длине и ширине по мере углубления и на глубине около 1,5 м приобрела размеры 1,4 × 0,8 м при той же форме и ориентировке. На дне лежал вытянуто на спине скелет ребенка головой на ЮЗ. Его сопровождал красноглиняный кувшинчик с каннелированным горлом и сбитым кольцевым поддоном с краснолаковым (?) покрытием (рис. 10: 1, 2). По мнению С. Г. Колтухова это покрытие, нетипичное для IV в. до н. э., является результатом нарушения технологии обжига, случайно для этого времени и в целом не может определять датировку. Сосуд имеет значительное сходство по форме с сероглиняным кувшинчиком из скифского кургана 137 могильника Мамай-гора IV в. до н. э. (Андрух, Тощев 2009, рис. 27: 6).

Датировка: IV — начало III вв. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 88, рис. 77: 7, 8).

18. Братское, к. 6, п. 1. Основное погребение в распаханном кургане. Овальная входная яма размерами около 2,0 × 1,2 м на уровне материка ориентирована по линии СВВ—ЮЗЗ. По мере углубления расширялась по длине и на глубине около 1 м приобрела размеры 2,2 × 1,4 м при той же форме и ориентировке. Погребение ограблено. В заполнении обнаружены разрозненные кости человека и животного, а также лепной сосуд (рис. 10: 3, 4).

Датировка: IV в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 92, рис. 83: 1, 2).

19. Братское, к. 7, п. 3. Впускное в скифском кургане высотой 1,4 м. Овальная входная яма размерами около 1,5 × 0,6 м на уровне материка ориентирована по линии В—З. Была перекрыта каменными плитами. По мере углубления расширялась по длине и на глубине около 2 м приобрела размеры 2,1 × 0,8 м при той же форме и ориентировке. Здесь лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине головой на З. Его сопровождали два наконечника копий с подтоками (длина копий 1,8—1,9 м), гончарный кувшин, кости животных с ножом, колчан с 50 бронзовыми наконечниками стрел (рис. 10: 5—8).

Датировка: первая половина — середина V в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 92, рис. 85: 1—4).

20. Братское, к. 7, п. 5. Впускное в скифском кургане высотой 1,4 м. Овальная входная яма размерами около 0,9 × 0,5 м на уровне материка ориентирована по линии В—З. Перекрыта каменными плитами. По мере углубления расширялась по длине и ширине и на глубине около 2,2 м приобрела размеры 2,1 × 1,0 м при той же форме и ориентировке. На дне лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине головой на З. Его сопровождали лепной лощеный кувшин, кости животных с ножом, колчан с 26 бронзовыми наконечниками, пряслице, изготовлен-

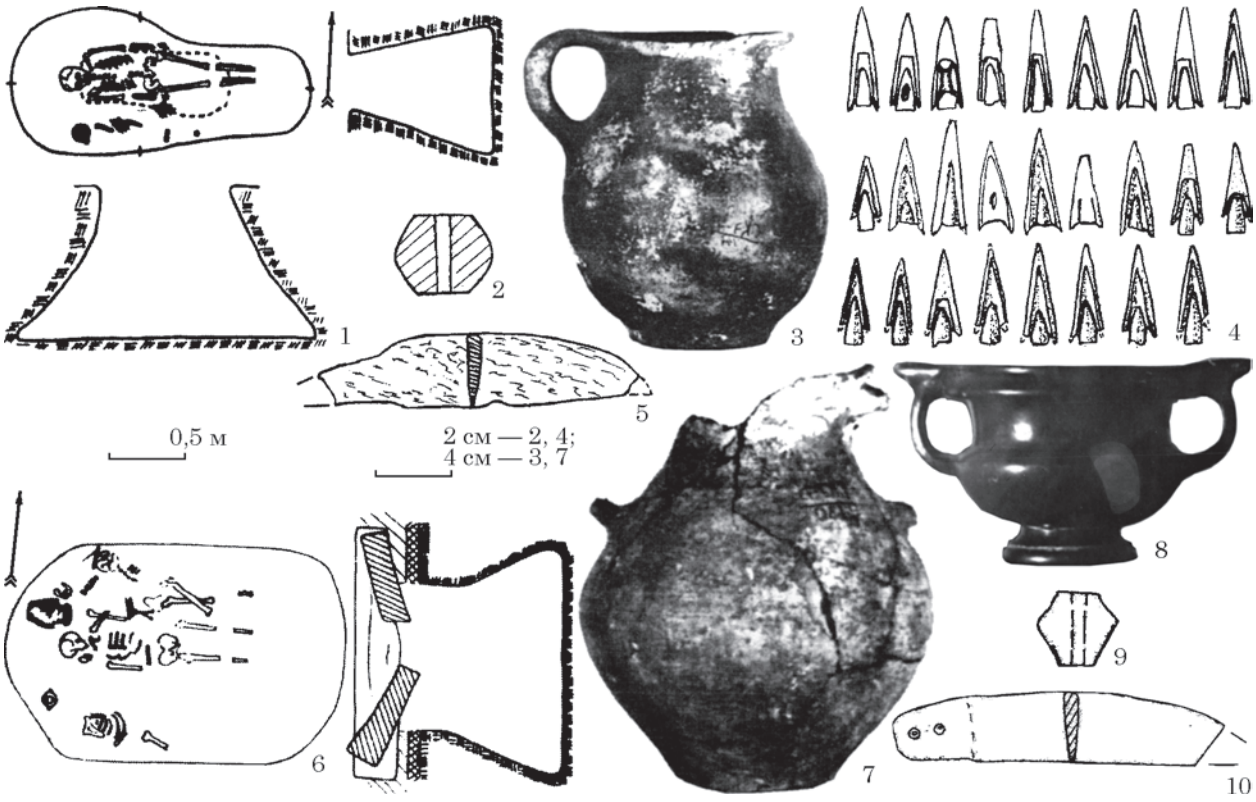


Рис. 11. Вертикальные катакомбы и сопутствующий инвентарь: 1—5 — Братское, к. 7, п. 5; 6—10 — Братское, к. 10, п. 3 (рис. по Колтухов 2012a)

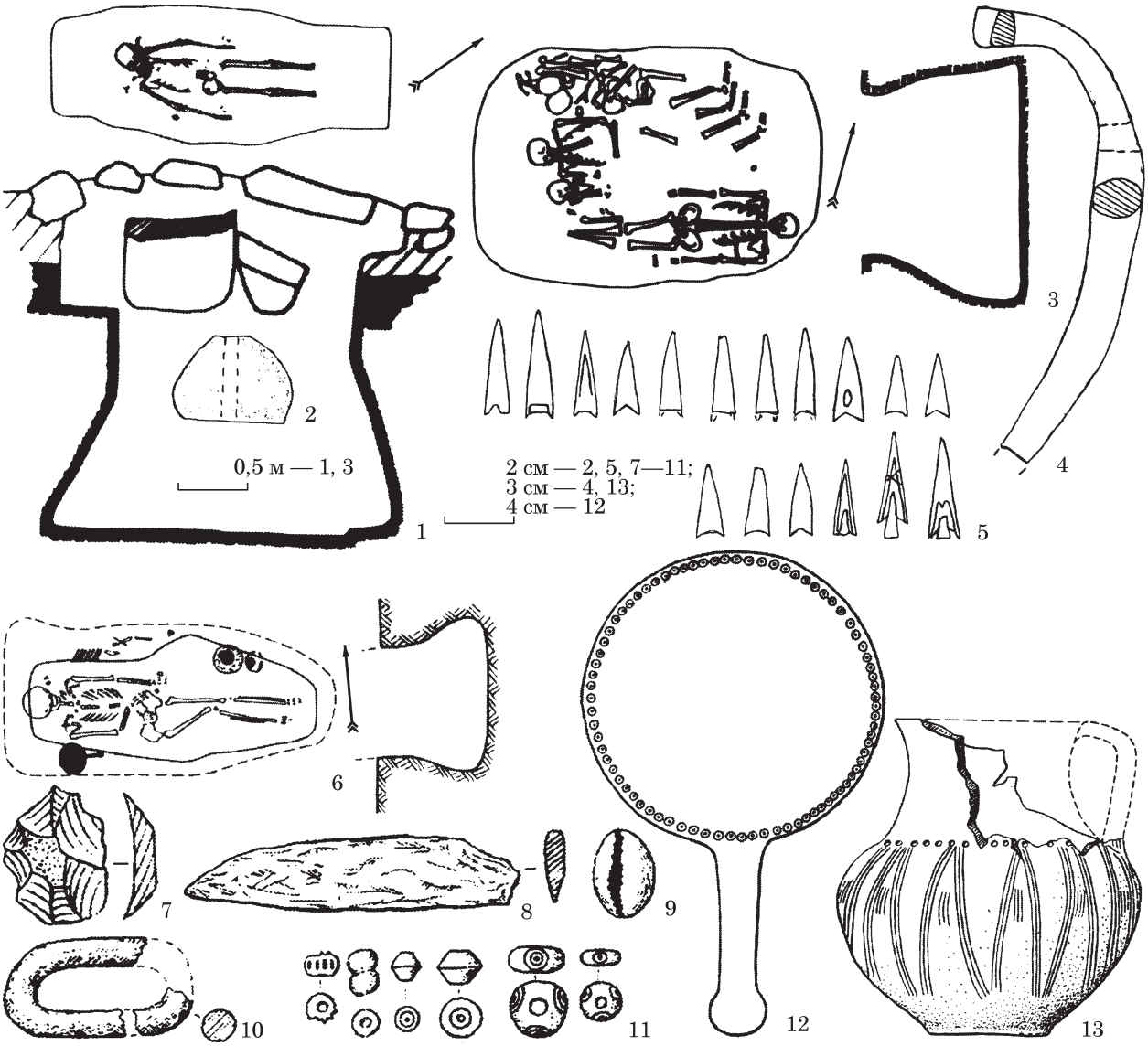


Рис. 12. Вертикальные катакомбы и сопутствующий инвентарь: 1, 2 — Братское, к. 10, п. 1; 3—5 — Братское, к. 13, п. 3; 6—13 — Гришино, к. 1, п. 2 (рис. по Колтухов 2012a)

ное из амфорной ручки, гераклейская амфора конца V в. до н. э. (рис. 11: 1—5).

Датировка: конец V в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 92, рис. 84: 1—5).

21. Братское, к. 7, п. 6. Основное в скифском кургане высотой 1,4 м. Овальная входная яма размерами около 1,1 × 0,5 м на уровне материка ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Была перекрыта каменными плитами. По мере углубления расширялась по длине и ширине и на глубине около 1,4 м приобрела размеры 2,0 × 1,4 м при той же форме и ориентировке. На дне лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине головой на ЮЗ. Его сопровождали кости животных с ножом, пряслице, изготовленное из ручки фасосской амфоры, лепной сосуд (рис. 10: 9—13).

Датировка: первая половина V в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 92, рис. 83: 4—7).

22. Братское, к. 10, п. 1. Впускное в скифском кургане высотой 1,2 м. Подпрямоугольная входная яма размерами около 1,8 × 1,0 м на уровне материка ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Перекрыта каменными плитами. По мере углубления расширялась по длине и на глубине около 2,5 м приобрела размеры 2,5 × 1,0 м при той же форме и ориентировке. На дне лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине головой на ЮЗ. Его сопровождали ожерелье из костяных и одной стеклянной бусин и пряслице, изготовленное из ручки гераклейской амфоры (рис. 12: 1, 2).

Датировка: IV в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 93, рис. 87: 1, 2).

23. Братское, к. 10, п 3. Впускное в скифском кургане высотой 1,2 м. Овальная входная яма размерами около 1,5 × 0,9 м на уровне материка ориентирована по линии В—З. Перекрыта каменными плитами. По мере углубления расширялась по длине и ширине, и на глубине около 2,0 м приобрела размеры 2,2 × 1,4 м при той же форме и ориентировке. На дне

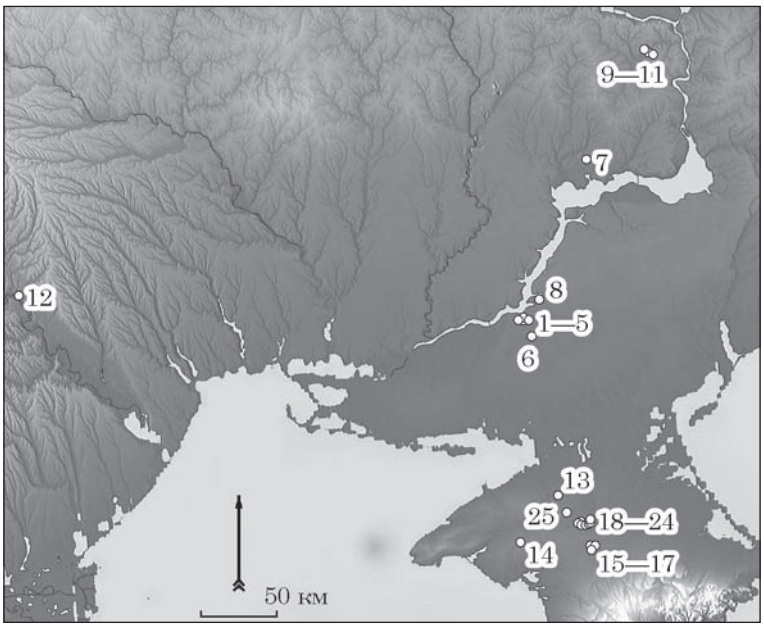


Рис. 13. Ареал скифских вертикальных катакомб в степном Причерноморье в первой половине V — первой половине IV в. до н. э. Номера на карте соответствуют номерам в тексте

лежали скелеты 2 взрослых людей вытянуто на спине головой на З. Их сопровождали кости животных и нож, чернолаковый канфар, лепной двуручный кувшин, свинцовое пряслице (рис. 11: 6—10).

Датировка: вторая четверть IV в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 93, рис. 87: 3—7; Полин 2014, с. 419).

24. Братское, к. 13, п. 3. Основное в скифском кургане высотой 0,5 м. Овальная входная яма размерами около 2,2 × 1,1 м на уровне материка ориентирована по линии СВВ—ЮЗЗ. Перекрыта каменными плитами. По мере углубления расширялась по длине и ширине и на глубине около 1,7 м приобрела размеры 2,6 × 1,7 м при той же форме и ориентировке. На дне обнаружены останки 5 человек. Кости 2 скелетов сдвинуты к северной стенке. Скелеты еще 2 взрослых людей, частично нарушенные, вытянуты на спине головами на ЮЗЗ. Пятый скелет лежал вытянуто на спине головой на СВВ. При последнем лежал колчан с 17 бронзовыми наконечниками стрел. При других найдены керамическое пряслице и фрагментированный железный предмет (рис. 12: 3—5).

Датировка: IV в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 94, рис. 89: 3—5).

25. Гришино, к. 1, п. 2. Впускное в скифском кургане высотой 0,5 м. Овальная входная яма размерами около 1,6 × 0,6 м на уровне материка ориентирована по линии В—З. По мере углубления расширялась по длине и ширине и на глубине около 1,2 м приобрела размеры 1,95 × 1,15 м при той же форме и ориентировке. На дне лежал скелет женщины вытянуто на спине головой на З. Ее сопровождали серьга, стеклянные бусы, железная скрепа, раковина каури, бронзовое цельнометаллическое зеркало пелопоннесского типа с длинной ручкой с овальным окончанием, деревянная чаша, лепной лощеный орнаментированный кувшин, кремневый отщеп, кости животных с ножом (рис. 12: 6—13).

Датировка: конец V — первая четверть IV в. до н. э. (Колтухов 2012b, с. 96, рис. 93: 9—17).

Обсуждение. В таблице приведены сводные данные о скифских погребениях в вертикальных катакомбах с указанием метрических параметров катакомб, состава погребенных с привлечением имеющихся антропологических определений, состава инвентаря и датировок, прежде всего по античной керамике, а также по наконечникам стрел или характерным датирующим вещам. Это позволяет дать суммарную характеристику таких погребений и обозначить их место в пространственной и социальной структуре Скифии.

География распространения. На сегодняшний день мы располагаем группой из 25 погребений, совершенных в катакомбах вертикального типа. Если учесть, что на сегодняшний день в северопричерноморской степной Скифии исследовано около 4500 погребений V—IV вв. до н. э. [1], то легко представить себе редкость таких погребений, составляющих всего около 0,6 % общего количества. В географическом отношении 11 погребений сосредоточены на Нижнем Днепре (№ 1—11), 1 на Нижнем Днестре (№ 12) и 13 в Крыму (№ 13—25; рис. 13).

Хронология. Хронологический диапазон скифских погребений в вертикальных катакомбах охватывает период от первой половины V до середины IV в. до н. э., возможно, с заходом в третью четверть IV в. до н. э. Наиболее ран-

1. До 1981 г. в степной Скифии было исследовано 2283 погребения V—IV вв. до н. э. (Черненко и др. 1986, с. 345). С тех пор это количество приблизительно удвоилось.

ние погребения первой половины — сер. V в. до н. э. открыты в Крыму (№ 13—16, 19—21). Не позднее конца V — начала IV в. до н. э. они появляются в Нижнем Поднепровье (№ 8) и на протяжении большей части IV в. до н. э. достаточно равномерно представлены как в Крыму, так и в Нижнем Поднепровье. Это, по-видимому, свидетельствует о постоянных маршрутах сезонных перекочевок данной группы скифов. Вероятно, с подобными передвижениями крымских групп скифов связаны весьма редкие на нашей территории находки кизил-кобинской керамики в скифских курганах в Корнеевке и Первоконстантиновке (Ковалев, Полин 1991, с. 40, рис. 4: 2; Лесков 1981, с. 112, рис. 20). Не позднее середины IV в. до н. э. единственное погребение в вертикальной катакомбе фиксируется на Нижнем Днестре (№ 12).

Параметры вертикальных катакомб. Как уже отмечалось выше, в катакомбах вертикального типа овальная или прямоугольная входная яма расположена непосредственно над большой овальной или подпрямоугольной камерой. Ориентация входной ямы и камеры одинаковы и во всех случаях широтные. Входные ямы у таких катакомб имели достаточно скромные размеры — в пределах 1,1—2,3 × 0,6—1,2 м. Также сравнительно невелики и размеры камер — 1,45—2,9 × 0,75—1,8 м. Не отличаются они и особой глубиной, колеблющейся в пределах от 1,0 до 3,05 м. Основные значения глубин крымских погребений находятся в пределах 1,5—2,2 м, нижнеднепровских 2,1—2,4 м. Крымские погребения следуют в русле общей крымской тенденции — большие глубины нехарактерны для скифских погребений Крыма.

Как, кто и сколько. Все погребения совершены по обряду трупоположения. Скелеты вытянуты на спине. В четырех случаях прослежены элементы скорченности на спине — ноги согнутые в коленях и установленные вертикально, распались ромбом (№ 7, 8, 12, 13). В одном случае ноги скрещены в голенях (№ 16). В основном погребенные ориентированы головами в З направлении. Исключения — № 7, 10 и 24 — головами на СВ и В и в коллективном п. 1 из 5 скелетов ориентирован на СВВ. В 5 случаях ориентировка скелетов не установлена из-за полного разрушения захоронений. Преобладают индивидуальные захоронения — 15 из 25.

Согласно **антропологическим определениям** в двух погребениях захоронены женщина возмужалого возраста и подросток 12—14 лет, скорее всего девочка (№ 1 и 7). Женский пол последней подтверждается характерным набором инвентаря — набором крупных стеклянных бусин, что характерно для женских детских погребений IV в. до н. э. В большинстве случаев пол погребенных определяется по составу сопровождающего инвентаря.

В четырех погребениях захоронены мужчины (№ 8, 15, 16, 19), в 12 — женщины (№ 1, 2, 4, 5, 7, 10—12, 20—23, 25), в 2 — дети: 2 ребенка (№ 6) и 1 ребенок (№ 17). В одном погребении пол, вероятно, женский, но из-за слабой выразительности набора вещей нельзя полностью исключать и мужскую принадлежность (№ 12). В 3 случаях пол погребенного остался неустановленным из-за разрушенности погребения при ограблении (№ 3, 9, 18). В целом в вертикальных катакомбах преобладают женские индивидуальные погребения. В сумме с детскими они составляют 77 % индивидуальных захоронений в вертикальных катакомбах с установленной поло-возрастной принадлежностью.

В нескольких случаях совершены коллективные погребения, в числе которых парные и тройные единовременные захоронения (№ 6 — 2 ребенка, № 14 — М + Ж + Р, № 23 — Ж + Ж, № 16 — М + 2 неизвестн.). Трудно решить вопрос о единовременности захоронения М и Ж в № 13, где погребение двухъярусное и № 24 (5 чел.). Датировка обоих погребенных в № 13 в пределах второй—третьей четверти V в. до н. э. может указывать на их единовременность, но различия в составах колчанных наборов все же говорят о некоторой разнице во времени погребения, хоть и вряд ли значительной. В № 13, 16 и 24 (5 чел.) мы уже наблюдаем появление коллективных склепов длительного использования, где скелеты предшественников сгребаются в сторону, освобождая место для новых погребенных, или скелеты располагаются ярусами. Судя по датировке № 13 и 16, зачатки этого обряда появились еще во второй половине V в. до н. э. (Колтухов 2005, с. 276, 277; Кропотов 2009, с. 217).

В целом представляется, что обряд захоронения в вертикальных катакомбах более характерен для женщин и детей и значительно меньше — для мужчин. Возможно, для мужчин этой группы также применялся обряд захоронения в катакомбах других типов. Об этом опосредованно может свидетельствовать находка фрагмента кизил-кобинского орнаментированного лепного сосуда в тризне к. 2 у с. Корнеевка, мужские захоронения которого второй половины V в. до н. э. совершены в яме с подбоем и в поперечной катакомбе (Ковалев, Полин 1991, с. 39, 40, рис. 3; 4: 2; 5; Полин 2014, с. 199—201).

Сопровождающий инвентарь в погребениях в вертикальных катакомбах не отличается роскошью. Лишь в 4 погребениях найдены изделия из драгоценных металлов — золотой перстень, деревянный сосудик с прошивкой золотой проволочкой, ожерелье из золотых подвесок и бусин, золотые серьга и накладка на деревянную чашу (№ 4, 8, 10, 13). Из предметов роскоши также нужно отметить зеркала (№ 4, 5, 13, 25) и античную керамику (№ 1, 4, 10, 12, 13, 17, 19, 20, 23). Практически обязательной принадлежностью всех погребений являются остатки напутственной пищи в виде кос-

тей животных, почти всегда сопровождаемой ножом. Кости живтных отсутствовали в двух ограбленных погребениях 1 и 2, что не может означать их отсутствия вообще. Но их также не было и в целом женском погребении, где из инвентаря в наличии лишь пряслице (№ 22). Интересный случай отмечен в не ограбленном погребении девочки, где найден характерный нож на правильном месте (у головы), но при этом отсутствовали кости животных (№ 7). Кости животных без ножа, как это было в нашем № 6, изредка встречаются, но наоборот — это первый случай, случай небывалый в скифской погребальной практике и в целом непонятный. Наиболее бедными оказались детские погребения, в которых найдены только кости животных, нож и бусы, и кувшинчик в каждом отдельном случае (№ 6, 7, 17).

Оружие. Встречено во всех мужских индивидуальных погребениях (№ 8, 13, 15, 16, 19), где представлено наступательными видами, такими как копья и лук со стрелами. Копье и / или стрелы также присутствуют в коллективных захоронениях, где, вероятно, связаны с захоронениями мужчин (№ 14, 16, 24). Весьма необычен состав вооружения в № 8, где традиционный набор наступательного вооружения, — лук / стрелы с копьем и дротиком, — внезапно сочетается с поножами греческого производства. Мало того, что в погребениях 1—3 модели социальной структуры рядового населения защитный доспех встречается достаточно редко (Бунятян 1985, с. 93—96, 222), поножи вообще характерны для погребений скифской знати вплоть до самого высшего царского уровня.

Оружие также присутствует в 4 достоверно женских погребениях (№ 1, 5, 13, 20), где представлено наступательными видами (копье, дротик, стрелы), и в одном, женская принадлежность которого вполне вероятна (№ 12). В последнем найдены 2 наконечника стрел, которые в данном погребении выполняли роль приношения.

Социальная принадлежность. Согласно разработкам Е. П. Бунятян по социальной структуре рядового населения Скифии IV в. до н. э., параметры входных ям вертикальных катакомб в равной степени соответствуют первой (№ 1, 3—5, 7, 8, 11, 17, 19, 20, 23) и второй моделям (№ 2, 6, 9, 10, 12—16, 18, 22, 24, 25), параметры катакомб — в 2 случаях первый (№ 3, 17) и остальные — второй, а по глубинам — первый — 10 случаев (№ 7, 11, 14—18, 21, 24, 25) и остальные 15 случаев — второй моделям. По составу инвентаря соответствуют первой (№ 6, 7, 9, 14, 17, 21, 22, 24), второй (№ 2, 3, 15, 16, 19, 20, 23) и третьей (№ 1, 4, 5, 8, 10—13, 25) моделям. В целом наши погребения принадлежат к беднейшей (1-я модель), рядовой (2-я) и богатой прослойке (3-я) рядового населения степной Скифии IV в. до н. э. (Бунятян 1985, с. 91—95) практически в равных долях.

Выводы. На протяжении первой половины V — середины IV вв. до н. э. в степной Скифии Северного Причерноморья существовала небольшая группа скифского населения, практиковавшая обряд захоронения в вертикальных катакомбах. Этот обряд появился в Крыму в первой половине V в. до н. э. и не позднее конца V — начала IV вв. до н. э. фиксируется в Нижнем Поднепровье. На протяжении большей части IV в. до н. э. существовал как в Крыму, так и в Нижнем Поднепровье. По-видимому, у группы крымских скифов, практиковавших обряд захоронения в вертикальных катакомбах, в нач. IV в. до н. э. окончательно сложился устойчивый маршрут сезонных перекочевок циркуляционного типа в меридианальном направлении. В вертикальных катакомбах хоронили преимущественно женщин и детей и весьма редко мужчин из рядового населения. Вероятно, для мужчин этой группы также применялся обряд захоронения в катакомбах иного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Свод археологических источников, Г 1-12. Москва: Наука.

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Свод археологических источников, Г 1-12/2. Москва: Наука.

Бидзиля, В. И., Болтрик, Ю. В., Мозолевский, Б. Н., Савовский, И. П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки. В: Бидзиля, В. И. (ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев: Наукова думка, с. 61-158.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Курганы Украины, 2 Киев: Скиф.

Битковский, О. В., Полин, С. В. 1987. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V—IV вв. до н. э.). В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 74-85.

Бунятян, Е. П. 1985. *Методика социальных реконструкций в археологии*. Киев: Наукова думка.

Гайдукевич, В. Ф. 1987. *Античные города Боспора. Мирмекий*. Ленинград: Наука.

Галанина, Л. К. 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). Свод археологических источников, Д 1-33. Москва: Наука.

Горская, О. В. 2002. Культы Нимфея по материалам граффити. *Боспорский феномен*: Погребальные памятники и святилища, 1, с. 114-121.

Граков, Б. Н. 1964. Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 6, с. 118-127.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы днепровского лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.

Ковалева, И. Ф., Шалобудов, В. Н., Андросов, А. В., Мухопад, С. Е. 1990. *Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Исследования курганов в зонах мелиоративного строительства Днепропетровской обл. в 1990 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1990/43.

Ковалев, Н. В., Полин, С. В. 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка в Запорожской обл. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 33-53.

Колтухов, С. Г. 2005. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время. *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму*, XII, с. 259-299.

Колтухов, С. Г. 2012a. *Скифы Крымского Присивашья в VII—IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма*. Материалы к археологической карте Крыма, X. Симферополь: Феникс.

Колтухов, С. Г. 2012b. *Скифы Северо-западного Крыма в VII—IV вв. до н. э. (погребальные памятники)*. Археологический альманах, 27. Донецк: Донбасс.

Кропотов, В. В. 2009. Курган с «коллективным погребением» IV в. до н. э. в Предгорном Крыму. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа*. Киев; Полтава: Гротеск, с. 200-221.

Круц, С. И., Потехина, И. Д., Шепель, Е. А., Сегеда, С. П., Назарова, Т. А., Литвинова, Л. В., Рудич Т. А. 1986. *Палеоантропологический каталог коллекций Института археологии АН УССР*. НА ІА НАН України, п. т. 118.

Кубышев, А. И., Шилов, Ю. А., Ковалев, Н. В., Симоненко, А. В., Лысенко, Г. И. 1989. *Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в Херсонской обл. в 1989 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1989/21.

Лесков, А. М., Черненко, Е. В., Болтрик, Ю. В., Болдин, Я. И., Зарайская, Н. П., Отрощенко, В. В. 1968. *Отчет о раскопках Каховской экспедиции в 1968 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1968/15.

Лесков, А. М., Кубышев, А. И., Черненко, Е. В., Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Болдин, Я. И., Зарайская, Н. П., Ястребова, С. Б., Отрощенко, В. В. 1969. *Отчет о работе Каховской экспедиции ИА АН УССР в 1969 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1969/22.

Лесков, А. М. 1981. *Курганы, находки, проблемы*. Ленинград: Наука.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стилос.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАН України.

Ольховский, В. С. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье. *Советская археология*, 4, с. 108-128.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Островерхов, А. С. 1985. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии. *Вестник древней истории*, 3, с. 92-108.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Свод археологических источников, Д 1-4. Москва: Наука.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Свод археологических источников, Д 4-5. Москва: Наука.

Полин, С. В., Дараган, М. Н. 2018. *Отчет Орджоникидзевской экспедиции ИА НАН Украины об исследованиях курганов у г. Покров (бывш. г. Орджоникидзе) на территории Пригородного (бывш. Менжинского) с/с Никопольского р-на в зоне перспективного развития Северного карьера Покровского (бывш. Орджоникидзевского) ГОКа Днепропетровской обл. в 2018 г.* НА ІА НАН України, ф. 64.

Полин, С. В., Дараган, М. Н. 2019. Зеркала в погребениях Геродотовых скифов Северного Причерноморья второй половины V—IV в. до н. э. *Античный мир и археология*, 19, с. 121-171.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Курганы Украины, 3. Киев: Олег Філюк

Потапова, Ю. Б. 1994. Граффити на чернолаковой и столовой керамике Елизаветовского городища (из коллекции Ростовского областного музея краеведения). *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г.*, 12, с. 101-118.

Русяєва, А. С. 1971. Культ Кори-Персефони в Ольвії. *Археологія*, 4, с. 28-40.

Сапрыкин, С. Ю., Масленников, А. А. 2007. *Граффити и дипинти хоры античного Боспора*. Боспорские исследования, suppl. 1. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина.

Синика, В. С., Разумов, С. Н., Тельнов, Н. П. 2016. *Археологическое наследие Приднестровья*. Тирасполь: Полиграфист.

Синика, В. С., Тельнов, Н. П. 2016. Скифское захоронение с тамгой рубежа IV—III вв. до н. э. *Новое прошлое*, 4, с. 258-272.

Смольянинова, С. П. 2009. Свинцовые пряслица из Тиры-Белгорода. *Материалы по археологии Северного Причерноморья*, 9, с. 202-217.

Соломоник, Э. И. 1984. *Граффити с хоры Херсонеса*. Киев: Наукова думка.

Сокровища… 2008. *Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов)*. Оренбург: Димур.

Черненко, Е. В., Бессонова, С. С., Болтрик, Ю. В., Полин, С. В., Скорый, С. А., Бокий, Н. М., Гребенников, Ю. С. 1986. *Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.

Терещенко, О. І. 2013. Античне торгівельне судно «Зміїний-Патрокл» (склад продукції). *Археологія*, 3, с. 69-85.

Толстой, И. И. 1953. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Beazley, J. D. 1963. *Attic Red-figure Vase-Painters*. 2nd edn. Oxford.

Eisen, G. 1916. The characteristics of eye beads from the earliest times to the present. *American Journal of Archaeology*, 20, 1, p. 1-27.

Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2009. Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 14, p. 237-315.

Lang, M. 1976. *Graffiti and dipinti*. The Athenian Agora, XXI. Princeton.

Leskov, A. 1972. *Treasures from the Ukrainian barrows: latest discoveries*. Leningrad: Avrora.

Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970. *Black and plaine pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC*. The Athenian Agora, XII. Princeton.

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2021. Gold jewellery of the Vodoslavka Scythian burial ground of 2th—3th quarter of the 4th century BC. (in print).

REFERENCES

Alekseyeva, E. M. 1975. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoriya*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12. Moskva: Nauka.

Alekseyeva, E. M. 1978. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomorya*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12/2. Moskva: Nauka.

Bidzilya, V. I., Boltrik, Yu. V., Mozolevskiy, B. N., Savovskiy, I. P. 1977. Kurgannyy mogilnik v urochishche Nosaki. In: Bidzilya, V. I. (ed.). *Kurgannyye mogilniki Ryasnyye Mogily i Nosaki*. Kiev: Naukova dumka, s. 61-158.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila*. Kurgany Ukrainy, 2. Kiev: Skif.

Bitkovskiy, O. V., Polin, S. V. 1987. Skifskiy kurgan u s.Bogdanovka na Khersonshchine (k probleme khronologii pamyatnikov V—IV vv. do n. e.). In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, s. 74-85.

Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsialnykh rekonstruktsiy v arkheologii*. Kiev: Naukova dumka.

Gaydukevich, V. F. 1987. *Antichnyye goroda Bospora. Mirmekiy*. Leningrad: Nauka.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskiye drevnosti Podneprovia (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenburga)*. Svod arkheologicheskih istochnikov, D 1-33. Moskva: Nauka.

Gorskaya, O. V. 2002. Kulty Nimfeya po materialam graffiti. *Bosporskiy fenomen*: Pogrebalnyye pamyatniki i svyatilishcha, 1, s. 114-121.

Grakov, B. N. 1964. Pogrebalnyye sooruzheniya i ritual ryadovykh obshchinnikov stepnoy Skifii. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 6, s. 118-127.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify dneprovskogo lesostepnogo Levoberezhya*. Kiev: Naukova dumka.

Kovaleva, I. F., Shalobudov, V. N., Androsov, A. V., Muhopad, S. E. 1990. *Otchet o nauchno-issledovatelskoy rabote po teme: Issledovaniya kurganov v zonah meliorativnogo stroitelstva Dnepropetrovskoy obl. v 1990 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1990/43.

Kovalev, N. V., Polin, S. V. 1991. Skifskie kurganyi u s. Korneevka v Zaporozhskoy obl. In: Boltrick, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (ed.). *Kurganyi stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 33-53.

Koltuhov, S. G. 2005. Sklepyi varvarskogo naseleniya Stepnogo i Predgornogo Kryima v skifskoe vremya. *Starozhytnosti Pivnichnoho Prychornomorya i Krymu*, XII, s. 259-299.

Koltuhov, S. G. 2012a. *Skifyi Kryimskogo Prisivashya v VII—IV vv. do n. e. Pogrebalnyie pamyatniki. Landshaftno-istoricheskoe rayonirovanie arheologicheskih pamyatnikov Kryima*. Materialyi k arheologicheskoy karte Kryima, X. Simferopol: Feniks.

Koltuhov, S. G. 2012b. *Skifyi Severo-zapadnogo Kryima v v VII—IV vv. do n. e. (pogrebalnyie pamyatniki)*. Arheologicheskiy almanah, 27. Donetsk: Donbass.

Kropotov, V. V. 2009. Kurgan s «kollektivnyim pogrebeniem» IV v. do n. e. v Predgornom Kryimu. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epoha rannego zheleza*. Kiev; Poltava: Grotesk, s. 200-221.

Kruts, S. I., Potekhina, I. D., Shepel, E. A., Segeda, S. P., Nazarova, T. A., Litvinova, L. V., Rudich, T. A. 1986. *Paleoantropologicheskiy katalog kollektsiy Instituta arkheologii AN USSR*. NA IA NAN Ukrainy, p. t. 118.

Kubyshev, A. I., Shilov, Yu. A., Kovalev, N. V., Simonenko, A. V., Lysenko, G. I. 1989. *Otchet o raskopkakh Khersonskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Khersonskoy obl. v 1989 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1989/21.

Leskov, A. M., Chernenko, E. V., Boltrik, Yu. V., Boldin, Ya. I., Zarayskaya, N. P., Otroshchenko, V. V. 1968. *Otchet o raskopkakh Kakhovskoy ekspeditsii v 1968 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1968/15.

Leskov, A. M., Kubyshev, A. I., Chernenko, E. V., Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A., Boldin, Ya. I., Zarayskaya, N. P., Yastrebova, S. B., Otroshchenko, V. V. 1969. *Otchet o rabote Kakhovskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1969 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1969/22.

Leskov, A. M. 1981. *Kurgany. nakhodki. problemy*. Leningrad: Nauka.

Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina. Vodyana i Soboleva mogily)*. Kiev: Stilos.

Mogylov, O. D. 2008. *Sporyadzhennya konya skifskoyi doby u Lisostepu Shidnoyi Evropy*. Kyiv; Kamyanets-Podilskiy: IA NAN Ukrainy.

Olkhovskiy, V. S. 1977. Skifskiye katakomby v Severnom Prichernomorye. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 108-128.

Olkhovskiy, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Ostroverkhov, A. S. 1985. Fayansovyye i steklyannyye busy v Skifii i Sarmatii. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 92-108.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e.* Svod arkheologicheskih istochnikov, D 1-4. Moskva: Nauka.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4-5. Moskva: Nauka.

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2018. *Otchet Ordzhonikidzevskoy ekspeditsii IA NAN Ukrainy ob issledovaniyakh kurganov u g. Pokrov (byvsh. g. Ordzhonikidze) na territorii Prigorodnogo (byvsh. Menzhinskogo) s/s Nikopolskogo r-na v zone perspektivnogo razvitiya Severnogo karyera Pokrovskogo (byvsh. Ordzhonikidzevskogo) GOKa Dnepropetrovskoy obl. v 2018 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64.

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2019. Zerkala v pogrebeniyakh Gerodotovykh skifov Severnogo Prichernomoria vtoroy poloviny V—IV v. do n. e. *Antichnyy mir i arkheologiya*, 19, s. 121-171.

Polin, S. V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogilnik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine*. Kurgany Ukrainy, 3. Kiev: Oleg Filyuk.

Potapova, Yu. B. 1994. Graffiti na chernolakovoy i stolovoy keramike Elizavetovskogo gorodishcha (iz kollektsii Rostovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya). *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1992 g.*, 12, s. 101-118.

Rusyaeva, A. S. 1971. Kult Kory-Persefony v Olvii. *Arkheologiya*, 4, s. 28-40.

Saprykin, S. Yu., Maslennikov, A. A. 2007. *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora*. Bosporskiye issledovaniya, suppl. 1. Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina.

Sinika, V. S., Razumov, S. N., Telnov, N. P. 2016. *Arkheologicheskoye naslediye Pridnestrovia*. Tiraspol: Poligrafist.

Sinika, V. S., Telnov, N. P. 2016. Skifskoye zakhoroneniye s tamgoy rubezha IV—III vv. do n. e. *Novoye proshloye*, 4, s. 258-272.

Smolianinova, S. P. 2009. Svintsovyye pryaslitsa iz Tiry-Belgoroda. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomorya*, 9, s. 202-217.

Solomonik, E. I. 1984. *Graffiti s khory Khersonesa*. Kiev: Naukova dumka.

Sokrovishcha… 2008. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey (Materialy raskopok Filippovskikh kurganov)*. Orenburg: Dimur.

Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. V., Skoryy, S. A., Bokiy, N. M., Grebennikov, Yu. S. 1986. *Skifskiye pogrebalnyye pamyatniki stepey Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskiy mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoe*. Tiraspol: Stratum plus.

Tereshchenko, O. I. 2013. Antychne torgivelne sudno «Zmiinyi-Patrokl» (sklad produktsii). *Arkheologiya*, 3, s. 69-85.

Tolstoy, I. I. 1953. *Grecheskiye graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomoria*. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Beazley, J. D. 1963. *Attic Red-figure Vase-Painters*. 2nd edn. Oxford.

Eisen, G. 1916. The characteristics of eye beads from the earliest times to the present. *American Journal of Archaeology*, 20, 1, p. 1-27.

Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2009. Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 14, p. 237-315.

Lang, M. 1976. *Graffiti and dipinti*. The Athenian Agora, XXI. Princeton.

Leskov, A. 1972. *Treasures from the Ukrainian barrows: latest discoveries*. Leningrad: Avrora.

Sparkes, B. A., Talcott, L. 1970. *Black and plaine pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC*. The Athenian Agora, XII. Princeton.

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2021. Gold jewellery of the Vodoslavka Scythian burial ground of 2th—3th quarter of the 4th century BC. (in print).

S. V. Polin, M. N. Daragan

VERTICAL TYPE OF SCYTHIAN CATACOMBS OF THE 5th—4th CENTURY BC IN THE NORTHERN PONTIC STEPPE

The vertical type of catacomb graves unusual for Scythian funeral practises is discussed in the paper. If numerous types of Scythian catacombs and their subcategories in the Northern Pontic Region have the vertical-horizontal layout, where the entrance pit has the vertical-horizontal layout, and the dromos and the connected catacomb have exclusively horizontal layout, the burials under discussion have only the vertical layout. The oval entrance pit to these small burials is located directly above the large oval or sub-rectangular chamber. From our viewpoint in these cases we have the catacombs of fundamentally different construction which we term the «vertical type» of Scythian catacombs. Only 25 vertical-catacomb burials have been discovered so far. Taking into account the total number of about 4500 burials dated to the 5th—4th cent. BC discovered in the steppe region, the infrequence of this type of burial type constituting only 0.6 % of the total number of burials becomes quite obvious. Eleven burials are concentrated in the Lower Dnieper region, whereas one is located in the Lower Dniester region and thirteen in the Crimea. This type of catacombs belonges to the common population, the females and children burials predominate, males grave are very few. This type of burials appears in the Crimea in the first half of the 5th cent. BC and no later than the end of 5th — beginning of 4th cent. BC appears in the Lower Dnieper region. For most of the 4th cent. BC exists both in the Crimea and in the Lower Dnieper region. During the almost whole 4th cent. BC such graves exist both in the Crimea and in the Lower Dnieper region. Apparently, the group of Crimean Scythians who practiced the burial rite in vertical catacombs, to the beginning of the 4th cent. BC has completely developed the stable route of seasonal migrations of the circulation type in the meridional direction.

Key words: Scythians, Northern Pontic region, funeral rite, catacomb, chronology.

С. В. Полін, М. М. Дараган

ВЕРТИКАЛЬНИЙ ТИП СКІФСЬКИХ КАТАКОМБ V—IV ст. до н. е. У СТЕПОВОМУ ПРИЧОРНОМОР'Ї

У статті розглядається незвичайний тип поховальних катакомб скіфів — вертикальний. Якщо всі численні типи скіфських катакомб і їх різновиди в Північному Причорномор'ї мають вертикально-горизонтальне планування, де вхідна яма має вертикально-горизонтальне, а дромос (дромоси) і катакомба (катакомби), з нею пов'язані, мають виключно горизонтальне планування, то ряд описаних поховань, має в цілому виключно вертикальне планування. У цих похованнях невеликих розмірів овальна або прямокутна вхідна яма розташована безпосередньо над великою овальною або підпрямокутною камерою. З нашої точки зору в цих випадках ми маємо катакомби принципово іншої конструкції, який ми назвали «вертикальний тип скіфської катакомби». Відомо 25 поховань, здійснених в катакомбах вертикального типу. Якщо врахувати, що на сьогоднішній день в північнопричорноморській степовій Скіфії досліджено близько 4500 поховань V—IV ст. до н. е., то легко уявити собі рідкісність таких поховань, що становлять всього близько 0,6 % загальної кількості. У географічному відношенні 11 поховань зосереджені на Нижньому Дніпрі, 1 — на Нижньому Дністрі, та 13 в Криму. У таких катакомбах ховали переважно жінок і дітей і дуже рідко чоловіків з рядового населення.

Обряд поховання в вертикальних катакомбах з'являється в Криму в першій половині V ст. до н. е. і не пізніше кінця V — початку IV ст. до н. е. з'являється в Нижньому Подніпров'ї. Протягом більшої частини IV ст. до н. е. існує як в Криму, так і в Нижньому Подніпров'ї. Мабуть, у групи кримських скіфів, які практикували обряд поховання в вертикальних катакомбах, на початку IV ст. до н. е. остаточно склався стійкий маршрут сезонних перекочівель циркуляційного типу в меридіональному напрямку.

Ключові слова: Північне Причорномор'я, скіфи, поховальний обряд, катакомба, хронологія.

Одержано 1.06.2020

ДАРАГАН Марина Миколаївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.
DARAGAN Maryna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-1019-9407, e-mail: darmar@ukr.net.

ПОЛІН Сергій Васильович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.
POLIN Sergij, Candidate of Historical Sciences, SeniorResearcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-1255-0758, e-mail: polin-arheo@ukr.net.

УДК [904.25:7.046](477.63)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.06

Ю. Б. Полидович

ИРАНСКАЯ МИФОЛОГЕМА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ И ПЕКТОРАЛЬ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ

Статья посвящена анализу изображений на золотой пекторали из кургана середины IV в. до н. э. Толстая Могила. На основании изучения структуры пекторали, всех ее составляющих частей и на сопоставлении изобразительных мотивов с иранской мифологией, предлагается новый вариант интерпретации общего содержания изображений пекторали.

Ключевые слова: *Толстая Могила, скифы, пектораль, фарн, царская власть, жертвоприношение, «скифский Арес», Гойтосир.*

Золотая пектораль, найденная в 1971 г. в кургане Толстая Могила экспедицией ИА АН УССР под руководством Б. Н. Мозолевского (Мозолевський 1979), является символом самых высоких достижений античного ювелирного искусства. Поражает как безукоризненное техническое исполнение изделия, мастерски воплощенные сложные ювелирные техники, так и превосходные художественные характеристики украшения. Уникальность пекторали также в богатстве и разнообразии представленных образов и мотивов, сложности композиции, многогранности и глубине смыслов.

Пектораль описана и проанализирована в десятках исследований, в которых раскрывается ее общий философско-символический смысл, объясняется значение сцен в композиционном единстве. Предложенные интерпретации порой довольно противоречивы, что связано со сложностью процесса «прочтения текста» пекторали, понимания содержания, заложенного ее создателями.

Определенная объективность в изучении древних произведений искусства возможна, если исходить из внутренней структуры предмета. По мнению Д. С. Раевского, ограниченность данных о скифской мифологии «заставляет при интерпретации семантики пекторали идти от *структуры* памятника, т. е. анализировать всю совокупность представленных мотивов и отношений между ними. Такая интерпретация должна каждый из входящих в декор пекторали образов рассматривать с трех точек зрения: что он означает, почему он включен в данную композицию, почему он помещен именно в данном месте композиции. Естественно, чем большее число мотивов, рассмотренных под таким углом, будет учтено, тем более надежной будет интерпретация» (Раевский 1985, с. 187).

ОБЩАЯ СТРУКТУРА ПЕКТОРАЛИ

Пектораль имеет четко выраженную круговую структуру. Основу предмета составляют четыре жгута, образующие эксцентрические окружности, центры которых находятся на одной оси (рис. 1; Раевский 1985, с. 187, рис. 37). Жгуты ограничивают три серповидных фриза, расположенных друг под другом и заполненных фигурками людей, животных, растительными побегами, что в совокупности образует общую композицию пекторали.

Каждый фриз имеет четко выделенную центральную сцену. На верхнем фризе по центру расположены фигурки двух мужчин с овечьим руном, на среднем — куст и две птицы в композиционном единстве, на нижнем — два грифона, терзающие поверженную лошадь. Каждая из этих сцен соотносится с центральной осью. Особенно очевидно это в случае с кустом «аканфа», состоящем из пяти больших листьев, четыре из которых расположены попарно по сторонам относительно центра, а пятый поднят

© Ю. Б. ПОЛИДОВИЧ, 2020

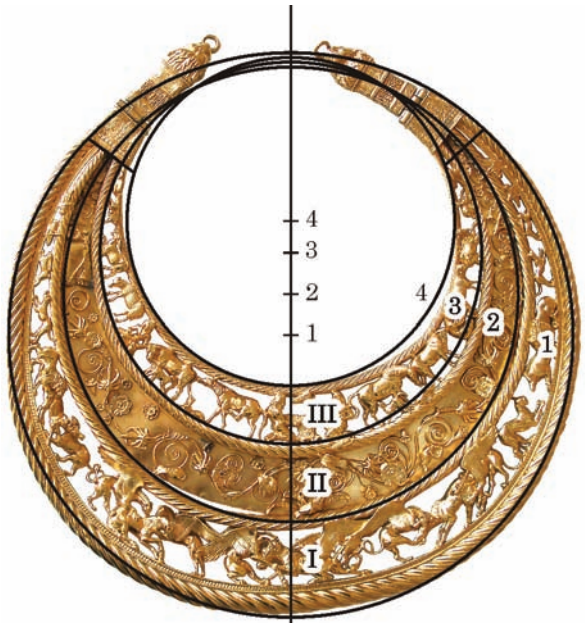


Рис. 1. Схема структуры пекторали из Толстой Могилы (по: Раевский 1985, рис. 37)

вверх. Ось этого листа полностью соотносится с центральной осью пекторали.

«Повествование» на каждом фризе разворачивается в горизонтальном плане: от центральной сцены к периферийным.

Сюжетные сцены (их 11 на внутреннем фризе и 9 на внешнем), за исключением центральных, имеют симметричные пары. Каждая сцена левой части фриза симметрична такой же сцене в правой его части. Однако это не зеркальная симметрия (ср: Гаврилюк, Тимченко 2015, с. 100), а смысловая (Мозолевський 1979, с. 83) или маятниковая (рис. 2; Балонов 1994, с. 17, 18), поскольку парные сцены близки тематически, в них задействованы, как правило, одни и те же образы, но при этом каждая из них воплощает оригинальный сюжет и несет разное смысловое значение.

Крайние фризы соотносятся между собой как противоположные и определяются не столько как верхний и нижний (вертикальное построение в пекторали имеет важное, но все же вторичное значение), сколько как внутреннее и внешнее по отношению к человеку, носящему пектораль. Соответственно, внутренний фриз является «своим» (центральным, человеческим, освоенным, домашним, жизнеутверждающим); внешний — «чужим» (периферийным, диким, неосвоенным, смертоносным) (Раевский 1985, с. 188, 189; ср.: Михайлин 2005, с. 174). Эти два фриза пекторали можно типологически сопоставить с представлениями об упорядоченном дуальном мире, основывающимися на противопоставлении человеческого мира и сферы природы, что было характерно для древних индоиранцев (Елизаренкова 1995, с. 453—463).

Структура пекторали выстроена так, что круги, образующие серповидные фризы, в точке застежки сходятся. Тем самым фризы, а вместе с ними и миры, которые они символизируют, соединяются в точке пересечения и как бы переходят друг в друга. Как отметил Ф. Р. Балонов (1994, с. 22), «концы пекторали, почти смыкаясь, переводят эту идею в план замкнутости, вечного повторения».

Центр внутренней окружности (рис. 2) является семантически ключевым, поскольку через него проходит главная сакральная ось, соотносимая с человеком (властителем), носящим на себе пектораль.

ВНЕШНИЙ ФРИЗ: ОБЩАЯ СТРУКТУРА

Внешний фриз пекторали в целом воплощает концепт смерти, выраженный через сцены терзания, борьбы, нападения, погони.

В центре фриза трижды повторена сцена терзания коня двумя грифонами, при этом каждая из сцен имеет свои сюжетные отличия. Центральная сцена отражает полную победу грифонов: конь, придавленный к земле, изображен с неестественно выпрямленными правыми ногами и подогнутыми левыми, раздутыми ноздрями, широко раскрытым ртом, из которого выпал язык (явные признаки мертвого животного). Эта сцена — апофеоз смерти: конь уже мертв, судьба его решена. В сцене, расположенной слева [1] от центральной, грифоны уже повалили коня, но он еще жив, а в расположенной справа — конь не только стоит на ногах, но и пытается бороться за свою жизнь, кусая за лапу грифона, нападающего спереди. Это сцены борьбы, в которых торжество смерти несомненно, но момент ее прихода в каждой последующей сцене более отдален в сравнении с центральной сценой (ср.: Балонов 1994, с. 18).

Далее, ближе к периферии, симметрично размещены сцены нападения льва и пантеры на оленя (в одном случае) и на кабана (в другом). Эти сцены также неравнозначны. Судьба оленя фактически уже предрешена: когтистые лапы хищников вонзились в тело животного, пантера вцепилась в его горло смертельной хваткой, выпавший язык оленя свидетельствует об агонии. Кабан изображен с вытянутой левой задней ногой, что в стилистике греко-скифского искусства также является признаком погибшего животного, однако, он еще способен вырваться из лап льва, а пантера, стоящая перед ним, только готовится к прыжку.

1. Здесь и далее расположение сцен обозначается относительно зрителя, так же, как это было принято и в описании Б. Н. Мозолевского (Мозолевський 1979, с. 79—93). О возможной символике «левого — правого» в пекторали относительно позиции носителя пекторали и зрителя см.: (Раевский 1985, с. 198, 199; Бессонова 1991, с. 90, 91; Балонов 1994, с. 18, 19).

Далее за сценами нападения размещены симметричные сцены погони: собака гонится за зайцем.

Таким образом, воспроизведена смысловая линия: терзание → борьба → нападение → погоня. С каждой сценой, которую мы рассматривали последовательно от центра к периферии, смерть, хотя бы на шаг, но отступает, напряжение уменьшается. В расположении сцен видим маятниковую симметрию: центральная сцена с конем (терзание) → левая сцена с конем (финальная стадия борьбы) → правая сцена с конем (борьба) → левая сцена с оленем (финальная стадия борьбы) → правая сцена с кабаном (нападение) → левая и правая сцены с зайцем (погоня; рис. 2).

Сюжет погони собаки за зайцем совершенно справедливо рассматривается в контексте охоты героя (Раевский 1985, с. 60—62; Форнасье 2003; др.). Изобразительный сюжет охоты на зайца Е. Е. Кузьмина (1977а, с. 20, 21) сопоставила с сюжетом из осетинской версии Нартовского эпоса о нарте Хамыце, преследующем белого зайца. Согласно данному сказанию, заяц оказался дочерью Донбеттыра (божества водного царства), которая стала супругой Хамыца. В результате этого необычного союза родился Батраз — один из главных героев эпоса. В скифской среде были распространены изображения охоты на зайца, и, по всей видимости, существовал повествовательный сюжет, близкий нартовскому (Кузьмина 1977а, с. 21; Раевский 1985 с. 62).

Если принять, что сцена погони собаки за зайцем на пектории семантически равнозначна преследованию этого животного героем-охотником, то такая погоня не закончится смертью зайца. Напротив, ее финалом станет брак и рождение нового героя. Иными словами, то, что должно было закончиться смертью, приводит к продолжению жизни. Обозначенный переход темы подтверждается ориентацией животных: если жертвы (кони, олень и кабан) расположены головой к центру поля, то есть в сторону смерти, то заяц — в противоположную сторону.

Данный переход находит логическое завершение в *брачных* парах кузнечиков (Мозолевський 1979, с. 83; Бабенко 2016а, с. 94), размещенных на самой периферии внешнего поля и заключающих цепочку изображений на нем.

Все сцены нападения и терзания являются троичными (в них участвуют три персонажа), тогда как сцены погони собаки за зайцем и пары кузнечиков — двоичными, что также является постепенным переходом к внутреннему фризу, в котором преимущественно изображены сцены с двумя персонажами.

Рис. 2. Маятниковая симметрия в расположении сцен на пектории из Толстой Могилы (по: Балонов 1994)

ВНУТРЕННИЙ ФРИЗ: ОБЩАЯ СТРУКТУРА

По своему содержанию сцены внутреннего фриза противоположны сценам внешнего фриза, поскольку каждая из них является свидетельством торжества жизни. Главными персонажами большинства сцен внутреннего фриза являются домашние животные, представленные попарно — мать и дитя. Порядок размещения животных от центра к краям в целом соответствует иерархии животных при жертвоприношениях, принятой, например, в древнеиндийских и некоторых других религиозных системах (Бессонова 1983, с. 72; Раевский 1985, с. 193, 194; Никольская 2005—2009, с. 373—375).

В сценах, расположенных по обе стороны от центральной (она будет рассмотрена далее), представлены кобыла с жеребенком и корова с теленком. Исследователи отмечают, что с разных сторон фриза жеребята и телята имеют возрастные отличия: лежащие детеныши животных — возрастом до месяца, стоящие — возрастом 2—3 месяца (Рудольф 1993, с. 86; Гаврилюк 2013, с. 286, 288). Исходя из этого, сцены, в которых изображены лежащие жеребенок и теленок, можно интерпретировать как сцены рождения. Эту трактовку подтверждают детали изображения фигурки лошади, к которой мастер не случайно дополнительно присоединил вымя, а под анусом пробил «достаточно большое круглое отверстие, что, вероятно, должно было имитировать половую щель кобылы» (Мозолевський 1979, с. 87), расширенную сразу после родов.

Далее за коровой с теленком расположена овца, но рядом с ней не ягненок, а юноша. Безусловно, в данном случае подчеркивается плодоносящая функция скота (Раевский 1985, с. 231, прим. 7). Но почему нарушена определенная логика изображения (пары «мать и дитя») и почему в сцене участвует человек (фактически человеческое дитя)? Одно из объяснений состоит в том, что доение овец начинается спустя некоторое время после окота, когда ягнята немного подрастают (Радлов 1989, с. 260, 261) или после отлучения малышей от матери (Васильев, Целютин 1979, с. 105). Следовательно, в сценах с овечкой проявляется следующий временной шаг по отношению к предыдущим сценам, и в результате получаем цепочку: рождение → кормление → отлучение детенышей, и последующее доение скота [1] (рис. 2).

Данная тема продолжена в сценах с козой: здесь изображены уже самостоятельные козлята, не нуждающиеся в молоке матери. Хотя на правой стороне фриза козленок изображен лежащим, как жеребенок и теленок, но рожки на его голове указывают на возраст около 2—3 месяцев. Козленок на левой стороне постарше. Поднятой левой ногой он чешет мордочку, и благодаря этому видны формирующиеся половые органы взрослеющего животного [2]. В данном случае позы козленка и кобылы после родов перекликаются. Акцентированные анатомические особенности животных говорят о разных этапах детства: о рождении и младенчестве — в одном случае, в другом — о его завершении. Маятниковая симметрия в сценах с козлятами передана и через противоположные действия коз: с правой стороны животное ложится, а с левой, напротив, встает (Мозолевский 1979, с. 89).

Заканчивается внутренний фриз фигурками взлетающих птиц. С левой стороны, однозначно, изображена утка (Мозолевский 1979, с. 89, 90). Птица с правой стороны не имеет столь выраженных видовых признаков (см. подробно: Бабенко 2016a, с. 96—99), но, скорее всего, это хищная птица (Мозолевский 1979, с. 89). Поскольку круг, образуемый луновидным фризом, имеет продолжение и условно замыкается, то создается впечатление, что птицы, размещенные на разных концах фриза, взлетают и движутся навстречу друг другу (ср.: Гаврилюк, Тимченко 2015, с. 102). Их предполагаемая встреча подразумевает столкновение хищника и его жертвы. Следовательно, в данных периферийных персонажах содержится недвусмысленный намек на грядущую смерть и снова выражен переход темы.

Внутренний фриз составлен преимущественно из сцен с двумя персонажами. Центральная сцена в этом отношении является промежуточной: с одной стороны, здесь задействовано только два активных персонажа, но, в то же время, одежда из овечьей шкуры является визуально доминирующей, что отсылает к сценам внешнего фриза. А заключительные одиночные фигуры птицы как бы разрывают этот ряд двоичных композиций.

Таким образом, главная тема внутреннего фриза — жизнь в ее развитии. Каждая последующая сцена говорит о развитии малышей, начиная от момента рождения (левый жеребенок и правый теленок), через взросление (правый жеребенок, левый теленок, мальчик и юноша, правый козленок) до первых шагов в самостоятельной жизни (левый козленок). Взлетающие птицы обозначают переход темы и соединяют тематически внутренний и внешний фризы.

ВНУТРЕННИЙ ФРИЗ: ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА

Во внутренний фриз, символизирующий тему жизни, вписана и история человека (рис. 3). Справа изображен мальчик, который доит овцу. С левой стороны — юноша, отвернувшись от овцы, левой рукой придерживает амфору, а в правой держит то, чем, по всей видимости, амфора была закрыта. Между персонажами очевидна возрастная разница, их также различают прически. В отношении этих сцен также выдержан временной шаг, но с той разницей, что меняется не только возраст персонажа, но и его социальный статус, выраженный как в роде занятий, так и во внешнем виде. Мальчик занимается обычной работой скотовода, соответствующей его возрасту. Амфора, которую либо открывает, либо закрывает юноша, говорит, скорее всего, о том, что он — виночерпий [3]. О

1. Данные наблюдения не позволяют согласиться с тем, что на внутреннем фризе изображено весеннее стадо или же весенний праздник, как о том писали некоторые исследователи (Мозолевський 1979, с. 225, 226; Раевский 1985 с. 1976; Петрухин 2001, с. 148—154; др.). См. также: (Мачинский 1978, с. 141; Гаврилюк, Тимченко 2015, с. 106, 107).
2. Благодарю за определение данного изображения кандидата биологических наук Евгению Юрьевну Яниш (Институт археологии НАН Украины).
3. В литературе неоднократно возникал вопрос о содержимом амфоры, которая рассматривалась в контексте обработки молока (Брашинский 1979, с. 137, 138; Раевский 1985, с. 181; Гаврилюк, Тимченко 2015, с. 101, 102), подготовки напитка на основе молока, соответствующего ведической соме (Михайлин 2005, с. 175; Бабенко 2012). Тем самым предполагалось вторичное использование амфоры (Брашинский 1979, с. 137, 138; Алексеев 2003, с. 264, прим. 219; Бабенко 2016b, с. 162), хотя для этого не приводились никакие аргументы. Однако использование амфоры для молочных продуктов вызывает возражение, поскольку к данной категории посуды скотоводы всегда относились очень щепетильно. Это всегда была посуда из конкретных материалов и конкретной формы, обусловленных потребностями определенных технологических процессов изготовления молочных продуктов (см., например: Вайнштейн 1991, с. 126—138). Вторичное использование посуды иного назначения для молока и молочных продуктов не зафиксировано этнографическими исследованиями.

присутствии человека с такими обязанностями (οἰνοχόον) в свите, сопровождающей скифского царя в потусторонний мир, упоминал Геродот (Herod. IV, 71, 4). Безусловно, виночерпий был и в повседневной жизни. Об этом, в частности, может свидетельствовать изображение на золотой пластине, украшавшей головной убор, из кург. у с. Сахновка (Вертієнко 2015, с. 68, 70—72, 97, 100, 101, мал. 54, 55; там же см. историографию вопроса). Согласно Геродоту (Herod. IV, 72, 1), виночерпии относятся к категории ферапонтов (θεράπων — служитель, слуга), о которых он говорит: «*это природные скифы, так как царю прислуживают те, кому он прикажет*» [1]. Э. А. Грантовский (1980, с. 131) приводит ряд аналогий, которые демонстрируют, что виночерпий (чашник) относился к «*придворным чинам*» и вполне мог иметь знатное происхождение. О знатности персонажа, изображенного на пекторали, говорит его сложная прическа (см. об этой прическе: Русяєва 1992, с. 41).

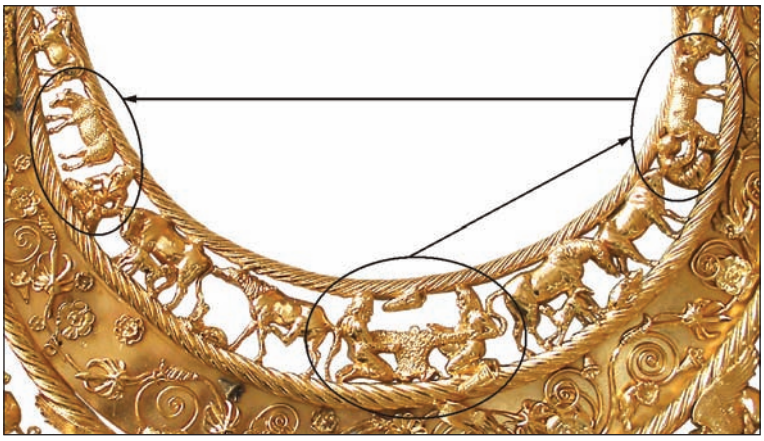


Рис. 3. Сцены, связанные с мифологемой царской власти, на внутреннем фризе пекторали из Толстой Могилы

Безусловно, данные две сцены взаимосвязаны с центральной сценой фриза, главные персонажи которой — двое мужчин. Объединяет все три сцены овца: в правой сцене она активный персонаж, в левой — действие происходит рядом с ней, а в центральной фигурирует овечья шкура (ср.: Бабенко 2013а, с. 451).

ВНУТРЕННИЙ ФРИЗ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ СЦЕНА

Центральной сцене верхнего фриза посвящены отдельные исследования ряда авторов (Мачинский 1978; Русяєва 1992; Петрухин 2001; Мошинский 2002; Бабенко 2013а; др.). При этом взаимосвязь с остальными сценами, воспроизведенными на пекторали, определялась априорно и была основана на трактовке, предложенной, прежде всего, Б. Н. Мозолевским (1979, с. 213—226) и Д. С. Раевским (1985, с. 181—203). Между тем, по верному замечанию С. С. Бессоновой, сакральный смысл центральной сцены должен согласовываться с сюжетами боковых сцен, составляя с ними общее смысловое единство (Бессонова 1983, с. 72).

Исходя из места этой сцены в общей композиции пекторали, она должна выражать апофеоз жизни, поскольку, с одной стороны, находится в центре верхнего фриза, главная тема которого — развитие и торжество жизни, а, с другой стороны, противопоставлена по вертикали центральной сцене внешнего фриза, выражающей апофеоз смерти. Антитезой приходу смерти является начало жизни — зачатие или рождение. Согласно архаическому мировосприятию, «смерть совпадала с зачатием, похороны — с брачной оргией, восстанавливающей жизненные силы коллектива и обеспечивающей его возрождение, мыслившееся как возрождение предков в лице потомков» (Петрухин 1980, с. 88, 89).

Сцены рождения или зачатия (совокупления) неизвестны в скифском искусстве, которое в этом плане было относительно целомудренным. Между тем, именно эта тема, на наш взгляд, и выражена в центральной сцене внутреннего поля пекторали, представляя ее не в физиологическом плане, а в символически мифологическом. Так, Б. Н. Мозолевский предполагал возможность изображения здесь ритуала, имитирующего рождение первогероя (Мозолевський 1979, с. 225), а С. С. Бессонова сопоставила сцену с ведическим обрядом *дикша* («новое рождение»), рассматривая ее в контексте мистерии в честь умирающего и воскресающего бога (Бессонова 1991, с. 91).

ВНУТРЕННИЙ ФРИЗ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ

Предмет, который держат мужчины, почти всеми исследователями определяется как некая одежда из овчины [2] — рубаха, рубаха-панцирь, кафтан, куртка, сисирна (Даниленко 1975, с. 89; Манцевич 1976, с. 93; 1980, с. 99, 105; Іллінська 1976, с. 32; Мачинский 1978, с. 140; Мозолевський 1979, с. 86; Шрамко 1983, с. 122, 123; 1984, с. 279; Раевский 1985, с. 195; Шауб 2007, с. 129; Маразов 2010, с. 82; Бессонова 1991, с. 89, 90; Рудольф 1993, с. 86; Бало-

1. Перевод текста Геродота по: (Доватур, Каллистов, Шишова 1982).

2. М. В. Русяєва (Русяєва 1992, с. 39), а затем Н. А. Гаврилюк и Н. П. Тимченко (2015, с. 112) обратили внимание на разницу изображения шерсти на овечках и на руне. Это позволило предположить, что шкура, из которой сделана одежда, могла принадлежать иному животному, например, козлу.

нов 1994, с. 20; Михайлин 2005, с. 128; Бабенко 2019, с. 270; др.). Нижний рубчатый край куртки определялся как чешуйчатый пояс (Манцевич 1976, с. 93; 1980, с. 105, 106; Шрамко 1983, с. 123; Бабенко 2019, с. 270).

А. П. Мошинский (2002, с. 84, 85) высказал предположение, что в данном случае изображена не одежда из овчины, а сама шкура, рубчатый низ изделия — это бараньи рога (см. также: Metzler 1997, S. 178). Акцент на руне был сделан и другими исследователями (Русяєва 1992, с. 39; Яценко 1999, с. 282; Петрухин 2001, с. 147—155; Ермоленко 2008, с. 25). По оригинальному предположению С. А. Яценко (1999, с. 282), изделие из овчины на пекторали соотносится с кузнечным передником Кавы, выполнявшем роль знамени в борьбе со змеем Заххаком, как об этом рассказывается в «Шахнаме». А по версии Н. А. Гаврилюк и Н. П. Тимченко (2015, с. 110, 111), на пекторали представлена шкура, которая использовалась в процессе добычи золота.

Соразмерность предмета из овчины фигурам мужчин (Русяєва 1992, с. 39), наличие двух длинных рукавов [1], воротника, переднего разреза и нижней каймы, равномерное шерстяное покрытие — все это говорит только о сшитом изделии, которое условно можно назвать курткой.

В тоже время, семантическая сопряженность одежды из овчины, шкуры и овечьего руна (шерсти) очевидна. Д. С. Раевский (1985, с. 195, 196) привел большое количество примеров традиционных представлений различных индоевропейских народов о том, что овечьей шкуре и шерсти приписывались свойства обеспечивать плодородие, богатство, благополучие.

С этими свойствами руна и одежды из овчины соотносится древнеиранское понятие *фарн* (авест. *xᵛarənah-*). Понятие фарна многозначно. В зависимости от контекста, словом *xᵛarənah-* могли передаваться понятия «слава», «счастье», «добрая судьба», «удача», «богатство», «торжество над врагами» и другие (см. обзор мнений: Литвинский 1968, с. 46—52; Jacobs 1987; Gnoli 1999). Для богов *xᵛarənah-* — символ их величия и могущества; для царей — знак богоизбранности, царственной принадлежности, власти; для героев — воплощение их славы и побед; для обычных людей — изобилие, удача, богатство (Рак 1997, с. 467, 468).

Наличие понятия *xᵛarənah* у скифов в форме *farnah-* надежно подтверждается данными ономастики (Литвинский 1968, с. 59—70). Было высказано предположение, что некоторые образы скифского искусства, прежде всего, баран являются воплощением *фарна* (Шауб 2007, с. 124—130; Вертієнко 2015, с. 92—96). Одежда из овечьей шкуры, как и сама шкура, у многих индоевропейских народов была связана с идеологией царской власти (напр.: Marazov 1980; Lordkipanidze 2001; Петрухин 2001, с. 152—154; Мошинский 2002, с. 85; др.). К этому же кругу представлений относится и куртка из овчины, изображенная на пекторали (Marazov 1980, p. 88, 89; Петрухин 2001, с. 153, 154; Мошинский 2002, с. 86; Шауб 2007, с. 128, 129), которая, по всей видимости, выражает также и понятие *фарна* или, точнее, — *царского фарна* [2] (Михайлин 2005, с. 126—132; Шауб 2007, с. 128, 129; Бабенко 2013b, с. 118, 119; Вертієнко 2015, с. 40, 95; Гаврилюк, Тимченко 2015, с. 112).

В центральной сцене, по мнению одних исследователей (см. полный обзор мнений: Бабенко 2013a), запечатлен момент передачи куртки (Даниленко 1975, с. 89; Мошинский 2002, с. 86, 87) или даже ее перетягивания и разрывания (Ермоленко 2008, с. 25; ср.: Петрухин 2001, с. 148, 154; Маразов 2010, с. 82). Согласно иной точки зрения, воспроизведен процесс *изготовления* куртки (Іллінська 1976, с. 32, 33; Мозолевский 1979, с. 86, 87; Мачинский 1978, с. 139, 140; Брашинский 1979, с. 137; Бессонова 1983, с. 72; 1991, с. 89; Раевский 1985, с. 195; Рудольф 1993, с. 86; Балонов 1994, с. 20; Петрухин 2001, с. 147—149; Михайлин 2005, с. 173; Маразов 2010, с. 82), приведение ее в порядок после боя (Манцевич 1976 с. 93; 1980, с. 105; Шрамко 1983, с. 122, 123; 1984, с. 279). Поскольку персонажи равномерно растягивают изделие за рукава, выполняя левой рукой *равнозначное* действие, то вряд ли происходит передача предмета. К тому же правый персонаж держит в руке веревку или ремешок [3], а левый, вероятно, держал какой-то инструмент (Мачинский 1978, с. 139; Мозолевський 1979, с. 87). Следовательно, речь идет именно об изготовлении куртки, даже точнее — о *финальной стадии ее изготовления*.

ВНУТРЕННИЙ ФРИЗ: ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Характеристике и даже персонификации центральных персонажей уделяли внимание все исследователи пекторали. Это связано не только с особой загадочностью центральной сцены, которой «пока не удается найти убедительные аналогии в мифологии или риту-

1. Именно длинные рукава свидетельствуют, что перед нами не шкура, а сшитое изделие. Столь длинных ног, покрытых шерстью такой же длины и густоты, как и на спине, нет ни у овцы, ни у козы (иное мнение: Мошинский 2002, с. 84).

2. Ср. с «хварно Кавиев» (одной из легендарных древнеиранских царских династий), о котором идет речь в Яште 19 («Замйад-яшт»).

3. М. В. Русяева предположила, что мужчины к шкуре «прилаштовують мотузочки, для того, щоб її можна було прикріпити на груди чи спину» (Русяєва 1992, с. 39).

але индоиранских народов» (Бессонова 1983, с. 71), но и с особой выразительностью воспроизведения самих персонажей (Мозолевський 1979, с. 87, 90—93). По замечанию В. Рудольфа (1993, с. 86), «лица двух вождей выполнены с такой точностью, что, скорее всего, являются изображениями реальных людей». Это обстоятельство позволило некоторым исследователям интерпретировать центральных персонажей как конкретных исторических личностей (Даниленко 1975, с. 89; Русяєва 1992, с. 40, 41). Однако в облике персонажей отражена не столько портретная индивидуальность, сколько обобщенная выразительность.

По мнению исследователей, центральные персонажи являются представителями определенной социальной группы скифского общества — ремесленниками (Іллінська 1976), знатными воинами (Манцевич 1976, с. 93; 1980, с. 105; Шрамко 1983, с. 122, 123; 1984, с. 279), военачальниками-токсархами (Metzler 1997, S. 179); жрецами (Мачинский 1978, с. 140—143; Мозолевський 1979, с. 224; Бабенко 2013b, с. 119), царями или племенными вождями (Брашинский 1979, с. 137; Русяєва 1992, с. 40; Михайлин 2005, с. 173; Гаврилюк, Тимченко 2015) или же душами (*fravaši*-) двух первоцарей (Вертієнко 2015, с. 39).

Центральные персонажи отличаются друг от друга прическами и, возможно, возрастом (Мачинский 1978, с. 140; Мозолевський 1979, с. 86, 87, 90—93; Брашинский 1979, с. 137; Русяєва 1992 с. 34, 35, 41; Михайлин 2005, с. 171): *скиф, изображенный слева*, производит впечатление более старого, его волосы собраны налобной повязкой; *изображенный справа*, производит впечатление более молодого, у него нет повязки, его свободно спадающие завитые волосы несколько длиннее. И если определение возраста довольно субъективно, то прически действительно выражают некую разницу между персонажами. То, что мужчины производят равнозначные действия, скорее всего, говорит об их равенстве (см. также: Русяєва 1992, с. 41; Гаврилюк, Тимченко 2015, с. 101). В таком случае, прическа и наличие / отсутствие налобной повязки, вероятно, свидетельствуют о разнице социальных ролей [1], которые они играют в обществе. Например, по предположению С. С. Бессоновой (1991, с. 91), перед нами жрец и воин / царь.

Общей особенностью персонажей является их полуобнаженность. По мнению некоторых исследователей, это связано с моментом передачи куртки / рубахи (Даниленко 1975, с. 89), ее ремонтом после боя (Манцевич 1976, с. 93; 1980, с. 105; Шрамко 1983, с. 123; 1985, с. 279) или соперничества из-за нее (Петрухин 2001, с. 148). Однако, как было отмечено выше, речь идет об изготовлении одежды, а не о ее передаче друг другу. Согласно иной точке зрения, в центральной сцене воспроизведен некий ритуал, который предполагает обнаженность участников (Мозолевський 1979, с. 224; Мачинский 1978, с. 140—143; Шрамко 1984, с. 279; Русяєва 1992, с. 39, 40; Мошинский 2002, с. 87).

Полуобнаженность отличает персонажей на пекторали от подавляющего большинства известных изображений скифов, а из античных источников известно, что варвары очень стыдились наготы (Мачинский 1978, с. 139, 140; Мозолевський 1979, с. 224; Русяєва 1992, с. 38, 39). Исключением из правила является несколько изображений.

Частично обнаженный персонаж изображен на среднем фризе амфоры из кургана Чертомлык, где представлен ритуал, связанный с конем (см. подробно: Симоненко 1987). В действии принимает участие восемь персонажей, и у только одного из них обнажена правая часть корпуса. К сожалению, эта фигурка повреждена, и действия скифа до конца не понятны (Алексеев 2012, с. 199), но именно в полуобнаженном торсе исследователи видят признак того, что этот персонаж имеет отношение к ритуалу, его готовность совершить некое ритуальное действие (Мачинский 1978, с. 132; Бессонова 1983, с. 71).

Полуобнаженным изображен и один из воинов на серебряной обивке горита из кургана Солоха (Фармаковский 1922). Предполагается, что в данном случае эта особенность персонажа указывает на его принадлежность к сверхъестественному миру (Полидович 2019a, с. 248—250).

Некий мифологический персонаж на каменных скифских изваяниях часто был изображен с обнаженными гениталиями (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 59, 60), а полностью обнаженной представлена фигура мужского божества на бронзовом навершии с Лысой Горы (Золото Степу 1991, с. 319, кат. № 121).

Таким образом, можно предположить, что обнаженность в изобразительности, имевшей отношение к скифскому миру, указывала на то, что персонажи либо сопричастны к миру сверхъестественного (как скиф на чертомлыцком фризе), либо являются его представителями. На это отличие указывает обнаженный торс (персонажи на пекторали и солохском горите) или полная нагота (навершие), а также обнаженные гениталии (каменные изваяния).

Б. А. Шрамко (1984, с. 279) считал, что один из центральных персонажей — легендарный царь-победитель чудовищ Таргитай. По мне-

1. Как правило, исследователи указывает на неравноправность персонажей и на головную повязку, как маркер высокого социального статуса ее владельца (Даниленко 1975, с. 89; Мозолевський 1985, с. 220, 221; Раевский 1985, с. 198, 199; др.). Для Д. С. Раевского (1985, с. 198, 199, 232, прим. 16) эта неравноправность также подчеркивается рядом различий правой и левой частей пекторали.

нию А.В. Вертиенко, «зображені душі двох першоцарів (імовірно, у формі, близькій іранському поняттю *fravaši-*)» — скифского Йимы и Таргитая (Вертієнко 2015, с. 39, 40). С. С. Бессонова (1983, с. 72; 1991, с. 91, 92) считала центральных персонажей на пекторали «первыми людьми-полубогами» и предположила, что в центральных персонажах «следует видеть изображение какой-то легенды о деяниях первопредков — культурных героев», например иранского Хушан-шаха (авест. *haošiiaŋha-*, фарси *Hōshang*), который научил людей технологии обработки шкур, шерсти, ткачества (см. также: Петрухин 2001, с. 148, 149). Данная идея была поддержана Д. С. Раевским (1985, с. 197—199), который привел вариант сказаний о Хушенге, где он действует «в паре со своим братом Вегердом». Однако в известных древнеиранских текстах нет упоминаний о брате-близнице Хаошьянха-Хушенга [1]. По мнению Н. А. Гаврилюк и Н. П. Тимченко (2015, с. 107—109), здесь изображены Хушенг и его сын Тахмурес, однако, в таком случае возрастная разница между персонажами должна была быть гораздо более очевидной.

На наш взгляд, для понимания центральных персонажей нужно исходить из нескольких моментов. Первый определяется семантикой сцены в общем контексте композиции пекторали. Напомним, что центральная сцена внутреннего фриза является антитезой сцены внешнего фриза и, следовательно, должна выражать апофеоз жизни — ее зарождение. Именно эту символику — плодородия, зачатия жизни и ее успешного процветания — несет в себе овечья шкура (и это второй момент). Центральные персонажи изготавливают одежду из овчины, которая, по всей видимости, выражает *царский фарн* [2], воплощающий идеи богоизбранности, счастливой судьбы и славы (Литвинский 1968, с. 52; Вертієнко 2015, с. 95).

Согласно древнеиранской традиции, подателями *фарна* для смертных людей являются боги (Яшт 6.1, 6), в частности, Ахура Мазда (Видевдат 1.13; Яшт 19.9), Митра (Яшт 10.16), Веретрагна (Яшт 14.41) и Аши (Яшт 17.22), а Анахиту молят о даровании удачи обрести *фарн* (Яшт 5.42; ср.: 5.86) (см. также: Шенкарь 2013, с. 430).

Исходя из этого, можно предположить, что центральные персонажи — это боги, создающие «счастливую судьбу» (фарн) будущего царя. В этой роли можно представить, прежде всего, Веретрагну [3] и Митру. Оба они боги-воины, оба способствуют победам, обретению силы и мужества (Яшт 10; 14). При этом каждый из них выражает определенный важный аспект деятельности царя: защита от сил Хаоса (Веретрагна) и поддержание правды и закона (Митра). Они разные, но действуют и совместно: Веретрагна благоприятствует лишь тем, кто не нарушает слово и не обманывает Митру (Яшт 14.47), также как и Митра помогает людям и наказывает отступников («лжецов») совместно с Веретрагной (Яшт 10.9, 66, 68, 70—72).

С древнеиранским Митрой принято соотносить скифского Аполлона-Гойтосира (Бессонова 1983, с. 43, 44), а вот Веретрагна в равной степени соответствует двум богам — Гераклу и Аресу, чьи скифские имена Геродот не называет (Herod. IV, 59) (Бессонова 1983, с. 44—50). Учитывая, что круг представлений, связанных с мечом, является общим как для Веретрагны (Вертиенко 2014, с. 272, 273), так и для «скифского Ареса» (Бессонова 1983, с. 45—50), скорее всего, образы именно этих двух божеств являются разными вариантами общеиранского бога войны и победы.

Итак, в центральных персонажах воспроизведены боги, изготавливающие некую одежду из овчины, которая воплощает в себе символику плодородия, связанную с идеей царского фарна. Исходя из контекста композиции, это действие соотноситься с актом зачатия. В мифологическом плане оно предопределяет рождение будущего царя, его судьбу, славу и счастье, и это предопределение равнозначно богоизбранности.

В контексте вышеизложенного не случайны изображения горитов [4], которые входят в композицию центральной сцены. Оба горита почти идентичны по структуре (Бабенко 2019, с. 262—266) и, главное, по оформлению: на их лицевой стороне воспроизведена сцена борьбы антропоморфного персонажа с неким чудовищем (Мозолевський 1979, с. 86, 220; Вертієнко 2015, с. 29, 165, мал. 15; Бабенко 2019, с. 268—270, рис. 5, 1, 2, 4; др.). Один горит размещен вверху над курткой, второй — внизу, возле ноги персонажа, расположенного справа. Тем самым гориты, как

1. На соотношение центральной сцены с близнечной композицией, а персонажей с божественными близнецами обращали внимание и другие авторы (Бессонова 1983, с.72; Петрухин 2001, с. 148, 149; Полидович 2006).
2. Ср. с Бундахишном, где говориться, что сначала создается *фарр*, а затем тело для *фарра* (БД 15).
3. Характерно, что в мифе об аргонавтах золотое руно хранится на дубе в роще **Ареса**, на что обратил внимание В. Я. Петрухин (2001, с. 152, 153, 155).
4. См. обзор мнений об отношении горитов к персонажам: (Бабенко 2019, с. 266—268). Однако обращает на себя внимание тот факт, что гориты непосредственно не являются принадлежностью персонажей (ср.: Мачинский 1978, с. 140—141; Бабенко 2019, с. 268). На известных скифских изображениях горит всегда воспроизведен подвешенным к поясу воина (исключение составляет лишь изображение на чаше из кургана Гайманова Могила, где в сцене под ручкой горит находится рядом с «пьяным» скифом). На пекторали гориты присутствуют в сцене и скорее связаны с ее общим смыслом, а не с персонажами. Вероятно, именно поэтому они прикреплены к лицевой стороне жгутов и фактически находятся в иной плоскости, чем вся центральная сцена (Манцевич 1980, с. 109; Мошинский 2002, с. 86).

бы фланкируют сцену, и задают ей определенную сюжетную направленность (ср. с зеркально симметричным относительно горитов расположением двух птиц в среднем фризе). Прежде всего, это касается верхнего горита, находящегося прямо на центральной оси пекторали и, по всей видимости, недвусмысленно определяющего общее значение данной сцены. Ведь, согласно Геродоту (Herod. I, 216), родственные скифам массагеты перед совокуплением с женщиной вешали перед входом в повозку колчан (*φαρετρεών*), и вполне вероятно, что подобный обычай существовал и у других степных народов степи, в том числе и у скифов [1].

Изображения на горитах [2] в данном случае являлись символом будущей судьбы мужчины-воина и царя, определяли его главное жизненное предназначение — быть защитником земли и неба от сил Хаоса. Такими были все легендарные цари древних иранцев, воспетые как в Авесте, так и в более позднем эпосе, прежде всего, «Шахнаме». Эта же тема была актуальна и в скифском обществе, насколько об этом можно судить по изобразительным памятникам (Полидович 2019b).

ВНУТРЕННИЙ ФРИЗ: ИСТОРИЯ ЦАРЯ

Центральная сцена определенным образом связана с двумя другими сценами, в которых присутствуют скифы (рис. 3). Составляя смысловое единство, они задают определенный временной ритм развития истории человека: предопределение рождения царя и его будущей счастливой судьбы → мальчик, выполняющий работу скотовода → юноша, ставший виночерпием. Все три сцены объединены присутствием овцы, представленной в том или ином виде, что дополнительно указывает на взаимосвязь данных сцен.

История, представленная на пекторали, присутствует в легенде о восхождении на трон первого ахеменидского царя Кира II Великого (др.-персид. *Kuruš*).

Согласно Геродоту (Herod. I, 107—130), Кир был сыном Манданы, дочери мидийского царя Астиага, и знатного перса Камбиса. Еще до замужества дочери и рождения внука, Астиагу приснились три сна, которые были истолкованы магами как пророчество о том, что его внук станет властелином всей Азии. Испугавшись пророчества, после рождения Кира царь приказывает своему управляющему Гарпагу умертвить ребенка. Но Гарпаг перепоручил это пастуху Митридату, который пожалел Кира и вместе со своей женой Спако воспитал его как своего сына. Когда мальчик подрос, в его поведении начало проявляться царское происхождение. Об этом узнал Астиаг, который выведал у Митридата и Гарпага правду о происхождении мальчика. Киру было позволено вернуться к настоящим родителям, а Гарпаг был жестко наказан за ослушание. После случившегося, движимый местью Гарпаг готовит восстание против Астиага, в результате которого Кир становится царем.

Ключевые моменты легендарной истории: божественное предопределение, проявляющееся через сны → рождение → воспитание пастухами → возвращение в дом родителей (= ко двору) → восстание и восшествие на трон.

В изложении Ктесия, долгое время жившем при дворе Ахеменидов, легенда имеет некоторые отличия: Кир не был царского происхождения; вещий сон приснился его матери — пастушке Аргосте; в юном возрасте Кир попадает во дворец Астиага, где он довольно быстро продвигается по социальной лестнице и становится *виночерпием* (Дандамаев 1985, с. 13).

По мнению М.А. Дандамаева, хотя «Ктесий претендует на то, что его «Персидская история» основана на царских пергаменах, в которые были записаны деяния ахеменидских царей», но и он, и Геродот, прежде всего, основывались на устной традиции персов (Дандамаев 1963, с. 123, 125, прим. 16; 1985, с. 12—14).

Спустя столетия ключевые моменты истории Кира были использованы при рассказе истории воцарения Ардашира Папакана, первого иранского правителя из династии Сасанидов (Книга деяний 1987, с. 66—72).

Данный сюжет встречается и в иранском эпосе. Его ключевые моменты использованы в жизнеописании змееборца Феридуна (авест. *θraētaona*, пехл. *frēdōn*), поднявшего восстание против Заххака (авест. *aži-dahāka-*) и ставшего правителем Ирана. Мотивы этой истории не встречаются в дошедших до нас частях Авесты, но частично зафиксированы уже в текстах сасанидского времени, а в полном объеме изложены в «Шахнаме». Заххак видит пророческие сны о рождении Феридуна и своей гибели. Когда же будущий герой рождается, дракон-властелин начинает его поиски. Гибнет отец Феридуна, а мать, чтобы скрыть ребенка, отдает его на воспитание пастуху, в стаде которого есть чудесная корова Бермайе (Бармйа). Спустя некоторое время мать отводит сына к

1. Этот обычай с некоторыми вариантами упоминают Страбон и Элиан (Strabo, XI, 8, 6; Ael. NA, VI, 60) (Вертієнко 2015, с. 41, 42). Возможность привлечения данного пассажа к интерпретации пекторали была предложена Д. А. Мачинским (1978, с. 143), но отрицалась Д. С. Раевским (1985, с. 186, 201, 202), который соотносил горит, расположенный над шкурой, с мотивом горита, висящего в ветвях мирового дерева.
2. Отметим, что изображения очень миниатюрные и почти не видны обычному зрителю, но в тоже время они были важны с точки зрения вложенных в пектораль мифологических смыслов. Ср. различия в трактовке сцены: (Мозолевський 1979, с. 86, 220; Вертієнко 2015, с. 29, 165, мал. 15; Бабенко 2019, с. 268—270, рис. 5: 1, 2, 4).

святому старцу-отшельнику на гору Эльборза (Албурз) (авест. *harā bərəzaitī-*; пехл. *harburz*). Когда Феридуну исполняется 16, он спускается с гор, узнает о своем царском происхождении и вскоре возглавляет народное восстание, поднятое кузнецом Кави. Победив Зохака, Феридун становится царем (*Шахнаме*, 1329—2320).

Вторично этот сюжет вплетен в жизнеописание легендарного царя Кай-Хосрова (авест. *kauua haosravah-*, пехл. *kay husraw*), сына Сиявуша и победителя Афрасиаба.

Конечно, данный сюжет не является специфически иранским. Он восходит к мотиву «чудесного (провиденциального) младенца» или же близкому мотиву «избиения младенцев», довольно хорошо известных в древнеегипетской (миф о боге Хоре), ветхо- и новозаветной (истории Моисея и Иисуса), древнегреческой (истории Эдипа и Париса), древнеримской (история Ромула и Рема) традициях (Leeming 2005). В иранской среде данный сюжет нашел воплощение в истории царя, основателя Ахеменидской империи. Он же звучит в «Сказании о Саргоне», поэме конца II тыс. до н. э., в которой рассказывается о могущественном царе Саргоне Аккадском (Когда Ану 2000, с. 297). Эта поэма была популярной в нововавилонское время, и ее сюжет вполне мог повлиять на формирование истории о воцарении первого правителя из династии Ахеменидов. В дальнейшем легенда становится частью как официального сказания, известного нам в пересказе Геродота и Ктесия, так и его фольклорных версий. Спустя время она актуализируется в связи с восхождением на трон правителей династии Сасанидов и становится частью эпоса, положенного в основу «Шахнаме».

Важным моментом является то, что в иранской традиции сюжет «чудесного младенца» связан только с ключевыми фигурами реальной и эпической истории, стоящими *в начале* создания царской династии (Кир II) или возобновления ее после определенного перерыва, вызванного иноземным завоеванием (Ардашир, Феридун, Кай-Хосров). Тем самым речь шла о богоизбранности нового правителя, о его царском фарне, его судьбе защитника и победителя врагов.

На скифской пекторали визуализируются ключевые моменты сюжета: предопределенность рождения будущего царя, создание его фарна, определение его будущей счастливой судьбы и славы (центральная сцена), спасение от преследования и возмужание среди пастухов (сцена с мальчиком, доящим овцу), нахождение в свите правителя и планирование восстания (сцена с юношей, открывающем амфору), воцарение после успешного восстания (сам «царь», надевающий пектораль). По всей видимости, этот сюжет проникает к скифам под влиянием царской идеологии Ахеменидов, ставшей очень влиятельной и многогранной в первой половине IV в. до н. э. — в тот период, когда была создана пектораль. В Иране в это время у власти находился один из самых популярных правителей древнего мира — Артаксеркс II, правивший около 45 лет.

Можно предположить, что для скифов данный сюжет был связан с актуализацией событий эпической истории, возможно, обусловленной манифестацией богоизбранности и законности конкретного правителя. Ведь к середине IV в. до н. э. актуализируются и другие события легендарной истории, связанные, в частности, с Колаксаем, которого можно соотнести с иранским Траетаоной / Феридуном (Полидович 2019a; 2019b).

ПЕКТОРАЛЬ И МИР БОГОВ

По мнению Д. С. Раевского, мотив терзания в искусстве Скифии возможно интерпретировать «как метафорическое обозначение смерти во имя рождения, как своего рода изобразительный эквивалент жертвоприношения ради установленного миропорядка» (Раевский 1985, с. 191, 226, прим. 29; см. также: Балонов 1994, с. 19). То, что воспроизведенные на пектораль сцены терзания и нападения хищников на копытных имеют смысл именно жертвы, подтверждается составом жертвенных животных (коней, оленей и кабанов), кости которых были найдены во внешнем рву Толстой Могилы (Бибикова 1973, с. 64, 65; Мозолевський 1979, с. 18—21; Раевский 1985, с. 191).

Особая сакральность сцен жертвоприношения, символически воспроизведенных на внешнем фризе пектораль, выражена в трех возможных способах свершения тройной жертвы. С одной стороны, жертвами являются три животных одного вида (кони) и три животных разных видов (конь, кабан и олень) (Раевский 1985, с. 191). С другой, жертвы распределяются между хищниками трех видов — грифонами, львами и пантерами, — каждый из которых соотносился с той или иной сферой мироздания: небесной, земной и хтонической соответственно (Полидович 2017, с. 189, 190).

Сцены нападения на коней как символическое выражение жертвоприношения можно сопоставить с известным царским обрядом ашвамедхи (ведич. *aśvamedhá*), принесением в жертву коня, известным в ведической традиции (Иванов 1974). Целью ашвамедхи являлось обретение царем (раджой) силы и славы, а также общее благосостояние царства. Согласно Рамаяне (1.12—14), обряд ашвамедхи, длящийся три дня, провели для того, чтобы у престарелого и бездетного Дашаратхи, царя города Айодхйа, родился наследник. Благодаря обряду рождается Рама. Жертвоприношение коня было известной практикой и у иранских народов, в том числе и скифов (Кузьмина 1977b; Talbott 2005, p. 142).

Тройное жертвоприношение коней, символически воспроизведенное на внешнем фризе пектораль, по всей видимости, также выража-

ло царский ритуал. Оно могло восприниматься и как моление о благополучном рождении царя (как в истории Рамы), и как жертва, приносимая самим царем.

Исходя из иранской мифологической традиции, все три жертвенные животные внешнего фриза могли быть связаны с Веретрагной. В облике кабана этот бог предстает перед Заратуштрой (Яшт 14.15) или же является в иных ситуациях (Яшт 10.70, 127). Взаимосвязь кабана с «Аресом» прослеживается и по скифским материалам (Вертиенко 2014). Еще одной «инкарнацией» Веретрагны является конь (Яшт 14.9). Олень, один из самых популярных образов скифского искусства, не упоминается в «Варахран-яште» (Яшт 14) как один из образов Веретрагны, однако, согласно предположению А. В. Вертиенко (Вертієнко 2018), олень в скифской традиции мог заменить быка, также являвшегося «инкарнацией» бога (Яшт 14.7).

Это же справедливо и в отношении сцены погони собаки за зайцем, если учесть, что, согласно Нартовскому эпосу, охота Хамыца на зайца оборачивается браком и рождением Батраза — персонажа, которого можно сопоставить со «скифским Аресом» и Веретрагной (Дюмезиль 1990, с. 22, 23; Бессонова 1983, с. 47). В таком случае, весь внешний круг семантически завязан на Веретрагне / «скифском Аресе».

Внутренний фриз представляет упорядоченный мир людей, подчиненный более высокому, божественному закону. С одной стороны, это проявляется в порядке очередности расположения животных, обусловленной их жертвенной и социальной значимостью (см. об этом выше), а с другой, — в общем ритме движения жизни, выраженном во взрослении детенышей животных. В мифологическом аспекте все это можно представить как грани мирового порядка, выраженного в эквивалентных понятиях аша / арта (авест. *aša-*, др.-перс. *arta*) и рита (ведич. *ṛtá*), восходящих к общему индо-иранскому ***ṛ tás** (Schlerath, Skjærvø 1987). В иранской традиции бог, стоящий на страже порядка, истины (наряду с богиней Аши), — Митра (см. Яшт 10). Тем самым, можно предположить, что внутренний круг посвящен богу Митре, которому в скифском пантеоне, скорее всего, соответствовал Гойтосир.

ВЫВОДЫ. ОБЩАЯ СИМВОЛИКА ПЕКТОРАЛИ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ

Пектораль, высшее достижений эллинского ювелирного искусства, воплотила в себе основы философского понимания жизни скифами, на заказ которых и был сделан этот предмет. Смерть и жизнь, их противопоставление и взаимообусловленность — основные темы бытия, которые нашли свое отражение на пекторали.

В этот контекст вплетена мифологема царской власти, которая выражена такими мотивами: богоизбранность будущего царя, предопределенность его рождения и возвышения, которые переданы через особый фарн царя, созданный богами (в данном случае, вероятно, Веретрагной и Митрой, которым соответствуют скифские «Арес» и Гойтосир), рождение царя, воспитание среди пастухов, нахождение при ставке правителя после достижения совершеннолетия и обретение царской власти. Данная мифологема, вероятно, была призвана легитимизировать власть правителя-владельца пекторали. По всей видимости, она являлась отсылкой к легендарным временам Колаксая, родоначальника страты паралатов, скифских воинов и царей (учитывая соотнесенность данного персонажа с иранским Траэтаоной/Феридуном, история которого начинается с этой мифологемы). В таком случае, скифские цари в середине IV в. до н. э. представляли себя продолжателями древнего рода, а пектораль мыслилась как одно из зримых воплощений фарна этого рода, рассказывая средствами иконографии о его происхождении (что было очень важно с точки зрения мифологического мышления).

В основу мира, воплощенного в пекторали, положено представление о благости жертвы, о смерти ради жизни. Потенциальная жертва — скот, выращенный человеком (внутренний фриз), реальная — дикие животные, уже приносимые в жертву (внешний фриз). Временная составляющая фризов пекторали переходит в пространственную, где мир людей соотносится с миром природы (богов). В центре этого мира находится дерево жизни, воспроизведенное на центральном фризе (Даниленко 1975; Мачинский 1978, с. 144, 145; Раевский 1985, с. 200, 201; Балонов 1994, с. 20). Оно объединяет миры в единый Космос и является гарантом вечности жизни, неизменности установленного порядка и божественной истины, охранником которого является бог Митра / Гойтосир. Мировой порядок, с одной стороны, выражен в развитии жизни, гармонии жизни людей и их сосуществования с богами, в богоизбранности царской власти и существующих традиций, — всего того, что выражено во внутреннем фризе. А с другой стороны, этот порядок пронизывает всю пектораль, в которой гармония смыслов выражена через гармонию форм.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Бабенко, Л. И. 2012. О содержимом амфоры на пекторали из Толстой Могилы. В: *Проблемы истории и археологии Украины*. Харьков: НТМТ, с. 24.

Бабенко, Л. И. 2013а. О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы. *Боспорский фено-*

мен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке, с. 449-454.

Бабенко, Л. І. 2013b. До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили. *Древности 2013*, 12, с. 111-122.

Бабенко, Л. И. 2016a. Периферийные персонажи пекторали из Толстой Могилы. *Древности 2016*, 14, с. 90-104.

Бабенко, Л. І. 2016b. Глиняний посуд з поховань Протопопівського курганного могильника. *Феномен Більського городища 2016*, с. 158-168.

Бабенко, Л. И. 2019. Военная тематика пекторали из Толстой Могилы. *Stratum plus*, 3, с. 261-284.

Балонов, Ф. Р. 1994. Пекторaль из Толстой Могилы как модель мифопоэтического пространства-времени. В: Алексеев, А. Ю. (ред.). *Элитные курганы степей Евразии*. Санкт-Петербург, с. 17-22.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 1991. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере скифов. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев: Наукова думка, с. 84-96.

Бибикова, В. И. 1973. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила. *Советская археология*, 4, с. 63-68.

Брашинский, И. Б. 1979. *В поисках скифских сокровищ*. Ленинград: Наука.

Вайнштейн, С. И. 1991. *Мир кочевников Центра Азии*. Москва: Наука.

Васильев, Н. А., Целютин, В. К. 1979. *Овцеводство*. Москва: Колос.

Вертиенко, А. В. 2014. Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация. *Stratum plus*, 3, с. 271-280.

Вертієнко, Г. В. 2015. *Іконографія скіфської есхатології*. Київ: Олег Філюк.

Вертієнко, Г. В. 2018. «Над рогами — сила досконалої зовнішності» (до образу оленя у скіфському мистецтві). *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 418-426.

Гаврилюк, Н. А. 2013. *История экономики Степной Скифии VI—III вв. до н. э.* Киев: Олег Філюк.

Гаврилюк, Н. А., Тимченко, Н. П. 2015. Пекторaль из Толстой Могилы как объект и средство невербальной коммуникации. *Труды Государственного Эрмитажа*, LXXVII, с. 97-126.

Грантовский, Э. А. 1980. Проблемы изучения общественного строя скифов. *Вестник древней истории*, 4, с. 128-154.

Дандамаев, М. А. 1963. *Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.)*. Москва: Восточная литература.

Дандамаев, М. А. 1985. *Политическая история Ахеменидской державы*. Москва: Наука.

Даниленко, В. Н. 1975. Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики. В: Карышковский, П. О. (ред.). *150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР*. Киев: Наукова думка, с. 88-89.

Доватур, А. И., Каллистов, Д. П., Шишова, И. А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий*. Москва: Наука.

Дюмезиль, Ж. 1990. *Скифы и нарты*. Москва: Наука.

Елизаренкова, Т. Я. 1999. Мир идей ариев Ригведы. В: Гринцер, П. А. (ред.). *Ригведа. Мандалы V—VIII*. Москва: Наука, с. 452-486.

Ермоленко, Л. Н. 2008. О троичной и двоичной композиционных структурах в искусстве Скифии. *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*, II. Москва: ИА РАН, с. 25-27.

Золото… 1991. *Золото степу. Археологія України*. Київ; Шлезвіг.

Иванов, В. В. 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva-«конь». В: Зограф, Г. А., Топоров, В. Н. (ред.). *Проблемы истории языков и культуры народов Индии*. Москва: Наука, с. 75-138.

Іллінська, В. А. 1976. Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я. *Археологія*, 20, с. 31-36.

Книга деяний… 1987. *Книга деяний Ардашира сына Папака*. Транскрипция текста, пер. со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой. Москва: Наука.

Когда Ану… 2000. *Когда Ану сотворил небо*. Сост. В. К. Афанасьева, И. М. Дьяконов. Литература древней Месопотамии. Москва: Алетейя.

Кузьмина, Е. Е. 1977a. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада. В: Коростовцев, М. А. (ред.). *Искусство Востока и античности*. Москва: Наука, с. 16-25.

Кузьмина, Е. Е. 1977b. Конь в религии и искусстве саков и скифов. В: Тереножкин, А. И. *Скифы и сарматы*. Киев: Наукова думка, с. 96-119.

Литвинский, Б. А. 1968. *Кангюйско-сарматский фарн*. Душанбе: Дониш.

Манцевич, А. П. 1976. Чертомлыкская ваза и пекторaль из Толстой Могилы. *Pulpudeva*, I, с. 83-98.

Манцевич, А. П. 1980. Золотой нагрудник из Толстой Могилы. *Thracia Serdicae*, V, с. 97-120.

Маразов, И. 2010. *Ритон с глава на овен*. София: Захарий Стоянов.

Мачинский, Д. А. 1978. Пекторaль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.

Михайлин, В. 2005. *Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции*. Москва: Новое литературное обозрение.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мошинский, А. П. 2002. Пекторaль из Толстой Могилы как символ царской власти. *Донская археология*, 1—2, с. 84-88.

Никольская, К. Д. 2005—2009. О странном наследстве в III книге «Артхашастры» Каутильи. *Stratum plus*, 3, с. 371-376.

Ольховский, В. С., Евдокимов, Г. Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н. э.* Москва.

Петрухин, В. Я. 1980. Погребальная ладья викингов и «корабль мертвых» у народов Океании и Индонезии (опыт сравнительного анализа). В: Жуковская, Л. Н., Стратанович, Г. Г. (ред.). *Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии*. Москва: Наука, с. 79-91.

Петрухин, В. Я. 2001. «Золотое руно» и «скифская космограмма». *Миф*, 7: Ἀποθέωσις. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски, с. 147-156.

Полидович, Ю. Б. 2006. Пекторaль — символ жизни и смерти. *Журнал о металле*, 3—4, с. 82-85.

Полидович, Ю. Б. 2017. Лев и пантера (ажурные пластинки из Мелитопольского кургана). *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 185—192.

Полидович, Ю. Б. 2019a. Сцены сражения на золотом конусе из Передериевой Могилы и скифский миф о Колаксае. *Stratum plus*, 3, с. 229-260.

Полидович, Ю. Б. 2019b. Гребень из Гаймановой Могилы и скифский миф о змееборчестве. *Археологія і давня історія України*, 2 (31), с. 483-492.

Радлов, В. В. 1989. *Из Сибири. Страницы дневника*. Москва: Наука.

Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Рак, И. В. 1997. Именной и предметный справочник-указатель. В: Рак, И. В. (ред.). *Авеста в русских переводах (1861—1996).* Санкт-Петербург: Журнал «Нева» — РХГИ, с. 415-470.

Рак, И. В. 1998. *Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм).* Санкт-Петербург: Журнал «Нева» — Летний Сад.

Рудольф, В. Большая пектораль из Толстой Могилы: работа «чертомлыцкого мастера» и его школы. *Археологические вести*, 2, с. 85-90.

Русяева, М. В. 1992. Основний сюжет на пекторалі з Товстої Могили. *Археологія*, 3, с. 34-46.

Симоненко, А. В. 1987. О семантике среднего фриза Чертомлыцкой амфоры. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 140-144.

Фармаковский, М. В. 1922. Горит из кургана Солоха. *Известия РАИМК*, 2, с. 23-48.

Форнасье, Й. 2003. К семантике мотива «охота на зайца» в скифском искусстве. В: Шишлина, Н. И. (ред.). *Чтения, посвященные 100—летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее*, II. Москва: ГИМ, с. 29-30.

Шауб, И. Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.).* Санкт-Петербург: СПбГУ.

Шенкарь, М. А. 2013. Об иконографии xᵛarənah и его роли в идеологии древних иранцев. В: Колганова, Г. Ю., Петрова, А. А., Кулланда, С. В. (ред.). *Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского*. Москва: ИВ РАН, с. 427-451.

Шрамко, Б. А. 1983. К вопросу о некоторых источниках изучения скифского ремесла. *Вестник ХГУ*, 238, с. 119-125.

Шрамко, Б. А. 1984. (Рец.) Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979. *Советская археология*, 1, с. 272-280.

Яценко, С. А. 1999. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V—IV вв. до н. э. В: Толочко, П. П. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья*. Запорожье: ЗапГУ, с. 282—285.

Jacobs, B. 1987. Das Chvarnah. Zum Stand der Forschung. *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin*, 119, S. 215-248.

Leeming, D. 2005. The Oxford Companion to World *Mythology*. Oxford: University Press.

Lordkipanidze, O. 2001. The Golden Fleece: myth, euhemeristic explanation and archaeology. *Journal of Archaeology*, 20, p. 1-38.

Marazov, I. 1980. Sacrifice of a Ram in the Thracian Helmet from Coţofeneşti. *Pulpudeva*, 3, p. 81-101.

Metzler, D. 1997. Die politisch-religiose Bedeutung des Vlieses auf dem skythischen Pektorale aus der Tolstaja Mogila. In: Stähler, K. (ed.). *Zur graeco-skythischen Kunst. Archlologisches Kolloquium Münster*. Münster: Ugarit, S. 177-196.

Rolle, R. 1991. Haar- und Barttracht der Skythen. In: Толочко, П. П., Мурзін, В. Ю. (ред.). *Золото степу. Археологія України*. Київ; Шлезвіг, с. 115-129.

Schlerath, B., Skjærvø, P. O. 1987. AŠA. *Encyclopædia Iranica*, II, 7, p. 694-696.

Talbott, R. F. 2005. *Sacred Sacrifice: Ritual Paradigms in Vedic Religion and Early Christianity*. Eugene: Wipf and Stock.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Hronografiya Evropejskoj Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Alekseev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskih tsarej v sobranii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Babenko, L. I. 2012. O soderzhimom amfory na pektorali iz Tolstoj Mogily. In: *Problemy istorii i arheologii Ukrainy*. Harkov: NTMT, s. 24.

Babenko, L. I. 2013a. O semantike kompozicii pektorali iz Tolstoj Mogily. *Bosporskij fenomen*: Greki i varvary na Evrazijskom perekryostke, s. 449-454.

Babenko, L. I. 2013b. Do semantyky centralnoi stseny pektorali z Tovstoi Mogyly. *Drevnosti 2013*, 12, s. 111-122.

Babenko, L. I. 2016a. Periferijnye personazhi pektorali iz Tolstoj Mogily. *Drevnosti 2016*, 14, s. 90-104.

Babenko, L. I. 2016b. Glynianyi posud z pohovan Protopopivskogo kurgannogo mogylnyka. *Fenomen Bilskogo gorodyshcha 2016*, s. 158-168.

Babenko, L. I. 2019. Voennaya tematika pektorali iz Tolstoj Mogily. *Stratum plus*, 3, s. 261—284.

Balonov, F. R. 1994. Pektoral iz Tolstoj Mogily kak model mifopoeticheskogo prostranstva-vremeni. In: Alekseev, A. Yu. (ed.). *Elitnye kurgany stepej Evrazii*. Sankt-Peterburg, s. 17-22.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 1991. «Muzhskoe» i «zhenskoe» v sakralnoj sfere skifov. In: Gening, V. F. (ed.). *Duhovnaya kultura drevnih obshestv na territorii Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 84-96.

Bibikova, V. I. 1974. K interpretacii osteologicheskogo materiala iz skifskogo kurgana Tolstaya Mogila. *Sovetskaya arheologiya*, 4, s. 63-68.

Brashinskij, I. B. 1979. *V poiskah skifskih sokrovish*. Leningrad: Nauka.

Vajnshtejn, S. I. 1991. *Mir kochevnikov Centra Azii*. Moskva: Nauka.

Vasilev, N. A., Celyutin, V. K. 1979. *Ovtsevodstvo*. Moskva: Kolos.

Vertienko, A. V. 2014. Obraz veprya v iranskoj traditsii — narrativ i vizualizatsiya. *Stratum plus*, 3, s. 271-280.

Vertiyenko, G. V. 2015. *Ikonografiia skifskoi eskhatologii*. Kyiv: Oleg Filiuk.

Vertiyenko, G. V. 2018. «Nad rogamy — syla doskonaloi zovnishnosti» (do obrazu olenya u skifskomu mistectvi). *Arheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (27), s. 418-426.

Gavrilyuk, N. A. 2013. *Istoriya ekonomiki Stepnoj Skifii VI—III vv. do n. e.* Kiev: Oleg Filyuk.

Gavrilyuk, N. A., Timchenko, N. P. 2015. Pektoral iz Tolstoj Mogily kak obekt i sredstvo neverbalnoj kommunikacii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, LXXVII, s. 97-126.

Grantovskij, E. A. 1980. Problemy izucheniya obshestvennogo stroya skifov. *Vestnik drevnej istorii*, 4, s. 128-154.

Dandamaev M. A. 1963. *Iran pri pervyh Ahemenidah (VI v. do n. e.).* Moskva: Vostochnaia literatura.

Dandamaev, M. A. 1985. *Politicheskaya istoriya Ahemenidskoj derzhavy*. Moskva: Nauka.

Danilenko, V. N. 1975. Istoricheskie syuzhety nekotoryh shedevrov ellino-skifskoj torevtiki. In: Karyshkovskij, P. O. (ed.). *150 let Odesskomu arheologicheskomu muzeyu AN USSR*. Kiev: Naukova dumka, s. 88-89.

Dovatur, A. I., Kallistov, D. P., Shishova, I. A. 1982. *Narody nashej strany v «Istorii» Gerodota. Teksty. Perevod. Kommentarij*. Moskva: Nauka.

Dyumezil, Zh. 1990. *Skify i narty*. Moskva: Nauka.

Elizarenkova, T. Ya. 1999. Mir idej ariev Rigvedy. In: Grincer, P. A. (ed.). *Rigveda. Mandaly V—VIII*. Moskva: Nauka, c. 452-486.

Ermolenko, L. N. 2008. O troichnoj i dvoichnoj kompozicionnyh strukturah v iskusstve Skifii. *Trudy II (XVIII) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda v Suzdale*, II. Moskva: IA RAN, s. 25-27.

Zoloto… 1991. *Zoloto stepu. Arheologiia Ukrainy*. Kyiv; Shlezvig.

Ivanov, V. V. 1974. Opyt istolkovaniya drevneindijskih ritualnyh i mifologicheskih terminov, obrazovannyh ot asva-«kon». In: Zograf, G. A., Toporov, V. N. (eds.). *Problemy istorii yazykov i kultury narodov Indii*. Moskva: Nauka, s. 75-138.

Illinska, V. A. 1976. Zobrazhennya remisnikiv na antichnih virobah z Pivnichnogo Prichornomorya. *Arheologiya*, 20, s. 31-36.

Kniga deyanij… 1987. *Kniga deyanij Ardashira syna Papaka*. Transkripciya teksta, per. so srednepers., vved., komment. i glossarij O. M. Chunakovoj. Moskva: Nauka.

Kogda Anu…2000. *Kogda Anu sotvoril nebo*. Sostaviteli V. K. Afanaseva, I. M. Dyakonov. Literatura drevnej Mesopotamii. Moskva: Aletejya.

Kuzmina, E. E. 1977a. Semantika izobrazheniya na serebryanom diske i nekotorye voprosy interpretacii Amudarinskogo klada. In: Korostovcev, M. A. (ed.). *Iskusstvo Vostoka i antichnosti*. Moskva: Nauka, s. 16-25.

Kuzmina, E. E. 1977b. Kon v religii i iskusstve sakov i skifov. In: Terenozhkin, A. I. *Skify i sarmaty*. Kiev: Naukova dumka, s. 96-119.

Litvinskij, B. A. 1968. *Kangyujsko-sarmatskij farn*. Dushanbe: Donish.

Mancevich, A. P. 1976. Chertomlykskaya vaza i pektoral iz Tolstoj Mogily. *Pulpudeva*, I, s. 83-98.

Mancevich, A. P. 1980. Zolotoj nagrudnik iz Tolstoj Mogily. *Thracia Serdicae*, V, s. 97-120.

Marazov, I. 2010. *Riton s glava na oven*. Sofiya: Zaharij Stoyanov,

Machinskij, D. A. 1978. Pektoral iz Tolstoj Mogily i velikie zhenskie bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultura Vostoka: Drevnost i rannee srednevekove*. Leningrad: Avrora, s. 131-150.

Mihajlin, V. 2005. *Tropa zverinyh slov: Prostranstvenno-orientirovannye kulturnye kody v indoevropejskoj tradicii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.

Mozolevskij, B. M. 1979. *Tovsta Mogyla*. Kyiv: Naukova dumka.

Moshinskij, A. P. 2002. Pektoral iz Tolstoj Mogily kak simvol carskoj vlasti. *Donskaya arheologiya*, 1—2, s. 84-88.

Nikolskaya, K. D. 2005—2009. O strannom nasledstve v III knige «Arthashastry» Kautili. *Stratum plus*, 3, s. 371-376.

Olhovskij, B. C., Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskie izvayaniya VII—III vv. do n. e.* Moskva.

Petruhin, V. Ya. 1980. Pogrebalnaya ladya vikingov i «korabl mertvyh» u narodov Okeanii i Indonezii (opyt sravnitelnogo analiza). In: Zhukovskaya, L. H., Stratanovich, G. G. (eds.). *Simvolika kultov i ritualov narodov zarubezhnoj Azii*. Moskva: Nauka, s. 79-91.

Petruhin, V. Ya. 2001. «Zolotoe runo» i «skifskaya kosmogramma». *Mif*, 7: Ἀποθέωσις. Na akademik Dmitri Sergeevich Raevski, s. 147-156.

Polidovich, Yu. B. 2006. Pektoral — simvol zhizni i smerti. *Zhurnal o metalle*, 3—4, s. 82-85.

Polidovych, Yu. B. 2017. Lev i pantera (azhurnye plastinki iz Melitopolskogo kurgana). *Arheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (23), s. 185-192.

Polidovych, Yu. B. 2019a. Sceny srazheniya na zolotom konuse iz Perederievoj Mogily i skifskij mif o Kolaksae. *Stratum plus*, 3, s. 229-260.

Polidovych, Yu. B. 2019b. Greben iz Gajmanovoj Mogily i skifskij mif o zmeeborchestve. *Arheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (31), s. 483-492.

Radlov, V. V. 1989. *Iz Sibiri. Stranicy dnevnika*. Moskva: Nauka.

Raevskij, D. S. 1985. *Model mira skifskoj kultury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnyh narodov evrazijskih stepej I tysyacheletiya do n. e.* Moskva: Nauka.

Rak, I. V. 1997. Imennoj i predmetnyj spravochnik-ukazatel. In: Rak, I. V. (ed.). *Avesta v russkih perevodakh (1861—1996)*. Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva» — RHGI, s. 415-470.

Rak, I. V. 1998. *Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm)*. Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva» — Letnij Sad.

Rudolf, V. Bolshaya pektoral iz Tolstoj Mogily: rabota «chertomlyckogo mastera» i ego shkoly. *Arheologicheskie vesti*, 2, s. 85-90.

Rusyayeva, M. V. 1992. Osnovnij syuzhet na pektorali z Tovstoyi Mogili. *Arheologiya*, 3, s. 34-46.

Simonenko, A. V. 1987. O semantike srednego friza Chertomlyckoj amfory. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, s. 140-144.

Farmakovskij, M. V. 1922. Gorit iz kurgana Soloha. *Izvestiya RAIMK*, 2, s. 23-48.

Fornase, J. 2003. K semantike motiva «ohota na zajca» v skifskom iskusstve. In: Shishlina, N. I. (ed.). *Chteniya, posvyashennye 100-letiyu deyatelnosti V. A. Gorodcova v Gosudarstvennom Istoricheskom muzee*, II. Moskva: GIM, s. 29-30.

Shaub, I. Yu. 2007. *Mif, kult, ritual v Severnom Prichernomore (VII—IV vv. do n. e.)*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Shenkar, M. A. 2013. Ob ikonografii xᵛarənah i ego roli v ideologii drevnih irancev. In: Kolganova, G. Yu., Petrova, A. A., Kullanda, S. V. (eds.). *Poslednij enciklopedist. K yubileyu so dnya rozhdeniya B. A. Litvinskogo*. Moskva: IV RAN, s. 427-451.

Shramko, B. A. 1983. K voprosu o nekotoryh istochnikah izucheniya skifskogo remesla. *Vestnik HGU*, 238, s. 119-125.

Shramko, B. A. 1984. (Rec.) Mozolevskij B. M. Tovsta Mogila. Kyiv, 1979. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 272-280.

Yacenko, S. A. 1999. O nekotoryh antropomorfnyh syuzhetah nomadov Evropy V—IV vv. do n. e. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoj arheologii Severnogo Prichernomoria*. Zaporozhe: ZapGU, s. 282-285.

Jacobs, B. 1987. Das Chvarnah. Zum Stand der Forschung. *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin*, 119, S. 215-248.

Leeming, D. 2005. The Oxford Companion to World *Mythology*. Oxford: University Press.

Lordkipanidze, O. 2001. The Golden Fleece: myth, euhemeristic explanation and archaeology. *Journal of Archaeology*, 20, p. 1-38.

Marazov, I. 1980. Sacrifice of a Ram in the Thracian Helmet from Coţofeneşti. *Pulpudeva*, 3, p. 81-101.

Metzler, D. 1997. Die politisch-religiose Bedeutung des Vlieses auf dem skythischen Pektorale aus der Tolstaja Mogila. In: Stähler, K. (ed.). *Zur graeco-skythischen Kunst. Archlologisches Kolloquium Münster*. Münster: Ugarit, S. 177-196.

Rolle, R. 1991. Haar- und Barttracht der Skythen. In: Tolochko, P. P., Murzin, V. Yu . (eds.). *Zoloto stepu. Arkheolohiia Ukrainy*. Kyiv; Shlezvih, s. 115-129.

Schlerath, B., Skjærvø, P. O. 1987. AŠA. *Encyclopædia Iranica*, II, 7, p. 694-696.

Talbott, R. F. 2005. *Sacred Sacrifice: Ritual Paradigms in Vedic Religion and Early Christianity*. Eugene: Wipf and Stock.

Yu. B. Polidovych

IRANIAN MYTH ABOUT THE ROYAL AUTHORITY AND THE PECTORAL FROM TOVSTA MOGYLA

The article is devoted to the analysis of images on a gold pectoral from the Tovsta Mogyla of the middle of the 4th century BC. The product has a well-thought-out structure (fig. 1). The main friezes are the internal and external ones. The central axis on which the most important scenes are located is highlighted. The arrangement of the scenes inside the friezes is subject to pendulum symmetry (fig. 2). The main theme of the external frieze is the death. The central scene embodies the triumph of death, but with each next scene it recedes, and in scenes with a hare and grasshoppers one can watch the transition of the theme to its opposite. The main theme of the internal frieze is life. The development of life is shown through the growth of cubs from the moment of birth to the beginning of

adult life. Figures of birds on the frieze edges indicate a change in theme. The story of man, which also has its development, is interwoven into the internal frieze. Its beginning is in the central scene where two men create the clothes from sheep's clothing. Such clothes in Iranian mythology symbolized the royal khwarrah. It can be assumed that the central characters are the gods who create the royal khwarrah and the happy fate of the future ruler. Such gods could be the Iranian Verethragna and Mithra, corresponding to the Scythian «Ares» and Oitosyros. In the three scenes of the upper frieze the myth about royal power is enclosed. Its main motives are following: predetermining the birth of the king and his happy fate, birth, raising by shepherds, being at the headquarters of the ruler after reaching adulthood and gaining royal power. The appearance of this mythology in the Iranian environment is probably associated with the accession of Cyrus the Great and the Achaemenid dynasty. In the Scythian environment it was called upon to legitimize the power of the ruler-owner of the pectoral. Apparently the myth was a reference to the legendary times of Kolaxais, the ancestor of the Paralates, Scythian warriors and kings. In such a situation the pectoral was conceived as one of the visible incarnations of the royal family khwarrah, telling by means of iconography about its origin.

Keywords: Tovsta Mogyla, Scythians, pectoral, khwarrah, royal power, sacrifice, Verethragna, Mithra, «Scythian Ares», Oitosyros.

Ю. Б. Полідович

ІРАНСЬКА МІФОЛОГЕМА ЦАРСЬКОЇ ВЛАДИ І ПЕКТОРАЛЬ З ТОВСТОЇ МОГИЛИ

Стаття присвячена аналізу зображень на золотій пекторалі з кургану Товста Могила середини IV ст. до н. е. Виріб має продуману структуру (рис. 1). Основними є внутрішній і зовнішній фризи. Виділяється центральна вісь, на якій розташовано найважливіші сцени. Розміщення сцен всередині фризів підпорядковане маятникової симетрії (рис. 2). Основна тема зовнішнього фриза — смерть. Центральна сцена втілює торжество смерті, але з кожною наступною сценою вона відступає, а в сценах з зайцем і кониками відзначений перехід теми в її протилежність. Основна тема внутрішнього фриза — життя. Розвиток життя показано через дорослішання дитинчат від моменту народження до початку самостійного життя. Фігурки птахів на краях фриза свідчать про зміну теми.

У внутрішній фриз вплетено історію людини, що також має свій розвиток. Вона розпочинається з центральної сцени, де двоє чоловіків створюють одяг з овечої шкури. Такий одяг в іранській міфології символізувала царський *фарн* (долю, щастя, славу, могутність). Можна припустити, що центральні персонажі — це боги, що створюють царський фарн і щасливу долю майбутнього володаря. Такими богами могли бути іранські Веретрагна і Мітра, відповідними яким, вірогідно, були скіфські «Арес» та Гойтосир. У трьох сценах верхнього фризу, де присутні чоловіки та юнаки, виражено міфологему царської влади. Її основні мотиви: напередвизначення народження царя і його щасливої долі, народження, виховання пастухами, знаходження при ставці правителя після досягнення повноліття і набуття царської влади. Поява даної міфологеми в іранському середовищі, ймовірно, пов'язана з приходом до влади Кіра Великого з династії Ахеменідів. У скіфському середовищі ця міфологема була покликана легітимізувати владу правителя-власника пекторалі. Вірогідно, міфологема відсилала до легендарних часів Колаксая, родоначальника паралатів, страти скіфських воїнів і царів. У такому разі, пектораль мислилася як одне із видимих втілень фарну царського роду, розповідаючи засобами іконографії про його походження.

Ключові слова: Товста Могила, скіфи, пектораль, фарн, царська влада, жертвоприношення, Веретрагна, Мітра, «скіфський Арес», Гойтосир.

Одержано 18.05.2020

ПОЛІДОВИЧ Юрій Богданович, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник, філіал Національного музею історії України — Музей історичних коштовностей України, вул. Лаврська, 9, Київ, 010151, Україна.
POLIDOVYCH Yurii, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, National Historical Museum of Ukraine — branch Museum of Historical Treasures of Ukraine, Lavrska str., 9, Kyiv, 01015, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-0113-6746, e-mail: yurkop@ukr.net.

УДК 904+7.032 DOI: 10.37445/adiu.2020.03.07

Е. Ф. Королькова

О СТИЛЯХ И МЕТАМОРФОЗАХ (к проблеме дефиниций сарматского звериного стиля)

Статья посвящена проблемам научных дефиниций и терминов в области изучения сарматского звериного стиля, представленного в золотых предметах, декорированных цветными вставками из бирюзы и других минералов. Выделение визуального признака описательного характера («золото-бирюзовый»), введенное М. Б. Щукиным как определение стиля, вошло в обиход, превратившись в научный термин. Однако художественный стиль определяется не единственным признаком, а комплексом формальных характеристик. Как оказалось, широко применяя этот термин, другие исследователи вкладывали в него совершенно разное культурно-историческое содержание, иногда видоизменяя само название.

По существу, определение «золото-бирюзовый стиль» не имеет под собой ничего конкретного, и такого стиля просто не существует.

Ключевые слова: *сарматский звериный стиль, дефиниция, золото-бирюзовый, полихромный, археологический.*

Любое научное исследование предполагает классификацию материала и в конечном счете должно выявить типологию изучаемых артефактов, которая объективно отражает суть исторических процессов и место в них исследуемого объекта, в области археологии представленного теми или иными формами материальной культуры. Таким образом, научное исследование можно рассматривать как одну из форм преодоления хаоса и преобразование его в некий порядок, что само по себе представляет собой своего рода превращение, или метаморфозу. Еще Овидий представлял устройство мира в виде неких метаморфоз, облеченных поэтом в образную картину.

Не было моря, земли и над всем распростертого неба, —
Лик был природы един на всей широте мироздань, —
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был, — и только, — где собраны были
Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе.
(Овидий. Метаморфозы. Кн. 1, 5)

Попытаемся связать эти «семена вещей разносущные» в сфере, безотрывно соединяющей в себе материальную и духовную культуры — древнем искусстве. Носители стиля — это всегда признаки формальные и, соответственно, связанные с исполнительской стороной и вещественными свойствами произведения. В значительной степени они обусловлены факторами стиля, главным из которых является содержание.

Проблемы стиля в искусстве едва ли не самые существенные в исследовании феномена художественного творчества вообще. Искусство древности является объектом изучения не только искусствознания, но и археологической науки [1]. Причем некоторые области художественной деятельности, в частности звериный стиль евразийских кочевников I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., практически целиком относятся к сфере деятельности и научных интересов именно археологов, а не историков искусства, и это приводит к очевидным издержкам и досадным недоразумениям в силу недостаточной подготовки в теории искусства и соответствующего профессионального подхода к исследованию этого феномена. Как правило, археологам свойственно

1. Проблемы звериного стиля скифской и сарматской эпох всегда находились в поле научных интересов как В. А. Ильинской, так и А. В. Симоненко, и потому эта тема посвящается юбилеям обоих исследователей.

© Е. Ф. КОРОЛЬКОВА, 2020

оценивать лишь эстетическую грань искусства и именно в ней видеть «художественность». К сожалению, это относится даже к работам весьма разносторонних и маститых специалистов в археологической науке, которые порой демонстрируют беспомощность, сталкиваясь с материалом, обладающим, с одной стороны, совершенно теми же признаками, что и обычные археологические предметы материальной культуры, а с другой стороны, наделенным иными свойствами, собственно и выделяющими искусство в совершенно особую категорию, связанную с духовной деятельностью, образным характером мышления, эмоциональным восприятием и особыми формами кодирования и выражения содержания.

Всякая область исследования требует четко сформулированного терминологического аппарата, который в данном случае почти полностью отсутствует. Эта ситуация порождает поиск новых дефиниций, которые рождаются эмпирически и носят чаще всего ассоциативный описательный характер и потому крайне субъективны. Многие дефиниции рождаются из непосредственных визуальных ассоциаций и надолго остаются в научной литературе, на первый взгляд вполне удовлетворительно отвечая задаче первичного поверхностного обозначения того или иного явления. Так появился и вошел в научный обиход термин «золото-бирюзовый стиль», характерный для сарматского искусства. Однако содержание этого термина более, чем туманно: практика показывает, что понимают его авторы совершенно по-разному, что ведет к размыванию самой сути вопроса.

Теперь уже возникают домыслы и сомнения относительно авторства этого определения, однако первым, кто использовал его как научный термин, был М. Б. Щукин.

Марк Борисович Щукин, несомненно, был эстетом. Он был ученым, имеющим свой стиль и в жизни, и в манере мыслить, и в словесном выражении своих мыслей. Причем его научные взгляды обычно облекались в весьма изысканные формулировки: делать это он любил образно и красиво, привлекая различные литературные ассоциации и аллюзии. Не случайно в его научно-популярных статьях о кельтском искусстве, опубликованных в журнале «Знание — сила» («Улыбка Чеширского Кота» и «Снова о Чеширском Коте»), уже в заголовках присутствовал художественный образ, отсылающий читателя к хорошо известной сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Кот уходил, а улыбка оставалась… (Шукин 1985, с. 40—43; 1993, с. 60—67). Рассматривая широкие исторические срезы и взаимодействия разных культур, М. Б. Щукин, естественно, не мог оставаться в стороне от феномена сарматского искусства, специально которым он, однако, никогда не занимался. Не пытаясь решить в целом концептуальные проблемы художественных стилей, М. Б. Щукин все же сделал свой вклад в понимание культурных процессов и искусства разных народов на территории Европы на рубеже эр. Об этом свидетельствует статья М. Б. Щукина «Сарматские» серебряные фалары: «Греко-Бактрийский стиль» или «стиль Малибу»? (Щукин 2001, с. 81—85), в которой он предложил условное название (по эталонной коллекции) для определенной группы художественных изделий. И, возможно, такой принцип — не худший выход, когда требуется заведомо условное обозначение для выделения круга предметов искусства, визуально имеющих определенную близость и общие характеристики.

Характеристика любой археологической культуры без учета соответствующего ей искусства не вполне объективна и неполна. Поэтому большинству археологов так или иначе приходится вторгаться на искусствоведческую территорию. Краеугольное понятие в искусстве — стиль, несмотря на всю свою условность, исторически сложившуюся многозначность и многоуровневость, все же, несомненно, является термином, который, во-первых, имеет свои границы, а, во-вторых, оказывается абсолютно незаменимым, как бы по-разному его ни трактовали.

Как правило, отказывая искусствоведению в научности, но продолжая при этом использовать его терминологический аппарат, археологи попадают в собственную ловушку, изобретая новую терминологию, наполненную исключительно индивидуальным пониманием термина. И далее, жонглируя одними и теми же словами, но вкладывая в них различный смысл, они дискутируют между собой, не имея шансов на взаимопонимание, и тем самым не проясняют картину и не упорядочивают материал, а умножают хаос. Не случайно Л. С. Клейн, обращаясь к проблеме понятий «тип» и «стиль», цитировал американского исследователя Джеймса Сэкета, который отметил, что «понятие стиля, как оказалось, особенно неуловимо для археологов». Л. С. Клейн, резюмируя свои собственные теоретические рассуждения относительно стиля, справедливо определяет стиль как «одно из понятий типологических (родственное понятиям «класс» и «тип»; Клейн 1991, с. 162, 163, 384, 385; 2016, с. 69). Нельзя не отметить, что даже такой признанный археолог-теоретик как Л. С. Клейн демонстрировал в известном смысле непонимание феномена искусства как объекта исследования. Так, его утверждение, что «археологическое понятие стиля отличается от искусствоведческого тем, что оно освобождено от феномена художественности» и стиль лишен цельности (Клейн 2016, с. 68, 69), несомненно, носит субъективный характер и выдает недопонимание сущности искусства. «Художественность» здесь, очевидно, понимается исключительно как эстетическая категория, то есть чисто внешняя оболочка, связанная с «красивостью», которую можно игнорировать.

Искусство же, пусть даже и архаическое, никак по определению не может быть освобождено от художественности, а стиль от цельности, потому что это и есть его сущностные свойства,

обусловленные образностью как главным инструментом формирования способа коммуникации и сообщения определенного контента. Искусство — это и особая форма сознания, а также деятельность, которые создают новую образную реальность, способную воздействовать на сознание и чувства других людей и служить способом коммуникации, одновременно обладая информативными свойствами и эмоциональным воздействием. Собственно в этом и заключается «художественность». Поэтому исследовать такой объект, отбросив «феномен художественности», абсолютно невозможно.

Следовательно, изучая памятники древнего искусства, к ним следует применять методы искусствоведческого анализа, который в данном случае не исключает возможности их исследования с вещественной точки зрения — как обычного материального археологического объекта, потому что метод исследования во многом предопределен свойствами предмета исследования и его спецификой. Искусствоведческий анализ — это, вопреки распространенному в археологической среде представлению, не оценка археологического предмета с эстетической точки зрения и позиции художественных достоинств, а полный разбор всех свойств материального объекта, включая характеристики материала, технологический аспект, анализ содержания и формы и соотнесение всего этого с историческим и культурным контекстами и реконструкцией идеологических задач.

Литература по теории стиля огромна. Ссылки Л. С. Клейна (Клейн 2016, с. 69) на единственную «обобщающую книгу об определении стиля, написанную *известным искусствоведом* Е. Н. Устюговой (Устюгова 2003), с упоминанием всех «имманентных, спонтанных интенций сознания», «экзистенционального самоосуществления индивидуальности», несомненно, выдают в цитируемом авторе все же не искусствоведа, а специалиста совсем другой научной области, а именно, «науки наук» — философии (что и подтверждает ниже сам Л. С. Клейн). И в этом есть существенная разница: у каждой науки — свой предмет исследования, свои задачи и методы. Поэтому и выводы соответствующие. И подобное «превращение» наук, а точнее, подмена понятий, вряд ли приносит пользу делу.

Спускаясь с философских высот к искусствоведческим терминам и исследованию архаического искусства как явления древней культуры, приходится искать пути и методы исследования этого феномена и вырабатывать научный терминологический аппарат. И как бы ни трудны были попытки найти адекватное археологии понимание стиля, никому еще не удавалось обойтись без этого термина и, соответственно, как минимум, не сформировать собственного его понимания и представления о возможности его применения. В практическом, а именно, типологическом аспекте значения стиля нельзя упускать то важное обстоятельство, что стиль, как и тип, имеет свои признаки, позволяющие опознать его и даже визуально отделить от другого. И это, конечно же, отнюдь не один признак, а целый комплекс формальных признаков, которые в теории искусства принято называть носителями стиля, определяемыми факторами идейно-образного содержания (Королькова 2006, с. 147, 148).

И при всей условности и широте понимания стиля, его признаки должны быть, как и признаки типа, в конечном счете, вполне объективными. И здесь во главу угла необходимо ставить сам вещевой материал. Потому что даже незначительные на первый взгляд признаки могут оказаться определяющими. А некоторые характеристики предмета можно «поймать» лишь при непосредственном изучении вещи, например, технологические признаки, которые, хотя и не являются в строгом смысле этого слова стилистическими, непосредственно увязываются с последними, так как тоже относятся к исполнительскому аспекту. А ведь только корреляция именно этих признаков с формальными стилистическими как раз и дает возможность отнести художественный артефакт к одному типу и тем самым надежно определить его место в той или иной культуре.

Но вернемся к понятиям и дефинициям и их метаморфозам. Немало работ посвящено проблеме сарматского звериного стиля. В научный оборот это понятие ввел М. И. Ростовцев. Он же был автором определения «сарматский полихромный стиль» (Rostovtzeff 1922; 1929). Нельзя не отметить, что, обладая неизмеримо меньшим базовым материалом (в силу отсутствия в поле зрения ученого исследованных значительно позднее ключевых выдающихся памятников сарматской эпохи), М. И. Ростовцев заложил основы сарматологии и совершенно правильно оценил значение культурных процессов скифо-сарматского времени и направление различных импульсов во взаимодействии древних государств и кочевых племен. Тем самым он сделал весомый вклад в преодолении хаоса в этой научной области. Позднейшие поправки к высказанным им концепциям не умалили его заслуги. Широкая образованность М. И. Ростовцева и глубокое знание вещей позволили ему выделить основные индикативные признаки, имеющие под собой реальную культурную основу. К сожалению, отталкиваясь от его дефиниций, последующие ученые не только не внесли ясность в ситуацию, несмотря на огромное увеличение фактического и вещевого материала, а, пожалуй, даже способствовали некоторой путанице в уже сложившейся картине.

С трактовкой терминологии М. И. Ростовцева в современной науке произошли удивительные метаморфозы: его дефиниции позднее были применены к совершенно другим группам художественных изделий, что, вероятно, можно объ-

яснить лишь невнимательностью при чтении его трудов. В 2003 г. вышла книга В. И. Мордвинцевой «Полихромный звериный стиль», которая до публикации монографии И. П. Засецкой (Засецкая 2019) оставалась единственным обобщающим трудом по сарматскому искусству. На первых же страницах книги В. И. Мордвинцева разъясняет, что «термин «полихромный звериный стиль», употребляемый в современной литературе по истории и культуре сарматов как синоним «сарматского полихромного звериного стиля» и «золото-бирюзового звериного стиля», был введен в научный оборот сравнительно недавно». Приоритет в этом она отдает И. П. Засецкой (Мордвинцева 2003, с. 5).

В. И. Мордвинцева вполне справедливо констатировала существование известных трудностей задачи «исследования сарматского золото-бирюзового звериного стиля и причин появления таких вещей в степях Восточной Европы» (Мордвинцева 2003, с. 8). Причем эти трудности кроются в значительной степени в определении самого объекта изучения и отсутствии единства в понимании его границ у различных исследователей. Нельзя не согласиться с автором в заключении о том, что, несмотря на работы многих исследователей, дававших свое определение сарматского полихромного звериного стиля (М. И. Артамонов, И. П. Засецкая, В. И. Сарианиди), «до сих пор не ясно, какие предметы подходят под это понятие, а какие — нет» (Мордвинцева 2003, с. 8). В своей специально посвященной этому вопросу статье «О содержании термина «сарматский полихромно-бирюзовый звериный стиль» (Мордвинцева 2001, с. 220—225) В. И. Мордвинцева отмечает, что «появление в науке новых терминов и пересмотр старых — событие нередкое в археологии» (Мордвинцева 2001, с. 220). И это, несомненно, так.

Автор подчеркивает, что, когда «содержание термина все же постепенно изменяется, он может прожить долгую жизнь, обрастая новыми определениями, смысл же некоторых его значений зачастую утрачивается» (Мордвинцева 2001, с. 220). И с этим тоже нельзя не согласиться, но опираться на это заключение как на руководство к действию вряд ли правильно, поскольку при этом неизбежно возникает путаница и недопонимание. Далее речь идет об истории термина «сарматский полихромно-бирюзовый звериный стиль» (Мордвинцева 2001, с. 220). В. И. Мордвинцева делает ретроспективный экскурс, осветив последовательность формирования дефиниций и указывая, что впервые такое употребление словосочетания «золото-бирюзовый стиль» для определения конкретного художественного феномена в культуре кочевников встречается в публикации И. П. Засецкой (Засецкая 1989). В своей обобщающей монографии «Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. — начало II в. н. э.)» (Засецкая 2019, с. 48) сама И. П. Засецкая уточняет нюанс происхождения термина «золото-бирюзовый стиль», добавляя к информации В. И. Мордвинцевой, что это словосочетание она восприняла из устного применения его М. Б. Щукиным. При этом в заключительной части монографии И. П. Засецкая отказывается от дефиниции «золото-бирюзовый стиль», называя единственно верным определение «сарматский полихромный стиль» (Засецкая 2019, с. 49) [1].

Л. С. Клейн также связывал происхождение этого термина с именем М. Б. Щукина (Клейн, 2016, с. 67). Надо сказать, что В. И. Мордвинцева, указав на авторство термина И. П. Засецкой (Мордвинцева 2001, с. 220), ниже, в той же статье, поясняет, что теперь уже вряд ли возможно установить, кто первым употребил данное определение. В качестве возможных претендентов на его изобретение она называет И. П. Засецкую, М. Б. Щукина и Б. А. Раева (Мордвинцева 2001, с. 222). По мнению В. И. Мордвинцевой, после выхода статьи И. П. Засецкой «Проблемы сарматского звериного стиля» (Засецкая 1989) термин утвердился в среде российских ученых, а после публикации М. Ю. Трейстера и С. А. Яценко на английском языке он проник и в зарубежную научную среду (Treister, Yatsenko 1997/1998, p. 51—106).

Свое собственное определение границ употребления этого термина В. И. Мордвинцева обозначила вполне конкретно хронологическими рамками — I — первая пол. II в. н. э. соотнеся его с Садово-Новочеркасской группой.

Однако в статье И. П. Засецкой этот термин относился к украшениям из кургана Хохлач и из сарматских погребений «Золотого кладбища» на Кубани. Своеобразие художественных изделий этого круга было отмечено еще в XIX в. (Толстой и Кондаков 1890, с. 132—140). При этом М. И. Ростовцев, как отмечает В. И. Мордвинцева, вещи из кургана Хохлач выделил как относящиеся к особому стилистическому направлению. Однако, следует далее из рассуждений В. И. Мордвинцевой, термином «полихромный сарматский звериный стиль» М. И. Ростовцев обозначил «совершенно другую группу находок», подразумевая под этим «сочетание серебра с частичной позолотой и наиболее яркими предметами этого стиля считал фалары из Александрополя, Федулова, Ахтанизовской, Янчокрака, Таганрога, Галиче и пр. (Мордвинцева 2001, с. 220). Он датировал эту группу памятников III—II вв. до н. э. Это утверждение В. И. Мордвинцевой не может не вызывать по меньшей мере удивления, поскольку оно в принципе парадоксально. Ссылка на труды М. И. Ростовцева (Rostovtzeff 1929, p. 41 — 43; Ростовцев 1993, с. 39), где он, якобы раскрывает свои представления так, как это поняла она, не снимает недоумения, поскольку в указанных мес-

1. Думаю, что в известной степени на это повлиял мой доклад «О стилях и метаморфозах», прочитанный в Эрмитаже в октябре 2017 г. в рамках Круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения двух исследователей — Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина.

тах просто отсутствует объявленное содержание. Полихромный стиль, как считал М. И. Ростовцев, сосуществовал с «новым звериным стилем, определенно являющимся ветвью скифского звериного стиля, при этом имеющим много новых особенностей, чуждых скифам» (Rostovtzeff 1929, p. 46). В качестве отличительных особенностей сарматского звериного стиля М. И. Ростовцев называет полихромию (Rostovtzeff 1929, p. 56). Обращает на себя внимание ремарка В. И. Мордвинцевой: «но при этом сам стиль нигде не именуется «полихромным» (Мордвинцева 2001, с. 221). Вот тут и происходит странная метаморфоза. Вроде бы и отсылает автор читателя к конкретным работам Ростовцева, и номера страниц прилежно обозначены, но М. И. Ростовцев ни на одной из указанных страниц не называл так стиль этой группы художественных изделий из указанных памятников. Это удивительное обстоятельство уже отметила И. П. Засецкая в своей монографии и разъяснила суть мнения М. И. Ростовцева, уточнив, что он «не писал ничего подобного и не относил указанные фалары не только к полихромному стилю, но и вообще к искусству сарматов» (Засецкая 2019, с. 49). Автор указывает, что М. И. Ростовцев рассматривал эти художественные изделия как «*новое явление в культуре кочевников южнорусских степей, связанное с миграциями ираноязычных племен, в том числе и сарматов в III—I в. до н. э.*». М. И. Ростовцев, как подчеркивает И. П. Засецкая, полагал, что одновременно с этим типом произведений торевтики во II—I вв. до н. э. продолжалось развитие искусства полихромного стиля, причем полихромия все более становилась господствующей. М. И. Ростовцев относил эту группу украшений к южной ветви сарматского полихромного стиля, противопоставив их северной группе сарматского звериного стиля из памятников Дона и Сибири (Rostovtzeff 1922, p. 202), и связывал с проникновением на эту территорию сарматов. Как предметы, относящиеся к сарматскому звериному стилю, украшенные вставками из бирюзы, М. И. Ростовцев рассматривал вещи из Сибирской коллекции Петра I и так называемый майкопский пояс (который позднее был признан подделкой, имитирующей стиль украшений из Сибирской коллекции; Иессен 1961, с. 163—177). Художественные предметы из кургана Хохлач он расценивал как продолжение развития этого стиля. Метаморфозы трактовки содержания определений поистине не имеют границ.

Аргументируя свою позицию и разъяснив точку зрения М. И. Ростовцева, И. П. Засецкая предложила для зооморфных изображений I в. до н. э. — II в. н. э., в которых звериные образы сочетались с цветными вставками, использовать термин «сарматский полихромный звериный стиль» (Засецкая 2019, с. 49).

Что касается В. И. Мордвинцевой, то она ставит знак равенства между разными определениями звериного стиля и полагает, что термин «сарматский полихромно-бирюзовый звериный стиль» применяется в современной археологической литературе и является синонимом «золото-бирюзовому стилю» и «сарматскому полихромному звериному стилю» (Мордвинцева 2001; 2003). В действительности все специалисты в данной области по-своему понимали эти термины, применяя к памятникам с разными датировками и отличным в этнокультурном отношении.

Термин «золото-бирюзовый звериный стиль» действительно получил хождение, и им в том числе широко пользовались М. Ю. Трейстер и С. А. Яценко в своей статье на английском языке «О центрах производства определенной серии конских фаларов в золото-бирюзовом зверином стиле I—II вв. н. э.» (Treister, Yatsenko 1997/1998, p. 51 — 106). Однако эти авторы сочли необходимым сделать экскурс в историю развития традиции украшения золотых изделий инкрустацией из бирюзы и совершенно справедливо указали на то, что это художественное явление восходит к Бронзовому веку и корнями уходит в Месопотамию и Центральную Азию (Treister, Yatsenko 1997/1998, p. 52). М. Ю. Трейстер и С. А. Яценко в этой статье констатируют, что вставки из бирюзы на золотых украшениях встречаются в VI—V вв. до н. э. в Западной Сибири, Бактрии, Иране, Малой Азии и Грузии, а позднее — и на территории Семиречья и в Ордосе (Treister, Yatsenko 1997/1998, p. 52).

Они также совершенно правильно отмечают, что помимо бирюзы в одних и тех же вещах на разных территориях встречаются и вставки других цветов, что расширяет колористическую гамму изделий за счет использования красных оттенков в кораллах, сердолике, гранатах и других минералах (Treister, Yatsenko 1997/1998, p. 52). М. Ю. Трейстер и С. А. Яценко выделяют восемь различных регионов, где распространены золотые вещи, инкрустированные бирюзой: 1) Монголия и Ордос, 2) Саяны и Алтай, 3) степи между Обью и Иртышом, 4) Семиречье, 5) Иран, 6) Бактрия, 7) Нижняя Сырдарья, 8) Сарматия (Treister, Yatsenko 1997/1998, p. 53). При этом форма вставок и техника оформления гнезд для вставок, как и плотность их размещения на поверхности изделия, что является важным стилистическим признаком, в перечисленных регионах различна. Это определяется разными генетическими корнями и художественными традициями. Таким образом, декоративные вставки из бирюзы вовсе не определяют какого-то конкретного стиля и демонстрируют столь широкое территориальное и хронологическое распространение, что заведомо относятся к разным культурам. Логично поставить вопрос о целесообразности применения термина, который, по существу, ничего не определяет.

В. И. Мордвинцева, вынеся в название монографии «Полихромный звериный стиль» (Мордвинцева 2003), отождествляет его с «золото-бирюзовым стилем» и включает вещи совершенно различного происхождения — от безусловно

связанных со стилем искусства Ирана Ахеменидского времени до предметов сарматской культуры рубежа эр и начала новой эры. Автор, несомненно, ощущает определенные несоответствия (сошлюсь на уже приведенную выше цитату: Мордвинцева 2003, с. 8) в формальных признаках разных групп художественных изделий, которые все же насильственно втискиваются в рамки «золото-бирюзового», или «полихромного» стиля. Прочие формальные признаки изображений, которые только в комплексе вообще-то и являются собственно стилистическими индикаторами, практически не учитываются.

Кроме того, включенные В. И. Мордвинцевой в разные группы полихромного звериного стиля вещи в некоторых случаях изначально вообще не имели никакой инкрустации или полностью утратили вставки, что делает сомнительным определение их состава и цвета. Выполнены эти вещи зачастую разными технологическими способами: одни — литьем, другие чеканкой или в технике басмы, т. е. путем моделирования формы по матрице (Минасян 2014, с. 404—406; Королькова 2017, с. 50—60). И это является важным культурным показателем, соответствующим определенным традициям, школам и центрам производства.

В то же время некоторые из рассматриваемых в этом контексте артефактов, имеющих вставки (или имевших их до утраты), находят ближайшие стилистические аналогии среди предметов, заведомо изначально лишенных цветной инкрустации. Например, изображения хищника на поясных пластинах со сценой терзания лошади из Сибирской коллекции Петра I, несомненно, можно рассматривать как ближайшую стилистическую аналогию барсам из кургана Иссык. Однако иссыкские вещи вообще лишены инкрустации и, соответственно, не имеют цветовой доминанты бирюзы.

Таким образом, за названием «золото-бирюзовый стиль», получившим широкое хождение в археологической научной литературе с легкой руки М. Б. Щукина, вообще не стоит ничего реального, а наличие вставок из бирюзы как признак никак не определяет какого-то конкретного стиля. Позволю себе, сохраняя стилистику, свойственную работам М. Б. Щукину уподобить сарматский «золото-бирюзовый стиль» тому самому Чеширскому Коту, который таял, и лишь улыбка его оставалась: дефиниция есть, а стиля такого, увы, нет.

Наука — саморазвивающийся организм и предполагает постоянную корректировку воззрений и представлений о процессах развития, а также совершенствует терминологический аппарат. Поэтому, не умаляя достоинств трудов М. Б. Щукина и отдавая должное образности его научной лексики, беру на себя смелость предложить отказаться от введенного им в обиход термина «золото-бирюзовый стиль», дабы не запутываться в лабиринтах стилистических изощрений.

ЛИТЕРАТУРА

Засецкая, И. П. 1989. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор). *Советская археология*, 3, с. 35-47.

Засецкая, И. П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. — начало II в. н. э.).* Археологические памятники Северного Причерноморья, 1. Симферополь: Антиква.

Иессен, А. А. 1961. Так называемый «майкопский пояс». *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 2, с. 163-177.

Клейн, Л. С. 1991. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР.

Клейн, Л. С. 2016. *Первый век. Сокровища сарматских курганов*. Санкт-Петербург: Евразия.

Королькова, Е. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.): Проблемы стиля и культурной принадлежности*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Королькова, Е. Ф. 2017. О происхождении некоторых особенностей сибирского звериного стиля. *Краткие сообщения Института археологии*, 247, с. 50-60.

Минасян, Р. С. 2014. *Металлообработка в древности и Средневековье*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Мордвинцева, В. И. 2001. О содержании термина «сарматский полихромно-бирюзовый звериный стиль». *Материалы по археологии Волго-Донских степей*, с. 220-224.

Мордвинцева, В. И. 2003. *Полихромный звериный стиль*. Симферополь: Универсум.

Раев, Б. А. 1984. Пазырык и Хохлач — некоторые параллели. В: *Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы Второй археологической конференции*. Кемерово, с. 133-134.

Ростовцев, М. И. 1993 (переиздание 1926). Сарматские и индо-скифские древности. ΣΚΥΘΙΚΑ: Избранные труды акад. М. И. Ростовцева. *Петербургский археологический вестник*, 5, с. 39-56.

Толстой, И., Кондаков, Н. 1890. *Русские древности в памятниках искусства*, 3. Санкт-Петербург: Министерство путей сообщения, с. 132-140.

Устюгова, Е. Н. 2003. *Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Щукин, М. Б. 1985. Улыбка Чеширского Кота. *Знание — сила*, 5, с. 40-43.

Щукин, М. Б. 1993. Снова о Чеширском Коте. *Знание — сила*, 4, с. 60-67.

Щукин, М. Б. 2001. «Сарматские» серебряные фалары: «Греко-Бактрийский стиль» или «стиль Малибу»? В: Фроянов, И. Я., Астахов, С. Н. (ред.). *Евразия сквозь века. Сб. науч. тр., посвященных 60-летию Д. Г. Савинова*. Санкт-Петербург: СПбГУ, с. 81-85.

Rostovtzeff, M. I. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia.* Oxford.

Rostovtzeff, M. I. 1929. *The Animal Style in South Russia and China.* Princeton.

Treister, M., Yatsenko, S. 1997/1998. About the Centres of Manufacture of Certain of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st—2nd Centuries AD. *Silk Road Art and Archaeology*, 5, p. 51-106.

REFERENCES

Zasetskaya, I. P. 1989. Problemy sarmatskogo zverinogo stilya (istoriograficheskiy obzor). *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 35-47.

Zasetskaya, I. P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n. e. — nachalo II v. n. e.).* Arkheolog-

icheskiye pamyatniki Severnogo Prichernomoria, 1. Simferopol: Antikva.

Iessen, A. A. 1961. Tak nazyvayemyy «maykopskiy poyas». *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2, s. 163-177.

Kleyn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaya tipologiya*. Leningrad: AN SSSR.

Kleyn, L. S. 2016. *Pervyy vek. Sokrovishcha sarmatskikh kurganov*. Sankt-Peterburg: Evraziya.

Korolkova, E. F. 2006. *Zverinyy stil Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzhia i Yuzhnogo Priuralia v skifskuyu epokhu (VII—IV vv. do n. e.): Problemy stilya i kulturnoy prinadlezhnosti*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye.

Korolkova, E. F. 2017. O proiskhozhdenii nekotorykh osobennostey sibirskogo zverinogo stilya. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, 247, s. 50-60.

Minasyan, R. S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekovye*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Mordvintseva, V. I. 2001. O soderzhanii termina «sarmatskiy polikhromno-biryuzovyy zverinyy stil». *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey*, s. 220-224.

Mordvintseva, V. I. 2003. *Polikhromnyy zverinyy stil*. Simferopol: Universum.

Rayev, B. A. 1984. Pazyryk i Khokhlach — nekotoryye paralleli. In: *Skifo-sibirskiy mir (iskusstvo i ideologiya). Tezisy Vtoroy arkheologicheskoy konferentsii*. Kemerovo, s. 133-134.

Rostovtsev, M. I. 1993 (pereizdaniye 1926). Sarmatskiye i indoskifskiye drevnosti. ΣΚΥΘΙΚΑ: Izbrannyye trudy akad. M. I. Rostovtseva. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik*, 5, s. 39-56.

Tolstoy, I., Kondakov, N. 1890. *Russkiye drevnosti v pamyatnikakh iskusstva*, 3. Sankt-Peterburg: Ministerstvo putey soobshcheniya, s. 132-140.

Ustyugova, E. N. 2003. *Stil i kultura: opyt postroyeniya obshchey teorii stilya*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Shchukin, M. B. 1985. Ulybka Cheshirskogo Kota. *Znaniye — sila*, 5, s. 40-43.

Shchukin, M. B. 1993. Snova o Cheshirskom Kote. *Znaniye — sila*, 4, s. 60-67.

Shchukin, M. B. 2001. «Sarmatskiye» serebryanyye falary: «Greko-Baktriyskiy stil» ili «stil Malibu»? In: Froyanov, I. Ya., Astakhov, S. N. (eds.). *Evraziya skvoz veka. Sb. nauch. tr. posvyashchennykh 60-letiyu D. G. Savinova*. Sankt-Peterburg: SPbGU, s. 81-85.

Rostovtzeff, M. I. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

Rostovtzeff, M. I. 1929. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton.

Treister, M., Yatsenko, S. 1997/1998. About the Centres of Manufacture of Certain of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st—2nd Centuries AD. *Silk Road Art and Archaeology*, 5, p. 51-106.

E. F. Korolkova

ABOUT STYLES AND METAMORPHOSES (the Issue of Definitions in the Study of Sarmatian Animal Style)

This paper is devoted to the problems of scientific definitions concerning the study of the Sarmatian animal style art. This art is represented with the gold decorative objects which often ornamented with colour inlays of different shapes, mostly made of turquoise often used together with other minerals. This art shows the specific features to distinct it from the phenomenon of the Scythian animal style. Decoration of the artistic wares with colour inlays reflects a specific aesthetic tastes and typical method of jewelry of the Sarmatian era. This polychromic effect used to be considered as a very essential feature of the Sarmatian era.

But there were some different heterogeneous cultures which show artistic traditions of different origin in the area inhabited by Sarmatian tribes in the turn of Christian era. Polychromic styles were of different character and type. So, the so called polychromic style is a very conventional definition which comprises some different variants.

One of the groups of objects belonging to Sarmatian culture is characterized with very abundant decoration of turquoise inlays. This visual feature inspired Mark Schukin to launch a new term «turquoise-golden style» which was taken up by archaeologists and became a professional definition. But even scholars mean different comprehension in this term. So, now it is clear that this term is too indeterminate and it is not able to describe the certain artistic style and artistic culture. There were a lot of golden objects in heterogeneous cultures and in different times which were decorated with inlays made of turquoise. They show different styles and the only feature could not determine the artistic style. Any style could be determined with a complex of essential features.

The definition «turquoise-golden style» nothing means and should be forgotten to avoid confusion and mess in scientific studies.

Keywords: Sarmatian animal style, definition, turquoise-golden, polychromic, archaeological.

О. Ф. Королькова

ПРО СТИЛІ ТА МЕТАМОРФОЗИ (до проблеми дефініцій сарматського звіриного стилю)

Статтю присвячено проблемам наукових дефініцій і термінів в царині вивчення сарматського звіриного стилю, представленого у золотих предметах, декорованих кольоровими вставками з бірюзи та інших мінералів. Декор художніх виробів кольоровими вставками створює особливу естетику і ефект поліхромії, яка є специфікою мистецтва кочівників сарматської доби. Виділення візуального ознаки описового характеру («золото-бірюзовий»), введене М. Б. Щукіним як визначення стилю, стало звичним, перетворившись в науковий термін. Однак художній стиль визначається не єдиною ознакою, а комплексом формальних характеристик. Як виявилося, широко застосовуючи цей термін, інші дослідники вкладали в нього зовсім різний культурно-історичний зміст, іноді видозмінюючи саму назву.

Таким чином, межі цього терміна абсолютно невизначені, загального розуміння його значення немає, і за красивим епітетом в реальності нічого не стоїть. По суті, визначення «золото-бірюзовий стиль» (або «поліхромно-бірюзовий звіриний стиль») не має під собою нічого конкретного, і такого стилю просто не існує.

Ключові слова: сарматський звіриний стиль, визначення, бірюзово-золотий, поліхромний, археологічний.

Одержано 07.05.2020

КОРОЛЬКОВА Олена Федорівна, кандидат мистецтвознавства, завідувач сектором, Державний Ермітаж, Палацова набережна, 34, Санкт-Петербург, 191181, Россія.
Korolkova Elena F., Ph. D. in Art History, Head of the Sector of the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, the State Hermitage Museum, Palace embankment, 34, St-Petersburg, 191181, Russia.
ORCID: 0000-0002-1199-005X, e-mail: lenkor_54@mail.ru.

УДК 904.4(498)"638" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.08

L. Oța

THE SECOND STAGE OF SARMATIAN SETTLEMENT IN WALLACHIA

The aim of this paper is to discuss the main characteristics of the graves that can be attributed to the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia, starting in the last decades of the 2nd century AD.

***Keywords**: Sarmatians, Wallachia, Roman Empire, graves, funerary ritual, grave goods.*

Introduction. The present study is a continuation of two previously published articles on the funerary structures attributed to the first stage of arrival of the Sarmatians in Wallachia, in the last decade of the 1st century AD and the first decades of the 2nd century AD (Oța, Sîrbu 2016a; 2016b). A relatively small number of burials (53 or 54) in Wallachia can be dated to what we have defined on other occasions (Oța, Sîrbu 2009, p. 178—196; 2013, p. 291, 292; 2019a, p. 151—154) as the first stage of penetration of the Sarmatians in Wallachia. The graves, both isolated (seven for certain and three raising doubts) and grouped (43 or 44 graves in six groups) are concentrated in the northeast, east and south of Wallachia (Oța, Sîrbu 2016a, p. 262; 2016b, p. 149).

Second stage of Sarmatian settlement in Wallachia. The second stage of penetration of the Sarmatians in Wallachia, linked to the Marcomannic Wars (Oța 2016, p. 139), begins in the late 2nd century AD and continues during the following century. There are two explanations for those written above. The first regards the connection between the arrival of the Sarmatians in Wallachia and the Marcomannic Wars, which, in this particular case, should be interpreted differently than it would be assumed at first sight. From the very beginning, the Sarmatians entered Wallachia not as enemies of the Roman Empire, but as allies always supervised by the Roman troops, a hypothesis in support of which five arguments can be invoked: a) the limited total number of Sarmatian discoveries in Wallachia; b) the limited number of the burials in the groups of graves; c) the limited number of tumular burials; d) the fact that the graves in which weapons were deposited are few; e) the territorial distribution of the Sarmatian discoveries in Wallachia, mostly concentrated in areas with significant Roman military presence (Oța 2016, p. 131—135; Oța, Sîrbu 2013, p. 291; 2016c, p. 215, 231). The fact that the five characteristics listed above remain unchanged throughout the entire archaeologically documented Sarmatian presence in Wallachia (late 1st century AD — late 3rd century AD) indicates that the Sarmatians in Wallachia have always been supervised by the Romans, with the Roman control over Wallachia reaching its peak in the first half of the 3rd century AD. As in the first stage, at the end of the 2nd century AD, the Sarmatians entered Wallachia not as enemies of the Romans, but as allies, while their presence can be linked to the needs for supply of the Roman garrisons on the Danubian *limes* rather than to a form of military support (Oța 2016, p. 138). The second stage of Sarmatian settlement in Wallachia is therefore occasioned by the Marcomannic Wars, but does not properly fall into the category of population movements of the *barbaricum* and it rather seems to be a consequence of these wars, probably in connection with the need to strengthen the Danubian *limes*.

The second explanation regards the paradigm of interpreting the Sarmatian discoveries in Wallachia. Generally, even since the Bronze Age, the movements of the steppe populations have been seen as successive waves of newcomers set-

© L. OȚA, 2020

tling in certain areas (Frachetti 2011, p. 196—206; Olbrycht 2000, p. 101—103). Lately, however, this model of explaining the discoveries that can be connected with the steppe populations as a result of periodic population inflows is being challenged, at least regarding the Sarmatian presence in the North-Pontic area (Dan 2017, p. 100; Mordvintseva 2013, p. 205—216; 2015, p. 114). Speaking strictly from the point of view of the Sarmatian discoveries in Wallachia, their grouping in three main chronological stages — the last decade of the 1st century AD — the first decades of the 2nd century AD; the late 2nd century AD — the first half of the 3rd century AD; the late 3rd century AD (Oța 2016, p. 135—146; Oța, Sîrbu 2013, p. 291—293; 2019a, p. 151—157) — derives from the dating of the inventory items deposited in the graves, among which the items originating from the Roman Empire have an important role. This pattern of interpretation of the Sarmatian presence in Wallachia in three different chronological stages is based both on the main features of the Sarmatian graves (which are, at least at the moment, almost the only evidence of the presence of the Sarmatians in Wallachia, to which a few discoveries without funerary features are added — Sîrbu et al. 2014, p. 94), and on the historical and geographical context of the mentioned area. Regarded as a whole, Wallachia (meaning the territory bordered to the south and the east by the Danube River, to the north by the Southern Carpathians and to the west by the Olt River) is a limited region that is located, unlike other areas inhabited by the Sarmatians, in the immediate vicinity of the Roman Empire, being bordered to the south and the east by the Danubian *limes* and to the west by the *limes alutanus* and, certainly starting from the 3rd century AD, by the *limes transalutanus* (Petolescu 2010, p. 185—188). The hypothesis of a territory controlled at least until the middle of the 3rd century AD by the Roman troops is in agreement with both the Roman military strategy (for which the *limes* never represented a barrier in the proper sense of the term — Opreanu 1994, p. 212; Opreanu, Lăzărescu 2016, p. 43—48; Țentea 2013, p. 144), and the archaeological discoveries that certify the presence in Wallachia of Roman military detachments that had a surveillance role (Oța 2016, p. 145; 2020, p. 423, 424, 427, 428; Petolescu 2010, p. 187). The Sarmatian communities which the Romans allowed to populate this area were numerically reduced (a fact proved by the limited number of archaeological discoveries and the small number of the graves in groups, the largest number being recorded, so far, in Târgşor, 36 graves — Ciupercă, Măgureanu, Anton 2015, p. 777), with a pastoral economy that depended on the mobility of the herds and the people over varying distances (Bernbeck et al. 2016, p. 52; Kradin 2015, p. 41—70; Wendrich, Barnard 2008, p. 5—7). The relatively small number of graves in groups (between a minimum of two and a maximum of 36 burials) and the fact that the burials in a group are not very scattered from a chronological point of view indicate a not so long use of the burial sites, probably a result of the mobility. The fact that this is not a population that penetrated into Wallachia at one single time and remained there for 200 years is proved by the obvious numerical disproportion between the funerary discoveries that can be dated to the first stage of the Sarmatian settlement (53 or 54 graves — Oța, Sîrbu 2016a, p. 262; 2016b, p. 148), the second stage (153 funerary structures) and the last stage (12 burials). In addition, the funerary ritual and the inventory reveal certain changes, by giving up certain features and the appearance of new characteristics, which can demonstrate a permanent contact with the areas of origin, unlike the Sarmatian burials in Lower Moesia, which continue to use the same code of display of the elite status even after it was abandoned in the North-Pontic areas (Oța, Sîrbu 2019b, in press). Especially in the absence of settlements, it is difficult to say at this time what happens to the Sarmatians from Wallachia in the few decades between the first two stages or after the middle of the 3rd century, when the number of graves seems to decrease abruptly. The explanation is probably also related to the mobility of the population, which at one point chose to move to other areas (perhaps to the east of the Prut or, rather, in the North-Pontic area). A possible supplementation with newcomers of the Sarmatian communities that had already entered Wallachia at the end of the 1st century AD or in the first decades of the following century is not supported by archaeological evidence, at least at the moment. I pointed out the existence of some graves, within the groups from Grădiştea (Oța, Sîrbu 2009, p. 194, 195), Păuleasca, Ciulnița, Ulmeni and Dorobanțu (Sîrbu et al. 2014, p. 126—128), which had certain archaic features of funerary ritual or chronological differences in terms of grave goods. The earlier dating of the above-mentioned burials based only on ritual similarities (more precisely the orientation of the graves and the position of the deceased individuals) with the Sarmatian graves from the first stage is however uncertain, especially if we consider the great variety of the features of the funerary ritual that characterize the early Sarmatian burials in Wallachia, a variety that is preserved, albeit to a lesser extent, in the second stage. We can talk about chronological differences only in two cases, from Măriuța and Ulmeni. The two Sarmatian burials from Măriuța are separated not only chronologically (G. 2 is dated to the end of the 1st century AD, while the dating of G. 2/2009 can be assumed during the second half of the 2nd century AD — Sîrbu et al. 2014, p. 129), but also spatially (about 30 m), without other Sarmatian burials between them (Lazăr et al. 2011, fig. 2). The situation in Ulmeni is complicated because of the destruction of sev-

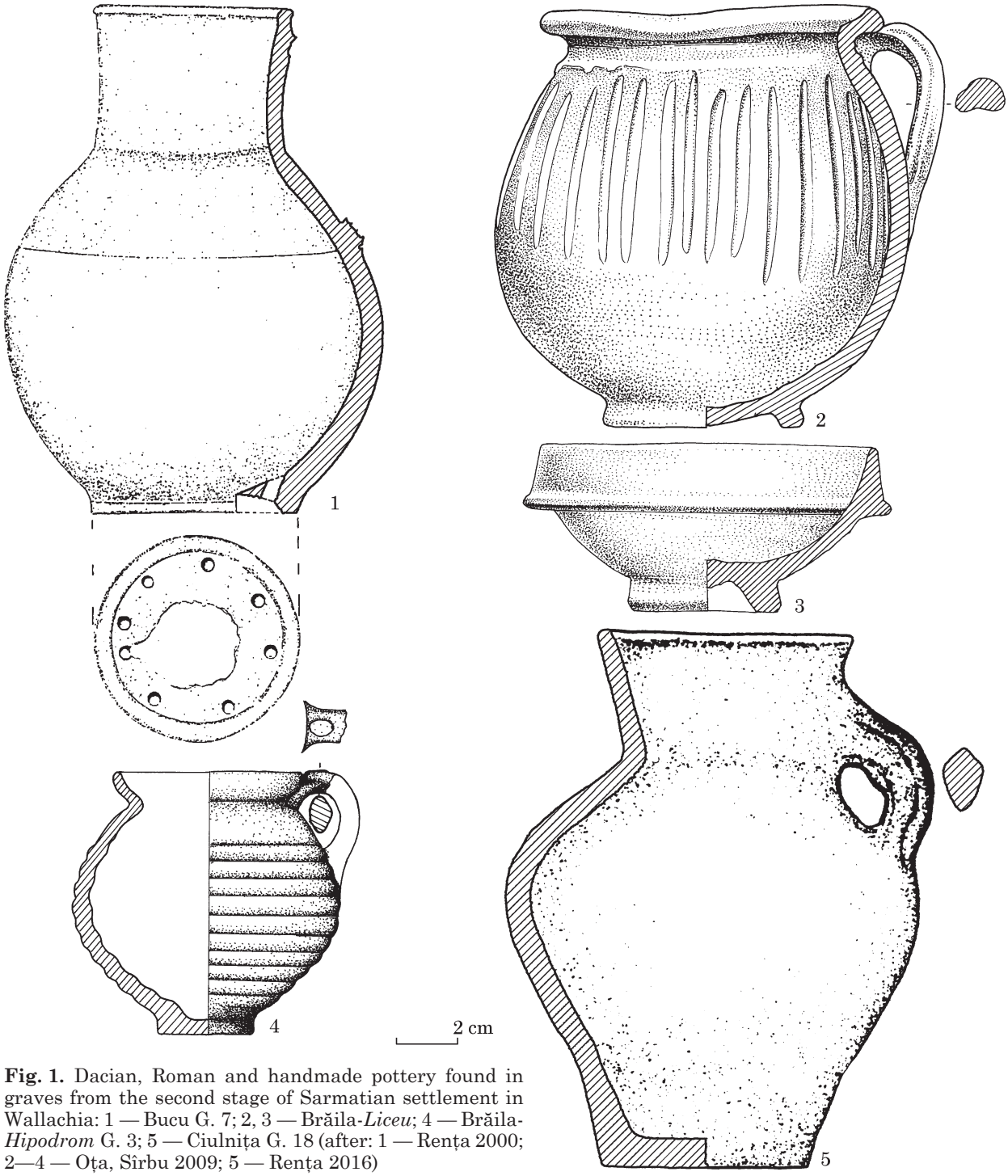


Fig. 1. Dacian, Roman and handmade pottery found in graves from the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia: 1 — Bucu G. 7; 2, 3 — Brăila-*Liceu*; 4 — Brăila-*Hipodrom* G. 3; 5 — Ciulnița G. 18 (after: 1 — Rența 2000; 2—4 — Oța, Sîrbu 2009; 5 — Rența 2016)

eral inhumation burials (10—12), with pottery as inventory, on whose dating nothing can be said, due to the fact that the vessels were lost (Morintz, Ionescu 1968, p. 109, 110; Morintz, Ionescu 1970, p. 40). The hypothesis of a number of graves higher than the one currently known (five), of which some would have had a dating similar to that of G. 3 (more precisely during the second half of the 2nd century AD — Sîrbu et al. 2014, p. 76—84, no. 41, and p. 127, 128) can no longer be verified, unfortunately. The data we have today for the group of graves and for the accidental discoveries from Ulmeni are limited to the capture of two chronological moments (Sîrbu et al. 2014, p. 127, 128): an early one (the late 1st century AD and the beginning of the following century — to which G. 1, 2 and 4, perhaps also G. 5 belong, and the bronze casserole and the glass *unguentarium*, too) and a later one (which can be dated during the second half of the 2nd century AD, if not later — G. 3 and a Roman mug discovered by accident). Given the fact that in Măriuța it is not possible to speak of a proper group, but rather of an accidental joining of the two graves (which becomes easier to understand due to the existence of a tell, therefore of an elevated terrain nearby

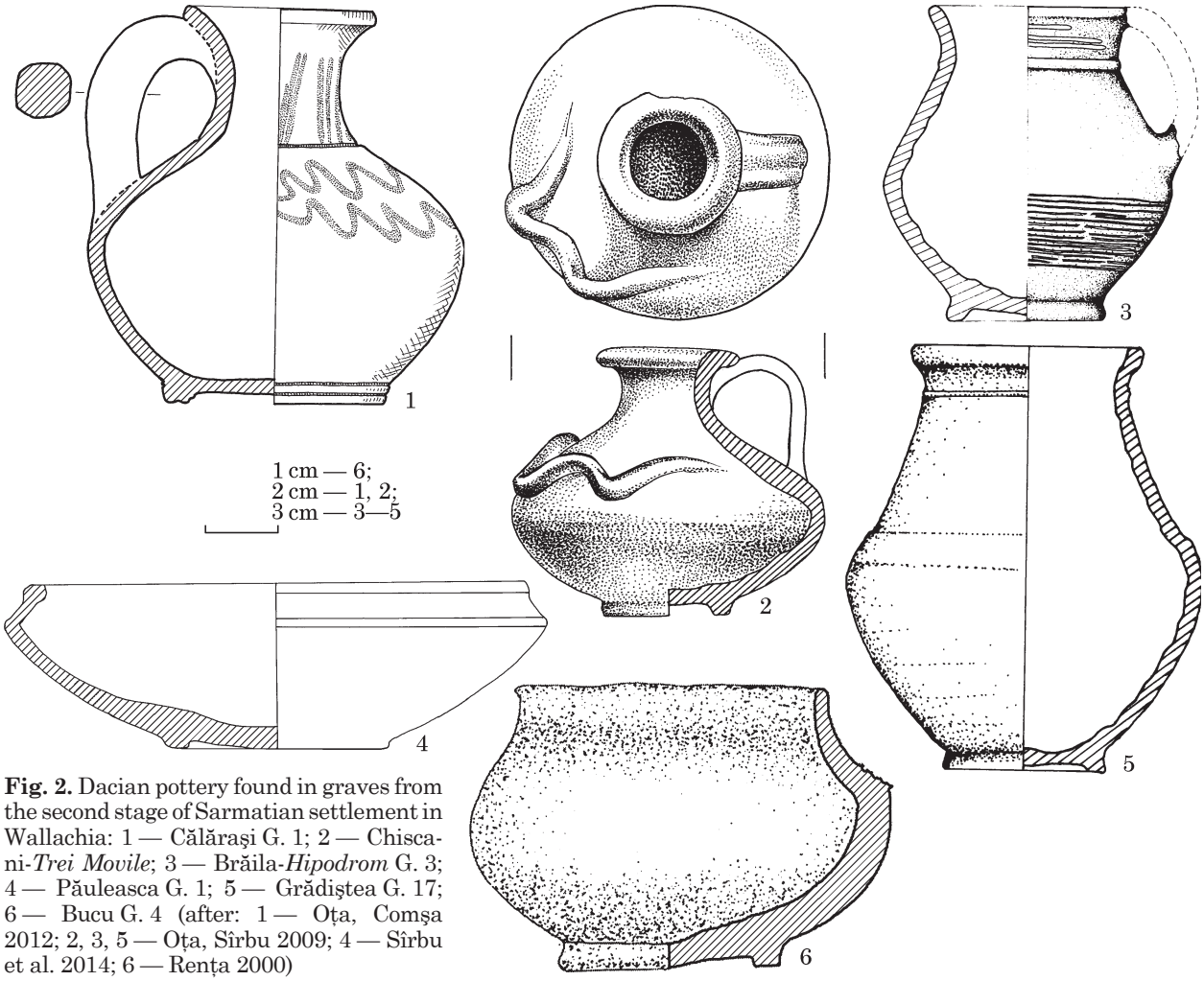


Fig. 2. Dacian pottery found in graves from the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia: 1 — Călăraşi G. 1; 2 — Chiscani-*Trei Movile*; 3 — Brăila-*Hipodrom* G. 3; 4 — Păuleasca G. 1; 5 — Grădiştea G. 17; 6 — Bucu G. 4 (after: 1 — Oța, Comşa 2012; 2, 3, 5 — Oța, Sîrbu 2009; 4 — Sîrbu et al. 2014; 6 — Rența 2000)

which could have served as a guiding mark — Wendrich, Barnard 2008, p. 12), the situation in Ulmeni must, however, be analyzed with caution. The only grave that can be dated later belongs to a woman and its dating to the late 2nd century AD is not very certain, which raises an additional doubt about a connection to the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia, as the female mobility can have other explanations (exogamous marriage, for example — Rustoiu 2008, p. 28; Przybyła 2011, p. 237—241). This is the reason why I have included in this paper G. 2/2009 from Măriuța among the Sarmatian graves from the second stage of penetration of the Sarmatians in Wallachia, but I have excluded G. 3 from Ulmeni, at least for now.

Number and territorial distribution of graves. As I have already written, the number of burials that can be linked to the second stage of settlement of the Sarmatians in Wallachia currently amounts to 153 (fig. 9). It is not excluded that the nine funerary structures from Ploieşti-*Triaj*, if they could be indeed dated during the 3rd century, could be also related to this moment (and then the number of graves would amount to 162), but, given that the funerary inventory is only listed without being illustrated at all and the mention of the coin issued by Emperor Elagabalus does not exist in the initial excavation report [1], I chose to exclude them from my discussion for now.

The majority of the graves (130) were found in groups with variable numbers of funerary structures, ranging between two and 36. Again, an explanation is required. Although a total number of 36 Sarmatian graves in Târgşor and 16 in Oltenița-*Renie* is mentioned in the literature, the actual number of the graves that can be used for an analysis of the funerary ritual and inventory is only 32. A number of 18 graves from Târgşor are still unpublished, and from the 16 graves in Oltenița-*Renie* (which did not represent a proper cemetery, but groups of 4—6 graves — Morintz, Ionescu 1968, p. 95, 96, 100, 101; Morintz, Ionescu 1970, p. 38, 39) data is known about only nine of them. Therefore, in order not to introduce a very

1. The secondary graves in mound II researched in 1943 were dated to the 4th century AD (Nestor 1944, p. 56; Vulpe 1987, p. 177; Comşa 1989, p. 181). The author who assigned these burials to the Sarmatians and who mentioned the presence in their inventory of a coin issued by Emperor Elagabalus in AD 219—220 is Gh. Bichir (1971, p. 276; 1972, p. 139; 1977, p. 172, 193; 1985, p. 1167).

large margin of uncertainty in the analysis I will undertake, I decided to operate with the number of graves for which there is, in fact, information at the moment, and thus I excluded the 13 burials from Târgşor and the seven from Oltenița-*Renie* about which we have no data whatsoever. Leaving aside the two groups of graves above-mentioned, the number of graves from the remaining 18 groups is the following: 14 (Bucu), 10 (Largu and Grădiştea), eight (Oltenița-*Iordoc*), seven (Buzău-*sud*), six (Ciulnița and Păuleasca), five (Brăila-*Hipodrom*, Călăraşi G. 6—10 and Dorobanțu), four (Sultana), three (Jilava, Gălățui, Oltenița-*Coada Lupului* and Smeeni-*Movila Mare*) or two (Călăraşi G. 3—4, Cetatea Veche and Vlad Țepeş). 17 graves are isolated (Brăila-*Liceu*, Brăila-*Radu Negru*, Borduşelu, Bogdana, Bucureşti-*Dealul Piscului*, Călăraşi G. 1, Căzăneşti G. 1, Chiscani-*sat*, Chiscani-*Trei Movile*, Dridu-*sat*, Mărițua G. 2/2009, Oltenița-*Coada Malului*, Pietroiu, Sudiți, Ulmu, Făurei near Ulmu, Mihail Kogălniceanu), to which can be also added the burials from Căscioarele, Dridu-*tell*, Luciu and Oltenița-*Puțul de Cărămidă*, because the other graves from Căscioarele and Luciu were completely destroyed, and G. 1 from Dridu-*tell* and G. 2 from Oltenița-*Puțul de Cărămidă* are chronologically uncertain. Due to their accidental discovery and the fact that they are unpublished, it is not known if G. 2 from Călăraşi [1] and the only grave about whose inventory there is a mention from Chirnogi are isolated or were part of groups of graves.

The aspect that draws attention most of all by comparison with the first stage of arrival of the Sarmatians in Wallachia is that the total number of funerary structures that can be attributed to the second stage has almost tripled, which seems to indicate a higher number of Sarmatian communities that arrived now in Wallachia. Two aspects are to be emphasized regarding the territorial distribution of the graves. The first, immediately visible on the map (fig. 9), is the extension of the regions with Sarmatian discoveries, although, on the whole, they do not uniformly cover the entire territory of Wallachia. To the previously known areas (northeast, east and south of Wallachia), the center and north of Wallachia are added. The second aspect regards the change of the center of gravity of the Sarmatian discoveries, now concentrated in the southern and eastern part of Wallachia (92 graves), less in the northeastern region (41 graves) or the central-northern region of Wallachia (40 burials). Regarded in terms of geographical area, the evolution of the Sarmatian discoveries shows that the real explosion takes place in southern and eastern Wallachia (if only 8—10 discoveries, most of them isolated — Oța, Sîrbu 2016a, p. 262; 2016b, p. 149 — are known in the first stage, in the second stage there are 13 groups, totalizing 76 graves and 14 isolated discoveries, added by two more graves about which it cannot be said whether they were isolated or not). The northeast of Wallachia has not so much an increase of the number of discoveries — compared to the 41 or 43 graves that could be dated in the first stage (Oța, Sîrbu 2016a, p. 262; 2016b, p. 149), the number remained the same in the second stage (41), of which six isolated discoveries and 35 graves concentrated in five groups, as a change of the territorial distribution, by extending to the Buzău Plain and the Subcarpathian region, along the courses of the Buzău and Călmățui rivers. Although numerically comparable to northeastern Wallachia (40 graves), however, the central and northern regions of Wallachia remain exceptions in terms of the Sarmatian discoveries, concentrated in only three sites.

The grave layout, the age and sex of the buried individuals. Unlike the Sarmatian graves dated in the last decade of the 1st century AD and the first decades of the following century (Oța, Sîrbu 2016a, p. 265; 2016b, p. 149), which were buried especially in elevated terrain (the so-called tells), in the late 2nd century AD and the first half of the following century, most graves (122) are flat. There are 29 exceptions, of which 13 are tumular burials (Jilava, Ciulnița, Smeeni-*Movila Mare*, Făurei), 10 in sand dunes (Largu) and six in tells (Căzăneşti, Dridu-*tell*, Sudiți and Gălățui). As regards the layout of the graves, it should be noted the disappearance in the second stage of the individual tumular graves. Except for the secondary burial from Făurei (individual burial), all the other secondary graves buried in already raised mounds are grouped (three burials in Jilava, six in Ciulnița distributed into two tumuli, three at Smeeni). Except for the three graves from Gălățui, the rest of the tell burials are singular (Căzăneşti, Dridu-*tell* and Sudiți). The disappearance of the tumuli (either purposely raised as in Vităneşti — Leahu, Trohani 1979, p. 127, 128, 133; Sîrbu et al. 2014, p. 85—89, or already existent as in Mohreanu and Roşiori — Oța, Sîrbu 2009, p. 129, 132, 133) is noticed only in the case of the individual elite burials, so probably the tumuli lose their value as status symbol (Mordvintseva 2016, p. 393) in the second stage and remain simple burial places, perhaps easier to located in the surrounding landscape.

Unfortunately, the orientation of a high number of graves (45) is unknown. Unlike the previous period (Oța, Sîrbu 2016a, p. 265; 2016b, p. 149), in the second stage there is a uniformity of the orientation of the graves in the N—S direction (83), with the NW—SE variations (10) and NE—SW (two), which means an overwhelming percentage of 88.78 % of the number of graves for which the orientation is known. The exceptions are only 11 (possibly 13, if G. 3 and G. 7 from Oltenița-*Renie* would not be N—S oriented), most of them (nine)

1. For the bibliography of the graves, see the catalogue, at the end of the paper.

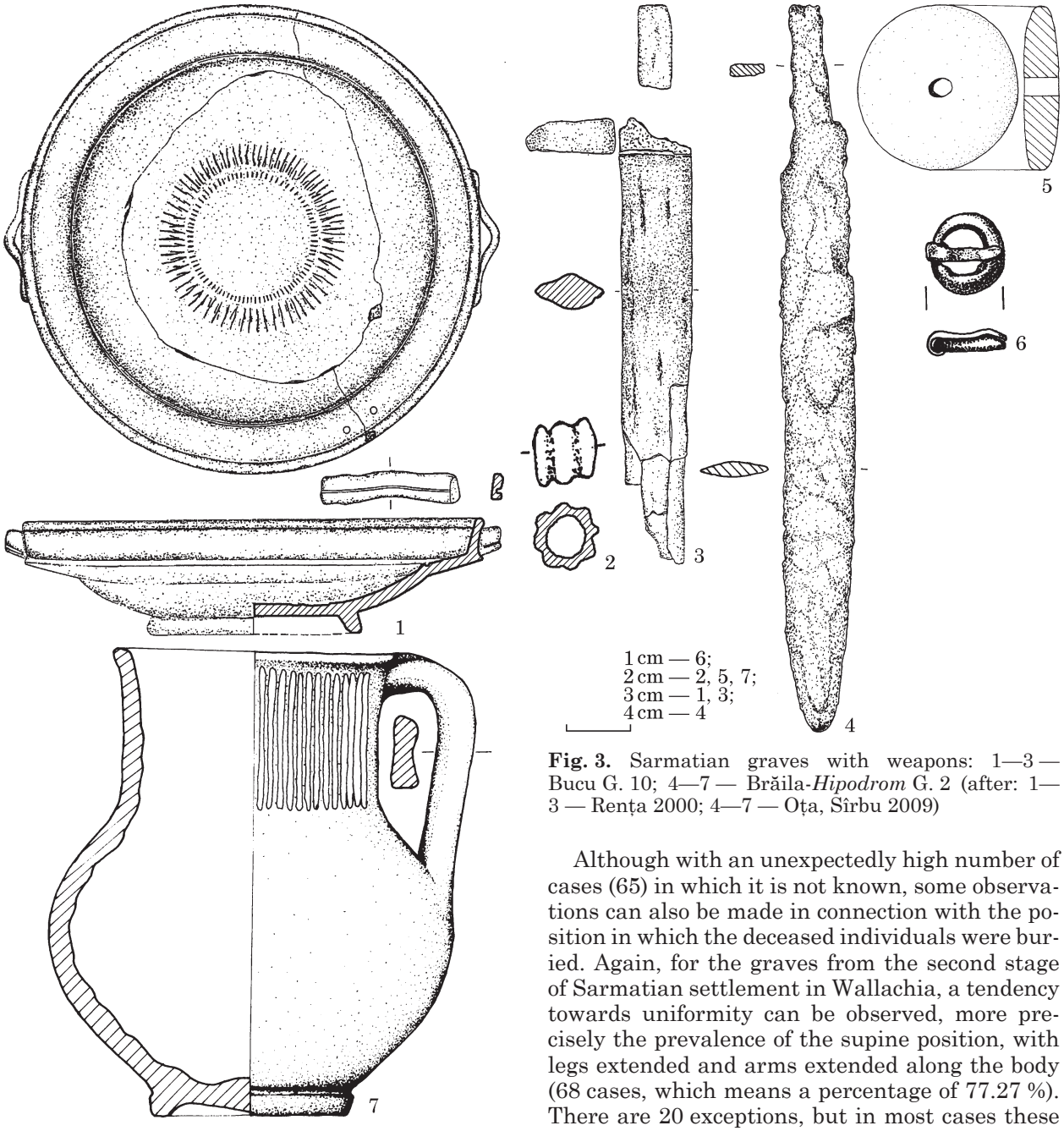


Fig. 3. Sarmatian graves with weapons: 1—3 — Bucu G. 10; 4—7 — Brăila-*Hipodrom* G. 2 (after: 1—3 — Renţa 2000; 4—7 — Oţa, Sîrbu 2009)

in the E—W direction (all five graves from Brăila-*Hipodrom*, G. 2 and G. 3 from Smeeni-*Movila Mare*, G. 10 in T. III from Ciulniţa [1] and the burial from Chiscani-*Trei Movile*). Prevalent in the first stage, the orientation in the W—E direction is registered in the second stage only exceptionally (G. 10 from Smeeni), while the S—N orientation remains singular (G. 23 from Păuleasca).

Although with an unexpectedly high number of cases (65) in which it is not known, some observations can also be made in connection with the position in which the deceased individuals were buried. Again, for the graves from the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia, a tendency towards uniformity can be observed, more precisely the prevalence of the supine position, with legs extended and arms extended along the body (68 cases, which means a percentage of 77.27 %). There are 20 exceptions, but in most cases these are positions registered in one single case: with the right hand on the pelvis and the legs extended (Târgşor G. 208), with the right hand on the pelvis and the legs slightly bent (Bucureşti-*Dealul Piscului*), with arms extended and the right leg bent (Ciulniţa G. 18), with the right hand on the pelvis and the right leg bent (Buzău-*sud* G. 6), with the arms extended and the left leg bent (Grădiştea G. 11), body laid out in dorsal position, with arms extended and left leg slightly bent (Gălăţui G. 3), with left arm extended along the body, right arm bent, palm towards the head and disturbed position of the legs (Măriuţa G. 2/2009), lying on the left, with legs extended, left arm bent with the palm under the chin and right arm above the head (Grădiştea G. 17), with the thorax lying on the left, the skull turned to the right, arms extended and both legs bent (Târgşor G. 200 —

1. Initially published as being oriented in the W—E direction (CCA 1994, p. 23) and later, in a monograph, E—W (Renţa 2016, p. 96, 97). It is obvious that somewhere there is a typo, but I decided however to take into consideration the information published in the monograph, given the similarity with the five graves with the same orientation from Brăila-*Hipodrom*.

fig. 8: 9). More common are the crouched position (five cases — Păuleasca G. 2, 3, 57 — fig. 8: 8, Olteniţa-*Coada Malului* and Târgşor G. 415), the supine position with the palms on the pelvis (four cases — Bucu G. 6, Buzău-*sud* G. 6, Dridu-*tell*, Târgşor G. 219) and the supine position with the left hand on the pelvis (Grădiştea G. 9, Târgşor G. 221). A review of the orientations and the positions of the deceased in groups with more than two burials creates space for a few observations. Regarding the orientations, there are several groups, some even with a high number of graves, where the N—S orientation was chosen exclusively (the 10 burials from Grădiştea, the seven from Buzău-*sud*, the three graves from Gălăţui and Olteniţa-*Coada Lupului*) or E—W (the five graves from Brăila-*Hipodrom*). The groups that certainly have deceased individuals with a different orientation than the prevailing one are Olteniţa-*Renie* (one or two deceased oriented E—W), Ciulniţa (a deceased oriented E—W), Smeeni-*Movila Mare* (a deceased oriented W—E). The uniformity is less pronounced in the case of the positions of the deceased individuals, where only the five graves from Brăila-*Hipodrom* have the same position (body laid out in supine position with legs extended and arms extended along the body) and the three burials from Smeeni-*Movila Mare* (same position). Otherwise, if only the known positions are taken into account, various positions are registered even in the homogeneous groups in terms of orientation: Grădiştea (seven supine positions with arms and legs extended and three exceptions), Buzău-*sud* (four supine positions with arms and legs extended and two exceptions), Gălăţui (two supine positions with arms and legs extended and one exception). Unfortunately, as regards the rest of the groups, the large number of graves for which the position of the deceased is unknown does not allow, at least for the time being, certain conclusions about the prevalence of a certain position. The reason for choosing an orientation or a position different from the majority cannot be deciphered, at least for the moment. However, it does not seem to be related to the age of the deceased individuals (as the only children are those from G. 23 and G. 2, 3 from Păuleasca, a group that is characterized, however, by the large number of burials of children, more precisely four — Sîrbu et al. 2014, p. 126) nor with differences in social status, at least judging by the example from Brăila-*Hipodrom*, where all five adults were buried with the same orientation and position, whether or not they had inventory. In Târgşor, three of the graves with position different from the supine position with arms and legs extended had no inventory (G. 219, 221 and 415), but other three graves without inventory were not characterized by another orientation or position (G. 220, 227, 274), and G. 200 and 208, with other positions than the majority, had grave goods that did not differ from that of the rest of the burials.

Also in connection with the treatment of the deceased, three particular cases, all from Târgşor, should be mentioned: the interment in a pit shorter than the body (G. 255, which resulted in the movement of the jaws), the diagonal deposition of the deceased in the pit (G. 220) and the deceased covered with four stone blocks (G. 118). Another particular case concerns G. 1 from Ciulniţa, where a man and a woman were buried together (fig. 6: 1), both with the same orientation (N—S) and position (lying on their backs with their arms extended along their bodies and their legs extended, only with the right forearm of the woman slightly overlapping that of the man), reason for which I considered, in the statistics of orientations and positions, that it is a single case and not two different burials.

Of the 92 cases where the age of the deceased individuals could be determined, most are adults — 62 graves, with 63 individuals (Gălăţui G. 2, 3, Măriuţa G. 2/2009, Olteniţa-*Renie* G. 6, 9, Bucu G. 6, 8—10, 14, Ciulniţa G. 3, both deceased individuals in G. 1, 18, Păuleasca G. 57, Călăraşi G. 1, one grave from Vlad Ţepeş, Grădiştea G. 1, 4, 5, 9, 13, 17, 18, Brăila-*Hipodrom* G. 1—5, Brăila-*Liceu*, Brăila-*Radu Negru*, Buzău-*sud* G. 1—6, Cetatea Veche G. 1, Chiscani-*sat*, Chiscani-*Trei Movile*, Largu G. 4—8, Smeeni G. 2—3, 10, Târgşor G. 148, 184, 196, 198, 200, 205, 206, 208, 219, 221, 228, 253, 255, 267, 274). The 27 burials of children are: Olteniţa-*Iordoc* G. 4, Olteniţa-*Renie* G. 2, 8, Bucu G. 1—5, 7, 11—13, Ciulniţa G. 2, 4, Păuleasca G. 23, 26, 2, 3, Grădiştea G. 12, 19, Jilava G. 1, 2, Largu G. 2, 3, Târgşor G. 220, 227, 261). In three graves were buried adolescent females (Dridu-*tell* G. 2, Grădiştea G. 11, Largu G. 1).

Even if the large number of undetermined cases (93) is likely to call into question any conclusion, it is perhaps worth mentioning that, out of 60 individuals whose sex can be known (by anthropological analysis or the judgment of the archaeologist: Călăraşi G. 1, 7, 9, Căscioarele, Gălăţui G. 2, 3, Măriuţa G. 2/2009, Dridu-*tell* G. 2, the deceased female in G. 1 from Ciulniţa, Buzău-*sud* G. 3, 6, Cetatea Veche G. 1, Smeeni G. 2, Târgşor G. 184, 198, 200) or assumed (based on the funerary inventory: Borduşelu, Călăraşi G. 3, 6, Pietroiu, Olteniţa-*Renie* G. 1, 7, Dridu-*sat* G. 1, Bucu G. 6, 8, Mihail Kogălniceanu, Gălăţui G. 4, Olteniţa-*Iordoc* G. 2, 3, Brăila-*Radu Negru*, Chiscani-*sat*, Grădiştea G. 9, 11, Largu G. 1, 7, 9, Luciu, Târgşor G. 411, possibly also Bucureşti-*Dealul Piscului*), 39 are women. We can talk about «male» funerals in the case of G. 1 from Ciulniţa (one deceased out of two), G. 1 from Căzăneşti, G. 6 from Olteniţa-*Iordoc*, G. 3 from Olteniţa-*Renie*, G. 10 from Bucu, G. 2 from Brăila-*Hipodrom*, G. 1, 2 and 4, 5 from Buzău-*sud*, G. 1 and 4 from Grădiştea, G. 4 and 6 from Largu, G. 3 and 10 from Smeeni-*Movila Mare*, G. 148, 196, 205, 208, 255 from Târgşor.

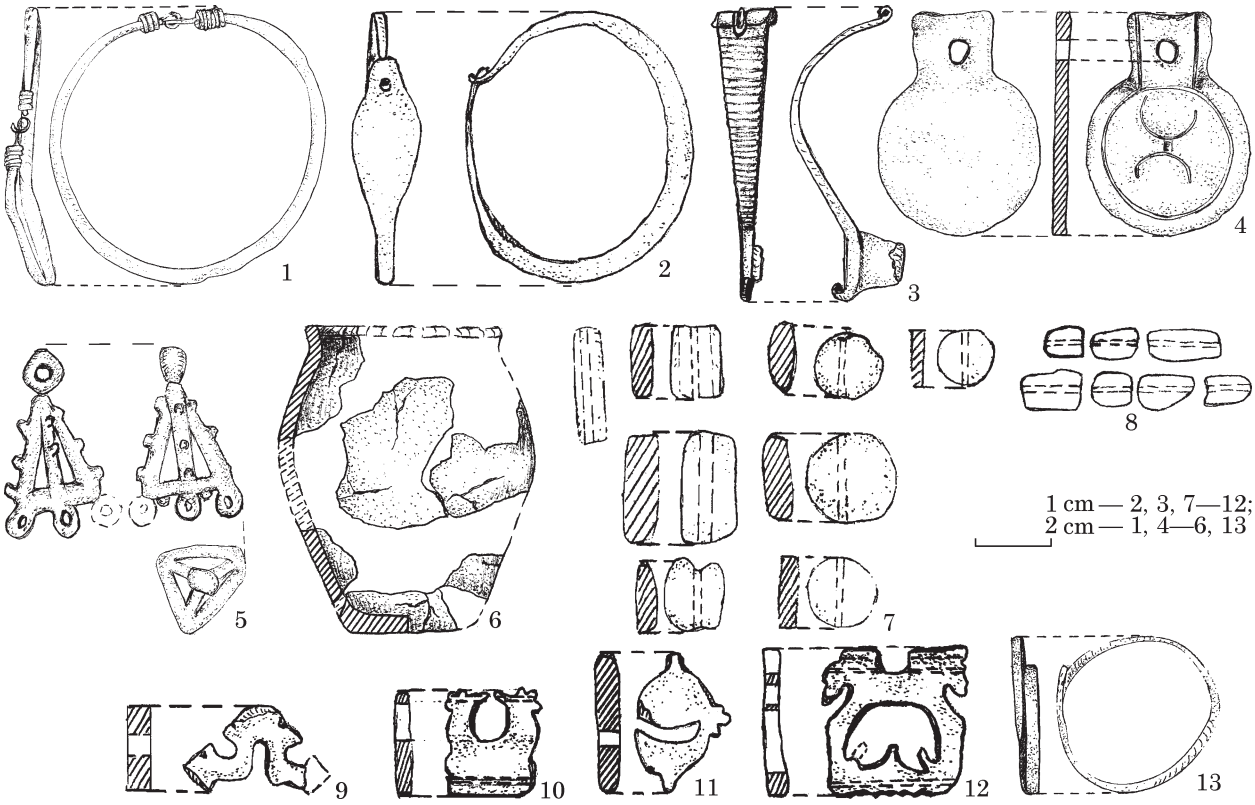


Fig. 4. Sarmatian grave from southern Wallachia, Călăraşi G. 7 (after Sîrbu et al. 2014)

About the age ratio of the deceased individuals from the different groups of Sarmatian burials I wrote on another occasion (Oța 2018, p. 44—46, table 1). The groups where adult burials prevail are: Grădiştea (7 out of 10), Largu (5 out of 10, but the adolescent female from G. 1 can also be added here, because strictly in terms of funerals there is no difference between the burials of women and those belonging to adolescent females — Oța, Sîrbu, Matei 2013, p. 334, 335), Târgşor (15 out of 23) and Ciulnița (4 adults in 3 graves). The majority of the deceased in the groups from Bucu (9 out of 14), Păuleasca (4 out of 6) and Jilava (2 out of 3) are children. The groups from Brăila-*Hipodrom* (5 burials), Smeeni-*Movila Mare* (3), Gălățui (3, all women) and possibly Buzău-*sud* (6 certain burials out of 7) are made up exclusively of adult graves.

The intentional cranial deformation could be observed in 13 cases: Bucu G. 3, Călăraşi G. 1 and 9, Cetatea Veche G. 1, Dridu-*tell* G. 2, Largu G. 6, Mihail Kogălniceanu, Oltenița-*Puțul de Cărămidă* G. 1, Târgşor G. 184, 196, 200, 205, 267 (Oța 2015, p. 119—134).

Grave goods. If from the total number of graves that can be linked with the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia are subtracted the 18 graves that had no inventory (which means a percentage of 11.76 %) and the 10 graves about whose inventory we have no data, 125 burials remain valid for an analysis of the grave goods.

The most common category of grave goods is represented by the ceramic vessels, deposited in at least 83 funerary structures (the expression «at least» is due to the fact that the inventory of the three burials from Oltenița-*Coada Lupului* is published in block, so it is difficult to know exactly in how many graves pottery was found). Regarding the minimum 42 graves in which pottery was not deposited, it can be seen that this custom is not attested at all in the group of three graves from Gălățui and is rarely found (only in three graves out of seven) in Largu. A fairly large number of graves in which the funerary inventory did not contain ceramic vessels is also attested in Târgşor (nine burials out of the 23 about which we have information, therefore a percentage of 39.13 %). In the case of the double burial in G. 1 from Ciulnița, the woman had a vessel as funerary inventory, while the man did not.

A single vessel was deposited in most of the graves (55). The inventory of 18 graves included two vessels, three vessels were deposited in three cases and in G. 7 from Oltenița-*Renie* were discovered seven vessels. The number of the ceramic vessels cannot be known in eight cases, either because of the publication deficiencies, or because the funerary inventory was partially or totally destroyed as a result of their accidental discovery.

Unlike the graves dated to the late 1st century AD and in the first decades of the following century (Oța, Sîrbu 2016a, p. 269—272; 2016b, p. 151—153), in most burials dated to the late 2nd century AD and in the first half of the 3rd century, Dacian wheel-made pottery was deposited (certainly in 41 tombs, maybe 42 if the vessel in G. 1 from

Oltenița-*Iordoc* would also be Dacian). An explanation is required regarding the fact that I have included the grave from Brăila-*Liceu* and G. 10 from Smeeni among the graves with two vessels. Although the cup from Brăila-*Liceu* covered the pot (fig. 1: 2, 3), the functionality of the vessels (Suceveanu 2000, p. 60, 99) led me to think that, in this case, we are dealing with two different vessels, which were placed on top of each other only because of the particular circumstance of the burial. Normally, a jar covered with a special lid should be regarded as a single recipient, but the fact that the jar in G. 10 from Smeeni was deposited near the head while the lid was deposited at the feet could indicate an intentional separation of the two ceramic vessels.

The typology of the vessels (about the typology of the Dacian vessels found in Sarmatian graves from Wallachia, see Oța, Sîrbu 2009, p. 152—155; 2012, p. 125—163; Sîrbu et al. 2014, p. 104—106) is much more varied compared to the Dacian pottery previously deposited: mugs (28 graves — Brăila-*Hipodrom* G. 1—3 — fig. 2: 3; 3: 7, Bucureşti-*Dealul Piscului*, Jilava G. 1 and 3, Buzău-*sud* G. 1, 2, 5, 6, Călăraşi G. 1, 4, 10, Căscioarele, Cetatea Veche G. 1, Chiscani-*sat* — fig. 5: 3, Dorobanțu G. 5, Grădiştea G. 17, Largu G. 4, 6, 7, one grave from Oltenița-*Coada Lupului*, Oltenița-*Iordoc* G. 3, Oltenița-*Renie* G. 3, 7, 9, Smeeni G. 2, 3), bowls (seven — Buzău-*sud* G. 7, Călăraşi G. 8, Cetatea Veche G. 1, Luciu — fig. 7: 1, Oltenița-*Renie* G. 7, Păuleasca G. 1 — fig. 2: 4, perhaps Oltenița-*Iordoc* G. 1), jugs (five recipients — Bucu G. 2, Călăraşi G. 1 — fig. 2: 1, Chiscani-*Trei Movile* — fig. 2: 2, Oltenița-*Renie* G. 4, Târgşor G. 253), biconical vessels (Brăila-*Radu Negru*, Grădiştea G. 9 — fig. 5: 10 and 17 — fig. 2: 5), pot (Târgşor G. 196), cut mug (Bucu G. 4 — fig. 2: 6). The handmade pottery (about the typology of the handmade pottery see Oța 2014—2015, p. 99—101; Oța, Sîrbu 2009, p. 150—152; Sîrbu et al. 2014, p. 102, 103) from the 36 graves consists mainly of jars (29 cases — Brăila-*Hipodrom* G. 1, Bucu G. 1, 6, 12, Jilava G. 1, 2, Borduşelu, Buzău-*sud* G. 4, Călăraşi G. 6, 7 — fig. 4: 6, Cetatea Veche G. 2, Chiscani-*sat* — fig. 5: 1, Ciulnița G. 2—4, Dorobanțu G. 1, Grădiştea G. 5, 9 — fig. 5: 7; 11, 17, Largu G. 3, 7, Oltenița-*Renie* G. 2, 7, Smeeni G. 10, Târgşor G. 184 — fig. 7: 9; G. 198 — fig. 8: 2, 3; G. 261, 267), less from mugs (Bucu G. 13 and Ciulnița G. 18 — fig. 1: 5) or bowls (Sultana G. 3).

The typology of the ceramic vessels (Oța, Sîrbu 2009, p. 174; Sîrbu et al. 2014, p. 106, 107) imported from the Roman provinces found in 12 graves indicates a prevalent deposit of mugs (eight cases — Brăila-*Hipodrom* G. 3 — fig. 1: 4, perhaps also G. 2, Bucu G. 14, Buzău-*sud* G. 2, Grădiştea G. 19, Luciu — fig. 7: 2, Măriuța G. 2/2009 and Sudiți). Much less common are the pots (Brăila-*Liceu* — fig. 1: 2 and Jilava G. 2), the jugs (Bucu G. 7, reused — fig. 1: 1, and Luciu — fig. 7: 3), the cup (Brăila-*Liceu* — fig. 1: 3), and the bowl (Bucu G. 10, repaired — fig. 3: 1).

An attempt to correlate the type and number of ceramic vessels discovered inside a grave indicates that, where a single vessel was deposited, it was mainly handmade pottery (24 funerary structures) or Dacian wheel-made pottery (22 burials), while Roman vessels are much less common (only six cases). Due to its fragmentary state, we cannot know the type of the handmade vessel found in G. 13 from Grădiştea, G. 4 from Oltenița-*Iordoc* and G. 1 from Oltenița-*Renie*, however this observation is not likely to change the conclusion about the prevalence of the handmade jars in the case of depositing one vessel in the funerary structure (18 graves — the jars in G. 1 and 6 from Bucu, Buzău-*sud* G. 4, Călăraşi G. 6, 7, Cetatea Veche G. 2, Ciulnița G. 3, 4, Dorobanțu G. 1, Grădiştea G. 11, possibly also 5, Largu G. 3, Oltenița-*Renie* G. 2, Târgşor G. 184, 261, 267 and the jars with lids from Borduşelu and G. 2 from Ciulnița). The handmade mug was the only recipient in the inventory of G. 13 from Bucu and G. 18 from Ciulnița, and in G. 3 from Sultana a bowl was found, this one also handmade. The only vessel that falls in the category of Dacian wheel-made pottery that was deposited in the 22 funerary structures with a single ceramic recipient was notably the mug (14 cases — Bucureşti-*Dealul Piscului*, Jilava G. 3, Buzău-*sud* G. 1, 5, Călăraşi G. 4, 10, Căscioarele, Grădiştea G. 4, Largu G. 6, Oltenița-*Iordoc* G. 3, Oltenița-*Renie* G. 3, 9, Smeeni G. 2, 3), less often jug (Bucu G. 2, Oltenița-*Renie* G. 4, Târgşor G. 253) or bowl (Buzău-*sud* G. 7, Păuleasca G. 1, and Oltenița-*Iordoc* G. 1, if it is indeed a Dacian vessel) and quite exceptionally biconical vessel (Brăila-*Radu Negru*) or cut mug (Bucu G. 4). As regards the Roman pottery, in four graves was deposited a mug (Bucu G. 14, Măriuța G. 2/2009, Sudiți, Grădiştea G. 19), and in other two cases a jug (Bucu G. 7) and a bowl (Bucu G. 10).

The combinations between the types of the two vessels in the 18 graves in which two ceramic vessels were deposited are characterized by a great variety. Only Dacian wheel-made vessels were discovered in G. 6 from Buzău-*sud* and G. 5 from Dorobanțu (both mugs), G. 1 from Călăraşi (mug and jug), G. 1 from Cetatea Veche, possibly also G. 8 from Călăraşi (mug and bowl). The associations between a handmade vessel and a Dacian wheel-made vessel are notably jar + mug (Brăila-*Hipodrom* G. 1, Jilava G. 1, Chiscani-*sat* — fig. 5, Largu G. 7) or undetermined type of vessel + pot (Târgşor G. 196). In three cases, handmade vessels were observed (two jars in G. 12 from Bucu and G. 198 from Târgşor — fig. 8, jar + lid in G. 10 from Smeeni), and in the same number of graves a Dacian wheel-made recipient is combined with a Roman vessel (without exception Dacian mug + Roman mug in G. 2 and 3 from Brăila-*Hipodrom* and G. 2 from Buzău-*sud*). The associations be-

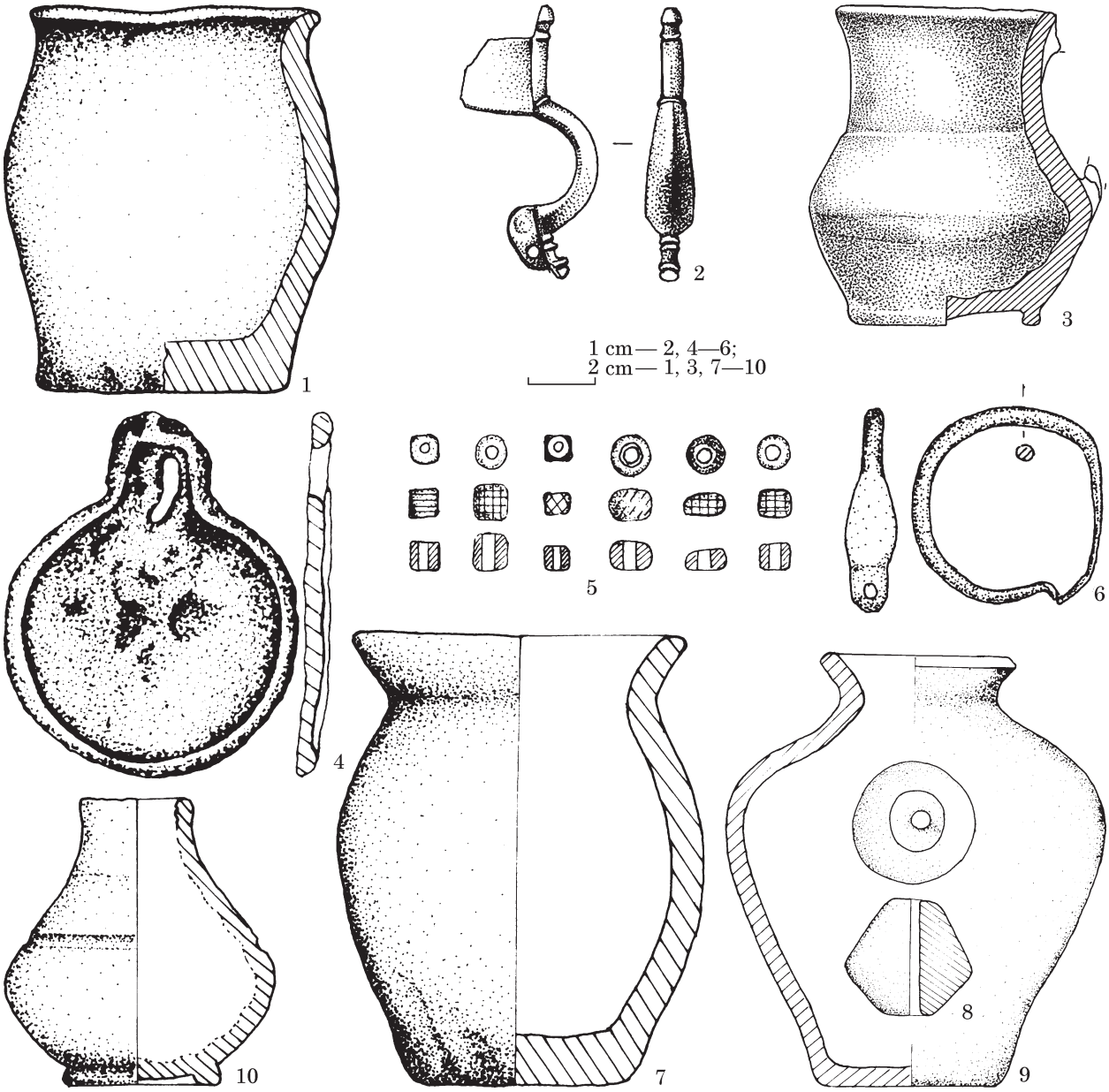


Fig. 5. Sarmatian graves from northeastern Wallachia: 1—6 — Chiscani-*sat*; 7—10 — Grădiştea G. 9 (after Oța, Sîrbu 2009)

tween two Roman vessels (Brăila-*Liceu* — fig. 1: 2, 3) and a handmade vessel and a Roman one (Jilava G. 2) are singular cases. Each of the three graves with three vessels revealed a different combination of types of containers: two handmade jars + Dacian biconical vessel (Grădiştea G. 9 — fig. 5), handmade jar + Dacian wheel-made mug + Dacian biconical vessel (Grădiştea G. 17), Roman wheel-made jug + Roman mug + Dacian wheel-made bowl (Luciu — fig. 7). Two of the seven vessels in G. 7 from Oltenița-*Renie* are not described, but the other five are either handmade (both jars), or wheel-made (two mugs and one bowl, all Dacian pottery). In order to conclude, other two observations should be noted: exclusively handmade pottery was discovered in the six graves from Ciulnița, Roman pottery seems to be absent in the case of the eight graves with inventory from Călăraşi, the 10 burials from Largu and the eight graves with inventory from Oltenița-*Renie*. Although the Roman pottery is absent in the 14 burials about which we are able to gather information from Târgşor, however, the mention of three Roman vessels (bowl, pot and mug — Niculescu 2003, p. 195) in the unpublished graves excludes this necropolis from among those in which Roman pottery was not registered as grave goods.

Regardless of the origin of the ceramic vessels, their presence in the graves seems to emphasize, just like in the first stage, the functionality of the recipient and not a possible increase in its value, dictated by the way it was achieved (Theuws 2009, p. 292). The positions in which the vessels were found remain the same as in the previous period — near the head or the feet, added by the deposit in the shoulder area (Ciulnița G. 3 and

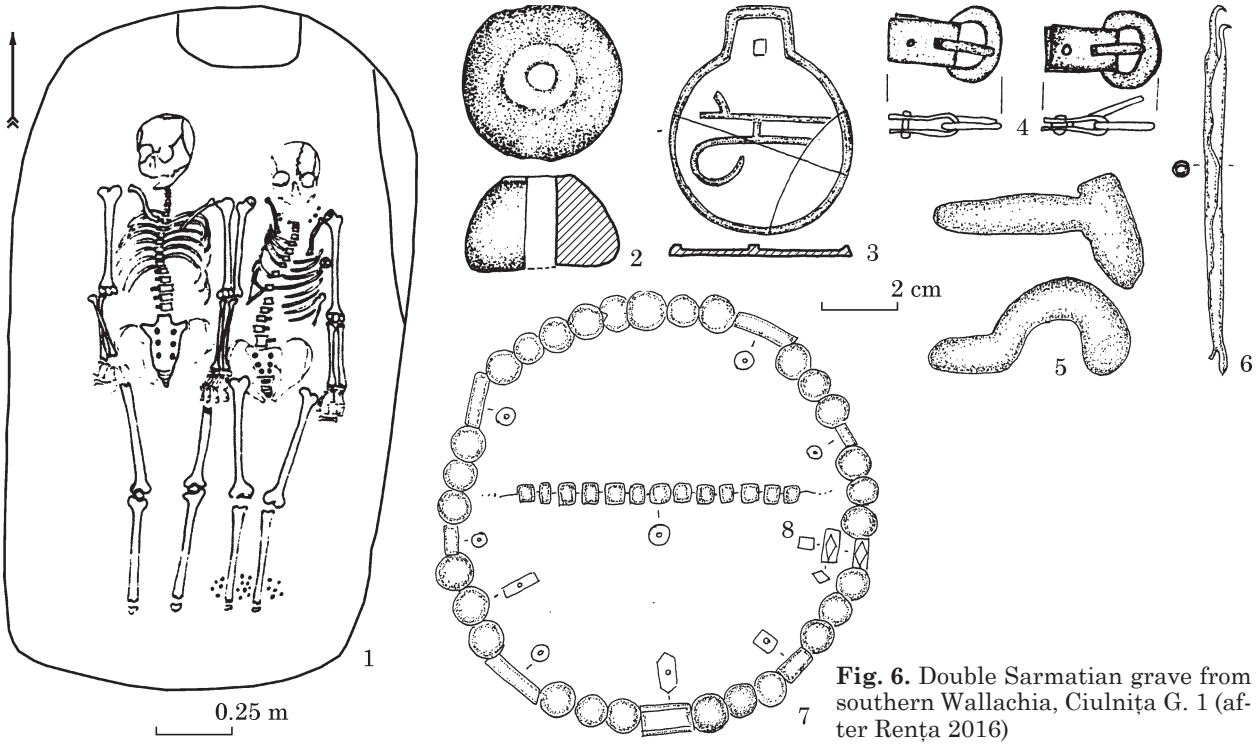


Fig. 6. Double Sarmatian grave from southern Wallachia, Ciulnița G. 1 (after Rența 2016)

10), the thigh area (the handmade vessels from Călăraşi G. 7, Oltenița-*Renie* G. 1 and Târgşor G. 198) or the area of the knees (the Dacian mugs in G. 1 and 2 from Buzău-*sud* near the right knee; the handmade jar in G. 2 from Ciulnița over the knees; the Dacian mug in G. 2 from Smeeni over the tibiae). An additional argument in favour of the emphasis placed on the functionality of the vessel is the grouped deposit inside the graves of recipients of different tradition: handmade jar and Dacian wheel-made mug, both deposited near the head in G. 1 from Brăila-*Hipodrom*, Dacian mug and Roman mug in the same position in G. 2 from Brăila-*Hipodrom*, the handmade jar and the Dacian wheel-made mug deposited near the feet in the funerary structure from Chiscani-*sat*, handmade jar and Dacian pot in the same position in G. 196 from Târgşor, two handmade jars and a Dacian biconical vessel deposited near the feet in G. 9 from Grădiştea. When speaking of different positions of the pottery inside the grave, one can notice a tendency to place near the head especially the handmade vessels and near the feet Dacian or Roman vessels (Jilava G. 1, 2, Grădiştea G. 17, Oltenița-*Renie* G. 1), although there are exceptions (apart from the already mentioned G. 10 from Smeeni where the jar was found near the head and the lid in the area of the feet, we can mention G. 198 from Târgşor where the handmade jars were deposited near the head or in the thigh area, and G. 7 from Largu where the handmade jar was found near the feet and the Dacian mug in the area of the knees).

The adornments are observed in a relatively small number of graves — 36, but it should be noted from the beginning that this number may be due to the quite numerous cases in which the position of the beads is unknown, therefore some doubts raise whether or not they were adornments in the proper sense of the term (Oța, Sîrbu 2016a, p. 272; 2016b, p. 153; Sîrbu et al. 2014, p. 108). The adornments found in the graves of the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia are: beads (22 graves — Brăila-*Liceu*, Bucu G. 8, Călăraşi G. 7 — fig. 4: 7, 8, Căscioarele, Chirnogi, Chiscani-*sat*, Ciulnița G. 1B — fig. 6: 7, 8, G. 18, Dridu-*tell* G. 2, Grădiştea G. 11, Largu G. 1, 2, 7, Măriuța G. 2/2009, Oltenița-*Renie* G. 1, 8, Târgşor G. 184 — fig. 7: 13, 14, G. 198 — fig. 8: 5, G. 206, 267, probably also G. 3 from Gălățui, and G. 5 from Largu); earrings (22 graves for sure, perhaps 23 if the item from Largu G. 5 is an earring and not a pendant); pendants (five graves: Călăraşi G. 7 — fig. 4: 5, 9—12, Căscioarele, Chirnogi, Târgşor G. 184 — fig. 7: 15 and 253, of which, the pendants were attached either to the string of beads in G. 184, or to the beads sewn on clothes in G. 253); bells (Căscioarele, Largu G. 1, 10, Luciu [1] — fig. 7: 7); bracelets (four cases: Călăraşi G. 7 — fig. 4: 1, Căscioarele, Dridu-*tell* G. 2, and, with some doubts, Bucu M. 11). Although for the moment we cannot know whether or not it has a certain significance (as some authors assume for the Roman world — Aparaschivei et al. 2012, p. 176, 177; Aparaschivei 2014, p. 70), it is still worth noting the almost equal number of cases in

1. A bell fragment is mentioned in the inventory of G. 3 from Smeeni-*Movila Mare*, but given the doubts of the authors (Simache, Teodorescu 1962, p. 279, 280), the absence of any illustration and the association with dagger — the only of this type in Wallachia, I did not take it under consideration.

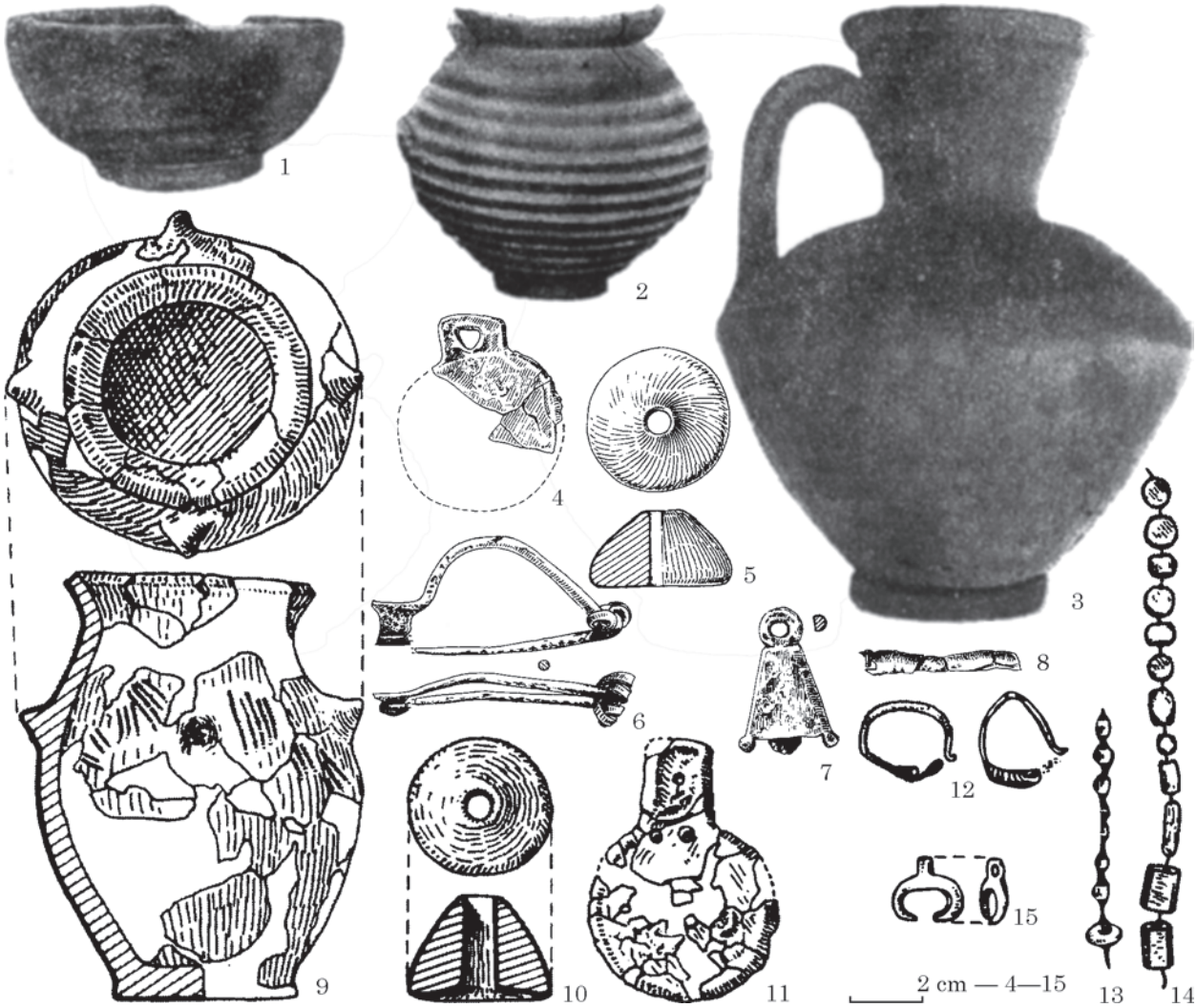


Fig. 7. Sarmatian graves from northeastern and northern Wallachia: 1—8 — Luciu; 9—15 — Târgşor G. 184 (after: 1—8 — Drâmbocianu 1974; 9—15 — Diaconu 1965)

which only one earring was found (11 — Brăila-*Radu Negru*, Bucu G. 11, 14, Călăraşi G. 6, 7, Chiscani-*sat*, Gălăţui G. 2, Grădiştea G. 19, Largu G. 7, Păuleasca G. 3, and if it was indeed an earring, Dridu-*tell* G. 2) or two (10 — Bucu G. 8, Bogdana, Căscioarele, Ciulniţa G. 18, Largu G. 8, one grave from Oltenița-*Coada Lupului*, Oltenița-*Puțul de Cărămidă* G. 1, Sultana G. 2, Târgşor G. 184 and 198). It is also worth mentioning that the two earrings in G. 1 from Oltenița-*Puțul de Cărămidă*, although of the same type, do not belong to the same set, a fact that appears from their visibly unequal dimensions (Muntenia… 2001, nos. 127, 128). In the Sarmatian graves dated to the late 2nd century AD and the first half of the following century were discovered either a single type of adornment, or several associated types. Where a single type of adornment was found inside the grave, this was prevalently a string of beads (Brăila-*Liceu*, Ciulniţa G. 1B, Gălăţui G. 3, Grădiştea G. 11, Largu G. 2, Măriuţa G. 2/2009, Oltenița-*Renie* G. 1, 8, Târgşor G. 206, 267), that sometimes had pendants or bells (Chirnogi, Largu G. 1). One or two earrings were the only adornment in G. 14 from Bucu, Bogdana, G. 6 from Călăraşi, G. 2 from Gălăţui, G. 8 from Largu, one grave from Oltenița-*Coada Lupului*, G. 3 from Păuleasca, perhaps in G. 5 from Largu, too, and in the grave from Luciu was found only a bell. The combinations between beads and earrings are attested in six certain cases (Bucu G. 8, Chiscani-*sat*, Ciulniţa G. 18, Largu G. 7, Târgşor G. 184 and 198), a number that could amount to 11 if we would also consider the beads whose position is unknown in G. 1 from Oltenița-*Puțul de Cărămidă*, G. 57 from Păuleasca (in doubt about the fact that the links could have been not necessarily earrings, but pendants or even loop rings), G. 2 from Sultana, G. 19 from Grădiştea, and Brăila-*Radu Negru*. At least so far, the association between earring and bracelet found in G. 11 from Bucu remains singular. The combination beads + earrings + bracelet is found in three cases, however each time supplemented by another type of adornment: bronze tube perhaps used as a pendant, possibly also link decorated with knobs in G. 2 from Dridu-*tell*, pendant in G. 7 from Călăraşi, pendant and bell at Căscioarele.

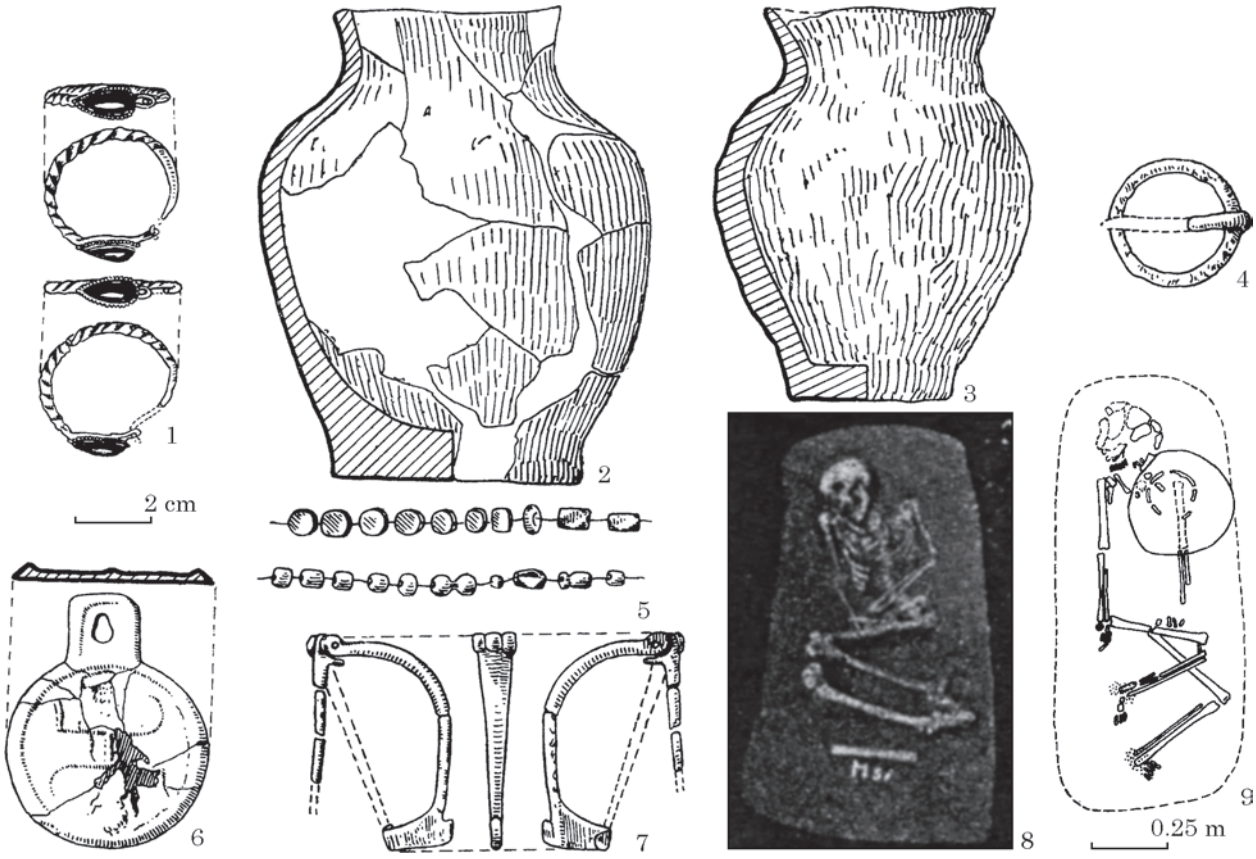


Fig. 8. Sarmatian graves from northern and southern Wallachia: 1—7 — Târgşor G. 198; 8 — Păuleasca G. 57; 9 — Târgşor G. 200 (after: 1—7, 9 — Diaconu 1965; 8 — Bichir 1977)

The number of graves in which dress accessories were found is 23 (in doubt about the uncertainty of the functionality as a buckle of the link found left to the pelvis of the deceased individual in G. 4 from Buzău-*sud*). The majority of the dress items are brooches (14 cases: Călăraşi G. 7 — fig. 4: 3, Căscioarele, Căzăneşti G. 1, Chiscani-*sat* — fig. 5: 2, Ciulnița G. 1B — fig. 6: 5 and G. 4, Dorobanțu G. 1 and 5, Largu G. 1, Luciu — fig. 7: 6, Sultana G. 2, Târgşor G. 198 — fig. 8: 7 and G. 411, possibly also Smeeni-*Movila Mare* G. 2), followed by buckles, in descending order of frequency (Brăila-*Hipodrom* G. 2 — fig. 3: 6, Bucu G. 8, Ciulnița G. 1B — fig. 6: 4, Târgşor G. 198 — fig. 8: 4, possibly also Buzău-*sud* G. 4), footgear (Ciulnița G. 1A, Largu G. 6, Smeeni G. 3, Târgşor G. 148, 205), appliqués (Brăila-*Radu Negru* and Căscioarele), buttons (Largu G. 6) or bronze clasps (Smeeni G. 3).

The number of mirrors deposited inside the graves is surprisingly high — 27 cases (Brăila-*Radu Negru*, Bucu G. 4 and 8, Bordușelu, Bucureşti-*Dealul Piscului*, Călăraşi G. 1, 3, 6, 7 — fig. 4: 4, Chiscani-*sat* — fig. 5: 4, Ciulnița G. 1B — fig. 6: 3, Dridu-*sat* G. 1, Dridu-*tell* G. 2, Gălățui G. 2, Grădiştea G. 11, Largu G. 1, 7, 9, Luciu — fig. 7: 4, Oltenița-*Renie* G. 1 and G. 7, Pietroiu, Mihail Kogălniceanu, Târgşor G. 184 — fig. 7: 11; G. 198 — fig. 8: 6; G. 200, 411).

The household tools were found in at least 19 graves. Found almost never in the graves of the first stage of Sarmatian settlement in Wallachia (Oța, Sîrbu 2016a, p. 276; 2016b, p. 155), the spindle-whorls were discovered in at least 15 graves of the second stage of arrival of the Sarmatians in Wallachia (Bucu G. 6, Chiscani-*sat*, Ciulnița G. 1B — fig. 6: 2, Gălățui G. 4, Grădiştea G. 9 — with a surprising number of three spindle-whorls — fig. 5: 8, G. 11, Luciu — fig. 7: 5, at least one funerary structure from Oltenița-*Coada Lupului*, Oltenița-*Iordoc* G. 2, 3, Oltenița-*Renie* G. 7, Smeeni G. 2, Târgşor G. 184 — fig. 7: 10; G. 198, 200). The knives are as rare as in the previous stage — only four cases (Buzău-*sud* G. 4, Ciulnița G. 3, Grădiştea G. 1, possibly also 9) and the ambivalence of their role (Oța, Sîrbu 2016a, p. 275, 276; 2016b, p. 155) is also preserved, as they were deposited both in graves of men (Buzău-*sud* G. 4 and Grădiştea G. 1), and possibly in graves of women, if we take into account the presence of the three spindle-whorls (Grădiştea G. 9). A fishing net weight was found in G. 1 from Buzău-*sud*.

The weapons deposited in the 10 graves of the second stage are prevalently daggers (eight cases: Bucu G. 10 — fig. 3: 3, Grădiştea G. 1 and 4, Largu G. 4 and 6, Oltenița-*Iordoc* G. 6, Oltenița-*Renie* G. 3, Smeeni G. 3), less swords (Brăila-*Hipodrom* G. 2 — fig. 3: 4, 5 and Căzăneşti G. 1). The habit of depositing a single type of weapon inside the grave remains a constant also in the period of time analyzed hereby. However, a few changes can be

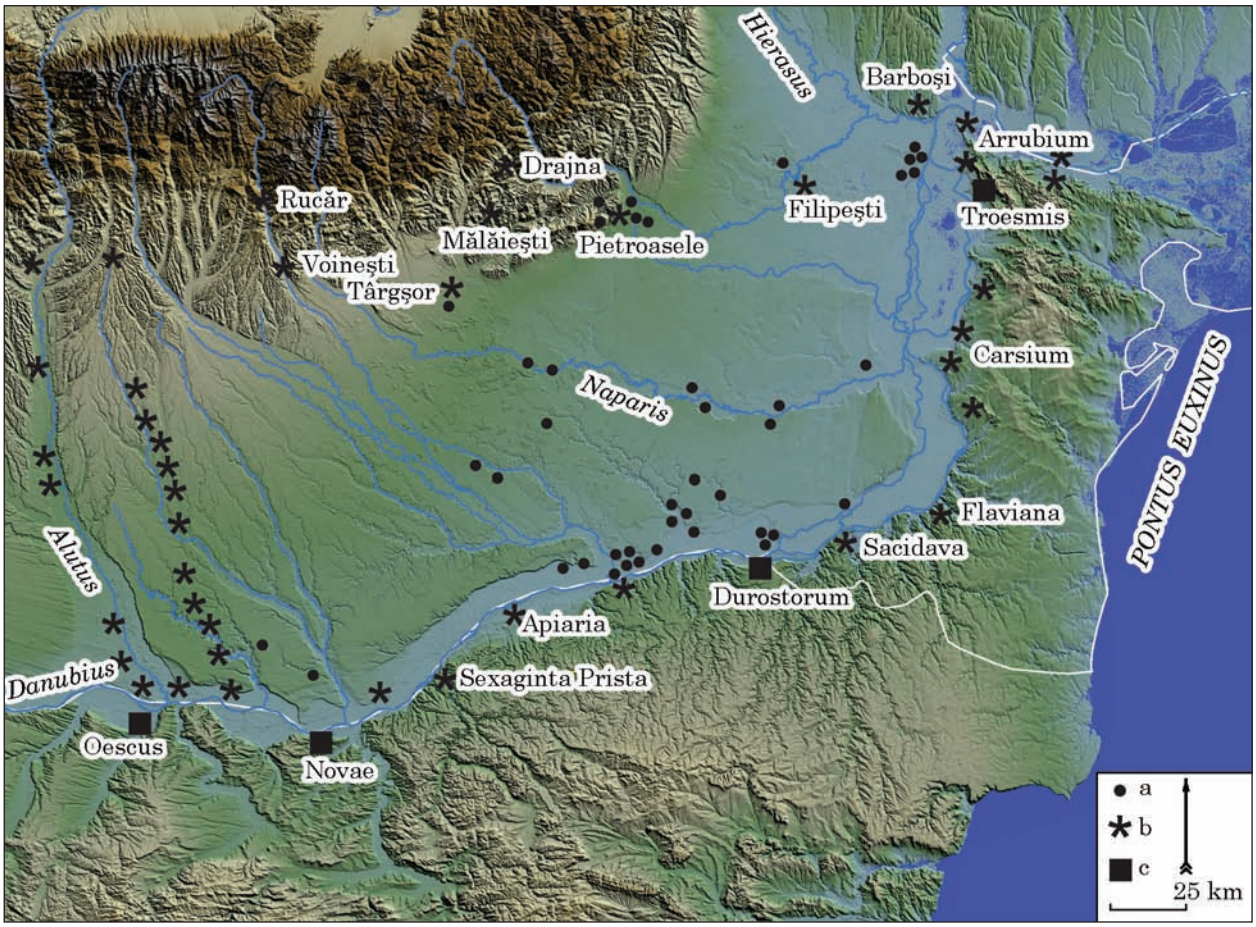


Fig. 9. Second stage of Sarmatian settlement in Wallachia: a — Sarmatian graves; b — Roman fortifications; c — legionary forts (map support provided by Mihai Florea, SRTM-30; mapping by Liana Oța)

detected. Attested in the first stage of arrival of the Sarmatians in Wallachia only in the Brăila Plain (Oța, Sîrbu 2016a, p. 275; 2016b, p. 154), a territorial extension of the burials with weapons in the south of Wallachia in the late 2nd century and in the first half of the 3rd century AD can be noticed. This territorial extension is not however doubled by an increase in the number of graves in which weapons were deposited, but it records a decrease in their number (during this period the percentage is 6.53 % of the total number of graves and 8 % of the number of graves with inventory, compared to the 18.51 % during the previous period). The number of graves with weapons / group also decreases, so that during this period the maximum number of burials with weapons is two, in the groups from Largu and Grădiştea. The same observation, the standardization of the inventory of graves with weapons (Oța, Sîrbu, Matei 2013, p. 331—333, 335), remains also valid for the analyzed funerary structures; the most common association is weapon + ceramic vessel (Roman bowl in G. 10 from Bucu — fig. 3: 1—3, Dacian wheel-made mugs in G. 4 and 6 from Largu, G. 3 from Smeeni and G. 3 from Oltenița-*Renie*, vessel of unknown type from Căzăneşti) and two vessels in only one case (Dacian mug and Roman mug in G. 2 from Brăila-*Hipodrom* — fig. 3: 4—7). Besides the dress accessories (brooch in G. 1 from Căzăneşti, belts or footgear in G. 2 from Brăila-*Hipodrom*, G. 6 from Largu, G. 3 from Smeeni, possibly G. 10 from Bucu), the graves with weapons also included knife and fragments of an iron item around the neck (necklace maybe?) in G. 1 from Grădiştea and two beads near the right hand and one bead and two fragments of bronze foil near the left hand in G. 4 from Grădiştea. G. 4 from Largu and G. 6 from Oltenița-*Iordoc* had only weapon as funerary inventory. In contrast to the tendency to standardize certain features of the funerary ritual, such as the orientation and position of the deceased or the deposit of the pottery, the positions in which the weapons were placed are varied. Preference seems to be given to the deposit on the right side of the deceased (Grădiştea G. 4, Largu G. 4, 6, Smeeni G. 3, Bucu G. 10, Oltenița-*Iordoc* G. 6 and Oltenița-*Renie* G. 3), although not always in the position it would have been worn during lifetime (in G. 10 from Bucu, the dagger was deposited near the feet and next to the vessel and in G. 6 from Oltenița-*Renie* near the right humerus). Only the sword in G. 2 from Brăila-*Hipodrom* and the dagger in G. 1 from Grădiştea were deposited on the left side, while in this latter case the knife was found on the right side.

In my opinion, the identification of the item from Luciu (fig. 7: 8) with a fan (Popa 2007, p. 332; 2009, p. 82; Skóra, Niezabitowska-Wiśniewska 2018, p. 164, no. 17) is questionable due to its fragmentary state of preservation (practically, all the characteristic details such as links or joint remains are missing, the item does not seem to have a U-shaped section, instead it is tubular according to the description and it has a transversal rivet at one end which is not observed for the already known fans). Although there are still doubts due to the preservation, I rather believe that the item that was described in the inventory of G. 1B from Ciulnița (fig. 6: 6) as a bronze pendant (Rența 2016, p. 94, fig. 197: 3) made of two rolled sheets with a link at one end could be the handle of a Tălmaza type fan. If indeed the item from Ciulnița is a fan, it would join another one known in G. 8 from Bucu.

The inventory of the graves of the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia can be completed with astragals (G. 1 from Jilava and G. 196 from Târgşor), knucklebones (Oltenița-*Iordoc* G. 4), chalk (Grădiştea G. 9), fragment of antler (Buzău-*sud* G. 2), spur (Târgşor G. 205) and possibly glass vessel (Oltenița-*Renie* G. 7, unless it is not just a confusion with the *unguentarium* from Ulmeni). In the absence of other details, the yellowish granules similar in size and shape to wheat grains that were found in G. 7 and 8 from Largu in the area of the skulls and knees, but below the bones, can only be mentioned without having the possibility to know whether they are accidental presences or intentional deposits.

Main features of the funerary ritual. As far as the funerary ritual allows [1], the image of the Sarmatian communities which arrived in Wallachia in the late 2nd century and the first half of the following century, although preserves many similarities with the communities that arrived in the above-mentioned territory in the late 1st century AD and the first decades of the 2nd century, also betrays certain changes, a fact that demonstrates once again the need for a differentiated analysis by areas and time intervals. Compared to the previous period, the number of discoveries not only increased considerably, but it also registered an expansion of the territorial distribution, although taken as a whole, the Sarmatian presence in Wallachia remains relatively low. The tendency to uniform the orientation (in the N—S direction) and the position of the deceased individuals (laid out in supine position, with the arms along the body and the legs extended) can be clearly observed. As regards the funerary inventory, not only the diversity of the categories of items is visible, but also their deposit in higher numbers in the funerary structures. A rather marginal phenomenon in the first stage, the deposit of Dacian pottery is registered in the second stage even more often than the deposit of handmade Sarmatian pottery, which could prove that at least the ceramic vessels from the Dacian environment become a common presence for the Sarmatians in Wallachia. Against this background, it seems surprising that, at least judging by the funerary inventory, the Roman imports not only register the same low frequency, but also do not differ too much compared to the previous stage: especially beads, very few ceramic vessels (only 12 graves), earring, bells, three brooches, possibly a glass vessel and, if they really came from the Roman Empire [2], two fans. I emphasized on other occasions (Oța 2016, p. 141; Oța, Sîrbu 2019b, in press; Sîrbu et al. 2014, p. 118, 119) the change in the display of the social status during the period between the late 2nd century AD and the middle of the following century, by the disappearance of the tumuli raised especially above a grave (as in Vităneşti), but also by the abandonment of individual burials in older tumuli (except for the grave from Făurei, near Ulmu). The burials in raised forms of land do not disappear completely, but are chosen for groups of graves during this period (10 graves in Largu, six in Ciulnița, three in Jilava, Gălățui and Smeeni-*Movila Mare*), compared to the only four individual graves (Făurei, Căzăneşti G. 1, Dridu-*tell* G. 2 and Sudiți), which seems to betray a change of mentality resulting in the loss of the significance of status markers of the tumuli. Certain grave goods seem to preserve their symbolic values in displaying the higher social status in relation to that of the rest of the members of the community. The Roman mug in G. 2 from Brăila-*Hipodrom* was associated with a Dacian mug and a sword whose handle ended in an opal disc (fig. 3: 4—7), and the Roman bowl in G. 10 from Bucu was found together with a dagger and a bronze bead (fig. 3: 1—3), possibly ornament of a belt. The inventory of the grave from Luciu (fig. 7: 1—8) included three ceramic vessels (one wheel-made Dacian vessel and two of Roman origin), a brooch possibly of Roman origin, bell, mirror, spindle-whorl and another bronze item assumed to be a fan by some researchers. The brooches of possibly Roman origin are part of the numerous and various inventory of the female burials from Călărași G. 7 (fig. 4) and Căscioarele. Even if the general tendency is to deposit inside the graves a more numerous and more diversified inventory than in the previous period, several graves draw attention: Brăila-*Radu Negru*,

1. I will not resume here the discussion on the degree to which the funerary ritual really reflects the status that a certain person had during lifetime, a topic that I approached on other occasions (Oța 2018, p. 61; Oța, Sîrbu 2019b, in press).

2. Kalina Skóra and Barbara Niezabitowska-Wiśniewska (2018, p. 180) believe that fans of Tălmaza type originate from the Black Sea area. Alexandru Popa (2009, p. 90) does not exclude a Roman origin, perhaps not of the items themselves, but of the fashion.

Călăraşi G. 7 (fig. 4), Căscioarele, Chiscani-*sat* (fig. 5: 1—6), Ciulnița G. 1B (fig. 6: 2—3, 5—8), Dridu-*tell* G. 2, Grădiştea G. 9 (fig. 5: 7—10) and 11, Largu G. 1 and 7, Luciu (fig. 7: 1—8), Olteniţa-*Renie* G. 7, Târgşor G. 184 (fig. 7: 9—15) and 198 (fig. 8: 1—7). Their characteristic is that all can be attributed to women based on the funerary inventory (also confirmed by the anthropological analysis in some cases). The high number of grave goods is mainly due to the sets of adornments made of strings of beads (in two cases, the beads were not only worn by the deceased females, but even deposited in the vessels, such as the string in G. 7 from Călăraşi and the amber bead in G. 184 from Târgşor), one or two earrings, pendants, bells and sometimes bracelets (Brăila-*Radu Negru*, Călăraşi G. 7, Căscioarele, Chiscani-*sat*, Ciulnița G. 1B, Dridu-*tell* G. 2, Grădiştea G. 11, Largu G. 1 and 7, Târgşor G. 184 and 198). These sets of adornments are added by brooches (Călăraşi G. 7, Căscioarele, Chiscani-*sat*, Ciulnița G. 1B, Largu G. 1, Târgşor G. 198), mirrors (in all the abovementioned burials except Căscioarele) and, less frequently, spindle-whorls (Chiscani-*sat*, Ciulnița G. 1B, Grădiştea G. 11, Luciu, Târgşor G. 184 and 198). Another way of assembling the funerary inventory is revealed by G. 9 from Grădiştea, Luciu and G. 7 from Olteniţa-*Renie*, with emphasis not so much on the adornments, but on the large number of vessels or other deposited items (three recipients and three spindle-whorls in Grădiştea G. 9, three vessels, bell, brooch, mirror, spindle-whorl, perhaps a fan at Luciu, seven ceramic vessels and possibly one glass vessel, beads, mirror and spindle-whorl in Olteniţa-*Renie* G. 7.

Following the above discussion, it is important to emphasize two aspects. The first refers to the fact that, against a general background of diversification and increase in the number of items chosen to be deposited inside the grave, a real series of female burials stands out. A possible preference for displaying wealth through women (Palincaş 2013, p. 51), perhaps as a reflection of man's status (Quast 2011, p. 2) cannot be ruled out, especially since, in the case of the double burial in G. 1 from Ciulnița (fig. 6), the funerary inventory of the woman (vessel, string of beads, attire decorated with beads, fan (?), brooch, buckle, mirror, spindle-whorl) contrasts strikingly with the funerary inventory of the man, who had only a small iron item as a possible grave good, because the buckles were from the shoes he was wearing. The second aspect refers to the fact that starting with the late 2nd century AD, the status is displayed without exception not by a special item, but by a combination of several items, which give each other symbolic value either by the type of association (Roman ceramics + weapons), or by the multitude and diversity of the deposited items (pottery, adornments, dress accessories, mirrors, spindle-whorl, fans). The fact that, besides the above-mentioned graves, there are also other burials with associations of adornments such as beads and earrings, toilet implements such as mirrors, but also fashion objects in other cultural environments (fans), which however do not stand out by the accumulation of grave goods indicates that, when judging the social status, it is relevant not so much the type or origin of the items, but the funerary inventory as a whole. From this point of view, the funerary structure from Brăila-*Liceu*, unique not so much by the type of ceramic recipients, but by the combination of two Roman vessels (pot and cup — fig. 1: 2, 3), would not be an exception.

Even if from an archaeological point of view the interaction with the Roman Empire does not prove to be significant, this impression is contradicted by the fact that the loss of the Roman control over Wallachia resulted in the sudden decrease, until almost extinction, of the number of Sarmatian discoveries here (Oța 2016, p. 145, 146; 2020, p. 421; Oța, Sîrbu 2013, p. 293), as the few Sarmatian graves known so far belong to another cultural and historical context.

CATALOGUE [1]

1. **Bogdana (comm. of Bogdana, Teleorman County)**

G. (Sîrbu et al. 2014, p. 15, 131, with previous bibliography).

2. **Borduşelu (comm. of Ciochina, Ialomița County)**

G. (Sîrbu et al. 2014, p. 15, 16, 131, with previous bibliography).

3. **Brăila (Brăila County)**

Hipodrom **G. 1** (Oța, Sîrbu 2009, p. 93, nos. IA 1, 2, 117, 191, 192, with previous bibliography), **G. 2** (Oța, Sîrbu 2009, p. 15, 16, no. IA 2, 94, 95, nos. IA 3, 4, 117, 191, 192, with previous bibliography), **G. 3** (Oța, Sîrbu 2009, p. 13—15, no. IA 1, 95, no. IA 5, 117, 118, 191, 192, with previous bibliography), **G. 4** (Oța, Sîrbu 2009, p. 118, 191, 192, with previous bibliography), **G. 5** (Oța, Sîrbu 2009, p. 118, 191, 192, with previous bibliography).

4. **Brăila (Brăila County)**

Liceul de Chimie (today Grup şcolar industrial «C. D. Nenițescu») **G.** (Oța, Sîrbu 2009, p. 16—20, nos. IB 3—5, 118, 191, with previous bibliography).

5. **Brăila (Brăila County)**

Radu Negru **G.** (Oța, Sîrbu 2009, p. 95, 96, nos. IB 6—8, 118, 119, 191, with previous bibliography).

6. **Bucu (comm. of Bucu, Ialomița County)**

Pochină **G. 1** (Sîrbu et al. 2014, p. 16, 17, 123, with previous bibliography), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 17, 123, with previous bibliography), **G. 3** (Sîrbu et al.

1. Because the aim of this paper is to analyze the characteristics of the graves belonging to the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia, the catalogue represents only an auxiliary working tool. This is the reason why I did not mention in all cases the complete list of bibliographical references regarding the graves, but I chose to cite, when possible, only the synthesis mentioning all the previous bibliography, sometimes added by new references.

2014, p. 17, 18, 123, with previous bibliography), **G. 4** (Sîrbu et al. 2014, p. 18, 123, with previous bibliography), **G. 5** (Sîrbu et al. 2014, p. 18, 123, with previous bibliography), **G. 6** (Sîrbu et al. 2014, p. 18, 19, 123, with previous bibliography), **G. 7** (Sîrbu et al. 2014, p. 19, 20, 123, with previous bibliography), **G. 8** (Sîrbu et al. 2014, p. 20—21, 123, with previous bibliography; Skóra, Niezabitowska-Wiśniewska 2018, p. 162, no. 4), **G. 9** (Sîrbu et al. 2014, p. 21, 123, with previous bibliography), **G. 10** (Sîrbu et al. 2014, p. 21, 22, 123, with previous bibliography), **G. 11** (Sîrbu et al. 2014, p. 22, 23, 123, with previous bibliography), **G. 12** (Sîrbu et al. 2014, p. 23, 123, with previous bibliography), **G. 13** (Sîrbu et al. 2014, p. 23, 24, 123, with previous bibliography), **G. 14** (Sîrbu et al. 2014, p. 24, 123, with previous bibliography).

7. **Bucureşti (Ilfov County)**

Dealul Piscului **G.** (Mitrea, Preda 1966, p. 87, no. 11; Tzony 1975, p. 283, 286).

8. **Buzău (Buzău County)**

Sud **G. 1** (Drâmbocianu 1981, p. 50, 51), **G. 2** (Drâmbocianu 1981, p. 51, 52), **G. 3** (Drâmbocianu 1981, p. 52), **G. 4** (Drâmbocianu 1981, p. 52, 53), **G. 5** (Drâmbocianu 1981, p. 53), **G. 6** (Drâmbocianu 1981, p. 53, 54), **G. 7** (Drâmbocianu 1981, p. 54).

9. **Călăraşi (Călăraşi County)**

Aeroport **G. 1** (Comşa 2015, p. 147, 149, 157; Oța 2015, p. 121, 134; Sîrbu et al. 2014, p. 24, 25, nos. 4—6A, 131, with previous bibliography).

10. **Călăraşi (Călăraşi County)**

G. 2 (Sîrbu et al. 2014, p. 25, nos. 4—6B, 125, with previous bibliography).

11. **Călăraşi (Călăraşi County)**

Halele Centrale (today Piața Mare) **G. 3** (Sîrbu et al. 2014, p. 26, nos. 4—6C, 125, with previous bibliography).

12. **Călăraşi (Călăraşi County)**

Adults Polyclinic (today Independenței str.) **G. 4** (Sîrbu et al. 2014, p. 26, 27, nos. 4—6D, 125, with previous bibliography).

13. **Călăraşi (Călăraşi County)**

Flacăra str. and Pompierilor str. intersection **G. 6** (Sîrbu et al. 2014, p. 27, nos. 4—6F); **G. 7** (Sîrbu et al. 2014, p. 27—30, nos. 4—6F, 124, 125).

14. **Călăraşi (Călăraşi County)**

Pompierilor str. **G. 8** (Sîrbu et al. 2014, p. 30, nos. 4—6G, 124, 125).

15. **Călăraşi (Călăraşi County)**

Prefecture court **G. 9** (Sîrbu et al. 2014, p. 30, nos. 4—6G, 124, 125).

16. **Călăraşi (Călăraşi County)**

Pompierilor str. and Progresului str. intersection **G. 10** (Sîrbu et al. 2014, p. 30, 31, nos. 4—6I, 124, 125).

17. **Căscioarele (comm. of Căscioarele, Călăraşi County)**

Suharna **G.** (Oța 2015, p. 121—134; Sîrbu et al. 2014, p. 31—34, 131, with previous bibliography).

18. **Căzăneşti (Ialomița County)**

G. (Sîrbu et al. 2014, p. 34—35, 132, with previous bibliography).

19. **Cetatea Veche (comm. of Spanțov, Călăraşi County)**

G. 1 (Comşa 2015, p. 148, 149; Necrasov, Antoniu 1962, p. 116, 119; Oța 2015, p. 121—134; Sîrbu et al. 2014, p. 36, 37, 125, with previous bibliography), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 37, 125, with previous bibliography).

20. **Chirnogi (comm. of Chirnogi, Călăraşi County)**

G. (Sîrbu et al. 2014, p. 37, 124, with previous bibliography).

21. **Chiscani (comm. of Chiscani, Brăila County)**

sat **G.** (Oța, Sîrbu 2009, p. 24—27, nos. II A 8, 9, 96—98, nos. 9—11, 119, 191, with previous bibliography).

22. **Chiscani (comm. of Chiscani, Brăila County)**

Trei Movile **G.** (Oța, Sîrbu 2009, p. 98—99, nos. II B 12, 119, 120, 191, with previous bibliography).

23. **Ciulnița (comm. of Ciulnița, Ialomița County)**

T. II G. 2 (Barnea 1995, p. 282, no. 5; CCA campania 1994, p. 23; Rența 2016, p. 86), **G. 3** (Barnea 1995, p. 282, no. 5; CCA campania 1994, p. 23; Rența 2016, p. 86—87), **T. III G. 1** (Barnea 1995, p. 282, no. 5; CCA campania 1994, p. 23; Rența 2016, p. 94), **G. 4** (Barnea 1995, p. 282, no. 5; CCA campania 1994, p. 23; Rența 2016, p. 95—96), **G. 10** (Barnea 1995, p. 282, no. 5; CCA campania 1994, p. 23; Rența 2016, p. 96—97), **G. 18** (Barnea 1995, p. 282, no. 5; CCA campania 1994, p. 23; Rența 2016, p. 98).

24. **Dorobanțu (comm. of Dorobanțu, Călăraşi County)**

G. 1 (Sîrbu et al. 2014, p. 42—43, 128, with previous bibliography), **G. 2—4** (Sîrbu et al. 2014, p. 43, 128, with previous bibliography), **G. 5** (Sîrbu et al. 2014, p. 43, 44, 128, with previous bibliography).

25. **Dridu (comm. of Dridu, Ialomița County)**

sat **G. 1** (Sîrbu et al. 2014, p. 44, 45, no. 17, 18A, 131, with previous bibliography).

26. **Dridu (comm. of Dridu, Ialomița County)**

tell (known also as Coşereni — Măgura de la Comana) **G. 2** (Lazăr, Ştefan, Vasile 2013, p. 68; Oța, Georgescu, Baltă 2015, p. 143—149; Sîrbu et al. 2014, p. 45—48, no. 17, 18B, 131, with previous bibliography; Ştefan, Dumitraşcu, Mărgărit 2012, p. 71, 72).

27. **Gălățui (comm. of Alexandru Odobescu, Călăraşi County)**

Movila Berzei **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 49, 125, with previous bibliography), **G. 3** (Sîrbu et al. 2014, p. 49, 50, 125, with previous bibliography), **G. 4** (Sîrbu et al. 2014, p. 50, 51, 125, with previous bibliography).

28. **Grădiştea (comm. of Grădiştea, Brăila County)**

Mormântul Elizei **G. 1** (Oța, Sîrbu 2009, p. 120, 121, 192—195, with previous bibliography), **G. 4** (Oța, Sîrbu 2009, p. 101, nos. 17, 18, 121, 192—195, with previous bibliography), **G. 5** (Oța, Sîrbu 2009, p. 101, 102, no. 19, 122, 192—195, with previous bibliography), **G. 9** (Oța, Sîrbu 2009, p. 102, 103, nos. 20—22, 121, 192—195, with previous bibliography), **G. 11** (Oța, Sîrbu 2009, p. 35—39, nos. VA 19, 20, 103, 104, nos. 23, 24, 121, 122, 192—195, with previous bibliography), **G. 12** (Oța, Sîrbu 2009, p. 122, 192—195, with previous bibliography), **G. 13** (Oța, Sîrbu 2009, p. 104, no. 25, 122, 192—195, with previous bibliography), **G. 17** (Oța, Sîrbu 2009, p. 104, 105, nos. 26—28, 122, 192—195, with previous bibliography), **G. 18** (Oța, Sîrbu 2009, p. 122, 192—195 with previous bibliography), **G. 19** (Oța, Sîrbu 2009, p. 32, nos. VA 16—18, 123, 192—195, with previous bibliography).

29. **Jilava (comm. of Jilava, Ilfov County)**

Măgura Jilavei **G. 1** (Bichir 1977, p. 177; Rosetti 1934, p. 208; Tzony 1975, p. 283), **G. 2** (Rosetti 1934, p. 209); **G. 3** (Rosetti 1934, p. 209).

30. **Largu (comm. of Largu, Buzău County)**

Cornul Malului **G. 1** (Bichir 1972, p. 156; 1977, p. 184; Dragomir 1959, p. 476, 477, 479; Dragomir, Croitoru 2011, p. 40, 41), **G. 2** (Dragomir 1959, p. 476,

477; Dragomir, Croitoru 2011, p. 41), **G. 3** (Dragomir 1959, p. 476, 477, 479, 480; Dragomir, Croitoru 2011, p. 41), **G. 4** (Bichir 1972, p. 155; 1977, p. 183; Dragomir 1959, p. 476, 477, 480; Dragomir, Croitoru 2011, p. 42), **G. 5** (Dragomir 1959, p. 476, 477, 478; Dragomir, Croitoru 2011, p. 42), **G. 6** (Bichir 1971, p. 277, 278; 1972, p. 141, 155; 1977, p. 173, 183, 184; 1985, p. 1169, 1170; Dragomir 1959, p. 476, 477, 480, 481; Dragomir, Croitoru 2011, p. 42, 43), **G. 7** (Bichir 1972, p. 145; 1977, p. 183; 1985, p. 1170; Dragomir 1959, p. 476—481; Dragomir, Croitoru 2011, p. 43, 44), **G. 8** (Dragomir 1959, p. 476—478, 481; Dragomir, Croitoru 2011, p. 44, 45), **G. 9** (Bichir 1961, p. 260; Dragomir 1957, p. 300, 302), **G. 10** (Bichir 1972, p. 156; 1977, p. 184; Dragomir 1957, p. 300, 304; Dragomir, Croitoru 2011, p. 32).

31. **Luciu (comm. of Luciu, Buzău County)**

Popina pe Balta Mică **G.** (Bichir 1977, p. 168, 172, 177, 184, 186; 1985, p. 1166; Drâmbocianu 1974, p. 303—307; Popa 2009, p. 82; Skóra, Niezabitowska-Wiśniewska 2018, p. 164, no. 17).

32. **Mărițua (comm. of Belciugatele, Călăraşi County)**

La Movilă **G. 2/2009** (Sîrbu et al. 2014, p. 55—57, 129, with previous bibliography).

33. **Mihail Kogălniceanu (comm. of Mihail Kogălniceanu, Ialomița County)**

Crucea Movila Înaltă **G.** (Sîrbu et al. 2014, p. 57, 58, 131, with previous bibliography).

34. **Oltenița (Călăraşi County)**

Coada Lupului **G. 1—3** (Sîrbu et al. 2014, p. 58, 59, nos. 28—34A, 125, with previous bibliography).

35. **Oltenița (Călăraşi County)**

Iordoc **G. 1** (Sîrbu et al. 2014, p. 59, 60, nos. 28—34C, 123—124, with previous bibliography), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 60, 123, 124, with previous bibliography), **G. 3** (Sîrbu et al. 2014, p. 60, 61, 123, 124, with previous bibliography), **G. 4** (Sîrbu et al. 2014, p. 61, 123, 124, with previous bibliography), **G. 5** (Sîrbu et al. 2014, p. 61, 62, 123, 124, with previous bibliography), **G. 6** (Sîrbu et al. 2014, p. 62, 123, 124, with previous bibliography), **G. 7** (Sîrbu et al. 2014, p. 62, 123, 124, with previous bibliography), **G. 8** (Sîrbu et al. 2014, p. 62, 123, 124, with previous bibliography).

36. **Oltenița (Călăraşi County)**

Coada Malului **G.** (Sîrbu et al. 2014, p. 62, nos. 28—34D, 121, 122, with previous bibliography).

37. **Oltenița (Călăraşi County)**

Puțul de cărămidă **G. 1** (Sîrbu et al. 2014, p. 62, 63, nos. 28—34E, 131, with previous bibliography).

38. **Oltenița (Călăraşi County)**

Renie **G. 1** (Sîrbu et al. 2014, p. 63, 64, nos. 28—34F, 121, 122, with previous bibliography), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 64, 121, 122), **G. 3** (Sîrbu et al. 2014, p. 64, 65, 121, 122 with previous bibliography), **G. 4** (Sîrbu et al. 2014, p. 65, 121, 122), **G. 5** (Sîrbu et al. 2014, p. 65, 121, 122, with previous bibliography), **G. 6** (Sîrbu et al. 2014, p. 65, 66, 121, 122, with previous bibliography), **G. 7** (Sîrbu et al. 2014, p. 66, 67, 121, 122, with previous bibliography), **G. 8** (Sîrbu et al. 2014, p. 67, 68, 121, 122), **G. 9** (Sîrbu et al. 2014, p. 68, 121, 122).

39. **Păuleasca (comm. of Frumoasa, Teleorman County)**

G. 1 (Sîrbu et al. 2014, p. 69, 70, 126, with previous bibliography), **G. 23** (Sîrbu et al. 2014, p. 70, 126), **G. 26** (Sîrbu et al. 2014, p. 70, 126), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 72, 126), **G. 3** (Sîrbu et al. 2014, p. 72, 126), **G. 57** (Sîrbu et al. 2014, p. 70—72, 126, with previous bibliography).

40. **Pietroiu (today Borcea village, Călăraşi County)**

Stația de pompare **G.** (Sîrbu et al. 2014, p. 72, 73, with previous bibliography).

41. **Smeeni (comm. of Smeeni, Buzău County)**

Movila Mare **G. 2** (Frînculeasa et al. 2017, p. 54; Simache, Teodorescu 1962, p. 279), **G. 3** (Bichir 1972, p. 155, 156; 1977, p. 183—185; Frînculeasa et al. 2017, p. 54, 55; Simache, Teodorescu 1962, p. 279, 280), **G. 10** (Frînculeasa et al. 2017, p. 55; Simache, Teodorescu 1962, p. 279, 280).

42. **Sudiți (comm. of Gherăseni, Buzău County)**

Movila de la Bălaia **G.** (Constantinescu 1978, p. 24; Frînculeasa 2010, p. 25, note 13, 29).

43. **Sultana (comm. of Mânăstirea, Călăraşi County)**

Odaia Vlădichii **G. 1** (Sîrbu et al. 2014, p. 75, 125, with previous bibliography), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 75, 125, with previous bibliography), **G. 3** (Sîrbu et al. 2014, p. 75, 125, with previous bibliography), **G. 4** (Sîrbu et al. 2014, p. 75, 76, 125, with previous bibliography).

44. **Târgşoru Vechi (comm. of Târgşoru Vechi, Prahova County)**

G. 118 (Diaconu 1965, p. 59; Niculescu 2003, p. 193, note 77; Mirițoiu 2003, p. 205, no. 70), **G. 148** (Bichir 1977, p. 184; Diaconu 1965, p. 20, 25), **G. 184** (Bichir 1972, p. 156, 161; 1977, p. 184, 186; 1985, p. 1171; Diaconu 1965, p. 20, 22, 24, 26, 28; Mirițoiu 2003, p. 205, no. 70), **G. 196** (Diaconu 1965, p. 21; Mirițoiu 2003, p. 205, no. 70), **G. 198** (Bichir 1972, p. 161; 1977, p. 184, 186; Diaconu 1965, p. 21—26, 28), **G. 200** (Bichir 1971, p. 277; 1972, p. 141, 161; 1977, p. 172, 186; 1985, p. 1168; Diaconu 1965, p. 19, 21, 24; Mirițoiu 2003, p. 205, no. 70), **G. 205** (Bichir 1977, p. 184; Diaconu 1965, p. 21, 25, 28; Mirițoiu 2003, p. 205, no. 70), **G. 206** (Diaconu 1965, p. 21), **G. 208** (Diaconu 1965, p. 21), **G. 219** (Diaconu 1965, p. 16, 21), **G. 220** (Bichir 1971, p. 277; 1972, p. 144; 1977, p. 173; 1985, p. 1168; Diaconu 1965, p. 19, 21), **G. 227** (Diaconu 1965, 21), **G. 227** (Diaconu 1965, p. 21), **G. 228** (Diaconu 1965, p. 21), **G. 253** (Diaconu 1965, p. 22, 28), **G. 255** (Diaconu 1965, p. 22), **G. 261** (Diaconu 1965, p. 19, 22, 23), **G. 267** (Diaconu 1965, p. 22), **G. 274** (Diaconu 1965, p. 19, 22; Mirițoiu 2003, p. 205, no. 70), **G. 411** (Niculescu 2003, p. 186, 188, note 50, 195), **G. 415** (Niculescu 2003, p. 193), **G. 433** (Barnea 1991, p. 263, no. 34), **G. 435** (Barnea 1991, p. 263, no. 34).

45. **Ulmu (comm. of Ulmu, Călăraşi County)**

G. 1 (Sîrbu et al. 2014, p. 84, nos. 42—43A, 131, with previous bibliography).

near Făurei village **G. 1** (Sîrbu et al. 2014, p. 84, nos. 42, 43B, 131).

46. **Vlad Țepeş (comm. of Vlad Țepeş, Călăraşi County)**

G. 1 (Sîrbu et al. 2014, p. 89, with previous bibliography), **G. 2** (Sîrbu et al. 2014, p. 89, 90, with previous bibliography).

English version A. DECU

REFERENCES

Aparaschivei, D., Iacob, M., Soficaru, A., Parachiv, D. 2012. Aspects of everyday life in Scythia Minor reflected in some funerary discoveries from Ibida (Slava Rusă, Tulcea County). In: Kogălniceanu, R., Curcă, R.-G., Gligor, M., Stratton, S. (eds.). *Homines, Funera, Astra. Proceedings of the International Symposium on Funerary Anthropology, 5—8 June 2011, «1 Decembrie 1918» University (Alba Iulia, România).* British Archaeological Reports International Series, 2410. Oxford: Archaeopress, p. 163-168.

Aparaschivei, D. 2014. Trecerea de la copilărie la maturitate şi rolul căsătoriei în nord-estul provinciei romane Moesia Inferior (Scythia Minor). *Arheologia Moldovei*, XXXVII, p. 63-72.

Barnea, Al. 1991. Cronica cercetărilor arheologice efectuate în 1990 de Institutul de Arheologie Bucureşti. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie*, 42, 3—4, p. 255-264.

Barnea, Al. 1995. Cronica cercetărilor arheologice efectuate în 1994 de Institutul de Arheologie «Vasile Pârvan» din Bucureşti. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie*, 46, 3—4, p. 281-290.

Bernbeck, R., Cubasch, U., Gass, A., Kaiser, E., Parzinger, H., Pollock, S., Rowland, J., Russo, E., Schier, W., Tassie, G. 2016. Notes for a Political Ecology of Non-Sedentary People. *eTopoi. Journal for Ancient Studies*, special 6: Space and Knowledge. Topoi Research Group Articles, p. 45-73.

Bichir, Gh. 1961. Unele observaţii cu privire la necropolele de tip Poieneşti din Moldova şi relaţiile acestor necropole cu lumea sarmată. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche*, XII, 2, p. 253-271.

Bichir, Gh. 1971. Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie. In: *Actes du VIIIe Congrès des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Beograd, 9—15 septembre 1971*. I: Rapports généraux. Beograd: UISPP, p. 275-285.

Bichir, Gh. 1972. Sarmaţii la Dunărea de Jos în lumina ultimelor cercetări. *Pontica*, V, p. 137-176.

Bichir, Gh. 1977. Les Sarmates au Bas-Danube. *Dacia*, XXI, p. 167-197.

Bichir, Gh. 1985. Sarmaţii şi relaţiile lor cu geto-dacii (II). *Revista de Istorie*, 38, 12, p. 1164-1177.

CCA campania 1994. *Cronica cercetărilor arheologice din România, campania 1994*. Cluj-Napoca: Ministerul Culturii.

Ciupercă, B., Măgureanu, A., Anton, A. 2015. The Presence of Rome in Barbaricum: Archaeological Evidence of the Interaction between Romans and Barbarians in the Târgşoru Vechi Area. *Bulletin of the National Archaeological Institute*, XLII: Limes XXII. Proceedings of the 22nd International Congress of Roman Frontier Studies. Ruse, Bulgaria, September 2012, p. 771-780.

Comşa, A. 2015. An overview regarding the anthropological investigations about the Sarmatians in the Muntenia and Moldova funerary finds. *Arheologia mileniului I p. Chr.*, IV: Nomazi şi autohtoni în mileniul I p. Chr. In memoriam Maria Comşa, p. 145-165.

Comşa, E. 1989. Mormintele cu ocru din movila II — 1943 de la Ploieşti-Triaj. *Thraco-Dacica*, X, p. 181-188.

Constantinescu, M. 1978. Un mormânt din perioada migraţiilor, descoperit la Balta Albă, judeţul Buzău. *Mousaios*, 2, p. 22-25.

Dan, A. 2017. The Sarmatians: Some Thoughts on the Historiographical Invention of a West Iranian Migration. In: Wiedermann, F., Hofmann, K. P., Gehrke, J. (eds.). *Vom Wandern der Völker. Migrationserzählungen in den Altertumswissenschaften*. Berlin Studies of the Ancient World. Berlin: Topoi, p. 97-134.

Diaconu, Gh. 1965. *Tîrgşor — Necropola din secolele III—IV e. n.* Biblioteca de Arheologie, VIII. Bucureşti: Academia.

Dragomir, I. T. 1957. Vestigii arheologice pe valea Călmăţuiului. *Materiale şi Cercetări Arheologice*, III, p. 300-310.

Dragomir, I. T. 1959. Raport asupra săpăturilor întreprinse la Largu (r. Filimon Sîrbu, reg. Galaţi). *Materiale şi Cercetări Arheologice*, V, p. 475-482.

Dragomir, I. T., Croitoru, C. 2011. La nécropole sarmatique de Largu (dép. de Buzău). *Istros*, XVII, p. 31-54.

Drâmbocianu, V. 1974. Un mormânt sarmatic descoperit la Luciu (jud. Buzău). *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie*, 25, 2, p. 303-307.

Drâmbocianu, V. 1981. Şantierul arheologic de salvare din punctul Buzău-sud. *Mousaios*, 3, p. 50-57.

Frachetti, M. D. 2011. Migration Concepts in Central Eurasian Archaeology. *Annual Review of Anthropology*, 40, p. 195-212.

Frînculeasa, A. 2010. Noi informaţii privind cercetările arheologice de la Sudiţi, com. Gherăseni (jud. Buzău) — descoperiri din epoca neo-eneolitică. *Mousaios*, XV, p. 23-54.

Frînculeasa, A., Simalcsik, A., Preda, B., Garvăn, D. 2017. *Smeeni — Movila Mare. Monografia unui sit arheologic regăsit*. Târgovişte: Cetatea de Scaun.

Kradin, N. N. 2015. The Ecology of Inner Asian Pastoral Nomadism. In: Kardulias, P. N. (ed.). *The Ecology of Pastoralism*. Boulder: University Press of Colorado, p. 41-70.

Lazăr, C., Ene, D., Parnic, V., Popovici, D. N., Florea, M. 2011. Ground Penetrating Radar Prospections in Romania. Măriuţa-La Movilă Necropolis, a Case Study. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 11, 2, p. 79-89.

Lazăr, C., Ştefan, C. E., Vasile, G. 2013. Consideraţii privind resturile osteologice umane din cadrul unor aşezări eneolitice din sud-estul României. *Studii de Preistorie*, 10, p. 67-88.

Leahu, V., Trohani, G. 1979. Săpăturile arheologice de la Vităneşti, jud. Teleorman. *Cercetări Arheologice*, III, p. 127-141.

Mirițoiu, N. 2003. Sarmatische Gräber mit künstlich deformierten Schädeln in Muntenien. In: *Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.—16. Februar 1998*. Neumünster: Wachholtz, S. 204-205.

Mitrea, B., Preda, C. 1966. *Necropolele din secolul al IV-lea e. n. în Muntenia*. Bucureşti: Academia.

Mordvintseva, V. 2013. The Sarmatians: The Creation of Archaeological Evidence. *Oxford Journal of Archaeology*, 32, 2, p. 213-219.

Mordvintseva, V. I. 2015. Sarmaty, Sarmatiia i Severnoe Prichernomore. *Vestnik drevnei istorii*, 1, p. 109-135.

Mordvintseva, V. 2016. Barbarians of the North-Pontic Region and Their Contacts with Centres of the Antique Civilization from the 3rd Century BCE to the Mid 3rd Century CE (According to the Research of the Elite Barrows). In: Cojocaru, V., Rubel, A., Stah, D. and Castelli, T. (eds.). *Mobility in Research of the Black Sea Region*. Pontica et Mediterranea, VI. Cluj-Napoca: Mega, p. 387-438.

Morintz, S., Ionescu, B. 1968. Cercetări arheologice în împrejurimile oraşului Oltenița (1958—1967). *Studii şi Cercetări de Istorie Veche*, 19, 1, p. 95-128.

Morintz, S., Ionescu, B. 1970. Mormintele sarmatice din sud-estul judeţului Ilfov. In: Florescu, R., Pavel, A. (eds.). *Sesiunea de Comunicări a Muzeelor de Istorie 1964*, II. Biblioteca Muzeelor, VII. Bucureşti: Grafica Nouă, p. 37-54.

Muntenia… 2001. *Muntenia în secolele II—IV p. Chr. Catalog expoziţie 18 octombrie — 30 noiembrie 2001, Muzeul Municipiului Bucureşti*. Bucureşti: Muzeul Municipiului Bucureşti.

Necrasov, O., Antoniu, S. 1962. Sur un crâne présentant une déformation «macrocéphale», découvert a Tatina-Spanțov. *Analele Ştiinţifice ale Universităţii Iaşi*, 8, 1, p. 115-119.

Nestor, I. 1944. Raport asupra săpăturilor şi cercetărilor din campania anului 1943. In: *Raport asupra activităţii ştiinţifice a M. N. A. în anii 1942 şi 1943*. Bucureşti, p. 55-56.

Niculescu, Gh. Al. 2003. Die sarmatische Kultur im Zusammenhang der kaiserzeitlichen archäologischen Funde aus Muntenien — unter besonderer Berücksichtigung der Funde von Tîrgşor. In: *Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.—16. Februar 1998*. Neumünster: Wachholtz, S. 177-205.

Olbrycht, M. J. 2000. Notes on the presence of Iranian peoples in Europe and their Asiatic relations. In: Pstrusińska, J., Fear, A. (eds.). *Collectanea Celto-Asiatica Cracoviensia*. Kraków: Księgarnia Akademicka, p. 101-140.

Opreanu, C. 1994. Neamurile barbare de la frontierele Daciei şi relaţiile lor politico-diplomatice cu Imperiul. *Ephemeris Napocensis*, IV, p. 193-220.

Opreanu, C. H., Lăzărescu, V. A. 2016. The limes as a contact zone between Orbis Romanus and Barbaricum. In: Opreanu, C. H., Lăzărescu, V. A. (eds.). *Landscape Archaeology on the Northern Frontier of the Roman Empire at Porolissum. An interdisciplinary research project*. Cluj-Napoca: Mega, p. 43-48.

Oța, L. 2014-2015. Observations on the Sarmatian Graves in Wallachia in which Hand-made Pottery Was Deposited. *Thraco-Dacica*, VI—VII (XXIX—XXX), p. 95-118.

Oța, L. 2015. Despre mormintele aparţinând unor indivizi cu cranii deformate la sarmaţii din Muntenia şi Moldova. *Ar-*

heologia mileniului I p. Chr., IV: Nomazi şi autohtoni în mileniul I p. Chr. In memoriam Maria Comşa, p. 119-144.

Oţa, L. 2016. Beyond the Lower Danubian Limes — Sarmatians and Romans. In: Alexandrescu, C. G. (ed.). Troesmis — A Changing Landscape. Romans and the Others in the Lower Danube Region in the First Century BC — Third Century AD. In: *Proceedings of an International Colloquium, Tulcea (7th—10th of October 2015)*. Cluj-Napoca: Mega, p. 129-150.

Oţa, L. 2018. Sarmatian Children Graves in Wallachia and Moldavia. *Tyragetia*, XII (XXVII), 1, p. 41-70.

Oţa, L. 2020. Câteva observaţii despre descoperirile arheologice din secolul al III-lea p. Chr. în Muntenia. In: Cândea, I. (ed.). *The Thracians and their neighbours in antiquity: archaeology and history. Studies in honor of Valeriu Sîrbu at his 70th anniversary*. Brăila: Istros a Muzeului Brăilei «Carol I», p. 417-442.

Oţa, L., Comşa, A. 2012. Un mormânt sarmatic descoperit la Călăraşi. *Materiale şi Cercetări Arheologice*, VIII, p. 97-106.

Oţa, L., Georgescu, M., Baltă, Z. I. 2015. Despre cele două morminte din tell-ul de la Dridu. *Materiale şi Cercetări Arheologice*, XI, p. 143-156.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2009. *Sarmaţii din judeţul Brăila*. Brăila: Muzeul Brăilei, Istros.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2012. La céramique dacique dans les tombes sarmatiques de Valachie. *Istros*, XVIII, p. 125-163.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2013. The Bărăgan in the 1st—3rd Centuries AD: Dacians, Romans, Sarmatians. In: *«Necropolises, Cult places, Religion, Mythology» — The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of The 12th International Congress of Thracology, Târgovişte, 10th—14th September 2013*, II. Braşov: Istros, p. 289-309.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2016a. The early settlement of Sarmatians in Wallachia. *Tyragetia*, X (XXV), 1, p. 261-284.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2016b. Prima etapă de pătrundere a sarmaţilor în Muntenia. *Acta Musei Tutovensis. Istorie veche şi arheologie*, XII, 2, p. 147-167.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2016c. Aproape de limes — Sarmaţii din Muntenia, Moldova, Crişana şi Banat. *Istros*, XXII: Proceedings of the 15th International Colloquium of Funerary Archaeology «Interdisciplinary Methods of Research for Prehistoric and Protohistoric Funerary Monuments». Brăila, 20th—22nd May 2016. p. 205-255.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2019a. Only By Chance? Sarmatians, Romans, Dacians in Wallachia and Moldavia. In: Sîrbu, V., Schuster, C., Hortopan, D. (eds.). *Border Guards of the Passes, from the Fortresses and the Graves. The Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 17th International Colloquium of Funerary Archaeology, Târgu Jiu, Gorj County (Romania), 4th—7th October 2018*. Târgu Jiu; Brăila: Istros a Muzeului Brăilei «Carol I», p. 149-174.

Oţa, L., Sîrbu, V. 2019b. Funerals and Social Status at the Sarmatians from a Border Area: Wallachia and Moldavia. *Mousaios*, 23: Bronze and Iron Age in Eurasia: Rituals and Grave Goods as Possible Markers of the Social Identity of the Dead. Proceedings of The 18th International Colloquium on Funerary Archaeology, Buzău, 17th—20th October 2019 (in press).

Oţa, L., Sîrbu, V., Matei, S. 2013. «Male» and «female» grave-goods in Sarmatian tombs found in Wallachia. *Mousaios*, XVIII: Bronze and Iron Age Graves from Eurasia — Gender between Archaeology and Anthropology. Proceedings of the 13th International Colloquium of Funerary Archaeology, Buzău-Romania, 17th—21st October 2012, p. 325-352.

Palincaş, N. 2013. Animals and the making of gender in the later period of the Monteoru culture (Subcarpathian Arc between ca. 1700 and 1500 cal BC). *Mousaios*, XVIII: Bronze and Iron Age Graves from Eurasia — Gender between Archaeology and Anthropology. Proceedings of the 13th International Colloquium of Funerary Archaeology, Buzău-Romania, 17th—21st October 2012, p. 43-78.

Petolescu, C. C. 2010. *Dacia: un mileniu de istorie*. Bucureşti: Academia Română.

Popa, Al. 2007. Flabella im Barbaricum? Überlegungen zu einer Fundgruppe bronzener Gegenstände aus dem Gebiet Jenseits der Provinzen Dacia und Moesia Inferior. *Germania*, 85, p. 329-347.

Popa, Al. 2009. Consemnări asupra mormântului de la Tălmaza şi a inventarului lui. Notă despre răspândirea evantaielor romane în barbaricum-ul european. *Ephemeris Napocensis*, XIX, p. 79-108.

Przybyła, M. 2011. Migration of individuals in the Roman period. Testimonies of fine female dress in Scandinavia. *Acta Archaeologica*, 82, p. 227-251.

Quast, D. 2011. Weibliche Eliten — Eine Einführung. In: *Weibliche Eliten in der Frühgeschichte. Internationale Tagung vom 13. bis 14. Juni 2008 im RGZM im Rahmen des Forschungsschwerpunktes «Eliten»*. Mainz: RGZM, S. 1-4.

Renţa, E. 2000. Necropola sarmatică de la Bucu, judeţul Ialomiţa. *Ialomiţa*, III, p. 39-57.

Renţa, E. 2016. *Cercetările arheologice de salvare de la Ciulniţa, judeţul Ialomiţa (1994—1997). Aşezarea neolitică Boian-Giuleşti, tumulii I—III şi alte descoperiri din eneolitic, epoca bronzului şi epoca fierului*. Muzeul Judeţean Ialomiţa, Seria Situri Arheologice, V. Târgovişte: Cetatea de Scaun.

Rosetti, D. V. 1934. Siedlungen der Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit bei Bukarest. *Germania*, 18, 3, S. 208-209.

Rustoiu, A. 2008. Celţii din Transilvania şi comunităţile indigene nord-balcanice. Schimburi culturale şi mobilitate individuală. *Ephemeris Napocensis*, XVIII, p. 25-44.

Simache, N., Teodorescu, V. 1962. Săpăturile arheologice de salvare de la Smeieni (r. Buzău, reg. Ploieşti). *Materiale şi Cercetări Arheologice*, VIII, p. 273-281.

Sîrbu, V., Oţa, L., Vîlcu, A., Neagu, M., Oprea, V. 2014. *Sudul Munteniei în secolele I a. Chr. — III p. Chr. Sarmaţi, daci, romani*. Brăila: Muzeul Brăilei «Carol I», Istros.

Skóra, K., Niezabitowska-Wiśniewska, B. 2018. Flabellum czy calamistrum? I jeszcze jeden, niezwykle intrygujący zabytek… z Dratowa. In: Niezabitowska-Wiśniewska, B., Łuczkiewicz, P., Sadowski, S., Stasiak-Cyran, M., Erdrich, M. (eds.). *Studia Barbarica. For Professor Andrzej Kokowski on His 75th Birthday*, II. Lublin: Akapit, p. 130-180.

Suceveanu, Al. 2000. *La céramique romaine des Ier—IIe siècles ap. J.-C.* Histria, X. Bucarest: CIMEC.

Ştefan, C. E., Dumitraşcu, V., Mărgărit, M. 2012. Restitutiones Archaeologicae: aşezarea de tip tell de la Coşereni «Măgura de la Comana», jud. Ialomiţa. *Buletinul Muzeului Judeţean Teleorman*, *Seria Arheologie*, 4, p. 71-100.

Theuws, F. 2009. Grave goods, ethnicity, and the rhetoric of burial rites in Late Antique Northern Gaul. In: Derks, T., Roymans, N. (eds.). *Ethnic Constructs in Antiquity. The Role of Power and Tradition*. Amsterdam Archaeological Studies, 13. Amsterdam: Amsterdam University Press, p. 283-319.

Tzony, M. 1975. Morminte sarmatice descoperite la Mogoşoaia-sat şi Dealul Piscului-Bucureşti. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie*, 26, 2, p. 283-288.

Ţentea, O. 2013, Despre frontiera Dunării de Jos în timpul Principatului. *Cercetări Arheologice*, XX, p. 143-154.

Vulpe, Al. 1987. Varia archaeologica (I). Descoperirile hallstattiene de la Ploieşti-«Triaj». *Thraco-Dacica*, VIII, p. 177-191.

Wendrich, W., Barnard, H. 2008. The archaeology of mobility: definitions and research approaches. In: Barnard, H., Wendrich, W. (eds.). *The archaeology of mobility: old world and new world nomadism*. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology, University of California, p. 1-21.

L. Oţa

THE SECOND STAGE OF SARMATIAN SETTLEMENT IN WALLACHIA

The aim of this paper is to discuss the features of the graves that can be attributed to the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia. The first stage of arrival of the Sarmatians in Wallachia can be dated in the last decade of the 1st century AD and the first decades of the 2nd century AD. The second stage of arrival of the Sarmatians in Wallachia, linked to the Marcomannic Wars, begins in the late 2nd century AD and continues during the following century. Sarma-

tians entered Wallachia not as enemies of the Roman Empire, but as allies always supervised by the Roman troops. A number of 153 graves can be linked with the second stage of Sarmatian settlement in Wallachia, whose territorial distribution, although extended in comparison with the first stage, does not uniformly cover the entire territory of Wallachia. The features of Sarmatian burials are discussed in detail: grave layout (types of interments, orientation, position of the deceased, age and sex of the individuals), main categories of grave goods (pottery, adornments, dress accessories, toilet implements, household tools, weapons). Based on this analysis, the main features of the funerary ritual are emphasized. The tendency to uniform the orientation and the position of the deceased individuals can be clearly observed. As regards the funerary inventory, not only the diversity of the categories of items is visible, but also their deposit in higher numbers in the burials. Dacian pottery is deposited even more often than the handmade Sarmatian pottery, but the Roman imports not only register the same low frequency, but also do not differ too much compared to the previous stage. A clear change in the display of the status during the period between the late 2nd century AD and the middle of the following century can be noticed: the tumuli lose their significance as status markers, grave goods with significant value disappear, possible higher status is emphasized by association of several items. Against a general background of diversification and increase in the number of items chosen to be deposited inside the grave, a real series of female burials stands out. The loss of the Roman control over Wallachia resulted in the sudden decrease, until almost extinction, of the number of Sarmatian discoveries here.

Keywords: Sarmatians, Wallachia, Roman Empire, graves, funerary ritual, grave goods.

Л. Оца

ДРУГИЙ ЕТАП САРМАТСЬКОГО ПЕРЕБУВАННЯ У ВАЛАХІЇ

Метою даної роботи є дослідження поховань, які можна віднести до другого етапу сарматської культури у Валахії. Перший період появи сарматів у Валахії може бути датований останнім десятиліттям I ст. н. е. та першими десятиліттями II ст. н. е. Другий етап перебування сарматів у Валахії, пов'язаний з Маркоманськими війнами, починається наприкінці II ст. н. е. і триває протягом наступного століття. Сармати увійшли у Валахію не як вороги Римської імперії, а як союзники, яких завжди контролювали римські війська. Добірку з 153 поховань можна пов'язати з другим етапом сарматського перебування у Валахії, територіальне поширення якого, хоча і розширене порівняно з першим етапом, не охоплює однаково всю територію Валахії. Детально досліджуються особливості сарматських поховань: розміщення могил (типи поховань, орієнтація, положення померлого, вік та стать осіб), основні категорії поховального начиння (кераміка, прикраси, аксесуари одягу, предмети туалету, господарські інструменти, зброя). На основі цього аналізу підкреслюються основні риси поховального ритуалу. Чітко спостерігається тенденція до уніфікації орієнтації та позиції померлих. Що стосується поховального інвентарю, наявна не лише різноманітність категорій предметів, але й більша їх кількість у похованнях. Дакійська кераміка вміщується до могил навіть частіше, ніж ліпна сарматська кераміка, але римський імпорт стабільно рідкісний, що не надто відрізняється від попереднього етапу. Можна помітити чітку зміну відображення статусу в період між кінцем II ст. н. е. і серединою наступного століття: кургани втрачають своє значення як маркери статусу, коштовний поховальний інвентар зникає, можливий вищий статус підкреслюється значущістю декількох предметів. На загальному тлі диверсифікації та збільшення кількості предметів, обраних для поховальних дарунків, виділяється серія жіночих поховань. Втрата римського контролю над Валахією призвела до раптового зменшення, майже до зникнення тут сарматських знахідок.

Ключові слова: сармати, Валахія, Римська імперія, могили, поховальний ритуал, поховальне начиння.

Одержано 28.05.2020

ОЦА Ліана Лоредана, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології «Василе Пирван», Румунська академія наук, вул. Хенрі Коанде, сектор 1, Бухарест, 010667, Румунія.
OȚA Liana, Dr., Senior Researcher, «Vasile Pârvan», Institute of Archaeology, Romanian Academy, 11, Henri Coandă Str., Sector 1, Bucharest, 010667, Romania.
ORCID: 0000-0002-2074-175X, e-mail: loredanaota@yahoo.com, loredanaota@gmail.com.

УДК 904.5(477.54)"652" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.09

М. В. Любичев, Э. Шультце

ПОГРЕБЕНИЯ С САРМАТСКИМИ ПРИЗНАКАМИ НА МОГИЛЬНИКАХ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ВОЙТЕНКИ И ЗАЧЕПИЛОВКА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Одной из важнейших проблем изучения черняховской культуры является исследование ее культурных традиций, в том числе сарматской. Важность представляет сравнительное изучение проявления признаков сарматского элемента на «склоновых» и «дюнных» могильниках в регионе, для чего Войтенки и Зачепиловка сейчас являются «базовыми» памятниками. Актуальным в рамках исследования позднескифской / сарматской традиции в черняховской культуре является также вопрос эволюции содержания обряда сооружения ям с подбоями от «этнического» к социальному.

***Ключевые слова**: позднеримское время, черняховская культура, могильники, сарматские признаки.*

Введение. Одной из важнейших проблем изучения культуры Черняхов / Сынтана-де-Мureш является исследование культурных традиций, среди которых присутствует и позднескифская / сарматская. В 1920—1970-е гг. было признано ее наличие и выделены признаки (напр.: Спицын 1948, с. 67; Ляпушкин 1950, с. 22; Кухаренко 1954, с. 117—119; Тиханова 1957, с. 173; Diaconu 1966; Рикман 1975, с. 317—322; Седов 1978). Содержание следующего этапа в разработке данной проблемы определяется конкретизацией признаков сарматского компонента и оценкой его роли в формировании и развитии культуры с учетом новых материалов (напр.: Петраускас 1996; Магомедов 1996; 1999; 2000; 2001, с. 37—39, 41, 42, 120-124; Симоненко 2004). Большинство позднескифского населения хоронило умерших именно в катакомбах, на позднем этапе увеличивается число подбойных и грунтовых могил (Сымонович 1971, с. 69). Как характерные позднескифские признаки определяются ямы с заплечиками и западная ориентировка скелетов (Магомедов 1996; 1999, с. 134; 2000, с. 394; 2001, с. 120). Но, в то же время считается, что это и сарматская черта (Magomedov 2004, с. 302). У сарматов Северного Причерноморья доминировали местные скифоидные формы горшков, а горшки собственно сарматских типов встречаются редко (Магомедов, 2001, с. 121). Как позднескифский признак называется обычай подкладывать под погребенного, или только под его голову, плоские камни, что затем находит развитие в черняховских погребениях в виде нахождения скелета на сосудах (Сымонович 1971, с. 69). Позднескифский и сарматский компоненты разделить невозможно и они воспринимаются как единое целое (Обломский 2002, с. 47). Поэтому мы используем термины «позднескифские / сарматские признаки», «позднескифская/сарматская традиция», под которыми подразумевается присутствие среди носителей черняховской культуры наследников населения степной полосы Северного Причерноморья. Признаки позднескифского / сарматского компонента были разделены О. А. Гей на «бесспорные» (погребения в катакомбах и ямах с подбоем, лепные горшки скифо-сарматских форм) и «вероятные» (Гей 2001—2002, с. 312, 313). К «вероятным» отнесены: проявления культа огня и деревянные сооружения в могилах, кости барана с ножом, наличие деформированного черепа. Среди элементов, имеющих неопределенное происхождение, названы: обряд трупоположения, северная ориентация погребенных, многочисленные сосуды в погребении, скопления угольков, скорченное положение скелета / положение на боку, обилие бус (Гей 2001—2002, с. 312, 313). Б. В. Магомедов добавляет к «бесспорным» признакам ямы с заплечиками, и наличие в погребениях-ингумациях оружия (Магомедов 1996; 1999; 2000; 2001, с. 37—39, 41, 42, 120, 121, 123).

© М. В. ЛЮБИЧЕВ, Э. ШУЛЬТЦЕ, 2020

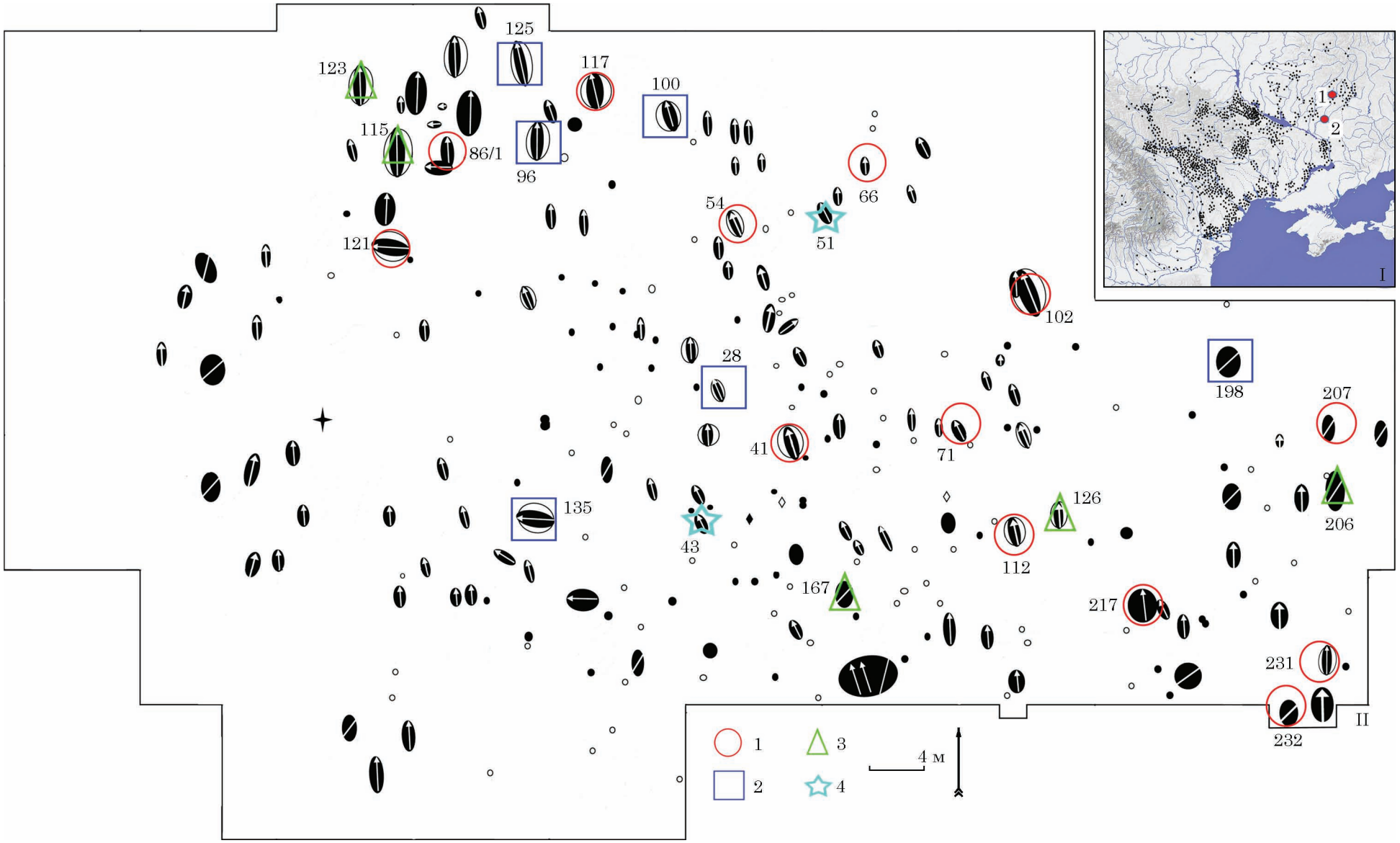


Рис. 1. Могильники Войтенки и Зачепиловка в ареале черняховской культуры: I — положение могильников (1 — Войтенки; 2 — Зачепиловка); II — погребения с позднескифскими / сарматскими признаками на могильнике Войтенки, раскопки 2005—2018 гг. (1 — яма с подбоем; 2 — яма с заплечиками; 3 — яма с уступами / ступенями; 4 — лепные горшки в погребениях в простой яме)

На современном этапе обращается внимание на проявление позднескифского / сарматского компонента в отдельных регионах ареала культуры. Например, к области днепро-донецкой лесостепи относятся работы А. М. Обломского (Обломський 1999; 2002, с. 47—49), М. В. Любичева (2011, 2013, 2019а, с. 160—165). Но они не исчерпывают проблемы, которая продолжает разрабатываться с дальнейшим поступлением новых источников.

Мы обращаемся к двум могильникам культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш в днепро-донецкой лесостепи: Войтенки [1] и Зачепиловка [2] (рис. 1). Могильник Войтенки по своему топографическому положению относится к типичным «склоновым» (находится на склоне мокрой балки) и принадлежит находящемуся рядом поселению. Выделение здесь погребений, содержащих как «бесспорные» так и «вероятные» позднескифские / сарматские признаки, основывалось главным образом на материалах раскопок 2005—2009 гг. (Любичев 2011, табл. 2, с. 39). Материалы, полученные в 2010—2018 гг., использованы меньше (Любичев 2013, табл. 2, с. 67; 2019а, с. 162; табл. 77).

Исследование могильника у Зачепиловки стало толчком к выделению «дюнных» могильников, не принадлежащих однако к особой группе черняховской культуры, синхронных по времени функционирования со «склоновыми» могильниками в горизонте «классической» черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи (Ljubičev, Schultze 2018, S. 530). Важность представляет сравнительное изучение проявления признаков позднескифского / сарматского элемента на «склоновых» и «дюнных» могильниках в регионе, для чего Войтенки и Зачепиловка являются сейчас «базовыми» памятниками.

При выделении погребений позднескифской / сарматской культурной традиции учитывается наличие и сочетание «бесспорных» и «вероятных» признаков. Напомним, что «бесспорными» являются погребальные конструкции в виде ям с подбоями и заплечиками, а также лепные горшки этой традиции. Потенциально сочетание двух «бесспорных» признаков является большим основанием для отнесения комплекса к этой традиции. Следует учитывать наличие вместе с «бесспорными» и «вероятных» признаков, таких как наличие жертвенной пищи, большого количества бус. Но эти «вероятные» признаки встречаются и в других ареалах, культурных группах Центральной и Восточной Европы. Для точной их оценки как результата сарматского влияния либо общего развития в римское время необходим детальный анализ, который находится за рамками этой статьи, где эти признаки лишь упоминаются.

Под лепными сосудами «позднескифской / сарматской традиции» на памятниках черняховской культуры традиционно понимаются горшки, подобные распространенным на сарматских памятниках в первые века нашей эры в Северном Причерноморье, лесостепном Подонье, Поволжье. Среди последних выделяются основные типы (приложение 1), с которыми соотносятся сосуды, обнаруженные в том числе в погребениях могильников Войтенки и Зачепиловка (рис. 2). Определения типов лепных горшков приводятся согласно нашей классификации. Под термином лепные горшки «универсальной формы» подразумеваются округлобокие горшки с коротким отогнутым венчиком, наибольшим расширением тулова выше середины высоты или в верхней части высоты сосуда. Их нельзя уверенно отнести ни к «сарматской», ни к «северо-западной» традициям и они могут быть просто лепным подражанием круговым горшкам (рис. 4: 5).

Погребения с позднескифскими / сарматскими признаками на могильнике Войтенки (приложение 2). 13 погребений были совершены в яме с подбоем (4 разрушены в древности, в одном частично разрушен скелет). Подбой и входная яма всегда расположены параллельно друг другу. Подавляющее большинство подбоев в погребениях, ориентированных

1. Могильник является частью археологического комплекса позднеримского времени — начала эпохи Великого переселения народов у села Войтенки (Валковский район, Харьковская обл., Украина) в области днепро-донецкого водораздела (рис. 1), относится к поселению с участками и комплексами ступеней $C1_b$—C_2 и C_3—D_1. В ходе совместных исследований Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Евразийского отдела Германского археологического института в 2005—2019 гг. открыто 241 погребение (119 ингумация, 121 кремация, один кенотаф), относящихся к ступеням С3—D1 в системе Я. Тейрала (Tejral 1992, S. 234—246) или к фазам «B»—«E» горизонта «классической» черняховской культуры в области днепро-донецкой лесостепи (Любичев 2019, с. 32—36). Исследование могильника продолжается, некоторые его комплексы опубликованы (напр.: Любичев 2009; Lyubichev 2013; Schultze, Lyubichev 2017).
2. Могильник у пгт Зачепиловка (Зачепиловский р-н, Харьковская обл., Украина) находится на песчаной дюне в пойме р. Берестовая (рис. 1: I), случайно открыли Ю. А. Сало и Ю. И. Буланов в 2011 г. В ходе совместных исследований ГСАЭ ХНУ и Евразийского отдела Германского археологического института в 2013—2019 гг. открыто 53 погребения (29 ингумаций и 24 кремации; рис. 1: 2). Отдельные материалы уже опубликованы (Любичев, Мызгин 2014, с. 63—66; Ljubičev, Schultze 2018, Abb. 5, 6). Исследование могильника продолжается. Имеющиеся материалы свидетельствуют о достаточно поздней его дате. К фазе «D» горизонта «классической» черняховской культуры в области днепро-донецкой лесостепи (соответствует ступени С3/D1 Я. Тейрала) относится погр. 4. К фазе «E» (соответствует ступени D1 Я. Тейрала) — погр. 3, 13, 25, 26, 34. Погр. 29 может относиться к этим двум фазам (Любичев 2019а, с. 32—36).

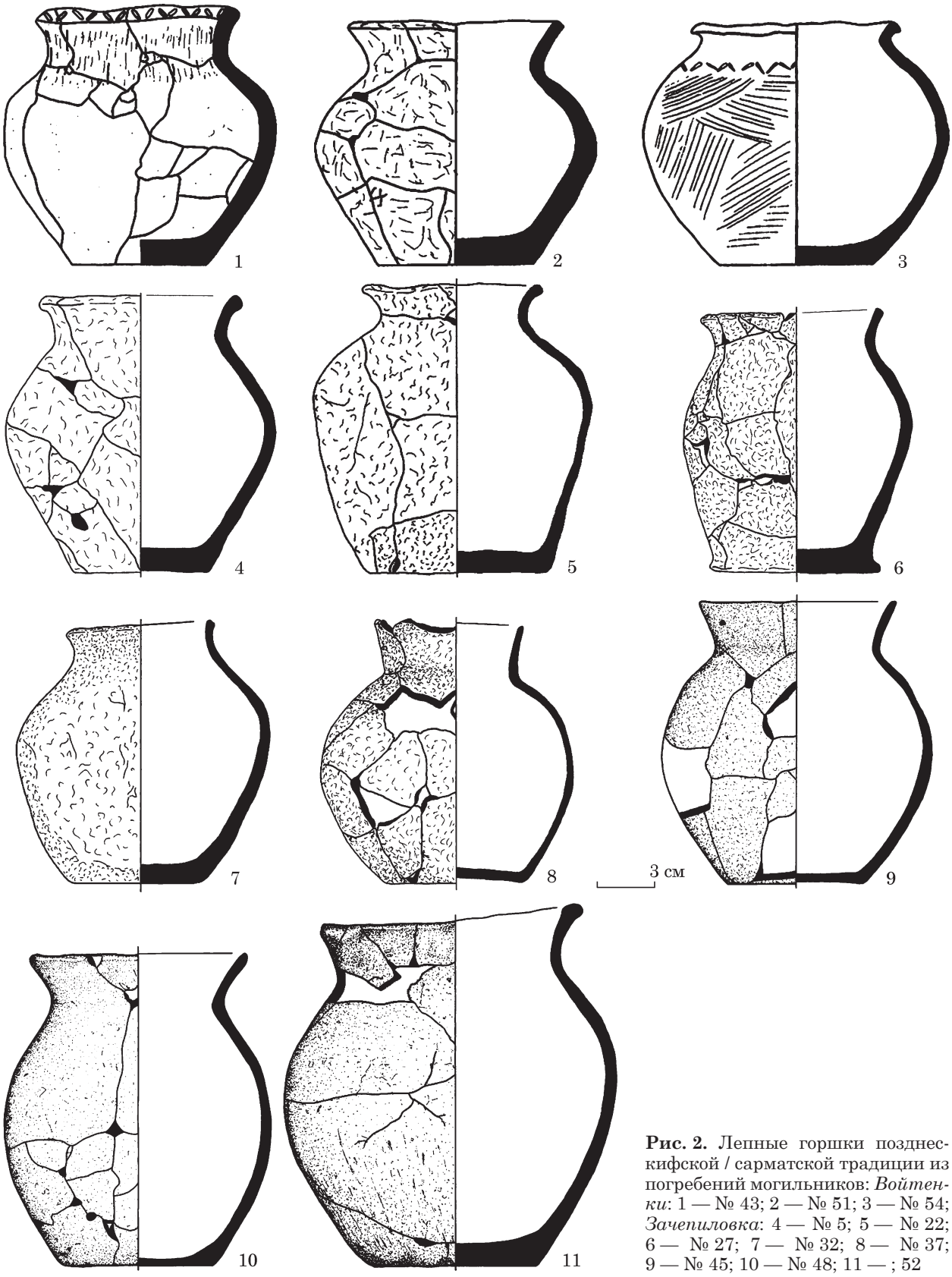


Рис. 2. Лепные горшки позднескифской / сарматской традиции из погребений могильников: *Войтенки*: 1 — № 43; 2 — № 51; 3 — № 54; *Зачепиловка*: 4 — № 5; 5 — № 22; 6 — № 27; 7 — № 32; 8 — № 37; 9 — № 45; 10 — № 48; 11 — ; 52

по оси С—Ю, находится к западу от входной ямы (исключением является пока погр. 86/1: здесь подбой размещен к востоку). Инвентарь целых подбойных погребений включает почти исключительно круговые сосуды (лепной горшок находился только в погр. 54) широкого ассортимента, стеклянные кубки, металлические детали костюма, украшения, предметы туалета и утвари. В большинстве таких комплексов встречена жертвенная пища, лишь в погр. 121,

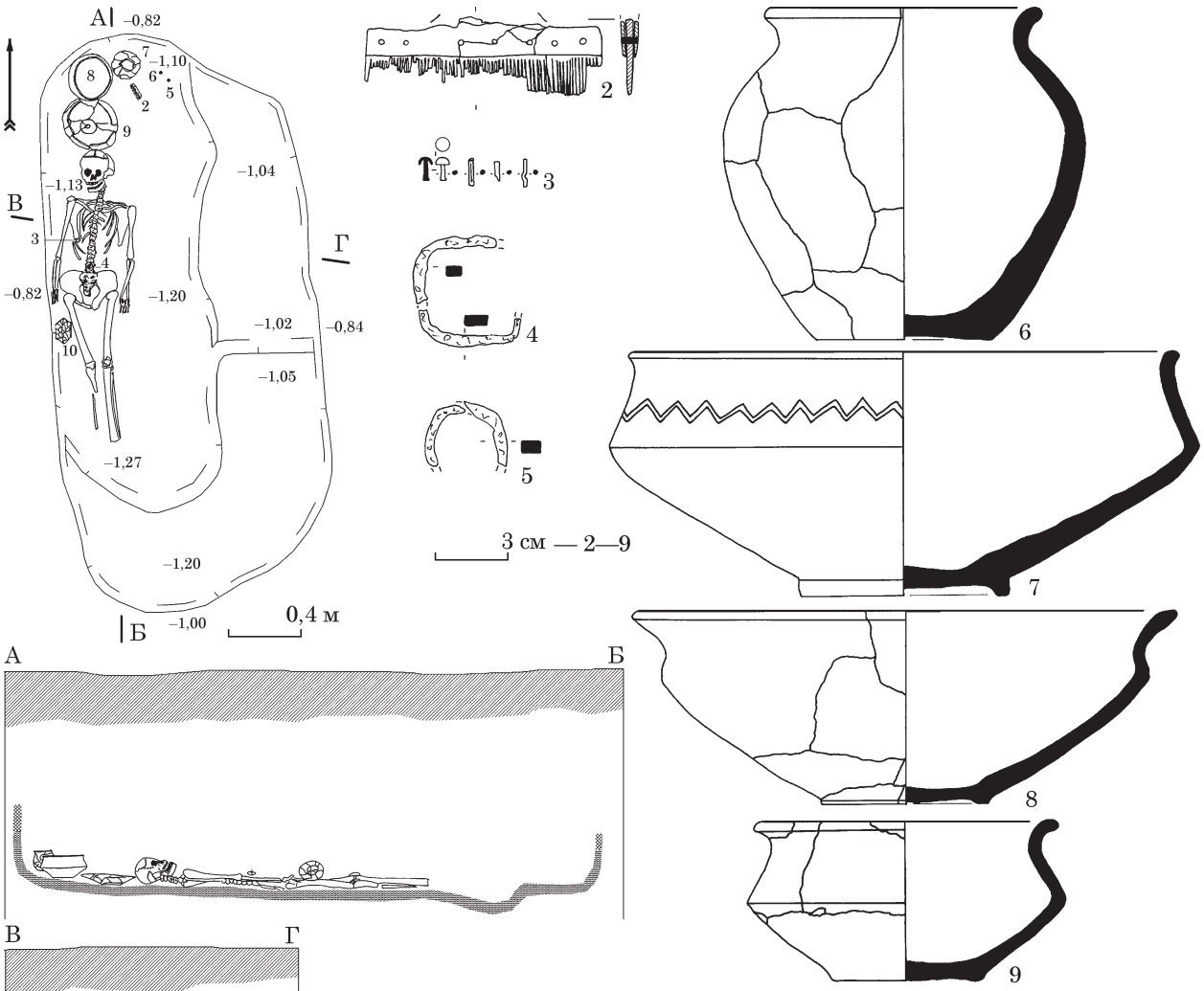


Рис. 3. Войтенки, погр. 123: 1 — погребальное сооружение; 2—9 — инвентарь (2 — рог, 3 — цветной металл, 4, 5 — железо, 6—9 — керамика)

ориентированном по оси З—В, с размещением подбоя к югу от входной ямы, она отсутствует.

5 погребений совершены в яме с заплечиками (2 разрушены в древности) и в соответствии с их ориентировкой (5 — по оси С—Ю, одно — по оси З—В) заплечики находились вдоль западной — восточной и южной — северной стенок ямы. Инвентарь погр. 96, 125 состоит из 11—15 сосудов, металлических деталей костюма, украшений, предметов туалета, утвари и животной жертвенной пищи (Любичев 2019а; Варачева 2014).

2 погребения совершены в ямах с уступами с различных сторон (преимущественно — восток, также — север и юг). Инвентарь погр. 126 включал 14 круговых сосудов, металлические детали одежды, украшения, предметы утвари и жертвенную пищу. В погр. 123 содержалось лишь 4 сосуда, сохранились одна металлическая деталь костюма, предмет туалета и предмет утвари, не содержалось животной жертвенной пищи (рис. 3).

Ямы с уступами являются «бесспорным» позднескифским / сарматским признаком в том случае, когда мы рассматриваем их как остатки ям с подбоем, где подбой не был прослежен. Появление ступени могло быть также и следствием разрушения погребения в древности (погр. 115, 167, 206).

В погребениях могильника Войтенки тотально преобладает круговая керамика и только три погребения содержат лепные горшки позднескифской / сарматской традиции. Речь идет о горшках типа В в погр. 43 (рис. 2: 1) и 51 (рис. 2: 2). В погр. 54, горшок типа D (рис. 2: 3) находился вместе с 6 круговыми сосудами, металлическими деталями костюма, украшениями, предметами туалета и утвари, а также с жертвенной пищей. Комбинация двух «бесспорных» признаков имеется лишь в погр. 54. Но один «бесспорный» признак, а именно наличие горшка позднескифской / сарматской традиции, является аргументом в пользу отнесения погр. 43, 51 к этой традиции. Особенно ярко это проявляется в случае с погр. 43, совершенного в простой яме, где кроме типичного лепного горшка типа В находился лишь железный нож. Если бы такое

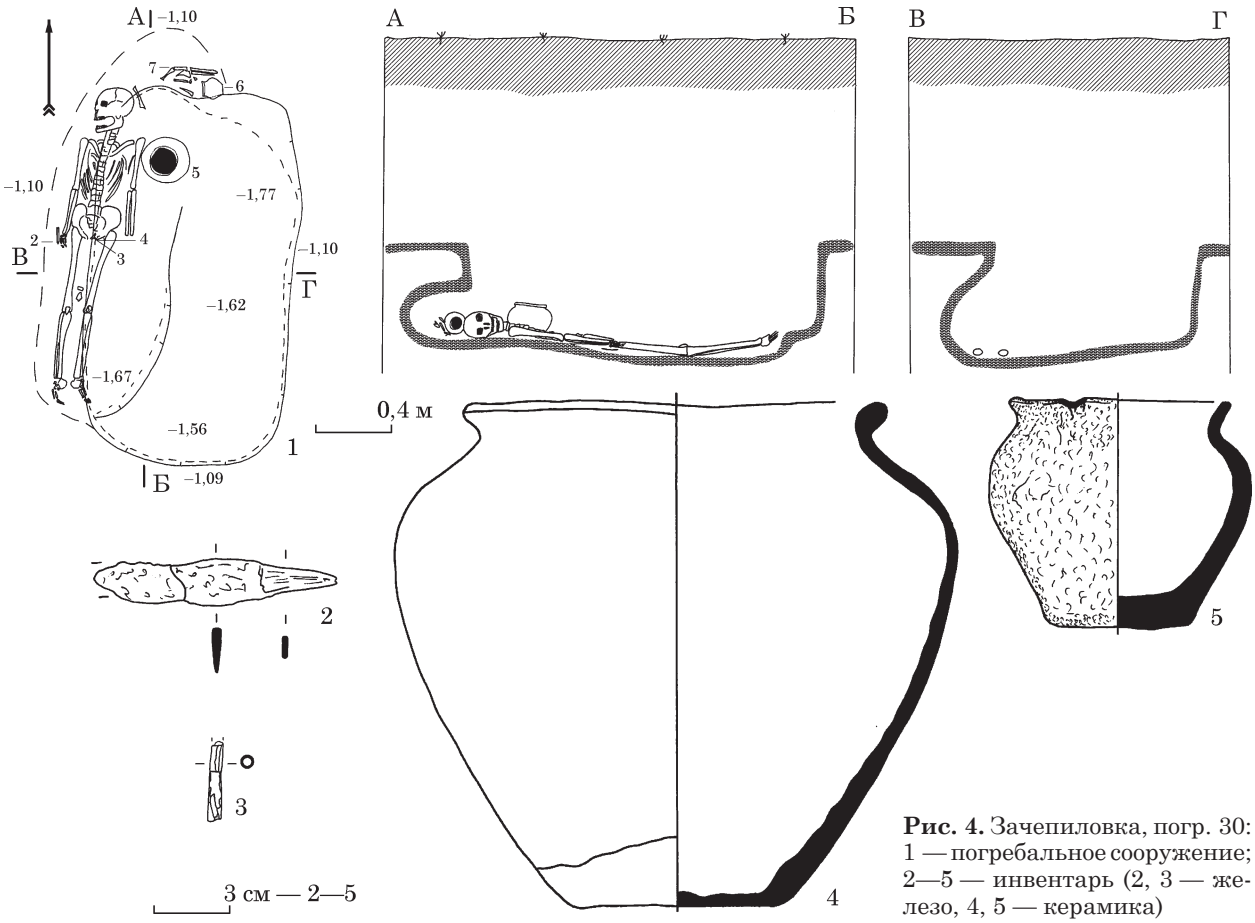


Рис. 4. Зачепиловка, погр. 30: 1 — погребальное сооружение; 2—5 — инвентарь (2, 3 — железо, 4, 5 — керамика)

погребение было обнаружено вне типичного черняховского биритуального могильника, то оно уверенно было бы определено как сарматское. Лепной горшок типа В в погр. 51, также совершенного в простой яме, дополняют круговой сосуд и роговой гребень.

Таким образом, комбинация двух «бесспорных» признаков в погр. 54 свидетельствует о его принадлежности к позднескифской / сарматской традиции, а погр. 43 и 51 даже по одному «бесспорному» признаку можно причислить к этой традиции. В то же время погребения лишь с одним «бесспорным» признаком (подбой, заплечики), не имеющие второго признака в виде характерной лепной керамики, но содержащие ряд «вероятных» признаков весьма сомнительно относить позднескифской / сарматской традиции.

Количество круговых сосудов в погребениях могильника, совершенных в обыкновенных ямах, также варьирует, их инвентарь состоит из подобных групп (металлические детали костюма, украшения, предметы туалета и утвари). Жертвенная пища вообще встречается в 39 погребениях могильника, что составляет 16,8 % от 232 погребений (исследования 2005—2018 гг.). Из 22 погребений с позднескифскими / сарматскими признаками жертвенная пища содержится в 13 погребениях.

Анализ планиграфии исследованной части могильника позволяет заключить, что массив погребений расположен по оси северо-запад — юго-восток. Погребения с «бесспорными» позднескифскими / сарматскими признаками концентрируются на северо-западе и на юго-востоке, присутствуют в центре (рис. 1: II). Концентрация погребений с такими признаками совпадает здесь с группой «богатых» / «инвентарных» погребений (Шультце, Любичев 2018). Эта северо-западная группа отделена от центральной группы зоной кремаций и отдельных ингумаций, вероятно использовавшейся и как площадка для кремации покойников (Шультце, Любичев 2015, с. 234, 235). Размещение погребений этой традиции на юго-западном участке также соответствует нахождению здесь «богатых» / «инвентарных» погребений. Погребения позднескифской / сарматской традиции отсутствуют в западной и юго-западной частях могильника. Погребения с лепными горшками этой традиции известны пока лишь в центральной части (рис. 1: II).

Погребения позднескифской / сарматской традиции присутствуют в различном числе на всех фазах существования могильника: «B» (ступени C2/C3, C3 Я. Тейрала; погр. 54), «C» (ступени C3 и C3/D1 Я. Тейрала; погр. 41, 86/1, 112, 121, 125, 126, 217, 231), «D» (ступень C3/D1 Я. Тейрала; погр. 167), «E» (ступень D1 Я. Тейрала; погр. 96, 102, 117) (Любичев 2019а, 1, с. 95—99; 2, с. 32—36).

Погребения с позднескифскими / сарматскими признаками на могильнике в Зачепиловке (приложение 3). 4 погребения совершены в яме с подбоем. Здесь также подбой и входная яма расположены параллельно друг другу, но подбой во всех случаях примыкает ко входной яме с запада. Инвентарь этих погребений включает главным образом круговую и лепную керамику, металлические детали костюма, предметы утвари и в меньшей степени — украшения, предметы туалета. Во всех погребениях, кроме погр. 34, находится жертвенная пища. Погр. 30 отличается малым количеством сохранившегося инвентаря (два сосуда, железные нож, игла и костяной игольник; рис. 4). Ни в одном из этих погребений не было лепных сосудов позднескифской / сарматской традиции.

Погребения с заплечиками пока не открыты, возможно они находились в разрушенной карьером части могильника.

Лепные горшки позднескифской / сарматской традиции (преобладает тип B, а типы A, D, F только по одному экземпляру) встречены в 7 погребениях (рис. 2: 4—11), одно из которых разрушены в древности. Эти погребения делятся на три вида.

А. *Урновые кремации*. В трех из них горшки выступают в роли урны (рис. 2: 5—7). В двух кремациях вместе с ними находились лепные сосуды другой традиции или фрагменты круговых сосудов.

Б. *Ингумации в простых ямах*. В погр. 48 находился только лишь лепной горшок (рис. 2: 10). В погр. 37 (разрушено в древности) лепной горшок позднескифской / сарматской традиции (рис. 2: 8) обнаружен вместе с лепной конической миской, которую возможно отнести к «универсальной» традиции. В погр. 45, 52 лепные горшки позднескифской / сарматской традиции (рис. 2: 9, 11) сочетаются с круговыми сосудами, металлическими деталями костюма, украшениями, предметами туалета и домашней утвари. Ни в одном из этих погребений не обнаружены остатки жертвенной пищи;

В. *Ингумации в ямах с нишей для инвентаря*. В разрушенном в древности погр. 5 в нише, находящейся в северной части ямы (в области черепа) находился лепной горшок типа B (рис. 2: 4). Традиция сооружения ниш для инвентаря известна на черняховских могильниках, это погр. 46 Боромли 1 (Некрасова 2006, рис. 17: 1), погр. 162 Компанийцев (Некрасова 2006, рис. 78: 1), погр. 8 Фурмановки (Сымонович 1988, рис. 8, с. 152), погр. 92, 488 Михалашень / Mihălăşeni (Şovan 2004, pl. 49: C; 259: B).

Погребения с позднескифскими / сарматскими признаками размещены бессистемно, фактически на всей изученной площади могильника.

Сравнительная характеристика погребений с признаками позднескифской / сарматской традиции на могильниках Войтенки и Зачепиловка. На обоих могильниках имеются погребения в ямах с подбоем. Погребения в ямах с уступами мы рассматриваем как разрушенные погребения в ямах с подбоем или погребения, где подбой не был прослежен. Погребения в яме с подбоем составляют в Войтенках 5,2 %, а в Зачепиловке 9,4 %. Погребения в ямах с уступами составляют в Войтенках 2,6 %, а в Зачепиловке — 3,8 % от общего числа. Но при этом следует учитывать неравнозначность выборки погребений на этих могильниках: часть могильника у Зачепиловки разрушена карьером. В них найдены лепные горшки позднескифской / сарматской традиции похожих типов. Но количество этих сосудов отличается: три в Войтенках и 8 в Зачепиловке. Погребения с керамикой этой традиции составляют в Войтенках 1,3 %, а в Зачепиловке — 15 %, что определенно связано с гораздо большим количеством лепных сосудов в погребениях могильника Зачепиловка (Ljubičev, Schultze 2018, S. 525, Tab. 2). На обоих могильниках достаточно редко встречена комбинация «бесспорных» позднескифских / сарматских признаков, «бесспорные» признаки дополняются „вероятными".

Вместе с тем имеются и отличия в проявлении этих признаков на каждом из могильников. В Зачепиловке лепные сосуды позднескифской / сарматской традиции находились и в погребениях-кремациях. На этом могильнике пока не открыты погребения — ингумации в ямах с заплечиками. В целом создается впечатление, что позднескифские / сарматские признаки представлены весомее в Зачепиловке чем в Войтенках.

При анализе сочетаемости «бесспорных» признаков в погребениях Войтенков и Зачепиловки мы приходим к заключению о существовании моделей сочетаемости этих признаков в конкретных погребениях, которые учитывают и «вероятные» признаки:

• модель 1А (яма с подбоем, лепной горшок, круговые сосуды, бусы и подвески, животная пища) — относится к женской субкультуре, представлена в Войтенках погр. 54, в Зачепиловке погр. 25;

• модель 1Б (яма с подбоем, лепной горшок, круговые сосуды, детали костюма, животная жертвенная пища) — относится к мужской субкультуре, представлена в Войтенках погр. 66, а в Зачепиловке погр. 29, 30;

• модель 2А (яма с подбоем, круговые сосуды, бусы и подвески, жертвенная пища) — относится к женской субкультуре, представлена в Войтенках погр. 41, 86/1, 102, 112, 121, 207, 217, 231;

• модель 2Б (яма с подбоем, круговая керамика, другие вещи, жертвенная пища) — относится к мужской субкультуре, представлена в Войтенках погр. 117;

• модель 3 (яма с заплечиками, круговые сосуды, другие вещи, жертвенная пища), представлена в Войтенках погр. 96, 100, 125, 198;

• модель 4 (яма, лепной горшок (горшки) и отдельные вещи) — представлена в Войтенках погр. 43, в Зачепиловке — погр. 37, 48;

• модель 5 (яма, лепной горшок, круговые сосуды, вещи), представлена в Войтенках погр. 51, в Зачепиловке погр. 45, 52;

• модель 6 (погребения — кремации с лепными сосудами позднескифской / сарматской традиции и других традиций), представлена в Зачепиловке погр. 22, 27, 32.

Возникает вопрос о присутствии этих моделей и на других могильниках культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш в днепро-донецкой лесостепи. К модели 1А относится погр. 14 Родного Края 1 (Петренко 1991, с. 16. рис. 10: 2; 1983, с. 7), к модели 1Б — погр. 124 Компанийцев (Некрасова 2006, рис. 75: 1—8), к модели 2А — погр. 1631 Успенки (Некрасова 2006, рис. 50: 4—15), погр. 33 Боромли 1 (Некрасова 2006, рис. 12), к модели 3 — погр. 46 Боромли 1 (Некрасова 2006, рис. 17), погр. 2/1952, 4/1952 Переяслава-Хмельницкого (Гончаров, Махно 1957, с. 130—133), к модели 4 — погр. 55 Компанийцев (Некрасова 2006, рис. 63: 9—12), к модели 5 — погр. 51, 69, 83, 162, 238 Компанийцев (Некрасова 2006, рис. 65: 4—7; 67: 1—13; 70: 5—11; 73: 16—18; 78; 81: 7—9), к модели 6 — погр. 50, 56, 78, 83 Компанийцев (Некрасова 2006, рис. 65: 1—3; 66: 1—10; 69: 10—14; 70: 9).

Однозначное объяснение наличию такой модели на черняховских биритуальных могильниках на современном этапе изучения дать невозможно. В исторических реалиях часть сарматских племен была интегрирована в состав «готской федерации германских и негерманских племен» по определению М. М. Казанского (Казанский, Мастыкова 1998, с. 102) восприняла их идеологию, которая отразилась в том числе в биритуализме погребального обряда носителей культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш. В археологических реалиях некоторые горшки, относимые к позднескифской / сарматской традиции вполне могут быть горшками «универсальной формы». Выше уже шла речь на примере двух погребений — кремаций Зачепиловки о нахождении вместе с горшками позднескифской / сарматской традиции лепных сосудов других традиций, в том числе и «универсальных форм». В погр. 56 Компанийцев вместе с лепными горшками, позднескифской / сарматской традиции присутствуют горшки северо-западной (вельбаркской и пшеворской) традиции (Некрасова 2006, рис. 66: 3—7). Во всяком случае этот вопрос поставлен и будет решаться с дальнейшим накоплением источников. Актуальным в рамках исследования позднескифской / сарматской традиции в черняховской культуре является также вопрос эволюции содержания обряда сооружения ям с подбоями и заплечиками от «этнического» к социальному. Эти вопросы должны стать предметом исследования в ближайшем будущем.

Приложение 1

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЛЕПНЫХ ГОРШКОВ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

A — горшки мягкого S-видного профиля, со слабо отогнутым венчиком, насечками по краю венчика или налепами на плече (Медведев 2008, рис. 12: 24; 22: 1; 40). У А.П. Медведева они обозначены как «*горшки I типа*» в лесостепном Подонье (Медведев 2008, рис. 41; 1990, рис. 10: 1), присутствуют в Поволжье (Синицын 1959, рис. 57: 1), Северном Причерноморье (Simonenko 2008, Taf. 134: 2: c, e; Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 4: 2; 19: 9). Могут считаться не только сарматскими. В лесостепном Подонье, в степной полосе Украины (Калантаево), днепро-донецкой лесостепи (Битица), Буджаке (Этулия), Молдаве — они принадлежали досарматскому субстрату, сохранившему скифоидные традиции. В классических поволжских сарматских погребениях их практически нет. В чертовицких сарматских курганах они встречались исключительно в женских погребениях и туда они попали с соседнего III Чертовицкого городища, где найдены в слое первых веков новой эры (комментарий А. П. Медведева).

B — округлобокие, близкие к баночным горшки, с высоким отогнутым венчиком — раструбом (Медведев 2008, рис. 13: 16; Синицын 1959, рис. 36: 4; Шилов 1959, рис. 46: 1; 48: 3; 56: 4; Гудкова, Фокеев 1884, рис. 9: 4). Они соответствуют лепным горшкам типа II на черняховских памятниках Северо-Западного Причерноморья (Магомедов 1987, рис. 17: 4). Данные горшки могли принадлежать не только сарматам. На III Чертовицком городище в лесостепном Подонье, где проживало местное население, они составляют половину керамики из слоя сарматского времени, но в отличие от горшков типа А, в погребениях практически не встречаются (комментарий А. П. Медведева).

C — округлобокие горшки с высоким горлом и отогнутым венчиком, иногда их тулово украшено расчесами (Медведев 2008, рис. 6: 2; Шилов 1959, рис. 63, 4; Simonenko 2008, Taf. 70: 7; 122: 4).

D — горшки с шаровидным или округлобоким туловом, высоким горлом —раструбом (Медведев 2008, рис. 12: 2; 18: 1, 6; Синицын 1959, рис. 18: 10, 13; 23: 13; 30а: 12; Шилов 1959, рис. 45: 1). К ним близки лепные горшки типа III на черняховских памятниках Северо-Западного Причерноморья (Магомедов 1987, рис. 17: 9).

E — горшки с шаровидным туловом, высоким горлом и отогнутым, почти вертикальным венчиком (Медведев 2008, рис. 13: 15; Синицын 1959, рис. 49: 1, 2).

F — округлобокие / шаровидные горшки с выраженным плечом, сужающимся горлом и отогнутым в различной степени венчиком (Медведев 1990, рис. 4: 2; 9: 4; 41: 21; Смирнов, 1959, рис. 16: 1; 33: 8; Шилов 1959, рис. 45: 4; 63: 8; Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 17: 21).

G — округлобокие горшки вытянутых пропорций с коротким, слабо отогнутым венчиком (Медведев 2008, рис. 34: 2; 42: 7; 1990, рис. 48: 5; 49: 2; Смирнов 1959, рис. 13: 5, 11; Шилов 1959, рис. 56: 6). Эти сосуды входят в тип I лепных горшков на черняховских памятниках Северо-Западного Причерноморья (Магомедов 1987, рис. 16: 6—8). К ним близки некото-

рые из форм, входящих в тип IV лепных горшков на этих памятниках (Магомедов 1987, рис. 18: 1, 2).

Н — округлобокие горшки «раскрытого» профиля с отогнутым венчиком, украшенным насечками по краю (Смирнов 1959, рис. 18: 10; Simonenko 2008, Taf. 30: 4). Они относятся к горшкам типа II на черняховских памятниках Северо-Западного Причерноморья (Магомедов 1987, рис. 17: 7).

Приложение 2

КАТАЛОГ ПОГРЕБЕНИЙ С «БЕССПОРНЫМИ» И «ВЕРОЯТНЫМИ» ПОЗДНЕСКИФСКИМИ / САРМАТСКИМИ ПРИЗНАКАМИ МОГИЛЬНИКА ВОЙТЕНКИ

1. Погребение 41 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок — 3, миска закрытого типа — 5, миска открытого типа — 1, двуручный кувшин — 1; металлические детали костюма: бронзовые фибулы — 2, серебряная фибула, бронзовая пряжка; украшения: две подвески из раковин морских моллюсков (Cyprea, *Bolinus Brandaris*), металлическая подвеска в виде трубки, бусы: янтарные — 15, каменные — 1, сердоликовые — 10, из одноцветного стекла — 1, коралловые — 97; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: пряслице; жертвенная пища.

2. Погребение 43 — яма, ориентировка: север—юг, лепная керамика: горшок (тип В); предметы утвари: железный нож.

3. Погребение 51 — яма, ориентировка: север—юг, лепная керамика: горшок (тип В); круговая керамика: горшок, предметы туалета: роговой гребень.

4. Погребение 54 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, лепная керамика: горшок (тип D); круговая керамика: горшок, миска закрытого типа, миска открытого типа, ваза, одноручный кувшин, кубок; металлические детали костюма: бронзовые фибулы — 2, украшения: бусы: сердоликовые — 7, коралловые — 2, из одноцветного стекла — 1, из раковины — 1; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: пряслице; жертвенная пища.

5. Погребение 66 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок — 2, миска закрытого типа — 2, миска открытого типа; жертвенная пища.

6. Погребение 71 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, разрушено в древности, круговая керамика: горшок — 2, миска открытого типа; предметы утвари: железный нож.

7. Погребение 86/1 — яма с подбоем (подбой в восточной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок — 5, миска закрытого типа — 4, миска открытого типа — 2, ваза — 2, трехручная ваза, одноручный кувшин, двуручный кувшин, металлические детали костюма: серебряные фибулы — 2, украшения: бусы: коралловые — 9, сердоликовые — 6, янтарные — 1, подвеска из клыка; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: пряслице — 2, костяной «стиллос»; жертвенная пища.

8. Погребение 96 — яма с заплечиками, ориентировка: север—юг, стеклянный кубок — 1, круговая керамика: горшок — 3, горшок-ваза, миска закрытого типа — 2, миска открытого типа — 2, ваза — 3, трехручная ваза, одноручный кувшин, кувшин — графин, кубок — 1, металлические детали костюма: бронзовая фибула, бронзовые пряжки — 2, железная пряжка; украшения: бусы: янтарные — 1, из одноцветного стекла — 2, металлические подвески-емкости — 3; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: железный нож, железное шило — 1, бронзовая игла — 1; жертвенная пища.

9. Погребение 100 — яма с заплечиками, ориентировка: север—юг, разрушено в древности, круговая керамика: горшок — 2, горшок-ваза, миска закрытого типа, миска — фрагменты.

10. Погребение 102 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, разрушено в древности, стеклянные кубки — 2, круговая керамика: горшок — 3, миска открытого типа, ваза, миска — фрагменты, металлические детали костюма: серебряная пряжка, предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: пряслице; жертвенная пища.

11. Погребение 112 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, разрушено в древности, круговая керамика: горшок, миска закрытого типа, миска открытого типа — 2, ваза, миска — фрагменты, металлические детали костюма: бронзовая пряжка, пинцет-заколка; украшения: подвеска из раковины морского моллюска (*Bolinus Brandaris*), бусы: сердоликовые — 2, коралловые — 1; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: костяной игольник.

12. Погребение 117 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, стеклянный кубок — 1, круговая керамика: горшок — 3, миска закрытого типа — 2, миска открытого типа — 2, ваза — 2, трехручная ваза, одноручный кувшин, кубок; металлические детали костюма: бронзовая фибула, бронзовые пряжки — 2; украшения: бусы: янтарная — 1; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: бронзовая пластинка с остатками дерева; жертвенная пища.

13. Погребение 121 — яма с подбоем (подбой в южной части), ориентировка: запад—восток, стеклянный кубок (фрагмент), круговая керамика: кувшин-графин, металлические детали костюма: бронзовая фибула, бронзовая пряжка, украшения: бусы: сердоликовые — 7, коралловые — 2, из одноцветного стекла — 1, из раковины — 1, предметы утвари: бронзовая игла, пряслице.

14. Погребение 123 — яма с уступом (в южной и восточной частях), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок, миска закрытого типа, миска открытого типа, ваза; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: бронзовая булавка.

15. Погребение 125 — яма с заплечиками, ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок — 2, миска закрытого типа — 2, миска открытого типа — 2, ваза — 4, кубок, металлические детали костюма: железная фибула, бронзовые пряжки — 2, предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: железное кресало, кремень, железный нож, бронзовая обойма; жертвенная пища.

16. Погребение 126 — яма с уступом (в восточной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок — 5, горшок — ваза, миска закрытого типа — 3, миска открытого типа, ваза, двуручный кувшин, кружка, кубок; металлические детали костюма: бронзовые фибулы — 2; украшения: 2 подвески из раковин морских моллюсков (*Bolinus Brandaris*), костяная подвеска, бусы: из одноцветного стекла — 9, коралловые — 7; предметы утвари: железный нож, костяная трубка; жертвенная пища.

17. Погребение 135 — яма с заплечиками, ориентировка: запад—восток, разрушено в древности.

18. Погребение 198 — яма с заплечиками, ориентировка: север—юг, разрушено в древности, круговая керамика: горшок — 2, миска закрытого типа, ваза, трехручная ваза, двуручный кувшин.

19. Погребение 207 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, скелет частично разрушен в древности, круговая керамика: горшок — 3, миска закрытого типа — 2, миска открытого типа, ваза, двуручный кувшин; металлические детали костюма: бронзовая фибула; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: железный нож, пряслице; жертвенная пища.

20. Погребение 217 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок — 9, миска закрытого типа, ваза, двуручный кувшин, кубок, украшения: бусы: из одноцветного стекла — 43, из полихромного стекла — 3, из глины — 1; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: железный нож, пряслице, костяной игольник, железная игла; жертвенная пища.

21. Погребение 231 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: амфора, горшок — 9, горшок — ваза — 2, миска закрытого типа — 5, миска открытого типа — 3, двуручный кувшин, кружка, кубок, фрагменты горшка; металлические детали костюма: бронзовые фибулы — 2; украшения: 2 подвески из раковин морских моллюсков (Cypraea, *Bolinus Brandaris*), роговые пирамидальные подвески — 4, бусы: янтарные — 1, из одноцветного стекла — 83, из полихромного стекла — 3; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: пряслице — 2; жертвенная пища.

22. Погребение 232 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, разрушено в древности, круговая керамика: миска закрытого типа — 2, фрагменты трех сосудов, жертвенная пища.

Приложение 3

КАТАЛОГ ПОГРЕБЕНИЙ С «БЕСПОРНЫМИ» И «ВЕРОЯТНЫМИ» ПОЗДНЕСКИФСКИМИ / САРМАТСКИМИ ПРИЗНАКАМИ МОГИЛЬНИКА ЗАЧЕПИЛОВКА

1. Погребение 5 — яма с нишей, ориентировка: север—юг, разрушено в древности, лепная керамика: горшок (тип В).

2. Погребение 22 — трупосожжение в двух урнах, лепная керамика: горшок (тип F), горшок

3. Погребение 25 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок — 2, горшок-ваза, миска закрытого типа — 3, миска открытого типа, ваза, одноручный кувшин, лепная керамика: горшок — 2; металлические детали костюма: бронзовая фибула, бронзовая пряжка, украшения: бусы: из одноцветного стекла — 1, янтарные — 2; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: железный нож, бронзовая игла, железное шило; жертвенная пища.

4. Погребение 27 — трупосожжение в урне, лепная керамика: горшок (тип А), круговая керамика: фрагменты сосудов; металлические детали костюма: фрагмент фибулы.

5. Погребение 29 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок, лепная керамика: миска; металлические детали костюма: бронзовые пряжки — 2, предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: железный нож; жертвенная пища.

6. Погребение 30 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: ваза, лепная керамика: горшок; предметы утвари: железный нож, костяной игольник, железная игла; жертвенная пища.

7. Погребение 32— трупосожжение в урне, лепная керамика: горшок (тип F) — урна, миска.

8. Погребение 34 — яма с подбоем (подбой в западной части), ориентировка: север—юг, круговая керамика: горшок, миска закрытого типа — 2, ваза; металлические детали костюма: железная пряжка, бронзовая пряжка, украшения: бусы: янтарные — 1; предметы утвари: железный нож.

9. Погребение 37 — яма, ориентировка: север—юг, разрушено в древности, лепная керамика: горшок (тип D), миска.

10. Погребение 45 — яма, ориентировка: север—юг, лепная керамика: горшок (тип В), круговая керамика: миска закрытого типа — 2; украшения: бусы: из одноцветного стекла — 17, коралловые — 1, сердоликовые — 1.

11. Погребение 48 — яма, ориентировка: север—юг, лепная керамика: горшок (тип В).

12. Погребение 49 — яма, ориентировка: север—юг, лепная керамика: горшок, круговая керамика: миска закрытого типа; предметы туалета: роговой гребень; предметы утвари: железный нож.

13. Погребение 52 — яма, ориентировка: север—юг, лепная керамика: горшок (тип В), круговая керамика: миска закрытого типа, металлические детали костюма: бронзовая фибула, бронзовая пряжка.

ЛИТЕРАТУРА

Варачева, К. Г. 2014. К вопросу о распространении глиняных кубков усечено-конической формы в черняховской культуре (погребение 125 могильника Войтенки). *Stratum plus*, 4, с. 285-298.

Гей, О. А. 1993.Черняховская культура. Хронология. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.* Москва: Наука, с. 146-155.

Гей, О. А. 2001—2002. Проблема выделения скифо-сарматских элементов в черняховской культуре. *Stratum plus*, 4, с. 296-314.

Гончаров, В. К., Махно, Є. В. 1957. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. *Археологія*, 11, с. 127-144.

Гудкова, О. В. 2001.Про участь сарматів у виникненні черняхівської культури. *Археологія*, 2, с. 36-41.

Гудкова, А. В., Фокеев, М. М. 1984. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Казанский, М. М., Мастыкова, А. В. 1998. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов. *Историко-археологический альманах*, 4, с. 102-135.

Кухаренко, Ю. В. 1954. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. *Советская археология*, 19, с. 111-120.

Любичев, М. В. 2009. Погребение с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина). В: Мызгин, К. (ред.). *Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов*. Харьков: Тимченко А. Н., с. 72-90.

Любичев, М. В. 2011. Погребения с позднескифскими / сарматскими признаками на могильниках

черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи. *Oium*, 1, с. 33-52.

Любичев, М. В. 2013. Позднескифский / сарматский компонент в черняховской культуре в лесостепи между Днепром и Северским Донцом: особенности проявления. В: Смынтына, Е. В. (ред.). *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху*. Одесса: Олег Філюк, с. 64-95.

Любичев, М. В., 2019a. *Ранняя история днепродонецкой лесостепи I—V веков*. 1, 2. Ostrogothica-Serie, 2. Харьков: Естет принт.

Любичев, М. В. 2019b. Два погребения с «неординарными» хроноиндикаторами из могильника черняховской культуры Войтенки 1. В: Гавритухин, И. О., Воронцов, А. М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*, конференция 4, ч. 2. Тула: Куликово поле, с. 191-209.

Любичев, М. В., Мызгин, К. В. 2014. Южная граница ареала черняховской кульуры в днепро-донецкой лесостепи: современные представления. *Oium*, 4: Черняхівська культура. До 120-річчя від дня народження В. П. Петрова, с. 58-71.

Ляпушкин, И. И. 1950. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тыс. н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. *Советская археология*, 13, с. 7-32.

Магомедов, Б. В. 1987. *Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Магомедов, Б. В. 1996. Обряд ингумации в черняховской культуре. В: *Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології*. Київ, с. 33-36.

Магомедов, Б. В. 1999. Сармати у складі черняхівської культури. В: Терпиловський, Р. В. (ред.). *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н. е*. Київ; Львів, с. 132-142.

Магомедов, Б. 2000. Сарматские элементы в черняховском погребальном обряде. В: Mączyńska, M., Grabarczyk, T. (eds.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, с. 392-402.

Магомедов, Б. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin: UMCS.

Медведев, А. П. 1990. *Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья)*. Воронеж: ВГУ.

Медведев, А. П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. Москва: Таус.

Некрасова, А. Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья. В: Терпиловский, Р. В. (ред.). *Готы и Рим*. Киев: Стилос, с. 87-200.

Обломський, А. М. 1999. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійці (етнокультурна інтерпретація). *Археологія*, 4, с. 76-88.

Обломский, А. М. 2002. *Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время*. Москва: Наука.

Петраускас, О. В. 1996. Могильники черняхівської культури Середнього Подніпров'я. В: *Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології*. Київ, с. 48-50.

Петренко, Е. Н. 1982. *Отчет об исследованиях Черняховской экспедиции в 1982 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1982/113.

Петренко, Е. Н. 1991. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца. В: Дьяченко, А. Г. (ред.). *Археология славянского юго-востока*. Воронеж: ВПИ, с. 10-26.

Рикман, Э. А. 1975. *Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры*. Москва: Наука.

Седов, В. В. 1978. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры. В: Козенкова, В. И., Краснов, Ю. А., Розенфельдт, И. Г. (ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука, с. 99-107.

Синицын, И. В. 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). *Материалы и исследования по археологии СССР*, 60, с. 39-205.

Симоненко, А. В. 2004. Некоторые позднесарматские элементы в черняховских ингумациях. *Боспорские исследования*, VII, с. 208-213.

Смирнов, К. Ф. 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 60, с. 206-322.

Спицын, А. А. 1948. Поля погребальных урн. *Советская археология*, 10, с. 53-74.

Сымонович, Э. А. 1971. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 177, с. 63-75.

Тиханова, М. А. 1957. О локальных вариантах черняховской культуры. *Советская археология*, 4, с. 168-177.

Шилов, В. П. 1959. Калиновский курганный могильник. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 60, с. 323-523.

Шультце, Э., Любичев, М. В. 2018. Группа погребений-ингумаций в северо-западной части могильника черняховской культуры Войтенки: вопросы хронологии. *Ostrogothica-Serie (Heft)*, 3: Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе, с. 121-145.

Шультце, Э., Любичев, М. В. 2015. Культовый слой могильника черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина): спектр находок и возможности интерпретации. В: Гавритухин, И. О., Воронцов, А. М. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*, конференция 4. Тула, 1, с. 231-255

Diaconu, Gh. 1966. Spätsarmatische Elemente in der Sîntana de Mureş—Tschernjachow-Kultur. *Dacia*, X, S. 357-364.

Kokowski, A. 2004. Przyczynek do historii kontaktów germanów i sarmatów w świetle badań archeologicznych. In: Kokowski, A. (ed.). *Studia Sarmatica*. 1: Sarmaci i Germanie. Lublin: UMCS, p. 11-69.

Lyubichev, M. 2013. The secondary used artifact in grave 41 of the chernyakhov cemetery of Voytenki. In: Khrapunov, I., Stylegar, F.-A. (ed.). *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black sea*. Kristiansand; Simferopol: Dolya, p. 236-248.

Ljubičev, M. V, Schultze, E., 2018. Zu einer Grupper ungewöhnlicher Gräberfelder der Černjachov-Kultur. In: Niezabitowska-Wiśniewska, B., Łuczkiewicz, P., Sadowski, S., Stasiak-Cyran, M., Erdrich, M. *Studia Barbarica Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65 rocznice urodzin*, 1. Lublin: UMCS, s. 512-534.

Magomedov, B. 2004. Körpergräber in der Černjachov-Sîntana de Mureş-Kultur. *Eurasia antiqua*, 10, S. 281-331.

Schultze, E., Lyubichev, M. V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and

Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. *Swiatowit*, Suppl. C: Pontica et Caucasica, 1: The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013. Warsaw, p. 277-294.

Simonenko, A. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. *Archäologie in Eurasien*, 25: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban, S. 2-264.

Tejral, J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski, K., Madyda-Legutko, R. (eds.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Secesja, s. 227-248.

REFERENCES

Varacheva, K. G. 2014. K voprosu o rasprostranenii glinianykh kubkov usecheno-konicheskoi formy v cherniakhovskoi kulture (pogrebenie 125 mogilnika Voitenki). *Stratum plus*, 4, s. 285-298.

Gei, O. A. 1993.Cherniakhovskaia kultura. Khronologiia. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tys. do n. e. — pervoi polovine I tys.n. e*. Moskva: Nauka, s. 146-155.

Gei, O. A. 2001—2002. Problema vydeleniia skifo-sarmatskikh elementov v cherniakhovskoi kulture. *Stratum plus*, 4, s. 296-314.

Honcharov, V. K., Makhno, Ye. V. 1957. Mohylnyk cherniakhivskoho typu bilia Pereiaslava-Khmelnytskoho. *Arkheolohiia*, 11, s. 127-144.

Hudkova, O. V. 2001.Pro uchast sarmativ u vynyknenni cherniakhivskoi kultu-ry. *Arkheolohiia*, 2, s. 36-41.

Gudkova, A. V., Fokeev, M. M. 1984. *Zemledeltsy i kochevniki v nizoviakh Dunaia I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kazanskii, M. M., Mastykova, A. V. 1998. Germanskie elementy v kulture naseleniia Severnogo Kavkaza v epokhu Velikogo pereseleniia narodov. *Istoriko-arkheologicheskii almanakh*, 4, s. 102-135.

Kukharenko, Iu. V. 1954. K voprosu o slaviano-skifskikh i slaviano-sarmatskikh otnosheniiakh. *Sovetskaia arkheologiia*, 19, s. 111-120.

Liubichev, M. V. 2009. Pogrebenie s rimskim importom na mogilnike cher-niakhovskoi kultury Voitenki (Vostochnaia Ukraina). In: Myzgin, K. (ed.). *Ostrogothica. Arkheologiia Tsentralnoi i Vostochnoi Evropy pozdnerimskogo vremeni i Epokhi Velikogo pereseleniia narodov*. Kharkov: Timchenko A. N., s. 72-90.

Liubichev, M. V. 2011. Pogrebeniia s pozdneskifskimi / sarmatskimi priznakami na mogilnikakh cherniakhovskoi kultury v dnepro-donetskoi lesostepi. *Oium*, 1, s. 33-52.

Liubichev, M. V. 2013. Pozdneskifskii / sarmatskii komponent v cherniakhovskoi kulture v lesostepi mezhdu Dneprom i Severskim Dontsom: osobennosti proiavleniia. In: Smyntyna, E. V. (ed.). *Varvarskii mir severopontii-skikh zemel v sarmatskuiu epokhu*. Odessa: Oleg Filiuk, s. 64-95.

Liubichev, M. V., 2019a. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoi lesostepi I—V vekov*. 1, 2. Ostrogothica-Serie, 2. Kharkov: Estet print.

Liubichev, M. V. 2019b. Dva pogrebeniia s «neordinarnymi» khronoindikatorami iz mogilnika cherniakhovskoi kultury Voitenki 1. In: Gavritukhin, I. O., Vorontsov, A. M. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov*, konferentsiia 4, ch. 2.Tula: Kulikovo pole, s. 191-209.

Liubichev, M. V., Myzgin, K. V. 2014. Iuzhnaia granitsa areala cherniakhovskoi kulury v dnepro-donetskoi lesostepi: sovremennye predstavleniia. *Oium*, 4: Cherniakhivska kultura. Do 120-richchia vid dnia narodzhennia V. P. Petrova, s. 58-71.

Liapushkin, I. I. 1950. Pamiatniki kultury «polei pogrebenii» pervoi poloviny I tys. n. e. Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezhia. *Sovetskaia arkheologiia*, 13, s. 7-32.

Magomedov, B. V. 1987. *Cherniakhovskaia kultura Severo-Zapadnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka.

Magomedov, B. V. 1996. Obriad ingumatsii v cherniakhovskoi kulture. In: *Tezy dopovidei ukrainskoi delehatsii na VI Mizhnarodnomu konhresi slov'ianskoi arkheolohii*. Kyiv, s. 33-36.

Mahomedov, B. V. 1999. Sarmaty u skladi cherniakhivskoi kultury. In: Terpylovskyi, R. V. (ed.). *Etnokulturni protsesy v Pivdenno-Skhidnii Yevropi v I tys. n. e.* Kyiv; Lviv, s. 132-142.

Magomedov, B. 2000. Sarmatskie elementy v cherniakhovskom pogrebalnom obriade. In: Mączyńska, M., Grabarczyk, T. (eds.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź, s. 392-402.

Magomedov, B. 2001. *Cherniakhovskaia kultura. Problema etnosa*. Lublin: UMCS.

Medvedev, A. P. 1990. *Sarmaty i lesostep (po materialam Podonia)*. Voronezh: VGU.

Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhoviakh Tanaisa*. Moskva: Taus.

Nekrasova, A. N. 2006. Pamiatniki cherniakhovskoi kultury Dneprovskogo Levoberezhia. In: Terpilovskii, R. V. (ed.). *Goty i Rim*. Kiev: Stilos, s. 87-200.

Oblomskyi, A. M. 1999. Typy pokhovan na cherniakhivskomu mohylnyku Kompaniitsi (etnokulturna interpretatsiia). *Arkheolohiia*, 4, s. 76-88.

Oblomskii, A. M. 2002. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezhe v pozdnerimskoe i gunnskoe vremia*. Moskva: Nauka.

Petrauskas, O. V. 1996. Mohylnyky cherniakhivskoi kultury Serednoho Podniprov'ia. In: *Tezy dopovidei ukrainskoi delehatsii na VI Mizhnarodnomu konhresi slov'ianskoi arkheolohii*. Kyiv, s. 48-50.

Petrenko, E. N. 1982. *Otchet ob issledovaniiakh Cherniakhovskoi ekspeditsii v 1982 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1982/113.

Petrenko, E. N. 1991. Novye mogilniki cherniakhovskoi kultury v basseine Severskogo Dontsa. In: Diachenko, A. G. (ed.). *Arkheologiia slavianskogo iugo-vostoka*. Voronezh: VPI, s. 10-26.

Rikman, E. A. 1975. *Etnicheskaia istoriia naseleniia Podnestrovia i prilegaiushchego Podunavia v pervykh vekakh nashei ery*. Moskva: Nauka.

Sedov, V. V. 1978. Skifo-sarmatskie elementy v pogrebalnom obriade cherniakhovskoi kultury. In: Kozenkova, V. I., Krasnov, Iu. A., Rozenfeldt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy*. Moskva: Nauka, s. 99-107.

Sinitsyn, I. V. 1959. Arkheologicheskie issledovaniia Zavolzhskogo otriada (1951—1953 gg.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 60, s. 39-205.

Simonenko, A. V. 2004. Nekotorye pozdnesarmatskie elementy v cherniakhovskikh ingumatsiiakh. *Bosporskie issledovaniia*, VII, s. 208-213.

Smirnov, K. F. 1959. Kurgany u sel Ilovatka i Politotdelskoe Stalin-gradskoi oblasti. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 60, s. 206-322.

Spitsyn, A. A. 1948. Polia pogrebalnykh urn. *Sovetskaia arkheologiia*, 10, s. 53-74.

Symonovich, E. A. 1971. Kultura pozdnikh skifov i cherniakhovskie pamiatniki v Nizhnem Podneprove. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 177, s. 63-75.

Tikhanova, M. A. 1957. O lokalnykh variantakh cherniakhovskoi kultury. *Sovetskaia arkheologiia*, 4, s. 168-177.

Shilov, V. P. 1959. Kalinovskii kurgannyi mogilnik. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 60, s. 323-523.

Schultze, E., Liubichev, M. V. 2018. Gruppa pogrebenii-ingumatsii v severo-zapadnoi chasti mogilnika cherniakhovskoi kultury Voitenki: voprosy khronologii. *Ostrogothica-Serie (Heft)*, 3: Khronologiia i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Aktualnye arkheologicheskie issledovaniia v Tsentralnoi i Vostochnoi Evrope, s. 121-145.

Schultze, E., Liubichev, M. V. 2015. Kultovyi sloi mogilnika cherniakhovskoi kultury Voitenki (Vostochnaia Ukraina): spektr nakhodok i vozmozhno-sti interpretatsii. In: Gavritukhin, I. O., Vorontsov, A. M. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov*, konferentsiia 4. Tula, 1, s. 231-255

Diaconu, Gh. 1966. Spätsarmatische Elemente in der Sîntana de Mureş—Tschernjachow- Kultur. *Dacia*, X, S. 357-364.

Kokowski, A. 2004. Przyczynek do historii kontaktów germanów i sarmatów w świetle badań archeologicznych. In: Kokowski? A. (ed.). *Studia Sarmatica*. 1: Sarmaci i Germanie. Lublin: UMCS, p. 11-69.

Lyubichev, M. 2013. The secondary used artifact in grave 41 of the chernyakhov cemetery of Voytenki. In: Khrapunov, I., Stylegar, F.-A. (ed.). *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black sea.* Kristiansand; Simferopol: Dolya, p. 236-248.

Ljubičev, M. V, Schultze, E., 2018. Zu einer Grupper ungewöhnlicher Gräberfelder der Černjachov-Kultur. In: Niezabitowska-Wiśniewska, B., Łuczkiewicz, P., Sadowski, S., Stasiak-Cyran, M., Erdrich, M. *Studia Barbarica Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65 rocznice urodzin*, 1. Lublin: UMCS, s. 512-534.

Magomedov, B. 2004. Körpergräber in der Černjachov-Sîntana de Mureş- Kultur. *Eurasia antiqua*, 10, S. 281-331.

Schultze, E., Lyubichev, M. V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. *Swiatowit*, Suppl. C: Pontica et Caucasica, 1: The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013. Warsaw, p. 277-294.

Simonenko, A. 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. *Archäologie in Eurasien*, 25: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban, S. 2-264.

Tejral, J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski, K., Madyda-Legutko, R. (eds.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Secesja, s. 227-248.

M. V. Lyubichev, E. Schultze

GRAVES WITH SARMATIAN FEATURES AT THE GRAVE FIELDS OF THE LATE ROMAN PERIOD VOYTENKI AND ZACHEPILOVKA: COMPARATIVE CHARACTERIZATION

One of the most important problems in the study of the Chernyakhiv culture is the study of cultural traditions, among them the Sarmatian one. A comparative study of the manifestation of the signs of the Sarmatian element on the «side» and «dune» cemeteries in the region is important, for which Voytenki and Zachepilovka are now undoubtedly «basic» monuments. When identifying burials of the Late Scythian / Sarmatian cultural tradition, the presence and combination of «indisputable» and «probable» signs is taken into account. Sarmatian cultural tradition at cemeteries of the Chernyakhiv culture Voytenki and Zachepilovka in the Dnieper-Donets forest-steppe are manifested predominantly in the same way, but has also distinctive features. Both cemeteries have graves in niche pit. In the graves of Zachepilovka more hand-made vessels have been detected und there they have been found even in cremation graves. At both cemeteries a combination of «indisputable» Late Scythian / Sarmatian signs is rather rare, the «indisputable» signs are supplemented by «probable» ones. Late Scythian / Sarmatian features are more significant at the Zachepilovka cemetery. Some models of the compatibility of Sarmatian features in the burials are presented, which were also observed at the cemeteries of the Chernyakhiv culture in the Dnieper-Donets forest-steppe. In the context of the study of the Late Scythian / Sarmatian tradition in the Chernyakhiv culture, the issue of the evolution of the content of the rite of the construction in niche pit from the «ethnic» to the social is also relevant.

Keywords: Late Roman Period, Chernyakhiv culture, grave fields, sarmatian features.

М. В. Любічев, Е. Шультце

ПОХОВАННЯ ІЗ САРМАТСЬКИМИ ОЗНАКАМИ У МОГИЛЬНИКАХ ПІЗНЬОРИМСЬКОГО ЧАСУ ВОЙТЕНКИ І ЗАЧЕПИЛІВКА: ПОРІВНЯЛЬНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Однією з важливих проблем вивчення черняхівської культури розглядається дослідження культурних традицій, однією з яких вважається сарматська. Важливим виглядає порівняльне вивчення прояви ознаків сарматського елемента на могильниках, що розташовані на схилах і дюнах у регіоні для чого Войтенки та Зачепилівка безумовно відіграють зараз роль «базових» пам'яток. При виділенні пізньоскифської / сарматської культурної традиції враховується наявність «безперечних» та «імовірних» ознак. Сарматська культурна традиція на могильниках черняхівської культури Войтенки та Зачепилівка у дніпро-донецькому лісостепу проявляється переважно однаково, але має відмінні риси. На обох могильниках присутні поховання в ямах з підбоями. Там достатньо рідко зустріто комбінацію «безперечних» та «імовірних» пізньоскифських / сарматських ознак, «безперечні» ознаки доповнюються «імовірними». Пізньоскифські / сарматські ознаки репрезентовані вагоміше на могильнику Зачепилівка. У похованнях цього могильника є присутніми набагато більше ліпних посудин цієї традиції, там вони знаходяться також у похованнях — кремаціях. Побудовано моделі сполучуваності сарматських ознак у конкретних похованнях, які існують у тому числі і на могильниках черняхівської культури в дніпро-донецькому лісостепу. Актуальним в межах дослідження пізньоскифської / сарматської традиції в черняхівській культурі вважається також питання еволюції поховального звичаю спорудження ям з подбоями та заплічками від «етнічного» до «соціального».

Ключові слова: пізьоримський час, черняхівська культура, могильники, сарматські ознаки.

Одержано 1.05.2020

ЛЮБИЧЕВ Михайло Васильович, доктор історичних наук, професор, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, пл. Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.
LYUBICHEV Mikhailo V., D. hab., professor, Kharkiv National V. N. Karazin-University, Svobody Square, 6, Kharkiv, 61022, Ukraine.
E-mail: gsae@karazin.ua.

ШУЛЬТЦЕ Ердмуте, доктор, науковий співробітник, Германский археологічний інститут, Im Dol, 2—6, Berlin, 14195, Німеччина.
SCHULTZE Erdmute, Dr. Ph. Senior researcher, German Archaeological Institute, Im Dol, 2—6, Berlin, 14195, Germany.
E-mail: Erdmute.Schultze@dainst.de.

УДК [904.4:725.182](282.247.32.044)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.10

Е. С. Дзнеладзе, Д. Н. Сикоза

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПОЗДНИХ СКИФОВ НИЖНЕГО ДНЕПРА

В статье проанализированы данные всех археологических исследований фортификации позднескифских городищ Нижнего Днепра. Выделяются мысовые и береговые городища по характеру топографии и планировке укреплений. Охарактеризовано все элементы позднескифской фортификации: валы, рвы, оборонительные стены, башни и въезды на городища. Проведено сравнение фортификации поздних скифов Нижнего Днепра, Крыма и античных памятников Северного Причерноморья.

Ключевые слова: *поздние скифы, позднескифская культура, Нижний Днепр, оборонительные сооружения, фортификация, вал, ров, оборонительная стена, башня, цитадель.*

Введение. Поселенческие памятники поздних скифов Нижнего Днепра представлены городищами (рис. 1). Все они расположены на надпойменных террасах и коренном берегу Днепра и его притоков. Как правило, поздние скифы выбирали участок на высоте 10—50 м, окруженный балками и оврагами, где и возводили крепость. Исключение — Знаменское городище, частично расположенное на приречном лугу, и Тягинское городище на острове. Здесь высота над уровнем воды около 2 м.

История изучения позднескифских городищ Нижнего Днепра достаточно полно изложена в нескольких обзорах разных лет (Вязьмітіна 1962, с. 14—22; Былкова 2007a, с. 6—9; Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 7—14). Первые их описания, а также снятие планов предприняты еще в конце XVIII — XIX вв. (Афанасьев-Чужбинский 1861—1963; Мышецкий 1847; Чирков 1867; Ястребов 1894). Некоторые участки валов и рвов были раскопаны в первой половине XX в. (Гошкевич 1913; Фабриціус 1930) и массово в 1950—1960-х гг. в связи с созданием Каховской ГЭС. В большинстве публикаций по результатам раскопок приведены общие характеристики фортификации, и лишь в нескольких работах более детально рассматриваются оборонительные сооружения отдельных памятников (Погребова 1958; Дмитров, Зуц, Копилов 1961; Елагина 1958; 1962; Вязьмітина 1962; Гаврилюк, Матияш 1988; Былкова 2007a, с. 42—44; 2007b, с. 89—97; Гаврилюк, Матера 2016; Кобалия 2018).

По топографии и планировке укреплений выделяются два типа городищ: мысовые (расположенные на мысу коренного берега, образованном балкой) и береговые (расположенные на прямоугольном или квадратном участке коренного берега). Они же характерны и для позднескифской культуры Крыма, где названы мысовыми и прямоугольными (Колтухов 1999, с. 56). Оборонительные линии мысовых городищ проходят поперек мыса, отделяя акрополь и предградье, либо оконтуривают мыс. Валы и рвы береговых городищ расположены П-образно с напольных сторон и приурочены к балкам. К мысовым городищам относятся: Красномаяцкое, Николаевка-Козацкое, Львовское, Понятовское, Великолепетихское и Каирское, к береговым — Гавриловское, Анновское, Саблуковское, Консуловское, Старошведское, Тягинское, Знаменское, Золотобалковское и Любимовское (рис. 2).

Фортификация была прослежена или частично исследована на 12 городищах: Золотобалковском, Гавриловском, Анновском, Консуловском, Красномаяцком, Козацком, Львовском, Тягинском, Понятовском, Знаменском, Каирском, Любимовском.

Мысовые городища. *1. Красномаяцкое городище* расположено на останце коренного берега Днепра, образованном балкой Пропасной с запада и безымянными балками с севера.

© Е. С. ДЗНЕЛАДЗЕ, Д. Н. СИКОЗА, 2020

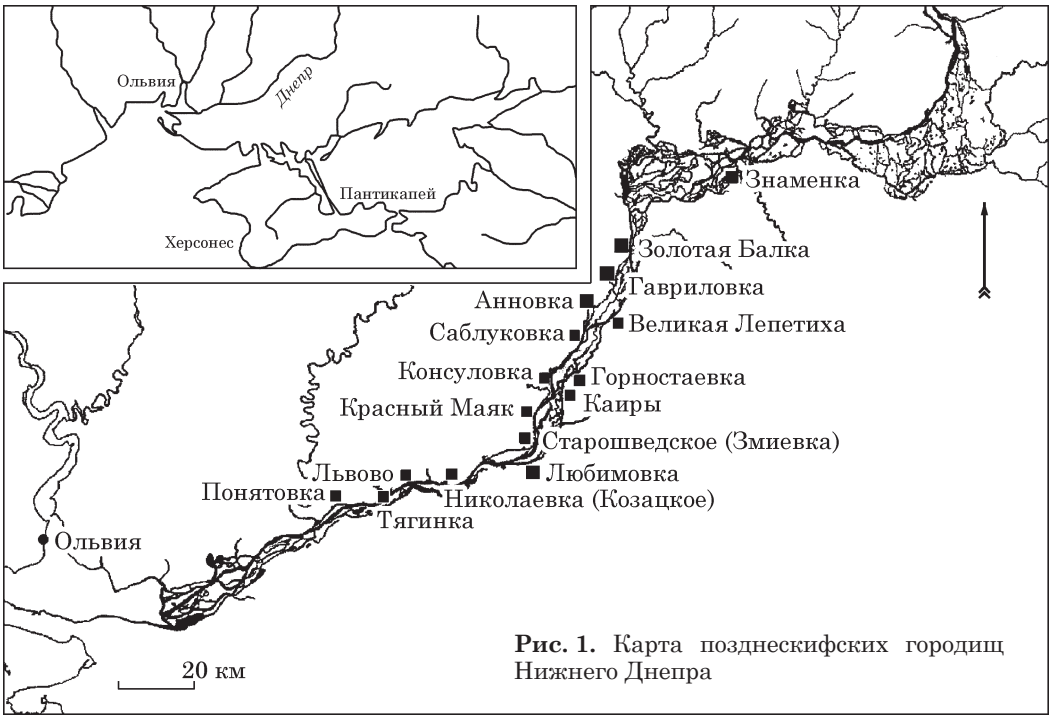


Рис. 1. Карта позднескифских городищ Нижнего Днепра

Поверхность городища имеет незначительный уклон, высота над уровнем воды достигает 36 м (рис. 2: 1; рис. 3).

Вдоль СВ и СЗ края останца проходит вал с каменной стеной на гребне. В. И. Гошкевич писал, что еще в 1909 г. остатки стен высотой 2,13 м виднелись на поверхности городища (Гошкевич 1913, с. 20, 21). Ров, расположенный с северо-восточной стороны городища, переходил в естественную балку на северо-западе (рис. 3: 1). Во времена В. И. Гошкевича глубина рва у въезда составляла 4,25 м. Зафиксированы также следы въезда на городище и каменная вымостка (Гошкевич 1913; Гаврилюк, Оленковський 1992, с. 44). Очевидно, впоследствии они были разобраны местными жителями.

В 1950 г. Н. Н. Погребова отметила, что с трех сторон городища прослеживается неровная холмистая гряда с возвышениями и углублениями, образовавшимися в результате выборки каменной стены высотой вместе с валом 3,06 м. Ширина въезда на городище составляла 2 м (Погребова 1950, с. 5).

Экспедицией О. А. Гей в 1989 г. на месте предположительного въезда на городище был заложен раскоп. Здесь была выявлена квадратная в плане башня, которую автор раскопок считала привратной. Среди найденного в раскопе материала зафиксированы фрагменты лепных сосудов и амфор типа СІа по Внукову, датированных в пределах 60 г. до н. э. — 25 г. н. э. (Внуков 2003, ч. ІІ, с. 167; ч. І, с. 44, рис. 10).

За акрополем Красного Маяка существовало предместье с каменным домостроительством, которое было отделено от напольной части валом и глубокой балкой (рис. 3: 2; Дзнеладзе, Сикоза 2017).

2. Городище Николаевка-Козацкое. Располагалось на мысе, образованном рекой Козак и балкой Городок (рис. 2: 2; 4: 1). Раскопки на акрополе проводились В. И. Гошкевичем в 1909 г. В настоящее время городище полностью уничтожено карьером. Поверхность городища имела незначительный уклон, высота над уровнем воды достигала 20 м.

Внешняя оборонительная стена и вал с наружным рвом шли параллельно валу акрополя на расстоянии 210 м. На поверхности вала были зафиксированы многочисленные выходы камня (Погребова 1950, с. 21).

Глубина рва перед внутренней стеной во время начала раскопок не превышала 1 м. Ров треугольный в сечении, шириной по верху около 8 м и глубиной до 3 м (рис. 4: 2). Весь ров был заполнен камнями упавшей стены. Судя по количеству камня, стены имели довольно значительную высоту.

Стена до раскопок имела вид прямого земляного вала высотой до 2,3 м, по гребню которого были заметны камни, торчащие рядами. Раскопки были начаты в седлообразной впадине — месте расположения городских ворот. По обеим сторонам от них прослежена кладка из неотесанных плит известняка до 0,50 м толщиной. Ширина входа 1,3—1,4 м. Толщина стены в этом месте доходила до 4,5 м. При входе на расстоянии 3 м от наружного края стены возле самой кладки по обеим сторонам прослежены две ямки глубиной в 0,5 м. В них обнаружены следы истлевшего дерева — остатки столбов. В. И. Гошкевич считал это остатками основы ворот (Гошкевич 1913, с. 13).

Стена была прослежена на протяжении 60 м. Вдоль наружной стороны обнаружены четырехугольные основания шести башен (рис. 4: 3). Высота уцелевшей части стены у башни 3 достигала 2,3 м.

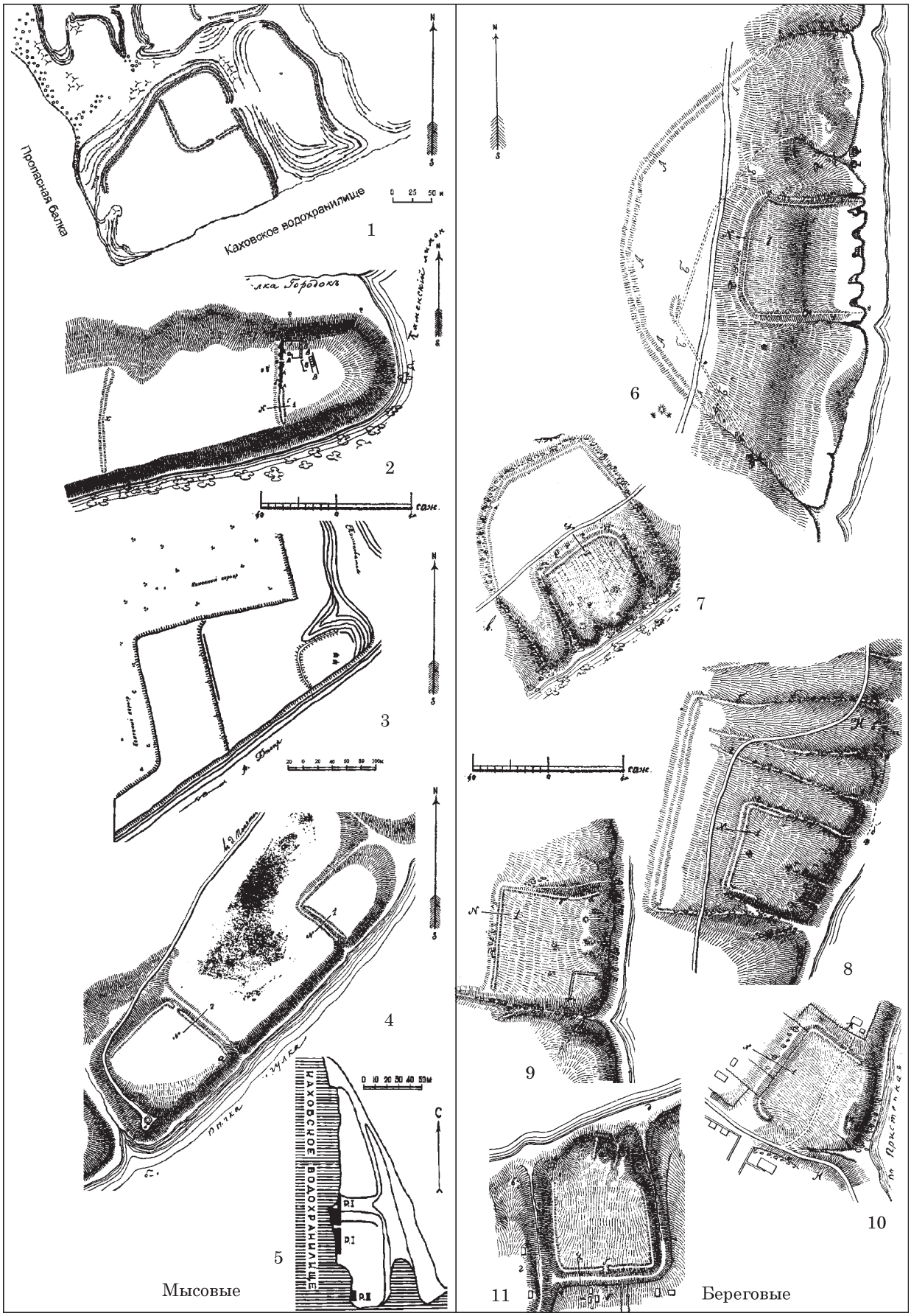


Рис. 2. Городища и их типы: *мысовые*: 1 — Красный Маяк; 2 — Николаевка-Козацкое; 3 — Львово; 4 — Понятовка; 5 — Каиры; *береговые*: 6 — Гавриловка; 7 — Анновка; 8 — Саблуковка; 9 — Консуловка; 10 — Старошведское (Змиевка); 11 — Любимовка

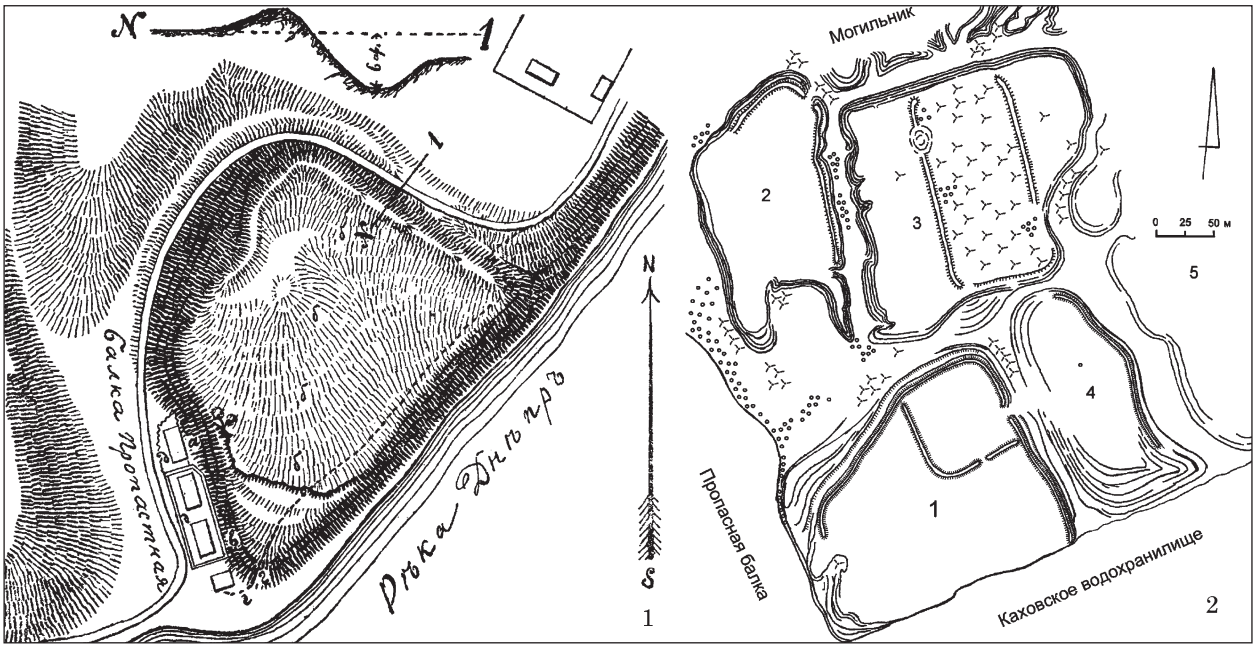


Рис. 3. Городище Красный Маяк, планы: 1 — план В. И. Гошкевича (Гошкевич 1913); 2 — глазомерный план Е. С. Дзнеладзе, Д. Н. Сикозы (Дзнеладзе, Сикоза 2017)

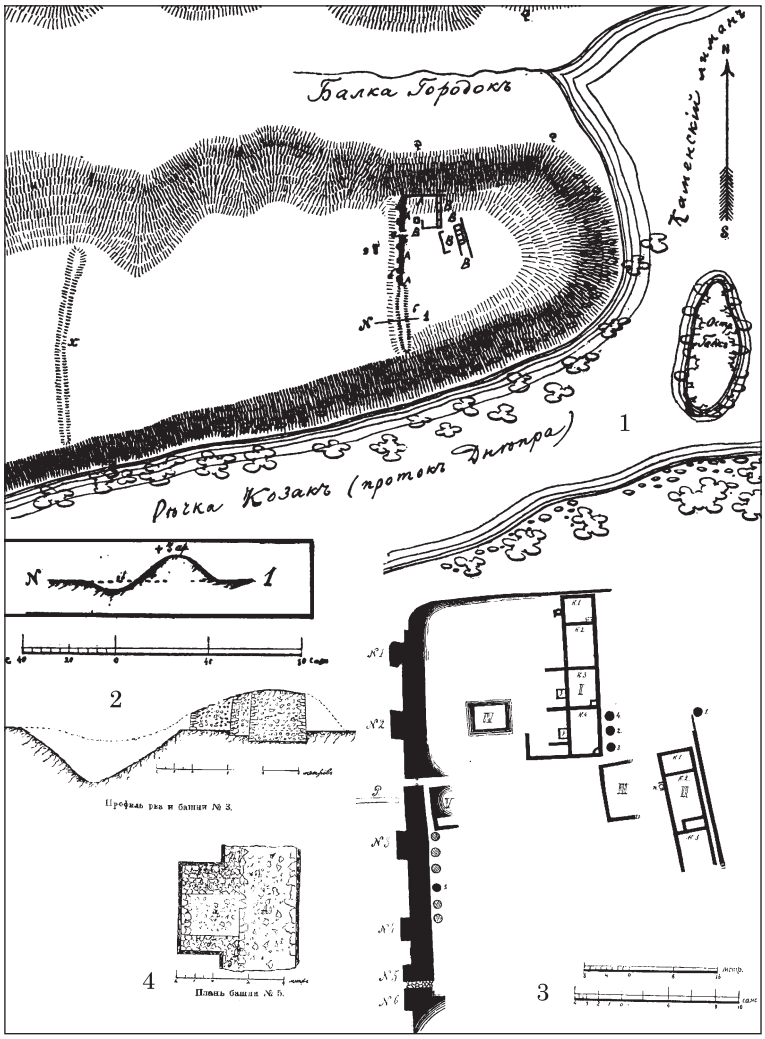


Рис. 4. Городище Николаевка-Козацкое, планы: 1 — план городища; 2 — разрез рва; 3 — оборонительная стена с башнями; 4 — план башни 3 (по: Гошкевич 1913)

Узкий промежуток между башнями 5 и 6 представлял второй вход, шириной в 1 м. Во время жизни города он был забутован. На 2 м к югу от башни 6 с внутренней стороны стены перпендикулярно ей, понижаясь внутрь города, шла кладка в виде аппарели. К северу от башни 1 стена дважды загибалась под прямым углом и, постепенно понижаясь, переходила в тонкую стенку, идущую по гребню ската.

Детально исследована башня 3, вплотную пристроенная к стене. Мощность стены 4,3 м, толщина боковых стен башни первоначально составляла 1,2 м. Северная стена башни была утолщена на 1 м вместе со всей стеной по обеим сторонам от башни (рис. 4: 4). Границы перестроек ясно видны, так как они были приставлены к старым впритык, без всякого связующего раствора. По-видимому, подобным образом пристроены к стене были и остальные башни (Гошкевич 1913, с. 13).

Керамика, найденная при раскопках, отнесена В. И. Гошкевичем к позднеэллинистическому и римскому периодам (Гошкевич 1913, с. 19).

3. Львовское городище расположено на мысе, образованном коренным берегом Днепра и отрогами балки Каменоватой (Бобоватой). Вытянуто вдоль берега не менее чем на 200 м (Сымонович 1965, с. 40, 41). Поверхность городища

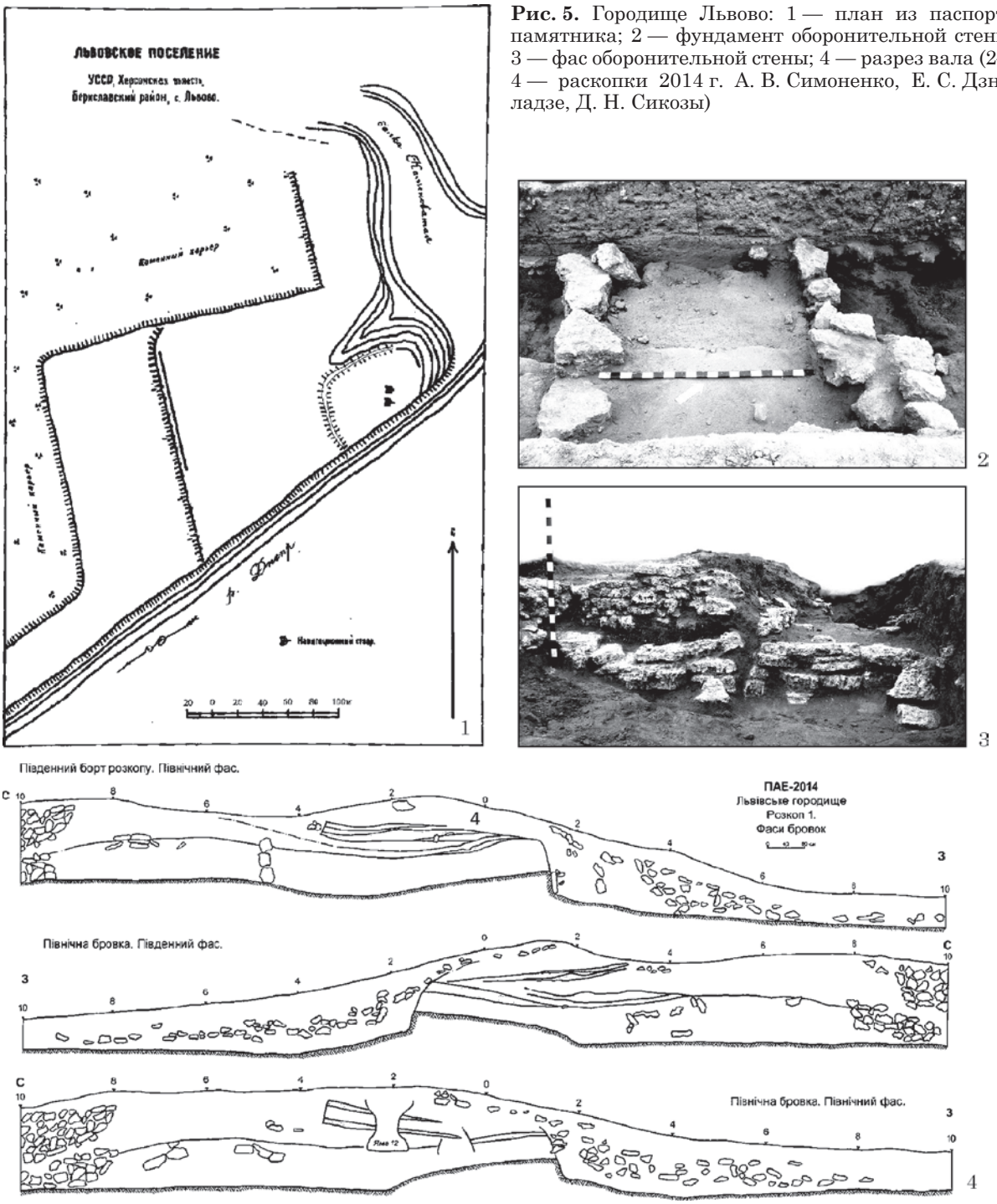


Рис. 5. Городище Львово: 1 — план из паспорта памятника; 2 — фундамент оборонительной стены; 3 — фас оборонительной стены; 4 — разрез вала (2—4 — раскопки 2014 г. А. В. Симоненко, Е. С. Дзнеладзе, Д. Н. Сикозы)

практически ровная, высота над уровнем воды достигает 30 м (рис. 2: 3; 5).

Первая линия оборонительных сооружений почти не выражена в рельефе и требует дополнительных археологических исследований.

Городище исследовала Позднескифская археологическая экспедиция под руководством А. В. Симоненко в 2014—2015 гг.

Оборонительные сооружения акрополя состояли из вала с каменной стеной и рва, расположенного перед ними (рис. 5: 4).

Для устройства рва материковая скала была подрезана на глубину 0,8 м с напольной стороны. Большая часть рва была заполнена каменным завалом — остатками стены, упавшей с гребня вала. Значительная часть рва была испорчена траншеей времен Второй мировой войны, которая доходила не углубляясь до материковой скалы.

Вал имел следующую конструкцию. На скальном материке в направлении СЗ—ЮВ была выложена двухпанцирная стена шириной в среднем 2,5 м, из известняковых блоков средними размерами 0,7 × 0,5 × 0,3 м (рис. 5: 2, 3). Кладка панцирей сохранилась на высоту трех рядов, верхний ряд блоков в нескольких местах съехал в сторону рва (на запад). Западный (внешний)

панцирь основания вала сохранился на протяжении 12—14 м, восточный, очевидно, был разобран местными жителями в новое время.

После забутовки стены глиной с известняковой крошкой и мелким камнем вал был подсыпан до высоты 1,5 м золистым культурным слоем, а его западный склон периодически досыпался таким же грунтом и материковыми выкидами из ям.

Западный склон вала был эскарпирован под небольшим углом. Нижняя часть эскарпа была облицована плитами известняка, поставленными на ребро.

На гребне вала была возведена стена — двухпанцирная кладка из известняковых подтесанных камней с забутовкой мелким камнем в середине (рис. 5: 3). Максимальная высота стены в наиболее сохранившейся части 1,2 м, ширина 2,4—2,5 м. По обе стороны от стены на всем участке, где она сохранилась, прослежено трамбовку из толченной известняковой крошки, шириной 0,55 м и толщиной 0,05 м.

Фрагменты светлоглиняных амфор из культурного слоя и заполнения ям датируют сооружение вала I в. до н. э.

4. Понятовское городище расположено на плато на правом берегу реки Ингулка на высоте 20 м над уровнем воды. Поверхность городища практически ровная.

В. И. Гошкевич описал укрепления Понятовки как два городища, одно площадью 2 га и второе площадью 1 га, с расстоянием между ними в 256 м (рис. 2: 4; 6). Он предполагал, что эта площадь также могла быть заселена.

Во времена В. И. Гошкевича высота валов на обоих городищах составляла 1,4 м при глубине рвов в 2,8 м (Гошкевич 1913, с. 3, 4).

Нижнее (большее) городище с юго-западной и северо-западной стороны ограничено балками, с северо-восточной стороны находятся Г-образный вал и ров. Вал насыпан из желтого лесса. Встречающиеся в насыпи камни следует относить к фундаменту стены. Въезд на городище нахо-

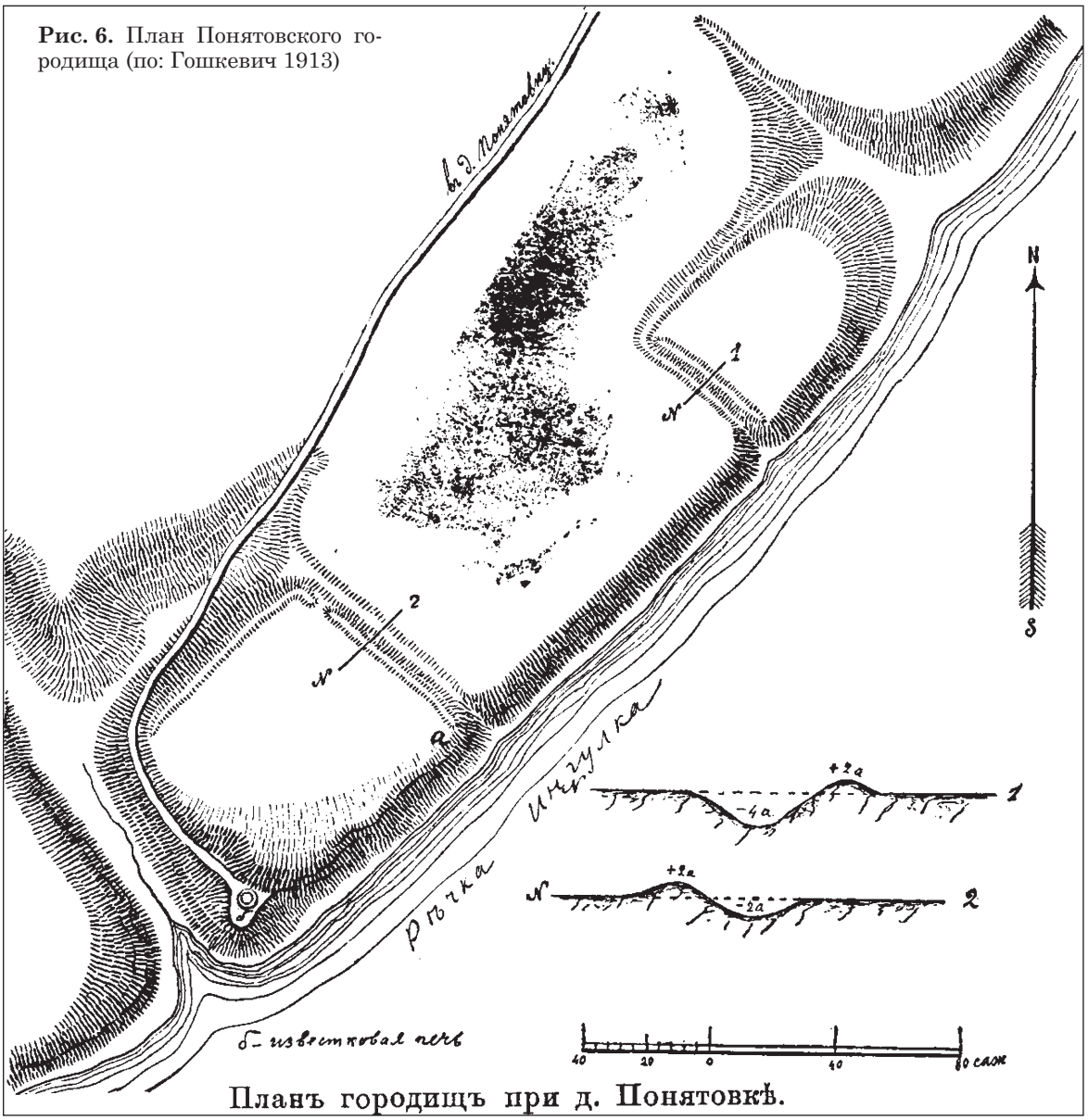


Рис. 6. План Понятовского городища (по: Гошкевич 1913)

дится с северо-восточной стороны вала. Верхнее (меньшее) городище окружал вал, в разрезе которого была зафиксирована каменная кладка из довольно крупных плит в один ряд — вероятно, фундамент стены (Погребова 1950, с. 22, 23).

Работами Позднескифской археологической экспедиции в 2016 году было установлено, что территория между верхним и нижним городищем была заселена и имела каменное домостроительство (Дзнеладзе, Сикоза 2017). На первой улице села до современной жилой застройки прослеживались остатки вала и рва. По сообщениям местных жителей городище имело пригород, ныне застроенный сельскими усадьбами.

5. Каирское городище по своей топографии сходно с Козацким. С запада омывалось водами р. Конка, мысовой частью выходило к балке, от плато было отделено рвом. Первоначальные размеры городища составляли около 1 га, общая протяженность вдоль оси С—Ю составляла 170 м (рис. 2: 5; 7: 1, 3). Каирское городище исследовалось Скифским отрядом экспедиции

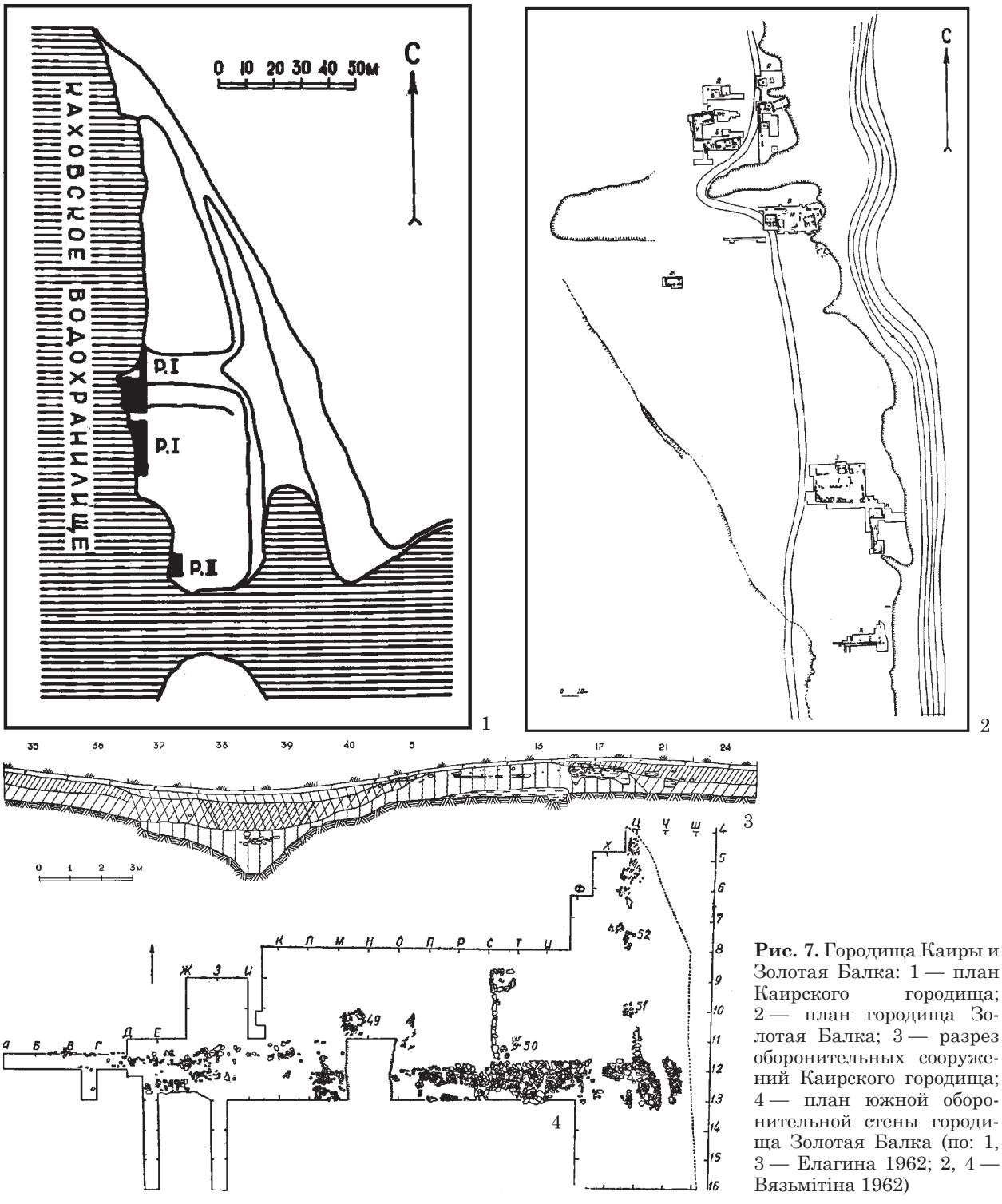


Рис. 7. Городища Каиры и Золотая Балка: 1 — план Каирского городища; 2 — план городища Золотая Балка; 3 — разрез оборонительных сооружений Каирского городища; 4 — план южной оборонительной стены городища Золотая Балка (по: 1, 3 — Елагина 1962; 2, 4 — Вязьмітіна 1962)

МГУ под руководством Н. Г. Елагиной в 1960 г. (Елагина 1962). В настоящий момент полностью затоплено водами Каховского водохранилища.

Параллельно рву была расположена каменная стена. Ров имел глубину 3,2 м при наибольшей его ширине 5,9 м, сечение придонной части трапециевидное, ширина дна 0,7 м (рис. 7: 3). Стена была построена на лессовом выкиде из рва толщиной 0,6—0,7 м. Ширина стены 5,4 м, кладка двухпанцирная, хаотичная, бессистемная, внешний и внутренний панцири шириной 1,5—1,7 м. Сохранившийся участок основания внешнего панциря был сложен из необработанных известняковых плит размерами 0,3—0,6 м, лежавших плашмя. Пространство между плитами заполнено мелким камнем. Кладка панцирей цементирована тонкой золистой прослойкой. Внешняя и внутренняя линия цоколя стены были сложены из более крупных плит, длиной 0,5—0,6 м.

Оборонительный комплекс Каирского городища — один из самых мощных на Нижнем Днепре, возможно, это было продиктовано отсутствием внешней линии укреплений (Елагина 1962, с. 75, 76).

Береговые городища. *6. Золотобалковское городище* находилось на первой надпойменной террасе правого берега Днепра, возвышавшейся над уровнем воды на 12—14 м (рис. 7: 2, 4). Оборонительные сооружения Золотой Балки были исследованы Никопольско-Гавриловской экспедицией под руководством А. В. Добровольского в 1951—1952 гг. и под руководством М. И. Вязьмитиной в 1953—1956 и в 1958—1959 гг. (Вязьмитина 1962).

Южная оборонительная стена была сооружена из неотесанных камней известняка неправильной формы (рис. 7: 4). Внешний и внутренний панцири стены были выложены из больших плит, поставленных на ребро. Для забутовки были использованы мелкие, плотно утрамбованные камни. Толщина стены достигала 2,2 м. Остатки стены были прослежены на протяжении 41 м с востока на запад.

Северная оборонительная стена была обнаружена в береговой линии городища. Нижний ряд камней основания стены был сложен из крупных камней, второй и третий ряды — из камней средних и небольших размеров. Первоначальная высота стены ориентировочно составляла 2—3,3 м. Толщина стены 1—1,2 м. Вдоль береговой линии под прямым углом до северной стены сохранился ряд больших камней шириной 0,8 м протяженностью 4,7 м.

Работы Позднескифской археологической экспедицией в 2019 году по установлению границ памятника позволяют утверждать, что укрепления с напольной стороны еще могут быть выявлены при дальнейшем исследовании.

Оборонительные стены были возведены на остатках глиноплетневых построек с каменным основанием, датированных рубежом эр (Вязьмитина 1962, с. 25—30).

7. Гавриловское городище имело три линии обороны, расположенные на плато и нескольких террасах над рекой Пидпильной (рис. 2: 6; 8: 1).

Стационарные раскопки осуществлялись в 1951—1954 гг. Скифской степной экспедицией ИА АН СССР (Н. М. Погребова) и экспедицией Института археологии АН УССР (Р. И. Ветштейн). Раскопки на предградье проводились К. А. Бреде. Археологические исследования подтвердили наличие внутренней крепости — акрополя, обнесенного каменной стеной и рвом, и второй, каменной, но менее мощной стены, которая ограждала территорию городища (рис. 8: 2). На момент раскопок внешняя линия оборонительных сооружений, отмеченная на плане В. И. Гошкевича, прослежена не была (рис. 8: 1). Однако она хорошо читается по аэрофотоснимкам и Google-картам.

Акрополь Гавриловского городища располагался на склоне второй и на первой надпойменной террасе. Верхняя часть крепости выше нижней на 25—30 м. С северной, западной и южной сторон акрополь обнесен каменной стеной, которая к моменту раскопок имела вид земляного вала. Перед стеной был вырыт ров. С восточной береговой стороны искусственных укреплений нет. Здесь их роль играл крутой береговой обрыв высотой в 11 м (Погребова 1958, с. 175—182).

Акрополь ориентирован по сторонам света и был обнесен каменной стеной, длиной на северной и южной сторонах по 240 м и на западной 210 м. Стена двухпанцирная. Панцири были сложены из крупных каменных блоков средних размеров 0,45 × 0,6 м, или 0,5 × 0,7 м при высоте 0,1—0,2 м, забутованы мелкими камнями.

В береговой части северной стены выявлено два пояса. К основному поясу шириной 4 м с наружной стороны примыкает дополнительный пояс шириной 1,25 м, состоявший из одного панциря шириной 0,6 м и забутовки мелким камнем между ними. На других участках стены дополнительный пояс не обнаружен. Основание стены стояло на тонкой (0,1—0,15 м) прослойке светлого лессовидного суглинка, выкинутого из рва.

В южной части акрополя на расстоянии 80 м от берега прослежен въезд на городище шириной 4 м. Он был мощенным, вымостка зафиксирована на протяжении 16 м. Завалы камней полукруглой формы по обеим сторонам от въезда, возможно, являлись остатками башен.

Стену с напольной стороны окружал ров. Глубина рва 2,5—3 м от основания фундамента стены, наибольшая ширина рва 9,5 м, ширина дна 0,4 м. Внутренний склон рва перед стеной был выровнен путем подсыпки выкида из рва. Линия западного склона рва более крутая, чем восточная (Погребова 1958, с. 175—182; Гаврилюк, Оленковський 1992, с. 41).

Вторая оборонительная стена была впервые обследована В. И. Гошкевичем. В результате работ 1951 г. выяснилось, что перед стеной был ров шириной 4,5 м и глубиной 1,5 м. Примерная ширина кладки в пределах 1,2—1,3 м. Вне-

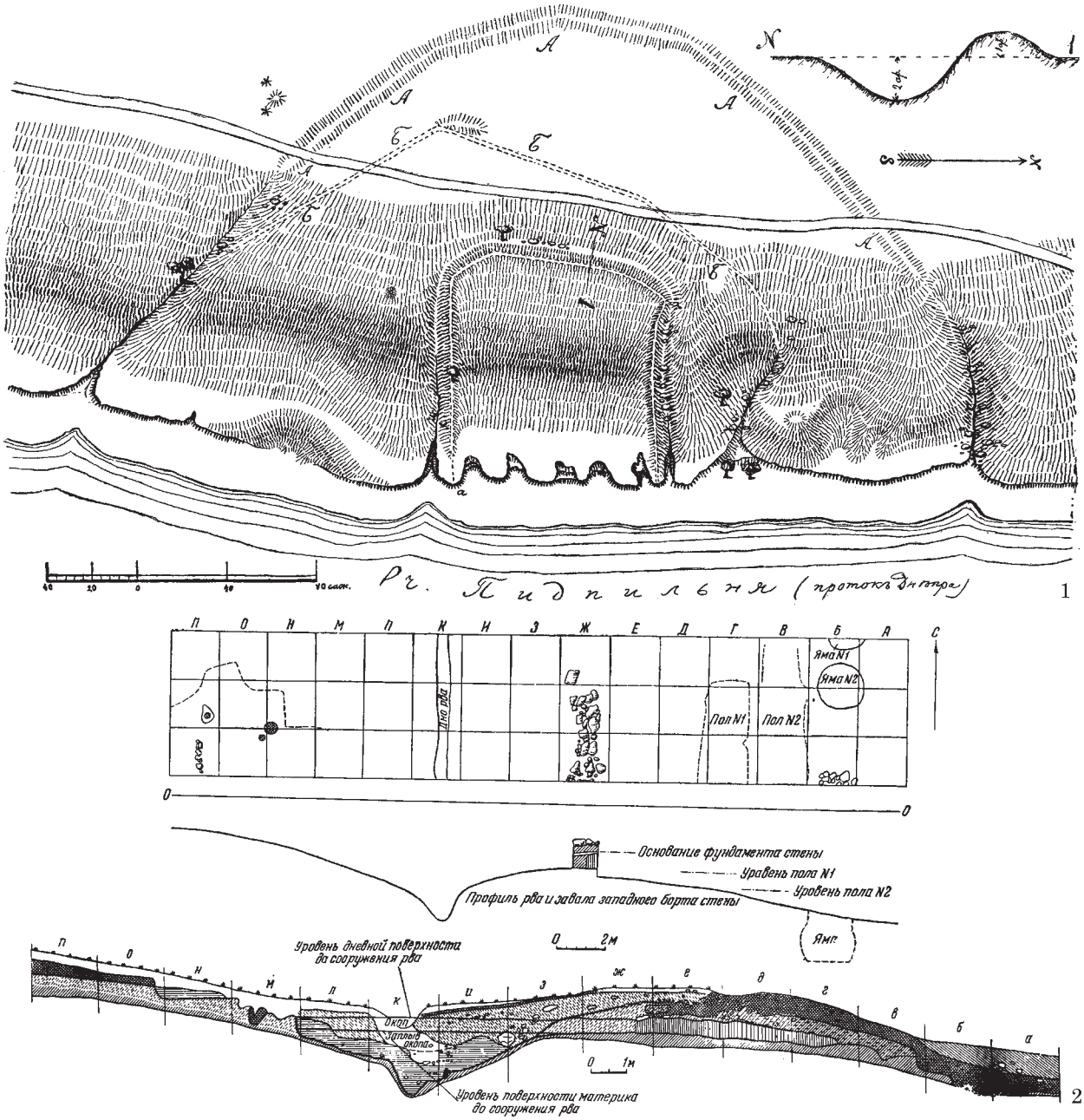


Рис. 8. Гавриловское городище: 1 — план (по: Гошкевич 1913); 2 — разрез оборонительных сооружений (по: Погребова 1958)

шний панцирь был сложен из крупных плит, поставленных на ребро. Внутренний панцирь на исследованном участке не обнаружен (Погребова 1958, с. 175—182).

Возведение оборонительной стены второй линии укреплений на Гавриловском городище Н. Н. Погребова датировала концом II или началом I в. до н. э. (Погребова 1958, с. 179, 180, рис. 31: 2, 3). По мнению В. П. Былковой, дата постройки стены может быть ближе к I в. до н. э. (Былкова 2007b, с. 94).

Внутренняя оборонительная стена была возведена в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. (Погребова 1958, с. 175—182; Былкова 2007b, с. 94).

8. Анновское городище расположено на первой надпойменной террасе правого берега реки Пидпильной, возвышающейся над уровнем воды на 10—15 м (рис. 2: 7; 9). Уклон поверхности на территории акрополя по линии восток—запад равен 10—12 м. Раскопки на городище проводились М. И. Абикуловой, Н. А. Гаврилюк и Е. В. Черненко в 1984, 1986 и 1987 гг.

Оборонительная система городища, возможно, состояла из трех линий обороны, возведенных в разное время. Первая линия обороны прослежена только по аэрофотосъемке 1975 г. И. Д. Ратнера (рис. 9: 2). Вторая линия прослежена В. И. Гошкевичем и состояла из рва и земляного вала меньших размеров, чем вал акрополя (Гошкевич 1913, с. 26). По результатам визуального осмотра, средняя ширина рва около 5 м, высота наиболее сохранившейся

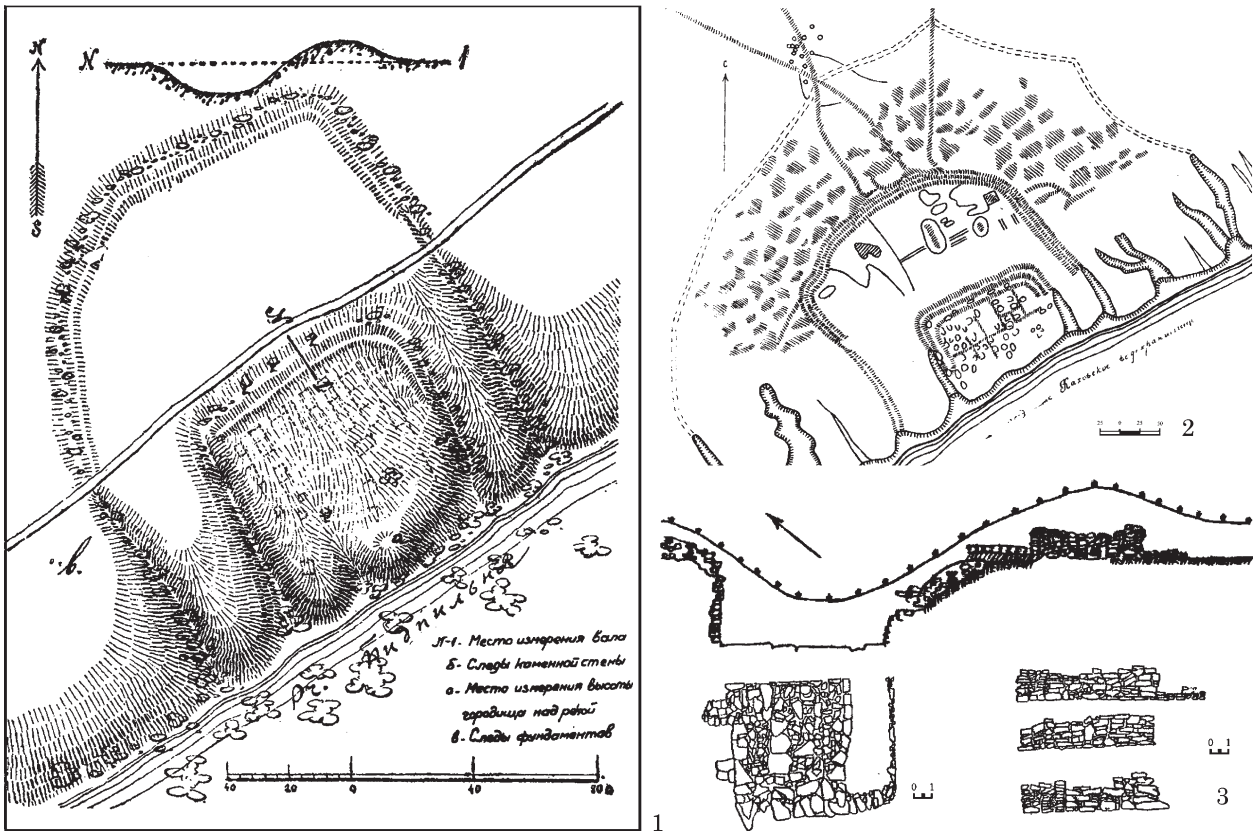


Рис. 9. Анновское городище: 1 — план (по: Гошкевич 1913); 2 — план (по: Ратнер 1975); 3 — план башни из раскопа 4 (по: Гаврилюк, Абикулова 1991)

части вала достигает 1 м. Площадь пригорода составляет 6,25 га. Расстояние от второй линии обороны до акрополя 166 м (рис. 9: 1).

Раскопками на акрополе были исследованы остатки каменной стены и башни, возведенных на земляном валу. В материковой скале вырублен ров, глубиной 2 м. Ширина рва по дну 6,5 м, по верху 11,5 м (рис. 9: 3).

Высота вала от материка до гребня 1,3 м, ширина основания 11 м. На гребне вала располагалась оборонительная стена, сохранившаяся на отрезке в 12 м. Кладка трехслойная, двухпанцирная, шириной 2,5 м. Панцири сложены из плоских подтесанных камней, средней величины. Забутовка из мелкого камня. Кладка сохранилась на высоту 0,5 м (рис. 9: 3).

Прослежен разрыв городской стены, похожий на вход, шириной 5,5 м. С противоположной стороны вход ограничен каменной прямоугольной в плане башней. Размеры башни по внешним контурам 4,2 × 4,6 м, по внутренним 1,6 м × 2,3 м (рис. 9: 3). Стены башни сложены в разной технике: однослойная, двухслойная и трехслойная двухпанцирная, шириной от 0,6 до 1,6 м. Внутреннее пространство башни было оштукатурено глинистым раствором с включениями рубленого камыша. Со стороны рва к башне примыкали каменные выступы диной 1 м, шириной 0,7—0,8 м. По находке тонкостенного краснолакового сосуда с рельефным орнаментом башня датирована II—I вв. до н. э. В раскопе, заложенном на краю балки, было найденооснование стены из крупных известняковых плит (Гаврилюк, Абикулова 1991, с. 15—17).

9. Саблуковское городище находится на высоком коренном берегу Днепра, площадью около 10 га, состоит из акрополя и укрепленного пригорода. Пригород почти прямоугольный, акрополь в плане квадратный, имеет перепад высот, отмеченный на других береговых городищах. Высота над уровнем воды составляла 12—13 м (рис. 2: 8; 10). Городище исследовано в ходе разведок Н. Н. Погребовой и М. И. Вязьмитиной. Н. Н. Погребова уточнила, что городище стоит на берегу Днепра, а не реки Затон, как полагал В. И. Гошкевич (рис. 10: 1, 2; Погребова 1950, с. 9). М. И. Вязьмитиной был составлен глазомерный план городища (рис. 11: 1).

При визуальном осмотре акрополя В. И. Гошкевичем на поверхности были зафиксированы остатки оборонительных сооружений — вала и рва. Перепад высот между гребнем вала и дном рва составлял 1,4 м (Гошкевич 1913, с. 25, 26) Разведкой Н. Н. Погребовой зафиксировано полное уничтожение визуально видимых признаков внешнего вала, по гребню вала акрополя зафиксирован развал каменной стены, найден обломок римской черепицы (Погребова 1950, с. 9, 10). Современная площадь акрополя составляет около 3 га. Части оборонительных

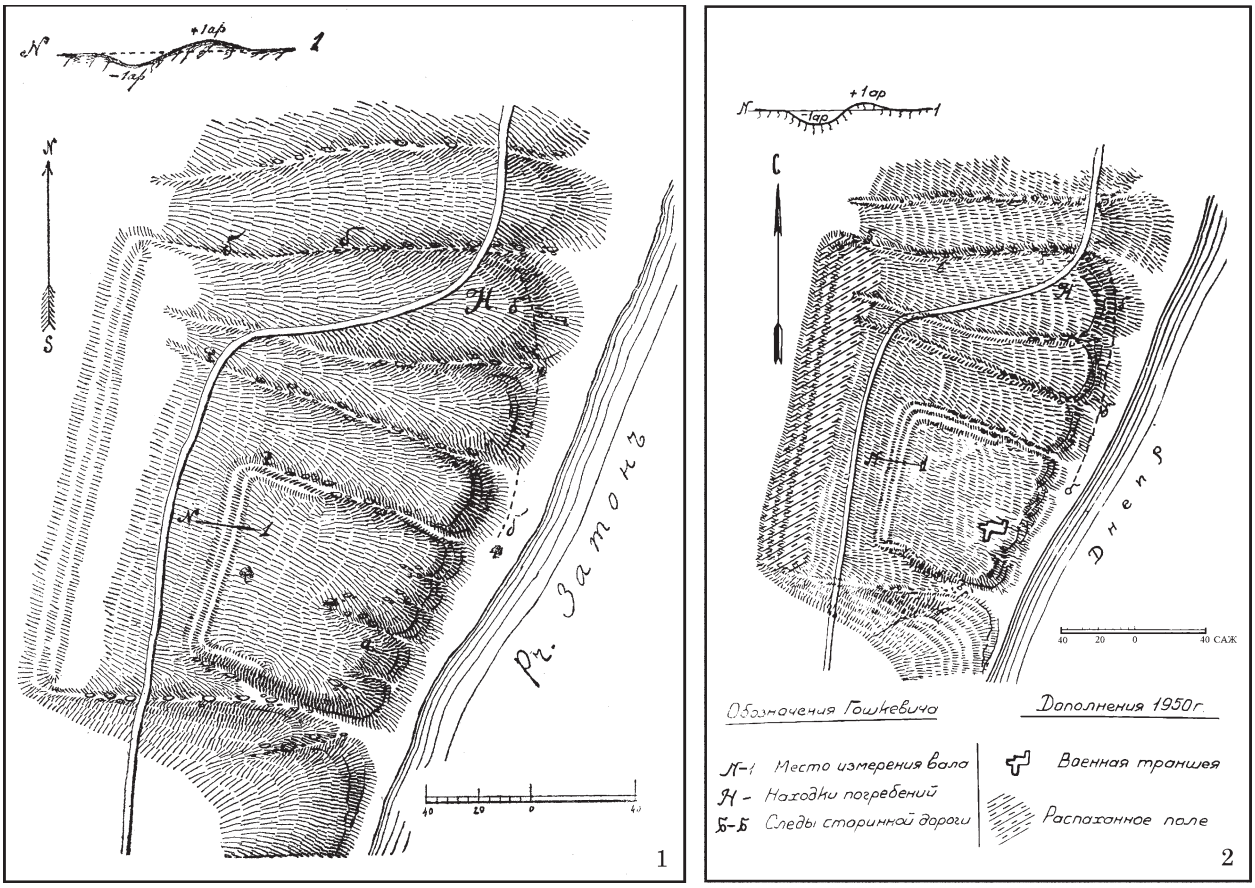


Рис. 10. Саблуковское городище: 1 — план В. И. Гошкевича (по: Гошкевич 1913); 2 — план Н. Н. Погребовой (по: Погребова 1950)

сооружений визуально различимы на поверхности (рис. 11: 2). Раскопки не проводились.

На основании подъемного материала Саблуковское городище датировано II в. до н. э. — II в. н. э. (Погребова 1950, с. 9, 10).

10. Консуловское городище расположено на высоком коренном берегу Днепра. Высота над уровнем воды достигала 48 м (Гошкевич 1913, с. 24). В плане представляет почти правильный квадрат, в юго-восточной части которого зафиксировано дополнительное укрепление — цитадель, также квадратной формы (рис. 2: 9; 12). Фортификация городища отмечена на планах разных лет (рис. 12). На плане по аэрофотосъемке Шишкина прослеживается внешняя линия укреплений, окаймляющая пригород (рис. 12: 4). Оборонительные сооружения цитадели были исследованы в 2016 г. (Гаврилюк, Матера 2016). В северной части западной линии обороны цитадели был открыт участок укреплений в виде каменной стены длиной 5 м. Стена двухпанцирная, шириной приблизительно 2,6 м, с внутренней забутовкой из мелкого камня и глины. Кладка внешней и внутренней облицовки не регулярная, постелистая, состоит из больших необработанных камней местного известняка, на глиняном растворе. Стена лежала на подушке из утрамбованного суглинка. Такая практика использовалась, чтобы противостоять смещению в сторону оборонительного рва (Гаврилюк, Матера 2016, с. 127).

В 2019 г. украинско-польской экспедицией под руководством Н. А. Гаврилюк были проведены работы по исследованию оборонительных сооружений акрополя городища. По гребню вала зафиксирована оборонительная стена с башнями.

11. Старошведское городище расположено на высоком коренном берегу реки Пристепной, в плане представляет почти правильный квадрат, имеет незначительный уклон (рис. 2: 10; 13). Высота над уровнем воды достигала 24 м.

План городища впервые снят в 1781 г. сержантом Петром Покозеевым при проектировании поселения для шведских переселенцев из Эстландии [1] (рис. 13: 1).

Площадь городища 2 га. Высота вала 1,4 м, глубина рва 4,2 м. В основании вала были найдены остатки деревянных брусьев. С напольной стороны зафиксирован въезд на городище (Гошкевич 1913, с. 20). По гребню вала просле-

1. «*План Кизикерменского уезда округи Кизикерменской же вновь разбитым в натуре кварталам при балке Корсунской для имеющих прибыть сюда из Эстляндии шведских крестьян на 185 дворов, полагая на каждый двор в длину 25 и ширину 16 сажен. Сочинен сентября в 8 день 1781 года*» (фотокопия из фондов ХОКМ).

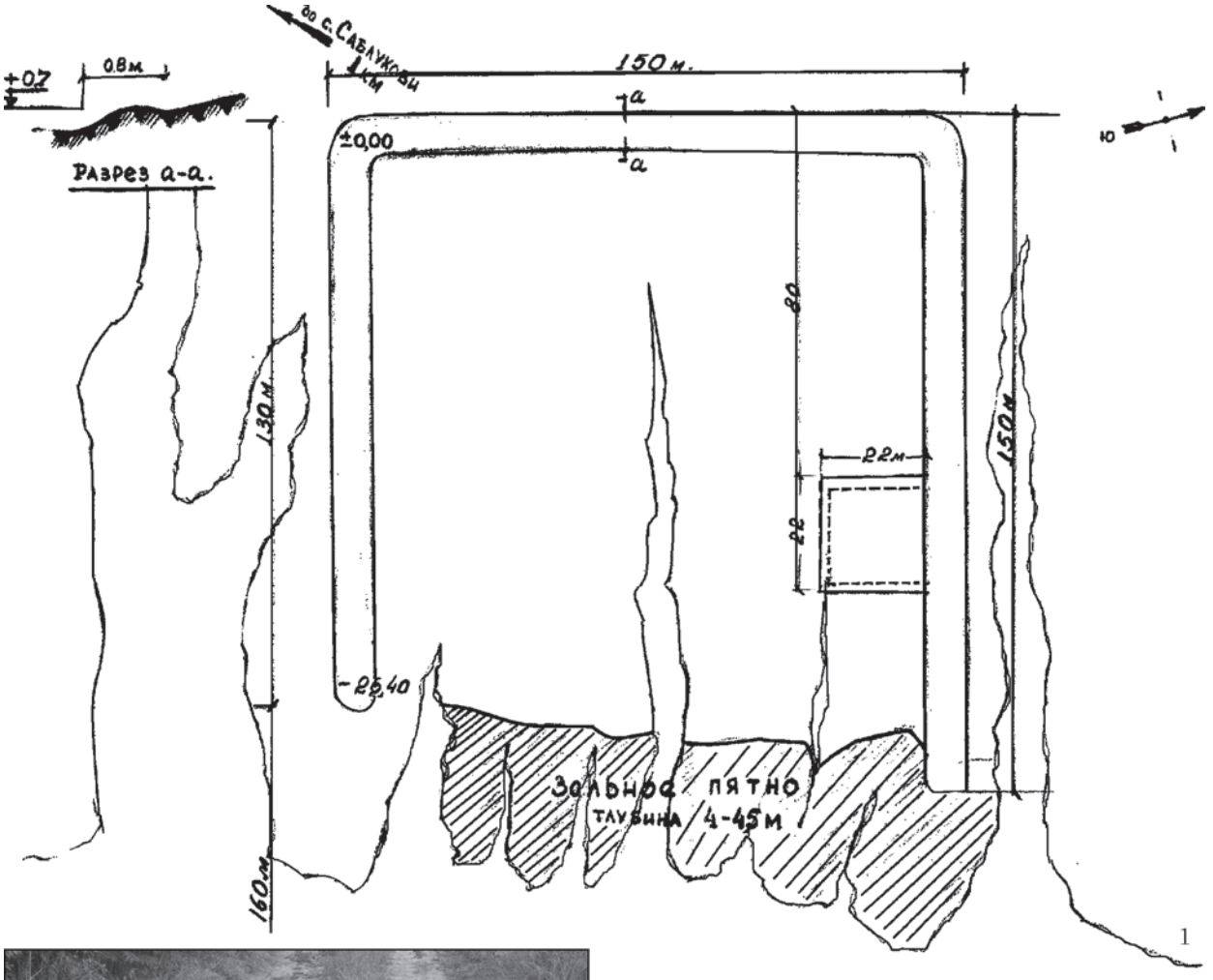


Рис. 11. Саблуковское городище: 1 — глазомерный план из личного архива М. И. Вязьмитиной; 2 — фото оборонительных сооружений, разведка Позднескифской археологической экспедиции 2013 г.

живаются выходы камня от панцирей оборонительной стены, ширина которой с напольной стороны достигала 2 м (рис. 13: 2).

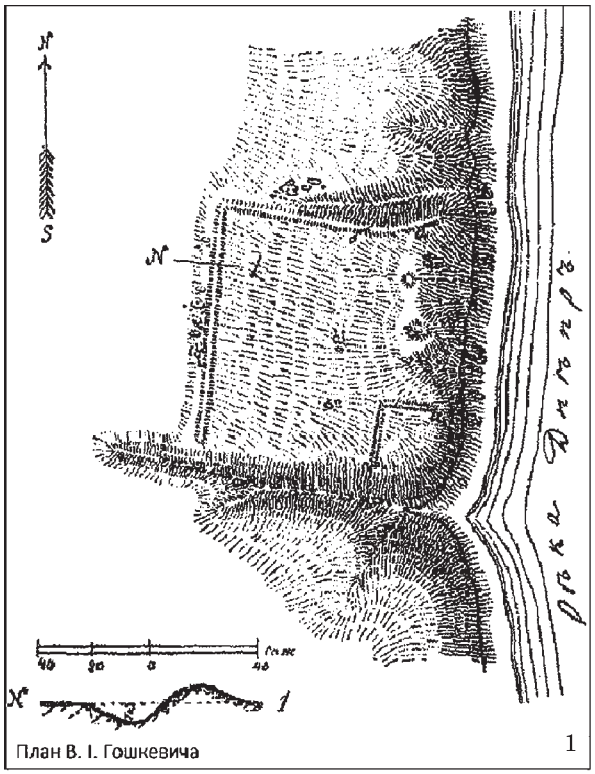
12. Тягинское городище расположено на острове Велике городище при впадении реки Тягинки в Днепр. К позднескифскому периоду относится трапециевидное городище в юго-западной части острова, отмеченное на плане В. И. Гошкевича (рис. 14: 1).

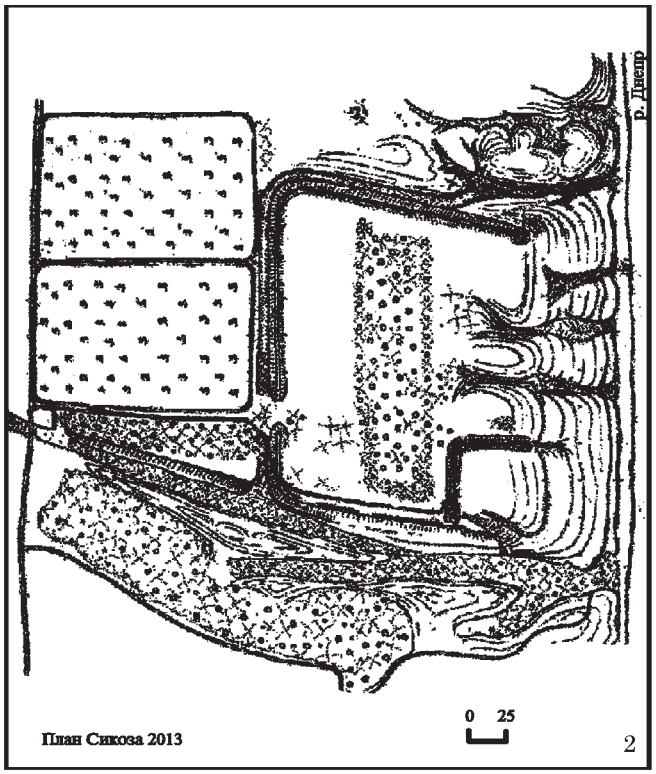
Длина южной стены, составляющей основание городища, равна 156 м. Ее ширина достигала 0,8—1 м. Остальные валы имеют следующие размеры: западный вал — 50 м, восточный — 47, северный — 130 м. Ширина северного рва по верху достигала 4 м, в нижней части 2,2 м (рис. 14: 2). Остальные рвы почти вдвое меньше: 2 × 1,3—1,4 м. По описаниям Э. Бахматова, городище имеет не трапециевидную, а пятиугольную форму с неравными сторонами (Кобалия 2018, с. 181).

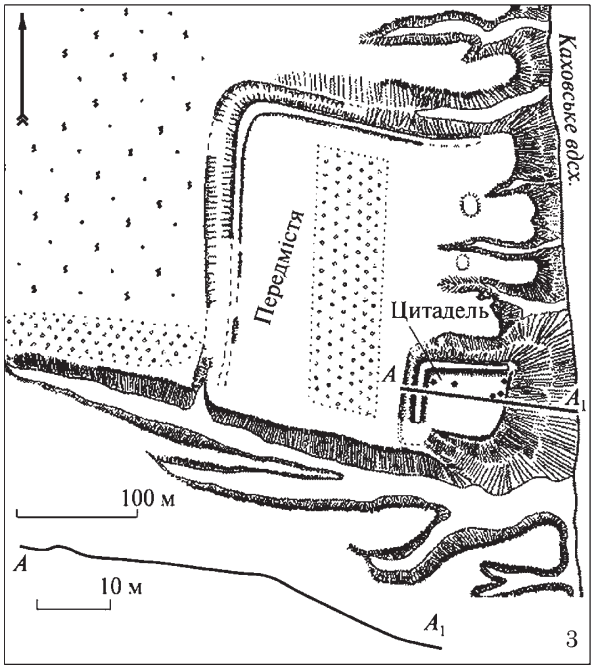
В 2010 г. экспедиция под руководством Д. Р. Кобалии бы сделан разрез системы валов—вал в северной части городища [1]. Было определено, что на данном участке оборонительные сооружения возводились и использовались многократно (рис. 14: 2). Ширина рва в верхней части 2,8 м. Глубина рва 2,4 м от основания оборонительной стены (Кобалия, Ильинский 2010, с. 10, 11).

Стена, идущая по гребню вала, была сильно повреждена. Судя по завалу, обнаруженном во рве, она была сложена из крупных камен-

1. Выражаем благодарность к. и. н., заведующему отделом охраны памятников истории, археологии и природы Национального заповедника «Хортица» Д. Р. Кобалии за предоставленный материал.







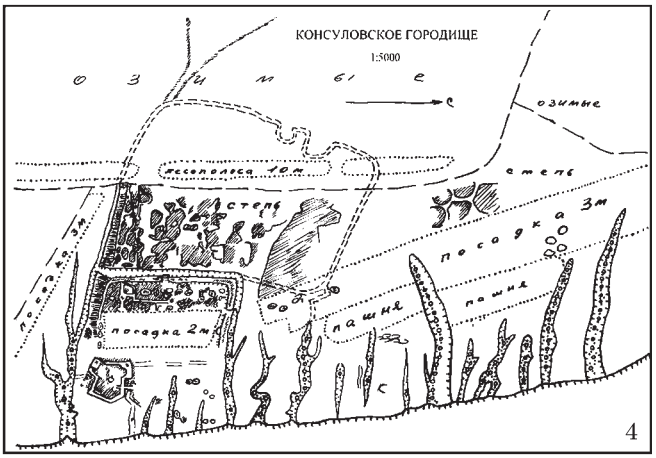


Рис. 12. Консуловское городище: 1 — план В. И. Гошкевича (по: Гошкевич 1913); 2 — план Д. Н. Сикозы из паспорта памятника; 3 — план Д. Д. Никоненко (по: Никоненко 2015); 4 — план по результатам аэрофотосъемки Шишкина (из личного архива М. И. Вязьмитиной)

ных плит и забутовки из мелкого камня между ними (Кобалия 2018).

На памятнике были обнаружены монета Констанция II 337—361 гг., ольвийская монета Афина в шлеме — лук в горите, топор, с надчеканкой в виде головы Гелиоса, датированная 220—210 гг. до н. э. и обломок денария Марка Аврелия 161—180 гг. (Пиворович 2010, с. 207, 208).

Среди подъемного материала на территории трапециевидного городища встречаются двухствольные светлоглиняные ручки амфор.

13. Знаменское городище. Акрополь располагался на пологом берегу р. Конка, переходившем в заливной луг, окруженный р. Белозерка на севере и Белозерским лиманом на востоке. В плане представлял прямоугольник. Перед акрополем находилось предместье (рис. 15: 1).

Внешняя линия укреплений исследована Г. Д. Смирновым в 1940 г. в 424 м от обрыва над Белозерским лиманом (рис. 15: 2). Высота вала 1,5 м. Ширина основания около 11 м. Ров шириной по верху 5,85 м, глубиной — 3,90 м, уклон стенок — около 45° (Граков 1954, с. 49).

Высота вала, защищавшего акрополь, 3,4 м, ширина основания около 12 м. Ров шириной по верху — 4,75 м, глубиной 2,80 м (рис. 15: 2).

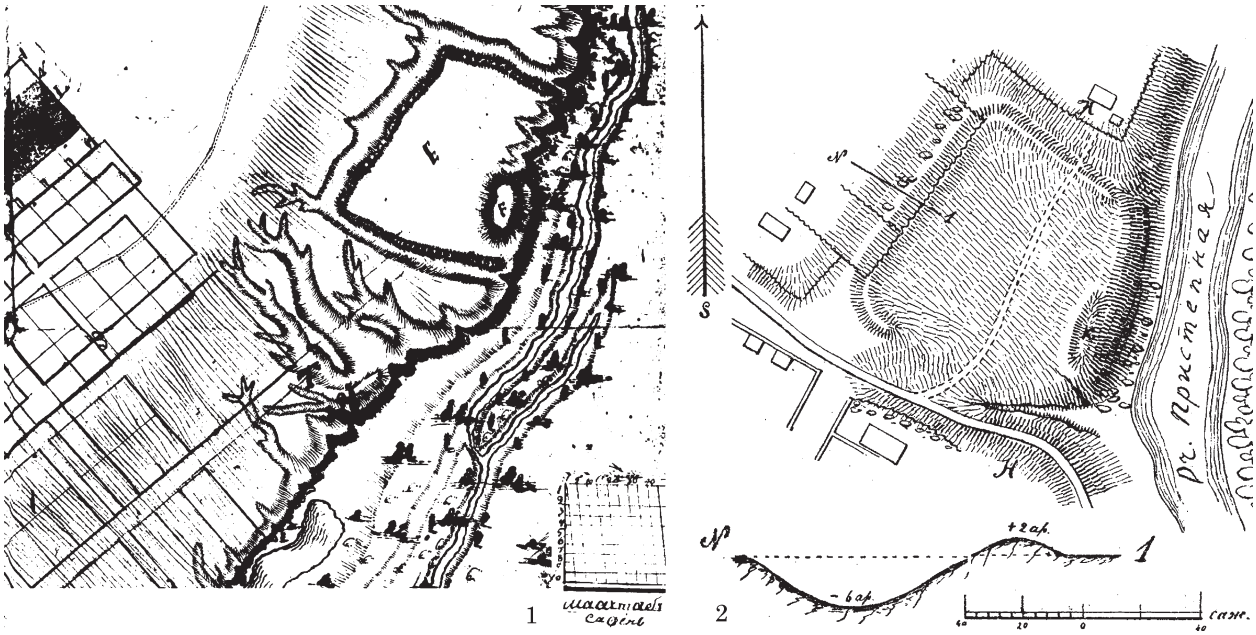


Рис. 13. Старошведское (Змиевское) городище: 1 — план Петра Покозеева (фонды ХОКМ); 2 — план В. И. Гошкевича (по: Гошкевич 1913)

На вершине вала прослежены остатки оборонительной стены из сырцового кирпича, сохранившейся на высоту 5 рядов (Граков 1954, с. 49). Высота стены 0,7 м, толщина 2,4 м. Сырцовый кирпич был уложен на глинистом растворе, кирпичи образовывали двухпанцирную стену с лицевой кладкой в два ряда с каждой стороны (рис. 15: 3). Внутреннее пространство вместо каменного бута также было заполнено сырцовыми кирпичами. Ряды кирпичей были уложены вдоль и поперек для большей прочности стены.

Кладка стены уложена на слой утрамбованного лесса толщиной 0,2 м. Этот слой был укреплен по обеим сторонам рядом кирпича, продольно лежавшего по валу. Ниже вал состоял из чернозема, в одном месте он имел наклонно шедшую до горизонта золистую прослойку. Визуальным обследованием вала также было установлено, что вал акрополя имел на гребне кирпичную стену на всем своем протяжении (Граков 1954, с. 49).

В 1952—1954 гг. было изучено несколько сохранившихся участков каменной оборонительной стены, ограждавшей малый акрополь (цитадель) Знаменского городища, площадью 2 га (Погребова 1958, с. 114, 115). Стена состояла из двух поясов: основного, общей шириной 2,9—3 м, и пристроенного к нему со стороны рва

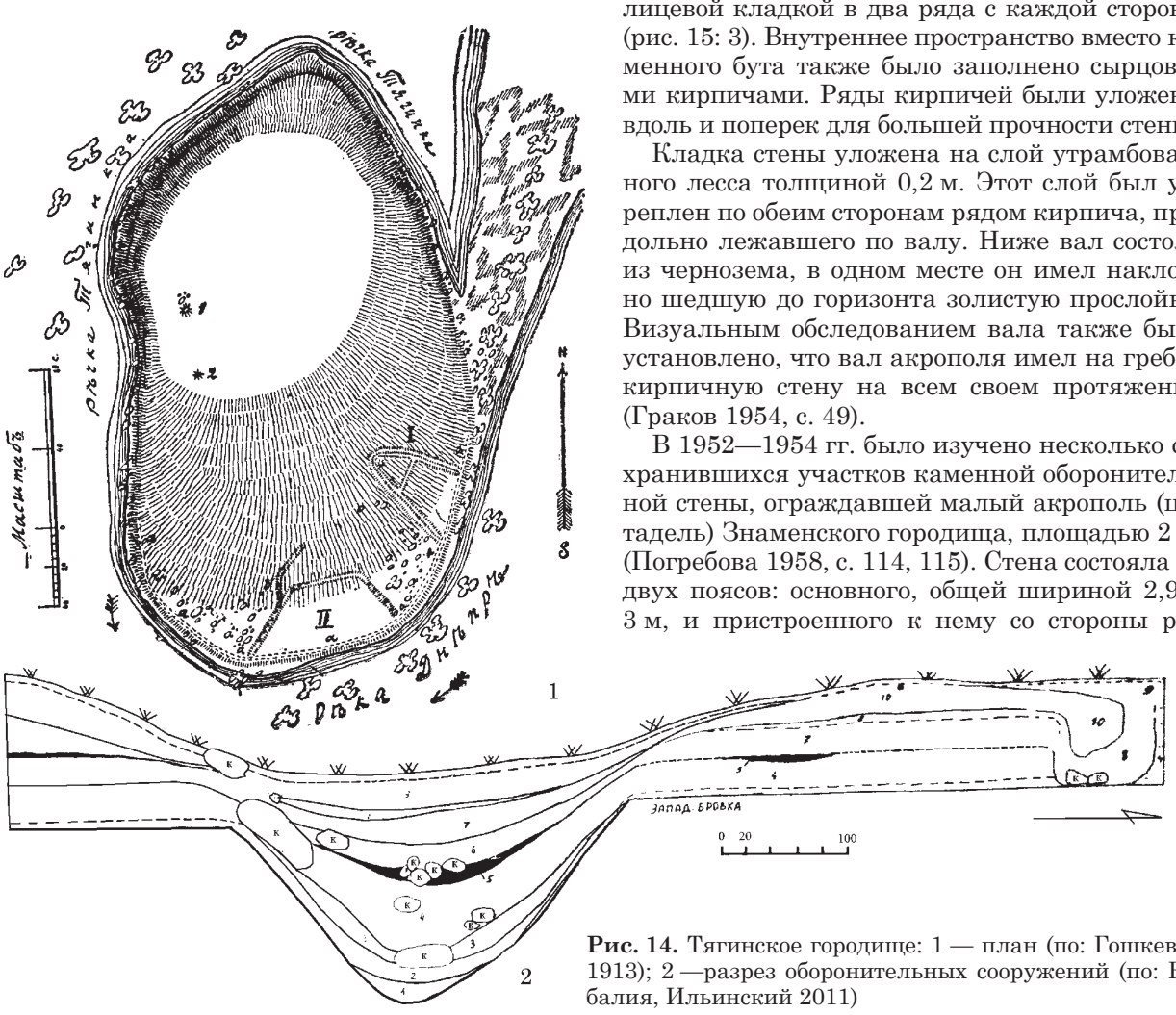


Рис. 14. Тягинское городище: 1 — план (по: Гошкевич 1913); 2 —разрез оборонительных сооружений (по: Кобалия, Ильинский 2011)

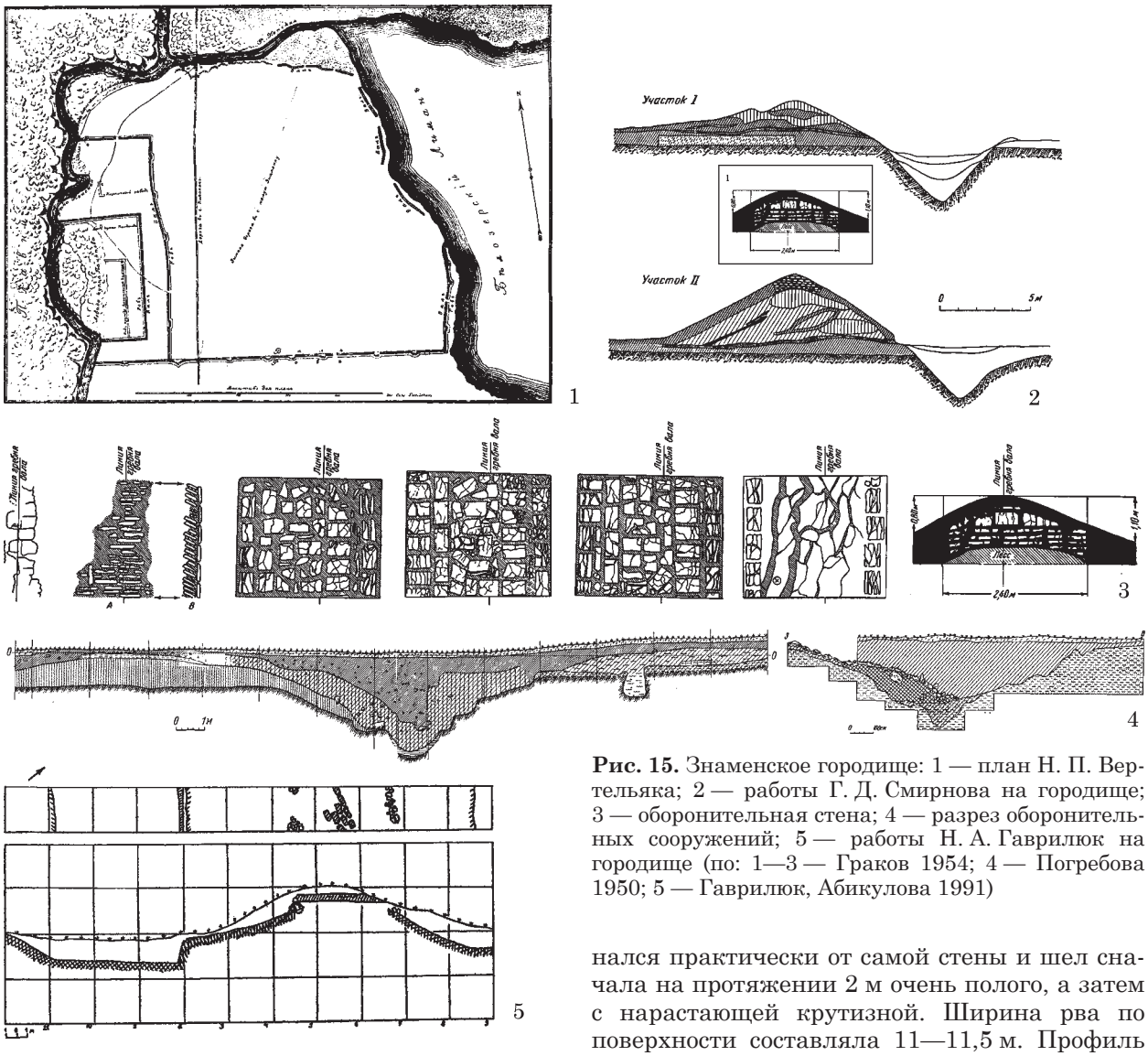


Рис. 15. Знаменское городище: 1 — план Н. П. Вертельяка; 2 — работы Г. Д. Смирнова на городище; 3 — оборонительная стена; 4 — разрез оборонительных сооружений; 5 — работы Н. А. Гаврилюк на городище (по: 1—3 — Граков 1954; 4 — Погребова 1950; 5 — Гаврилюк, Абикулова 1991)

второго пояса, общей шириной 1,1 м, состоявшего из одного наружного панциря, и забутовки, примыкающей непосредственно к первому поясу (рис. 15: 4). Панцири первого пояса были сложены из плит 0,4—0,5 м, а наружный панцирь второго пояса состоял из очень крупных необработанных камней длиной до 1 м.

В качестве связующего раствора использовалась глина. Линия внутреннего панциря первого пояса имела небольшие пристроенные выступы внутрь крепости, которые на 0,25—0,3 м выступали от основной линии стены.

Стена была построена на плотной лессовой утрамбовке. Между внутренним панцирем и лессовой утрамбовкой был вскрыт небольшой участок вымостки, из пяти крупных плоских камней. Основание стены на всех вскрытых участках лежало на слое светлого насыпного лесса, выброшенного из рва и игравшего роль субструкции. Толщина субструкции от 0,75 до 1 м. В верхней части лессовой насыпи прослежена прослойка темного цвета толщиной 0,2 м.

Ров был вырыт перед стеной, имел глубину 3—3,2 м от основания стены. Склон рва начинался практически от самой стены и шел сначала на протяжении 2 м очень полого, а затем с нарастающей крутизной. Ширина рва по поверхности составляла 11—11,5 м. Профиль стенок рва ступенчатый (рис. 15: 4; Погребова 1958, с. 114, 115).

В 1988 году работы на оборонительных сооружениях акрополя проводились Скифской экспедицией Института археологии АН Украины под руководством Н. А. Гаврилюк (Гаврилюк, Абикулова 1991). Был исследован трапециевидный ров, шириной по верху 8 м, по дну — 5,8, глубиной 1,3 м. (рис. 15: 5). На этом участке акрополь окружен земляным валом высотой 2 м, на гребне которого была прослежена каменная стена из двух панцирей, расстояние между которыми 3,8 м. В середине забутовка из желтой глины со слоем сырцовых кирпичей толщиной 0,3—0,4 м. Расстояние от основания стены до рва 4,6 м (Гаврилюк, Абикулова 1991, с. 24, 25).

На Знаменском городище у основания стены, раскопанной Н. Н. Погребовой, обнаружены фрагменты амфор второй половины II — начала I в. до н. э. (Былкова 2007b, с. 92). Фрагмент фибулы, обнаруженный вместе с фрагментом мегарской чаши под стеной и лессовой субструкцией, датирован I в. до н. э. (Амброз 1966, с. 21). Время сооружения стены определяется

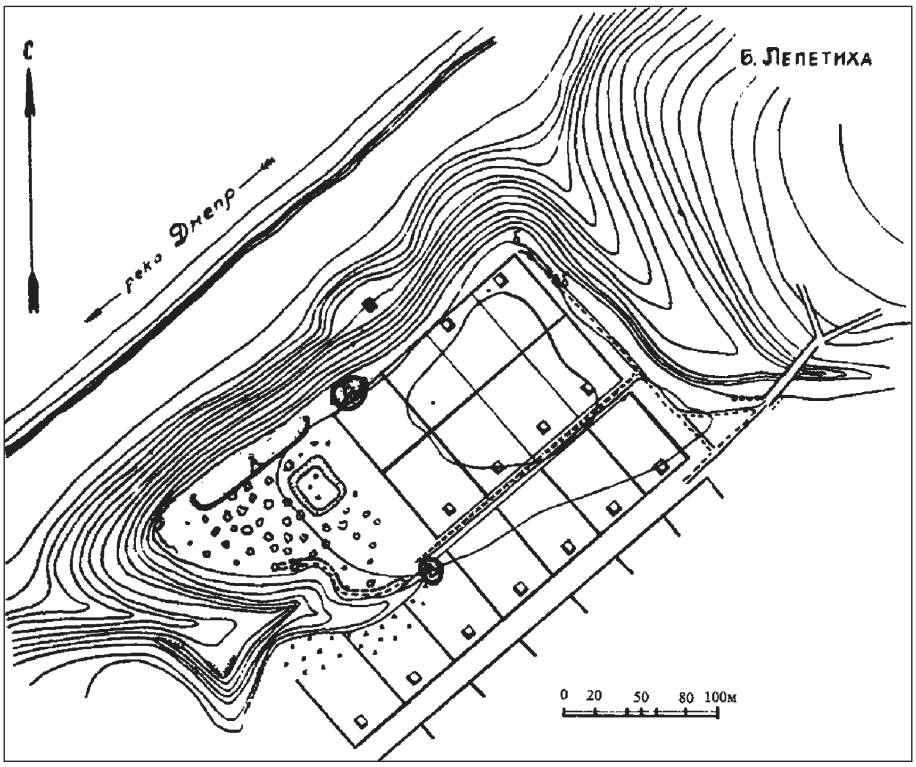


Рис. 16. План городища Великая Лепетиха (по: Погребова 1950)

С. В. Полиным не ранее рубежа II—I вв. до н. э. (Полин 1992, с. 108). Разрушение этой стены произошло на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э., или в первой половине I в. н. э. (Щукин 1970, с. 56). В нижнем слое рва Знаменского городища был найден фрагмент лагиноса, датированный второй половиной II в. до н. э. (Погребова 1958, с. 115, 117, рис. 8: 1).

16. Великолепетихское городище занимало высокий каменный кряж на левом берегу Днепра и ограничивалось с двух сторон глубокими балками. Имеет форму прямоугольника, состояло из акрополя, размерами 400 × 240 м, и предместья (рис. 16). Поверхность городища практически ровная, высота над уровнем воды достигает 30 м. По краю балок были прослежены остатки вала высотой 1 м и шириной около 10 м. По гребню вала прослежены остатки каменной стены. С напольной стороны ров и вал находятся под современной улицей села. В 1975 г. вал городища был едва различим на поверхности (Погребова 1950, с. 15, 16; Гаврилюк, Оленковський 1992, с. 48).

17. Горностаевское городище расположено на плато левого берега Днепра, на высоте 30—32 м, до образования Каховского водохранилища — у русла протока Конки. Территория городища почти прямоугольной формы, поверхность его несколько повышается на 2,5—3 м к юго-западу. Площадь городища около 9 га (рис. 17: 1).

В дневниках М. И. Вязьмитиной и Ф. Н. Пащенко сохранились описания городища (Пащенко 1954, Вязьмитина 1953), по которым можно составить общее представление о внешнем виде поверхности городища и оборонительных сооружениях на момент исследования: «*С северной и восточной стороны городище ограничивалось валом и рвом, высотой относительно плоскости городища 1—1,5 м и относительно дна рва 2—2,5 м. Ширина вала в основании 18—20 м свидетельствует о том, что вал сильно оплыл и, следовательно, его скаты были значительно более крутыми.*

Верхние части поверхности валов изрыты ямами, через края которых проступают различной величины камни (главным образом обломанные), что свидетельствует о существовавших на валах каменных стенах, крупные, главным образом, панцирные, камни которых и служат причиной их разломки. Местные жители нам указывали, что большая часть современных строений Горностаевки построена из камней, добытых из оборонительных стен городища. Ширину стен определить не удалось.

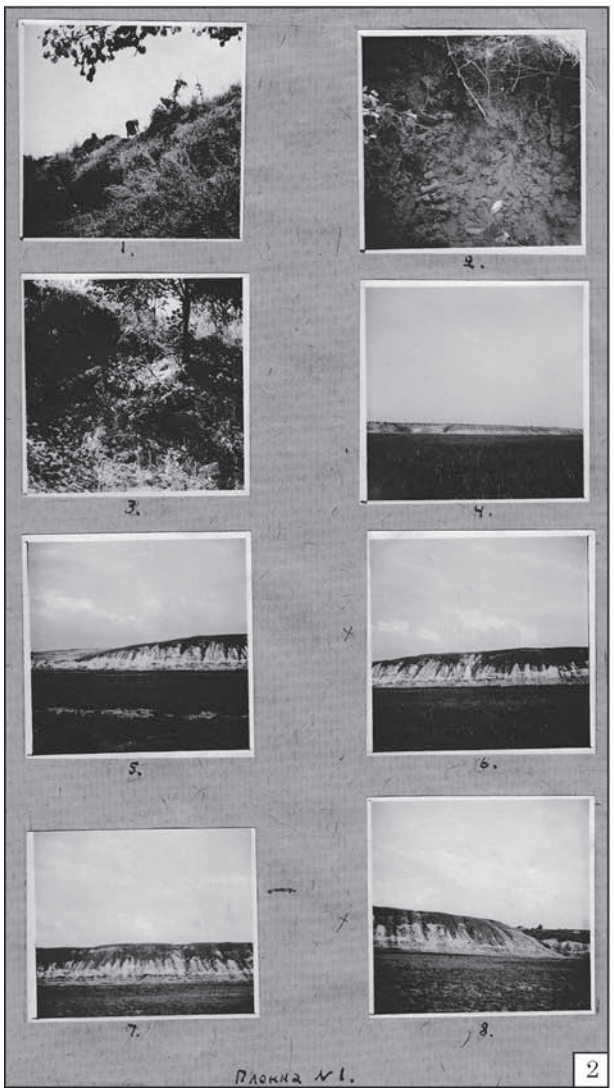
Въезда в городище со стороны стен не обнаружено. Единственное возможное место въезда — с северной стороны городища, где сейчас имеется пологая дорога с поймы» (Пащенко 1954, с. 11, 12).

Шурфовка М. И. Абикуловой в 1978 г. показала, что культурный слой на памятнике практически уничтожен. Строительные остатки представлены руинами каменных стен, а оборонительные сооружения — остатками вала (Гаврилюк 2013, с. 546). Н. А. Гаврилюк считает, что на фото в ее книге (Гаврилюк 2013, с. 547, рис. 9.4: 2) изображена шурфовка М. И. Вязьмитиной вала Горностаевки. Между тем, из описания архивных фотографий (Вязьмитина 1953, с. 19) и полевых дневников ясно следует, что это фото раскопок Золотой Балки. Фотографий шурфа на Горностаевке М. И. Вязьмитина

не делала, сохранилась лишь панорама городища (рис. 17: 2, 3).

18. Любимовское городище расположено на высоком коренном берегу реки Конка, в плане представляет почти правильный прямоугольник (рис. 18), имеет незначительный уклон. Высота над уровнем воды достигала 25 м. Оборонительные сооружения городища исследовались Любимовским отрядом Бериславской экспедиции (Дмитров, Зуц, Копылов 1961).

По периметру городища, вдоль балок и с напольной стороны проходит вал и ров перед ним. В. И. Гошкевич описал вал высотой 1,4 м и ров шириной 4,2 м (рис. 18: 1). Н. Н. Погребова описала ров глубиной 5 м и шириной 10 м. Раскопками Л. Д. Дмитрова и Ф. Д. Копылова установлено, что высота вала не превышала 1,5 м от уровня материка, на гребне вала была сооружена каменная трехслойная двухпанцирная стена шириной не менее 2 м (рис. 18: 2; Дмитров, Зуц, Копылов 1961, с. 80). Ров с южной стороны вала был глубиной 3 м от уровня современной поверхности. Перепад от гребня вала до дна рва 6 м (рис. 18: 3). Вал насыпан из материковой лессовой глины, перекрытой слоем суглинка толщиной 0,3—0,5 м. Суглинок насыщен мелким камнем и щебнем. Возможно,



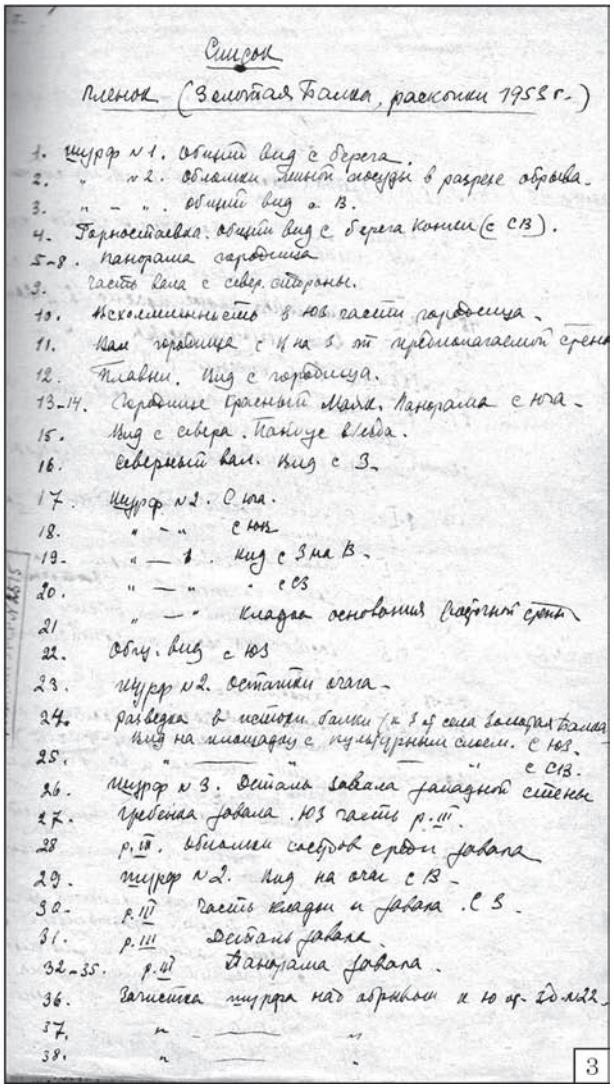


Рис. 17. Горностаевское городище: 1 — современный вид; 2 — фото-контакты из отчета М. И. Вязьмитиной с панорамой городища; 3 — список пленок и описание фото-контактов из отчета М. И. Вязьмитиной (по: 1 — фото из архива ПАЭ; 2, 3 — Вязьмитина 1953—1954/1г)

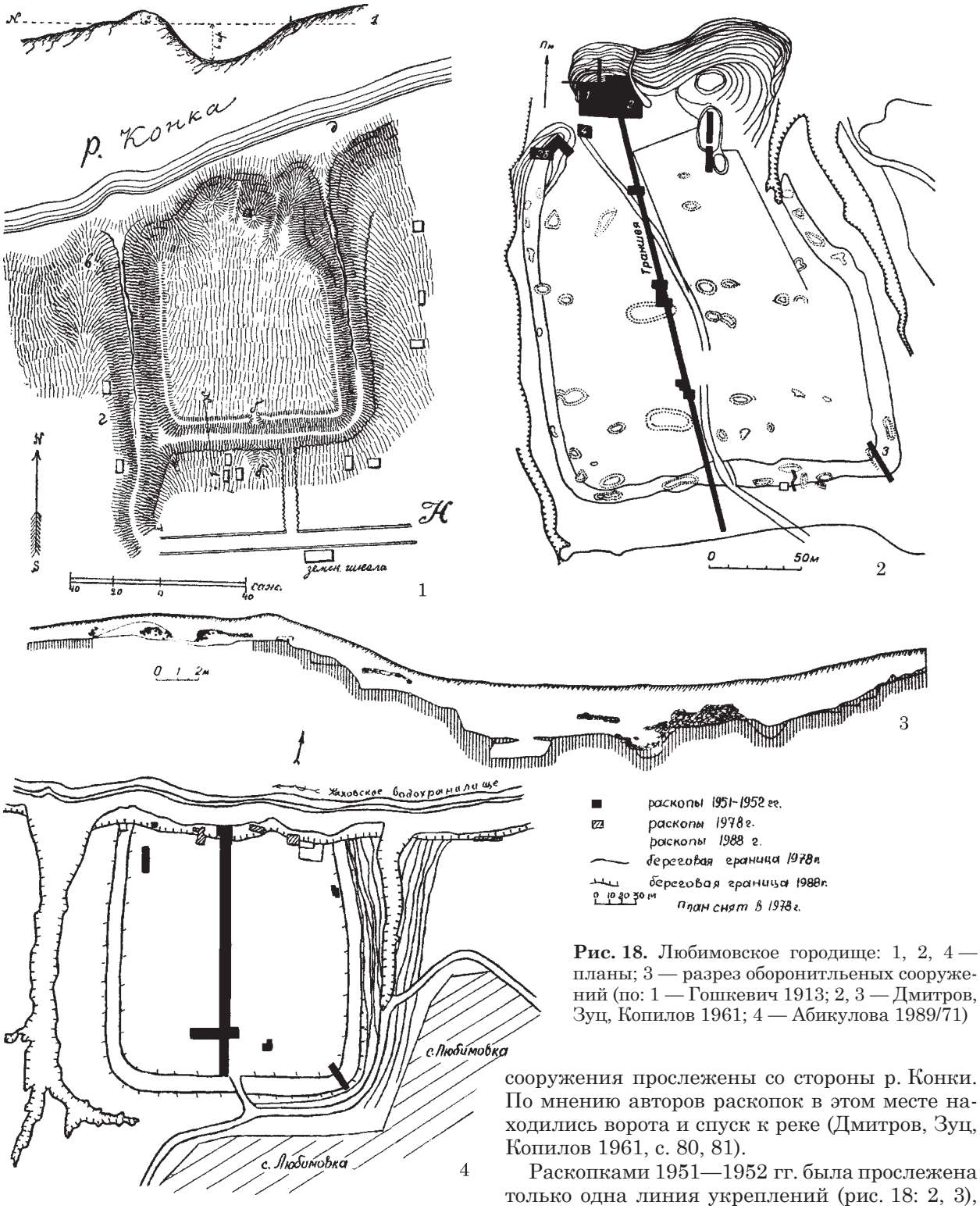


Рис. 18. Любимовское городище: 1, 2, 4 — планы; 3 — разрез оборонитльеных сооружений (по: 1 — Гошкевич 1913; 2, 3 — Дмитров, Зуц, Копилов 1961; 4 — Абикулова 1989/71)

что это следы выборки остатков оборонительных стен в 1880-х гг. Вал стоит на культурном слое, мощностью от 0,7 до 1,5 м, из золы, печины, угля и камней. Ниже этого слоя прослежены хозяйственные ямы, выбранные в лессе.

Подошва оборонительной стены в прибрежной части лежала на цельном лессе и была с обеих сторон усилена прослойками золы, земли, угля и лесса. Ширина стены 2 м. Вымостка, остатки стены и примыкающие к ней каменные сооружения прослежены со стороны р. Конки. По мнению авторов раскопок в этом месте находились ворота и спуск к реке (Дмитров, Зуц, Копилов 1961, с. 80, 81).

Раскопками 1951—1952 гг. была прослежена только одна линия укреплений (рис. 18: 2, 3), однако за первым валом был обнаружен культурный слой. На основании чего было высказано предположение о существовании и второй линии укреплений (Дмитров 1955, с. 68). Скорее всего, Любимовское городище было подобно Анновскому или Гавриловскому.

До берегоукрепительных работ, проведенных в 2010 г., городище активно разрушалось водами Каховского водохранилища. На плане М. И. Абикуловой отмечены изменения береговой линии (рис. 18: 4). К 1988 г. обрушились

прибрежные укрепления и зольники Любимовского городища.

Общая характеристика оборонительных сооружений. *Рвы* являются обязательным элементом оборонительных сооружений позднескифских городищ. Они прослежены на всех памятниках Нижнего Днепра, за исключением Золотой Балки, что может объясняться топографическими особенностями памятника и малой изученностью его напольной части. В сечении рвы треугольные или трапециевидные, на городищах Львово и Знаменка профиль стенок рва ступенчатый. Вероятно, это должно было предотвратить разрушение вала и его оплыв в сторону рва. На всех городищах первая линия обороны усилена менее глубоким и широким рвом, чем акрополь. Рвы треугольных очертаний от 3 до 12 м шириной и 2,5—5 м глубиной. Трапециевидные рвы шириной от 5,9 до 11,5 м, глубиной от 2 до 3,2 м и дно шириной от 0,4 до 6,5 м.

Основу *валов* составлял грунт, выбранный из рвов. В статиграфии валов разных городищ прослежены субструкции, трамбовки и золистые прослойки, иногда выкиды из хозяйственных ям. Высота валов 1—3,4 м, ширина основания 10—12 м.

Оборонительные стены городищ двухпанцирные, с забутовкой из мелкого камня с глиной или другим местным грунтом. Лицевые панцири стен сложены бессистемно из крупных и средних неотесанных плит известняка, иногда с подработкой по месту. На валу Знаменского городища исследована стена из сырцового кирпича и такая же с каменной обкладкой. Стены возводились на гребне вала (Знаменка, Понятовка, Каиры), на лессовой трамбовке (Гавриловка, Анновка) и с фундаментом, углубленным в материк или в основание вала (Николаевка, Львово, Консуловка). Стены и башни городищ усилены дополнительным поясом, который пристраивался снаружи вплотную (Гавриловка, Анновка, Николаевка, Знаменка).

На городищах Золотая Балка, Консуловка, Львово, Тягинка, Понятовка, Каиры прослежен такой важный конструктивный элемент как сложенное из крупных каменных блоков в один — три ряда *основание или фундамент стены*. Толщина стен от 1,2 до 5,4 м.

По мнению С. Г. Колтухова, стены городищ Низового Днепра по конструкции и строительным материалам относятся к той же группе, что и крымские. Прототипы подобных стен широко известны в античном мире, в том числе и во Фракии. Ближайшим аналогом является эллинистическая и римская стена Танаиса, возведенная из бута с грубо обработанной поверхностью, часто просто сколотых камней в иррегулярной системе (Колтухов 1999, с. 61).

Дополнительные пояса являлись важным средством усиления уже существующих стен и башен в оборонительном зодчестве Крымской Скифии эллинистического периода (Неаполь Скифский, Меловое и Булганакское городища). Такая система усиления стен широко применялась на Нижнем Днепре. Однако подобные сооружения неизвестны в Ольвии и на ее округе, нет их и в Тире. В скифскую фортификацию Таврики практика усиления стен поясами пришла с Боспора и Херсонеса. Например, в Тиритаке и в Керкинитиде в III в. до н. э. к уже существующим стенам были пристроены широкие пояса, значительно увеличившие их ширину и устойчивость (Колтухов 1999, с. 62).

На памятниках Нижнего Днепра зафиксировано наличие привратных и пристенных *башен*. Башни исследованы на Гавриловке, Анновке, Николаевке и Консуловке. На Гавриловке сохранились лишь развалы фундаментов полукруглой формы. Полукруглая в плане кладка прослежена в 2013 г. на Саблуковском городище во время разведки (рис. 11: 2). Судя по ее расположению, это может быть основание башни акрополя. На Анновке и Николаевке исследованы квадратно-прямоугольные в плане башни. Обе башни и стены, к которым они примыкали, были укреплены каменным поясом, пристроенным вплотную снаружи. Аналогичные строительные приемы зафиксированы и на позднескифских памятниках Крыма (Колтухов 1999, с. 64), однако все башни строились индивидуально и имеют специфические особенности. На Консуловке пристенная башня исследована в 2019 г.

Характерной особенностью позднескифской фортификации было то, что башни в основном пристраивались к стене впритык. Встроенные между куртинами башни единичны. Все известные исследованные башни были прямоугольные в плане. Лишь на городище Брусилово в Крыму одна из башен могла быть круглой. Стены башен были двухслойными в вертикальном поперечном сечении и возводились в иррегулярной, нередко постелистой системе из бута на глиняном растворе. Помимо башен с выделенными стенами, к крепостным куртинам пристраивали башни с полностью забутованным внутренним пространством (Неаполь Скифский, Булганакское городище, Меловое). Предполагается, что в таком случае внутреннее помещение башни располагалось на верхнем этаже, над забутованным ярусом.

Башни до пристройки усиливающих поясов выступали за плоскость стены не более, чем на 4—7 м. Ширина башен не превышала 4—6 м (Колтухов 1999, с. 62—64).

Въезды имели каменную вымостку или трамбовку и фланкировались привратными башнями. Они имели ширину до 5,5 м (Анновка).

Выводы. Исследователи склонны усматривать две подосновы формирования позднескифской фортификации. Местная, варварская традиция проявляется в четком следовании укреплений рельефу, что прослеживается на мысовых и контурных городищах Предгорного

Крыма и Нижнего Днепра. Эллинистическая традиция заложила основы для создания прямоугольных (в нашей классификации — береговых) укреплений (Колтухов 1999, с. 56). В. П. Былкова считает использование валов и рвов продолжением скифской степной традиции, а стен и башен — эллинским влиянием (Былкова 2007а, с. 43).

По мнению С. Г. Колтухова, позднескифская традиция строить прямоугольные крепости могла сложиться на основе херсонесского военно-инженерного искусства. Примером такой строго прямоугольной крепости с регулярными прямолинейными террасами является городище Тарпанчи в Крыму, сооруженное во второй половине II в. до н. э. (Колтухов 1999, с. 56). Таким образом, строительство позднескифских прямоугольных укрепленных городищ на Нижнем Днепре С. Г. Колтухов рассматривает как следствие распространения эллинистических фортификационных идей, заимствованных сначала поздними скифами Крыма, а затем и Нижнего Днепра. О. Д. Дашевская также отмечала схожесть строительных принципов и оборонительных сооружений двух регионов (Дашевская 1990, с. 143).

Большинство городищ на Нижнем Днепре являются береговыми (Гавриловское, Анновское, Саблуковское, Консуловское, Старошведское, Тягинское, Любимовское).

В Предгорном Крыму мысовые городища наиболее архаичны и характерны для эллинистического времени. Позднее, как правило, возводили контурные укрепления, имевшие овальные, округлые либо подпрямоугольные очертания. По наблюдению С. Г. Колтухова, во II—I в. до н. э. наблюдается тенденция к уменьшению площади новых строящихся городищ, по сравнению с укреплениями предшествующего времени (Колтухов 1999, с. 57).

Хронология нижнеднепровских городищ все еще мало изучена. Однако на Анновке самые древние постройки находятся на территории предградья, на Золотой Балке и Любимовке ранние глинобитные сооружения и хозяйственные ямы прослежены под оборонительной стеной, и это может служить подтверждением гипотезы, что динамика заселения городищ Нижнего Днепра аналогична крымской.

Все береговые городища Нижнего Днепра, подобно крымским, имеют первоначальные контурные укрепления, вынесенные далеко в степь. Они хорошо читаются по аэрофотоснимкам. Также как и в Крыму, на Нижнем Днепре наблюдается тенденция уменьшения площади городищ, возведение квадратных или прямоугольных в плане укрепленных акрополей, с многократно перестроенными и усиленными стенами.

На Саблуковке, Консуловке, Красном Маяке и Знаменке прослеживаются цитадели — внутренние укрепления акрополей, имевшие свой фортификационный пояс. Без археологических раскопок пока не ясно, как хронологически они соотносятся с укреплениями акрополей.

В Северо-Западном Крыму большое количество крупных городищ имеют две линии обороны: это Неаполь Скифский, Кермен-Кыр, Булганакское, Алексеевское, Сары-Кая и Усть-Альма (Колтухов 1999, с. 57).

На городищах Нижнего Днепра прослежено по две линии укреплений, а на Гавриловке и Анновке — три. Учитывая общую тенденцию к уменьшению площади городищ, не исключено, что какое-то время внешняя и внутренняя линии укреплений могли сосуществовать. Ответить на этот вопрос можно будет только после масштабных раскопок. Первые, внешние линии обороны практически не исследованы раскопками. Исследовались лишь укрепления акрополя, судя по находкам, были возведены не ранее второй половины I в. до н. э. или на рубеже н. э.

Анализ раскопок укреплений ольвийской хоры позволяет выделить такие же, как и на позднескифских городищах, элементы фортификации сельской округи на рубеже и в первые века н. э.: рвы, валы, стены и башни (Буйских, 1984, с. 193). Большую роль в системе фортификации ольвийской хоры играли башни. Они раскопаны на пяти памятниках: Козырка, Дидова Хата 3, Днипровка, Петуховка 2 и Скелька. Башни являлись основными узлами обороны, повышая боеспособность укреплений и позволяя осуществлять сигнальную связь (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, с. 160, 161).

И. Н. Храпунов считает, что архитектурно-планировочные принципы и строительные приемы, использованные поздними скифами при возведении оборонительных сооружений, представляются своеобразными, присущими только позднескифской культуре. Общего между греческими и позднескифскими фортификационными системами только то, что в обоих случаях использовались каменные стены и башни. Создается впечатление, что знакомство поздних скифов с оборонительными сооружениями античных городов ограничивалось лишь внешним осмотром. Во всяком случае, устройство двух параллельных фронтальных линий обороны, отсутствие в кладках обработанных камней, заполнение башен изнутри бутовым камнем и грунтом, многократное утолщение стен за счет пристраивания дополнительных поясов явно указывают на негреческое происхождение архитекторов и строителей, возводивших таким образом оборонительные сооружения (Храпунов 2004, с. 93, 94).

На наш взгляд, Н. А. Гаврилюк и М. Матера, описывая вскользь позднескифское домостроительство и фортификацию, склонны недооценивать уровень развития позднескифской строительной культуры (Гаврилюк, Матера 2016, с. 132). Одновременное основание, а затем и укрепление ряда поселений со сложной фортификацией вряд ли было спонтанным.

Осуществить такой масштабный и системный проект могло общество довольно высокого уровня, с централизованным аппаратом управления типа вождества или раннего государства (Пуздровский 2001, с. 94).

Внешнее сходство ольвийских укреплений и позднескифских городищ проявляется лишь в общих для любой фортификации идеях и элементах, без которых нельзя было обойтись. Но техническое воплощение этих идей указывает на местную традицию.

ЛИТЕРАТУРА

Абикулова, М. И. 1977. *Отчет о полевых археологических работах на территории Херсонской области в 1977 году*. НА ІА НАН України, ф. 64, 1977/140.

Абикулова, М. И. 1989. *Отчет об охранных раскопках Любимовского позднескифского городища в 1989 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1989/71.

Амброз, А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.* Свод археологических источников, Д 1-30. Москва: Наука.

Афанасьев-Чужбинский, А. С. 1861—1963. *Поездка в Южную Россию.* 1: Очерки Днепра. Санкт-Петербург.

Буйских, С. Б. 1984. Основные элементы фортификации хоры Ольвии первых вв. н. э. В: Крыжицкий, С. Д. (ред.). *Античная культура Северного Причрноморья*. Киев: Наукова думка, с. 189-201.

Былкова, В. П. 2007a. *Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений).* Херсон: ХГУ.

Былкова, В. П. 2007b. Позднескифские городища Нижнего Днепра: Проблемы хронологии и атрибуции. *Tyragetia*, I (XVI), 1, с. 89-114.

Внуков, С. Ю. 2003. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э.* I. Москва: ИА РАН.

Внуков, С. Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Петрография, хронология, проблемы торговли.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Вязьмитина, М. И. 1953—1954. *Отчет о раскопках на поселении у с. Золотая Балка в 1953—1954 гг.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1953—1954/1г.

Вязьмітіна, М. І. 1962. *Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі.* Київ: Наукова думка.

Гаврилюк, Н. А. 2013. *Экономика Степной Скифии VI — III вв. до н. э.* Киев: Олег Філюк.

Гаврилюк, Н. А., Абикулова, М. И. 1991. *Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья.* 1: Новые материалы. Киев: Препринт.

Гаврилюк, Н. А., Матияш, А. И. 1988. Оборонительные сооружения Анновского городища. В: *Тезисы докладов Правобережной конференции.* Кировоград, с. 11-13.

Гаврилюк, Н. О., Матера, М. 2016. Пізньоскіфські чи постскіфські городища Нижнього Подніпров'я. *Археологія*, 4, с. 121-135.

Гаврилюк, Н. О., Оленковський, М. П. 1992. *Пам'ятки скіфів*. Археологічна карта нижньодніпровського регіону, п'ятий випуск. Херсон: Херсонське обласне управління культури.

Гошкевич, В. И. 1913. Древние городища по берегам низового Днепра. *Известия ИАК*, 47, с. 117-145.

Граков, Б. Н. 1954. *Каменское городище на Днепре*. Материалы и исследования по археологии СССР, 36. Москва: АН СССР.

Дашевская, О. Д. 1990. Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус. В: Мелюкова, А. И. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Москва, с. 134-143.

Дашевская, О. Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Свод археологических источников, Д 1-7. Москва: Наука.

Дзнеладзе, Е. С., Сикоза, Д. Н. 2017. *Отчет о разведке на позднескифских памятниках Понятовка, Старошведское (Змиевка) и Красный Маяк (Бериславский и Белозерский р-ны, Херсонская обл.) в 2017 году*. НА ІА НАН України, ф. 64, 2017/31.

Дмитров, Л. Д. 1955. Раскопки Любимовского городища. *Краткие сообщения ИА АН УССР*, 4, с. 67-69.

Дмитров, Л. Д., Зуц, В. Л., Копилов, Ф. Б. 1961. Любимівське городище рубежу нашої ери. *Археологічні пам'ятки УРСР*, X, с. 78-100.

Елагина, Н. Г. 1958. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э. *Вестник МГУ. Серия историко-филологическая*, 4, с. 45-58.

Елагина, Н. Г. 1962. Новое позднескифское городище на Нижнем Днепре. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 89, с. 74-76.

Зубар, В. М., Храпунов, І. М. 1989. Нові дослідження Любимівського городища. *Археологія*, 4, с. 131-135.

Кобалия, Д. Р. 2018. Крепость Тягинь и ее современное состояние. *Scriptorum Nostrum*, 2 (11), с. 172-198.

Кобалия, Д. Р., Ильинский, В. Е. 2011. *Отчет об археологических исследованиях на острове Тягинь (Бериславский район Херсонской области). Запорожье*. НА ІА НАН України, ф. 64, 2010/127.

Колтухов, С. Г. 1999. *Укрепления Крымской Скифии.* Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат, 1999.

Крыжицкий, С. Д., Буйских, С. Б., Бураков, А. В., Отрешко, В. М. 1989. *Сельская округа Ольвии*. Киев: Наукова думка.

Мышецкий, С. И. 1847. *История о казаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся*. Москва.

Никоненко, Д. Д. 2015. Пізньоскіфське Консуловське городище. *Археологія*, 1, с. 91-99.

Оленковський, М. П. 2007. *Археологічні пам'ятки Бериславського району Херсонської області*. Херсон: Атлант.

Пиворович, В. Б. 2010. Крепость Тягин по нумизматическим данным. В: *Наукові записки. Проблеми археології, історії, історіографії, джерелознавства, музеєзнавства, природознавства, фалеристики, нумізматики, соціології*. Херсон: Айлант, с. 206-210.

Погребова, Н. Н. 1950. *Отчет о разведке скифских городищ на Нижнем Днепре в 1950 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1950/15а.

Погребова, Н. Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское). *Материалы и исследования по археологии СССР*, 64, с. 103-247.

Полин, С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев.

Пуздровский, А. Е. 2001. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. *Вестник древней истории*, 3, с. 86-118.

Ратнер, І. Д. 1975. *Ганнівське городище. Історична довідка. 25 жовтня 1975 р. Паспорт. Ганнівське городище. 1.1.1131—2.21.15.*

Симоненко, О. В., Сікоза, Д. М., Дзнеладзе, О. С. 2015. *Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011—2015 років*. Херсон: Сівак О. В.

Сымонович, Э. А. 1965. *Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда в 1965 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1965/63.

Фабриціус, І. В. 1930. Любимівське городище. *Вісник ОКК при ВУАН, секція археології*, 4—5, с. 113-119.

Храпунов, И. Н. 2004. *Этническая история Крыма в раннем железном веке*. Боспорские исследования, 6. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография.

Чирков, А. П. 1867. Краткий очерк городищ, находящихся при Днепре и его лимане. *Записки Одесского Общества истории и древностей*, VI, с. 546-550.

Щукин, М. Б. 1970. К истории Нижнего Подпепровья в первые века нашей эры. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 14, с. 54-67.

Ястребов, В. Н. 1894. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. *Записки Одесского Общества истории и древностей*, XVII, с. 63-176.

REFERENCES

Abikulova, M. I. 1977. *Otchet o polevykh arkheologicheskikh rabotakh na territorii Khersonskoi oblasti v 1977 godu.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1977/140.

Abikulova, M. I. 1989. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh Liubimovskogo pozdneskifskogo gorodishcha v 1989 g.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1989/71.

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n. e. — IV v. n. e.* Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-30. Moskva: Nauka.

Afanasev-Chuzhbinskii, A. S. 1861—1963. *Poezdka v Iuzhnuiu Rossiiu.* 1: Ocherki Dnepra. Sankt-eterburg.

Buiskikh, S. B. 1984. Osnovnye elementy fortifikatsii khory Olvii pervykh vv. n. e. In: Kryzhitskii, S. D. (ed.). *Antichnaia kultura Severnogo Prichrnomoria.* Kiev: Naukova dumka, s. 189-201.

Bylkova, V. P. 2007a. *Nizhnee Podneprove v antichnuiu epokhu (po materialam raskopok poselenii).* Kherson: KhGU.

Bylkova, V. P. 2007b. Pozdneskifskie gorodishcha Nizhnego Dnepra: Problemy khronologii i atributsii. *Tyragetia*, I (XVI), 1, s. 89-114.

Vnukov, S. Iu. 2003. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. — II v. n. e.* I. Moskva: IA RAN.

Vnukov, S. Iu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. — II v. n. e. Petrografiia, khronologiia, problemy torgovli.* Sankt-Peterburg: Aleteiia.

Viazmitina, M. I. 1953—1954. *Otchet o raskopkah na poselenii u s. Zolotaia Balka v 1953—1954 gg.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1953—1954/1g.

Viazmitina, M. I. 1962. *Zolota Balka. Poselennia sarmatskoho chasu na Nyzhnomu Dnipri.* Kyiv: Naukova dumka.

Gavriliuk, N. A. 2013. *Ekonomika Stepnoi Skifii VI — III vv. do n. e.* Kiev: Oleg Filiuk.

Gavriliuk, N. A., Abikulova, M. I. 1991. *Pozdneskifskie pamiatniki Nizhnego Podneprovia.* 1: Novyi materialy. Kiev: Preprint.

Gavriliuk, N. A., Matiiash, A. I. 1988. Oboronitelnye sooruzheniia Annovskogo gorodishcha. In: *Tezisy dokladov I Pravoberezhnoi konferentsii.* Kirovograd, s. 11-13.

Havryliuk, N. O., Matera, M. 2016. Piznoskifski chy postskifski horodyshcha Nyzhnoho Podniprovia. *Arkheolohiia*, 4, s. 121-135.

Havryliuk, N. O., Olenkovskyi, M. P. 1992. *Pamiatky skifiv*. Arkheolohichna karta nyzhnodniprovskoho rehionu, piatyi vypusk. Kherson: Khersonske oblasne upravlinnia kultury.

Goshkevich, V. I. 1913. Drevnie gorodishcha po beregam nizovogo Dnepra. *Izvestiia IAK*, 47, s. 117-145.

Grakov, B. N. 1954. *Kamenskoe gorodishche na Dnepre.* Materialy i issledovaniia o arkheologii SSSR, 36. Moskva: AN SSSR.

Dashevskaia, O. D. 1990. Pozdneskifskaia fortifikatsiia i ee variant na gorodishche Beliaus. In: Meliukova, A. I. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii.* Moskva, s. 134-143.

Dashevskaia, O. D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu.* Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-7. Moskva: Nauka.

Dzneladze, E. S., Sikoza, D. N. 2017. *Otchet o razvedke na pozdneskifskikh pamiatnikakh Poniatovka, Staroshvedskoe (Zmievka) i Krasnyi Maiak (Berislavskii i Belozerskii r-ny, Khersonskaia obl.) v 2017 godu.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 2017/31.

Dmitrov, L. D. 1955. Raskopki Liubimovskogo gorodishcha. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN USSR*, 4, s. 67-69.

Dmytrov, L. D., Zuts, V. L., Kopylov, F. B. 1961. Liubymivske horodyshche rubezhu nashoi ery. *Arkheolohychni pamiatky URSR*, X, s. 78-100.

Elagina, N. G. 1958. Naselenie Nizhnego Podneprovia vo II v. do n. e. — IV v. n. e. *Vestnik MGU. Seriia istoriko-filologicheskaia*, 4, s. 45-58.

Elagina, N. G. 1962. Novoe pozdneskifskoe gorodishche na Nizhnem Dnepre. *Kratkie soobshcheniia IA SSSR*, 89, s. 74-76.

Zubar, V. M., Khrapunov, I. M. 1989. Novi doslidzhennia Liubymivskoho horodyshcha. *Arkheolohiia*, 4, s. 131-135.

Kobaliia, D. R. 2018. Krepost Tiagin i ee sovremennoe sostoianie. *Scriptorum Nostrum*, 2 (11), s. 172-198.

Kobaliia, D. R., Ilinskii, V. E. 2011. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh na ostrove Tiagin (Berislavskii raion Khersonskoi oblasti).* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 2010/127.

Koltukhov, S. G. 1999. *Ukrepleniia Krymskoi Skifii.* Materialy po arkheologii Kryma. Simferopol: Sonat, 1999.

Kryzhitskii, S. D., Buiskikh, S. B., Burakov, A. V., Otreshko, V. M. 1989. *Selskaia okruga Olvii.* Kiev: Naukova dumka.

Myshetskii, S. I. 1847. *Istoriia o kazakakh zaporozhskikh, kak onye iz drevnikh let zachalisia, i otkuda svoe proiskhozhdenie imeiut, i v kakom sostoianii nyne nakhodiatsia.* Moskva.

Nykonenko, D. D. 2015. Piznoskifske Konsulovske horodyshche. *Arkheolohiia*, 1, s. 91-99.

Olenkovskyi, M. P. 2007. *Arkheolohichni pamiatky Berislavskoho raionu Khersonskoi oblasti.* Kherson: Atlant.

Pivorovich, V. B. 2010. Krepost Tiagin po numizmaticheskim dannym. In: *Naukovi zapysky. Problemy arkheolohii, istorii, istoriohrafii, dzherelo-znavstva, muzeieznavstva, pryrodoznavstva, falerystyky, numizmatyky, sotsiolohii.* Kherson: Ailant, s. 206-210.

Pogrebova, N. N. 1950. *Otchet o razvedke skifskikh gorodishch na Nizhnem Dnepre v 1950 g.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1950/15a.

Pogrebova, N. N. 1958. Pozdneskifskie gorodishcha na Nizhnem Dnepre (Gorodishcha Znamenskoe i Gavrilovskoe). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 64, s. 103-247.

Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii.* Kiev.

Puzdrovskii, A.E. 2001. Politicheskaia istoriia Krymskoi Skifii vo II v. do n. e. — III v. n. e. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 86-118.

Ratner, I. D. 1975. *Hannivske horodyshche. Istorychna dovidka. 25 zhovtnia 1975 r. Pasport. Hannivske horodyshche. 1.1.1131—2.21.15.*

Symonenko, O. V., Sikoza, D. M., Dzneladze, O. S. 2015. *Piznoskifskyi mohylnyk Chervonyi Maiak. Doslidzhennia 2011—2015 rokiv.* Kherson: Sivak O. V.

Symonovich, E. A. 1965. *Otchet o rabotakh Tiligulo-Dneprovskogo otriada v 1965 g.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1965/63.

Fabrytsius, I. V. 1930. Liubymivske horodyshche. *Visnyk OKK pry VUAN, sektsiia arkheolohii*, 4—5, s. 113-119.

Khrapunov, I. N. 2004. *Etnicheskaia istoriia Kryma v rannem zheleznom veke.* Bosporskie issledovaniia, 6. Simferopol; Kerch: Kerchenskaia gorodskaia tipografiia.

Chirkov, A. P. 1867. Kratkii ocherk gorodishch, nakhodiashchikhsia pri Dnepre i ego limane. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey*, VI, s. 546-550.

Shchukin, M. B. 1970. K istorii Nizhnego Podreprovia v pervye veka nashei ery. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 14, s. 54-67.

Iastrebov, V. N. 1894. Opyt topograficheskogo obozreniia drevnostei Khersonskoi gubernii. *Zapiski Odesskogo Obshchestva istorii i drevnostey*, XVII, s. 63-176.

E. S. Dzneladze, D. N. Sikoza

FORTIFICATION OF THE LATE SCYTHIANS OF LOWER DNIEPER REGION

The Late Scythian hill-forts are placed on the floodplain terraces and high banks of the Dnieper and its creeks. Usually the Late Scythians chose the part of steep bank above the river surrounded by gullies for the erecting of fortress.

According the topography and layout of fortification two types of them can be classified: the cape hill-forts and riverside ones. The same types are correct for the Late Scythians of Crimea.

The cape type hill-forts are Chervony Mayak, Mykolayivka-Kozatske, Lvove, Poniativka, Velyka Lepetykha and Kairy.

The riverside type hill-forts are Havrylivka, Hannivka, Sablukivka, Konsulivka, Staroshvedske (Zmiivka), Znamyanka, Zolota Balka, Tiahynka and Liubymivka.

The first descriptions and topographic plans were made in the late 18th—19th centuries. The some parts of ramparts and moats were excavated during the first half of the 20th century. The period of massive archaeological excavations during fifties — sixties of the 20th century were associated with Kakhovka Hydroelectric Power Plant building.

The defensive structures of the Late Scythians consisted of the system of ramparts and moats. The fortified walls sometimes with towers erected on the ridge of rampart. Behind them the settlements were located. On the several Late Scythian hill-forts these parts have got additional line of fortifications. The most complex fortification system had three lines of defense.

The defensive structures on the twelve Late Scythian hill-forts such as Zolota Balka, Havrylivka, Hannivka, Konsulivka, Chervony Mayak, Mykolayivka-Kozatske, Lvove, Tiahynka, Poniativka, Znamyanka, Kairy and Liubymivka were studied.

Velyka Lepetykha, Hornostayivka and Berislav hill-forts were destroyed or covered by modern buildings.

The defensive structures of Late Scythians, according to the artifacts, have appeared not early than second half of the 1st century BC, or at the turn of era.

The analysis of excavations of the Olbio chora shows same elements of fortification at the first centuries AD: moats, ramparts, walls and towers. But the architecture and building features of the Late Scythian fortification are peculiar, and specific only for this culture. The creation of two parallel defensive lines, stone filling in the internal space of towers, multiple thickening of walls indicate not a Hellenistic origin of builders.

Only general ideas and typical elements of fortification are the same in Olbio and in the Late Scythians hill-forts. The technical realization of these ideals shows the local origin of the Late Scythian fortification.

Keywords: the Late Scythians, the Late Scythian culture, the lower Dnieper Region, fortification, defensive structures, rampart, moat, defensive wall, tower, citadel.

О. С. Дзнеладзе, Д. М. Сікоза

ОБОРОННІ СПОРУДИ ПІЗНІХ СКІФІВ НИЗОВОГО ДНІПРА

Пізньоскіфські городища Низового Дніпра розташовані на надзаплавних терасах та корінному березі Дніпра та його приток. За топографією та плануванням укріплень вирізняються два типи городищ: мисові (розташовані на мисі корінного берегу, утвореного яром) та берегові (розташовані на прямокутній або квадратній ділянці корінного берега). Вони також притаманні пізньоскіфський культурі Криму. Мисові городища: Червономаяцьке, Миколаївка-Козацьке, Львівське, Понятівське, Великолепетиське та Каїрське; берегові: Гаврилівське, Ганнівське, Саблуківське, Консуловське, Старошведське, Тягинське, Знам'янське, Золотобалківське та Любимівське.

Перші описи і топографічні плани городищ складені іще наприкінці XVIII—XIX ст. Деякі ділянки оборонних валів та ровів було розкопано в першій половині XX ст. Період масштабних археологічних розкопок пізньоскіфських городищ припадає на 1950—1960 рр. і пов'язаний з будівництвом Каховської ГЕС.

Оборонні споруди пізніх скіфів складаються з системи валів і ровів. На вершині валів зводилися оборонні мури іноді з вежами. За межами оборонних споруд простежені передмістя. На деяких пам'ятках передмістя мали додаткову лінію укріплень. Найбільш складна система пізньоскіфської фортифікації налічувала до трьох ліній оборони.

Фортифікаційні споруди були простежені або частково досліджені на 12 городищах: Золотобалківському, Гаврилівському, Ганнівському, Консулівському, Червономаяцькому, Миколаївка-Козацькому, Львівському, Тягинському, Понятівському, Знам'янському, Каїрському та Любимівському.

Городища Велика Лепетиха, Горностаївка та Берислав зруйновані або вкриті сучасною забудовою.

Укріплення акрополів пізньоскіфських городищ, за знахідками, з'явилися не раніше другої половини I ст. до н. е., або на початку нової ери.

Аналіз розкопок ольвійської хори дозволяє виділити такі ж елементи фортифікації сільської околиці на межі ери та в перші ст. н. е.: рови, вали, мури та вежі. Однак архітектурні принципи та будівельні способи, застосовані пізніми скіфами своєрідні, притаманні тільки пізньоскіфській культурі. Влаштування двох паралельних фронтальних ліній оборони, заповнення веж всередині камінням і ґрунтом, багаторазове потовщення стін за рахунок прибудови додаткових поясів вказують на негрецьке походження архітекторів.

Зовнішня подібність ольвійських укріплень та пізньоскіфських городищ проявляється лише в загальних для будь-якої фортифікації ідеях та елементах. Проте технічне втілення цих ідей вказує на місцеву традицію.

Ключові слова: пізні скіфи, пізньоскіфська культура, Низовий Дніпро, фортифікація, оборонні споруди, вал, рів, оборонний мур, вежа, цитадель.

Одержано 25.05. 2020

ДЗНЕЛАДЗЕ Олена Сергоївна, к. і. н., н. с., Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.
DZNELADZE Olena, PhD in History, Research Officer, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Prospect Heroiv Stalingrada, 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-3564-217X; e-mail: dzynya@gmail.com.

СІКОЗА Денис Миколайович, заступник начальника, Обласна інспекція з охорони пам'яток історії та культури, Департамент культурної спадщини, туризму і курортів Херсонської обласної державної адміністрації, вул. Театральна, 1, Херсон 73000, Україна.
SIKOZA Denys, Associated Director, the Regional Inspectorate for the Protection of Historical and Cultural Sites, the Department of Cultural Heritage, Tourism and Resorts of the Kherson Regional State Administration, Teatralna Str., 1, Kherson 73000 Ukraine.
ORCID: 0000-0002-7287-3084, e-mail: arheolog111@gmail.com.

УДК 904.5(282.247.41.044)"-1/0" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.11

А. С. Скрипкин, В. М. Клепиков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ II—I вв. до н. э. НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САРМАТОВ

Статья посвящена хронологическому анализу раннесарматских воинских погребений с двумя мечами в Нижнем Поволжье, датируемых последними веками до н. э. Авторы связывают их появление с миграционной волной II—I вв. до н. э. и предлагают видеть в них аорсов и верхних аорсов Страбона, вместе с сираками и роксоланами сменивших сарматов в евразийских степях.

Ключевые слова: *Сарматы, аорсы, Нижнее Поволжье, мечи, кинжалы, погребения воинов.*

Александр Владимирович является одним из ведущих специалистов в области сарматской археологии. Полагаем, что наша статья вызовет у него интерес. Мы поздравляем его со славным юбилеем, желаем здоровья и новых творческих успехов.

Несмотря на публикацию в предшествующее время значительного количества работ по хронологии и периодизации сарматских памятников, эта тема не утрачивает своей актуальности, а поиск новых фактов позволяет уточнить процессы формирования культур в целом или отдельных их периодов. В частности, проблема периодизации раннесарматской археологической культуры в хронологических рамках IV—I вв. до н. э. включает целый ряд вопросов, связанных как с сохранением традиционных элементов погребального канона на протяжении всего периода, так и с инновациями, связанными с восточными миграционными импульсами. Соответственно, возникает необходимость определения, датирования и объяснения новых явлений, позволяющих обосновать выделение отдельных этапов в истории раннесарматского кочевого мира.

В предлагаемой статье речь пойдет о сарматских погребальных памятниках Нижнего Поволжья, для которых характерно наличие в каждом из них парных находок меча и кинжала. Нами специально выбраны два варианта сочетаемости разнотипного клинкового оружия в отдельном погребении: 1) меч обычно с кольцевым навершием и кинжал с серповидным навершием, в обоих случаях перекрестия прямые; 2) меч без металлического навершия и обычно с ромбовидным перекрестием, кинжал с серповидным навершием.

Первый вариант сочетаемости клинкового оружия выявлен в десяти погребениях: Бахтияровка, к. 33/5; Белокаменка II, к. 7/3; Верхнее Погромное, к. 7/6; Калиновка, к. 19/17; Киляковка, к. 4/7; Котлубань V, к. 1/6; Петрунино II, к. 1/14; Рыбный, к. 3/12; Эльтон (гр. у с. Приозерное), к. 2/6; Эльтон, к. 6/3 (рис. 1, 2). Все находки происходят с территории Волгоградской области. В одном случае (Эльтон, к. 6/3) длинный меч имел серповидное навершие, а кинжал — кольцевое.

Второй вариант совместно встречаемых мечей и кинжалов был представлен в семи погребениях следующих могильников: Аксай I, к. 2/2; Жутово, к. 27/4; Майеровский III, к. 4/3А; Маляевка V, к. 3/3; Новый Рогачик, к. 7/3; Политотдельское, к. 12/19; Яшкуль, гр. 37, к. 1/1 (рис. 3). Последний комплекс происходит из Калмыкии, остальные с территории Волгоградской обл.

Датировка всех этих погребений определяется самим набором клинкового оружия в них. Все эти погребения не могут быть датированы началом нашей эры по следующей причине: найденные в них кинжалы относятся к прохоровскому типу, который отличает, кроме серповидного навершия и прямого перекрестия, еще и клиновидная форма лезвия. Находок мечей

© А. С. СКРИПКИН, В. М. КЛЕПИКОВ, 2020

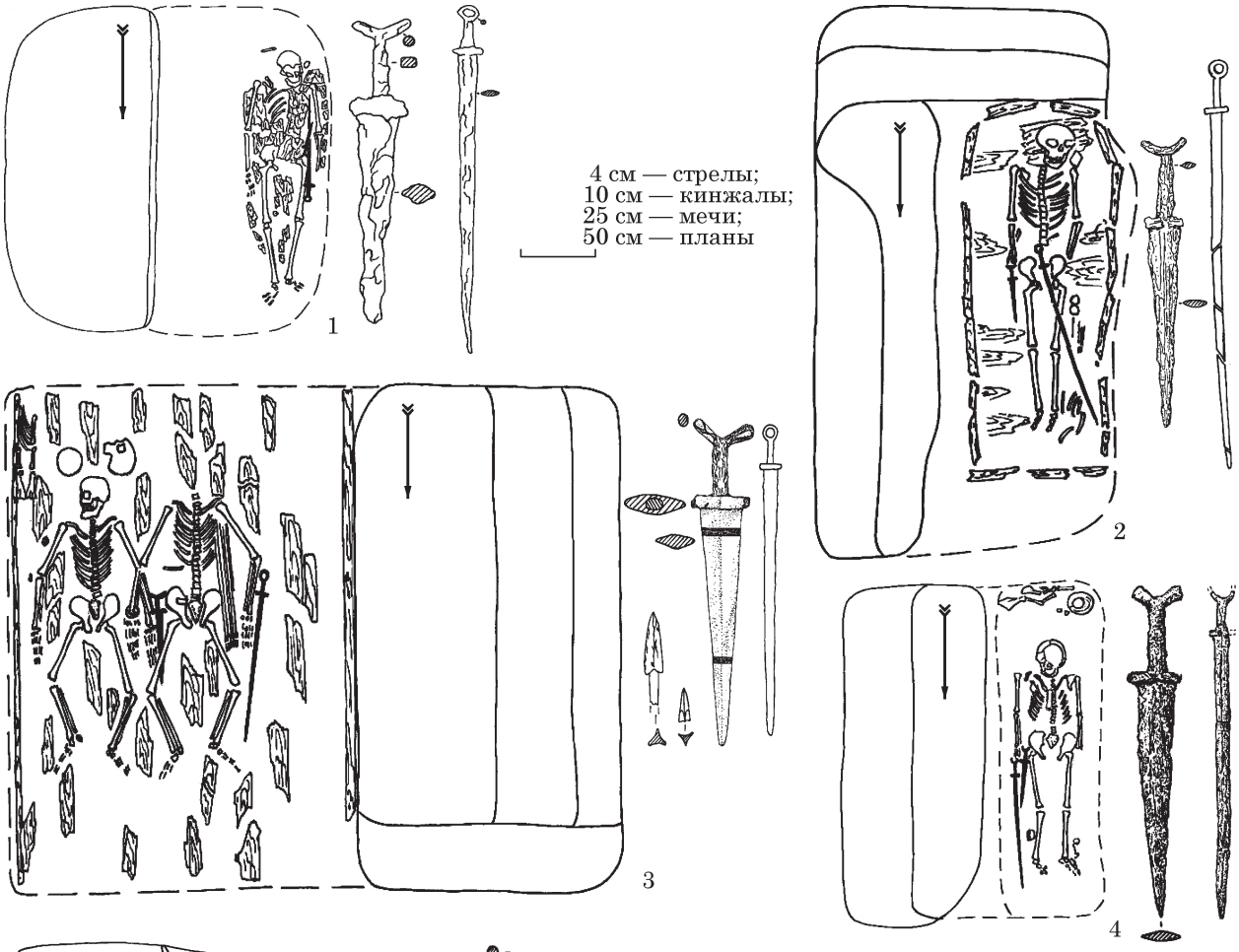


Рис. 1. Погребения с мечами и кинжалами с кольцевым и серповидным навершием: 1 — Бахтияровка I, курган 33, погр. 5; 2 — Котлубань V, курган 1, погр. 6; 3 — Белокаменка II, курган 7, погр. 3; 4 — Калиновка, курган 19, погр. 17; 5 — Верхнее Погромное, курган 7, погр. 6

и кинжалов этого типа в настоящее время известно многие сотни, но мы не знаем случаев их нахождения в памятниках, убедительно датируемых первыми веками н. э. Обращаем внимание, речь идет о типичных мечах и кинжалах прохоровского типа, а не об отдельных позднейших их дериватах типа кинжала из кургана 10 могильника Высочино I на Нижнем Дону (Беспалый, Лукьяшко 2008, с. 127, табл. XIII: 2).

Таким образом, нахождение в исследуемых комплексах кинжалов прохоровского типа ограничивает их верхнюю дату. Нижняя дата тех же комплексов определятся мечами как с кольцевым навершием, так без металлических наверший и коротким часто ромбовидным перекрестием, поскольку их появление в сарматских погребениях связано с миграцией кочевников во II в. до н. э., исходной территорией которой были центральноазиатские районы, соседствующие с Китаем. Клинковое оружие с кольцевым навершием на территориях к северу от Китая появляется еще с раннескифского времени, оно известно в изображениях на оленных камнях и широко распространяется в последующее время на территории Северного Китая, Минусинской котловины, Тувы. До II в. до н. э. они неизвестны в кочевнических погребениях Восточной Европы (Скрипкин 2005, с. 171—181). Мечи без металлических наверший и обычно коротким, часто ромбовидным перекрестием по своему оформлению обнаруживают близость китайскому аналогичному оружию, мечи такого типа могли появиться только в соседних с Китаем районах. Во время начавшихся миграционных процессов II в. до н. э. такие мечи распространяются в Средней Азии, степях Восточной Европы, известны они и в памятниках лесостепных культур саргатской, пьяноборской и чегандинской культур, куда могли попасть при помощи кочевников (Скрипкин 2000, с. 17, 18).

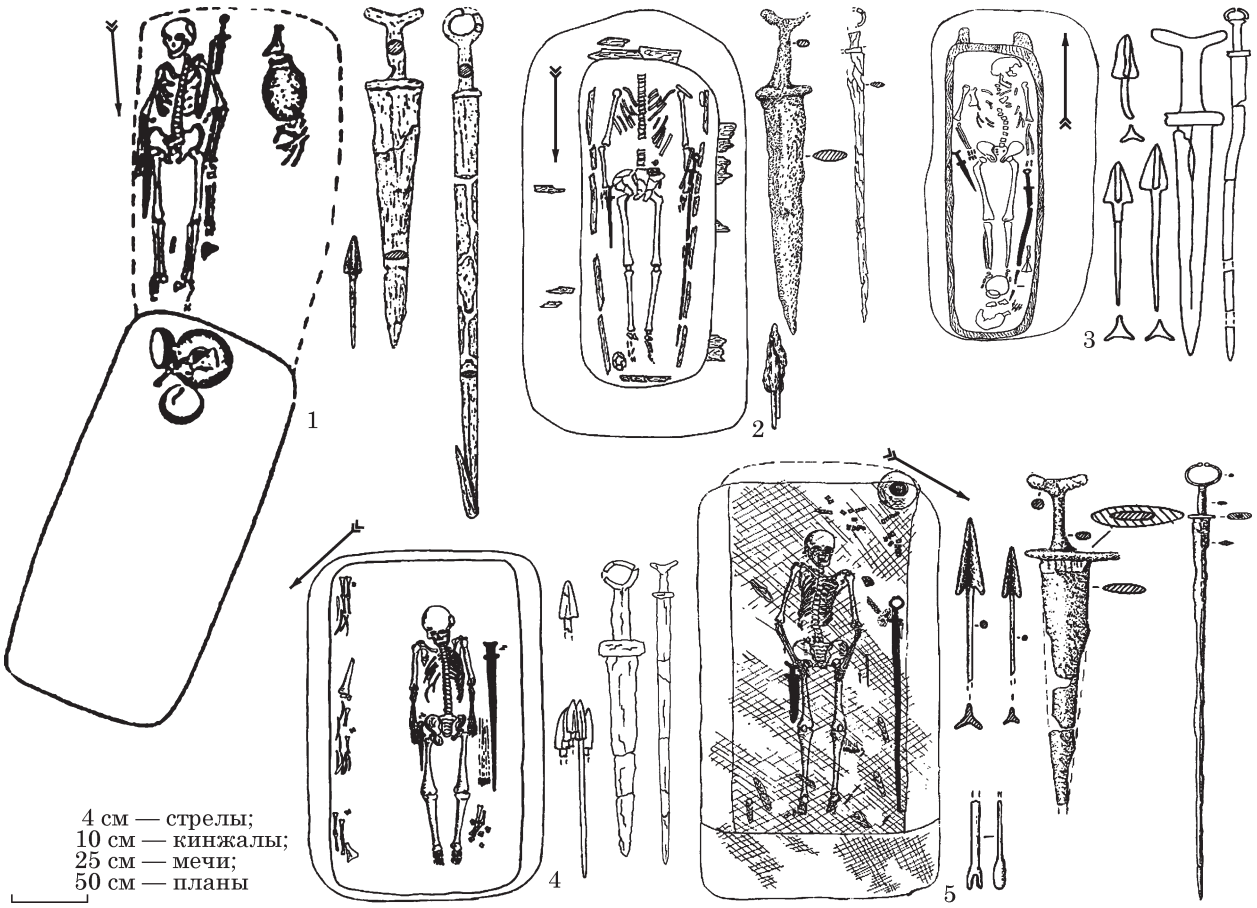


Рис. 2. Погребения с мечами и кинжалами с кольцевым и серповидным навершием: 1 — Киляковка, курган 4, погр. 7; 2 — Петрунино II, курган 1, погр. 14; 3 — Рыбный, курган 3, погр. 12; 4 — Эльтон, курган 6, погр. 3; 5 — Эльтон (Приозерное), курган 2, погр. 6

Таким образом, уже сам набор клинкового оружия ограничивает время существования выделенных нами погребальных комплексов II—I вв. до н. э. Кроме того, предложенная дата подтверждается рядом находок других вещей, которые являются для рассматриваемых погребений хроноиндикаторами, например, фибулами. Так в погребении из курганного могильника Рыбный был обнаружен фрагмент фибулы среднелатенской схемы со скрепленной ножкой. Фибулы этого типа датируется преимущественно второй половиной II — первой половиной I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 44).

Особый интерес представляют погребения из кургана 1 могильника Петрунино II, располагавшегося у реки Иловли, левого притока Дона. В погребении 14 этого кургана были найдены кинжал прохоровского типа и меч с кольцевым навершием. Здесь же была обнаружена ажурная бронзовая пряжка, в рамке которой была заключена сцена борьбы хищника кошачьей породы с верблюдом. Появление таких пряжек в сарматских погребениях по ряду стилистических особенностей связывают с распространением моды на них из центральноазиатских районов и датируют II—I вв. до н. э. (Скрипкин 2000, с. 24, 25; Глебов 2016, с. 69—79; Трейстер 2019, с. 212—214). Судя по круговому расположению под насыпью этого кургана нескольких сарматских погребений, не нарушающих друг друга, они близки по времени захоронения. В погребении 13 также был обнаружен длинный меч с кольцевым навершием и кинжал, внешний вид которого из-за плохой сохранности, к сожалению, установить не удалось. Погребения 13 и 14 располагались рядом, не нарушая друг друга, имели одинаковую форму ям и ориентировку, и потому можно предположить их одновременное сооружение. В погребении 9 того же кургана и в яме той же конструкции вместе с мечом прохоровского типа была обнаружена железная лучковая подвязная фибула. Судя по форме слабо прогнутой спинки, она относилась к раннему варианту этого типа фибул. В предыдущее время лучковые фибулы было принято датировать не ранее I в. н. э. С накоплением материала эта дата была подвергнута сомнению, и было предложено датировать ранний их вариант временем до н. э. Идея удревнения этих лучковых фибул была изложена в работах ряда авторов. Предлагалось датировать их концом I в. до н. э. (Михлин 1980, с. 205), I в. до н. э. (Скрипкин 2003, с. 128) и даже второй — последней четвертью II в. до н. э. (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 152).

В погребении 4 из кургана 28 Жутовского могильника были найдены две уникальные

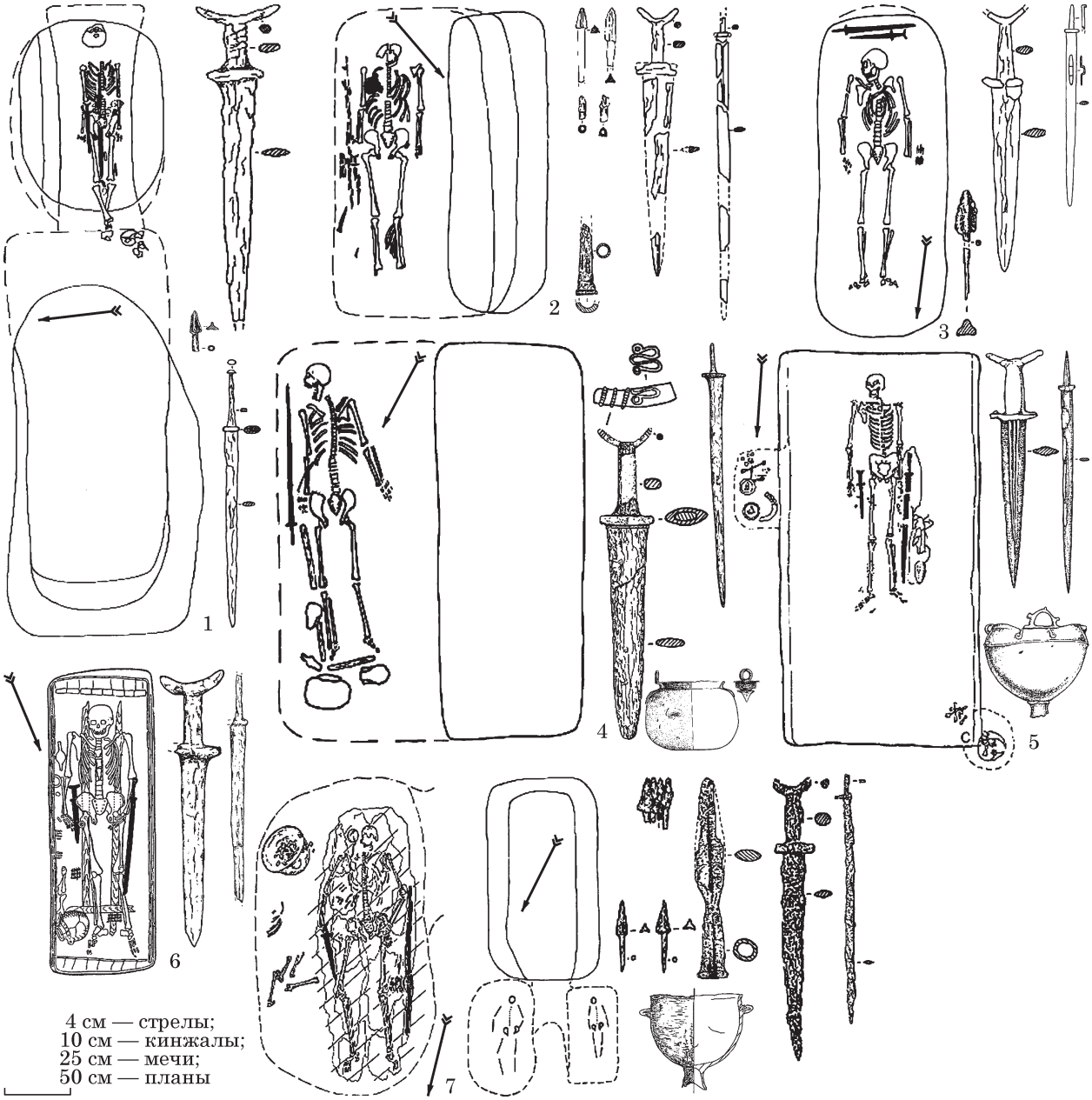


Рис. 3. Погребения с мечами без металлического навершия с ромбовидным перекрестием и кинжалами с серповидным навершием: 1 — Аксай I, курган 2, погр. 2; 2 — Маляевка V, курган 3, погр. 3; 3 — Новый Рогачик, курган 7, погр. 3; 4 — Жутово, курган 27, погр. 4; 5 — Яшкуль, гр. 37, курган 1, погр. 1; 6 — Политотдельское, курган 12, погр. 19; 7 — Майеровский III, курган 4, погр. 3А

пряжки из гагата, прямые аналогии которым имеются в памятниках тесинской культуры на Енисее, а также античный угвентарий, которые позволили датировать это погребение II—I вв. до н. э. (Скрипкин, Шинкарь 2010). Такие же пряжки известны в воинских погребениях этого же времени из Центральной Азии (Трейстер 2019, с. 194—199, 214).

В парном погребении 3 из кургана 4 могильника Майеровский III, располагавшегося в Волгоградском Заволжье, мужчина и женщина были захоронены в отдельных катакомбах, объединенных одной входной ямой. По полевым наблюдениям, это было одновременное погребение. С мужчиной находились кинжал с серповидным навершием и длинный меч без металлического навершия, железный наконечник копья, железные трехперые черешковые наконечники стрел, бронзовый котел. Захоронение женщины сопровождалось большим количеством вещей, среди которых были золотые гривна, браслеты, серьги, перстни и нашивные бляшки. Наиболее точно датируемые вещи происходили из женского погребения, в частности, серебряная чаша с внутренним гравированным орнаментом, покрытым позолотой, определена как продукт восточной торевтики позднего эллинизма. Аналогичные чаши были широко распространены на территории Сирии и Парфии во II—I вв. до н. э. (Skvorcov, Skripkin

2006, s. 260—262). По мнению М. Ю. Трейстера, в это же время с ранней волной парфянских импортов такие чаши появились у кочевников сарматского круга (Трейстер 2018, с. 122, 123, 148).

С тем же набором клинкового оружия в кургане 1 (Яшкуль, гр. 37) были найдены два больших серебряных фалара (диаметр 18 см), в центре которых изображены стилизованные фигуры волка и козла. Фалары такого типа, происходящие из кургана у с. Володарки, Сибирской коллекции Петра I, случайные находки у г. Новоузенска Самарской губернии и с. Сидоровка Омской области, В.И. Мордвинцева отнесла к группе греко-бактрийского стиля, датировав II — началом I вв. до н. э. (Mordvinceva 2001, s. 36, 37, 64). Всесторонний анализ фаларов из Яшкуля позволил И. П. Засецкой прийти к выводу о том, что они должны датироваться началом I в. до н. э. или рубежом II—I вв. до н. э. Стилистические и технические признаки позволяют включить их в изделия эллинистической эпохи II—I вв. до н. э. (Засецкая 2016, с. 96).

Существует еще один вариант определения хронологической позиции рассматриваемых погребальных комплексов. Это колчанные наборы стрел. Из 17 учтенных комплексов в 16 были обнаружены наконечники стрел, все они оказались железными трехлопастными черешковыми, за исключением погребения 2 из кургана 2 могильника Аксай I, где был найден один железный втульчатый, и погребения 3 кургана 3 могильника Маляевка V, где вместе с 98 черешковыми находилось два втульчатых наконечника.

Мы неоднократно обращали внимание, что для сарматских погребений III в. до н. э. в большей мере характерно сочетание в колчанных наборах железных и бронзовых наконечников стрел (Клепиков, Скрипкин 2002, с. 66, 67; Скрипкин, Клепиков 2004, с. 97). Смена набора наконечников стрел в погребениях раннесарматской (прохоровской) культуры в пределах IV—I вв. до н. э. характеризуется подавляющим преобладанием на начальном этапе бронзовых втульчатых наконечников (до нескольких сот в одном погребении) с постепенной их заменой железными, преимущественно черешковыми наконечниками и практически полным преобладанием железных наконечников во II—I вв. до н. э., что в частности подтверждает и наша выборка погребальных комплексов. Таким образом, в формировании раннесарматских колчанных наборов можно выделить три этапа: 1) преобладание бронзовых наконечников; 2) сочетание бронзовых и железных наконечников; 3) преобладание железных черешковых трехлопастных наконечников. Такой расклад дает элементарный статистический подсчет. Резких границ между этими этапами не существовало. Железные наконечники стрел иногда встречаются и на первом этапе обозначенного процесса, как и бронзовые на заключительном, но не они определяют хронологическую тенденцию. Поэтому хотелось отметить, что не следует при обнаружении отдельных бронзовых наконечников в одном каком-либо сарматском погребении II—I вв. до н. э., заявлять, что такое сочетание наконечников стрел, не является хронологическим показателем III в. до н. э. Речь в данном случае идет о статистической закономерности, которая позволяет выделить названные выше три хронологических этапа в формировании колчанных наборов раннесарматской культуры.

Сам состав клинкового оружия в нашей выборке погребальных памятников представляет интерес в плане решения вопроса определения этнокультурного содержания кочевнических памятников Нижнего Поволжья II—I вв. до н. э. Дело в том, что мечи с кольцевым навершием и мечи без металлического навершия появляются в данном регионе в результате миграционных процессов, исходной территорией которых были центральноазиатские районы. Кинжалы и мечи с серповидным навершием являются местной продукцией, они были в ходу задолго до появления здесь названных мечей миграционного происхождения. Кинжалы и мечи так называемого прохоровского типа, судя по всему, в сформировавшемся виде появляются в конце IV в. до н. э. и затем широко распространяются на территории волго-уральских степей (Скрипкин 2016, с. 264—275).

Вероятно, местного происхождения и обычай помещать с погребенным одновременно меч и кинжал. Причем, как показывают наблюдения, раньше с погребенными помещались однотипные мечи и кинжалы, имеющие серповидные навершия. Кстати, их более раннюю хронологическую позицию подтверждает помещение вместе с ними колчанов с бронзовыми и железными наконечниками стрел. Ранее проведенные нами подсчеты по собранной выборке, включающей 19 погребальных комплексов с мечами и кинжалами прохоровского типа, показали, что в 18 присутствовали наконечники стрел, из которых в двух находились только бронзовые наконечники, еще в двух только железные, в одном стрелы отсутствовали. В остальных 13-и в колчанах находились бронзовые и железные наконечники стрел. Железные наконечники в основном трехлопастные черешковые (Скрипкин 2015, с. 194).

Таким образом, уже на примере клинкового оружия в комплексах II—I вв. до н. э. из Нижнего Поволжья мы видим своеобразный симбиоз двух культурных традиций, предшествующей местной и пришлой центральноазиатской. Если посмотреть шире, то становиться очевидным, что эта тенденция охватывает более широкий круг категорий вещественного материала и в какой-то мере погребальный обряд.

Кроме двух типов рассматриваемых здесь мечей, а также упоминавшихся поясных бронзовых ажурных пряжек и пряжек, изготовленных из гагата, сюда следует добавить ряд находок решетчатых пряжек, а также курильниц кубической формы в Волго-Донском регионе. Здесь же, в ряде мест, фиксируется увеличение северной ориентировки погребенных и совершение захоронений в деревянных колодах, отдельные из которых обнаруживают аналогии в тувинских древностях гунно-сарматского времени (Клепиков 2014, с. 51—56; Скрипкин 2019, с. 20—34).

Что касается сохранения традиций предшествующего времени в погребальных памятниках II—I вв. до н. э., то кроме мечей и кинжалов с серповидным навершием, продолжают встречаться бронзовые зеркала с валиком по краю и штырем для оформления ручки, глиняная посуда, украшенная по тулову пучками вертикальных линий. Ведущей ориентировкой погребенных остается южная. Продолжает сохраняться обычай, зародившийся еще в IV в. до н. э., располагать погребения по кругу либо в ряд под курганной насыпью.

Также следует отметить, что все инновации восточного происхождения неизвестны в эпонимном памятнике раннесарматской культуры — Прохоровских курганах. К настоящему времени в этом могильнике раскопано 38 погребений. По мнению Л. Т. Яблонского, доследовавшего этот памятник, и других исследователей, практически все захоронения Прохоровки датируются в пределах IV—III в. до н. э., за исключением одного (курган «б» погребение 9), в котором был обнаружен кинжал с кольцевым навершием и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (Яблонский 2010, с. 68—82; Федоров 2011, с. 155—159). При таком соотношении находок в погребении из кургана «б» не исключена его принадлежность и к среднесарматской культуре. Нет перечисленных выше инноваций восточного круга и в других погребальных памятниках IV—III вв. до н. э. от Волги до Южного Урала.

Таким образом, между кочевническими погребальными памятниками Поволжья да и Приуралья IV—III вв. до н. э. и II—I вв. н. э. существуют определенные различия как в материальной культуре, так, отчасти, и в погребальном обряде. Они были вызваны миграцией кочевого населения в волго-уральские степи из центральноазиатских районов, соседствующих с Китаем. Этот тезис находит подтверждение и по данным антропологии. На краниологическом материале из погребений II—I вв. до н. э. был выявлен новый долихомезокранный компонент, отличающийся от предыдущего сарматского населения, для которого характерна была брахикрания, хотя местный антропологический компонент оставался преобладающим (Балабанова 2010, с. 72, 73). Как неоднократно отмечала М. А. Балабанова, больший процент долихокрании был характерен для мужского населения, что предполагало участие в миграции прежде всего мужского населения. Эти данные могут свидетельствовать о том, что сама миграция носила военный характер.

Первым, кто отразил этнические изменения на юго-востоке Европы в связи с миграциями II в. до н. э., был Страбон. От Прикаспия до Днепра он упоминает ряд народов, которые здесь в сочинениях других античных авторов не фигурировали. Страбон располагал новой достоверной информацией по этому региону. Являясь уроженцем малоазийского города Амасии, которая некоторое время была столицей Понтийского царства, он имел возможность использовать информацию о районах Северного Кавказа и Северного Причерноморья, значительное количество которой было получено во времена правления Митридата VI Евпатора, пытавшегося использовать кочевников этих мест в борьбе против Рима. Не лишним будет напомнить, что прадед Страбона был одним из полководцев Митридата.

Кому могли принадлежать погребальные комплексы II—I вв. до н. э. Поволжья? Впервые Страбон упоминает аорсов, подразделяя их на две группировки: аорсов и верхних аорсов. Аорсов он поместил «по течению Танаиса», верхние же аорсы, как наиболее многочисленные, занимали «более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» (Strabo, XI, 5, 8). У Страбона мы находим только одну хронологическую привязку, имеющую отношение к аорсам, во время правления на Боспоре Фарнака (63—47 гг. до н. э.). Но аорсы в отмеченных Страбоном местах появились, видимо, раньше. Это следует из его заявления, что они, как и сираки, «являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше». Таким образом, на время завершения написания Страбоном «Географии», а это самое начало I в. н. э., сохранилась еще память об аорсах-мигрантах. Если бы это случилось еще в IV—III вв. до н. э., как считали ранее, с продвижением раннесарматской культуры в Поволжье и на Дон, то аорсы воспринимались бы уже как аборигенное население. С другой стороны, трудно представить, что миграционные процессы, охватившие значительные территории Средней Азии, евразийского степного пространства, не затронули Волго-Донской регион. Одним из подтверждений обоснования времени занятия аорсами территорий, указанных Страбоном, является освоение роксоланами территории между Борисфеном и Танаисом не ранее II в. до н. э., что являлось следствием одних и тех же событий.

Учитывая, что в археологическом отношении погребальные памятники II—I вв. до н. э. от Дона до Южного Приуралья мало чем отличаются друг от друга, а также и то, что погре-

бения из нашей выборки располагались как в междуречье Дона и Волги, а также в Заволжье, они могли принадлежать и той и другой группировкам аорсов. Судя по всему, в степном кочевом мире от Дона до Южного Урала происходит переоформление старых этноплеменных отношений и формирование новых. Во главе двух аорских объединений, скорее всего, становятся представители мигрантов, как наиболее пассионарной части населения. В этническом и политическом отношениях это были уже другие объединения кочевников, отличающиеся во многом от своих предшественников.

Между Каспием и Борисфеном Страбон, кроме двух объединений аорсов, разместил сираков в Прикубанье по современной локализации и роксоланов между Доном и Днепром. Формировалась эта этнокарта, видимо, с первой половины или середины II в. до н. э. и просуществовала, вероятно, до середины I в. н. э., поскольку Тацит, повествуя о борьбе за власть в Боспорском царстве, основные события которой развернулись в Восточном Приазовье в 49 г. н. э., участниками этих событий называет аорсов и сираков (Tac. Ann., XII, 15). Не позже 79 г. н. э. Плиний Старший помещает аорсов уже в Северо-Западном Причерноморье (Plin. NH, IV, 80).

Все четыре кочевнические объединения, плотно гранича друг с другом, заняли значительную часть степного пространства Восточной Европы. Учитывая многочисленность верхних аорсов, о которых писал Страбон, и которые могли выставить армию более чем 200 тыс. всадников, а также их кочевой образ жизни, они могли контролировать территорию между Каспием и Южным Уралом.

Эти объединения были самостоятельными в политическом отношении, имели своих правителей. Страбон называет имена предводителей аорсов, сираков, роксоланов. Они имели свои наименования, даже могли воевать друг против друга, как это произошло в сирако-аорской войне 49 г. н. э., описанной Тацитом. Возникает вопрос, какое отношение эти самостоятельные этнополитические группировки имеют к сарматам? Себя они, скорее всего, сарматами не именовали, поскольку имели самоназвания. Страбон упоминает сарматов, но как-то неопределенно, без какой-либо конкретики, зачастую отождествляя их со скифами.

Предполагается, что первое бесспорное определение территории «Сарматии» принадлежит Марку Агриппе (вторая половина I в. до н. э.). Он или его информаторы западной границей ее считали Борисфен (Днепр). По данным, приведенным в этом источнике, А.В. Подосинов рассчитал, что восточная граница Сарматии должна находиться в районе Кавказа и Волги (Подосинов 2002, с. 46, 57, 58). Спрашивается, на каком основании вся эта территория во времена Агриппы именовалась Сарматией? Ведь здесь на время составления этого документа не существовало ни одного сколь-нибудь значимого кочевнического объединения с таким самоназванием. Вывод здесь один, в «Хорографии» Марка Агриппы мы имеем дело с данью традиции. На значительной части территории, отводимой в этом документе Сарматии, ранее действительно обитало этноплеменное объединение сарматов, которое прекращает свое существование в связи с событиями II в. до н. э. Все это напоминает ситуацию с савроматами, которых античные авторы упоминают до начала новой эры, хотя реально такого кочевого объединения не существовало уже несколько веков.

Отмеченная традиция со временем приобретает гипертрофированные формы, когда понятие Сарматия уже ничего общего не имеет с конкретным народом сарматами. Эта тенденция нашла яркое отражение в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, в котором, например, территория Европейской Сарматии простиралась от Дона до Германии и Балтики, на которой проживали разные народы иранского, германского, раннеславянского происхождения. В дальнейшем это даже дало основание польской шляхте увязать свое происхождение с сарматами.

ЛИТЕРАТУРА

Балабанова, М. А. 2010. Новые данные об антропологическом типе сарматов. *Российская археология*, 2, с. 67-77.

Беспалый, Е. И., Лукьяшко, С. И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника.* 1: Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Глебов, В. П. 2016. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья. В: *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова.* Оренбург: ОГПУ, с. 69-79.

Зайцев, Ю. П., Мордвинцева, В. И. 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода. *Российская археология*, 2, с. 135-154.

Засецкая, И. П. 2016. Стилистические особенности декора на фаларах из Яшкуля. В: *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б. А. Раева.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 90-105.

Клепиков, В. М. 2014. Раннесарматские погребения Нижнего Поволжья с северной ориентировкой. *Нижневолжский археологический вестник*, 14, с. 51-56.

Клепиков, В. М., Скрипкин, А. С. 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья. *Нижневолжский археологический вестник*, 5, с. 47-81.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Михлин, Б. Ю. 1980. Фибулы Беляуского могильника. *Советская археология*, 3, с. 194-213.

Подосинов, А. В. 2002. *Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, переводы, комментарии*. Москва: Индрик.

Скрипкин, А. С. 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов. *Нижневолжский археологический вестник*, 3, с. 17-40.

Скрипкин, А. С. 2003. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье. *Российская археология*, 2, с. 128-134.

Скрипкин, А. С. 2005. Сарматские мечи с кольцевым навершием. В: *II Городцовские чтения: материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ*. Москва: ГИМ, с. 171-185.

Скрипкин, А. С. 2015. Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона. В: *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 191-197.

Скрипкин, А. С. 2016. О происхождении мечей прохоровского типа. В: *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург: ОГПУ, с. 264-275.

Скрипкин, А. С. 2019. Кочевой мир юга Восточной Европы во II—I вв. до н. э. (восточный инновации, факты, причины, последствия). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 1 (24), с. 20-34.

Скрипкин, А. С., Клепиков, В. М. 2004. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья. В: *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, с. 95-106.

Скрипкин, А. С., Шинкарь, О. А. 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье. *Российская археология*, 1, с. 130-142.

Трейстер, М. Ю. 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. — III в. н. э.). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика и эпиграфика*, 10, с. 118-210.

Трейстер, М. Ю. 2019. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II—I вв. до н. э. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, с. 180—239

Федоров, В. К. 2011. Рец. на кн.: Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. *Российская археология*, 4, с. 155-159.

Яблонский, Л. Т. 2010. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии*. Москва: Таус.

Mordvinceva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden: Leidorf.

Skvorcov, N. B., Skripkin, A. S. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia Antiqua*, 12, S. 251-267.

REFERENCES

Balabanova, M. A. 2010. Novye dannye ob antropologicheskom tipe sarmatov. *Rossijskaya arkheologiya*, 2, s. 67-77.

Bespaly, E. I., Lukijashko, S. I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurechija Dona i Kagalnika*. 1: Kurganny mogilnik u s. Vysochino. Rostov-na-Donu: YuNCz RAN.

Glebov, V. P. 2016. Pryazhki s zoomorfnymi izobrazheniyami v rannesarmatskoj kulture Nizhnego Podonija. In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferenczii «Problemy sarmatskoj arxeologii i istorii», posvyashhennoj 100-letiju so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova*. Orenburg: OGPU, s. 69-79.

Zajtsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2003. Podvyaznye fibuly v varvarskikh pogrebeniyakh Severnogo Prichernomorija pozdneellinisticheskogo perioda. *Rossijskaya arkheologia*, 2, s. 135-154.

Zasetskaya, I. P. 2016. Stilisticheskie osobennosti dekora na falarakh iz Yashkulja. In: *Antichnaya czivilizacziya i varvarskij mir Ponto-Kaspijskogo regiona. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferenczii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashhennoj 70-letnemu yubileyu B. A. Raeva*. Rostov-na-Donu: YuNC RAN, s. 90-105.

Klepikov, V. M. 2014. Rannesarmatskie pogrebeniya Nizhnego Povolzhya s severnoj orientirovkoj. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 14, s. 51 — 56.

Klepikov, V. M., Skripkin, A. S. 2002. Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzhya. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 5, s. 47-81.

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoj epokhi*. Kiev: ADEF-Ukraina.

Mikhlin, B. Yu. 1980. Fibuly Belyauskogo mogilnika. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 194-213.

Podosinov, A. V. 2002. *Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoj traditsii. Teksty, perevody, kommentarii*. Moskva: Indrik.

Skripkin, A. S. 2000. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoj kultury sarmatov. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 3, s. 17-40.

Skripkin, A. S. 2003. O novom variante luchkovykh fibul iz sarmatskikh pogrebenij v Volgo-Donskom mezhdurechie. *Rossijskaya arkheologiya*, 2, s. 128-134.

Skripkin, A. S. 2005. Sarmatskie mechi s koltsevym navershiem. In: *II Gorodtsovskie chteniya: materialy nauchnoj konferentszii, posvyashchennoj 100-letiyu deyatelnosti V. A. Gorodtsova v GIM*. Moskva: GIM, s. 171-185.

Skripkin, A. S. 2015. Klinkovoe oruzhie v razrabotke khronologii i nekotorykh voprosov etnicheskoj istorii rannesarmatskoj kultury Volgo-Uralskogo regiona. In: *Vojna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj pamiyati A. I. Melyukovoj*. Rostov-na-Donu: YuNC RAN, s. 191-197.

Skripkin, A. S. 2016. O proiskhozhdenii mechej prokhorovskogo tipa. In: *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoj arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii», posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova*. Orenburg: OGPU, s. 264-275.

Skripkin, A. S. 2019. Kochevoj mir yuga Vostochnoj Evropy vo II—I vv. do n. e. (vostochnye innovatsii, fakty, prichiny, posledstviya). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 1 (24), s. 20-34.

Skripkin, A. S., Klepikov, V. M. 2004. Khronologiya rannesarmatskoj kultury Nizhnego Povolzhija. In: *Sarmatskie kultury Evrazii: Problemy regionalnoj khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoj konferentsii «Problemy sarmatskoj arkheologii i istorii»*. Krasnodar, s. 95-106.

Skripkin, A. S., Shinkar, O. A. 2010. Zhutovskij kurgan N 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurechie. *Rossijskaya arkheologiya*, 1, s. 130-142.

Trejster, M. Yu. 2018. Parfyanskie i rannesasanidskie «importy» v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoj Evropy (II v. do n. e. — III v. n. e.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma. Arkheologiya, istoriya, numizmatika, sfragistika i epigrafika*, 10, s. 118-210.

Trejster, M. Yu. 2019. «Importy» iz Tsentralnoj Azii i Sibiri v pogrebalnykh pamyatnikakh Aziatskoj Sarmatii II—I vv. do n. e. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 4, s. 180—239

Fedorov, V. K. 2011. Recz. na kn.: Yablonskij L. T. Prochorovka: u istokov sarmatskoj arxeologii. M.: Taus, 2010. *Rossijskaya arkheologiya*, 4, s. 155-159.

Yablonskij, L. T. 2010. *Prochorovka. U istokov sarmatskoj arkheologii*. Moskva: Taus.

Mordvinceva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden: Leidorf.

Skvorcov, N. B., Skripkin, A. S. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia Antiqua*, 12, S. 251-267.

A. S. Skripkin, V. M. Klepikov

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE LOWER VOLGA REGION OF THE 2nd—1st CENTURIES BC AND SOME ETHNIC ISSUES OF THE SARMATIANS

The paper concerns with chronological analysis of Early Sarmatian military burials with two swords in the Lower Volga region dated to the last centuries BC. There are two combinations of the different bladed weapons in the burials: swords with a ring pommel and daggers with a crescent-shaped pommel; swords without metal pommel with the rhomboid cross-bar and daggers with a crescent-shaped pommel. Swords and daggers with a crescent-shaped pommel are absent in the burials after the turn of AD. Swords and daggers with ring pommel or rhomboid-shaped cross-bar have appeared during the new migration wave in the Lower Volga region not earlier than in the 2nd century BC. This determines the chronological framework of the assemblages. Daggers and swords with a crescent-shaped pommel are the local product, they were used much earlier than the swords of migratory origin. The authors suggest that the emergence of innovations is associated with the migration of the 2nd—1st centuries BC from Central Asia, because in addition to swords with ring pommel and bronze cross-bar without metal pommel, there were found bronze openwork and lattice buckles, jet buckles and cubic incense burners, well known in the East.

The burials with Northern direction and wooden decks have the analogies in Tuvan antiquities of the Xiungnu-Sarmatian time. At the same time in ancient sources there is a list of tribes among which Aorsi and Top Aorsi on the Don and in the Volga region, Rhoxolani in the Northern Pontic region and Siraci in the Kuban region are mentioned. Although all this area was called Sarmatia, the name Sarmatians is not included in this list. The authors believe that the new tribes replaced the Sarmatians but in Greek literary tradition the territory retained its old familiar name. In addition to swords and daggers with the crescent-shaped pommel, other items known as early as the 4th—3rd centuries BC continue to occur in the burials, and the burial rite continues to preserve the custom of southern direction of the buried and the practice of placing the burial in a circle or in a row under the mound. All this is the evidence of the unique symbiosis of two cultural traditions: the previous local and newcomer Central Asian.

Keywords: Sarmatians, Aorsi, Lower Volga region, swords, daggers, military burials.

А. С. Скрипкін, В. М. Клепіков

АРХЕОЛОГІЧНІ ПАМ'ЯТКИ НИЖНЬОГО ПОВОЛЖЯ II—I ст. до н. е. І ДЕЯКІ ЕТНИЧНІ ПРОБЛЕМИ САРМАТІВ

Стаття містить хронологічний аналіз ранньосарматських воїнських поховань із двома мечами в Нижньому Поволжі, датованих останніми століттями до н. е. У похованнях є два сполучення різної клинкової зброї: мечі з кільцевим навершям та кинджали з серпоподібним навершям; мечі без металевого навершя з ромбоподібним перехрестям та кинджали з серпоподібним навершям. Мечі та кинджали з серпоподібним перехрестям відсутні в похованнях після рубежу нової. Мечі та кинджали з кільцевим навершям або ромбоподібним перехрестям з'явилися під час нової хвилі міграції в Нижньому Поволжі не раніше, ніж у II ст. до н. е. Це визначає хронологічні рамки комплексів. Кинджали та мечі з серпоподібним перехрестям — місцевого походження, їх використовували набагато раніше, ніж мечі мігрантського походження. Автори припускають, що поява інновацій пов'язана з міграцією II—I ст. до н. е. з Середньої Азії, оскільки, крім мечів з кільцевим навершям та бронзовим перехрестям без металевого навершя, були знайдені бронзові ажурні та гратчасті пряжки, гешировi пряжки та кубічні курильниці, добре відомі на Сході.

Поховання з північною орієнтацією і дерев'яними колодами мають аналогії у тувинських старожитностях хунну-сарматського часу. Водночас у письмових джерелах перелічені племена, серед яких згадані аорси і верхні аорси на Дону і в Поволжі, роксолани в Північному Понтії та сіраки на Кубані. Незважаючи на те, що всю цю територію називали Сарматією, назви «сармати» у цьому переліку немає. Автори вважають, що нові племена змінили сарматів, але в грецькій літературній традиції ця територія зберегла давню звичну назву. Крім мечів і кинджалів з серпоподібним навершям, в похованнях продовжили клсти інші предмети, відомі з IV—III ст. до н. е., а поховальний обряд зберіг південну орієнтацію і практику розміщення поховання по колу або в ряд під курганом. Усе це свідчить про унікальний симбіоз двох культурних традицій: попередньої місцевої та нової центральноазіатської.

Ключові слова: сармати, аорси, Нижнє Поволжя, мечі, кинджали, військові поховання.

Одержано 17.05.2020

КЛЄПІКОВ Валерій Михайлович, кандидат історичесних наук, доцент, Волгоградський державний університет, просп. Університетський, 100, 400062, Волгоград, Російська Федерація.
KLEPIKOV Valeriy M., Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-2891-7366, e-mail: valery.klepikov@volsu.ru.

СКРИПКИН Анатолій Степанович, доктор історичних наук, професор, Волгоградський державний університет, просп. Університетський, 100, 400062, Волгоград, Російська Федерація.
SKRIPKIN Anatoliy S., Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd State University, Prosp.Universitetsky, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-0141-5761, e-mail: anatoly.skripkin@volsu.ru.

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

УДК 904.4(477.43)"638" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.12

А. Ф. Гуцал

ЖИТЛА РУДКОВЕЦЬКОГО ГОРОДИЩА (за матеріалами досліджень 1972—1974 рр.)

В статті йде мова про житлові споруди, відкриті на городищі чорноліської культури в с. Рудківці Новоушицького району Хмельницької області у 1972—1974 рр. Будівлі були наземними чи злегка заглибленими з глинобитними печами та вогнищами. При їх спорудженні використовувалися дерево, глина та каміння. У приміщеннях виявлені фрагменти кераміки, кістки тварин, глиняна обмазка, окреме дрібне каміння, яке укріплювало стіни. Датується пам'ятка кінцем X— першою половиною VII ст. до н. е.

Ключові слова: *Рудківці, Середнє Подністров'я, городище, житло, напівземлянка, чорноліська культура, пічка, вогнище.*

У с. Рудківці Новоушицького р-ну Хмельницької обл. розташоване городище передскіфського часу. Пам'ятка займає площу у 115 га на плато, яке піднімається на 150 м над рівнем Дністра (верхнє городище) і крутий схил (біля 6 га), що відходить від плато і стрімко опускається до самої річки (нижнє городище). Природними фортифікаціями ділянки на плато з південного боку служили води Дністра і високий обривистий його правий берег. Із східної і північної сторін пам'ятку захищали глибокі яри. По дну східного яру протікає невеличка р. Маціорська (Матірка). Штучних оборонних споруд вимагав, здавалось би, тільки західний напрямок. Проте укріплення були зведені з трьох сторін (окрім південної). Виглядають вони так.

У крайній південно-східній точці плато є високий курганоподібний насип, який місцеве населення називає «Щовб 1». Від цього підвищення по самому краю плато у північному напрямку йде вал висотою 1—1,5 м, який через 670 м повертає на захід, а ще через 390 м — на південь (у бік Дністра). Особливість валу полягає в тому, що його східний і північний відрізки, пролягаючи по самому краю плато, не потребували великої висоти, у той час як західний, — прикриваючи городище із найбільш вразливого боку, і зараз вражає. Його гребінь піднімається на 5 м і більше, ширина основи 15—20 м, зовні добре простежується рів. Ділянка обведена цим валом складає біля 33 га. До неї із заходу прилягає ще одна, яка також, як і перша, захищена валом з трьох сторін. Загальна довжина валів на плато становить понад 4,2 км.

Укріплення на схилі складаються із трьох ліній (рис. 1). Перша — оточує найпівденнішу частину мисовидного схилу, який виходить безпосередньо до Дністра. Вал тут з трьох боків оточує мис підтрикутною дугою. Починаючись у його південно-західній частині незначним підвищенням, він продовжуючись у північному напрямку піднімається все вище і виростає у високий горб «Щовб 2», який є найвищою точкою на валу. Далі, різко повертаючи на схід, вал спускається по схилу і через 150 м повертає до Дністра. Відносно добре він зберігся на північному відрізку, де разом з ровом досягає 8—9 м висоти. Східна ділянка його пошкоджена прокладанням шосейної дороги в роки першої світової війни.

Друга лінія розташована за 180 м північніше першої. Вона представлена валом, який відгалужується від укріплень на плато в районі першого Щовба, пролягає на 380 м вниз по схилу яру і повертає на південь до першої лінії.

Третій ряд укріплень теж відходить від валу на плато і йде паралельно другому, перерізаючи схил, до р. Маціорської. Розташування нижніх укріплень дуже нагадує конфігурацію оборонних споруд Чорноліського

© А. Ф. ГУЦАЛ, 2020

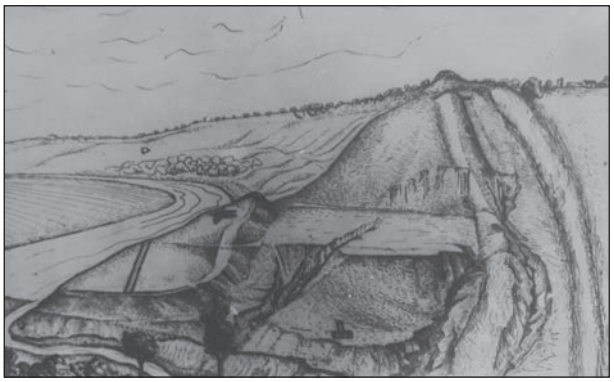


Рис. 1. Вигляд на нижню частину городища зі сходу

городища (Тереножкин 1961, с. 27, рис. 16), що, очевидно, не є випадковим і говорить про тісні зв'язки чорноліського населення Подніпов'я з Подністров'ям в плані обміну досвідом у сфері будівництва фортифікацій і координації дій у боротьбі із зовнішньою небезпекою.

Заселеною була нижня частина городища, де виділяється в межах першої і другої оборонних ліній чотири відносно рівних площадки, придатних для проживання (рис. 1). Тут у 1970-х рр. проводив дослідження загін під керівництвом автора у складі експедиції Кам'янець-Подільського пединституту. У цій статті йдеться про житлові об'єкти, відкриті на городищі протягом 1972—1974 рр. В основу публікації покладені звіти, які зберігаються у НА ІА НАН України (Винокур, Гуцал, Баженова 1973; Винокур, Гуцал 1974). В указані роки тут було закладено кілька розкопів (рис. 2). Ми подаємо відомості про десять жител, розкопаних у той час.

Житло 1 відкрито в межах розкопу I, розташованого біля Щовба 2. Його залишки у вигляді глиняної обмазки і камінців простежувалися вже на глибині 0,3 м від сучасної поверхні. Воно було наземним, двокамерним, на що вказував шар обмазки і дрібних каменів (довжина — 3 м, ширина — 0,6 м) посередині приміщення, який ділив його на дві половини (рис. 3). Площа житла — 8 × 5 м. Східна стінка впала всередину і покрила уламки посуду. На обмазці відбилися сліди плетеного із лози каркасу. Західна стінка зруйнована більше, тут кусків обмазки фіксувалося значно менше. Південна сторона споруди не простежувалася, а північна — примикала до валу. Біля неї розчищено розвал пічки, складеної із кам'яних плит товщиною від 3 до 8 см, поставлених на торець впритул або із заходом одна за одну. Розміри печі 1 × 0,7 м. Устя повернуте всередину. На дні печі знаходився невеликий шар попелу у 2—3 мм. По всій території будівлі зустрічалися уламки кераміки (рис. 4).

Житло 2 — напівземлянка зі сторонами 7,75 × 5,5 м впущена нижче рівня давнього горизонту на 0,8—1 м (рис. 5) розміщувалася на розкопі II. При виймання заповнення зустрічалося чимало керамічних уламків, кісток тварин, попелу та каміння. У південно-західному куті житла виявлене вогнище, основа якого (0,7 × 0,8 м) була викладена із дрібного каміння на рівні долівки. Друге вогнище (0,7 × 0,6 м) подібне першому, розміщувалося в центрі напівземлянки. Біля вогнищ і на них зібрано багато обгорілих тваринних кісток і кераміки. Ближче до північно-східного кута відкрита глинобитна піч, врізана більше як на половину у північну стінку. У неї грушовидна форма, розміри 1,7 × 1,25 м. Добре зберігся черінь завтовшки 2,5—3 см. По його окружності на висоту 10—12 см піднімалися стінки печі завгрубшки до 4 см. Купольне завершення завалилося на черінь. По боках устя були поставлені кам'яні плити, розміри яких в межах 0,35 × 0,25 м. Така деталь конструкції підтверджена неодноразово і у інших житлах. Біля печі залягав товстий шар попелу (понад 0,1 м), площа якого наближалася до

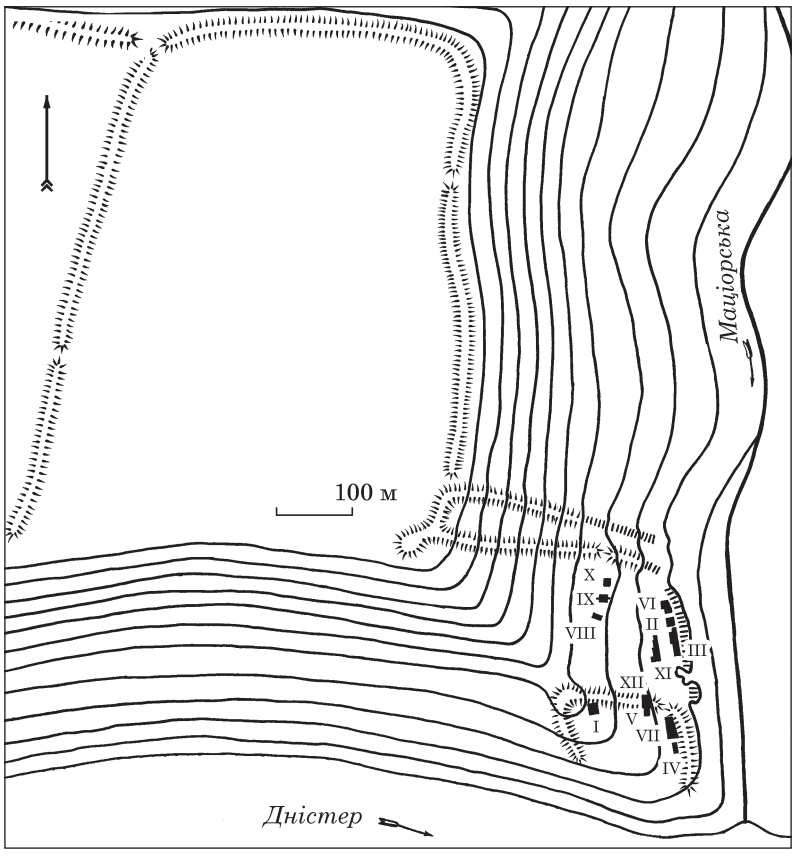


Рис. 2. Схематичний план розташування розкопів на городищі

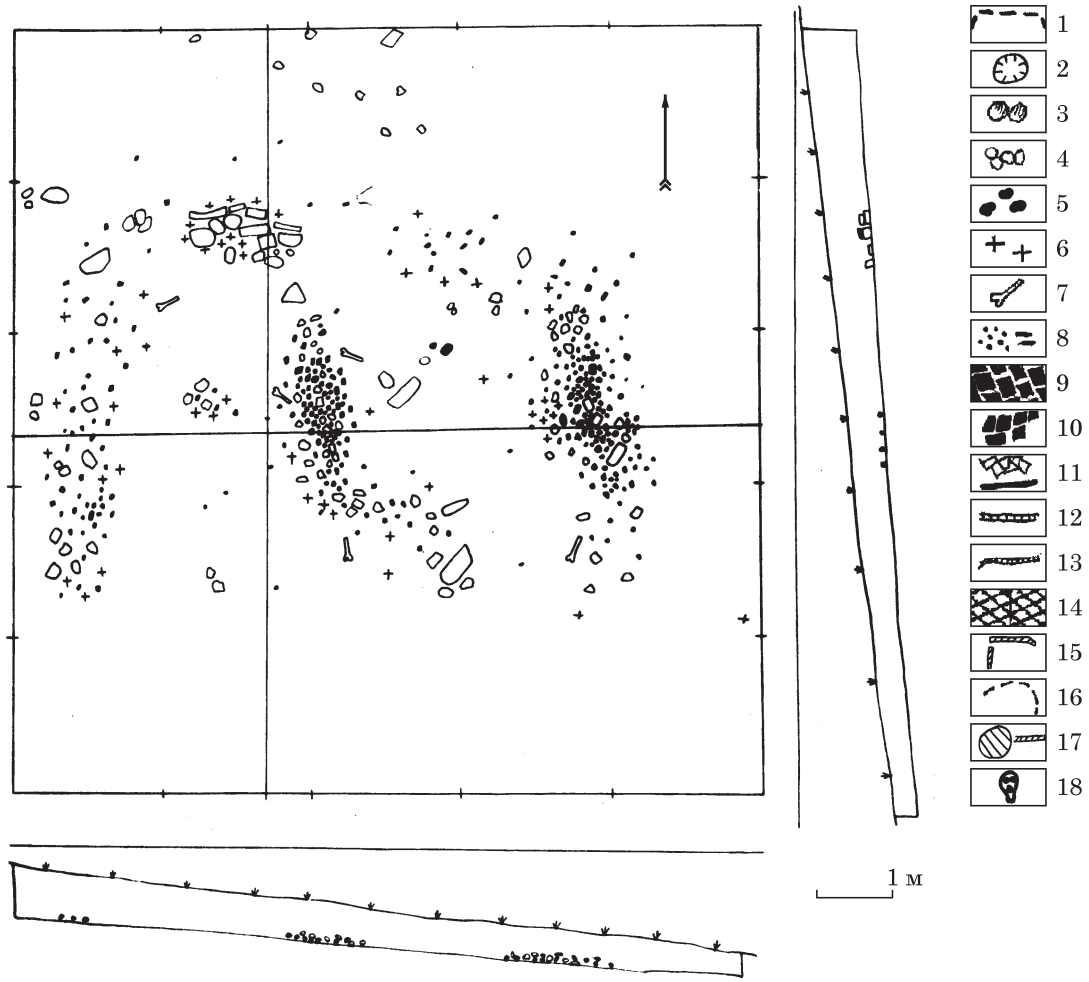


Рис. 3. План житла 1. **Умовні позначки, тут і далі**: 1 — контури житла; 2 — яма; 3 — кам'яна вимостка вогнища; 4 — каміння; 5 — обмазка; 6 — кераміка; 7 — кістки; 8 — попіл (вугілля); 9—16 — черінь; 17 — вогнище; 18 — череп

третини площі житла. Східна стінка будівлі додатково мала кам'яне укріплення із дрібного каміння, завал якого лежав вздовж стіни смугою 0,82—0,93 м, товщиною до 0,25 м.

Житло 3 являло собою легку наземну споруду розмірами 5,5 × 6 м, відкрито на розкопі III. Під західною стороною будівлі розташовувалася глинобитна піч овальних обрисів (1,8 × 1,2 м). Черінь завтовшки 2—3 см монолітно виглядав у центрі і був зруйнований по краях (рис. 6). Біля печі з двох боків виявлені дві, конусовидно звужені до дна, ями. Діаметр однієї 0,8 м, глибина 0,75 м, другої — відповідно 0,3 і 0,7 м. У їх заповнені зустрічалися перепалена глина, вкраплення попелу, земля і фрагменти посуду. Можливо, що вони призначалися для вставки великих горщиків, уламки яких зустрічалися тут. Поза житлом, за 2 м східніше, знаходилася сміттєва яма, овальна в плані (2 × 1,8 м), заглиблена на 0,95—1 м. При її розчистці знайдено багато керамічних уламків (рис. 7) в тому числі від чорнолощеної корчаги з ручками-упорами і орнаментом, нанесеним штампом у вигляді кілечок, розміщеним у кілька рядків та тюльпановидного горщика з проколами по вінцях і наліпним розчленованим валиком по тулубу. До південно-східного кута будівлі прилягав пласт попелу овальної форми (4 × 2,8 м) товщиною 0,5—0,6 м, який лежав у лінзовидному заглибленні. За 2,2 м східніше північно-східного кута житла відкрито вогнище діаметром 0,7 × 1 м, обкладене з усіх сторін дрібним камінням. Основа його представляла собою перепалену до жовто-червоного кольору глиняну підмазку у 2—3 см, на якій знаходився шар попелу у 5 см.

Житло 4. Розміщено на розкопі III. Розміри будівлі 6 × 8,5 м. Територія розкопу мала помітний нахил на схід, тому західною стороною житло врізалося в материк на глибину 0,40—0,45 см. Вздовж східної сторони розчищено розвал каменів, який входив в її конструкцію і укріплював основу. Каміння невеликих розмірів залягало смугою 0,6 × 5 м, яка у південно-східному кутку споруди була завернута на захід (рис. 8). Вздовж північної стінки розташовувалася глиняна піч грушовидної в плані форми розмірами 2,5 × 1,4 м, тильною стороною злегка на 5—6 см заглиблена в материк. Черінь значно пошкоджений, складався із трь-

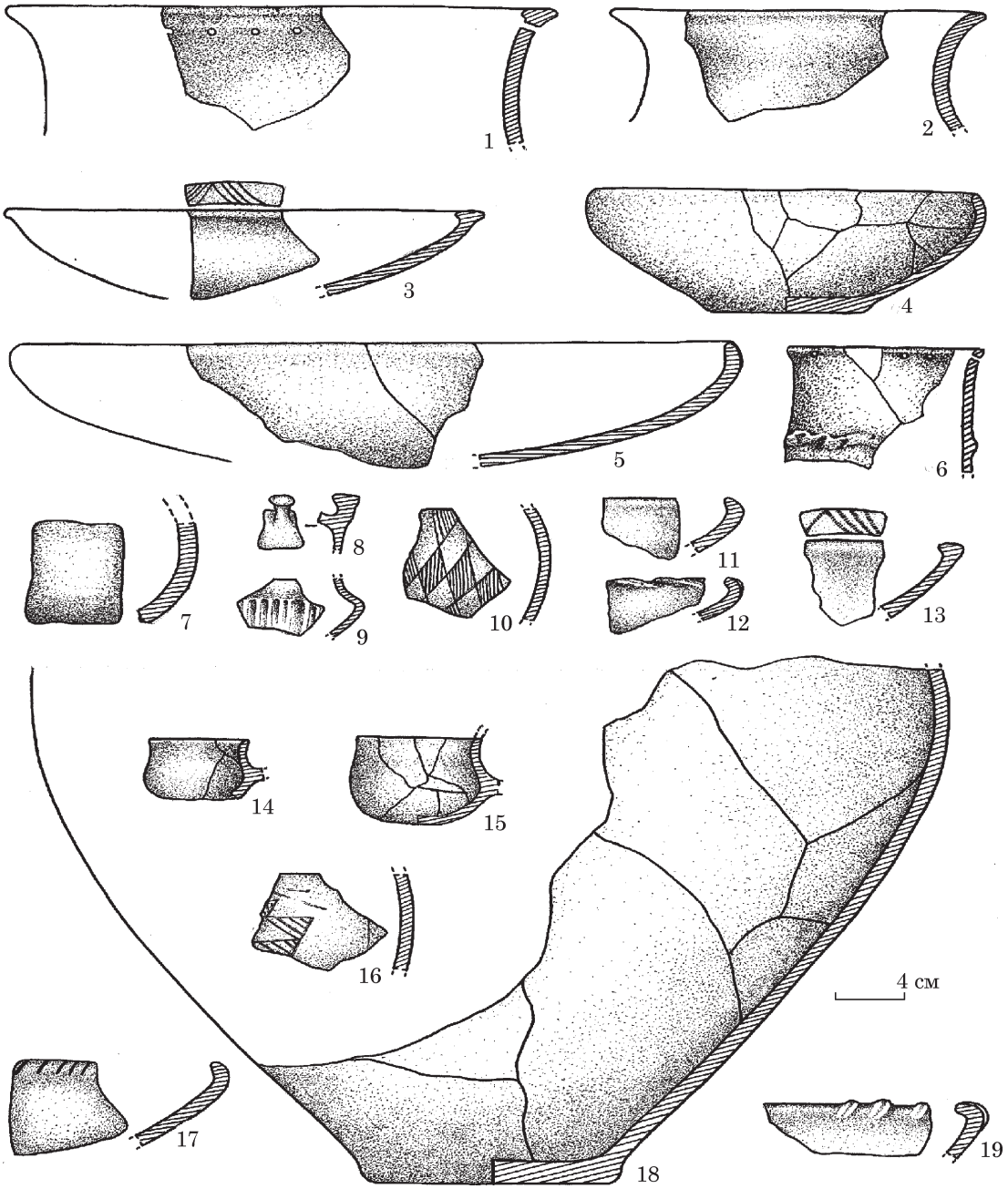


Рис. 4. Кераміка із житла 1

ох шарів глини. В житлі виявлено також невелике вогнище діаметром 0,3 × 0,35 м і кераміку (рис. 11: 1—10).

Житло 5 збереглося краще інших. Воно займало центральну частину розкопу VI і було впущено в грунт на 0,7 м. Розміри — 8,5 × 6,5 м (рис. 9). Більш чітко виражені західна і південна сторони, які представляють собою товщу материка. Північна сторона будівлі читається по материковому підвищенні (на 0,15—0,20 м), яке, очевидно, було основою стіни. Подібне підвищення збереглося також вздовж східної стінки.

У житлі функціонували глинобитна піч і три вогнища. Піч, грушовидна в плані, була врізана приблизно на половину в материк біля західної стінки і піднімалася над загальним рівнем долівки на 0,3 м. Устя виходило всередину житла. Її довжина — 2,3 м, ширина — 1,4 м, ширина устя — 0,35 м. Пічка мала куполовидне перекриття, яке впало на черінь і покрило всю площу останнього шаром товщиною у 3—4 см дрібних уламків перепаленої обмазки. В окремих місцях по периметру печі уціліли на висоту 3 см бортики зводу завтовшки 4 см. З обох боків устя стояли на торець кам'яні плити, які зміцнювали гирло і запобігали його передчасному руйнуванню. Глиняний черінь потужністю 3 см був намащений на основу із ретельно викладених кам'яних плиток, порівняно невеликих розмірів 10 × 15 см, товщиною 3—4 см (рис. 10).

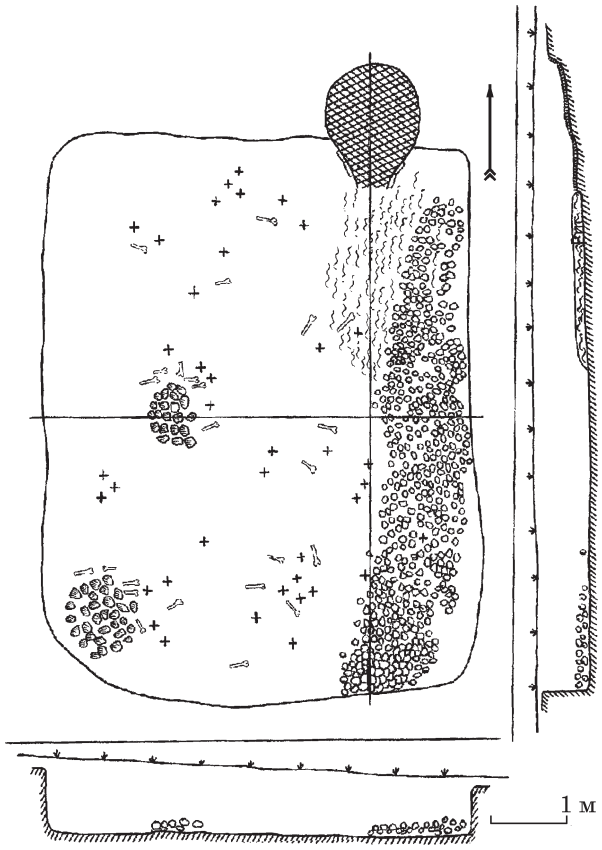


Рис. 5. План житла 2

Окрім печі всередині житла знаходилися ще три вогнища. Одне із них діаметром 0,8 м виявлене поблизу південно-західного кутка на материковому останці, який виступав на 3—4 см над земляною підлогою. Друге вогнище було розташоване у північній частині житла. Його основа, підмащена глиною, розміщувалася не на материку як у першого, а на культурному шарі із землі і попелу завтовшки 1—2 см. Поряд з другим вогнищем, але значно пізніше, на культурному відкладі із попелу і кісток у 10 см функціонувало третє вогнище. Місце, де горів вогонь мало 0,5 м в діаметрі і було вимощене глиною на висоту 6 см. Ще одне вогнище відкрите за межами будівлі за 1,34 м від її південно-західного кута. Воно мало діаметр до 1 м і було заглиблене у формі лінзи в материк на 10 см. Окрім попелу тут нічого більше не зафіксовано.

У заповненні споруди траплялися кістки тварин, фрагменти кераміки (рис. 11: 11—25), а в центрі шар попелу на площі 2,2 × 3,1 м і скупчення дрібного каміння.

Житло 6 розчищене північніше попереднього на розкопі VI і залягало на 0,15 м нижче нього. Межі споруди, розміри якої 6,2 × 4,7, простежу-

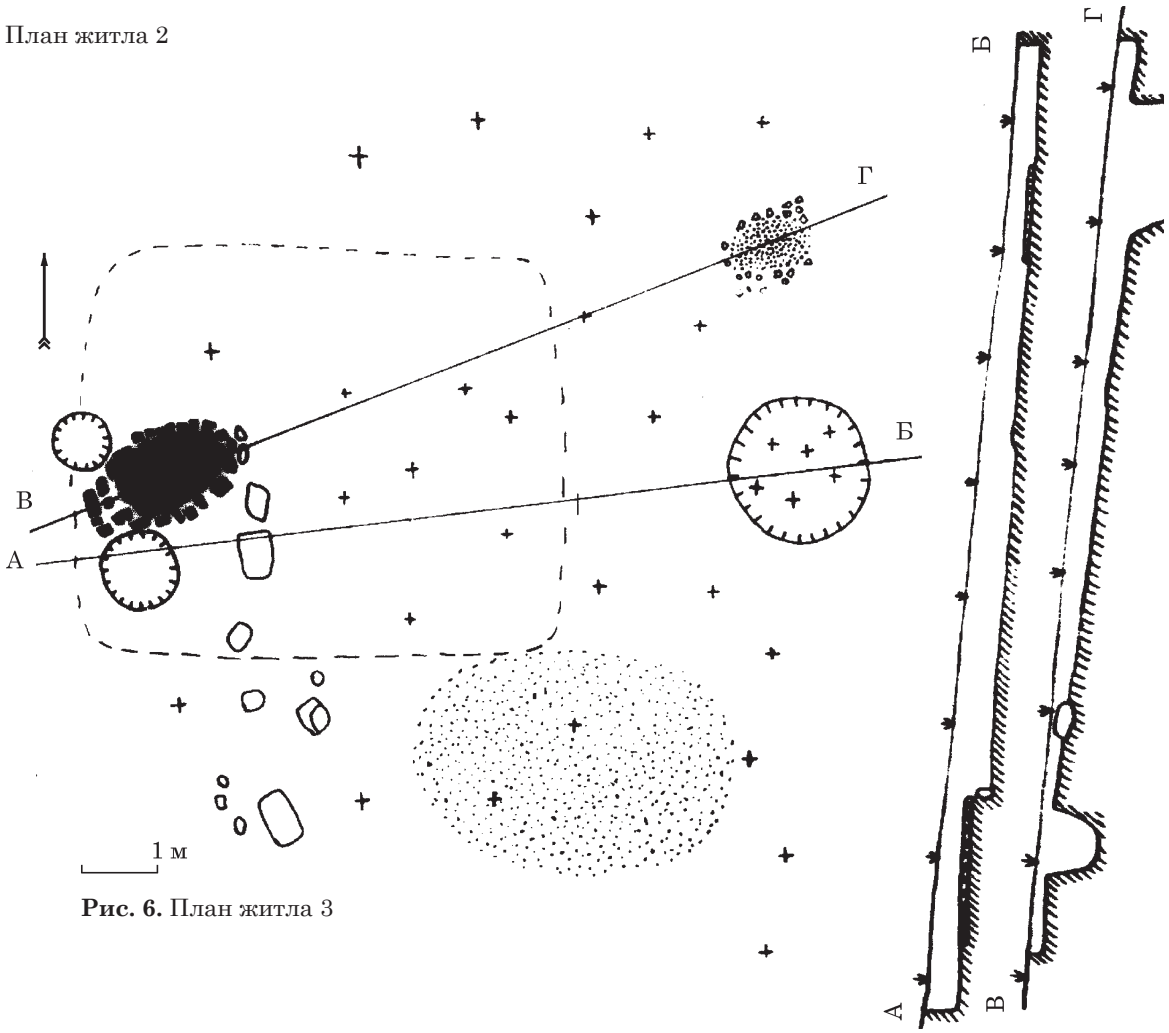


Рис. 6. План житла 3

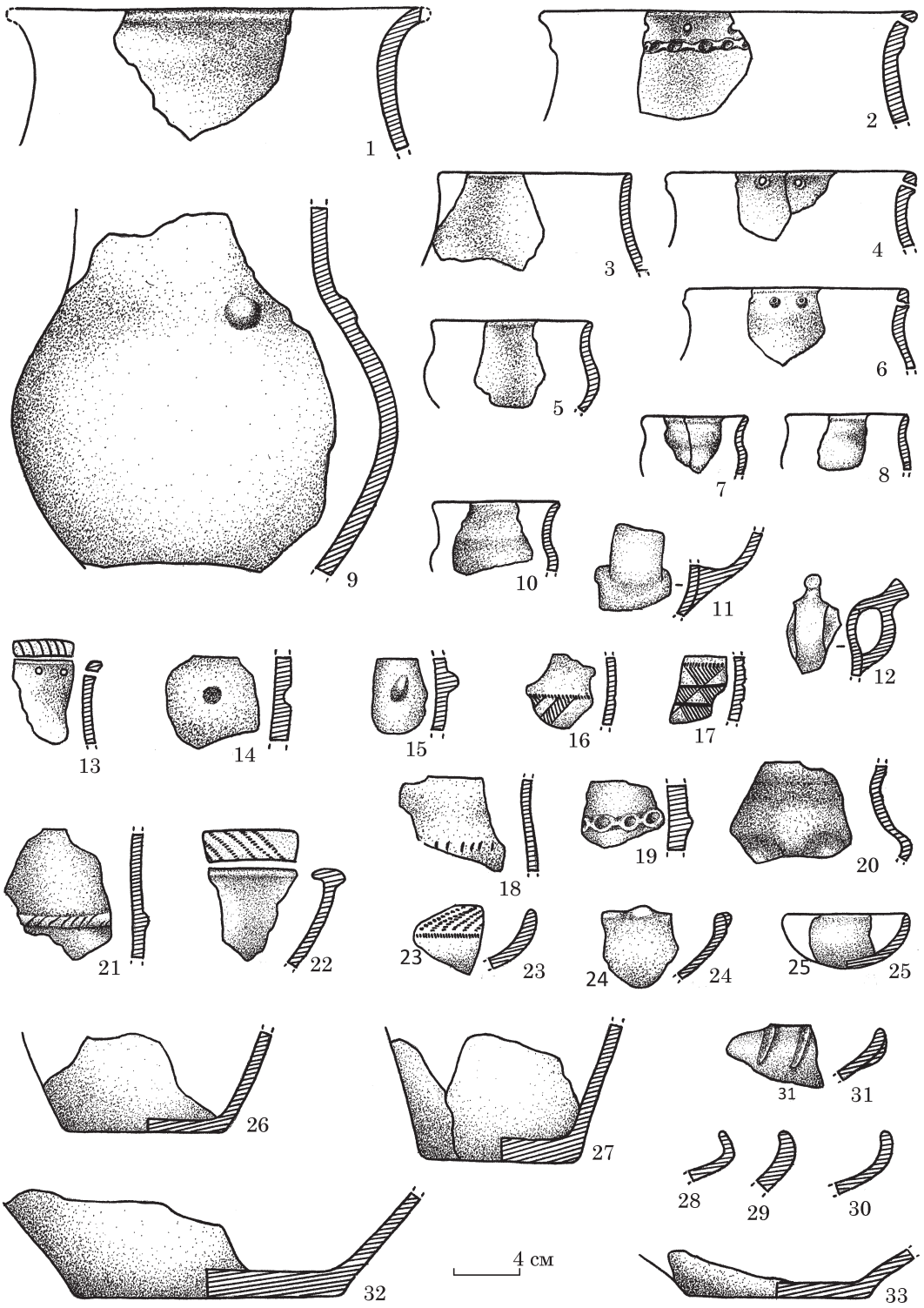


Рис. 7. Кераміка із житла 3

ються по заглибині в материку на 0,7—0,8 м (рис. 12). Інших слідів від стін не збереглося.

Всередині будівлі було дві печі. Одна відкрита під південною стінкою і мала грушовидну в плані форму розмірами 1,1 × 0,7 м. Споруджена вона на материковому підвищенні в 7—8 см. Зберігся сильно потрісканий глиняний черінь товщиною до 2 см. Слідів зводу чи стінок не уціліло.

Друга пічка зведена дещо північніше центру приміщення і також була грушовидна в плані площею 1,2 × 1 м. Черінь залягав на рівні долівки на материку. По краях був поруйнований. На ньому залишилися фрагменти зводу, який у свій час завалився.

Біля східної стінки розчищена яма діаметром 0,95 м. глибиною 0,8 м із злегка звуженими до дна стінками, заповнена окремими уламками посуду (рис. 14: 1—20).

Житло 7 — наземне, розташовувалося у північно-західній частині розкопу VI. Весь внут-

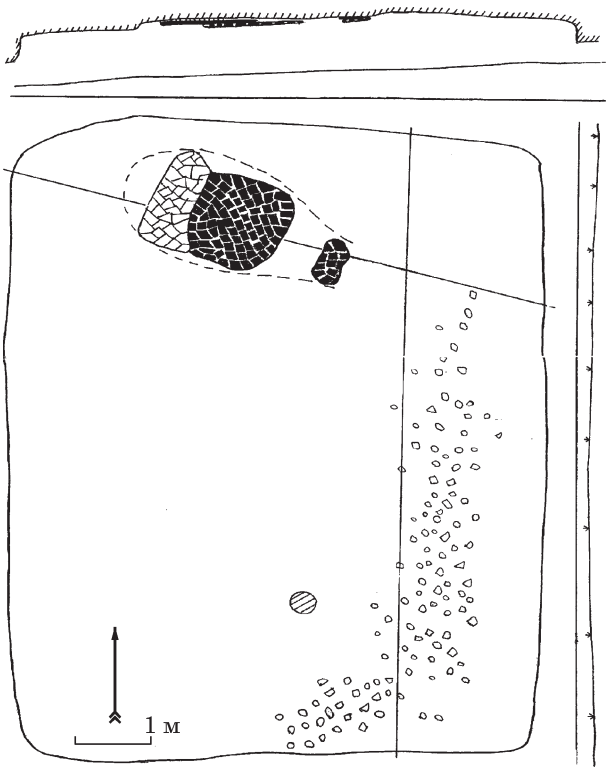


Рис. 8. План житла 4

рішній простір будівлі на площі 5,5 × 3,2 м. покривав шар глиняної обмазки з відбитками пруття і дрібного каміння (рис. 13). Під ним залягав пласт попелу потужністю до 5 см, у якому присутня кераміка (рис. 14: 21—32) та кістки тварин. Це скупчення опосередковано і вказує на можливі межі споруди. Не виключено, що східна половина її була частково знищена при будівництві житла 6, зведеним пізніше. У південно-східному куті будівлі розчищено на материку черінь невеликої (0,35 × 0,60 м) печі грушовидної форми. Під східною стінкою знайдено розчавлений на дрібні шматки людський череп.

Житло 8 виявлене на розкопі III. Добре читалися західна і південна сторони будівлі, які було впущені в материк на 16—20 см. Східна і північна сторони не мали яких-небудь чітких ознак. Якщо судити за скупченням знахідок то розміри житла могли бути 4,5 × 5 м (рис. 15). Обігрівальний пристрій, представлений піччю, розміщувався у західній частині. Вона овальна в плані (1,10 × 0,85 м). Глиняний черінь споруджений на рівні долівки, потріскався на дрібні куски, особливо на периферії. Куполоподібне завершення простежене за дрібними уламки, що лежали на черені.

Житло 9 відкрите на розкопі VII. На місці споруди збереглися завали обмазки від двох стін, витягнутих з північного сходу на південний захід. Розміри цих скупчень у довжину 3—4 м, ширину — 0,3—0,4 м і товщину — 0,1—0,12 м. Шматки обмазки з відбитками прутів. Стіни впали всередину приміщення і накрили

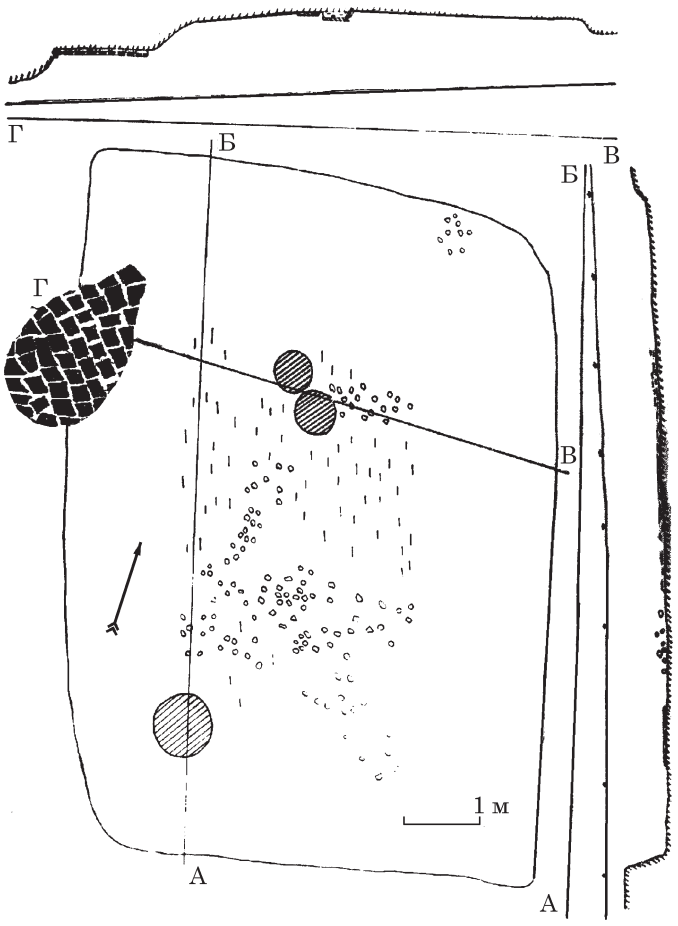


Рис. 9. План житла 5

Рис. 10. Черінь печі в житлі 5 після зняття частини глиняної обмазки; на передньому плані кам'яна вимостка

собою розчавлені горщики, які де-інде грудою лежали на долівці. Будівля мала сторони 4,9 × 4,2 м (рис. 16). Всередині знаходилися два вогнища. Одне відкрите ближче до східного кута. Воно споруджене на материку, на рівні долівки, майже кругле в плані з діаметрами 0,76 × 0,83 м. Зберігся шар попелу потужністю до 3 см. Материк під вогнищем пропалений до червонуватого відтінку на 2,5 см. Друге вогнище зафіксоване у протилежному (західному) кутку. Потреба в ньому виникла дещо пізніше, про що свідчить незначні відклади культурного шару в 1—1,5 см, які залягали під ним. Його основу

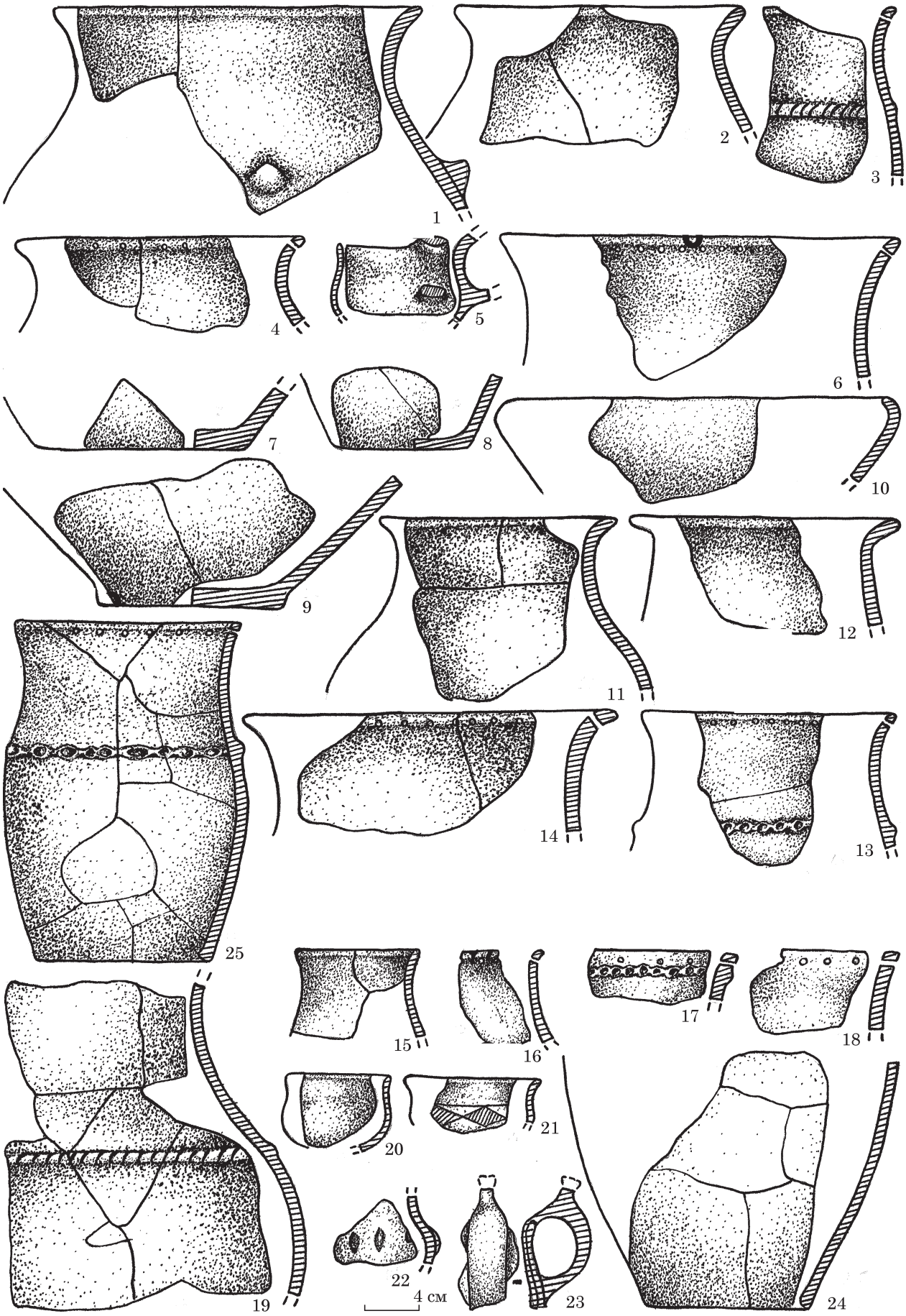


Рис. 11. Кераміка із жител: 1—10 — № 4; 11—25 — № 5

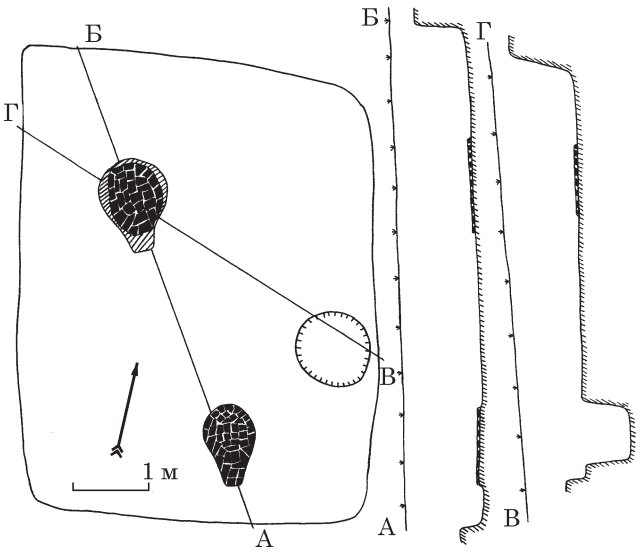


Рис. 12. План житла 6

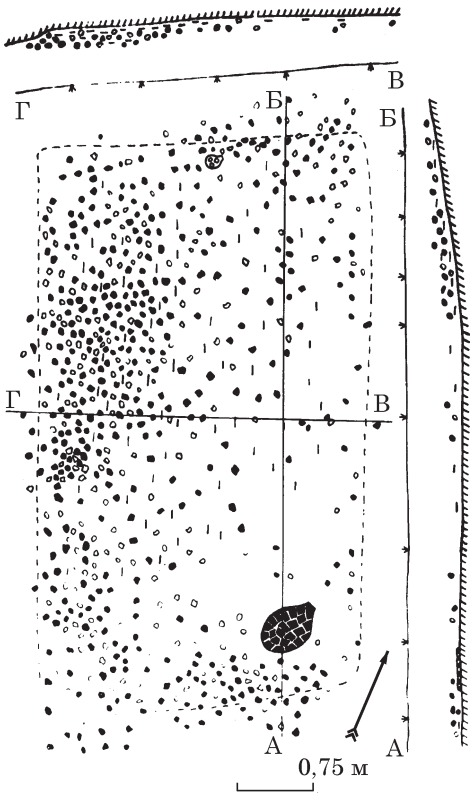


Рис. 13. План житла 7

складав тонкий пласт (0,2 см), вимазаний глиною, який пропікся на 3,5—4 см.

Житло 10 розташоване за 2 м південніше попереднього на сьомому розкопі. Його контури виявлені на глибині 1,1 м від сучасної поверхні. Ніяких слідів глинобитних стін чи стовпових ям не простежено. Будівля зафіксована по заглибленню в материк на 0,15—0,2 м, розміри — 4,6 × 5,15 м (рис. 17). Всередині розташовувалася глиняна піч грушовидної в плані форми з параметрами 1,2 × 1,5 м, збудована на земляній підлозі. Черінь був наліплений на кам'яних плитках погано підігнаних одна до одної, на які зрідка покладені уламки посуду. Товщина черіня 6 см, він сильно пропалений, у кількох місцях виднілися сліди ремонту глиняною підмазкою. Піч мала купол, стінки якого товщиною 2,5—3 см збереглися на висоту 0,2—0,25 м. Було добре видно, що вони споруджені в два прийоми і тепер розшаровувалися по всій окружності. Скрізь по їх поверхні виднілися сліди пальців від загладжування. При усті печі була яма глибиною 0,25 м, діаметром 0,65 м. Більша частина її перекривалась черенем, який, очевидно, мав тут якісь дерев'яні підпорки, а коли вони прогнили (після експлуатації житла), він прогнувся в яму. Вміст ями складали попіл, кістки тварин, керамічні уламки (рис. 18). Біля 4 м^2. площі приміщення займав шар попелу завтовшки 2,6—2,8 см. У південно-західному кутку житла на материковому останці висотою 8—10 см розкопано вогнище. Лише в окремих місцях його уціліли залишки глиняної обмазки, яка служила основою. На ній залишився шар попелу у 3,5 см. Вогнище правильної круглої форми діаметром 1,1 м.

Таким чином, всі житла, про які йде мова мали площу від 20 до 55 м^2. Приблизно половина з них (№ 2, 4—6) мають вигляд напівземлянок, впущених в грунт на 0,4—1 м. А. Тереножкін вважав, що у більш ранній період споруджувалися заглиблені будівлі (Тереножкин 1961, с. 34). Така точка зору підтверджується і С. Фідельським, який проаналізував житлобудування чорнолісців (Фидельский 201, с. 89). Якщо такі спостереження вірні, то можна допускати різночасовість існування житлових будівель протягом, як мінімум, двох з половиною століть. Всередині кожного знаходився стаціонарний обігрівальний пристрій. Для споруд використовувалися такі будівельні матеріали як дерево, глина, солома і каміння. Вони традиційні для всього Подністров'я (Кашуба 2012, с. 465). Звернемо увагу і на таку деталь. Відсутність слідів від стовпів не означає, що їх зовсім не було. У чистому чорноземі це не завжди можна простежити. Часто стовпи не вкопувалися в землю. Про це говорять навіть етнографічні матеріали кінця XIX — першої половини XX ст., коли дах селянської хати ставився зверху на глиняні стіни із вальків без будь-якого каркасу (Косміна 1980, с. 28). Не виключено, що елементи подібної технології застосовувалися і в давнину. Можемо також сказати, що житлові об'єкти на городищі розташовувалися щільно один до одного (це підтверджується і розкопками наступних років). Буквально кожен клаптик території нижнього городища був використаний для будівництва. Така суцільна забудова свідчить про проживання тут більше тисячі людей.

Кераміка, яка походить із заповнення жител і культурного шару городища нічим суттєво не відрізняється від посуду, знайденого

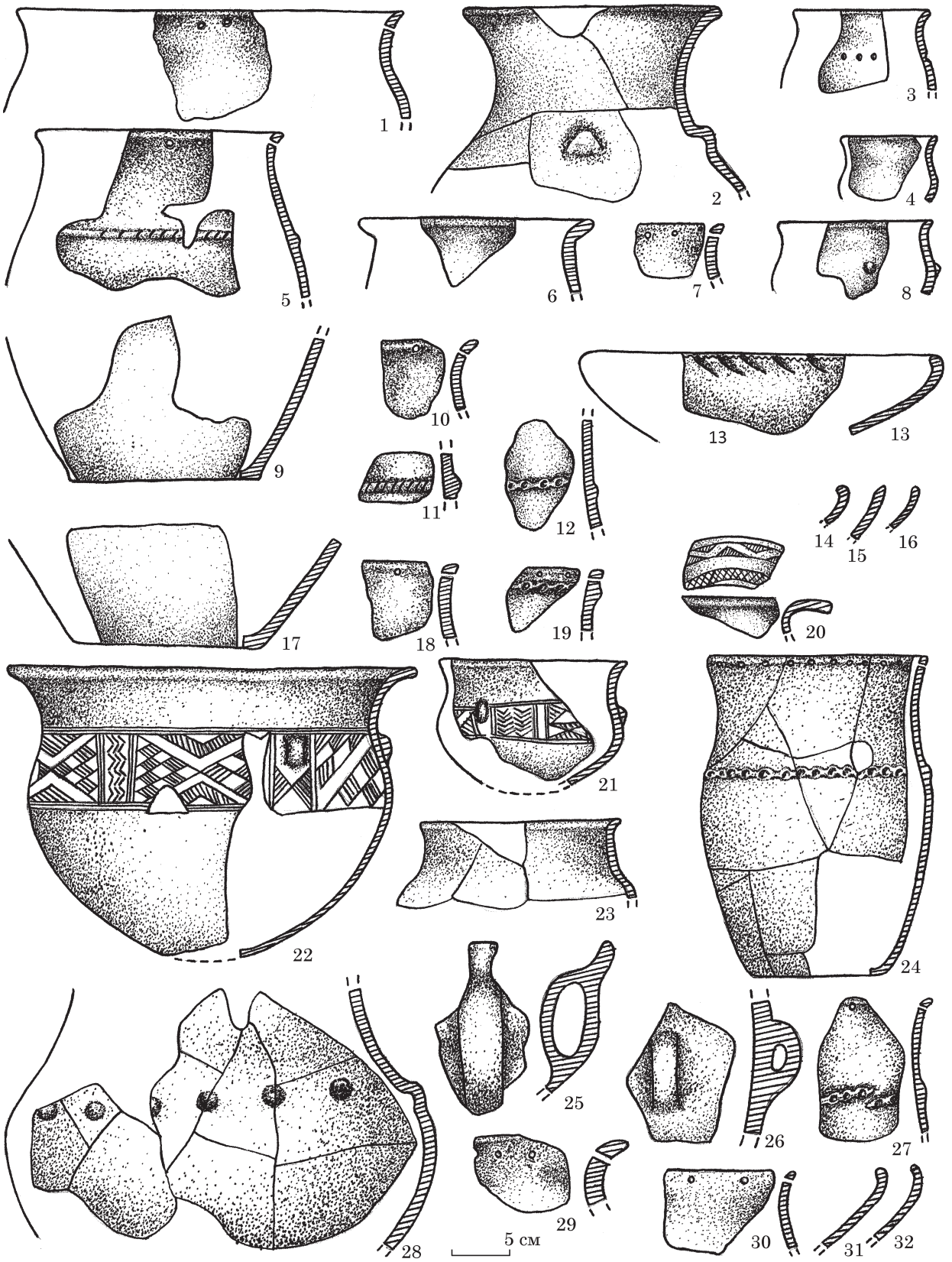


Рис. 14. Кераміка із жител: 1—20 — № 6; 21—32 — № 7

на інших пам'ятках Середнього Подністров'я. Найбільш поширеними були миски із нахиленими до середини вінцями різного профілю з штампованим і пластичним декором (рис. 4: 3—5, 11—13, 17; 7: 22—25, 28—31; 14: 13—15, 31, 32), зрідка з відігнутими назовні (рис. 14: 20, 22), тюльпановидні горщики з проколами по вінцях і наліпним, розчленованим пальцевими защіпами, валиком по тулубу (рис. 4: 6; 7: 19, 21; 11: 3, 13, 15; 14: 24; 18: 4, 5, 7), з валиком

по вінцях (рис. 7: 2; 11: 18; 18: 1, 3), черпаки з ручкою, що завершується виступом на верху (рис. 4: 8; 7: 17; 11: 24; 14: 25), округлобокі корчаги з пластичним, штампованим чи врізним орнаментом (рис. 4: 1, 10, 18; 7: 9; 11: 1: 11, 22; 14: 2, 5, 28; 18: 10) та деякі інші форми. Такий посуд в Подністров'ї досить розповсюджений. Його зустрічаємо у Григорівці (Смирнова 1980, с. 123, рис. 1), Дністрівці (Смирнова 1984, с. 47—51, рис. 4—7; 1985, с. 5—29; 1986, с. 14—17, рис. 5—8), Непоротове (Крушельницька 1998, с. 149, рис. 91, с. 158, рис. 95), Козлові (Белозор, Могилов, Скорый 2000, с. 154, рис. 6, 7), Комарові (Ковпаненко 1998, с. 33), Ленківцях (Могилов 2010, с. 107, рис. 5). Мають вони аналогії і на дніпровському Правобережжі (Тереножкин 1961, с. 67, рис. 41; Ковпаненко Бессонова, Скорый 1989, с. 57, рис. 10; Дараган 2011, с. 166, табл. 13 та ін.).

Результати розкопок важливі, в першу чергу тим, що вдалося розкрити житлові об'єкти із обігрівальними пристроями задовільної збереженості і встановити їх облаштування. Маємо на увазі глинобитні печі грушоподібної в плані форми. Така конструкція домінувала на пам'ятці. Це великі споруди і їм тодішніми жителями приділялося чимало уваги. Ретельно, наприклад, викладався черінь. В багатьох випадках його основу спочатку замощували кам'яними плитками, на них іноді для більшої міцності клали шар битої кераміки і лише тоді все вимащували глиною. При нагріванні така основа, особливо фрагменти посуду, зменшувала різке розширення череня і запобігала його надмірному розтріскуванню, збільшуючи термін експлуатації. Переконливо встановлено, що такі печі мали купол із дерев'яного каркаса обліпленого глиняним розчином, а по обох сторонах устя, з метою захисту його від випадкового пошкодження, ставилися кам'яні плити.

Глинобитні печі із купольним каркасом відомі на багатьох пам'ятках. Але при розкопках їхня збереженість фіксується далеко не у кращому стані, тому інформація про них часто досить скупа. Тим не менше відомо, що в конструкції житла вони займали далеко не останнє місце. Печі відкриті в різних культурах як синхронних чорноліссю так і близьких йому по часу. Так, наприклад, вони відомі в епоху бронзи (Березанська 1982, с. 112), присутні на фракійських пам'ятках у Магалі (Смирнова 1957, с. 100; 1969, с. 13), на поселенні Сахарна І черінь печі складався із уламків кераміки і був обставлений з трьох боків плоскими каменями (Кашуба 2000, с. 415), на поселенні Матеуць-Ла башне у наземному житлі розташовувалася купольна піч на чорноземній «подушці» підпрямокутної форми (Кашуба 2000, с. 431), в Алчедар III — овальної форми (Кашуба 2000, с. 465), округлі печі відкриті в Ленківцях, Перебиківцях (Могилов 2010, с. 99, 105), у Жаботині

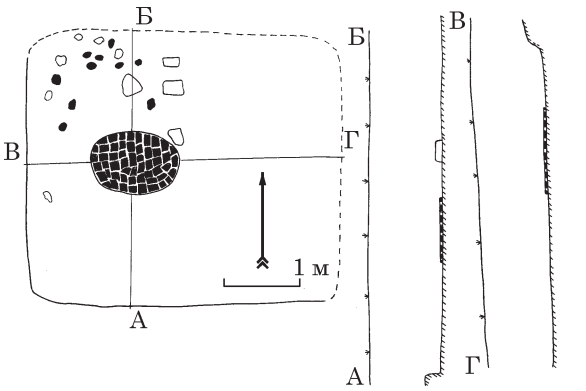


Рис. 15. План житла 8

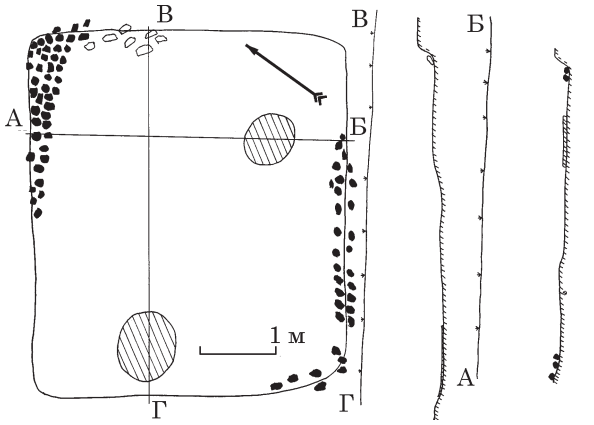


Рис. 16. План житла 9

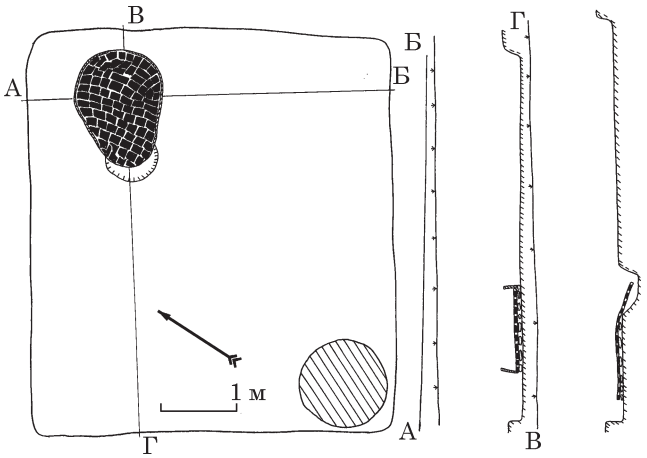


Рис. 17. План житла 10

(Покровская 1955, с. 89; 1973, с. 173), тощо. Зустрічалися вони на поселеннях ранньоскіфського часу в Долинянах (Смирнова 1981, с. 41, 44), в с. Іване-Пусте відкрито овальну глиняну піч, поставлену на підлозі. Піч мала склепіння з дерев'яного каркасу, з обох боків обмазанного товстим шаром глини. О. Ганіна припускала, що у печі був димар, прикрашений карнизом і навіс (Ганіна 1965, с. 107). Крім печі у житлі було і вогнище. Така ж ситуація трапилася і на поселенні Залісся (Ганіна 1984, с. 69). Відомі купольні печі на пам'ятках Волині

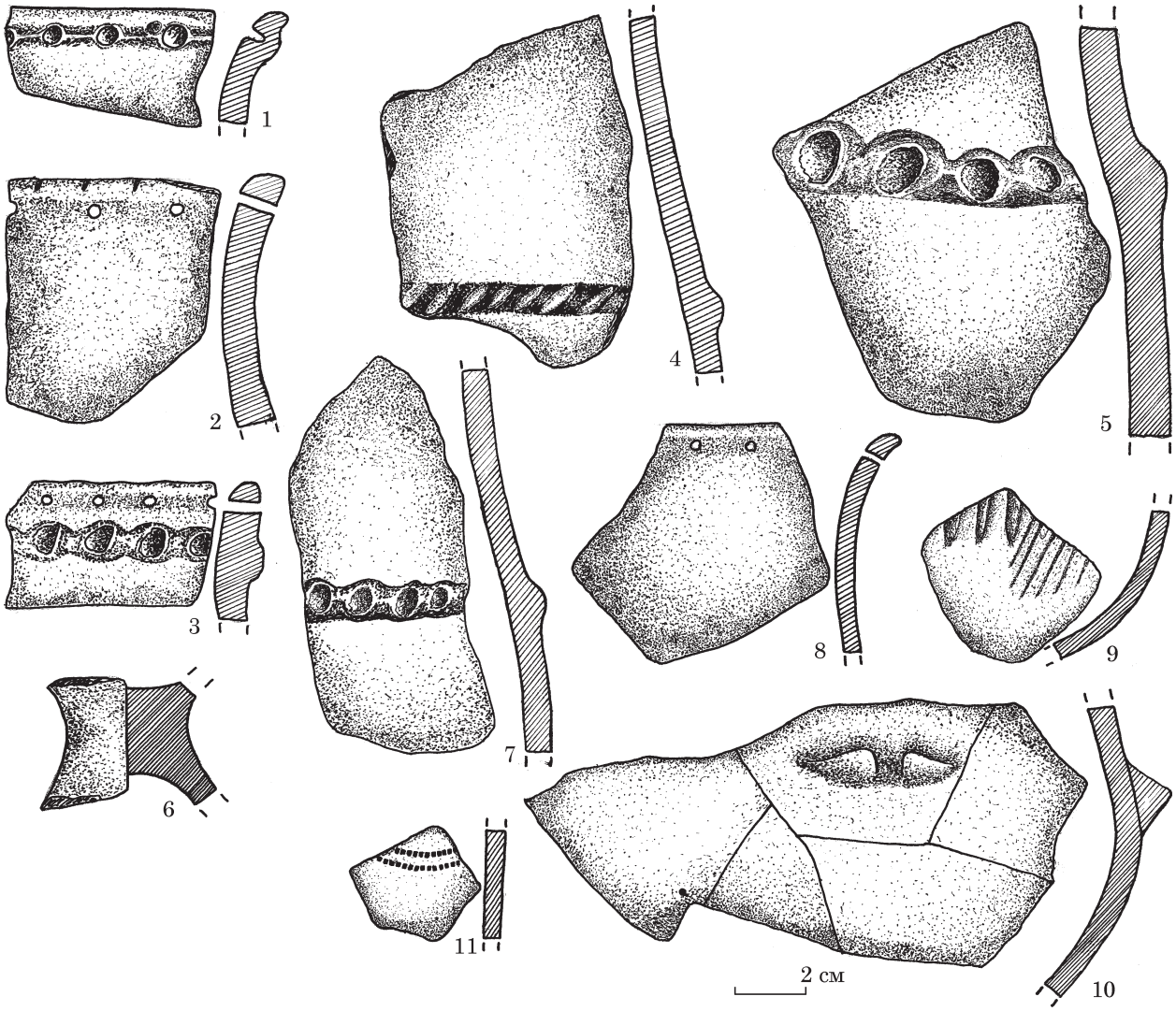


Рис. 18. Кераміка із житла 10

(Крушельницька 1976, с. 85) й інших місцях. Тобто, в загальній масі обігрівальних споруд печі в епоху раннього заліза досить поширене явище.

Як бачимо, на Рудковецькому городищі з опалювальних пристроїв переважають грушоподібні купольні печі (з 10 жител 7 печей), рідше вогнища і зовсім відсутні переносні жаровні. Це, а також те, що ряд печей неодноразово ремонтувалися на нашу думку говорить про довгочасність житлових споруд, їхню монументальність.

Дещо по-іншому стоїть питання з кам'яними пічками. Вони не характерні для цієї пори, проте, при дослідженнях зрідка все ж трапляються.

Так, наприклад, І. Шовкоплясом на ранньоскіфському поселенні в Нагорянах, де культурний шар насичений матеріалами VII ст. до н. е., але є домішки кераміки VII—VIII ст. н. е., у двох напівземлянках відкрито кам'яні печі. У житлі 2 стінки такої споруди були складені з вертикально поставлених плоских плит (Шовкопляс 1954, с. 101, рис. 4). Черінь теж був викладений плитками. Ця деталь не властива кам'яним печам ранньослов'янського часу, де вогонь розводився на глиняному черені. Крім цього розташування каменів у них інше ніж в Нагорянах, тому, очевидно, нагорянську конструкцію можна вважати ранньоскіфською. Кам'яну пічку Ю. Малєєв дослідив на передскіфському поселенні у В. Слободі (Малєєв 1995, с. 97).

Великі кам'яні печі з димоходом зафіксовані Л. Крушельницькою на поселеннях висоцької культури в Черепині (Крушельницька 1973, с. 3), Лагодові (Крушельницька 1990, с. 115). Г. Смирнова пише про кам'яну піч на ранньоскіфському поселенні в Долинянах, представлену обпаленим черінем і розвалом плоских каменів, які стояли на ребрі, утворюючи стінки і можливо перекриття (Смирнова 1978, с. 29). Такого роду об'єкти відкриті Г. Ковпаненко на Трахтемирівському городищі Малі Валки (Ковпаненко 1971, с. 117). Отже, піч із рудковецького житла 1 не є випадковою і слід

визнати, що такі обігрівальні пристрої у той час також використовувалися. Спорудження таких печей практикувалося, напевне в тих умовах, коли терміново потрібно було звести житло, а часу на глиняну піч, яка потребувала значно більших затрат, не завжди вистачало.

Підкреслимо, що Рудковецькі житла всі прямокутної форми. В сучасній науці обговорюється проблема походження і культурної приналежності округлих жител (Скорый 1996; Смирнова 2000; Kashuba, Levitski 2012), співіснування яких з прямокутними будівлями особливо помітне у скіфський час. Вчені намагаються знайти відповіді на ряд питань, пов'язаних з даною темою. Проте вона далека від остаточного вирішення Кашуба (Kashuba, Levitski 2012, s. 579, 580). У Рудківцях круглі житла відсутні. Це може говорити про те, що поява їх у пізнішій час на інших пам'ятках не має місцевого коріння, а викликана зовнішніми культурними впливами.

На закінчення зауважимо, що на Дністрі існувала добре продумана стратегія оборони, головним організмом якої були рудковецькі фортифікації, що входили в єдину оборонну лінію разом з Григорівським городищем, розташованим нижче по Дністру в районі Могилів-Подільська (Артамонов 1955, с. 100). Крім цього за 5 км від Рудковець вище по течії р. Маціорської у недоступних природних урвищах с. Маціорськ, було збудоване резервне городище на випадок крайньої небезпеки, куди можна було б сховати людей, худобу, запаси продуктів та інше. Воно було незаселеним. У зв'язку з цим можна сказати, що Рудковецьке городище далеко не рядова пам'ятка початку раннього залізного віку на просторах Дністро-Дніпровського лісостепу. Це важливий адміністративний центр на Середньому Дністрі, який відігравав потужну організуючу, політичну і економічну роль в житті місцевого населення. Виділяється воно в першу чергу великою площею, чи не найбільшою для чорноліської культури. Спорудження і подальше підтримування в належному стані оборонних споруд такого масштабу вимагало грандіозних організаційних зусиль, мобілізації тисяч людей, які мешкали на території великої округи.

Весь комплекс знахідок дозволяє датувати період функціонування городища в межах кінця X — першої половини VII ст. до н. е., хоча публікований матеріал із жител має вужчу хронологію близько IX—VIII ст. до н. е.

ЛІТЕРАТУРА

Артамонов, М. И. 1955. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. *Краткие сообщения ИИМК*, 59, с. 100-117.

Белозор, В., Могилов, А., Скорый, С. 2000. Комплексы раннего железного века у с. Козлов на Среднем Дестре. *Tyragetia. Arheologie Istorie Antica*, IV (XIX), 1, с. 149-174.

Березанская, С. С. 1982. *Северная Украина в эпоху бронзы*. Киев: Наукова думка.

Винокур, И. С., Гуцал, А. Ф. 1974. *Отчет об археологических исследованиях в 1974 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1974/6а.

Винокур, И. С., Гуцал, А. Ф., Баженова, С. Э. 1973. *Отчет об археологических исследованиях скифского городища Рудковцы Новоушицкого района и селища Бакота Каменец-Подольского района I тыс. н. э. в 1972.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1973/83.

Ганіна, О. Д. 1965. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте. *Археологія*, XIX, с. 106-117.

Ганіна, О. Д. 1984. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с. Заліcся. *Археологія*, 47, с. 68-79.

Дараган, М. Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ.

Кашуба, М. Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом. *Stratum plus*, 3, с. 241-488.

Кашуба, М. Т. 2012. Сравнительное исследование домостроительства гальштатских культур Восточного Прикарпатья (XII—VIII/VII вв. до н. э.). *Российский археологический ежегодник*, 2, с. 433-472.

Ковпаненко, Г. Т. 1998. Поселение предскифского времени у с. Комаров на Днестре. В: *Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь: Международная. научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова*. Санкт-Петербург, с. 33-34.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифского времени Днепровского Лесостепного Правобережья*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т. 1971. Памятники раннескифского времени Каневщины. В: Либеров, П. Д., Гуляев, В. И. (ред.). *Проблемы скифской археологии*. Москва: Наука, с. 115-126.

Косміна, Т. В. 1980. *Сільське житло Поділля кінець XIX—XX ст.* Київ: Наукова думка.

Крушельницька, Л. І. 1973. Поселення висоцької культури. *Археологія*, 11, с. 27-38.

Крушельницька, Л. І. 1976. *Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза.* Київ: Наукова думка.

Крушельницька, Л. І. 1990. Высоцкая культура. В: Балагури, Э. А., Черныш, А. П. (ред.). *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо).* Киев: Наукова думка, с. 115-122.

Крушельницька, Л. І. 1998. *Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами Непоротівської групи пам'яток).* Львів: Місіонер.

Малєєв, Ю. М. 1995. Поселення передскіфського часу Велика Слобода на Кам'янеччині. В: *Матеріали IX Подільської історико-краєзнавчої конференції*. Кам'янець-Подільський, с. 97-98.

Могилов, А. 2010. К археологической карте Северной Буковины. *Revista Arheologică*, V, 1, с. 98-129.

Покровская, Е. Ф. 1955. Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин, Черкасской области. *Краткие сообщения Института археологи*, 4, с. 88-90.

Скорый, С. А. 1996. К вопросу о скифском этнокультурном компоненте на поселениях лесостепного Правобережья. *Древности*, с. 8-14.

Смирнова, Г. И. 1957. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой области. *Краткие сообщения ИИМК*, 70, с. 99-107.

Смирнова, Г. И. 1969. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 150, с. 7-34.

Смирнова, Г. И. 1978. Поселения сифского времени у села Долиняны в Днестровском Правобережье. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 19, с. 29-36

Смирнова, Г. И. 1980. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время. *Thracia*, V, с. 121-143

Смирнова, Г. И. 1981. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977—1978 гг.). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 22, с. 40-61.

Смирнова, Г. И. 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 25, с. 43-59.

Смирнова, Г. И. 1985. Поселение у с. Днестровка — памятник чернолесской культуры на Днестре. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 26, с. 5-29.

Смирнова, Г. И. 1986. Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 27, с. 8-26.

Смирнова, Г. И. 2000. Грунтовые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время местные строительные традиции или новации. В: Баженов, Л. В., Брайчевський, М. Ю., Завальнюк, О. М. (ред.). *Давня і середньовічна історія України: історико-археологічний збірник на пошану Іона Винокура.* Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський державний педагогічний університет, с. 80-92.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: АН УССР.

Фидельский, С. 2011. Жилища чернолесской культуры Днестро-Днепровского лесостепного междуречья (типология и сравнительный анализ). *Археологія і давня історія України*, 5, с. 88-96.

Шовкопляс, І. Г. 1954. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологія*, IX, с. 98-105.

Kashuba, M., Levitski, O. 2012. The Hallstatt house-building techniques of the Carpathian-Danube region and the emergence of circular pit-houses in the Early Scythian period in North-West Pontic. In: Wojciech, B. (ed.). *Peregrinationes Archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicate*. Krakov, s. 573-582.

REFERTNCTS

Artamonov, M. I. 1955. Arkheologicheskie issledovaniia v Iuzhnoi Podolii v 1952—1953 gg. *Kratkie soobshcheniia IIMK*, 59, s. 100-117.

Belozor, V., Mogilov, A., Skoryi, S. 2000. Kompleksy rannego zheleznogo veka u s. Kozlov na Srednem Destre. *Tyragetia. Arheologie Istorie Antica*, IV (XIX), 1, s. 149-174.

Berezanskaia, S. S. 1982. *Severnaia Ukraina v epokhu bronzy*. Kiev: Naukova dumka.

Vinokur, I. S., Gutsal, A. F. 1974. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh v 1974 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1974/6a.

Vinokur, I. S., Gutsal, A. F., Bazhenova, S. E. 1973. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh skifskogo gorodishcha Rudkovtsy Novoushitskogo raiona i selishcha Bakota Kamenets-Podolskogo raiona I tys. n. e. v 1972*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1973/83.

Hanina, O. D. 1965. Poselennia skifskoho chasu u seli Ivane-Puste. *Arkheolohiia*, XIX, s. 106-117.

Hanina, O. D. 1984. Poselennia rannoskifskoi doby poblyzu s. Zalissia. *Arkheolohiia*, 47, s. 68-79.

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi*. Kiev: KNT.

Kashuba, M. T. 2000. Rannee zhelezo v lesostepi mezhdu Dnestrom i Siretom. *Stratum plus*, 3, s. 241-488.

Kashuba, M. T. 2012. Sravnitelnoe issledovanie domostroitelstva galshtatskikh kultur Vostochnogo Prikarpatia (XII—VIII/VII vv. do n. e.). *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik*, 2, s. 433-472.

Kovpanenko, G. T. 1998. Poselenie predskifskogo vremeni u s. Komarov na Dnestre. In: *Skify, khazary, slaviane, Drevniaia Rus: Mezhdunarodnaia. nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 100-letiiu so dnia rozhdeniia M. I. Artamonova*. Sankt-Peterburg, s. 33-34.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryi, S. A. 1989. *Pamiatniki skifskogo vremeni Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. 1971. Pamiatniki ranneskifskogo vremeni Kanevshchiny. In: Liberov, P. D., Guliaev, V. I. (eds.). *Problemy skifskoi arkheologii*. Moskva: Nauka, s. 115-126.

Kosmina, T. V. 1980. *Silske zhytlo Podillia kinets XIX—XX st*. Kyiv: Naukova dumka.

Krushelnytska, L. I. 1973. Poselennia vysotskoi kultury. *Arkheolohiia*, 11, s. 27-38.

Krushelnytska, L. I. 1976. *Pivnichne Prykarpattia i Zakhidna Volyn za doby rannoho zaliza*. Kyiv: Naukova dumka.

Krushelnitska, L. I. 1990. Vysotskaia kultura. In: Balaguri, E. A., Chernysh, A. P. (eds.). *Arkheologiia Prikarpatia, Volyni i Zakarpatia (eneolit, bronza i rannee zhelezo)*. Kiev: Naukova dumka, s. 115-122.

Krushelnytska, L. I. 1998. *Chornoliska kultura Serednoho Prydnistrov'ia (za materialamy Neporotivskoi hrupy pam'iatok)*. Lviv: Misioner.

Malieiev, Yu. M. 1995. Poselennia peredskifskoho chasu Velyka Sloboda na Kam'ianechchyni. In: *Materialy IX Podilskoi istoryko-kraieznavchoi konferentsii*. Kam'ianets-Podilskyi, s. 97-98.

Mogilov, A. 2010. K arkheologicheskoi karte Severnoi Bukoviny. *Revista Arheologică*, V, 1, s. 98-129.

Pokrovskaia, E. F. 1955. Raskopki poseleniia ranneskifskogo vremeni u s. Zhabotin, Cherkasskoi oblasti. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologi*, 4, s. 88-90.

Skoryi, S. A. 1996. K voprosu o skifskom etnokulturnom komponente na poseleniiakh lesostepnogo Pravoberezhia. *Drevnosti*, s. 8-14.

Smirnova, G. I. 1957. Poselenie pozdnebronzovogo veka i rannego zheleza vozle s. Magala Chernovitskoi oblasti. *Kratkie soobshcheniia IIMK*, 70, s. 99-107.

Smirnova, G. I. 1969. Poselenie Magala — pamiatnik drevnefrakiiskoi kultury v Prikarpate. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 150, s. 7-34.

Smirnova, G. I. 1978. Poseleniia skifskogo vremeni u sela Doliniany v Dnestrovskom Pravoberezhe. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 19, s. 29-36

Smirnova, G. I. 1980. Srednee Podnestrove i Nizhnee Podunave v predskifskoe vremia. *Thracia*, V, s. 121-143

Smirnova, G. I. 1981. Novye dannye o poselenii u s. Doliniany (po materialam raskopok 1977—1978 gg.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 22, s. 40-61.

Smirnova, G. I. 1984. O formirovanii pozdnechernolesskoi kultury na Srednem Dnestre (po materialam poseleniia Dnestrovka-Luka). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 25, s. 43-59.

Smirnova, G. I. 1985. Poselenie u s. Dnestrovka — pamiatnik chernolesskoi kultury na Dnestre. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 26, s. 5-29.

Smirnova, G. I. 1986. Poslednii sezon rabot na chernolesskom poselenii Dnestrovka-Luka i voprosy khronologii pozdnego Chernolesia. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 27, s. 8-26.

Smirnova, G. I. 2000. Gruntovye postroiki okrugloi formy v lesostepnom mezhdureche iuzhnogo buga i Dnestra v ranneskifskoe vremia mestnye stroitelnye traditsii ili novatsii. In: Bazhenov, L. V., Braichevskyi, M. Yu., Zavalniuk, O. M. (eds.). *Davnia i serednovichna istoriia Ukrainy: istoryko-arkheolohichnyi zbirnyk na poshanu Iona Vynokura*. Kam'ianets-Podilskyi: Kam'ianets-Podilskyi derzhavnyi pedahohichnyi universytet, s. 80-92.

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezhe*. Kiev: AN USSR.

Fidelskii, S. 2011. Zhilishcha chernolesskoi kultury Dnestro-Dneprovskogo lesostepnogo mezhdurechia (tipologiia i sravnitelnyi analiz). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 5, s. 88-96.

Shovkoplias, I. H. 1954. Poselennia rannoskifskoho chasu na Serednomu Dnistri. *Arkheolohiia*, IX, s. 98-105.

Kashuba, M., Levitski, O. 2012. The Hallstatt house-building techniques of the Carpathian-Danube region and the emergence of circular pit-houses in the Early Scythian period in North-West Pontic. In: Wojciech, B. (ed.). *Peregrinationes Archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicate*. Krakov, s. 573-582.

A. F. Hutsal

HABITATIONS OF RUDKIVTSI SETTLEMENT (According to Research Materials of 1972—1974)

The settlement of pre-Scythian times is located near the Rudkivtsi village, Novoushitsky District, Khmelnytsky Region. The site occupies large area on the plateau (about 115 hectares) which rises 150 m above the level of the Dniester and a steep slope (about 6 hectares) which departs from the plateau and descends rapidly to the water. The settlement has the complex system of artificial fortifications that protect it from the most vulnerable areas.

The part of settlement that occupied the slope was inhabited. Here in the seventees of the previous century the author conducted the research by the expedition of the Kamyanets-Podilsky Pedagogical Institute. This article deals with residential objects, were discovered on the settlement during 1972—1974.

Residential buildings are mostly above ground or slightly deepened by 0.5—1 m with clay pear-shaped or oval in plan furnaces and hearths. For example, dwelling 5 was lowered into the ground by 0.7 m. Dimensions — 8.5 × 6.5 m. In housing had functioned an clay oven and three hearths. The furnace, pear-shaped in plan, was sunk into the mainland by about half near the western wall and rose 0.3 m above the general level. Length — 2.3 m, width — 1.4 m, and width of the outfall — 0.35 m. The stove had a domed ceiling, which had fell on the bottom and covered the entire area of the latter with a layer (up to 3—4 cm thick) of small fragments of burnt plaster. In some places, along the perimeter of the furnace, survived to a height of 3 cm sides of the arch, 4 cm thick. On both sides of the estuary there were stone slabs across, which strengthened the outfall and prevented its premature destruction. The 3 cm thick clay bottom was smeared on a base of carefully laid stone tiles. In addition to the stove, there were three other fires inside the house.

The results of the excavations are important, first of all, because it was possible to open residential buildings with heating devices of satisfactory safety and to establish their arrangement. In the construction of buildings used traditional materials for the time: clay, wood and stone. This technology is typical for the whole of Transnistria and neighboring regions.

Studies have shown that the territory of the settlement was very densely populated. The collected materials allow to determine the time of functioning of the monument within the end of the 10th first half of the 7th century BC.

Keywords: Rudkivtsi, Middle Transnistria, settlement, dwelling, dugout, Chornoliska culture, stove, hearth.

Одержано 25.05.2020

ГУЦАЛ Анатолій Федоровий, доцент, Кам'янець-Подільський національний університет імені І. Огієнка, вул. І. Огієнка, 61, Кам'янець-Подільський, 32301, Україна.
HUTSAL Anatoliy, Associate Professor, Kamenets Podilskyi Ivan Ogienko National University, I. Ogienko street, 61, Kamyanets-Podilsky, 32301, Ukraine.
E-mail: dpoasukam@gmail.com.

УДК [904.22:069.5](477.54) DOI: 10.37445/adiu.2020.03.13

Л. І. Бабенко

БРОНЗОВА БУТЕРОЛЬ ТА БІМЕТАЛЕВИЙ МЕЧ З КОЛЕКЦІЇ ХАРКІВСЬКОГО ІСТОРИЧНОГО МУЗЕЮ ІМЕНІ М. Ф. СУМЦОВА

Статтю присвячено публікації бронзової бутеролі з фондів Харківського історичного музею імені М. Ф. Сумцова, пошуку ймовірних джерел її походження та аналізу можливого зв'язку з безпаспортним біметалевим мечем з довоєнної колекції музею.

***Ключові слова**: скіфська культура, бутероль, біметалевий меч, археологічна виставка у Харкові, Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова.*

У науковому доробку Варвари Андріївни Іллінської є чимало праць, що складають золотий фонд скіфознавства. До останніх безперечно належить і публікація матеріалів розкопок Реп'яхуватої Могили, що стала еталонним комплексом серед пам'яток скіфської архаїки (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 33, 54). Одним із яскравих предметів поховального інвентарю цього кургану є бронзова бутероль у вигляді голівки хижого птаха, яка завдяки документованому контексту набула значення опорної серед знахідок подібного кола.

Бронзова бутероль подібного типу є і в археологічній колекції Харківського історичного музею імені М. Ф. Сумцова (далі ХІМ; інвентарний номер Арх-32/35). Цю бутероль нещодавно ввів до наукового обігу Р. В. Зимовець, який опублікував фотографію предмета й надав лаконічну інформацію про можливе його походження (2016, с. 77, рис. 2; 5: 5). Однак вичерпної інформації про бутероль ця публікація не дає. На момент фотографування бутероль знаходилася в експозиції музею, тому знімок можна було виконати лише через скло вітрини, без масштабу і з одного боку. З цієї ж причини відсутні дані про параметри бутеролі. Нарешті, більш ґрунтовної розвідки потребує і історія виявлення бутеролі, що вирізняється наявністю певних нюансів.

Бутероль репрезентована втулкою, що закінчується голівкою хижого птаха. У перетині втулка має ромбоподібну форму і поволі звужується у бік голівки. Зверху та знизу (по відношенню до голівки) втулка має виразні ребра, з обох боків вони більш згладжені. Отже форма втулки більш близька не до конуса, а до зрізаної піраміди з чотирикутною основою. По краю втулка має дві пари округлих наскрізних отворів, призначених для кріплення на дерев'яну основу піхов. Пташина голівка передана трьома виразними елементами — очницями з оком, дзьобом та язичком. Очниці з оком усередині гіпертрофовані, добре виражені рельєфно та майже на половину свого розміру підіймаються вище лінії втулки та дзьоба. У кожному з очних яблук округлим поглибленням позначені зіниці. Дзьоб розкритий, його абрис має форму асиметричного овалу. Наддзьобок широкий, масивний, загнутий донизу та загострений на кінці. У нижній частині наддзьобок має рельєфний повздовжній витончений уступ. Піддзьобок більш тонкий, майже прямий, ледь звужений до кінця. Кінчик піддзьобка відламано, але збереженість гострого кінця наддзьобка дозволяє дійти висновку, що і у непошкодженому вигляді наддзьобок і піддзьобок не були з'єднаними і між ними був невеликий проміжок. Язик виразний, довгий, загострений на кінці та ледь піднятий догори (рис. 1).

Відсутність ознак ливарних швів дозволяє зробити припущення про можливе виготовлення бутеролі в техніці лиття за втраченою восковою моделлю. Бутероль має пошкодження су-

© Л. І. БАБЕНКО, 2020

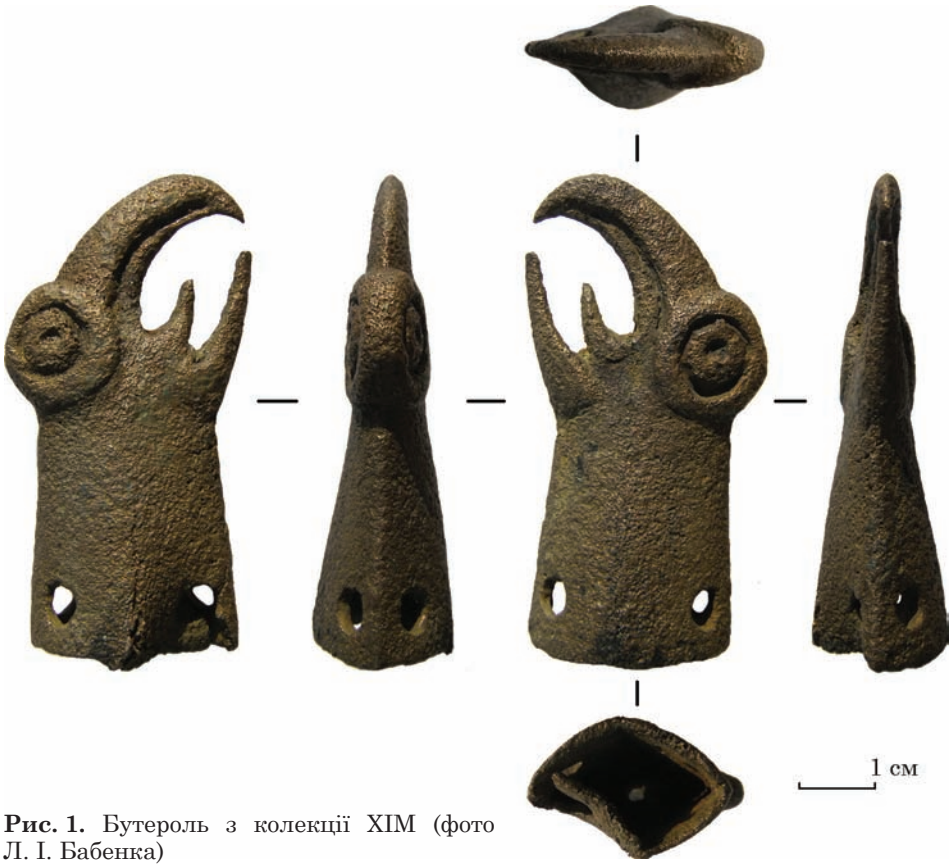


Рис. 1. Бутероль з колекції ХІМ (фото Л. І. Бабенка)

часного характеру у вигляді вм'ятини на краю втулки, що розірвала один із отворів, а також тріщини по боковому ребру на половину довжини втулки.

Параметри бутеролі наступні. Загальна довжина — 6,4 см. Розміри перетину втулки біля основи — 2,7 × 1,9 см, біля пташиної голівки — 2,3 × 1 см. Глибина втулки — 4,4 см. Діаметр зовнішнього контуру овалу очниці — 1,8 × 1,5 см. Діаметр отворів на краю втулки — 0,5 см.

Бутеролі подібного типу неодноразово привертали увагу дослідників. Останнім часом їм було присвячено дві спеціальні роботи, де репрезентовані вичерпні вибірки знахідок подібних прикрас піхов меча та висвітлено історію їх вивчення, а також проблеми хронології, ґенези мотиву тощо (Вольная 2015; Зимовец 2016). Побіжно тих чи інших проблем, пов'язаних з вивченням бутеролей у вигляді пташиної голівки, торкалися багато інших дослідників у статтях, монографіях чи дисертаційних роботах (Мошинский 2006, с. 17, 18; Новичихин 2006, с. 50—52; Скорый, Зимовец 2014, с. 39—44; Канторович 2015, с. 666—668; Полидович 2015, с. 154—159; Топал 2015, с. 63—74; 2018, с. 50, 51, 287—289; Шелехань 2016; Topal 2015, p. 39—43; Скорый, Окатенко, Зимовец 2020, с. 114—117 та інші). За зовнішнім виглядом наконечник піхов з Харківського історичного музею найбільш схожий на бутеролі з Реп'яхуватої Могили, острова Зміїний та ряду інших пам'яток. Саме дві останні знахідки були виділені А. М. Новічихіним у другу групу бутеролей «скіфського» типу (2006, с. 51). О. П. Мошинський, а вслід за ним і Г. М. Вольная подібні бутеролі в окремий тип не виділяли, а вважали їх «реплікою», одним із варіантів розвитку кавказьких наконечників — щоправда О. П. Мошинський вважав за прототипи усі кавказькі наконечники піхов (Мошинський 2006, с. 17), а Г. М. Вольная відводила цю роль бутеролям виділеного нею першого типу (Вольная 2015, с. 21, 26, 27, рис. 3: 1). Але з розширенням кола подібних знахідок погляди на існування окремого типу стають усталеними. Д. О. Топал об'єднав їх у причорноморську різновидність бутеролей — «тип Матусів», до якого відніс шість знахідок. Окрім бутеролей з Реп'яховатої Могили та острова Зміїний, до нього ввійшли дві кримські знахідки (Скорый, Зимовец 2014, с. 39, 40, кат. 31, 32), а також наконечники з Пашківського городища (Пьянков 2005, с. 449, рис. 1) та Ніспоренського району (Топал 2014, с. 23, рис. 2: 4; 2015, с. 70, рис. 4: 21—26; 5; Topal 2015, p. 42, fig. 5: 21—26; 6). Виділений Р. В. Зимовцем тип «Реп'яхувата Могила» репрезентований п'ятьма екземплярами і дещо вирізняється від попередньої вибірки за складом. До нього дослідник не зарахував пашківську і ніспоренську бутеролі, але доповнив «харківським» наконечником, — підкресливши «некавказьку» локалізацію знахідок, що походять виключно з Північного

Причорномор'я, Середнього Подніпров'я та Криму (Зимовец 2016, с. 77, 79—81). Звісно, подібні висновки, побудовані на аналізі лише чотирьох предметів, з яких лише «епонімна» бутероль надійно задокументована, не можна вважити остаточними. Але якщо вони знайдуть підтвердження у майбутньому, це певним чином, хоча б гіпотетично, дасть змогу окреслити можливу територію походження і бутеролі з Харківського історичного музею.

У цьому разі є сенс скрупульозніше дослідити історію надходження харківської бутеролі до колекції музею, що вирізняється певними нюансами та є доволі заплутана. Як відомо, друга світова війна та окупація Харкова німецькими військами спричинили катастрофічні наслідки для колекцій міських музеїв. Частина з них була втрачена під час евакуації на схід, внаслідок попадання авіабомби у вагон з експонатами декількох харківських музеїв на станції Алексєевка Белгородської області. У 1944 р. залишки врятованої колекції повернулися до Харкова з Уфи далеко не у повному складі. Колекції, що залишилися у місті, неодноразово грабувалися окупантами. У 1942 р., на базі об'єднаних фондів історичного музею та Археологічного музею Харківського університету, була відкрита археологічна виставка, знищена пожежею у лютому 1943 р. Частину експонатів було врятовано проведеними на згарищі у 1943—45 рр. розкопками під керівництвом І. Ф. Левицького. Але під час цих буремних подій було повністю втрачено облікову документацію. Отже всі експонати — і повернені з евакуації, і збережені в окупації — фактично втратили паспорт. Для частини предметів вдалося відновити інформацію про їх походження — завдяки публікаціям довоєнного часу чи з пам'яті співробітників музею, хоча подекуди могли вкрастися помилки, як при атрибуції експонатів (наприклад, срібні наконечники ніжок притронного табурета були визначені як навершя скіфських прапорів), так і спроб визначити їх походження — зокрема, багато речей, навіть інших епох (з Вознесенського скарбу тощо), були віднесені до Олександропільського кургану. Однак значна кількість експонатів, серед яких чимало атрактивних, так і залишилась неатрибутованою. У травні 1951 р. музей лишився єдиного фахового археолога — через хворобливий стан здоров'я І. Ф. Левицький вимушений був звільнитися, а наступного року Івана Федоровича не стало. На початку 1952 р. були розпочаті роботи по відновленню облікової документації, і по новоствореній групі зберігання «Археологія» стали заповнювати інвентарні книги. Але цього ж року робота по інвентаризації колекції була призупинена через реорганізацію музею — 25 жовтня 1952 р. вийшов наказ № 148, згідно якого «*з метою покращення організаційно-методичної та культурно-просвітницької роботи*» передбачалося «*відділ первісного суспільства зберегти в експозиційній структурі в такому ж об'ємі, як він є, а штатну посаду завідділом вивільнити та передати у знов утворений відділ радянської історії*». Інакше кажучи, у експозиції музею розділ, присвячений найдавнішому минулому, залишався, але відділ первісного суспільства було ліквідовано (Бабенко 2011, с. 6—12).

Однак археологічний напрямок у роботі музею все ж зберігався і до відновлення у 1968 р. у структурі закладу відділу археології. У вересні 1955 р. на роботу до відділу феодалізму історичного музею було зараховано Є. В. Пузакова, який, по можливості, займався археологічними дослідженнями на Харківщині.

Саме за таких умов у липні 1957 р. до музею надійшов так званий «Харківський скарб». Згідно Акту передачі до Харківського Державного історичного музею це сталося 10 липня 1957 р. Сам «скарб» начебто було знайдено місцевими учнями О. Глазковим та Ю. Шаболтасом за адресою вул. Шота Руставелі, 25, на подвір'ї школи-інтернату № 3 і за порадою студента педінституту К. Нікіткіна передано до музею. Скарб дуже строкатий за складом і налічує 236 предметів різних епох — від неоліту до середньовіччя та нового часу. Зокрема, до нього ввійшли крем'яні знаряддя праці та фрагменти глиняного посуду епохи неоліту та бронзової доби (а також кам'яна сокира цього часу), предмети озброєння та прикраси скіфської доби, старожитності салтівської культури та давньоруського часу, глиняні козацькі люльки тощо, частина — з добре помітними ознаками перебування у вогні. Є.В. Пузаков, який присвятив цій знахідці декілька публікацій у місцевих газетах, вважав, що «її збирачем була російська людина, патріот, який закопав у землю колекцію, щоб вона не дісталась ворогові й не загинула» (Пузаков 1959, с. 4). Подібна «історія» походження скарбу не дуже правдоподібна. Речі скарбу безперечно походять з колекцій харківських музеїв, але важливо визначити можливий час та обставини його «формування».

За рядом побічних ознак можна припустити походження «Харківського скарбу» саме з археологічної виставки. Про це свідчить, окрім слідів вогню на деяких предметах та старих інвентарних номерів, культурно-хронологічний діапазон речей зі скарбу — від кам'яної доби до козацьких часів, що повністю відповідає тематичній структурі археологічної виставки, де був репрезентований період від кам'яної доби (кімнати 1 і 2 «Палеоліт», «Неоліт») до Київської Русі і монгольського часу (кімнати 7 і 8), а закінчувалася виставка «етнографічним» розділом «Народне мистецтво до більшовизму» («Volkskunst vor dem Bolschewismus», кімната 9; Kurzer… б. р., S. 149—153). Але «потрапити» у «скарб» ці речі могли по-різному.

Окрім «офіційних» розкопок згарища виставки І. Ф. Левицьким, докласти руки до цієї спра-

ви могли і інші шукачі. Зокрема, у колекції Музею археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна знаходиться певна кількість предметів з Олександропільського кургану, що надійшла до музею за невідомих обставин у 1945 р. (Задников 2019, с. 285—294). Колекція Олександропільського кургану та ще п'яти скіфських курганів була передана за рішенням Паритетної комісії з Ермітажу до Харкова у 1932 р. саме до історичного музею, а у війну — частково евакуйована, частково залучена до побудови археологічної виставки. І скоріш за все ці речі були кимось також підібрані на згарищі виставки і передані до університетського музею «неофіційно», без оформлення будь-якої документації (Бабенко 2018, с. 599). Але так само до згарища могли навідуватися і інші сторонні особи, щоб задовольнити свій пошуковий інтерес. Покопирсавшись на попелищі, можна було знайти сотню-другу предметів для власної «колекції». Потім же, втративши до неї інтерес, чи побоюючись негативних наслідків за вчинене, прикопати «скарб» на подвір'ї, де згодом на нього натрапили підлітки.

Серед старожилів історичного музею побутувало і інше припущення щодо походження цього «скарбу», яке пов'язувалося з можливою його містифікацією. Адже після ліквідації відділу первісного суспільства було призупинено відновлення інвентарних книг по групі «Археологія» і частина предметів, у тому числі зі згарища археологічної виставки, залишалася не облікованою. І співробітник музею Є. В. Пузаков, який охоче співпрацював зі школярами [1] та мав потяг до написання статей до місцевих газет, не встояв перед спокусою створити невеличку «сенсацію» місцевого штибу, підібравши з не облікованих предметів археологічної колекції більш-менш атрактивні речі та залучивши до цієї справи знайомих підлітків [2].

Незалежно від того, яке з двох припущень ближче до істини, безсумнівним є зв'язок предметів «Харківського скарбу» з археологічною виставкою 1942—43 рр. у Харкові. У цьому випадку є сенс звернути увагу на ще один «безпаспортний» предмет з археологічної колекції ХІМ. Мова йде про біметалевий меч з залізним клинком та бронзовим руків'ям (рис. 2; 3). Меч достеменно було знайдено І. Ф. Левицьким при розкопках згарища археологічної виставки

Рис. 2. Біметалевий меч з колекції ХІМ (фото Л. І. Бабенка)

(Бабенко 2006, с. 53). Таким чином, і бутероль і біметалевий меч були задіяні при побудові археологічної виставки, отже мають щонайменш

1. Так, у Звіті про дослідження експедиції музею у тому ж таки 1957 р. Є. В. Пузаков згадує про активну участь 230 учнів середніх шкіл Харкова та інших міст області (Пузаков 1958, с. 5).
2. Я розшукав родичів Ю. В. Шаболтаса, який, як виявилося, все життя мешкав за адресою вул. Шота Руставелі, 25, кв. 1. На жаль, Юрій Васильович помер ще у 1998 р. Зі слів дружини він ніколи не згадував про цю дитячу пригоду, що говорить про несуттєвість цієї події у його житті та можливу особисту непричетність до неї.

Рис. 3. Рукоять біметалевого меча з колекції ХІМ (фото Л. І. Бабенка)

Рис. 4. Фрагменти рукоятей біметалевих мечів та бутеролі з могильників Кумбулта та Фаскау на Північному Кавказі, без масштабу (1, 2, 4, 5 — Уварова 1900; 3 — Крупнов 1960)

спільну проміжну ланку походження — в один і той же час перебували в одному місці. Однак цікаво проаналізувати вірогідність спільного первісного джерела для обох предметів, документована інформація про походження яких втрачена, адже вони належать до одного культурного і хронологічного контексту та пов'язані між собою функціонально.

Варто зазначити, що оформлені у вигляді голівки хижого птаха бронзові бутеролі доволі рідкісні — на наш час, враховуючи як випадкові знахідки, так і матеріали з розкопок на теренах від Кавказу і Волги до Румунії, налічується менше тридцяти екземплярів (Вольная 2015, с. 19—31; Зимовец 2016, с. 76—88; Топал 2015, с. 63—74; 2018, с. 50, 51, 287—289). У багатьох випадках, коли бутеролі були знайдені у похованнях, вони очікувано супроводжувалися знахідками мечів. Зокрема, комплекти мечів та бутеролей у вигляді голівки птаха виявлені у похованнях Нижньо-Чегемського та Старшого Ахмиловського могильників, Реп'яховатій Могилі, похованні кургану 127 в урочищі Марченки поблизу Більського городища (Акритас

1961, табл. III: 9; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 11: 6; 12: 1—3; Чижевский 2008, рис. 33: 7; Скорый, Окатенко, Зимовец 2020, с. 114-117, рис. 8—10). Піхви меча з поховання 246 Тлійського могильника мали схожу кістяну бутероль (Вольная 2015, рис. 1: 14), а закінчення піхов парадного меча з поховання біля с. Фірмініш було оформлене у вигляді стилізованої голівки птаха (Vulpe 1990, Taf. 3: 11). Кінчик клинка залізного меча зберігся всередині однієї бутеролі з Фаскау (Уварова 1900, с. 275, 276, табл. CXL: 4).

Знахідки біметалевих мечів також не вирізняються високою репрезентативністю — відомо загалом трохи більше 20 екземплярів, що походять переважно з випадкових знахідок та зруйнованих поховань (Бабенко 2006; Ворошилов 2006; 2007; Топал 2015; Topal 2015). Бронзова бутероль — у вигляді згорнутої у кільце пантери — супроводжувала біметалевий меч з кургану біля хут. Степной (Виноградов 1974, с. 259, 260, рис. 1). Спільних знахідок біметалевих мечів та бронзових бутеролей у вигляді голівки птаха начебто невідомо. Але є сенс звернути увагу на декілька знахідок з Кавказу. Свого часу П. С. Уварова опублікувала зображення уламків руків'їв двох біметалевих мечів з могильника поблизу с. Кумбулта (рис. 4: 1, 2; Уварова 1900, табл. XCV: 3, 4) та двох бутеролей у вигляді голівки птаха з Фаскау (рис. 4: 4, 5; Уварова 1900, табл. CXV: 4, 5). Пізніше фрагмент перехрестя меча з частиною руків'я з могильника Фаскау поблизу с. Галіат ввів до обігу Є. І. Крупнов (рис. 4: 3; Крупнов 1960, табл. XXX: 3). Згодом виявилося, що фрагмент меча з Фаскау, опублікований Є. І. Крупновим і фрагмент рукояті одного з мечів з Кумбулти за П. С. Уваровою (рис. 4: 1), є уламками одного меча — чи то з Фаскау, чи то з Кумболти (Бабенко 2006, с. 53, 54; 2010). Можна напевне стверджувати, що при обліку, збереженні чи публікації паспорти предметів з двох могильників були переплутані. А тому не виключено, що уламки обох мечів і дві бронзові бутеролі пов'язані між собою і кожна з пар — бутероль і фрагмент руків'я — походять з одного поховання, тобто, ці дві бутеролі прикрашали піхви біметалевих мечів.

Якщо зараз знахідки і бронзових бутеролей, і біметалевих мечів репрезентовані невеликою кількістю, то у довоєнний час вони складали категорію зовсім рідкісних, майже унікальних знахідок. Так, були відомі бутеролі з Фаскау та Верхньо-Кобанського могильників (Уварова 1900, табл. CXV: 4, 5; рис. 80) та з острова Зміїний (Левки), що була привезена в Одеський музей після 1841 року (Островерхов, Охотников 1989, с. 55). З біметалевих мечів можна назвати знахідки з Кумбулти (?) (Уварова 1900, табл. XCV: 3, 4), кургану 2 біля с. Райгород (Ханенко, Ханенко 1900, табл. XXXVIII: 166) та з пагорбу Стеньки Разіна біля с. Лапоть поблизу м. Камишин Саратовської області (Шкурко 1962, с. 98, 100, рис. 4). Отже «харківські» бутероль і меч є п'ятими, кожен у своїй серії, з довоєнних знахідок. Тому зважуючи вірогідність можливого зв'язку між ними, цілком доречно сформулювати це питання дещо інакше, а саме — чи можуть два виключно рідкісні предмети, що існували в одному хронологічному та культурному контексті та були пов'язані між собою функціонально, потрапити у музейну колекцію незалежно одне від одного? Це можливо, хоча і дуже малоймовірно, майже фантастично. Але припущення про вірогідний зв'язок між ними буде залишатися гіпотетичним, допоки не отримає документального підтвердження. Відшукати його можна серед матеріалів, присвячених організації археологічної виставки 1942 р. у Харкові, зі згарищ якої походять обидва предмети, можливо це станеться у майбутньому.

Отже, скоріш за все, до війни обидва предмети перебували у фондах одного з харківських музеїв — історичного або археологічного музею університету, колекції яких були залучені при створенні археологічної виставки. Хоча не слід виключати і інше джерело їх надходження на виставку, визначити яке можна лише за архівними матеріалами, якщо такі знайдуться. У цьому випадку ми отримаємо ще один яскравий комплекс скіфської архаїки, що доповнить джерельну базу скіфознавства. Свого часу було зроблене припущення про можливе місцеве походження біметалевого меча з Харківського історичного музею (Бабенко 2006, с. 56). Якщо зв'язок бутеролі з біметалевим мечем буде доведено, то, враховуючи належність «харківського» наконечника піхов до причорноморського типу бутеролей, відповідна локація обох предметів отримає додаткову аргументацію.

ЛІТЕРАТУРА

Акритас, П. Г. 1961. Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 г. *Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии*, IX, с. 177-192.

Бабенко, Л. И. 2010. О некоторых биметаллических мечах скифского времени с территории Кавказа. В: *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 26—30 апреля 2010 г. Тезисы докладов*. Магас: Пилигрим, с. 26-28.

Бабенко, Л. И. 2018. Коллекция Александропольского кургана в собрании Харьковского исторического музея имени Н. Ф. Сумцова. В: Полин, С. В. Алексеев, А. Ю. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье*. Киев; Берлин: Олег Филюк, с. 591-627.

Бабенко, Л. І. 2006. Біметалевий меч скіфського часу з колекції Харківського історичного музею. *Археологія*, 2, с. 53-57.

Бабенко, Л. І. 2011. Короткий нарис історії відділу археології Харківського історичного музею. В: Аксьонов, В. С., Бабенко, Л. І. (укл.). *Відділ археології Харківського історичного музею (1991—2010): Бібліографічний покажчик*. Харків: Мачулін, с. 5-16.

Виноградов, В. Б. 1974. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии. *Советская археология*, 4, с. 258-263.

Вольная, Г. Н. 2015. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле. *Российская Археология*, 1, с. 19-31.

Ворошилов, А. Н. 2006. Бронзовое и биметаллическое клинковое оружие скифского типа Восточной Европы и Кавказа. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1, с. 34-45.

Ворошилов, А. Н. 2007. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги. *Российская Археология*, 3, с. 150-156.

Задников, С. А. 2019. Коллекция предметов из Александропольского кургана в собрании Музея археологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. *Археологія і давня історія України*, 4, с. 285-294.

Зимовец, Р. В. 2016. О локальных особенностях бронзовых бутеролей в виде головы хищной птицы. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 76-88.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*. Диссертация д. и. н. МГУ.

Крупнов, Е. И. 1960. *Древняя история Северного Кавказа*. Москва: АН СССР.

Мошинский, А. П. 2006. *Древности Горной Дигории. VII—IV вв. до н. э.* Труды ГИМ, 154. Москва.

Новичихин, А. М. 2006. *Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников)*. Анапа: РИО СГУТ и КД.

Островерхов, А. С., Охотников, С. Б. 1989. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея. *Вестник древней истории*, 2, с. 50-67.

Полидович, Ю. Б. 2015. Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, с. 153-161.

Пузаков, Е. В. 1958. *Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного исторического музея в басейне реки Северского Донца в 1957 г.* НА ІА НАН України, ф. 2884, 1957/18.

Пузаков, Є. 1959. Цінна археологічна колекція. *Соціалістична Харківщина*, 24 лютого, 41 (10016), с. 4.

Пьянков, А. В. 2005. Бронзовый зооморфный наконечник акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского*. Москва: ИА РАН, с. 448-450.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.

Скорый, С. А., Окатенко, В. Н., Зимовец, Р. В. 2020. Скифское архаическое погребение в урочище Марченки близ Бельского городища. *Археологическое наследие*, 1 (3), с. 113-134.

Топал, Д. А. 2014. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов с территории Республики Молдова. *Tyragetia*, 8, 1, с. 7-43.

Топал, Д. А. 2015. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия. *Материалы по археологии Северного Причерноморья*, 13, с. 54-79.

Топал, Д. 2018. *Скифское клинковое вооружение VII—IV вв. до н. э. (юго-запад Восточной Европы)*. Диссертация доктора истории. Центр археологии Института культурного наследия АН Молдовы.

Уварова, П. С. 1900. *Могильники Северного Кавказа*. Материалы по археологии Кавказа, VIII. Москва: А.И. Мамонтов.

Ханенко, Б. Н., Ханенко, В. И. 1900. *Древности Приднепровья*, III.

Чижевский, А. А. 2008. *Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках: прединаньинская и аньинская культурно-исторические области*. Казань: Школа.

Шелехань, О. В. 2016. *Мечі та кинджали скіфського часу Східноєвропейського Лісостепу*. Дисертація к. і. н. ІА НАН України.

Шкурко, А. И. 1962. Скифский кинжал из Днепропетровского музея. В: Авдусин, Д. А., Янин, В. Л. (ред.). *Историко-археологический сборник*. Москва, с. 97-100.

Kurzer… б. р. *Kurzer Führer durch die Ausstellung der vorgeschichtlichen Sammlungen des Einsatzstabes Reichsleiter Rosenberg, Abt. Vorgeschichte in Charkow*. ЦДАВО України, ф. 3676, оп. 1, спр. 58, арк. 149-153.

Topal, D. A. 2015. Use of bronze in the producing of Early Scythian akinakai. *Tyragetia*, 9, 1, p. 29-50.

Vulpe, A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien*. Prähistorische Bronzefunde, VI, 9. München: C. H. Beck'sche.

REFERENCES

Akritas, P. G. 1961. Arkheologicheskie issledovaniia Chegemskogo ushchelia v 1959 g. *Sbornik statei po istorii Kabardino-Balkarii*, IX, s. 177-192.

Babenko, L. I. 2010. O nekotorykh bimetallicheskikh mechakh skifskogo vremeni s territorii Kavkaza. In: *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov i kultur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chteniia» po arkheologii Severnogo Kavkaza. Magas, 26—30 aprelia 2010 g. Tezisy dokladov*. Magas: Piligrim, s. 26-28.

Babenko, L. I. 2018. Kollektsiia Aleksandropolskogo kurgana v sobranii Kharkovskogo istoricheskogo muzeia imeni N. F. Sumtsova. In: Polin, S. V., Alekseev, A. Iu. *Skifskii tsarskii Aleksandropolskii kurgan IV v. do n. e. v Nizhnem Podneprove*. Kiev; Berlin: Oleg Filiuk, s. 591-627.

Babenko, L. I. 2006. Bimetalevyi mech skifskoho chasu z kolektsii Kharkivskoho istorychnoho muzeiu. *Arkheolohiia*, 2, s. 53-57.

Babenko, L. I. 2011. Korotkyi narys istorii viddilu arkheolohii Kharkivskoho istorychnoho muzeiu. In: Aksonov, V. S., Babenko, L. I. (ukl.). *Viddil arkheolohii Kharkivskoho istorychnoho muzeiu (1991—2010): Bibliohrafichnyi pokazhchyk*. Kharkiv: Machulin, s. 5-16.

Vinogradov, V. B. 1974. Novye nakhodki predmetov skifo-sibirskogo zverinogo stilia v Checheno-Ingushetii. *Sovetskaia arkheologiia*, 4, s. 258-263.

Volnaia, G. N. 2015. Nakonechniki nozhen s izobrazheniem golovy ptitsy iz pamiatnikov rannego zheleznogo veka Tsentralnogo Kavkaza i ikh analogii v skifo-sibirskom zverinom stile. *Rossiiskaia Arkheologiia*, 1, s. 19-31.

Voroshilov, A. N. 2006. Bronzovoe i bimetallicheskoe klinkovoe oruzhie skifskogo tipa Vostochnoi Evropy i Kavkaza. *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 34-45.

Voroshilov, A. N. 2007. Bimetallicheskie mechi skifskogo vremeni iz mezhdurechia Dona i Volgi. *Rossiiskaia Arkheologiia*, 3, s. 150-156.

Zadnikov, S. A. 2019. Kollekcziya predmetov iz Aleksandropol'skogo kurgana v sobranii Muzeya arkheologii Khar'kovskogo naczional'nogo universiteta imeni V. N. Karazina. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 4, s. 285-294.

Zimovets, R. V. 2016. O lokalnykh osobennostiakh bronzovykh buterolei v vide golovy khishchnoi ptitsy. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2, s. 76-88.

Ilinskaia, V. A., Mozolevskii, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiia i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 31-63.

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskii zverinyi stil Vostochnoi Evropy: klassifikatsiia, tipologiia, khronologiia, evoliutsiia*. Dissertatsiia d. i. n. MGU.

Krupnov, E. I. 1960. *Drevniaia istoriia Severnogo Kavkaza*. Moskva: AN SSSR.

Moshinskii, A. P. 2006. *Drevnosti Gornoi Digorii. VII—IV vv. do n. e.* Trudy GIM, 154. Moskva.

Novichikhin, A. M. 2006. *Naselenie Zapadnogo Zakubania v pervoi polovine I tysiacheletiia do n. e. (po materialam pogrebalnykh pamiatnikov)*. Anapa: RIO SGUT i KD.

Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 1989. O nekotorykh motivakh zverinogo stilia na pamiatnikakh iz sobraniia Odesskogo arkheologicheskogo muzeia. *Vestnik drevnei istorii*, 2, s. 50-67.

Polidovich, Iu. B. 2015. Struktura i simvolika dekora nozhen mechei ranneskifskogo vremeni. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. I. Meliukovoi (Kagalnik, 26—29 aprelia 2014 g.)*. Rostov-na-Donu: IuNTs RAN, s. 153-161.

Puzakov, E. V. 1958. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Kharkovskogo gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia v baseine reki Severskogo Dontsa v 1957 g.* NA IA NAN Ukrainy, f. 2884, 1957/18.

Puzakov, Ye. 1959. Tsinna arkheolohichna kolektsiia. *Sotsialistychna Kharkivshchyna*, 24 liutoho, 41 (10016), s. 4.

Piankov, A. V. 2005. Bronzovyi zoomorfnyi nakonechnik akinaka iz fondov Krasnodarskogo muzeia-zapovednika. In: Guliaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii ot rannei bronzy do rannego srednevekovia. Pamiati V. S. Olkhovskogo*. Moskva: IA RAN, s. 448-450.

Skoryi, S. A., Zimovets, R. V. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollektsii*. Kiev: Oleh Filiuk.

Skoryi, S. A., Okatenko, V. N., Zimovets, R. V. 2020. Skifskoe arkhaicheskoe pogrebenie v urochishche Marchenki bliz Belskogo gorodishcha. *Arkheologicheskoe nasledie*, 1 (3), s. 113-134.

Topal, D. A. 2014. Akinaki na zapadnykh rubezhakh Skifii. Nakhodki skifskikh mechei i kinzhalov s territorii Respubliki Moldova. *Tyragetia*, 8, 1, s. 7-43.

Topal, D. A. 2015. Bimetallicheskie akinaki tipa Gudermes i ispolzovanie bronzy v izgotovlenii ranneskifskogo klinkovogo oruzhiia. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomoria*, 13, s. 54-79.

Topal, D. 2018. *Skifskoe klinkovoe vooruzhenie VII—IV vv. do n. e. (iugo-zapad Vostochnoi Evropy)*. Dissertatsiia doktora istorii. Tsentr arkheologii Instituta kulturnogo naslediia AN Moldovy.

Uvarova, P. S. 1900. *Mogilniki Severnogo Kavkaza*. Materialy po arkheologii Kavkaza, VIII. Moskva: A. I. Mamontov.

Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. 1900. *Drevnosti Pridneprovia*, III.

Chizhevskii, A. A. 2008. *Pogrebalnye pamiatniki naseleniia Volgo-Kamia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: predananinskaia i ananinskaia kulturno-istoricheskie oblasti*. Kazan: Shkola.

Shelekhan, O. V. 2016. *Mechi ta kyndzhaly skifskoho chasu Skhidnoievropeiskoho Lisostepu*. Dysertatsiia k. i. n. IA NAN Ukrainy.

Shkurko, A. I. 1962. Skifskii kinzhal iz Dnepropetrovskogo muzeia. In: Avdusin, D. A., Ianin, V. L. (eds.). *Istoriko-arkheologicheskii sbornik*. Moskva, s. 97-100.

Kurzer… b. r. *Kurzer Führer durch die Ausstellung der vorgeschichtlichen Sammlungen des Einsatzstabes Reichsleiter Rosenberg, Abt. Vorgeschichte in Charkow*. TsDAVO Ukrainy, f. 3676, op. 1, spr. 58, ark. 149-153.

Topal, D. A. 2015. Use of bronze in the producing of Early Scythian akinakai. *Tyragetia*, 9, 1, p. 29-50.

Vulpe, A. 1990. *Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien*. Prähistorische Bronzefunde, VI, 9. München: C. H. Beck'sche.

L. I. Babenko

BRONZE SCABBARD-CHAPE AND BIMETALLIC SWORD FROM M. F. SUMTSOV KHARKIV HISTORICAL MUSEUM

In M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum archaeological collection a bronze scabbard-chape can be found, which has a form of a rhomb-shaped plug that ends with a head of a carnivorous bird. The bird's head is conveyed by three expressive elements — an eye in the eyesocket, a beak, and a tonguelet. Chapes of such type count a bit more than twenty exemplars, which are located preferably on the Caucasus and Northern Black Sea coastal area territories. Chape was included in the so-called «Kharkiv treasure». This treasure was supposedly found by two teenagers in their yard in 1957; they gave it to the museum. The treasure is very variegated by its content and counts 236 objects of different epochs — from the Neolithic Age to the Middle Ages and modern ages. By the range of symptoms the treasure can be linked to the Archaeological exhibition opened in occupied Kharkiv in 1942 and which was demolished by the fire in February 1943. The exhibition was based on the materials of the Historical Museum collections and the Archaeological Museum of the Kharkiv University; it demonstrated as wide chronological period as the content of the «Kharkiv treasure» was — from the Stone Age to the Cossacks times. So, apparently before the war, the chape belonged to the collection of one of these museums. The loss of the accounting records of both museums prevents from determining the more precise origin of the chape.

In the Archaeological exhibition remnants after the fire a bimetallic sword with an iron blade and bronze handle was also found. The sword and the chape belong to the same cultural and chronological context and are tied with each other functionally. At the same time, they are quite rare findings. It allows admitting a possible connection between them and their belonging to the same complex. Visually the Kharkiv chape is the closest to the findings from the Northern Black Sea coastal area, which allows defining the possible territory of origin of this complex, which is just hypothetic for now.

Keywords: Scythian culture, scabbard-chapes, bimetallic sword, archaeological exhibition in Kharkiv, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum.

Одержано 1.04.2020

БАБЕНКО Леонід Іванович, старший науковий співробітник, Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків, 61003, Україна.

BABENKO Leonid I., Senior Researcher, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Universytetska str., 5, Kharkiv, 61003, Ukraine.

ORCID: orcid.org/0000-0002-5498-9278, e-mail: babenkolnd@gmail.com.

УДК 904.5(477.54)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.14

К. Ю. Пеляшенко

КУРГАННИЙ МОГИЛЬНИК СКІФСЬКОГО ЧАСУ «ДЕРГАЧІ»

Публікація присвячена результатам розкопок курганного могильника скіфського часу біля міста Дергачі в Харківській області. Подано повну характеристику розкопаних курганів, проаналізовано поховальний обряд.

***Ключові слова**: скіфський час, поховальний обряд, Лісостеп.*

Археологічні пам’ятки скіфського часу в лісостеповій частині басейну р. Сіверський Донець добре відомі в науці. На сьогодні це один з найбільш вивчених регіонів Лісостепової Скіфії. За матеріалами досліджень регіону було видано кілька узагальнюючих монографій, остання з яких «Населення скіфського часу на Сіверському Дінці» Дениса Гречка побачила світ десять років тому (Либеров 1962; Шрамко 1962; Гречко 2010). Втім, деякі мікрорегіони в середині сіверськодонецького Лісостепу досі залишаються маловивченими. Особливо це стосується північної частини — басейнів річок Лопань та Харків (притоки р. Уди, що є притокою правого берега р. Сіверський Донець). Археологічні дослідження пам’яток в цих мікрорегіонах в останні десятиліття дозволили отримати нові дані про хронологію, матеріальну культуру і поховальну обрядовість населення, що тут мешкало.

Публікацію присвячено дослідженням курганного могильника біля міста Дергачі, здійснених автором упродовж 2018—2019 рр. [1]

В адміністративному відношенні пам’ятка знаходиться на території Дергачівської міської ради, на захід від м. Дергачі. Серед мешканців міста ця місцевість — підвищення, на якій розташовано кургани, має назву «Дергачівська Січ». За легендою на цьому місці була козацька вежа, за іншою версією козацька могила (Рибальченко 2008, с. 24, 25). В 2000 р. на краю мису, безпосередньо поряд з курганним могильником був встановлений пам’ятний знак-хрест.

За топографією курганний могильник розташований на краю правого корінного берега р. Лопань, рельєф нерівний і має слабо похилу поверхню у східному напрямку (рис. 1: 2). На сьогоднішній день південно-східна частина могильника розташована у лісопосадці (дуби і клени), північно-західна — на полі, що використовується для сільськогосподарських потреб (тут кургани розорюються і більшу їх частину вже знівельовано).

Могильник виявлено в 1903 р. викладачем Харківського університету Є. П. Трефільєвим. В цьому ж році він з невеликою групою робітників за три дні розкопав 10 курганів (Трефильев 1905; 1907) [2]. За описами дослідника на могильнику фіксувалось від 60 до 70 курганів, висотою від ледь помітних до 0,70 м і тільки один курган мав висоту до 1,5 м. Частина з них вже тоді була сильно розорана. Дослідником було надано загальну характеристику розкопаних курганів, без опису кожного поховання окремо. «Однообразие их внешнего вида вполне соответствовало однообразию их содержания» — так було відмічено Є. П. Трефільєвим (Трефильев 1905, с. 27). У насипах всіх розкопаних курганів було знайдено шматки деревного вугілля та фрагменти глиняного посуду. Ями мали розміри в довжину до 1,5 м, в ширину до

1. В експедиції приймали участь співробітники Харківського історичного музею ім. М. Ф. Сумцова, діти з археологічних гуртків м. Харків і м. Люботин та волонтери, яким я вдячний за допомогу і співпрацю.

© К. Ю. ПЕЛЯШЕНКО, 2020

2. Обидві публікації мають ідентичні тексти.

1,0 м та глибину до 0,75 м. На дні однієї похоронної камери зафіксовано деревний тлін.

Є. П. Трефільєвим була відмічена дуже погана збереженість кісток. Втім, в деяких випадках вдалось зафіксувати положення похованих: у витягнутому на спині або скорченому положенні, головою на захід. Інвентар з поховань складався з бронзових тригранних наконечників стріл, шматків заліза, спису, ножа з кістяним руків'ям, намистин (Трефильев 1905, с. 27, 28). Археологічні матеріали з цих розкопок було втрачено під час Другої світової війни. Слід зазначити, що це були одні з перших наукових розкопок на р. Сіверський Донець. Однак, після цього жодних археологічних розкопок в басейні її північної притоки — р. Лопань не проводилось.

В 1972 р. курганний могильник було взято під охорону держави рішенням Харківського облвиконкому № 61 від 25.01.1972 р. під охорона могильника, зроблено опис, знято план та розпочаті розкопки.

Усього на могильнику зафіксовано 32 насипи діаметром від 3 до 15 м, висотою від 0,1 до 1,0 м, що займають територію приблизно 200 × 200 м (рис. 1: 1). Більша частина курганів знаходиться в лісопосадці і тільки на полі візуально простежуються 6 насипів. Ймовірно частину насипів в цій частині знівельовано в результаті багаторічної оранки. Два кургани (№ 11 і 17) мають пошкодження насипу (пограбування?). На кургані 1 встановлено пам'ятні кам'яні знаки (воїнам, загиблим в АТО (мешканцям м. Дергачі) та камінь з гербом міста Дергачі і надписом «*Когда-то здесь в степи звенели сабли, Рубились казаки в бою, И отдавали кровь*

ронними номерами 752 і 753 (могильник був розділений на дві групи: окремі кургани, що розташовані на полі і група курганів в лісопосадці). В складених паспортах на могильник містяться схеми поганої якості, без прив'язок та з помилками.

Довгий час в середі харківських археологів вважалось, що могильник «Дергачі» розташований біля с. Караван, неподалік від м. Дергачі. Дійсно, у кількох кілометрах на південний-схід від нашої пам'ятки, є курганний могильник дуже схожий за топографією і описами наведеними Є. П. Трефільєвим. Проте, мешканцем м. Дергачі, краєзнавцем і співробітником Харківського історичного музею І. П. Шевцовим було звернено мою увагу на те, що у дореволюційній публікації вказано, що плато на якому розташовано кургани з півночі обмежено рівчаком Криниця. Завдяки цьому спостереженню в 2018 р. було знову віднайдено місце розташу-

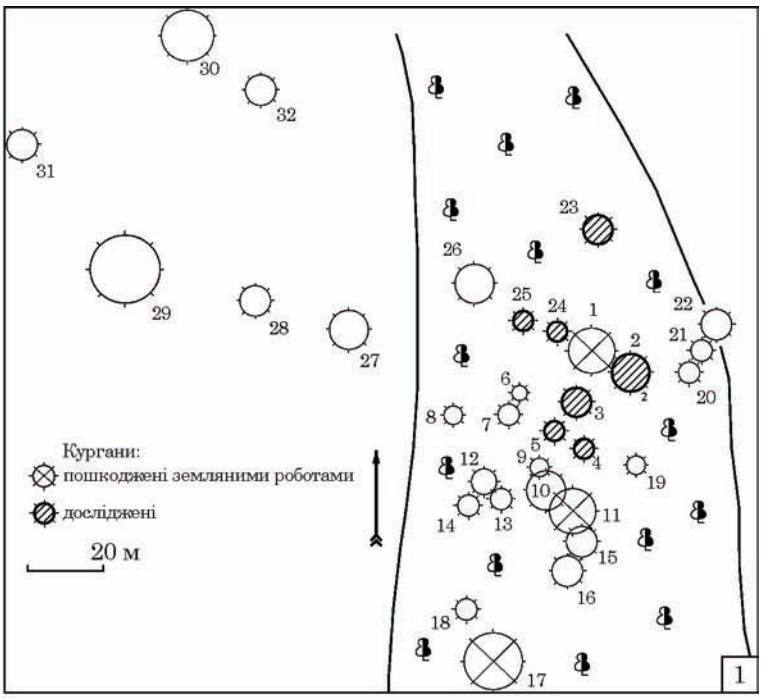


Рис. 1. Курганний могильник «Дергачі»: 1 — ситуаційна схема могильника; 2 — загальний вигляд із заплави р. Лопань

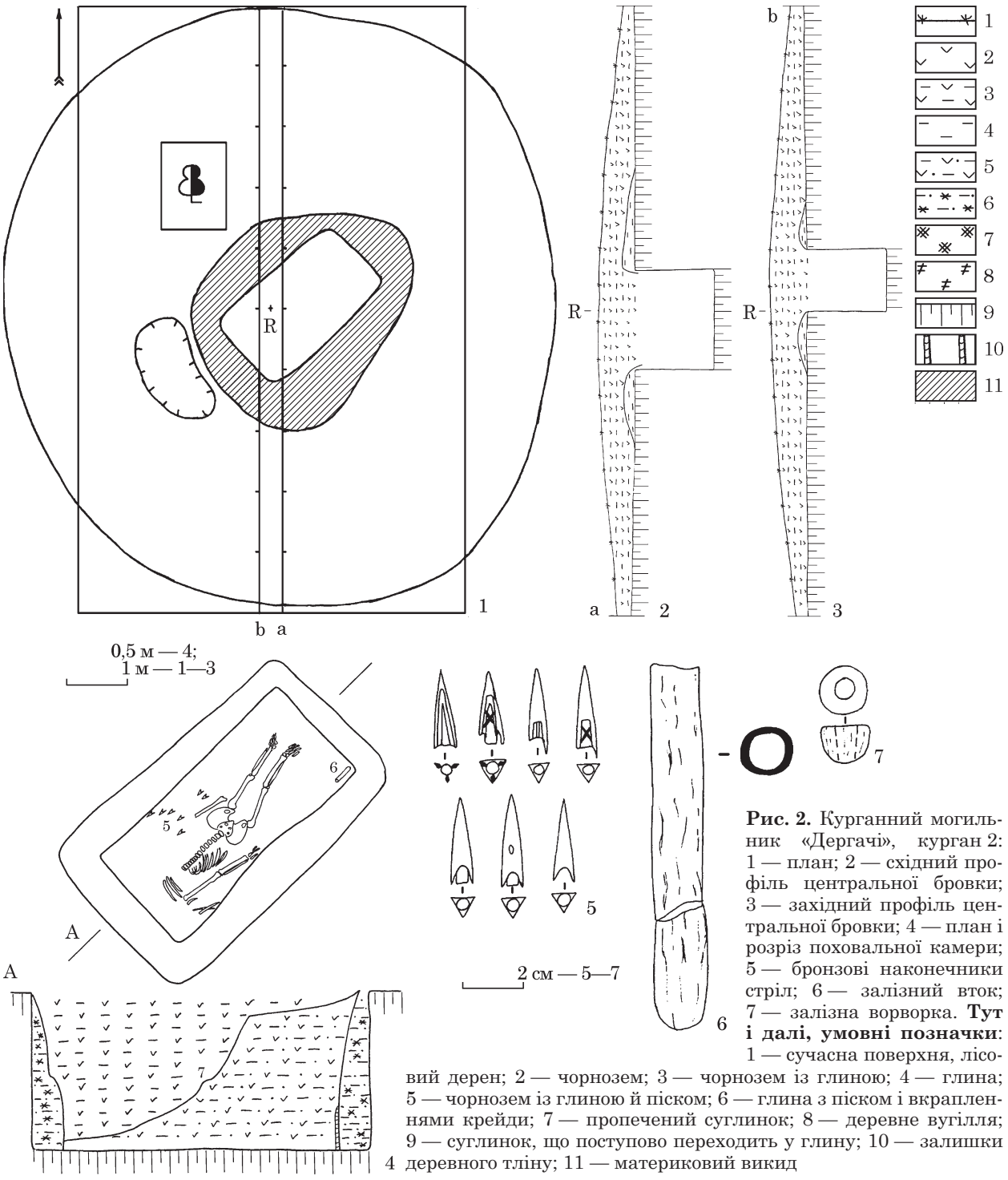


Рис. 2. Курганний могильник «Дергачі», курган 2: 1 — план; 2 — східний профіль центральної бровки; 3 — західний профіль центральної бровки; 4 — план і розріз поховальної камери; 5 — бронзові наконечники стріл; 6 — залізний вток; 7 — залізна ворворка. **Тут і далі, умовні позначки**: 1 — сучасна поверхня, лісовий дерен; 2 — чорнозем; 3 — чорнозем із глиною; 4 — глина; 5 — чорнозем із глиною й піском; 6 — глина з піском і вкрапленнями крейди; 7 — пропечений суглинок; 8 — деревне вугілля; 9 — суглинок, що поступово переходить у глину; 10 — залишки деревного тліну; 11 — материковий викид

свою до капли, За Украину — неньку, родину свою»), а сам насип обнесено невисокою бетонною огорожею. Проте за усними свідченнями мешканців, перед встановленням меморіальних знаків тут також по центру була яма, що вказує на те, що курган також був пограбований. У 2018—2019 рр. експедиція ХІМ на чолі з К. Ю. Пелященком проводила дослідження на могильнику: знято план пам'ятки та проведені розкопки семи насипів (кургани 2—5, 23—25).

Курган 2. Розташований в східній частині могильника, на південний схід від найбільшого в групі кургану 1 (рис. 1: 1). Насип порослий підліском, в північно-західній частині та західній полі ростуть два дерева (дуби). Курган має діаметр 10 м та висоту від рівня давньої поверхні 0,60 м (рис. 2: 1—3). Насип досліджено двома траншеями шириною 3 м та довжиною 10 м. По центру між траншеями залишена бровка шириною 0,5 м. Через лісову рослинність вивчити східну і західну поли кургану (по 1,5 м з кожної сторони) не вдалось.

Насип кургану складений з чорноземно-глинистого ґрунту, в якому на глибині від 0,10 до

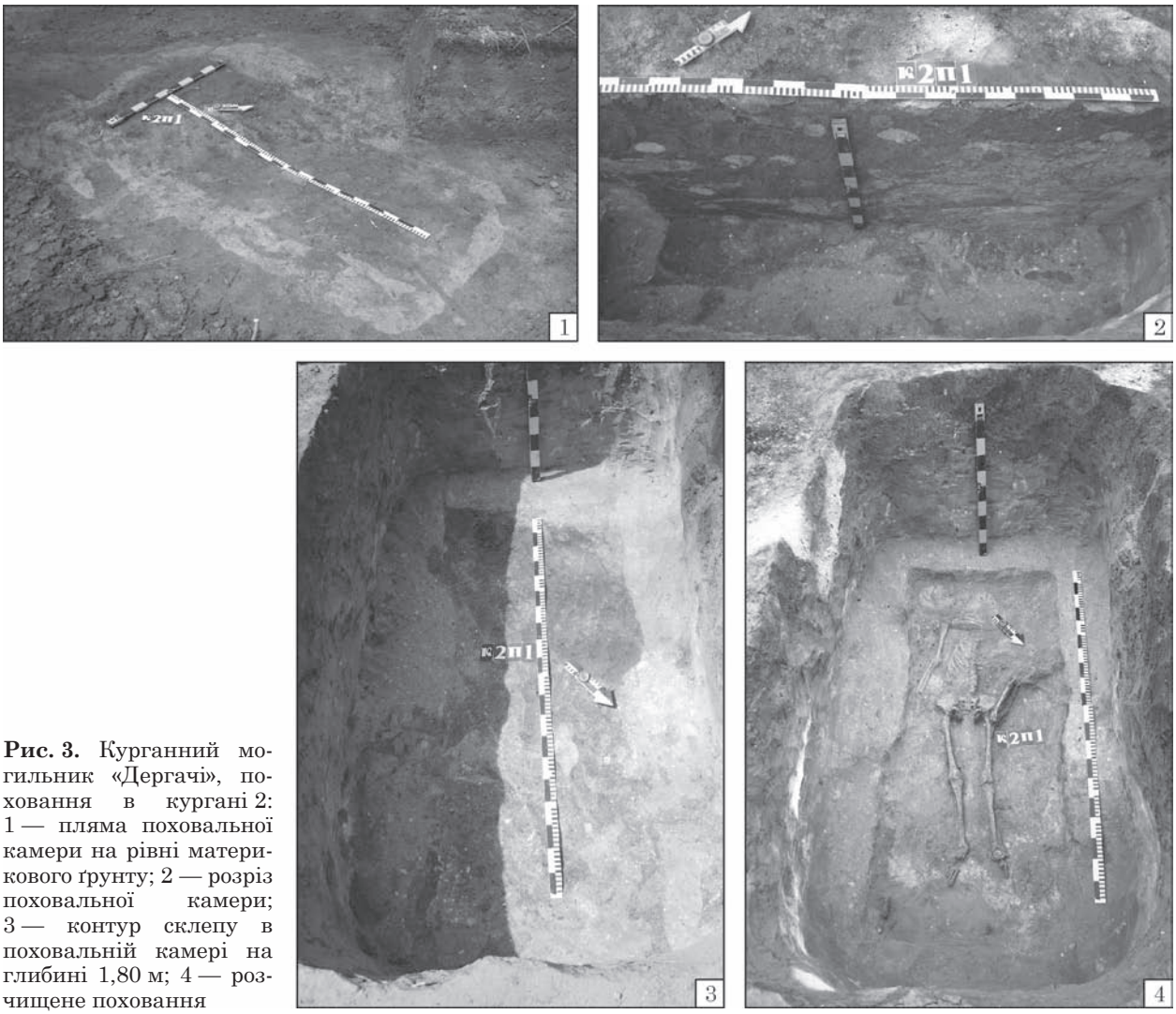


Рис. 3. Курганний могильник «Дергачі», поховання в кургані 2: 1 — пляма поховальної камери на рівні материкового ґрунту; 2 — розріз поховальної камери; 3 — контур склепу в поховальній камері на глибині 1,80 м; 4 — розчищене поховання

0,60 м траплялись поодинокі фрагменти стінок ліпленого посуду, в північній частині насипу на глибині 0,40 м виявлено стінку античної амфори і уламок кварцитової зернотерки. Явних слідів тризни у вигляді скупчень, слідів вогнища тут не зафіксовано. В центральній частині насипу виявлено материковий викид з поховання, що фіксувався з глибини 0,40 м в обох траншеях. Викид з чистої жовтої глини лежав на рівні давньої поверхні (передматериковому суглинку) і був складений по всьому периметру поховання, його найбільша товщина до 0,20 м, ширина до 1,0 м. Під час зачистки на рівні давньої поверхні (0,60 м від центрального репера) в південно-західній частині насипу, одразу біля материкового викиду була зафіксована пляма чорноземного ґрунту, яка фіксувалась ще з глибини 0,40 м. Ця яма є пізнішим перекопом і може розглядатися як грабіжницький лаз, що не попав в поховальну камеру, вона мала неправильну овальну форму розмірами 1,70 × 1,0 м, дно на глибині 0,90 м (рис. 2: 1).

Чіткі контури поховальної камери зафіксовані на глибині 0,70 м. Вона мала підпрямокутну форму з трохи заокругленими кутами, орієнтована довгою стороною по лінії південний захід—північний схід (відхилення від напрямку північ 46°; рис. 2: 4; 3: 1). Довжина ями — 2,55 м, ширина в південно-західній частині — 1,55 м, в північно-східній — 1,45 м. Стінки камери були вертикальні, дно зафіксовано на глибині 1,98 м від найвищої точки кургану або 1,38 від рівня давньої поверхні. Особливості заповнення дозволяють стверджувати, що поховання здійснено в дерев'яному склепі. Ще під час зачистки плями на рівні давньої поверхні було видно, що по краям камери є забутовка ґрунтом жовтого кольору (глина з піском і вкрапленнями крейди), в той час як по центру ями був вписаний менший прямокутник, заповнений чорноземно-глинистим темним ґрунтом, що мав правильніші кути ніж камера (рис. 3: 1—3). Під час дослідження заповнення поховальної камери, на межі між світлим та темним ґрунтом, траплялись поодинокі залишки деревного тліну (в основному під південно-східною стінкою), але вони не йшли суцільним шаром, що вказує на те, що, можливо, стінки склепу були тонкими і не збереглись. Розміри склепу: 2,05 × 1,0 м.

Дослідження поховальної камери проводилось секторами, що дозволило чітко простежити грабіжницький лаз, який воронкою спускався у південно-західну частину камери, таким чином, центральна та північно-східна частини виявилися не потурбованими (рис. 2: 4; 3: 2). Грабіжницький лаз був заповнений щільним чорноземно-глинистим ґрунтом, а непорушена частина була заповнена більш м'яким і світлим (плямистим за кольоровою гаммою) чорноземно-глинистим ґрунтом з супіском. В заповненні, чітко на межі грабіжницького лазу і непорушеної частини, на глибині 1,30 м від найвищої точки кургану було виявлено розбитий череп людини, трохи вище, на глибині 0,90 м — залізна ворворка (рис. 2: 7).

На дні поховальної камери, на глибині 1,98 м, у межах склепу виявлено скелет людини, що лежав у витягнутому положенні на спині, орієнтований черепом на південний захід (рис. 2: 4; 3: 4). Скелет належав чоловікові віком 20—25 років, зростом близько 1,68 м (визначення В. Л. Бондаренка). Відсутній череп (знайдений у грабіжницькому лазі), ліва плечова кістка, частина ребер лівої сторони зміщено ближче до правої плечової кістки. Інші кістки зафіксовані в анатомічному порядку. Жодних слідів підстилки або підсипання на дні камери не виявлено. Зліва від кістяка, на рівні лівої руки знайдено сім бронзових наконечників стріл, які були зміщені грабіжниками і залягали у заповненні на різних глибинах (1,85—1,90 м; рис. 2: 5). Скоріш за все, в похованні був сагайдак, який винесли грабіжники. В східному куту камери знайдений залізний вток списа / дротика (рис. 2: 6), сам наконечник став предметом пограбування.

Інвентар.

1. Залізна ворворка округло-конічної форми, діаметром 2 см та висотою 1,3 см, виявлена в грабіжницькому лазі (рис. 2: 7).

2. Бронзові наконечники стріл (7 шт.), виявлені зліва від кістяка на рівні рук (рис. 2: 5):

• трилопатевий без виділеної втулки, висота 2,5 см, ширина 0,7 см (відділ 2, тип 6 за А. І. Мелюковою; 1 шт.);

• трилопатевий з виступаючою втулкою, одним шипом і литою хрестоподібною міткою, висота 2,4 см, ширина 0,7 см (відділ 2, тип 4 за А. І. Мелюковою; 1 шт.);

• тригранний з шипом зі схованою втулкою, двома п-подібними поглибленнями на кожній грані, висота 2,9 см, ширина 0,6 см (відділ 3, тип 9, варіант 8 за А. І. Мелюковою; 1 шт.);

• тригранний з шипом зі схованою втулкою, виділеним ложком на якому є хрестоподібна лита мітка, висота 2,9 см, ширина 0,6 см (відділ 3, тип 4 за А. І. Мелюковою; 1 шт.);

• тригранні з виступаючими гранями та виділеною втулкою, висота 2,7 та 3,0 см, ширина 0,8 см (відділ 3, тип 3 за А. І. Мелюковою; 2 шт.);

• тригранний з виступаючими гранями і схованою втулкою, висота 2,8 см, ширина 0,8 см (відділ 3, тип 7 за А. І. Мелюковою; 1 шт.; Мелюкова 1964, с. 28).

3. Вток від списа / дротика, виявлений в східному куту камери. Зберігся у двох частинах. Вток має циліндричну форму довжиною 12,5 см та найбільшим діаметром 2,5 см, всередині збереглись залишки дерева, (рис. 2: 6).

За сукупністю даних про деталі поховального обряду (розміри курганного насипу, форма поховальної ями, стратиграфія, положення збереженої частини кістяка, інвентар) була зроблена 3D-модель кургану з похованням (рис. 4). Реконструкцію створила художниця й аніматор Світлана Узких, якій автор висловлює щиру вдячність. 3D-модель демонструє різні етапи створення кургану: викопування поховальної ями, спорудження дерев'яної конструкції, засипка простору між склепом і ямою глиняною забутовкою, створення глиняного викиду навколо могили та спорудження насипу кургану. Реконструкція зовнішнього вигляду похованого чоловіка та його одягу зроблена за відомими зображеннями на предметах торевтики.

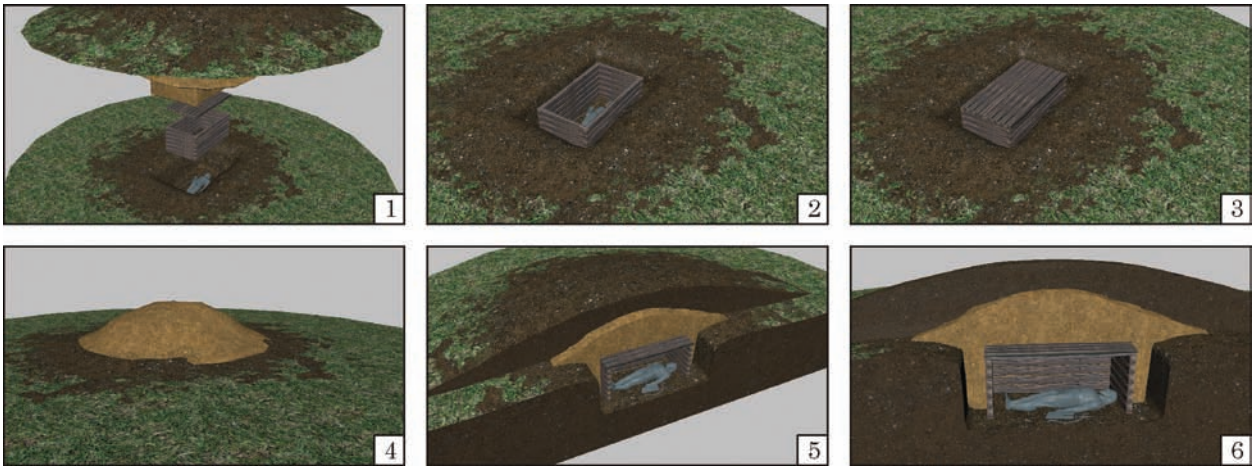


Рис. 4. Курганний могильник «Дергачі», курган 2: 3D-реконструкція етапів спорудження кургану (реконструкція Світлани Узких)

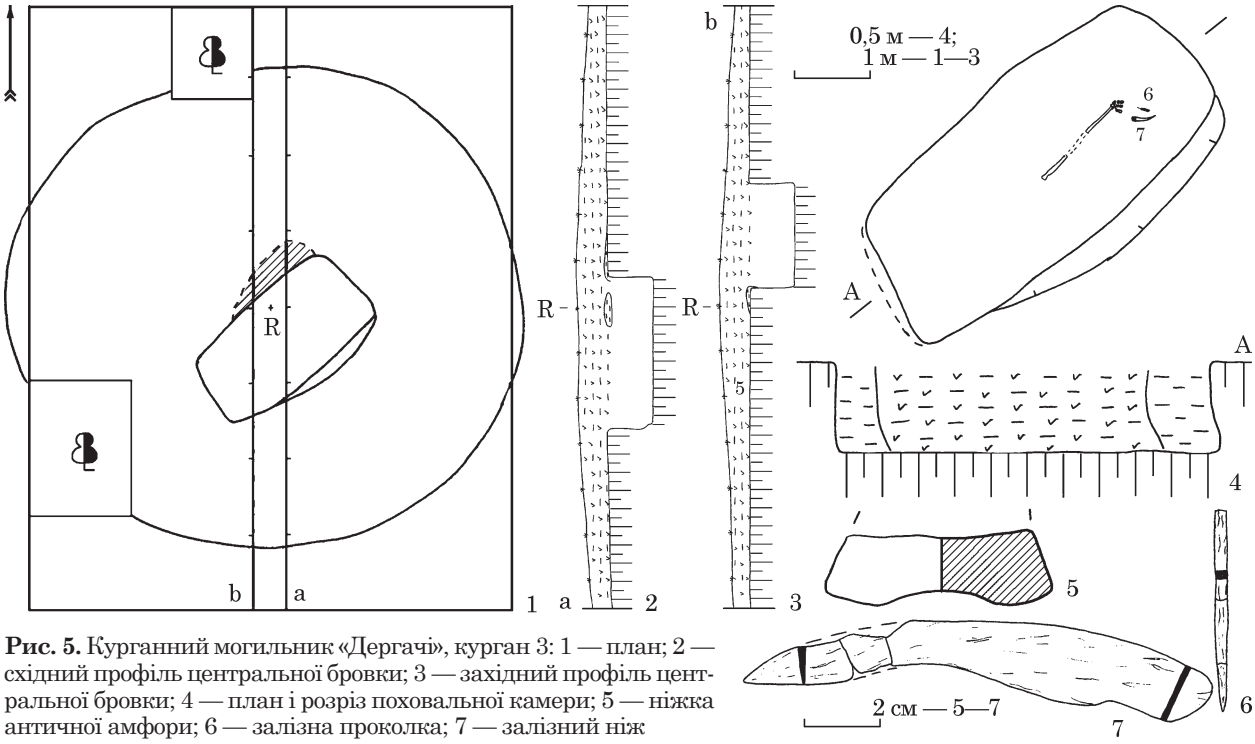


Рис. 5. Курганний могильник «Дергачі», курган 3: 1 — план; 2 — східний профіль центральної бровки; 3 — західний профіль центральної бровки; 4 — план і розріз поховальної камери; 5 — ніжка античної амфори; 6 — залізна проколка; 7 — залізний ніж

Курган 3. Розташований в східній частині могильника, в 15 м на південний захід від кургану 1 (рис. 1: 1). Насип порослий підліском, в північній та північно-західній частині ростуть два дерева (дуби). Курган мав діаметр близько 6,5 м і висоту від рівня давньої поверхні 0,40 м (рис. 5: 1—3). Насип досліджено двома траншеями шириною 3 м та довжиною 8 м. По центру між траншеями залишена бровка шириною 0,5 м.

Насип кургану складений з чорноземно-глинистого ґрунту, в якому на глибині від 0,10 до 0,40 м, в різних його частинах, виявлено фрагменти ліпленого посуду, кістку тварини та фрагменти від однієї амфори (уламок ніжки (рис. 5: 5) та 38 дрібних стінок, краї яких сильно замиті). За визначенням С. А. Заднікова всі фрагменти, скоріш за все, належали одній посудині — амфорі виробництва о. Фасос, кінця V — першої половини IV ст. до н. е. Ймовірно уламки від однієї амфори можна вважати своєрідною тризною: частина амфори [1] була подрібнена на фрагменти та розпорошена по всьому насипу. На рівні давньої поверхні, на північ від поховальної камери зафіксований невиразний материковий викид. Він мав невелику потужність, до 0,05 м, і фіксувався тільки в центральній бровці (рис. 5: 2, 3). Його приблизна ширина до 0,50 м. Ще один невеликий прошарок жовтої глини виявлено в бровці над самим похованням. У центральній частині насипу зафіксована прямокутна пляма поховальної камери, що була трохи зміщена від центру кургану у південному напрямку.

Поховальна камера мала неправильну прямокутну форму з округлими кутами і нерівними стінками (рис. 5: 4). На зачистці вона фіксувалась плямою неоднорідного ґрунту, зі світлою глиною по краям і темним чорноземним ґрунтом по центру. Камера орієнтована довгою стороною по лінії південний захід—північний схід (відхилення від напрямку північ 51°). Її розміри — 2,45 × 1,40 м. Глибина від найвищої точки кургану 1,0 м та 0,60 м від рівня давньої поверхні. Північно-західна і північно-східна стінки камери вертикальні. В південно-західній стінці невеликий підбій глибиною до 0,07 м і висотою 0,30 м. В південно-східній частині стінка до глибини 0,90 м вертикальна, далі зафіксована невелика сходинка шириною 0,20 м і висотою 0,10 м. Поховання досліджувалось секторами, що дозволило простежити у центральному розрізі контур грабіжницького лазу: він проходив через всю центральну частину поховання і був заповнений щільним чорноземно-глинистим ґрунтом, в той час як не потурбована частина камери заповнена більш м'якою жовтою глиною з невеликою домішкою чорнозему (рис. 5: 4).

На дні поховальної камери виявлені залишки кількох кісток від яких зберігся лише тлін: праві стегнова та гомілкова кістки, фаланги пальців правої ноги. З положення цих кінцівок зрозуміло, що похований лежав у витягнутому положенні на спині, орієнтований головою на південний захід. Біля цієї ноги, в 0,05 м на схід знайдені залізна проколка, що збереглась у трьох уламках та залізний ніж поганої збереженості (рис. 5: 6, 7). На дні камери жодних слідів підсипок або підстилок не зафіксовано.

1. Найімовірніше, нижня частина, оскільки не виявлено фрагментів вінець, горла, шийки та ручок.

Інвентар.

1. Залізна проколка (шило?), виявлена на дні камери, біля ніг похованого. Виготовлена з прямокутного в розрізі стрижня, заточена з однієї сторони, має довжину 5,2 см та ширину 0,4 см (рис. 5: 6).

2. Залізний ніж, виявлений біля ніг похованого. Ніж з горбатою спинкою, виділеним невеликим черешком для рукоятки. Довжина ножа 12 см, найбільша ширина 2 см (рис. 5: 7).

Курган 4. Розташований в східній частині могильника, безпосередньо на південь від кургану 3, відстань між полами обох курганів складала 2 м (рис. 1: 1). Насип порослий підліском без крупних дерев, тому його вдалося повністю дослідити. Курган мав діаметр близько 6,5 м і висоту від рівня давньої поверхні 0,40 м (рис. 6: 1—3). Насип досліджено двома траншеями шириною 3 м та довжиною 8 м. По центру між траншеями залишена бровка шириною 0,5 м.

Насип складений з чорноземно-глинистого ґрунту, в якому на глибині від 0,10 до 0,40 м, в різних його частинах виявлено фрагменти ліпленого посуду (вінця горщика, фрагмент дна і

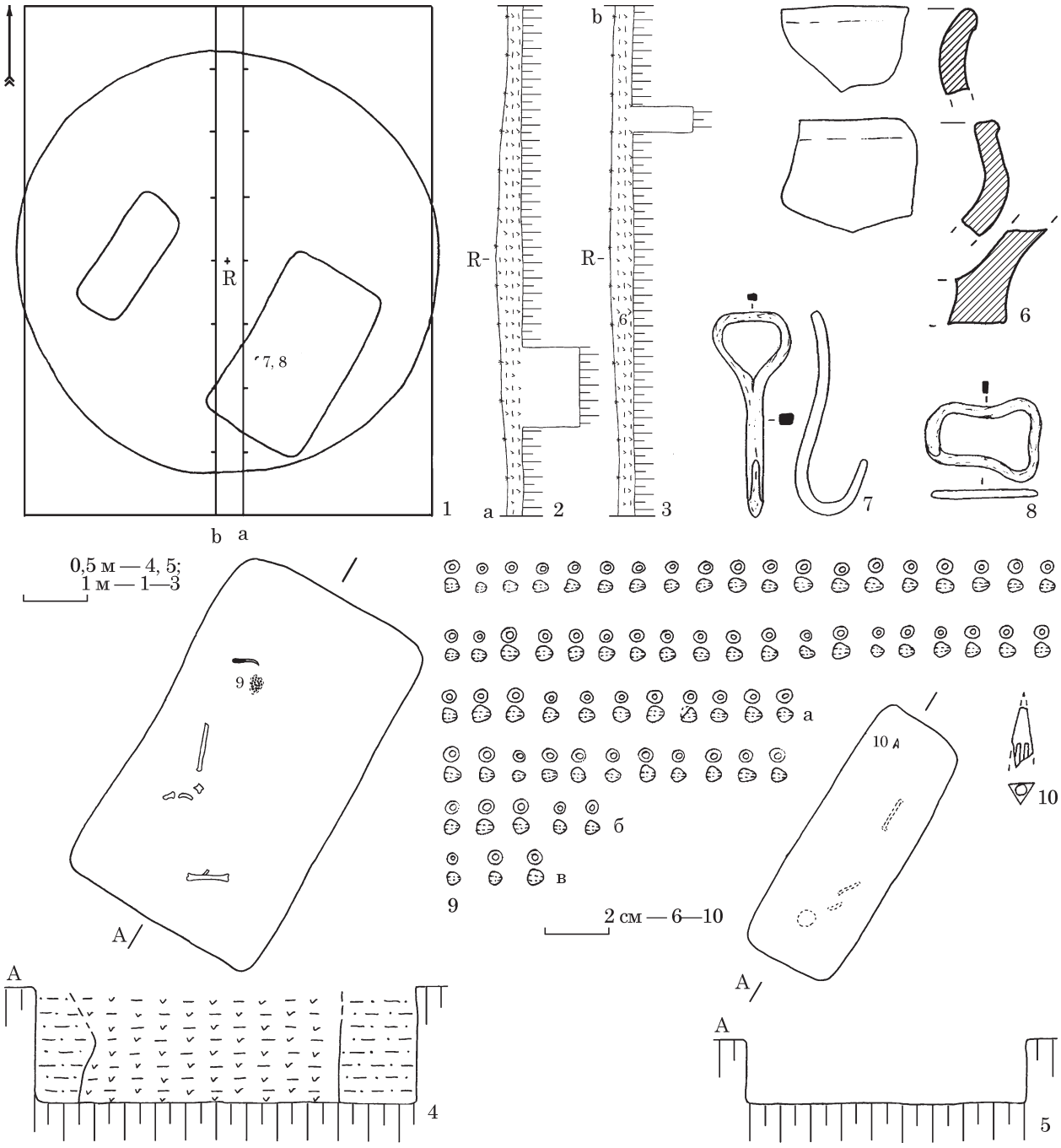


Рис. 6. Курганний могильник «Дергачі», курган 4: 1 — план; 2 — східний профіль центральної бровки; 3 — західний профіль центральної бровки; 4 — план і розріз поховання 1; 5 — план і розріз поховання 2; 6 — фрагменти ліпленого посуду з насипу кургану; 7 — залізний гачок; 8 — залізна рамка пряжки; 9 — скляні намистини; 10 — бронзовий наконечник стріли

бортика миски; рис. 6: 6), три стінки амфори виробництва о. Фасос, кінця V — першої половини IV ст. до н. е. В південно-східній частині курганного насипу на глибині 0,30 м виявлено два залізні предмети: гачок (від поясу або колчану) та рамка пряжки (рис. 6: 7, 8). Ці два артефакти знайдені над похованням 1 в грабіжницькому лазі і, ймовірніше, походять з пограбованого комплексу. Під насипом виявлено два поховання, що розведені в різні сторони від центру кургану і їх можна вважати одночасними.

Поховання 1. Знаходилось в південно-східній частині кургану (рис. 6: 1). Поховання прямокутної форми з округленими кутами, орієнтовано довгою стороною по лінії південний захід — північний схід (відхилення від напрямку північ 30°; рис. 6: 4). На зачистці поховання читалось плямою жовтої глини, по центру якої добре було видно грабіжницький лаз у вигляді чорної плями, що вела у камеру з західного боку. Розміри камери 2,95 × 1,70 м, глибина від найвищої точки кургану 1,30 м, від рівня давньої поверхні 0,90 м. Стінки поховальної камери вертикальні. Поховання досліджувалось секторами. Центральний розріз дозволив простежити контур грабіжницького лазу, що прийшовся на центр комплексу. Заповнення грабіжницького лазу щільний чорноземно-глинистий ґрунт, заповнення не потурбованої частини камери — жовта глина з супіском.

В нижній частині заповнення поховальної камери виявлені окремі кістки людини, що лежали не в анатомічному порядку на різних глибинах (гомілкові, плечова кістки, лопатка, ключиця, хребець). Всі вони знаходились у південно-західній частині, що зазнала пограбування і належали жінці або підлітку (визначення В. Л. Бондаренка). На дні поховання будь-яких слідів підсипок або підстилок не виявлено. Дно камери було неоднорідним: жовтий пісок з глиною, в деяких місцях проступали прошарки крейди. Прокопка дна після розчистки поховальної камери показала, що це природні прошарки.

На дні північно-східної, непотурбованої грабіжниками, частини камери знайдено артефакти, що зафіксовані in sity: залізний ніж с кістяною рукояткою в дуже поганому стані, який не вдалось законсервувати та зберегти, поряд з ножем виявлено намисто, що складалося з 69 однотипних намистин (рис. 6: 9).

Інвентар.

1. Залізний гачок, знайдений у насипу над похованням (грабіжницький лаз?). Гачок має підтрикутну рамку на одному кінці, другий кінець загнутий у іншій площині і загострений. Зроблений з залізного стрижня прямокутної у розрізі форми, довжина 6,5 см, ширина 2,5 см (рис. 6: 7). Подібні гачки віднесені В. С. Ольховським до групи дротових (Ольховский 1999, с. 183, рис. 1: 21).

2. Залізна рамка пряжки, знайдена поряд з залізним гачком у насипу над похованням. Неправильної трапеціеподібної форми з увігнутими усередину довгими сторонами. Зроблена з плаского залізного стрижня, кінцівки якого склепані, довжина 3,5 см, ширина 2,5 см (рис. 6: 8).

3. Залізний ніж з кістяною рукояткою, знайдений в північно-східній частині поховальної камери. Залізне лезо повністю знищила корозія, кістяна рукоятка збереглась у дрібних фрагментах.

4. Скляне намисто, виявлено в північно-східній частині поховальної камери. Складалося з 69 намистин невеликого розміру (0,3—0,5 мм в діаметрі). Всі намистини однотипні, мають неправильну округло-конічну форму, з вузької сторони отвір меншого діаметру і трохи більшого з широкої сторони. Намистини відрізняються за кольором: 50 намистин напівпрозорі синього кольору, 16 намистин з непрозорої пасти блакитного (бірюзового) кольору і три намистини дуже крихкі білого кольору (наслідок потрапляння у вогонь; рис. 6: 9). Даний набір відповідає типам 94 та 95 за класифікацією К. М. Алєксєєвої, що мають широкі хронологічні рамки (Алексеева 1978, с. 68—69, табл. 33: 27).

Поховання 2. Комплекс знаходився у 1 м на захід від центрального реперу (рис. 6: 1). Поховання мало підпрямокутну форму з закругленими кутами, орієнтоване довгою стороною по лінії південний захід—північний схід (відхилення від напрямку північ 32°; рис. 6: 5). На зачистці поховання читалось дуже погано, плямою мішаного чорноземно-глинистого ґрунту. Розміри камери 2,20 × 0,8 м, глибина від найвищої точки кургану 0,90 м, від рівня давньої поверхні 0,50 м. Стінки поховальної камери вертикальні. Поховання досліджувалось секторами, в центральному розрізі не зафіксовано слідів втручання грабіжників і комплекс може вважатися непорушеним. Втім, при такій невеликій глибині поховання у суглинку відмічається дуже погана збереженість кісток. На дні вдалось зафіксувати лише тлін від черепа з уламками емалі зубів, тлін від правої плечової кістки та правої стегнової кістки. За цими залишками можна сказати, що похований був невеликого зросту (до 150 см), покладений витягнуто на спині головою на південний захід. В північно-східній частині поховання, біля ніг похованого на глибині 0,80 м виявлено уламок бронзового наконечника стріли, також у поганому стані (рис. 6: 10).

Інвентар.

1. Уламок бронзового тригранного наконечника стріли з двома П-подібними поглибленнями на кожній грані, висота 1,9 см, ширина 0,7 см (рис. 6: 10).

Курган 5. Розташований в східній частині могильника, безпосередньо на захід від курганів 3 і 4 (рис. 1: 1). Насип поріслий підліском, в східній полі кургану росте велике дерево, тому цю частину не вдалось дослідити. Курган

Рис. 7. Курганний могильник «Дергачі», курган 5: 1 — план; 2 — східний профіль центральної бровки; 3 — західний профіль центральної бровки; 4 — фрагменти ліпленого посуду з насипу

мав діаметр 6 м і висоту від рівня давньої поверхні 0,30 м (рис. 7: 1—3). Насип досліджено двома траншеями шириною 3 і 2 м і довжиною 8 м. По центру між траншеями залишена бровка шириною 0,5 м.

Насип складений із чорноземного ґрунту, в якому на глибині 0,10—0,40 м в різних його частинах знайдені фрагменти ліпленого посуду (64 фрагменти стінок, два фрагменти вінець ліплених горщиків, фрагмент бортика миски, фрагмент дна посудини; рис. 7: 4).

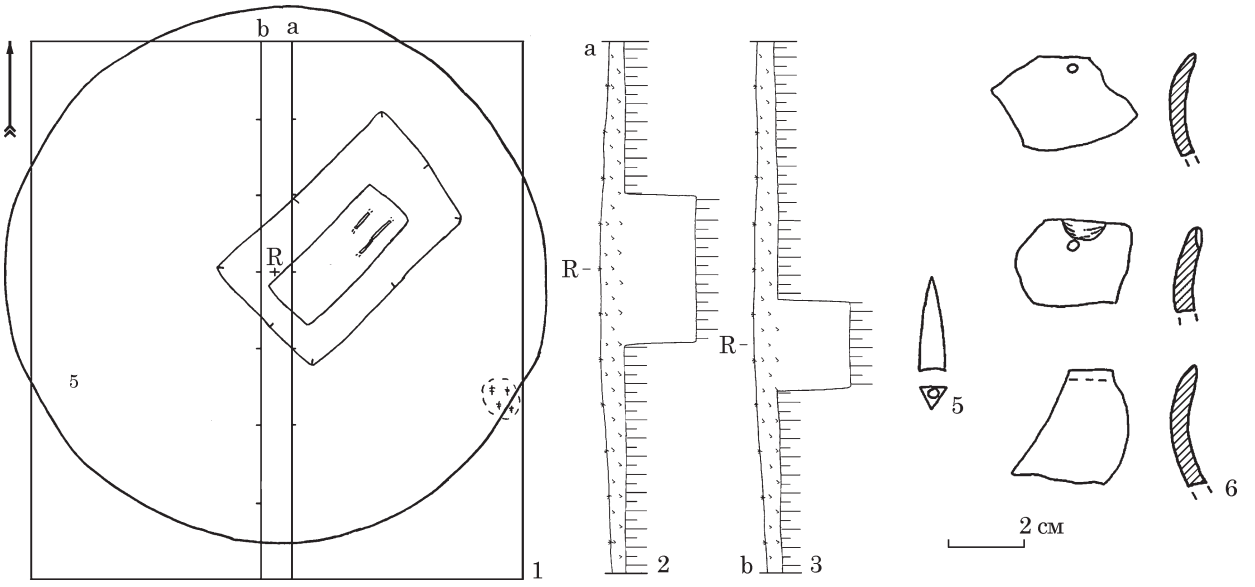
Під курганом не виявлено слідів поховання. Натомість, в центральній частині, одразу на південь від реперної точки, на глибині 0,25—0,30 м зафіксовані сліди вогнища у вигляді ділянок пропеченого ґрунту та вкраплень деревного вугілля (рис. 7: 1). Вогнище не має чітких меж, орієнтовні розміри 1,30 × 1,0 м, трохи витягнуте по лінії північ—південь. Отже, даний насип можна вважати святилищем, або кенотафом. Подібні випадки відомі в курганних могильниках скіфського часу Середнього Подоння: Мастюгіно, к. 24/8, Тернове 1, к. 2, Колбіно 1, к. 20 (Володин 2018).

Курган 23. Розташований на самому краю могильника, найбільш північний насип у групі, що знаходиться в лісопосадці (рис. 1: 1). Насип знаходиться на пологому схилі, через що важко визначити його реальні розміри. В межах самого насипу відсутні дерева, що робить його придатним для розкопок загальною площею.

Дослідження дозволило уточнити сучасні розміри самого насипу, він має діаметр 7 м та висоту від рівня давньої поверхні 0,30 м (рис. 8: 1—3). Насип досліджено двома траншеями шириною 3 м та довжиною 7 м. По центру між траншеями залишена бровка шириною 0,5 м.

Насип складений з чорноземного однорідного ґрунту, без видимих прошарків (рис. 8: 2, 3). У насипу, в різних частинах на глибині від 0,10 до 0,30 м траплялись поодинокі фрагменти ліпленого посуду скіфського часу, серед якого кілька верхніх частин, орнаментованих пальцевими вдавленнями і проколами (рис. 8: 6), а також одна стінка гончарного посуду нового часу. Також в насипу кургану, в західній полі на глибині 0,20 м знайдено бронзовий тригранний наконечник стріли (рис. 8: 5). На глибині 0,20 м в насипу виявлено залізну пряжку з прямокутною рамкою та рухливим язичком, що відноситься до нового часу. У південно-східній частині курганного насипу, на самому краю кургану, на глибині 0,30 м (рівень давньої денної поверхні) зафіксовано скупчення деревного вугілля — місце вогнища, можливо, сліди тризни (рис. 8: 1). Під час зачистки на рівні давньої поверхні (0,30—0,40 м від центрального репера) зафіксовано пляму поховальної камери. Майже вся вона фіксувалась у східній траншеї і тільки невелика частина (північно-західний кут) заходила у західну, тобто камера була зміщена на північний схід від зафіксованого центру насипу. Контури поховальної камери читалися не чітко: підпрямокутна форма. Всередині плями зафіксовано темний чорноземно-глинистий ґрунт, а по краям — мішану жовту глину.

Поховальна камера мала неправильну прямокутну форму з заокругленими кутами (рис. 8: 4). Камера орієнтована довгою віссю по лінії південний захід—північний схід (відхилення від напрямку північ 45°). Розміри в верхній частині: довжина 2,90 м, ширина в північно-східній частині 1,70 м, в південно-західній — 1,80 м. Стінки ями вертикальні, але трохи нахилені до дна: довжина по дну 2,80 м, ширина по дну 1,60 м. Глибина камери від найвищої точки кургану становить 1,25 м, а від рівня давньої денної поверхні — 0,95 м.



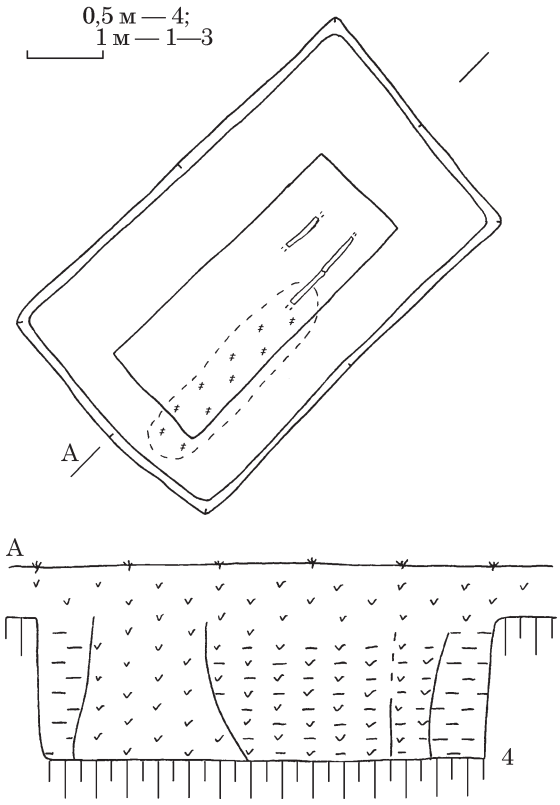


Рис. 8. Курганний могильник «Дергачі», курган 23: 1 — план; 2 — східний профіль центральної бровки; 3 — західний профіль центральної бровки; 4 — план і розріз поховання; 5 — бронзовий наконечник стріли; 6 — фрагменти ліпленого посуду з насипу

Всередині поховальної камери було споруджено склеп (дерев'яну конструкцію). Його правильний прямокутний контур добре фіксувався під час контрольної зачистки поховальної камери в придонній частині, на глибині 1,0 м від центрального реперу, а також простежувався у повздовжньому розрізі. Його заповнення темним ґрунтом чітко відрізнялось від забутовки країв камери жовтою глиною (яка використовувалась з викиду поховальної камери). Розміри склепу: довжина 1,75 м, ширина в південно-західній частині 0,80 м, в північно-східній 0,70 м. Під південною стінкою склепу, а також у просторі за склепом, по дну камери, на глибині 1,25 м фіксувалось деревне вугілля (можливо часткова підсипка дна поховальної камери).

Дослідження поховальної камери, до глибини 1,0 м від центрального реперу, проводилось секторами, що дозволило простежити і конструкцію камери і грабіжницький лаз (рис. 6: 4). Сам лаз, що воронкою розширявся до дна камери в південно-західній частині, мав більш щільне і темне чорноземне заповнення. Він не виходив за межі контуру склепу. Непорушена грабіжниками частина мала мішане заповнення чорнозему з вкрапленнями жовтої і брунатної глини. В заповненні поховальної камери, в південно-західній частині (в грабіжницькому лазі), на різних глибинах фіксувались фрагменти ліпленого посуду, що потрапили з насипу.

На дні склепу, в північно-східній частині, виявлено лише тлін від нижніх кінцівок (правої гомілкової та стегнової, лівої гомілкової), що дозволяє стверджувати, що кістяк був покладений витягнуто на спині і орієнтований головою на південний захід. Камера була пограбована в районі черепа та верхньої частини тулуба небіжчика. Інвентар в поховальній камері відсутній.

Інвентар.

1. Бронзовий тригранний наконечник стріли зі схованою втулкою, висота 2,4 см, ширина 0,7 см (відділ 3, тип 4 за А. І. Мелюковою; 1 шт.; Мелюкова 1964, с. 28). Виявлений в насипу кургану, ймовірно, походить з грабіжницького лазу (рис. 8: 5).

Кургани 24 і 25 було досліджено суцільною площею в межах одного розкопу, оскільки вони знаходились на невеликій відстані один від одного та їх контури простежувались дуже нечітко за рахунок невеликої висоти та розмірів.

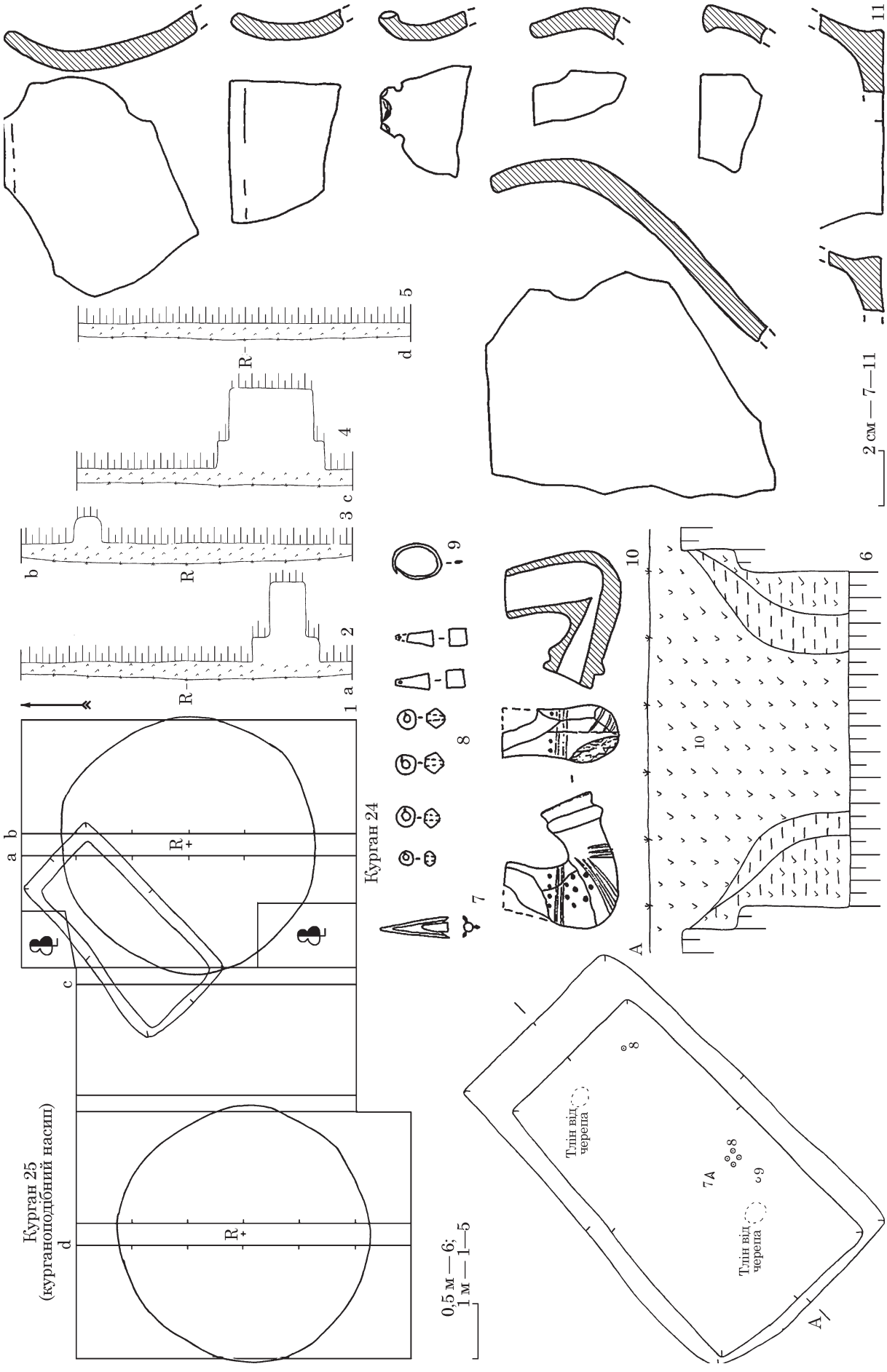


Рис. 9. Курганний могильник «Дергачі», кургани 24 і 25 (курганоподібний насип): 1 — план курганів; 2 — західний профіль центральної бровки кургану 24; 3 — східний профіль центральної бровки кургану 24; 4 — західний профіль західної бровки кургану 24; 5 — західний профіль центральної бровки кургану 25; 6 — план та розріз поховання кургану 24; 7 — бронзовий наконечник стріли; 8 — скляні намистини; 9 — бронзова сережка; 10 — глиняна курильна трубка; 11 — фрагменти ліпленого посуду з насипу кургану

Курган 24. Розташований безпосередньо на північний захід від кургану 1 (рис. 1: 1). Насип ледь помітний на поверхні, порослий підліском, в північно-західній і південно-західній частинах ростуть дерева. В процесі дослідження уточнені реальні розміри курганного насипу: він мав невеликий діаметр — 4,5 м та висоту 0,30 м від рівня давньої денної поверхні або 0,10 м від рівня сучасної поверхні. Насип досліджено двома траншеями шириною 2 м та довжиною 6 м. По центру між траншеями залишена бровка шириною 0,5 м (рис. 9: 1).

Насип складений з однорідного чорноземного ґрунту, в якому на глибині 0,10—0,20 м в різних частинах виявлені фрагменти ліпленого посуду скіфського часу (серед них фрагменти вінець горщиків і мисок; рис. 9: 11), уламок кварцитової зернотерки. Також у насипу, на глибині 0,10 м виявлено глиняну курильну трубку нового часу, що походить з верхньої частини грабіжницького лазу (рис. 9: 10).

Пляма поховальної камери фіксувалась з глибини 0,30 м від найвищої точки кургану. Пляма мала неправильну овальну форму, краї якої були заповнені жовтою глиною, по центру темний чорноземно-глинистий ґрунт.

Поховальна камера мала неправильну прямокутну форму з заокругленими кутами (рис. 9: 6). Камера орієнтована довгою віссю по лінії північний схід—південний захід (відхилення від напрямку північ 47°). Розміри камери в верхній частині: довжина 3,55 м, ширина в північно-східній частині 1,90 м та в південно-західній — 2,10 м. До глибини 0,80 м стінки ями були вертикальні, а нижче переходили у заплічики шириною від 0,10 до 0,45 м (найменші для південно-західної стінки, ширші — до 0,20 м, для північно-західної та південно-східної, і широкі — 0,45 м для північно-східної). Нижче заплічиків, стінки камери були до дна вертикальні. Розміри поховальної камери по дну були наступними: довжина 3,0 м, ширина в північно-східній частині 1,50 м та в південно-західній — 1,70 м. Глибина камери від найвищої точки кургану 1,80 м, від рівня давньої денної поверхні 1,50 м.

Поховальна камера досліджувалась секторами, що дозволило простежити стратиграфію заповнення і встановити, що поховання кілька разів було пограбовано (рис. 9: 6). У розрізі, по центру камери чітко фіксується проникнення у вигляді воронкоподібної ями, що звужувалась до дна. Цей грабіжницький лаз заповнений чорноземним щільним затічним ґрунтом, в якому траплялись поодинокі уламки ліпленого посуду. Даний лаз, перерізав більш давній грабіжницький хід, який йшов також зверху насипу і мав інше заповнення: жовта глина. Непорушене заповнення камери за структурою більш м'яке, чорнозем з глиною, більш світлих відтінків. Це заповнення збереглось тільки по краям поховання, що дозволяє стверджувати, що вся центральна частина поховання зазнала кілька проникнень.

На дні поховальної камери зафіксовані поодинокі артефакти. В південно-західній частині, на відстані 0,70 м від південно-західної стінки камери виявлено тлін від черепа та зуби дорослої людини. Неподалік від неї бронзова сережка з плаского дроту (рис. 9: 9). У 40 см на північний схід від черепа, в нижньому заповненні виявлено п'ять намистин, ще одна — біля північно-східної стінки (рис. 9: 8). Неподалік від скупчення намистин знайдено бронзовий трилопатевий наконечник стріли (рис. 9: 7). Біля північно-східної стінки, в 20 см, знайдено тлін від ще одного черепу з зубами, який належав дитині / підлітку.

Інвентар.

1. Бронзова сережка. Виявлена в нижньому заповненні грабіжницького лазу, на глибині 1,80 м, неподалік від залишків черепу. Виготовлена з плаского дроту, краї якого заокруглені. Сережка має овальну форму, розміри 1,7 × 1,3 см, ширина дроту 0,3 см (рис. 9: 9).

2. Бронзовий трилопатевий наконечник стріли, виявлений майже по центру поховальної камери в нижньому заповненні грабіжницького лазу, на глибині 1,70 м. Лопаті загострені і виступають за втулку, висота 2,4 см, ширина 0,8 см (рис. 9: 7; відділ 2, тип 4 за А. І. Мелюковою; 1 шт.; Мелюкова 1964, с. 28).

3. Скляні намистини та підвіски (6 шт.; рис. 9: 8). П'ять зафіксовано в центральній частині камери та одну в північно-східній частині:

• пірамідальні підвіски з напівпрозорого скла синього кольору (одна з відламаним вушком), висота 1,2 см, ширина 0,6 см (2 шт.). Дані підвіски були детально проаналізовані в монографії Д. С. Гречка й О. В. Шелеханя, які наводять для них вузьке датування в межах останньої чверті V — першої половини IV ст. до н. е. (Гречко, Шелехань 2012, с. 75—77);

• намистини біконічної форми з напівпрозорого скла брунатного кольору, діаметр 0,8 см (2 шт.);

• намистина біконічної форми з напівпрозорого скла синього кольору, діаметр 0,8 см (1 шт.);

• намистина усічено-біконічної форми з глухого скла бежевого кольору, діаметр 0,6 см (1 шт.).

Найближчі аналогії скляним намистинам біконічної форми відомі в похованні 2 кургану 47 Гришківського могильника, де вони також були знайдені разом пірамідальними підвісками (Гречко, Шелехань 2012, с. 46—49).

Курган 25 (курганоподібний насип). Розташований в 2 м на захід від кургану 24 (рис. 1: 1). Насип дуже слабо читається на поверхні, порослий підліском, великі дерева відсутні. Насип мав діаметр 4,5 м і висоту від рівня давньої поверхні 0,30 м, від рівня сучасної поверх-

ні 0,10 м. Насип досліджено двома траншеями шириною 2 м та довжиною 6 м. По центру між траншеями залишена бровка шириною 0,5 м (рис. 9: 1).

Насип складений з чорноземного однорідного ґрунту, в якому на глибині від 0,10 до 0,20 м в різних місцях виявлено фрагменти ліпленого посуду скіфського часу, серед яких є фрагменти бортика ліпленої миски.

На зачищеному материковому горизонті будь-яких слідів заглиблених у материк комплексів не зафіксовано. Можна передбачати або невеликий природний пагорб, або насип, який утворився в процесі пограбування поховальної камери кургану 24, що грабіжники робили викид на одну, західну, сторону. В результаті, над самою поховальною камерою кургану 24 ми майже не фіксуємо насипу, натомість візуально простежується два невеликі насипи на схід і захід від камери, що під час зйомки плану були прийняті нами за два курганні насипи (рис. 9: 1).

Таким чином, за два польові сезони було розкопано 7 курганних насипів з 32, які сьогодні візуально фіксуються на поверхні. Ще 10 курганів було розкопано Є. П. Трефільєвим в 1903 р., проте ми не маємо детальної характеристики цих поховальних комплексів, а колекція знахідок була втрачена. Отже, на основі розкопаних курганів в 2018—2019 рр. можна зробити певні висновки про особливості поховального обряду та хронологію могильника.

Досліджені кургани, так само як і більшість інших курганів могильника, мають невеликі розміри: діаметр від 5 до 10 м та висоту від давньої поверхні від 0,10 до 0,60 м. Всі курганні насипи мають однорідну структуру (чорнозем, або чорнозем з глиною), сліди підсипок, так само як і впускних поховань, в жодному випадку не зафіксовано. Лише в одному кургані (курган 2) був добре виражений материковий викид навколо поховання, тут виявилася і найглибша поховальна камера (1,98 м від найвищої точки кургану). У всіх насипах фіксуються уламки посуду, поодинокі кістки тварин, уламки каміння. Це з одного боку може свідчити про сліди тризни, а з іншого, фіксація цих матеріалів по всій площі насипу на різних глибинах, без виражених скупчень, може вказувати на те, що кургани насипалися з культурного шару поселення. Проте, поки що на території могильника слідів господарських та житлових побутових об'єктів зафіксовано не було.

Під двома курганними насипами були відсутні поховальні камери. В одному випадку, під насипом кургану 5, в центрі на рівні давньої поверхні фіксувались сліди вогнища, даний об'єкт можна інтерпретувати як святилище або кенотаф. Під курганоподібним насипом 25 ніяких слідів не виявлено, однак наявність в насипу фрагментів ліпленого посуду скіфського часу вказує на те, що це все ж таки штучний насип, а не природній пагорб. Під іншими курганами містилось по одному похованню по центру і тільки в кургані 4 знайдено два одночасові комплекси, що були розведені від центру насипу.

Привертає увагу орієнтація поховань. Усі без виключення поховальні камери орієновані по лінії південний захід—північний схід, відхилення від напрямку північ коливається в межах 30—51°. У всіх випадках де вдалось простежити орієнтування небіжчиків, вони були покладені на спині, головою на південний захід. Тому можна припустити, що першим дослідником Є. П. Трефільєвим були зроблені не зовсім точні визначення орієнтувань і в публікації наведено узагальнююче орієнтування головою на захід (Трефильев 1905, с. 28).

В могильниках сіверськодонецького Лісостепу орієнтування поховальних камер по лінії південний захід — північний схід та небіжчиків головою на південний захід добре відоме. О. В. Бандуровський та Ю. В. Буйнов вважають, що поєднання меридіонального орієнтування з південно-західним є однією з діагностуючих ознак сіверськодонецьких курганів протягом скіфського часу (Бандуровский, Буйнов 2000, с. 14). Також ними були наведені статистичні дані по орієнтуванням могил і похованих. Орієнтування поховань по лінії південний захід — північний схід в регіоні складає 18,1 %, в той час як меридіональні поховання складають 65 % (за даними на 2000 р.; Бандуровский, Буйнов 2000, с. 41, табл. 1). Втім, якщо звернутися до статистики окремих могильників, ми бачимо, що в могильнику Мала Рогозянка поховання по лінії південний захід—північний схід складають 100 %, в могильнику Старий Мерчик — 50 %. З іншого боку такі комплекси не відомі в добре досліджених могильниках Пісочин, Протопопівка та Островерхівка (Бандуровский, Буйнов 2000, с. 41, табл. 1). Слід зазначити, що могильник біля с. Малої Рогозянки знаходиться всього у 15 км на північний схід від Дергачівського могильника.

Південно-західне орієнтування небіжчиків з'являється в комплексах кінця VII — початку VI ст. до н. е., проте найбільшого розповсюдження набуває в IV ст. до н. е. Такі комплекси притаманні похованням знатних воїнів, воїнів-вершників у супроводі слуг та поховань коней. Втім, окрім знатних, відомі поховання з південно-західною орієнтацією і бідних рядових общинників (Бандуровский, Буйнов 2000, с. 42, 43).

Ряд спостережень стосовно орієнтування поховальних камер протягом скіфського часу в Лісостепу наведено Ю. М. Бойко та С. І. Берестнєвим (Бойко, Берестнев 2001, с. 64—74). Поховальні камери, що орієнтовані по лінії північний схід—південний захід на Ворсклі в ранньоскіфський час складають 31 %, їх кіль-

кість збільшується в другій половині VI — першій половині V ст. до н. е. до 53 % і знову зменшується у другі половині V—IV ст. до н. е. до 22 % (Бойко, Берестнев 2001, табл. 4). Оскільки найбільша концентрація таких комплексів спостерігається в центральній частині Ворсклинського регіону, автори припускають ідентифікацію цих поховань з геродотівськими гелонами, мешканцями Більського городища (Бойко, Берестнев 2001, с. 74). На орієнтування архаїчних поховань по лінії південний захід—північний схід звернув особливу увагу Д. С. Гречко, який відмічає концентрацію цих комплексів у Більському некрополі (Гречко 2018, с. 38). Помічено, що всі вони розташовані на схід від умовної лінії, що проходить з півночі на південь через Малий і Великий Скоробор. Виходячи з цього автор робить два припущення: 1) орієнтування має відхилення від меридіонального, внаслідок їх орієнтування на центральне місце некрополю; 2) відхилення у бік Черкаського регіону (в першу чергу, р. Тясмін), яке пов'язувалось з Батьківщиною, землею пращурів (Гречко 2018, с. 38, 39).

Таким чином, питання про інтерпретацію поховань з орієнтуванням по лінії південний захід—північний схід досить складне і потребує подальшого осмислення.

Стан антропологічних матеріалів в похованнях могильника «Дергачі» дуже поганий, що пов'язано не стільки з фактом пограбування поховань, скільки з невеликою глибиною та агресивним середовищем. Цей факт зауважив і Є. П. Трефільєв: «*чрезвычайная твердость почвы, т.-наз. лесной глей, отделялась после сильных ударов лопатой твердыми, как камень, комьями и сильная ее влажность разрушительно действовала на кости*» (Трефильев 1905, с. 27). Для визначення вдалось лише взяти чоловічий кістяк з поховання кургану 2 та окремі кістки з поховання 1 кургану 4. У всіх інших випадках фіксувалися лише фрагменти тліну від кісток.

Всі поховальні камери мали прямокутну форму. За типом поховальної конструкції відрізняються: ґрунтові ями (3), склепи (2) та яма з заплічиками (1). Розміри поховань від 2,20 × 0,8 м (дитяче) до 2,95 × 1,7 м. Глибина поховань варіюється від 0,5 до 1,5 м від рівня давньої поверхні. Привертають увагу за своєю конструкцією склепи, які робились без опорних стовпів, а, ймовірно, складались з дощок за допомогою зрубу. Розміри склепу значно менші за розміри самої поховальної камери, а простір між стінками камери і склепу забутовувався материковою глиною.

З розкопаних поховань, лише в похованні 2 кургану 4 не було зафіксовано факту пограбування, в інших комплексах грабіжницький лаз добре простежувався в розрізі. Частково саме з цієї причини інвентар доволі бідний, він представлений предметами зброї (наконечники стріл, вток від списа/дротика), прикрасами (скляні намистини, сережка) деталями одягу (поясний гачок, рамка пряжки), господарськими знаряддями (ножі, проколка). Весь набір інвентарю з поховань, а також фрагменти античних амфор з насипів, дозволяють датувати досліджені кургани та, ймовірно, і весь могильник в межах кінця V—IV ст. до н. е.

За наведеним набором ознак, скоріш за все, ми маємо справу з родовим могильником, який використовувався досить вузький проміжок часу (в межах кінця V—IV ст. до н. е.). Цей могильник мав ряд спільних рис, перш за все, однакове орієнтування могильних ям по лінії південний захід — північний схід і покладення небіжчиків головою на південний захід. Інвентар поховань досить бідний і представлений предметами зброї, прикрасами і господарськими знаряддями. Про родовий характер можуть свідчити також невеликі розміри насипів, досить близьке і хаотичне розташування курганів, при компактному плануванні самого могильника. Відмінні риси проявляються передусім у типах поховальної конструкції: ґрунтова яма, яма з заплічиками, дерев'яний склеп, що може вказувати на соціальну градацію в межах однієї племінної групи. З'ясування цілого ряду питань (господарсько-культурної та етнічної приналежності населення, чи синхронний могильник розташованим поряд поселенням) потребують подальших археологічних досліджень в даному мікрорегіоні.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Свод археологических источников, Г 1-12. Москва: Наука.

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант)*. Киев: ИА НАН Украины.

Володин, С. А. 2018. Святилища скифского времени на территории Среднего Дона. В: *Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики. Тезисы докладов Международной научной конференции*. Москва, с. 35-36.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ: ІА НАН України.

Гречко, Д. С. 2018. Поховальний обряд населення Дніпровського Лісостепового Лівобережжя ранньоскіфського часу: варіант аналізу. *Археологія і давня історія України*, 1 (26), с. 20-44.

Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине*. Киев: ИА НАН Украины.

Либеров, П. Д. 1962. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 113, с. 7-112.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Свод археологических источников, Д 1-4. Москва: Наука.

Ольховский, В. С. 1999. О поясных крючках эпохи раннего железного века. В: Толочко, П. П. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного*

Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, с. 182-187.

Рибальченко, Р. К. 2008. *Дергачі: містечко на Лопані, на Великому шляху, на Слобожанщині: історико-краєзнавчі нариси*. Харків: Поліграфіст.

Трефильев, Е. П. 1905. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда в августе 1903 г. *Сборник Харьковского историко-филологического общества*, 16, с. 26-28.

Трефильев, Е. П. 1907. Археологическая экскурсия в с. Дергачи Харьковского уезда в августе 1903 г. *Труды XIII Археологического съезда*, 2, с. 102-103.

Шрамко, Б. А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomoria*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12. Moskva: Nauka.

Bandurovskii, A. V., Buinov, Iu. V. 2000. *Kurgany skifskogo vremeni (severskodonetskii variant)*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Volodin, S. A. 2018. Sviatilishcha skifskogo vremeni na territorii Srednego Dona. In: *Novoe v issledovaniiakh rannego zheleznogo veka Evrazii: problemy, otkrytiia, metodiki. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moskva, p. 35-36.

Grechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Grechko, D. S. 2018. Pokhovalnyi obriad naselennia Dniprovskoho Lisostepovoho Livoberezhzhia rannoskifskoho chasu: variant analizu. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 1 (26), s. 20-44.

Grechko, D. S., Shelekhan, A. V. 2012. *Grishkovskii mogilnik skifov na Kharkovshchine*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Liberov, P. D. 1962. Pamiatniki skifskogo vremeni basseina Severskogo Dontsa. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 113, s. 7-112.

Meliukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-4. Moskva: Nauka.

Olkhovskii, V. S. 1999. O poiasnykh kriuchkakh epokhi rannego zheleznogo veka. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomoria (k 100-letiiu B. N. Grakova)*. Zaporozhe, s. 182-187.

Rybalchenko, R. K. 2008. *Derhachi: mistechko na Lopani, na Velykomu shliakhu, na Slobozhanshchyni: istoryko-kraieznavchi narysy*. Kharkiv: Polihrafist.

Trefilev, E. P. 1905. Arkheologicheskaia ekskursiia v s. Dergachi Kharkovskogo uezda v avguste 1903 g. *Sbornik Kharkovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*, 16, s. 26-28.

Trefilev, E. P. 1907. Arkheologicheskaia ekskursiia v s. Dergachi Kharkovskogo uezda v avguste 1903 g. *Trudy XIII Arkheologicheskogo sieezda*, 2, s. 102-103.

Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa*. Kharkov: KhGU.

K. Yu. Pelyashenko

KURGAN BURIAL GROUND OF THE SCYTHIAN TIME «DERGACHI»

The kurgan mound is located on the edge of the right root bank of the river. Lopan (basin of the Seversky Donets river), near the Dergachi city, Kharkiv region. Now the barrow ground has 32 mounds, although at the beginning of the twentieth century had 60—70 kurgans. The first excavations of the cemetery were carried out in 1903 E. P. Trefiliev who had excavated 10 mounds. The collection of artifacts has not survived up today, and the publication of the results contains brief generalizing characteristics of the burial assemblages. For a long time the exact location of the kurgan burial was unknown, and only recently, during the archaeological exploration, the archaeological site was localized. In 2018—2019 the excavations of the site was resumed. 7 burial mounds were discovered where 6 graves of the Scythian Age were revealed. Burials were not discovered under two mounds, and two one-time burials were found under the one barrow. The obtained data make it possible to reconstruct the funeral rite. Burials were carried out under mounds of small diameter and height. Among the designs of the burial chamber stand out: soil pits, wooden crypts in pits, a pit with shoulders. All burial chambers are directed along the southwest — northeast line, and those buried in them are lied supine, with their heads to the southwest. The grave goods are rather poor, partly due to the robbery of almost all graves. Among the discovered artifacts are the weapons (arrowheads, spear / dart details), jewelry (beads, earrings), household items (knives, awls). A set of signs of the funeral rite suggests that this site is the tribal burial ground of the population who lived in the region at the late 5th—4th centuries BC.

Key words: Scythian Age, funeral rite, Forest-steppe.

Одержано 28.05.2020

ПЕЛЯШЕНКО Костянтин Юрійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Музей археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, пл. Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна

PELYASHENKO Kostiantin Yu., PhD, Senior Researcher, V. N. Karazin Kharkiv National University, 4, Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine

ORCID: 0000-0002-5445-6949, e-mail: kpelasenko@gmail.com.

УДК 904.23(477.41)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.15

В. В. Романюк

КЕРАМІЧНИЙ КОМПЛЕКС РАННЬОСКІФСЬКОГО ЧАСУ З УРОЧИЩА КИТАЙ ГОРА В ПОРОССІ

В публікації розглянуто комплекс ліплених посудин (орнаментована корчага і два горщички), виявлені в урочищі Китай Гора поблизу с. Крива Таращанського р-ну Київської обл. Посудини знаходилися під невеликим насипом на глибині близько 2 м в перегорнутому стані. За аналогіями комплекс можна датувати другою половиною VII ст. до н. е.

***Ключові слова**: жаботинська кераміка, геометрична орнаментація, ранньоскіфський час.*

У 2019 р. до фондів історико-природничого музею «Перлини Поросся» (м. Тараща Київської обл.) було передано три ліпні посудини, які походять із курганного могильника 1, що розташований у лісі поблизу с. Крива, в ур. Китай Гора. Із 1989 р. на цій території проводилися обстеження і археологічні розкопки, в яких брали участь співробітники ІА НАН України, а також місцеві краєзнавці і члени археологічного клубу «Неврида» (керівник В. В. Романюк). Було виявлено старожитності трипільської, східнотшинецької, скіфської, черняхівської та пеньківської культур. Зокрема, у 1997—1998 рр. була проведена зйомка двох курганних могильників і відокремлених курганів (Романюк 1997—1998, с. 142, 143). На жаль, розташовані у лісі кургани не раз ставали об’єктами самочинних «розкопок», результати яких лише іноді можна простежити. У 1990-і рр. мешканцем сусіднього села був розритий один з найбільших курганів могильника 1, де знайдено дуже великий черпак ранньоскіфської доби (його сфотографував вчитель В. В. Гудемчук).

Щодо згаданих вище посудин, то вдалося з’ясувати, що вони походять із одного з невеликих (близько 0,5 м) курганів могильника 1. Під центром насипу на глибині близько 2 м було відкопано три глиняні посудини, які були розміщені щільно одна до одної денцями догори. Всередині посудини (корчага і два горщики) були заповнені землею, без будь-яких домішок; кісток або інших решток поховання поряд не було. Посудини стояли на материковому суглинку, вірогідно, на дні поховальної ями (кенотафа?). Незважаючи на обмеженість даних, ця знахідка заслуговує на увагу — як за складом керамічного комплексу так і за умовами його знахідки. Обряд перегортання посуду відомий в похованнях передскіфського і скіфського часів, переважно раннього періоду, причому здебільшого це миски (Пеляшенко 2020, с. 29). Цікавою аналогією є знахідка в м. Лубни Полтавської обл. В курганному пограбованому похованні VI—V ст. до н. е. біля ніг похованих знаходилися три перегорнуті горщики: один більший, 27 см заввишки і два маленькі, 17 і 11,5 см заввишки. Поряд також була миска в звичайному положенні (Супруненко 2000, с. 217, 218). Ці співпадіння — три перегорнуті горщики, з яких один (горщик або горщикоподібна корчага) більший і два маленькі — свідчать, мабуть, про якийсь певний обряд, що побутував серед місцевого населення. Щодо самого обряду, то він пов’язаний з так званими обрядами переходу, в тому числі поховальними. Зокрема, у слов’ян перегортання посуду застосовували, щоб запобігти поверненню «небезпечного» покійника (Толстой 1990, с. 122, 123, 126).

Керамічний набір, як вже згадувалося, складався з трьох посудин.

Корчага відносно невеликих розмірів, поверхня слабо пролискована до сірого та темно- сірого кольору (рис. 1). Її висота 24,0—22,5 см (за рахунок усадки шийки), діаметр вінець 17,5 см, шийки 14,5 см, тулуба 20,5 см, денця 10,3 см. Шийка дещо відхилена назовні, край вінець плавно

© В. В. РОМАНЮК, 2020

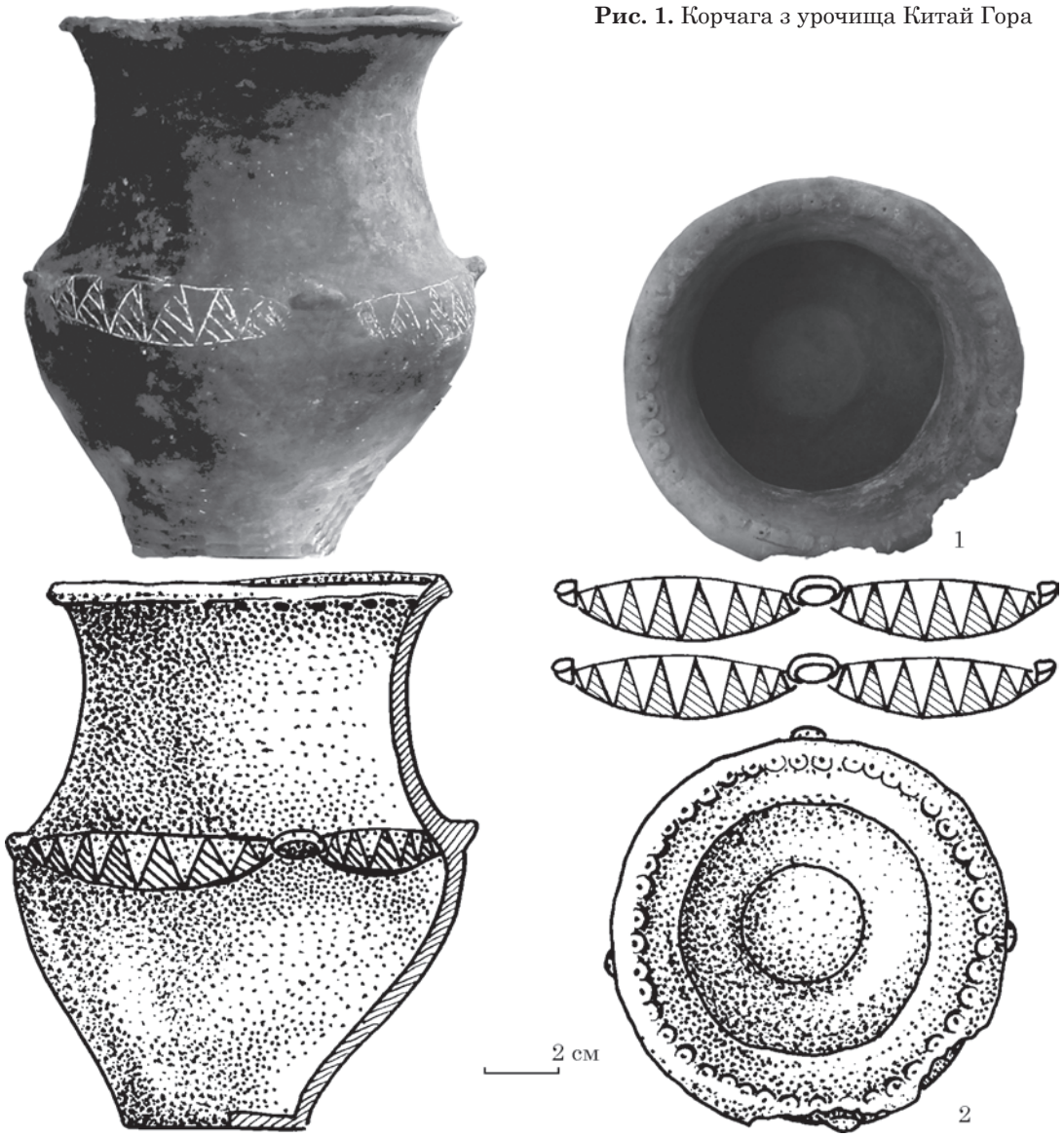


Рис. 1. Корчага з урочища Китай Гора

відігнутий і сплощений зверху, під ним наколи, яким зсередини відповідають «перлини», (серед них зрідка трапляються наскрізні проколи). Горло плавно розширюється донизу і приблизно на середині вишини корчаги переходить в тулуб з дещо роздутими плічками. Перехід підкреслено чотирма пластичними наліпами, між якими прокреслений вузький орнаментальний фриз, точніше чотири окремі фігури лінзоподібної форми, заповнені навскісно заштрихованими трикутниками. За спостереженнями художника В. Г. Болвановича, який зробив малюнки корчаги и горщиків, штрихування нанесене лівою рукою. Орнамент промазаний білою пастою.

Форма корчаги є проміжною між так званими кувшиноподібними і вілланова за класифікацією В. А. Іллінської (Ильинская 1975, с. 133), точніше, псевдовілланова — біконічними, з відносно високим горлом (саме такий різновид поширений в Середньому Подніпров'ї у пізніші передскіфські і ранньоскіфські часи). Характерною особливістю корчаг типу вілланова можна вважати двоярусність (Монгайт 1974, с. 143), яка підкреслювалася орнаментальним фризом і наліпами на переході горла до тулуба. За цими ознаками корчагу з китайгородського комплексу можна віднести до типу псевдовілланова, хоча за своїми пропорціями (незначна різниця між діаметрами горла і тулуба), а також наколюванням з «перлинами» на вінцях вона нагадує горщик.

Щодо орнаменту — ряд трикутників вершинами догори, розміщених між двома горизонтальними лініями фризу (тип 4 за І. В. Бруяко), то він не є характерним для жаботинського етапу (Бруяко 2005, с. 24, рис. 2). Однорядний різновид орнаменту (відомі від одного до чотирьох рядів) зрідка трапляється на невеликих столових посудинах ранньоскіфського часу, зокрема, на мисці з кургану 406 поблизу Журовки, але з дещо іншим штрихуванням (Ильинская 1975, табл. IX: 10). В. А. Іллінська вбачає вплив культури Басарабь в формі і орнаментації цієї миски, що для цього часу є архаїчною ознакою (Ильинская 1975, с. 60). Незвична і форма орнаментального фризу

нашої корчаги, точніше чотирьох окремих фігур лінзоподібної форми, які дещо нагадують орнаменти на плечиках посудин басарабь-шолденештського стилю (Бруяко 2005, рис. 3: 17). Стилізований різновид цього орнаментального мотиву відомий на горлі корчаги з Басівського городища у Посуллі (Іллінська 1965, рис. 16: 5).

Досить близькою аналогією, на наш погляд, є корчага видовжених пропорцій (також за класифікацією В. А. Іллінської) із колекції Ф. Ф. Кундеревича (Ильинская 1975, рис. 4: 10; 16: 4). Посудини цієї колекції походять з курганів в околицях Черкас і Канева, тобто також з території Поросся. Ця корчага (рис. 3: 1) близька до китайгородського екземпляру за типологічними ознаками, зокрема, незначним розширенням на переході від горла до тулуба, наявністю наколювань з «перлинами» під вінцями. Але орнаментальний фриз тут доволі широкий, а наліпи крупніші, підковоподібної форми і орнаментовані трикутниками. Орнамент (типи 4 і 5 за І. В. Бруяко) типово жаботинський багаторядний, доповнений ямками у вершинах трикутників. В. А. Іллінська вказує як типологічну аналогію цій посудині неорнаментовану (але збереглася лише верхня частина) корчагу з проколами під вінцями із кургану 8 поблизу с. Костянтинівка в басейні Тясмину (Ильинская 1975, с. 134, табл. XIII: 9; рис. 16: 8). В комплексі кургану 8 були також миска і трьохпетельчасті залізні псалії того ж типу, що в кургані 406 поблизу Журовки (Ильинская 1975, табл. VIII: 17, 18; IX: 7), який вважають одним з найдавніших курганів старшожуровської групи. Корчага тут теж близького типологічного варіанту, але крупніша, з високим горлом і сильно відігнутими вінцями, широким біконічним тулубом і без орнаменту. Комплекси цього горизонту датують більш пізнім часом порівняно з костянтинівськими курганами.

Рис. 2. Горщички з урочища Китай Гора

Іншою аналогією корчазі з урочища Китай Гора можна вважати типологічно близьку посудину з кургану 1/1999 на території Більського городища (ур. Перемірки; Кулатова, Супруненко 2010, с. 11—25, рис. 8; 9; фото 3: 2 на вкл. I; Бруяко 2005, рис. 11: 7, с. 51). Ця корчага крупніша — 36,6 см заввишки, діаметр вінець 23,3 см, тулуба 29,4 см (рис. 3: 2). За своїми пропорціями і особливостями форми вона близька до китайгородської, але краї вінець у неї відігнути сильніше і горизонтально зрізані, а затертий білою пастою орнамент — типово жаботинський (типи 13 і 17) — притаманний посуду з пам'яток VII ст. до н. е. (Бруяко 2005, с. 23, 27, 28, рис. 2). Цю дату підтверджують орнаментований черпак, миска на високому піддоні і наконечник стріли з цього ж комплексу, якій автори публікації датують другою половиною — кінцем VII ст. до н. е. (Кулатова, Супруненко 2010, с. 25). За типом орнаменту автори слушно порівнюють корчагу із Перемірок з ранньожаботинським екземпляром з Жаботинського поселення (Кулатова, Супруненко 2010, с. 19), але типологічно це пізніша форма. За І. В. Бруяко, корчагу із кургану 1/1999 можна вважати зразком запізнення жаботинської «геометрії» на Дніпровському Лівобережжі у порівнянні з Правобережжям; хронологічно це друга половина VII ст.до н. е. — період «пізньої геометрії» в Причорномор'ї (Бруяко 2005, с. 49, 51, 52). До типологічно близьких форм належать невеликі корчаги, що походять із шару A_2 зольника 5 Більського городища (рис. 3: 3).

Вони не мають геометричного орнаменту, лише на переході горла до тулуба по дві паралельні канелюри і невеликі наліпи. Шар A_2, а отже і корчаги датовані в межах першої половини VII ст.до н. е. (Шрамко 2006, с. 52, рис. 8; 18; 19). Хоча близькі форми, теж з канельованою орнаментацією, трапляються і в пам'ятках другої половини VII ст. до н. е.: Немирівському городищі, кургані поблизу Андрушівки (Дара-

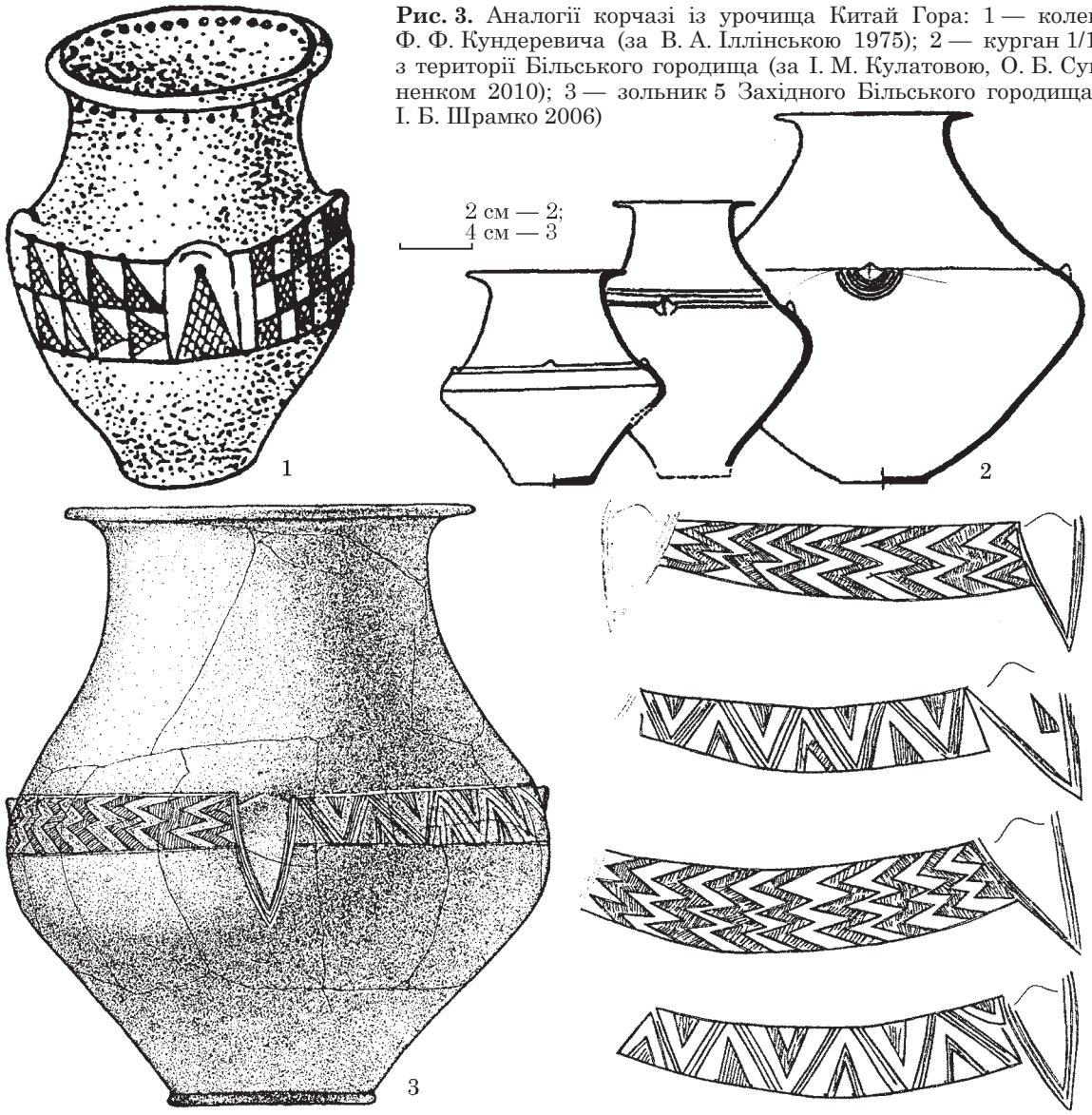


Рис. 3. Аналогії корчазі із урочища Китай Гора: 1 — колекція Ф. Ф. Кундеревича (за В. А. Іллінською 1975); 2 — курган 1/1999 з території Більського городища (за І. М. Кулатовою, О. Б. Супруненком 2010); 3 — зольник 5 Західного Більського городища (за І. Б. Шрамко 2006)

ган 2011, рис. V.69.12; V.63.3). Типологічно вони близькі корчазі з культурного шару Чорноліського городища (Ильинская 1975, рис. 17: 6).

Горщик 1 тюльпаноподібної форми вишиною 19,0 см. Діаметр вінець 14,5 см, шийки 11,7, денця 9,0 см. Поверхня помаранчевого кольору з брунатними плямами, загладжена (рис. 2). По бортику вінець нанесені вдавлювання у вигляді коротких рисочок, такий самий орнамент на внутрішній поверхні вінець.

Горщик 2 також тюльпаноподібний, але дещо менший за розмірами (рис. 2). Він заввишки 14,0 см, діаметр вінець 12,0, шийки 10,0, тулуба 10,7, денця 7,5 см. Поверхня брунатного кольору, загладжена. По бортику вінець вдавлення у вигляді коротких рисочок.

Тюльпаноподібні горщики були поширені в період чорноліської культури, на ранньожаботинському етапі і пізніше, в ранньоскіфські часи. Останні відрізнялися від чорноліських горщиків лише наявністю валика і наскрізних проколів під вінцями (Ковпаненко 1984, с. 96). В даному випадку цих ознак немає, але вони не є обов'язковими для ранньоскіфських горщиків. Горщики із китайгородського комплекса можна порівняти з горщиком із кургану 185 на р.Тенетинка, який теж не має валика і проколів (Ильинская 1975, табл. XX: 5). Цікавою особливістю є орнаментація горщиків у вигляді коротких рисочок-вдавлень, нанесених на вінця (див. вище). Подібна орнаментація не притаманна горщикам, вона трапляється по верхньому краю вінець орнаментованих кубків і черпаків пізньожаботинського-ранньоскіфського часів, у тому числі в комплексах другої половини VII ст. до н. е.: курганах 183, 184, 213 на р. Тенетинка, № 346 у с. Теклине, № 455 у с. Макіївка (Ильинская 1975, табл. XXIX: 8, 10; XXV: 2; XXXI: 1). Щоправда, вдавлення тут дещо чіткіші і мають зерноподібну форму.

Таким чином, виходячи з аналогій, можна констатувати, що за хронологічними позиціями набір посуду із ур. Китай Гора знаходиться в межах другої половини VII ст. до. н. е. Середи-

на VII ст.до н. е. — це умовний рубіж, від якого починається порушення традиції жаботинської геометрії у Причорномор'ї. Протягом другої половини століття, до пізнього горизонту старшожуровської групи, триває період пізньої геометрії (Бруяко 2005, с. 41, 45; Ильинская 1975, с. 59), якому притаманна велика кількість типологічних варіантів форм, відомих ще в чорноліському періоді (Ильинская 1975, с. 135). Трапляються і зразки типово жаботинської орнаментації. Найбільш виразні аналогії (з колекції Ф. Ф. Кундеревича і кургану 1/1999) виглядають безперечно архаїчнішими. Корчага з китайгородського комплексу, вірогідно, пізніша. Скромніший вигляд посуду, низька якість лощіння, «усеченність» орнаменту корчаги, використання для орнаментації звичайних горщиків елементів, притаманних лискованим кубкам і черпакам, могли пояснюватися не лише відносно пізнім часом її виготовлення, але й соціальними позиціями поховального комплексу і кваліфікацією майстра, який працював на периферії впливу жаботинських керамічних традицій.

ЛІТЕРАТУРА

Білан, Ю. О., Солтис, О. Б. 2014. *Великий курган ранньоскіфського часу поблизу села Іванковичи на Київщині*. Київ: Олег Філюк.

Бруяко, И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе X—V вв. до н. э.* Кишинев: Высшая Антропологическая Школа.

Дараган, М. Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ.

Іллінська, В. А. 1965. Басівське городище. *Археологія*, XVIII, с. 48-76.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т. 1984. *Курганы раннескифского времени в басейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.

Кулатова, І. М., Супруненко, О. Б. 2010. *Кургани скіфського часу Західної округи Більського городища*. Київ: УТОПіК.

Монгайт, А. Л. 1974. *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. Москва: Наука.

Пеляшенко, К. Ю. 2020. *Ліплений посуд скіфського часу населення Дніпро-Донецького лісостепу*. Київ: ІА НАН України.

Романюк, В. В. 1998. Дослідження на півдні Київщини. *Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр.*, с. 141-142.

Супруненко, О. Б. 2000. *Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К. М. Скаржинської)*. Київ; Полтава: Археологія.

Толстой, Н. И. 1990. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде. В: Иванов, В. В., Невская, Л. Г. (ред.). *Исследования в области балто-славянской духовной культуры (погребальный обряд)*. Москва: Наука, с. 119-128.

Шрамко, І. Б. 2006. Ранній період в історії Геродотова Гелону (за матеріалами розкопок зольника №5). В: Черненко, Є. В. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 33-56.

REFERENCES

Bilan, Yu. O., Soltis, O. B. 2014. *Velikij kurgan rannjoskifskogo chasu poblizu sela Ivankovichi na Kijivschini*. Kiyv: Oleg Filyuk.

Brujako, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope X—V vv. do n. e.* Kishinev: Vyshaya Antropologicheskaya Shkola.

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi*. Kyiv: KNT.

Illinska, V. A. 1965. Basivske gorodische. *Arheologia*, XVIII, s. 48-76.

Illinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgani basseyna r. Tyasmin*. Kyiv: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. 1984. *Kurgani ranneskifskogo vremeni v basseyne r. Ros*. Kyiv: Naukova dumka.

Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B. 2010. *Kurgani skifskogo chasu Zahidnoi okrugi Bilskogo gorodisha*. Kyiv: UTOPiK.

Mongayt, A. L. 1974. *Arheologya Zapadnoj Evropi. Bronzovyj s zheleznyj veka*. Moskva: Nauka.

Pelyashenko, K. Yu. 2020. *Lipleniy posud skifskogo chasu naselennya Dnipro-Doneckogo lisostepu*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Romanyuk, V. V. 1998. Doslsdzhennya na pivdni Kyivshini. *Arkheologichni vidkrittya v Ukraini 1997—1998 rr.*, s. 141-142.

Suprunenko, O.B. 2000. *Arheologia v diyalnosti pershogo privatnogo muzeju Ukraini (Lubenskij muzej K. M. Skarzhinskoi)*. Kyiv; Poltava: Arheologia.

Tolstoj, N. I. 1990. Perevorachivanie predmetov v slavyanskom pogrebalnom obryade. In: Ivanov, V. V., Nevskaja, L. G. (eds.). *Issledovanija v oblasti balto-slavyanskoj duhovnoj kulturi (pogrebalnij obryad)*. Moskva: Nauka, s. 119-128.

Shramko, I. B. 2006. Rannij period v istorii Gerodotova Gelonu (za materialami rozkopok zolnika N 5). In: Chernenko, E. V. (ed.). *Bilske gorodishe ta jogo okruga (do 100-richchya pochatku polovih doslidzhen)*. Kyiv: Shlah, s. 33-56.

V. V. Romanuik

CERAMIC COMPLEX OF EARLY SCYTHIAN AGE FROM THE TRACT CHINA MOUNTAIN IN POROSIE

The publication is devoted to the characteristics of the ceramic complex discovered in 2019 in the burial mound 1, located near the village of Kryva (China-Gora tract), Tarashchansky district, Kyiv region. Under a small mound in the grave pit at a depth of about 2 m were three sculpted vessels (the large pot and two smaller) in an inverted position. The large pot is decorated with carved geometric ornaments, painted with white paste. Both pots are tulip-shaped. The most expressive analogies (from the collection of F. F. Kunderevich and the mound 1 1999) look undoubtedly more archaic. According to these analogies, the ceramic complex from the Chinatown tract can be dated to the second half of the 7th century BC. Korchaga from the Chinatown complex is probably later. That is the period of «late geometry», when the decorative traditions of the Jabotins gradually disappear. The middle of the 7th century. BC. is a conditional boundary from which the violation of the tradition of Jabotin geometry in the Black Sea region begins.

Keywords: Jabotin ceramic, geometric ornamentation, Early Scythian Age.

Одержано 12.06.2020

РОМАНЮК Валерій Вікторович, науковий співробітник, Охоронна археологічна служба України, Інститут археології НАН України, Тараща, 09502 Україна.
ROMANIUK Valeriy V., Research Fellow, the Security Archaeological Service of Ukraine, the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Tarashcha, 09502, Ukraine.
E-mail: ValeriyRomanuik@i.ua.

УДК [904.22:904.5](477.75)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.16

Г. В. Медведєв

МЕЧІ ТА КИНДЖАЛИ У ПОХОВАЛЬНОМУ ОБРЯДІ УСТЬ-АЛЬМІНСЬКОГО НЕКРОПОЛЯ

У статті розглянуто поховання з мечами та кинджалами з Усть-Альмінського пізньоскіфського некрополя, визначено їх типи, кількість та хронологію, а також роль клинкової зброї у поховальному обряді — функціональну та як соціальний індикатор. На Усть-Альмінському некрополі з'являються традиції поховального обряду, характерні для населення сарматської доби, через контакти із степовими районами Причорномор'я і Поволжя. У зв'язку з цим серед населення Усть-Альмінського городища відбуваються зміни в етнічній та соціальній структурі та виділяється, наряду з громадською, військова еліта.

Ключові слова: *пізньоскіфська культура, поховання зі зброєю, сармати, мечі та кинджали.*

Вивчення зброї у поховальному обряді пізньоскіфської та сарматської культур протягом багатьох років не втрачає своєї актуальності. Зброя є важливим джерелом у реконструкції етнічних, культурних та політичних явищ, а також різних контактів і трансформацій у перші століття нової ери в Криму та за його межами.

Протягом багатьох років на Усть-Альмінському некрополі досліджено понад 1200 поховальних споруд та накопичений великий масив археологічного матеріалу (рис. 1). Поховальні комплекси датовані кінцем II ст. до н. е. — першою половиною III ст. н. е.

Клинкова зброя — найчисленніша серед інших видів зброї на некрополі. Всього на Усть-Альмінському некрополі (дослідження 1968—2013 рр.) виявлено 110 мечів різних типів, з них у фрагментах близько 24, де не вдалося визначити тип через погану збереженість (21,8 %; табл. 1). Найбільша кількість містилася у склепах — 97 мечів та 16 у могилах інших типів. На площі некрополя поховання з клинковою зброєю досить рівномірно розподілені (рис. 2). Значну частину поховань з мечами та кинджалами опубліковано (Высотская 1994, табл. 2: 21; 10: 28; 27: 42; 31: 33; 38: 21; 39: 13; 43: 34; Пуздровский 2007, рис. 86: 1—3; 87; 88; Пуздровский, Труфанов 2016 рис. 70; 135: 8; 138: 16; 163; 2017, рис. 10: 1—7; 42: 1; 46: 1; 49: 1; 84: 14; 89: 1; 105: 6; 110: 11; 128: 6; 158: 7; 160: 4; 170: 5, 6; 2017а, рис. 3: 2; 11: 1—4; 15: 3; 34: 27; 35: 11; 92: 1—5; 99: 1; 118: 10, 11; 136: 2; 138; 150: 10, 11; 180: 6; Труфанов, Мордвинцева 2016, рис. 4; Mordvintseva 2016, fig. 8: 3, 4; Труфанов, Масякин 2019, рис. 3; Медведев 2019, рис. 2: 6; 4: 7; 6: 4). Але клинкова зброя з Усть-Альмінського некрополя потребує узагальнення та систематизації.

Мечі та кинджали з кільцевим навершям та прямим перехрестям. Клинки даного типу відрізняються між собою незначною мірою. За типологією А. М. Хазанова або А. В. Симоненка, ці відмінності виражені в формі клинка двох типів: 1) з паралельними лезами: 2) клинок звужується відразу від перехрестя і має форму трикутника. Перехрестя в основному прямокутної форми, бувають овальні або ромбовидної форми. Руків'я двох типів: вузькі та широкі, деякі звужуються до навершя (Хазанов 1971, с. 5, 6; Симоненко 2010, с. 32, 36, 38).

На Усть-Альмінському некрополі відомо всього 31 екземпляр (деякі у фрагментах) мечів та кинджалів з кільцевим навершям, що склало майже третину від загальної кількості всіх мечів (28,1 %). З них 5 є кинджалами, один з яких, судячи з реконструкції, не мав перехрестя (рис. 3: 23). Мечі з кільцевим навершям та без перехрестя є поодинокі у похованнях сарматів (Хазанов 1971, табл. IV: 3; V: 3; Кривошеев 2007, рис. 1: 1). Більшість клинків цього типу мало паралельні леза та широкі руків'я, розміри коливалися від 20—22,5 см до 55—64 см. Найбільшу кількість їх знайдено у ґрунтових склепах (22 екземпляра), 9 — у могилах інших типів (рис. 3, табл. 2). Найбільш ранні

© Г. В. МЕДВЕДЄВ, 2020

екземпляри з'являються на Усть-Альмінському некрополі в середині I ст. н. е. або навіть трохи раніше (Пуздровский 2007, с. 130).

Серед мечів та кинджалів з кільцевим навершям виділяються два церемоніальні клинки, прикрашені коштовним металом (склеп 620/2, могила 700). Вони відносяться до середини—третій чверті I ст. н. е. та до другої чверті II ст. н. е. (рис. 3: 9, 20). Церемоніальні клинкі зустрічаються у похованнях еліти і відомі в Північному Причорномор'ї, Передній та Середній Азії (Трейстер 2010, рис. 14; Мордвинцева 2015, с. 78, 79; Mordvintseva 2015, fig. 8: 3, 4; 10: 3, 4, 7; 12). Вважається, що поховання сарматської знаті з церемоніальними мечами були здійснені у I ст. до н. е. — I ст. н. е. (Трейстер 2010, с. 517). Судячи з дати могили 700, поховання з такою зброєю могли зустрічатися і пізніше I ст. н. е.

Більшість поховань з клинками, які мають кільцеве навершя (22), з Усть-Альмінського некрополя датований серединою / другою половиною I — початком II ст. н. е. До останньої чверті й кінця I — початку II ст. н. е. належить 7 поховань (табл. 2).

У Криму клинки з кільцевим навершям зустрічаються на пізньоскіфських та сарматських некрополях: у Неаполі Скіфському, Бітаку, Бельбеку IV, Завітному, Нейзацу, Опушках, Беляусі (Бабенчиков 1949, с. 116—118, рис. 7б; Пуздровский 2001a, с. 137, рис. 10; 2007, рис. 25: I; Гущина, Журавлев 2016a, с. 73; 2016b, табл. 242: 1, 4; Гущина 1967, с. 47, рис. 3: 6; Богданова 1989, с. 57, 59, табл. XXII: 1, 2; Храпунов 2007, с. 116, рис. 4: 6; 2010, с. 535, рис. 1; Волошинов, Масякин 2007, с. 292, рис. 3: 11; 6: 2; Дашевская 1991, табл. 61: 2, 4, 5, 7; 2014, табл. 71: 2).

Рис. 1. Географічне положення Усть-Альмінського городища та некрополя (Бахчисарайський район): 1 — городище; 2 — некрополь

Мечі та кинджали з кільцевим навершям масово зустрічаються у похованнях кочовиків у Північному Причорномор'ї з кінця II ст. до н. е. і були по-

Таблиця 1. Фрагменти мечів та кинджалів невизначених типів в похованнях Усть-Альмінського некрополя

№ п. п.	Поховання	Кількість	Дата, ст. н. е.	Пограбування	Місце меча	Стать	Інша зброя	Орієнтація	Література
1	С. 43/30	1	—	+	Біля ніг	—	—	—	Высотская 1994, табл. 9: 30
2, 3	С. 315	2	I—II	+	—	—	—	—	Пуздровский 2007, с. 131
4, 6, 7	С. 316	4	I—II	+	—	—	—	—	Там само
8—10	С. 736	3	Кін. I—II	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017b, с. 10, 11, рис. 11: 2—4
11	С. 822	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 79, рис. 167: 1
12, 13	С. 830	2	Ост. третина I — 1-а пол. III	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017a, с. 11, рис. 10: 1
14	С. 850	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 22, рис. 46: 19
15	М. 852	1	II	+	—	—	—	—	Там само, рис. 49: 1
16	С. 871	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 39, рис. 84: 14
17	С. 890	1	2-а пол. I	+	—	—	—	—	Там само, с. 49, рис. 110: 11
18	С. 930	1	2-а пол. I	+	—	—	—	—	Там само, с. 78, рис. 170
19	С. 940/2	1	II — 1-а пол. III	+	—	—	—	—	Там само, с. 84, рис. 170
20	С. 1002	1	Ост. третина I — поч. II	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2016a, с. 38, рис. 70
21, 22	С. 1040	2	Поч. — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 67, 70, рис. 138: 16
23, 24	С. 1120	5	Сер. I — сер. II	+	—	—	—	—	Труфанов, Масякин 2019, с. 136

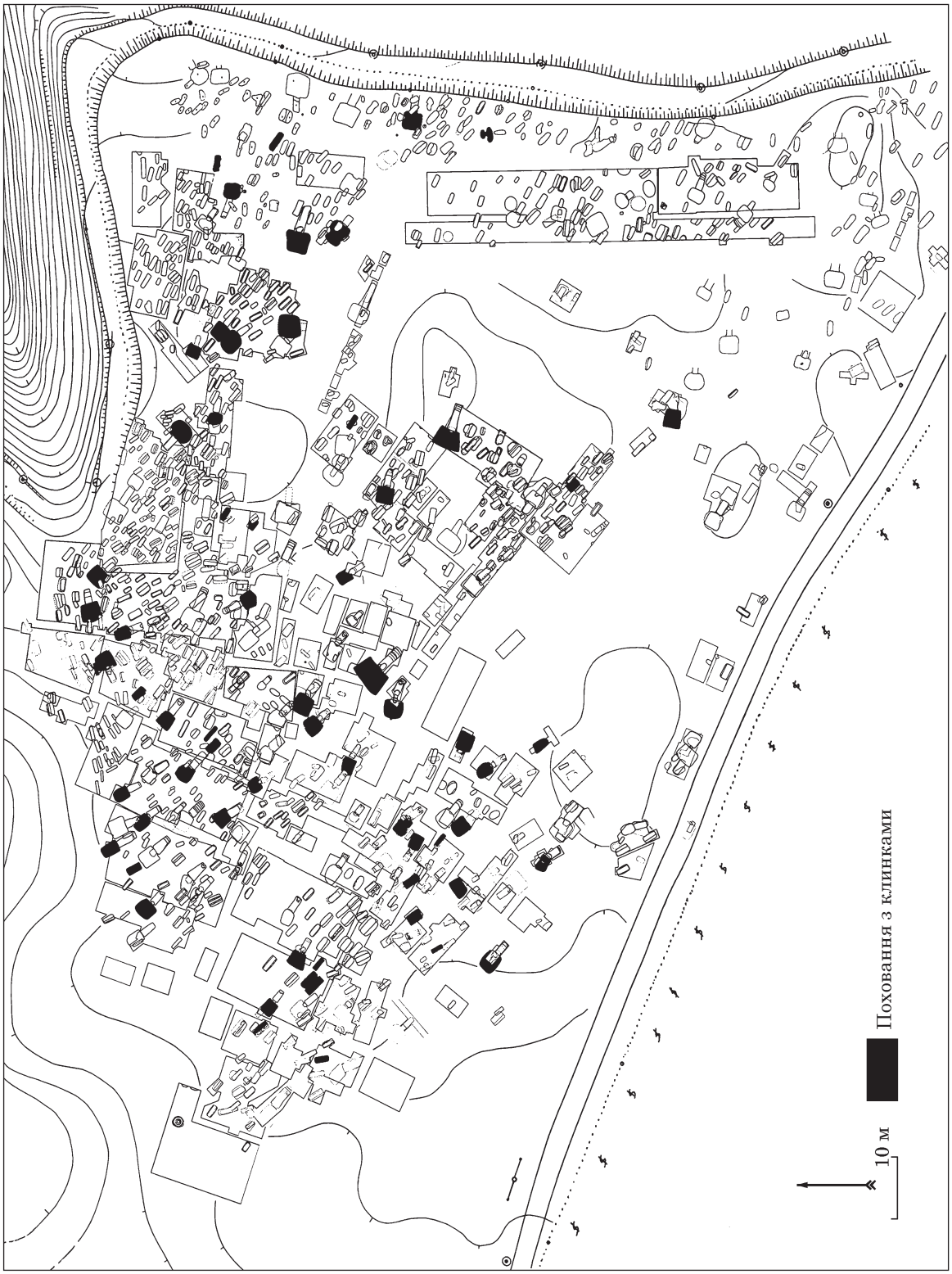


Рис. 2. План Усть-Альмінського некрополя: поховальні споруди з клинковою зброєю

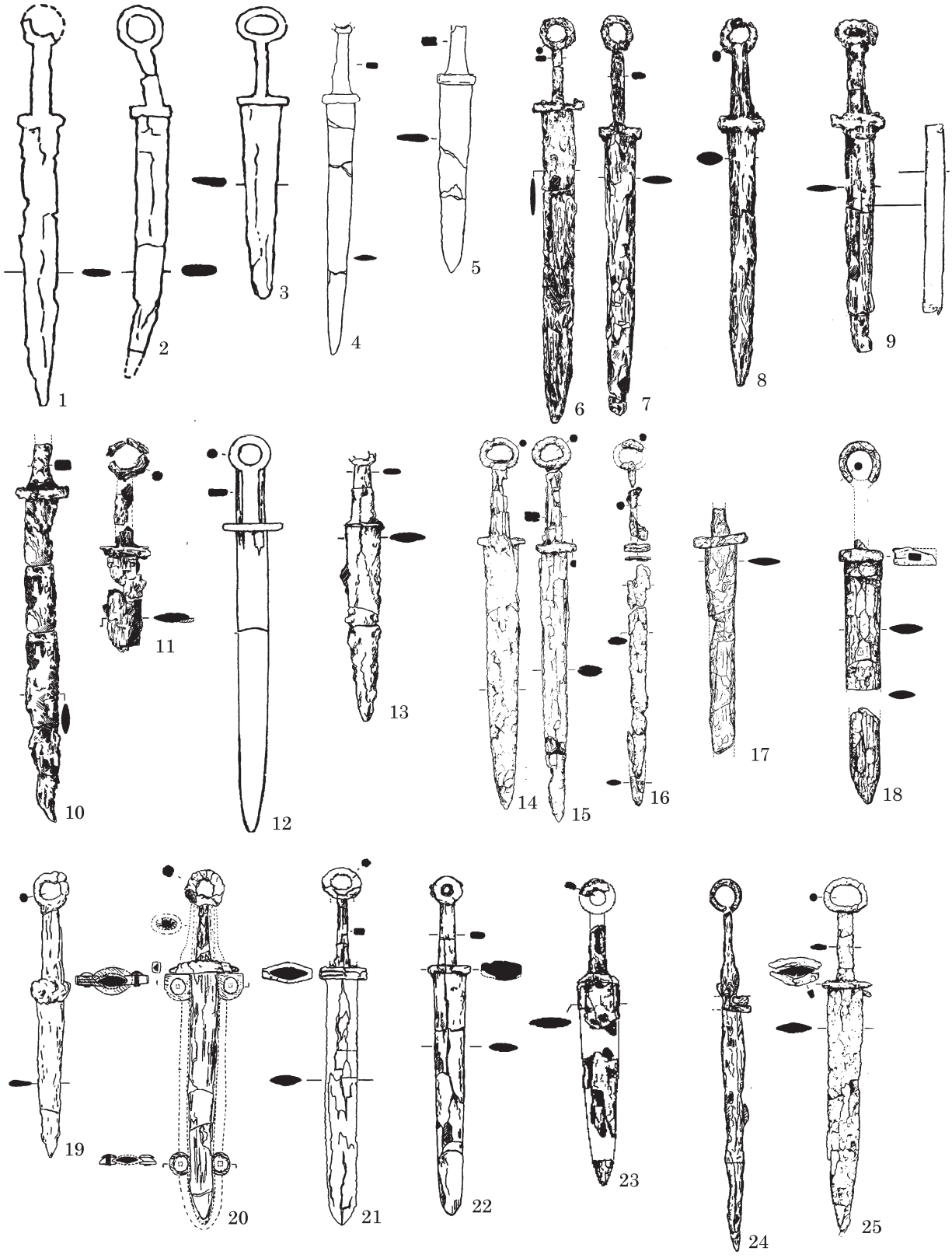


Рис. 3. Мечі та кинджали з кільцевим навершям з Усть-Альмінського некрополя: 1—3 — склепи 92/17, 120/7 і могила 129; 4, 5 — склеп 316; 6—9 — склеп 612/1, 3, 619/4, 620/2; 10, 11 — склепи 629, 630; 12, 13, 20—22 — могили 700, 711, 719; 14—18, 23, 24 — склепи 777, 782, 850, 903, 922; 19— могила 466; 25 — могила . 1074

ширені аж до III ст. н. е. (Гущина, Засецкая 1994, с. 9; Мурзин, Шлайфер 2009, с. 302). У степових і лісостепових районах Північного Причорномор'я поширення цієї зброї відбувається відносно рівномірно, що може свідчити про значне поширення його у сарматів (Симоненко 2010, с. 39, 43). Велика частина цих клинків знайдена у Поволжі, і на думку А. М. Хазанова, ця зброя остаточно сформу-

Таблиця 2. Мечі та кинджали з кільцевим навершям в похованнях Усть-Альмінського некрополя

№ п. п.	Поховання	Кількість	Дата, рр. / ст. н. е.	Пограбування	Місце меча	Стать	Інша зброя	Орієнтація	Література
1	С. 92/17	1	30/50 — біля 70	—	Пр. біля стегна	Ж	1 стріла	ПдПдЗ	Труфанов 2009, с. 273, 274
2	С. 120/7	1	30/50 — біля 70	—	Л. біля стегна	Ч	—	З	Там само, с. 274
3	М. 129	1	I/II	—	Там само	Ч	—	ПнЗ	Пуздровский 2007, с. 130
4, 5	С. 316	2	I/II або поч. II	+	—	—	—	—	Там само
6	М. 466	1	I/II	—	Пр. біля стегна	—	—	ПдСС	Там само
7	С. 590/21	1	I/II; 70 — I/II	—	Там само	Ч	50 стріл, 2 луки	Пд	Труфанов 2009, с. 277
8	С. 612/1	1	Сер., 3-я чв. I	—	Там само	Ч	120 стріл	ПдС	Пуздровский 2007, с. 130, рис. 88: 1
9	С. 612/3	1	Сер., 3-я чв. I	—	Там само	Ч	97 стріл	ПдС	Там само, рис. 88: 2
10	С. 619/4	1	Ост. чв. I	—	Між ніг	Ч	—	ПнЗ	Там само, рис. 88: 4
11	С. 620/2	1	Сер., 3-я чв. I	—	Пр. біля стегна	Ч	76 стріл	ПнС	Там само, рис. 88: 3
12	С. 629	1	2-а пол. I	+	—	—	—	—	Там само, с. 130
13	С. 630	1	2-а пол. I	+	—	—	—	—	Там само
14	С. 690/1	1	Сер. I	—	Пр. біля стегна	—	—	Пн	Там само, рис. 86: 1
15	М. 700	1	2-а чв. II	—	Там само	Ч	—	ПнЗ	Там само, рис. 77; 87: 5
16	М. 711	1	Ост. чв. I	—	Там само	Ч	—	ПдС	Там само рис. 78; 86: 3
17	С. 715/1	1	Кін. I — поч. II	+	—	Ч	—	ПдС	Там само с. 130
18	М. 719	1	II	—	Пр. біля стегна	Ч	—	ПнЗ	Там само рис. 86: 2
19	С. 777/1	1	2-а третина, сер. — 3-я чв. I	—	Там само	Ч	146 стріл, меч з перехрестям	ПнС	Пуздровский, Труфанов 2017b, с. 42, 43, 45, рис. 92: 3
20	С. 777/2	1	2-а третина, сер. — 3-я чв. I	—	Л. під стегном	Ч	—	ПдЗ	Там само, с. 43, 45, рис. 92: 4
21	С. 777/3	1	2-а третина, сер. — 3-я чв. I	—	Пр. біля стегна	Ч	—	ПдЗ	Там само, с. 43—45, рис. 92: 5
22	С. 782	1	2-а пол. I — поч. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 48, рис. 99: 1
23	М. 826	1	Ост. третина I — поч. II	—	—	Ч	—	ПдС	Там само, с. 86, 87, рис. 180: 6
24	С. 850	1	2-а пол. I — 2-а пол. II	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017a, с. 22, рис. 46: 1
25	М. 903	1	Кін. I — 1-а пол. II	+	—	Ж	—	—	Там само, с. 60, рис. 128: 6
26	М. 922	1	2-а — ост. третина I	—	Пр. біля стегна	Ч	—	ПдС	Там само, с. 72, рис. 160: 4
27	М. 1074	1	Сер. I	—	Там само	Ч	—	ПнЗ	Труфанов, Мордвинцева 2016, с. 207, рис. 4
28—31	С. 1120	4	Сер. I — поч., сер. II	+	—	—	—	—	Труфанов, Масякин 2019, с. 136

валася у сарматів у III ст. до н. е. (Хазанов 1971, с. 9). Даний клинок являє собою один з показових типів зброї, характерних для середньосарматскої культури, хоча вони зустрічаються і в пізньосарматскій період, але нечасто (Мошкова 2004, с. 29; Медведев А. 2004, с. 89; Глебов 2004, с. 130; Храпунов 2010, с. 535; Симоненко 2010, с. 43; Скрипкин 2016, с. 266).

Мечі та кинджали з перехрестям і без навершя за типологією А. М. Хазанова належать до типу 1 мечів з руків'ям-штирем (Хазанов 1971, с. 17; Симоненко 2010, с. 43). На Усть-Альмінскому некрополі таких клинків виявлено невелику кількість, близько 10 екз., що складає 9,0 % від загальної кількості клинків. Всі вони походять зі склепів, в інших могилах такі мечі не зафіксовано (рис. 4: 1—10). З них до середини—третьої чверті I ст. н. е. відноситься меч зі склепу 777/1. До другої третини — другої половини I ст. н. е. відносяться 3 меча (склепи 449/7, 618/2, 777/1). Ширше датовано меч зі склепу 120/3: другою половиною I — першою половиною II ст. н. е. Мечі з пограбованих склепів 316 (1 екз.) і 830 (3 екз.) належать до I—II ст. н. е., та останньої третини I — першої половини III ст. н. е. (табл. 3).

Цікавим є фрагмент залізного меча з брускоподібним бронзовим перехрестям з грабіжницьких раскопок (рис. 4: 10).

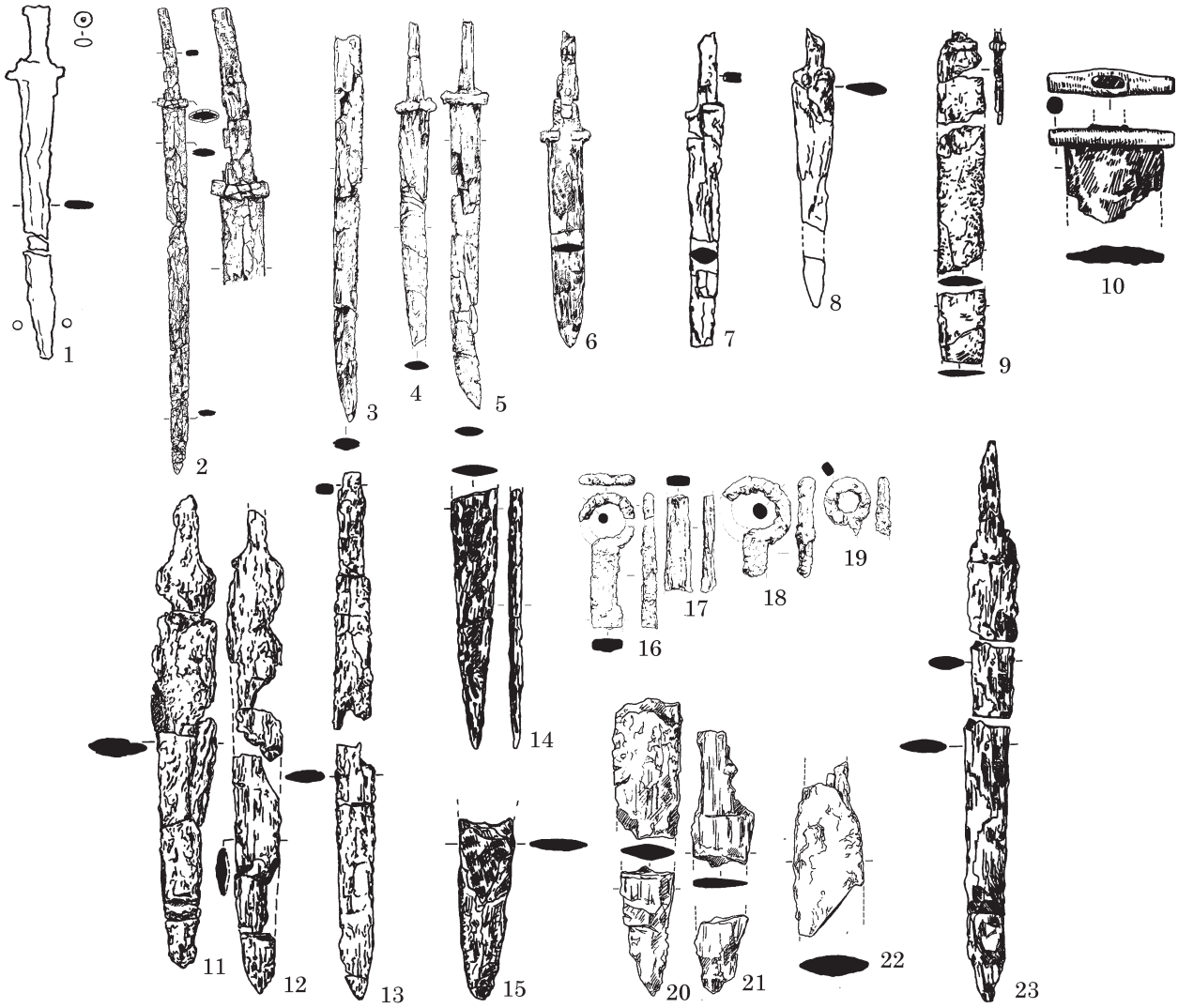


Рис. 4. Мечі та кинджали з металевим перехрестям, без металевого перехрестя та фрагменти інших типів клинків: 1 — склеп 120/3; 2—5 — склепи 777/1, 830; 6, 9, 10 — склеп 618, грабіжницький шурф; 7, 8 — склепи 449/7, 316

У Криму клинки з перехрестям зустрічалися нечасто, у некрополі Неаполя Скіфського був знайдений такий меч (Волошинов, Масякин 2007, рис. 5: IV). Нещодавно такі клинки було виявлено у двох похованнях I ст. н. е. могильника біля с. Завітне: у першому похованні — кинджал (м. 333), а в другому — меч з ромбоподібним перехрестям (м. 344; Волошинов, Масякин 2007, с. 294, рис. 8: 8).

Знахідки мечів з руків'ям-штирем та перехрестям, особливо біметалевих, досить рідкісні. Вони відомі у сарматських похованнях Нижнього Поволжя та Прикубання (Марченко 1996, с. 56; Лимберис, Марченко 2012, с. 276, рис. 4: 1). Мечі з ромбоподібним перехрестям могли походити від ханьських зразків і бути завезеними з Китаю разом з іншими категоріями імпорту (Puzdrovskij, Zajcev 2004, Abb. 6; Волошинов, Масякин 2007, с. 294; Симоненко 2014, с. 337). Такі мечі доволі нечасто зустрічалися за сарматської доби у кочівницьких похованнях Північного Причорномор'я, Нижнього Дону, Поволжя та Середньої Азії, причому матеріал з якого виготовлено перехрестя принципового значення не має (Скрипкин 2000, с. 17—20).

Мечі та кинджали без металевого навершя і перехрестя. Основними характеристиками даного типу мечів є руків'я, відкуте разом з клинком у вигляді штиря або черешка без металевого навершя. У таких мечів навершя могло бути з кістки, алебастру або халцедону (Симоненко 2010, с. 46, рис. 29; 30; 32; Безуглов 2000, с. 170, 172).

Мечі та кинджали без навершя і перехрестя відносять до 2 й 3 типу за класифікацією А. М. Хазанова. У клинків 2 типу перехід від ручки до клинку відбувається під тупим кутом, а у мечів 3 типу під прямим і вважалося, що з'являються вони дещо пізніше, ніж зброя 2 типу (Симоненко 2010, с. 46, 57, 58). Але клинки 3типу зустрічалися і в ранніх похованнях (Симоненко 2010, с. 58; Кривошеев 2007, с. 67). На Усть-Альмінському некрополі мечі 3 типу зустрічаються і у I ст. н. е. (рис. 5: 4, 8,11, 12, 16, 19).

Таблиця 3. Мечі та кинджали з металевим перехрестям в похованнях Усть-Альмінського некрополя

№ п. п.	Поховання	Кількість	Дата, ст. н. е.	Пограбування	Місце меча	Стать	Інша зброя	Орієнтація	Література
1	С. 120/3	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	—	Пр. біля стегна	Ч	3 стріли	ПнПнЗ	Пуздровский 2007, с. 132
2	С. 316	1	I—II	+	—	—	—	—	Там само, с. 131
3	С. 449/7	1	Кін. I	—	Л. біля стегна	Ч	—	ПдЗ	Там само, с. 132
4	С. 618/2	1	2-а пол. I	—	Пр. біля стегна	Ч	—	ПдС	Там само, рис. 87: 7
5	С. 777/1	1	2-а третина, сер. — 3-я чв. I	—	Там само	Ч	146 стріл	ПнС	Пуздровский, Труфанов 2017b, с. 42, 43, 45, рис. 92: 1
6	С. 805	1	Кін. I — 2-а третина II	+	—	—	—	—	Там само, с. 67, рис. 138: 1, 3
7—9	С. 830	3	Ост. третина I — 1-а пол. III	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017a, с. 11, рис. 10: 6, 7
10	—	1	—	+	—	—	—	—	Пуздровский 2007, с. 132, рис. 87: 4

Зброї названого типу на Усть-Альминському некрополі знайдено 45 екз., що склало 40,9 %. З них 39 примірників знайдено у склепах (16 були в пограбованих), 6 у могилах. Одні з найраніших екземплярів Усть-Альмінского некрополю походять зі склепу 439/20, 26, що відносять до середини I ст. н. е. До середини другої половини I — початку II ст. н. е. можна віднести 18 примірників. До I ст. н. е. відносяться поховання з підбойної могили 1059. П'ять поховань з мечами з Усть-Альмінського могильника датують серединою — другою половиною I — першою половиною або серединою II ст. н. е. Чотири поховання відносять до першої половини — середини II ст. н. е. і ще вісім — до середини — другої половини II ст. н. е. (табл. 4).

Схожі клинки виявлені у трьох могилах Бітакського некрополю (Пуздровский 2001a, с. 125, 129, 130, рис. 3: 2; 5: 3; 7: 10). Раніші знахідки таких мечів в пізньоскіфських некрополях відомі зрідка. Один меч походить з мавзолею Неаполя Скіфського та поодинокі екземпляри з некрополів Беляус та Кольчугіно (Дашевская 1991, табл. 61: 10; 2014, с. 30, табл. 62: 1; Храпунов та ін. 1997, с. 97, 98, рис. 19: 3).

Значна кількість мечів та кинджалів без перехрестя, виявлених у Криму, походить з некрополів Неаполя Скіфського, Завітне, Бельбек IV, Скалісте III, Беляус (Сымонович 1983, с. 73, табл. XIV: 6; Пуздровский 2007, рис. 13: 2; рис. 25: 2; Богданова 1989, с. 59, 65, табл. XXII: 3, 4; Гущина, Журавлев 2016a, с. 74; 2016b, табл. 242: 3, 5—7; Богданова та ін. 1967, с. 146, рис. 8: 52; Дашевская 1991, табл. 61: 7—17).

Мечі та кинджали без перехрестя та металевого навершя досить широко представлені у сарматських некрополях Поволжжя, Дону та Прикубання (Хазанов 1971, с. 17, табл. X: 1—3, 5; XI: 1, 2, 4—7; XII: 1—4; Марченко 1996, с. 56—58. рис. 78: 9; 97: 12; Кривошеев 2007, рис. 1: 28). На Дону, наприклад, довгі мечі без перехрестя з'явилися у II—I ст. до н. е. у незначній кількості як імпорт із Середньої Азії (Безуглов 2000, с. 174, 175). Вони набувають поширення в Північному Причорномор'ї та Криму у I — на початку II ст. н. е. (Симоненко 2010, с. 57). На думку дослідників, клинки без металевого навершя і перехрестя стають панівним типом на пам'ятках сарматського часу з другої половини II ст. н. е. (Кривошеев 2007, с. 65).

Клинків інших типів знайдено два екземпляри. Це кинджал з прямим перехрестям і «рожкоподібним» навершям — його фрагменти (40 см) були знайдені в пограбованому склепі 315 разом з уламки ще трьох мечів (Пуздровский 2007, с. 132). На думку А. С. Скрипкіна, цей кинджал міг бути пізнім варіантом клинка з серпоподібним навершям (Скрипкин 1990, с. 119).

Фрагменти меча *римського типу* і бронзові деталі піхов походять з пограбованого склепу 1120, який датовано серединою I ст. н. е. — серединою II ст. н. е. Аналогічні мечі відомі в Криму і на території Німеччини (Труфанов, Масякин, 2019, с. 133, 136, рис. 3—8).

Меч розташований в похованні традиційно з правого боку, за винятком окремих випадків, коли клинок був розташований з лівого боку або в іншім положенні. Наприклад, в одному випадку меч лежав між ніг (скл. 619/4; табл. 2: 10), у другому — поверх скелету (скл. 590/21, 520/29; табл. 2: 7; 4: 14). У скл. 750 меч лежав біля правого плеча вістрям до черепа (табл. 4: 25).

Орієнтація похованих з клинками найчастіше у південному секторі — 52 (46 % від загальної кількості похованих зі зброєю), переважає південно-східний напрямок. У північному напрямку — 23 (18,8 %), захід — 4, схід — 3. В інших випадках (близько 33,6 %) через пограбування орієнтацію не визначено.

У чоловічих похованнях сарматів Кубані у римський час переважаючими напрямками орієнтації були захід—схід та південний захід—північний схід (Берлизов и др. 2003, с. 157).

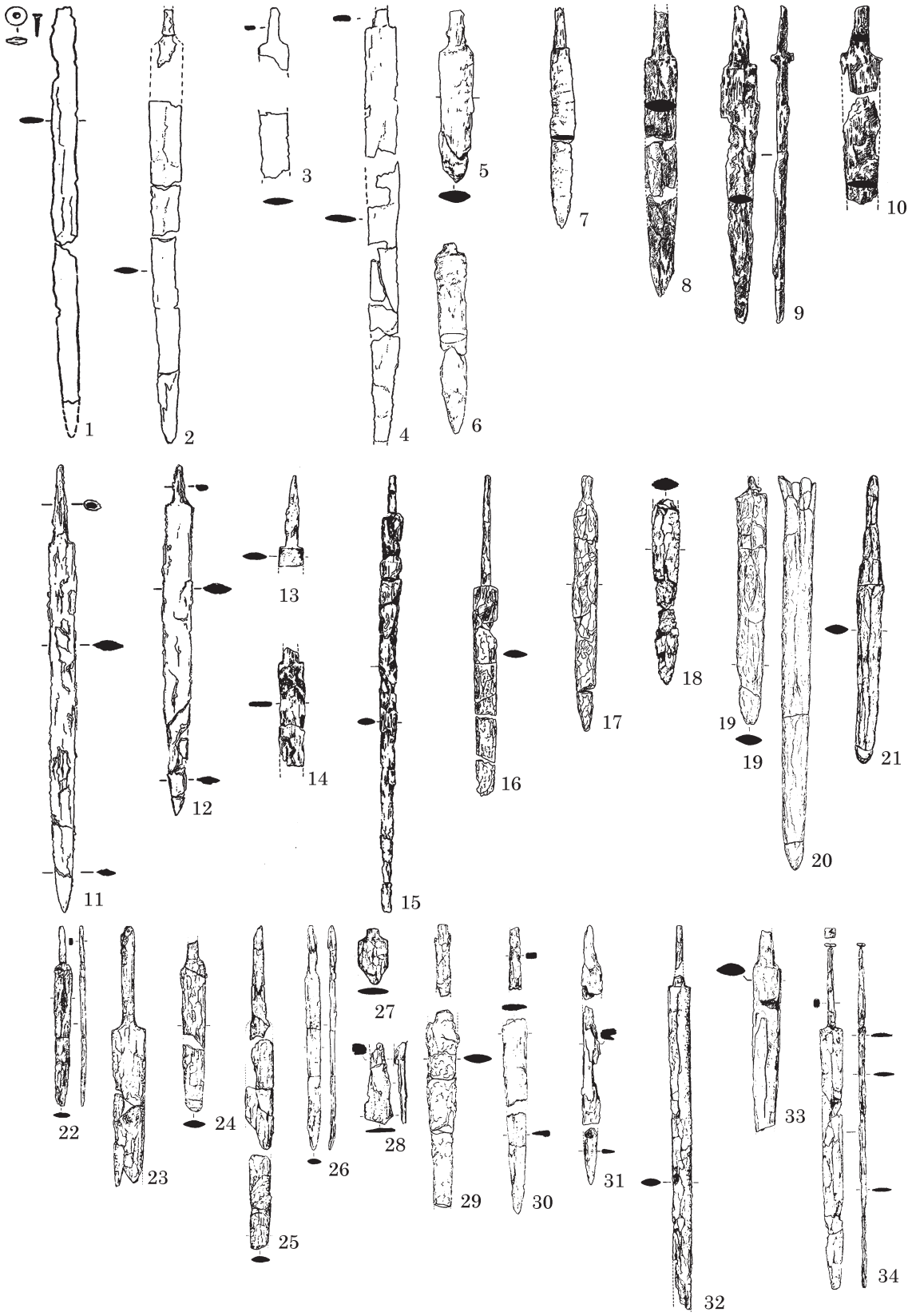


Рис. 5. Мечі та кинджали без металевого навершя і перехрестя з Усть-Альмінського некрополя: 1 — могила 14; 2—8, 10—13, 14 — склепи 315, 316, 438/5, 439/20, 26, 570, 557; 9, 15 — склепи 438/7,619/1; 16—24, 32 — склепи 736, 750/1, 777/4, 791, 804, 805, 810, 874; 25—27, 29—31, 33 — склепи 830, 850, 920, 930, 848, могила 887; 34 — могила 1059

Хотілося б відзначити окремо елементи поховального обряду, які не є масовими, але відображають специфіку рис обряду прийшлого кочового населення. Це, наприклад, *наявність двох видів клинкової зброї у похованні* — меча та кинджала. Таких комплексів на Усть-Аль-

Таблиця 4. Мечі та кинджали без металевого перехрестя та навершя в похованнях Усть-Альмінського некрополя

№ п. п.	Поховання	Кількість	Дата, ст. н. е.	Пограбування	Місце меча	Стать	Інша зброя	Орієнтація	Література
1	М. 14	1	Кін. I	+	—	—	—	—	Пуздровский 2007, с. 131
2	С. 88/10	1	Ост. третина I — I/II	—	Пр. біля стегна	—	—	ПдС	Труфанов 2009, с. 277, 278
3, 4	С. 315	2	I—II	+	—	—	—	—	Пуздровский 2007, с. 131
5—8	С. 316	4	I—II	+	—	—	—	—	Там само
9	С. 438/5	1	1-а пол. II	—	Пр. біля стегна	Ч	—	ПнС	Там само, с. 131
10	С. 438/7	1	1-а пол. II	—	Там само	Ч	—	ПнС	Там само, рис. 87: 6
11	С. 438/9	1	1-а пол. II	—	Пр.	Ч	3 стріли	ПнС	Там само, с. 131
12	С. 439/20	1	Сер. I	—	Пр. біля стегна	Ч	—	ПдС	Там само, рис. 88: 8
13	С. 439/26	1	Сер. I	—	Там само	Ч	—	ПнС	Там само, рис. 88: 7
14	С. 520/26	1	Сер. — ост. чв. I	—	Пр. на кістяку	Ч	—	С	Труфанов 2009, с. 278
15	С. 557	1	Поч. II	+	—	Ч	—	—	Пуздровский 2007, с. 131
16	С. 570	1	Поч. II	+	—	Ч	—	—	Там само
17	С. 619/1	1	I/II	—	Л. біля стегна	Ч	—	ПдС	Там само, рис. 88: 5
18	С. 650/2	1	Сер. — ост. чв. I	—	Пр. біля стегна	Ч	—	ПдС	Там само; Труфанов 2009, с. 274
19	С. 703/1	1	Ост. чв. I	—	Там само	Ч	—	ПдС	Пуздровский 2007, с. 131
20	С. 703/2	1	Ост. чв. I	—	Там само	Ж	—	ПдС	Там само
21	С. 703/3	1	Ост. чв. I	—	Там само	Ч	—	ПдС	Там само
22	С. 734	1	2-а пол. I—II	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017a, с. 8, рис. 3: 2
23	С. 736	1	Кін. I—II	+	—	—	—	—	Там само, с. 10, рис. 11: 1
24	М. 737	1	2-а пол. I—II	+	—	—	—	—	Там само, с. 11, рис. 15: 3
25	С. 750/1	1	2-а пол. I—II	—	Уздовж пр. плеча вістрям вгору	Ч	—	ПдСС	Там само, с. 19, рис. 35: 11
26	С. 777/4	1	2-а третина, сер. — 3-я чв. I	—	Л. під тазом	Ч	—	ПдЗ	Там само, с. 45, рис. 92: 2
27, 28	С. 791/1	2	Ост. третина I	+*	Пр. біля стегна	Ч	70 стріл, довгий меч зліва	ПдЗ	Там само, с. 57, рис. 118: 10
29	С. 804	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 66, рис. 136: 2
30, 31	С. 805	2	Кін. I — 2-а третина II	+	—	—	—	—	Там само, с. 67, рис. 138: 5—7
32	С. 810	1	2-а пол. I — поч. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 73, рис. 150: 11
33, 34	С. 830	2	Ост. третина I — 1-а пол. III	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017b, с. 11, рис. 10: 2, 5
35	М. 848	1	1-а пол. II	—	Л. біля гомілки	Ч	9 стріл, спис	ПнЗ	Там само, с. 20, рис. 42: 1
36	С. 850	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 22, рис. 46: 15
37	С. 871	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 22, рис. 84: 15
38	М. 874	1	II	—	Пр. біля стегна	Ч	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017a, с. 41, рис. 89: 1; Медведев 2019
39	М. 887	1	Кін. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2017b, с. 48, рис. 105: 6
40	С. 920	1	2-а пол. I — 1-а пол. II	+	—	—	—	—	Там само, с. 71, рис. 158: 7
41, 42	С. 930	2	2-а пол. I	+	—	—	—	—	Там само, с. 78, рис. 170: 6, 9
43	С. 1002	1	Ост. третина I — 1-а пол. III	+	—	—	—	—	Пуздровский, Труфанов 2016a, с. 38, рис. 70: 3
44	М. 1059	1	I	+	—	—	—	—	Там само, с. 85, рис. 163: 1
45	С. 1120	1	Сер. I — сер. II	+	—	—	—	—	Труфанов, Масякин 2019, с. 136

Примітки. * Верхня частина зруйнована.

Таблиця 5. Елітні поховання з клинками з Усть-Альмінського некрополя

Поховання	Зброя			Золоті		Лицеві пластини	Прикраси, пряжки **	Посуд			Вудила
	Меч	Кинджал	Інше	прикраси на мечах	вінки			бронзовий	дерев'яний	амфори	
	О / + / | *										
С. 438/5	—	|	—	—	—	—	Ag кільце	—	—	—	—
С. 612/1	О	—	Стріли	—	—	—	Au кулон, Ag пряжка	—	—	—	—
С. 612/3	О	—	Стріли	—	—	—	Au сережка і браслет, Ag пряжка	—	—	—	—
С. 618/2	+	—	—	—	+	—	Au сережка	—	—	—	—
С. 620/2	О	—	—	+	+	—	Au пряжка	Патера, ойнохойя	—	—	—
С. 690/1	О	—	—	—	—	—	Au фольга	—	—	—	+
М. 700	—	О	—	+	—	—	Ag пряжки ременні	Патера	2	+	—
С. 703/1	—	|	—	—	—	—	—	—	—	+	—
С. 703/3	—	|	—	—	—	—	Фр-т фольги	—	—	—	—
М. 711	—	О	—	—	—	—	—	—	—	—	+
С. 715/2	—	—	Стріли	—	—	—	—	—	—	—	+
С. 750/1	—	|	—	—	—	—	Ag пряжка	—	—	—	+
С. 777/1	1 О, 1 +	—	Стріли	—	+	+	—	—	—	—	—
С. 777/2	О	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—
С. 777/3	О	—	—	—	+	—	Au пластини ажурні	—	—	—	—
С. 777/4	—	|	—	—	+	—	—	—	—	—	—
М. 848	—	|	Спис, стріли	—	—	—	—	—	—	—	+
М. 1074	О	—	—	—	+	+	Au пластини ажурні	—	—	—	—

Примітки. * «О» — кільцеве навершя, «+» — перехрестя, «|» — без перехрестя; ** Ag — срібло, Au — золото.

мінському некрополі достовірно відомо два. Перше поховання: в скл. 777/1, де у померлого два клинки — з перехрестям та з кільцевим навершям (табл. 2: 19). Друге зі скл. 791/1 — праворуч кинджал, ліворуч меч з відламаною ручкою (табл. 4: 27, 28). У некрополі біля с. Опушки на схід від Сімферополя у пограбованій могилі II ст. н. е., знайдені фрагменти двох мечів. Перший клинок — з кільцевим навершям, від другого збереглося залізне перехрестя. (Храпунов 2007, с. 116, рис. 3: 10; 4: 6). На боспорських надгробних стелах і в похованнях відомі спільні зображення мечів з кільцевим навершям і довгих мечів з прямим перехрестям (Трейстер 2010, с. 502, рис, 3: 1, 2; 6: 1, 2; 10: 1, 2; 13).

Два види клинкової зброї в поховальному обряді зустрічаються протягом усього існування ранньосарматської культури. У сарматських похованнях довгі мечі різних типів могли бути в поєднанні з короткими мечами (кинджалами), в тому числі і з кільцевим навершям (Мошкова 2004, с. 29; Медведев А. 2011, с. 284; Безуглов, Глебов 2014, с. 53). У похованнях з двома видами клинкової зброї кинджал частіше розташовувався праворуч, а довгий меч — з лівого боку (Скрипкин 2014, с. 369). Комплект парного набору зброї разом з сокирою і списом знайдений в кургані біля с. Олонешть у Молдові (Курчатов, Бублич 2003, с. 290, рис. 3). Цікавими є спільні знахідки в комплексах II—I ст. до н. е. кинджалів з кільцевим навершям і довгих мечів з ромбоподібним перехрестям (Скрипкин 2010, с. 342).

На думку дослідників, розміщення в воїнських похованнях меча та кинджала починається у середовищі кочівників Південного Приуралля. (Скрипкин 2014, с. 374). На Нижньому Дону наприклад, знахідки разом меча і кинджала зустрічаються нечасто (Глебов 2011, с. 70). Вважають, що такі комплекси (меч і кинджал) можуть бути соціальними індикатором, що вказують на певне місце у військовій ієрархії. Можливо, померлий був ватажком загону (дружини). Крім цього, це могло бути пов'язано з особливим способом ведення бою (Безуглов, Глебов 2014, с. 53; Скрипкин 2014, с. 374; Клепиков 2016, с. 108).

Ще одним цікавим елементом у поховальному обряді Усть-Альмінського некрополя є наявність *зброї у жіночих та дитячих похованнях*. Зброя у таких похованнях нечисленна. Відомо два жіночих поховання: у скл. 92/17 (поховання з мечем у правого стегна та наконечником стріли біля тазових кісток; табл. 2: 1) і у скл. 703/2 (табл. 4: 20). Звісно, без антропологічних визначень деякі жіночи поховання можуть викликати сумніви. Дітячі поховання з клинком знайдені у могилі 466 Усть-Альмінського некрополя (табл. 2: 6) та у похованні в могилі 114 Бітакского некрополя (Пуздровский, 2001а, с. 126, рис. 5). Цілком ймовірно, наявність меча

в дитячому похованні могла підтверджувати військовий статус його батька.

Ранньосарматських жіночих поховань зі зброєю на Нижньому Дону відомо близько 10—11 %, від загального числа таких поховань, яке становило близько 28 % (Глебов 2011, с. 69, 70). Даний обряд показовий на могильнику Новий на р. Сал і характерний для середньосарматського часу. Найчастіше зустрічалися наконечники стріл, рідше кинджал або меч з бойовим ножем (Яценко 2015a, с. 178; 2015b, с. 92). На думку дослідників, наявність зброї у жіночих похованнях не завжди пов'язана із роллю жінки у військових діях, і досі це питання дискусійне (Богаченко 2017, с. 153, 154, 185, 186; Шевченко 2014, с. 412; Симоненко 2014, с. 339, 340). У окремих випадках зброя могла підтверджувати високий статус похованої жінки (Гальмитдинова 2016, с. 67, 68). На підставі аналізу поховань зі зброєю дослідники дійшли висновку, що його наявність у похованнях сама по собі мало говорить про статус жінки (Богатченко, Максименко 2008, с. 54). Можливо, заняття військовою справою серед жінок, крім особливостей життя в кочових умовах, могли бути зумовлені індивідуальними особливостями (Берестнева 2011, с. 78).

Цікавим на Усть-Альмінському некрополі є наявність в одному склепі або на одній ділянці поховань *груп воїнів* — це воїнські поховання в скл. 777 (6 поховань з мечами, одне пограбовано; табл. 2: 19—21); три поховання у скл. 703 (табл. 4: 19—21); у склепах 315 і 316 (на жаль, пограбовані) — фрагменти близько 5 та 10 мечів і кинджалів. Можна припускати, що дані групи (дружини) спеціалізувались на військовій справі та ймовірно мали родинні стосунки. На некрополі біля с. Завітне також було виявлено ділянку з воїнськими могилами (Волошинов, Масякин 2007, с. 294).

Дослідники називають цілі некрополі, де значну частину посідають воїнські поховання. Серед них такі некрополі як Чертовіцьке на Дону, «Золоте кладовище» у Прикубанні та могильник у Нових Бердражах що у Молдові. Наприклад, на Чертовіцькому могильнику біля 40 % поховань зі зброєю, що характерно для середньосарматського періоду (Медведев А. 2006, с. 41). На думку С. А. Яценка, належність сарматських дружинників до спадкової аристократії не підтверджується, хоча вони могли становити, певно, замкнутий прошарок (2015b, с. 95).

Судячи з низки поховань, серед людей, які спеціалізувалися на військової справі відбувалося соціальне розшарування. У окремих випадках в багатьох чоловічих похованнях зброя могла грати роль соціального індикатора.

На Усть-Альмінскому некрополі виділяється група (сім могил) *елітних* поховань зі зброєю та вінками і лицьовими пластинами з золота (Труфанов, Мордвинцева 2016, с. 208, 209; Пуздровский, Труфанов 2017b, рис. 88, 89, 90). Даний обряд є характерним для грецької та римської поховальної традиції. Обряд використання вінків і лицьових пластин з золота відомий також у боспорської знаті (Труфанов, Мордвинцева 2016, с. 207).

На Усть-Альмінському некрополі виділено групу склепів з воїнськими похованнями, що містили предмети з коштовних металів, металевим імпортним посудом, амфорами, кінської упряжжю тощо, які свідчать про високій соціальний статус. З них більшість походить зі склепів і тільки 4 знаходилися в могилах іншого типу. У 12 випадках в похованнях містилися предмети і прикраси з коштовних металів, у п'яти випадках — вудила і кінська упряж. У двох похованнях знаходився бронзовий та дерев'яний посуд, амфори (табл. 5).

У результаті розгляду топографії Усть-Альмінського некрополя зроблений висновок про те, що найяскравіші і заможні елітні поховання воїнської знаті були розташовані вздовж дороги (рис. 1), яка проходить від брами городища в південно-східному напрямку через некрополь (Труфанов, Мордвинцева 2016, с. 196).

Аналіз поховальних комплексів показав, що у обряді Усть-Альмінського некрополя клинкова зброя відіграє велику роль (59,7 % від усієї). Мечі без перехрестя і навершя — найчисленніші (40,9 %). Понад чверть складали мечі з кільцевим навершям (28,1 %). Найбільш рідкісна категорія — клинки з перехрестям (9,0 %). Ця зброя набула поширення серед сарматів, особливо у середньосарматський період.

До середини I ст. н. е. на Усть-Альминському некрополі зброя — досить рідкісне явище. Далі, починаючи з другої половини I ст. н. е., Усть-Альмінський некрополь виділяється за кількістю поховань зі зброєю серед поховальних комплексів пізньоскіфської культури Криму. У цей час на некрополі з'являються поховання військової еліти.

У I ст. н. е. Херсонес та велика частина Криму та території пізньоскіфської держави знаходились під контролем Боспорського царства. Кримська Скіфія брала участь в римсько-боспорських війнах на боці Боспору. У II ст. н. е. відбуваються військові дії боспорської армії на території Кримської Скіфії (Щеглов 1978, с. 135; Колтухов 1999, с. 97; Пуздровский 2001b, с. 109; 2007, с. 89; Уженцев 2006, с. 135; Медведев 2019, с. 104).

Після середини I ст. н. е. у зв'язку з описаними подіями відбуваються зміни в етнічній і соціальній структурі, а серед населення Усть-Альмінського городища виділяється військова еліта. Елементи поховального обряду знаходять аналогії в військових традиціях сарматської культури Північного Причорномор'я, Поволжя, Подоння та Боспору. Поховальний обряд Усть-Альмінського некрополя має багато схожих рис з обрядом кочового та осілого населення сарматської культури Подоння, Прикубання та Азіатського Боспору (Берлизов та ін. 2003, с. 133, 173).

ЛІТЕРАТУРА

Бабенчиков, В. П. 1949. Новый участок некрополя Неаполя Скифского. *Вестник древней истории*, 1, с. 111-119.

Безуглов, С. И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). *Материалы и исследования по археологии Дона*, 1: Сарматы и их соседи на Дону, с. 169-193.

Безуглов, С. И, Глебов, В. П. 2014. Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Сухо-Дюдеревский II. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой. Кагальник 26—29 апреля 2014 г.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 49-56.

Берестнева, Н. А. 2011. Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (По материалам саргатской культуры). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 1 (14), с. 72-79.

Берлизов, Н. Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена южной России в VII в. до н. э. — V в. н. э.* I. Краснодар: Парабелум.

Берлизов, Н. Е., Винидиктов, А. П., Пьянков, А. В., Зеленский, Ю. В. 2003. *Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени — эпохи средневековья. Памятники сарматского времени*, I. Краснодар: КХАМЗ.

Богаченко, Т. В. 2017. *Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей*. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ.

Богаченко, Т. В., Максименко, В. Е. 2008. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железа на Дону (методологические аспекты проблемы изучения). *Нижневолжский археологический вестник*, 9, с. 48-61.

Богданова, Н. А., Гущина, И. И., Лобода, И. И. 1967. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I—III вв. н. э.). *Советская археология*, 4, с. 121-152.

Богданова, Н. А. 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. *Труды ГИМ*, 70: Археологические исследования на юге Восточной Европы, II, с. 18-70.

Высотская, Т. Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь.* Киев: Киевская Академия Евробизнеса.

Волошинов, А. А., Масякин, В. В. 2007. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005—2006 гг.). В: Зайцев, Ю. П., Мордвинцев, В. И. (ред.). *Древняя Таврика.* Симферополь: Универсум, с. 291-302.

Гальмитдинова, А. Х. 2016. Социальные роли женщины в обществе ранних кочевников Южного Урала. *Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*, с. 66-69.

Глебов, В. П. 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья. *Доклады V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*, с. 127-133.

Глебов, В. П. 2011. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья во II—I вв. до н. э. *Материалы и исследования по археологии юга России*, III: Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Международная конференция России «Проблемы сарматской археологии и истории», с. 61-85.

Гущина, И. И. 1967. О сарматах в Юго-Западном Крыму. *Советская археология*, 1, с. 40-51.

Гущина, И. И., Засецкая, И. П. 1994. *«Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье.* Санкт-Петербург: Фарн.

Гущина, И. И., Журавлев, Д. В. 2016a. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Труды ГИМ, 205. Москва: ГИМ, 1.

Гущина, И. И., Журавлев, Д. В. 2016b. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Труды ГИМ, 205. Москва: ГИМ, 2.

Дашевская, О. Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Свод археологических источников, Д 1-7. Москва: Наука.

Дашевская, О. Д. 2014. *Некрополь Беляуса.* Симферополь: Феникс.

Клепиков, В. М. 2016. Раннесарматские мужские погребения с двумя мечами (к вопросу о социальном статусе). *Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*, с. 104-109.

Колтухов, С. Г. 1999. *Укрепление Крымской Скифии*. Симферополь: Сонат.

Кривошеев, М. В. 2007. Вооружение позднесарматского времени нижнего Поволжья. *Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*, с. 65-70.

Курчатов, С. И., Бубулич, В. Г. 2003. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты — 40 лет спустя. В: Сава, Е. (ред.). *Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона.* Кишинев, с. 285-312.

Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2012. Погребение сарматского воина на некрополе меотского городища. *Евразия в скифо-сарматское время. Труды государственного исторического музея*, 191, с. 261-281.

Марченко, И. И. 1996. *Сираки Кубани*. Краснодар: КГУ.

Медведев, А. П. 2004. Периодизация и хронология памятников сарматского времени на Среднем и Верхнем Дону. *Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*, с. 86-94.

Медведев, А. П. 2006. Этнокультурные процессы на Верхнем Дону в сарматское время (II в. до н. э. — III в. н. э.). *Вестник Воронежского государственного университета: история, политология, социология*, 1, с. 33-45.

Медведев, А. П. 2011. Феномен Верхнедонских могильников в контексте позднесарматских и лесостепных культурных традиций. *Материалы и исследования по археологии юга России*, III: Погребальный обряд ранних кочевников. Международная конференция, с. 277-293.

Медведев, Г. В. 2019.Три погребения первых веков нашей эры с мечами из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма*, IX, с. 100-113.

Мордвинцева, В. И. 2015. Парадные мечи в погребальном контексте (на материале погребений элиты Северного Причерноморья III в. до н. э. — III в. н. э.). В: Савинов, Д. Г. (ред.). *Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий. Материалы научной тематической конференции*. Санкт-Петербург: Скифия-принт, с. 77-80.

Мошкова, М. Г. 2004. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья. *Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*, с. 22-44.

Мурзин, В. Ю., Шлайфер, В. Г. 2009.Сарматські кинджали та мечі із зібрання Музею історії зброї м. Запоріжжя. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Киев; Полтава: ИА НАН Украины, с. 300-302.

Пуздровский, А. Е. 2001a. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой. *Труды ГИМ*, 118: Поздние скифы Крыма, с. 122-140.

Пуздровский, А. Е. 2001b. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. *Вестник древней истории*, 3, с. 86-118.

Пуздровский, А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Пуздровский, А. Е., Труфанов, А. А. 2016a. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008—2014 гг*. Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-западном Крыму, 1. Симферополь: Бровко А. А.

Пуздровский, А. Е., Труфанов, А. А. 2016b. Погребение воина из Усть-Альминского некрополя (могила 848). *История и археология Крыма*, IV, с. 27-37.

Пуздровский, А. Е., Труфанов, А. А. 2017a. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004—2007 гг*. Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-западном Крыму, 2. Симферополь: Бровко А. А.

Пуздровский, А. Е., Труфанов, А. А. 2017b. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000—2003 гг*. Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-западном Крыму, 3. Симферополь: Бровко А. А.

Сымонович, Э. А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского)*. Киев: Наукова думка.

Симоненко, А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Симоненко, А. В. 2014. Периодизация военного дела номадов Евразии в эпоху раннего железа. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 329-344.

Скрипкин, А. С. 1990. *Азиатская Сарматия*. Саратов: СГУ.

Скрипкин, А. С. 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной кудьтуры сарматов. *Нижневолжский археологический вестник*, 3, с. 17-33.

Скрипкин, А. С. 2010. Сарматские мечи с кольцевым навершием. В: *Сарматы и Восток. Избранные труды к 70-летию автора*. Волгоград: ВГУ, с. 335-357.

Скрипкин, А. С. 2014. Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнополитической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 367-379.

Скрипкин, А. С. 2016. О происхождении мечей прохоровского типа. *Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*, с. 264-274.

Трейстер, М. Ю. 2010. Оружие сарматского типа на Боспоре в I—II вв. н. э. *Древности Боспора*, 14, с. 484-561

Труфанов, А. А. 2005—2009. Хронология могильников предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. *Stratum plus*, 4, с. 111-328.

Труфанов, А. А., Мордвинцева, В. И. 2016. Воинское погребение середины I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым). *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2, с. 196-212.

Труфанов, А. А., Масякин, В. В. 2019. Римский меч из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым). *Stratum plus*, 4, с. 133-145.

Уженцев, В. Б. 2006. *Эллины и варвары Прекрастной Гавани (Калос Лимен в IV в. до н. э. — II в. н. э.)*. Симферполь: Сонат.

Хазанов, А. М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва: Наука.

Храпунов, И. Н. 2007. Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки. В: Зайцев, Ю. П., Мордвинцева, В. И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, с. 115-124.

Храпунов, И. Н. 2010. Оружие из могильника Нейзац. *Terra Barbarica. Monumenta archeologica Barbarica. Series Gemina*, II, с. 535-556

Храпунов, И. Н., Масякин, В. В., Мульд, С. А. 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино. *Бахчисарайский историко культурный сборник*, 1, с. 76-155.

Шевченко, Е. Б. 2014. «Амазонки» Южного Приуралья в савроматское время: миф и реальность (историографический обзор). В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 407-416.

Щеглов, А. Н. 1978. *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Ленинград: Наука.

Яценко, С. А. 2015a. О некотрых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи. *Знание, Понимание, Умение*, 1, с. 171-182.

Яценко, С. А. 2015b. Группы элиты у сарматов. В: Дашковский, П. К. (ред.). *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии*. Барнаул: АГУ, с. 86-98.

Mordvintseva, V. N. 2016. Decorated swords as emblems of power on the steppes of the northern black sea region (3rd C. BC. — 3rd C. AD). *Anabasis. Studia Ciassica et Orientalia*, 6 (2015), s. 174-215.

Puzdrovskij. A. E., Zajcev, J. P. 2004. Prunkbestattungen des I Jh. n. C. in der Nekropole Ust-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999. *Eurasia antiqua*, 10, S. 229-267.

REFERENSCES

Babenchikov, V. P. 1949. Novyi uchastok nekropolia Neapolia Skifskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 1, s. 111-119.

Bezuglov, S. I. 2000. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podonia). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona*, 1: Sarmaty i ikh sosedi na Donu, s. 169-193.

Bezuglov, S. I, Glebov, V. P. 2014. Rannesarmatskoe pogrebenie s dvumia mechami iz mogilnika Sukho-Diuderevskii II. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A. I. Meliukovoi. Kagalnik 26—29 aprelia 2014 g*. Rostov-na-Donu: IuNTs RAN, s. 49-56.

Berestneva, N. A. 2011. Zhenskie pogrebeniia s oruzhiem: realii zhizni ili otobrazhenie sotsialnoi identichnosti? (Po materialam sagarskoi kultury). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 1 (14), s. 72-79.

Berlizov, N. E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena iuzhnoi Rossii v VII v. do n. e. — V v. n. e.*, I. Krasnodar: Parabelum.

Berlizov, N. E., Vinidiktov, A. P., Piankov, A. V., Zelenskii, Iu. V. 2003. *Statisticheskii analiz pogrebalnykh pamiatnikov Severo-Zapadnogo Kavkaza sarmatskogo vremeni — epokhi srednevekovia. Pamiatniki sarmatskogo vremeni*, I. Krasnodar: KKhAMZ.

Bogachenko, T. V. 2017. *Istoricheskie osnovy skazanii o zhenshchinakh-voitelnitsakh iuzhnorusskikh stepei*. Rostov-na-Donu; Taganrog: IuFU.

Bogachenko, T. V., Maksimenko, V. E. 2008. Pogrebeniia «Zhenshchin s oruzhiem» epokhi rannego zheleza na Donu (metodologicheskie aspekty problemy izucheniia). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 9, s. 48-61.

Bogdanova, N. A., Gushchina, I. I., Loboda, I. I. 1967. Mogilnik Skalistoe III v Iugo-Zapadnom Krymu (I—III vv. n. e.). *Sovetskaia arkheologiia*, 4, s. 121-152.

Bogdanova, N. A. 1989. Mogilnik pervykh vekov nashei ery u s. Zavetnoe. *Trudy GIM*, 70: Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy, II, s. 18-70.

Vysotskaia, T. N. 1994. *Ust-Alminskoe gorodishche i nekropol*. Kiev: Kievskaia Akademiia Evrobiznesa.

Voloshinov, A. A., Masiakin, V. V. 2007. Pogrebeniia s oruzhiem iz nekropolia rimskogo vremeni u s. Zavetnoe v Iugo-Zapadnom Krymu (raskopki 2005—2006 gg.). In: Zaitsev, Iu. P., Mordvintsev, V. I. (eds.). *Drevniaia Tavrika*. Simferopol: Universum, s. 291-302.

Galmitdinova, A. Kh. 2016. Sotsialnye roli zhenshchiny v obshchestve rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala. *Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii», posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Konstantina Fedorovicha Smirnova: Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii*, s. 66-69.

Glebov, V. P. 2004. Khronologiia rannesarmatskoi i srednesarmatskoi kultur Nizhnego Podonia. *Doklady V mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii». Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoi khronologii*, s. 127-133.

Glebov, V. P. 2011. Pogrebalnaia obriadnost rannesarmatskoi kultury Nizhnego Podonia vo II—I vv. do n. e. *Materialy i issledovaniia po arkheologii iuga Rossii*, III: Pogrebalnyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii. Mezhdunarodnaia konferentsiia Rossii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii», s. 61-85.

Gushchina, I. I. 1967. O sarmatakh v Iugo-Zapadnom Krymu. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 40-51.

Gushchina, I. I., Zasetskaia, I. P. 1994. *«Zolotoe kladbishche» rimskoi epokhi v Prikubane*. Sankt-Peterburg: Farn.

Gushchina, I. I., Zhuravlev, D. V. 2016a. *Nekropol rimskogo vremeni Belbek IV v Iugo-Zapadnom Krymu*. Trudy GIM, 205. Moskva: GIM, 1.

Gushchina, I. I., Zhuravlev, D. V. 2016b. *Nekropol rimskogo vremeni Belbek IV v Iugo-Zapadnom Krymu*. Trudy GIM, 205. Moskva: GIM, 2.

Dashevskaia, O. D. 1991. *Pozdnie skify v Krymu*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-7. Moskva: Nauka.

Dashevskaia, O. D. 2014. *Nekropol Beliausa*. Simferopol: Feniks.

Klepikov, V. M. 2016. Rannesarmatskie muzhskie pogrebeniia s dvumia mechami (k voprosu o sotsialnom statuse). *Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii», posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Konstantina Fedorovicha Smirnova: Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii*, s. 104-109.

Koltukhov, S. G. 1999. *Ukreplenie Krymskoi Skifii*. Simferopol: Sonat.

Krivosheev, M. V. 2007. Vooruzhenie pozdnesarmatskogo vremeni nizhnego Povolzhia. *Doklady k VI mezhdunarodnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii». Vooruzhenie sarmatov: regionalnaia tipologiia i khronologiia*, s. 65-70.

Kurchatov, S. I., Bubulich, V. G. 2003. Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Oloneshty — 40 let spustia. In: Sava. E. (ed.). *Vzaimodeistvie kultur i khronologiia Severo-Pontiiskogo regiona*. Kishinev, s. 285-312.

Limberis, N. Iu., Marchenko, I. I. 2012. Pogrebenie sarmatskogo voina na nekropole meotskogo gorodishcha. *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia. Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, 191, s. 261-281.

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani*. Krasnodar: KGU.

Medvedev, A. P. 2004. Periodizatsiia i khronologiia pamiatnikov sarmatskogo vremeni na Srednem i Verkhnem Donu. *Doklady k V mezhdunarodnoi konferentsii: «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii». Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoi khronologii*, s. 86-94.

Medvedev, A. P. 2006. Etnokulturnye protsessy na Verkhnem Donu v sarmatskoe vremia (II v. do n. e. — III v. n. e.). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta: istoriia, politologiia, sotsiologiia*, 1, s. 33-45.

Medvedev, A. P. 2011. Fenomen Verkhnedonskikh mogilnikov v kontekste pozdnesarmatskikh i lesostepnykh kulturnykh traditsii. *Materialy i issledovaniia po arkheologii iuga Rossii*, III: Pogrebalnyi obriad rannikh kochevnikov. Mezhdunarodnaia konferentsiia, s. 277-293.

Medvedev, G. V. 2019. Tri pogrebeniia pervykh vekov nashei ery s mechami iz Ust-Alminskogo nekropolia. *Istoriia i arkheologiia Kryma*, IX, s. 100-113.

Mordvintseva, V. I. 2015. Paradnye mechi v pogrebalnom kontekste (na materiale pogrebenii elity Severnogo Prichernomoria III v. do n. e. — III v.n. e.). In: Savinov, D. G. (eds.). *Rannii zheleznyi vek Evrazii ot arkhaiki do rubezha er. Tsentry, periferiia i modeli kulturnykh vzaimodeistvii. Materialy nauchnoi nauchnoi tematicheskoi konferentsi*i. Sankt-Peterburg: Skifiia-print, s. 77-80.

Moshkova, M. G. 2004. Srednesarmatskie i pozdnesarmatskie pamiatniki na territorii Iuzhnogo Priuralia. *Doklady k V mezhdunarodnoi konferentsii: «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii». Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoi khronologii*, s. 22-44.

Murzyn, V. Yu., Shlajfer, V. G. 2009. Sarmats'ki kyndzhaly ta mechi iz zibrannya Muzeyu istoriyi zbroyi m. Zaporizhzhya. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiiu S. A. Skorogo*. Kiev; Poltava: IA NAN Ukrainy, s. 300-302.

Puzdrovskii, A. E. 2001a. Pogrebeniia Bitakskogo mogilnika pervykh vekov n. e. s oruzhiem i konskoi uzdoi. *Trudy GIM*, 118: Pozdnie skify Kryma, s. 122-140.

Puzdrovskii, A. E. 2001b. Politicheskaia istoriia Krymskoi Skifii vo II v. do n. e. — III v. n. e. *Vestnik drevnei istorii*, 3, s. 86-118.

Puzdrovskii, A. E. 2007. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnye pamiatniki*. Simferopol: Biznes-Inform.

Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A. 2016a. *Polevye issledovaniia Ust-Alminskogo nekropolia v 2008—2014 gg*. Ust-Alminskoe gorodishche i nekropol v Iugo-zapadnom Krymu, 1. Simferopol: Brovko A. A.

Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A. 2016b. Pogrebenie vonina iz Ust-Alminskogo nekropolia (mogila 848). *Istoriia i arkheologiia Kryma*, IV, s. 27-37.

Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A. 2017a. *Polevye issledovaniia Ust-Alminskogo nekropolia v 2004—2007 gg*. Ust-Alminskoe gorodishche i nekropol v Iugo-zapadnom Krymu, 2. Simferopol: Brovko A. A.

Puzdrovskii, A. E., Trufanov, A. A. 2017b. *Polevye issledovaniia Ust-Alminskogo nekropolia v 2000—2003 gg*. Ust-

Alminskoe gorodishche i nekropol v Iugo-zapadnom Krymu, 3. Simferopol: Brovko A. A.

Symonovich, E. A. 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo nekropolia Neapolia skifskogo).* Kiev: Naukova dumka.

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoria.* Sankt-Peterburg: SPbGU.

Simonenko, A. V. 2014. Periodizatsiia voennogo dela nomadov Evrazii v epokhu rannego zheleza. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A. I. Meliukovoi*. Rostov-na-Donu: IuNTs RAN, s. 329-344.

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaia Sarmatiia.* Saratov: SGU.

Skripkin, A. S. 2000. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoi kudtury sarmatov. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 3, s. 17-33.

Skripkin, A. S. 2010. Sarmatskie mechi s koltsevym naversh iem. *Sarmaty i Vostok. Izbrannye trudy k 70-letiiu avtora*. Volgograd: VGU, s. 335-357.

Skripkin, A. S. 2014. Klinkovoe oruzhie v razrabotke khronologii i nekotorykh voprosov etnopoliticheskoi istorii rannesarmatskoi kultury Volgo-Uralskogo regiona. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A. I. Meliukovoi*. Rostov-na-Donu: IuNTs RAN, s. 367-379.

Skripkin, A. S. 2016. O proiskhozhdenii mechei prokhorovskogo tipa. *Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii», posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Konstantina Fedorovicha Smirnova: Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii*, s. 264-274.

Treister, M. Iu. 2010. Oruzhie sarmatskogo tipa na Bospore v I—II vv. n. e. *Drevnosti Bospora*, 14, s. 484-561

Trufanov, A. A. 2005—2009. Khronologiia mogilnikov predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus*, 4, s. 111-328.

Trufanov, A. A., Mordvintseva, V. I. 2016. Voinskoe pogrebenie serediny I v. n. e. iz Ust-Alminskogo nekropolia (Iugo-Zapadnyi Krym). *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2, s. 196-212.

Trufanov, A. A., Masiakin, V. V. 2019. Rimskii mech iz Ust-Alminskogo nekropolia (Iugo-Zapadnyi Krym). *Stratum plus*, 4, s. 133-145.

Uzhentsev, V. B. 2006. *Elliny i varvary Prekrastnoi Gavani (Kalos Limen v IV v. do n. e. — II v. n. e.).* Simferpol: Sonat.

Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov.* Moskva: Nauka.

Khrapunov, I. N. 2007. Pogrebenie voina 2 v. n. e. iz mogilnika Opushki. In: Zaitsev, Iu. P., Mordvintseva, V. I. (eds.). *Drevniaia Tavrika.* Simferopol: Universum, s. 115-124.

Khrapunov, I. N. 2010. Oruzhie iz mogilnika Neizats. *Terra Barbarica. Monumenta archeologica Barbarica*, II, s. 535-556.

Khrapunov, I. N., Masiakin, V. V., Muld, S. A. 1997. Pozdneskifskii mogilnik u s. Kolchugino. *Bakhchisaraiskii istoriko kulturnyi sbornik*, 1, s. 76-155.

Shevchenko, E.B. 2014. «Amazonki» Iuzhnogo Priuralia v savromatskoe vremia: mif i realnost (istoreograficheskii obzor). In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati A. I. Meliukovoi*. Rostov-na-Donu: IuNTs RAN, s. 407-416.

Shcheglov, A. N. 1978. *Severo-Zapadnyi Krym v antichnuiu epokhu.* Leningrad: Nauka.

Iatsenko, S. A. 2015a. O nekotrykh storonakh voennoi organizatsii drevnikh kochevnikov evropeiskoi Stepi. *Znanie, Ponimanie, Umenie*, 1, s. 171-182.

Iatsenko, S. A. 2015b. Gruppy elity u sarmatov. In: Dashkovskii, P. K. (ed.). *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii*. Barnaul: AGU, s. 86-98.

Mordvintseva, V. N. 2016. Decorated swords as emblems of power on the steppes of the northern black sea region (3rd C. BC. — 3rd C. AD). *Anabasis. Studia Ciassica et Orientalia*, 6 (2015), s. 174-215.

Puzdrovskij. A. E., Zajcev, J. P. 2004. Prunkbestattungen des I Jh. n. C. in der Nekropole Ust-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999. *Eurasia antiqua*, 10, S. 229-267.

G. V. Medvedev

SWORDS AND DAGGERS IN THE FUNERAL RITUAL OF THE UST-ALMA NECROPOLIS

In terms of the number of weapons the Ust-Alma necropolis stands out among the Late Scythian sites of the Crimea.

The paper deals with burials accompanied by swords and daggers. Their types, quantity and chronology are defined in the paper. The main role of the bladed weapons in the funeral rite played its functional purpose but besides this it could have the sacred meaning or play the role of the social indicator in the military elite, female and children burials. The analysis of the burial assemblages showed that the large role in the burial rite of the Ust-Alma necropolis was played by bladed weapons.

From the mid-1st century AD. the number of bladed weapons in the burial assemblages of Ust-Alma necropolis increased. In the 1st century AD. Chersonesos and most of the Crimea (including the Late Scythian state) were controlled by the Bosporan kingdom. Crimean Scythia participated in the Roman-Bosporan war as the ally of Bosporus. In the 2nd century AD. the military actions of the Bosporan army also took place on the territory of the Crimean Scythia. This phenomena was reflected in the funeral rite.

In the first centuries AD. the traditions of the funeral rite characteristic for the Sarmatian Age population of the steppe regions of Northern Pontic area and the Volga region have appeared at the necropolis. This was reflected in a number of single but special features of the rite. In addition, there are changes in the ethnic and social structures of the population of the Ust-Alma Late Scythian settlement. Together with the public elite, the military one had formed whom graves are distinguished by rich grave goods (precious metal, bronze dishes, amphorae, horse bridle).

The funeral rite of the Ust-Alma necropolis has many similarities with the funeral rite of the Sarmatians in the Don and Kuban regions and the Asian Bosporus.

Keywords: Late Scythian culture, burials with weapons, Sarmatians, swords and daggers.

Одержано 25.05.2020

МЕДВЕДЄВ Геннадій Володимирович, молодший науковий співробітник, вул. Ялтинська 2, Сімферополь, Автономна Республіка Крим, 95007, Україна.

MEDVEDEV Gennady V., Research Officer, Crimean Branch, Yaltinskaya Str., 2, Simferopol, Autonomous Republic of Crimea, 95007, Ukraine.

ORCID: 0000-0003-0977-8321, e-mail: medvedgen@gmail.com.

УДК [904.3:904.5](470.62)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.17

С. В. Воронятов

ФАЛАРЫ КОНСКОГО ОГОЛОВЬЯ ИЗ КУРГАНА 1 НА ЗУБОВСКОМ ХУТОРЕ

В статье обосновывается альтернативная атрибуция семи так называемых поясных блях из сарматского погребения кургана 1 на Зубовском хуторе в Прикубанье (I в. до н. э. — I в. н. э.). Отсутствие аналогий среди поясной гарнитуры и близкие аналогии в сарматском церемониальном конском снаряжении позволяют отнести анализируемые предметы к фалярам конского оголовья.

Ключевые слова: *курган 1 на Зубовском хуторе, Прикубанье, сарматы, конское снаряжение, фалары, стекло миллефиори.*

Курганы на Зубовском хуторе в Прикубанье, в 20 верстах от станицы Тенгинской, были раскопаны в 1899 г. За прошедшее время материалы памятника часто фигурировали в археологической литературе и были датированы широким отрезком времени — I в. до н. э. — I в. н. э. Яркие и уникальные вещи из погребальных комплексов курганов 1 и 2 украшают каталоги выставок и альбомы, посвященные ранним кочевникам Евразии и древним сокровищам Кубани (Анфимов 1987; 2011; L’Or… 1995, p. 46, 47; Засецкая 2010, с. 277—284). Однако среди них есть предметы, функциональное назначение которых остается неоднозначным и дискуссионным. К таковым относятся и бляхи (рис. 1; 2; 3: 1, 4), названные в первой публикации «поясными» (Думберг 1901, с. 94).

До наших дней комплект из семи предметов сохранился не полностью. В Государственном Эрмитаже экспонируются лишь шесть поступивших в 1904 г. на хранение блях. Седьмая (рис. 2: 3) была продана раскопщиками еще в 1899 г. (Думберг 1901, с. 94). Золотые изделия представляют собой объемные диски, пять круглых (Инв. № 2234/2) и один овальный (Инв. № 2234/1), с крупными стеклянными вставками по центру и мелкими по краям (рис. 1; 2; 3: 1, 4). Между мелкими вставками голубого и красного цветов поле круглых блях украшено орнаментом в виде сердечек и волют из напаянной рубчатой золотой проволоки. Она же обрамляет края блях и гнездо центральной вставки. Некоторые детали оформления овальной бляхи (рис. 3: 1; 4: 4) отличаются от оформления круглых. На оборотной стороне изделий припаяны золотые пластинчатые петли (Гущина, Засецкая 1989, с. 114).

А. В. Симоненко, реконструируя в своей книге облик всадника, погребенного в кургане 1, допустил, что рассматриваемые бляхи могли украшать не пояс человека, а конское оголовье (Симоненко 2010, с. 118, рис. 87, цв. вклейка; 2015, цв. вклейка 3: 1; 2012 с. 302). Ранее такая интерпретация звучала в статье А. П. Манцевич (Манцевич 1976, с. 179, рис. 19: 1—7) и вскользь была упомянута М. Ю. Трейстером (Трейстер 2007, с. 292). Высказывалось и сомнение по ее поводу (Шаров 2008, с. 299). Кроме двух предложенных вариантов атрибуции в литературе можно встретить еще один, о нем далее. В чем же причина неоднозначности определения предметов? Для того чтобы ответить на этот вопрос и отдать предпочтение одной из версий, необходимо кратко остановиться на истории изучения этого памятника.

Можно предположить, что качество раскопок курганов на Зубовском хуторе было далеким от приемлемого даже для конца XIX в. уровня. Раскопки проводил мещанин Забродин, и именно его слова легли в основу первой публикации материалов. Согласно им, рассматриваемые бляхи были найдены «при

© С. В. ВОРОНЯТОВ, 2020

Рис. 1. Фалары конского оголовья с центральными вставками из стекла в технике миллефиори из кургана 1 на Зубовском хуторе (здесь и далее рисунки автора)

костяке» и определены как поясные (Думберг 1901, с. 94). Важно акцентировать внимание на том, что все-таки не на костяке, а при нем. Таким образом, уже на этапе прочтения статьи К. Е. Думберга возникают сомнения в корректности всех изложенных сведений. Но даже если им довериться, можно отметить отсутствие четких данных о находке блях на тазовых костях или в районе пояса погребенного, что давало бы основание называть их поясными.

Однако, первое определение с тех пор закрепилось в литературе (Гущина, Засецкая 1989, с. 114; Щукин 1992, с. 105; Мордвинцева 2007, с. 207; Marčenko, Limberis 2008, Taf. 8: 1a, b). Г. Е. Кизерицкий, М. И. Ростовцев и Э. Миннз называли бляхи пуговицами, поясным набором или украшениями ремня (Kiezeritzky 1901, S. 55; Minns 1913, p. 230; Ростовцев 1925, с. 570). Н. В. Анфимов, включив в свою книгу только один из шести уцелевших экземпляров (рис. 1: 1; 4: 1), ошибочно определил его как фибулу-брошь (Анфимов 1987, с. 206). Впервые это определение появляется в книге «Iranians and Greeks in South Russia» (Rostovtzeff 1922, p. 127, 128, fig. 16: 4). После работы Н. В. Анфимова заблуждение фигурирует и в книге М. П. Абрамовой (Абрамова 2007, с. 136).

Разночтения присутствуют и в описании облика предметов. В первой публикации сказано, что это бляхи «*со вставками разноцветных стеклышек и камней или цветной мастики*» (Думберг 1901, с. 94). Центральные вставки назывались стеклами с пламенеющим рисунком и разбросанными цветами (Kiezeritzky 1901, S. 55), хрустальными (Ростовцев 1925, с. 570), из цветного стекла (Rostovtzeff 1922, p. 128; Манцевич 1976, с. 187), из стекла, имитирующего агат (Трейстер 2007, с. 284, 292). В действительности же мелкие вставки выполнены из глухого голубого и красного стекла (Гущина, Засецкая 1989, с. 114). Центральные вставки двух блях (рис. 2: 1, 2; 4: 5, 6) являются темным стеклом с последствиями иризации на поверхности. Четырем центральным вставкам осталь-

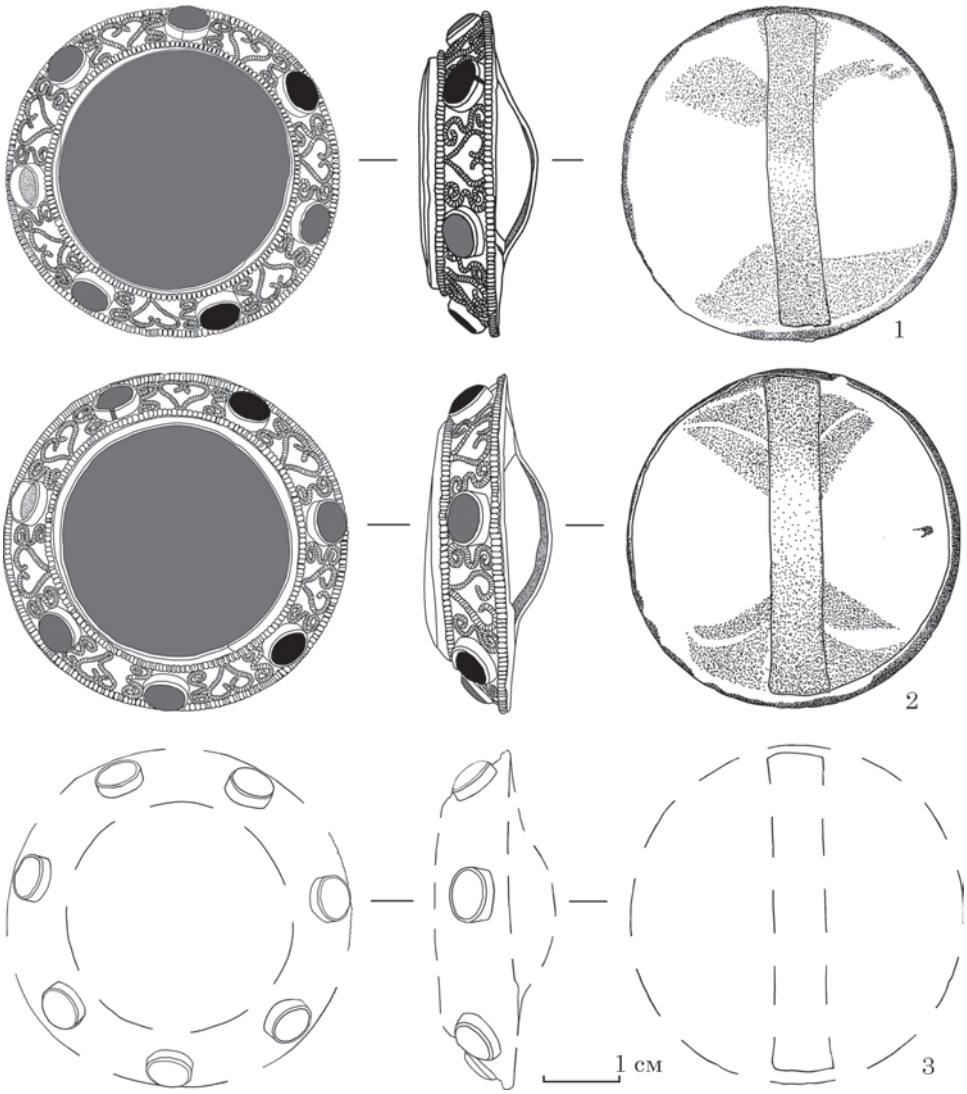


Рис. 2. Фалары конского оголовья с центральными вставками из темного стекла из кургана 1 на Зубовском хуторе (3 — утраченный фалар)

ных блях (рис. 1; 3: 1; 4: 1—4) наиболее верное определение дано в работе И. И. Гущиной и И. П. Засецкой. Исследовательницы употребляют термин «полихромное стекло» (Гущина, Засецкая 1989, с. 114). Верное определение дает и М. Б. Щукин, назвав вставки стеклом миллефиори (Щукин 1992, с. 105). Они, вероятней всего, были сделаны из осколков четырех разных сосудов, выполненных в этой технике. Подобные чаши и их осколки встречаются в материалах богатых сарматских комплексов второй половины I — начала II в. н. э. (Симоненко 2011а, с. 70—77).

Сосуществование в современной литературе несовпадающих описаний рассматриваемых предметов и нескольких вариантов определения их назначения связано с тремя причинами. Во-первых, низкий уровень раскопок и фиксации. Во-вторых, отсутствие качественной публикации полного состава комплекта изделий. В-третьих, отсутствие до второй половины XX в. аналогичных наборов блях, надежно зафиксированных в археологическом контексте.

Почему же вынесенная в название статьи версия о том, что бляхи из кургана 1 служили фалярами конского оголовья, представляется мне единственно верной? За долгий период, начиная с момента раскопок курганов на Зубовском хуторе, материалы сарматских погребальных комплексов многократно увеличились. Ни в одном из них не был зафиксирован набор подобных изделий, который можно было бы отнести к украшениям пояса погребенного. Напротив, комплектов фаларов конской упряжи известно к настоящему времени достаточно, и по многим параметрам оформления и устройства они близки находкам из кургана 1 на Зубовском хуторе. Далеко не последнюю роль играет и количество фаларов в этих комплектах.

Комплекс, с которым можно было бы сравнить зубовские фалары еще в начале XX в. — это одно из конских погребений большого кур-

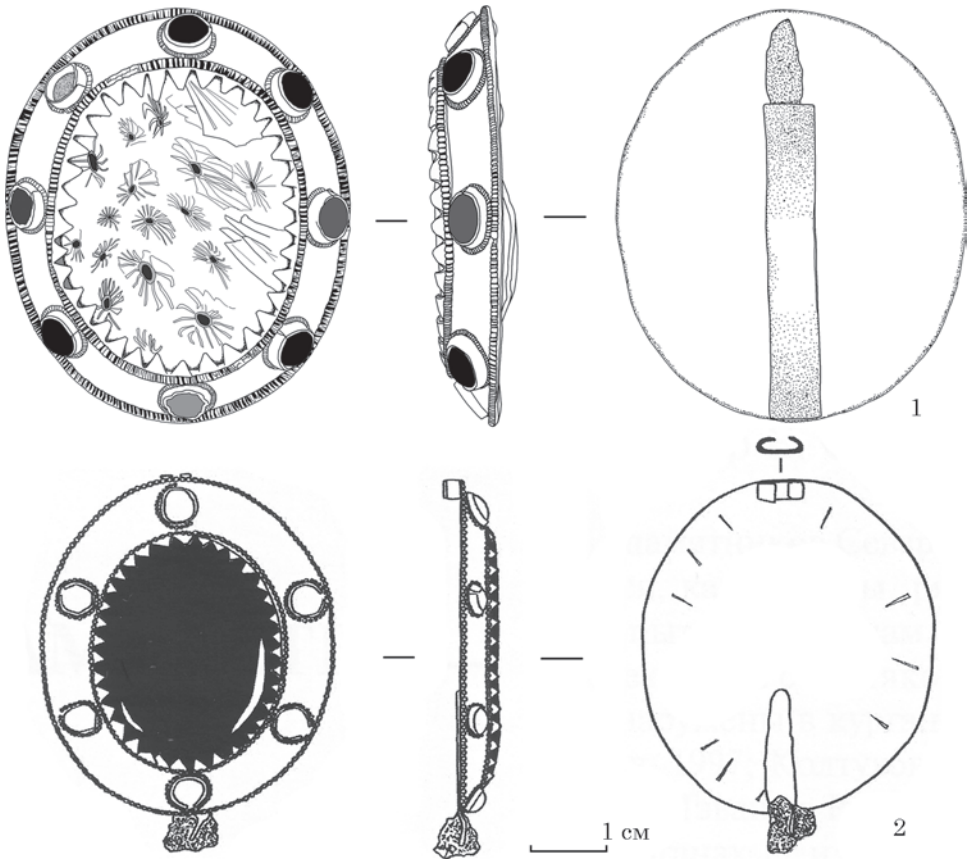


Рис. 3. Фалар конского оголовья с центральной вставкой из стекла в технике миллефиори и фибула-брошь (1 — курган 1 на Зубовском хуторе; 2 — Камова Могила (по: Симоненко 2012))

гана Васюриной горы. У меня нет возможности останавливаться на дискуссии по поводу хронологии этого сложного материала (Шаров 2008, с. 299—301; Симоненко 2011b, с. 600—602), однако следует обратить внимание на то, что комплект изделий с крупными стеклянными вставками из этого кургана состоит из одного овального и шести круглых фаларов (Ростовцев 1914, табл. XVIII: 1, 2), что соответствует зубовским находкам. Совпадает и способ крепления на ремни оголовья: на оборотной стороне круглых фаларов есть пластинчатые петли. Как крепился крупный овальный фалар, остается неясным.

Я не хочу сказать, что эти параллели прямо свидетельствуют о стилистической и хронологической близости двух комплектов изделий, имеющих существенный ряд отличий в размерах, технике изготовления и декорировании. Но следует предположить, что оба оголовья могли быть оформлены по одной универсальной схеме, в которой оптимальным количеством фаларов было шесть—семь, а один из элементов (фалар в центре храпа) мог отличаться от остальных (если их было семь). Есть мнение, что подобная схема (вариант 2 типа 1 декоративных упряжных наборов по В. И. Мордвинцевой) появилась еще до эпохи эллинизма «на Востоке, скорее всего, в Иране» (Mordvinceva 2001, S. 49, 68, Abb. 9: 1B).

Принципу такой функциональной схемы соответствует материал, собранный и проанализированный А. В. Симоненко: наборы круглых блях в «странных комплексах» (III—I вв. до н. э.) Бедражий Векь, Веселая Долина, Великоплоское, Семеновка; набор того же хронологического периода из Антиповки (6 шт.); набор среднесарматского времени из Запорожского кургана (6 шт.; Симоненко 2010, с. 173-180; 2015, с. 242, 243, рис. 86: 4; Манцевич 1976, с. 178, рис. 5).

К перечисленным памятникам следует добавить комплексы сарматских захоронений, время совершения которых является предметом неутихающих дискуссий. Но именно они, на мой взгляд, могут быть наиболее близки культурно и хронологически погребению кургана 1 на Зубовском хуторе. В материалах погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье присутствует комплект из семи уздечных блях (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, с. 161, 163, рис. 14; I tesori… 2005, cat. 87). Такое же количество фаларов конского оголовья было найдено в сарматском комплексе, исследованном недалеко от п. Яшкуль в Калмыкии (Очир-Горяева, Лапа 2002, с. 202, рис. 3; 2019, с. 10, рис. 6; Otchir-Goriaeva 2002, S. 357, Abb. 5).

Также можно упомянуть фалары церемониального конского снаряжения из тайников сарматских курганов второй половины I — начала II в. н. э. Садовый и Дачи в Нижнем Подонье и Жутово в Волго-Донском междуречье. Их количество — 12 (Садовый), 9 (Дачи) и 8 (Жутово) превышает число зубовских фаларов, но они нам интересны прежде всего способом крепления к ремням оголовья и в случае с предметами из Дач — оформлением. На тыльных сторонах фаларов из этих трех комплексов так же, как и на зубовских, присутствуют пластинчатые петли (Raev 1986, pl. 34; Мордвинцева 1999, с. 42, рис. 2: 2; Клейн 2016, с. 162; Беспалый, Лукьяшко 2018, с. 212, рис. 115).

Приведенные примеры свидетельствуют в пользу того, что семь фаларов из погребения 1 на Зубовском хуторе украшали конское оголовье. Таким образом, исследователи, допускающие именно такое употребление этих вещей, в своих догадках не ошибаются. В классификации В. И. Мордвинцевой, семь малых зубовских фаларов ремней оголовья можно отнести к типу 5 с характеристиками вариантов А и Е (Mordvinceva 2001, S. 48, 67).

В заключение коснусь одного интересно аспекта, касающегося конструкции и оформления зубовских фаларов. А. В. Симоненко справедливо подметил, что овальный экземпляр (рис. 3: 1; 4: 4) схож с золотой фибулой (рис. 3: 2) из комплекса сарматского погребения в кургане Камова Могила на правобережье Днепра (вторая половина I — начало II в. н. э.). Все элементы оформления фалара и фибулы не просто близки, а в большинстве деталей повторяют друг друга: поле украшено круглыми вставками глухого стекла голубого, зеленоватого и красного цветов (разница в количестве — 8 и 6), центральная стеклянная вставка расположена на «подушке» из желтовато-серого порошка (высохшая «мастика»?) и заключена в каст с треугольными зубчиками по краю, рубчатая проволока обрамляет касты круглых вставок, центральный каст и весь щиток по краю (Симоненко 2012, с. 296, 302, рис. 2: 2). Эти параллели свидетельствуют о том, что вещи сделаны по единому замыслу, возможно, даже в одной мастерской.

Но наибольший интерес представляет сходство в одной малозаметной конструктивной детали на тыльных сторонах предметов. На фибуле из Камовой Могилы по длинной оси противопоставлены приемник и остатки железного пружинного аппарата, который крепился на выступе с отверстием припаянной к корпусу маленькой золотой пластинки (рис. 3: 2). На тыльной стороне овального зубовского фалара припаяна пластинчатая петля для пропускания ремня. Но кроме нее, есть еще

Рис. 4. Фалары конского оголовья из кургана 1 на Зубовском хуторе (© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020. Фотограф В. С. Теребенин)

фрагмент другой припаянной маленькой пластины (рис. 3: 1), функционально бесполезной, но схожей с присутствующей на фибуле из Камовой Могилы. Возникает вопрос, не является ли эта деталь (остатки держателя пружинного аппарата?) свидетельством того, что вещь не сразу была изготовлена для состава комплекта фаларов, а первоначально служила фибулой-брошью, и лишь позже была функционально переоснащена? Может быть, именно поэтому один фалар из семи отличается овальной формой и меньшим количеством декора?

Против такого предположения свидетельствует большая стеклянная вставка на овальном фаларе (рис. 3: 1; 4: 4), выполненная из осколка чаши в технике миллефиори, так же, как и на трех круглых экземплярах. Эта редкая, если не уникальная, особенность выбора материала для вставок может все-таки говорить о всех зубовских фаларах, как о едином комплекте, изготовленном одновременно по четкому замыслу. К сожалению, утверждать что-либо наверняка невозможно, реконструкций последовательности действий мастера и разных сопутствующих обстоятельств может быть множество. Но в том, что бляхи из кургана 1 на Зубовском хуторе использовались именно в качестве фаларов конского оголовья, сомневаться не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, М. П. 2007. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры. *Материалы и исследования по археологии России*, 8: Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой, с. 11-188.

Анфимов, Н. В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Анфимов, Н. В. 2011. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Традиция.

Беспалый, Е. И., Лукьяшко С. И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника*. 2: Курганный могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Гущина, И. И., Засецкая, И. П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.). *Труды ГИМ*, 70: Археологические исследования на юге Восточной Европы, с. 71-141.

Дворниченко, В. В., Федоров-Давыдов, Г. А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области. *Вестник древней истории*, 3 (206), с. 141-179.

Думберг, К. Е. 1901. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. *Известия императорской археологической комиссии*, 1, с. 94-103.

Засецкая, И. П. 2010. Древности Прикубанья римской эпохи. В: Бонгард-Левин, Г. М., Кузнецов, В. Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. III. Москва: Наука, с. 276-292.

Клейн, Л. С. 2016. *Первый век: сокровища сарматских курганов*. Санкт-Петербург: Евразия.

Манцевич, А. П. 1976. Находка в Запорожском кургане (к вопросу о сибирской коллекции Петра I). В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука. с. 164-193.

Мордвинцева, В. И. 1999. Набор фаларов из кургана 28 могильника Жутово Волгоградской области. *Нижневолжский археологический вестник*, 2, с. 42-51.

Мордвинцева, В. И. 2007. Сарматский полихромный звериный стиль. В: Мордвинцева, В., Трейстер, М. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. (2 в. до н. э. — 2 в. н. э.)*. I. Симферополь; Бонн, с. 195-244.

Очир-Горяева, М. А., Лапа, Н. Л. 2002. Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея. *Вестник древней истории*, 3 (242), с. 200-205.

Очир-Горяева, М. А. 2019. Погребение воина-всадника из курганной группы Яшкуль. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*, 4, с. 5-60.

Ростовцев, М. И. 1914. *Античная декоративная живопись на Юге России*. Санкт-Петербург.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград.

Симоненко, А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Симоненко, А. В. 2011a. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Симоненко, А. В. 2011b. Конский убор из большого кургана Васюринской горы. *Боспорский феномен*: население, языки и контакты, с. 598-602.

Симоненко, А. В. 2012. Сарматское погребение в кургане Камова Могила. В: *Золото, конь и человек*. Киев: Скиф, с. 295-307.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев: Олег Филюк.

Трейстер, М. Ю. 2007. Техника изготовления и элементы декора. В: Мордвинцева, В., Трейстер, М. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье (2 в. до н. э. — 2 в. н. э.)*. I. Симферополь; Бонн, с. 245-305.

Шаров, О. В. 2008. О конских погребениях Большого кургана Васюриной горы. *Боспорские исследования*, XXII, с. 283-323.

Щукин, М. Б. 1992. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан. В: Раев, Б. А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир*. I. Новочеркасск, с. 103-130.

I tesori… 2005. *I tesori della steppa di Astrakhan*. Milano.

Kiezeritzki, G. 1901. Funde in Südrussland. *Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut*, 2: Archäologischen Anzeiger, S. 55-57.

L'Or… 1995. *L'Or des Sarmates*. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans L'Antiquite: Exh. cat. Abbaye de Daoulas.

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I., Limberis, N. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz.

Mordvinzeva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden.

Otchir-Goriaeva, M. A. 2002. Das sarmatische Grab von JaškuL', Kalmykien. *Eurasia Antiqua*, 8, S. 353-387.

Raev, B. A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. British Archaeological Reropts. International Series, 278. Oxford.

Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

REFERENCES

Abramova, M. P. 2007. Kurgannye mogilniki Severnogo Kavkaza pervykh vekov nashej ery. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii*, 8: Severnyj Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke. Sbornik pamyati M. P. Abramovoj, s. 11-188.

Anfimov, N. V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani*. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatelstvo.

Anfimov, N. V. 2011. *Drevnee zoloto Kubani*. Krasnodar: Traditsiya.

Bespalyj, E. I., Lukyashko S. I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurechya Dona i Kagalnika*. 2: Kurgannyj mogilnik u s. Novoaleksandrovka. Rostov-na-Donu: YuNC RAN.

Dvornichenko, V. V., Fyodorov-Davydov, G. A. 1993. Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n. e. u s. Kosika Astraxanskoj oblasti. *Vestnik drevnej istorii*, 3 (206), s. 141-179.

Dumberg, K. E. 1901. Raskopka kurganov na Zubovskom xutore v Kubanskoj oblasti. *Izvestija imperatorskoj arkheologicheskoj komissii*, 1, s. 94-103.

Gushhina, I. I., Zaseczkaya, I. P. 1989. Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskogo tipa iz raskopok N. I. Veselovskogo v Prikubanie (I v. do n. e. — nachalo II v. n. e.). *Trudy GIM*, 70: Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoj Evropy, s. 71-141.

Klejn, L. S. 2016. *Pervyj vek: sokrovishcha sarmatskikh kurganov*. Sankt-Peterburg: Evraziya.

Manczevich, A. P. 1976. Nakhodka v Zaporozhskom kurgane (k voprosu o sibirskoj kollektsii Petra I). In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskij zverinyj stil v iskusstve narodov Evrazii*. Moskva: Nauka. s. 164-193.

Mordvinczeva, V. I. 1999. Nabor falarov iz kurgana 28 mogilnika Zhutovo Volgogradskoj oblasti. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 2, s. 42-51.

Mordvinczeva, V. I. 2007. Sarmatskij polikhromnyj zverinyj stil. In: Mordvinczeva, V., Trejster, M. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomorie (2 v. do n. e. — 2 v. n. e.)*. I. Simferopol; Bonn, s. 195-244.

Ochir-Goryaeva, M. A., Lapa, N. L. 2002. Kompleks sarmatskogo voinskogo pogrebeniya iz fondov Kalmytskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeya. *Vestnik drevnej istorii*, 3 (242), s. 200-205.

Ochir-Goryaeva, M. A. 2019. Pogrebenie voina-vsadnika iz kurgannoj gruppy Yashkul. *Byulleten Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, 4, s. 5-60.

Rostovczev, M. I. 1914. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis na Yuge Rossii*. Sankt-Peterburg.

Rostovczev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkheologicheskikh*. Leningrad.

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoriya*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Simonenko, A. V. 2011a. *Rimskij import u sarmatov Severnogo Prichernomoriya*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Simonenko, A. V. 2011b. Konskij ubor iz bolshogo kurgana Vasyurinskoj gory. *Bosporskij fenomen*: naselenie, yazyki i kontakty, s. 598-602.

Simonenko, A. V. 2012. Sarmatskoe pogrebenie v kurgane Kamova Mogila. In: *Zoloto, kon i chelovek*. Kiev: Skif, s. 295-307.

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoriya*. Kiev: Oleg Filyuk.

Trejster, M. Yu. 2007. Tekhnika izgotovleniya i elementy dekora. In: Mordvinczeva, V., Trejster, M. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomorie (2 v. do n. e. — 2 v. n. e.)*. I. Simferopol; Bonn, s. 245-305.

Sharov, O. V. 2008. O konskikh pogrebeniyakh Bolshogo kurgana Vasyurinoj gory. *Bosporskie issledovaniya*, XXII, s. 283-323.

Shchukin, M. B. 1992. Nekotorye zamechaniya k voprosu o khronologii zubovsko-vozdvizhenskoj gruppy i probleme rannikh alan. In: Raev, B. A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskij mir*. I. Novocherkassk, s. 103-130.

I tesori… 2005. *I tesori della steppa di Astrakhan*. Milano.

Kiezeritzki, G. 1901. Funde in Südrussland. *Jahrbuch des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Institut*, 2: Archäologischen Anzeiger, S. 55-57.

L'Or… 1995. *L'Or des Sarmates*. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans L'Antiquite: Exh. cat. Abbaye de Daoulas.

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I., Limberis, N. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz.

Mordvinzeva, V. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien, 11. Rahden.

Otchir-Goriaeva, M. A. 2002. Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia Antiqua*, 8, S. 353-387.

Raev, B. A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. British Archaeological Reropts. International Series, 278. Oxford.

Rostovtzeff, M. 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

S. V. Voroniatov

PHALERAE THE DECORATION OF HORSE HEADGEAR FROM BARROW 1 ON ZUBOVSKI KHUTOR

The reasons for the alternative attribution of seven gold belt plates from the Sarmatian burial of the barrow 1 near Zubovski Khutor at the Kuban river region (1st century BC — 1st century AD) are proposed in the paper. During the period from the moment of excavations of this barrow (1899) three variants of the interpretation for these findings have been offered: as the belt decorations (K. E. Dumberg, I. I. Gushchina, I. P. Zaseczkaya, M. B. Shchukin, V. I. Mordvintseva, etc), and as the fibula-brooch (M. I. Rostovczev, N. V. Anfimov, M. P. Abramova) or phalerae for ceremonial horse harness (A. P. Manczevich, M. Yu. Treister, A. V. Simonenko).

The barrow was excavated by amateur and the methodic level of this work was poor. Due to the circumstances it seems inappropriate trust the data from the first publication of the findings. The belt plates version has no parallels among findings and materials from various Sarmatian burial assemblages since 1899. We There were no findings of plates decorating the belt. The interpretation of these items as fibula-brooch proves to be false as the plates did not equipped with pins and spring devices at their backsides.

The correct interpretation for the plates seems to be phalerae of the horse headgear. This version is proved with well documented findings of horse equipment of the 1st—2nd centuries AD which contains from 6 to 12 phalerae of the similar size. It is also known the horse equipment containing just seven phalerae which decorate the headgear — from the burials in Kosika (Lower Volga region) and in Yashkul (Kalmykia). The important factor seems to be the way of fixing of these items to the straps of horse equipment. One can see the laminar wirers on the back of one phalera founded in the barrow 1 near Zubovski Khutor.

Keywords: barrow 1 on the Zubovski Khutor, Kuban region, Sarmatians, Horse harness, Phalerae, Millefiori glass.

С. В. Воронятов

ФАЛАРИ КІНСЬКОГО УБОРУ З КУРГАНУ 1 НА ЗУБОВСЬКОМУ ХУТОРІ

У статті запропоновано підстави для альтернативної атрибуції семи золотих блях з сарматського поховання кургану 1 поблизу Зубовського хутора в Закубанні (I ст. до н. е. — I ст. н. е.). З часу розкопок цього кургану (1899 р.) запропоновано три варіанти тлумачення цих знахідок: поясні прикраси (К. Е. Думберг, І. І. Гущина, І. П. Засецька, М. Б. Щукін, В. І. Мордвинцева та ін.), фібула-брошка (М. І. Ростовцев, Н. В. Анфімов, М. П. Абрамова) або фалари церемоніальної кінської упряжі (А. П. Манцевич, М. Ю. Трейстер, О. В. Симоненко).

Курган розкопали аматори, і методичний рівень розкопок був низьким. З огляду на обставини, здається, недоцільно довіряти даним першої публікації. Версія з поясними бляхами не має паралелей серед знахідок та матеріалів різних сарматських поховальних комплексів з 1899 р. У нас не було виявлено сарматських поясних блях. Інтерпретація цих предметів як фібули-брошки виявляється помилковою, оскільки бляхи не обладнані голками та пружинними пристроями на зворотньому боці.

Правильним тлумаченням блях, здається, є визнання їх фалярами кінського вбрання. Ця версія підтверджується добре задокументованими знахідками кінної збруї I—II ст. н. е., яка містить від 6 до 12 фаларів подібного розміру. Відомо також кінське спорядження, яке містить всього сім фаларів, що прикрашають вузду — поховання у Косикі (Нижня Поволжя) та в Яшкулі (Калмикія). Важливим фактором, здається, є спосіб кріплення цих предметів до ременів збруї. На звороті фаларів в кургані 1 поблизу Зубовського Хутора збереглися пластинчасті петлі.

Ключові слова: курган 1 на Зубовському хуторі, басейн Кубані, сармати, кінське спорядження, фалари, скло міллефіорі.

Одержано 13.04.2020

ВОРОНЯТОВ Сергій Вячеславович, кандидат історичних наук, молодший науковий співробітник, Державний Ермітаж, Дворцовая набережна, 34, Санкт-Петербург, 191181, Росія.
VORONIATOV Sergey, Candidate of Historical Sciences (PhD), Research Officer, the State Hermitage Museum, Palace Embankment, 34, St. Petersburg, 191181, Russia.
ORCID: 0000-0002-7096-4468, e-mail: s.voroniatov@gmail.com.

УДК [904.23:904.5](477.74)”1/2” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.18

О. М. Дзиговський, Д. О. Масюта

АМФОРНА ТАРА З САРМАТСЬКИХ ПОХОВАЛЬНИХ ПАМ’ЯТОК БУДЖАКА (остання третина II—III ст. н. е.)

В статті розглянуто амфорний матеріал, що походить з сарматських поховальних комплексів Буджака останньої третини II—III ст. н. е. Колекція даної тари складається з амфор варіантів C IVC і C IVD за С. Ю. Внуковим, варіанту I B за А. Опайцем та посудин невизначених різновидів. В свою чергу, амфори C IVD можуть бути розділені на підваріанти C IVD$_1$ та C IVD$_2$.

Ключові слова: *римський час, Буджацький степ, сарматські поховальні комплекси, амфори, винна тара.*

Знахідки амфорної тари в сарматських комплексах зазначеної території порівняно не чисельні. Вони відомі в самих могилах сарматів, культових ямах, насипах та ровах поховальних споруд цих кочовиків і репрезентовані як цілими посудинами так і, у переважній більшості, їхніми фрагментами. Незважаючи на те, що матеріальна культура сарматів Буджака тривалий час перебуває під пильною увагою вчених, ця категорія археологічного матеріалу дуже рідко була об’єктом спеціальних досліджень. Окремі екземпляри керамічної тари з Буджаку розглядаються в монографії О. В. Симоненко, присвяченій римським імпортам у сарматів Північного Причорномор’я (Симоненко 2011, с. 145—148, 235, рис. 88: 2—5; 89). Нещодавно було опубліковано статтю А. Попи, в якій досліджувався амфорний імпорт варварських племен, що мешкали на територіях, розташованих поблизу від кордонів римських провінцій Дакія та Нижня Мезія (Popa 2016). В ній враховано лише частину з опублікованих посудин, виявлених у Дунай-Дністровському межиріччі. До того ж ідентифікація окремих знахідок доволі суперечлива.

Метою нашої статті є ретельне вивчення амфорної тари, що надходила до сарматів Буджака в останній третині II—III ст. н. е. Для цього до наукового обігу вводяться матеріали археологічних розкопок курганних могильників на півдні Одеської області [1]. Також розглядаються вже опубліковані знахідки керамічної тари.

Амфори варіанту C IVC за С. Ю. Внуковим. В археологічній літературі амфори, котрі будуть розглянуті нижче, найчастіше відносять до типу С за Д. Б. Шеловим (Шелов 1978, с. 18, рис. 6). Проте С. Ю. Внуков аргументовано довів, що вони є одним з варіантів тривало існуючого типу світлоглиняної вузькогорлої тари (C IV; Внуков 2003, с. 118; Внуков 2006, с. 16, рис. 1: 9).

Для цього різновиду амфорної тари притаманне високе вузьке горло, що поступово розширюється до низу. Вінець оформлений у вигляді валика, максимально розширеного у верхній частині, та з чітким вертикальним виступом. Ручки овальні в перетині, з зовнішнього боку профільовані асиметричним гребенем, розсіченим глибоким повздовжнім врізом. Одним кінцем вони кріпляться до горла, під вінцем, а іншим — до нижньої частини плечиків посудини. Реберчастий тулуб має яйцеподібну форму та плавно переходить у ніжку в вигляді вузького кільцевого піддону, що розширюється донизу (Внуков 2016, с. 41, 43, рис. 1: 11, 12; 4: 3—10).

Досліджувані посудини виготовлені з керамічної маси, типової для всіх світлоглиняних вузькогорлих амфор. Вона доволі крихка, має колір жовтого, темно-жовтого та, інколи, червоного відтінків. Зміни в забарвленні черепка викликані порушеннями в режимі обпалу кера-

1. Матеріали зберігаються в фондах Одеського археологічного музею НАН України.

© О. М. ДЗИГОВСЬКИЙ, Д. О. МАСЮТА, 2020

міки (Внуков 2006, с. 54, 55; 2013, с. 24, рис. 2: 1—4). Формувальна маса містить візуально помітні включення кварцу, піску, коричневих часток. Дуже часто до її складу входять штучні домішки вулканічного андезито-базальтового морського піску (Внуков 2013, с. 24). Результати петрографічних аналізів глиняного тіста свідчать, що такі амфори були виготовлені у Південному Причорномор'ї — на території Гераклеї Понтійської (Внуков 2006, с. 43, 48—56).

Морфологічні ознаки амфор варіанту С IVC притаманні для тари, призначеної для транспортування рідини. В римську епоху Гераклея Понтійська була найбільшим у причорноморському регіоні виробником та експортером вина (Внуков 2016, с. 36), в той час як маслини у цьому античному центрі не культивувались (Внуков 2006, с. 232). Очевидно, що в усіх світлоглиняних вузькогорлих амфорах містилось саме вино. Воно було дешевим і не відрізнялось високими смаковими якостями. На думку С. Ю. Внукова, саме його мешканці Ольвії називали «поганим вином» (Внуков 2006, с. 232).

Раніше досліджуваний різновид амфорної тари датували кінцем I — початком II ст. н. е. (Абрамов 1993, с. 46), II ст. н. е. (Шелов 1978, с. 18), II—III ст. н. е. (Зеест 1960, с. 118). С. Ю. Внуков, проаналізувавши матеріали закритих комплексів археологічних пам'яток Північного та Північно-Західного Причорномор'я, прийшов до висновку, що початок виробництва амфор варіанту С IVC припадає на другу чверть II ст. н. е. (Внуков 2006, с. 163—167). Імовірно, така тара виходить з вжитку наприкінці II — на початку III ст. н. е. (Внуков 2016, с. 43).

Ареал розповсюдження амфор варіанту С IVC дуже широкий. Він охоплює Західне (Paraschiv 2013, p. 214, fig. 3), Східне (Khalvashi 2010, p. 33, 34; pl. 18: 1b), Північне, Північно-Західне та Південне Причорномор'я, Верхнє Подністров'я, Побужжя, Середнє Подніпров'я (Внуков 2006, с. 182, 183). Такі посудини надходили навіть до Східного (Hayes 1983, p. 147, fig. 21, 32; Opaiţ, 2010, p. 111, fig. 1: 3) та Західного (Panella 1986, p. 628, fig. 2) Середземномор'я. Окремі знахідки зафіксовані при дослідженні сарматських могильників румунського Подунав'я, Волго-Донського межиріччя, басейну р. Вороніж (Внуков 2006, с. 182).

Вино, що містилось у тарі варіанту С IVC, користувалось високим попитом і у кочових племен Буджака. На це вказують результати археологічних розкопок. Найбільша їх кількість походить з курганного могильника біля с. Нагірне. Уламок горла від однієї амфори та фрагменти профільних частин від ще п'ятьох посудин виявлені у комплексі тризни кургану 1 (рис. 1: 2—4, 6—8; Гудкова и др., 1979, с. 43) [1]. До нього також входили уламки амфор варіанту С IVD за С. Ю. Внуковим (рис. 2: 4—7), які дозволяють визначити час утворення комплексу в межах кінця II — початку III ст. н. е.

Ствол ручки посудини варіанту С IVC знайдений серед уламків світлоглиняної вузькогорлої тари під час зняття насипу кургану 3 (рис. 1: 5; Гудкова и др. 1979, с. 43) [2]. Горло такої ж амфори містилось і у заповненні рову кургану 13 (рис. 1: 1) [3].

До пізнього випуску амфор досліджуваного різновиду, або до перехідної форми між посудинами варіантів С IVC та С IVD, відноситься горло амфори, що походить з рову II сарматського могильника, розкопаного біля с. Холмське (Гудкова, Фокеев 1984, с. 6, рис. 8: 20, 21) [4]. В його верхній частині відтиснено клеймо, літери на якому повністю реконструювати не вдається. У прямокутній рамці розміщено Н(…) (рис. 1: 9).

Амфори варіанту С IVC виявлені також в похованні 1 кургану 1 біля с. Первомайськ, похованні 1 кургану 3 поблизу с. Кирнацень, похованні 2 кургану 3 могильника Суворове (Рикман, Хынку 1970, с. 36, 37, рис. 3; Гросу 1990, с. 75, 78, рис. 24: 21).

Амфори варіанту С IVD за С. Ю. Внуковим. В еволюційному ряді світлоглиняної вузькогорлої тари ці посудини прийшли на зміну амфорам варіанту С IVC за С. Ю. Внуковим. Їх часто включали до класифікацій керамічної тари римського часу. Проте найбільш поширена номенклатура, запропонована Д. Б. Шеловим (тип D; Шелов 1978, с. 18, 19, рис. 7) або С. Ю. Внуковим (варіант С IVD; Внуков 2006, с. 16, рис. 1: 10; 2016, с. 43, 44, рис. 1: 13; 4: 11—18).

Досліджувані амфори мають дуже вузьке, коротке конічне горло, що завершується валикоподібним вінцем, вертикальний виступ якого виражений нечітко, а у деяких екземплярів взагалі відсутній. Ручки овальні в перетині, з зовнішнього боку профільовані невисоким гребенем. Одним кінцем вони кріпляться до горла, трохи нижче вінця, а іншим — до нижньої частини плечиків. Тулуб яйцеподібний з реберчастою поверхнею. Ніжка сформована у вигляді низького та вузького рудиментарного кільцевого піддону (Внуков 2016, рис. 1: 13; 4: 11—18). Для амфор варіанту С IVD характерна тенденція до зменшення пропорцій у порівнянні з попередніми різновидами світлоглиняної вузькогорлої тари. Їх обсяг може варіюватись від 2,27 до 5,45 л (Ильяшенко 2013, с. 63, табл. 6).

Серед посудин варіанту С IVD виокремлюється нечисленна група виробів, що відрізняються недбалістю формовки та невеликими розмірами. Для них властивий підтрикутний в перетині вінець, менші ручки, біконічна форма тулубу та суцільна, або з неглибокою виїмкою у підошві, ніжка (Юрочкин, Труфанов 2007,

1. Шифри: ИзАЭ-79, Нагорное, к. 1, тризна, № 1, 3, 25, 29, №…, №…4.

2. Шифр: ИзАЭ-79, Нагорное, к. 3, насип, № 3.

3. Шифр: ИзАЭ-82, Нагорное, к. 13, ров, № 178.

4. Шифр: ИзАЭ-78, Холмское, 240, ОАМ 88759.

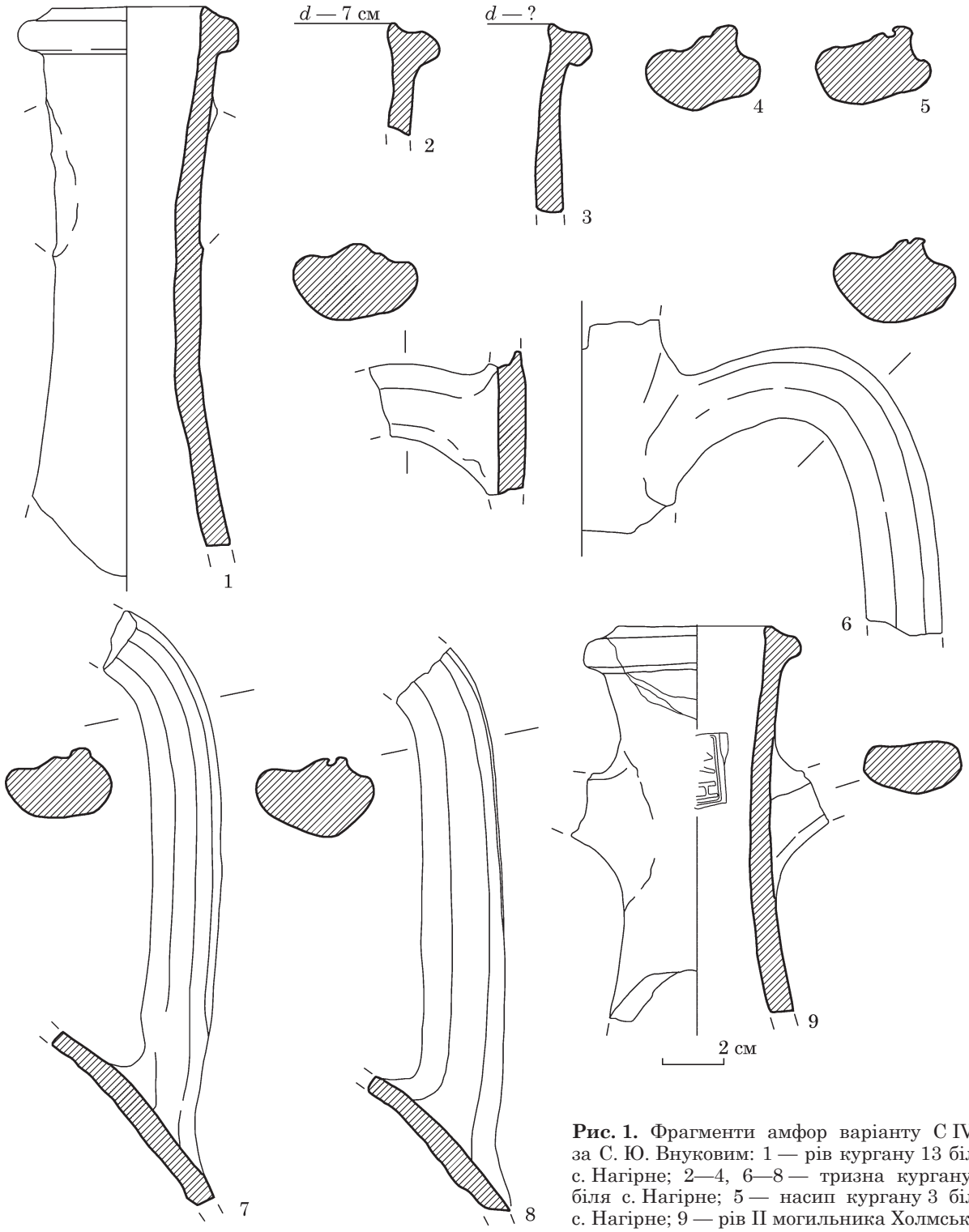


Рис. 1. Фрагменти амфор варіанту С IVC за С. Ю. Внуковим: 1 — рів кургану 13 біля с. Нагірне; 2—4, 6—8 — тризна кургану 1 біля с. Нагірне; 5 — насип кургану 3 біля с. Нагірне; 9 — рів II могильника Холмське

рис. 4: 7, 25; Диденко 2014, с. 37, рис. 1: 1, 13, 21; 2: 1, 8).

Ґрунтуючись на формальних ознаках, О. А. Труфанов запропонував поділ досліджуваного різновиду амфор на ранній та пізній варіанти. До першого він зарахував «класичні» посудини, а до другого — невеликі, недбало сформовані екземпляри (Труфанов 2009, с. 131). Використовуючи номенклатуру С. Ю. Внукова, пропонуємо розділити амфори С IVD на підваріанти С IVD_1 та С IVD_2, що співвідносяться з раннім та пізнім варіантами у О. А. Труфанова.

Формувальна маса, з якої виготовлені ці посудини, за візуальними характеристиками ідентична глиняному тісту амфор варіанту С IVC за С. Ю. Внуковим. Їх виробництво також здійснювалось у Гераклеї Понтійській, на що вказують як результати петрографічних аналізів (Внуков 2006, с. 43, 48—56), так і знахідки уламків тари варіанту С IVD у керамічній майстерні неподалік від цього античного-

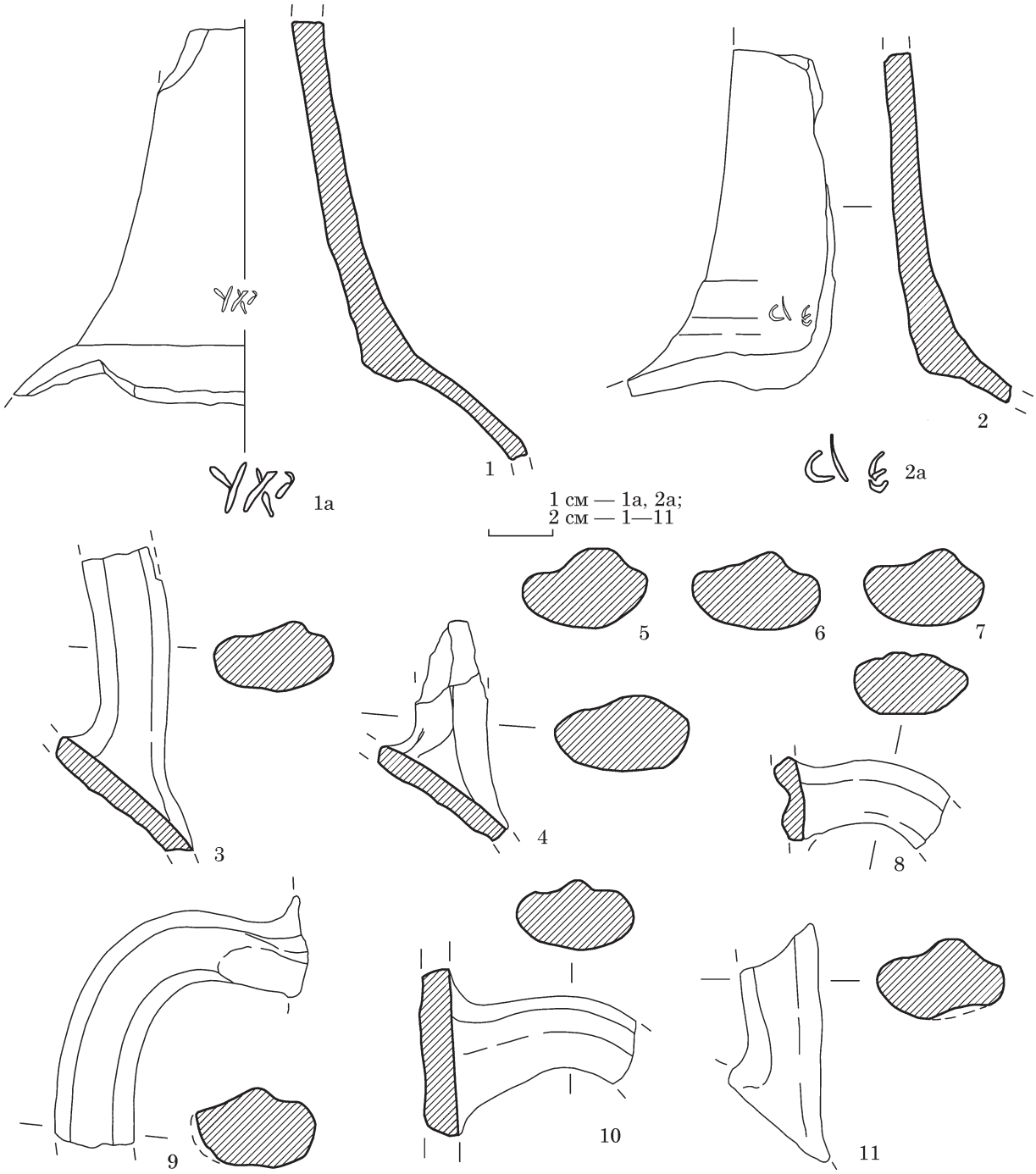


Рис. 2. Фрагменти амфор підваріанту С IVD$_1$ за С. Ю. Внуковим (1—7, 9—11) та тари невизначеного типу (8): 1 — поховання 1 кургану 8 біля с. Дивізія; 2, 3 — яма 2 кургану 1 біля с. Нагірне; 4—8 — тризна кургану 1 біля с. Нагірне; 9—11 — курган 1 біля с. Білолісся

го центру (Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko 1997, p. 189, fig. 14).

Вочевидь, ці посудини, як і вся пізньогераклейська амфорна тара, призначались для перевезення та зберігання вина (Внуков 2006, с. 232).

Такі амфори відносили до II—III ст. н. е. (Зеест 1960, с. 118), кінця II — першої половини III ст. н. е. (Абрамов 1993, с. 46), першої половини III ст. н. е. (Щукин 1968, с. 42, 43; Шелов 1978, с. 18, 19; Abadie-Reynal 1999, p. 255, 256). С. Ю. Внуков спочатку припустив, що час їх побутування припадає на останню чверть II — другу половину III ст. н. е. (Внуков 2006, с. 167). Нещодавно він відніс початок виробництва посудин, що відповідають підваріанту С IVD$_1$, до кінця II ст. н. е., а його припинення — до 264 р. н. е. (Внуков 2016, с. 44). В. Ю. Юрочкин та О. А. Труфанов датують амфори, які співвідносяться з підваріантом С IVD$_2$, 260/270—310/320 рр. (Юрочкин, Труфанов 2007, с. 366, рис. 4). С. В. Діденко визначає час побутування цих амфор у межах другої половини III — початку IV ст. н. е. (Діденко 2014, с. 35—38, 46, табл. 1). Необхідно відзначити, що основні комплекси, на які у своєму дослідженні

спирається автор, походять з сарматського могильника Градешка у Буджаку (Діденко 2014, с. 35—37, рис. 1).

Амфори підваріанту C IVD$_1$ — найбільш поширений різновид понтійської тари пізньоримського часу. Причому вино, що в них містилось, було дуже популярним як у населення античних міст та їх сільської округи, так і у варварських племен. Знахідки таких посудин походять з археологічних пам'яток Добруджі, Нижнього Подунав'я, Північного та Південного Причорномор'я, Середнього Подніпров'я, Верхнього Подністров'я, Прикарпаття, Подоння, Північного Кавказу, Поволжя та Західного Казахстану (Внуков 2006, с. 183, 184; Иванова 2013, с. 125, 126, 129). У Східне Причорномор'я вони надходили зрідка (Внуков 2006, с. 184; Khalvashi 2010, pl. 18: 1b).

Посудини підваріанту C IVD$_2$, натомість, дуже рідкісні. Їх одиничні екземпляри походять з варварських могильників Дружне в Центральному Криму (Труфанов 2009, с. 131) та Оселівка у Середньому Подністров'ї (Диденко 2014, с. 37, рис. 2: 8). Вірогідно, до цього різновиду тари також можна віднести посудини, виявлені в комплексах Ольвії третьої чверті / кінця III ст. н. е. (Крапивина 1993, с. 94), та уламки амфор з поселення Рідний Край 3 на Лівобережжі Дністра (Диденко 2014, с. 35).

Під час досліджень курганних могильників Буджака знайдені посудини обох підваріантів. Так, наприклад, три фрагменти ручок амфор підваріанту C IVD$_1$ виявлені у насипі кургану 2, розкопаного біля с. Білолісся (рис. 2: 9—11) [1]. Уламки ручок від чотирьох амфор підваріанту C IVD$_1$ входили до комплексу тризни кургану 1, розташованого поблизу с. Нагірне (рис. 2: 4—7; Гудкова и др. 1979, с. 43) [2]. Він, як зазначалося вище, датується кінцем II — початком III ст. н. е. В насип цього кургану було впущено дві ями, одна з яких містила фрагменти каліптерів та стінок світлоглиняних вузькогорлих амфор, а також ручку посудини підваріанту C IVD$_1$ (рис. 2: 3; Гудкова и др. 1979, с. 44) [3]. Вочевидь, такій амфорі належить і уламок горла, в нижній частині якого по сирій глині (тобто одразу після формовки) гострим предметом прокреслено літери AE в курсивній формі (рис. 2: 2) [4].

Ще один уламок горла з написом, нанесеним перед просушуванням та обпалом виробу, виявлено в похованні 1 кургану 8 могильника біля с. Дивізія (рис. 2: 1; Субботин, Тощев, Фокеев, 1985, с. 45, табл. 32: 16—18) [5]. По центру, над місцем переходу горла у плечі амфори, розміщено монограму YXP. Верхню частину горла відбито, проте особливості формовки дозволяють віднести цю знахідку до підваріанту C IVD$_1$ за С. Ю. Внуковим. Відмітки на посудинах з Нагірного та Дивізії пов'язані з виробництвом і, можливо, являють собою позначки майстрів. Не виключено, що літери — це скорочення імен [6]. Такі написи на амфорах підваріанту C IVD$_1$ зустрічаються зрідка. Більш поширені клейма (рельєфні або енгліфічні) у вигляді окремих літер та монограм, які також наносили на горла (Штаерман 1951, с. 40—43, рис. 6; Кропоткин 1970, с. 10, 12, табл. I; Шелов 1978, с. 19). Проте останні ставили шляхом відтискання на поверхні виробів спеціальних штампів. Можливо, вони містять інформацію про власників керамічних майстерень або оффіцинаторів, що працювали на них. Дуже часто на посудини наносили позначки червоною фарбою, проте це відбувалось вже після обпалу кераміки. Написи фарбою (dipinti) насамперед пов'язані не з тарою, а з товаром, що в ній містився, та з торгівельними операціями, під час яких здійснювалось їх надходження (Ильяшенко 2013, с. 130).

Цілий екземпляр амфори даного різновиду походить з поховання 1 кургану 16, що розташовувався на околиці с. Оленешть, та дві фрагментовані посудини знайдені у похованні 1 кургану 4 біля с. Урсоая (Гросу 1990, с. 85, 89, рис. 26: 7; 27: 1).

Знахідки рідкісних амфор підваріанту C IVD$_2$ у Буджаку зафіксовані лише серед матеріалів могильника Градешка, розташованого на лівому березі р. Дунай, між селами Орлівка та Новосільське. Таку посудину з відбитою верхньою частиною горла та ручок знайдено в похованні кургану 26 (Гудкова, Редина 1999, с. 184, рис. 3: 17), яке відноситься до другої половини III ст. н. е. (Васильев, Дзиговский 2003, с. 324). Цілий екземпляр виявлено в комплексі кургану 9 (рис. 3: 1; Гудкова, Редина 1999, с. 180, рис. 2: 13). На нижню частину його горла фарбою нанесено напис ΠΑΥΛΙ (рис. 3: 1а), який, ймовірно, є скороченням одного з імен: Παυλιανός, Παυλινάς, Παυλινιανός, Παυλίνα, Παυλίνος. З зворотного боку горла також розміщено dipinto у вигляді комбінації літер TY або ΓΥ (рис. 3: 1б). Над ніжкою, по сирій глині прокреслено позначку в вигляді перевернутої літери X [7]. Комплекс, до складу якого входила ця знахідка, датується кінцем III ст. н. е., можливо, початком IV ст. н. е. (Васильев, Дзиговский 2003, с. 324).

Нижню частину амфори підваріанту C IVD$_2$ зафіксовано і у похованні 1 кургану 7 (рис. 3: 2; Дзиговский, Субботин 1986, с. 151, рис. 1: 5). Проте воно було здійснене вже на початку

1. Шифри: ДДЭ-80, Белолесье, к. 2, насыпь, № 47—49.
2. Шифри: ИзАЭ-79, Нагорное, к. 1, тризна, № 20, 23, 26, 27.
3. Шифр: ИзАЭ-79, Нагорное, к. 1, я. 2, № 1.
4. Шифр: ИзАЭ-79, Нагорное, к. 1, я. 2, № 2.
5. Шифр: ДДЭ-85, Дивизия, к. 8, п. I, № 76.
6. Автори щиро вдячні С. М. Іляшенко за допомогу в інтерпретації написів на амфорах з Нагірного, Дивізії та Градешки.
7. Шифр: ОАО-84, Градешка, к. 9, п. 1, № 54. Діаметр вінця амфори дорівнює 4 см, максимальний діаметр тулубу — 17 см. Загальна висота посудини складає 36,6 см.

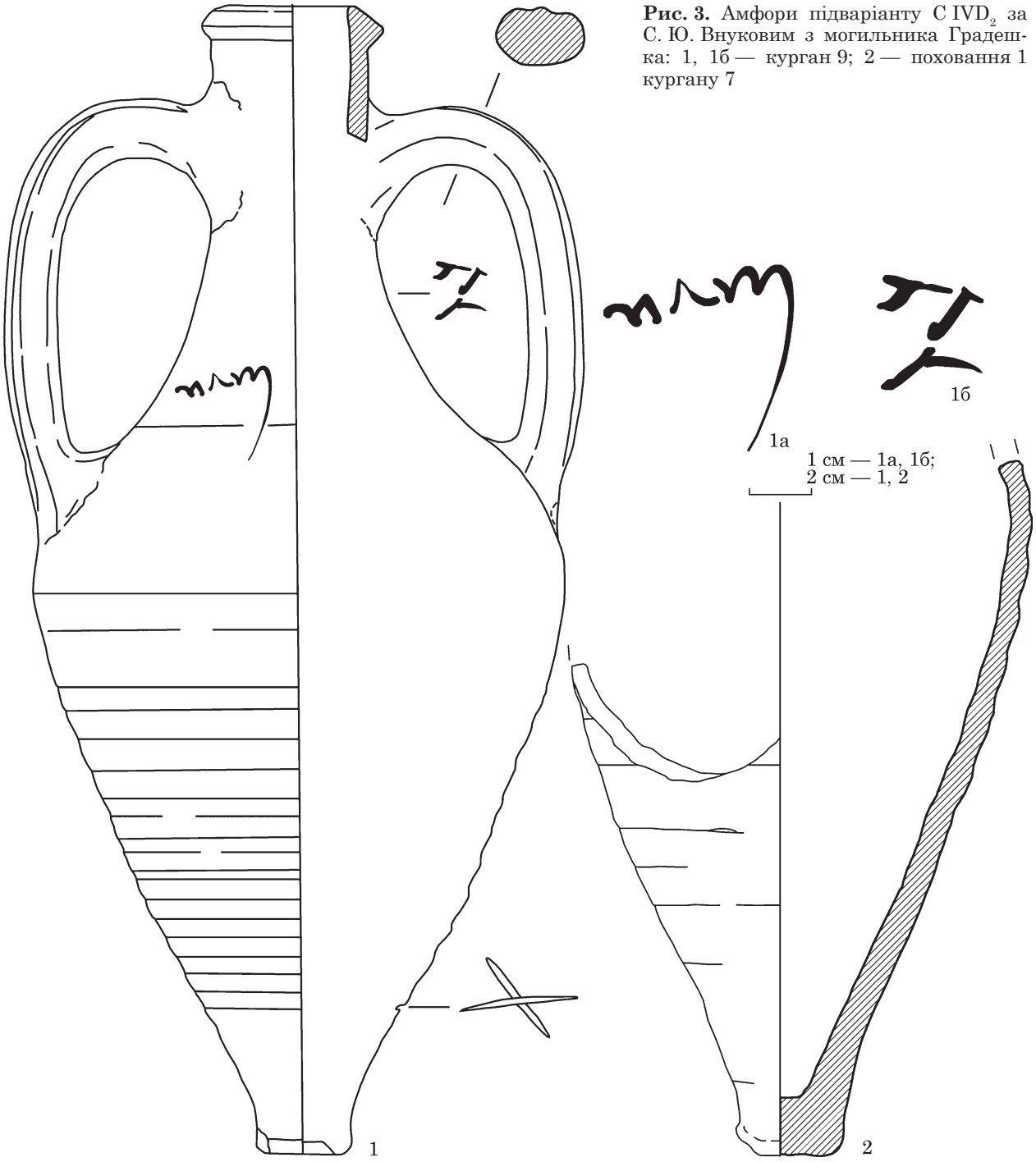


Рис. 3. Амфори підваріанту C IVD$_2$ за С. Ю. Внуковим з могильника Градешка: 1, 1б — курган 9; 2 — поховання 1 кургану 7

IV ст. н. е. (Васильев, Дзиговский 2003, с. 324; Симоненко 2011, с. 146). Від розглянутих вище посудин цей екземпляр відрізняється формою ніжки. Вона суцільна, без неглибокої виїмки у підошві [1].

Амфора варіанту I B за А. Опайцем. З сарматських могильників Буджака походить одна фрагментована амфора варіанту I B за класифікацією керамічної тари Добруджі, розробленої А. Опайцем (Opaiț 1980, p. 294, pl. I: 2). Згодом дослідник відніс такі вироби до типу 3 «столових» амфор (Opaiț 2003, p. 216, fig. 6). Вони також відповідають амфорній тарі варіанту 3а за А. Радулеску (Rădulescu 1976, p. 103, 104, pl. VII: 2) та типам XIII за К. Скорпаном (Scorpan 1977, p. 278, 279, fig. 17) і 34 за П. Дичеком (Dyczek 2001, p. 242—247, fig. 161). Морфологічно близькі посудини Л. Белаяц об'єднала у тип XXXII (Bjelajac 1996, c. 101—103, sl. XXXVI).

Уламки вінця, стінок та дна такої амфори були виявлені під час дослідження похован-

1. О. В. Гудкова та Є. Ф. Рєдіна віднесли сарматські поховання могильника Градешка до другої половини III — початку IV ст. н. е. (Гудкова, Редина 1999, с. 189). С. В. Діденко датував амфори з поховання 1 кургану 7 та кургану 26 кінцем III ст. н. е., а з кургану 9 — рубежем III/IV ст. н. е. — 330 рр. н. е. (Диденко 2014, с. 35, 37, табл. 1).

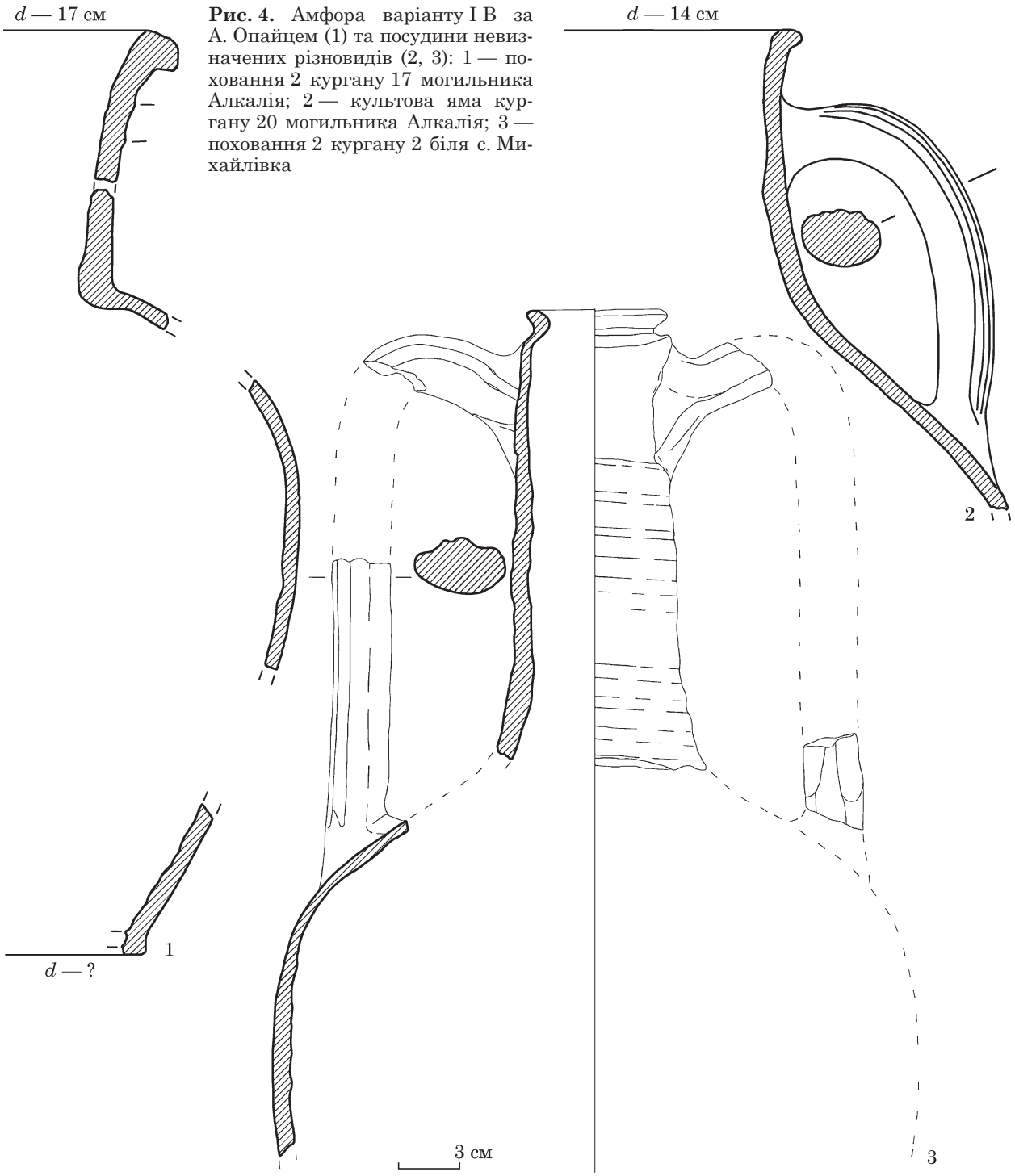


Рис. 4. Амфора варіанту I B за А. Опайцем (1) та посудини невизначених різновидів (2, 3): 1 — поховання 2 кургану 17 могильника Алкалія; 2 — культова яма кургану 20 могильника Алкалія; 3 — поховання 2 кургану 2 біля с. Михайлівка

ня 2 кургану 17 могильника Алкалія, розташованого біля с. Широке (рис. 4: 1; Субботин и др. 1987, с. 105) [1]. Форму цієї посудини можна встановити за цілим екземпляром, що походить з Діногеції (Opaiț 1980, p. 294, pl. I: 2). Його усічено-конічне горло завершується вінцем у вигляді відігнутого назовні валика. Ручки кручені, одним кінцем кріпляться до горла значно нижче вінця, іншим — до нижньої частини плечей амфори. Округлий, майже сферичний тулуб переходить у дно, оформлене у вигляді широкого і невисокого кільцевого піддону.

Діаметр вінця складає 17 см, максимальний діаметр тулуба — 34,5 см, діаметр кільцевого піддону — близько 10 см. Загальна висота виробу дорівнює 45 см (Opaiț, Paraschiv 2013, fig. 10). Обсяг подібних посудин коливається в інтервалі від 18 до 25 л (Opaiț 2017, p. 588).

Вони виготовлені з щільної формувальної маси, що містить вапнякові частки та мушлі молюсків (Opaiț 1980, p. 291). До глиняного тіста частини амфор входять пісок та слюда (Dyczek 2001, p. 243). Під час обпалу глина набуває чер-

1. Шифр: ДДЭ-87, к. 17, п. 2, № 78.

воно-помаранчевого, коричневого або сірого кольору (Ораіț 2003, p. 216). Зовні вироби часто вкриті ангобом червоно-коричневого або чорного кольору (Ораіț 1980, p. 291). На думку П. Дичека, забарвлення черепка цих посудин залежить від місця їх виробництва. Так, сірий колір характерний для амфор, виготовлених у пунктах, розташованих вздовж верхньої та середньої течії р. Дунай, а червоно-коричневий або коричневий — у Нижньому Подунав'ї (Dyczek 2001, p. 243). Обпал фрагментів посудини, знайденої в Алкалії, нерівномірний, в наслідок чого вони мають червоний та сірий колір. У зламі черепка візуально помітні домішки піску, вапняку, мушлі молюсків, залізисті частки.

Виробництво тари досліджуваного типу було організовано у Подунав'ї — на території провінцій Верхня (Bjelajac 1996, c. 95, 96, 101) та Нижня Мезії (Ораіț 1980, p. 294; Ораіț 2003, p. 216).

Ці амфори А. Опайц відносить до «столових», хоча і відзначає, що форма таких посудин робила їх придатними для транспортування невеликими річками та наземними шляхами (Ораіț 2003, p. 218). До того ж, амфори типу I за А. Опайцем мають певні морфологічні подібності з плоскодонною тарою типів Gauloise 1, 3—5, які призначались для перевезення вина (Peacock, Williams 1991, p. 142—148, fig. 70, 72—74). Вочевидь, саме цей продукт, виготовлений у населених пунктах дунайських провінцій Римської імперії, транспортували в досліджуваних посудинах (Dyczek 2001, p. 247). Скоріш за все, його смакові властивості не були високими (Ораіț 2003, p. 218).

Можливо, саме через це амфори типу I за А. Опайцем не отримали значного розповсюдження. Разом з тим, їх знахідки зафіксовані на території провінцій Верхня Мезія (Bjelajac 1996, c. 102, 103, sl. XXXVI), Нижня Мезія, Норік, Реція, Германія, Паннонія (Dyczek 2001, p. 247, fig. 165). Найбільш поширені вони у Нижньому Подунав'ї, де зустрічаються під час археологічних дослідженнях як міст, так і сільських поселень (Ораіț 2017, p. 588). Вином, що містилось в таких амфорах, забезпечувались римські військовослужбовці (Ораіț 2017, p. 587). На думку П. Дичека, їх навіть могли виготовляти у керамічних майстернях, пов'язаних з армією Римської імперії (Dyczek 2001, p. 245).

Що стосується посудин варіанту I B, до якого відноситься знахідка з Алкалії, окрім вищезгаданого цілого екземпляру з Діногеції (Scorpan 1977, fig. 17: 4; Ораіț 1980, p. 294, pl. I: *2*), уламки профільних частин, що можуть належати до цього різновиду амфорної тари, виявлені у Троезмісі (Ораіț 2003, p. 216), Тірі [1], Горгіппії (Алексеева 1997, табл. 110: 31; 113: 2), Пантикапеї (Голофаст 2010, с. 93, 105, 106; рис. 16: 3—6; 28: 18; 29: 17—19).

Випуск амфор типу I за А. Опайцем здійснювався з кінця I по VI ст. н. е. включно (Dyczek 2001, p. 247; Ораіț 2003, p. 215), а його пік припав на II—III ст. н. е. (Ораіț 2017, p. 587). Посудина варіанту I B у Діногеції датується II ст. н. е. (Ораіț 1980, p. 293; Ораіț 2003, p. 217). В Горгіппії вони походять з археологічних комплексів II — середини III ст. н. е. (Алексеева 1997, с. 107), а у Пантикапеї — другої чверті / кінця II — середини III ст. н. е. (Голофаст 2010, с. 109). Поховання 2 кургану 17 могильника Алкалія, до складу поховального інвентарю якого входила така амфора, було здійснене у інтервал між останньою третиною II — серединою III ст. н. е.

Амфори невизначених різновидів. Серед керамічної тари, що досліджується, присутні декілька знахідок, котрі неможливо співвіднести з відомими різновидами амфор. Так, з культової ями, впущеної у насип кургану 20 могильника Алкалія, походять фрагменти горловини та тулубу посудини, якій не вдалось підібрати аналогій (рис. 4: 2; Субботин и др. 1987, с. 109, табл. 71: 5) [2]. Її широке, пряме, майже циліндричне горло плавно переходить у тулуб. Вінець оформлений у вигляді невеликого валика. Ручки овальні в перетині, з зовнішнього боку профільовані чотирма повздовжніми неглибокими жолобками. Вони петлеподібні й кріпляться до горла, значно нижче вінця, та до плечей керамічного виробу. Амфора збереглась на висоту 22,3 см, діаметр її вінця складає 14 см при максимальному діаметрі у 33,4 см. На горлі, а також на стінках тулубу є сліди ремонту у вигляді круглих наскрізних отворів. Посудина виготовлена з щільного глиняного тіста рожево-червоного кольору, яке містило рідкісні включення вапнякових часток.

Не відомо, для транспортування яких товарів була спочатку призначена досліджувана амфора. Сліди ремонту вказують на її вторинне використання. Ймовірно, перед остаточним виходом цієї посудини з вжитку, в ній містились тверді, сипучі продукти.

Необхідно відзначити, що профілюванням ручок вона дуже близька до амфор типу 80 за І. Б. Зеест (Зеест 1960, табл. XXXIII: 80). Проте в останніх ручки більш вигнуті. До того ж, у цього різновиду тари інша форма вінців — вони масивні, невиділені, а їх зовнішня поверхня профільована двома глибокими жолобками. Відрізняються амфори типу 80 за І. Б. Зеест і за візуальними характеристиками керамічної маси. Вона має коричневий, червоно-коричневий або червоно-помаранчевий колір та містить домішки кварцу, залізистих часток, вапняку (Dyczek 2001, p. 154; Bezeczky 2013, p. 174). Інколи до її складу також входять включення дрібних часток слюди (Кленина, 2004, с. 29). Більшість дослідників визначають час побутування цього різновиду керамічної тари в межах II—III ст. н. е. (Зеест 1960, с. 114, 115; Кленина 2004, с. 29; Иванова 2013, с. 119). Можна при-

1. Особисті спостереження Д. О. Масюти.

2. Шифр: ДДЭ-87, Алкалия 20 / яма, к. 20, п. № 81, ОАМ 92076.

пустити, що прототипом для посудини з Алкалії послужила форма амфор типу 80 за І. Б. Зеєст.

Уламок ручки амфори нелокалізованого центру був знайдений у вже згадуваному вище комплексі тризни кургану 1 могильника Нагірне, який утворився наприкінці II — на початку III ст. н. е. (рис. 2: 8) [1] Вона сплощено-овальна в перетині, профільована невисоким гребенем, розсіченим неглибоким повздовжнім жолобком. Фрагмент вкриває червоно-коричневий ангоб. Уламок обпалений нерівномірно — у зламі глина має темно-сірий та коричневий колір. Вона містить пісок, кварц, рідкісні частки слюди, також помітні порожнини, що утворилися в результаті розкладання вапняку.

З поховання 2 кургану 2, дослідженого біля с. Михайлівка, походять фрагменти верхньої частини світлоглиняної вузькогорлої амфори, яку за візуальними характеристиками глини слід віднести до продукції Гераклеї Понтійської (рис. 4: 3). Разом з тим, ця посудина не відповідає жодному з варіантів типу C IV за С. Ю. Внуковим. Її відрізняють реберчасте горло з припухлістю та виступом-гранню в верхній частині, а також глибокий жолобок під відігнутим вінцем. Вірогідно, вона була виготовлена наприкінці II — в першій половині III ст. н. е., а взірцем для їх форми могли послужити східносередземноморські амфори типу Kapitän II (Дзиговский, Масюта, у друці).

Майже всі досліджувані амфори були зафіксовані серед матеріалів тризн або поховального інвентарю. Не викликає сумнівів, що ці посудини використовувались за своїм прямим призначенням, тобто в якості тари для продуктів. Лише один екземпляр, що походить з культової ями кургану 20 могильника Алкалія, має сліди вторинного використання. Відзначимо, що серед розглянутих матеріалів відсутні посудини для транспортування оливкової олії, рибопродуктів, а ідентифіковані різновиди амфор представлені виключно винною тарою. Це співвідноситься з даними письмових джерел. Так, про імпорт сарматами вина згадує Страбон (Strabo. XI, II, 3). Натомість в працях античних авторів відсутня інформація щодо вживання цими кочівниками інших продуктів, для транспортування яких використовувалась керамічна тара.

Переважна більшість знахідок амфор з сарматських пам'яток Буджака останньої третини II — першої половини III ст. н. е. належить до виробництва Гераклеї Понтійської. Таку популярність гераклейського вина у кочівників можна пояснити не лише його відносною дешевизною чи смаковими уподобаннями покупців. Невеликі розміри посудин різновидів C IVC та C IVD_1 за С. Ю. Внуковим сприяли транспортуванню їх суходолом на далекі відстані.

Останнє спостереження може стосуватись і амфор варіанту I B за А. Опайцем, виготовлених у Нижньому Подунав'ї. Проте цей різновид керамічної тари у матеріалах варварських пам'яток Буджака представлений лише одним екземпляром.

Слід відзначити, що вишукані, екзотичні сорти вин не набули поширення у сарматів. Так серед розглянутих нами амфор немає посудин, які можна було б з впевненістю віднести до продукції виробничих центрів Середземномор'я. Натомість, фрагменти східносередземноморської тари, хоч і в невеликій кількості, зустрічаються під час дослідження городища Ніконій (Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008, с. 33, рис. 9: 3; 10: 2) та неукріплених поселень Нижнього Подністров'я (Малюкевич 1991, с. 75, рис. 2: 20), котрі пов'язують з пізньоскіфською археологічною культурою. Матеріали цих пам'яток свідчать, що до осілого варварського населення — сусідів сарматських племен, також надходили боспорські вина, хоча найбільшою популярністю користувався напій, виготовлений у Гераклеї Понтійській (Малюкевич 1991, с. 75, рис. 2: 4, 17; 3: 11, 12, 18—20; Бруяко, Дзиговский, Секерская 2008, с. 29, 31, рис. 9: 5, 6; 10: 3—5). Товари у амфорах ввозились сюди з Тіри, яка відігравала роль важливого центру посередницької торгівлі між античними містами Причорномор'я, Середземномор'я та варварським населенням Нижнього Подністров'я. Можливо, саме торговці з Тіри були основними постачальниками вина сарматським племенам Буджака. Частина товарів, ймовірно, надходила до них в результаті «малої прикордонної торгівлі» з Нижньої Мезії, через опорні пункти Римської імперії, розташовані на лівому березі р. Дунай — кастелі Барбоши та Картал (Орлівка) (Popa, 2016, p. 219). Цим шляхом до сарматів могли ввозити посудини варіанту I B за А. Опайцем та окремі партії пізньогераклейських амфор. З Нижньої Мезії або Дакії могла потрапити до степовиків амфора, що була знайдена в похованні 2 кургану 2 біля с. Михайлівка (Дзиговский, Масюта, у друці).

Можна констатувати приблизно однакове кількісне співвідношення амфор різновидів C IVC та C IVD_1 на сарматських пам'ятках Буджака. Вочевидь, надходження вина відбувалось якщо і не безперервно, то без істотних перебоїв у поставках. Інтенсивним торговельним контактам у пониззі Дунай-Дністровського межиріччя сприяла стабільна воєнно-політична обстановка в регіоні.

У другій половині III ст. н. е. обсяги надходження амфорної тари до Буджака істотно зменшуються. Одиничні знахідки пізньогераклейських амфор підварианту C IVD_2 за С. Ю. Внуковим походять з могильника Градешка, розташованого біля переправи через р. Дунай. Ці кардинальні зміни стали наслідком «скіфських» («готських») воєн 238—270 рр. н. е. В результаті цих катастрофічних подій були розірвані торговельні відносини у Причорномор'ї, зазнала

1. Шифр: ИзАЭ-79, Нагорное, к. 1, тризна, № 22.

руйнувань Гераклея Понтійська (Внуков, 2016, с. 43), а сарматські племена займають тепер не весь Буджак, а лише пониззя Дунаю (Дзиговский 2013, с. 629).

Таким чином, аналіз керамічної тари дозволив встановити, що пік амфорного імпорту сарматів Буджака припадає на останню третину II — середину III ст. н. е. Основним товаром, котрий ввозився у керамічній тарі, було гераклейське вино, тоді як частка продукції з Нижнього Подунав'я та нелокалізованих виробничих центрів була незначною. Вочевидь, ці амфори надходили з Тіри та Нижньої Мезії в результаті торговельно-посередницьких операцій. Амфорна тара другої половини III ст. н. е. представлена виключно виробами Гераклеї Понтійської.

ЛІТЕРАТУРА

Абрамов, А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология. *Боспорский сборник*, 3, с. 4-135.

Алексеева, Е. М. 1997. *Античный город Горгиппия*. Москва: Эдиториал УРСС.

Бруяко, И. В., Дзиговский, А. Н., Секерская, Н. М. 2008. *Никоний римской эпохи*. Материалы по археологии Северного Причерноморья, 10. Монографическая серия, 1. Одесса: СМИЛ.

Васильев, А. А., Дзиговский, А. Н. 2003. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака. *Stratum plus*, 4, с. 315-334.

Внуков, С. Ю. 2003. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. (морфология)*. Москва: ИА РАН.

Внуков, С. Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э.* II: Петрография, хронология, проблемы торговли. Санкт-Петербург: Алетейя.

Внуков, С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе. *Древности Боспора*, 17, с. 21-54.

Внуков, С. Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *Российская археология*, 2, с. 36-47.

Голофаст, Л. А. 2010. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, XVI, с. 82-139.

Гросу, В. И. 1990. *Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Гудкова, А. В., Добролюбский, А. О., Тощев, Г. Н., Фокеев, М. М. 1979. *Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1979 г.* Науковий архів Одеського археологічного музею НАН України, д. 88254/1.

Гудкова, А. В., Фокеев, М. М. 1984. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Гудкова, А. В., Редина, Е. Ф. 1999. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная. *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму*, VII, с. 177-193.

Диденко, С. В. 2014. Хронология светлоглиняных узкогорлых амфор типов Шелов D и F (по материалам погребальных комплексов). *Oium*, 4: Черняхівська культура. До 120-річчя від дня народження В. П. Петрова, с. 34-48.

Дзиговский, А. Н. 2013. Сарматы. В: Бруяко, И. В., Самойлова, Т. Л. (ред.). *Древние культуры Северо-Западного Причерноморья*. Одесса: СМИЛ, с. 597-630.

Дзиговский, А. Н., Масюта, Д. А. 2020. Об одном типе светлоглиняных узкогорлых амфор из сарматского кургана у с. Михайловка (у друці).

Дзиговский, А. Н., Субботин, Л. В. 1986. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная Сарматы. В: Станко, В. Н. (ред.). *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 150-157.

Зеест, И. Б. 1960. *Керамическая тара Боспора*. Материалы и исследования по археологии СССР, 83. Москва: Наука.

Иванова, О. С. 2013. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа. В: Храпунов, И. Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. Симферополь; Бахчисарай: Доля, с. 93-154.

Ильяшенко, С. М. 2013. *Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округи III—IV вв. н. э.* Боспорские исследования, XXIX. Керчь.

Кленина, Е. Ю. 2004. *Керамические сосуды II—III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического)*. Poznan: Instytut Historii Uniwersytetu im. A. Mickiewicza.

Крапивина, В. В. 1993. *Ольвия. Материальная культура I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Кропоткин, В. В. 1970. *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.)*. Свод археологических источников, Д 1-27. Москва: Наука.

Малюкевич, А. Е. 1991. О торговых контактах поселений Нижнего Поднестровья в первые века н. э. В: Ванчугов, В. П. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, с. 71-82.

Рикман, Э. А., Хынку, В. Г. 1970. Погребение II в. н. э. у с. Первомайск (Молдавия). *Материалы и исследования по археологии СССР*, 176, с. 35-37.

Симоненко, А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Субботин, Л. В., Тощев, Г. Н., Фокеев, М. М. 1985. *Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1985 г.* Науковий архів Одеського археологічного музею НАН України, д. 93021.

Субботин, Л. В., Дзиговский, А. Н., Фокеев, М. М., Сапожников, И. В. 1987. *Отчет о работе Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции в 1987 г.* Науковий архів Одеського археологічного музею НАН України, д. 93022.

Труфанов, А. А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. *Stratum plus*, 4, с. 117-328.

Шелов, Д. Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 156, с. 16-21.

Штаерман, Е. М. 1951. Керамические клейма из Тиры: в связи с вопросом о клеймах неизвестных центров, *Краткие сообщения ИА АН СССР*, XXXVI, с. 31-49.

Щукин, М. Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. *Советская археология*, 2, с. 41-51.

Юрочкин, В. Ю., Труфанов, А. А. 2007. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3—4 вв. н. э. В: Зайцев, Ю. П., Мордвинцева, В. И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум, с. 359-382.

Abadie-Reynal, C. 1999. Les Amphores romaines en mer Noire (Ier—IVe s.). In: Garlan, Y. (ed.). *Production et Commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: De l'Université de Provence, p. 255-264.

Arsen'eva, T., Kassab Tezgör, D., Naumenko, S. 1997. Un dépotoir d'atelier d'amphores à pâte claire. Commerce entre Héraclée du Pont et Tanaïs à l'époque romaine. *Anatolia Antiqua*, V, p. 187-198.

Bezeczky, T. 2013. *The Amphorae of Roman Ephesus*. Forschungen in Ephesos, XV, 1. Wien: ÖAW.

Bjelajac, L. 1996. *Amfore gornjo mezijskog Podunavlja*. Belgrade: Arheološki Institut.

Dyczek, P. 2001. *Roman Amphorae of the 1st—3rd Centuries AD Found on the Lower Danube. Typology*. Warszaw: Uniwersytet Warszawski.

Hayes, J. W. 1983. The villa Dionysos excavations, Knossos: The pottery. *The British School at Athens*, 78, p. 97-169.

Khalvashi, M. 2010. Roman Amphorae from Gonio-Apsarus. *Varia Anatolica*, XXI: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Patabs I. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27—29 Avril 2006, p. 33-34.

Opaiț, A. 1980. Consideratii preliminare asupra amforelor romane si romano-bizantine din Dobrogea. *Peuce*, 8, p. 291-327.

Opaiț, A. 2003. «Table» amphora versus «Table» pitcher in the Roman Dobrudja. *Rei Cretariae Romanae Favtorum Acta*, 38, p. 215-218.

Opaiț, A. 2010. Pontic Wine in the Athenian Market. In: *Κεραμική της Ύστερης Αρχαιότητας από τον ελλαδικό χώρο (3ος—7ος αι. μ. Χ.): επιστημονική συνάντηση, Θεσσαλονίκη, 12—16 Νοεμβρίου 2006*. Θεσσαλονίκης, p. 108-130.

Opaiț, A. 2017. On the local production and imports of wine in the Pontic and Lower Danube regions (1st century BC to 7th century AD). An overview. *Études alexandrines*, 43: Late Roman Coarse Wares, 5: Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry, p. 579-612.

Opaiț, A., Paraschiv, D. 2013. On the Wine, Olive Oil and Fish Supply of the Countryside in Roman Dobroudja (1st—3rd Centuries AD). *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*, III: Actes de la Table Ronde internationale de Costanța, 6—10 octobre 2009, p. 317-333.

Panella, C. 1986. Oriente ed Occidente: considerazioni su alcune anfore «Egee» di età imperiale a Ostia. *Bulletin de Correspondance Hellenigue*, XIII, p. 609-635.

Paraschiv, D. 2013. Les amphores romaines d'Héraclée du Pont en Dobroudja. In: *The Bosporus: gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC — 5th Century AD): proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea antiquities Istanbul, 14th—18th September 2009*. Oxford: Archaeopress, p. 213-217.

Peacock, D., Williams, D. 1991. *Amphorae and the Roman economy: An Introductory Guide*. London; New York: Longman.

Popa, A. 2016. Roman Amphorae beyond the frontiers of the Roman provinces of Dacia and Moesia Inferior. *Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum*, 14: *Orbis Romanus and Barbaricum. The Barbarians around the Province of Dacia and Their Relations with the Roman Empire*, p. 203-242.

Rădulescu, A. 1976. Amfore romane şi romano-bizantine din Scythia Minor. *Pontica*, IX, p. 99-114.

Scorpan, C. 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romana-byzantins (IV—VII siècles) dans l'espace Istro-Pontique. *Dacia*, XXI, p. 269-297.

REFERENCES

Abramov, A. P. 1993. Antichnyye amfory. Periodizatsiya i khronologiya. *Bosporskiy sbornik*, 3, s. 4-135.

Alekseyeva, E. M. 1997. *Antichnyy gorod Gorgippiya*. Moskva: Editorial URSS.

Bruyako, I. V., Dzigovskiy, A. N., Sekerskaya, N. M. 2008. *Nikoniy rimskoy epokhi*. Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomoria, 10. Monograficheskaya seriya, 1. Odessa: SMIL.

Vasilyev, A. A., Dzigovskiy, A. N. 2003. Eshche raz k khronologii pozdneyshikh sarmatskikh drevnostey Budzhaka. *Stratum plus*, 4, s. 315-334.

Vnukov, S. Yu. 2003. *Prichernomorskiye amfory I v. do n. e. — II v. n. e. (morfologiya)*. Moskva: IA RAN.

Vnukov S. Yu. 2006. *Prichernomorskiye amfory I v. do n. e. — II v. n. e.* II: Petrografiya, khronologiya, problemy torgovli. Sankt-Peterburg: Aleteyya.

Vnukov, S. Yu. 2013. Amfory rimskogo vremeni gorodishcha Kara-Tobe. *Drevnosti Bospora*, 17, s. 21-54.

Vnukov, S. Yu. 2016. Eshche raz o tipologii. evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2, s. 36-47.

Golofast, L. A. 2010. Amfornaya tara iz raskopok zolnika rimskogo vremeni u podnozhiya gory Mitridat v Kerchi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, XVI, s. 82-139.

Grosu, V. I. 1990. *Khronologiya pamyatnikov sarmatskoy kultury Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechia*. Kishinev: Shtiintsa.

Gudkova, A. V., Dobrolyubskiy, A. O. Toshchev, G. N., Fokeyev, M. M. 1979. *Otchet o rabote Izmailskoy novostroyechnoy ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1979 g*. Naukovyi arkhiv Odeskoho arkheolohichnoho muzeiu NAN Ukrainy, d. 88254/1.

Gudkova, A. V., Fokeyev, M. M. 1984. *Zemledeltsy i kochevniki v nizoviakh Dunaya I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Gudkova, A. V., Redina, E. F. 1999. Sarmatskiy mogilnik Gradeshka v nizoviakh Dunaya. *Starozhytnosti Pivnichnoho Prychornomoria i Krymu*, VII, s. 177-193.

Didenko, S. V. 2014. Khronologiya svetloglinyanykh uzkogorlykh amfor tipov Shelov D i F (po materialam pogrebalnykh kompleksov). *Oium*, 4: Cherniakhivska kultura. Do 120-richchia vid dnia narodzhennia V. P. Petrova, s. 34-48.

Dzigovskiy, A. N. 2013. Sarmaty. In: Bruyako, I. V., Samoylova, T. L. (eds.). *Drevniye kultury Severo-Zapadnogo Prichernomoria*. Odessa: SMIL, s. 597-630.

Dzigovskiy, A. N., Masyuta, D. A. 2020. Ob odnom tipe svetloglinyanykh uzkogorlykh amfor iz sarmatskogo kurgana u s. Mikhaylovka (u drutsi).

Dzigovskiy, A. N., Subbotin, L. V. 1986. O verkhney date sarmatskikh pamyatnikov ponizovia Dunaya Sarmaty. In: Stanko, V. N. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Severo-Zapadnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, s. 150-157.

Zeyest, I. B. 1960. *Keramicheskaya tara Bospora*. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 83. Moskva: Nauka.

Ivanova, O. S. 2013. Amfory pozdnerimskogo vremeni iz raskopok Mangupa. In: Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.)*. Simferopol; Bakhchisaray: Dolya, s. 93-154.

Iliashenko, S. M. 2013. *Standartnyye dipinti na uzkogorlykh svetloglinyanykh amforakh Tanaisa i ego okrugi III—IV vv. n. e*. Bosporskiye issledovaniya, XXIX. Kerch.

Klenina, E. Yu. 2004. *Keramicheskiye sosudy II—III vv. n. e. iz usadby «Bliznetsy» (Khora Khersonesa Tavricheskogo)*. Poznan: Instytut Historii Uniwersytetu im. A. Mickiewicza.

Krapivina, V. V. 1993. *Olviya. Materialnaya kultura I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kropotkin, V. V. 1970. *Rimskiye importnyye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e. — V v. n. e.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-27. Moskva: Nauka.

Malyukevich, A. E. 1991. O torgovykh kontaktakh poseleniy Nizhnego Podnestrovia v pervyye veka n. e. In: Vanchugov, V. P. (ed.). *Severo-Zapadnoye Prichernomorye — kontaktnaya zona drevnikh kultur*. Kiev: Naukova dumka, s. 71-82.

Rikman, E. A. Khynku, B. G. 1970. Pogrebeniye II v. n. e. u s. Pervomaysk (Moldaviya). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 176, s. 35-37.

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomoria*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.

Subbotin, L. V., Toshchev, G. N., Fokeyev, M. M. 1985. *Otchet o rabote Dunay-Dnestrovskoy novostroyechnoy eks-*

peditsii v 1985 g. Naukovyi arkhiv Odeskoho arkheolohichnoho muzeiu NAN Ukrainy, d. 93021.

Subbotin, L. V., Dzigovskiy, A. N., Fokeyev, M. M., Sapozhnikov, I. V. 1987. *Otchet o rabote Dunay-Dnestrovskoy novostroyechnoy ekspeditsii v 1987 g*. Naukovyi arkhiv Odeskoho arkheolohichnoho muzeiu NAN Ukrainy, d. 93022.

Trufanov, A. A. 2009. Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus*, 4, s. 117-328.

Shelov, D. B. 1978. Uzkogorlyye svetloglinyanyye amfory pervykh vekov nashey ery. Klassifikatsiya i khronologiya. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, 156, s. 16-21.

Shtayerman, E. M. 1951. Keramicheskiye kleyma iz Tiry: v svyazi s voprosom o kleymakh neizvestnykh tsentrov. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, XXXVI, s. 31-49.

Shchukin, M. B. 1968. Voprosy khronologii chernyakhovskoy kultury i nakhodki amfor. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 41-51.

Yurochkin, V. Yu., Trufanov, A. A. 2007. Khronologiya mogilnikov Tsentralnogo i Yugo-Zapadnogo Kryma 3—4 vv. n. e. In: Zaytsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. (ed.). *Drevnyaya Tavrika*. Simferopol: Universum, s. 359-382.

Abadie-Reynal, C. 1999. Les Amphores romaines en mer Noire (Ier—IVe s.). In: Garlan, Y. (ed.). *Production et Commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: De l'Université de Provence, p. 255-264.

Arsen'eva, T., Kassab Tezgör, D., Naumenko, S. 1997. Un dépotoir d'atelier d'amphores à pâte claire. Commerce entre Héraclée du Pont et Tanaïs à l'époque romaine. *Anatolia Antiqua*, V, p. 187-198.

Bezeczky, T. 2013. *The Amphorae of Roman Ephesus*. Forschungen in Ephesos, XV, 1. Wien: ÖAW.

Bjelajac, L. 1996. *Amfore gornjo mezijskog Podunavlja*. Belgrade: Arheološki Institut.

Dyczek, P. 2001. *Roman Amphorae of the 1st—3rd Centuries AD Found on the Lower Danube. Typology*. Warszaw: Uniwersytet Warszawski.

Hayes, J. W. 1983. The villa Dionysos excavations, Knossos: The pottery. *The British School at Athens*, 78, p. 97-169.

Khalvashi, M. 2010. Roman Amphorae from Gonio-Apsarus. *Varia Anatolica*, XXI: Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Patabs I. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27—29 Avril 2006, p. 33-34.

Opaiț, A. 1980. Consideratii preliminare asupra amforelor romane si romano-bizantine din Dobrogea. *Peuce*, 8, p. 291-327.

Opaiț, A. 2003. «Table» amphora versus «Table» pitcher in the Roman Dobrudja. *Rei Cretariae Romanae Favtorum Acta*, 38, p. 215-218.

Opaiț, A. 2010. Pontic Wine in the Athenian Market. In: *Κεραμική της Ύστερης Αρχαιότητας από τον ελλαδικό χώρο (3ος—7ος αι. μ. Χ.): επιστημονική συνάντηση, Θεσσαλονίκη, 12—16 Νοεμβρίου 2006*. Θεσσαλονίκης, p. 108-130.

Opaiț, A. 2017. On the local production and imports of wine in the Pontic and Lower Danube regions (1st century BC to 7th century AD). An overview. *Études alexandrines*, 43: Late Roman Coarse Wares, 5: Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: archaeology and archaeometry, p. 579-612.

Opaiț, A., Paraschiv, D. 2013. On the Wine, Olive Oil and Fish Supply of the Countryside in Roman Dobroudja (1st—3rd Centuries AD). *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*, III: Actes de la Table Ronde internationale de Constanța, 6—10 octobre 2009, p. 317-333.

Panella, C. 1986. Oriente ed Occidente: considerazioni su alcune anfore «Egee» di età imperiale a Ostia. *Bulletin de Correspondance Hellenigue*, XIII, p. 609-635.

Paraschiv, D. 2013. Les amphores romaines d'Héraclée du Pont en Dobroudja. In: *The Bosporus: gateway between the Ancient West and East (1st Millennium BC — 5th Century AD): proceedings of the Fourth International Congress on Black Sea antiquities Istanbul, 14th—18th September 2009*. Oxford: Archaeopress, p. 213-217.

Peacock, D., Williams, D. 1991. *Amphorae and the Roman economy: An Introductory Guide*. London; New York: Longman.

Popa, A. 2016. Roman Amphorae beyond the frontiers of the Roman provinces of Dacia and Moesia Inferior. *Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum*, 14: *Orbis Romanus and Barbaricum. The Barbarians around the Province of Dacia and Their Relations with the Roman Empire*, p. 203-242.

Rădulescu, A. 1976. Amfore romane şi romano-bizantine din Scythia Minor. *Pontica*, IX, p. 99-114.

Scorpan, C. 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romana-byzantins (IV—VII siècles) dans l'espace Istro-Pontique. *Dacia*, XXI, p. 269-297.

O. M. Dzygovskyi, D. O. Masyuta

TRANSPORT AMPHORAE FROM THE SARMATIAN BURIAL GROUNDS OF BUDJAK (the Last Third of 2nd—3rd Cent. AD)

The transport amphorae discovered in the Budjak's Sarmatian burial assemblages of the last third of 2nd—3rd century AD are analyzed in the paper. These containers collection consists of the amphorae of variation C IVC and C IVD by S. Yu. Vnukov, variation I B by A. Opaiț and the vessels of undefined kind. In its turn, amphorae C IVD could be divided on subvariation C IVD$_1$ and C IVD$_2$. Among the researched materials the containers for olive oil, fish products transportation are absent and identified variation of amphorae are presented exceptionally the wine vessels. The big majority of Budjak's Sarmatian's sites amphorae of marked time belong to the production of Heraclea Pontica. Such popularity of Heraclean wine among the nomads we can explain not only by its relative cheapness or by taste partialities of its buyers. The small sizes of vessels of variation C IVC and C IVD by S. Yu. Vnukov helped forward to their transportation by land on the big distances. The recent notice can regard also the amphorae of variation I B by A. Opaiț, produced in Lower Danube area. The main wine suppliers to the Sarmatian population of Budjak, were, apparently, the merchants from Tyras, the part of goods came from the «little border trade» with Lower Moesia and Dacia. The peak of amphorae containers entrance to Budjak accounts for the last third of 2nd — the middle of second quarter of 3rd c. AD., which was helped forward by the stable war-political appointments in the region. In the second half of 3rd c. AD. the entrance volume of these containers on the researched territory greatly decline, that, in its turn, was connected with the «Scythian» («Gothic») wars of 238—270 years AD.

Keywords: Roman time, Budjak steppe, Sarmatian burial mounds, amphorae, wine vessels.

Одержано 1.06.2020

ДЗИГОВСЬКИЙ Олександр Миколайович, доктор історичних наук, професор, Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова, Єлизаветинська, 12, Одеса, 65082, Україна.

DZYGOVSKYI Oleksandr M., Doctor of Historical Sciences, professor, Odessa, I. I. Mechnikov National University, Elisavetinskaya, 12, Odessa, 65082, Ukraine.

E-mail: dzygovskyi@gmail.com.

МАСЮТА Денис Олександрович, молодший науковий співробітник, Одеський археологічний музей НАН України, Ланжеронівська, 4, Одеса, 650100, Україна.

MASYUTA Denis A., Research Officer, Odessa Archaeological Museum of National Academy of Sciences of Ukraine, Lanzheronovskaya 4, Odessa, 65000, Ukraine.

ORCID: 0000-0002-3722-154X, e-mail: masuta.denis@gmail.com.

УДК 904.5(477.46)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.19

С. А. Скорый, Р. В. Зимовец, В. Н. Окатенко

КУРГАН 524 У с. ЖАБОТИН (новое в изучении «опорного» памятника скифской архаики в Украинской Правобережной Лесостепи)

Публикуются материалы полного исследования известного погребального памятника эпохи скифской архаики — кургана 524 у с. Жаботин (бассейн р. Тясмин, Днепровская Правобережная Лесостепь). Приводятся описание и анализ структуры насыпи, остатков погребального сооружения, организации подкурганного пространства, сохранившегося погребального инвентаря. Полученные новые материалы и критический подход к артефактам, обнаруженным при раскопках кургана в 1913 г. А. А. Бобринским, ставят под сомнение датировку жаботинского кургана 524 в рамках VIII или рубежа VIII—VII вв. до н. э.

Ключевые слова: *курган, раннескифское время, Жаботин, бассейн р. Тясмин.*

Летом 2019 г. Скифская Среднеднепровская экспедиция Института археологии НАН Украины осуществила полное исследование известного погребального памятника эпохи скифской архаики — кургана 524 у с. Жаботин Каменского р-на Черкасской обл. (бассейн р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье) [1].

Археологическим работам на кургане предшествовали его тщательное обследование поздней осенью 2018 и весной 2019 гг. [2], а также комплекс геофизических исследований (георадарная, магнитометрическая съемки, применение метода комплексного обнаружения металлов), показавший некие аномалии в пределах насыпи изучаемого памятника [3].

Напомним, что в 1913 г. данный курган был частично раскопан А. А. Бобринским, который присвоил ему номер 524 (DXXIV), исходя из общей нумерации исследованных им погребальных памятников, с географической привязкой к г. Смела.

К моменту исследований курган, по данным А. А. Бобринского, имел высоту 5,40 м, при диаметре 68 м. В ходе раскопок было выявлено основание большой наземной погребальной конструкции и некоторые вещи, оставшиеся в ней после древнего ограбления. Краткий отчет о проделанной работе, с 4 иллюстрациями обнаруженных предметов, был опубликован в «Известиях императорской Археологической комиссии» (вып. 60). Однако какие-либо чертежи или фотографии, связанные с данным

1. Начальник экспедиции С. А. Скорый. Руководство экспедиции — Р. В. Зимовец, В. Н. Окатенко. Работы были проведены 22 июля — 12 августа 2019 г. Состав экспедиции: С. А. Куприй, А. В. Корохина (Киев), А. В. Коротя (Сумы — Котельва), А. М. Голубев, Р. И. Кравченко, Н. Н. Фильчаков, К. В. Сухорукова, Р. А. Тимошевский, И. В. Билько (Харьков), Ю. Ю. Ляшко, С. Ю. Ляшко (Каменка), бульдозерист М. М. Задорожный (Смела).
2. В ноябре 2018 г. обследование памятника осуществляли С. А. Скорый, Р. В. Зимовец и директор Каменского краеведческого музея Ю. Ю. Ляшко, в апреле 2019 г. — те же лица и А. Д. Могилов. При осмотре поверхности кургана А. Д. Могиловым найден невыразительный фрагмент небольшого лепного кубка. Нужно отметить, что и ранее курган 524 был в сфере внимания исследователей ИА НАН Украины. В частности, в период работы Жаботинской экспедиции ИА НАН Украины 2007—2010 гг., курган 524 не только осматривали ее сотрудники, но и выполнили 3D-моделирование памятника, что нашло отражение в монографии М. Н. Дараган (Дараган 2011, рис. II: 21А).
3. Геофизические исследования в мае 2019 г. произвели специалисты ООО «ЛИМД» (Киев) под руководством А. В. Кадуна. Для проверки наличия металлических изделий в насыпи был применен металлодетектор серии LORENZ DEEPMAX Z1 (Геофизический… 2019).

© С. А. СКОРЫЙ, Р. В. ЗИМОВЕЦ, В. Н. ОКАТЕНКО, 2020

памятником, в публикации А. А. Бобринского отсутствуют (Бобринской 1916). Артефакты, найденные в кургане, поступили в собрание Государственного Эрмитажа, где хранятся и поныне (фонды Отдела археологии Восточной Европы и Сибири) [1]

Несмотря на отсутствие упомянутой научной документации, курган 524 у с. Жаботин прочно вошел в круг археологической литературы по раннему железному веку, более того, со временем стал трактоваться, как один из наиболее ранних, опорных памятников глубокой скифской архаики, прежде всего, для Днепровского Лесостепного Правобережья. При этом, хронологические позиции кургана со временем пережили определенную эволюцию.

Нет нужды приводить весьма обширный перечень работ, в которых фигурируют в той или иной степени материалы кургана 524 у с. Жаботин. Достаточно упомянуть хотя бы следующие научные труды обобщающего или более узкого характера, где есть сведения по данному погребальному памятнику (Мелюкова 1964, с. 17; Іллінська 1973; Ильинская 1975, с. 20, табл. VII; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234, 235, 237; Полін 1987, с. 20, 21, рис. 3: 12—16; Kossack 1987, S. 42—48, 84, Abb. 11; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 159; Петренко 1990, с. 61, 73, 74; Медведская 1992, с. 87; Смирнова 1993, с. 105; Иванчик 2001, с. 176, 177, рис. 84; Алексеев 2003, с. 380, рис. 10: 1, 2; Скорый 2003, с. 38, 39, рис. 4; Махортых 2003, с. 47, 122, рис. 50: 10, 11; Эрлих 1991, с. 35; 2007, с. 130, 179, 180; Вальчак 2009, с. 251, рис. 64: 1—4; Дараган 2011, с. 68, рис. II: 22, с. 571, 572).

С начала 2000-х гг. курган 524 и комплекс сохранившихся предметов, находящихся в собрании Государственного Эрмитажа, стал предметом исследований Т. В. Рябковой. Ею написан ряд работ, касающихся тех или иных вопросов, связанных с данным погребальным памятником (Рябкова 2005; 2007, 2008; 2009; 2010a, с. 310; 2010b, с. 90, ил. 1: 1, с. 99; 2011; 2012) и, в конечном итоге, издано обобщающее, основательное исследование о кургане 524 у с. Жаботин в целом (Рябкова 2014). Тщательно проанализировав указанный комплекс вещей Т. В. Рябкова постулировала его многокомпонентность и выделила в их кругу, с точки зрения генезиса, 3 основные группы изделий: местные, северокавказские и центральноазиатские (или их реплики).

Мотивы, стимулирующие полное исследование данного памятника Скифской Среднеднепровской экспедицией ИА НАН Украины более чем через 100 лет после первоначальных работ на нем, были разнообразны. В их числе: 1) ежегодная распашка насыпи в ходе сельскохозяйственных работ, что, в конечном итоге, вело к разрушению кургана [2]; 2) наметившаяся в последнее время тенденция резкого удревнения данного археологического комплекса, что изначально представлялось нам недостаточно обоснованным [3]; 3) наконец, приближающийся юбилей (100-летие со дня рождения) выдающегося украинского скифолога В. А. Ильинской, выделившей на основании изучения колчанного набора в кургане 524 наконечники так называемого жаботинского типа — двулопастные длинновтульчатые с ромбической головкой и обычно шипом в основании втулки (Іллінська 1973).

Курган 524 расположен к северо-востоку от центра с. Жаботин, на плоском высоком плато, возвышающемся с юга над речкой Жаботинкой и бывшим с. Завадовка. С южной и северо-восточной сторон плато ограничено оврагами и крутыми склонами (рис. 1). Данное место известно у местного населения, как урочище Вершина. Сам же курган фигурирует под названием «Могыла» (укр.).

Памятник входил в состав курганной группы из 2 насыпей (группа I, по Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессоновой, С. А. Скорому), из зафиксированных в свое время близ с. Жаботин (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989,

1. По сведениям, хранящимся в Архиве ИИМК, «значительную помощь графу А. А. Бобринскому в организации разведок и раскопок оказывали братья (?) Антон и Самсон Коломийцевы, поскольку именно Антон Коломийцев расписывался в ведомостях — видимо, был организатором и руководителем рабочих, производивших раскопки. Вероятно, это была не постоянно работающая артель, а нанятые в селе крестьяне — по табелям заметны изменения в составе раскопочной группы. Начали раскапывать курган 26 августа, закончили 12 сентября. Таким образом, работали чуть более 2 недель, число работников менялось: первую неделю работали 7 человек, но уже к концу недели, когда стал ясен объем работ, количество рабочих увеличилось до 13. Основная работа была выполнена за 8 рабочих дней силами 19 человек. Курган находился на землях крестьянина Василия Савченко, которому было уплачено за право “раскопки кургана” и за его последующую засыпку» (Рябкова 2014, с. 374, 375).

2. Курган располагается на землях сельскохозяйственного предприятия ТОВ «Олимп» (г. Каменка Черкасской обл.). Искренне благодарим главного агронома данной агрофирмы И. И. Косенко за предоставленную возможность провести археологические работы с применением тяжелой землеройной техники на сельхозугодиях упомянутого предприятия.

3. Один из авторов данной работы писал еще в 2003 г.: «Проблематичность столь ранней датировки памятников скифской архаики (со второй половины VIII в. до н. э.), в том числе лесостепных, крайняя дискуссионность этого вопроса, заставляют с большой осторожностью относиться к тенденции резкого удревнения целого пласта древностей скифской поры, в том числе в Лесостепном Правобережье» (Скорый 2003, с. 34). Речь идет о дате погребений раннескифского периода (РСК 1, по Г. Коссаку и И. Н. Медведской, 750—700 гг. до н. э.; см. там же, с. 33).

Рис. 1. Локализация кургана 524 в урочище Вершина, близ с. Жаботин, относительно иных памятников раннего железного века в микрорегионе бассейна р. Тясмин: 1 — на военно-топографической карте; 2 — на топографической карте ГосГеоКадастра Украины

Рис. 2. Курган 524 перед началом раскопок. 22 июля 2019 г.

с. 159). Один из курганов (№ 523, по нумерации А. А. Бобринского) располагался на узкой возвышенности, в 0,25 км к югу—юго-западу от кургана 524 (рис. 1). Он также был раскопан названным исследователем в 1912 г. Скифское погребение, остатки которого были открыты в кургане, оказалось опустошительно ограбленным (Бобринской 1914, с. 102—103). Сохранившиеся немногочисленные предметы (обломки античной керамики и несколько бронзовых наконечников стрел) позволили отнести захоронение ко времени не позже V в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 159).

Следует также подчеркнуть, что напротив урочища Вершина, где расположен курган 524, примерно в 1,1 км к востоку от него, находится Тарасова Гора с известным памятником оседлого населения — Жаботинским поселением (рис. 1). Изучение его материалов позволило выделить в свое время особый этап в археологии раннего железного века Днепровского Лесостепного Правобережья — жаботинский (Покровская 1973).

К моменту исследований Скифской Среднеднепровской экспедиции курган, по данным топографической съемки, имел высоту до 3,0 м (от современной поверхности), слегка овальную, вытянутую с севера на юг насыпь, сужающуюся в указанных направлениях, с параметрами 55 (С—Ю) × 50 (В—З) м (рис. 2, 3).

Памятник исследован на снос, 5 основными траншеями, с оставлением шести бровок, ориентированных по оси С—Ю (рис. 4) Ширина Центральной траншеи 7,0 м (учитывалось разрушение центра насыпи раскопочным котлованом А. А. Бобринского), остальные по 3,5 м, на ширину хода бульдозера [1]. Ширина двух бровок в центре — 1,5 м, остальные — 1,0 м.

В итоге получено 12 профилей насыпи, давших полное представление об ее устройстве.

Ход полевых работ, помимо использования традиционных методов, фиксировался с помощью БПЛА (А. Коротя).

При полевых работах на подкурганном пространстве, в Центральной, Восточной первой и Западной первой траншеях обнаружено в одиночном состоянии 9 костей животных, принадлежащих быку и коню [2]. Возможно, следы

1. Насыпь кургана снята с помощью гусеничного бульдозера Т-130. После окончания археологических работ была осуществлена полная планировка участка, охватывающего площадь до 0,5 га.
2. Палеозоологическое определение произведено к. б. н. Е. Ю. Яниш (Институт зоологии им. И. И. Шмальгаузена НАН Украины.

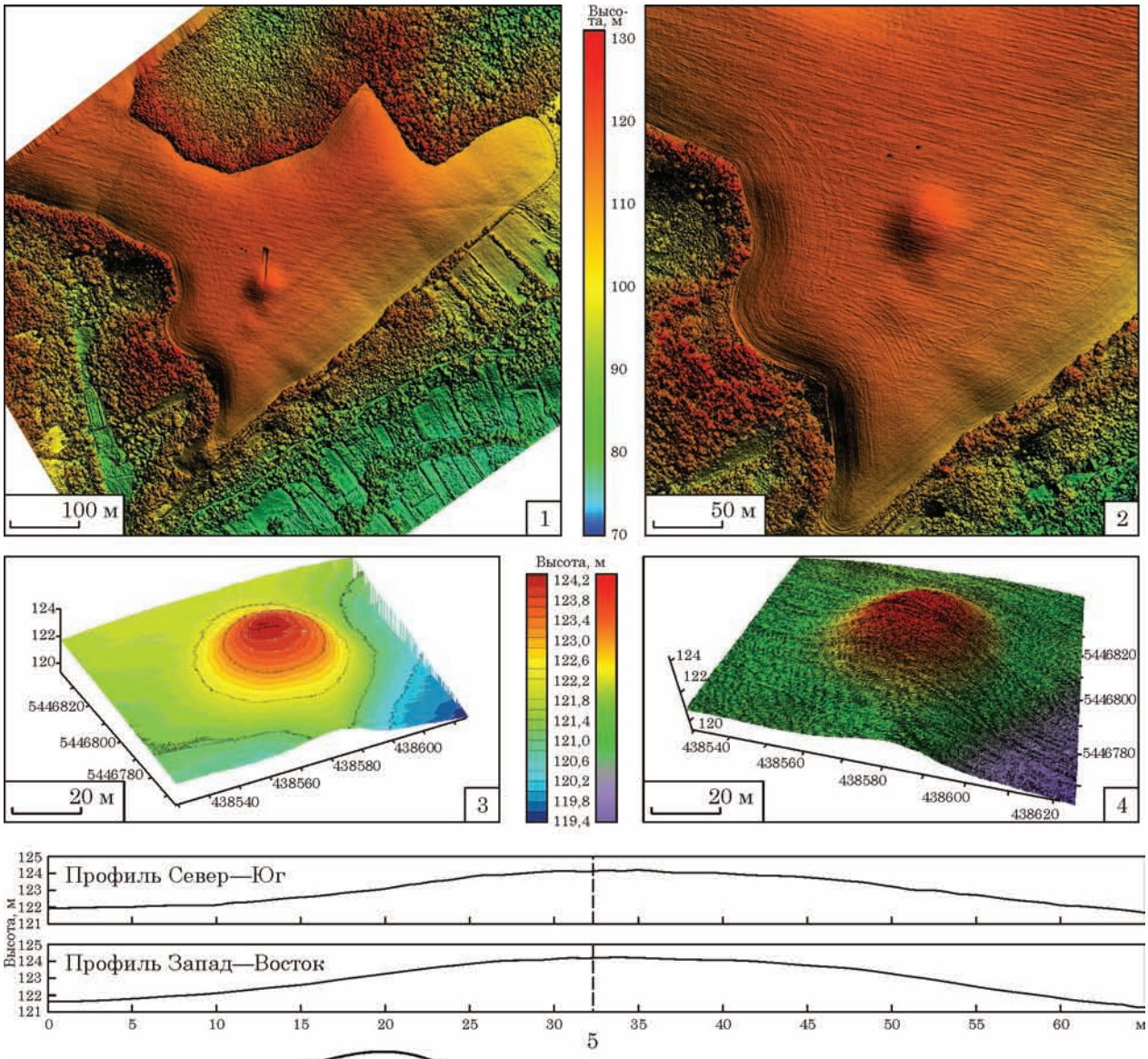
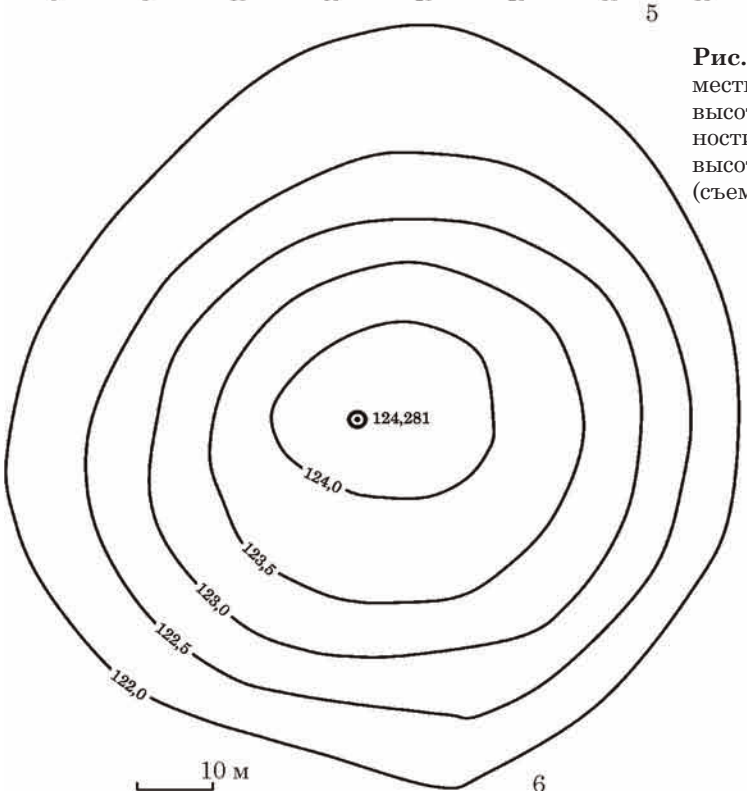


Рис. 3. Курган 524, планы: 1, 2 — ортофотоплан местности, с к. 523; 3, 4 — объемная цифровая высотная модель насыпи на ортофотоплане местности; инструментальный план с горизонталями высот и профилями насыпи до начала раскопок (съемка А. Короти)



некой тризны, хотя утверждать это категорически нельзя.

При выборке земли в траншеях на различных глубинах встречены стенки лепных сосудов (общее число 23 ед.), однако без какой-либо концентрации в определенных местах. Некоторые из них принадлежат толстостенным сосудам со слегка подлощенной поверхностью, иные, имеют грубую, шероховатую поверхность, и, скорее всего, являются обломками горшков, Один небольшой фрагмент — явно относится к миске, с двухсторонней лощенной поверхностью, причем внешняя поверхность — темного, почти черного цвета. Условия обнаружения данной керамики

Рис. 4. Курган 524 у с. Жаботин: 1 — трассировка насыпи по оси север—юг; 2 — **ю**жный участок радиальной обкладки деревом первой насыпи кургана; 3 — панорама раскопок

не дают убедительных оснований видеть в них следы поминальной тризны.

Однозначно нельзя связывать напрямую с курганом 2 венчика лепных мисок, найденных в насыпи при выборке грунта в Западной I-й и Восточной II-й траншеях. Они украшены орнаментом, свойственным предскифской керамике расположенного неподалеку Жаботинского поселения на Тарасовой Горе (Дараган 2011, с. 413, 485, рис. IV.13) и, попали в насыпь, скорее всего, случайно.

Пожалуй, следует также добавить, что в насыпи эпизодически встречались стенки лепных грубых сосудов, некоторые с расчесами, относящиеся к эпохе бронзы. Возможно, это свидетельство того, что какая-то часть грунта доставлялась на место сооружения кургана с близлежащих окрестностей. Во всяком случае, при осмотре распаханой поверхности вблизи кургана фрагменты керамики практически не встречены.

В процессе раскопок удалось получить информацию по комплексу вопросов, как-то: 1) устройство насыпи кургана; 2) характер основания Центральной наземной гробницы; 3) организация близлежащего к Центральной гробнице подкурганного пространства; 4) методика раскопок А. А. Бобринского; 5) погребальный инвентарь.

Остановимся на каждом из указанных вопросов более подробно.

1. УСТРОЙСТВО НАСЫПИ КУРГАНА

Перед тем, как перейти к конкретному описанию устройства насыпи, четко зафиксированному в ходе полевых исследований, акцентируем внимание на одном странном, на первый взгляд, обстоятельстве.

Речь идет о размерах кургана 524, сведения о которых сообщаются в публикации А. А. Бобринского, и тех, которые зафиксированы нами перед началом раскопок, т. е. высоте 5,40, при диаметре примерно 68 м (А. А. Бобринской), и высоте до 3,0 м, при размерах 55 × 50 м (данные 2019 г.). Если предположить, что курган при высоте 5,40 м распахивался в течение продолжительного времени, перемещенный объем земли, имеющий в центре мощность почти до 3,0 м, должен был a priori увеличить диаметр кургана. Но этого, однако, не наблюдается. Диаметр кургана даже несколько уменьшился при уменьшении насыпи почти на 3,0 м. Эту ситуацию можно объяснить лишь одним — преднамеренным удалением части черноземной насыпи. Похоже, что этот факт действительно имел место, поскольку, по воспоминаниям старожилов, в послевоенный период с кургана производили отбор чернозема на сельскохозяйственные нужды. Правда, можно предположить и иное. Раскопщики при работах 1913 г. грунт центральной части насыпи складировали отдельно, вблизи кургана, а не раскидывали по сторонам. Об этом, возможно, свидетельствует фиктивная насыпь слегка продолговатой формы, к югу от № 524 (рис. 3), которую мы приняли за еще один небольшой курган, проверив с помощью бульдозера. В более же позднее время уже добирался чернозем непосредственно с насыпи 524.

Следует также отметить иной факт. По данным геомагнитной и георадарной съемок, осуществленных перед началом раскопок (Геофизический… 2019), с западной и восточной сторон насыпи фиксировались некие аномалии в виде дуг, будто бы некая выборка земли, что породило версию о наличии кольцевого рва. Однако в ходе осуществленных раскопок она не подтвердилась. В равной степени ошибочна мысль и о наличии второй гробницы под курганной насыпью, на что, как будто, указывали аномалии, зафиксированные упомянутыми съемками, к северу от Центральной наземной гробницы.

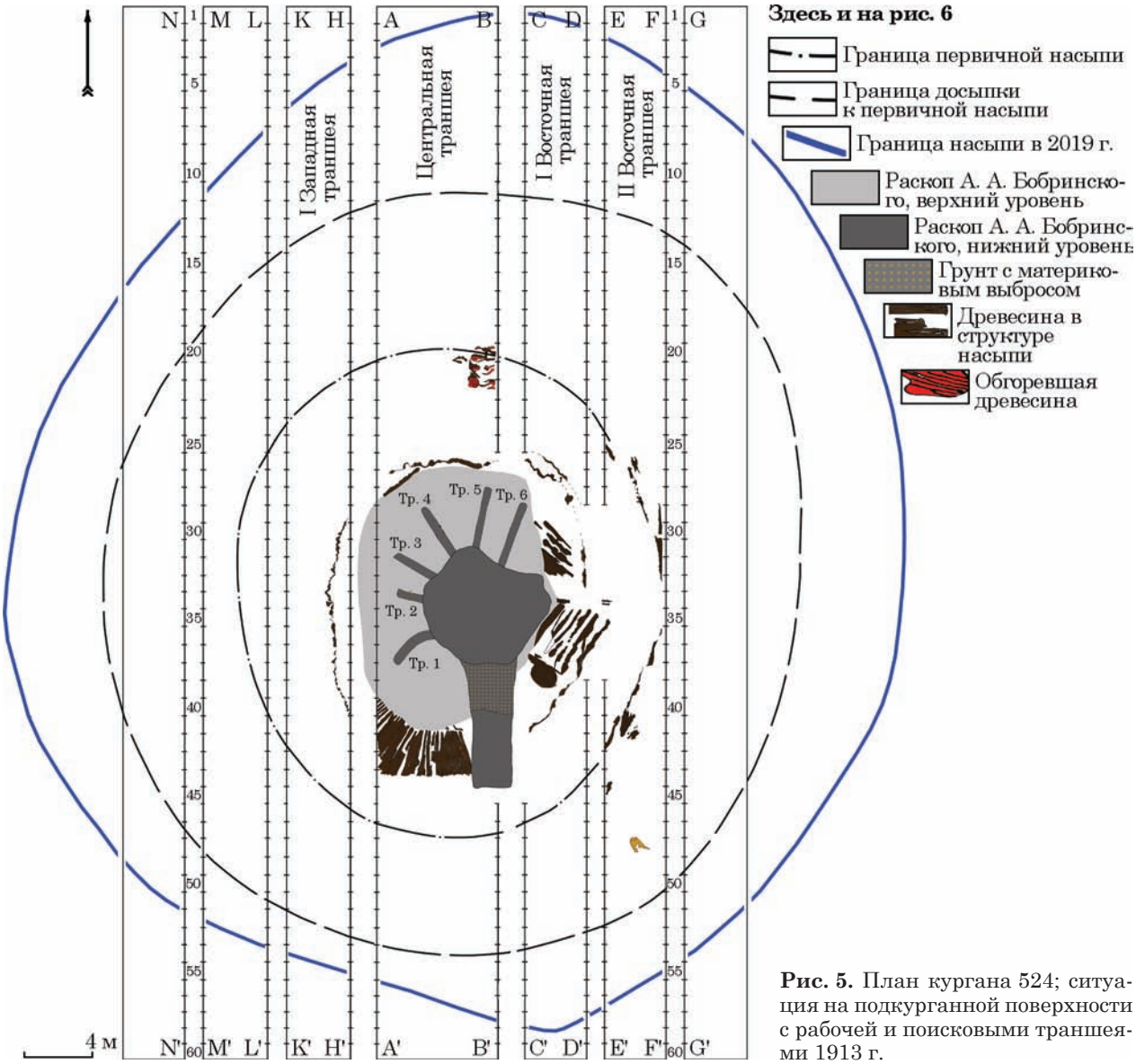


Рис. 5. План кургана 524; ситуация на подкурганной поверхности с рабочей и поисковыми траншеями 1913 г.

Данные стратиграфии насыпи (как уже отмечалось 12 профилей) неоспоримо свидетельствуют, что она возводилась в два приема.

Обе насыпи сложены из однородного, довольно темного чернозема.

Первая насыпь была сооружена над наземной деревянной гробницей, остатки которой открыл в 1913 г. А. А. Бобринской (рис. 5, 6). Стратиграфически ее вид и размеры фиксировались в трех раскопочных траншеях (Центральная, Западная I-я, Восточные I-я и II-я) и на семи профилях бровок. При этом абрис насыпи целиком виден на профилях H—H' (Западная I-я траншея), D—D' (Восточная I-я траншея), E—E' (Восточная II-я траншея; рис. 7). Самый центр насыпи (т. е. наиболее высокая его часть) был разрушен котлованом А. А. Бобринского. Тем не менее, высота насыпи в профилях A—A' (Центральная траншея) и C'—C (Восточная I-я траншея) вполне реконструируются (рис. 7). По данным стратиграфии профиля C'—C, высота первой насыпи от уровня древнего горизонта могла быть до 3,80 м, а с учетом разрушения центральной части кургана — до 4,0 м Диаметр первой насыпи, принимая во внимание ее контуры на всех профилях, составлял примерно 29 (север—юг) × 25 м (восток—запад), т. е. она имела овальную слегка вытянутую с севера на юг форму (рис. 5, 6).

Насыпь кургана первоначально была полностью обложена радиально дубовыми плахами. В центральной части выкладка основательно разрушена раскопочным котлованом и траншеей А. А. Бобринского (рис. 5, 6), но на отдельных участках и в профилях эта «шатровидная» конструкция фиксировалась чрезвычайно четко (рис. 7). Особенно хорошо сохранился участок радиальной обкладки в южной части Западной I-й траншеи (рис. 4—6). Ширина плах здесь от 10 до 20 см. Некоторые из расчищенных плах имели длину 2,0—2,5 м. На отдельных из них фиксировались следы горения.

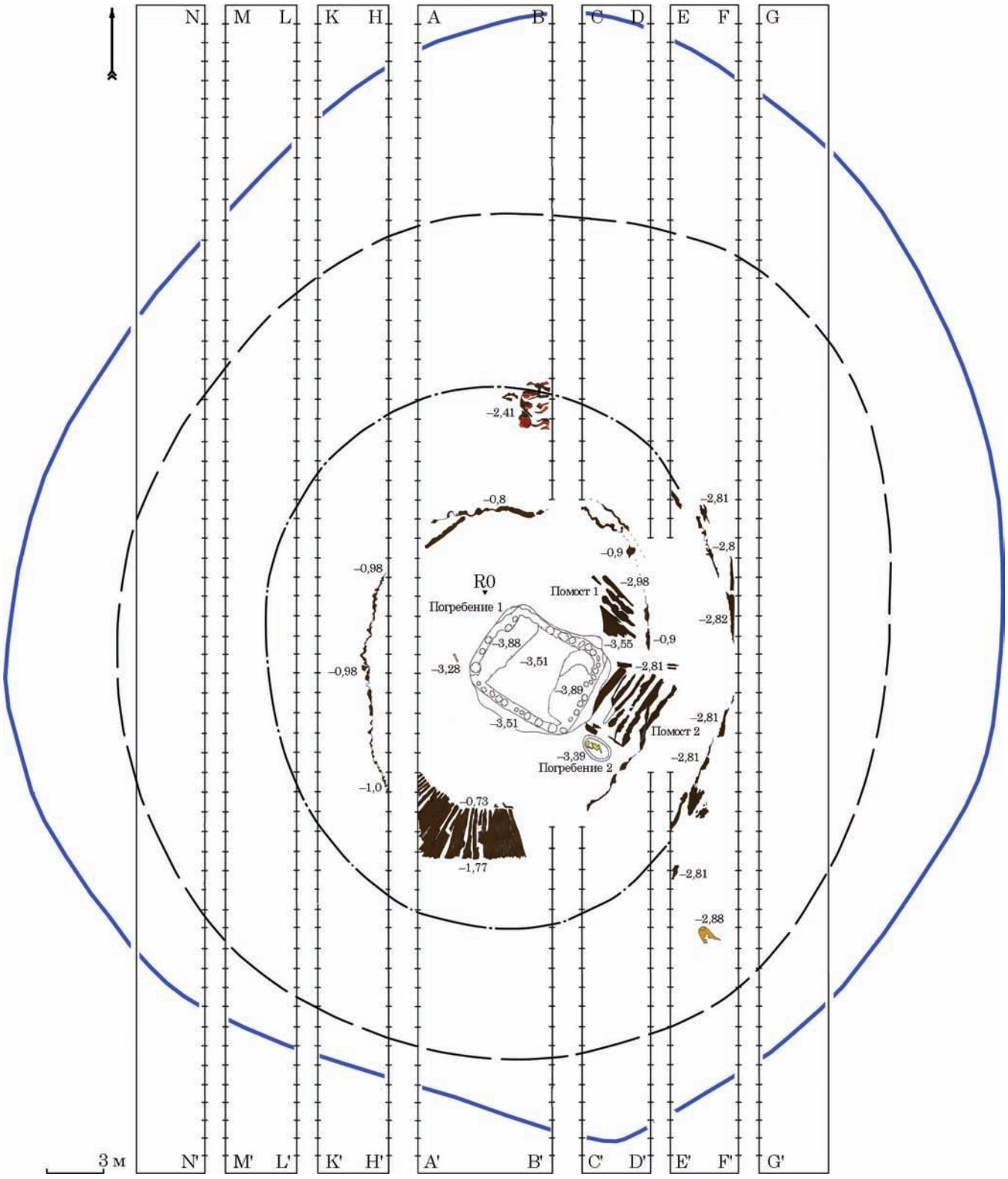
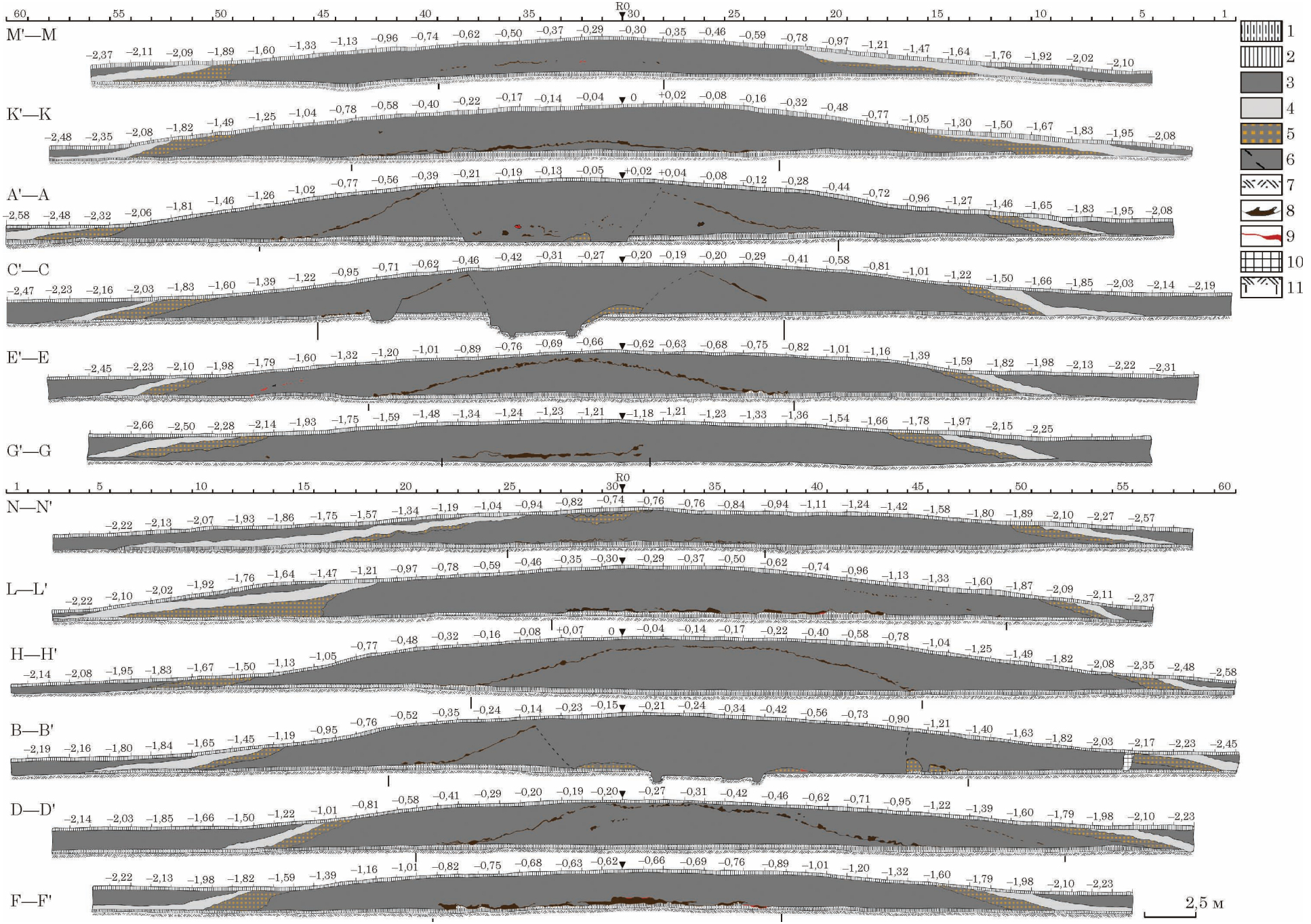


Рис. 6. План кургана 524; без рабочей и поисковых траншей 1913 г.

Рис. 7. Профили кургана 524 у с. Жаботин; **условные обозначения**: 1 — древняя дневная поверхность; 2 — пахота; 3 — чернозем; 4 — серый грунт; 5 — грунт с материковым выкидом; 6 — контур раскопа А. А. Бобринского; 7 — материк; 8 — остатки дерева; 9 — обгоревшее дерево; 10 — сороменное нарушение насыпи; 11 — фрагменты профилей с указанием остатков первой насыпи


M'—M
K'—K
A'—A
C'—C
E'—E
G'—G
N—N'
L—L'
H—H'
B—B'
D—D'
F—F'
R0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
2,5 м

Зачастую встреченные плахи столь ровные, словно, некоторые из них были оструганы.

Вторая насыпь (или досыпка) значительно увеличила размеры кургана. Диаметр ее фиксируется практически во всех профилях наличием специальных, в основном, двухслойных своеобразных крепид, сооруженных из глинистого и серого грунтов, отличающихся от чернозема насыпи (рис. 7). Эти крепиды четко ограничивают диаметр второй насыпи (или досыпки), охватывая подножие кургана и на определенную высоту — склоны. Длина крепиды колеблется от 5,0 до 7,5 м, при максимальной толщине 1,0—1,20 м.

Максимальный диаметр второй насыпи, по стратиграфическим данным профилей, составляет не более 47 (север—юг) на 40 м (восток—запад; рис. 5, 6). Она также имеет форму правильного овала.

Учитывая сведения А. А. Бобринского, о том, что курган к моменту его исследования имел диаметр примерно 68 м, складывается вполне определенное впечатление: ко времени раскопок 1913 г. насыпь кургана уже была основательно распахана.

Возникает вопрос: какова же была первоначальная высота кургана после досыпки, если в десятых годах XX в. она достигала 5,40 м? В свое время один из авторов данной работы привел сводки больших курганов скифской эпохи в Днепровском Лесостепном Правобережье, в которых отражено сочетание диаметра и высоты памятника в наши дни (Скорий 1990, с. 106, 107). Из них вполне очевидно, что некоторые курганы диаметром около 50 м, вполне могли иметь высоту 7,0 м и более.

Мы не знаем, каков был хронологический промежуток между созданием первой и второй насыпей кургана. Их грунт — чернозем, мало чем отличается по внешнему виду. Четким разграничением двух насыпей являются лишь остатки радиальной обкладки на первой из них.

Стало почти аксиомой в курганной археологии, что наличие досыпки (или второй насыпи) в кургане предполагает a priori присутствие второго, впускного погребения (или погребений). Однако, в кургане 524 у с. Жаботин эта закономерность отсутствует. Досыпка явно есть, впускной могилы (или могил) явно нет. Версия о том, что в насыпи могло быть некое захоронение и оно разрушено, скажем, в ходе работ 1913 г. не может приниматься во внимание. Курган копали вручную, лопатами, достаточно наблюдательные люди (они, к примеру, нашли ряд мелких вещей в ограбленной в древности Центральной гробнице), и допустить, что раскопщики могли пропустить какое-либо погребение — просто не реально.

Остается лишь одно: предположить, что в силу, очевидно, достаточно высокого статуса погребенного (-ых) в Центральной гробнице, насыпь кургана через некоторое, возможно, небольшое время (например, через год) была основательно увеличена.

Наличие шатровой конструкции в кургане 524 у с. Жаботин (а не «двух крыш» — как считал в свое время А. А. Бобринской) совершенно не должно удивлять, более того, на наш взгляд, вполне закономерно. Вспомним, что именно в этом районе, по сути, во всех в той или иной степени исследованных курганах раннескифского времени обнаружены шатровидные конструкции, дерево которых не обожжено, слегка обожжено или сгорело практически полностью. Речь идет о кургане Червона Могила у с. Фларковка, относящемуся к концу VII — началу VI вв. до н. э., а также двух частично раскопанных курганах, на одном из которых (высота 5,0 м) в свое время проводил работы В. В. Хвойка (Ковпаненко 1984, с. 107—112, 113; 1998).

Шатровые (шатровидные) конструкции в курганах раннего железного века евразийского региона известны довольно хорошо, в том числе в лесостепных древностях раннескифской поры на Юге Восточной Европы. По-видимому, своими истоками они восходят к погребальным конструкциям эпохи бронзы и получили достаточно широкое распространение в кочевом мире скифской эпохи. Для территории Лесостепи шатровидные надмогильные конструкции, безусловно, являются этнокультурным маркером, фиксирующим проникновение степных кочевников в данные пределы (Скорий 1987; Скорый 2003, с. 53).

2. ХАРАКТЕР ОСНОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАЗЕМНОЙ ГРОБНИЦЫ

К счастью, углубленное основание наземной погребальной конструкции Центральной гробницы, которую открыл в 1913 г. А. А. Бобринской, оказалось, в основном, не нарушенным в ходе упомянутых раскопок. Более того, во всех столбовых ямах, располагавшихся по периметру основания, сохранились в той или иной степени остатки дерева от столбов (рис. 8, 9). Это позволяет нам не только провести объективное описание объекта, но и сравнить полученную информацию с той, что в свое время была опубликована А. А. Бобринским.

Отметим, что к моменту открытия основания гробницы, оно было заполнено в основном темным черноземом, лишь в центральной части фиксировались прослойки материковой глины толщиной до 0,20 м. В северной половине углубленного основания — канавке для фиксации столбов, в нижней части заполнения, т. е. забутовке данной столбовой конструкции, найдены ручка античной амфоры и невыразительный фрагмент стенки лепного сосуда с подлощеной поверхностью. В южной части зафиксировано несколько сильно разрушенных человеческих костей.

Углубленное основание наземной бревенчатой конструкции ориентировано по оси СЗ—ЮВ, что вполне *совпадает* с информацией А. А. Бобрин-

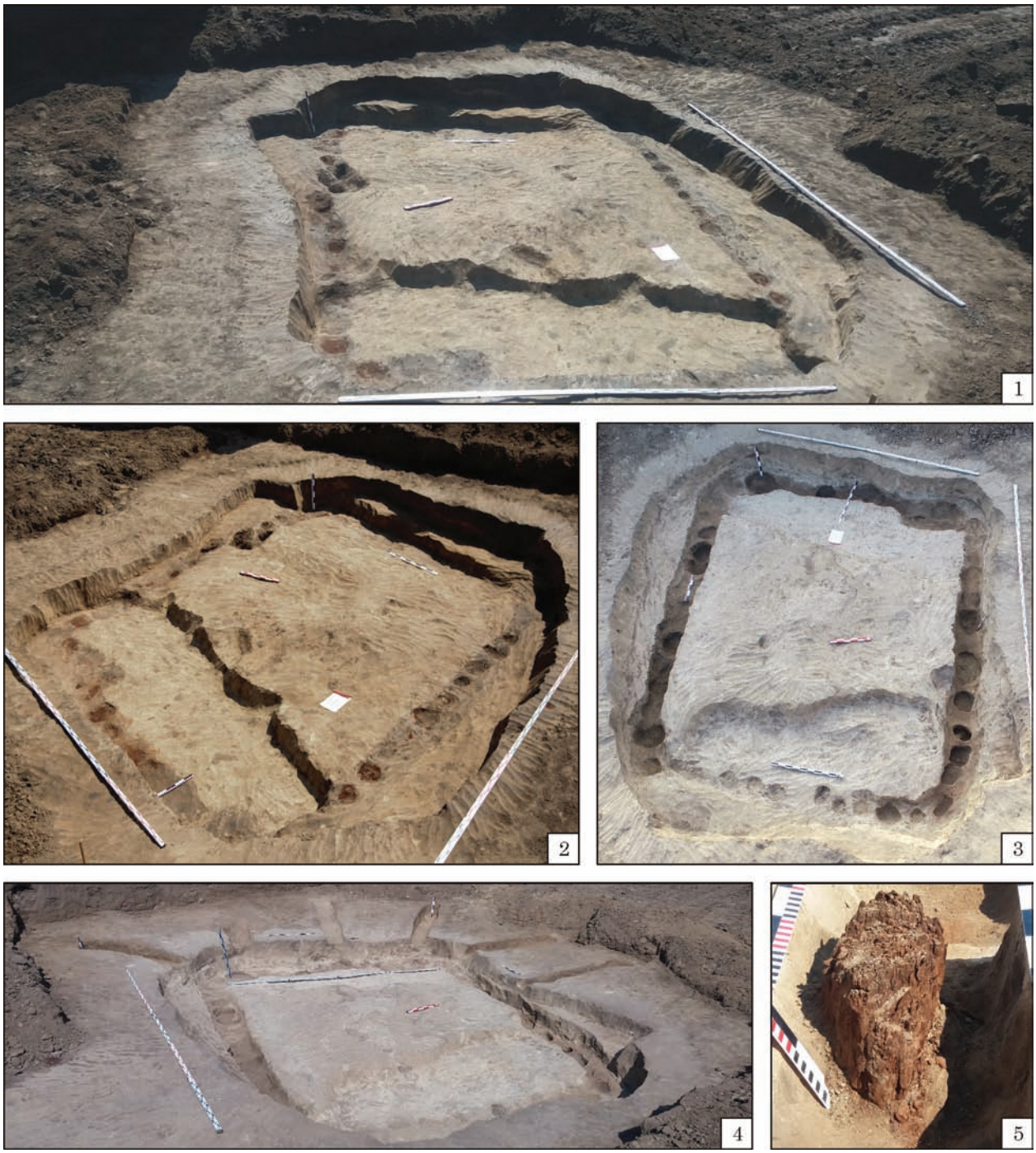


Рис. 8. Углубленное основание Центральной гробницы (погребение 1), фото: 1—3 — с канавками по периметру со столбовыми ямками и остатками дерева; 4 — с лучевидными поисковыми траншеями 1913 г.; 5 — один из крупных дубовых столбов в канавке основания гробницы

ского. Основание имеет почти прямоугольную форму, хотя углы его слегка закруглены. Оно ограничивается прокопанной с уровня древнего чернозема канавкой шириной до 0,50 м, впущенной в материк примерно на 0,60 м, в дне которой, в свою очередь, находятся ямки для столбов различного диаметра и глубины (рис. 8, 9).

Вместе с тем, реальные размеры основания наземной гробницы отличаются от тех, что привел в публикации А. А. Бобринской. У него — длина склепа (по оси СЗ—ЮВ) равна 6,3 м, ширина 5,45 м, т. е. общая площадь гробницы — около 35 м^2 (Бобринской 1916, с. 3). На самом деле размеры гробницы иные: с внутренней стороны основания столбов они равны 5,5 × 4,0 м, т. е. 22,0 м^2, по внешней линии столбов — 6,0 × 4,7 м, т. е. 28,2 м^2. Вполне очевидно: размеры погребальной конструкции явно преувеличены.

Общее количество столбов, составлявших стены погребальной конструкции, их диаметр также весьма отличаются от данных, приводимых А. А. Бобринским.

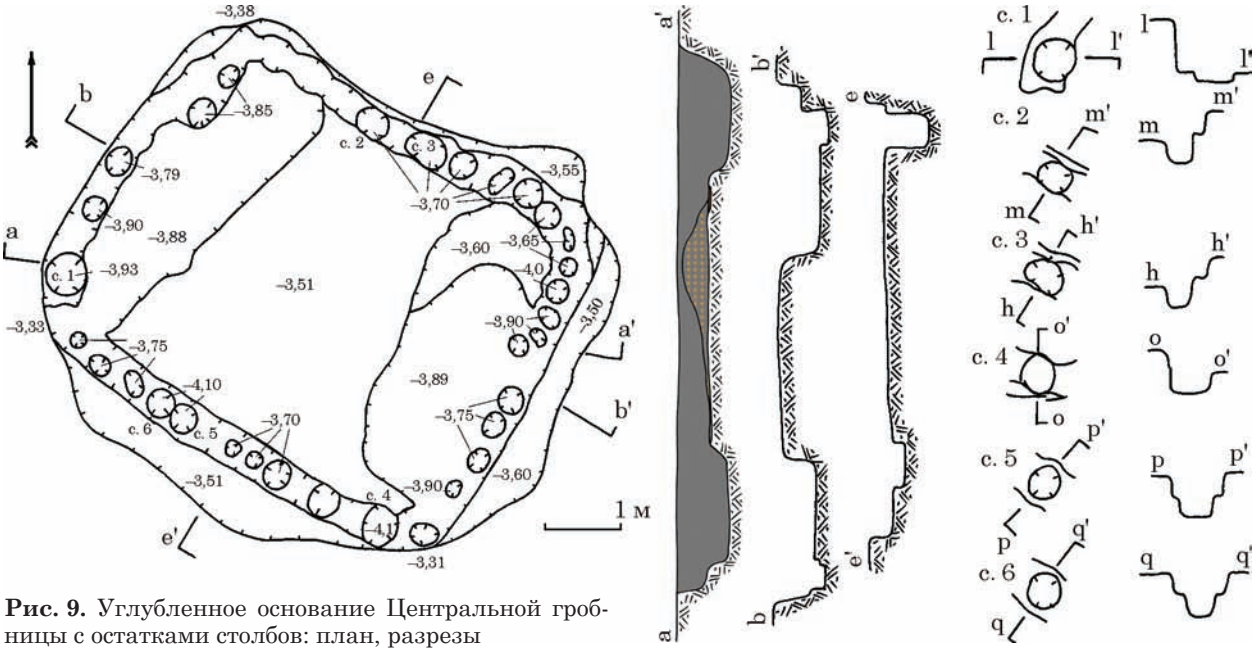


Рис. 9. Углубленное основание Центральной гробницы с остатками столбов: план, разрезы

Так, число столбов в реалии равно 34, при этом ямки от двух из них (в северо-восточном углу) были столь мелки, что с трудом просматривались на дне канавки. По длинным сторонам их было 9, северо-восточная стена, и 10, юго-восточная стена. По коротким сторонам — соответственно — 5 столбов, северо-западная стена, и 10, юго-восточная. В публикации же А. А. Бобринского упоминаются 54 столба (т. е. на 20 столбов больше), при этом по 16 — вдоль длинных стен, по 11 — вдоль коротких (Бобринской 1916, с. 3).

Стоит также добавить, что по всем четырем углам *не фиксировались* остатки столбов «огромных размеров», о чем речь идет в публикации А. А. Бобринского. На самом деле, лишь 2 столба отличаются большими диаметрами: один из них находился в юго-западном углу, другой — примерно по центру длинной, северо-восточной стены (рис. 8, 9). Диаметр сохранившейся основы этих столбов достигает 0,50 м (рис. 8: 5). В целом же, диаметр столбов колеблется от 0,20 до 0,35 м. Наименьшим диаметром отличаются столбы юго-восточной стенки погребальной конструкции.

Не наблюдаются и следы обожжения нижних концов столбов, вставленных в канавку, о чем сообщает А. А. Бобринской (1916, с. 3).

Изучение остатков древесины показало, что столбы были изготовлены из дуба черешчатого (*Quercus robur* L.) [1].

Любопытно то, что буквально под основаниями всех столбов земля имеет зеленовато-серый цвет, похоже, свидетельствующий о том, что в канавке был затек воды. Т. е. можно предположить, что после ее прокапывания, до установки столбов, прошел дождь, что и привело к образованию затека.

Нужно отметить еще один немаловажный момент. Реальный уровень пола, на котором в свое время размещались погребенные лица и вещи, сохранился лишь в центральной части основания склепа, между стенами, на ширину 2,0—4,5 м. С двух сторон, северо-западной и юго-восточной, прокопы на глубину до 0,50 м при этом материковая глина из них выкладывалась на сохранившийся участок пола (рис. 8, 9).

Полагаем, что в указанных местах пол был перекопан в 1913 г. именно потому, что на данных участках были найдены предметы погребального инвентаря, и раскопщики надеялись на обнаружение неких тайников.

Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, объясняется и наличие с северо-западной и северо-восточной сторон основания склепа 6-ти поисковых траншеек различной длины, ширины и глубины, лучеобразно идущих от погребальной конструкции в стороны. Их размеры по часовой стрелке: № 1 — длина 2,50; ширина 0,45; глубина 0,40 м; № 2 — соответственно — 1,50; 0,45; 0,30 м; № 3 — 2,70; 0,30—0,50; 0,15 м; № 4 — 3,10; 0,50; 0,50 м; № 5 — 3,50; 0,35—0,40; 0,30 м; № 6 — 3,80; 0,30—0,40; 0,50 м (рис. 8: 4; 10).

В заполнении канавки 2 найдена обломанная берцовая кость (женщина, молодого возраста) [2], вероятно, перемещенная туда из могилы кем-то из раскопщиков.

Ситуация с наличием системных поисковых траншей, идущих от стен погребальной камеры в стороны, с целью обнаружения тайника (?) или каких-либо дополнительных погребальных конструкций, зафиксированная в Центральной

1. Здесь и далее: определение породы дерева произвел А. И. Попов, инженер 1 категории Ботанического сада Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

2. Антропологическое определение осуществлено с. н. с. отдела биоархеологии ИА НАН Украины к. и. н. А. Д. Козак.

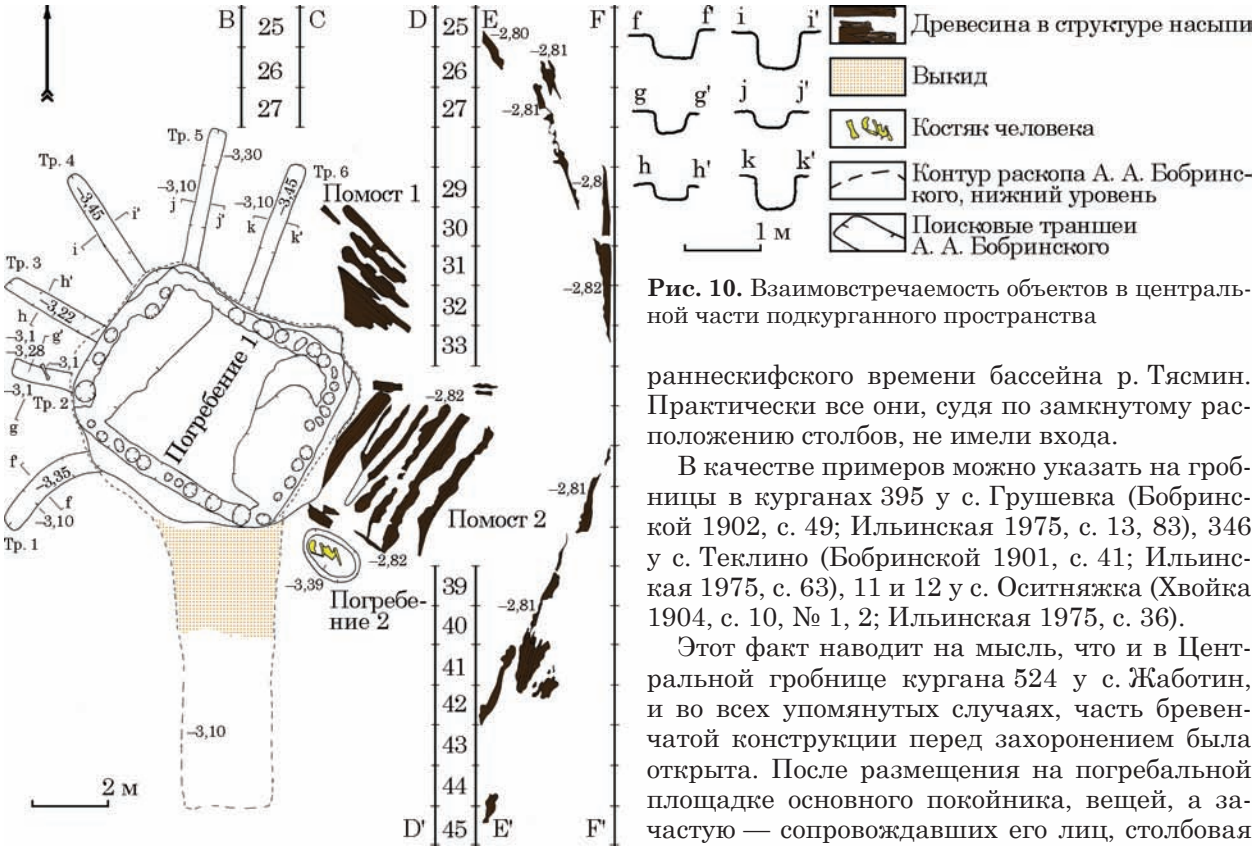


Рис. 10. Взаимовстречаемость объектов в центральной части подкурганного пространства

гробнице Жаботинского кургана 524, перекликается с той, что мы встретили при исследовании скифской гробницы V в. до н. э. в кургане Орликова Могила на Кировоградщине в 2018 г. Там материковые стены могилы были пробиты почти прямой линией ям — круглых поисковых траншеек, выполненных с помощью пневматического бура (Скорый и др. 2019, с. 166, рис. 10).

Мы не знаем высоту бревенчатых стен наземной конструкции или деревянного склепа, а также устройство крыши. Однако довольно большой диаметр большинства столбов позволяет предположить, что высота стен могла быть до 2,0 м. Крыша же конструкции, поскольку в центре нет опорных столбов, скорее всего, была плоской.

Интересно отсутствие в склепе входа как такового. Подобный факт засвидетельствован не только в кургане 524 у с. Жаботин, но и у целого ряда иных погребальных памятников, в первую очередь, раннескифского времени Лесостепи.

По классификации, предложенной в свое время В. А. Ильинской, гробница в кургане 524 относится к деревянным склепам со впущенным в грунт основанием (Ильинская 1975, с. 79). Подобные подкурганные конструкции характерны, прежде всего, для древностей Днепровского Лесостепного Правобережья, хотя изредка фиксируются и в Левобережной Лесостепи, например, в бассейне Северского Донца (Окатенко, Скорый, Зимовец 2018, с. 224, рис. 9, с. 226, 227, рис. 10, 11). В Днепровской Правобережной Лесостепи они встречаются в пределах всего региона, но более свойственны для курганов раннескифского времени бассейна р. Тясмин. Практически все они, судя по замкнутому расположению столбов, не имели входа.

В качестве примеров можно указать на гробницы в курганах 395 у с. Грушевка (Бобринской 1902, с. 49; Ильинская 1975, с. 13, 83), 346 у с. Теклино (Бобринской 1901, с. 41; Ильинская 1975, с. 63), 11 и 12 у с. Оситняжка (Хвойка 1904, с. 10, № 1, 2; Ильинская 1975, с. 36).

Этот факт наводит на мысль, что и в Центральной гробнице кургана 524 у с. Жаботин, и во всех упомянутых случаях, часть бревенчатой конструкции перед захоронением была открыта. После размещения на погребальной площадке основного покойника, вещей, а зачастую — сопровождавших его лиц, столбовая конструкция закрывалась полностью.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ БЛИЗЛЕЖАЩЕГО ПОДКУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА

Открытые в центре подкурганного пространства и расположенные вблизи друг от друга Центральная гробница 1 (а точнее — ее основание), 2 помоста (или настилы), выложенные из дерева, и погребение 2, несомненно, составляли единый синхронный погребально-ритуальный комплекс кургана (рис. 10—12). Остановимся конкретнее на каждом из входящих в него объектов.

Помосты или настилы. Находятся с северо-восточной (помост 1) и юго-восточной (помост 2) сторон Центральной гробницы, на небольшом расстоянии друг от друга.

Помост 1 примыкает, по сути, к северо-восточной, длинной стороне Центральной гробницы, находясь примерно в 1,8 м к северу—северо-западу от помоста 2 (рис. 10—12). Он состоит из отдельных плах, выложенных параллельно друг другу, по линии северо-запад — юго-восток. Сохранился частично. Его северо-западную сторону полностью разрушил, судя по всему, раскопочный котлован А. А. Бобринского. Помост сохранился в ширину до 2,0 м, в длину — до 3,20—3,30 м. Практически все его плахи имеют следы горения.

Помост 2. Расположен вплотную к короткой юго-восточной стене Центральной гробницы (рис. 10—12). Ориентирован по оси северо-восток—юго-запад. Имеет почти квадратную форму. Состоит из отдельных плах. Общие размеры помоста — не менее 3,6 × 3,3 м. Сохранность

Рис. 11. Деревянные помосты: 1 — № 1, со следами горения по всей площади, вид с северо-запада; 2 — № 2, на заднем плане — деревянное перекрытие сопровождающего погребения 2, вид с северо-востока

плах различна. Размеры пяти наиболее хорошо сохранившихся плах, по направлению с востока на запад: длина 3,40, ширина 0,23 м. Соответственно далее: 3,3—0,28; 3,95—0,29; 3,60—0,21; 3,9—0,29 м. На ряде плах, особенно в северо-западной части помоста, видны следы горения.

Следует отметить, что на помостах отсутствовали какие-либо предметы.

Близкие помосты (или настилы) — одна из черт (по мнению С. С. Бессоновой), характерных для подкурганных святилищ погребального культа эпохи раннего железа в евразийском ареале в целом, и в пределах лесостепного региона Восточной Европы, в частности (Бессонова 1989, с. 53, 54; 1994, с. 8—10).

В недавнее время 2 подобных помоста (один из которых сохранился хорошо, имел прямоугольную форму при размерах 5,5 × 3,6 м) были обнаружены в кургане 4 Дуншовской группы Люботинского могильника, в бассейне Северского Донца (Днепровское Лесостепное Левобережье). Они располагались вблизи с заглубленным основанием обширной наземной конструкции, по-видимому, ритуального характера, относящейся к концу VII в. до н. э. (Окатенко, Скорый, Зимовец 2018, с. 219, 221, рис. 5). Правда, на указанных помостах не фиксировались следы горения дерева, но какие-либо предметы также не были найдены.

Как представляется, зафиксированные следы обожженности отдельных плах шатровидной конструкции и помостов отражают идею очищения огнем, столь широко известную в древности, в том числе — в раннем железном веке, у населения предскифского и скифского времени.

В свете открытия деревянных помостов (или настилов) в кургане 524 у с. Жаботин, похоже, можно допустить, что подобные конструкции на подкурганной поверхности были свойственны не только святилищам погребального культа, но и являлись неким элементом похоронной архитектуры погребальных памятников, во всяком случае, эпохи архаики.

Погребение 2 (сопровождающее Центральную гробницу). Расположено примерно в 1,0 от юго-восточной, короткой, стенки Центральной гробницы, юго-западнее края помоста 2 (рис. 10, 13)

Захоронение выполнено в грунтовой яме, в слое древнего чернозема и перекрыто сверху деревом.

Могила вытянуто-овальной формы ориентирована по оси запад-северо-запад—восток-юго-восток. Размеры по верху 1,70 × 1,10 м, по дну — 1,60 × 0,90 м. Стены неровные.

Перекрытие состоит, как минимум, из двух (?) слоев хорошо отесанных дубовых досок или плах, выложенных вдоль ямы. Последние сохранились в кусках. Ширина наиболее выразительных из них: 8; 10; 10; 12 см, толщина: 3; 4; 5; 6 см.

К моменту исследования перекрытие имело просадку, особенно в центральной части.

Костяк очень плохой сохранности (13—15 лет, пол не ясен) лежал головой на запад-север-запад, на правом боку. Ноги подогнуты в коленях. Левая рука, согнутая в локте, у левой стороны

лица, правая — под головой, с кистью, вытянутой вперед (рис. 13). На костях просматриваются следы слабого воздействия огня: тело пребывало в условиях невысокой температуры, примерно 100—200 °С относительно короткий промежуток времени что привело к частичной мумификации тела (Козак, Слободян 2020) [1].

Под костяком фиксировались следы подстилки растительного происхождения, в районе черепа — остатки органики зеленого цвета. Какие-либо вещи отсутствуют.

Вряд ли стоит трактовать погребение 2, расположенное между Центральной гробницей и помостом 2 в качестве обычного сопровождающего захоронения. Отсутствие вообще каких-либо вещей в могиле (а они, в общем, свойственны для сопровождающих лиц скифской поры, размещенных поблизости с основным покойником [2], хотя известны и исключения) наводит на мысль, что это было некое жертвоприношение основному погребенному (-ым) из Центральной гробницы. В этой связи можно высказать предположение, что оба помоста и погребение 2 являются единым ритуальным комплексом, связанным с основным погребением кургана. Стоит отметить, что один из помостов (№ 1), практически по всей площади, имеет следы горения, а потому не исключено, что на нем на какое — то время находился покойник из погребения 2, т. е. проходил *«процедуру ритуального очищения огнем»* перед размещением его в могиле непосредственно рядом с Центральной гробницей.

1. Определение возраста погребенного и изучение костных остатков осуществили сотрудники отдела биоархеологии ИА НАН Украины А. Д. Козак и Т. И. Слободян.
2. См., например, курган скифской элиты, правда, более позднего времени в степном ареале, Приазовье, Двугорбую Могилу (Привалов, Зарайская, Привалов 1982, с. 156, 159) и др.

Рис. 12. Деревянные помосты 1 и 2 и сопровождающее погребение 2

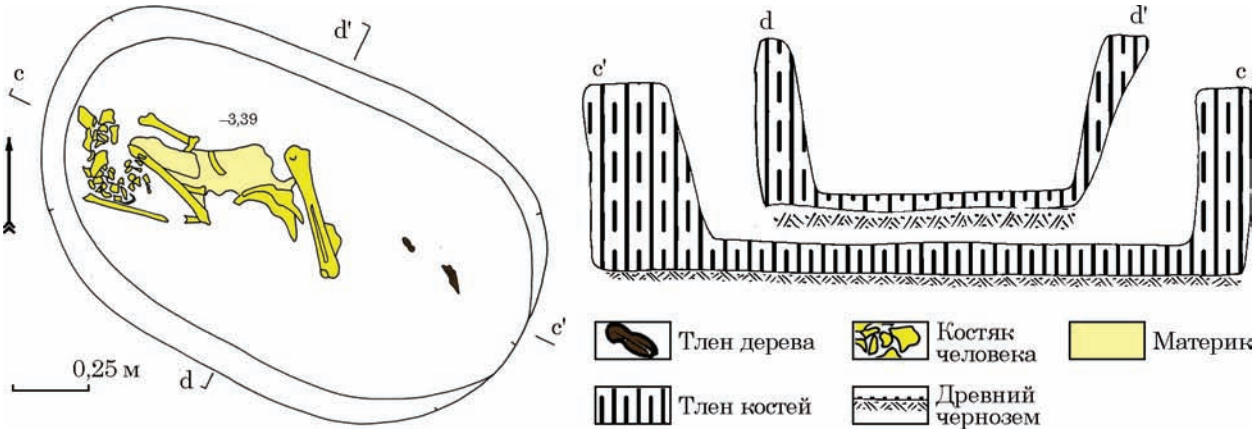


Рис. 13. Сопровождающее погребение 2: план и разрезы

Нас не должно смущать скорченное на боку положение скелета в погребении 2. Вытянутое, на спине положение костяков в могилах скифской эпохи (как в собственно в скифских погребениях степной зоны Северного Причерноморья, так и лесостепных захоронениях скифской поры на Юге Восточной Европы) является, безусловно, доминирующим, но вовсе не единственным. Сказанное особенно касается архаики.

Так, в раннескифских курганах Днепровской Правобережной Лесостепи, прежде всего — в бассейне р. Тясмин, где расположен курган 524 (Ильинская 1975, с. 15—17, 24, 25, 34—36, 38, 46, 47; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35, 40; Ковпаненко 1984, с. 112), в меньшей степени — в бассейне р. Рось (Ковпаненко 1981, с. 9, 21) захоронение лиц в упомянутой позе отнюдь не редкость. В определенной степени фиксируется в той или иной степени скорченность и в архаических курганах бассейна р. Ворскла, историческим судьбами связанным с Правобережным регионом в эпоху раннего железа (Ковпаненко 1967, с. 90; Бойко, Берестнев 2001, с. 31, 32).

Следует заметить, что положение покойника на боку, со слегка подогнутыми коленями фиксируется, хотя и нечасто, и в раннескифских могилах Степного Северного Причерноморья (Ольховский 1991, с. 58).

Разумеется, не совсем «стандартную» позу погребенного в могиле 2 кургана 524 у с. Жаботин (скорченность, на боку) можно трактовать как свидетельство зависимого положения покойника.

Однако нельзя исключать, что подобное положение тела умершего в могиле объясняется не только его зависимым, низким социальным статусом, но и принадлежностью к иному этносу, применительно к лесостепному ареалу — автохтонному населению. Разумеется, при этом, одно другого совершенно не исключает.

Стоит напомнить, что в древностях Лесостепи известны отдельные сопровождающие основного покойника погребения, выполненные по иному обряду. Как пример, можно привести ситуацию в Центральной могиле кургана 20 у г. Смела, правда, относящейся к более позднему времени, а именно — IV в. до н. э. Женщина, основная покойница, лежала вытянуто, на спине, головой на запад, в сопровождении многочисленного инвентаря, в том числе — из драгоценных металлов. В ногах у нее располагался костяк служанки (?), на правом боку, слегка скорченно. При ней были железный браслет, бронзовые подвески подгорцевского типа и две пастовые бусины-пронизи (Ильинская. Тереножкин 1983, с. 255).

Нужно отметить, что в ряде случаев, там, где было осуществлено антропологическое определение костяков или они сопровождались абсолютно характерным погребальным инвентарем, в скорченном положении были похоронены женщины (Ильинская 1975, с. 17, 24, 25, 34, 46, 47; Ковпаненко 1984, с. 112; Бойко, Берестнев 2001, с. 31, 32), реже — подростки или дети (Ильинская, Мозолевский. Тереножкин 1980, с. 35, 36, 40).

Нельзя исключать, что подобные женские захоронения принадлежат представительницам аборигенного населения Лесостепи, с которыми могли вступать в брачные отношения пришельцы-степняки. Похоже, в пользу этого свидетельствует ситуация, известная нам в двух раннескифских погребениях Лесостепи, относящихся к одному хронологическому отрезку (конец VII—начало VI вв. до н. э.) — кургане 407 у с. Журовка и кургане Червона Могила у с. Фляркoвка. В обоих случаях основное мужское захоронение сопровождалось женским костяком, в скорченном положении, при наличии разнообразных предметов инвентаря, в том числе — немногочисленных золотых украшений (Ильинская 1975, с. 24, 25; Ковпаненко 1984, с. 112). Видеть в них лиц низкого социального статуса вряд ли стоит.

В любом случае, вопрос о скорченных захоронениях скифской поры, в том числе в лесостепном ареале, несомненно, актуален и важен для понимания ряда аспектов истории данного региона.

4. МЕТОДИКА РАСКОПОК А. А. БОБРИНСКОГО

При исследовании кургана 524 у с. Жаботин А. А. Бобринским были использованы приемы как достаточно обычные для раскопок курганов в то время, т. е. в XIX — начале XX вв., так и в определенной степени новаторские.

Курган копался вертикальным котлованом, заложенным на вершине насыпи, примерно по центру, что вполне соответствует раскопочной методике той поры. Зафиксированные нами сверху размеры котлована 16,0 (север—юг) × 13,0 (восток—запад), т. е. примерно 200 м^2, скорее всего, не совпадают с первоначальными, поскольку насыпь кургана во времена А. А. Бобринского была на 2,40 м выше. Следовательно, площадь раскопочного котлована могла быть большей. Кстати, о котловане столь больших размеров в публикации А. А. Бобринского информации нет, а сообщается лишь, что «*исследование насыпи произведено широким раскопом, диаметром в 11,50 м*» (Бобринской 1916, с. 1). Впоследствии эти сведения стали фигурировать в некоторых работах (Рябкова 2014, с. 375). Вероятно, землю из котлована складировали к югу от кургана, о чем уже шла речь.

С определенного уровня (трудно установить какого!) котлован стал сужаться и зафиксирован нами в профилях А'—А, С'—С, сверху, шириной 10,0—11,50 м, что вполне соответствует информации А. А. Бобринского.

Достаточно обычна и боковая «отвалочная» траншея для вывоза земли, по мере углубления раскопочного котлована, упоминаемая А. А. Бобринским (Бобринской 1916, с. 1). В кургане 524 она располагалась с юга, имела ширину 2,2—3,0 м и зафиксирована нами в длину на

7 м, по пятну темного чернозема. На самом деле, по-видимому, траншея была гораздо длиннее, поскольку именно в этом южном направлении, почти в поле кургана, нами были обнаружены отдельные находки из погребальной камеры. Не исключено, что здесь была некая «разборочная» площадка, где раскопщики просматривали вывозимую (или выносимую) землю из Центрального погребения, стремясь не пропустить находки. Кстати, похоже, что отвал из этой траншеи сохранился и поныне в виде легкой возвышенности, непосредственно примыкавшей к насыпи кургана 524 с юга. Он достаточно явственно просматривается на ортофотоплане (рис. 3).

Новаторским, на наш взгляд, являются уже описанные узкие поисковые траншеи, идущие лучеобразно вглубь материка от стенок могилы, предназначение которых — обнаружение возможных тайников. Во всяком случае, у нас нет информации о таковых как до работ А. А. Бобринского, так и во время, синхронное его раскопкам.

5. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ: ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Необходимо отметить, что практически все находки найдены на упомянутой «разборочной» площадке 1913 г., к югу от Центральной гробницы. Напомним, что исключение составляют лишь ручка амфоры и фрагмент стенки лепного лощенного сосуда: они происходят из основания самой погребальной конструкции. Несмотря на малочисленность находок, они относятся к различным категориям материальной культуры.

ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ

ВООРУЖЕНИЕ И ДЕТАЛЬ СНАРЯЖЕНИЯ

1) *Пластинки панцирного набора бронзовые*. Всего обнаружено 31 экз., из которых 8 целых (или почти целых) пластинок-чешуек, остальные представлены обломками.

Все целые пластинки одинаковые по форме: продолговатые с прямоугольным верхним и округлым нижним краями. Сверху пластины имеют по 2 отверстия диаметром до 1,0 мм, на расстоянии примерно 3,0 мм друг от друга, для крепления пластин на кожаную основу панциря. Вероятнее всего, эти отверстия в тонких мягких пластинках изготавливались методом горячей высадки раскаленным острым предметом [1].

Различаются лишь по размерам: крупные — 2,4 × 2,0 см (1 экз.), средние — 2,1 × 1,6—1,7 см (3 экз.) и более мелкие — 1,7 × 1,4—1,5 см (4 экз.; рис. 14: 1—8, 10—12).

Относятся к типу 1 панцирных пластин, по классификации Е. В. Черненко. Подобные пластины получили широкое распространение в доспехе на протяжении всей скифской эпохи (Черненко 1968, с. 27).

Следует отметить, что данные пластинки ничем не отличаются от большинства тех, что были обнаружены в 1913 г. в ходе раскопок А. А. Бобринского, хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа, за исключением отсутствия продолговатых пластин, декорированных геометрическим орнаментом в виде горизонтальной полосы из ромбов (Рябкова 2014, с. 396, рис. IV: 1—7, кат. 41, 42, с. 421, табл. IV).

Т. В. Рябкова верно отметила, что чешуйчатые панцири, набранные практически полностью (или полностью) из бронзовых пластин, относятся к наиболее архаическому скифскому доспеху. В равной степени права исследовательница и в том, что наличие лишь 2 отверстий сверху на пластинах — также является признаком наиболее ранних панцирей (Рябкова 2014, с. 305). Однако менее убедительна ее версия о типе панциря, исходя из количества сохранившихся пластин. Последние, как полагает Т. В. Рябкова, учитывая находки примерно 600 пластин, покрывали площадь до 500 см^2 и могли соответствовать типу панциря в виде нагрудника (Рябкова 2014, с. 304). Увы, погребение, бесспорно, было ограблено в древности и часть инвентаря, в число которого могли входить и панцирные пластинки, оказалась извлеченной из могилы или уничтоженной.

2) *Фрагмент клинка железного двулезвийного меча.* Сохранился в длину на 11,0 см. Ширина клинка до 4,5 см. В сечении — линзовидной формы, толщина 1,2—1,8 см. Металл довольно сильно коррозирован. С одной из сторон видны сцементированные окислом железа остатки дерева, скорее всего, от ножен (рис. 14: 16). Исследование данного артефакта с помощью специального оборудования свидетельствует, что предполагаемые ножны изготовлены из твердой древесины вяза. Примечательно и то, что среди древесных остатков фиксировались и остатки кожи. Данное обстоятельство позволяет думать, что деревянные ножны меча дополнительно были обшиты кожей [2]. Что же касается металла, из которого был изготовлен меч, то ответить на этот вопрос ныне нельзя, из-за сплошного коррозионного повреждения фрагмента оружия (все железо перешло в окисел). По этой же причине невозможен металлографический анализ [3]

В коллекции находок из кургана 524, хранящейся в Эрмитаже, сохранился еще фрагмент клинка данного меча, примерно такой же длины (11,5 см, шириной 2,5—3,5 см), явно сужающийся в нижней части, с обломанным острием,

1. Заключение сделал С. А. Князев (кафедра материаловедения Национального технического университета «Харьковский политехнический институт»).

2. Определение А. И. Попова.

3. Заключение сделано С. А. Князевым.

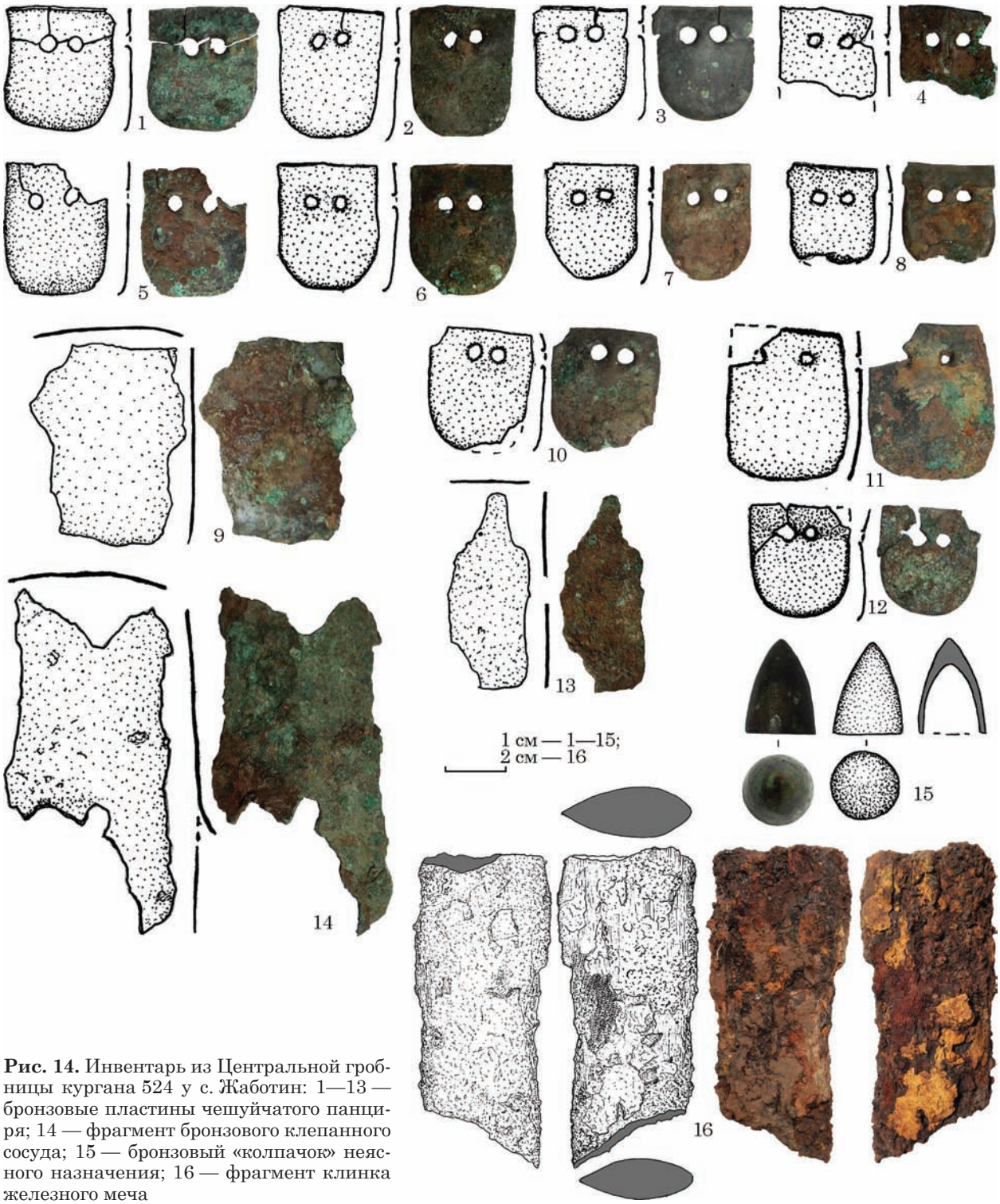


Рис. 14. Инвентарь из Центральной гробницы кургана 524 у с. Жаботин: 1—13 — бронзовые пластины чешуйчатого панциря; 14 — фрагмент бронзового клепанного сосуда; 15 — бронзовый «колпачок» неясного назначения; 16 — фрагмент клинка железного меча

также имеющий следы дерева от ножен (Рябкова 2014, с. 390, кат. 36; табл. III: 36).

3) *Бляшка бронзовая в виде изображения головы быка (?) в фас.* Сохранившаяся высота 2,7; высота головы без рогов 1,9; максимальная ширина головы 1,5 см. Ширина обломанной петли 1,5 см.

Изображение выполнено в низком рельефе, крайне схематично. Широкая лобастая голова постепенно сужается, снова расширяясь в носовой части. Помимо расширения нос подчеркнут рельефной горизонтальной линией. Глаза не переданы. Сохранился фрагмент левого рога. Он имеет полукруглую форму, хорошо просматривается рифление. В правой верхней части головы прослеживается основание второго рога. Видимо, он был симметричен по отношению к сохранившемуся фрагменту. Между рогами, по центру головы — небольшой подтреугольный выступ, передающий холку животного. Его окончание стесано или обломано (рис. 15).

Жаботинское изображение уникально. Ни на территории Скифии, ни в отдаленных областях скифского культурного континуума нам не удалось отыскать полной аналогии. Изображения быка вообще крайне редки в искусстве скифского звериного стиля. На территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа нам известно около десятка полнофигурных и редуцированных экземпляров, выполненных в канонах скифского звериного стиля. К первым относятся два быка с золотой обкладки келермесской секиры (Алексеев 2012, с. 74), датируемой второй половиной VII в. до н. э., а также бронзовая скульптурка, покрытая золотой фольгой из Золотоношского уезда Полтавской губернии (Древности Поднепровья 1900, табл. XLV: 330; Ильинская 1968, рис. 22: 2; Грибкова, Полидович 2013, рис. 1; Канторович 2015, с. 1190, 1528). Последняя датируется исключительно по иконографическим параллелям (туловище в профиль, скульптурная голова — в фас) первой половиной V в. до н. э. (Грибкова, Полидович 2013, с. 262—264; Канторович 2015, с. 519).

Редуцированные изображения представлены: тремя навершиями со скульптурной головой быка из Ульского кургана 2 (раскопки 1909 г.), вторая половина VI в. до н. э. (Раскопки… 1913, с. 150, рис. 215; Канторович 2015, с. 1190; 1529: 1—3), навершием из разрушенного кургана в Теучежском районе у аула Четук (Переводчикова 1984, рис. 1; Канторович 2015, с. 1190, 1529: 4) двумя навершиями из Старшой Могилы, вторая половина — конец VII в. до н. э. (Ильинская 1968, табл. III: 3, 4; Канторович 2015, с. 1190, 1529: 5). Помимо этого, известны 3 бронзовые бляхи — детали конской узды. На одной из них, обнаруженной в Крыму, представлена голова быка в профиль (Скорый, Зимовец 2014, с. 116, кат. 343). Две другие очень сходны между собой. На них представлена геометризированная голова быка анфас. Они происходят с Восточного укрепления Бельского городища (Мурзін, Ролле 1995 с. 52, мал. 1: 2) и из с. Кизиловое Симферопольского р-на Крыма (Скорый, Зимовец 2014, с. 116, кат. 342). Бляшка с Восточного укрепления Бельского городища авторами публикации, на основе восточных аналогий (Поволжье и Приуралье) датируется ориентировочно VI—V вв. до н. э. (Мурзін, Ролле 1995, с. 51).

Именно последние 2 бляхи наиболее близки жаботинской. Отличия заключаются в том, что жаботинское изображение более реалистично: его контуры более плавны, в то время как бляшки с Бельска и из Крыма имеют явно геометризированный вид. Отличны и выразительные рифленые рога жаботинского бычка. Тем не менее, по нашему мнению, их можно объединить в одну малочисленную серию схематических изображений головы быка анфас.

В свое время, В. А. Ильинская выдвинула предположение о том, что образ быка был заимствован скифами с Ближнего Востока (Ильинская 1972, с. 43). Именно такой заимствованный и чуждый характер не позволил ему развиваться на территории Скифии. Видимо, это положение остается актуальным, хоть и с определенными дополнениями. Увеличение источниковой базы демонстрирует, что образ быка все-таки имел развитие в скифском искусстве, хотя и очень ограниченное. Что касается утверждения о его возможном заимствовании из переднеазиатского репертуара, то на это есть вполне весомые основания. Возможно, редуцированный образ быка был заимствован скифами из скульптурных изображений на ручках котлов, происходящих с территории Урарту и Греции. К ним относятся: котел, происходящий, предположительно из Северной Сирии (хранится в Национальном музее в Копенгагене); котел из Кармир-Блура (хранится в Историческом музее Армении в Ереване); котел из Топрак-кале (хранится в Британском музее в Лондоне) — данная протома является наиболее реалистичной и высокохудожественной; котел из храма Апполона в Дельфах (Археологический музей в Дельфах, Греция; From Assyria… 2014, p. 279—281, fig. 151—154).

Рис. 15. Бронзовая бляшка в виде головы бычка

Перечисленные изделия относятся ко времени VIII—VII вв. до н. э. Т. е. они хронологически предшествуют скифским бычкам и вполне могли быть прототипами для заимствования.

Нельзя исключать, что данная бляшка являлась деталью какого-то ремня, например, от колчана.

КРУЖАЛЬНАЯ ПОСУДА

4) *Ручка (верхний прилеп) античной амфоры.* Фрагмент сохранился в длину на 8,0 см. Поверхность слегка заизвесткована, особенно с внутренней стороны. Сломы на фрагменте ручки старые, запатинированные, относящиеся либо ко времени захоронения, либо (что, скорее всего) ко времени раскопок Центральной гробницы в 1913 г., когда сосуд мог быть разбит случайно рабочими. На одной из сторон фрагмента ручки — довольно широкий срез, нанесенный острым орудием труда, по-видимому, лопатой в период раскопок гробницы.

В сечении ручка имеет почти правильную овальную форму, размерами 3,2 × 2,5 см. Переход от вертикальной части ручки к горловине выполнен в виде плавной дуги (рис. 16).

Тесто амфоры светло-коричневое (или темно-оранжевое), очень плотное, с редкими мелкими серебристыми включениям.

Определение места изготовления данного сосуда и его точной даты сложно, в силу хотя бы того, что ручки амфор, имеющие овальное сечение, известны довольно широко.

Вместе с тем, судя по характеру теста амфоры, она относится к сосудам восточногреческого производства. Однако, это не: Хиос, Лесбос, Самос, Милет, Теос или Клазомены. Ручка сечением и в определенной степени особенностями глины напоминает Протофасос. Тем не менее, известно, что амфоры этого круга появляются в Северном Причерноморье достаточно поздно, не ранее середины VI в. до н. э.

Как бы то ни было, но данная ручка принадлежит сосуду, время которого вряд ли определяется ранее конца VII — начала VI вв. до н. э. [1]

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА

5) *Обломки бронзового клепанного тонкостенного сосуда.* Представлены тремя рваными фрагментами, не имеющими определенной геометрической формы. Соответственно, размеры: 5,2 × 3,0 × 0,05; 3,2 × 1,2 × 0,05; 3,0 × 2,5 × 0,05 см. Следы какого-либо орнамента отсутствуют (рис. 14: 9, 13, 14).

Данные находки вполне перекликаются с теми, что хранятся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Правда, в указанной коллекции они представлены большим числом — стенки, фрагменты венчика и заклепки. На некоторых стенках имеет место гравированный геометрический орнамент (Рябкова 2019, с. 397—401, кат. 43, рис. V: 1).

Т. В. Рябкова на основании близости упомянутого орнамента декору на бронзовом сосуде из Лухванского клада отнесла жаботинский сосуд к VIII—VII вв. до н. э. (Рябкова 2014, с. 399).

1. Сердечно благодарим за консультации по данному вопросу А. В. Буйских (ИА НАН Украины) и Д. Е. Чистова (Государственный Эрмитаж).

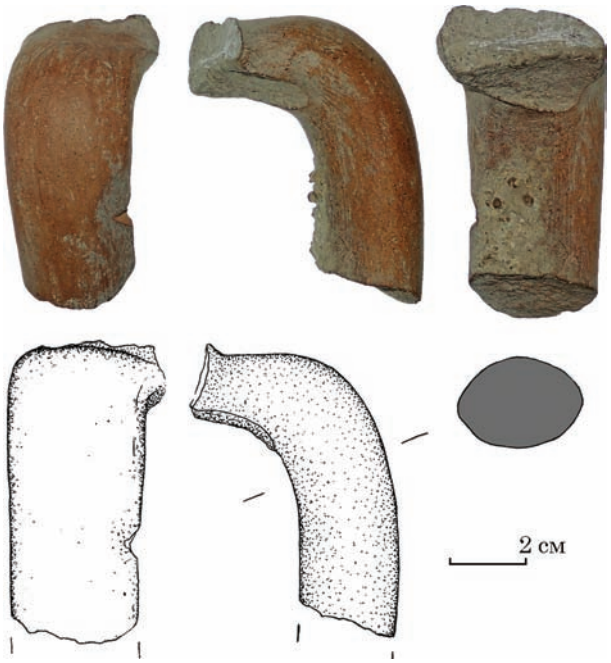


Рис. 16. Фрагмент ручки амфоры восточногреческого производства

ПРЕДМЕТЫ НЕЯСНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

К данной категории находок относится лишь один артефакт, а именно — бронзовый пулевидный колпачок. Он небольших размеров: высота 1,5, диаметр нижней части 1,2 см. Толщина стенки 1,0—1,2 мм. Изделие выполнено в технике литья (рис. 14: 15).

В момент обнаружения, внутри колпачка фиксировалось дерево (фрагменты дуба черешкового). Складывается, вполне определенное мнение, что данный колпачок венчал некое древко, возможно, скипетра (?).

Аналогии данному изделию нам обнаружить не удалось.

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ КУРГАНА

Культурно-хронологическая ситуация на Юге Восточной Европы в целом, в Днепровской Правобережной Лесостепи и его южной части, бассейне р. Тясмин, в частности, в предскифское и раннескифское время, будто бы, изначально не давала повода для отнесения кургана 524 у с. Жаботин, к следующим отрезкам времени: рубеж VIII—VII вв. до н. э. (Kosack 1987, S. 27, 31), 750—700 гг. до н. э. (РСК-1; Медведская 1991, с. 87, 88), не позднее конца VIII в. (Дараган 2011, с. 571, 572) и, наконец, по исследования новейшей поры, примерно к середине VIII в. до н. э. (Рябкова 2014, с. 412

В указанное время в данном регионе встречаются погребальные древности кочевого населения, известные в науке как памятники типа Новочеркасского клада (или новочеркасской культуры; Скорый 1999, с. 11—14, 80—95), ко-

торые не без основания соотносятся рядом исследователей с историческими киммерийцами. Новочеркасский вещевой комплекс решительно отличается от комплекса материальной культуры ранних скифов, в частности — специфичным вооружением, деталями конской упряжи. Но одно из самых главных, мы бы сказали, кардинальных, отличий новочеркасских древностей от раннескифских, во всяком случае — в пределах украинской Лесостепи — это полное отсутствие в них каких-либо изделий в зверином стиле, несомненных маркеров собственно скифской культуры. Для новочеркасских древностей характерен геометрический художественный стиль. К слову, напомним, что изделия в скифском зверином стиле присутствуют в комплексе кургана 524. Это 2 золотые бляшки в виде лежащих копытных (ланей?) с повернутой влево головой и подогнутыми ногами (находки 1913 г.) и бронзовая бляшка от конского убора в виде головки быка в фас (находка 2019 г.).

Вполне логично, что наличие новочеркасских древностей и раннескифских в границах одной и той же территории предполагает некий хронологический промежуток, лакуну между ними, хотя, конечно, не исключает их «соприкосновение» на каком-то узком отрезке времени.

Значение двух, найденных в процессе полного доисследования кургана 524, артефактов — бронзовой бляшки в виде головки быка и особенно ручки античной амфоры — трудно переоценить: они, как бы, автоматически снимают вопрос о VIII или рубеже VIII—VII вв. до н. э. для «опорного» памятника глубокой скифской архаики в Правобережной Лесостепи.

Пожалуй, здесь имеет смысл напомнить о датировке кургана 524, предложенной В. А. Ильинской в 1970-х — начале 1980-х гг., исходящей из существовавших в то время представлений о раннескифской культуре: конец VII или рубеж VII—VI вв. до н. э. (Ілінська 1973, с. 14; Ильинская 1975, с. 62; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234).

Однако сторонники ранних дат оперируют, как им представляется, достаточно вескими доводами для удревнения кургана 524. у с. Жаботин.

Рассмотрим, так ли убедительны эти аргументы, помня методическую установку, используемую в археологии, о том, что закрытый комплекс *должен* датироваться по наиболее поздним вещам.

Итак, обратим внимание на наиболее существенные хроноиндикаторы, из тех, что привлекали исследователи ранее (до полного исследования кургана 2019 г.) Это — колчанный набор, предметы конской упряжи (удила и псалии), украшения, в традициях звериного стиля [1]. Остальные предметы, как-то пластинки панцирного набора, фрагменты бронзовой ситулы, каменная булава, лепная посуда и пр. в свете присутствия указанных выше выразительных артефактов, несомненно, занимают второстепенное, «подчиненное» положение при выяснении даты кургана Жаботин 524.

1) *Колчанный набор*. Наконечники стрел бронзовые, двулопастные, длинновтульчатые, чаще всего с изогнутым, довольно длинным шипом на втулке (30 экз.). Подавляющее большинство из них имеет *симметрично ромбическую* в плане головку. Лишь у нескольких экземпляров, также с шипом в основании втулки, головка, иной, *ассиметрично ромбической* формы. Наконец, 2 наконечника, также с шипом на втулке, отличаются от всех вышеназванных экземпляров головкой *лавролистной формы* так называемого келермесского типа (Рябкова 2012, с. 347, рис. 1; 2014, с. 378—383, рис. I, 1: 1; I, 2: 1; I, 3: 1; I, 4: 1; I, 5: 1; I, 6: 1; с. 418, табл. I, II).

В свое время А. И. Мелюкова отнесла бронзовые наконечники из кургана 524, по предложенной ею классификации (отдел I, тип 1), к первой хронологической группе или второй половине — концу VII — первой половине VI вв. до н. э. (Мелюкова 1964, с. 16—18, 28, рис. 1). При этом, подчеркивала, что подобные наконечники (т. е. с ромбической головкой), появившись еще в предскифское время, продолжают бытовать и в VII—VI вв. до н. э., хотя господствующим типом становятся наконечники с овальной или лавролистной головкой.

Исходя из состава вещевого комплекса курган 524. В. А. Ильинская датировала колчанный набор, выделив входящие в него наконечники в так называемый Жаботинский тип, более узким хронологическим промежутком, а именно — концом VII — рубежом VII—VI вв. до н. э. При этом, исследовательница указывала, что подобные наконечники заходят в начало VI в. до н. э., хотя уже в данное время в скифских колчанных наборах абсолютно преобладают наконечники с лавролистной головкой келермесского типа (Іллінська 1973, с. 14, 15).

В 1980-х гг. С. В. Полин объединил наконечники жаботинского типа с наконечниками из кургана в Ендже (Болгария) в один тип Ендже-Жаботин, постулируя идею о том, что двулопастные ромбовидные наконечники выходят из употребления в середине VII в. до н. э. (Полін 1987, с. 21, 22).

Однако, как объединение наконечников из Жаботина 524 и Енджи в один тип, так и верхняя рамка бытования двухлопастных ромбовидных наконечников (середина VII в. до н. э.) вызвали, на наш взгляд, вполне закономерную критику. Так, В. Г. Петренко, а впоследствии — Т. В. Рябкова, указали, что данный тип выделен недостаточно обоснованно: наконечники из 524-го кургана имеют, в первую очередь симметрично-ромбическую в плане головку, в то время как наконечники из Енджи — ассиметрично-ромбические. По мнению упомянутых исследователей, данное обстоятельс-

1. Здесь и далее мы ориентируемся на фото и рисунки предметов из Жаботина 524, приводимые в обстоятельной работе Т. В. Рябковой (2014).

тво объясняется тем, что между этими группами наконечников есть некая хронологическая лакуна (Петренко 1990, с. 61; Рябкова 2014, с. 349). Как полагает В. Г. Петренко, данный колчанный набор, скорее всего, относится к концу VII в. до н. э. (Петренко 1990, с. 73). Добавим, что в пользу асинхронности наконечников из Жаботина 524 и Енджи говорит присутствие в колчанном наборе первого из них, по крайней мере, двух типично келермесских наконечников стрелы с лавролистной головкой. Слишком категоричным считала А. И. Мелюкова вывод С. В. Полина о прекращении функционирования двухлопастных ромбических наконечников стрел к середине VII в. до н. э., правомерно указав на вещевой комплекс из кургана II в Братышеве (Западная Подолия), где подобные ромбические наконечники соседствовали с бронзовым зеркалом «ольвийского» типа, дата которого никак не может быть отнесена к VII в. до н. э. (Мелюкова 1998, с. 110; Sulimirski 1936, tabl. V: s—u). Стоит также добавить, что отдельные ромбические наконечники встречаются и в некоторых погребальных памятниках бассейна р. Тясмин, т. е. территории, где расположен курган 524 у с. Жаботин, например, в курганах 38 у с. Гуляй-Город, № 406 у с. Журовка. В первом из них, также, как и в Братышеве, было зеркало «ольвийского типа», во втором — предметы вооружения и конского снаряжения келермесского времени, находящие ближайшие аналогии в вещевом наборе гробницы 2 Репяховатой Могилы (Ильинская 1975, табл. II: 20; VIII: 8). Ясное дело, что дата названных курганов — отнюдь не первая половина VII в. до н. э. Таким образом, упомянутые *ромбические наконечники стрел* не являются надежным хроноиндикатором для столь ранней датировки кургана.

2) *Удила бронзовые со стремявидными окончаниями* (Рябкова 2014, с.403, рис. VI, 1: 3, с.423, табл. V: 45). По типологии А. Д. Могилова, относятся к подтипу стремявидных бронзовых удил I.1.1.4 или удилам с тремя выступами на подножье стремени (Могилов 2008, с. 17) [1]. Особенностью Жаботинских удил (на что обращали внимание и ранее, а в недавнее время это сделала Т. В. Рябкова) является наличие на звеньях (на одном звене четче, на другом — слабее) литого орнамента в виде пояска, разделенного на прямоугольники (Рябкова 2014, с. 406, 407, рис. VI, 1: 3). Подобный орнамент имеет ранние традиции и хорошо известен на двукольчатых удилах предскифского времени (Вальчак 2009, с. 43, 44).

На территории Восточноевропейской Лесостепи известно 16 экземпляров удил с тремя выступами на стремени, при этом 13 из них приходится на Днепровское Лесостепное Правобережье. Из достоверных закрытых комплексов (погребений в курганах) происходит, как минимум, 5 удил. В бассейне р. Тясмин, помимо, находки в Жаботине 524, это экземпляры из курганов 453 у с. Макеевка, 183 у с. Великая Яблоновка на р. Тенетинка (Ильинская 1975, табл. XVIII: 2; XIX: 7, 9), 471 у с. Оситняжка (Ильинская 1975, табл. XXI: 17), погребение 1 в Репяховатой Могиле (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1989, с. 35, рис. 4: 17), в бассейне Роси — экземпляры из курганов 45 у с. Берестняги (Ковпаненко 1981, с. 10, рис. 6: 2), погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 55, рис. 6; 2). Все упомянутые погребальные памятники, с учетом иных предметов погребального инвентаря (среди которых, несомненно, присутствуют и вещи келермесской поры) относятся ко времени не ранее второй половины — конца VII — начала VI вв. до н. э. Особенного внимания заслуживают удила из Яснозорья. Они являются ближайшей аналогией удилам из кургана 524 у с. Жаботин, поскольку, помимо общей морфологической близости, имеют на звеньях точно такой же орнамент (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 55, рис. 6: 2). На это обстоятельство было указано еще при публикации комплекса погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье более четверти века назад (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 59). Тщательный анализ всех артефактов, составляющих вещевой набор яснозорского погребения (а в их кругу, кроме иных вещей, — акинак келермесского типа, двулопастный наконечник стрелы с лавролистной головкой также келермесского типа), позволяет убедительно ограничить хронологические позиции данного погребального комплекса второй половиной — концом VII в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 57—60). В свете приведенных соображений, удила из Жаботин 524 не являются серьезной основой для удревнения данного погребального памятника.

3) *Псалии бронзовые трехмуфтовые с плавно изогнутым верхним краем, почти прямым нижним с округлым расширением в конце и орнаментом в виде ромба с вписанным в него кругом — в районе отверстий*. (Рябкова 2014, с. 403, рис. VI, 1: 1, 2; с. 423, табл. V: 44). Данные псалии неоднократно анализировались различными исследователями и в последнее время очень тщательно Т. В. Рябковой (2014, с. 401—406, там же библиография), на фоне весьма обширного количества бронзовых трехмуфтовых псалиев огромного региона — от Северного Причерноморья до Минуссинской котловины. Морфологические и декоративные особенности таких псалиев позволили исследовательнице связывать их генезис с регионами Северо-Западного Кавказа и Предкавказья, с учетом «*местной традиции и центральноазиатских влияний*» (Рябкова 2014, с. 406).

1. В. Р. Эрлих считает, что средний выступ на подножке стремявидных удил вовсе не является морфологическим признаком, а представляет собой неудаленный литник и, следовательно, не может быть хронологическим признаком (Эрлих 1991, с. 33; 1994, с. 55, 56).

В свое время В. Р. Эрлих объединил трехмуфтовые псалии Жаботин-524 с псалиями, типа найденных в кургане Уашхиту 1 в Адыгее (Северо-Западное Предкавказье) в один тип «Уашхиту—Жаботин» (Эрлих 1991, с. 35, рис. 2). Однако со временем такой подход вызвал вполне закономерную, на наш взгляд, критику. Данные псалии достаточно различаются морфологически. Псалии из Уашхиту, хотя и трехмуфтовые, но имеют на нижнем конце лопасть (Махортых, 2003, с. 47; Могилов 2008, с. 30; Рябкова 2014, с. 401) вполне соответствующую лопасти псалиев новочеркасского типа. По нашему мнению, между упомянутыми псалиями есть и хронологический интервал: одни древнее, другие моложе. Напомним, также, что в Уашхиту не зафиксированы изделия в зверином стиле, т. е., по сути, это — предскифский комплекс.

Трехмуфтовые псалии — нечастая принадлежность узды в скифских древностях Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Правобережье они известны в упоминавшемся уже погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье, где они — в комплексе с удилами, аналогичными жаботинским (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, с. 55, рис. 6: 3), курганах 183 у с. Великая Яблоновка на р. Тенетинка, где они также соседствуют с удилами, близкими по форме жаботинским (Ильинская 1975, табл. XIX: 9), 375 у с. Емчиха (Ковпаненко 1981, с. 21, рис. 17: 2), 2 группы II. в ур. Горчаков Лес близ с. Медвин (Ковпаненко 1981, с. 42, рис. 42: 4, 5). Все перечисленные курганные комплексы относятся ко времени не ранее второй половины — конца VII вв. до н. э. (Ковпаненко 1981, рис. 64; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 157; 1994, с. 57—60).

4) *Бляшки-аппликации золотые от костюма (парадного головного убора) в виде копытных животных — ланей или горных козлов с поджатыми ногами и повернутой назад головой*. (Рябкова 2014, с. 408, рис. VII: 1, 2, с. 423, табл. V: 46). Наиболее близкими аналогиями жаботинским украшениям, по стилистическим и иконографическим особенностям (добавим — и по металлу и географическому расположению относительно кургана Жаботин — 524), несомненно, являются золотые бляшки — аппликации из кургана 346 у с. Теклино — Орловец (бассейн р. Тясмин). На это обращалось внимание и ранее (см., например, Ильинская 1975, с. 151), а недавно это сходство тщательно проанализировал Ю. Б. Полидович, придя к вполне, на наш взгляд, обоснованному выводу о возможной синхронности этих комплексов или крайне незначительной хронологической лакуне между ними (Полидович 2017, с. 168, 169). Однако в вещевом наборе теклинского погребения, бесспорно, присутствуют двулопастные наконечники стрел с лавролистной головкой, т. е. келермесского типа (Ильинская 1975, табл. XXV: 17; Дараган 2003, с. 666, рис. V.38: 15). Следовательно, датировать комплекс кургана Теклино 346 временем ранее второй половины VII в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 151) нет никаких оснований. Стоит напомнить, что в кургане 346 у с. Теклино—Орловец упомянутые украшения обнаружены в гробнице, вполне аналогичной жаботинской погребальной конструкции (Ильинская 1975, с. 63).

Итак, как изделия, обнаруженные в 2019 г., так и те, что были найдены в 1913 г. в ходе раскопок А. А. Бобринского, не дают убедительных оснований относить сооружение кургана 524 у с. Жаботин к рубежу VIII—VII вв. до н. э. и тем более — к VIII в. до н. э. Ведущие хроноиндикаторы данного погребального памятника, при учете присутствия в комплексе ручки античной амфоры, однозначно определяют его дату временем не ранее последней четверти — конца VII в. до н. э.

Таким образом, мы, по сути, возвратились к датировке кургана Жаботин — 524, предложенной почти полстолетия назад В. А. Ильинской (Ілінська 1973, с.14; Ильинская 1975, с. 62; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234), подтверждаемой новыми материалами. Эта дата соответствует келермесскому периоду или заключительному этапу — окончанию переднеазиатских скифских походов.

О ВОЗМОЖНОМ КОЛИЧЕСТВЕ ПОГРЕБЕННЫХ ЛИЦ, СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ОСНОВНОГО ПОКОЙНИКА

Эти вопросы в работах, касающихся данного погребального памятника, практически не обсуждались, за исключением, пожалуй, совместной обобщающей работы В. А. Ильинской — А. И. Тереножкина, где некоторые вещи из кургана 524 у с. Жаботин, найденные в 1913 г., трактуются, как остатки инвентаря женского погребения (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 234).

Сохранившиеся после древнего ограбления Центральной гробницы предметы четко распадаются на 3 группы. Первая из них — (керамические и металлический сосуды, железные ножи) не являются достоверным индикатором половой принадлежности погребенного лица. Две иные группы предметов традиционно свойственны инвентарю мужского и женского захоронений. Принадлежности мужского погребения в нашем случае — вооружение (защитное и наступательное), деталь воинского снаряжения. Женский вещевой набор (найден практически весь в древнем грабительском ходу, в южной поле кургана) это: украшения («обломки стеклянных», т. е. пастовых и «янтарных бусин»), орудия труда (пряслице, части железных игл?), культовые или туалетные принадлежности («обломок каменной плиты, со следами красной краски», «кусочки

серы и румян» (Бобринской 1916, с. 1). В углубленном основании самой Центральной гробницы обнаружены упоминавшиеся уже 2 золотые бляшки-аппликации в виде копытных животных, возможно, ланей, по-видимому, украшения парадного головного убора. К сожалению, за исключением названных двух бляшек, остальные предметы женского инвентаря не сохранились.

Антропологические материалы из Центральной гробницы Жаботина 524 — минимальны. В публикации А. А. Бобринского упоминаются «обломки сильно истлевших человеческих костей», найденных в южной поле кургана, вероятно, в грабительском ходу: видимо, они были перемещены туда в свое время древними грабителями. Несколько разрушенных человеческих костей были зафиксированы и нами в 2019 г. в южной части углубленного основания Центральной гробницы. Однако, в силу плохой сохранности, они совершенно недоступны для какого-либо антропологического изучения. Более интересной является берцовая кость, несомненно, из данной могилы, принадлежащая молодой женщине.

Таким образом, мы можем говорить о первоначальном наличии в Центральной гробнице, как минимум, двух погребенных — мужчине, тяжеловооруженном скифском воине (возраст которого нам не известен) и молодой женщине — жене или сопровождавшей основного покойника особе.

Ряд фактов, засвидетельствованных при исследовании (в том числе — полном доисследовании) кургана Жаботин 524, позволяет предполагать сравнительно высокий социальный ранг основного покойника — тяжеловооруженного скифа-конника. К числу таковых относятся: 1) дольно обширная по масштабам деревянная гробница (по внешней линии столбов площадь ее более 28 м^2; 2) сопровождающее человеческое захоронение вблизи Центральной гробницы, по-видимому, жертвоприношение; 3) радиальная обкладка первичной насыпи деревом, несомненно, потребовавшая определенных трудозатрат; 4) существенная досыпка насыпи, кургана, возможно, через непродолжительное время после захоронения (например, год?), в связи, с чем размеры его существенно изменились, достигая высоты, в наше представлении не менее 7,0, при диаметре до 50 м.

В рассуждениях о статусе воина, погребенного в Центральной гробнице Жаботина 524, не следует также забывать, что курган был ограблен в древности, но при этом ряд бронзовых предметов грабителями забран не был. Следовательно, вполне можно допускать, что из погребальной камеры были изъяты, в первую очередь, изделия из драгоценных металлов — материальные свидетельства соответствующего ранга погребенного мужчины. Подобные же изделия в Центральной гробнице, конечно, были, о чем свидетельствуют сохранившиеся после ограбления золотые аппликации.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Бессонова, С. С. 1989. Культовые сооружения скифского времени в Побужье. В: *Тезисы докладов Первой Кубанской археологической конференции.* Краснодар, с. 53-54.

Бессонова, С. С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов.* Киев: ИА НАН Украины, с. 3-30.

Бобринской, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*, III. Санкт-Петербург.

Бобринской, А. А. 1901. Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 году. *Известия Археологической комиссии*, 2, с. 24-50.

Бобринской, А. А. 1914. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 году. *Известия Археологической комиссии*, 54, с. 99-108.

Бобринской, А. А. 1916. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году. *Известия Археологической комиссии*, 60, с. 1-3.

Бойко, Ю. Н., Берестнев, С. И. 2001. *Погребения VII—IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени).* Харьков: РА-Каравелла.

Вальчак, С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы.* Москва: Таус.

Вязьмитина, М. И. 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля. *Советская археология*, 2, с. 158-170.

Геофизический… 2019. *Геофизический отчет. Комплексные геофизические исследования*. Киев.

Грибкова, А. А., Полидович, Ю. Б. 2013. Фигурка быка скифского времени из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко. *Археологический альманах*, 30, с. 259-277.

Дараган, М. Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи.* Киев: КНТ.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва.

Ильинская, В. А. 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. *Советская археология*, 1, с. 86-107.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья).* Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1972. Образ коня и быка в раннескифском искусстве. В: *Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль).* Москва: ИА АН СССР, с. 41-46.

Іллінська, В. А. 1973. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія*, 12, с. 13-26.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы в бассейне р. Тясмин.* Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курган VI в. до н. э. у с. Матусов. Тереножкин, А. И. (ред.). В: *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция:* Диссертация д-ра ист. наук. Москва, ИА РАН.

Ковпаненко, Г. Т. 1967. *Племена скіфського часу на Ворсклі*. Київ: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т. 1984. «Червона Могила» у с. Флярковка. В: Кропоткин, В. В., Краснов, Ю. А. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 107-113.

Ковпаненко, Г. Т. 1998. Нові дані про кургани біля с. Жаботин на Черкащині. В: *Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна*. Київ: МІКУ, с. 74-76.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА АН Украины, с. 41-63.

Козак, О. Д., Слободян, Т. І. 2020. Неординарне поховання в кургані скіфського часу біля с. Жаботин. *Археологія і давня історія України*, 3 (36), с. 446-453.

Махортых, С. В. 2003. *Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху*. Киев: Шлях.

Медведская, И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток. *Советская археология*, 3, с. 86-107.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Свод археологических источников, Д 1-4. Москва: Наука.

Мелюкова, А. И. 1998. К вопросу о датировке раннескифских стрел. *Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О. І. Тереножкіна*. Київ: МІКУ, с. 108-111.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАН України.

Мурзін, В. Ю., Ролле, Р. А. 1995. Спільні дослідження археологів України та Німмечини у Більську. *Полтавський археологічний збірник*, 3, с. 50-56.

Окатенко, В. Н., Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2018. Курган раннескифского времени в Харьковской области. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 219-235.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Переводчикова, Е. В. 1994. *Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи*. Москва: Восточная литература.

Петренко, В. Г. 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. В: Мелюкова, А. И. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Москва: ИА АН СССР, с. 60-81.

Покровская, Е. Ф. 1973. Предскифское поселение у с. Жаботин. *Советская археология*, 4, с. 169-188.

Полидович, Ю. Б. 2017. Один из мотивов изображения горного козла в раннескифском искусстве. *Краткие сообщения Института археологии*, 248, с. 166-184.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Привалова, О. Я., Зарайская, Н. П., Привалов, А. И. 1982. Двугорбая Могила. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 148-178.

Раскопки Н. И. Веселовского. 1913. *Отчет Археологической комиссии за 1909—1910*. Санкт-Петербург, с. 147-156.

Рябкова, Т. В. 2005. Курган 524 у с. Жаботин. В: *Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады*. Краснодар: Офсет-принт, с. 240-243.

Рябкова, Т. В. 2007. К вопросу о типологии и происхождении псалиев типов «Жаботин» и «Уашхиту». В: *Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження Олексія Івановича Тереножкіна: Матеріали Міжнародної наукової конференції (16—19 травня 2007 р.)*. Київ; Чигирин: ІА НАНУ, с. 131-135.

Рябкова, Т. В. 2008. Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботн. В: *Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст*. Санкт-Петербург, с. 89.

Рябкова, Т. В. 2009. Бронзовый сосуд из кургана 524 у с. Жаботин. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Киев; Полтава: ИА НАН Украины, с. 351-354.

Рябкова, Т. В. 2010a. Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени. В: *Проблемы хронологии и периодизации археологических культур Северного Кавказа: Тезисы докладов*. Магас: Пилигрим, с. 309-312.

Рябкова, Т. В. 2010b. Чешуйчатые панцири раннескифского времени. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 38, с. 87—106.

Рябкова, Т. В. 2011. Изображения ромбовидных знаков как свидетельство миграций в эпоху ранних кочевников. В: *Маргулановские чтения 2011: Материалы международной археологической конференции*. Астана: Сарыарка, с. 104-109.

Рябкова, Т. В. 2012. Колчанный набор из кургана 524 у с. Жаботин. В: *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова*. 2. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, с. 345-350.

Рябкова, Т. В. 2014. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Археологический ежегодник*, 4, с. 372-432.

Скорий, С. А. 1987. Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя. *Археологія*, 60, с. 36-49.

Скорий, С. А. 1990. *Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя)*. Київ: Наукова думка.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в украинской Лесостепи*. Киев; Потава: Археология.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: ИА НАН Украины.

Скорый, С., Зимовец, Р. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Олег Філюк.

Скорый, С. А., Орлик, А. П., Зимовец, Р. В., Каравайко, Д. В. 2019. Скифское погребение кургана Орликова Могила на юге Кировоградщины. *Археологія і давня історія Укрїни*, 4 (33), с. 160-170.

Смирнова, Г. И. 1993. Памятники Среднего Приднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры. *Советская археология*, 2, с. 101-118.

Черненко, Е. В. 1968. *Скифский доспех*. Киев: Наукова думка.

Членова, Н. Л. 1967. *Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры*. Москва: Наука.

Ханенко, Б. Н., Ханенко, В. И. 1900. *Древности Приднепровья*. 3. Киев.

Хвойка, В. В. 1904. Раскопки курганов при с. Оситняжке Чигиринского уезда Киевской губернии. *Археологическая летопись Юга России*, 1—2, с. 7-12.

Эрлих, В. Р. 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. В: Абрамов, А. П., Гавритухин, И. О., Паромов, Я. М., Эрлих, В. Р. (ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: ИА РАН, с. 31-47.

Эрлих, В. Р. 1994. *У истоков раннескифского комплекса*. Москва: Государственный музей Востока.

Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

From Assyria… 2014. *From Assyria to Iberia. At the Down of the Classical Age*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Kossack, G. 1987. Von den Anfangen des skythoiranischen Tierstils. *Skythika*. München, S. 24-86.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Evropejskoj Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Bessonova, S. S. 1989. Kultovye sooruzheniya skifskogo vremeni v Pobuzhje. In: *Tezisy dokladov Pervoj Kubanskoj arkheologicheskoj konferenczii*. Krasnodar, s. 53-54.

Bessonova, S. S. 1994. Kurgany Lesostepnogo Pobuzhya. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. IA NAN Ukrainy, Kiev.

Bobrinskoj, A. A. 1901. *Kurgany i sluchajnye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely*, III. Sankt-Peterburg.

Bobrinskoj, A. A. 1901. Otchyot o raskopkakh v Cherkasskom i Chigirinskom uezdakh Kievskoj gubernii v 1901 godu. *Izvestiia Arheologicheskoy komissii*, 2, s. 24-50.

Bobrinskoj, A. A. 1914. Otchyot o raskopkakh v Kievskoj gubernii v 1912 godu. *Izvestiia Arheologicheskoy komissii*, 54, s. 99-108.

Bobrinskoj, A. A. 1916. Otchyot o raskopkakh v Kievskoj gubernii v 1913 godu. *Izvestiia Arheologicheskoy komissii*, 60, s. 1-3.

Bojko, Yu. N., Berestnev, S. I. 2001. *Pogrebeniya VII—IV vv. do n. e. kurgannogo mogilnika u s. Kupjevakha (Vorsklinskij region skifskogo vremeni)*. Kharkov: RA-Karavella.

Valchak, S. B. 2009. *Konskoe snaryazhenie v pervoj treti I-go tys. do n. e. na yuge Vostochnoj Evropy*. Moskva: Taus.

Vyazmitina, M. I. 1963. Rannie pamyatniki skifskogo zverinogo stilya. *Sovetskaia arheologiia*, 2, s. 158-170.

Geofizicheskij… 2019. *Geofizicheskij otchyot. Kompleksnye geofizicheskie issledovaniya*. Kiev.

Gribkova, A. A., Polidovich, Yu. B. 2013. Figurka byka skifskogo vremeni iz sobraniya B. I. i V. N. Khanenko. *Arkheologicheskij almanakh*, 30, s. 259-277.

Daragan, M. N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi*. Kiev: KNT.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijczy i skify. Kulturno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropejskikh stepej i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni*. Moskva.

Ilinskaya, V. A. 1965. Nekotorye motivy ranneskifskogo zverinogo stilya. *Sovetskaia arheologiia*, 1, s. 86-107.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhya (kurgany Posulya)*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A. 1972. Obraz konya i byka v ranneskifskom iskusstve. In: *Tezisy dokladov III Vsesoyuznoj konferenczii po voprosam skifo-sarmatskoj arkheologii (skifo-sibirskij «zverinyj» stil')*. Moskva: IA AN SSSR, s. 41-46.

Illinsjka, V. A. 1973. Bronzovi'j nakonechniki stril tak zvanogo zhabotinskogo i novocherkaskogo tipiv. *Arkheologiya*, 12, s. 13-26.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany v bassejne r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskij, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgan VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Ternnozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 31-63.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskij zveriny'j stil Vostochnoj Evropy: klassifikacziya, tipologiya, khronologiya, evolyucziya*: Dissertaciia d-ra ist. nauk. Moskva, IA RAN.

Kovpanenko, G. T. 1967. *Plemena skifskogo chasu na Vorskli*. Kyiv: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v bassejne r. Ros*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. 1984. «Chervona Mogila» u s. Flyarkovka. In: Kropotkin V. V., Krasnov Yu. A. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*. Moskva: Nauka, s. 107-113.

Kovpanenko, G. T. 1998. Novi dani pro kurgani bilya s. Zhabotin na Cherkashhini. In: *Muzejni chitannya. Materiali Mizhnarodnoyi naukovoyi konferencziyi, prisvyachenoyi 90-littyu z dnya narodzhennya vmdatnogo ukrayins'kogo arkheologa O. I. Terenozhkina*. Kyiv: MIKU, s. 74-76.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoj epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhya (Kievo-Cherkasskij region)*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1994. Novye pogrebeniya rannego zheleznogo veka v Porosje. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. Kiev: IA AN Ukrainy, s. 41-63.

Kozak, O. D., Slobodyan, T. I. 2020. Neordynarne pohovannya skifskogo chasu bilya s. Zhabotin. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 3 (36), s. 446-453.

Makhortykh, S. V. 2003. *Kulturnye kontakty naseleniya Severnogo Prichernomorya i Czentralnoj Evropy v kimmerijskuyu epokhu*. Kiev: Shlyakh.

Medvedskaya, I. N. 1992. Periodizacziya skifskoj arkhaiki i drevnij Vostok. *Sovetskaia arheologiia*, 3, s. 86-107.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzhenie skifov*. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-4. Moskva: Nauka.

Melyukova, A. I. 1998. K voprosu o datirovke ranneskifskikh strel. In: *Muzejni chitannya. Materiali Mizhnarodnoyi naukovoyi konferencziyi, prisvyachenoyi 90-littyu z dnya narodzhennya vmdatnogo ukrayins'kogo arkheologa O. I. Terenozhkina*. Kyiv: MIKU, s. 108-111.

Mogilov, O. D. 2008. *Sporyadzhennya konya skifskoyi dobi u Lisostepu Skhidnoyi Yevropi*. Kyiv; Kamyanecz-Podil'skij: IA NAN Ukrainy.

Murzin, V. Yu., Rolle, R. A. 1995. Spilni doslidzhennya arkheologiv Ukrayini ta N'mmechini u Bilsku. *Poltavskij arkheologichnij zbirnik*, 3, s. 50-56.

Okatenko, V. N., Skoryj, S. A., Zimovecz, R. V. 2018. Kurgan ranneskifskogo vremeni v Kharkovskoj oblasti. *Arheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (27), s. 219-235.

Olkhovskij, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya Stepnoj Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Perevodchikova, E. V. 1994. *Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evrazijskikh stepej skifskoj epokhi*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Petrenko, V. G. 1990. K voprosu o khronologii ranneskifskikh kurganov Czentralnogo Predkavkazya. In: Melyukova, A. I. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoj arkheologii*. Moskva: IA AN SSSR, s. 60-81.

Pokrovskaya, E. F. 1973. Predskifskoe poselenie u s. Zhabotin. *Sovetskaia arheologiia*, 4, s. 169-188.

Polidovich, Yu. B. 2017. Odin iz motivov izobrazheniya gornogo kozla v ranneskifskom iskusstve. *Kratkie soobsceniia Instituta arheologii*, 248, s. 166-184.

Polin, S. V. 1987. Khronologiya rannoskifskikh pamyatok. *Arkheologiya*, 59, s. 17-36.

Privalova, O. Ya., Zarajskaya, N. P., Privalov, A. I. 1982. Dvugorbaya Mogila. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoj Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 148-178.

Raskopki, N. I. Veselovskogo. 1913. *Otchet arheologicheskoy komissii za 1909—1910.* Sankt-Peterburg, s. 147-156.

Ryabkova, T. V. 2005. Kurgan 524 u s. Zhabotin. In: *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferencziya. Tezisy i doklady.* Krasnodar: Ofset-print, s. 240—243.

Ryabkova, T. V. 2007. K voprosu o tipologii i proiskhozhdenii psaliev tipov «Zhabotin» i «Uashkhitu». In: *Rannii zaliznyi vik Yevrazin: do 100-richchia vid dnia narodzhennia Oleksiia Ivanovycha Terenozhkina: Materialy Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii (16—19 travnia 2007 r.).* Kyiv; Chyhyryn: IA NANU, s. 131-135.

Ryabkova, T. V. 2008. Bronzovyj sosud iz kurgana 524 u s. Zhabotyn. In: *Sluchajnye nakhodki: khronologiya, atribucziya, istoriko-kulturnyj kontekst.* Sankt-Peterburg, s. 89.

Ryabkova, T. V. 2009. Bronzovyj sosud iz kurgana 524 u s. Zhabotin. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S. A. Skorogo.* Kiev; Poltava: IA NAN Ukrainy, s. 351-354.

Ryabkova, T. V. 2010a. Klassifikacziya izobrazhenij s rombovidnymi znakami na predmetakh predskifskogo i ranneskifskogo vremeni. In: *Problemy khronologii i periodizaczii arkheologicheskikh kultur Severnogo Kavkaza: Tezisy dokladov*. Magas: Piligrim, s. 309-312.

Ryabkova, T. V. 2010b. Cheshujchatye pancziri ranneskifskogo vremeni. *Arheologicheski sbornik Gosudarstvennogo Ermitaja*, 38, s. 87-106.

Ryabkova, T. V. 2011. Izobrazheniya rombovidnykh znakov kak svidetelstvo migraczij v epokhu rannikh kochevnikov. In: *Маргулановские чтения 2011: Материалы международной археологической конференции*. Astana: Saryarka, s. 104-109.

Ryabkova, T. V. 2012. Kolchannyj nabor iz kurgana 524 u s. Zhabotin. In: *Kultury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia rossiiskogo arkheologa Mikhaila Petrovicha Griaznova*. 2. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, s. 345-350.

Ryabkova, T. V. 2014. Kurgan 524 u s. Zhabotin v sisteme pamyatnikov perioda skifskoj arkhaiki. *Arkheologicheskij ezhegodnik*, 4, s. 372-432.

Skorij, S. A. 1987. Pro ski'fskij etnokulturnij komponent u naselennya Dniprovskogo Lisostepovogo Pravoberezhzhya. *Arkheologiya*, 60, s. 36-49.

Skorij, S. A. 1990. *Kurgan Perepyatikha (lo etnokulturnoyi istoriyi Dniprovskogo Lisostepovogo Pravoberezhzhya).* Kyiv: Naukova dumka.

Skoryj, S. A. 1999. *Kimmerijczy v ukrainskoj Lesostepi.* Kiev; Potava: Arkheologiya.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Skoryj, S., Zimovecz, R. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekczii*. Kiev: Oleg Filyuk.

Skoryj, S. A., Orlik, A. P., Zimovecz, R. V., Karavajko, D. V. 2019. Skifskoe pogrebenie kurgana Orlikova Mogila na yuge Kirovogradshhiny. *Arheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 4 (33), s. 160-170.

Smirnova, G. I. 1993. Pamyatniki Srednego Pridnestrovya v khronologicheskoj skheme ranneskifskoj kultury. *Sovetskaia arheologiia*, 2, s. 101-118.

Chernenko, E. V. 1968. *Skifskij dospekh.* Kiev: Naukova dumka.

Chlenova, N. L. 1967. *Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya plemen tagarskoj kultury*. Moskva: Nauka.

Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. 1900. *Drevnosti Pridneprovya*. 3. Kiev.

Khvojka, V. V. 1904. Raskopki kurganov pri s. Ositnyazhke Chigirinskogo uezda Kievskoj gubernii. *Arkheologicheskaya letopis yuga Rossii*, 1—2, s. 7-12.

Erlikh, V. R. 1991. Bronzovye uzdechnye nabory i problema khronologii predskifskogo i ranneskifskogo vremeni Zakubanya. In: Abramov, A. P., Gavritukhin, I. O., Paromov, Ya. M., Erlikh, V. R. (eds.). *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomorya.* Moskva: IA RAN, s. 31-47.

Erlikh, V. R. 1994. *U istokov ranneskifskogo kompleksa*. Moskva: Gosudarstvennyi Muzej Vostoka.

Erlikh, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyj Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov.* Moskva: Nauka.

From Assyria… 2014. *From Assyria to Iberia. At the Down of the Classical Age.* New York: The Metropolitan Museum of Art.

Kossack, G. 1987. Von den Anfangen des skytho-iranischen Tierstils. *Skythika.* München, S. 24-86.

S. A. Skory, R. V. Zimovets, V. N. Okatenko

THE BARROW 524 NEAR VILLAGE ZHABOTIN (New Research of the «Basic» Site of the Scythian Archaic Period in the Ukrainian Right-Bank Forest-Steppe)

The first excavations on this barrow were carried out in 1913 by the famous archaeologist Alexei Bobrinskoy. The central part of the mound was excavated by the pit.

The base of rather large ground wooden tomb buried in antiquity has been discovered there. The surviving items (weapons, horse equipment, pottery, small gold jewelry) later made it possible to date this mound to the end of the 7th century BC or ca. 7th—6th centuries BC.

Since the late 1980s, there has been a tendency — and, in our opinion, incorrect — of rather sharp aging of the Central tomb, and, accordingly, of whole barrow 524 near the village Zhabotin. It began to date ca. 8th—7th centuries BC, 750—700 BC, not later than the end of the 8th century BC, and finally, ca. mid- 8th century BC.

The Zhabotin 524 barrow began to be interpreted as the basic funeral monument of the Scythian archaic period in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe.

In 2019, the complete study of the barrow was made. By the time of the excavation it had a height of 3.0 m with a diameter of 55 × 50 m.

During the study, 12 profiles of the mound were obtained. They provided complete picture of its construction. The mound was constructed from humus in 2 stages. The first mound was directly made over the Central tomb. Its diameter is 24 m, the reconstructed height is up to 4.0 m. The mound was lined with radially wooden blocks. The second mound with a diameter of up to 50 m was fixed below by clay crepe. Reconstructed height up to 7.0 m.

Information on the Central Tomb, according to the number of signs, and first of all — to the sizes, differ from the information published by A. Bobrinskoy.

The actual dimensions of the tomb are not 35 m^2, but 22 m^2. From the southeast and northwest to the Central Tomb two ritual wooden platforms adjoined, one of which was badly burned. Next to them is open burial 2, covered by a tree. The male skeleton (14—18 years old) lay in the contracted position, without any goods. In our opinion, this burial should be considered as the sacrifice to the main noble deceased — a heavily armed Scythian equestrian warrior buried in the Central Tomb.

A few items from the Central Tomb were also found — bronze scales of the armour, the fragment of iron sword, but most important is the bronze plate in the form of a bull's head and the amphora handle. Judging by the composition of clay, it belongs to the vessels of Eastern Greek production. These findings are of fundamental importance: they cannot be dated by the time earlier than the late of the 7th century BC.

This situation made us once again turn to the most significant products, the so-called chronological indicators, discovered in 1913, on the basis of which the number of researchers were dated the Zhabotin 524 mound until the mid- 8th century BC.

These are arrow-heads, horse trappings, appliqués decorated in animal style. Their analysis shows that these artifacts are not convincing arguments for such an early date for the barrow.

Keywords: barrow, Early Scythian period, Zhabotin, Tyasmin river basin.

С. А. Скорий, Р. В. Зимовець, В. М. Окатенко

КУРГАН 524 БІЛЯ с. ЖАБОТИН (нове у вивченні «опорної» пам'ятки скіфської архаїки в Українському Правобережному Лісостепу)

Перші розкопки на цьому кургані були здійснені у 1913 р. відомим археологом Олексієм Бобринським. При цьому була розкопана котлованом тільки центральная частина.

Під насипом відкрито основу великої дерев'яної гробниці, що була пограбована в давнину.

Речі, що збереглися (зброя, кінське спорядження, посуд, маленькі золоті прикраси), пізніше дали можливість датувати курган кінцем VII або рубежем VII—VI ст. до н. е.

Починаючи з кінця 1980-х рр. накреслилася тенденція і — як ми вважаємо, некоректна — подавнення Центрального поховання і, відповідно, всього кургану 524 біля с. Жаботин. Його почали датувати VIII—VII ст. до н. е., 750—700 рр. до н. е., але не раніше кінця VIII ст. до н. е. і нещодавно — серединою VIII ст. до н. е.

Жаботинський 524 курган почали інтерпретувати як опорну поховальну пам'ятку глибокої скіфської архаїки в Дніпровському Правобережному Лісостепу.

2019 р. було здійсненне повне дослідження кургану. На час розкопок він мав висоту 3,0 м при параметрах 55 × 50 м.

Впродовж вивчення, було отримано 12 профілів насипу. Вони дали повне представлення щодо його будови. Насип був зроблений із чорнозему в 2 етапи.

Перший насип безпосередньо перекривав Центральну могилу. Його діаметр складає 24 м, висота сягає 4,0 м. Насип був перекритий зверху, радіально, дерев'яними блоками.

Другий насип, що мав діаметр майже 50 м, мав на склонах глинисту крепиду. Його реконструйована висота до 7,0 м.

Інформація відносно Центральної Могили, і в першу чергу щодо її розмірів, відрізняється від інформації, опублікованої О. Бобринським. Фактична площа могили не складає 35 м^2, а лише 22 м^2.

На південний схід і на північний захід від Центральної Могили відкриті два ритуальних дерев'яних помости, один з яких мав сліди горіння. Поряд з ними знайдена могила 2, що була покрита деревом. Кістяк чоловіка (14—18 років) лежав на боці, в дуже стиснутій позиції, без будь-яких речей. На нашу думку, це поховання слід розглядати як жертву, присвячену головному знатному небіжчику — важкоозброєнному скіфському воїну, вершнику, що був похований у Центральній Могилі.

У Центральній Могилі було знайдено декілька речей: бронзові платівки від панциру, фрагменти залізного меча, але важливіше всього — бронзова пряжка у вигляді голови бика і ручка амфори. Беручи до уваги склад глини амофри, можна вважати, цей посуд належить східногрецькому виробництву.

Вказані знахідки є принципово важливими: їх не можна датувати часом раніше, ніж кінець VII ст. до н. е.

Ця ситуація змусила нас ще раз повернутись до так званих хроноіндикаторів, виявлених у 1913 р., на підставі яких ряд дослідників відносить курган Жаботин 524 до середини VIII ст. до н. е.

Це, перш за все, бронзові вістря стріл, деталі кінського спорядження, прираси у звіриному стилі.

Їх аналіз свідчить: ці артефакти не є переконливими аргументами щодо такої ранньої дати кургана.

Ключові слова: курган, ранній скіфський період, Жаботин, басейн річки Тясмин.

Одержано 1.06.2020

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович, кандидат філософських наук, науковий співробітник, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, вул. Трьохсвятительська, 4, Київ, 02000, Україна.
ZYMOVETS Roman, PhD of Philisophy, Researcher in Philisophy of Culture, Ethnics and Aesthetics Department, Grigory Skovoroda Institut of Philisophy National Academy of Sciences of Ukraine, Tryohsviatytelska str., 4, Kyiv, 02000, Ukraine.
ORCID: 0000-0001-6045-6374, e-mail: romanzimovets@gmail.com.

ОКАТЕНКО Віталій Миколайович, начальник Слобідської експедиції, науковий співробітник ДП «НДЦ «Охоронна археологічна служба України» ІА НАН України, вул. Космічна, 22, Харків, 61145, Україна.
OKATENKO Vitalii, Researcher, Head of the Slobozhansky Expedition, Archaeological Surveillanc Service of Ukraine of the Institute of the Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, Kosmichna st., 22, Kharkiv, 61145, Ukraine.
ORCID: 0000-0002-9406-9353, e-mail: okatenkovitalij@gmail.com.

СКОРИЙ Сергій Анатолійович, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України, проспект Героїв Сталінграду, 12, Київ, 04210, Україна.
SKORY Serhiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, the Institut of Archeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu av.12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0002-7842-890X, e-mail: idanfirs@ukr.net.

УДК 904.22(477.73)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.20

Р. А. Козленко

НОВЫЕ ТАМГООБРАЗНЫЕ ЗНАКИ И ЭЛЕМЕНТЫ САРМАТСКОГО ВООРУЖЕНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ОЛЬВИИ [1]

Публикуется серия тамгообразных знаков из новейших раскопок в Ольвии. Тамги нанесены на известняковый камень, найденный на новом участке Т-4, заложенном в Террасном городе Ольвии. В верхних слоях раскопа также обнаружены элементы сарматского вооружения и снаряжения.

Ключевые слова: *Ольвия, участок Т-4, сарматы, тамги, вооружение, экипировка.*

Одним из надежных маркеров сарматского присутствия в античных центрах Северного Причерноморья являются тамгообразные знаки, нанесенные на разных категориях археологического материала: на камне, керамике, металле, кости и пр. Среди т. н. «энциклопедий» сарматских тамг выделяются скульптуры двух мраморных львов из Ольвии, на которых вырезано множество знаков (Соломоник 1959, с. 87—97; Драчук 1975, табл. XLI—LI). С ольвийского городища происходят два золотых флакона с сарматскими тамгами царского ранга, один из которых украшен рельефными фигурами лежащих львов (Соломоник 1959, с. 125, 126; Voroniatov 2014, Pl. II).

На территории ольвийской хоры серия тамгообразных знаков известна на предметах из знатного парного сарматского захоронения, к северу от Ольвии, у современного с. Козырка (Simonenko 2004, s. 199—227; Симоненко 2012, с. 241—262). Оттуда же происходит каменная плита с изображением всадника на охоте, на которой вырезаны сарматские тамги (Соломоник 1959, с. 81—83). С территории Ольвийского государства еще несколько сарматских знаков на керамике происходит из раскопок римского полевого укрепления Каменка V (Kozlenko 2018, p. 80).

За несколько последних десятилетий интенсивных археологических исследований Верхнего города Ольвии накопилась целая коллекция предметов с нанесенными на них сарматскими тамгами (Крапивина 2004, с. 205—208; 2011, с. 199—203; Козленко 2018, с. 239—254). Однако, каждый новый полевой сезон преподносит материалы, касающиеся, в том числе, варварского присутствия в Ольвии в римское время.

В 2019 г. на новом участке Т-4, заложенном на террасе, между Верхним и Нижним городом Ольвии, в северной части раскопа, на глубине 0,55 м от уровня современной дневной поверхности, в золистом слое, над завалом камней, был обнаружен фрагмент известнякового камня (О-2019/Т-4/256). На его лицевой обработанной стороне острым предметом нанесена серия редких тамгообразных сарматских знаков (рис. 1). Большинство тамг вырезаны на пещеристой поверхности камня не слишком четко, что затрудняет их окончательную идентификацию.

Размеры камня: высота — 9 см, ширина — 19, толщина — 19,5 см. Вероятно, он вторично был использован при строительстве кладки стены подвального сооружения (?), или подпорки террасы, которая насчитывает более 20 рядов камней. К северу от стены, среди керамического и нумизматического материала I—III вв. н. э., и был обнаружен фрагмент известняково-

1. Статья выполнена в рамках совместного украинско-немецкого проекта «Antike Stadtentwicklung an der Grenze der griechischen Oikumene. Archäologische Untersuchungen im Vorstadtareal Olbia Pontikes» (соисполнитель: Университет им. Гете, Франкфурт-на-Майне, ФРГ, при финансовой поддержке Германского Исследовательского Сообщества).

© Р. А. КОЗЛЕНКО, 2020

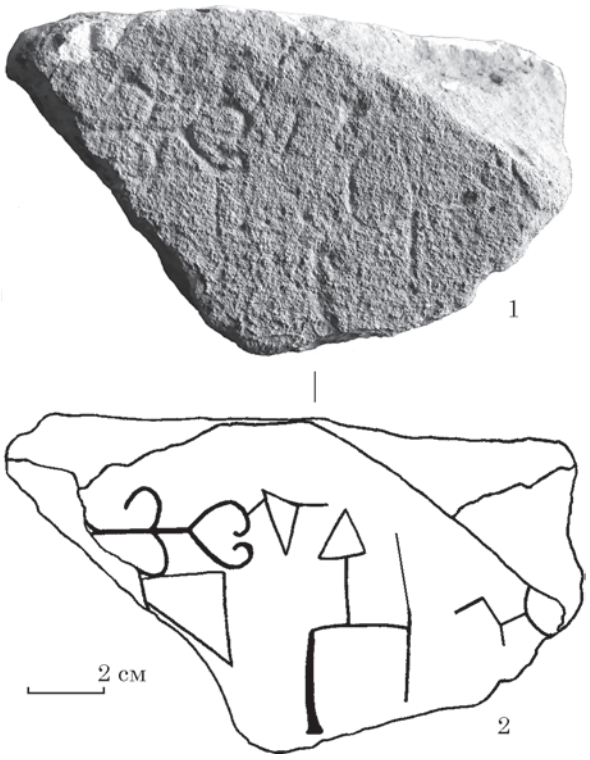


Рис. 1. Фрагмент известняковой плиты с тамгообразными знаками из раскопок участка Т-4 в Ольвии: 1 — фотография; 2 — прорисовка

го блока с тамгами. Ниже были найдены обработанные траянкой камни.

За время археологических исследований в Ольвии найдено не менее 9 каменных форм с тамгообразными знаками, среди которых были архитектурные детали (Соломоник 1959, с. 121, 122; Яйленко 2017, с. 667, рис. 112), известняковые и мраморные плиты с надписями, а также просто обработанные камни (Соломоник 1959, с. 74, 120, 122, 123; Козленко 2018, с. 244, 245). Исходя из размеров камня, можно предположить, что изначально это была или плита, или же архитектурная деталь, поскольку его фасадная сторона, на которую нанесены знаки, отшлифована, а сохранившаяся толщина свидетельствует о габаритных размерах.

На уцелевшей лицевой стороне камня изображено, как минимум, пять тамгообразных знаков, два из которых имеют сложносоставную структуру. Первый знак, с двумя, развернутыми в противоположные стороны, волютами, и боковым ответвлением на конце линии (рис. 2: 1), — уникальный для сарматского мира. Из размещенных таким образом волют, соединенных линией, состоит знак сарматского царя Фарзоя, который во второй половине I в. н. э. чеканил в Ольвии золотые монеты (Карышковский 1982, с. 66—82). Загнутые таким образом, вовнутрь, концы волют имеют тамги схемы Фарзоя и отдельные волюты на золотых флаконах из Ольвии (Соломоник 1959, с. 125, 126, № 63, 64), на мраморных львах (Драчук 1975, табл. XLVI: 85; LI: 59, 60), на деревянной арфе из сарматского погребения у с. Козырка (Симоненко 2012, с. 260, рис. 7: I; 28), а также тамги царя Инисмея, на предметах из погребения у с. Пороги (Симоненко, Лобай 1991, с. 26, рис. 16: 2). Близкие по форме знаки имеются на мраморном льве из Ольвии (Драчук 1975, табл. LI: 73), и на одном из германских копий римского времени с тамгообразными знаками с территории Польши (Yatsenko 2010, p. 146, 147, fig. 9: 1; 11: 3) [1]. Однако, в обоих случаях, они не имеют окончаний стержневых линий в виде отдельно идущего отростка, и завернутых вовнутрь концов волют, как в верхней части знака из Ольвии.

Наиболее близким по исполнению данному символу выглядит знак на известняковой плите из раскопок Верхнего города Ольвии (Козленко 2018, с. 241, рис. 1: 24). У него так же, вовнутрь, загнуты концы волют (рис. 2: 6), и на окончании стержневой линии имеется такой же боковой отросток как на знаке с участка Т-4. Отличие между ними состоит в том, что в срединной части тамги на камне с Террасного города имеется еще одна волюта [2].

Подобные знаки, но с одной волютой, известны на бронзовых котлах в курганных погребениях на Нижнем Дону (Яценко 2001, с. 155, рис. 4: 15), на керамике из региона Нижней Сырдарьи (Яценко 2001, с. 179, рис. 29: 8), на известняковой «плите-энциклопедии» из Пантикапея, и на мраморном льве из Ольвии (Драчук 1975, табл. VI: 364; XXXVIII: 282; LI: 28—31). Похожие составные части имели царские знаки представителей династии Аршакидов (Яценко 2001, с. 183, рис. 33: b, 2).

Таким образом, знак с волютами на камне с участка Т-4 в Ольвии состоит из элементов присущих царским тамгам. Неслучайным выглядит и тот факт, что, в отличие от остальных символов, на камне он вырезан наиболее четко, что может указывать на его значимость. Примечательно, что более простые знаки, в виде треугольников, группируются именно вокруг него.

Расположенный под ним треугольник (рис. 2: 2), под углом 45°, может быть как отдельным

1. Датировка этих копий варьируется в пределах II—III вв. н. э., однако нанесенные на них тамги бытовали раньше (с лит.: Voroniatov 2012, s. 185—195). Следует отметить, что один из тамгообразных знаков на фрагменте понтийской амфоры из раскопок римского форта Каменка V, возведенного на северной границе Ольвийского государства во второй половине I в. н. э., также имеет аналогии среди знаков на германских копьях (подробнее см.: Козленко 2018, с. 244).
2. На примере наличия составной части в виде волюты на разных тамгах существует предположение, что одинаковые нижние части тамгообразных знаков могут обозначать племенную принадлежность их обладателей (Симоненко, Лобай 1991, с. 67; Симоненко 2012, с. 249).

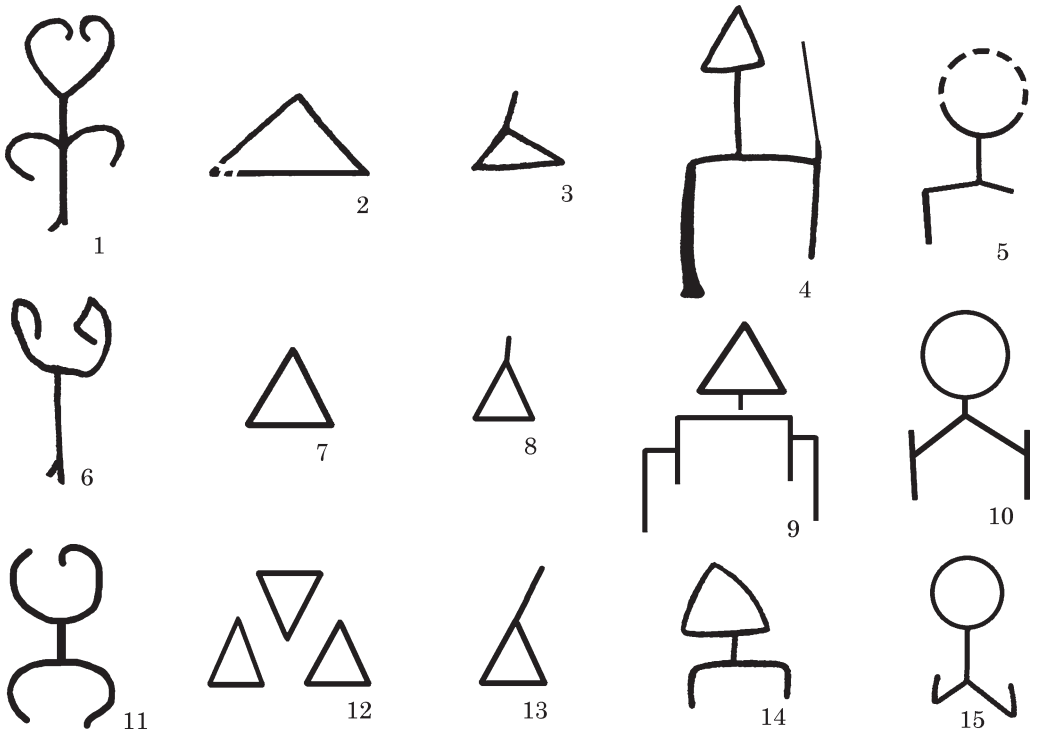


Рис. 2. Серии тамгообразных знаков: 1—5 — Ольвия, известняковая плита, участок Т-4; 6 — Ольвия, известняковая плита, участок Р-25; 7 — храм Байте III, каменная плита; 8, 15 — Ольвия, мраморные львы; 9 — Пантикапей, плита-«энциклопедия»; 10 — Пантикапей, надгробие; 11 — Козырка, деревянная арфа из погребения; 12 — Ольвия, архитектурная деталь; 13 — Неаполь Скифский, штукатурка с фресками; 14 — Херсонес, бронзовое зеркало

знаком, который так же известен на Нижнем Дону (напр.: Яценко 2001, с. 154, рис. 4: 14), на плитах храма Байте III на плато Устюрт (Яценко 2019, с. 82, рис. 6: 35, 65), на известняковой плите из Пантикапея, на одном из мраморных львов (Драчук 1975, табл. IX: 599; XXXIX: 363—366; XLVI: 111, 112) и архитектурной детали из Ольвии (Соломоник 1959, с. 121, 122), так и составной частью от него (напр.: Соломоник 1959, с. 168: 145—159; Драчук 1975, табл. IX: 607, 608, 610, 640—660; Яценко 2001, с. 155, рис. 5: 55, 66, 75, 124).

Далее, в верхнем ряду, расположен знак с треугольной основой, и линией, исходящей от него (рис. 2: 3). Такие знаки присутствуют на одном из мраморных львов из Ольвии, и на штукатурке с фресками из Неаполя Скифского (Драчук 1975, табл. IX: 605, 606). Интересно отметить, что отдельной линией он соединен со знаком с волютами, что может указывать на слияние двух разных сарматских кланов [1].

Под ним расположен знак (рис. 2: 4), который имеет аналогии в Хорезме (Яценко 2001, с. 177, рис. 27: 98; 187, рис. 28: 44), западной Монголии (Яценко 2001, с. 185, рис. 35: 65), на известняковых плитах и на бронзовой бляшке с Боспора (Драчук 1975, табл. IX: 676, 677, 684), и на бронзовом зеркале первых веков н. э. из Херсонеса (Зубарь 1982, с. 107, рис. 73). Правда, в отличие от ольвийского знака, у них отсутствует дополнительная линия с правой стороны, идущая вверх от основания в виде буквы П.

Крайний справа знак (рис. 2: 5), расположенный под наклоном по отношению к другим символам, по-видимому, состоит из круга, соединенного с линией, и ответвлениями на ее конце, по бокам, в виде буквы П. Тамги в виде кругов и полукругов с линиями и ответвлениями на концах, известны на плитах и амфоре из Танаиса (Драчук 1975, табл. XI: 838; Яценко, Раев 2001, с. 225, рис. 1: 12), на глиняном грузиле с Боспора (Драчук 1975, табл. XIII: 49), на плитах храма Байте III на плато Устюрт (Яценко 2019, с. 82, рис. 2: 1—20, 157, 237, 239, 247, 251, 252), на мраморном льве из Ольвии (Соломоник 1959, с. 168: 201), на надгробиях из Керчи (Соломоник 1959, с. 68, 69; 99, 100, 168: 200), на предметах в доримской Дакии (Воронятов 2014, с. 71, рис. 6: 7, 11, 12), в регионах Хорезма, Бактрии, Нижней Сырдарьи, Южной и Центральной Монголии, а также в Персеполе (Яценко 2001, с. 178, рис. 28: 21, 107, 138; 29: 21; 32: 42; 35: 93, 124). Известны они у средневековых аланов, проживавших в Предкавказье, и в Горном Крыму (Яценко 2001, с. 178, рис. 36: 137, 156). Таким образом, некоторые из рассмотренных знаков на камне из раскопок на участке Т-4 в Ольвии имеют широкие аналогии в разных регионах.

1. Подробнее см.: Яценко 2001, с. 19, 20.

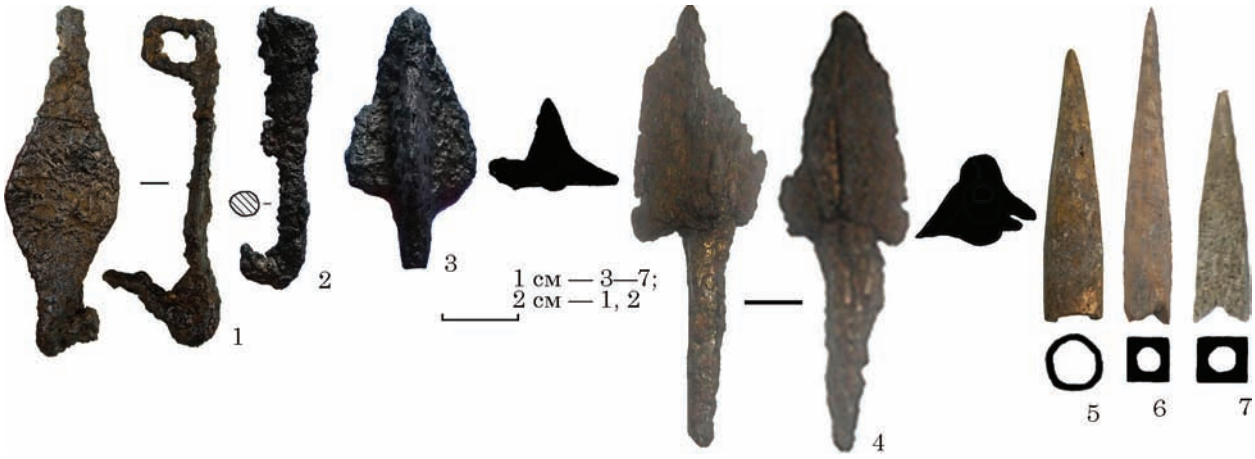


Рис. 3. Элементы сарматского вооружения и снаряжения из новейших раскопок в Ольвии: 1, 2 — железные колчанные крюки; 3, 4 — железные черешковые трехлопастные наконечники стрел; 5—7 — костяные втульчатые наконечники стрел (1—3, 5 — участок Т-4; 4, 6, 7 — участок Р-25)

Как правило, такие известняковые плиты или блоки предназначались для закладки в строительные сооружения (напр.: Соломоник 1959, с. 122, 123), например ворота (Яценко, Раев 2001, с. 223; Козленко 2018, с. 248): для публичного обозрения, как свидетельство о закрепленном договоре при участии сарматских знатных кланов (Яценко, Раев 2001, с. 227), их посещении данной территории и т. д.

Следует отметить, что на протяжении двух полевых сезонов (2018—2019 гг.) археологических исследований данного участка, в верхних слоях, в ямах и при зачистках каменных кладок, были также найдены: железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 3: 3), железные колчанные крюки (рис. 3: 1, 2), костяной втульчатый наконечник стрелы (рис. 3: 5), и значительное количество стеклянных, сердоликовых, гагатовых и пастовых бус. Черешковые трехлопастные наконечники стрел широко известны в наборах вооружений сарматов Северного Причерноморья (Симоненко 2015, с. 106—112). Подобные костяные наконечники известны в сарматских погребениях Поволжья (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989, с. 45, рис. 27: 5; 56, рис. 37: 3; Скрипкин 1990, рис. 24: 63).

Весьма интересны железные колчанные крюки, выявленные в римском слое участка Т-4, поскольку в данном регионе был известен только один, более раннего времени, бронзовый колчанный крюк с зооморфным окончанием из раскопок некрополя Ольвии (Ивченко, Карнаух 2010, с. 82—87). Так, стержневидный крюк (рис. 3: 2) имеет близкие аналогии в сарматских памятниках центрального Предкавказья (Абрамова 1989, с. 275, табл. 110: 14, 15), и в позднескифской культуре Крыма (Зайцев 2011, с. 586, 587, рис. 1: 18, 20—23), что связывается с сарматским влиянием (Пуздровский 2007, с. 72). Похожий фрагмент железного изделия, которое интерпретируется как стержневидный псалий, в сочетании с черешковым наконечником стрелы, найден в одном из сарматских погребений Таврии (Симоненко 1993, с. 65, рис. 20: 2а; 98), и также в Поволжье (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989, с. 45, рис. 27: 6; Скрипкин 1990, рис. 41: 9).

Еще один железный колчанный крюк, фигурно-пластинчатой формы, с кольцом для крепления (рис. 3: 1), найден на участке Т-4, в яме римского времени, среди фрагментов амфор, стеклянных и краснолаковых сосудов I—III вв. н. э. (Буйских, Форнасье, Шейко, Чечулина 2019, с. 19). Крюки похожей формы также известны в Поволжье (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989, рис. 54: 6) [1]. Учитывая контекст их обнаружения, есть основания отождествлять данные крюки с сарматской экипировкой. Таким образом, на участке Т-4 выявлены материалы непосредственно связанные с сарматским присутствием в Ольвии.

Кроме этого, случайно найденная в Нижнем городе Ольвии костяная пластина, с изображением боевого коня в доспехах и сарматскими тамгами конца I в. н. э. (Симоненко 2018, с. 173—182), может происходить именно с данной террасы, расположенной над Нижним городом, о чем косвенно свидетельствуют материалы из раскопок на участке Т-4.

В прирезке раскопа, где был обнаружен камень с тамгами, выявлены материалы I—III вв. н. э., что усложняет определение датировки бытования данных знаков в пределах одного

1. Появление костяных наконечников и колчанных крюков в Ольвии, имеющих аналогии в сарматских погребениях Поволжья, можно связывать с группой кочевников — аорсами или аланами (подробнее см.: Симоненко 1992, с. 148—162; Скрипкин 2018, с. 94), пришедшими в Северное Причерноморье в середине — третьей четверти I в. н. э. из Волго-Донских степей (Симоненко, Лобай 1991, с. 75).

столетия [1]. Однако, учитывая глубину залегания камня, его возможное вторичное использование при сооружении кладки в террасной части города, у подножия которой обнаружены материалы III в. н. э., а также датировки вещей и «энциклопедий» сарматских знаков, на которых имеются подобные символы, период появления данных тамг в Ольвии можно отнести ко второй половине I—II вв. н. э. Это время тесных военно-политических взаимоотношений Ольвии с сарматами, когда сарматские цари Фарзой и Инисмей чеканили в Ольвии золотые и серебряные монеты с их родовым знаком-тамгой (Карышковский 1973, с. 15, 16), а ольвийские послы, по-видимому, принимали сарматских царей в городе (IOSPE I[2] 51, 54).

Неудивительно, что предметы с тамгообразными знаками в Ольвии, как правило, сопровождаются элементами сарматского вооружения: железными и костяными наконечниками стрел, деталями от лука (см.: Козленко 2018, с. 245—246), [2] портупейными наборами, элементами конской узды и т. д. Все это, в совокупности, свидетельствует о непосредственном сарматском присутствии в черте города в римский период.

1. В этом же квадрате, на глубине 1,25 м от уровня современной дневной поверхности, был обнаружен трессис Юлии Маммеи (222—235 гг. н. э.) ольвийского чекана.
2. Имеющий аналогии в курганах пазырыкской культуры костяной наконечник стрелы из закрытого комплекса Верхнего города Ольвии, с накладками на лук гуннского типа (Козленко 2018, с. 246), может дополнительно указывать на традиции вооружения причерноморских сарматов связанные с центральноазиатскими культурами (подробнее см.: Симоненко 2010, с. 394). В пазырыкской культуре на таких наконечниках имеются знаки-метки наподобие тамг (Yatsenko 2010, s. 149). Следует отметить, что у основания черешка наконечника из Ольвии с двух сторон имеется по одной насечке. В непосредственной близости от данного комплекса, на участке Р-25 в Ольвии, был обнаружен железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 3: 4) и еще два костяных втульчатых наконечника стрел (рис. 3: 6, 7) — таких же, как на участке Т-4 (рис. 3: 5).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова, М. П. 1989. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху. В: Мелюкова, А. И. (ред.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 268-281.

Буйских, А. В., Форнасье, Й., Шейко, И. Н., Чечулина, И. А. 2019. *Отчет о раскопках на участке Т-4 в Ольвии в 2018 году*. НА ІА НАН України, ф. 64.

Воронятов, С. В. 2014. Формы взаимоотношений кочевников с внешним миром в отражении ареалов сарматских знаков-тамг. В: *Сарматы и внешний мир. Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии», 12—15 мая 2014 г.* Уфа: Наследие, с. 66-76.

Дворниченко, В. В., Федоров-Давыдов, Г. А. 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем. В: Смирнов, К. А. (ред.). *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука, с. 14-132.

Драчук, В. С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры)*. Киев: Наукова думка.

Зайцев, Ю. П. 2011. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III—I вв. до н. э.). *Боспорский феномен*: Население, языки, контакты, с. 584-592.

Зубарь, В. М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Ивченко, А. В., Карнаух, Е. Г. 2010. Погребение II в. до н. э. с колчанным крюком из Ольвийского некрополя. *Συμβολα. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*, 1, с. 82-87.

Карышковский, П. О. 1973. Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья. В: *Краткие тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир»*. Ленинград, с. 15-16.

Карышковский, П. О. 1982. О монетах царя Фарзоя. В: Дзис-Райко, Г. А. (ред.). *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 66-82.

Козленко, Р. А. 2018. Тамгообразные знаки из Ольвии (к проблеме сарматского присутствия). *Stratum plus*, 4, с. 239-254.

Крапивина, В. В. 2004. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии. В: *V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь, с. 205-208.

Крапивина, В. В. 2011. О предметах с сарматскими знаками из Ольвии. В: *XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур*. Керчь, с. 199-203.

Пуздровский, Е. А. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Симоненко, А. В. 1992. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? *Вестник древней истории*, 3, с. 148-162.

Симоненко, А. В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка.

Симоненко, А. В. 2010. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы). *Нижневолжский археологический вестник*, 11, с. 392-402.

Симоненко, А. В. 2012. Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко*. Киев: КНТ, с. 241-262.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Киев: Олег Филюк.

Симоненко, А. В. 2018. Костяная пластина из Ольвии: след сарматского рейда на Дунай? В: *Народы и культуры Нижнего Дуная в древности. Материалы Международной конференции, 23—26 августа 2018 г.* Измаил: Ирбис, с. 173-182.

Симоненко, А. В., Лобай, Б. И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э.* Киев: Наукова думка.

Скрипкин, А. С. 1990. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов: СГУ.

Скрипкин, А. С. 2018. Яньцай, аорсы, аланы. *Вестник Волгоградского государственного университета*, 3, с. 92-98.

Соломоник, Э. И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: ИА АН УССР.

Яйленко, В. П. 2017. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э.* Санкт-Петербург: Нестор-История.

Яценко, С. А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.

Яценко, С. А. 2019. Знаки ранних кочевников плато Устюрт. В: Сулейманов, Р. Х. (ред.). *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ, с. 58-88.

Яценко, С. А., Раев, Б. А. 2001. Плиты со скоплениями сарматских знаков из Танаиса в собрании Новочеркасского музея. *Боспорский феномен*: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства, 2, с. 222-230.

Kozlenko, R. O. 2018. Olbia, the Sarmatians and the Roman Limes. In: Burgunder, P. (ed.). *Actualité archéologique ukrainienne: Olbia Pontique, le limes et les Barbares*. Lausanne: Etudes Bosporanes, p. 79-90.

Simonenko, A. V. 2004. Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbias. *Eurasia Antiqua*, 10, s. 199-227.

Voroniatov, S. V. 2012. Sarmatische Elemente im Inventar des Königsgrabs von Mušov in Südmähren. *Eurasia Antiqua*, 18, s. 185-195.

Voroniatov, S. V. 2014. Connections between Central Asia and the Northern Littoral of the Black Sea: the Evidence from Objects with Tamgas. *The Silk Road*, 12, p. 25-39.

Yatsenko, S. A. 2010. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranien-Speaking Peoples of Iran, Eastern Europe, Transoxiana and South Siberia. In: Pim, J. E., Yatsenko, S. A., Perrin, O. T. (eds.). *Traditional Marking Systems*. London: Dunkling books, s. 133-154.

REFERENCES

Abramova, M. P. 1989. Czentralnyj Kavkaz v sarmatskuyu epohu. In: Melyukova, A. I. (ed.). *Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*. Moskva: Nauka, s. 268-281.

Bujskih, A. V., Fornas'e, J., Sheiko, I. N., Chechulina, I. A. 2019. *Otchet o raskopkah na uchastke T-4 v Ol'vii v 2018 godu*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64.

Voronyatov, S. V. 2014. Formy vzaimootnoshenij kochevnikov s vneshnim mirom v otrazhenii arealov sarmatskih znakov-tamg. In: *Sarmaty i vneshnij mir. Materialy VII Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferenczii «Problemy sarmatskoj arheologii», 12—15 maya 2014 g*. Ufa: Nasledie, s. 66-76.

Dvornichenko, V. V., Fedorov-Davydov, G. A. 1989. Raskopki kurganov v zone stroitel'stva Kalmyczko-Astrahanskoj i Nikol'skoj risovyh orositel'nyh sistem. In: Smirmov, K. A. (ed.). *Sokrovishha sarmatskih vozhdej i drevnie goroda Povolzhya*. Moskva: Nauka, s. 14-132.

Zajczev, Yu. P. 2011. «Pozdneskifskij» kostyum kak etnoindikator (na primere elementov poyasnoj garnitury III—I vv. do n. e.). *Bosporskij fenomen*: Naselenie, yazyki, kontakty, s. 584-592.

Zubar', V. M. 1982. *Nekropol' Hersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n. e*. Kiev: Naukova dumka.

Drachuk, V. S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomorya (tamgoobraznyye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery)*. Kiev: Naukova dumka.

Ivchenko, A. V., Karnauh, E. G. 2010. Pogrebenie II v. do n. e. s kolchannym kryukom iz Ol'vijskogo nekropolya. *Συμβολα. Antichnyj mir Severnogo Prichernomorya. Novejshie nahodki i otkrytiya*, 1, s. 82-87.

Karyshkovskij, P. O. 1973. Sarmatskie tamgi na antichnyh monetah Prichernomorya. In: *Kratkie tezisy dokladov k nauchnoj konferenczii «Antichnye goroda Severnogo Prichernomorya i varvarskij mir»*. Leningrad, s. 15-16.

Karyshkovskij, P. O. 1982. O monetax czarya Farzoya. In: Dzis-Rajko, G. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, s. 66-82.

Kozlenko, R. A. 2018. Tamgoobraznye znaki iz Ol'vii (k probleme sarmatskogo prisutstviya). *Stratum plus*, 4, s. 239-254.

Krapivina, V. V. 2004. Svinczovaya plastina s sarmatskimi znakami iz Ol'vii. In: *V Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Etnicheskiye protsessy*. Kerch', s. 205-208.

Krapivina, V. V. 2011. O predmetah s sarmatskimi znakami iz Ol'vii. In: *XII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Vzaimoliyaniye kul'tur*. Kerch', s. 199-203.

Puzdrovskij, E. A. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogreval'nye pamyatniki*. Simferopol': Biznes-Inform.

Simonenko, A. V. 1992. Farzoj i Inismej — aorsy ili alany? *Vestnik drevnej istorii*, 3, s. 148-162.

Simonenko, A. V. 1993. *Sarmaty Tavrii*. Kiev: Naukova dumka.

Simonenko, A. V. 2010. «Gunno-sarmaty» (k postanovke problemy). *Nizhnevolzhskij arheologicheskiy vestnik*, 11, s. 392-402.

Simonenko, A. V. 2012. Sarmatskoe pogrebenie s tamgami na territorii Ol'vijskogo gosudarstva. In: *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statey k 60-letiyu A. V. Simonenko*. Kiev: KNT, s. 241-262.

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Oleg Filyuk.

Simonenko, A. V. 2018. Kostyanaya plastina iz Ol'vii: sled sarmatskogo rejda na Dunaj? In: *Narody i kul'tury Nizhnego Dunaya v drevnosti. Materialy Mezhdunarodnoj konferenczii, 23—26 avgusta 2018 g*. Izmail: Irbis, s. 173-182.

Simonenko, A. V., Lobay, B. I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomorya v I v. n. e*. Kiev: Naukova dumka.

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt*. Saratov: SGU.

Skripkin, A. S. 2018. Yan'czaj, aorsy, alany. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, s. 92-98.

Solomonik, E. I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomorya*. Kiev: IA AN USSR.

Yajlenko, V. P. 2017. *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Hersonesa i Bospora VII v. do n. e. — VII v. n. e*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.

Yatsenko, S. A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekovya*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Yatsenko, S. A. 2019. Znaki rannih kochevnikov plato Ustyurt. In: Sulejmanov, R. H. (ed.) *Tamgi doislamskoj Czentralnoy Azii*. Samarkand: MICAI, s. 58-88

Yatsenko, S. A., Raev, B. A. 2001. Plity so skopleniyami sarmatskih znakov iz Tanaisa v sobranii Novocherkasskogo muzeya. *Bosporskiy fenomen*: Kolonizatsiya regiona. Formirovaniye polisov. Obrazovaniye gosudarstva, s. 222-230.

Kozlenko, R. O. 2018. Olbia, the Sarmatians and the Roman Limes. In: Burgunder, P. (ed.). *Actualité archéologique ukrainienne: Olbia Pontique, le limes et les Barbares*. Lausanne: Etudes Bosporanes, p. 79-90.

Simonenko, A. V. 2004. Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbias. *Eurasia Antiqua*, 10, s. 199-227.

Voroniatov, S. V. 2012. Sarmatische Elemente im Inventar des Königsgrabs von Mušov in Südmähren. *Eurasia Antiqua*, 18, s. 185-195.

Voroniatov, S. V. 2014. Connections between Central Asia and the Northern Littoral of the Black Sea: the Evidence from Objects with Tamgas. *The Silk Road*, 12, p. 25-39.

Yatsenko, S. A. 2010. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranien-Speaking Peoples of Iran, Eastern Europe, Transoxiana and South Siberia. In: Pim, J. E., Yatsenko, S. A., Perrin, O. T. (ed.). *Traditional Marking Systems*. London: Dunkling books, s. 133-154.

R. A. Kozlenko

NEW TAMGA SIGNS AND ELEMENTS OF SARMATIAN ARMAMENT AND EQUIPMENT FROM OLBIA

The series of new tamga signs from the latest excavations in Olbia, among which there are unique signs for the Sarmatian nomadic world are published in the paper. The tamgas are deposited on limestone which was found at a new site T-4 placed on the Terraced city of Olbia. Some signs have analogies on the marble lion from Olbia, in Scythian Neapolis, on the «plate-encyclopedia» from Panticapaeum, and on the territory of Asian Sarmatia. The period of existence of these tamgas in Olbia can be attributed to the second half of the 1st — the 2nd centuries AD. This was the time of close military-political relations between Olbia and the Sarmatians. During this period, the Sarmatian kings Farzoios and Inismeos minted in Olbia gold and silver coins with their generic tamga-sign, and the Olbian ambassadors met the Sarmatian kings in the city.

In the upper layers of the site T-4 there were also found the elements of Sarmatian weapons and equipment such as the iron arrowhead, bone arrowheads, and iron quiver hooks, which are unique for the region. Bone arrowheads and quiver hooks have analogies in the Sarmatian burials of the Volga region and could be associated with the appearance of Sarmatian nomads in the Northern Pontic region which can be associated with the appearance of Sarmatian nomads in the Northern Black Sea region, who came in the middle — third quarter of the 1st century AD from the Volga-Don steppes. Objects with tamga signs in Olbia are usually accompanied by iron and bone arrowheads, bow detailes, elements of horse bridle, buckles etc. All of this, in general, is the evidences of the direct Sarmatian presence in the city in the Roman period.

Keywords: Olbia, Sarmatians, tamga signs, armament, equipment, section T-4.

Р. О. Козленко

НОВІ ТАМГОПОДІБНІ ЗНАКИ І ЕЛЕМЕНТИ САРМАТСЬКОГО ОЗБРОЄННЯ І СПОРЯДЖЕННЯ З ОЛЬВІЇ

У статті публікується серія тамгоподібних знаків з новітніх розкопок в Ольвії, серед яких є унікальні для сарматського кочового світу знаки. Тамги нанесені на вапняковий камінь, знайдений на новій ділянці Т-4, закладеній в Терасному місті Ольвії. Деякі символи мають аналогії на одному з мармурових левів з Ольвії, в Неаполі Скіфському, на «плиті-енциклопедії» з Пантікапею, і з території Азіатської Сарматії. Період побутування даних тамг в Ольвії може бути визначений в рамках другої половини I—II ст. н. е. Це час тісних військово-політичних взаємин Ольвії і сарматів. Протягом цього періоду сарматські царі Фарзой та Інісмей чеканили в Ольвії золоті і срібні монети з їх родовим знаком-тамгою, а ольвійські посли зустрічали сарматських царів в місті.

У верхніх шарах ділянки Т-4 були також знайдені елементи сарматського озброєння і спорядження, а саме: залізний черешковий наконечник стріли, кістяні наконечники стріл і унікальні для даного регіону залізні сагайдачні гаки. Кістяні наконечники і сагайдачні гаки мають аналогії в сарматських похованнях Поволжя, що можна пов'язувати з появою в Північному Причорномор'ї сарматських кочовиків, які прийшли в середині — третій чверті I ст. н. е. з Волго-Донських степів. Предмети з тамгами в Ольвії, як правило, супроводжуються залізними і кістяними наконечниками стріл, деталями лука, елементами кінської вуздечки, пряжками тощо. Все це свідчить про безпосередню присутність сарматів в місті у римський час.

Ключові слова: Ольвія, ділянка Т-4, сармати, тамгоподібні знаки, озброєння, спорядження.

Одержано 16.05.2020

КОЗЛЕНКО Роман Олександрович, молодший науковий співробітник, НІАЗ «Ольвія» НАН України, вул. Ольвійська, 47а, с. Парутине, 57540, Україна.
KOZLENKO Roman, Researcher Officer, National historical-archaeological reserve «Olbia», National Academy of Sciences of Ukraine, Olviyskaya St., 47a, Parutino village, 57540, Ukraine.
ORCID: 0000-0001-5602-7796, e-mail: rknovel@ukr.net.

УДК 904.5(470.324)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.21

А. П. Медведев

НОВЫЕ САРМАТСКИЕ КУРГАНЫ НА СРЕДНЕМ ХОПРЕ

В 2018—2019 гг. Еланская археологическая экспедиция Воронежского государственного университета провела раскопки курганов у д. Ивановка на р. Елань в Среднем Прихоперье. В могильнике «длительного накопления» были исследованы два сарматских кургана. В кургане 25 открыто «диагональное» погребение воина в квадратной яме, датируемое серединой II в. н. э. Курган 30 содержал женское погребение в катакомбе рубежа II—III вв. н. э. Хотя исследуемый могильник в настоящее время находится в лесостепи, раскопанные погребения не отличаются от основной массы позднесарматских погребений степного Волго-Донского междуречья.

***Ключевые слова**: Донская лесостепь, Хопер, курганы, сарматы, позднесарматская культура.*

До недавнего времени одним из «белых» пятен на археологической карте Азиатской Сарматии оставался бассейн р. Хопра. Эта ситуация нашла отражение в известной статье А. С. Скрипкина (Скрипкин 1979). Вплоть до конца XX — начала XXI в. сарматские древности на Хопре ограничивались несколькими частично раскопанными могильниками (Максимов 1974; Матюхин 1992; Ефимов 1998; Березуцкий 1998). Ситуацию существенно не изменили раскопки на рубеже веков в Саратовской и Тамбовской областях (Хреков 2009; Белоусов 2013). По ним можно было составить лишь самое общее впечатление о сарматской эпохе лесостепном Прихоперье (Медведев 2008, с. 28—32). В последние годы к систематическим раскопкам сарматских памятников в Правобережье Хопра приступила экспедиция Воронежского государственного педагогического университета под руководством В. Д. Березуцкого, уже исследовавшая в могильнике у с. Березовка семь позднесарматских курганов. Особый интерес среди них имеют курганы, содержавшие постсарматские погребения IV в. (Медведев, Березуцкий 2018).

В 2018 г. Еланская экспедиция Воронежского государственного университета начала раскопки курганного могильника Ивановка 7 в Новохоперского района Воронежской обл. По современным географическим представлениям он находится в южной части донской лесостепи (рис. 1: 57). Памятник открыт совместной экспедицией Воронежского университета (рук. А. П. Медведев) и Государственной инспекцией охраны историко-культурного наследия Воронежской области (рук. С. В. Акимова) в 2001 г. (Акимова 2001, с. 10, 11). Тогда в нем было учтено 28 курганных насыпей. В 2012 г. он повторно обследован отрядом Еланской экспедиции под руководством Н. М. Савицкого (Савицкий 2012, с. 54—56). В 2018 г. могильник был осмотрен автором — в высокой траве было замечено не менее десятка небольших насыпей, на которые пропустили наши предшественники. Они и привлекли наше внимание.

Могильник Ивановка 7 расположен в Правобережье нижнего течения р. Елань перед ее впадением в р. Савалу (правый приток Хопра) в 2 км к западу от д. Ивановка (рис. 2: а). Курганы занимают присклоновый участок водораздельного мыса правого берега Елани и левого берега ее притока р. Татарка. На юго-востоке территория могильника ограничены проселочной дорогой из пос. Некрыловский в д. Ивановка, за ее пределы выходят лишь отдельные насыпи, расположенных на пахотном поле. На западе и севере памятник ограничен пологими склонами, по которым идут лесополосы. К северу от лесополосы в поле находится лишь один кур-

© А. П. МЕДВЕДЕВ, 2020

ган 20. Большая часть площади памятника до 2019 г. не подвергалась распашке и сохранились в естественном степном ландшафте с преобладанием ковыля. У местных жителей могильник носит название «Каменная Баба», которая некогда стояла на одном из курганов и вновь недавно «появилась», благодаря инициативе некоторых местных жителей, привыкших ей поклоняться еще в советские времена (влетнее время — приношения плодов и фруктов). По рассказам старожилов, несколько десятилетий назад она была увезена с большого кургана в д. Ивановку и заложена в фундамент дома, в котором по преданию умерли все члены семьи. Затем в начале XXI в. она была «восстановлена» на кургане 4 в виде каменной плиты, на которую положен округлый камень, имитирующий голову. На одном из курганов ее не очень умелая имитация стоит и сейчас.

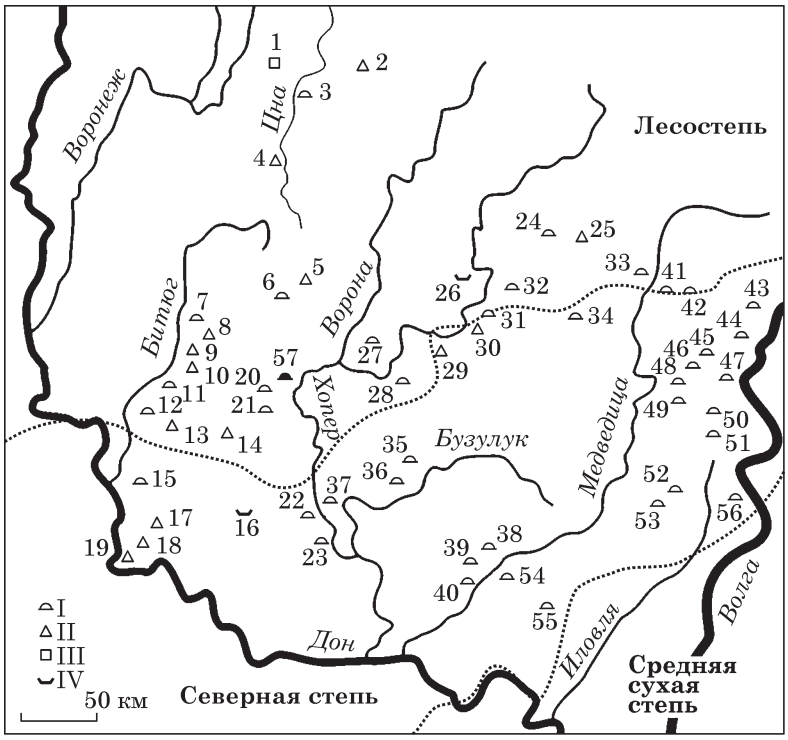


Рис. 1. Карта основных сарматских памятников лесостепного междуречья Волги и Хопра. Условные обозначения: I — курганы; II — случайные находки; III — городища; IV — грунтовые могилы. 1 — городище Галдым; 2 — Сосновка; 3 — Пичаево; 4 — Тамбов; 5 — Туголуково; 6 — Жердевка; 7 — Большие Ясырки; 8 — Островки; 9 — Студенец; 10 — Новый Курлак; 11 — Новая Чигла; 12 — Красный-2; 13 — Бутурлиновка; 14 — Сериково; 15 — Александровка Донская; 16 — Манино; 17 — Русская Журавка; 18 — Нижний Мамон; 19 — Гороховка; 20 — Сорокинский; 21 — Березовка; 22 — Нехаево; 23 — Мазин; 24 — Таптулино; 25 — Елань; 26 — Турки; 27 — Власовка; 28 — Третьяки; 29 — Старый Хопер; 30 — Большой Мелик; 31 — Ключи; 32 — Машевка; 33 — Аткарск; 34 — Радушинка; 35 — Новоаннинск; 36 — Березовка; 37 — Красновка; 38 — Королева Могила; 39 — Сидоры; 40 — Арчедиская; 41 — Ершовка; 42 — Верхний Колышлей; 43 — Усть-Курдюм; 44 — Саратов; 45 — Двоенка; 46 — Рыбушка; 47 — Большая Дмитриевка; 48 — Широкий Карамыш; 49 — Норка; 50 — Карамыш; 51 — Каменка; 52 — Гуселка; 53 — Котово; 54 — Короли; 55 — Новая Норка; 56 — Щербаковка; 57 — Ивановка 7

По уточненным данным 2019 г. в могильнике Ивановка 7 насчитывается не менее 35 насыпей. Их современная высота варьирует от 0,3 до 5 м. Самым крупным является курган 1 высотой до 5 м с уплощенной вершиной от старого тригопункта (рис. 2: б). Рядом с ним ближе к северному склону концентрируются крупные насыпи высотой 2—4 м. В юго-западном направлении высота курганов заметно уменьшается до 1 м. К сожалению, осенью 2018 г. большая часть площади памятника подверглась распашке культиватором, что нарушило естественный степной ландшафт и верхнюю часть насыпей на глубину до 20 см. В 2018—2019 гг. в могильнике было раскопано три небольших кургана. При этом курган 23 не содержал погребения и в статье не описывается.

Курган 25 раскопан в 2019 г. (рис. 3). Он располагался в юго-западной части могильника и имел насыпь диаметром 14 м, высотой около 0,5 м. Раскопки этого и других курганов проводились по традиционной методике исследования небольших насыпей с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок по линиям север—юг и запад—восток. Изучение курганной насыпи велись по секторам пластами в 10 см. Для удобства снятие насыпей производилось кольцами шириной 4 м. Вначале был снят нарушенный культиватором слой степной дернины мощностью до 20—25 см. Под ним залегала собственно насыпь, состоящая из плотного чернозема темно-коричневого, местами почти черного цвета окраски с включениями суглинка в многочисленных норах грызунов. В северо-западном секторе сразу под дерном с глубины обозначился четкий могильный выкид овальной в плане формы из красноватого суглинка мощностью до 0,2 м. Под ним залегал слой погребенного чернозема мощностью до 0,2—0,25 см. Материк — светло-коричневый, местами оранжевый суглинок. В юго-западном и северо-восточном секторах при зачистке материка ближе к могиле расчищены скопления небольших камней, главным образом, известняка. Под вершиной курганная насыпь, погребенная почва и материк были прорезаны могильной ямой основного и единственного в кургане погребения 1.

Погребение 1 — основное и единственное (рис. 4). После снята вручную насыпи и зачист-

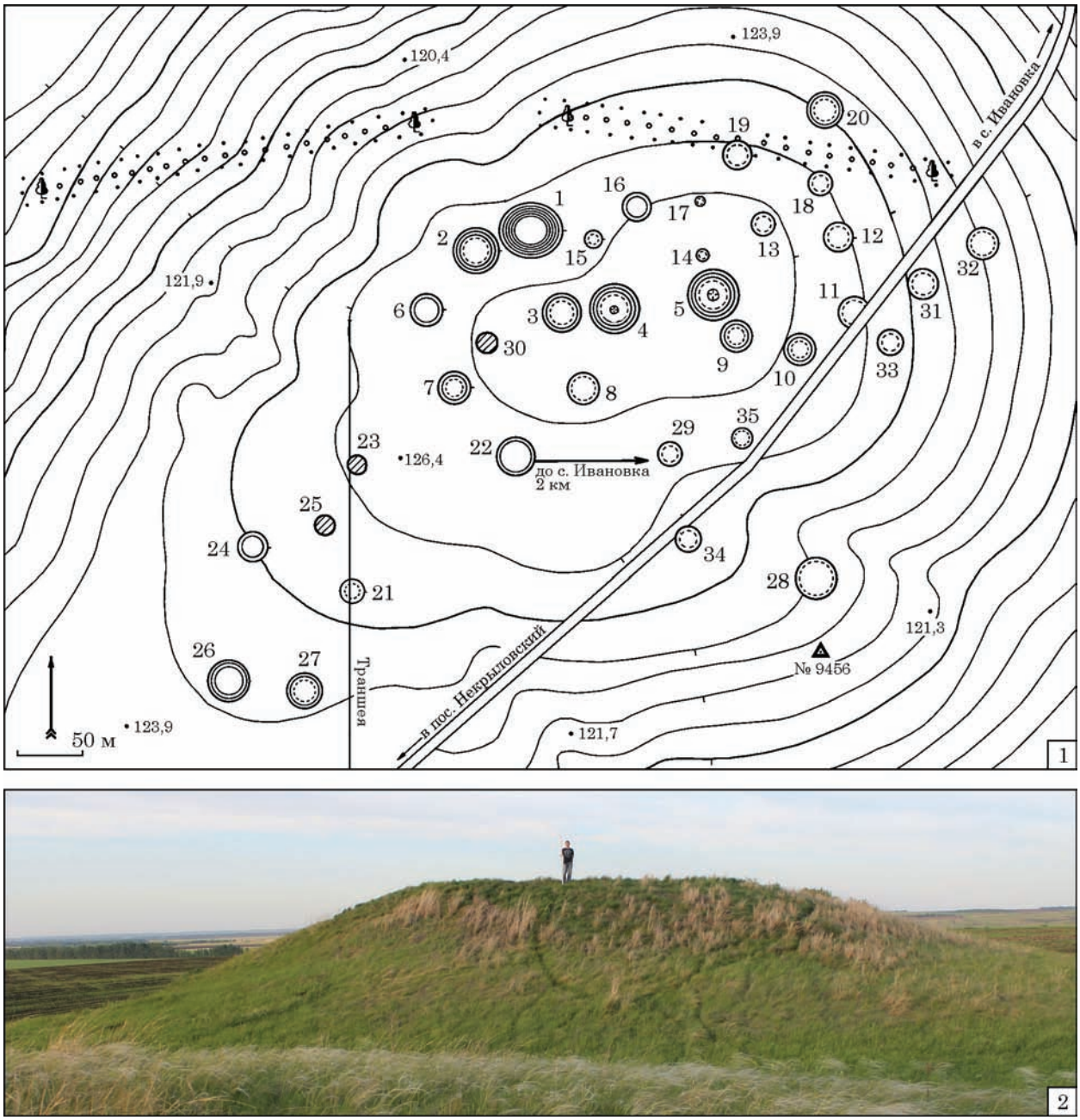


Рис. 2. Курганный могильник Ивановка 7: 1 — план курганного могильника 2019 г. (штрихом обозначены курганы, раскопанные в 2018—2019 гг.); 2 — большой курган 1, вид с запада

ки материка в центре обозначилось четкое пятно могильной ямы почти правильной квадратной формы. Ее заполнение состояло из однородного чернозема и отличалось более темной окраской, нежели грунт насыпи. Погребение совершено в квадратной яме размерами 2 × 2,1 м, углубленной в материк на 0,9—1 м. Она была вырублена в плотном материковом грунте коричнево-оранжевого цвета. Яма имела прямые углы с незначительными закруглениями. Дно могилы ровное, сильно нарушено норами грызунов. По центральной оси яма была ориентирована по линии северо-запад-юго-восток.

На дне расчищены останки погребенного и сопровождающего инвентаря (рис. 5: а). Погребенный был положен по диагонали могилы головой на северо-запад. Сохранность скелета удовлетворительная. Череп частично раздавлен, но были заметны признаки искусственной деформации. Позвоночник сохранился частично. Кости таза и нижних конечностей уцелели за исключением фаланг пальцев. Руки были чуть согнуты в локтях и слегка раскинуты в стороны.

У южного угла могилы расчищены развалы трех сосудов: большой миски (рис. 4: 1) с костями мелкого рогатого скота (рис. 4: 8**)**, крупного одноручного кувшина (рис. 4: *2*) и небольшого кувшинчика (рис. 4: 3). Справа от локтя на дне лежало железное тесло (рис. 4: 4). Между мис-

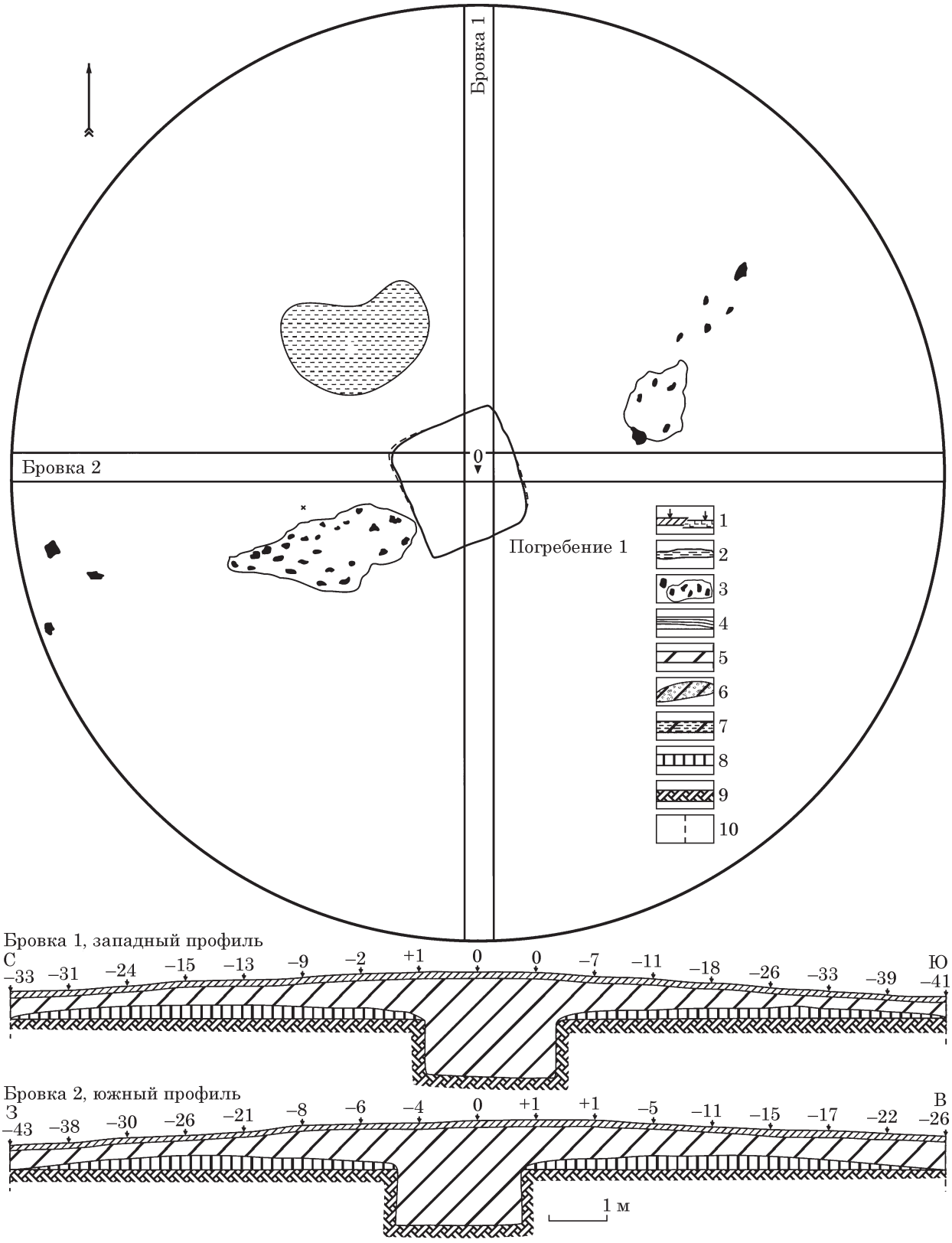


Рис. 3. Курганный могильник Ивановка 7, план и профили бровок кургана 25. **Здесь и далее**: 1 — пашня, перемешанная с дерном / дерн; 2 — суглинок, выкид; 3 — камни, скопление; 4 — слоистый грунт; 5 — чернозем; 6 — светлый чернозем с прослойкой супеси; 7 — чернозем, смешанный с суглинком; 8 — погребенная почва; 9 — материк; 10 — граница насыпи кургана

кой и фалангами правой руки расчищены очень плохо сохранившийся железный предмет, покрытый деревом, возможно, фрагмент меча или кинжала (рис. 4: 7). Между левой голенью и стенкой могилы на полу найден железный нож (рис. 4: 5). Рядом с ним лежало скопление же-

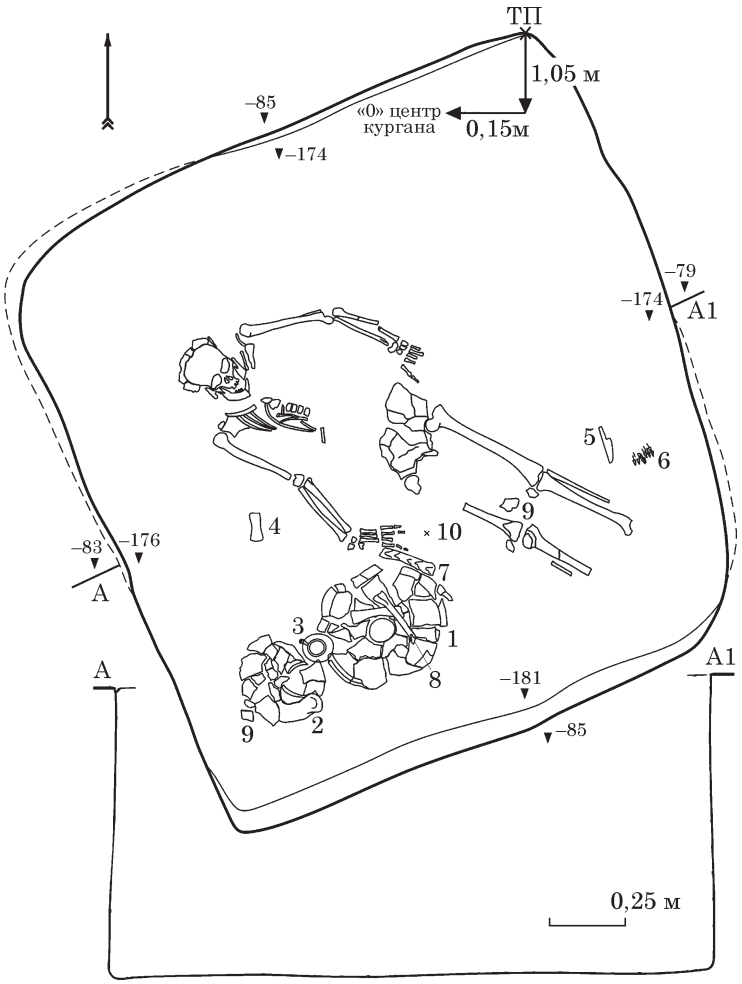


Рис. 4. Курганный могильник Ивановка 7, план и разрез погребения в кургане 25: 1 — глиняная миска; 2 — глиняный кувшин 1; 3 — глиняный кувшин 2; 4 — железное тесло с остатками дерева во втулке; 5 — железный нож; 6 — железные черешковые наконечники стрел; 7 — металлический предмет с остатками дерева; 8 — кости МРС; 9 — кости человека в заполнении ямы; 10 — фрагмент костяной проколки

лезных наконечников стрел (рис. 4: 6). У окончания фаланг правой ладони найден обломок острия костяной проколки (рис. 4: 10).

Описание находок.

1. Сероглиняная остроребериая миска, покрытая темным, почти черным лощением (рис. 5: 1; 6: 1). Край венчика срезан вовнутрь. Диаметр венчика 31,5 см, максимальный диаметр по ребру 32 см, диаметр дна 12 см, высота 10,5 см. Она относится к широко распространенному 1а типу остроребериых сарматских мисок, характерных для I—II вв. н. э. (Скрипкин 1990, с. 58). Их находки известны в лесостепном Подонье преимущественно в среднесарматских погребениях (Медведев 2008, с. 35, рис. 36: 7).

2. Большой сероглиняный одноручный кувшин в развале, который удалось почти полностью склеить (рис. 5: 2; 6: 2). Он имеет округлое тулово, плавно переходящее в горло. Край венчика сильно отогнут наружу. Массивная овальная в сечении ручка крепится к горлу и тулову. Поверхность сосуда покрыта светло-коричневым лощением. Диаметр венчика 13,5 см, максимальный диаметр тулова 23 см, диаметр дна 14 см, высота 26 см. Относится к III типу позднесарматских сероглиняных круговых кувшинов, известных в погребениях II — середины III в. (Скрипкин 1984, с. 25, 49-50, рис. 4: 2). Близкий по форме, но несколько более вытянутый кувшин происходит из могильника Сасовка на Среднем Дону (Медведев 2008, рис. 39: 9).

3. Сероглиняный кувшинчик (рис. 5: 3; 6: 3). Покрыт плохим серым лощением. Имеет низкое приземистое тулово и довольно высокое прямое горло. Полая ручка-слив крепится к верхней части горла сразу под венчиком и к тулову. Диаметр венчика сосуда 6 см, максимальный диаметр тулова 11 см, диаметр дна 7 см, высота 11 см. А. А. Глухов отнес кувшинчики с носиком-сливом к типу XLIII и датировал их среднесарматским временем в целом (Глухов 2005, с. 36, рис. 63: 6). Отметим, что почти аналогичный кувшинчик происходит из среднесарматского погребения в с. Манино на Среднем Дону (Медведев 2008, с. 23, рис. 14: 15).

4. Железное тесло (рис. 5: 4; 6: 4). Имеет частично сохранившуюся втулку с остатками дерева от рукояти. Втулка рюмкообразной формы. Железо из-за сильной коррозии расслаивалось в процессе расчистки. Лучше сохранилась нижняя рабочая часть. Ее ширина 4 см. Диаметр втулки не менее 4,5 см. По-видимому, тесло использовалось в качестве землеройного инструмента для вырубания могильной ямы в плотном суглинке и по окончанию работ здесь же было оставлено.

5. Железный нож (рис. 5: 5; 6: 5). Имеет широкое, но довольно короткое лезвие треугольной формы. Полностью сохранилось лезвие и часть покрытой древесным тленом рукояти. Длина лезвия 6,5 см, максимальная ширина у рукояти 3 см. Нож — неординарный, похож на сапожный.

6. Железные наконечники стрел — 8 целых экземпляров, остальные — во фрагментах (рис. 5: 6; 6: 6). Все они однотипные трехлопастные черешковые. Головки наконечников небольшие высотой от 1,5 до 2 см, снизу срезаны под прямым углом, черешки короткие. Относятся к типу 11.7 (Глухов 2005, с. 28, 63-64, рис. 43: 4; 44: 13). Этот тип сарматских наконечников стрел появляется в I в. Они встречаются преимущественно в «диагональных» погребений в квадратных ямах. Поэтому время их распространения совпадает с основным периодом су-

Рис. 5. Курганный могильник Ивановка 7. Погребение в кургане 25 (а) и сопровождающий инвентарь (фото): 1 — миска; 2 — большой кувшин; 3 — кувшинчик с полой ручкой; 4 — железное тесло; 5 — железный нож; 6 — железные наконечники стрел; 7 — фрагмент железного изделия; 8 — обломок костяной иглы

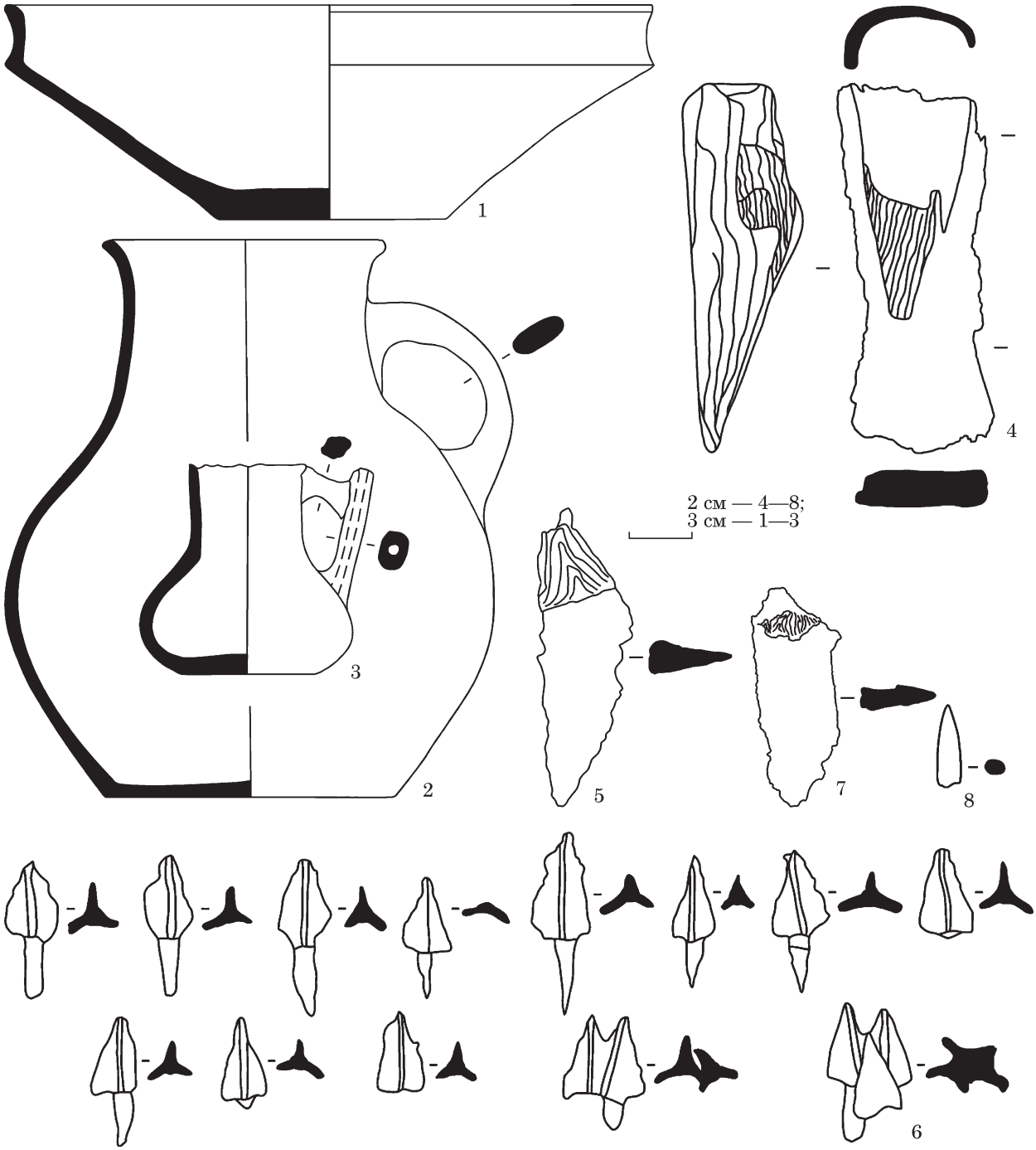


Рис. 6. Курганный могильник Ивановка 7. Инвентарь погребения в кургане 25 (прорисовки): 1 — миска; 2 — большой кувшин; 3 — кувшинчик с полой ручкой; 4 — железное тесло; 5 — железный нож; 6 — железные наконечники стрел; 7 — фрагмент железного изделия; 8 — обломок костяной иглы

ществования этого типа погребений, иногда с заходом во II в.

7. Железное изделие, покрытое древесным тленом. К сожалению, целиком его взять не удалось. Сохранился фрагмент длиной 7 см от однолезвийного клинка (рис. 5: 7; 6: 7).

8. Фрагмент острия костяной проколки (рис. 5: 8; 6: 8). Острие сохранилось на длину 1,4 см. Его поверхность тщательно заполирована.

По типу погребального сооружения в виде квадратной ямы, характерному «диагональному» положению костяка, сопровождающему инвентарю погребение обладает всеми признаками среднесарматских захоронений. Однако северная ориентировка погребенного, скорее всего, указывают на его переходный характер от средне- к позднесарматской культуре. Его можно датировать ближе к середине II в. н. э.

Курган 30 исследован в 2018 г. еще до распашки могильника культиватором. Для раскопок выбрана небольшая насыпь 30, расположенная в западной части могильника, в 100 м

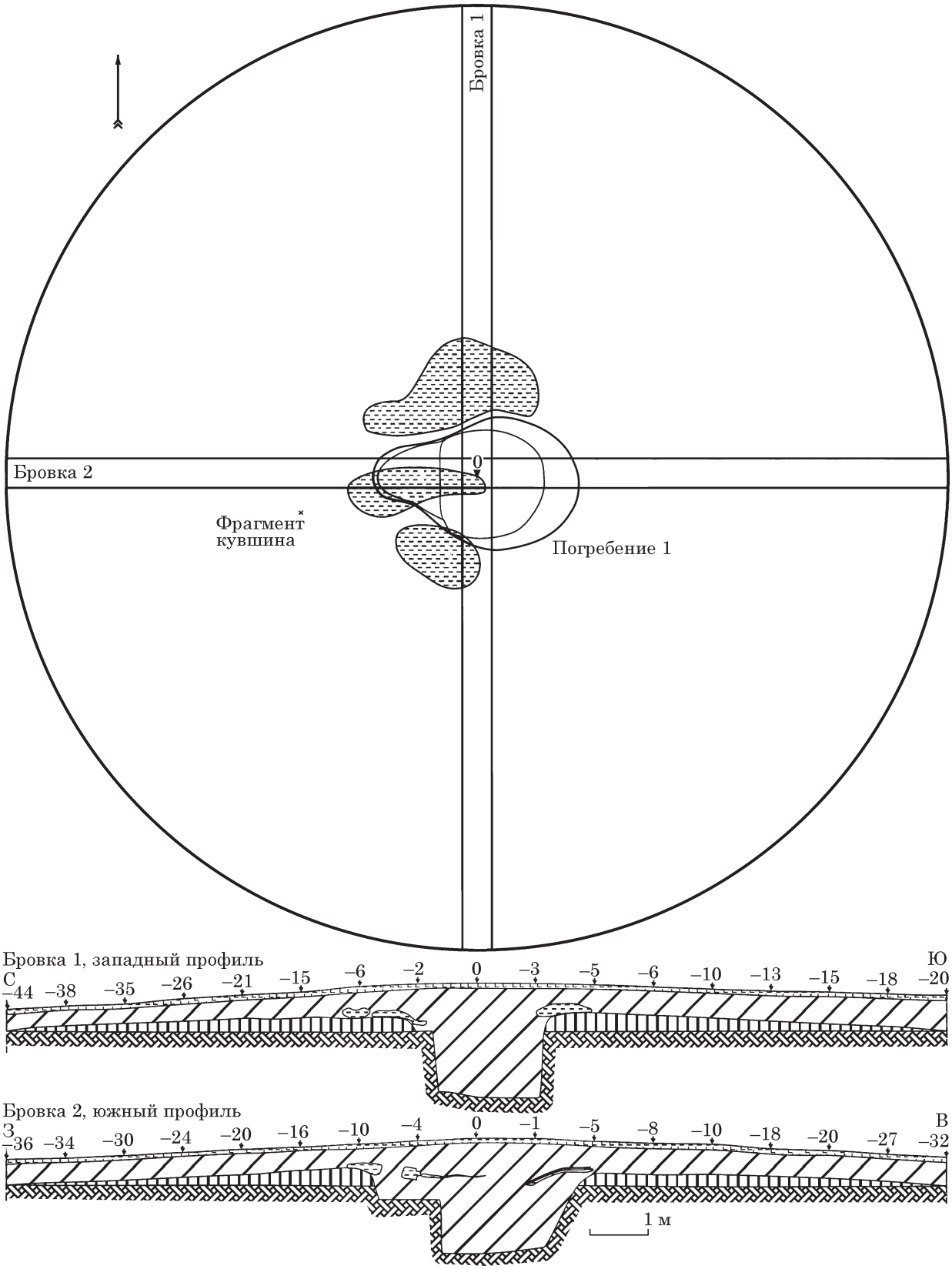


Рис. 7. Курганный могильник Ивановка 7. План и профили бровок кургана 30

к юг-юго-западу от вершины пятиметрового кургана-доминанты 1 (рис. 7). Его диаметр 16, высота не более 0,5 м. Насыпь раскапывалась вручную по той же методике, что и курган 25. Отметим, что в раскопках этого кургана принимал участие почвовед, д. г. н. Ю. Г. Чендев (Белгородский университет). Поэтому при описании стратиграфии кургана мы следуем его наблюдениям, изложенным в Приложении к нашему Отчету о раскопках в 2018 г.

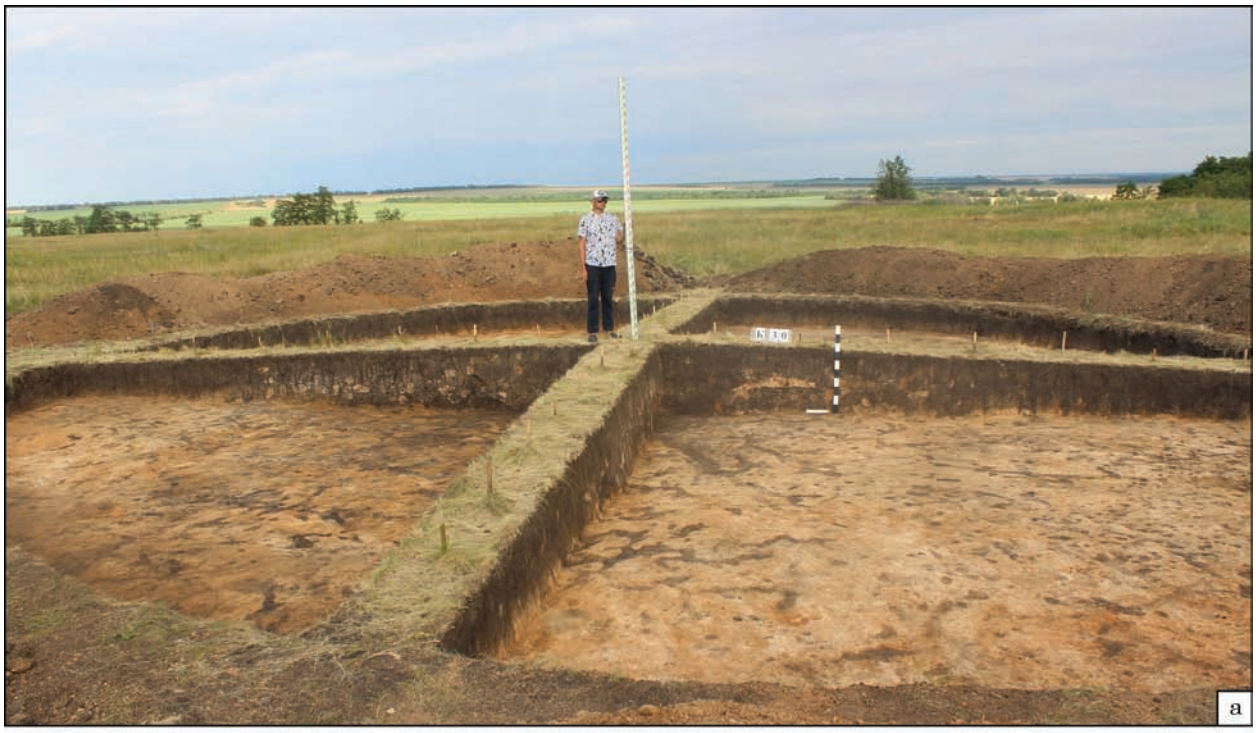


Рис. 8. Курганный могильник Ивановка 7. Курган 30: а — общий вид кургана после снятия насыпи; б — погребение (фото)

В процессе раскопок выявилась следующая стратиграфия насыпи. Вначале шел плотный слой степной дернины, представляющий новообразованный гумусовый горизонт мощностью до 20—25 см (рис. 7: профили бровок). Под ним залегала собственно насыпь, состоящая из плотного чернозема темно-серой окраски с включениями суглинка в многочисленных норах грызунов. При зачистке основания 1 штыка под вершиной насыпи выявилось пятно могильного выкида, состоявшего из материкового суглинка оранжевой, местами желтоватой окраски. Погребенная почва четко отделена от насыпного грунта выбросом грунта из могильной ямы. Она прослежена почти под всей насыпью. Ее мощность составляла 20-25 см. Под насыпью в юго-западном секторе на уровне древней поверхности обнаружен развал гончарного сероглиняного кувшина (рис. 7: 1).

При зачистке всей подкурганной площади открыто могильное пятно, расположенное точно под вершиной насыпи (рис. 8: а). Погребение совершено в погребальном сооружении, по форме и профилю напоминающую катакомбу (рис. 8: б). С запада расчищена неглубокая входная шахта овальной формы размерами 80 × 115 см, при переходе в камеру она расширялась до 130 см. Камера катакомбы располагалась к востоку от шахты. На уровне зачистки материка она имела почти правильную овальную форму размерами 2,25 × 2,4 м. Заполнение камеры оказалось неоднородным. Большая ее часть, как и шахта, была заполнена грунтом, опустившимся из насыпи. Лишь в восточной части и ближе ко дну камера была буквально забита красноватым материковым суглинком с включением чернозема из насыпи. Глубина камеры 1,2 м от уровня материка. В центральной ее части на разной глубине встречались фрагменты сероглиняной миски и мелкие кости.

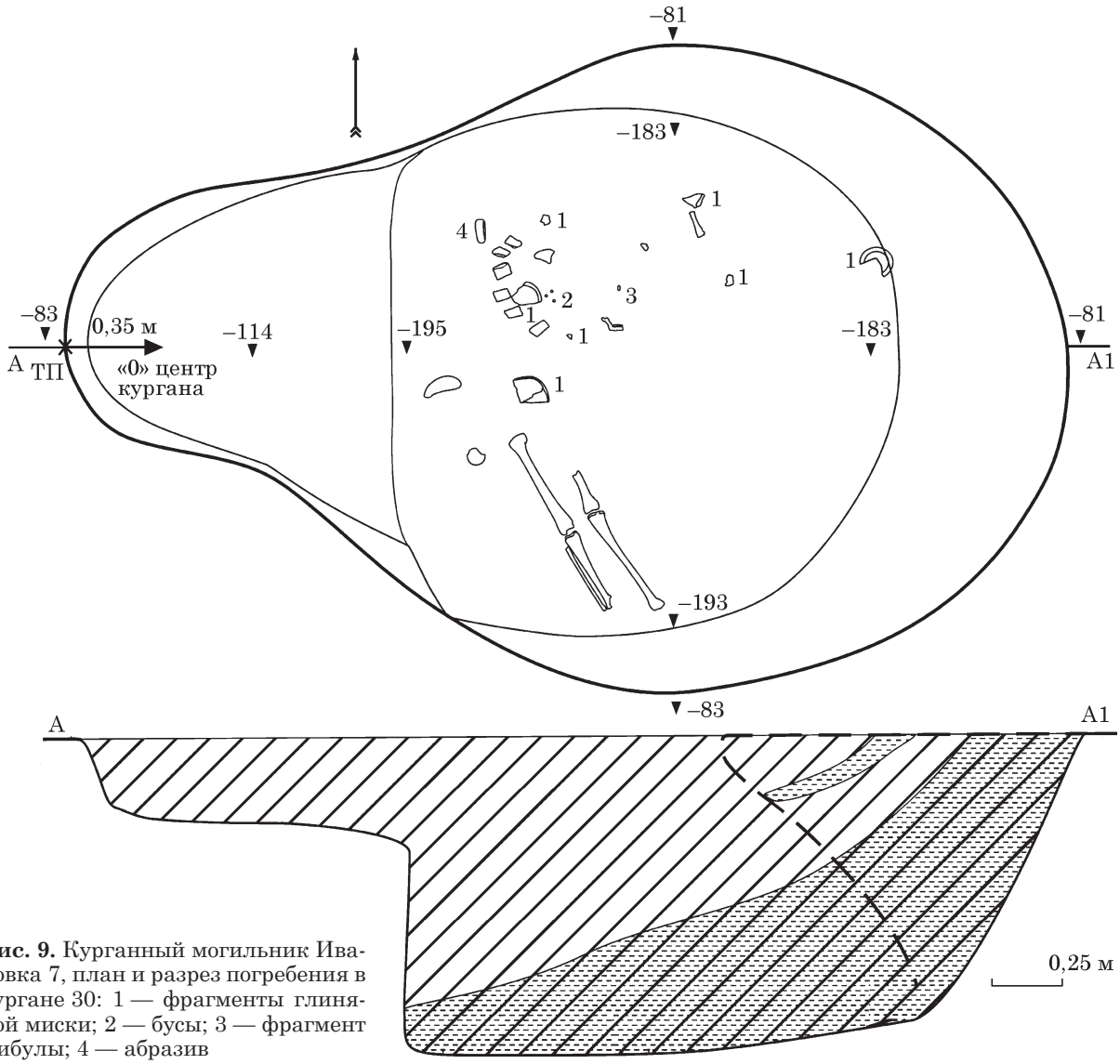


Рис. 9. Курганный могильник Ивановка 7, план и разрез погребения в кургане 30: 1 — фрагменты глиняной миски; 2 — бусы; 3 — фрагмент фибулы; 4 — абразив

На дне камеры ближе к входу, у западной стенки расчищены останки погребенной женщины (рис. 9). От ее скелета in situ уцелела нижняя половина — кости нижних конечностей, отдельные тазовые кости. Верхняя часть скелета была разрушена грызунами. От него сохранились части черепной крышки, отдельные позвонки, нижняя челюсть. Судя по положению костей, погребенная была уложена на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Из сопровождающего инвентаря уцелели фрагменты гончарной миски (рис. 9: 1), стеклянные бусы (рис. 9: 2), фрагмент пружинки бронзовой фибулы (рис. 9: 3) и каменный абразив (рис. 9: 4).

Описание находок.

1. Развал гончарного сероглиняного кувшина под насыпью в юго-западном секторе, его удалось склеить (рис. 10: 1; 11: 1). Он имеет воронковидное горло и приземистое грушевидное тулово. По шейке нанесен невысокий валик, центральная часть тулова украшена двумя параллельными желобками. Ручка кувшина зооморфная, круглая в сечении. К сожалению, из-за повреждения ее верхней части вид животного определить невозможного. По классификации А. С. Скрипкина это VIII тип сероглиняных одноручных кувшинов (Скрипкин 1984, с. 25, рис. 5: 2). Он является одним из распространенных типов круговой посуды позднесарматской культуры, начиная от рубежа I—II до середины III в.

2. Миска из погребения (рис. 10: 2; 11: 2). Часть ее фрагментов встречена в заполнении, но наиболее крупные куски лежали на дне могилы к востоку от груди погребенной. Миску удалось склеить почти целиком. Она острореберная с коротким, сильно загнутым внутрь бортиком. Поверхность темно-серого цвета, глина местами синевато-серая. Сосуд принадлежит IX типу позднесарматских мисок, распространенному от рубежа I—II до середины III в. (Скрипкин 1984, с. 30, рис. 11: 9).

3. Стеклянные бусы с внутренней металлической прокладкой — 4 экз. (рис. 10: 3—6; 11: 3). Все найдены среди костей черепной крышки погребенной в северо-западном углу

Рис. 10. Курганный могильник Ивановка 7: 1 — находка в насыпи; *сопровождающий инвентарь*: 2 — миска; 3—6 — стеклянные бусы; 7 — точильный камень

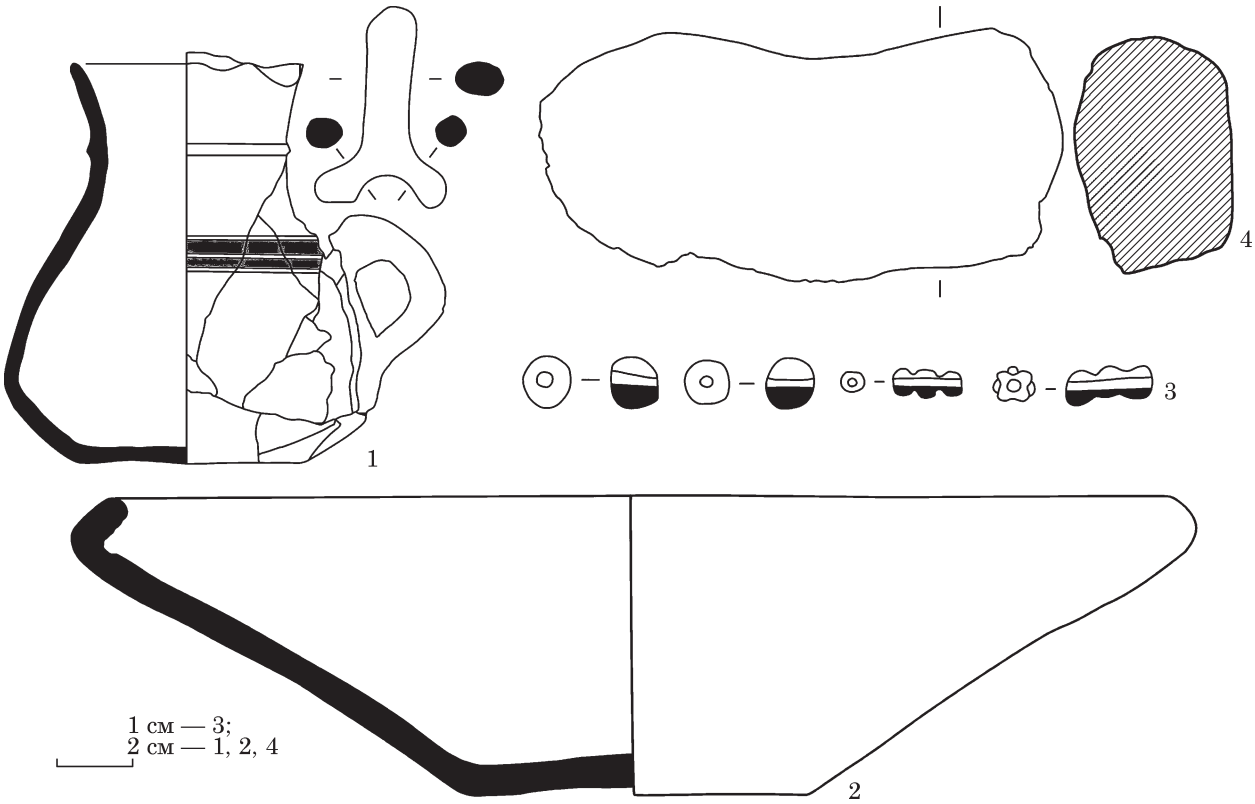


Рис. 11. Курганный могильник Ивановка 7, находки в кургане 25: 1 — кувшинчик (в насыпи); 2 — миска; 3 — стеклянные бусы; 4 — точильный камень

камеры. По классификации Е. М. Алексеевой принадлежат трем типам: 1а, 1б, и 20. Если округлые бусы первых двух типов хронологически распространены весьма широко, то бугристые пронизки типа 20 характерны для римского времени, преимущественно для II в. н. э. (Алексеева 1978, с. 32, табл. 26: 59).

4. Фрагмент бронзовой фибулы. Сохранилась лишь небольшая часть многовитковой пружинки от фибулы причерноморского типа (вариант установить невозможно). Время распространения фибул этого типа в целом — вторая половина II — начало III в. н. э. (Скрипкин 1977, с. 111), хотя в последнее время В.В. Кропотов не без оснований допускает их существование до середины III в. (Кропотов 2010, с. 231).

5. Точильный камень (рис. 10: 7; 11: 4). Найден справа от головы погребенной. Точильный камень овальной формы с одной плоской рабочей стороной. Его длина 16,5 см.

По типу погребального сооружения, ориентировке погребенной и особенно инвентарю погребение принадлежит позднесарматской культуре. Его следует датировать в пределах второй половины II — начала III в. н. э. Обращает на себя внимание небольшая глубина входной шахты в катакомбу, как и то, что катакомбы (за исключением Центрального Предкавказья и Нижнего Дона) в позднесарматское время встречаются весьма редко. Хотя исследуемый могильник в настоящее время находится в лесостепи, раскопанные погребения не отличаются от основной массы позднесарматских захоронений степного Волго-Донского междуречья. И это не удивительно. В первые века н. э. кочевья номадов достигали верхнего течения Хопра (Таптулино в Ртищевском районе Саратовской области).

Таковы первые результаты раскопок сарматских курганов в могильнике Ивановка 7. Они показали перспективность дальнейшего изучения этого памятника. Мы планируем продолжить раскопки в ближайшее время, в первую очередь — более крупных курганов.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова, С. В. 2001. *Отчет об археологических разведках по рекам Савала, Елань и Татарка в Новохоперском районе Воронежской области в 2001 г.* Архив Археологического музея ВГУ.

Белоусов, В. В. 2013. Сарматская археология Тамбовского края: памятники и перспективы развития. *Вестник ТГУ. Серия. Гуманитарные науки. История и политология*, 4 (120), с. 86-91.

Березуцкий, В. Д. 1998. Сарматские погребения Власовского могильника. *Археология восточноевропейской лесостепи*, 12: Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э., с. 36-41.

Берестнев, Р. С., Медведев, А. П. 2015. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования). *Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 2 (32), с. 7-16.

Глухов, А. А. 2005. *Сарматы междуречья Волги и Дона в I — первой половине II в. н. э.* Волгоград: Волгоградское научное издательство.

Ефимов, К. Ю. 1998. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки. *Археология восточноевропейской лесостепи*, 12: Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э., с. 19-35.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи.* Киев: АДЕФ-Украина.

Максимов, Е. К. 1974. Ртищевские курганы. *Краткие сообщения Института археологии*, 140, с. 64-67.

Матюхин, А. Д. 1992. Сарматские памятники I—IV вв. Саратовского Правобережья. *Археология Восточноевропейской степи*, 3, с. 144-158.

Медведев, А. П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса.* Москва: Таус.

Медведев, А. П., Березуцкий, В. Д. 2018. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения*, 23, 3. с. 138-152.

Савицкий, Н. М. 2012. *Отчет об археологической разведке по р.Елань в Новохоперском районе Воронежской области в 2012 г.* Архив Археологического музея ВГУ.

Скрипкин, А. С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). *Советская археология*, 2, с. 100-120.

Скрипкин, А. С.1979. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области. *Древняя история Поволжья. Научные труды*, 230, с. 134-159.

Скрипкин, А. С. 1984. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры.* Саратов: СГУ.

Скрипкин, А. С. 1990. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов: СГУ.

Хреков, А. А. 2009. Сарматские памятники лесостепного Прихоперья. *Археологическое наследие Саратовского края*, 9, с. 94-105.

REFERENCES

Akimova, S. V. 2001. *Otchet ob arheologicheskih razvedkah po rekam Savala, Elan' i Tatarka v Novohoperskom rajone Voronezhskoj oblasti v 2001 g*. Arhiv Arheologicheskogo muzeya VGU.

Belousov, V. V. 2013. Sarmatskaya arheologiya Tambovskogo kraya: pamyatniki i perspektivy razvitiya. *Vestnik TGU. Seriya. Gumanitarnye nauki. Istoriya i politologiya*, 4 (120), c. 86-91.

Berezuckij, V. D. 1998. Sarmatskie pogrebeniya Vlasovskogo mogil'nika. *Arheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi*, 12: Arheologicheskie pamyatniki Verhnego Podonya pervoj poloviny I tys. n. e., s. 36-41.

Berestnev, R. S., Medvedev, A. P. 2015. Sarmatskie pamyatniki v lesostepnom mezhdurech'e Dona i Volgi (opyt rajonirovaniya). *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2 (32), s. 7-16.

Gluhov, A. A. 2005. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I — pervoj polovine II v. n. e.* Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdadel'stvo.

Efimov, K. Yu. 1998. Sarmatskie kurgany v mogil'nike u s. Tretyaki. *Arheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi*, 12: Arheologicheskie pamyatniki Verhnego Podonya pervoj poloviny I tys. n. e., s. 19-35.

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoj epohi.* Kiev: ADEF-Ukraina.

Maksimov, E. K. 1974. *Rtishchevskie kurgany*. Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii, 140, s. 64-67.

Matyuhin, A. D. 1992. Sarmatskie pamyatniki I—IV vv. Saratovskogo Pravoberezhya. *Arheologiya Vostochnoevropejskoj stepi*, 3, s. 144-158.

Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verhovyah Tanaisa*. Moskva: Taus.

Medvedev, A. P., Berezuckij, V. D. 2018. O novoj gruppe pogrebenij postsarmatskogo vremeni na Srednem Donu. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 23, 3, s. 138-152.

Savickij, N. M. 2012. *Otchet ob arheologicheskoj razvedke po r. Elan' v Novohoperskom rajone Voronezhskoj oblasti v 2012 g*. Arhiv Arheologicheskogo muzeya VGU.

Skripkin, A. S. 1977. Fibuly Nizhnego Povolzhya (po materialam sarmatskih pogrebenij). *Sovetskaia arkheologiia*, 2, s. 100-120.

Skripkin, A. S. 1979. Materialy k istorii plemen rannego zheleznogo veka severo-zapadnyh rajonov Volgogradskoj oblasti. *Drevnyaya istoriya Povolzhya. Nauchnye trudy*, 230, s. 134-159.

Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashej ery*. Saratov: SGU.

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt*. Saratov: SGU.

Hrekov, A. A. 2009. Sarmatskie pamyatniki lesostepnogo Prihopyorya. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya*, 9, s. 94-105.

A. P. Medvedev

NEW SARMATIAN BARROWS IN THE MIDDLE KHOPER BASIN

In 2018—2019, the Yelan archaeological expedition of the Voronezh State University excavated the barrows near Ivanovka village on the Yelan River in the Novokhopyorsky District, Voronezh Region. Sarmatian barrows had not been excavated in this area before. The barrows with the height of 0.5—5 m are situated on the slope of the headland on the right bank of the Yelan and the left bank of its tributary, the Tatarka River. Most of the barrow group had never been plowed and remained in the natural steppe landscape representing a fragment of fescue-feather grass steppe. The expedition excavated two Sarmatian barrows up to 0.5 m high and up to 20 m in diameter, being a part of the «long-running» barrow group Ivanovka 7 (about 40 mounds). The north-western sector of the Barrow 25 contained the only burial found under the mound top with the size of 2 × 2.1 m and the depth of 0.9—1 m from the native soil level. The buried lied diagonally with the head directed to the north-west. The skull had features of artificial deformation. In the southern corner there were some broken vessels — a large gray-clay dish with small ruminant bones, a large one-handle jar with the brown surface and a small gray-clay jar with a hollow handle. On the bottom there was an iron adze with wooden remains inside the plug. Between the shin-bone and wall there was an iron knife and 16 small iron three-bladed arrow heads. At the end of the right hand there was a piece of bone piercer. The barrow is dated to the Late Sarmatian period (middle of the 2nd century AD). Though this barrow group is now situated in the forest steppe the study of buried soil showed its clearly steppe nature. Therefore the studied burials do not differ from the bulk of late Sarmatian burials found in steppes of the Volga and Don interfluve area.

Keywords: barrows, Yelan river, Sarmatian, artificial deformation, vessels, buried.

О. П. Медведєв

НОВІ САРМАТСЬКІ КУРГАНИ НА СЕРЕДНЬОМУ ХОПРІ

У 2018—2019 рр. Єланська археологічна експедиція Воронезького державного університету досліджувала кургани біля села Іванівка на річці Єлань в Новохопьорському районі Воронезької області. Раніше сарматські кургани у цій місцевості не розкопувались. Кургани висотою 0,5—5 м розташовані на схилі мису на правому березі Єлані та лівому березі її притоки — річки Татарки. Більша частина групи курганів ніколи не оралася і залишалася в природному степовому ландшафті, що є частиною типчаково-ковильного степу. Експедиція розкопала дві сарматські кургани висотою до 0,5 м і діаметром до 20 м, які входять до курганної групи «тривалого формування» Іванівка 7 (близько 40 курганів). У північно-західному секторі кургану 25 знаходилось єдине поховання, знайдене під вершиною кургану, розміром 2 × 2,1 м та глибиною 0,9—1 м від рівня материку. Похований лежав по діагоналі, головою на північний захід. Череп мав ознаки штучної деформації. У південному кутку було кілька розбитих посудин — великий сіроглиняний таріль з кістками дрібними жуйних, великий одноручний глек з коричневою поверхнею та маленький сіроглиняний глек з порожньою ручкою. На дні було залізне шило з дерев'яними залишками всередині ручки. Між гомілкою та стіною знаходився залізний ніж та 16 маленьких залізних трилопатевих головок стріл. На кінці правої руки був шматочок кістяної проколки. Курган датується пізньосарматським періодом (середина II ст. н. е.). Хоча ця група курганів зараз знаходиться в лісостепу, вивчення похованого чорнозему показало її чітко степовий характер. Тому вивчені поховання не відрізняються від основної маси пізньосарматських поховань, знайдених у степах Поволжя та Донського межиріччя.

Ключові слова: кургани, річка Єлань, сармат, штучна деформація, посудини, поховані.

Одержано 06.05.2020

МЕДВЕДЄВ Олександр Павлович, доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри, Воронезький державний університет, Воронеж, Московський пр. 1, Воронеж, 394052, Російська Федерація.
MEDVEDEV Alexandr P., Doctor of Historical Sciences, Head of the Archaeology and Ancient History Departament, Voronezh State University, Moskovskij prospect, 88, Voronezh, 394052, Russian Federation.
ORCID: 0000-0002-5160-2816, e-mail: APM1950@yandex.ru.

АМАЗОНКИ АРХЕОЛОГІЧНІ

УДК [355:904.5](4)-055.25 DOI: 10.37445/adiu.2020.03.22

О. Є. Фіалко

«А ДІВЧАТ АМАЗОНКИ ПРИВЧАЛИ ДО ЗБРОЇ, КОНЕЙ ТА ПОЛЮВАННЯ…»

У статті розглянуто серію поховань скіфських дівчаток зі зброєю. Завдяки аналізу поховальних комплексів доводиться коректність віднесення дітей до групи амазонок.

***Ключові слова**: амазонки, дівчатка, поховання, скіфський час, Європейська Скіфія, військова справа.*

Вивчаючи поховальні комплекси скіфських амазонок, дослідники часто звертаються до творів античних авторів. Ці джерела містять багато інформації щодо способу життя, озброєння, звичаїв та інших сторін побуту войовниць. Зазвичай ця інформація співставляється з археологічними матеріалами, пов'язаними з дорослими жінками, в заупокійному супроводі яких наявна зброя. Проте, серед нарративних джерел, що містять інформацію про амазонок, є кілька епізодів, які стосуються дітей. Йдеться, перш за все, про відношення войовниць до своїх новонароджених дітей. Так, за Філостратом та Страбоном, хлопчиків або віддавали на виховання батькам (Philostratus. III; Strabo. XI. V, 1), або, за Діодором Сицилійським (Diod. II, 45, 3) та Гіппократом, вбивали чи калічили відразу після народження, «*…щоб чоловіча стать не повстала проти жіночої*» [1] (Hp. 101). Натомість до дівчаток відношення було зовсім інакшим. В своїй праці «Бібліотека» давньогрецький історик і міограф Діодор Сицилійський розповів, що одна з доблесних цариць амазонок «*дівчат з самого юного віку привчала до полювання, кожен день навчала військового мистецтва…*» [2] (Diod. II, 46, 1). Схожа інформація міститься і в кількох творах давньоримських істориків та географів. Помпей Трог, приміром, в праці «Філіпповські історії» зауважив, що «*дівчат амазонки виховували в одних з собою звичаях, а саме привчали ні до неробства або обробки вовни, а до зброї, коней та полювання…*» (Pompeius Trogus. II, 4). А Помпоній Мела в «Землеописі» написав, що «*дівчатка зобов'язані практикуватися в стрільбі з луків, їзді верхи і полюванні, а від дорослих дівчат потрібно, щоб вони вражали ворогів, так що нікого не вбити вважається злочином, а покаранням для них служить дівоцтво*» (Pomp. Mela. III, 4 (35). Тобто йдеться про те, що дівчаток привчали до володіння зброєю змалку.

Відштовхуючись від цієї інформації, звернімось до археологічних джерел. Серед комплексів озброєних войовниць на теренах Європейської Скіфії, кількість яких на сьогодні перевищує три сотні, є серія дитячих могил зі зброєю. Їх розгляду і присвячено цю роботу.

Щодо дитячих поховань загалом, відзначу дві важливі в цьому контексті обставини.

1. У скіфських некрополях їх відсоток доволі відчутний. При цьому по різних могильниках кількість їх різниться. Приміром, відсотковий показник поховань дітей (від немовлят до 15-річного віку) в степових скіфських групах коливається від 12,2—14,6 % (Світловодськ, Миколаївка, Кам'янка-Дніпровка, Приазов'я, Ак-Таш) до 27—35,7 % (Мамай-Гора, Вишетарасівка, Миколаївка-Козацьке, Золота Балка) (Потехина, Кислый 1994; Великанова 1975; Покас, Назарова, Дяченко 1988; Литвинова 2004; 2007; Кондукторова 1979; Богатенков 2000). Найбільший відсоток демонструють могильники пізньоскіфського часу. В синхронних

1. Процитовано за: Латышев 1947—1949; переклад авторський (*О. Ф.*).
2. Тут і далі цитується за: Кузнецова 1992; переклад авторський (*О. Ф.*).

© О. Є. ФІАЛКО, 2020

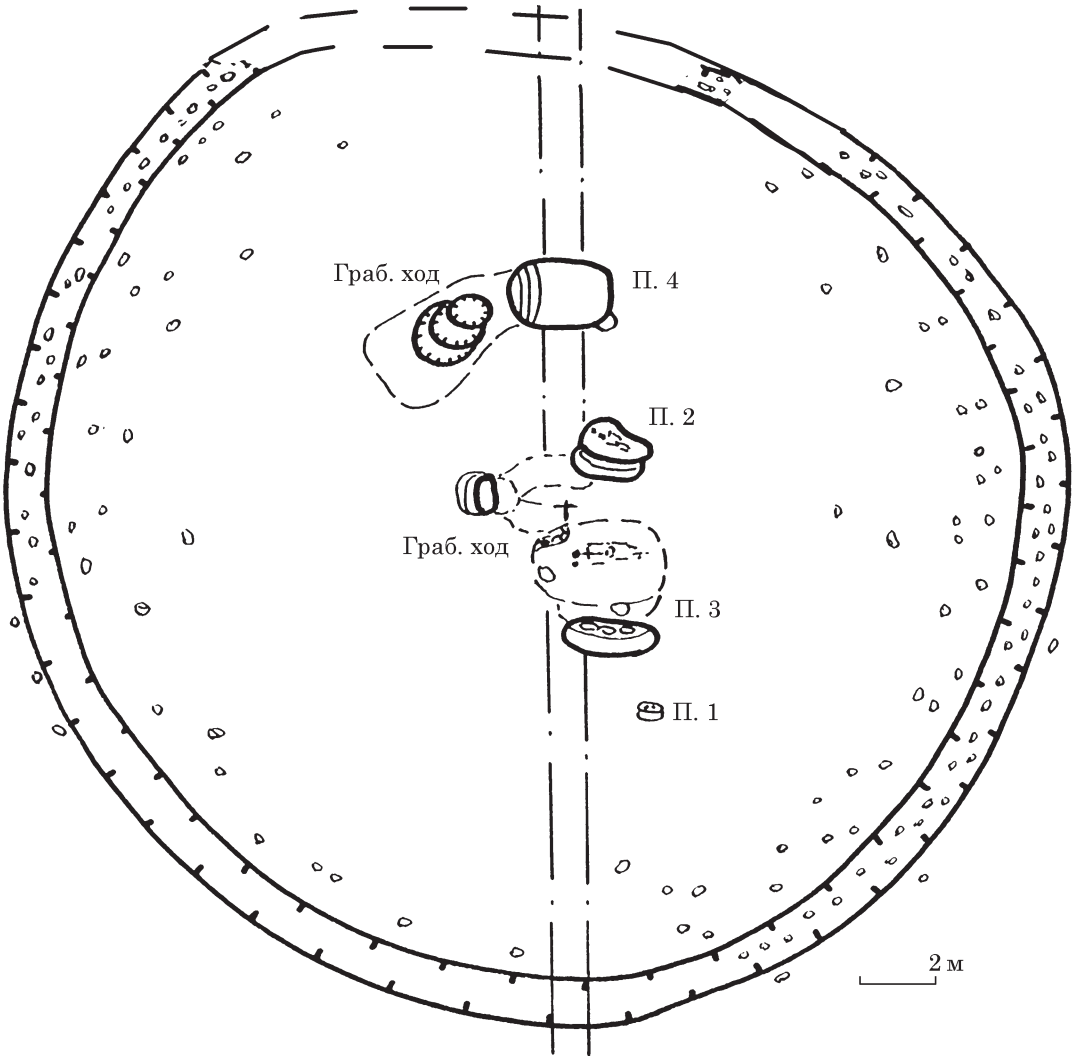


Рис. 1. Загальний план кургану 5 біля с. Зелене

пам'ятках Лісостепу дитячі поховання дорівнюють 16,5 % від загальної кількості (Потехина, Кислый 1994). Загалом для давніх популяцій відзначається дві вікові групи серед померлих дітей з найвищими кількісними показниками: в інтервалах 1—3 та 12—15 років (Яблонский 1980, с. 146, 147; Алексеева и др. 2003, с. 48; Литвинова 2005, с. 108; 2007, с. 292).

2. Антропологічні дослідження дитячих кістяків дозволяють зробити лише їх вікові визначення. Статева приналежність дитини зазвичай визначається завдяки характеру заупокійного супроводу. Характерними маркерами хлопчиків (як і дорослих чоловіків) мала бути зброя і кінський обладунок, дівчаток — ординарні прикраси і в деяких випадках специфічні знаряддя праці. Ознакою приналежності до високого соціального стану виступали статусні речі та вироби з дорогоцінних металів.

Відправною точкою для вивчення дитячих комплексів амазонок став курган 5 зі скіфського могильника поблизу с. Зелене Верхнє-Рогачицького р-ну Херсонської обл. (Евдокимов 1985; Фіалко 2010). Під його насипом (висотою 0,8 м при діаметрі близько 31 м) відкрито чотири індивідуальних скіфських могили (рис. 1). Центральна могила 3 належала озброєній дівчинці-підлітку, серед ременту якої були спис та дротик, три камені для пращі і захисний обладунок із металевим пластинчастим покриттям. Дві бокових могили 1 і 2 належали дівчаткам, в речових наборах яких містилися в тому числі і стріли з бронзовими вістрями (відповідно, одна і три), і остання впускна 4, на відміну від решти вщент пограбована, вірогідно, належала чоловікові (Фіалко 2012, с. 84, 85). Архітектоніка підкурганних споруд засвідчує, що це єдиний одночасний поховальний комплекс. З першого погляду зброя з супроводжуючих могил, особливо з огляду на її кількість, видається нібито незначущою. Проте, в даному випадку вона виступає як яскрава мітка, яка визначає роль і місце небіжчиць в конкретному поховальному ритуалі й, відповідно, в кочовому соціумі. Отже, характер речового супроводу з розглянутих могил свідчить, що в них були поховані амазонки.

Цей курган є не лише унікальним для масиву скіфських поховальних пам'яток, але й

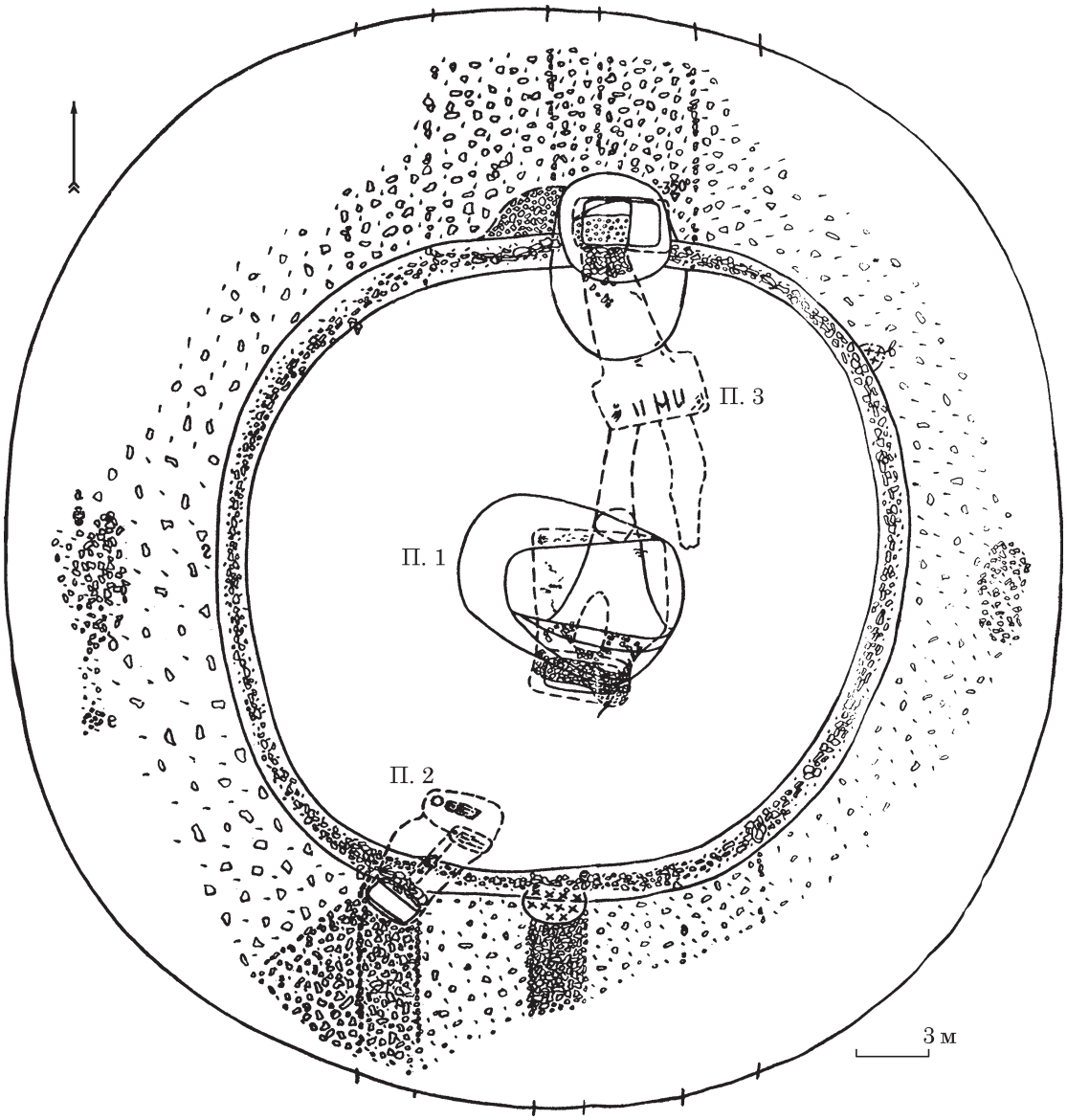


Рис. 2. Загальний план кургану 2 біля с. Каїри

дуже важливим через кілька обставин. По-перше, тут вперше було зафіксовано, що жалобний ескорт основної небіжчиці складали озброєні дівчатка (Фиалко 1991; Fialko 2017). По-друге, серед речового супроводу дівчинки-підлітка вперше зустрічається важкий захисний обладунок. По-третє, невелика серія могил в кургані наочно продемонструвала, що в середовищі скіфських амазонок (як і в скіфському суспільстві загалом) існувало соціальне розшарування. По-четверте, кількість стріл в могилах дівчат з жалобного супроводу може бути незначною (від одного екземпляру; Фиалко 2012, с. 482).

Пошуки в масиві поховальних пам'яток Європейської Скіфії дали цікаві результати: серед них зафіксовано 17 могил дітей віком від одного до восьми—дев'яти років, та 16 могил підлітків віком від 10—12 до 19—20 років. Тут я обмежуся оглядом дитячих поховань.

Всі дитячі могили **індивідуальні** за виключенням єдиного поховання 2 кургану 2 біля с. Каїри (рис. 2), де основну дівчинку 6—8 років (озброєну сагайдаком із 11 стрілами) супроводжував хлопчик-підліток, якого поклали у дромосі з сагайдачним набором та *двома* наборами кінської вузди (рис. 3). Важливо, що ця могила (як і більшість дитячих) не пограбована.

Територіально дитячі поховання представлені нерівномірно: найбільше їх в Степовому Придніпров'ї (дев'ять), в Подністровьї їх шість, в Криму і Подонні — лише по одному, в той час як в Лісостеповій групі їх зовсім немає (табл. 1).

Точний вік визначений, на жаль, лише у дев'яти індивідів (трохи більше половини небіжчиць), для інших випадків просто зазначено, що похована дитина.

Щодо повноти інформативності зауважу, що з 17 дитячих поховань пограбованими виявились лише два — ґрунтове поховання 14 Скелянського могильника і поховання 1 кургану 21 біля с. Дуровка, обидва можна вважати основними.

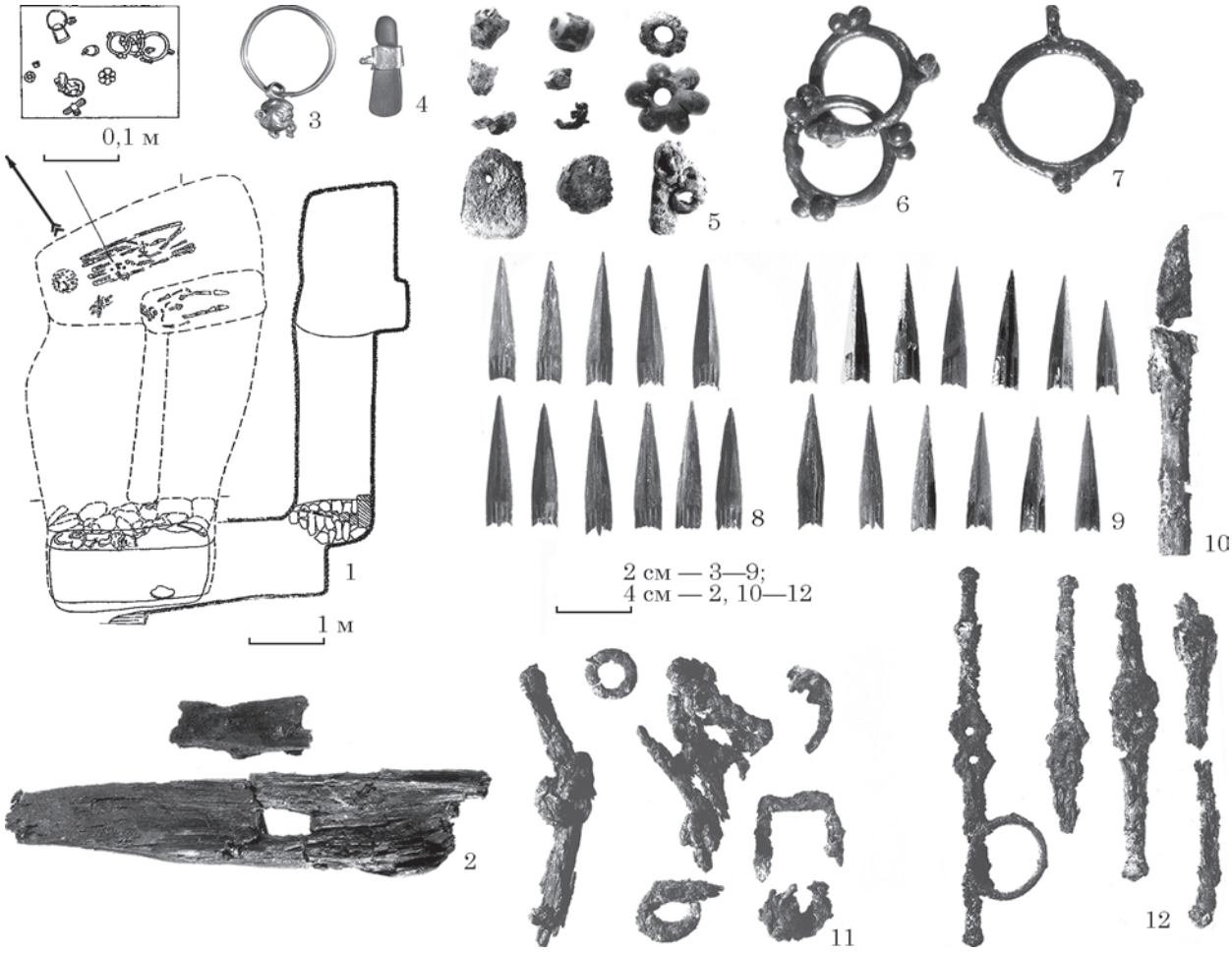


Рис. 3. с. Каїри, курган 2 поховання 2: 1 — план і розріз поховання, та розташування нагрудних прикрас на настилі; 2 — фрагменти дерев'яних нош; 3—7 — елементи намиста (3 — золото; 4 — золото, сланець; 5 — скло, камінь; 6, 7 — бронза); 8, 9 — вістря стріл бронзові; 10 — ніж залізний з кістяною ручкою; 11, 12 — деталі двох вуздечкових наборів (залізо; кільце — бронза)

Відносно **послідовності захоронення** решти — 11 є боковими в кургані, тобто одночасними основним, і чотири є впускними. Причому в п'ятьох випадках (вже згадані вище поховання 1 і 2 кургану 5 біля с. Зелене — рис. 1; поховання 2 кургану 1 біля с. Володимирівка; поховання 3 кургану 13 біля с. Бутори — рис. 4: 1; поховання 2 кургану 12 біля с. Глине — рис. 4: 2) діти складали жалобний ескорт амазонки, похованої в центральній могилі кургану.

Дві могили (поховання 12 кургану 5 біля с. Вовчанське, поховання 3 кургану 13 біля с. Бутори) були влаштовані в рівчаках — перша (рис. 5) в південно-західній частині рову; друга (рис. 4: 1) — в південній частині, проте майже по одній вісі з рештою могил в кургані. Випадки розміщення могил залежних осіб (слуг або охоронців молодого віку) в ровах, частіше на їх розривах або поблизу перемичок, відомі в масиві скіфських поховальних пам'яток. Подібні могили зафіксовані в курганах 11 і 7 (1990 р.) Рогачицького курганного поля, кургані 1 біля с. Чкалово, кургані 11 біля с. Ново-Миколаївка та інших (Болтрик 2002b, с. 117). Часто це були поховання підлітків та дітей, переважно хлопчиків, які вважалися сакрально чистими в ритуальному сенсі (Бессонова 1992, с. 11). Проте, такими ритуальними слугами або охоронцями, як виявляється, могли бути і дівчатка.

Типи поховальних споруд, як одна з найбільш надійних етнодиференціюючих ознак (Бессонова 1990, с. 26), цілком відповідають скіфським традиціям (табл. 1). Могили підбійного типу (рис. 6; 7) і катакомби розвинених типів (рис. 3; 8) репрезентовані майже нарівно, відповідно, сім і вісім. І лише дві могили влаштовані в простих ямах (рис. 9). При цьому в Степовому Придніпров'ї превалюють підбійні могили (сім) і є катакомби (дві); в Подністров'ї і Криму — переважно катакомби, відповідно, п'ять і одна. В Подонні і Подністров'ї відмічено по одній ямі. Загалом такий розподіл за регіонами відповідає і типам могил дорослих амазонок (Фиалко 2010; 2014; 2015; 2017; Фіалко 2018).

Усіх дітей було поховано за **обрядом трупопокладення** в класичній для кочовиків позі (Болтрик 2002a; 2002b, с. 165) — випростано на спині. В усіх територіальних групах домінує західна, включно з відхиленнями (переважно північним), **орієнтація** небіжчиць, що

Таблиця 1. Поховання дітей на теренах Європейської Скіфії

№	Пункт	Основне, біч-не, впускне	Погра-бування	Тип могил	Орієнта-ція	Вік, років	Дата, ст. до н. е.
			Степ				
1	Нікополь, к. 20, п.	в	—	підбій	З	?	1/2 IV
2	Скельки, п. 14	о	+	підбій	З	2	кін. V—IV
3	Вовчанське, к. 5, п. 12	б	—	підбій	ПнЗ	?	IV
4	Дудчани, к. 3, п. 1	б	—	катакомба	ПдЗ	?	сер. IV
5	Зелене, к. 5, п. 1	б	—	підбій	З	?	1/2—2/4 IV
6	Зелене, п. 2	б	—	підбій	ПнЗ	?	1/2—2/4 IV
7	Первомаївка, к. 4, п. 1	в	—	підбій	ПдЗ	?	1/4 IV
8	Каїри, к. 2, п. 2	б	—	катакомба	ПнЗ	6—8	1/4 — сер. IV
9	Львове, к. 16, п. 2	в	—	підбій	З	?	IV
			Крим				
10	Володимирівка, к. 1, п. 2	б	—	катакомба	ПнЗ	6—8	IV
			Придністров'я				
11	Вапнярка, к. 2, п. 3	в	—	яма	З	8—9	IV
12	Бутори, к. 13, п. 3	б	—	катакомба	З	?	4/4 — кін. IV
13	Глине, к. 12, п. 2	б	—	катакомба	Пн	4	III—II
14	Глине, к. 33, п. 2	б	—	катакомба	ПнЗ	8—9	2/4—3/4 III
15	Глине, к. 35, п. 2	б	—	катакомба	ПнЗ	8—9	2/4—3/4 III
16	Глине, к. 68, п. 2	б	—	катакомба	ПнЗ	4—5	4/4 III
			Подоння				
17	Дуровка, к. 21, п. 1	о	+	яма	?	≈1	IV—III

Нумерація відповідає номерам в табл. 2.

є характерним для скіфських пам'яток. Північно-західний та південно-західний напрямки, вірогідно, зумовлені сезонними відхиленнями, пов'язаними з положенням сонця над горизонтом на момент організації похорону (Генинг В. В., Генинг В. Ф. 1985, с. 140). Єдиним є випадок північного напряму покладання небіжчиці, виявлений в похованні 2 кургану 12 біля с. Глине в Подністров'ї. Проте, ця риса поховального обряду є характерною і для амазонок (Фиалко 2017), і для решти небіжчиків саме цього могильнику (Тельнов, Четвериков, Синика 2012, с. 772).

У кількох випадках зафіксовані рештки поховального ложа. В похованні 2 кургану 2 біля с. Каїри дитину поклали на дерев'яний поміст (рис. 3), перекритий підстилкою зі шкіри та хутра. Наявність рослинної підстилки відмічено в шести комплексах: похованні 2 кургану 1 біля с. Володимирівка, похованні 3 кургану 13 біля с. Бутори, і в могильнику біля с. Глине в похованні 2 кургану 12, похованні 2 кургану 33, похованні 2 кургану 35 і похованні 2 кургану 68. Ще в двох могилах (похованні 1 кургану 3 біля с. Дудчани і похованні 2 кургану 12 біля с. Глине) було покладено подушку з рослинним наповненням.

Відносно **наборів речового супроводу** варто зауважити, що вони доволі різняться і за наповненням, і за якісними показниками (табл. 2). При цьому асортимент речей дещо обмежений у порівнянні з могилами дорослих войовниць. Втім, звісно, визначальним в комплектах є поєднання зброї та характерних речей — маркерів жіночих наборів, і перш за все ординарних прикрас.

Отже, весь наявний в могилах реманент умовно розподіляється на три складові: 1 — універсальна група речей, пов'язаних із напутньою їжею; 2 — жіноча група (прикраси); 3 — чоловіча група (зброя, кінський обладунок).

До *першої групи* належить м'ясна їжа, наявна у восьми комплексах, що складають майже половину з усіх. До могили клали частину туші корови (два випадки), дорослої вівці / барана (два) чи ягня (один) [1]. В чотирьох випадках в комплекті до неї поклали залізного ножа.

Стосовно посуду, який призначався для рослинної їжі або води, варто відмітити, що він наявний лише в шести могилах. Ліплених посудин тільки три, по одній в Степу, Подністров'ї і Подонні. Відповідно, це горщик, невеликий горщичок і чашечка. В двох випадках в степовій групі дівчатам поклали чорнолакові посудини. В похованні 1 кургану 5 біля с. Зелене було дно

1. У решті випадків інформація про склад напутньої їжі відсутня.

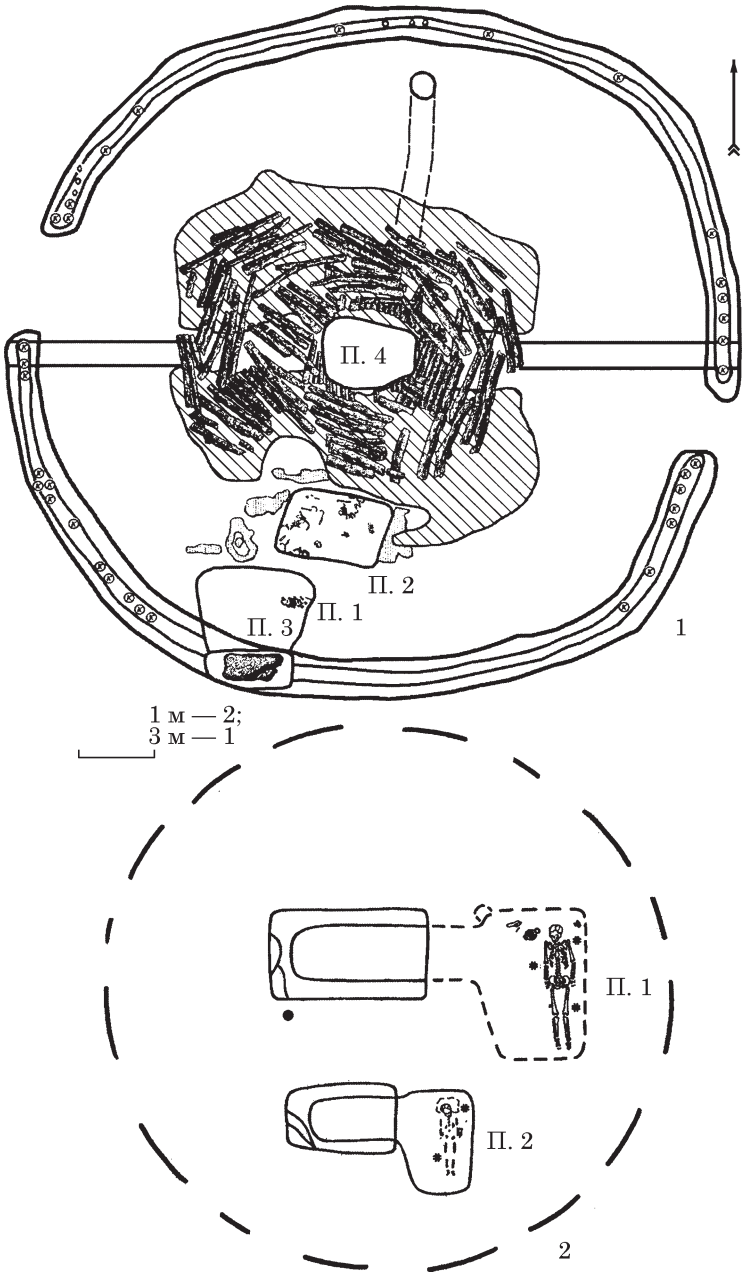


Рис. 4. Загальні плани курганів: 1 — курган 13 біля с. Бутори; 2 — курган 12 біля с. Глине

канфару, в похованні 1 кургану 4 біля с. Первомаївка — кілік без ручок (рис. 6: 6). В обох випадках посудини мали сліди давніх пошкоджень. Така практика використання зіпсованих в давнину посудин добре відома в поховальному обряді скіфів, і особливо дітей. І лише в одному комплексі (поховання 2 кургану 33 біля с. Глине) наявний набір посуду — амфора, кружальні глечик та світильник, миска і вапнякова плитка (остання, як відомо, є одним із маркерів жіночого поховання; рис. 8: 7—9, 16, 17). Такий своєрідний сервіз, з одного боку, є унікальним для кола дитячих поховань амазонок, з іншого боку, є звичним для могил небіжчиків некрополя біля с. Глине, в тому числі і амазонок (Тельнов, Четвериков, Синика 2016; Фиалко 2017).

Другу групу репрезентують переважно знімні прикраси. Превалює, як зазвичай в жіночих комплексах скіфів, намисто зі скляних, часто з очками, намистин, та набірні браслети з намистин та бісеру. Для цієї групи варто відмітити кілька моментів. **1.** В кількох випадках в могилі наявний лише один тип прикрас. Так в одному (поховання 3 кургану 13 біля с. Бутори) на небіжчиці була лише пара срібних сережок. В шести могилах за прикраси правили тільки намиста, які складали від двох до 10 намистин. І лише одне з них (з поховання 2 кургану 2 біля с. Каїри) було набраним з кількох різних складових — скляної геми, двох привісок із сланцю та сердоліку, трьох бронзових кілець та скляних намистин з очками; рис. 3: 3—7). Ще в чотирьох могилах до комплекту прикрас входили, окрім бус, один—два браслети з намистин (від трьох—п'яти до 41 намистини на одній вервечці). **2.** В наборах дитячих прикрас відсутні персні та кільця. **3.** Кульчики (крім згаданих вище) входили до чотирьох наборів, лише в одному з них (поховання 1 кургану 3 біля с. Дудчани) була одна золота, в решті наборів вони були парними. **4.** До наборів, крім вже названих ординарних прикрас, входили металеві браслети — в два по одному бронзовому, в один — пара срібних. Тут же зазначу єдину бронзову фібулу (поховання 2 кургану 23 біля с. Глине; рис. 8: 3). В масиві пам'яток скіфських амазонок цей вид прикрас відмічається в комплексах саме цього некрополя. Всі ці випадки зафіксовані лише в могильнику поблизу с. Глине, в могилах найпізнішого часу — 3—2 ст. до н. е. **5.** На особливу увагу заслуговують три поховання, до складу прикрас яких входили металеві гривни: поховання 12 кургану 5 біля с. Вовчанське — бронзова вита, прикрашена голівками змій (рис. 7: 2); поховання 1 кургану 3 біля с. Дудчани — гладка срібна (рис. 10: 7); поховання 1 кургану 4 біля с. Первомаївка — з електру з золотими закінченнями у вигляді голівок баранів (рис. 6: 7). Забігаючи наперед, нагадаю, що цей аксесуар є яскравою соціальною ознакою.

Нашивні прикраси присутні лише в одному випадку (поховання 2 кургану 35 біля с. Глине) — 21 золота платівка у вигляді напівсферичного ґудзика з отворами для нашивання, прикрашала, правдоподібно, нагрудну частину одягу.

Цікавою здається і та обставина, що знаряддя праці (окрім вже згаданих вище ножів)

наявні лише в трьох речових наборах — по одному прясельцю лише в Степовій групі (поховання 1 кургану 20 біля м. Нікополь; поховання 14 біля с. Скельки) та Подніпров'ї (поховання 2 кургану 35 біля с. Глине). Можливо, цю обставину теж варто зарахувати до тих, що підтверджують слова Помпея Трога з «Філіпповських історій» про те, що «*дівчат амазонки… привчали ні до… обробки вовни, а до зброї, коней та полювання*» (Pompeius Trogus. II, 4).

До *третьої групи* речей входить зброя, наявна у всіх могилах. Проте асортимент її доволі обмежений. Головним чином це стріли — від однієї—трьох до 11 в комплекті. І лише в одному випадку (поховання 1 кургану 3 біля с. Дудчани) було два сагайдаки з наборами стріл з бронзовими вістрями — відповідно 38 та 47 екземплярами (рис. 10: 1, 3). До того ж до комплекту зброї тут вхо-

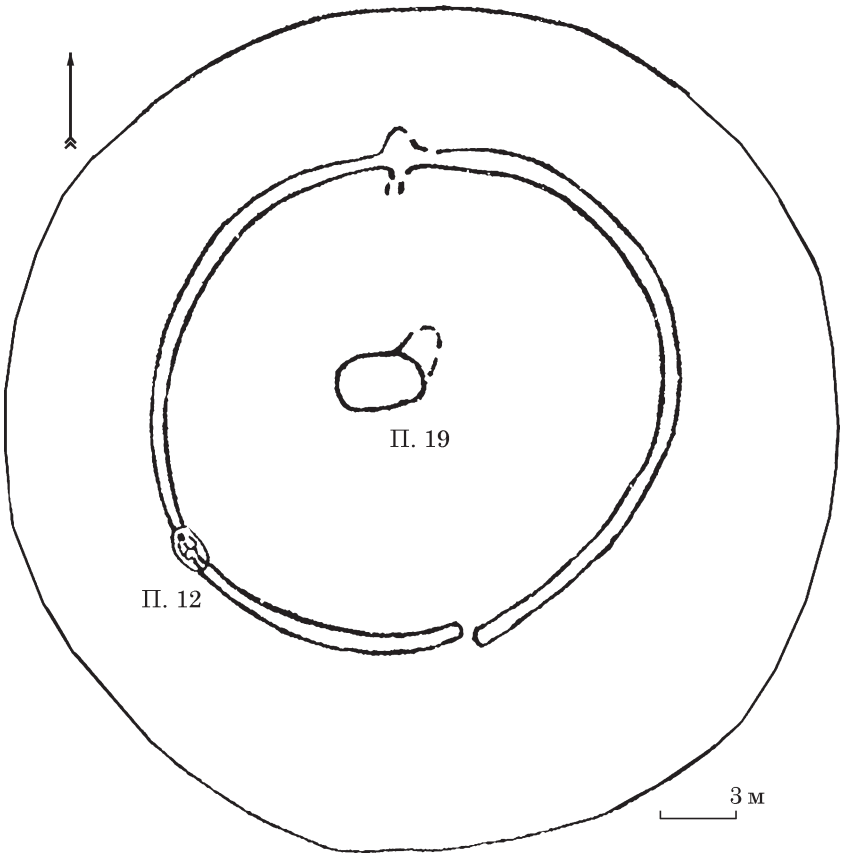


Рис. 5. Загальний план кургану 5 біля с. Вовчанське з похованням дитини в рівчаку

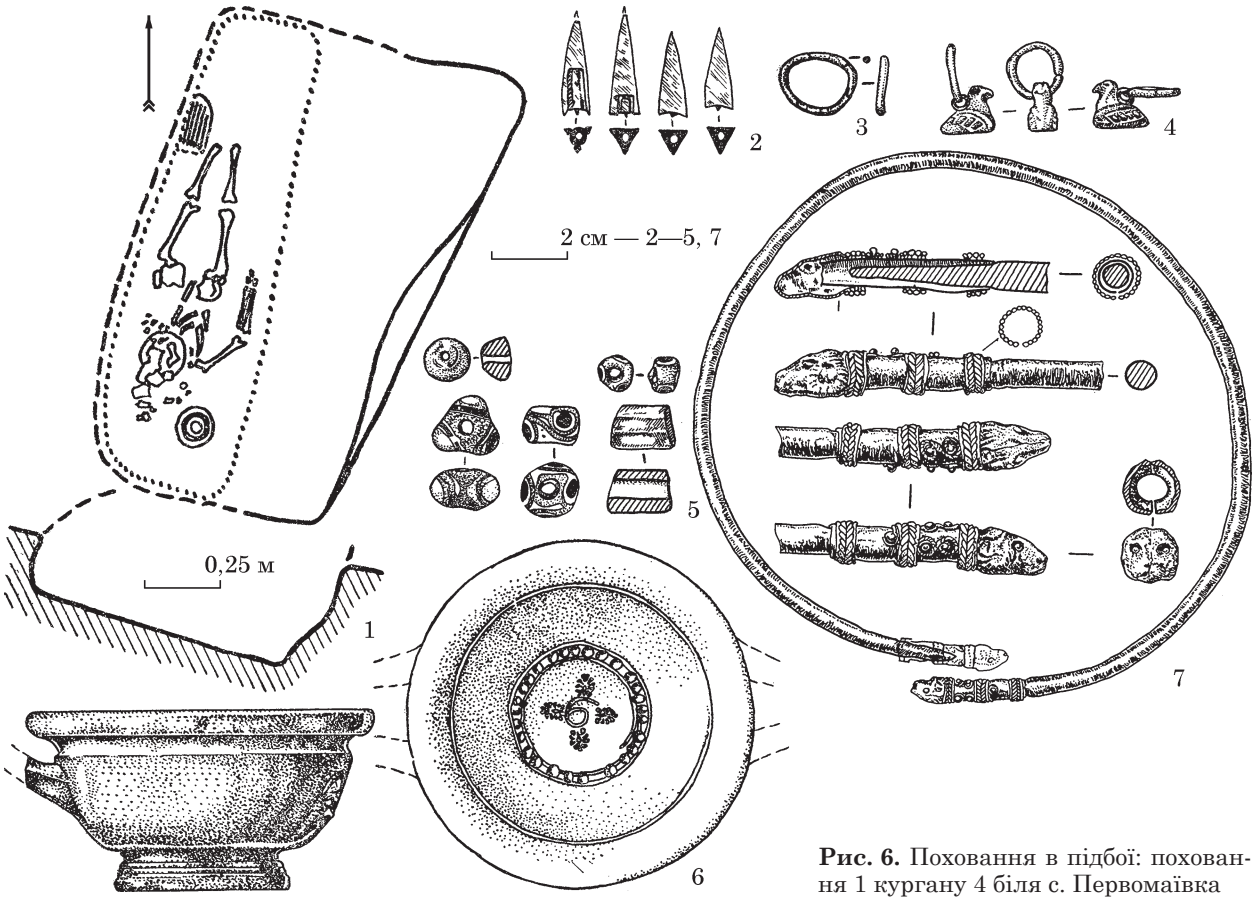


Рис. 6. Поховання в підбої: поховання 1 кургану 4 біля с. Первомаївка

Таблиця 2. Супровідний інвентар в похованнях дівчат

№	Зброя	Прикраси	М'ясна їжа	Посуд	Знаряддя праці та інше
		Степ			
1	1 стріла, лук	2 намистини	+	—	Прясельце, 3 ножа
2	3 стріли, 3 каменя	2 намистини	—	Ліпний	Прясельце, пряжка
3	6 стріл	Гривна бронз., браслет / намисто	—	—	—
4	38 + 47 стріл, 2 сагайдака, 3 дротики	Гривна сріб., серга золота, намисто, 2 браслети / намисто	+	—	2 зол. ворварки
5	1 стріла	Намисто, 2 браслети / намисто	—	Чорнолаковий	—
6	3 стріли	Намисто	+	—	Ніж
7	5 стріл, сагайдак	Гривна електрова, серги золота і срібна, намисто	—	Чорнолаковий	—
8	11 стріл, сагайдак	Намисто, гема	+	—	—
9	5 стріл	Намисто	+	—	Ніж
		Крим			
10	5 стріл	Намисто, браслет / намисто	—	—	—
		Придністров'я			
11	3 стріли	Намисто, 2 браслети / намисто	—	Ліпний	—
12	1 стріла	2 серги срібні	—	—	—
13	2 стріли	2 серги бронз, намисто, бронз. браслет, браслет / намисто	+	—	—
14	6 стріл, сагайдак	фібула, підвіска сріб, браслет бронз., браслет / намисто	+	Амфора, глечик, миска	Ніж, плитка, одяг хутряний
15	1 стріла	Срібні: 2 серги і 2 браслети, 21 зол. бляшка, намисто	—	—	Прясельце
16	1 стріла	Намисто, 2 браслети / намисто	+	—	—
		Подоння			
17	2 стріли	7 намистин	—	Ліпний	—

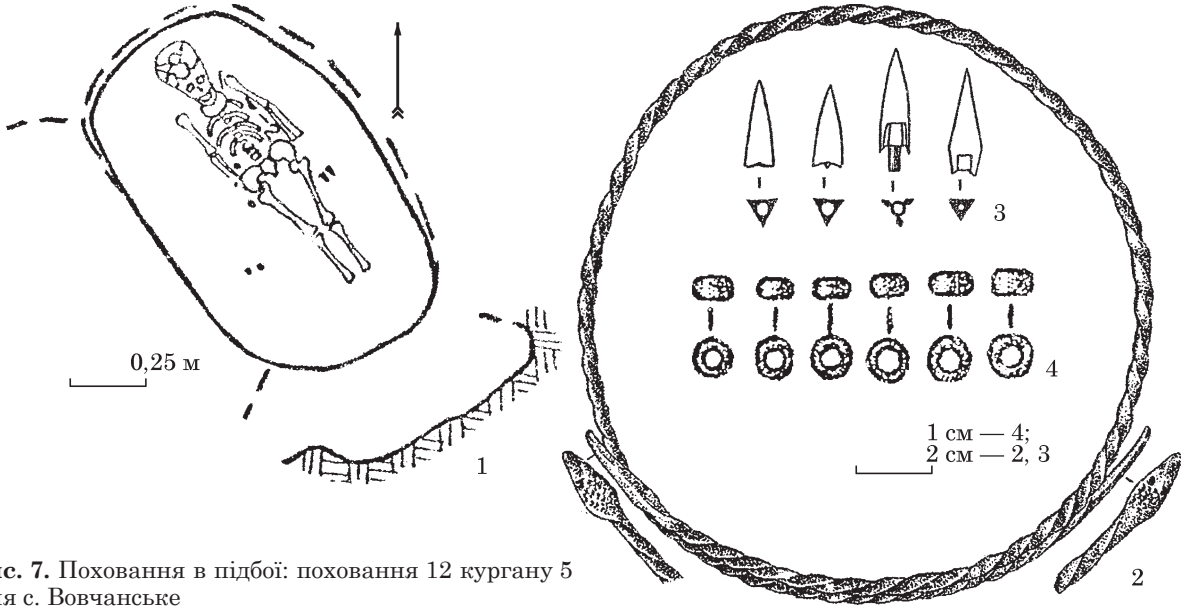


Рис. 7. Поховання в підбої: поховання 12 кургану 5 біля с. Вовчанське

дили і три дротики, а на сагайдаках були дві золоті ворварки-застібки (рис. 10: 13—15, 4). В чотирьох випадках йдеться про присутність сагайдака. В одному комплексі (поховання 1 кургану 20 біля м. Нікополь), крім єдиної стріли, зафіксовані рештки лука. Ще в одному (поховання 14 біля с. Скельки) — три камені для пращі. Зброя ближнього бою відсутня взагалі, тобто передбачається, що дівчаток навчали насамперед безконтактного бою. Що ж до кінської збруї, то два вуздечкових комплекти оголів'я відмічено в єдиному випадку (поховання 2

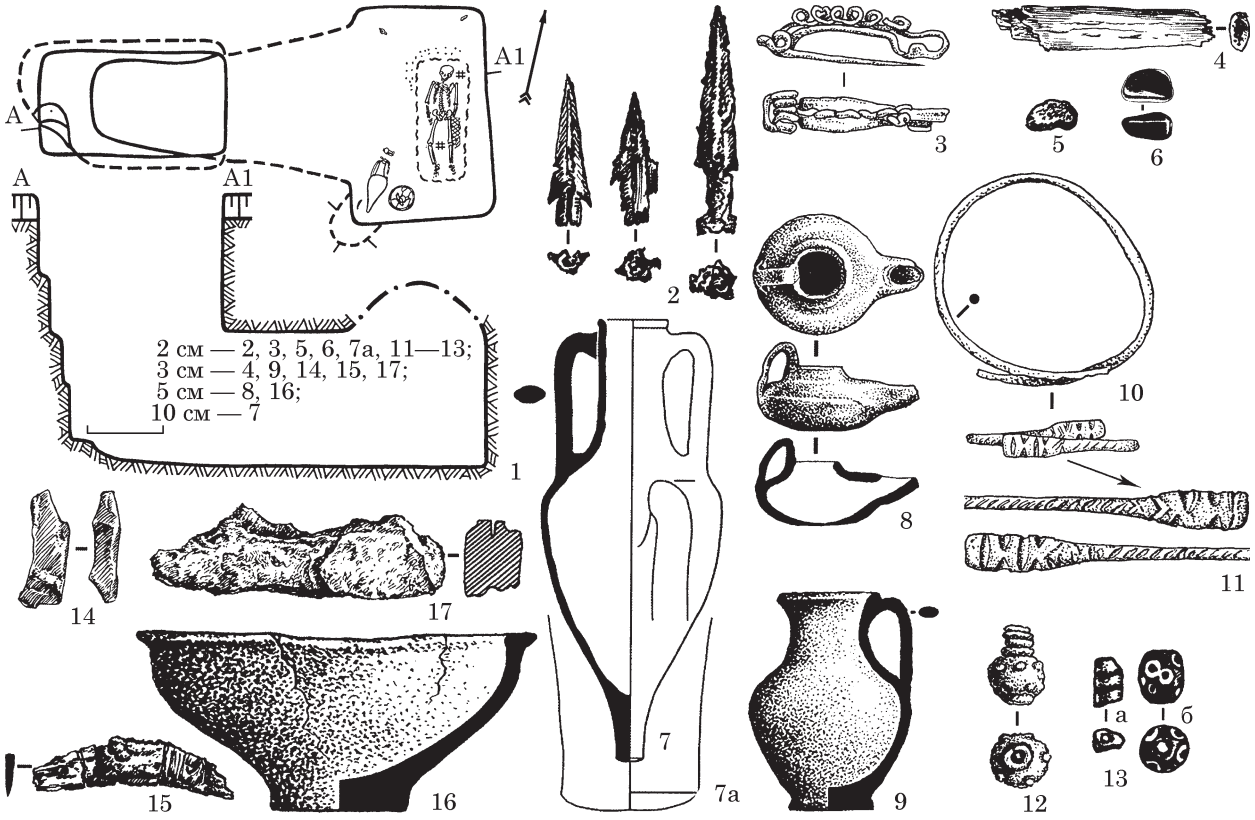


Рис. 8. Поховання в катакомбі: поховання 2 кургану 33 біля с. Глине

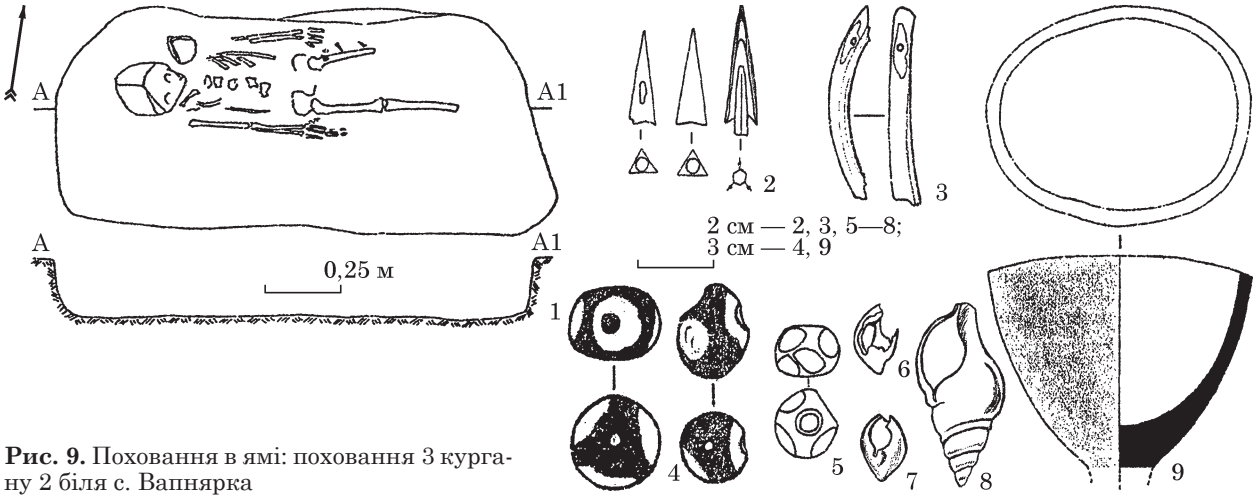


Рис. 9. Поховання в ямі: поховання 3 кургану 2 біля с. Вапнярка

кургану 2 біля с. Каїри) — при кістяку слуги (рис. 3: 11, 12). Така ситуація характерна і для комплексів дорослих войовниць.

Відносно зброї зупинюсь на трьох важливих моментах. 1. Місце зброї в могилі. Вирізняється три варіанта локалізації зброї. Крім двох комплексів, які постраждали від пограбувань, стріли лежали біля руки [1] (в двох випадках біля правої, в трьох — біля лівої), біля ноги / стегна (в чотирьох випадках біля правої, в п'ятьох — біля лівої), тобто в тому місці, де зазвичай клали сагайдак. Майже однакова кількість випадків покладання сагайдачних наборів та окремих екземплярів з двох різних боків небіжчиць. Можливо, це пояснюється тим, яка рука була «робочою» (праворука чи шульга), утім таких визначень антропологами досі не робилось. Ще в одному випадку стрілу поклали в узголів'ї. Втім, всі ці варіанти простежуються і в могилах дорослих амазонок і вояків (Фіалко 2019, с. 394).

2. Кількісний аспект. Як видно в табл. 2, в могилу покладено від однієї (п'ять могил) — двох (дві могили) до 11—85 стріл (по одній могилі). По-перше, нагадаю, що норми «боекомплекту» стріл у амазонок не було (Фиалко 2011, с. 269). Така ситуація спостерігається для всіх сагайдачних наборів скіфів, незалежно від статі та со-

1. Місце вказане здебільшого за даними архівної документації.

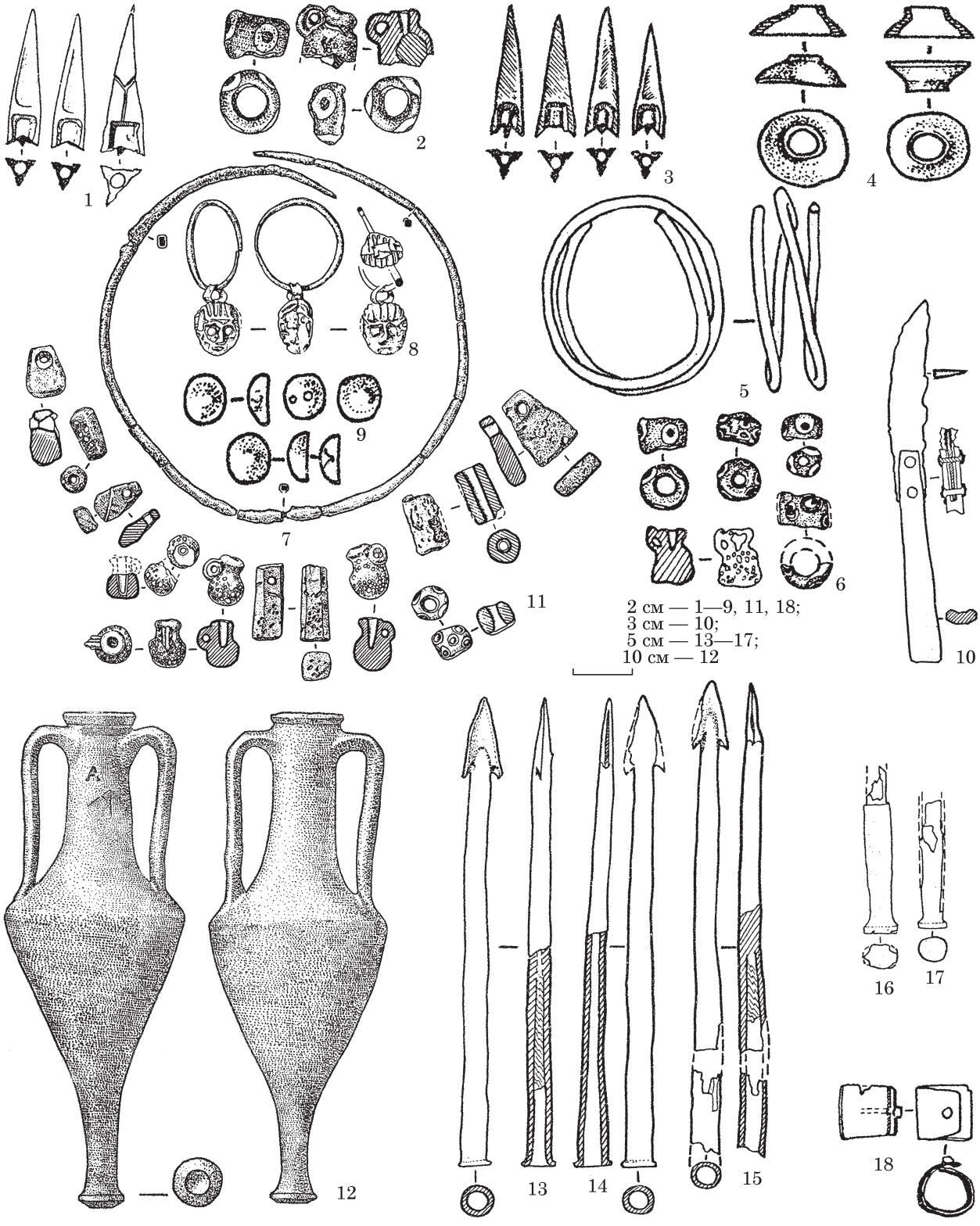


Рис. 10. Набір речей з поховання 1 кургану 3 біля с. Дудчани

ціального рангу їх власника (Грицюк 2009, с. 63). Відносно малої кількості стріл в могилах дівчат, перш за все, нагадаю ситуацію, простежену в не пограбованих могилах кургану 5 біля с. Зелене, де в двох могилах супроводжуючих осіб основної амазонки було покладено, відповідно, одну і три стріли. Саме ця пам'ятка стала ключовою в розумінні смислового навантаження таких похо-

вальних комплексів і спонукала звернути увагу на дитячі похованням з одиничними знахідками стріл. До речі, в масиві могил амазонок поряд з відносно великими сагайдачними наборами є і такі, де було від однієї до трьох—п'яти стріл. Схожу ситуацію, з простеженою в кургані біля с. Зелене, відмічено і в інших курганах. Приміром, в кургані 13 біля с. Бутори в основному похованні

амазонки було три стріли, а в боковому похованні дівчинки з супроводу — лише одна. В кургані 12 біля с. Глине в основному похованні амазонки так само було три стріли, а в боковому похованні дівчинки з супроводу — лише дві. В той же час, в могильнику біля с. Глине набори стріл і дорослих амазонок малочисельні, втім, як і набори намиста (Фиалко 2017).

3. Призначення зброї в могилах дівчаток. До питання місця і ролі зброї в похованнях скіфських амазонок я вже зверталася раніше, розглянувши різні версії його бачення (Фіалко 2019). Однак, стосовно зв'язки дитина — зброя теж є певна неузгодженість. Найбільш чітко її було сформульовано С. М. Кореневським, хоча і для більш раннього часу. Так автор зауважив, що рідкісний феномен поховання дітей і підлітків, в чиї могили було покладено зброю ударної і колючої дії, в похоронній практиці культур 5—3 тис. до н. е. на різних територіях, пояснюється його специфічними віруваннями. Відповідно до них, поховання зі зброєю могло означати передачу його померлим родичам в потойбічному світі, підкресленням особливого статусу дитини як майбутнього воїна, який він отримував у спадок. У той же час, всі подібні випадки автор пов'язує з культурами, в яких позначені престижні військові поховання зі зброєю дорослих людей. Тобто вони відображають реакцію поховальних традицій на процеси воєнізації древніх суспільств і виділення військової страти засобами похоронних культів (Кореневский 2017, с. 41).

Здається, що в такому ставленні є певне протиріччя. Діти дійсно вважаються сакрально чистими особами (Бессонова 1992, с. 11), які мали полегшити перехід небіжчику в потойбічний світ. Саме тому вони часто складали жалобний ескорт. Але, якщо дитина мала передати зброю дорослому в потойбіччі, виникає два питання. Чому тоді основного в кургані дорослого ховали зі зброєю? І чому не всім дітям «давали» зброю для передачі? В цьому контексті обидва питання не мають відповіді. В той же час більш логічними є спостереження С. М. Кореневського відносно воєнізованих суспільств. І найбільше це є актуальним для спільнот номадів доби раннього заліза, де війна була звичною подією і де змалку привчали до зброї.

В той же час, цілком вірогідно, що кількість зброї зумовлена, з одного боку, **соціальним станом** небіжчиці (чим вищий статус тим більший набір), з іншого боку, певними можливостями конкретної групи населення, яке лишило могильник (рівень статку в цілому). Це підтверджується і в нашому випадку, зважаючи на склад речового супроводу (табл. 2). За його характером добре проглядають три групи небіжчиць. *Перша група* найбільша (10 поховань) з простими прикрасами зі скляних намистин; тут відмічено від однієї до п'яти стріл, і лише в одному випадку 11. *Друга група* (чотири поховання) з престижними речами — кульчиками, браслетами та іншими прикрасами — в одному випадку з бронзи, в інших срібними і золотими; тут покладено одну — дві стріли, і в одному похованні шість. *Третя група* найменша (три поховання) в речовому супроводі мала металеву гривну; тут було п'ять—шість стріл і в одному похованні з них максимальна кількість стріл — 85 в двох сагайдаках і три дротики в наборі. З цього випливає, що дітям покладалося зазвичай до десятка стріл, більша їх кількість скоріше є винятком з правила.

Хронологія комплексів. Огляд поховальних комплексів дівчат зі зброєю показав, що найбільш раннім серед них є поховання 14 ґрунтового могильника біля с. Скельки, яке датується кінцем 5—4 ст. до н. е. (Попандопуло 2011, с. 88). Верхня гранична дата відмічається для поховання 2 кургану 12 могильника біля с. Глине — 3—2 ст. до н. е. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 966). До речі, поховання саме з цього некрополя належать до найпізніших (табл. 1). Утім, основна група могил озброєних дівчат з теренів Степу і Криму датується в межах 4 ст. до н. е. Таке становище цілком узгоджується з думкою С. С. Бессонової стосовно того, що через архаїчну традицію поховання діти знаходилися зазвичай «поза культом». Тобто їх (втім, як і жінок) на ранніх етапах могли ховати поза межами родових могильників чи курганів (Бессонова 1990, с. 24).

Наведений вище огляд дитячих поховальних комплексів зі зброєю дозволяє зробити кілька висновків. По-перше, серед амазонок були не лише дорослі особи, а й підлітки і діти. По-друге, отримані матеріали засвідчили, що амазонки привчалися до зброї з раннього дитинства, що відповідає інформації античних авторів. По-третє, поховальні комплекси дівчат підтверджують, що вони належали до різних соціальних прошарків і кількість зброї в похованні маленької амазонки здебільшого залежала від її соціальної приналежності.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеева, Т. И., Богатенков, Д. В., Лебединская, Г. В. 2003. *Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали).* Москва: Научный мир.

Бессонова, С. С. 1990. Скифские погребальніе комплексі как источник для реконструкции идеологических представлений. В: Зубарь, В. М. (ред.). *Обряды и верования населения Украины*. Киев: Наукова думка, с. 17-40.

Бессонова, С. С. 1992. Жертвоприношения подростков в скифских курганах. В: *Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Тереножкина.* Мелитополь: Мелитопольская гортипография, с. 11-12.

Богатенков, Д. В. 2000. Палеодемография могильников Николаевка (Казацкое), Золотая Балка, Неаполь Скифский. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в 7—3 вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология*. Москва: ИА РАН, с. 27-35.

Болтрик, Ю. В. 2002a. Курганы скифской элиты в междуречье Нижнего Днепра и Дона. В: Мурзин, В. Ю., Тощев, Г. Н. (ред.). *Великая Скифия*. Киев; Запорожье: Днепровский металлург, с. 55-66.

Болтрик, Ю. В. 2002b. *Курганне будівництво скіфів у V—IV ст. до Н. Х. (за матеріалами поховальних комплексів Дніпровсько-Молочанського межиріччя)*. Дисертація к. і. н. Київ: ІА НАН України.

Великанова, М. С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.

Генинг, В. В., Генинг, В. Ф. 1985. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Археология и методы исторических реконструкций*. Киев: Наукова думка, с. 136-152.

Грицюк, В. М. 2009. *Військо скіфів (озброєння, організація, війни та воєнне мистецтво)*. Київ; Чернівці: Місто.

Евдокимов, Г. Л. 1985. Работы Краснознаменской экспедиции. *Археологические открытия 1983 года*, с. 274-275.

Кондукторова, Т. С. 1979. *Физический тип людей Нижнего Поднепровья (по материалам могильника Николаевка-Казацкое)*. Москва: Наука.

Кореневский, С. Н. 2017. Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века. *Археологические памятники Оренбуржья*, 13, с. 41-49.

Кузнецова, Т. М. (сост.). 1992. *Скифы. Хрестоматия*. Москва: Высшая школа.

Латышев, В. В. 1947—1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 1—4. Ленинград.

Литвинова, Л. В. 2004. Палеодемография скифской культуры (по материалам могильника Мамай Гора). В: Скорий, С. А. (ред.). *Від Кіммерії до Сарматії: 60 років відділу скіфо-сарматської археології. Матеріали міжнародної наукової конференції*. Київ: Корвін-Пресс, с. 48-51.

Литвинова, Л. В. 2005. Населення Півдня України доби середньовіччя (палеодемографічні аспекти дослідження). *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1—2, с. 108-116.

Литвинова, Л. В. 2007. Демографическая структура населения скифской культуры (по материалам могильника Мамай Гора). *Вестник антропологии*, 15 (2), с. 292-299.

Покас, П. М., Назарова, Т. А., Дяченко, В. Д. 1988. Материалы по антропологии Акташского могильника. В: Бессонова, С. С., Бунятян, Е. П., Гаврилюк, Н. А. *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев: Наукова думка, с. 118-144.

Попандопуло, З. Х. 2011. *Скифский курганный могильник «Скельки»*. Запорожье: ПУВК.

Потехина, И. Д., Кислый, А. Е. 1994. Реконструкция демографической структуры скифов лесостепной и степной зон Украины. В: Гаврилюк, Н. А. (ред.). *Палеодемография скифского населения Северного Причерноморья. Серия «Скифы: Экономика и история»*. Киев: ИА НАН Украины, с. 1-21.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2012. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования). В: Тельнов, Н. П. (ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н. э.* Тирасполь: Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, с. 5-15.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.

Фиалко, Е. Е. 1991. Погребения женщин с оружием у скифов. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 4-18.

Фиалко, Е. Е. 2010. Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора. *Stratum plus: Культурная антропология и археология*, 3, с. 187-196.

Фиалко, Е. Е. 2011. Паноплия скифских воительниц. *Tyragetia*, V (XX), 1, с. 265-278.

Фиалко, Е. Е. 2012. Курган с захоронениями скифских девочек с оружием. In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow: Profil Archeo, с. 475-483.

Фиалко, Е. Е. 2014. Могилы вооруженных женщин Рогачикского курганного поля. *Археологія і давня історія України*, 1 (12), с. 25-39.

Фиалко, Е. Е. 2015. Амазонки во времени и пространстве. *Археологія і давня історія України*, 4 (17), с. 46-99.

Фиалко, Е. Е. 2017. Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова). *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 208-227.

Фіалко, О. Є. 2010. Скіфський курганний могильник біля с. Зелене на Херсонщині. *Археологія і давня історія України*, 4, с. 201-221.

Фіалко, О. Є. 2012. Поховання дівчат зі зброєю в скіфському кургані на Херсонщині. *Археологія*, 1, с. 82-92.

Фіалко, О. Є. 2018. Скіфські амазонки в Криму. *Магістеріум. Археологічні студії*, 70, с. 67-77.

Фіалко, О. Є. 2019. Зброя в похованнях скіфських жінок: місце та призначення. В: Чабай, В. П. (ред.). *І Всеукраїнський археологічний з'їзд: матеріали роботи*. Київ: ІА НАН України, с. 393-405.

Яблонский, Л. Т. 1980. К палеодемографии населения средневекового города Сарая-Бату (Селитренное городище). *Советская этнография*, 1, с. 142-148.

Fialko, E. 2017. Scytyjskie wojowniczki w południowej części Europy Wschodniej. *Folia Praehistorica Posnanyensia*, XXII, p. 29-47.

REFERENCES

Alekseeva, T. I., Bogatenkov, D. V., Lebedinskaia, G. V. 2003. *Vlakhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolia Mistikhali)*. Moskva: Nauchnyi mir.

Bessonova, S. S. 1990. Skifskie pogrebalnie kompleksi kak istochnik dlia rekonstruktsii ideologicheskikh predstavlenii. In: Zubar, V. M. (ed.). *Obriady i verovaniia naseleniia Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 17-40.

Bessonova, S. S. 1992. Zhertvoprinosheniia podrostkov v skifskikh kur-ganakh. In: *Kimmeriitsy i skify. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. I. Terenozhkina*. Melitopol: Melitopolskaia gortipografiia, s. 11-12.

Bogatenkov, D. V. 2000. Paleodemografiia mogilnikov Nikolaevka (Kazatskoe), Zolotaia Balka, Neapol Skifskii. In: Guliaev, V. I., Olkhovskii, V. S. (eds.). *Skify i sarmaty v 7—3 vv. do n. e. Paleoekologiia, antropologiia i arkheologiia*. Moskva: IA RAN, s. 27-35.

Boltrik, Iu. V. 2002a. Kurgany skifskoi elity v mezhdureche Nizhnego Dnepra i Dona. In: Murzin, V. Iu., Toshchev, G. N. (eds.). *Velikaia Skifiia*. Kiev; Zaporozhe: Dneprovskii metallurg, s. 55-66.

Boltryk, Yu. V. 2002b. *Kurhanne budivnytstvo skifiv u V—IV st. do N. Kh. (za materialamy pokhovalnykh kompleksiv Dniprovsko-Molochanskoho mezhyrichchia)*. Dysertatsiia k. i. n. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiia Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechia*. Moskva: Nauka.

Gening, V. V., Gening, V. F. 1985. Metod opredeleniia drevnikh traditsii orientirovok pogrebennykh po storonam gorizonta. In: Gening, V. F. (ed.). *Arkheologiia i metody istoricheskikh rekonstruktsii*. Kiev: Naukova dumka, s. 136-152.

Hrytsiuk, V. M. 2009. *Viisko skifiv (ozbroiennia, orhanizatsiia, viiny ta voienne mystetstvo)*. Kyiv; Chernivtsi: Misto.

Evdokimov, G. L. 1985. Raboty Krasnoznamenskoi ekspeditsii. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda*, s. 274-275.

Konduktorova, T. S. 1979. *Fizicheskii tip liudei Nizhnego Podneprovia (po materialam mogilnika Nikolaevka-Kazatskoe)*. Moskva: Nauka.

Korenevskii, S. N. 2017. Fenomen detskikh pogrebenii s oruzhiem v epokhu medno-bronzovogo veka. *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzhia*, 13, s. 41-49.

Kuznetsova, T. M. (sost.). 1992. *Skify. Khrestomatiia*. Moskva: Vysshaia shkola.

Latyshev, V. V. 1947—1949. Izvestiia drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. *Vestnik drevnei istorii*, 1—4. Leningrad.

Litvinova, L. V. 2004. Paleodemografiia skifskoi kultury (po materialam mogilnika Mamai Gora). In: Skoryi, S. A. (ed.). *Vid Kimmerii do Sarmatii: 60 rokiv viddilu skifo-sarmatskoi arkheolohii. Materialy mizhnarodnoi naukovoi konferentsii*. Kyiv: Korvin-Press, s. 48-51.

Lytvynova, L. V. 2005. Naselennia Pivdnia Ukrainy doby serednovichchia (paleodemohrafichni aspekty doslidzhennia). *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1—2, s. 108-116.

Litvinova, L. V. 2007. Demograficheskaia struktura naseleniia skifskoi kultury (po materialam mogilnika Mamai Gora). *Vestnik antropologii*, 15 (2), s. 292-299.

Pokas, P. M., Nazarova, T. A., Diachenko, V. D. 1988. Materialy po antropologii Aktashskogo mogilnika. In: Bessonova, S. S., Buniatian, E. P., Gavriliuk, N. A. *Aktashskii mogilnik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu*. Kiev: Naukova dumka, s. 118-144.

Popandopulo, Z. Kh. 2011. *Skifskii kurgannyi mogilnik «Skelki»*. Zaporozhe: PUVK.

Potekhina, I. D., Kislyi, A. E. 1994. Rekonstruktsiia demograficheskoi struktury skifov lesostepnoi i stepnoi zon Ukrainy. In: Gavriliuk, N. A. (ed.). Paleodemografiia skifskogo naseleniia Severnogo Prichernomoria. Seriia «Skify: Ekonomika i istoriia». Kiev: IA NAN Ukrainy, s. 1-21.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2012. Skifskii mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoe na levoberezhe Nizhnego Dnestra (predvaritelnye itogi issledovaniia). In: Telnov, N. P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomoria III—II vv. do n. e*. Tiraspol: Pridnestrovskii gosudarstvennyi universitet im. T. G. Shevchenko, s. 5-15.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskii mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoe*. Tiraspol: Stratum plus.

Fialko, E. E. 1991. Pogrebeniia zhenshchin s oruzhiem u skifov. In: Boltrik, Iu. V., Buniatian, E. P. (eds.). Kurgany Stepnoi Skifii. Kiev: Naukova dumka, s. 4-18.

Fialko, E. E. 2010. Pogrebeniia amazonok iz mogilnika Mamai-Gora. *Stratum plus: Kulturnaia antropologiia i arkheologiia*, 3, s. 187-196.

Fialko, E. E. 2011. Panopliia skifskikh voitelnits. *Tyragetia*, V (XX), 1, s. 265-278.

Fialko, E. E. 2012. Kurgan s zakhoroneniiami skifskikh devochek s oru-zhiem. In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow: Profil Archeo, s. 475-483.

Fialko, E. E. 2014. Mogily vooruzhennykh zhenshchin Rogachikskogo kurgannogo polia. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 1 (12), s. 25-39.

Fialko, E. E. 2015. Amazonki vo vremeni i prostranstve. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 4 (17), s. 46-99.

Fialko, E. E. 2017. Seriia pogrebenii skifskikh voitelnits v mogilnike u s. Glinoe (Moldova). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (23), s. 208-227.

Fialko, O. Ye. 2010. Skifskyi kurhannyi mohylnyk bilia s. Zelene na Khersonshchyni. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 4, s. 201-221.

Fialko, O. Ye. 2012. Pokhovannia divchat zi zbroieiu v skifskomu kurhani na Khersonshchyni. *Arkheolohiia*, 1, s. 82-92.

Fialko, O. Ye. 2018. Ckifski amazonky v Krymu. *Mahisterium. Arkheolohichni studii*, 70, s. 67-77.

Fialko, O. Ye. 2019. Zbroia v pokhovanniakh skifskykh zhinok: mistse ta pryznachennia. In: Chabai, V. P. (ed.). *I Vseukrainskyi arkheolohichnyi z'izd: materialy roboty*. Kyiv: IA NAN Ukrainy, s. 393-405.

Iablonskii, L. T. 1980. K paleodemografii naseleniia srednevekovogo goroda Saraia-Batu (Selitrennoe gorodishche). *Sovetskaia etnografiia*, 1, s. 142-148.

Fialko, E. 2017. Scytyjskie wojowniczki w południowej części Europy Wschodniej. *Folia Praehistorica Posnanyensia*, XXII, p. 29-47.

O. Ye. Fialko

«AND GIRLS AMAZONS ACCUSTOMED TO ARMS, HORSES AND HUNTING…»

According to ancient authors Amazons treated their new-borns differently. They usually gave the boys to their fathers. At the same time, they raised the girls themselves. Moreover, the girls since childhood were taught martial art and hunting. That is, first of all they were taught archery and horseback riding. Based on these data, we drew attention to the Scythian girls' graves with weapons.

17 such burials of girls are known today in the area of European Scythia. They are fixed on the territory of the Steppe Dnieper Region, Crimea, Transnistria and Don Region.

All children's graves are individual except for one (with a teenager-servant). Only two of them were robbed in antiquity.

All graves (with one exception) were excavated in the kurhans. An analysis of the types of burial structures showed that undercut graves and catacombs predominate. Simple pits are represented by only two cases. The spread of these types of graves on different regions coincides with the same graves of adult Amazons.

All burials were made according to the rite of inhumation. The western orientation of the dead is predominant. In general, burial sites, rites and anthropological types of Amazons are identical to those recorded for the population of European Scythia.

Material support is divided in three main groups: 1) universal (meat meals with a knife and utensils); 2) Female (spindles with spinners, earrings, necklace, bracelets, rings, stone dishes); 3) Male (weapons, horse bridles, hryvnias). The combination of the components of these kits has usually marked the burial of the Amazons. The nature of the weapon shows that it was intended primarily for the remote combat.

The evidence of social stratification is, first of all, the size of burial structures and the composition of material support. According to these indicators, three social groups are distinguished in the Amazon girls' environment.

The chronological range of the burial complexes of girls with weapons is determined from the end of the 5th to 3—2 centuries BC. However, the main group of these tombs is dated 4th century B.C.

Keywords: Amazon, Girls, Burial, Scythian Time, European Scythia.

Одержано 14.05.2020

ФІАЛКО Олена Євгенівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.
FIALKO Olena Ye., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, the Institute of Archaeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingrada ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0002-4976-3266, e-mail: ofialka@ukr.net.

УДК [904.22:904.5](439)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.23

Э. Иштванович, В. Кульчар

МУЖЕСТВЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ ИЛИ ЖЕНСТВЕННЫЕ МУЖЧИНЫ? НАХОДКИ ОРУЖИЯ В САРМАТСКИХ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ АЛФЕЛЬДА

Статья посвящена исследованию наличия оружия или фрагмента оружия в женских могилах сарматов Венгерской низменности. Точное количество таких погребений трудно определить из-за разрушения могил при ограблении и неточности антропологических определений. На основании имеющегося материала мы предположили существование обряда «передачи вещей на тот свет», аналоги которому имеются как в археологическом — в частности, сарматском, — так и в этнографическом материале.

***Ключевые слова**: оружие, женские погребения, сарматы, Алфельд (Венгерская низменность).*

Создавая базу данных сарматских погребений Алфельда (Венгерской низменности) [1], мы обратили внимание на присутствие типично «мужских» предметов инвентаря в могилах, определенных как женские. Скелетный материал погребений, раскопанных в последние десятилетия, обычно описывают специалисты-антропологи, и археологи при определении пола теперь полагаются не только на инвентарь могил. Конечно, даже имея два мнения, не всегда удается с абсолютной точностью решить вопрос о половой принадлежности умершего: ведь хорошо известно, что с точки зрения строения скелета существуют «женственные» мужчины и наоборот. Поэтому к случаям находок, например, оружия у женщин, нужно подходить предельно осторожно. Антропологические определения осложняются еще и тем обстоятельством, что подавляющее большинство сарматских могил Венгрии ограблено. В нашей выборке фигурируют погребения, которые все же с наибольшей вероятностью можно отнести к «слабому» полу.

Мы не склонны считать, что найденное в женских погребениях оружие — а оно, за одним исключением, как правило фрагментированное, — могло использоваться по прямому назначению.

Будапешт, Ракошчаба, Пецели ут / Budapest, Rákoscsaba, Péceli út, погр. 235/1 (Nagy 2018, p. 156—158). Ограбленное погребение, кости разбросаны. Яма (глубина: 140 см, длина: 270 см, ширина 85—95 см) ориентирована на ЮЮВ. По определению антрополога пол женский, возраст Maturus.

Находки: в заполнении железный втульчатый *наконечник стрелы* (рис. 1: 1), железная игла с загнутой головкой (рис. 1: 2) и три цветные стеклянные бусины (рис. 1: 3).

Хотя захоронение ограблено, но антропологическое определение и наличие бус и иглы (вероятно, от веретена; ср. Pópity 2015), свидетельствует о женском погребении.

Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok, погр. 144 (Kőhegyi, Vörös 2011, p. 61). Ограбленное погребение (глубина: 176 см, длина: 253 см, ширина: 68 см), ориентированное на ЮВ. От костей остались только осколки, антропологического определения не было.

Находки (все на дне ямы): трехгранный железный черешковый *наконечник стрелы* (рис. 2: 1), две многогранные сердоликовые, одна стеклянная оранжевая, две янтарных бусины (рис. 2: 2), фрагмент железного ножа (рис. 2: 3), фрагмент железного гвоздя (рис. 2:

1. Настоящая работа выполнена в рамках проекта № 124944 Венгерского бюро по исследованиям, развитию и инновации (NKFIH) «Онлайн публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов Барбарикума Карпатского бассейна».

© Э. ИШТВАНОВИЧ, В. КУЛЬЧАР, 2020

4), фрагменты железных накладок на венчик деревянного сосуда (рис. 2: 5).

Судя по характеру и количеству бус, можно предположить, что речь идет о женском захоронении.

Ньиредьхаза, Фелшешима, Дьебраштанья / Nyíregyháza, Felsősima, Gyebrástanya, обьект 48 [1]**.** Окруженное ровиком ограбленное погребение (глубина: 85 см, длина: 257 см, ширина: 123—135 см), в гробу, ориентировано на Ю. По определению антрополога, в могиле лежала женщина 23—60 лет и ребенок 3—4 лет.

Находки: на месте таза лепное пряслице (рис. 3: 1), в заполнении 19 разноцветных стеклянных бус (рис. 3: 2), на месте грудной клетки три многогранных сердоликовых бусин и одна стеклянная (рис. 3: 3), в восточной части ямы за пределами гроба 16 разноцветных стеклянных бус (рис. 3: 4), в районе щиколоток 67 стеклянных бус (рис. 4: 3), на бусах правой ноги фрагмент римского бронзового зеркала (рис. 4: 1, 2), в восточной части ямы за пределами гроба фрагмент железного лезвия шириной 3,5 и длиной 8 см — вероятно, *обломок меча*. (рис. 3: 5). Рядом с ним лежали еще пять фрагментов меньшего размера.

В данном случае антропологическое и археологическое определения совпадают и явно указывают на женское погребение.

1. Неопубликованные раскопки Эстер Иштванович.

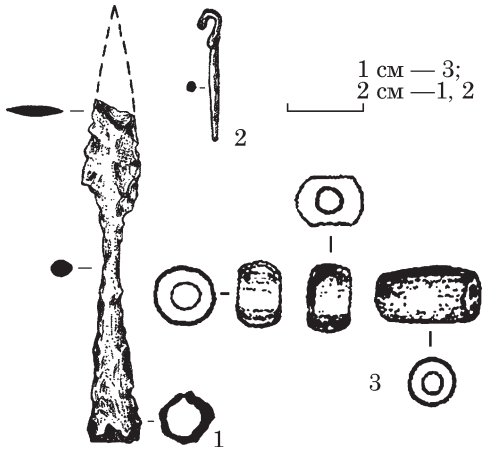


Рис. 1. Будапешт, Ракошчаба, Пецели ут / Budapest, Rákoscsaba, Péceli út погреб. 235/1 (по Nagy 2018)

Ньиредьхаза, Фелшешима, Дьебраштанья, обьект 328 [2]**.** Окруженное ровиком ограбленное погребение (глубина: 35 см, длина: 322 см, ширина: 177 см), ориентированное на Ю. Судя по единственной сохранившейся кости — берцовой — антрополог предположил, что она принадлежала женщине.

Находки: в заполнении *фрагменты двулезвийного меча*, длина: 4,6 см, ширина: 3,7 см; фрагменты железного ножа, раковина улитки.

Отнесение данного погребения к категории, обсуждаемой в статье, весьма сомнительно, так как

2. Неопубликованные раскопки Эстер Иштванович.

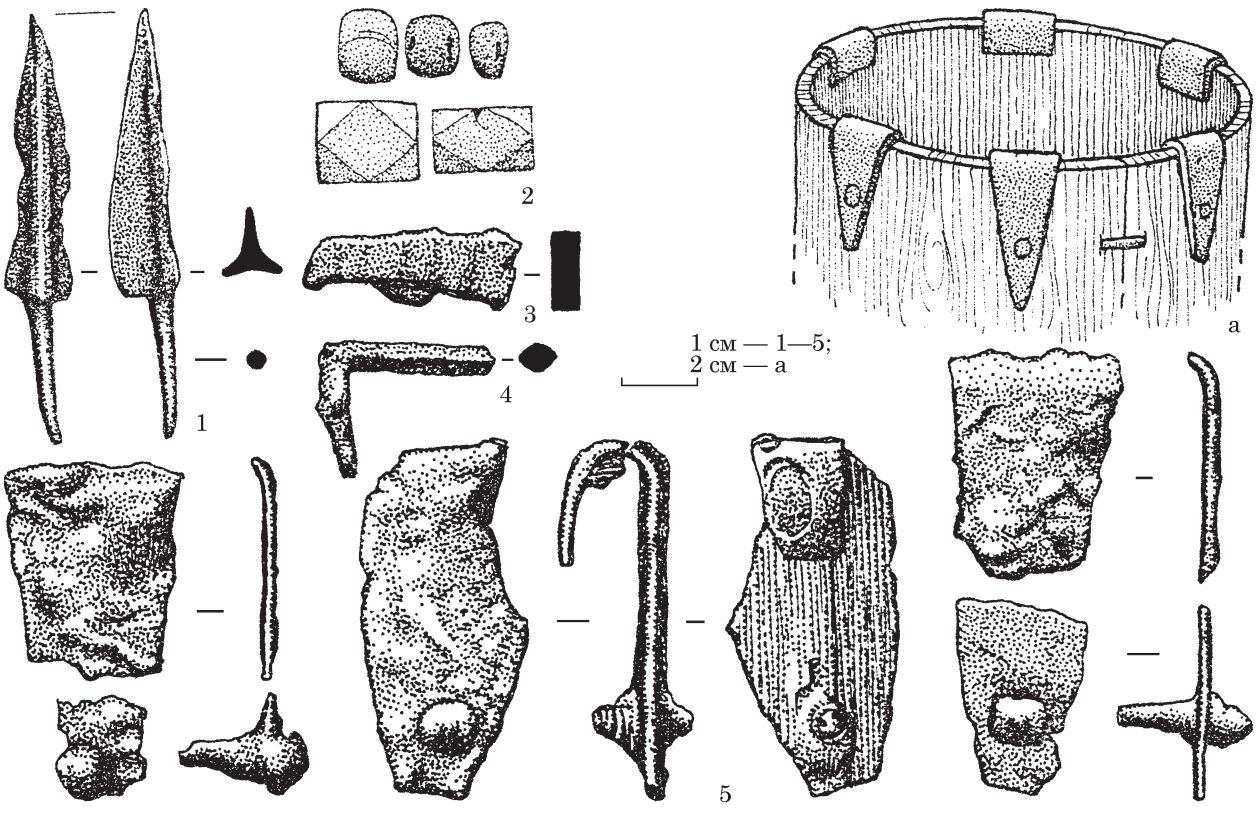


Рис. 2. Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok погреб. 144 (по Kőhegyi-Vörös 2011)

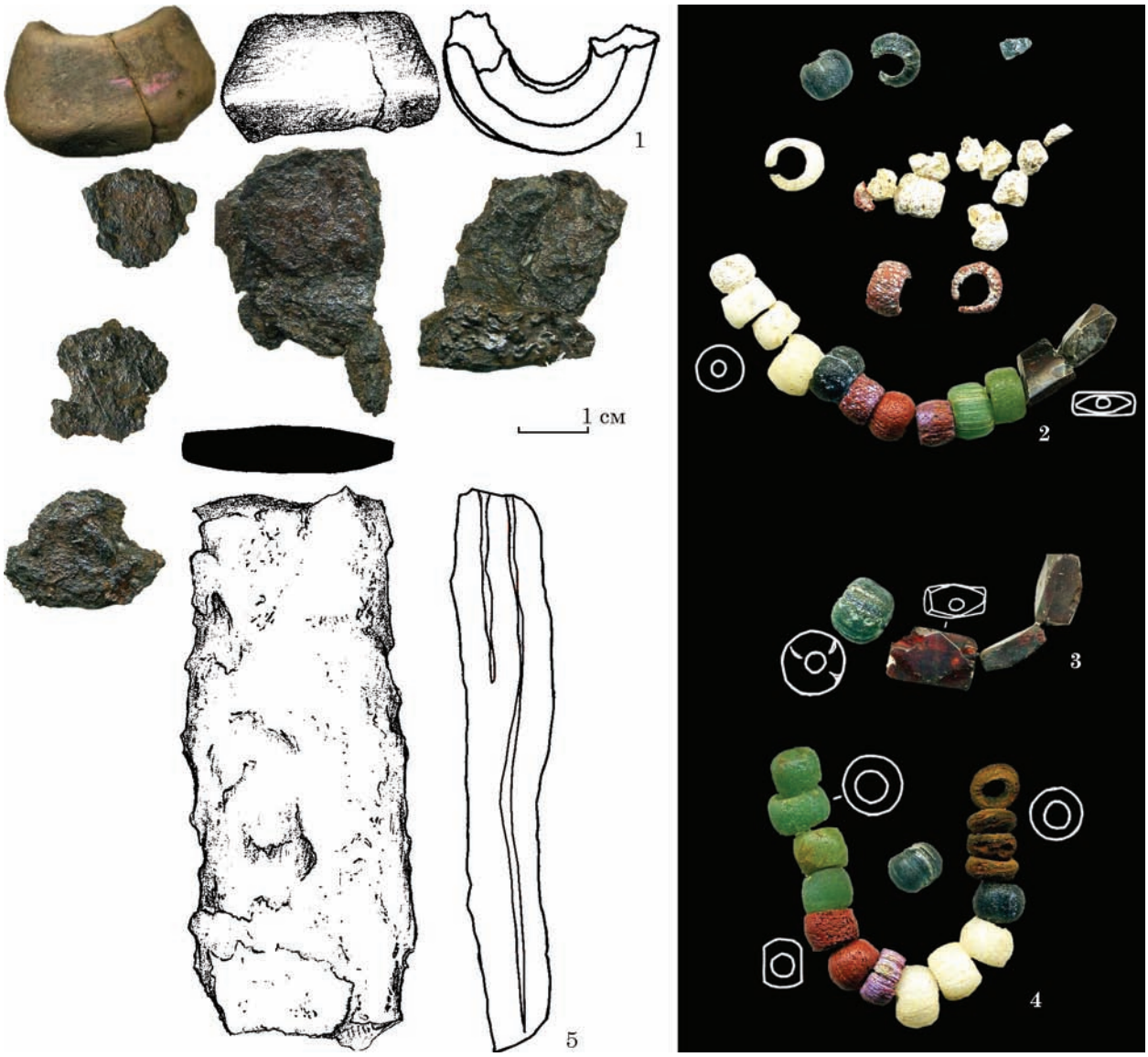


Рис. 3. Ньиредьхаза, Фелшешима, Дьебраш-танья / Nyíregyháza, Felsősima, Gyebrás-tanya, обьект 48 (рис. Г. Белезнаи)

пол погребенного нельзя надежно определить. Оно включено в выборку, чтобы обратить внимание на необходимость осторожного подхода к использованию антропологических определений.

Сегед-Серег-кирпичный завод / Szeged-Szőreg-Téglagyár (Reizner 1903, p. 46; Párducz 1959, S. 323). Случайно обнаруженное погребение, ориентированное на З.

Находки: красноглиняная гончарная миска (в публикации терра сигиллата), плоское бронзовое кольцо, раковина Cyprea с бронзовым кольцом, известняковая бочковидная бусина, *фрагментированный меч* с остатками деревянных ножен. Длина обломка 40 см, ширина 4 см. Первоначальная длина предположительно 70—80 см (рис. 5).

Судя по бусине и раковине-подвеске, речь идет о женском погребении.

Уйсентиван-участок Миклоша Хуна / Újszentiván-Huhn Miklós telke (Párducz 1941, p. 115). Обстоятельства обнаружения комплекса неизвестны.

Находки: сероглиняная гончарная кружка с ручкой, маленький бронзовый колокольчик, халцедоновая бусина, бронзовая фибула, *двулезвийный меч* — острие и ручка отломаны. Длина фрагмента 53 см, ширина: 5 см.

Итак, в нашем распоряжении имеется, по всей вероятности, пять случаев наличия оружия — типичного мужского инвентаря — в женских захоронениях (Будапешт-Пецели ут, Мадараш, Ньиредьхаза-Фелшешима обьект 48, Сегед-Серег, Уйсентиван). В двух случаях это наконечники стрел, в трех — мечи. Оружие из погребения 135/1 могильника Будапешт-Пецели ут опубликовано автором раскопок Маргит Надь как втульчатый наконечник стрелы (Nagy 2018, p. 156, 157), однако, исходя из его размеров (длина 9,6 см на основании рисунка) этот предмет, скорее, нужно класси-

Рис. 4. Ньиредьхаза, Фелшешима, Дьебраш-танья / Nyíregyháza, Felsősima, Gyebrás-tanya, обьект 48 (рис. Г. Белезнаи)

фицировать как наконечник римского копья hasta типа A1 по Гудеа, хотя различия между наконечниками стрел и копий в виде ивового листа (weidenblattförmige) достаточно условны (Gudea 1991, S. 71, 72, Abb. 1: A1; 4: A1). Такие наконечники копий и стрел повсеместно встречаются в кастеллумах европейских римских провинций. Обращает на себя внимание, что

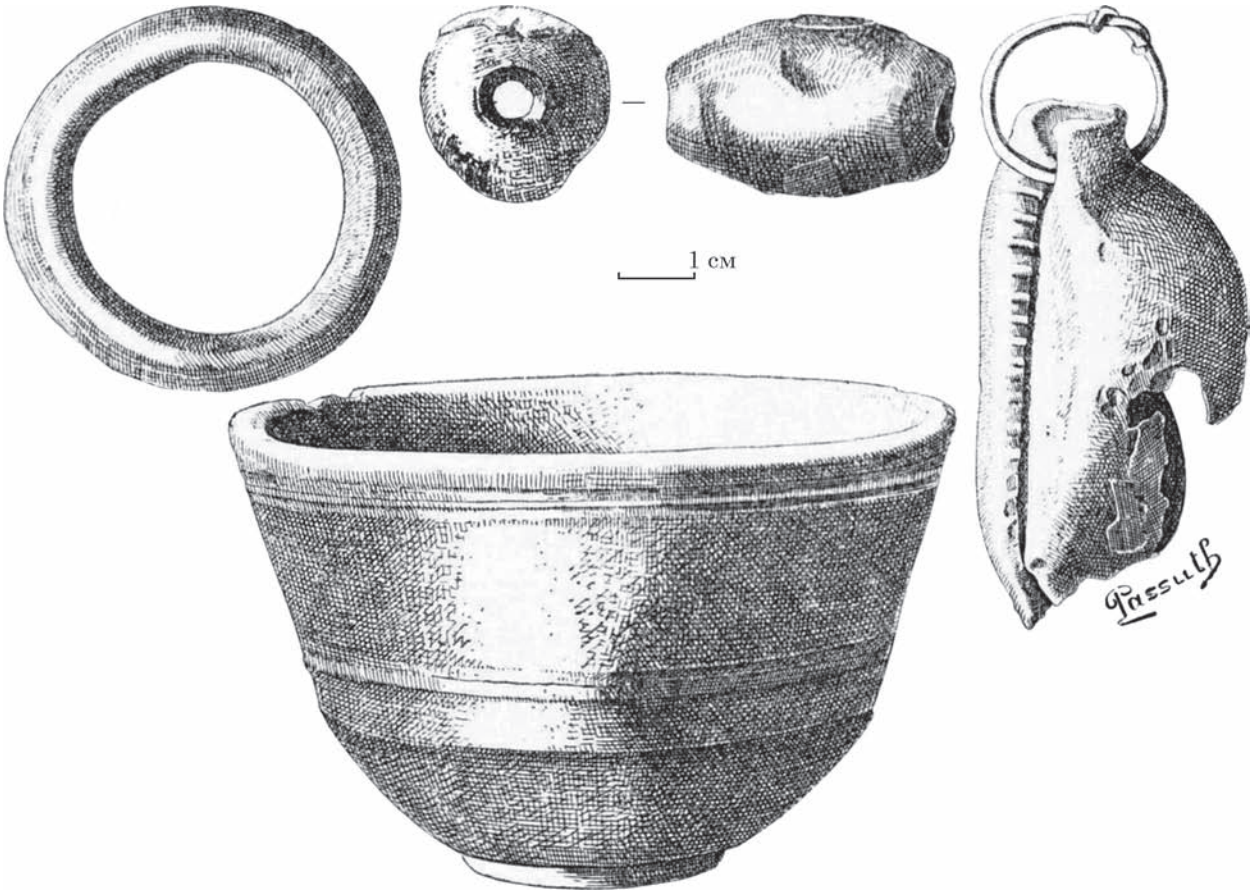


Рис. 5. Сегед-Серег-кирпичный завод / Szeged-Szőreg-Téglagyár (по Reizner 1903)

почти всегда (за исключением черешкового наконечника из Мадараша) мы имеем дело с фрагментированными вещами, что, конечно, может являться следствием ограбления могил. Что касается мечей, то, кроме того, что они двулезвийные, о них трудно что-либо сказать из-за фрагментированности.

Мы не склонны считать, что помещение оружия в женские погребения может каким-то образом связываться с феноменом вооруженных женщин-«амазонок» [1], хорошо известном в савроматских и сарматских курганах волго-уральского региона (Скрипкин 2018). Они очень далеки от алфельдского материала хронологически и территориально, хотя категорически нельзя исключить присутствие дальних отголосков архаической традиции. Скорее всего, речь идет о небезызвестном в археологии и этнографии «обряде передачи на тот свет положенных вещей», прекрасный пример которого представлен в богатом погребении из Весняного, опубликованном А. В. Симоненко (2012, p. 217, 218). Правда, здесь ситуация как раз противоположна алфельдским случаям: в захоронении мужчины найдены женские предметы. Находки отдельных «женских» вещей в мужских погребениях можно проиллюстрировать как на примере сарматских племен, населявших огромную территорию от Южного Приуралья Урала до Дона (Мошкова 2012) [2], так и на материале сарматских захоронений Венгерской низменности. К таковым относится, например, зеркало из ограбленного погребения 89 могильника Мадараш (Kőhegyi, Vörös 2011, p. 48) или встречающаяся только в могилах женщин и девочек (Vaday 2003, p. 326) фибула-брошь с эмалью из погребения 396 того же могильника (Kőhegyi, Vörös 2011, p. 123, 124), но это уже тема другой статьи.

1. Широко распространенный во времени и пространстве феномен вооруженных женщин основательно освещен в статье Е. Е. Фиалко (2015), где рассмотрены случаи вооруженных (или похороненных с отдельными элементами вооружения) женщин от верхнего палеолита до наших дней. Отдавая должное широте приведенной в статье информации, мы хотели бы обратить внимание на то обстоятельство, что, вероятно, следует различать полностью или частично снабженное оружием женское погребение и покойниц, рядом с которыми помещали, возможно, в качестве pars pro toto, обломок предмета (например, фрагмент меча) или единичную вещь, которая обычно встречается во множестве (например, один единственный наконечник стрелы), и которые явно не могли функционально «служить» умершей.

2. По мнению М. Г. Мошковой, находки пряслиц в мужских погребениях могут интерпретироваться как амулеты.

Нельзя, однако, упускать из виду, что в силу зыбкости антропологических определений, подтвердить которые в дальнейшем смогут только анализы ДНК, погребения, считающиеся археологами на основании инвентаря женскими, могут быть и мужскими захоронениями с женскими вещами, «переданными на тот свет».

ЛИТЕРАТУРА

Мошкова, М. Г. 2012. О назначении пряслиц в погребениях мужчин. *Труды ГИМ*, 191: Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной, с. 338-349.

Симоненко, А. В. 2012. Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева. В: *Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев: Скиф, с. 207-226.

Скрипкин, А. С. 2018. О социальном статусе женщины из кургана 34 Калиновского могильника. *Нижневолжский археологический вестник*, 17, 2, с. 51-57.

Фиалко, Е. Е. 2015. Амазонки во времени и пространстве. *Археологія і давня історія України*, 4 (17), с. 46-99.

Gudea, N. 1991. Römische Waffen aus den Kastellen des westlichen Limes von Dacia Porolissensis. *Ephemeris Napocensis*, I, S. 69-80.

Kőhegyi, M., Vörös, G. 2011. *Madaras-Halmok*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke.

Nagy, M. 2018. *A Budapest*, *XVII. Rákoscsaba*, *Péceli úti császárkori barbár temető I. A sírok és a leletek leírása.* Budapest: Magánkiadás.

Párducz, M. 1941. Szarmatakori kardok Szeged környékén. *Archaeologiai Értesítő*, III, II, p. 111-118.

Párducz, M. 1959. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XI, S. 309-398.

Pópity, D. 2015. Horogra akadva — egy új típusú kézi orsó felfedezése az alföldi szarmatáknál. In: *Hadak útján*, XXIV: A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom, 2014. november 4—6, 1, p. 97-128.

Reizner, J. 1903. Sasüllési és szőreghi leletekről. *Archaeologiai Értesítő*, XXIII, p. 43-50.

Vaday, A. 2003. *Cloisonné* brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarium Hungariae*, LIV, 3—4, p. 315-421.

REFERENCES

Moshkova, M. G. 2012. O naznachenii prjaslic v pogrebenijah muzhchin. *Trudy GIM*, 191: Evrazija v skifo-sarmatskoe vremja. Pamjati Iriny Ivanovny Gushchinoj, s. 338-349.

Simonenko, A. V. 2012. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie u sela Vesnjanoe bliz Nikolaeva. In: *Zoloto, kon' i chelovek. Sbornik statej k 60-letiju Aleksandra Vladimirovicha Simonenko*. Kiev: Skif, s. 207-226.

Skripkin, A. S. 2018. O social'nom statuse zhenshchiny iz kurgana 34 Kalinovskogo mogil'nika. *Nizhnevolzhskij arkheologicheskij vestnik*, 17, 2, s. 51-57.

Fialko, E. E. 2015. Amazonki vo vremeni i prostranstve. *Arkheolohija i davnja istorija Ukrainy*, 4 (17), s. 46-99.

Gudea, N. 1991. Römische Waffen aus den Kastellen des westlichen Limes von Dacia Porolissensis. *Ephemeris Napocensis*, I, S. 69-80.

Kőhegyi, M., Vörös, G. 2011. *Madaras-Halmok*. Szeged: Szegedi Tudományegyetem Régészeti Tanszéke.

Nagy, M. 2018. *A Budapest*, *XVII. Rákoscsaba*, *Péceli úti császárkori barbár temető I. A sírok és a leletek leírása.* Budapest: Magánkiadás.

Párducz, M. 1941. Szarmatakori kardok Szeged környékén. *Archaeologiai Értesítő*, III, II, p. 111-118.

Párducz, M. 1959. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XI, S. 309-398.

Pópity, D. 2015. Horogra akadva — egy új típusú kézi orsó felfedezése az alföldi szarmatáknál. In: *Hadak útján*, XXIV: A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom, 2014. november 4—6, 1, p. 97-128.

Reizner, J. 1903. Sasüllési és szőreghi leletekről. *Archaeologiai Értesítő*, XXIII, p. 43-50.

Vaday, A. 2003. *Cloisonné* brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarium Hungariae*, LIV, 3—4, p. 315-421.

E. Istvánovits, V. Kulcsár

MASCULINE WOMEN OR FEMININE MEN? WEAPON FINDS IN SARMATIAN FEMALE GRAVES OF THE GREAT HUNGARIAN PLAIN

When building up a database of Sarmatian burials in the Great Hungarian Plain (Alföld), that presently includes the complete material of 3949 burial features, we noticed some cases of the presence of typically «masculine» pieces of grave-goods in burials determined as female ones. The article deals with this phenomenon widely known in different cultures, observed in the burial rite. These are the findings of weapons or their fragments in female graves. It is difficult to determine the precise number of such burials in the case of the Alföld Sarmatians because of the high number of looted burials and the inaccuracy of anthropological data. In this study, we collected five cases from four sites, among them the two largest published cemeteries (Madaras: arrowhead, Budapest-Péceli út: arrowhead), and one under publication (Nyíregyáza-Felsősima-Gyebrás-tanya: sword fragments in two graves) and two less-known grave groups (Szeged-Szőreg: sword fragment, Újszentiván: sword fragment). We do not think that — usually with one exception — fragmented weapons found in female graves could have been used in their original function; nor do we connect this element of burial rite with the phenomenon of the armed women, the «Amazons» well-known in the barrows of the Volga-Ural region in the Sauromatian and Middle Sarmatian Age. These cases are very distant in time and space, however, some traces of archaic traditions cannot be completely excluded. Based on the material at our disposal, we would rather suggest the existence of the rite called the «transfer of objects to the otherworld» the analogies for which are known both in the archaeological — including Sarmatian (such a case was published by O. V. Symonenko from the elite burial of Vesnyanoe) — and ethnographical material.

Keywords: Sarmatian burials, Great Hungarian Plain, masculine, weapons, armed women.

Е. Іштванович, В. Кульчар

«МАСКУЛІННІ» ЖІНКИ ЧИ «ЖОНОПОДІБНІ» ЧОЛОВІКИ? ЗНАХІДКИ ЗБРОЇ В САРМАТСЬКИХ ЖІНОЧИХ МОГИЛАХ ВЕЛИКОЇ УГОРСЬКОЇ РІВНИНИ

Створюючи базу даних сарматських поховань по Великій Угорській рівнині (Алфьольд), яка наразі включає повний матеріал 3949 поховань, ми помітили деякі випадки наявності в похованнях, визначених як жіночі, типово «чоловічі» риси. У статті йдеться про це явище в обряді поховання, широко відоме в різних культурах. Це знахідки зброї або її частин у жіночих могилах. Важко визначити точну кількість таких поховань у алфьольдських сарматів через велику кількість пограбованих поховань та неточність антропологічних даних. У цьому дослідженні ми зібрали п'ять випадків з чотирьох місць, серед них два найбільших опублікованих могильники (Мадараш: наконечник стріли, Будапешт-Пецелі ут: наконечник стріли) та один, що опублікований (Ньиредьхаза, Фелшешима, Дьебраш-танья: фрагменти меча у двох могилах) та дві менш відомі могильні групи (Сегед-Сьорег: фрагмент меча, Уйсентіван: фрагмент меча). Ми не вважаємо, що фрагментована зброя, знайдена в жіночих могилах, могла бути використана у своїй початковій функції (за одним винятком); ми також не пов'язуємо цей елемент поховального обряду з феноменом озброєних жінок, «амазонок», добре відомих у курганах Поволзько-Уральського регіону у савроматську та сарматську епоху. Ці випадки дуже далекі в часі та просторі, проте деякі сліди архаїчних традицій не можна повністю виключити. Спираючись на наявний у нас матеріал, ми скоріше б припустили існування обряду, який називається «перенесенням предметів у потойбічний світ», аналогії якому відомі як в археологічному — в тому числі сарматському (такий випадок опублікував О. В. Симоненко в елітному похованні у Весняному) — та етнографічному матеріалі.

Ключові слова: сарматські поховання, Велика угорська рівнина, чоловічий рід, зброя, озброєні жінки.

Одержано 6.17.2020

ІШТВАНОВИЧ Естер, к. і. н., археолог, музей ім. Андраша Йожа, Бенцур тер, 21, Ньиредьхаза, 4400, Угорщина.
ISTVÁNOVITS Eszter, Dr., Jósa András Múzeum, Benczúr tér, 21, Nyíregyháza, 4400, Magyarország.
ORCID: 0000-0002-8979-4622, e-mail: istvanov@josamuzeum.hu.

КУЛЬЧАР Валерія, к. і.н., доцент, Університет Сегеда, Едьетем утца, 2, Сегед, 6722, Угорщина.
KULCSÁR Valéria, Dr., SZTE BTK Régészeti Tanszék, Egyetem u., 2, Szeged, 6722 Magyarország.
ORCID: 0000-0003-4351-9227, e-mail: vkulcsar58@gmail.com

УДК [902.2:904.5] DOI: 10.37445/adiu.2020.03.24

Е. Б. Шевченко

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С ОРУЖИЕМ НА ПРИМЕРЕ САРМАТСКОГО МОГИЛЬНИКА НОВЫЙ

В статье предлагается универсальная методика исследования женских погребений с оружием у кочевников. Методика основывается на сравнительном анализе женских погребений содержащих оружие с контрольной группой, в качестве которой выступают синхронные мужские погребения соответствующего могильника. Сравнительный анализ проводится по следующим признакам: набор оружия, тип каждого отдельного предмета вооружения, а также место фиксации. Если большинство признаков совпадают, то женское погребение признается воинским (утилитарная функция). Если же преимущественно выявляются отклонения, то семантика оружия признается ритуальной.

Ключевые слова: *женщины, оружие, сарматы, методика, контрольная группа, семантика, ритуальная, утилитарная.*

Статьи, посвященные изучению женских погребений с оружием, всегда были уязвимы для критики. Дело здесь не только в методике исследования данных комплексов, а и в личном отношении каждого автора. Как правило, то, или иное женское погребение с оружием признавалось воинским, лишь по наличию оружия, независимо от его количества и качества. Основы предлагаемой здесь методики были заложены в совместной работе Т. В. Богаченко и В. Е. Максименко (Богаченко, Максименко 2008). Исследователи отмечали несколько ключевых аспектов, на которые следует обращать внимание: достоверность определения пола погребенного; семантика оружия в женском погребении; количество и качество оружия; место его фиксации (Богаченко, Максименко 2008, с. 50).

Для любых социальных реконструкций в кочевой среде благодатным материалом всегда выступали крупные некрополи. Не является исключением и изучение женских погребений содержащих оружие (Яценко, Вдовченков 2015, с. 177). Весьма показателен в этом отношении нижнедонский могильник Новый [1]. Могильник был почти полностью раскопан и в скором времени опубликован. Благосклонность судьбы видится еще и в том, что скелеты из могильника Новый дважды изучались антропологом [2] (Ильюков, Власкин 1992; Батиева 2011).

Монография Л. С. Ильюкова и М. В. Власкина является классическим образцом введения в научный оборот могильника с такими особенностями. Наличие предметов вооружения в женских погребениях упоминается лишь в контексте анализа оружия в целом (Илью-

© Е. Б. ШЕВЧЕНКО, 2020

1. Могильник находится на Нижнем Дону в междуречье Сала и Маныча. Раскопан был в 1981—1982 гг. при строительстве Мартыновской оросительной системы. Всего в могильнике зафиксировано 175 курганов, из которых раскопано было 137. Сарматскими были признаны 211 погребений.
2. Во время раскопок 1981—1982 гг. антропологические исследования проводила Е. Ф. Батиева. Спустя 30 лет в 2011 г. вышла ее обобщающая монография, в которой данные из могильника Новый вновь подверглись анализу (Батиева 2011, с. 100—102). В более позднем исследовании возраст большинства женщин был пересмотрен в сторону увеличения. Интересно отметить, что и в ранней работе и в обобщающей публикации в ряде женских погребениях с оружием, пол погребенной был определен неуверенно (здесь и далее цифра перед дробью означает № кургана, после № погребения) 14/1; 21/1; 92/2; 95/2). Показательно, что погребение 129/7 определенное при публикации как мужское, в монографии, правда, с оговоркой, было названо женским (Ильюков, Власкин 1992, с. 135; Батиева 2011, с. 100—102).

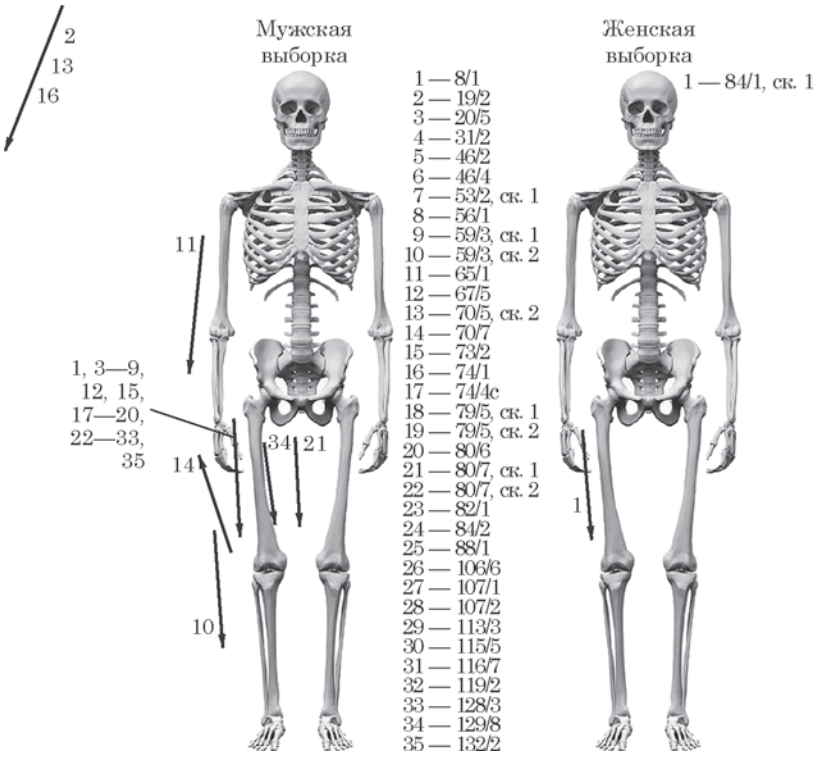


Рис. 1. Место фиксации мечей для мужской и женской выборки

ков, Власкин 1992, с. 204, 205). Погребальный обряд, безусловно, является ритуальным действием и не вызывает сомнений сакральная функция каждого отдельного предмета положенного в могилу. Тем не менее, именно для женского погребения всегда интересно попытаться определить семантику оружия.

Многие согласятся, что полноценное изучение женских погребений с оружием, на сегодняшний день, возможно, лишь в тех комплексах, где пол скелета был определен антропологами или генетиками. К сожалению, генетический анализ в наших реалиях является редким, малодоступным инструментом. Поэтому антропологический анализ, несмотря на возможные погрешности, представляется весомой альтернативой определения пола погребенного по инвентарю. Последний способ с течением времени и развитием науки был окончательно скомпрометирован. Ярким примером доказательства ошибки классиков сарматологии, оказалась история изучения костяных ложечек (Смирнов 1964, с. 202; Кадырбаев, Курманкулов 1976, с. 155; Пшеничнюк 1983, с. 63; Ильюков, Лукьяшко 1994; Федоров, Васильев 1998, с. 75; Мышкин 2001, с. 147; Стрижак 2007; Федоров 2010, с. 380; 2011).

Видится перспективным рассматривать женские погребения с оружием с целью определения, насколько значительны в этом аспекте отклонения от среднестатистического погребения контрольной группы. Сам по себе подход не является новым, варианты похожих методик давно известны в археологической литературе (Лебедев 1973; Добролюбский 1980; 1982; Алекшин 1986; Цимиданов 1995). В качестве контрольной группы имеет смысл брать синхронные мужские погребения соответствующего могильника.

Признаки, по которым проводится сравнительный анализ с контрольной группой.

1) Определяется набор оружия характерный как для мужчин, так и для женщин. Выявляются общие черты и особенности.

2) Проводится типологический анализ каждого предмета вооружения. Практика исследования сарматских погребений показала, что в женских погребениях нередко могут встречаться архаические предметы вооружения.

3) Отдельно осуществляется анализ места фиксации оружия. Для этого составляется графическая схема.

Дополнительным признаком является анализ вещей находящихся рядом с оружием.

В подобной тщательной проработке нуждается каждый отдельный предмет вооружения как в контрольной группе, так и в женских погребениях соответственно.

По мере семиотичности определяются две группы оружия. Если два пункта из трех уверенно соответствуют мужским комплексам, то женское погребение следует признать воинским. То есть, оружие в подобных случаях было положено возле умершей женщины как утилитарное. Это свидетельствует, что нет оснований сомневаться в том, что при жизни женщина была воином. Если же из трех пунктов аналогии есть лишь по одному, или их нет вовсе, то следует признать, что оружие в данное женское погребение было помещено с функцией ритуальной.

Как показывает практика, в одном комплексе женщину могло сопровождать оружие как утилитарной, так и ритуальной функции одновременно. Кроме того, попадаются комплексы, в которых уверенно отнести оружие к утилитарной или ритуальной функции невозможно. Такие погребения признаются спорными и учитываются лишь во время общих подсчетов.

Для демонстрации методики, были взяты погребения могильника Новый, относящиеся к раннему периоду среднего этапа сарматской культуры. Всего 142 комплекса (табл. 1). Для получения более достоверных выводов, рекомендуется исключить нарушенные или ограбленные могилы. Коллективные погребения, где невозможно точно определить, кому из погребенных принадлежал конкретный предмет,

Таблица 1. Погребения вошедшие в выборку. Состав оружия

Погребение	Половозрастной состав	Меч	Кинжал	Колчан	Копье	Наконечники стрел
8/1	♂ (20—25)	+	—	—	—	70+
14/2, ск. 1	♀ (35—40)	—	—	—	—	—
14/2, ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—
19/2	♂ (50—60)	+	—	—	—	1+
20/5	♂ (35—40)	+	—	—	—	—
26/2	♂ (20—25)	—	—	—	—	3+
31/2	♂ (30—35)	+	—	—	—	—
31/3, ск. 1	Р (4—5)	—	—	—	—	—
31/3, ск. 2	П (13—15)	+	—	—	—	17+
31/3, ск. 3	Р (9—10)	—	—	—	—	—
46/1	♂? (35—40)	—	—	—	—	—
46/2	♂ (30—35)	+	—	—	—	1+
46/3	♀ (ст. 30)	—	—	—	—	—
53/2, ск. 1	♂ (20—25)	+	—	—	—	70+
53/2, ск. 2	П (16—18)	—	—	—	—	—
56/1	♂ (25—30)	+	—	—	—	18+
58/1	Р (4—5)	—	—	—	—	—
58/2, ск. 1	♀ (35—40)	—	—	—	—	—
58/2, ск. 2	Р (до 1)	—	—	—	—	—
58/3	♀ (35—40)	—	—	—	—	—
59/1	Р (6—10)	—	—	—	—	—
59/3, ск. 1	♂ (18—20)	+	—	—	—	118+
59/3, ск. 2	♂ (18—20)	+	—	+	—	87+
61/1	♂ (40—45)	—	—	—	—	—
63/2	? (ст. 30)	—	—	—	—	—
64/4	Р (8—10)	—	—	—	—	—
64/5	♂ (50—60)	—	—	—	—	—
65/1	♂ (ст. 25)	+	—	—	+	40+
67/5	♂? (16—18)	+	—	—	—	41+
70/7	♂ (20—25)	+	—	—	—	—
73/2	♂ (35—40)	+	—	—	—	18+
74/2	♂ (45—50)	—	—	—	—	57+
74/3	♀ (50—60)	—	—	—	—	—
74/4с	♂ (20—25)	+	—	—	—	50+
74/4ю., ск. 1	♀ (18—20)	—	+	—	—	**23+**
74/4ю., ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—
74/4ю., ск. 3	Р (младенец)	—	—	—	—	—
75/2	? (25—30)	+	—	—	—	73+
79/5, ск. 1	♂ (18—20)	+	—	—	—	86+
79/5, ск. 2	♂ (25—30)	+	—	—	—	69+
80/6	♂ (25—30)	+	—	—	—	11+
80/7, ск. 1	♂ (20—25)	+	—	+	—	100+
80/7, ск. 2	♂ (25—30)	+	—	—	—	90+
82/1	♂ (20)	+	—	—	—	8+
83/2	♀ (20—25)	—	—	—	—	—
83/3	♀ (45—50)	—	—	—	—	—
84/1, ск. 1	♀ (20—25)	+	—	—	—	—
84/1, ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—
85/2	♀ (16—18)	—	—	—	—	—
85/3	? (ст. 20)	—	—	—	—	—
86/1	♀ (25—30)	—	—	—	—	—
87/1	♀ (ст. 20)	—	—	—	—	—
88/1	♂ (ст. 30)	+	—	—	—	20+
88/2, ск. 1	♂ (25—30)	+	—	—	—	8+
88/2, ск. 2	Р (5—6)	—	—	—	—	—
88/4	? (25—30)	+	—	—	—	19+
92/2	**♀? (25—30)**	—	—	—	—	**31+**
95/1	♂ (35—40)	—	—	—	—	1+
96/1	♀ (ст. 50)	—	—	—	—	—
100/1	Р (2—3)	—	—	—	—	—
100/2	Р (4—5)	—	—	—	—	—
106/1	♀ (ст. 30)	—	—	—	—	—
106/3	Р (5—6)	—	—	—	—	—
106/6	♂ (30—35)	+	—	—	—	—
106/7, ск. 1	? (20—25)	+	—	—	—	—
106/7, ск. 2	Р (5—6)	—	—	—	—	—
106/7, ск. 3	Р (5—6)	—	—	—	—	23+
107/1	♂ (16—18)	+	—	—	—	—
107/ 2	♂? (25—35)	+	—	—	—	65+
110/4	♀ (30—35)	—	—	—	—	—
113/1	Р (4—5)	—	—	—	—	—
113/3	♂ (25—30)	+	—	—	—	3+
114/8	Р (2—3)	—	—	—	—	—
115/1	Р (6—7)	—	—	—	—	—
115/4, ск. 2	Р (4—5)	—	—	—	—	—
115/5	♂ (30—35)	+	—	—	—	—
115/9	♀ (16—18)	—	—	—	—	—
116/6	Р	—	—	—	—	—
116/7	♂ (18—20)	+	—	—	—	1+
119/1	♂(18—20)	—	—	—	—	—
119/2	♂ (25—30)	+	—	—	—	35+
121/3	♂ (20—25)	2+	—	—	—	—
128/1	♀ (50—60)	—	—	—	—	—
128/2	Р (6—7)	—	—	—	—	—
128/3	♂ (35—40)	+	—	—	—	—
129/8	♂ (25—30)	+	—	—	—	—
130/5	Р (4—5)	—	—	—	—	—
130/6	♂ (ст. 50)	—	—	—	—	—
130/8	Р (4—6)	—	—	—	—	—
130/11, ск. 1	♀(40—50)	—	—	—	—	—
130/11, ск. 2	Р(4—6)	—	—	—	—	—
132/2	♂ (50—60)	+	—	—	—	—
132/3	Р (5—6)	—	—	—	—	—
132/5, ск. 1	♀ (40—50)	—	—	—	—	—
132/5, ск. 2	Р (младенец)	—	—	—	—	—
132/19	♀ (18—20)	—	—	—	—	—
132/24	Р (6—7)	—	—	—	—	—
134/1	♀ (18—20)	—	—	—	—	—
134/2	♀ (35—40)	—	—	—	—	—
Всего	99	39	1	2	1	32

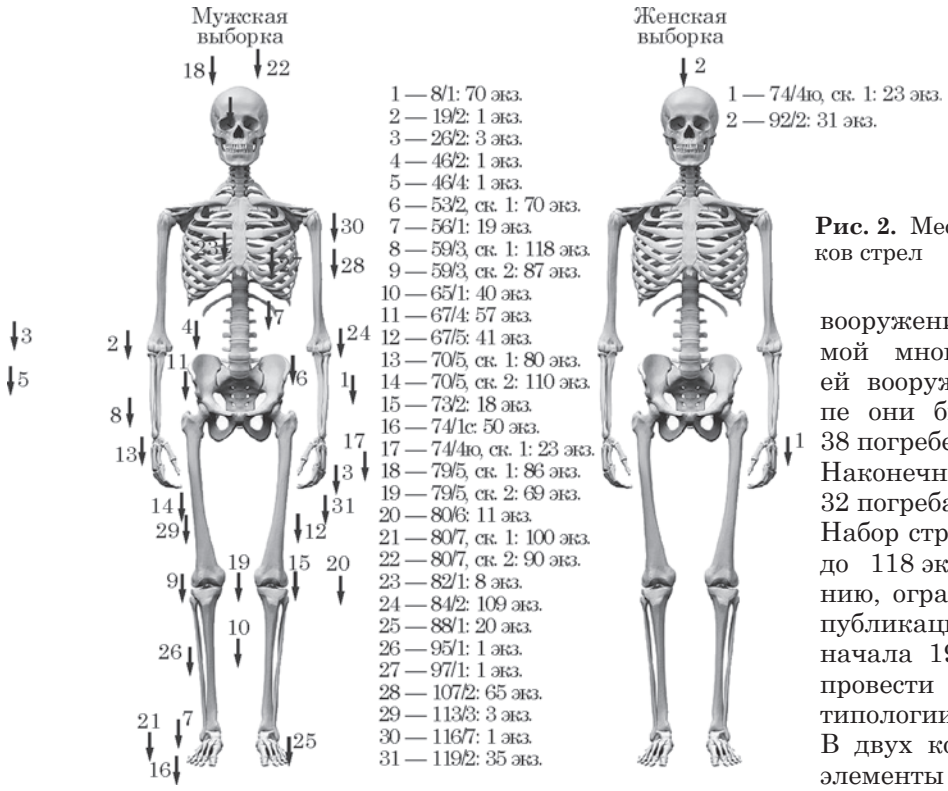


Рис. 2. Место фиксации наконечников стрел

также исключаются из основного исследования. Таких погребений в могильнике Новый выявилось 57. Среди исключенных комплексов, интересно погребение 22/1. В публикации 1992 г. пол погребенного был определен как мужчина 35—40 лет, а в монографии 2011 г. Е. Ф. Батиева определила костяк как женщина старше 20 лет (Батиева 2011, с. 100). При таком разночтении антрополога, в ограбленной могиле был найден пучок наконечников стрел (25 шт.), осколки меча с кольцевым навершием и фрагменты двух ножей (Ильюков, Власкин 1992, с. 49). Ряд захоронений женщин с детьми, в которых невозможно разделить погребальный инвентарь между матерью и ребенком, также пришлось исключить (17/1; 61/3; 75/1; 91/1). В этих комплексах были зафиксированы предметы вооружения. В таких случаях нельзя утверждать, что перед нами погребение женщины-воина, так как оружие могло принадлежать и ребенку. В могильнике Новый оружие в детских погребениях встречается, хотя и в единичных случаях (106/7, ск. 3).

Индивидуальный состав погребального инвентаря удалось определить для 99 скелетов. В отдельные группы следует вывести мужчин, женщин, подростков (с 10 до 16), детей (до 10 лет) а также скелеты, пол которых определен не был. Половозрастной состав: мужчины — 41, женщины — 23, подростки — 2, дети — 28 и пол 5 погребенных определить не удалось. Интересно отметить, что женщин почти в два раза меньше чем мужчин.

Для понимания отдельных моментов, рекомендуется делать общую характеристику вооружения. Мечи являются самой многочисленной категорией вооружения, в данной группе они были зафиксированы в 38 погребениях (121/3 два меча). Наконечники стрел найдены в 32 погребальных комплексах. Набор стрел составляет от одного до 118 экземпляров. К сожалению, ограниченные возможности публикации могильника Новый начала 1990-х гг., не позволили провести сравнительный анализ типологии наконечников стрел. В двух комплексах сохранились элементы колчана. Кинжал был зафиксирован лишь в одном погребении. Также редким видом вооружения, в данной группе, оказалось копье — одно погребение (табл. 1).

Среди женских погребений попавших в выборку, оружие было зафиксировано в трех (табл. 1).

Различный набор оружия был учтен для 44 погребенных. Предметы вооружения, сопровождали 37 мужчин, трех женщин, одного подростка и одного ребенка, пол трех погребенных определить не удалось (табл. 1). Набор оружия в мужских погребениях преимущественно состоял из меча и наконечников стрел в количестве от одного до 118 экземпляров (21 погребение). Одиннадцать мужчин сопровождали только мечи. Возле семи — оружия не было вовсе. Только наконечники стрел в количестве от одного до 57 экземпляров сопровождали трех мужчин. Редким набором вооружения являются меч, кинжал и наконечники стрел (1 погребение). Также лишь одного мужчину сопровождало копь, меч и наконечники стрел. Мужские и женские группы были разделены по возрасту. Это позволило отметить, что наибольшее количество мужских погребений без оружия, было учтено в старшей возрастной группе (от 35 до 60 лет). У женщин достигших такого возраста оружие отсутствует.

Состав оружия в женских погребениях не отличается унификацией. Только наконечники стрел (92/2), лишь меч (84/1, ск. 1) и в захоронении самой молодой женщины был зафиксирован кинжал и наконечники стрел (74/4ю, ск. 1).

Новый 74/4ю, ск. 1. Прямоугольная яма с двумя подбоями. В южном подбое находилось

захоронение трех человек, женщины 18—20 лет и двоих детей не старше 6 месяцев (Ильюков, Власкин 1992, с. 87). Погребальный инвентарь четко разделяется между костяками. Вдоль правого бедра женского скелета находился кинжал без перекрестья и навершия, на конце штыря расположена заклепка, удерживавшая деревянные обкладки рукояти, конец клинка скруглен, кинжал был в деревянных ножнах, выкрашенных в красный цвет, рукоятью он был повернут к стопе (Ильюков, Власкин 1992, рис. 22: 8). В данной выборке, кинжалы были зафиксированы еще в трех комплексах, которые, к сожалению, оказались ограбленными. Поэтому провести сравнительный анализ с контрольной группой по месту фиксации, не представляется возможным. Тем не менее, можно отметить, что в мужской группе среди закрытых комплексов встречается такое расположение мечей (70/7). Типологический анализ, из-за плохой сохранности всех кинжалов, осуществить также не удалось.

У левой кисти женщины находились наконечники стрел (23 шт.), часть древка ниже наконечников была покрыта красной краской (Ильюков, Власкин 1992, рис. 22: 15). Наконечники стрел были зафиксированы в 33 комплексах попавших в выборку. В контрольной группе такое расположение стрел встречается (рис. 2).

Набор вооружения, состоящий из кинжала и наконечников стрел, в контрольной группе зафиксирован не был. Таким образом, из-за ряда причин, интерпретация оружия в данном комплексе видится спорной.

Новый 84/1, ск. 1. В прямоугольной яме была похоронена женщина 20—25 лет. Около правого колена лежал череп новорожденного ребенка (Ильюков, Власкин 1992, с. 100). Вдоль правого бедра женщины лежал меч с прямым перекрестьем и кольцевым навершием, клинок фрагментирован. В контрольной выборке мечи в таком положении были зафиксированы для убедительного большинства мужских комплексов (рис. 1). Набор оружия, состоящий только из меча, находит многочис-

Таблица 2. Типология мечей

Погребение	Половозрастной состав	Навершие	Перекрестье	Примечания
8/1	♂ (20—25)	кольцевое	прямое	Клинок в деревянных ножнах красного цвета
19/2	♂ (50—60)	?	?	Расслоившиеся фрагменты клинка меча
20/5	♂ (35—40)	серповидное	прямое	В деревянных ножнах, имеющих рельефный клапан для крепления портупейного ремня. В верхней части ножны стянуты железной скобой
31/2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	Клинок сломан пополам
46/2	♂ (30—35)	кольцевое	прямое	—
46/4	♂ (45—50)	кольцевое	прямое	—
53/2, ск. 1	♂ (20—25)	кольцевое	без	—
56/1	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	Около деревянных ножен — железная пластинка (скоба?)
59/3, ск. 1	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	—
59/3, ск. 2	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	—
65/1	♂ (ст. 25)	кольцевое	прямое	—
67/5	♂? (16—18)	кольцевое	прямое	—
70/5, ск. 2	♂ (18—20)	—	прямое	Рукоять сохранилась не полностью
70/7	♂ (20—25)	кольцевое	прямое	Клинок в двух местах согнут
73/2	♂ (35—40)	кольцевое	прямое	—
74/1	♂ (ст. 25)	кольцевое	?	Во фрагментах
74/4с	♂ (20—25)	без	без	Штырь рукояти имеет отверстие под заклепку, деревянное покрытие рукояти раскрашено в красный цвет
79/5, ск. 1	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	—
79/5, ск. 2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
80/6	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
80/7, ск. 1	♂ (20—25)	кольцевое	прямое	—
80/7, ск. 2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
82/1	♂ (20)	кольцевое	прямое	Клинок фрагментирован
84/1, ск. 1	♀ (20—25)	кольцевое	прямое	—
84/2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
88/1	♂ (ст. 30)	кольцевое	прямое	—
106/6	♂ (30—35)	кольцевое	прямое	—
107/1	♂ (16—18)	кольцевое	прямое	—
107/ 2	♂? (25—35)	кольцевое	прямое	—
113/3	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
115/5	♂ (30—35)	кольцевое	прямое	Кольцевое навершие в верхней части, с внутренней стороны имеет бугорок. Клинок был в ножнах, раскрашенных в красный цвет
116/7	♂ (18—20)	кольцевое	прямое	фрагментированный
119/2	♂ (25—30)	кольцевое	прямое	—
128/3	♂ (35—40)	—	прямое	Верх рукояти не сохранился
129/8	♂ (25—30)	—	без	Штырь рукояти имеет заклепку
132/2	♂ (50—60)	кольцевое	прямое	Во фрагментах

ленные аналогии в контрольной группе. Такой тип меча является самым распространенным среди закрытых мужских комплексов (табл. 2). Таким образом, данное погребение женщины, по всем признакам, уверенно можно считать воинским. Следует отметить, что над мечем, в засыпи был найден нож, мы не можем исключать, что он также относился к оружию (Ильюков, Власкин 1992, с. 100).

Новый 92/2. В подпрямоугольной яме была похоронена женщина 25—30 лет. Следует отметить, что пол погребенной определен неуверенно (Батиева 2011, с. 100). У изголовья найдены наконечники стрел (31 шт.; Ильюков, Власкин 1992, рис. 28: 5, 6).

В контрольной группе, набор оружия, состоящий лишь из наконечников стрел, был зафиксирован всего для трех комплексов (26/2 — 3 экз.; 95/1 — 1 экз.; 74/2 — 57 экз.). Место фиксации в изголовье для мужской группе не популярно, однако несколько аналогий все же присутствуют (79/5, ск. 1 — 86 экз.; 80/7, ск. 2 — 90 экз.). Таким образом, по большинству признаков, данное погребение можно признать воинским.

Кроме оружия, возле женщин фиксировался рядовой инвентарь: ножи, лепные сосуды и др. мелкие предметы. Рассмотренные женские погребения, таким образом, принадлежали рядовому населению.

Итог. Воинскими уверенно были признаны 2 женских погребения из 23, что составляет 8,6 % от всего женского населения, попавшего в выборку, и 4,5 % от всех воинских погребений. Тогда как среди 41 мужчины воинами были 35, что составляет 85,3 %. Для данной группы процент женщин-воинов получился довольно высоким, но, безусловно, маркер агрессивности мужского населения значительно выше женского. Здесь следует признать, что уязвимым моментом методики является проблема качества самой контрольной группы. То есть, все ли мужские погребения, содержащие предметы вооружения, следует считать воинскими. В данной выборке ряд мужских погребений, из оружия содержали лишь один или несколько наконечников стрел. К примеру, в мужском погребении 26/2, которое не подвергалось ограблению два наконечника стрел были найдены в заполнении, третий лежал около левой кисти (Ильюков, Власкин 1992, с. 50). В мужском погребении 95/1 единственный наконечник стрелы был воткнут в дно могилы у правой голени (Ильюков, Власкин 1992, с. 112). Определить семантику оружия в таких случаях видится затруднительным. Такие комплексы к счастью единичны, поэтому рискну отнести их к числу спорных, и не учитывать в общих статистических подсчетах.

Важным наблюдением является тот факт, что в двух погребениях из трех женщины были похоронены с детьми младенческого возраста. Таким образом, нельзя исключать, что участие в военных действиях не закрывало от женщины возможности материнства. С другой стороны, невольно возникает предположение, не связано ли помещение оружия в женское погребение со смертью матери и ребенка. Тем более, что четыре женских захоронений с детьми содержащих оружие не попали в выборку из-за того, что были ограблены. Попробуем провести более углубленный анализ этих комплексов (17/1; 61/3; 75/1; 91/1; 74/4ю; 84/1). Так, возраст всех женщин был детородным от 18 до 35 лет. Но утверждать уверенно, что перед нами захоронение матери и ребенка мы сможем только после проведения генетического анализа на наличие родства. Кроме того из восьми детей, трое не были уже младенцами. Поэтому сомнительно связывать помещение оружия в женские могилы с детьми только в связи с младенческой смертностью, которая для многих народов считалась дурным знаком. Старший возраст детей, также не исключает возможности, что оружие могло быть поставлено для ребенка. Анализ таких случаев, показывает, что предложенная методика несколько ограничивает количественные показатели. Но с другой стороны, наглядно видно умозрительность всех возможных выводов при нарушении или ограблении комплекса.

Работоспособность методики была проверена на материалах сарматского культурно-исторического сообщества в диссертационном исследовании автора (Шевченко 2019).

Автор полностью осознает, что предложенное исследование не является последней истинной в вопросе семантики оружия в женских погребениях кочевников. Многие аспекты по-прежнему вызывают вопросы. Вполне возможно, что если современные исследователи и примут предложенную методику позитивно, то со временем, с появлением новых фактов, распространением генетических исследований, работа станет лишь историографическим звеном. И это вполне закономерный процесс в любой научной среде. Вопросы семантики оружия в женских погребениях, участие женщин в военных действиях являются крайне сложными и неоднозначными. Нужно понимать, что если исследование имеет гендерный характер, то практически невозможно полностью исключить личные предпочтения самого автора. Но при наличии универсальной методики, есть возможность обойти угрозу субъективного влияния. Универсальная методика позволит проводить качественный сравнительный анализ. Необходимо стараться избегать интуитивных выводов.

ЛИТЕРАТУРА

Алекшин, В. А. 1986. *Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ*. Ленинград: Наука.

Батиева, Е. Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. — IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Богаченко, Т.В., Максименко, В. Е. 2008. Погребения «женщин с оружием» эпохи раннего железного века на Дону (методологические аспекты проблемы изучения). *Нижневолжский археологический вестник*, 9, с. 48-61.

Добролюбский, А. О. 1980. О структуре объекта археологической науки. В: Станко, В. Н. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье в епоху первобытнообщинного строя*. Киев: Наукова думка, с. 127-141.

Добролюбский, А. О. 1982. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Теория и методы археологических исследований*. Киев: Наукова думка, с. 54-68.

Ильюков, Л. С. Власкин, М. В. 1992. *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов-на-Дону: РГУ.

Ильюков, Л. С., Лукьяшко, С. И. 1994. Новые памятники скифского времени на нижнем Дону. *Донские древности*, 2, с. 57-67.

Кадырбаев, М. К., Курманкулов, Ж. К. 1976. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. В: Акишев, К. А. (ред.). *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Алма-Ата: Наука, с. 137-156.

Лебедев, Г. С. 1973. Отражение социальной структуры в археологических материалах. В: Протасенко, З. М. (ред.). *Философия, история, современность*. Ленинград: Наука, с. 53-60.

Мышкин, В. Н. 2001. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях самаро-уральского региона. *Материалы по археологии Волго-Донских степей*, 1, с. 142-157.

Пшеничнюк, А. Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала*. Москва: Наука.

Смирнов, К. Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. Москва: Наука.

Стрижак, М. С. 2007. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI — начале IV в. до н. э. В: *Материалы конференции «Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов региональная типология и хронология»*. Челябинск: ЮУрГУ, с. 71-75.

Федоров, В. К., Васильев, В. Н. 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье. *Уфимский археологический вестник*, 1, с. 62-96

Федоров, В. К. 2010. Ранние комплексы с мечами и кинжалами прохоровского типа на Южном Урале. *Нижневолжский археологический вестник*, 11, с. 374-391.

Федоров, В. К. 2011. Среднесарматские погребения Самаро-Уральского региона с костяными ложечками. *Нижневолжский археологический вестник*, 12, с. 76-93.

Цимиданов, В. В. 1995. Метод оценки отклонений от модели рядового погребения срубной культуры. В: *Тези доповідей на міжнародній науково-практичній конференції, присвяченій 140-річчю від дня народження Д. І. Яворницького та 90-літтю XIII Археологічного з'їзду*. Дніпропетровськ: Пороги, с. 66-68.

Шевченко, О. Б. 2018. *Жіночі поховання зі зброєю у сарматів*. Дисертація к. і. н. ОНУ, Одеса.

Яценко, С. А., Вдовченков, Е. В. 2015. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи. *Исторические записки*, 1, с. 171-182.

REFERENCES

Alekshin, V. A. 1986. *Sotsialnaya struktura i pogrebalnyy obryad drevnezemledelcheskikh obshchestv*. Leningrad: Nauka.

Batiyeva, E. F. 2011. *Naseleniye Nizhnego Dona v IX v. do n. e. — IV v. n. e. (paleoantropologicheskoye issledovaniye)*. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN.

Bogachenko, T. V., Maksimenko, V. E. 2008. Pogrebeniya «zhenshchin s oruzhiyem» epokhi rannego zheleznogo veka na Donu (metodologicheskiye aspekty problemy izucheniya). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, 9, s. 48-61.

Dobrolyubskiy, A. O. 1980. O strukture obyekta arkheologicheskoy nauki. In: Stanko, V. N. (ed.). *Severo-Zapadnoye Prichernomorye v epokhu pervobytno-obshchinnogo stroya*. Kiev: Naukova dumka, s. 127-141.

Dobrolyubskiy, A. O. 1982. O printsipakh sotsiologicheskoy rekonstruktsii po dannym pogrebalnogo obryada. In: Gening, V. F (ed.). *Teoriya i metody arkheologicheskikh issledovaniy*. Kiev: Naukova dumka, s. 54-68.

Ilyukov, L. S. Vlaskin, M. V. 1992. *Sarmaty mezhdurechia Sala i Manycha*. Rostov-na-Donu: RGU.

Ilyukov, L. S., Lukyashko, S. I. 1994. Novy'e pamyatniki skifskogo vremeni na nizhnem Donu. *Donskie drevnosti*, 2, s. 57-67.

Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Zh. K. 1976. Zakhoronenie voinov sav-romatskogo vremeni na levoberezhe r. Ilek. In: Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam*. Alma-Ata: Nauka, s. 137-156.

Lebedev, G. S. 1973. Otrazhenie sotsialnoi struktury v arkheologiche-skikh materialakh. In: Protasenko, Z. M. (ed.). *Filosofiia, istoriia, sovremennost*. Leningrad: Nauka, s. 53-60.

Myshkin, V. N. 2001. Voinskii inventar v «savromatskikh» pogrebeniiakh samaro-uralskogo regiona. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepei*, 1, s. 142-157.

Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kultura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala*. Moskva: Nauka.

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kultura sarmatov*. Moskva: Nauka.

Strizhak, M. S. 2007. O zhenskikh pogrebeniiakh s oruzhiem kochevnikov Priuralia i Povolzhia v VI — nachale IV v. do n. e. In: *Materialy konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii. Vooruzhenie sarmatov regionalnaia tipologiia i khronologiia»*. Cheliabinsk: IuUrGU, s. 71-75.

Fedorov, V. K., Vasilev, V. N. 1998. Iakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v Bashkirskom Zaurale. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 1, s. 62-96

Fedorov, V. K. 2010. Rannie kompleksy s mechami i kinzhalami prokhorovskogo tipa na Iuzhnom Urale. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 11, s. 374-391.

Fedorov, V. K. 2011. Srednesarmatskie pogrebeniia Samaro-Uralskogo regiona s kostianymi lozhechkami. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 12, s. 76-93.

Tsimidanov, V. V. 1995. Metod otsenki otklonenii ot modeli riadovogo pogrebeniia srubnoi kultury. In: *Tezy dopovidei na mizhnarodnii naukovo-praktychnii konferentsii, prysviachenii 140-richchiu vid dnia narodzhennia D. I. Yavornytskoho ta 90-littiu XIII Arkheolohichnoho z'izdu*. Dnipropetrovsk: Porohy, s. 66-68.

Shevchenko, O. B. 2018. *Zhinochi pokhovannia zi zbroieiu u sarmativ*. Dysertatsiia k. i. n. ONU, Odesa.

Iatsenko, S. A., Vdovchenkov, E. V. 2015. O nekotorykh storonakh voennoi organizatsii drevnikh kochevnikov evropeiskoi Stepi. *Istoricheskie zapiski*, 1, s. 171-182.

E. B. Shevchenko

RESEARCH METHODS FOR THE WOMEN'S BURIES WITH WEAPONS ON THE EXAMPLE OF THE SARMATIAN BURIAL GROUND «NOVY»

The universal methodology for the study of nomadic female burials with weapons is proposed in the paper. The methodology is based on a comparative analysis of female burials containing weapons with the control group which are synchronous male burials of the corresponding burial ground. The comparative analysis is carried out according to the following criteria: the set of weapons, the type of each individual weapon, and also the place of fixation. If most of the signs coincide, then the female burial is recognized as military (utilitarian function). If deviations are predominantly detected, then the semantics of the weapon are recognized as ritual.

To demonstrate the operability of the technique, the large Sarmatian burial ground «Novy» on the Lower Don was selected. As a result, 2 out of 23 female burials were confidently recognized as military, which is 8.6 % of the total female population included in the sample, and 4.5 % of all military burials. Whereas among 44 men there were 35 soldiers, which is 85.3 %. For this group, the percentage of female warriors turned out to be quite high, but, of course, the marker of aggressiveness of the male population is significantly higher than the female. It should be recognized that the vulnerability of the methodology is the quality problem of the control group itself. That is, whether all male burials containing weapons should be considered military.

The important observation is the fact that in two of the three burials, women were buried with infants. Thus, it cannot be ruled out that participation in hostilities did not block the possibility of motherhood from a woman. On the other hand, the assumption involuntarily arises whether the placement of weapons in a female burial is connected with the death of her and her child. Moreover, four female burials with infants containing weapons did not fall into the sample due to the fact that they were robbed.

The author is fully aware that the proposed study is not the last true in the issue of the semantics of weapons in the female burials of nomads. Many aspects still raise questions. It is possible that if modern researchers will accept the proposed methodology positively, then over time, with the advent of new facts, the spread of genetic research, the work will become only a historiographic link. And this is a completely natural process in any scientific field. The issue of the semantics of weapons in female burials, the issue of the participation of women in hostilities is extremely complex and controversial. It must be understood that if the study is gender-based, it is almost impossible to completely exclude the personal preferences of the study itself. These are creative questions, but if there is a universal methodology, there is an opportunity to circumvent the threat of subjective influence. A universal technique will allow for a qualitative comparative analysis. It is necessary to completely withdraw from the intuitive level.

Keywords: women, weapons, Sarmatians, methods, control group, semantics, ritual, utilitarian.

О. Б. Шевченко

МЕТОДИКА ДОСЛІДЖЕННЯ ЖІНОЧИХ ПОХОВАНЬ ЗІ ЗБРОЄЮ НА ПРИКЛАДІ САРМАТСЬКОГО МОГИЛЬНИКА НОВИЙ

У статті пропонується універсальна методика дослідження жіночих поховань зі зброєю у кочівників. Методика ґрунтується на порівняльному аналізі жіночих поховань, що містять зброю з контрольною групою, в якості якої виступають синхронні чоловічі поховання відповідного могильника. Порівняльний аналіз проводиться за такими ознаками: набір зброї, тип кожного окремого предмета озброєння, а також місце фіксації. Якщо більшість ознак збігаються, то жіноче поховання визнається військовим (утилітарна функція). Якщо ж переважно виявляються відхилення, то семантика зброї визнається ритуальною.

Для демонстрації працездатності методики, був обраний великий сарматський могильник на Нижньому Дону Новий. В результаті дослідження військовими впевнено були визнані 2 жіночих поховання з 23, що становить 8,6 % від усього жіночого населення, яка попала у вибірку, і 4,5 % від усіх військових поховань. Тоді як серед 41 чоловіка воїнами були 35, що становить 85,3 %. Для даної групи відсоток жінок-воїнів вийшов досить високим, але, безумовно, маркер агресивності чоловічого населення значно вище жіночого. Тут слід визнати, що вразливим моментом методики є проблема якості самої контрольної групи. Тобто, чи всі чоловічі поховання, що містять предмети озброєння, слід вважати військовими.

Важливим спостереженням є той факт, що в двох похованнях з трьох жінки були поховані з дітьми віку немовля. Таким чином, не можна виключати, що участь у військових діях не закривало від жінки можливості материнства. З іншого боку, мимоволі виникає припущення, чи не пов'язано покладення зброї в жіноче поховання зі смертю матері та дитини. Тим більше, що чотири жіночих поховань з немовлятами, що містять зброю не потрапили у вибірку через те, що були пограбовані.

Автор повністю усвідомлює, що запропоноване дослідження не є останньою істинною в питанні семантики зброї в жіночих похованнях кочовиків. Багато аспектів як і раніше викликають питання. Цілком можливо, що якщо сучасні дослідники і приймуть запропоновану методику позитивно, то з часом, з появою нових фактів, поширенням генетичних досліджень робота стане лише історіографічним ланкою. І це цілком закономірний процес в будь-якому науковому середовищі. Питання семантики зброї в жіночих похованнях, участі жінок у військових діях є вкрай складними і неоднозначними. Потрібно розуміти, що якщо дослідження має гендерний характер, то практично неможливо повністю виключити особисті переваги самого автора. Але при наявності універсальної методики, є можливість обійти загрозу суб'єктивного впливу. Універсальна методика дозволить проводити якісний порівняльний аналіз. Необхідно намагатися уникати інтуїтивних висновків.

Ключові слова: жінки, зброя, сармати, методика, контрольна група, семантика, ритуальна, утилітарна.

Одержано 10.05.2020

ШЕВЧЕНКО Олена Борисівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Одеський археологічний музей НАН України, Ланжеронівська, 4, Одеса, 65000, Україна.
SHEVCHENKO Olena B., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of Ukraine, Lanzheronivska, 4, Odesa, 65000, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-3864-7638; e-mail: medeya.81@gmail.com.

УДК [904.25:904.5](477.7-15)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.25

А. Д. Могилов

СЕРЬГИ ИЗ СВЕТЛОВОДСКОГО МОГИЛЬНИКА

Статья посвящена рассмотрению серег из Светловодского могильника скифского времени, расположенного на юге Днепровской Правобережной Лесостепи.

***Ключевые слова**: скифы, могильник, украшения, серьги, Северное Причерноморье.*

У скифских племен и их северопричерноморских соседей в быту был великолепный набор украшений: бусы, браслеты, бляшки для декора костюма, кольца и перстни, серьги, гривны, булавки. Наибольшую известность получили шедевры торевтики из курганов скифских царей и знати. Но и рядовое население Скифии широко использовало различные, но, конечно, более скромные украшения. Массово представлены они в Светловодском могильнике, возле одноименного районного центра Кировоградской области на юге Днепровской Правобережной Лесостепи. Памятник является одним из крупнейших и наиболее хорошо исследованных некрополей Скифии. На протяжении 1975—1990 гг. археологическими экспедициями под руководством Н. М. Бокий и И. А. Козырь здесь было раскопано более 160 захоронений скифского времени [1] (Бокий 1980; Бокій, Могилов, Панченко 2013; Бокій, Могилов 2014; Могилов 2018; Козир 2014; Панченко 2015). Могильник интересен тем, что численно доминируют здесь грунтовые захоронения. Но исследовано также 5 курганов. Погребения содержали многочисленный, но довольно скромный набор украшений. Одной из таких категорий материальной культуры были серьги.

Серьги — второй по численности (после бус) тип украшений в Светловодском могильнике. Всего в 34 погребениях (21 % их общего количества) найдены 45 предметов. Видимо, до ограбления, серьги были в еще большем количестве комплексов. Во всяком случае, в неограбленных могилах они известны в почти 37 % погребений. За исключением 3 предметов из 2 подкурганных могил, все серьги найдены в грунтовых захоронениях. Упомянутые вещи из курганов, принадлежащих зажиточной прослойке общины, отличаются и драгоценным металлом: серебро или электр. В грунтовых же гробницах бронзовые изделия безоговорочно преобладают. Эти находки выявлены в 31 могиле.

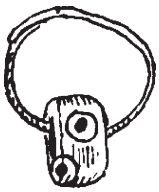
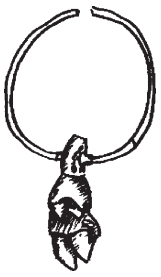
Серьги — принадлежность, прежде всего, женских погребений. Нередки они и в детских захоронениях. Часть костяков отсюда, судя по инвентарю, впрочем, принадлежит девочкам. Однако, иногда эти изделия могли ставить и с мужчинами, ярким примером чего служит погребение 1 кургана 3, где у зажиточного воина в левом ухе была электровая серьга с насаженной пастовой бусиной. Это может быть отражением древней традиции ношения воином одной серьги, известной на протяжении многих эпох.

В уцелевших захоронениях серьги фиксируются возле головы. Носить их могли в левом ухе (5 зафиксированных случаев), справа (3 экз.), или в обеих сразу (3 могилы). Лишь в погребении 65 одно украшение было положено на грудь женщины, а второе — под ее левое плечо. При этом, с усопшим серьги могли быть и однотипные, и разных видов. В частности, в ряде

1. Искренне благодарю И. А. Козырь за любезно предоставленную возможность использовать материалы ее раскопок; а также К. И. Панченко, за важную помощь в работе с материалами в музейных фондах.

© А. Д. МОГИЛОВ, 2020

Тип серьги из Светловодского могильника

						
м. 14 (1); м. 16 (1); м. 53 (1); м. 59 (1); м. 60 (1); м. 63 (1); м. 64 (1); м. 65 (2); м. 94 (2); м. 95 (1); м. 107 (2); м. 113 (1); м. 127 (1); м. 146 (1); м. 149 (1); к. 2, п. 1 (1)	м. 101 (2); м. 122 (2)	м. 2 (1); м. 30 (2); м. 34 (1); м. 87 (1)	м. 7 (1); м. 31 (1); м. 48 (1); м. 60 (1); м. 94 (1); м. 95 (1); м. 100 (1); м. 109 (1); м. 123 (1); м. 125 (1); к. 2, п. 1 (1)	м. 149 (1); к. 3, п. 1 (1)	м. 93 (1); м. 148 (1)	м. 70 (1); м. 77 (1)

Место находки: к. — курган, м. — могила, п. — погребение (количество находок).

случаев одна серьга — простая кольцевая, а вторая — с насаженной бусиной. Серьги сопровождали костяки разного социального ранга, от бедных положенных в могилах небольшого объема, до богатых с многочисленным инвентарем, в больших гробницах, и под курганными насыпями. При этом, изделия из драгоценных металлов были с зажиточными усопшими.

В Светловодске могут быть выделены следующие **типы** серег (таблица, рисунок).

Кольцевидные серьги (рисунок: 1—13), из круглой в сечении проволоки. Концы подходят друг к другу, или заходят один за другой. Один из них обычно заострен. Это наиболее многочисленная разновидность, включающая 19 изделий (42 % от их общего числа) из 16 захоронений. Подавляющее большинство изделий — бронзовые. Лишь в могиле 14 серьга изготовлена из серебра, а в кургане 2 — из электра. В гробнице 65 изделие — из метала белого цвета.

Эти предметы могут быть отнесены к 27 типу, по классификации В. Г. Петренко. Исследовательница отмечала, что с IV в. до н. э. они становятся господствующим типом, причем наибольшее количество связывается со степными памятниками (Петренко 1978, с. 35). Действительно, хотя прототипы этому виду серег известны еще в раннескифское время (Шрамко 1987, рис. 14: 9, 10), подавляющее их большинство относится уже к IV в. до н. э.

Большинство этих артефактов найдены в Степной Скифии. Они изготавливались из разных материалов: бронзы, золота, серебра, часто отражая имущественный уровень усопших. Можно назвать предметы из курганов 1 (захоронение 4) в Ольгино (Бессонова, Ковалев, Кубышев 2005, рис. 4: 2, 3), 11 около Нагорного (Мозолевский 1973, рис. 17: 9), 10 (гробница 3) и 10 (погребение 5) у Малой Лепетихи (Евдокимов, Данилко, Могилов 2012, рис. 1: 5; 7, 8), Толстая Могила (Мозолевський 1979, рис. 126: 7), Вишневая Могила, 8 (захоронение 1) Рогачикского некрополя (Болтрик, Фиалко 2007, рис. 6: 15, 16), 10 (гробница 1) на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 18: 4, 5), 1 (гробница 2) возле Владимировки (Полин, Кубышев 1997, рис. 19), 13 (погребение 1) группы Капуловка I (Тереножкин и др. 1973, рис. 9: 6), 4 (захоронение 1) группы Первомаевка II (Евдокимов, Фридман 1987, рис. 14, 3), 13 (могила 3) группы Бутор I (Серова, Яровой 1983, рис. 54: 3), грунтовое погребение 17/34 у Дугино (Прокофьев 2014, рис. 79: 6—8) и другие.

Сегодня уже известна и немалая подборка таких артефактов из Лесостепи Восточной Европы: курганы 6 около Песочина (Бабенко 2005, рис. 32: 6, 7) и 8 возле Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 14: 4, 5) на Северском Донце; в Ерковцах (Мозолевский 1975, рис. 2: 16) и 12 у Старинской птицефабрики (Петренко 1978, табл. 23: 11) на Левобережной Террасе; 14 у Стеблева в Днепровском Правобережье (Скорый 1997, рис. 53: 9); 19 близ Дуровки на Среднем Дону (Пузикова 2001, рис. 55: 2, 3).

Беря во внимание эти аналогии, серьги указанного типа из Светловодска могут датироваться IV в. до н. э.

Кольцевидные серьги из витой проволоки (рисунок: 18—20). 5 предметов (11 % серег)

происходят из 4 погребений: могилы 2, 30, 34, 87. При этом, 3 изделия серебряные, 2 — бронзовые. Найдены они в женских гробницах средних и крупных размеров. Объем могилы ребенка также велик, в сравнении с другими детскими захоронениями. В. Г. Петренко отнесла их к 27 типу, варианту 5 (Петренко 1978, с. 36). Это более редкий тип серег. Однако, известны они со всей территории Скифии: курганы 1 (захоронение 3) возле Ольгино (Бессонова, Ковалев, Кубишев 2005, рис. 3: 2), Мамай-Горы (Андрух 1999, рис. 1: 9) в Степи; 9 у Старого Мерчика в Северскодонецкой группе (Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 15: 5); 313 около Гуляй-Города в Днепровском Лесостепном Правобережье (Бобринской 1901, с. 42; Петренко 1978, табл. 23: *9*); 1 (1908 г.) и 17/3 Мастюгинского могильника на Среднем Дону (Манцевич 1973, рис. 6: *5*; Пузикова 2001, рис. 4: *3*). Изготовлялись эти предметы из разных металлов: бронзы, серебра, золота, электра.

Датируются приведенные аналогии IV в. до н. э., что будет правомерным и для серег из Светловодска.

Кольцевидные серьги с загнутыми концами (рисунок: 15—17, 21). Последние, видимо, не давали выскользнуть украшению из уха. Четыре экземпляра (почти 9 % серег) найдены в могилах 101 (бронзовые) и 122 (серебряные) с женщинами (по одной паре). В трех случаях стержень гладкий, в одном — наполовину витой. В. Г. Петренко отнесла их к 31 типу, варианту 1 (Петренко 1978, с. 37). Они заметно малочисленнее, чем предыдущий тип. Изготавливались эти предметы также из разных материалов: бронзы, серебра, золота.

Большинство аналогий происходят из Степной Скифии: курганы 1 (могила 2) во Владимировке (Полин, Кубышев 1997, рис. 19: 2), 16 (захоронение 5) и 20 (гробница 4) на Мамай-Горе (Андрух 1999, рис. 1: 6; Андрух, Тощев 1999, рис. 29: 5; 32: 15), 8 (погребение 1) Рогачикского могильника (Болтрик, Фиалко 2007, рис. 6: 17); грунтовые погребения 11 в Скельках (Попандопуло 2011, рис. 8: 2) и 67 около Николаевки (Мелюкова 1975, рис. 57: 1). Найден такой предмет и на известном Каменском городище (Граков 1954, табл. XII: 3).

Известны подобные серьги и в Лесостепи: насыпи 3 (гробница 2) у Старинской птицефабрики на Левобережной Террассе (Ильинская 1966, рис. 2); 472 в Оситняжке на Днепровском Правобережье (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, рис. 41: 21); 32/32 возле Мастюгино на Среднем Дону (Пузикова 2001, рис. 40: 2).

Указанные аналогии датируются IV в. до н. э. К этому же времени надо относить и однотипные находки из Светловодского могильника.

Кольцеподобные гладкие серьги с насаженными бусами (рисунок: 22—30). Это вторая по численности разновидность в Светловодске, включающая 11 изделий (24 % серег) из 11 могил. Стержень обычно бронзовый. Лишь в кургане 2 он серебряный.

Насаженные бусины — стеклянные, реже — из меди, кости, бронзы. Обычно, бусина одна, кроме нескольких случаев, когда зафиксированы 2, 3 и 4 таких украшения. Этот тип — наиболее частый атрибут женских погребений, иногда — ребенка и подростка, в одном случае зажиточного мужчины-воина. Подобные изделия могут быть сопоставлены с серьгами 27 типа, 6 варианта по классификации В. Г. Петренко (Петренко 1978, с. 36). Изготовлялись они чаще из бронзы, но золото и серебро тоже не редки.

Большинство аналогий известно из степных памятников: курганы 16 у Шолохово (Волкобой, Лихачев, Шалобудов 1979, рис. 9, 3), 4 (погребение 1) группы Солохи (Мелюкова 1999, рис. 15: 13), 24 и 27 (гробница 4) на Гайматовом поле (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977, рис. 28: 5; 37: 13), 14 (гробница 1) у Астанино (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 22: 3), Вишневая могила, 21 (захоронение 2), 11 (погребение 5), 14 Рогачикского могильника (Прилипко, Болтрик 1991, рис. 2: 2; Болтрик, Фиалко 2007, рис. 6: 9—12), 1 (захоронение 5—7) на Мамай-Горе (Андрух 1999, рис. 1: 13; Андрух, Тощев 1999, рис. 3: 1), 13 (погребение 1) под Львово (Евдокимов 1992, рис. 7: 1), 2 (захоронение 1) близ Кута (Березовець 1960, рис. 2: 3), 1 группы Капуловка II (Тереножкин и др. 1973, рис. 15: 13, 14), 20 (гробница 1) могильника Дивизия (Андрух, Оанча 1992, рис. 4: 2); Каменское городище (Граков 1954, табл. IX: 1).

Встречаются такие серьги и в Лесостепи: насыпи 1 у Рыжановки и грунтовое погребение 2 Чернолесского могильника (Петренко 1978, табл. 23: 19; 24: 3) на Правобережье; 33/5 возле Мастюгино на Среднем Дону (Пузикова 2001, рис. 6: 4, 7). Упомянутые украшения датируются IV в. до н. э. К этому же времени могут быть отнесены и находки из Светловодска.

Кольцевидные серьги с витым стержнем и насаженной бусиной (рисунок: 22—30). Два экземпляра (более 4 %) происходят из могилы 149 и кургана 3. Изготовлены они соответственно из бронзы и электра.

По классификации В. Г. Петренко они могут быть отнесены к типу 27, варианту 7. На момент публикации ее работы, такие находки были известны из степных памятников IV в. до н. э. (Петренко 1978, с. 36). Такая тенденция существует и сегодня. Значительная часть находок происходит из Степной Скифии: курганы 4 (могила 2) близ Балтозаровки (Ковпаненко, Яковенко 1973, рис. 1: 10), 5 (погребение 5) у Кута (Березовець 1960, рис. 6: 4), Каменское городище (Граков 1954, рис. XI: 2). Однако известны их находки и из Лесостепи: насыпи 9 возле Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 15: 6), 18 около Русской Тростянки (Пузикова 2001, рис. 30: 2). Эти артефакты

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23

Серьги из погребений Светловодского могильника: 1 — могила 14; 2 — могила 16; 3 — могила 53; 4 — могила 59; 5 — могила 60; 6 — могила 63; 7 — могила 64; 8, 9 — могила 65; 10, 11, 24 — могила 94; 12 — могила 146; 13 — могила 127; 14 — могила 149; 15, 16 — могила 101; 17, 21 — могила 122; 18 — могила 2; 19, 20 — могила 30; 22 — могила 31; 23 — могила 48; 25 — могила 95; 26 — могила 60; 27 — могила 100; 28 — могила 109; 29 — могила 149; 30 — курган 3, погребение 1; 31 — могила 93; 32 — могила 148; 33 — могила 70; 34 — могила 77

могли изготавливаться как из бронзы, так и из серебра и золота. Датируются они IV в. до н. э., что правомерно и для предметов из рассматриваемого могильника.

Бронзовые кольцевидные серьги с привесками (рисунок: 31, 32). Два предмета (4 %) происходят из могил 93 и 48. В одном случае подвеска изготовлена из ***зуба животного***, во втором — это ***бронзовое колечко***. Они сопровождали девочку лет 15 и ребенка.

Такие серьги могут быть отнесены к типу 27, варианту 6 по классификации В. Г. Петренко (Петренко 1978, с. 36).

Аналогии *серьгам с привеской-зубом* известны из степных погребений IV в. до н. э.: курганы 37 возле Красного Перекопа, 5 около Широкого (Петренко 1978, табл. 25: 5, 19); 1 (погребение 5—7) и 6 (гробница 4) на Мамай-Горе (Андрух 1999, рис. 1: 16—18; Андрух, Тощев 1999, рис. 3: 7; 13: 6). К этому же времени относятся и находки из Светловодска.

Аналогии *серьгам с привеской-колечком* также известны из Степной Скифии: насыпи 1 (погребение 5—7) и 6 (гробница 1—3) на Мамай-Горе (Андрух 1999, рис. 1: 21; Андрух, Тощев 1999, рис. 3: 4; 12, 2, 3), Мелитопольский курган (Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 84: 7), 27 (захоронение 3) у с. Кут, 8 возле Белозерки (Петренко 1978, табл. 24: 12; 26: 7). Как и находка из Светловодска, они относятся к IV в. до н. э.

Серьги в виде стилизированной уточки с высокой дужкой (рисунок: 33, 34). Два экземпляра (4 %) найдены в могилах 70 и 77. Казалось бы, эти наиболее эффектные бронзовые серьги должны были сопровождать зажиточных усопших. Но в Светловодске, наоборот, они найдены в могилах небольшого объема, видимо принадлежащих небогатым общинникам.

Подобные изделия, выделенные В. Г. Петренко в тип 10, вариант 5, наиболее характерны для Правобережной Лесостепи (Петренко 1978, с. 31). Здесь они известны из насыпи 158 на Тенетинке (Бобринской 1894, табл. III: 14), поселения у Селища (Петренко 1967, табл. 4: 13), Киевской губернии (Петренко 1978, табл. 18: 8, 9). Кроме этого, в кургане 4 у Новоселки, серьга в виде уточки с высокой дужкой выполнена из золота (Bydlowski 1904, ryc. 69).

Подобные находки известны и в Степи: курганы 131 (захоронение 1) и 133 (гробница 1) на Мамай-Горе (Андрух 1999, рис. 2: 3, 4; 2001, рис. 89: 3; 90: 4). Приведенные аналогии позволяют датировать серьги этого варианта из Светловодска IV в. до н. э.

Серьги из Светловодска показывают нам характерность этого типа украшений для рядового населения Скифии. Как видим, изготавливались они преимущественно из бронзы. У более зажиточных общинников или небогатой знати в ходу были подобные украшения, однако, исполненные из драгоценных металлов.

ЛИТЕРАТУРА

Андрух, С. И. 1999. Металлические украшения в убранстве рядовых скифов (по материалам могильника Мамай-Гора). В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье: ЗГУ, с. 19-26.

Андрух, С. И. 2001. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗГУ.

Андрух, С. І., Оанча, О. С. 1992. Скіфський могильник IV—III ст. до н. е. поблизу с. Дивізія. В: Станко, В. Ф. (ред.). *Археологія південного заходу України*. Київ: Наукова думка, с. 82-92.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗГУ.

Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Райдер.

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант)*. Киев: ИА НАН Украины.

Березовець, Д. Т. 1960. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IX, с. 39-87.

Бессонова, С. С., Ковальов, М. В., Кубишев, А. І. 2005. Кургани біля с. Ольгине (скіфські поховання). *Археологія*, 3, с. 38-51.

Бобринской, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*, II. Санкт-Петербург: В. С. Балашев.

Бобринской, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*, III. Санкт-Петербург: Главное управление уделов.

Бокий, Н. М. 1980. Позднескифский бескурганный могильник у г. Светловодска. В: *Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции Института археологии АН УССР*. Днепропетровск, с. 101.

Бокій, Н. М., Могилов, О. Д. 2014. Перший сезон робіт на Світловодському могильнику. *Феномен Більського городища 2014*, с. 26-29.

Бокій, Н. М., Могилов, О. Д., Панченко, К. І. 2013. Колективне поховання скіфського часу в Лісостеповому Правобережному Подніпров'ї. *Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я*, с. 17-24.

Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е. 2007. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XIV, с. 51-93.

Волкобой, С. С., Лихачев, В. А., Шалобудов, В. Н. 1979. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине. *Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.*, 3, с. 45-60.

Граков, Б. Н. 1954. Каменское городище на Днепре. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 36, с. 1-240.

Евдокимов, Г. Л. 1992. Скифский курган у с. Львово на Херсонщине. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*, 3, с. 136-148.

Євдокимов, Г. Л., Данилко, Н. М., Могилов, О. Д. 2012. Скіфський курган 10 біля с. Мала Лепетиха у Нижньому Подніпров'ї. *Археологія*, 2, с. 76-95.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 85-115.

Ильинская, В. А. 1966. Скифские курганы около г. Борисполя. *Советская археология*, 3, с. 152-171.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Ле-*

состепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Яковенко, Э. В. 1973. Скифские курганы на юге Херсонщины. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские Древности.* Киев: Наукова думка, с. 253-265.

Козир, І. А. 2014. Ритуальне поховання 145 з ґрунтового могильника поблизу м. Світловодськ Кіровоградської області. *Феномен Більського городища 2014*, с. 61-64.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха.* Ленинград: Искусство.

Мелюкова, А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка.* Москва: Наука.

Мелюкова, А. И. 1999. Скифские курганы возле Солохи (раскопки 1961—1962 гг.). В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г., Башилов, В. А. (ред.). *Евразийские древности.* Москва: ИА РАН, с. 60-97.

Могилов, О. Д. 2018. Поховальний обряд Світловодського могильника. В: *І Всеукраїнський археологічний з'їзд.* Київ: ІА НАН України, с. 119-120.

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 187-234.

Мозолевский, Б. Н. 1975. Скифский курган у с. Ерковцы на Киевщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир.* Киев: Наукова думка, с. 211—215.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила.* Київ: Наукова думка.

Панченко, К. І. 2015. Скіфське поховання в двокамерній катакомбі з ґрунтового могильника біля м. Світловодськ. *Археологія і давня історія України*, 2 (15), с. 219-222.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Свод археологических источников, Д 1-4. Москва: Наука.

Петренко, В. Г. 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. *Свод археологических источников*, Д 4-5, с. 1-144.

Полин, С. В., Кубышев, А. И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье).* Киев.

Попандопуло, З. Х. 2011. *Скифский грунтовый могильник Скельки.* Запорожье.

Прилипко, Я. П., Болтрик, Ю. В. 1991. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишневой Могилы. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 18-33.

Прокофьев, Р. В. 2014. *Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году.* Ростов-на-Дону: Альтаир.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов).* Москва: Индирик.

Серова, Н. Л., Яровой, Е. В. 1987. *Григорополь-ские курганы*. Кишинев: Штиинца.

Скорый, С. А. 1997. *Стеблев: скифский могильник в Поросье.* Киев: ИА НАН Украины.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Черненко, Е. В., Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности.* Киев: Наукова думка, с. 113-186.

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган.* Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев: Наукова думка.

Яковенко, Э. В., Черненко, Е. В., Корпусова, В. Н. 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В: Лесков, А. М. (ред.). *Древности Восточного Крыма.* Киев: Наукова думка, с. 136-179.

Bydłowski, A. 1904. Mogily w Nowosiolce. *Swiatowit*, V, s. 59-80.

REFERENCES

Andrukh, S. I. 1999. Metallicheskiye ukrasheniya v ubranstve ryadovykh skifov (po materialam mogilnika Mamay-Gora). In: Gening, V. F. (ed.) *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomoria.* Zaporozhye: ZGU, s. 19-26.

Andrukh, S. I. 2001. *Mogilnik Mamay-Gora.* Zaporozhye: ZGU.

Andrukh, S. I., Oancha, O. S. 1992. Skifskyi mohylnyk IV—III st. do n. e. poblyzu s. Dyviziia. In: Stanko, V. F. (ed.). *Arkheolohiia pivdennoho zakhodu Ukrainy.* Kyiv: Naukova dumka, s. 82-92.

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 1999. *Mogilnik Mamay-Gora.* Zaporozhye: ZGU.

Bandurovskiy, A. V., Buynov, Yu. V. 2000. *Kurgany skifskogo vremeni (severskodonetskiy variant).* Kiev: IA NAN Ukrainy.

Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskiy kurgannyy mogilnik skifskogo vremeni.* Kharkov: Rayder.

Berezovets, D. T. 1960. Rozkopki kurgannogo mogilnika epokhi bronzi ta skifskogo chasu v s. Kut. *Arkheologichni pamyatki URSR*, IX, s. 39-87.

Bessonova, S. S., Kovalov, M. V., Kubyshev, A. I. 2005. Kurhany bilia s. Olhyne (skifski pokhovannia). *Arkheolohiia*, 3, s. 38-51.

Bobrinskoy, A. A. 1894. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely*, II. Sankt-Peterburg: V. S. Balashev.

Bobrinskoy, A. A. 1901. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely*, III. Sankt-Peterburg: Glavnoe upravlenie udelov.

Bokiy, N. M. 1980. Pozdneskifskiy beskurgannyy mogilnik u g. Svetlovodska. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1978—1979 gg. Tezisy dokladov XVIII konferentsii Instituta arkheologii AN USSR.* Dnepropetrovsk, s. 101.

Bokii, N. M., Mohylov, O. D. 2014. Pershyi sezon robit na Svitlovodskomu mohylnyku. *Fenomen Bilskoho horodyshcha 2014*, s. 26-29.

Bokii, N. M., Mohylov, O. D., Panchenko, K. I. 2013. Kolektyvne pokhovannia skifskoho chasu v Lisostepovomu Pravoberezhnomu Podniprov'i. *Arkheolohiia i fortyfikatsiia Serednoho Podnistrovia*, s. 17-24.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E. 2007. Ukrasheniya iz skifskikh pogrebalnykh kompleksov Rogachikskogo kurgannogo polya. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomorya i Krimu*, XIV, s. 51-93.

Volkoboy, S. S., Likhachev, V. A., Shalobudov, V. N. 1979. Skifskiy mogilnik «Slavyanka» u s. Sholokhovo na Dnepropetrovshchine. *Kurgannyye drevnosti Stepnogo Podneprovia III—I tys. do n. e.*, 3, s. 45-60.

Grakov, B. N. 1954. Kamenskoye gorodishche na Dnepre. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 36, s. 1-240.

Evdokimov, G. L. 1992. Skifskiy kurgan u s. Lvovo na Khersonshchine. *Drevnosti Stepnogo Prichernomoria i Kryma*, 3, s. 136-148.

Evdokymov, H. L., Danylko, N. M., Mogylov, O. D. 2012. Skifskyi kurhan 10 bilia s. Mala Lepetykha u Nyzhnomu Podniprov'i. *Arkheolohiia*, 2, s. 76-95.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1987. Skifskiye kurgany u s. Pervomayevka na Khersonshchine. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomoria.* Kiev: Naukova dumka, s. 85-115.

Ilinskaya, V. A. 1966. Skifskiye kurgany okolo g. Borispolya. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 152-171.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskiy region).* Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Yakovenko, E. V. 1973. Skifskiye kurgany na yuge Khersonshchiny. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye Drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 253-265.

Kozyr, I. A. 2014. Rytualne pokhovannia 145 z gruntovoho mohylnyka poblyzu m. Svitlovodsk Kirovohradskoi oblasti. *Fenomen Bilskoho horodyshcha 2014*, s. 61-64.

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha.* Leningrad: Iskusstvo.

Melyukova, A. I. 1975. *Poseleniye i mogilnik skifskogo vremeni u s. Nikolayevka*. Moskva: Nauka.

Melyukova, A. I. 1999. Skifskiye kurgany vozle Solokhi (raskopki 1961—1962 gg.). In: Melyukova, A. I. Moshkova, M. G. Bashilov, V. A. (eds.). *Evraziyskiye drevnosti.* Moskva: IA RAN. s. 60-97.

Mogylov, O. D. 2018. Pokhovalnyi obriad Svitlovodskoho mohylnyka. In: *I Vseukrainskyi arkheolohichnyi zizd*. Kyiv: IA NAN Ukrainy, s. 119-120.

Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiye pogrebeniya u s. Nagornoye bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 187-234.

Mozolevskiy, B. N. 1975. Skifskiy kurgan u s. Erkovtsy na Kievshchine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiy mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 211-215.

Mozolevskyi, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.

Panchenko, K. I. 2015. Skifske pokhovannia v dvokamernii katakombi z gruntovoho mohylnyka bilia m. Svitlovodsk. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (15), s. 219-222.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-4. Moskva: Nauka.

Petrenko, V. G. 1978. Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, D 4-5, s. 1-144.

Popandopulo, Z. Kh. 2011. *Skifskiy gruntovyy mogilnik Skelki*. Zaporozhye.

Polin, S. V., Kubyshev, A. I. 1997. *Skifskiye kurgany Utlyukskogo mezhdurechia (v severo-zapadnom Priazovye)*. Kiev.

Prilipko, Ya. P., Boltrik, Yu. V. 1991. Opyt rekonstruktsii skifskogo kostyuma na materialakh pogrebeniya skifyanki iz Vishnevoy Mogily. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (eds.). *Kurgany Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 18-33.

Prokofyev, R. V. 2014. *Raskopki u khutora Dugino v delte Dona v 2009 godu*. Rostov-na-Donu: Altair.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgany skifskogo vremeni Srednego Podonia (publikatsiya kompleksov)*. Moskva: Indirik.

Serova, N. L., Yarovoy, E. V. 1987. *Grigoropolskiye kurgany*. Kishinev: Shtiintsa.

Skoryy, S. A. 1997. *Steblev: skifskiy mogilnik v Porosye*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Terenozhkin, A. I. Ilinskaya, V. A., Chernenko, E. V., Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiye kurgany Nikopolshchiny. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 113-186.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskiy, B. N. 1988. *Melitopolskiy kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Yakovenko, E. V., Chernenko, E. V., Korpusova, V. N. 1970. Opisaniye skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma. In: Leskov, A. M. (ed.). *Drevnosti Vostochnogo Kryma*. Kiev: Naukova dumka, s. 136-179.

Bydłowski, A. 1904. Mogily w Nowosiolce. *Swiatowit*, V, s. 59-80.

O. D. Mogylov

THE EARRINGS OF THE SVITLOVODSK CEMETERY

Scythian tribes and their North Pontic neighbors had a magnificent set of jewelry in their everyday life: beads, bracelets, appliques for costume decoration, rings, earrings, torques, pins.

One of these categories, the earrings, is widely represented in the large Svitlovodsk cemetery on the south of the Dnieper Right Bank Forest-Steppe. During the 1975—1990 by archaeological expeditions under the direction of N. M. Bokiy and I. A. Kozyr more than 160 graves of Scythian Age have been excavated.

A total of 45 items were found in 34 graves (21 % of the total). They are ring-shaped and sometimes decorated with beads or pendants. More often, the earrings have been put into female burials. Sometimes one earring has been occurred in the graves of male warriors.

The ring-shaped earrings are made of bronze wire. One end is usually sharpened. This is the most numerous group including 19 items (42 % of the total) from 16 burials.

Twisted wire hoop earrings (5 items, making up 11 % of all earrings, come from 4 burials). Moreover, 3 items are silver, 2 are bronze. They have been found jnly in female tombs.

Hoop earrings with curved ends. 4 specimens (almost 9% of earrings) have been found in two graves with buried women.

Ring-shaped smooth earrings with beads are the second largest type in Svitlovodsk, including 11 items (24 % of earrings from 11 graves). The body is usually bronze, only once it is silver. The beads made of glass, less often of copper, bone, bronze. Usually one bead was set onto body. In several cases 2, 3 and 4 such decorations have been recorded. This type is the most frequent attribute of female burials, sometimes of a child and a teenager, in one case of a wealthy male warrior.

Hoop earrings with twisted body and bead. Two specimens (over 4% of earrings) come from 2 assemblages. They are made of bronze and electrum.

Bronze hoop earrings with pendants. Two items (4 % of earrings) come from two graves. In one case the pendant was made of the animal tooth, in the second it was the bronze ring.

Earrings in the shape of a stylized duck. Two copies (4 % of earrings) were found in graves 70 and 77. In Svitlovodsk, these jewelry were found in graves belonging to poor community members.This category of jewelry from Svitlovodsk shows the part of the set of jewelry of the common population of Scythia.

Keywords: Scythians, burial ground, jewelry, earrings, Northern Pontic region.

О. Д. Могилов

СЕРЕЖКИ ЗІ СВІТЛОВОДСЬКОГО МОГИЛЬНИКА

Скіфські племена та їх північнопричорноморські сусіди використовували яскравий набір прикрас: намисто, браслети, пластини для декору одягу, кільця, сережки, гривни, шпильки.

Одна з таких категорій — сережки добре представлена в великому могильнику біля м. Світловодськ на півдні Дніпровського Лісостепового Правобережжя. Протягом 1975—1990 рр. археологічними експедиціями під керівництвом Н. М. Бокій та І. А. Козир там було розкопано понад 160 поховань скіфського часу. Більшість комплексів — ґрунтові. Втім, досліджено й декілька курганів.

У 34 могилах Світловодського некрополя (21 % всіх поховань) було знайдено 45 сережок. Вони кільчасті, з прямого, чи, рідше, витого дроту, й іноді прикрашені намистинами чи привісками. Частіше ці оздоби супроводжували жінок. Інколи одна сережка була з чоловіком-воїном. У статті проведена типологічна атрибуція та хронологічна характеристика даного різновиду прикрас.

Сережки зі Світловодська, ілюструють нам частину убору рядового населення Скіфії.

Ключові слова: скіфи, могильник, прикраси, сережки, Північне Причорномор'я.

Одержано 9.06.2020

МОГИЛОВ Олександр Дмитрович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.

MOGYLOV Oleksandr Dmytrovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.

ORCID: 0000-0002-2400-2380; e-mail: mogilovod@gmail.com.

УДК 904.24(477.64)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.26

Л. С. Клочко

ГОЛОВНІ УБОРИ ІЗ БЕРДЯНСЬКОГО КУРГАНУ

У пограбованій центральній могилі Бердянського кургану залишилася незруйнована ділянка, на якій in situ зафіксовано велику кількість декоративних елементів. Особливу цікавість викликають золоті пластинки-прикраси предметів жіночого вбрання: головних уборів, одягу тощо. Пластинки-аплікації розрізняються за розмірами та рельєфними зображеннями на поверхні. Визначення семантики образів дозволяє зробити припущення про особливий характер ділянки і речей, які поклали до могили при звершенні поховання.

***Ключові слова**: Бердянський курган, конічні убори, поєднання образів у декорі уборів, шлюбні обряди.*

Один із найзнаменитіших курганів, дослідження якого відбулося у ХХ ст. — Бердянський (поблизу с. Нововасилівка, Запорізької обл.). Його розкопки тривали майже рік (1977—1978 р.). В експедиції брало участь багато співробітників Інституту археології АН УРСР, але був основний склад — науковці, яким випало від початку і до кінця, можна сказати крок за кроком просуватись до мети — могил, над якими був споруджений курган. Керівник експедиції — М. М. Чередниченко, його заступник — В. Мурзін, активну участь брали наукові співробітники і лаборанти: О. Фіалко, М. Ковальов, В. Погорелий тощо. Їм якраз і належать перші наукові розвідки щодо архітектури кургану, особливості поховальних споруд, аналіз артефактів, знайдених у похованнях.

Отже, курган споруджено над трьома могилами — центральною, східною та південною. Не дивлячись на те, що дві перші пограбовані, в них залишилося багато предметів різних категорій. Науковці не раз зверталися до знахідок з Бердянського кургану в контексті вивчення поховального обряду, вбрання, мистецтва, релігії населення Скіфії. У 2017 р. вийшла монографія «Бердянський курган», автори якого: В. Мурзін, Ю. Білан, О. Підвисоцька узагальнили інформацію щодо дослідження кургану та могил, а також знахідок із поховань (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017). На жаль, збереглись не всі звіти, але авторам вдалося вилучити деякі дані про історію розкопок, матеріали досліджень. Робота дуже важлива, хоча деякі питання, що виникають під час дослідження окремих тем, поки що без відповіді. Наприклад, кількість небіжчиків у центральному похованні. Захоронення у цій могилі було здійснено з пишністю, характерною для представників вищої аристократії. Золоті оздоби зброї, кінської збруї, дерев’яних чаш, грецький посуд: крім амфор, чорнофігурні кратер та скіфоси, жертвоприношення коней тощо. У камері після пограбування збереглися останки основного небіжчика та двох супровідних осіб: зброєносця та виночерпія (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 33). Незруйнованою у пограбованій могилі залишилась ділянка у південній частині камери. Про неї, тобто зазначену ділянку, ще на етапі дослідження поховальної споруди, у науковців склалось враження, що під завалом склепіння камери знаходиться «речовий склад»: там лежали предмети, від яких залишились декоративні вироби — велика кількість золотих пластинок-аплікацій (загалом 2291 екз.). Золоті прикраси можна пов’язати з деякими деталями вбрання: аплікації геометричні — трикутники (рівнобічні та рівносторонні) різного розміру з півкульками на поверхні, а також — у вигляді пірамідки з трьох опуклих кружалець, напівсферичні «гудзики»; хрестоподібні, утворені з п’яти напівсферичних кружалець; пластинки із зооморфними (лев, пантера); міфічними (грифон, сфінкс); антропоморфними

© Л. С. КЛОЧКО, 2020

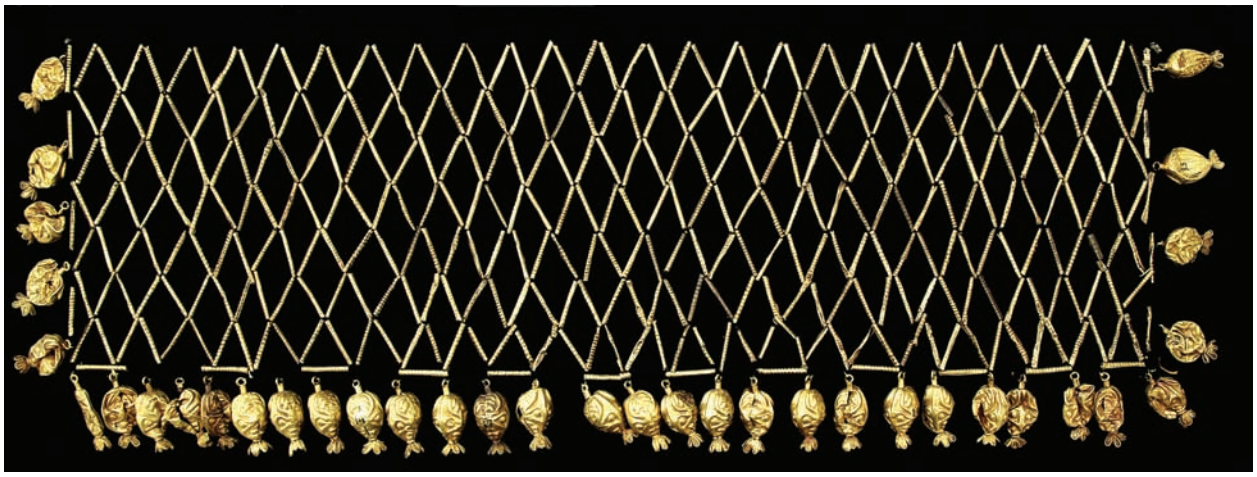


Рис. 1. Сітчаста нагрудна прикраса

образами; сюжетні зображення (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 39).

Нез'ясованим залишається питання про характер «речового складу»: які саме предмети, оздоблені золотими аплікаціями могли покласти при звершенні поховального ритуалу? Відповівши на це питання, зможемо вияснити, для кого ці речі були призначені.

Ще «по гарячих слідах», тобто, коли відбувалась розчистка і фіксація знахідок у похованні, були висловлені деякі думки про призначення декоративних елементів. Насамперед, йдеться про трубочки з рифленою поверхнею — так звані пронизки, кулясті намистини, округлі видовжені підвіски з рельєфними візерунками на опуклій поверхні — деталі сітчастої нагрудної оздоби (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 110, кат. № 100). Її реконструкція зроблена з найменшими гіпотетичними припущеннями і не викликає заперечень (рис. 1). На можливість створення шийно-нагрудної прикраси із пронизок, які розташовані так, що утворюють сітку, свого часу звернув увагу І. Забелін: сітка зафіксована під дзеркалом у похованні в кургані Чортомлик (Древности… 1872, с. 97). Реконструкцію «нагрудника» такого типу за матеріалами з кургану Солоха зробила А. Манцевич (Манцевич 1948). Такі прикраси були притаманні і жіночим, і чоловічим костюмам. Імовірно, сітчасті нагрудники прикрашали вбрання небіжчиків у Діївому, Мордвинівському, Мастюгінському, Олександропільському курганах, а також — Великому кургані Веселовського (к. 9 поблизу с. Лепетиха Херсонської обл.; Манцевич 1987, с. 62, 63; Клочко, Васіна 2002, с. 159, рис. 2).

Але найбільша загадка: на яких предметах були прикріплені знайдені у «схованці» пластинки різної форми та сюжетів? З маси ювелірних виробів, зафіксованих на площині «речового скарбу» виділені комплекти золотих елементів, які, ймовірно, були оздобами жіночих головних уборів. Крім того, розміщення пластин деяких типів вимальовує контури рукавного наплічного одягу, судячи за розмірами — жіночого (Клочко 1980, с. 95). Золоті пластинки — аплікації, знайдені в обох могилах (центральній та східній), саме як декор жіночого вбрання розглянула О. Фіалко. На її думку пластинки складають 3 великі групи, в яких виділено 19 типів. У статті подано їх аналіз, визначені стилістичні особливості зображень, окреслено коло аналогій. Авторка підкреслила, що геометричні, зооморфні, антропоморфні образи, вміщені на пластинках різної форми, мабуть, відігравали роль апотропеїв, належать до символів божеств плодючості, поширених у середовищі скіфської аристократії. Час появи мотивів у Північному Причорномор'ї від VII до IV ст. до н. е. Як зазначила дослідниця, за якістю виконання золотих аплікацій з їх числа можна виділити твори грецьких та скіфських ювелірів, хоча інколи складно визначити, які оздоби виготовлені майстрами тієї чи іншої творчої майстерні (Фиалко 2014, с. 60, 74).

«Речовий склад» у центральній могилі Бердянського кургану можна порівняти з південно — східною камерою (№ 1) в кургані Чортомлик. В ній знайдено золоті оздоби одягу, а також двох головних уборів — полосів, сітчасту нагрудну прикрасу, два персні. Елементи костюма помістили до могили окремо від небіжчиці (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 63, кат. № 113—115, 121, 122, 124—127). Але на відміну від Чортомлика, де зазначені предмети убрання були в одній з камер поховання «цариці», в Бердянському кургані речі поклали до могили чоловіка. Як свідчать матеріали з історії костюмів. убрання та його деталі у поховальному обряді набували особливого змісту: пожертвування, подарунок хтонічним богам, атрибут обряду «передавання» тощо (Яценко 2006, с. 350—363).

Розглянемо аплікації з Бердянського кургану, які, можливо, прикрашали головні убори. Останні завжди складали у костюмному комплексі найбільш важливу категорію: саме на них покладали демонстрацію соціальних, статусних, вікових відзнак. Ці чинники суспільної ідентифікації чітко пов'язані з формою та оздобами чоловічих, жіночих та дитячих головних уборів.

Дослідники теми «Скіфський костюм» застосовують певні методи для відтворення різних категорій костюма: головних уборів, одягу, взуття. Коротко основні засади реконструкції можна сформулювати так: комплексний і компаративний аналізи археологічних, образотворчих, писемних матеріалів. Одним із важливих аргументів визначення достовірності реконструкції є фіксація органічних решток предмета та його оформлення (декоративних елементів) in situ.

Для вивчення головних уборів найбільше джерел відкрито у похованнях жінок: декоративні елементи, фрагменти уборів, пам'ятки образотворчого мистецтва — вони містять інформацію про різні види головних уборів, властивих скіф'янкам: налобні стрічки, покривала та шапки. Останні на відміну від "аморфних" покривал мають сталу форму, яка є основною класифікаційною ознакою уборів цього виду.

Фахівці — костюмознавці, етнографи — розподіляють шапки на м'які та жорсткі чи тверді. До останніх належать парадні убори. Їх виготовляли із текстилю або шкіри і застосовували різні засоби, щоб надати виробу певної форми: робили каркаси із гнучких гілочок (наприклад, верби), а також використовували спеціальні способи розкрою. Зазначені характеристики представницьких уборів є засадничими, бо відбивають їх основну функцію: демонстрації естетичних знаків, втілених у різноманітних оздобах. Пам'ятки образотворчого мистецтва та декоративні елементи — металеві прикраси уборів свідчать, що жінки, які мешкали на землях Скіфії, носили шапки циліндричної та конусоподібної форми. Ці визначення мають недоліки, тому що, насправді, навіть загальний абрис уборів більш складний і не завжди відповідає строгим рамкам геометричної фігури, але вони (тобто, визначення) дозволяють знайти закономірності у створенні шапок, зрозуміти принципи їх модифікації. Зрештою, такий поділ уборів застосовують у сучасній практиці конструювання.

Реконструкція головних уборів за декоративними елементами їх оформлення — тема багатьох досліджень впродовж більш ніж 100 років. Г. Боровка розробив основні принципи відтворення головних уборів за декоративними елементами (Боровка, 1921, с. 176—181). Перший крок у цій роботі — аналіз різноманітних знахідок: органічних решток, металевих оздоб. Останні є особливо інформативними. Такі декоративні елементи як прямокутні та дугоподібні пластинки, стрічки, обідки з підвісками несуть ознаки того, що прикраси прикріплювали на цилідричній поверхні. Для уборів умовно циліндричних, прийняті назви: полос, модій, калаф на підставі вивчення словників термінів, пов'язаних з античною культурою (Клочко 2013, с. 19—22). Пластинки, які не відображають особливості декорованої поверхні, імовірно, були оздобами конусоподібних уборів. Г. Боровка, проаналізував золоті аплікації з кургану Чортомлик і відтворив, крім циліндричних, конічну шапку за параметрами документованої знахідки у похованні кургану Карагодеуашх (Кубань) — золотої пластини у вигляді витягнутого трикутника (висота 21 см), яка прикрашала фронтальну частину жіночого убору (Боровка 1921, с. 176). Конусоподібна форма убору, мабуть, цілком відповідає абрису трикутної накладки. Її поле розділене на три яруси, на яких показано сцени, інтерпретовані як «шлюбний бенкет». Шлюб — містичний акт, який знаменував перехід з одного світу до іншого (Бессонова 1983, с. 109—110; Вахтина 2018, с. 168—169). Центральний персонаж у нижньому регістрі — жінка в ошатному вбранні, на голові якої високий конічний убір, оздоблений візерунками на трьох ярусах. Отже, пластина є грунтовною підставою для реконструкції конусоподібного убору, а його зображення — підтвердженням правильності наших уявлень про зовнішній вигляд та параметри шапок зазначеної форми.

На убір «цариці» з кургану Карагодеуашх схожа за формою конусоподібна шапка, відтворена за знахідками у похованні 5 у кургані Аржан 2 (с. Аржан, Тува). Поховання здійснене наприкінці VII ст. до н. е. Щоб реконструювати убір жінки, автор (Д. Поздняков) проаналізував декоративні елементи, знайдені в могилі біля голови небіжчиці, а також решткі уборів, зафіксованих у похованнях (насамперед, похов. 13) у цьому ж кургані (Поздняков 2017, с. 57—59). Це стало підставою для відтворення форми убору, і навіть його деталі. Вигляд шапки, її конічний абрис продиктований золотими шпильками, навершники яких є композиційним і змістовним завершенням убору. Одна шпилька (довжиною 30,2 см) прикрашена фігуркою оленя, а завершенням другої (довжиною 35,7 см) є об'ємна півкуля та крилоподібний виступ. На стрижнях шпильок — спіральний фриз, на яких зображення тварин: кози, зебу, оленя бика, вепра, верблюда тощо. Вони, а також ті, що бачимо на аплікаціях — прикрасах убору: пластинки із зображенням коня, хижака з породи котячих, голова птаха — належать до символів культу плодючості. Це підкреслює знаковий характер конічної шапки — парадного убору, пов'язаного зі шлюбними церемоніями (Поздняков 2017, с. 216, рис. 226).

Назву конічних шапок, які були в костюмах скіф'янок, дослідники не вияснили: не розроблена термінологія. В літературі інколи застосовують термін колпак (або ковпак), але це слово означає — високий головний убір, тобто назва не пов'язана з формою. Конічному убору, зображеному на декоративній деталі з кургану Карагодеуашх і на відтвореному за матеріалами з кургану Аржан 2, за абрисом найбільше відповідає кулох. Багате убрання, домінантою в якому був кулох (висотою 70 см), реконструйовано за матеріалами з поховання сакського воїна аристократичного роду в кургані Іссик (Казахстан; Акишев, Акишев 1980, с. 14—32). Розглянувши семантику та роль у костюмі, дослідники виділили сакральні

функції конічних уборів, що існували у індоєвропейських та неіндоєвропейських народів.

Поширення таких шапок у вбранні населення Середньої Азії дослідила О. Сухарева. Вона відмітила архаїчні риси кулохів у костюмах чоловіків і жінок і пов'язала їх з традиціями, характерними у саксько̀му костюмі (Сухарева 1954, с. 299—353).

Варіанти конусоподібних уборів знайдені у складі костюмних комплексів у могильниках Пазирик та Ак-Алах на Алтаї (Полосьмак, Баркова 2005, с. 74—76). Високі повстяні конічні ковпаки (за термінологією Н. Полосьмак) надівали зверху на убір, який включав шапочку—парик з накосниками та інші деталі. Аналогії зафіксовані в могильниках синьцзянських оаз. «Ковпаки» високі — 60 см, щоб вони тримались прямо, всередину вставляли стрижень (як правило дерев'яний). Такі убори підкреслювали високий соціальний статус власниці. Цікаво, що Н. Полосьмак вбачає у формі конічних уборів зв'язок з уявленнями про рогаті шапки, притаманні народам Кавказу (Полосьмак, Баркова 2005, с. 75, рис. 2.47: а—в).

Походження конічних та циліндрич шапок має глибокі корені. Навіть побіжний перегляд джерел з історії костюма подає відомості про значне поширення базових форм та їх варіантів у костюмах населення давнього світу (на території Середземномор'я, Передньої та Середньої Азії тощо) у часовому діапазоні, який нараховує не одне тисячоліття.

Головні убори зі «схованки» у центральній могилі Бердянського кургану відтворено за прикрасами, зафіксованими не на голові власника чи власниці. Це призвело до певних труднощів при реконструкції. Вона зроблена з гіпотетичними припущеннями. Але залучення уже згаданих методів, особливо компаративного (порівняльного), дозволяє уявити загальні характеристики уборів.

Прикраси — пластинки різної форми — зафіксовані в лівому кутку «складу речей»: лежали компактно у один шар. Характер розміщення пластинок (за спостереженнями у поховальній камері) дає підстави припустити, що вони (тобто, пластинки) оздоблювали конічний убір, адже на поверхні нагадує трикутник (Клочко 1986, с. 15, 16).

У похованнях скіф'янок різного соціального рівня знайдено рештки уборів, прикрашених пластинками, форми яких не відбивають тип шапочки, її контури. Відновити абрис декорованої поверхні можна за точною фіксацією аплікацій in situ, а також — загальними принципами їх розміщення на предметах (Клочко 1982, с. 124—126). Різні категорії пам'яток мистецтва показують вміння давніх майстрів розміщувати декор так, щоб він підкреслював пропорції предмета, виявляв основні лінії форми. При оздобленні об'ємних виробів орнаментальні мотиви розміщували по горизонталі. В організації декору велику роль відіграє розподіл поверхні: ряди основних візерунків розділені додатковими.

Розглянемо перший комплект оздоб конічного убору: до нього входять пластинки у формі трикутника, а також із зображеннями антропоморфних та зооморфних образів. Знизу на передній площині убору прикріплені маленькі трикутні пластинки з дрібними опуклими півкульками (довжина сторони: 8 мм; рис. 2: 1). Пластинки, ймовірно, пришивали вершиною вверх і вниз — така орнаментальна схема відбиває уявлення про поєднання жіночого і чоловічого начала. Адже трикутник належить до універсальних символів, які мають глибокі хронологічні корені і значне географічне поширення. Трикутник — знак чоловічого (вершиною вверх) і жіночого (вершиною вниз) начал, а також відображає безкінечність: життя, смерть, нове життя. (Мифы… 1980, с. 272). Смужки з трикутників відділяють ряди однотипних пластинок з оформлення убору.

Основне декоративне поле убору було заповнене пластинками із зображеннями «портретів» анфас і в профільному ракурсі. Ці аплікації є, мабуть, найбільш важливим фактором оформлення убору. Представлені на них образи дуже схематичні, але детальний аналіз, можливо, дозволить вилучити цікаву інформацію. Отже, пластинки з портретами у фронтальному ракурсі майже овальні, верхній край повторює обриси людської голови (10 екз.; 22 × 27 мм). Зображення обличчя: воно округле, злегка видовжене, з високими скулами. Лоб відкритий, над ним — невеличкий валик зачесаного назад волосся: вузенькими рубчиками показані пасма. Розглядаючи портрет далі, можемо відмітити великі круглі очі з виділеними зіницями. Над очима — довгі (до скронь) дуги брів. Вони змальовані однією лінією разом з носом. Рот невеликий, вуста зімкнуті. М'які риси обличчя свідчать про те, що на портреті зображено жінку. Це підкреслюють прикраси на скронях — великі кільця. Від них до плечей спускаються по три вузенькі смужки, які нагадують пасма волосся, хоча, можливо, це стрічки чи підвіски на довгих ланцюжках. На шиї персонажа — разок намиста у вигляді мініатюрних підвісок: видовжених прямокутників (рис. 2: 2).

У V ст. до н. е. значно збільшився перелік мотивів та орнаментальних схем у прикладному мистецтві на території Північного Причорномор'я. Важливе місце посіли антропоморфні образи. Спочатку було звернення до міксантропічних мотивів (сфінкси, горгони, силени, тощо), а також залучення до оформлення різних речей «масок» — зображень людської голови зі схематично наміченим обличчям (Бессонова 1983, с. 108). Умовні «маски» і надалі займали певне місце в декорі як основні чи допоміжні елементи. Напевне, вони належать до універсальних знаків, за допомогою яких створювали символічні візерунки в залежності від семіотичного статусу декорованих речей. Згодом мешканці Скіфії ви-

Рис. 2. Декоративні елементи — прикраси головного убору: 1 — пластинки-трикутники з пуансонними візерунками; 2 — портретні зображення анфас; 3 — портретні образи у гротескному стилі; 4 — образ хижака з породи котячих; 5 — реконструкція головного убору

користовували для оздоблення золоті прикраси, на яких представлені «портрети»: на відміну від «масок» вони наділені деякими рисами індивідуальної характеристики. Вироби розрізняються між собою художніми особливостями, оскільки виконані за взірцями мистецьких витворів, які походять із кількох виробничих центрів, отже відбивають творчі засади різних майстрів. Трактування жіночих образів у мистецтві Північного Причорномор'я здійснено у греко-скіфському стилі. Серед його характерних рис відзначимо своєрідне поєднання реалізму та примітивізму, гіперболізацію деяких деталей, оригінальне композиційне вирішення сюжетів. Н. Онайко підкреслила, що в творах «варварського» мистецтва особливо велику увагу приділяли зображенню голови (Онайко 1976, с. 173). Це доводять декоративні твори, на яких представлені «портрети» жінок. Мініатюрність виробів не вплинула на детальне відтворення жіночих голівок: вони у головних уборах, з нашийними прикрасами (Клочко 2019, с. 76—79). Більш рідкісними є «портрети», на яких жінки зображені з непокритою головою. Деякі з них узагальнені, нагадують маски.

Але інакше змальовано образ жінки на золотих пластинках з кургану 1 (1897 р.) поблизу с. Вовківці Сумської обл. Фігурні мініатюри вирізані за контуром зображення жіночої голівки (Клочко 2009, с. 60). Показане кругле обличчя з повним підборіддям, великими мигдалеподібними очима, зіниці яких підкреслюють їх форму. Широкі дугоподібні брови з'єднані на переніссі. Ніс короткий, широкий, рот з вибагливо піднятими кутиками губ. Обличчя облямоване, наче ореолом головним убором, який разом із зачіскою має незвичний віялоподібний абрис. Округлий верхній край пластинок оформлено невеличкими опуклими напівсферами. Можливо, таким чином позначено аплікації на головному уборі. Волосся трактовано рельєфними лініями у вигляді тугих пасом, з — під яких вибиваються ніжні кучерики. Із загального числа цих пластин вирізняються дві: на них показано коси, крім того, нема прикрас, які можна сприйняти за оформлення головного убору. На шиї жінки — разок з намистин і підвісок (Клочко 2009, с. 61, рис. 3). Цей портрет можна зіставити із зображенням жінки на пластинках, які прикрашали головний убір із центральної могили Бердянського кургану. Подібність образів не надто велика, хіба що типологічна: обидва типи належать до зразків скіфо-грецького мистецтва. Іншими словами,

вказані пластинки, ймовірно, виконали скіфські майстри за взірцями з репертуару еллінських митців. Найперша інтерпретація образу: перед нами втілення богині плодючості (в широкому сенсі), адже цей культ є особливо шанованим у давньому світі. Всі життєдайні сили природи втілює Велика Матір, і вся символіка плодючості відбиває її культ. Описані декоративні елементи з кургану 1 (1897 р.) поблизу с. Вовківці Сумської обл. знайдені в похованні чоловіка, хоча, ймовірно, були прикрасами жіночого головного убору (Клочко 2009, с. 61, рис. 5).

У комплекті прикрас головного убору з цієї ж «схованки» у центральній могилі були і профільні «портрети» людини (обличчя обернене вліво). Їх, тобто портрети, відтиснули на прямокутних пластинках із заокругленим верхнім краєм (12 екз.; 18—21 × 22—24 мм). Деякі вирізані за контуром зображення. Волосся передано тоненькими рельєфними смужками, зачесане назад, спускається до плечей, заправлене за велике вухо. Лінія росту волосся дугоподібна, низько над бровами, показана двома пружками. Обличчя персонажа видовжене, майже кругле око показане без врахування профільного ракурсу. Особливо виділено ніс: він великий, трохи обвислий і надає обличчю персонажа грубуватий вигляд. Як бачимо, портрет виконано у гротескній манері (рис. 2: 3) За спостереженнями деяких дослідників саме ніс був тією рисою, яку акцентували давні художники, зображуючи чоловіка (Ермоленко 2008, с. 72). Отже, на пластинках подано профіль чоловіка. Хоча, здається, такому висновку суперечить низка намиста на шиї у персонажа. Але археологічні знахідки свідчать, що у вбрання скіфів були різні нашийні прикраси: крім гривен, зрідка — намисто з різних елементів, коли йдеться про особливий церемоніальний костюм. Наприклад, нашийна оздоба була у вбранні чоловіка, похованого поряд з жінкою у могилі в кургані 4 поблизу с. Новоселки (Черкаська обл.; Клочко 2019, с. 90).

Поєднання в композиції на головному уборі жіночого і чоловічого образів, можливо, є символом якоїсь сакральної події. Її значимість підкреслює образ хижака з породи котячих, можливо, лева чи левиці. Зображення вміщено на аплікаціях — прикрасах головного убору. Йдеться про пластинки (14—15 × 9 мм), на яких показано тварину в профільному ракурсі (рис. 2: 4). Вона лежить, припавши на передні лапи, задні підтягнуті майже впритул до них, що створює враження напруги, внутрішньої динаміки. Слід відмітити деталізацію образу: пазурі на лапах, ребра на боці, довгий хвіст з відігнутим кінчиком утворює S-подібний візерунок. Деякі прийоми стилізації бачимо і у зображенні голови: тоненькі рельєфні лінії вимальовують овальне око з опуклою зіницею, вухо майже трикутної форми. Хижість тварини підкреслена широко роззявленою пащею та вишкіреними зубами. Як відомо, художньому мисленню скіфів було притаманне узагальнення у трактуванні образів тварин поряд з гіперболізацією їхніх характерних рис. У даному випадку акцентовано дику сутність хижака, але його стать не визначена. Хоча, на деяких оздобах головних уборів — також мініатюрних фігурках, пишна грива виділяє лева. Наприклад, зображення в сцені протистояння лева і пантери на ажурних смужках — знахідках з Мелітопольського кургану (Тереножкін, Мозолевський 1983, с. 98, рис. 11). Тобто, можливо, завданням майстра було показати саме образ левиці. Хоча в уявленні скіфів сакральними рисами були наділені хижаки з породи котячих без деталізації, тобто на рівні своєрідної «формули».

Аналогічні пластинки були прикрасами головних уборів жінок, поховання яких дослідили в курганах: № 45 поблизу с. Любимівка (Херсонської обл.), № 3 поблизу ур. Стайкин Верх (Сумська обл.), Малий Чортомлик (Дніпропетровська обл.) (Клочко 2000, с. 25). Зображення виконані з різною майстерністю, але художником, обізнаним з канонами звіриного стилю.

За дослідженнями деяких науковців хижаки — лев, левиця, пантера — в індоєвропейській міфології відповідають уявленням про нижній хтонічний світ, втіленням якого вважали богиню землі. Про зв'язок хижаків з жіночими божествами Скіфії свідчать сюжети, в яких поєднані образи. Наприклад, образ богині в позі оранти: біля неї зображено врізнобіч (ліворуч і праворуч) голови левів та їхні передні лапи. Це схоже на зооморфне оформлення трону богині (сережки з кургану Товста Могила) (Мозолевський 1979, с. 135, рис. 117; 118). Ймовірно, в образі богині втілено уявлення про Кібелу. В античному мистецтві образ лева сприймали не тільки як символ Кібели, але й грецьких богинь Артеміди, Гекати, Аталанти, Реї.

Отже, за декоративними елементами відтворено конусоподібний головний убір. Композиція передньої частини створена на площині у формі трикутника: пластинки з антропоморфними образами були прикріплені рядами, а між ними — смуги з трикутників. На верхівці — пластина з жіночим портретом. Образи хижака створюють бічні сторони трикутника (рис. 2: 5)

З декором конічної шапки змістовно пов'язані прикраси ще одного головного убору — покривала. Вони були універсальними уборами: жінки використовували їх і повсякдень, і у святковому вбранні. Крім того, простота форми та нескладні прийоми виготовлення обумовили поширення стрічок і покривал на значній території. Етнографічні спостереження доводять, що в костюмах багатьох народів збереглися різні форми платів як особливого святкового убору. Наприклад, покривала є важливим елементом шлюбних костюмів у слов'ян, а також — у Середній Азії (Маслова 1984, с. 54; Широкова 1976, с. 130).

Покривало з Бердянського кургану було обшите по краях — зліва і справа — прямокутними плас-

тинками, на яких представлена так звана «сцена братання» (37 екз., 27—30 × 26—29 мм). Її відтиснули на невеличкій площині: двоє чоловіків у скіфському вбранні сидять поряд і схилились над ритоном. Зображення оточене рамкою з дрібних опуклин (рис. 3: 1, 2). Аналогії трапилися серед знахідок у курганах Солоха: прямокутні пластинки прикрашали одяг небіжчика, а також Куль-Оба: аплікації, вирізані за силуетами двох фігур, можливо, були прикріплені на головному уборі чоловіка («царя»; Артамонов 1964, с. 62, табл. 203). Образи дійових осіб у сцені на всіх аплікаціях змальовані на різних штампах із застосуванням художніх принципів греко-скіфського мистецтва. Рельєфні відбитки на пластинках із Бердянського кургану зроблені за допомогою двох штампів. На одному з них майстер відтворив мініатюру, в якій персонажі у скіфських костюмах — куртки з видовженими полами — тримають ритон. Чоловік зліва стоїть навколішки, плечі розпрямлені, обернена вправо голова трохи піднята. Обличчя видовжене, з крупними рисами. Волосся зачесане назад, над лобом — хвиля з коротких пасом. Скіф вдивляється в свого сусіда. Останній обернений на три чверті, стоїть на лівому коліні і лівою рукою тримає ритон. Видовжене обличчя трохи схилене над посудиною. Здається, що на голові чоловіка убір з гострокінцевою верхівкою і довгими лопатями — кірбасія (башлик). Хоча, можливо, давній майстер так показав зачіску: волосся передані прямими пасмами, над лобом підняті (рис. 3: 1)

Ще один варіант штампа: скіфи сидять, зігнувши ноги так, що ступні з'єднані. Персонаж зліва обернений на три чверті, а обличчя подане строго в профіль. Волосся трохи скуйовджене, риси обличчя виразні, особливо виділено гачкуватий ніс. Скіф тримає у правиці ритон, а лівою рукою обнімає свого візаві. Персонаж справа сидить прямо, голова повернута вліво. Обличчя видовжене, облямоване пасмами прямого волосся, яке спускається до плечей. Ліва рука скіфа простягнута до посудини, але він її не торкається (рис. 3: 2). Сюжет найчастіше інтерпретують як ілюстрацію до розповіді Геродота про обряд братання (Геродот, IV, 70). Але зображення тільки у загальних рисах відповідає опису церемонії, яку, за свідченням Геродота, провадили скіфи. Ймовірно, зміст сцени варто «читати» в залежності від контексту. Семантику образів на аплікаціях з Бердянського кургану можна розкрити, зіставивши з аналогічними, зображення яких включено в багатофігурну композицію на так званій «пластині Гезе» — знахідці з кургану 2 поблизу с. Сахнівка (Черкаської обл.; Музей… 2004, кат. № 22, с. 377). Сахнівська пластина (365 × 98 мм) була накладкою на фронтальну частину циліндричної шапочки, схожої на ту, що увінчує голову центральної особи в багатофігурній композиції, вміщеній на поверхні. Є кілька варіантів інтерпретацій сюжету. Деякі науковці вважають, що всі образи, показані на пластині, складають сюжет культово-міфологічного характеру — священний бенкет-жертвоприношення

Рис. 3. Аплікації — прикраси покривала: 1 — зображення персонажа, який тримає ритон у правиці; 2 — пластинка із зображенням скіфів, які тримають ритон; 3 — реконструкція головного убору з покривалом

(Бессонова 1983, с. 100 — 104). Головні персонажі: в центрі зображено жінку в ошатному вбранні, яка сидить, тримаючи в руках дзеркало та посудинку. Як свідчать атрибути, жіночий образ втілює Аргімпасу. Перед богинею (справа) навколішки стоїть чоловік з ритоном і скіпетром у руках. Зліва від богині — двоє скіфів з ритоном, який вони піднесли до вуст. Чоловіки представлені навколішки, один у профільному ракурсі, а другий — анфас, голова — в профіль. Усі дійові особи складають єдиний «текст», ймовірно, пов'язаний з культом Аргімпаси. Можливо, існував ритуал вшанування Аргімпаси — покровительки царів, які були уособленням найбільшої воїнської вправності, звитяги та інших чеснот, священним напоєм. Він (тобто напій) відігравав велику роль у шлюбній церемонії (Бессонова 1983, с. 105). Головний убір, знайдений у кургані поблизу с. Сахнівка, прикрашений пластиною з такою глибокою і водночас прозорою символікою, мабуть, відбиває жрецький статус власниці. Таку ж суспільну роль могла відігравати жінка, убори якої поклали до поховальної камери чоловіка у Бердянському кургані. Адже, як бачимо, декор на шапочці та покривалі утворено за схемою, яка у загальних рисах збігається з «сахнівською»: жіночий та чоловічий образи, так

Рис. 4. Головний убір з підвісками

звана «сцена братання» — скіфи з ритоном (рис. 3: 3). Але є відмінність у образному та ідейному наповненні обох композицій: Сахнівської і Бердянської. Йдеться про дзеркало: його зображення нема на фронтальній площині головного убору, крім того, не зафіксовано і серед речей у «схованці». Отже, можливо, декоративні елементи, насамперед, прикраси головного убору, є символами не Аргімпаси, а іншого божества життедайних сил природи — Кібели. Образ хижака з породи котячих, включений до набору оздоб убору, акцентує саме це божество. Символічними є форма убору: алюзія на гору — еквівалент дерева життя, а також оформлення фронтальної частини убору і в сенсі форми — трикутник, і в сенсі змістовного наповнення: антропоморфні, зооморфні образи, геометричні мотиви — є знаками культів родючості (у широкому сенсі).

Ще один убір можна реконструювати, проаналізувавши розміщення пластинок, які його прикрашали. Вони утворювали видовжену пляму, контури якої хоча і не досить чітко окреслені, але виключають припущення про належність декору до циліндричної поверхні. Убір прикрашали золоті декоративні елементи, про які йшлося вище: маленькі трикутники (8 мм — довжина сторони), а також пластинки із зображенням хижака із породи котячих (левиці?). Побудову композиції можна здійснити, враховуючи закономірності декоративного мистецтва: аплікації розміщували рядами, скорочуючи їх довжину знизу вверх. Нижній край головного убору прикрашали золоті трикутники, обернені вершинами один до одного. Інші пластинки розміщені ярусами: по два ряди пластинок із зображеннями хижака. Яруси розділені рядами трикутників. З тієї кількості пластинок, зафіксованих як декор убору можна утворити 15 рядів. З урахуваннями проміжків між ними висота шапки складе десь 20 см.

Прикраси, як сказано вище, є символами божеств життедайних сил природи. Це підкреслюють і підвіски у вигляді стилізованих бутонів, прикріплених до плетених ланцюжків. Слід відмітити, що бутони — єдиний рослинний мотив серед усіх, зафіксованих на площині «схованки» (рис. 4).

Плетені ланцюжки з підвісками на кінцях викликали здогадку про імітацію кіс. Поєднання головних уборів з косами дослідники відмітили, вивчаючи знахідки в курганах Аржан 2, могильників Пазирик, Ак-Алах (Поздняков 2017, с. 217, рис. 226; Полосьмак, Баркова 2004, с. 72, 78). Зображення кіс, як зазначено раніше, бачимо на пластинках з кургану 1 (1897 р.) поблизу с. Вовківці (Клочко 2019, рис. 4).

Конічні шапки та покривало, відтворені за декоративними елементами — аплікаціями із зображеннями антропоморфних та зооморфних образів, а також геометричними візерунками, лежали окремо від небіжчиці. Власне, у могилі не зафіксовано ніяких слідів поховання жінки. Але В. Мурзін вважав, що це сталося через пограбування. Тобто, на поховальному помості поклали номарха, заради похорону якого спорудили курган, а поряд — наложницю чи дружину небіжчика (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 46) На мій погляд, замість жінки до могили поклали її сакральні речі. Такі дії зі складовими убрання — насамперед, головними уборами, відмічені в деяких похованнях у Північному Причорномор'ї. Наприклад, уже згадані знахідки з кургану 1 (1897 р.) поблизу с. Вовківці (Сумської обл.; Клочко 2009, с. 62). Золоті оздоби головних уборів (калафа та покривала) зафіксовані у похованні чоловіка у Рижанівському кургані (Черкаська обл.; Фиалко 2001, с. 144—152).

Можливо, традиція пов'язана з магією заміщення. Геродот, описуючи похорони царя, зазначає, що «У просторому приміщення склепу ховають одну з його наложниць, яку перед цим задушили» (Геродот IV, 71).

Конусоподібні шапки, можливо, символізували якусь специфічну ситуацію чи обряд, які здійснювали при похованні чоловіка. Образи вміщені на головних уборах — конічній шапці та покривалі — складають коло символів культу плодючості та пов'язані з ним шлюбні церемонії. Адже, як свідчать етнографічні матеріали, саме конусоподібні убори у багатьох народів є атрибутом обряду одруження (Клочко 1986, с. 22, 23). Шлюб і поховання — явища семантично одно-

Рис. 5. Золоті пластинки із зображенням зооморфних і міфічних істот: 1 — образ лева; 2 — зображення левиноголового грифона; 3 — протома грифона; 4 — пластинки із зображенням грифона, оберненого вліво; 5 — образ грифона з рогом; 6 — сюжет у гротескному виконанні

рідні: вони відбивають цілий спектр уявлень про перехід з одного світу до іншого. Дослідники не раз відмічали різноманітні артефакти, пов'язані зі шлюбними обрядами у похованнях (Бессонова 1983, с. 115; Яценко 2006, с. 334, 354). У шлюбному ритуалі велике значення мав червоний колір. Він, ймовірно, викликав різноманітні асоціації — кров, вогонь, сонце, тобто, життєдайні образи (Яценко 2006, с. 360, 361).

За життя власниці її конічний убір, прикрашений візерунками — знаками божеств плодючості, а також — апотропеями, був справжнім церемоніальним убором — святковим символом, який знаменував переміну в житті не тільки окремої людини, а й цілого соціуму, особливо, коли йшлося про одруження осіб високого рангу. При похованні сакральний убір відігравав символічну роль: завдяки шлюбній церемонії позначав перехід до іншого світу.

Як сказано вище, на площині «схованки» лежали аплікації з рельєфними зображеннями хижака з породи котячих, грифона, трикутників тощо. Але що саме вони прикрашали, визначити важко. Особливу цікавість викликають зооморфні та міфічні образи.

Зображення лева (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, кат. № 101). Найбільше прямокутних пластинок з профільним зображенням лева, оберненого вправо (102 екз. розміри: 35 × 25 мм). По периметру пластинок відтиснуті тоненькі смужки, які утворюють рамку. Знизу зроблено ще один пружок, на якому показано масивну фігуру лева, який лежить на зігнутих міцних лапах з великими пазурами. Тулуб передано в профільному ракурсі, а голова, повернута анфас. На голові та шиї показано пишну гриву. Зображення лева у загальних рисах нагадує образ хижака на овальних пластинках з Мелітопольського кургану, а також — Шульговка, к. 2 Дорт Оба, Куль-Оба, але бердянські пластинки вирізняють деталі, тобто вироби про які йдеться — унікальні (рис. 5: 1).

Ще один тип пластинок із зображенням лева чи левиноголового грифона: тварина показана у профіль, оберненою вліво (22 × 18—20 мм; 14 екз.). Поза характерна для котячих: лев лежить, підігнувши лапи. Голова невиразна, грива як комір охоплює шию. По краю пластинок — облямівка з дрібних опуклих напівсфер. Через не дуже якісний штамп деякі риси образу незрозумілі. Зокрема, на спині лева показане, здається, крило. Але виконане невміло, отже, можна припустити, що рельєф — робота скіфського майстра, виконана за взірцем (рис. 5: 2).

Слід згадати ще один тип пластинок, на яких відтиснуто образ котячого хижака: йдеться про овальні пластинки із зображенням пантери (14 × 10 мм; 4 екз.). Хижак обернений вліво, низько опущена голова нагадує образи тварин, що згорнулись у кільце. Найближча аналогія бердянським аплікаціям: к. 3 (п. 2) поблизу с. Богданівка; к. 8 (п. 1) поблизу с. Вовчанське (Херсонська обл.). Такі пластинки робили наприкінці V ст. до н. е. (Фиалко 2014, с. 60).

Образ грифона. Особливо привертають увагу майже квадратні аплікації із зображенням голови міфічної істоти (22 × 20 мм; 75 екз.). Застосовано профільний ракурс — грифон, обернений вправо. Довга шия змальована двома дугоподібними рельєфними лініями. Між ними короткими тонкими дужками показано оперення, а зверху — гребінь. Шию увінчує голова з великим гострим вухом, круглим оком, хижо вигнутим напіввідкритим дзьобом (рис. 5: 3). Цей тип пластинок — унікальний.

Такими ж є великі пластини, на яких представлено зображення грифона з оберненим тулубом

вліво, а головою вправо. Істота лежить у характерній для хижаків позі з підігнутими лапами. Вздовж шиї показано гребінь. Голова з відкритою пащею, дзьоб загнутий, виділено кругле око. Над тулубом — округлі крила. На них рельєфними лініями позначені оперення. Хвіст грифона S-подібно вигнутий. Зображення облямоване рамкою з дрібних опуклих напівсфер (рис. 5: 4).

Звернемо увагу ще на один тип пластинок, на яких вміщено образ грифона. Його подано у профільному ракурсі (обернений вліво). Істота сидить у позі, характерній для хижака з породи котячих. На голові позначено ріг, кругле око, загнутий дзьоб. Над тулубом здіймається крило з двома рядами довгих пір'їн. Зображення облямоване тоненьким пружком з мініатюрних напівсфер (рис. 5: 5).

На деяких предметах зі скіфських курганів, відтворені унікальні сюжети. Можливо, вони є інтерпретацією зображень, представлених на творах грецьких майстрів. До таких належать пластинки з сюжетом, який дуже важко «прочитати» через схематизм деталей, а також, мабуть, порушення законів композиції. Автори публікації умовно назвали сцену «боротьба людини зі сфінксом» (Мурзін, Білан, Підвисоцька 2017, с. 112, кат. 108). Сцена вміщена на невеличких прямокутних із заокругленими кутами пластинках (27 × 22 мм, 134 екз.). Рельєф чіткий, але образи давній художник передав у дивному переплетені (рис. 5: 6). О. Фіалко запропонувала версію змісту сюжету як боротьба Геракла з левом (один з подвигів героя). Правда, авторка підкреслила, що «бердянські образи» важко зіставити з пам'ятками, на яких подано сцену боротьби Геракла (Фиалко 2014, с. 65).

Я також аналізувала зображення на пластинках, але з точки зору сюжету «герой зі сфінксом» (Клочко 2018, с. 127, рис. 3). Хоча детальний аналіз зображення спонукає відмовитись від цього трактування. Отже, на пластинках показано хижака з породи котячих, оберненого вліво. Добре відтворено задню частину тулуба тварини: задню ліву та обидві передні лапи з пазурами, вигнутий хвіст з китичкою на кінці. Лев присів у характерній позі хижаків. Поперек тулуба — опукла смуга, розділена вертикальними заглибинами (ребра?). На лівій частині площини між лапами лева бачимо голову і верхню частину фігури людини, оберненої вправо. Голова чоловіка на «картинці» домінує: показано крупні риси обличчя, відкритий рот (тобто, видно, що людина кричить), зачіску — пряме волосся (у вигляді коротких заглибин — пасом) закриває лоб і шию. Від лівого плеча персонажа вгору простягнута рука з розкритою долонею. На пластині зображено голову ще однієї людини. Портрет у профільному ракурсі, невиразний, але виділені великі очі, валик волосся над лобом. Образ нагадує про сцену на пластинах підвісок з кургану 4 поблизу с. Новоселки: йдеться про портрет скіфа, який лежить, підім'ятий грифоном (Музей… 2004, с. 55, кат. 24). Можливо, перед нами гротескне зображення сюжету, який важко «прочитати» саме через особливу манеру передачі образів. Загалом, пластинки з цією сценою, мабуть сприймали як апотропей.

Образи, представлені на пластинках, мають глибокі корені, а поєднання в композиції — сакральний зміст. Так звана геральдична композиція, яку складають хижаки та міфічні істоти: сидять або стоять один проти одного — утворювала рубіж між світами: живих і мертвих. Отже, можливо, орнаменти, модулями яких є пара — хижак і грифон, на думку В. Мурзіна, прикрашали покривало пурпурного кольору (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 34). Ця «накривка» (покривало) служила для оберігання «схованки», до якої поклали елементи парадного костюма жінки (чи жінок різного статусу).

Пограбування східної могили не дає можливості вияснити роль небіжчиці, похованої як особа високого статусу: у окремій камері, з супровідною особою, тайники, золоті декоративні елементи. В. Мурзін висловив припущення, що літня скіф'янка (за визначенням антропологів) була матір'ю скіфа, для якого спорудили курган. Але науковець не наполягає на цій версії, оскільки невідомим є вік «основного» небіжчика (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 49). Можливо, похорони цієї жінки відбувались відокремлено від церемоній захоронення скіфа. Тим більше, що Ю. Болтрик, відтворюючи картину здійснення поховань у Бердянському кургані, заявив про етнографічну особливість кочовиків: довозити до місця поховання муміфіковане тіло (Болтрик 2016, с. 29).

Поховання скіфа відбувалось за певним «сценарієм», в якому було передбачено облаштування так званого «тайника» чи схованки. Про них скіфологи вже не раз висловлювали різні припущення. С. Бессонова вважає, що речі заховані у тайниках були жертвою хтонічним богам (Бессонова 1984, с. 10). Б. Мозолевський довів, що предмети з тайника у Мелітопольському кургані мали культовий характер (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 171, 172). Ю. Болтрик узагальнив інформацію про цю особливість поховального ритуалу, тобто, облаштування тайників. Дослідник виділив 3 види схованок: викопані на дні камери, зроблені в насипах курганів, а також за їх межами. Автор проаналізував склад речей, залишених у «тайниках»: мечі, горит, гривни, «великі» ворворки тощо, і дійшов висновку, що предмети утворюють різні комбінації, які відбивають зміст обрядів у потойбічному світі (Болтрик 2016, с. 30). Можливо, саме до розряду схованок належить і «речовий склад» у центральній могилі Бердянського кургану. Під час церемонії поховання небіжчика високого рангу в могилі (у певному місці) поклали сакральні речі. Вони оформлені аплікаціями із зображеннями символів плодючості, характерними у шлюбних обрядах. Останні, очевидно, за уявленнями скіфів, відбувалися у загробному світі для воскресіння до нового життя.

ЛІТЕРАТУРА

Акишев, К. А., Акишев, А. К., 1980. Происхождение и семантика иссыкского головного убора. В: Акишев, К. А. (ред.). *Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана*. Алма-Ата: Наука, с. 14-32.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Ленинград; Прага: Артия, Советский художник.

Бессонова, С. С. 1984. О культе оружия у скифов. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 3-21.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Болтрик, Ю. В. 2016. Місце Бердянського кургану в системі поховальних пам'яток Скіфії. *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 27-33.

Боровка, Г. И. 1921. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана. *Известия Российской Академии истории материальной культуры*, 1, с. 169-192.

Вахтина, М. Ю. 2018. Об устройстве каменной гробницы в кургане Карагодеуашх. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 164-171.

Древности… 1872. *Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях*, 2. Санкт-Петербург.

Ермоленко, Л. Н. 2008. Элементы гротеска во внешности «героических персонажей» (по изобразительным материалам). В: Савинов, Д. Г., Советова, О. С. (ред.). *Тропою тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет*. Кемерово: Кузбассвуз, с. 70-80.

Клочко, Л. С. 1980. Реконструкция элементов скифского костюма из Бердянского кургана. В: *Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тезисы докладов XVIII научной конференции Института археологии АН УССР*. Днепропетровск, с. 95.

Клочко, Л. С. 1982 Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 118-129.

Клочко, Л. С. 1984. Верхній плечовий одяг скіфів. *Археологія*, 47, с. 57-68.

Клочко, Л. С. 1986. Реконструкція конусоподібних головних уборів скіф'янок. *Археологія*, 56, с. 14-24.

Клочко, Л. С. 2000. Зооморфні образи в декорі скіфських головних уборів V—IV ст. до н. е. В: *Музейні читання: Матеріали наукової конференції МІКУ*. Київ, с. 23-29.

Клочко, Л. С. 2009. Головні убори жінок із Лісостепового Лівобережжя Скіфії. В: *Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, листопад 2008 р.* Київ: Фенікс, с. 51-70.

Клочко, Л. С. 2013.Типы декоративных элементов в оформлении головных уборов скифянок. *Tiragetia*, VII (XXII), 1, с. 19-28.

Клочко, Л. С. 2018. Образ сфінкса в декорі скіфського вбрання. *Ахеологія і давня історія України*, 2 (27), с. 121-130.

Клочко, Л. С. 2019. Декоративні елементи скіфського часу зі знахідок А. Бидловського. В: *Археологія Поділля. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Вінниця, 16 жовтня 2019 р.)*. Вінниця: Твори, с. 82-92.

Клочко, Л. С. 2019. Образи жінок у мистецтві Північного Причорномор'я як джерело для реконструкції костюмів скіф'янок. *Археологія і давня історія України*, 3 (32), с. 76-90.

Клочко, Л. С., Васіна, З. О. 2002. Реконструкція жіночого вбрання за знахідками у «Великому кургані М. Веселовського». В: *Музейні читання. Матеріали наукової конференції МІКУ. Київ, грудень 2001 р*. Київ: Фенікс, с. 150-168.

Манцевич, А. П. 1948. Шейные уборы скифского периода. *Краткие сообщения ИИМК*, 22, с. 68-73.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха*. Ленинград: Искусство.

Маслова, Г. С. 1984. *Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX века*. Москва: Наука.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Музей… 2004. *Музей історичних коштовностей України: Альбом*. Київ: Мистецтво.

Мурзин, В. Ю., Белан, Ю. А., Подвысоцкая, Е. П. 2017. *Бердянский курган (погребальный комплекс скифского аристократа IV в. до н. э.)*. Киев: Олег Філюк.

Онайко, Н. А. 1976. Антропоморфные изображения в меотской торевтике. В: Сокольский, Н. И (ред.). *Художественная культура и археология античного мира*. Москва: Наука, с. 166-188.

Поздняков, Д. 2017. Реконструкция одежды. В: Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. *Царский курган скифского времени Аржан 2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, с. 215-220.

Сухарева, О. А. 1954. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. *Среднеазиатский этнографический сборник*, 1, с. 299-353.

Тереножкин, А. И., Мозолевський, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.

Топоров, В. П. 1980. Геометрические символы. В: Токарев, С. А. (ред.). *Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах*. 1. Москва: Советская энциклопедия, с. 272-273.

Фиалко, Е. Е. 2001. По поводу реконструкции головного убора из Рыжановского кургана. *Российская археология*, 4, с. 144-152.

Фиалко, Е. Е. 2014. Золотой декор костюмов из Бердянского кургана. *Боспорские исследования*, 30, с. 54-76.

Широкова, З. А. 1976. *Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана*. Душанбе.

Яценко, С. А. 2006. *Костюм древней Евразии: ираноязычные народы*. Москва: Восточная литература.

REFERENCES

Akishev, K. A., Akishev, A. K. 1980. Proiskhozhdenie I semantika issykskogo golovnogo ubora. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie issledovania drevnego I srednevekovogo Kazakhstana*. Alma-Ata: Nauka, s. 14-32.

Alekseev, A. Iu., Murzin, V. Iu., Rolle. R. 1991. *Chertomlyk (Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovisha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad; Praga: Artia, Sovetskii khudozhnik.

Bessonova, S. S. 1984. O kulte oruzhiia u skifov. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Vooruzhenie skifov i sarmatov*. Kiev: Naukova dumka, s. 3-21.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznie predstavlenia skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Boltryk, Iu. V. 2016. Mistse Berdianskogo kurganu v sistemi pokhovalnikh pamiatok Skifii. *Arkheologia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (19), s. 27-33.

Borovka, G. I. 1921. Zhenskie golovnye ubory CHertomlytskogo kurgana. *Isvestia Rossiiskoi Akademii istorii materialnoi kultury*, 1, s. 169-192.

Vakhtina, M. Iu. 2018. Ob ustroistve kamennoi grobnitsy v kurgane Karagodeuashkh. *Arkheologia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (27), s. 164-171.

Drevnosti… 1872. *Drevnosti Gerodotovoi Skifii. Sbornik opisanii arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v Chernomorskikh stepiach*, 2. Sankt-Peterburg.

Ermolenko, L. N. 2008. Elementy groteska vo vneshnosti «geroicheskikh personazhei» (po isobrasitelnym materialam). In: Savinov, D. G., Sovetova, O. S. (eds.). *Tropoiu tysiacheletii: K iubileiu M. A. Devlet*. Kemerovo: Kuzbasvuz, s. 70-80.

Klochko, L. S. 1980. Rekonstruktsia elementov skifskogo kostiuma iz Berdianskogo kurgana. In: *Arkheologicheskie issledovania na Ukraine v 1978—1979 g. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii*. Dnepropetrovsk, s. 95.

Klochko, L. S. 1982. Novye materialy k rekonstruktsii golovnogo ubora skifianok. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoj Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 118-129.

Klochko, L. S. 1986. Rekonstruktsia konusopodibnykh holovnych uboriv skifianok. *Arkheologiia*, 56, s. 14-24.

Klochko, L. S. 2000. Zoomorfni obrazi v dekori skifskykh holovhych uboriv V—IV st. do n. e. In: *Muzeini Chytannia: Materialy naukovoi konferentsii MIKU*. Kyiv, s. 23-29.

Klochko, L. S. 2009. Holovni ubory zhinok iz Lisostepovoho Livoberezhia Skifii. In: *Muzeini Chytannia: Materialy naukovoi konferentsii MIKU «Yuvelirne mystetstvo — pohliad kriz viky». Kyiv, lystopad 2008 r*. Kyiv: Fenix, s. 51-70.

Klochko, L. S. 2013. Tipy dekorativnykh elementov v oformlenii golovnykh uborov skifianok. *Tiragetia*, VII (XXII), 1, s. 19-28.

Klochko, L. S. 2018. Obraz sfinksa v dekori skifskoho vbrannia. *Arkheologia i davnia istoria Ukrainy*, 2 (27), s. 121-130.

Klochko, L. S. 2019. Dekoratyvni elementy skifskoho chasu zi znakhidok A. Bydlovskogo. In: *Arkheologia Podillia. Materialy Vseukraiskoi naukovoi konferentsii (m. Vinnytsia, 16 zhovtnia 2019 r*. Vinnytsia: Tvory, s. 82-92.

Klochko, L. S. 2019. Obrazy zhinok u mystetstvi Pivnichnjho Prychornomoria iak dzherelo dlia rekonstruktsii kostiumiv skifianok. *Arkheologia i davnia istoria Ukrainy*, 3 (32), s. 76-90.

Klochko, L. S., Vasina, Z. O. 2002. Rekonstruktsia zhinochoho vbrannia za znakhidkamy u «Velykomu kurhani M. Veselovskoho». In: *Muzeini Chytannia: Materialy naukovoi konferentsii MIKU. Kyiv, hruden, 2001 r*. Kyiv: Fenix, s. 150-168.

Mantsevich, A. P. 1948. Sheinye ubory skifskogo perioda. *Kratkie soobshchenia IIMK*, 22, s. 68-73.

Mantsevich, A. P. 1987. *Kurgan Solokha*. Leninguad: Iskusstvo

Maslova, G. S. 1984. *Narodnaj odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychaiakh i obriadakh XIX — nachale XX veka*. Moskva: Nauka.

Mify… 1980. *Mify narodov mira: Entsiklopedia*. I. Moskva.

Mozolevskij, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.

Muzej… 2004. *Muzej istorychnykh koshtovnostei Ukrainy: Albom*. Kyiv: Mystetstvo.

Murzin, V. Iu., Belan, Iu. O., Podvysotskaia, T. P. 2017. *Berdianskij kurgan (Pogrebalnyi complex skifskogo aristokrata IV v. do n. e.)*. Kiev: Oleg Filiuk.

Onaiko, N. A. 1976. Antropomorfnye izobrazhenia v mtotskoi torevtike. In: Sokolovskii, N. I. (ed.). *Khudozhestvennaj kultura i arkheologia antichnogo mira*. Moskva: Nauka.

Pozdniakov, D. 2017. Rekonstruktsia odezhdy. In: Chugunov, K. V., Partsinger, G., Nagler, A. *TSarskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan 2 v Tuve*. Novosibirsk: IAET SO RAN, s. 215-220.

Sukhareva, O. A. 1954. Drevnie cherty v formakh golovnykh uborov narodov Srednej Azii. *Sredneasiatskij etnograficheskij sbornik*, 1, s. 299-353.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskij, B. N. 1988. *Melitopolskij kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Toporov, V. P. 1980. Geometricheskie cimvoly. In: Tokarev, S. A. (ed.). *Mify narodov mira: Enziklopedia v dvukh tomakh*. 1. Moskva: Sovetskaj enziklopedij, s. 272-273.

Fialko, E. E. 2014. Zolotoi dekor kostiumov iz Berdianskogo kurgana. *Bosporskie issledovania*, 30, s. 54-76.

Fialko, E. E. 2001. Po povodu rekonstruktsii golovnogo ubora iz Ryzhanovskogo kurgana. *Rossiisraia arkheologia*, 4, s. 144-152.

Shirokova, Z. A. 1976. *Traditsionnaj i sovremennaj odezhda zhenshchin gornogo Tadzhikistana*. Dushanbe.

Iatsenko, S. A. 2006. *Kostium drevnei Evrasii: iranoiazychnye narody*. Moskva: Vostochnaia Literatura.

L. S. Klochko

THE HEADDRESS FROM THE BERDYANSK KURGAN

The Berdyansk kurgan has been studied for a long time, however some problems remain unsolved. One of them is the reconstruction of costume components by decorative elements, found in central burial (N 2). It was raided, however one area remained intact. Below the collapsed ceiling is the «item storage»: there were items of which only jewelry remained — the large amount of golden applique plates (2991 items total). The most peculiar are the artifacts which were probably the adornments for the headwear. In order to recreate their form, the complex and comparative analyses of golden plates' collections were performed. The probably adorned cone-shaped hats and the veil. The one collection of adornments included appliques which were on the frontal part of the headwear. Below were the triangular plates, the main part was occupied by ornamented appliques: «portraits» full face (female image) and profile (grotesque male image), felidae predator. The adornments of the cone-shaped hat are connected to the other headwear — the veil. It was ornamented on its edges — on the left and on the right — with rectangular plates which contained so-called «brotherhood scene». The connection of the said images on the headwears is the marker of sacramental act — wedding rituals.

The artifacts, which probably were ornaments of headwear, draw most attention. The complex and comparative analysis of golden jewelry was used in order to recreate their form. It is possible that they were attached to different types of attires. One attire consisted of cone-shaped hat and the veil. They are decorated with anthropomorphous images and geometrical ornaments (triangles). Another attire is also the cone-shaped hat, which form is supported by horizontal lines of plates with the images of predators and triangles. Generally speaking, these are the symbols of fertility cult. One of the tasks of the research is the determination of attire's semantics. The grave contains the burial of a high-rank man, but the reconstructed attires are female. Cone-shaped attires are linked to wedding ceremonies in many peoples. The burial and wedding rituals have similar semantics, since both are about passing from one world to another. Sacred attires could have been the markers of bride's (or brides') presence in the male burial.

Apart from the headwears there were also the necklace which resembles the net and the clothes adorned with golden appliques. The «item storage» was surrounded by the golden plates, presumably sewed on the veil, which had the images of the gryphon and felidae hunter — the ornament which divides two worlds — one of life, and the other of death.

Keywords: Berdyansk kurgan, cone-shaped headwear, the connection of the images in cloth decoration, wedding rituals.

Одержано 21.05.2020

КЛОЧКО Любов Іванівна, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник, Музей історичних коштовностей України, вул. Лаврська, 9, Київ, 01015, Україна.
KLOCHKO Liubov I., Phd, Chief Research Fellow, Museum of historical treasures of Ukraine, Lavrska str., 9, Kyiv, 01015, Ukraine.
E-mail: liubaklochko@ukr.net.

УДК 904.24(477.72)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.27

О. В. Ліфантій

НОВІ ДАНІ ЩОДО СКІФСЬКИХ ЗОЛОТИХ АПЛІКАЦІЙ ОДЯГУ З КУРГАНІВ БІЛЯ с. ОЛЬГИНЕ ХЕРСОНСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Нещодавно відкриті дані змушують внести корективи у вже закріплені в літературі уявлення про аплікації одягу, знайдені під час розкопок групи курганів біля с. Ольгине Горностаївського району Херсонської області. Ця публікація покликана усунути прикру плутанину та, можливо, уточнити дату окремих поховань курганної групи.

***Ключові слова**: Східноєвропейський степ, скіфські старожитності, золоті аплікації одягу.*

Вступ. У літературі вже закріплене уявлення про прикраси скіфських поховальних костюмів, знайдені в курганах біля с. Ольгине Горностаївського р-ну Херсонської обл. у 1990 р. Херсонською археологічною експедицією ІА НАН України під керівництвом А. І. Кубишева (Кубышев и др. 1990 [1]; Кубишев, Ковальов 1994; Бессонова и др. 2005; Кубышев и др. 2009). Проте, нещодавно виявлені факти змушують зробити певні корективи.

Основна частина. Почну із найпізнаванішої по тексту звіту речі, яка походить з Братолюбівського кургану: «*два фрагменти золотої нашивної ажурної бляшки, вочевидь, від жіночого головного убору (спарений сфінкс)*» [2] (Кубышев и др. 1990, с. 26), або ж «*два фрагменти ажурної бляшки із зображенням “подвійного” сфінкса*» (Кубышев, Ковалев 1994, с. 143). Оскільки на момент публікації монографії інформація про цей виріб була втрачена [3], С. С. Бессонова висловила припущення, що ці два «фрагменти розпалися під час реставрації» (Кубышев и др. 2009, с. 151, прим. 6). На щастя, цей виріб із двох уламків зберігся. Отже, на сьогодні маємо більше інформації про жіночий головний убір із центрального парного поховання Братолюбівського кургану. Розглянемо аплікацію докладніше.

Пластина [4] складається із двох фрагментів, що мають чітку лінію зламу (рисунок: 1). Розміри складеного до купи виробу складають 46 × 36 мм. Проба — 500. Пластина вирізана по контуру зображення. Вона є уламком від краю довшої пластини, що оздоблювала жіночий головний убір. Зображення виконано максимально спрощено. Воно представлене так званим двотілим сфінксом [5], хоча збереглася лише права частина фігури — отже лише один лев’ячий тулуб. Його показано у профіль, розвернутим ліворуч. Обличчя істоти передане у фас, має овальну форму. На ньому позначені двома відтиснутими овалами великі очі. Рота передано простою вдавленою лінією. На голові сфінкса показано головний убір, подібний до корони (?) із чотирма трикутними виступами, між ними присутні додаткові підовально-ром-

1. Наскільки мені відомо, текст звіту не зданий на зберігання до Наукового архіву ІА НАН України.
2. Тут і далі переклад з російської авторський.
3. Ще під час прийому матеріалів з розкопок до колекції Наукових фондів ІА НАН України, дві золоті аплікації з Братолюбівського кургану чомусь не пройшли апробацію, тому їх не було одразу записано до колекційної книги. Їх апробацію було проведено у 1992 р. (акт № 5 від 20.03.1992), коли дані про місце знахідки вже було втрачено.
4. На момент мого дослідження виріб перебував на тимчасовому зберіганні, тому інвентарного номеру постійного зберігання ще не мав.
5. Цікаво, що за Актом знахідки від 24 серпня 1990 р., який зберігається у НФ ІА НАН України, цей виріб записаний як «бляшка нашивна від головного убору із зображенням богині на леві». Однак вже у тексті звіту автори визначають його як образ «спареного сфінкса».

© О. В. ЛІФАНТІЙ, 2020

Золоті аплікації одягу з курганів біля с. Ольгине: 1, 2 — з Братолюбівського кургану; 3—5 — з п. 4 к. 1 біля с. Ольгине

бічні елементи. Але не ясно, що вони позначають — головний убір, чи зачіску. Серповидні крила позначені п'ятьма вигнутими валиками кожне. Грудина істоти, або ж основа крил, позначені випуклими фігурами ромбів та овалів, подібних до орнаменту на головному уборі. По кутах виробу зберігся валик із псевдозерню, що оперізував виріб по підовальному контуру. У двох збережених кутах присутні отвори, пробиті з внутрішнього боку. Третій отвір (на тулубі істоти), вочевидь, було нанесено додатково з лицьової сторони. Вірогідно, це було зроблено через пошкодження платівки і появі необхідності додаткового кріплення.

Подібні зображення двотілого сфінкса присутні на дрібних пластинах з к. 8 біля с. Вовчанське (Полин, Кубышев 1997, рис. 9: 2), п. 4 к. 9 Малої Лепетихи (Вітрик, Данилко 2002, рис. 6) та Куль-Оби (Копейкина 1986, с. 153, кат. 26). Зокрема дуже схожими є форма крил та головних уборів. Однак сильно відмінною є форма виробу. Усі подібні зображення на дрібних пластинах вирізані по контуру фігури. Окантовка та вирізане за крилами тло присутнє на довгих пластинах з Чортомлика, де багато фігурок сфінксів розставлено у ряд. Проте у цьому випадку головні убори на голівках істот відсутні, або ж вкрай слабо позначені. Водночас цей же калаф оздоблювали аналогічні за зображенням, проте суцільні пластини (Алексеев и др. 1991, кат. 122). Цього ж типу відомі вироби і у Лісостепу — к. 8 Пісочинського могильника (Бабенко 2005, фото 13). Таким чином, можна констатувати унікальність братолюбівського виробу, а отже значну цінність у введенні його до наукового обігу. Дата ж цього виробу не може бути пізнішою за третю чверть 4 ст. до н. е. (за аналогією з чортомлицькими та пісочинськими довгими пластинами). Значна ж стилізація та найбільша подібність до виробів дрібних пластин варіанту II4Aa (за О. В. Ліфантій) [1] вказує на час раніше середини 4 ст. до н. е.

За С. В. Поліним та А. І. Кубишевим п. 2 к. 8 Вовчанського продатовано досить широко — першою половиною 4 ст. до н. е. (Полин, Кубышев 1997, с. 46). Впускне п. 4 к. 9 Малої

1. Коротку схему типології див.: Ліфантій 2019, с. 63; докладний її опис подано у дисертаційному дослідженні (Ліфантій 2018).

Лепетихи С. В. Полін зарахував до часу не пізніше початку другої чверті 4 ст. до н. е. (за двома амфорами з Менди мелітопольського типу другої — третьої чверті 4 ст. до н. е. та червонофігурним скіфосом з розписом, характерним для першої половини 4 ст. до н. е.; що само собою робить висновок дослідника зовсім не очевидним; Полин 2014, с. 272, рис. 206). Саме за вищеописаним керамічним матеріалом переконливішою є друга чверть 4 ст. до н. е. — дата, прийнята І. С. Вітрик та Н. М. Данилко (Вітрик, Данилко 2002, с. 143), хоч і без зазначення ними аналогій до виробів. Пластинки у вигляді двотілого сфінкса з Куль-Оби Л. В. Копейкіна відносила до першої половини 4 ст. до н. е., на основі подібних зображень на грецькому вазописі, гемах та мозаїках (Копейкина 1986, с. 56, 57). При цьому більшість дослідників відносять спорудження основного склепу до середини — початку третьої чверті (Полин 2014, с. 438), або ж всієї другої половини 4 ст. до н. е. (Алексеев 2003, с. 296).

Центральна могила Братолюбівського кургану за аналогіями до кінської вузди та коштовними предметами зі схованки була віднесена С. С. Бессоновою до другої чверті 4 ст. до н. е. (Кубышев и др. 2009, с. 118). Натомість, на основі аналогій із Гайманową Могилою, С. В. Полін пропонує давніший час для Братолюбівського — першу чверть 4 ст. до н. е. (Полин 2014, с. 279), що виглядає дещо штучним. Датування ж С. С. Бессонової цілком органічне для описаного вище фрагмента пластини. Це свідчить і на користь того, що закладення схованки та «підзахоронення» жінки відбулося приблизно у межах цього відносно вузького проміжку часу.

Привертає увагу і той факт, що всі відомі дрібні пластини з двотілим сфінксом не мають контуру з валику із псевдозерні (степові знахідки див.: Ліфантій 2018, рис. 2.23). Натомість контур з плетінкою присутній саме на довгих платівках. Таким чином, цей фрагмент виробу можна вважати найдавнішим зразком довгих пластин типу II G (за О. В. Ліфантій), що передував виробам з Чортомлика та к. 8 Пісочинського могильника.

З другим виробом, що публікується тут, ситуація складніша. Справа в тому, що за звітом та вже згаданим актом, річ із аналогічним описом походить із поховання 5 воїна-охоронця Братолюбівського кургану [1]. Складність полягає в тому, що С. С. Бессонова, вірогідно, не ознайомлена із актом, вирішила, що у звіті вказано пластинку з грифоном, що представлена не одним а дванадцятьма екземплярами. Тому у монографії, як знайдена у цій могилі, вказана одна пластина із грифоном, що стоїть, припавши на передні лапи (Кубышев и др. 2009, фото. 27, рис. 16: 1), а інші 11 аплікацій не згадані ані в монографії, ані у статті про інші кургани біля с. Ольгиного. Однак тут була знайдена інша річ, наявна лише в одному екземплярі. У звіті вона описана як «1 нашивна 4-кутна золота бляшка із зображенням правостороннього грифона» (Кубышев и др. 1990, с. 28), що підтверджується актом (додаток). Аналогічні дані містяться у статті А. І. Кубишева та М. В. Ковальова, де згадано, що із Братолюбівського кургану походять «*дві золоті бляшки… нашивна ажурна від головного убору, та із зображенням грифона*» (Кубишев, Ковальов 1994, с. 144).

Таким чином, можна впевнено говорити про приналежність до цього поховання наступної прямокутної пластинки [2] (рисунок: 2). ЇЇ розміри — 24 × 19 мм. Проба — 500. На ній зображено грифона, що лежить із підібганими кінцівками. Фігура розвернута у профіль праворуч. Хвіст істоти має S-подібну форму. По кутах виробу нанесені чотири отвори із лицьового боку. Цю платівку можна віднести до варіанту b типу II1C «Грифон, що лежить» (докладніше див.: Ліфантій 2018, рис. 2.19: 7—18). Єднає братолюбівський виріб із іншими аплікаціями варіанту поза істоти, розташування і форма крил, хвоста та лап. Схожість полягає і в наявності кількох валиків (внутрішній утворений із псевдозерні, а зовнішній гладкий). Крім того, на братолюбівській пластині частково (над головою та під ногами істоти) відтиснувся ще один гладкий валик, який чітко видно на інших виробах цього варіанту (наприклад, на виробі з бокового поховання Товстої Могили). Примітно, що у грифона на братолюбівській пластині передні лапи подібні до кінцівок копитного. При цьому права нога підібгана під тіло, а ліва зігнута в «коліні» і трохи піднята над правою. Це дещо обмежує коло аналогій виробами з Жовтокам'янки, Малого Огуза, к. 22 Вільної України, Чортомлика та Товстої Могили.

Отже, слід докладніше зупинитися саме на можливих датах цих п'яти курганів. С. В. Полін відносить час спорудження Жовтокам'янки та центрального поховання Чортомлика до 350—340 рр. до н. е. (Полин 2014, с. 449, 454). Натомість А. Ю. Алексеєв схиляється до 350—320 (із можливою точною датою — 329/328) рр. до н. е. — як часу побудови ЦП Чортомлика (Алексеев 2003, с. 268). До давнішого часу С. В. Полін зараховує Малий Огуз — кінець другої — початок третьої чверті (Полин 2014, с. 476). Для п. 1 к. 22 Вільної України пропонується 350 р. до н. е. за чорнолаковою мискою на кільцевому піддоні зі штампованим орнаментом з шести пальмет (Полин 2014, с. 526).

1. На думку С. С. Бессонової, це було впускне поховання вищого статусу, а не простого воїна-охоронця (Кубышев и др. 2009, с. 24).

2. На момент мого дослідження виріб перебував на тимчасовому зберіганні, тому інвентарного номеру постійного зберігання ще не мав.

Єдина, подібна до братолюбівської, пластинка з бокового поховання Товстої Могили має відламаний нижній край та отвори, нанесені згори від лінії зламу. Це вказує на тривале використання виробу. Що ж до дати бокового поховання Товстої Могили думки дослідників не одностайні. Б. М. Мозолевський відносив час його спорудження до середини — початку третьої чверті 4 ст. до н. е. (Мозолевский 1979, с. 229), А. Ю. Алєксєєв — 350—320 рр. до н. е. (Алексеев 2003, 264). У той час як С. В. Полін датує його аж другою чвертю на основі керамічного матеріалу (Полин 2014, с. 279).

Оскільки поховання 5 практично не містило інших вузьких хроноіндикаторів крім пластини, спиратися на датування С. С. Бессонової не можна. За формою ж катакомби вона датувала його досить вузько: кінцем другої — початком третьої чверті 4 ст. до н. е., не виключаючи однак й можливості дещо давнішої дати (Кубышев и др. 2009, с. 125).

Таким чином, найближчі за виглядом пластини варіанту відносяться до початку третьої чверті 4 ст. до н. е., що вказує і на дату розглянутої платівки. Така дата не суперечить висновкам С. С. Бессонової. І навіть підтверджує саме молодшу дату із запропонованих нею можливих. Це, у свою чергу, дещо «розтягує» у часі спорудження центральної могили Братолюбівського кургану та впускного поховання 5.

Водночас, з цього ж Акту (додаток) очевидно походження дванадцяти пластин із іншим зображенням грифона. Вони знайдені у боковому похованні 4 кургану 1, разом із аплікаціями зі сценою шматування. Докладно був описаний чомусь лише один виріб із серії, проте помилково віднесений до Братолюбівського кургану (Кубышев и др. 2009, с. 94—97). Можливо, плутанина сталася через неточні дані зі звіту, де зазначається, що у похованні 4 кургану 1 було знайдено «бляшки з жовтого дорогоцінного металу прямокутної форми» [1] (Кубышев и др. 1990, с. 9). Приблизно таке ж розмите формулювання (можливо, написане на основі звіту) присутнє у тезах конференції (Кубышев, Куприй 2002, с. 127). Отже, слід докладніше зупинитися на описі цих дванадцяти пластин [2] (рисунок: 3). Проба виробів — 385. Частина пластин має пошкоджені краї, у тому числі порвані по отворах кути. Це свідчить на користь їх використання. Виготовлена серія із застосуванням одного пуансона. Оскільки пластини нашиті на планшет, не вдалось оглянути їх зворотній бік. Проте відсутність видимих слідів від стеки на поверхні, а також незначний рельєф на гладких поверхнях деталей зображення вказують на відтискання їх саме пуансоном зі зворотного боку. Отвори по кутах були нанесені з фронтальної сторони. Тоді ж з лицьового боку деякі дрібні деталі було допрацьовано карбівкою.

На дванадцяти пластинах зображено грифона у профіль, розвернутого праворуч. Це орлиноголовий [3] грифон із крилами серпоподібної форми. Хижий дзьоб створіння показано закритим [4]. На голові позначено чубчик. Незвичним для зображення грифона на пластинах одягу є позначення ребер. Мені відомий лише ще один такий випадок — на пластині з кургану біля с. Будки. Зазвичай цей елемент властивий образу котячого. Крім того, на ольгинських платівках піднятий догори хвіст грифона має роздвоєну китичку. Можна погодитись з подібністю образу до зображення на золотих окуттях дерев'яного посуду з к. 14 біля с. Стеблів, проте інші згадані С. С. Бессоновою аналогії видаються занадто далекими (Кубышев и др. 2009, с. 96).

С. С. Бессонова віднесла цього грифона до архаїчного іконографічного типу (Кубышев и др. 2009, с. 95). А. Р. Канторович — до типу II-I-2 Краснокутсько-Олександропольского, поруч із нашивною пластинкою з Жовтокам'янки та бронзовими навершями з Гайманової, Товстої та Лугової Могил (Канторович 2015, с. 1253, 1254). За іншим поділом, цей образ можна віднести до типу зображень грифонів з серповидним крилом (Полидович 2015, с. 116).

За моєю типологією аплікацій одягу, ці пластини відносяться до варіанту а типу II1С «Грифон, що лежить», разом із виробами з Бердянського кургану, к. 22 Вільної України, Товстої та Лугової Могил (Ліфантій 2018, с. 96). Для цього варіанту властиво зображення грифона з однією дещо піднятою лапою, у позі, подібній до напівлежачої. Проте, унікальність платівок з Ольгиного та вихід за рамки більшості іконографічних образів грифона тут є очевидним. Слід згадати, що С. С. Бессонова датує ці пластини за широким колом віддалених аналогій серединою — третьою чвертю 4 ст. до н. е., не виключаючи більш ранньої дати, через «виражені архаїчні елементи» (Кубышев и др. 2009, с. 97).

Слід також згадати про інші вироби, що оздоблювали цей головний убір. Їх докладний

1. Водночас тут же было знайдено 52 прямокутні пластинки зі сценою шматування. Отже, без акту передачі, розібратися у походженні дванадцяти пластин із грифоном було важко.
2. Інвентарні номери З-4125—4136.
3. А. Р. Канторович трактує його як грифона із головою котячого хижака із дзьобоподібною верхньою щелепою (Канторович 2015, с. 750). Я не бачу підстав для такого визначення, оскільки тут зображено саме дзьоб. Тому грифон може бути визначений як орлиноголовий. Тим більше, що дослідник відносить його до пізньогрецького типу, для якого характерна якраз голова хижого птаха.
4. На думку А. Р. Канторовича, на розглянутій пластинці, дзьоб закритий (Канторович 2015, с. 750), водночас С. С. Бессонова трактує його як «хижо розкритий» (Кубышев и др. 2009, с. 95).

опис подано раніше (Бессонова и др. 2005, с. 41-42). Розміри та кількість виробів вказані у статті (52 екз., 2,6 × 2,1 см) [1] практично ідентичні до вказаних у акті: 52 шт., 2,8 × 2,2 см (додаток). Це усуває сумніви щодо опису у Акті, де помилково вказано не зображення сцени шматування, а грифона. Привертає увагу і те, що відтиснута ця серія була двома доволі схожими пуансонами (рисунок: 4—5). Проте суттєві відмінності у параметрах фігур тварин виключають можливість «переробки» одного й того ж самого знаряддя. Один пуансон (з меншим зображенням), вірогідно, був сильно спрацьованим. Наслідком стало отримання «роздутих» та дещо комічних фігур лева. Другий, можливо, створений на основі першого, мав більші розміри сцени шматування та ним були відтиснені чіткіші аплікації.

Цей варіант III1Dc зображень є доволі популярним і присутній у великій кількості курганів степу (Ліфантій 2018, рис. 2.28). У випадку із неграбованими похованнями, такі пластини завжди зафіксовані як оздоби жіночого покривала голови. Не є виключенням і пластинки з Ольгиного. Проте, суттєвим моментом є зображення на платівці з Ольгиного саме олениці, яку шматує лев. Це лишає у колі найближчих аналогій к. 16 біля Златополю (Бидзиля и др. 1974, табл. XXXV: 1), к. 9 Малої Лепетихи (Вітрик, Данилко 2002, рис. 6), гр. 1 к. 4 Носаків (Бидзиля и др. 1977, рис. 11: 10) та Товсту Могилу (Мозолевський 1979, рис. 116). Причому пластини з гробниці 1 кургану 4 біля Носаків С. В. Полін зараховує до другої чверті 4 ст. до н. е., оскільки вони знайдені у близькоспорідненому похованні, впущеному у центральне (гр. 1) першого десятиліття 4 ст. до н. е. (Полин 2014, с. 258). Ним же гробницю 4 кургану 16 Златополю віднесено до кінця першої чверті 4 ст. до н. е. на основі дат чорнолакового посуду (Полин 2014, с. 428). Датування кургану 9 Малої Лепетихи та Товстої Могили було розглянуто вище. Таким чином, усі перелічені аналогії до пластин із сценою шматування вказують на час від кінця першої до початку третьої чверті 4 ст. до н. е.

На опублікованому кресленні поховання 4 кургану 1 (Бессонова, Ковальов, Кубишев 2005, рис. 4: 1) видно, що частина платівок формує неправильний півмісяць, згори над черепом, а частина — ряди (?) на черепі. Водночас два довгі ряди пластин (зі сценою шматування) розташовані вздовж кісток хребта, що тягнулись до середини стегнових кісток, оздоблювали покривало голови. Отже, в набір прикрас жінки з поховання входили дві золоті сережки, а на голові її був платовий головний убір, вздовж країв якого йшли ряди платівок. Дванадцять пластин із зображенням грифона оздоблювали тверду шапку, форма якої, на жаль, не була зафіксована під час розкопок (принаймні, у тексті звіту). Проте, судячи із плавних обрисів над черепом, це був невисокий убір із пласкою вершиною, можливо так званий скіфський калаф.

С. С. Бессоновою це поховання датовано часом ближче до початку третьої чверті 4 ст. до н. е. за аналогіями до пластин зі сценами шматування, чорнолаковим кіліком на низькому піддоні, амфорою «типу Солоха II чи типу гераклейських», двома золотими сережками та бронзовим дзеркалом із боковою ручкою (Бессонова и др. 2005, с. 42). Натомість С. В. Полін за тими ж предметами відносить його до кінця першої — початку другої чверті 4 ст. до н. е. Не враховує С. В. Полін, спираючись на датування виготовлення кіліка (початок першої — друга чверть 4 ст. до н. е.), і слідів від тривалого вжитку на ньому. Причому, як відзначає сам дослідник, амфора з Менди мелітопольського типу може бути датована у межах кінця першої — третьої чверті 4 ст. до н. е. (Полин 2014, с. 308). Остання дата якраз не суперечить висновкам С. С. Бессонової, а також аналізу аналогій до пластин зі шматуванням і грифоном. Таким чином, спорудження цього поховання можна відносити до другої — початку третьої чверті 4 ст. до н. е.

Висновки. Отже, отримані дані по-новому розкривають палітру розмаїття аплікацій одягу знаті, похованої у курганах біля с. Ольгине Херсонської обл. Дещо інакший розподіл пластин у різних поховальних комплексах дозволив відкоригувати дату окремих поховань.

Тепер відомо, що головний убір жінки із парного центрального поховання Братолюбівського кургану був прикрашений принаймні однією (вірогідно, їх було суттєво більше з огляду на грандіозність знахідок зі схованки) довгою ажурною пластиною унікального вигляду.

Одяг озброєного чоловіка (?) з впускного п. 5 цього ж кургану оздоблювала пластина із зображенням грифона, яке було досить популярним і відоме з ряду поховань.

У непорушеному грабіжниками п. 4 кургану 1 було знайдено типовий скіфський жіночий головний убір: поєднання твердої шапки із покривалом, оздоблені рядами золотих пластин. З огляду на скромність іншого супровідного інвентарю у похованні, можна лише уявляти наскільки яскравими були аплікації церемоніального вбрання із центрального поховання Братолюбівського кургану.

Слова вдячності. Поява цієї статті можлива завдяки молодшому науковому співробітнику НФ ІА НАН України А. О. Денисовій. Саме вона звернула мою увагу на «неідентифіковані» аплікації, що зберігалися у Розділі І Наукових фондів. На щастя, одна з пластинок одразу привернула мою увагу, а здогадка щодо її походження пізніше була надійно підтверджена до-

1. Номери зберігання З-4137—4188, проба золота — 375, розміри виробів коливаються: 21—23 × 26—28 мм.

кументами. Також висловлюю щиру вдячність к. і. н. С. С. Бессоновій, яка дала можливість ознайомитися з чернеткою археологічного звіту з розкопок 1990 р. Завдяки аналізу звіту та іншої документації мені вдалось ідентифікувати точне походження описаних у статті предметів.

Додаток

ВИТЯГ З АКТУ ЗНАХІДКИ ВИРОБІВ З КОШТОВНИХ МЕТАЛІВ У ПОХОВАННЯХ БІЛЯ с. ОЛЬГИНЕ ГОРНОСТАЇВСЬКОГО р-ну ХЕРСОНСЬКОЇ обл. ВІД 24 серпня 1990 р. [1]

5. Курган 1, поховання бокове. Бляшки нашивні від головного убору із зображенням крилатого грифона. Крупні, розмірами 3,0 × 3,2 см (12 шт.). Дрібні, розмірами 2,8 × 2,2 см (52 шт.). Сліди ремонту, частина кутів обламана.

13, 14. Курган 3, поховання. (**13**) Бляшки нашивні круглої форми з пальметами. Д = 1,0 см. Золото (3 шт.). (**14**) Уламок начільної стрічки-метопіди. Розміри — ? (1 шт.). Фрагмент.

17. Курган 4 [2]**, поховання**. Бляшка нашивна із зображенням грифона (1 шт.). Могила пограбована.

18. Курган 4, поховання 4. Бляшка нашивна від головного убору із зображенням богині на леві (1/2 шт.). 1/2 фрагментована.

1. У витягу представлені виключно аплікації одягу з поховань курганної групи.
2. Саме під таким номером у групі позначено Братолюбівський курган.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Бессонова, С. С., Ковальов, М. В., Кубишев, А. І. 2005. Кургани біля с. Ольгине (скіфські поховання). *Археологія*, 3, с. 38-51.

Бидзиля, В. И., Ляшко, С. Н., Никитенко, М. М., Отрощенко, В. В., Савовский, И. П., Томашевский, В. А. 1974. *Отчет о работах Запорожской экспедиции за 1974 год.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1974/10.

Бидзиля, В. И., Болтрик, Ю. В., Мозолевский, Б. Н, Савовский, И. П. 1977. Курганный могильник в ур. Носаки. В: Бидзиля, В. И. (ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки.* Киев: Наукова думка, с. 61-158.

Вітрик, І. С., Данилко, Н. М. 2002. Поховання знатної скіфянки у «Великому кургані» М. І. Веселовського. В: Клочко, Л. С. (ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Грудень 2001 р.* Київ, с. 138-149.

Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция.* Дисертация д. и. н. МГУ.

Копейкина, Л. В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач, Н. Л. (ред.). *Античная торевтика.* Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 28-63.

Кубышев, А. И., Шилов, Ю. А., Ковалев, Н. В. 1990. *Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции в Херсонской области в 1990 году. Раскопки курганов у с. Ольгино-Братолюбовка (Константиновка) Горностаевского района и с. Новый Труд (Чонгар) Геического района Херсонской области.*

Кубишев, А. І., Ковальов, М. В. 1994. Скіфський Братолюбівський курган на Херсонщині. *Археологія*, 1, с. 141-144.

Кубышев, А. И., Куприй, С. А. 2002. Окружение Братолюбовского кургана (скифские курганы у с. Ольгино). В: Клочко, Л. С. (ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Грудень 2001 р.* Київ, с. 126-128.

Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалев, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: ИА НАН Украины.

Ліфантій, О. В. 2018. *Коштовні аплікації одягу населення степової Скіфії VII—III ст. до н. е.* Дисертація к. і. н. ІА НАН України.

Ліфантій, О. В. 2019. Аплікації скіфського церемоніального одягу. Проблеми типології. В: *To Dig or Not To Dig: інвазивні та неінвазивні методи археології: матеріали міжнародної наукової конференції молодих вчених*. Київ, с. 62-66.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила.* Київ: Наукова думка.

Полин, С. В., Кубышев, А. И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье).* Киев.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине.* Киев: Олег Філюк.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu., Myrzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (skifskij czarskij kurgan IV v. do n. e.).* Kiev: Naukova dumka.

Alekseev, A. Yu. 2003. *Hronografiya Evropejskoj Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Bessonova, S. S., Kovalov, M. V., Kubyshev, A. I. 2005. Kurhany bilia s. Olhyne (skifski pokhovannia). *Arkheolohiia*, 3, s. 38-51.

Bidzilya, V. I., Lyashko, S. N., Nikitenko, M. M., Otroshhenko, V. V., Savovskij, I. P., Tomashevskij, V. A. 1974. *Otchet o rabotax Zaporozhskoj e'kspediczii za 1974 god.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1974/10.

Bidzilya, V. I., Boltrik, Yu. V., Mozolevskij, B. N, Savovskij, I. P. 1977. Kurgannyj mogil'nik v uroch. Nosaki. In: Bidzilya, V. I. (ed.) *Kurgannye mogl'niki Ryasnye Mogily i Nosaki.* Kiev: Naukova dumka, s. 61-158.

Vitryk, I. S., Danylko, N. M. 2002. Pokhovannia znatnoi skifianky u «Velykomu kurhani» M. I. Veselovskoho. In: Klochko, L. S. (ed.). *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii. Hruden 2001 r.* Kyiv, s. 138-149.

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskij zverinyj stil' Vostochnoj Evropy: klassifikacziya, tipologiya, hronologiya, evolyuczliya.* Disertacziya d. i. n. MGU.

Kopejkina, L. V. 1986. Zolotye blyashki iz kurgana Kul'-Oba. In: Grach, N. L. (ed.). *Antichnaya torevtika.* Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 28-63.

Kubyshev, A. I., Shilov, Yu. A., Kovalev, N. V. 1990. *Otchet o raskopkax Hersonskoj arheologicheskoj ekspediczii v Hersonskoj oblasti v 1990 godu. Raskopki kurganov u s. Ol'gino-Bratolyubovka (Konstantinovka) Gornostaevskogo rajona i s. Novyj Trud (Chongar) Genicheskogo rajona Hersonskoj oblasti.*

Kubyshev, A. I., Kovalov, M. V. 1994. Skifskyi Bratoliubivskyi kurhan na Khersonshchyni. *Arkheolohiia*, 1, s. 141-144.

Kubyshev, A. I., Kuprij, S. A. 2002. Okruzhenie Bratolyubovskogo kurgana (skifskie kurgany u s. Ol'gino). In: Klochko, L. S. (ed.) *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii. Hruden 2001 r.* Kyiv, s. 126-128.

Kubyshev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskij kurgan*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Lifantii, O. V. 2018. *Koshtovni aplikatsii odiahu naselennia stepovoi Skifii VII—III st. do n. e.:* Dysertatsia k. i. n. IA NAN Ukrainy.

Lifantii, O. V. 2019. Aplikatsii skifskoho tseremonialnoho odiahu. Problemy typolohii. In: *To Dig or Not To Dig: invazyvni ta neinvazyvni metody arkheolohii: materialy mizhnarodnoi naukovoi konferentsii molodykh vchenykh*. Kyiv, s. 62-66.

Mozolevskyi, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.

Polin, S. V., Kubyshev, A. I. 1997. *Skifskie kurgany Utlyukskogo mezhdurechya (v severo-zapadnom Priazovje).* Kiev.

Polin, S. V. 2014. *Skifskij Zolotobalkovskij kurgannyj mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Hersonshhine.* Kiev: Oleg Filyuk.

O. V. Lifantii

NEW DATA ABOUT SCYTHIAN GOLD GARMENT APPLIQUÉS FROM BARROWS NEAR OLHYNE VILLAGE OF KHERSON OBLAST

Recently revealed data considering gold appliqués series, forced to correct notion, which has already fastened in literature. These artefacts were found during an excavation of a group of barrows near Olhyne village, Hornostaivskyi district, Kherson Oblast. The research was conducted in 1990 by the Kherson Archaeological Expedition led by Anatolii Kubyshev. This publication aimed to eliminate unfortunate confusion and to clarify the date of some graves in the described burial ground.

Thus, two garment appliqués, preserved in Archaeological Storage of Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, that have no provenance information were identified. These two pieces were not published before. Due to a comparison of the Archaeological report and analysis of Storage documentation data, I have managed to find their place of finding.

As shown in the article, the openwork appliqué in a form of two-bodied Sphinx was part of headdress decorum from the central grave of Bratoliubivka barrow (the main and biggest mound in the group). One rectangular-shaped plaque with a depiction of lying in crouched pose griffin was found in the grave 5 of the same barrow. In this inlet tomb the wealthy Scythian warrior was buried. The construction time of the barrow and inlaid grave 5 lay in second — early third quarter of the 4th century BCE.

Twelve rectangular appliqués with an image of a half-recumbent griffin with crescent-shaped wings were found in the grave 4 barrow 1 of Olhyne group. Previously only one plaque of this series was wrongly published as find from the grave 5 of Bratoliubivka barrow. This unfortunate mistake is now corrected. At the same tomb, 52 rectangular appliqués with the depiction of a lion attacking a doe were found. Therefore, at well-preserved woman grave 4 of barrow 1 near Olhyne village fully decorated hat and veil were placed. This tomb was probably constructed in the second — early third quarter of the 4th century BCE. Considering the modesty of this grave goods, one can only imagine how bright the appliques of a ceremonial garment from the central grave of Bratoliubivka barrow were.

Keywords: Eastern European Steppe, Scythian antiquities, gold garment appliqués.

Одержано 2.06.2020

ЛІФАНТІЙ Оксана Валентинівна, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник, Музей історичних коштовностей України — філія Національного музею історії України, вул. Лаврська, 9, Київ, 01015, Україна.

LIFANTII Oksana V., PhD, Chief Research Fellow, Museum of Historical Treasures of Ukraine — branch of National Museum of Ukrainian History, Lavrska str., 9, Kyiv, 01015, Ukraine.

ORHID: 0000-0003-3987-287X; e-mail: oksanalifantiy@gmail.com.

УДК 904.2(498)"638" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.28

L. Grumeza, V. Bârcă

GLASS BEADS DISCOVERED IN THE SARMATIAN CEMETERIES FROM SOUTH-WESTERN ROMANIA

This article analyses the glass beads discovered in the Sarmatian cemeteries from south-western Romania. Beads are the most numerous objects identified among grave goods (over 14000 specimens), being present in 43 cemeteries dated between the 2nd—4th century AD. Typologically, we identified 9 main types of monochrome beads and 8 polychrome (each with variations and different colours). Most often, beads were sewn onto apparel, being highly important for discussions concerning the fashion of the time, trading relations and Roman-Barbarian contacts.

Keywords: *glass beads, Sarmatians, cemeteries, Roman-provincial workshops, Western Plain of Romania, Banat region.*

Introduction. Beads were broadly used over the course of time on vast spreads during the Antiquity, which explains the continuation of a large number of types across large time spans. As an archaeological material class, they are a rather significant historical source, being artefacts offering a large scale picture of the trading relations, crafts' development, aesthetic tastes and other aspects of the ancient communities' lives.

Beads were mainly worn in strings around the neck, precisely because of this, being chiefly discovered on the chest and around the neck of the deceased. Nonetheless, most often in the Sarmatian world, they are discovered by the wrist or ankle of the dead. Certain bead types were sewn onto apparel, especially by the collar, cuffs and hems, however also in the waist area and on trousers. There are cases when sword belts were also beaded, in this cases beads lying in the handle and blade area. Similarly to other adornment classes, beads most certainly fulfilled a decorative and cultic-magical role. They provide an image of the aesthetic choices and ideas existing in the Sarmatian world, and not only. This likely explains why most often they are discovered together with various pendants and amulets. Special attention was granted in Antiquity, and not only, to beads made of semiprecious stones. By their aesthetic and physical qualities (colour, hardness, gloss, strength, shine, etc.) were believed to carry certain out of the ordinary qualities.

In the first centuries AD, beads were frequent in the Sarmatian environment, while according to their material, shape and decorative patterns, they are similar to those of the same period from a vast area and different cultural settings. All of these furthermore evidence that beads count among the most spread adornments, being at high demand as early as most ancient times. The Sarmatians are no exception, since beads are ones of most numerous and frequently used jewellery pieces.

Bead making required high craftsmanship, which, as previously noted (Skripkin 1990, p. 75), made impossible their production in the nomad environment, to which the Sarmatians also belonged. For this reason, most beads reached them by trade with the Roman empire and the centres from the north of the Black Sea. Still, some coarsely made beads in bone, chalk or various stones might have been crafted in Sarmatian environment.

In the Sarmatian graves of the Great Hungarian Plain beads are quite frequent, in some cases their numbers reaching hundreds or thousands. On the territory of Banat, we may mention for instance grave 24 at Pančevo-Vojlovica, where

© L. GRUMEZA, V. BÂRCĂ, 2020

2215 beads [1] were discovered (Batistić-Popadić 1984—1985, p. 62). Nevertheless, their number differs from one burial ground to another, according to the peculiarities of each site, distance from the limes, quantity of Roman imports within the burials, resources available to respective communities, the chronological period to which the burial / cemetery belongs to or the number of female graves in each cemetery. Circumstances are similar in the Sarmatian funerary complexes from plain territories located northward (the Crişana region) and southward (the Banat region) the Lower Mureş river (Grumeza 2014, p. 93—104 with complete bibliography).

We shall discuss below the glass beads discovered in the cemeteries ascribed to the Sarmatians, especially Foeni-*Cimitirul Ortodox*, Giarmata — *Sit 10* (Timiş county) and Hunedoara Timişană (Arad county; fig. 1). These not very large three cemeteries from south-western Romania were investigated in the last years via rescue excavations, yielding a total number of 62 burials dated to the period between the end of the Marcomannic wars and the third quarter of the 3rd century AD (stages C1a—C1b/C2 in the Central-European chronology).

The Sarmatian cemeteries from Foeni — *Cimitirul Ortodox*, Hunedoara Timişană and Giarmata — *Sit 10*. General data. Between 1991—2002, the Museum of Banat in Timişoara and the Institute of Archaeology and Art History of Cluj-Napoca carried out systematic archaeological excavations in Foeni (Timiş county), site *Cimitirul ortodox*, the investigated assemblages being mainly prehistoric. In the 1991—1993, 1996—1998 and 2001—2002 excavation campaigns 18 Sarmatian graves were also discovered, definitely part of a larger cemetery mostly destroyed by the current orthodox cemetery. Based on the preserved funerary furniture, the group of graves at Foeni may be dated to the end of the 2nd — mid / third quarter of the 3rd century AD (Tănase, Mare 2000; Grumeza 2011; Grumeza 2014, p. 179—185, Bârcă, Grumeza 2014, p. 163, 164). Half of the skeletons are oriented north-south (graves 4—8, 11, 12, 16), while the other half with the head southwards (graves 1—3, 10, 14, 15, 17, 18). Only one grave was located on the west — north-west axis, another orientation cannot be specified (due to the grave's looting). Unfortunately, it is impossible to say which was the cemetery's layout (i. e. the presence of ditches, graves' grouping, etc.), because the Sarmatian cemetery was superimposed (and partially destroyed) by the contemporary orthodox graveyard.

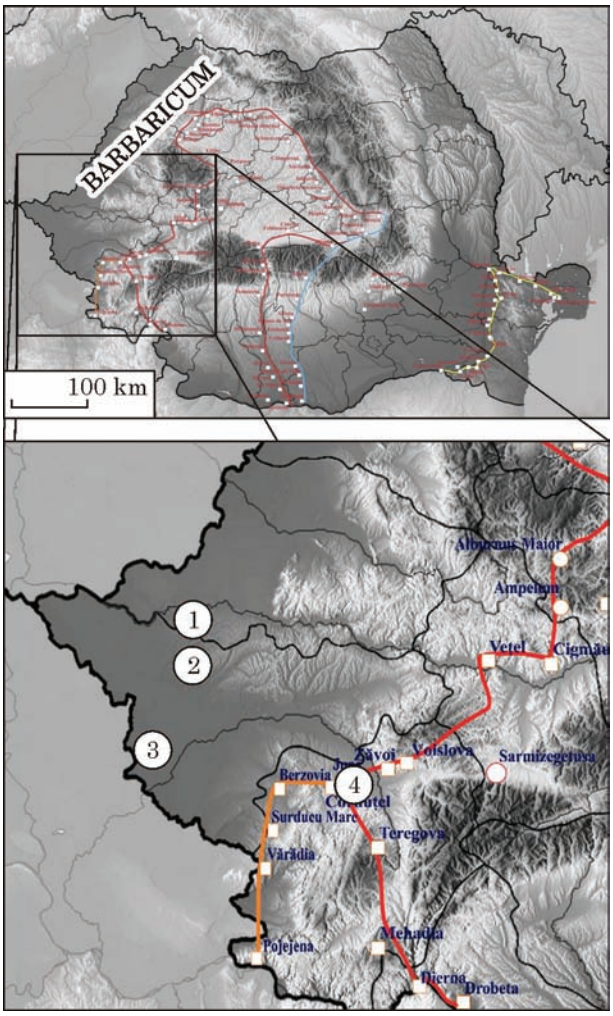


Fig. 1. The research area with the main Sarmatian cemeteries mention within the text: 1 — Hunedoara Timişană; 2 — Giarmata — Sit 10; 3 — Foeni-Cimitirul Ortodox; 4 — Tibiscum, Roman beads workshop on the Dacian limes (limes Dacicus and Barbaricum after www.limesromania.ro, with additions)

In the summer of 2010, the rescue archaeological excavations prior the construction of the Arad-Timişoara Highway, respectively the Arad-Seceani section, investigated several archaeological sites and features, among which also site *B0_7-B0_8*, located within the range of Hunedoara Timişană village, Şagu commune (Arad county; Bârcă et al. 2011, p. 187—192; Bârcă 2014, p. 12—14). The investigations yielded 17 inhumations to which add the pieces from a grave destroyed by the construction of an early medieval house. The discovered graves represent a small settlement-related cemetery whose nucleus lay west the highway route (Bârcă 2014a, p. 14). The graves' layout indicates that eastward and westward, outside the investigated limits, there existed other graves as well. The excavations performed in the southern side of the excavated perimeter investigated features of the Sarmatian settlement dated to the 3rd—4th century AD and a few features from the early medieval pe-

1. The number of beads is impressive, if we consider that in the 3 bead officinae from Tibiscum, only 10158 intact specimens were recorded over the entire period of the 2nd—4th centuries AD (Benea 2008, p. 135).

riod (Bârcă et al. 2011, p. 187—192; Bârcă 2014a, p. 14). Except for grave 3, all the other had a rectangular gravepit with rounded corners, while in 14 cases the deceased were buried with head northwards, north-north-westwards and north-north-eastwards (Bârcă 2014, p. 73, 80) [1]. The predominant northern orientation of the graves from Hunedoara Timişană confirms, beside other previous or more recent finds, the entry of certain Sarmatian groups (the Roxolani) in the Great Hungarian Plain in the period after the Marcomannic wars (Bârcă 2014, p. 141). Chronologically, the grave groups from Hunedoara Timişană date to the interval comprised between the end of the 2nd century and the third quarter of the 3rd century AD (Bârcă 2014a; 2014b, p. 29; 2016, p. 253, 254).

From the route of the same Arad-Timişoara motorway, more precisely from Site 10 located within the boundary of Giarmata village (Timiş county), comes another Sarmatian cemetery, where 32 graves were identified, 26 being dated between last quarter of the 2nd — third quarter of the 3rd century AD (Grumeza 2014, p. 185—198; Bârcă, Grumeza 2014, p. 161—163; Bârcă 2014, p. 72). Within the same site were discovered and researched many prehistoric archaeological assemblages and a late Sarmatian settlement contemporary with another small cemetery. In this paper we shall refer to the graves dated to the last quarter of the 2nd — third quarter of the 3rd century AD. These features were placed as four groups, with distances from a few tens of meters to almost one hundred meter in-between. The «grave nests» were delimited one from the other by long, almost parallel ditches. They do not surround a central grave (or several), but delimited certain grave groups. Very likely, we are dealing with a division of the funerary space upon social or ethnic criteria. The graves are oriented mainly on the south / south-west / south-east axis. Just in two graves (G. 7 and 25) the deceased are placed with the head towards north / north-east.

The results of the archaeological research carried out at Foeni, Hunedoara Timişană and Giarmata, supply a multitude of data regarding the interaction of the Sarmatians with the Roman and Germanic worlds and represent, beside other recent finds, proof that the Sarmatians settled the territory south the Lower Mureş river after the Marcomannic wars. Also, it is very likely that the deceased buried with the head northwards from cemeteries on the territory of Banat [2], were Sarmatian, arriving in this region of the north-west Pontic area or their descendants.

The finds at Foeni, Hunedoara Timişană and Giarmata, together with the other Sarmatian cemeteries and settlements discovered over the last two decades in territories west of the province of Dacia indicate that their settlement in these regions was significant only after the Marcomannic wars, when certain Sarmatian groups massively entered these territories, likely with Roman agreement and under their careful control. It is further certain that for between years 20—70/80 of the 2nd century AD, there was no Sarmatian inhabitancy in the territory south the Lower Mureş. Such archaeological facts show that territories around the western and south-western borders of the province of Dacia were under efficient Roman control. The numerous Sarmatian settlements and cemeteries discovered in the plain part of the territory south the Lower Mureş river indicate the area was not incorporated, as argued until recently in the Romanian historiography (Daicoviciu 1942, p. 103; Benea 1996, p. 114), in the province territory, but lay outside its south-western border located not far from the last westward forts along the Lederata-Berzobis-Tibiscum road. Concurrently, it is certain that this territory, under Roman control, lay though *extra provinciam*.

Glass beads typology (tables 1 and 2; fig. 2—5)**.** Beads are the most numerous grave goods. They emerge in 43 cemeteries ascribed to the Sarmatians and researched in western Romania (18 in Arad county and 25 in Timiş county). These cemeteries yielded over 14000 beads [3]. Amongst, are notewor-

1. Placing the deceased within graves with head northwards is uncommon to the Sarmatian environment of the Great Hungarian Plain, where over four centuries, the southern orientation dominated. In the area south the Lower Mureş river, the northern oriented graves emerge sometime by the end of the 2nd century — early 3rd century AD, being frequent in late date cemeteries, mainly in the southern part of the region. A somewhat larger clustering is yet noted north the Lower Mureş river, in the Criş-Mureş-Tisza area and also along the northern limits of the Sarmatian inhabitancy (Kulcsár 1998, p. 16—20, 93, 109; Bârcă 2014, p. 80—83; Grumeza 2014, p. 49—51). The emergence of the northern orientation in the Great Hungarian Plain beside other funerary customs and elements related to dress and costume is indicative of the entry of new Sarmatian groups from the north-west Pontic area after the Marcomannic wars (see further Párducz 1960, p. 74; Kulcsár 1998, p. 93, 109; Simonenko 1993, p. 63; 2001, p. 117, 122; Bârcă 2014, p. 82, 83, 141).

2. For the graves in Banat, with heads of the deceased oriented northwards see Grumeza 2014, p. 49—51.

3. For instance, for the Arad county, we approximate a total number of 6000 specimens. Even if we identified, documented and recorded in the data base a number of 3727 beads (and other hundreds of fragments), ca. a third of the graves discovered in the Arad county — especially those identified in the 20th century — either have no specified number of total beads found or the materials were lost; see for instance, the case of grave 9 at Zădăreni: «Scattered around the skeleton there were discovered a multitude of beads of various colours in clay, shells, glass etc. forming a total length of 4 meters» (archive E. Dörner, Arad Museum Complex; beads are currently lost).

Table 1. Monochrome beads: typology and general observations (see fig. 2, 3)

Group	Form	Variation				
		A	B	C	D	E
I	Globular	Very small sizes; always beaded on apparel	The most common beads; of a wide chromatic range	Similar to B, slightly flattened	Melon-shaped; very rare variations	—
II	Biconical	Large sizes; only white in colour	Most in group II	Very rare; only black	—	—
III	Cylindrical	Large sizes, alike B; only white in colour	Most in group III	Pear-shaped; very rare variations	Very rare variations; only red in colour	—
IV	Rectangular	Smaller sizes than B	Most in group IV; of a wide chromatic range	Elongated, with hexagonal profile; very rare variations; only dark blue	Of hexagonal profile	Of flattened hexagonal profile; of a wide chromatic range
V	Polygonal	Numerous; of a large chromatic variety, predominate though purple-blue and cherry hues (imitating carnelian)	Of a wide chromatic range, yet specific to only certain cemeteries	—	—	—
VI	Biconical	Dark-blue beads dominate in a proportion of 90 %	—	—	—	—
VII	Sandwich	Small sized; covered with a golden leaf	Very rare; covered with a golden leaf	Rare variation	Small sized; only red and blue in colour; rare variation	—
VIII	Circular	Of a great chromatic variety, yet specific to only certain cemeteries	—	—	—	—
IX	Irregular	Rare, recorded in only one burial ground (Şofronea)	—	—	—	—

Table 2. Polychrome beads: typology and general observations (see fig. 4)

Group	Variation			
	A	B	C	D
I	Rare items, often central pieces in necklaces or used as knobs / buttons		—	—
II	All variations have complex decorations; each bead is unique in this type			Singular item, recorded in a single grave (Sânnicolau Mare)
III	Singular item, recorded in a single grave; with the role of *obolus* (Arad-Barieră)	—	—	—
IV	Most found polychrome bead types; most often beaded on clothing, together with other beads	Singular item, recorded in a single grave (Sânnicolau Mare)	—	—
V	Recorded in a single cemetery (Hunedoara Timişană)	—	—	—
VI	This group and variations are recorded only in the Foeni cemetery; worn mainly by the hand (as bead bracelets)			—
VII	Recorded in a single cemetery (Foeni); beaded on apparel	—	—	—
VIII	Singular item, recorded in a single grave (Moraviţa)	—	—	—

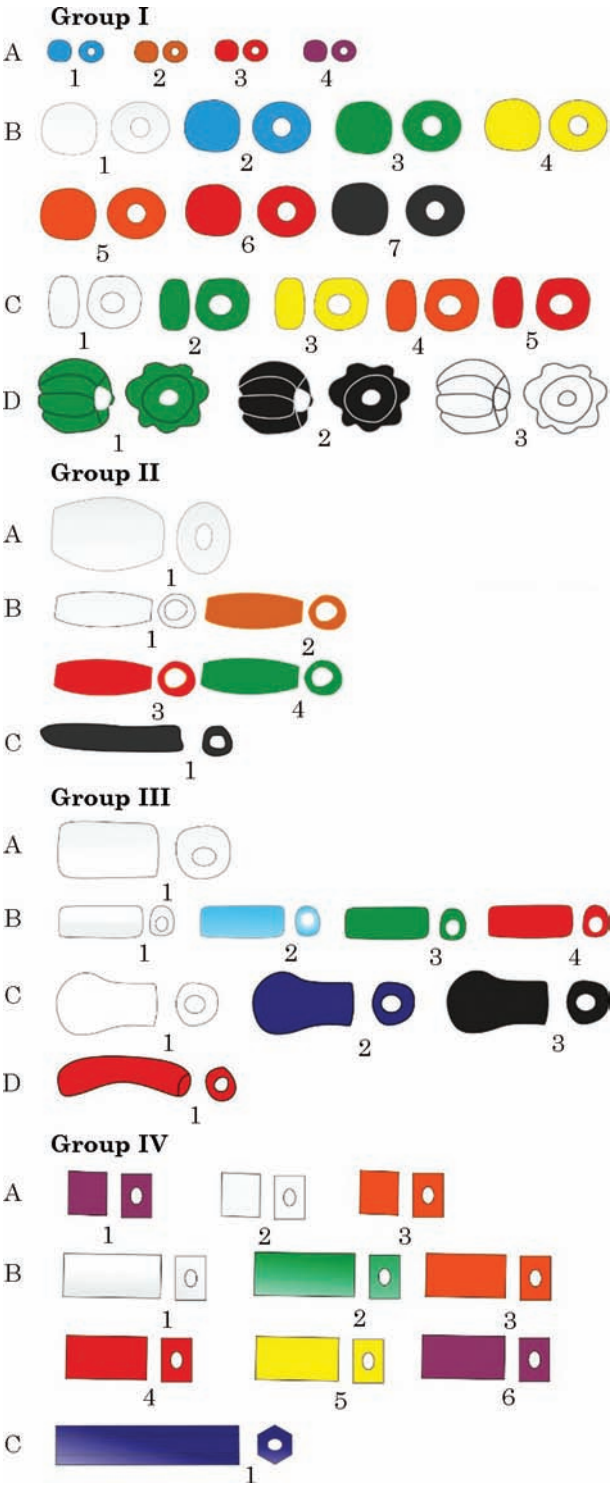


Fig. 2. Types of monochrome beads from Arad and Timiş counties (after Grumeza 2019, with additions)

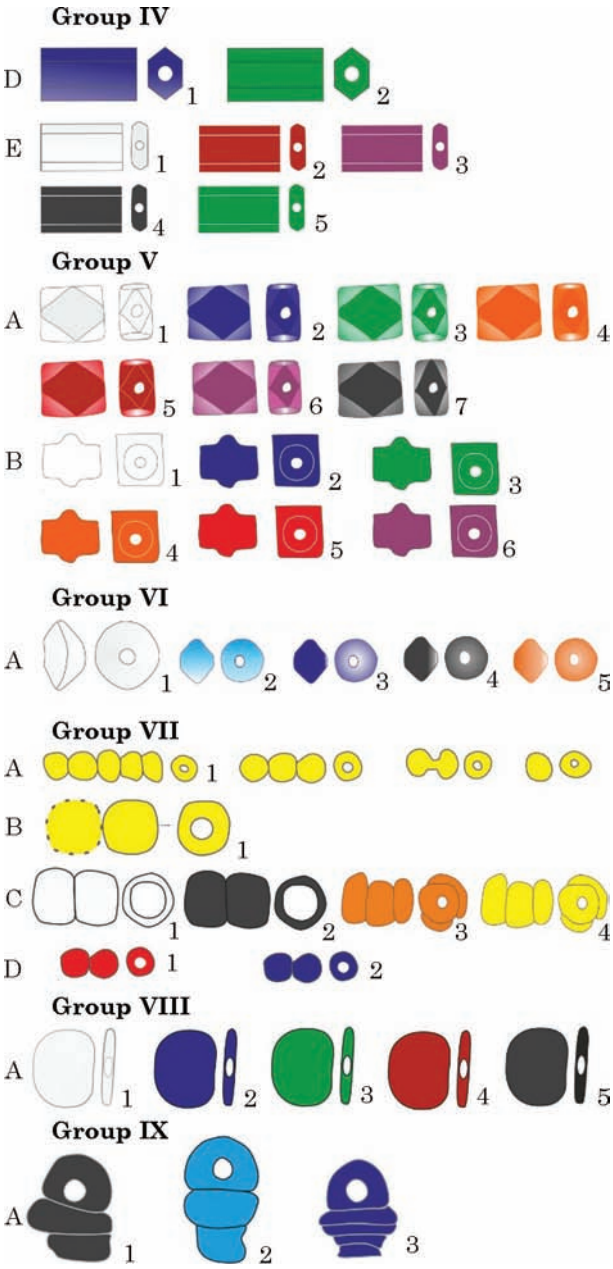


Fig. 3. Types of monochrome beads from Arad and Timiş counties (after Grumeza 2019 with additions)

thy Foeni-*Cimitirul Ortodox* with 1594 examples (Grumeza 2011, p. 184), Giarmata — *Sit 10*, with 2204 examples (Grumeza 2014, p. 185—198) [1] and Hunedoara Timişană with 1396 (Grumeza, Rumegă-Irimuş, Barcă 2014, p. 240; Bârcă 2014, p. 148—161) [2]. According to their raw material, the majority of beads are glass made (in a proportion of 70—90 %, depending on each cemetery). For instance, in the Hunedoara Timişană cemetery, 73 % of the beads were glass made (mainly opaque), followed by beads made of a highly friable rock or limestone (9 %) and chalcedony (10 %). Amber beads represent a percentage of 8 % in the analysed graves (fig. 5). Similar statistics are recorded in the Foeni-*Cimitirul Ortodox* cemetery (92 % glass beads) or Giarmata — *Sit 10* (73 % glass beads).

1. Originally, only 1241 examples were published (Grumeza 2014, p. 185—198). Recently, we identified other 963 specimens in the National Museum of Banat Timişoara, coming from grave 30, unpublished.

2. To these add other bead fragments documented in all mentioned cemeteries. Such fragmentation is mostly due to grave looting. For better preserved beads see the fig. 9—11.

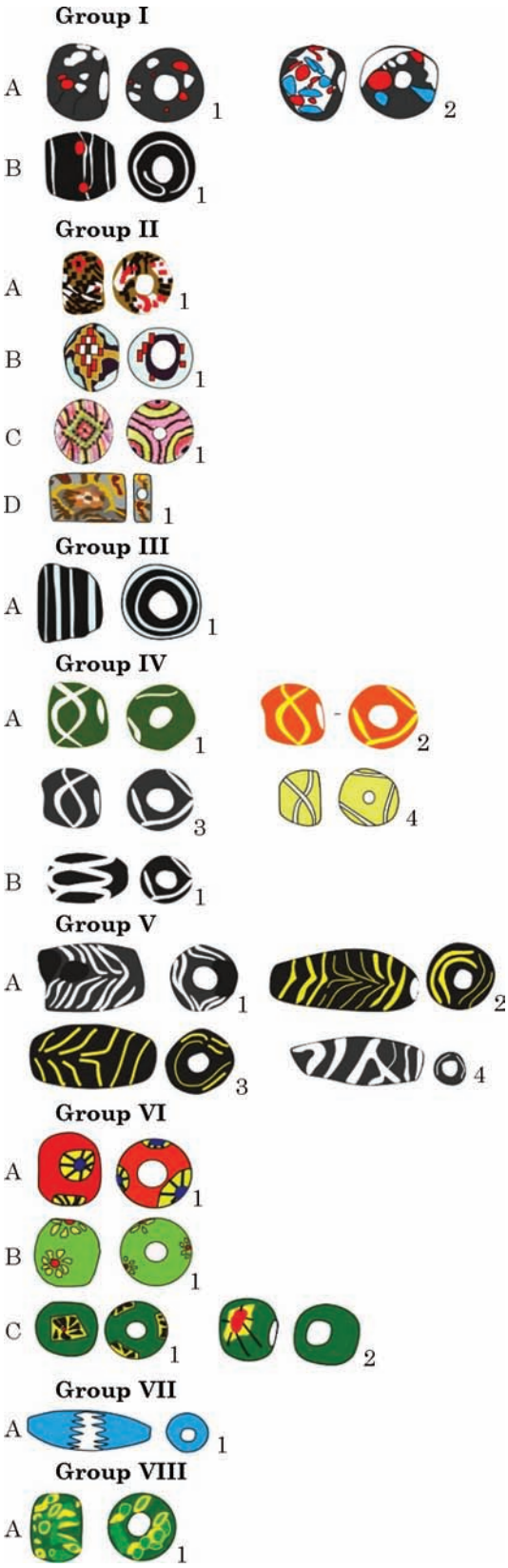


Fig. 4. Types of polychrome beads from Arad and Timiş counties (after Grumeza 2020)

The studies discussing beads discovered in the European *Barbaricum* use the classification suggested by M. Tempelmann-Mączyńska (Tempelmann-Mączyńska 1985) and E. M. Alekseeva (Alekseeva 1975; 1978; 1982). Unfortunately, these typologies may not be adopted in our case, since beads discovered in Sarmatian funerary sites and features from the Great Hungarian Plain (and implicitly today's western Romania) are typological series different than those from the centre, north and east of Europe. Furthermore, the workshops making and then distributing the beads here are known. Therefore, we drafted (Grumeza 2019, pl. 22—25) our own typology, adapted to the realities of the area (fig. 2—4).

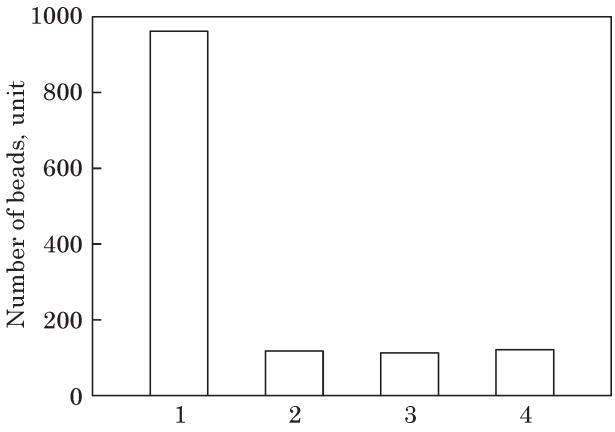


Fig. 5. Distribution of beads in the Hunedoara Timişană cemetery according to the raw material: 1 — glass; 2 — limestone / white stone; 3 — amber; 4 — chalcedony (after Grumeza, Rumegă-Irimuş, Barcă 2014)

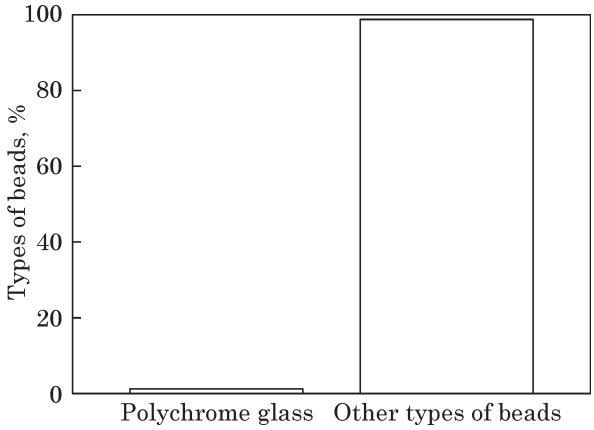


Fig. 6. Distribution of beads in Foeni-Cimitirul Orthodox (1574 versus 20 beads)

In the case of monochrome glass fabric beads we identified nine main types, each with variations and different colours (fig. 2, 3). These types were exhaustively discussed in various studies (Grumeza 2013, p. 245—260; 2014, p. 93—99; Grumeza, Rumegă-Irimuş, Barcă 2014, p. 120—127). We wish to draw a few additional notes and conclusions subsequent to the comprehensive analysis of all types documented in the Sarmatian graves from the area south of the Lower Mureş river.

Multicolour glass beads are much rarer, yet of various shapes: globular, biconical or rectangular. We identified eight main groups with 23 variations, all of a wide chromatic and decorative vari-

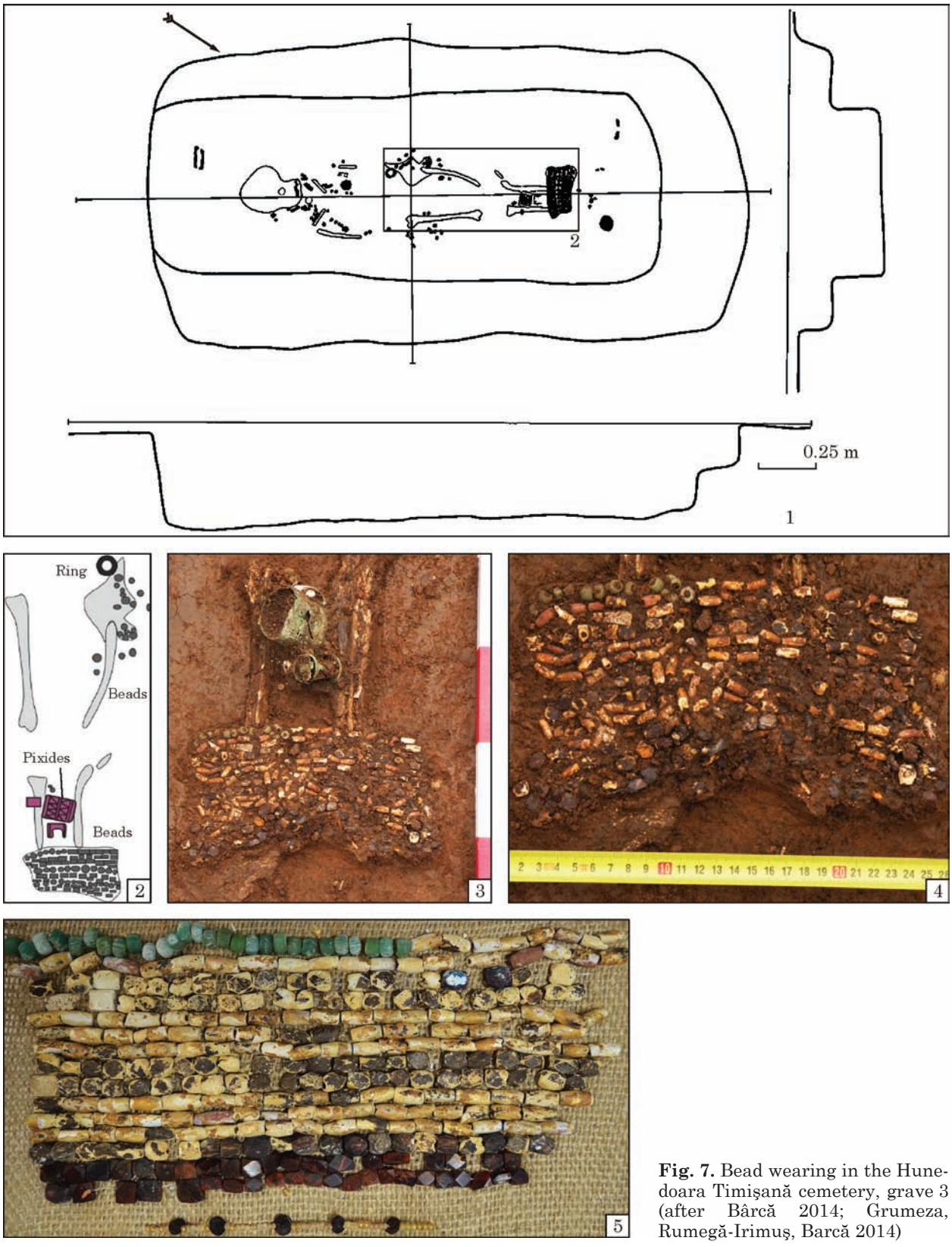


Fig. 7. Bead wearing in the Hunedoara Timişană cemetery, grave 3 (after Bârcă 2014; Grumeza, Rumegă-Irimuş, Barcă 2014)

ety (with geometric, vegetal, floral, etc. patterns). All specimens are larger than monochrome glass beads (up to 2.8 cm in diameter). Polychrome beads were documented only in 17 graves (from eight cemeteries), the majority in the previously mentioned three sites: Hunedoara Timişană (12 beads), Giarmata (3 beads) and Foeni-*Cimitirul Ortodox* (20 beads). The Foeni cemetery is noteworthy, with most polychrome beads, still less than 1 % of total beads (fig. 6).

These finds were discussed in other papers (Grumeza 2018, p. 193—211; 2020). We wish to make a few additional notes and conclusions, subsequent to the comprehensive analysis of all

Fig. 8. Rare finds of bead wearing: 1, 2 — Hunedoara Timişană, graves 7 and 14 (after Barcă 2014a); 3 — Foeni-Cimitirul Ortodox, grave 14 (after Grumeza 2013)

types documented in the Sarmatian graves from Banat and Crişana areas.

The small number of polychrome beads may be explained by the fact they were made via a complicated technology. The raw material consisted of variously coloured dull glass (black, red, green, blue), while the secondary materials were glass stripes also differently coloured, applied on the vitreous mass. In group I, dots were made by a sharp tool (Benea 2004, p. 202). Another production technique was used in the case of group II, whereby by the beginning of bead making, the glass stripes were melted into a basic colour (Benea 2004, p. 203). In the case of florally decorated beads (Group VI), the *millefiori* technique was used.

Except for Gr. VII, all the other types of polychrome glass beads were produced on the western border of Dacia, in *Tibiscum* workshops, during the 2nd — early 4th century AD. The functioning of these *officinae* may be connected to communities of craftsmen, who came from the Syrian-Palestinian-African regions following the establishment of military units in this particular area: *cohors I Sagittariorum* and *numerus Palmyrenorum Tibiscensium* (Benea 2004, p. 267). Physical-chemical analyses have shown that it was mainly the Syro-Palestinian workshops that supplied the imperial market with raw glass (Antonaras 2017, p. 6—8, with further bibliography).

The fashion in the graves. Most often, certain apparel parts were beaded in the neck area, the lower sides (cuffs, hems), shoes or belts, beside other pendants. If found in the neck area (close to collars), they formed part of necklaces

Fig. 9. Glass beads: 1 — Foeni-Cimitirul Ortodox, grave 14 (after Grumeza 2013); 2 — Giarmata — *Site 10*, grave 22 (after Grumeza 2014)

(fig. 8: 1). In certain graves, beads were discovered by wrists and ankles. Bead mixtures were varied from raw material, shape, colour, decoration or location standpoints. Good part of the graves were yet disturbed, bones did not survive *in situ* or did not preserve because of soil acidity. Therefore, in many cases, it is impossible to say where the beads originally lay or reconstruct how they were worn.

The anthropological-archaeological analyses made on various cemeteries ascribed to the Sarmatian culture in the Great Hungarian Plain show that garments embroidered with various beads (on dress hems or trousers) was specific to adult women and adolescents (Vörös 2003), and had a similar function with that of a wedding dress or a garment that marks the entry of women into adult society.

An example of glass beads worn as decoration on the lower sides of the coat / dress was identified in grave 3 from the Hunedoara Timişană cemetery, where 592 beads (mainly in glass) were identified. The many specimens set on rows in the ankle area were beaded on the garment in 16 successive rows (fig. 7). Each row followed a certain chromatic and structural symmetry, with mostly alternating polyhedral and biconical beads:

• Row 1: 28 globular, green glass beads (Gr. I/D/1).

• Row 1, 2: 27 beads (Gr. I/B/1) of white glass; their surface preserves a dark-blue metal patina here and there.

• Row 3, 4: 39 polyhedral beads (Gr. V/A/2) of a highly friable stone, white; their surface still preserves a dark-blue metal patina here and there.

• Row 5—7: 54 biconical beads (Gr. II/B/1) glass, white; their surface still preserves a dark-blue metal patina here and there.

• Row 8, 9: 39 polyhedral beads (Gr. V/A/2) of a highly friable stone, white; their surface still preserves a dark-blue metal patina here and there.

• Row 10—12: biconical beads (Gr. II/B/1) glass, white; their surface still preserves a dark-blue metal patina here and there.

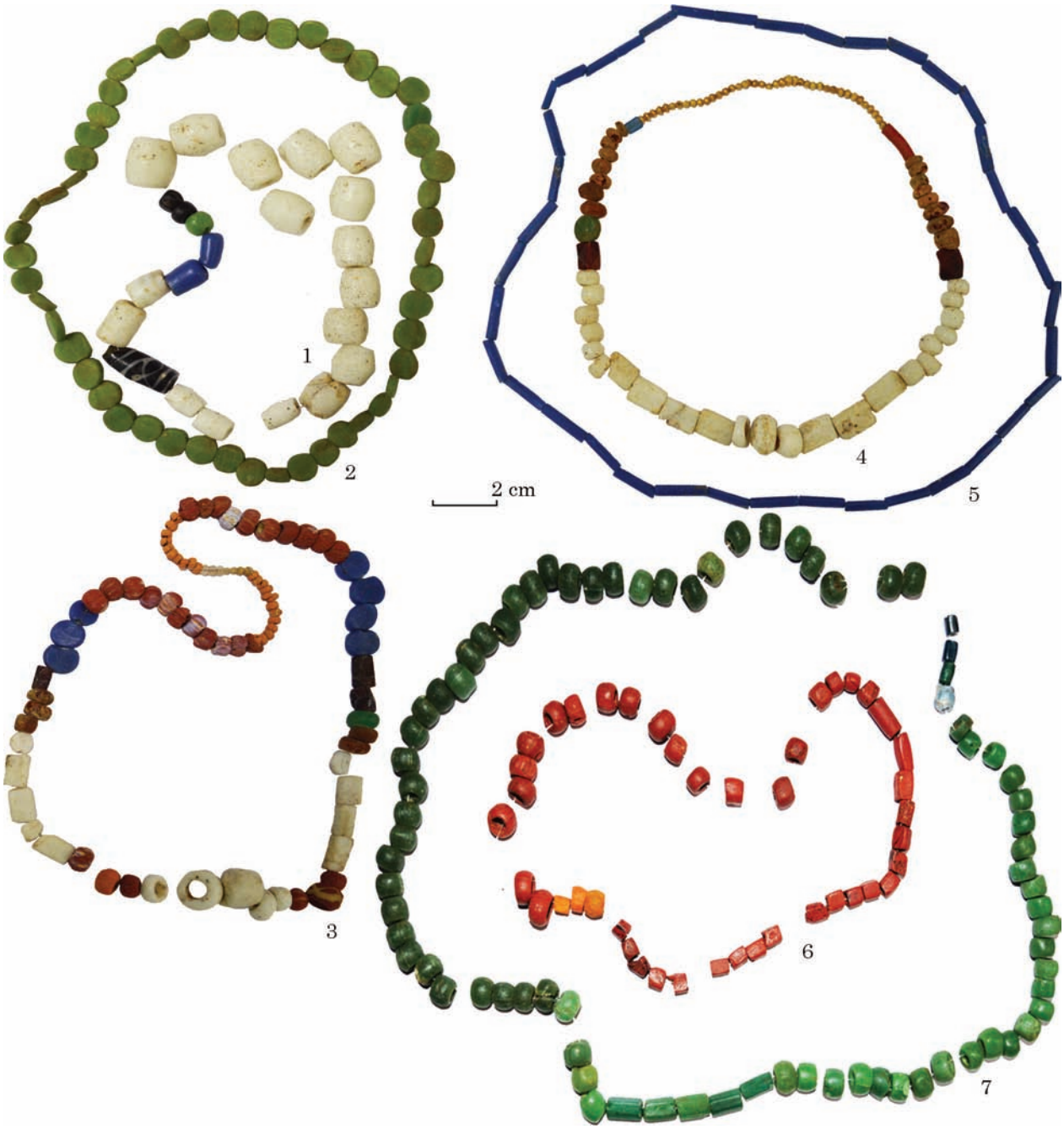


Fig. 10. Beads in graves at Hunedoara Timişană: 1—3 — G. 7; 4, 5 — G. 8; 6, 7 — G. 9 (after Bârcă 2014a)

• Row 13: 22 polyhedral beads (Gr. V/A/2) of a highly friable stone, white; their surface still preserves a dark-blue metal patina here and there.

• Row 14, 15: 42 polyhedral chalcedony beads, flattened in profile, asymmetrically pierced.

• Row 16: symmetrical combinations of 27 minuscule glass beads covered with gold leaf (Gr. VII/A/1), in the shape of a simple sphere or formed of two, three or even four linked spheres and 5 disk beads, flattened (Gr. VIII/A/4), of porous, cherry glass (Grumeza, Rumegă-Irimuş, Barcă 2014, p. 122).

Similar setting was noted in certain Sarmatian graves from Hungary, like Kiskundorozsma-*Subasa* (grave 121) [1], *Site 26/78* (Bozsik 2003, p. 102, fig. 4, 8, 10, 11). In the latter, the grave goods also included a bronze pyxis (Bozsik 2003, p. 102, fig. 7: 6; 8: 6) identical with that in grave 3 from Hunedoara Timişană (Bârcă 2014a, p. 137, 149, pl. 7: 5; 72: 4; 2017, 109, 110, fig. 3: 3; 4: 2).

A chromatic order of the beads sewn onto apparel was also noticed in grave 9 at Hunedoara Timişană. By the deceased's feet were identified successive rows of globular beads (Gr. I/B), made predominantly of dull green, red and white glass. Each row maintained the same colour (Grumeza,

1. The place at Kiskundorozsma is located nearby Szeged (Hungary).

Fig. 11. Beads in graves at Hunedoara Timişană: 1—4 — G. 2; 5, 6 — G. 6; 7—11 — G. 15 (after Bârcă 2014a)

Rumegă-Irimuş, Barcă 2014, p. 123; Bârcă 2014a, p. 155, 156, pl. 26: 1; 61: 3).

On the territory south the Lower Mureş river, similar bead setting was identified in other Sarmatian graves, for instance at Foeni-*Cimitirul Ortodox*, grave 2. From this funerary complex come 398 specimens, the majority grouped in the lower part of the deceased's garments set symmetrically on one side, on 7 rows. The first row consisted of orange beads (Gr. I/B/5), the second — of red beads (Gr. I/B/6), the third — of white beads (Gr. I/B/1), the fourth — of green beads (Gr. I/B/3), the fifth — of red beads (Gr. I/B/6), the sixth — of green beads, all globular (Gr. I/B/3) and the seventh of carnelian prism beads (Grumeza 2011, p. 190).

The custom of embroidery-decorating garment hems with hundreds or even thousands of beads of various colours is recorded in the Sarmatian milieu of the Great Hungarian Plain as early as their settling of the area. The fashion peaks in the period after the Marcomannic wars, very likely influenced by the arrival in this area of new groups of Sarmatians by the end of the 2nd — early 3rd century AD (Kulcsár 1998, p. 48—51, 96, 97, 112), when also emerge new funerary ritual and material culture elements. The hem-beading custom persisted in the 3rd century AD and to a lesser extent in the 4th century AD (Kulcsár 1998, p. 51, 97, 112). A careful analysis of the funerary finds shows the fashion spread in the Sarmatian environment of the Great Hungarian Plain, with the note that in the Upper Tisza area and the adjacent territories in the northern part of the Great Hungarian plain, the custom is rarely found (Kulcsár 1998, p. 51, 97, 112).

Beads embroidered on garments (the cuffs, collar and hem line/lower clothing parts) were also identified in a series of Sarmatian graves from certain cemeteries in the Lower Mureş river basin. For instance, glass beads discovered in the chest area, whose position evidences their beading onto clothes, come from the grave at Sânnicolau Mare-*Selişte* (G. 7/2005; Bejan, Măruia, Tănase 2011, p. 166), dated sometime by early / first two decades of the 2nd century AD, possibly after the events of AD 107—108 or early Hadrian's reign (Bârcă 2014a, p. 62; 2016a, p. 31, 32; Grumeza 2014, p. 142, 143). A similar embellishing manner of the female dress was documented in grave 2 at Dudeştii Vechi-*Movila lui Dragomir*, dated to the second half of the 4th century AD or early 5th century AD. By both hands of the deceased were found 7 glass beads and 17 lime-

stone beads, likely sewn onto the coat's sleeves, while by the feet — 380 limestone and 93 glass beads (Tănase 2004, p. 233—241).

A specificity of the Foeni-*Cimitirul Ortodox* cemetery is bead wearing in the form of bracelets — documented in graves 2, 14, 15, possibly 8. The bracelet in grave 2 was composed of glass beads (Gr. I/B, Gr. I/C, Gr. VI/A), a biconical limestone bead and an axe-shaped pendant (Grumeza 2011, p. 190, pl. IV: 1; 2014, 179, pl. 15: 2). These bracelets were most often composed of large beads, in limestone or glass, predominating polychrome beads in Groups IV and VI with floral decorations (*millefiori*) or inlaid stripes (fig. 8: 3). Such bracelets (made of multicoloured glass, poppy-head pendants, axed-shape pendants, bells, shells, limestone beads, etc.) are rarely documented in the Sarmatian graves of the Great Hungarian Plain and are a specificity of the richly furnished female graves (see the case of Abony 39 cemetery, graves 95 and 71b; Gulyás 2011).

Beads — as earring parts — were documented in grave 14 from the Hunedoara Timişană cemetery. The earrings were made of a silver thread, with an extremity bent in the shape of a loop wound onto the specimen's body and the other extremity bent as a hook. One of the earrings had attached to its body two slightly translucent dark-blue biconical glass (Gr. VI/A/2; Bârcă 2014a, p. 158, pl. 35: 2; 73: 6. To date, this form is unique in the Sarmatian world (fig. 8: 2). On the territory of Banat are known earring variations completed with carnelian beads and / or silver pendants, yet in other forms, found in graves 8, 9 and 14 in the Vršac-*Dvorište Eparhije Banatska* cemetery (Barački 1961, pl. VII: 8, 9; XI: 1, 2). Earrings with silver link, mixed with carnelian beads emerge in a series of Sarmatian graves from the cemeteries on the territory of Hungary, like those at Endrőd-*Kocsorhegy* (Juhász 1978, p. 107, 114, pl. II: 9, 10), Madaras-*Halmok* (Kőhegyi, Vörös 2011, p. 263, 264, fig. 256: 4, pl. 64: 4, 5), Szentes-*Zalota* (Nagy 1997, p. 69, pl. 13: 1), Zsámbok (Párducz 1950, pl. LXXII: 1, 2) and Szeged-*Öthalom* (Párducz 1958—1959, p. 98, 99, pl. XXVII: 11, 12) etc.

Another bead wearing manner was documented in grave 7 at Hunedoara Timişană. In this case, beads were likely part of a fabric braid fastened centrally by a metallic ring (fig. 7: 2). The objects were positioned to the left of the deceased, on a north-south axis. Similar belts likely existed in graves 3, 6 and 15 as well. These were worn on the left side, completed with various pendants, bucket-pendants, pyxides, bells etc., hung by strings. Such dress objects were discovered in numerous female graves in the Szeged-*Csongrádi út* cemetery, graves 14, 19, 24, 25 (Vörös 1981, pl. 2, 4, 8, 9). The presence of belts / cords is firstly marked by the find of a link (used to knot the cordon) and the stringing, on the left side, of beads, bronze bells, bone pendants, but also of knives or other objects that could be hung on the belt (Vörös 1981, p. 132).

From above mentioned examples, we note that beads were very important dress objects in the Sarmatian female costume. They did not have only an aesthetic value, but also marked the status of women in society, either adolescent or adult. Furthermore, graves with numerous beads were also richly furnished, thus providing important clues for identifying the Sarmatian female elite from the area south the Lower Mureş river.

Subsequent to the analysis of the beads identified in the Sarmatian cemeteries from south-western Romania (especially the Foeni-*Cimitirul Ortodox*, Hunedoara Timişană and Giarmata — *Sit 10* burial grounds), it may be concluded that most opaque and translucent monochrome glass beads were most likely crafted in the Tibiscum workshops, contemporary with the three cemeteries and making similar glass beads (identical in type, colour and size). A similar origin may be invoked for the majority of polychrome beads (groups I—VI, VIII). The position of the beads — when discovered in the graves from south-western Romania — indicates that functionally, we are dealing with the same fashion documented in the most part of the Great Hungarian Plain after the Marcomannic wars. Many glass beads originated from the Sarmatian cemeteries in the area between the Lower Mureş river, the Tisza and the Danube, are dating to the period comprised between the end of the 2nd century and the last third of the 3rd century AD. According to the internal chronology of the three above mentioned Sarmatian cemeteries, the bead types (and type mixtures) are specific to this period.

Acknowledgment. This work was supported by a grant of the Ministry of Research and Innovation, CNCS — UEFISCDI, project number PN-III-P1-1.1-PD-2016-0223, within PNCDI III.

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomorya*. Arkheologiya SSSR, Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12. Moskva: Nauka.

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomorya*. Arkheologiya SSSR, Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12. Moskva: Nauka.

Alekseeva, E. M. 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomorya*. Arkheologiya SSSR, Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12. Moskva: Nauka.

Antonaras, A. Ch. 2017. *Glassware and Glassworking in Thessaloniki 1st Century BC — 6th Century AD*. Archaeopress Roman Archaeology, 27. Oxford: Archaeopress.

Barački, St. 1961. Sarmatskie nalazi iz Vršca. *Rad Vojvođanskih muzeja*, 10, p. 117-143.

Batistić-Popadić, D. 1984—1985. Sarmatska nekropola Vojlovica-Pančevo. *Rad Vojvođanskih muzeja*, 29, p. 59-83.

Bârcă, V. 2014a. *Sarmatian Vestiges Discovered South of the Lower Mures River. The Graves from Hunedoara Timişană and Arad*. Cluj-Napoca: Mega.

Bârcă, V. 2014b. Returned foot exterior chord brooches made of a single metal piece (Type Almgren 158) recently discovered in the Western Plain of Romania. Notes on origin and chronology. *Journal of Ancient History and Archaeology*, 1, 2, p. 21-39. DOI: 10.14795/j.v1i2.50.

Bârcă, V. 2016a. Disc brooches of box / capsule type (Dosenfibel / Kapselfibel) in the Sarmatian environment of the Great Hungarian Plain. A few notes on their dating and origin. In: Bârcă, V. (ed.). *Orbis Romanus* and *Barbaricum*. *The Barbarians around the Province of Dacia and Their Relations with the Roman Empire*. Cluj-Napoca: Mega, p. 251-282.

Bârcă, V. 2016b. The dating of the Sarmatian grave at Sânnicolau Mare — Selişte (Timiş county, Romania) and the issue of the early Sarmatian entry and settlement of the Pannonian Plain. *Ephemeris Napocensis*, XXVI, p. 7-66.

Bârcă, V. 2017. Notes on the metal pyxides recently discovered in the Sarmatian environment south the Lower Mureş River. *Plural. History-Culture-Society*, 5, 2, p. 101-123.

Bârcă, V., Ursuțiu, A., Cociş, S. I., Stăncescu, R. E., Țuțuianu, C. D., Irimuş, L., Cociş, Al., Sălcudean, C., Bondric, A., Brehuescu, Al. 2011. Hunedoara Timişană, com. Şagu, jud. Arad, Punct: Autostrada Arad-Timişoara, tronson Arad-Seceani, km 23+170—23+690 (siturile B0_7-B0_8). *Cronica cercetărilor arheologice din România: campania 2010*, p. 187-192.

Bârcă, V., Grumeza, L. 2014. Sarmatian Burials in Coffins and Funerary Timber Features Recently Discovered in the Western Plain of Romania. *Ephemeris Napocensis*, XXIV, p. 157-194.

Bejan, A., Măruia, L., Tănase, D. 2011. *Un mormânt cu podoabe de aur din epoca sarmatică timpurie descoperit la Sânnicolau Mare — Selişte (Timiş county). Analele Banatului*, XIX, p. 161-180.

Benea, D. 1996. *Dacia sud-vestică în secolele III—IV*. Timişoara: Vest.

Benea, D. 2004. *Die Romischen Perlenwerkstaetten aus Tibiscum / Atelierele romane de mărgele de la Tibiscum*. Timişoara: Excelsior Art.

Benea, D. 2008. Accesorii vestimentare. Mărgelele (I). Între import şi producție internă. *Bibliotheca Historica et Archaeologica Universitatis Timisiensis*, X: Studii de istorie economică a Daciei romane, p. 134-166.

Bozsik, K. 2003. Szarmata sírok a Kiskundorozsmasubasai 26/78. lelőhelyen. In: Szalontai, Cs. (ed.). *Úton-útfélen. Múzeumi kutatások az M5 autópálya nyomvonalán*. Szeged: Móra Ferenc múzeum, p. 97-106.

Daicoviciu, C. 1942. Bănatul şi iazygii. *Apulum*, 1 (1939—1942), p. 98-109.

Grumeza, L. 2011. The Sarmatian Necropolis from Foeni (Timiş County). *Analele Banatului*, XIX, p. 181-205.

Grumeza, L. 2013. Typology and Chronology of the Beads Found within the Foeni Sarmatian Necropolis. *Tibiscum*, 3, p. 245-260.

Grumeza, L. 2014. *Sarmatian Cemeteries from Banat (Late 1st — Early 5th Centuries AD)*. Cluj-Napoca: Mega.

Grumeza, L. 2018. Fashion by rituals: rosette glass beads found in Sarmatian and Sântana de Mureş-Chernyakhov cultures (1st c. BC — 4th c. AD). *Arheologia Moldovei*, XLI, p. 193-218.

Grumeza, L. 2019. *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum*. *Rumänien*. 1: Kreis Arad. Cluj-Napoca: Mega.

Grumeza, L. 2020. The More Colourful, the Better! Polychrome Glass Beads of the 2nd—4th Century Cemeteries in Banat. In: Mărgărit, M., Boroneanț, A. (eds.). *Beauty and the eye of the beholder. Personal adornments across the millennia*. Târgovişte: Cetatea de Scaun, p. 437-445.

Grumeza, L. Rumegă-Irimuş, L., Bârcă, V. 2014. Beads. In: Bârcă, V. *Sarmatian Vestiges Discovered South of the Lower Mures River. The Graves from Hunedoara Timişană and Arad*. Cluj-Napoca: Mega, p. 120-133.

Gulyás, G. 2011. Szarmata temetkezések Abony és Cegléd környékén. *Studia Comitatensia*, 31, p. 125-253.

Juhász, I. 1978. Szarmata temető Endrődön, *A Békés Megyei Múzeumok Közleményei*, 5, p. 87-114.

Kőhegyi, M., Vörös, G. 2011. *Madaras — Halmok, Kr. U. 2—5. Századi szarmata temető*. Szegedi: Tudományegyetem Régészeti Tanszékéről.

Kulcsár, V. 1998. *A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai*. Aszyd: Város Önkormányzata.

Nagy, M. 1997. Szentes és környéke az 1—6. században. Történeti vázlat és régészeti lelőhelykataszter. *Studia Archaeologica. A Móra Ferenc Múzeum Evkönyve*, III, p. 39-95.

Párducz, M. 1950. *A szarmatakor emlékei Magyarországon*. III. *Archaeologia Hungarica*, XXX. Budapest: Budapest Akadémiai Kiado.

Párducz, M. 1958—1959. Hunkori Szarmata temető Szeged-Öthalmon. *A Móra Ferenc Múzeum Evkönyve*, p. 71-99.

Párducz, M. 1960. Koraszarmata sírok Csanyteleken. *Folia Archaeologica*, XII, p. 71-74.

Simonenko, A. V. 1993. Sarmatian tribes of the Great Hungarian Plain and the North Pontic region. Problem of migration. *Specimina Nova*, IX, p. 59-64.

Simonenko, A. V. 2001. On the tribal structure of some migrations waves of Sarmatians to the Carpathian Basin. In: *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st—5th centuries A.D.* Aszyd-Nyíregyháza: Osváth Gedeon Museum Foundation, Jósa András Múzeum, p. 117-124.

Skripkin, A. S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskij aspekt*. Saratov: SGU.

Tănase, D. 2004. Două morminte din secolele IV—V p. Chr. descoperite la Dudeştii Vechi (jud. Timiş). *Analele Banatului,* X—XI, 1, p. 233-244.

Tempelmann-Mączyńska, M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.

Vörös, G. 1981. Adatok a szarmatakori női viselethez. *Communicationes Archaeologicae Hungaricae*, p. 121-135.

L. Grumeza, V. Bârcă

GLASS BEADS DISCOVERED IN THE SARMATIAN CEMETERIES FROM SOUTH-WESTERN ROMANIA

This paper analyses the glass beads discovered in the cemeteries attributed to the Sarmatian culture from South-Western Romania, especially Foeni-*Cimitirul Ortodox* (Timiş county), Giarmata — *Sit 10* (Timiş county) and Hunedoara Timişană (Arad county). Beads are the most numerous objects identified among grave goods (over 14000 specimens), being present in 43 cemeteries dated between the 2nd and the 4th century AD. Nevertheless, their number differs from one burial ground to another, according to the peculiarities

of each site, distance from the *limes*, quantity of Roman imports within the burials, resources available to respective communities, the chronological period to which the burial / cemetery belongs to or the number of female graves in each cemetery.

Typologically, we identified 9 main types of monochrome glass beads and 8 types of polychrome glass beads (each with variations, different colours and forms). The studies discussing beads discovered in the European *Barbaricum* use the classification suggested by M. Tempelmann-Mączyńska (for the central and north European *Barbaricum*) and E. M. Alekseeva (for the north of the Black Sea). Unfortunately, these typologies may not be adopted in our case, since beads discovered in Sarmatian funerary sites and features from the Great Hungarian Plain (and implicitly today's western Romania) are typological series different than those from the centre, north and east of Europe. Furthermore, the workshops making and then distributing the beads here are known (e. g. *Tibiscum* in the south-eastern part of Roman *Dacia*). Therefore, we drafted our own typology, adapted to the archaeological realities of the area.

Most often, beads were sewn onto apparel (the same fashion is documented in the most part of the Great Hungarian Plain after the Marcomannic wars). We note that beads were very important dress objects in the female costume. They did not have only an aesthetic value, but also marked the status of women in society, either adolescent or adult. Furthermore, graves with numerous beads were also richly furnished, thus providing important clues for identifying the Sarmatian female elite from the area south the Lower Mureş river. Thus, the beads are highly important for discussions concerning the fashion of the time, trading relations and Roman-Barbarian contacts and connections.

Keywords: glass beads, Sarmatians, cemeteries, Roman-provincial workshops, Western Plain of Romania, Banat region.

Л. Грумеза, В. Бирке

СКЛЯНІ НАМИСТИНИ З САРМАТСЬКИХ МОГИЛЬНИКІВ ПІВДЕННО-ЗАХІДНОЇ РУМУНІЇ

У цій роботі проаналізовано скляні намистини, виявлені на могильниках сарматської культури з Південно-Західної Румунії, особливо Фоень-Чімітірул Ортодокс (округ Тіміш), Джармата-Сіт 10 (округ Тіміш) та Хунедоара Тімішане (округ Арад). Намистини — найчисленніші предмети, виявлені серед поховального начиння (понад 14000 екземплярів), присутні на 43 могильниках, що датуються між II та IV ст. н. е. Проте їх кількість відрізняється від одного могильника до іншого залежно від особливостей кожної ділянки, відстані від лімесу, кількості римського імпорту в похованнях, ресурсів, доступних відповідним громадам, хронологічного періоду, до якого належить поховання / могильник або кількість жіночих могил на кожному могильнику.

Типологічно виокремлено 9 основних типів монохромних скляних намистин та 8 типів поліхромних скляних намистин (кожен із варіаціями, різними кольорами та формами). Дослідники намистини, виявлених в європейському Барбарикумі, використовують класифікацію, запропоновану М. Темпельманн-Мончиньською (для центральної та північно-європейської Барварикума) та Е. М. Алексєєвою (для античного Причорномор'я). На жаль, у нашому випадку ці типології не можуть бути прийнятими, оскільки намистини, виявлені в сарматських похованнях Великої угорської рівнини (і, очевидно, сьогоднішньої західної Румунії), є типологічно відмінними від тих, що знайдені в центрі, на півночі та сході Європи. Крім того, тут відомі майстерні з виготовлення та розповсюдження намистин (наприклад, Тібіскум у південно-східній частині Римської Дакії). Тому ми склали власну типологію, адаптовану до археологічних реалій району.

Найчастіше намистини пришивали до одягу (такий спосіб зафіксовано на більшій частині Великої Угорської рівнини після Маркоманських війн). Зазначимо, що намистини були дуже важливими предметами сукні в жіночому костюмі. Вони не мали лише естетичної цінності, але також відзначали статус жінок у суспільстві, як підлітків, так і дорослих. Крім того, могили з численними намистинами містили також численне начиння, що надало важливі ознаки для ідентифікації сарматської жіночої еліти з району на південь від річки Нижній Муреш. Таким чином, намистини надзвичайно важливі для досліджень тогочасної моди, торгових відносин та римсько-варварських контактів та зв'язків.

Ключові слова: скляні намистини, сармати, кладовища, римсько-провінційні майстерні, Західна рівнина Румунії, область Банат.

Одержано 25.04.2020

БИРКЕ Віталіе, доктор археології, старший науковий співробітник, Інститут археології та мистецтвознавства Клуж-Напока, Румунська академія наук, адресавул. Міхая Когелнічану, 12-14, Клуж-Напока, 400084, Румунія.
BÂRCĂ Vitalie, Dr., Senior Fellow II, the Romanian Academy, Institute of Archaeology and Art History of Cluj-Napoca, Mihail Kogălniceanu St., 12—14, Cluj-Napoca, 400084, Romania.
ORCID: 0000-0003-3078-374X, e-mail: vitalie_barca@yahoo.com.

ГРУМЕЗА Лавінія, доктор археології, науковий співробітник, Археологічний інститут Яси, Румунська академія наук, вул. Кодреску, 6, павільон Н, Яси 700479, Румунія.
GRUMEZA Lavinia, Dr., Fellow, the Romanian Academy, Archaeology Institute of Iaşi, Codrescu St., 6, Pavilion H, Iaşi, 700479, Romania.
ORCID: 0000-0001-6076-5708, e-mail: lavinia_grumeza@yahoo.com.

УДК 904.2(477.7-15)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.29

В. В. Кропотов

ФИБУЛА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 4 МОГИЛЬНИКА ХОЛМСКОЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Работа посвящена всестороннему анализу металлической застежки-фибулы из погребения 4 могильника Холмское в Северо-Западном Причерноморье. Пересмотрено традиционное типологическое определение и датировка этого изделия. Содержавший его комплекс предложено относить ко второй половине II в. до н. э. и связывать с Тираспольской группой памятников.

***Ключевые слова**: Северо-Западное Причерноморье, могильник, погребение, фибула, поздние скифы, сарматы, поздний эллинизм.*

Металлические застежки-фибулы — важная деталь костюма древнего населения Европы, призванная скреплять между собой отдельные части верхней одежды и одновременно служить эффектным украшением. Чутко реагируя на малейшие колебания моды, постоянно изменяясь по форме и стилю и, одновременно, будучи одним из наиболее распространенных видов украшений, они являются надежными и, пожалуй, наиболее узкими хронологическими индикаторами. Именно поэтому металлическим застежкам неизменно отводится особая роль в датировке как отдельных памятников, так и целых культур на всем Европейском континенте. Не являются исключением из этого правила и древности юга Восточной Европы сарматского времени. Успехи в становлении абсолютной хронологии различных этапов развития сарматской культуры в немалой степени зависят от достижений в области изучения данных изделий. В этой связи, уточнение типологической принадлежности и датировки отдельных фибульных находок, несомненно, представляет интерес для науки.

В настоящем сообщении речь пойдет об образце, происходящем из хорошо известного погребального комплекса Северо-Западного Причерноморья — погребения 4 могильника Холмское, фигурирующего в большинстве обобщающих работ в качестве одного из наиболее ранних сарматских памятников региона. Вместе с тем, абсолютная датировка этого комплекса до сих пор остается дискуссионной.

Объект открыт в 1978 г. Измаильской новостроечной экспедицией ИА АН УССР под руководством А. В. Гудковой в ходе исследования грунтового могильника, расположенного в 4 км к югу от с. Холмское Арцизского района Одесской области, на плато левого берега р. Ташлык при ее впадении в оз. Китай, вблизи дельты р. Дунай. На некрополе, занимавшем территорию около 4 га, было изучено 24 погребения, сгруппированных вокруг пяти подквадратных в плане ровиков размерами от 11 × 11 до 16 × 16 м. Большинство комплексов по сопровождающему материалу отнесены к позднесарматскому периоду, время совершения двух захоронений, не содержавших какого-либо инвентаря, осталось не установленным, и лишь погребение 4, выделявшееся особым богатством, связано с предшествующим культурно-хронологическим этапом (Гудкова, Фокеев 1984, с. 6—32).

Это захоронение находилось несколько в стороне от основной группы погребений, в юго-восточной части могильника и было совершено в могиле с «заплечиками», вытянутой по оси северо-восток—юго-запад. Верхняя часть сооружения имела трапециевидную в плане форму размером 2,2 × 1,1—1,5 м, расширяющуюся к юго-западу. Нижняя часть — почти прямоугольная, размером 2,7 × 0,9—1,0 м с максимальным расширением также в юго-западной части. Продольные стены могилы — верти-

© В. В. КРОПОТОВ, 2020

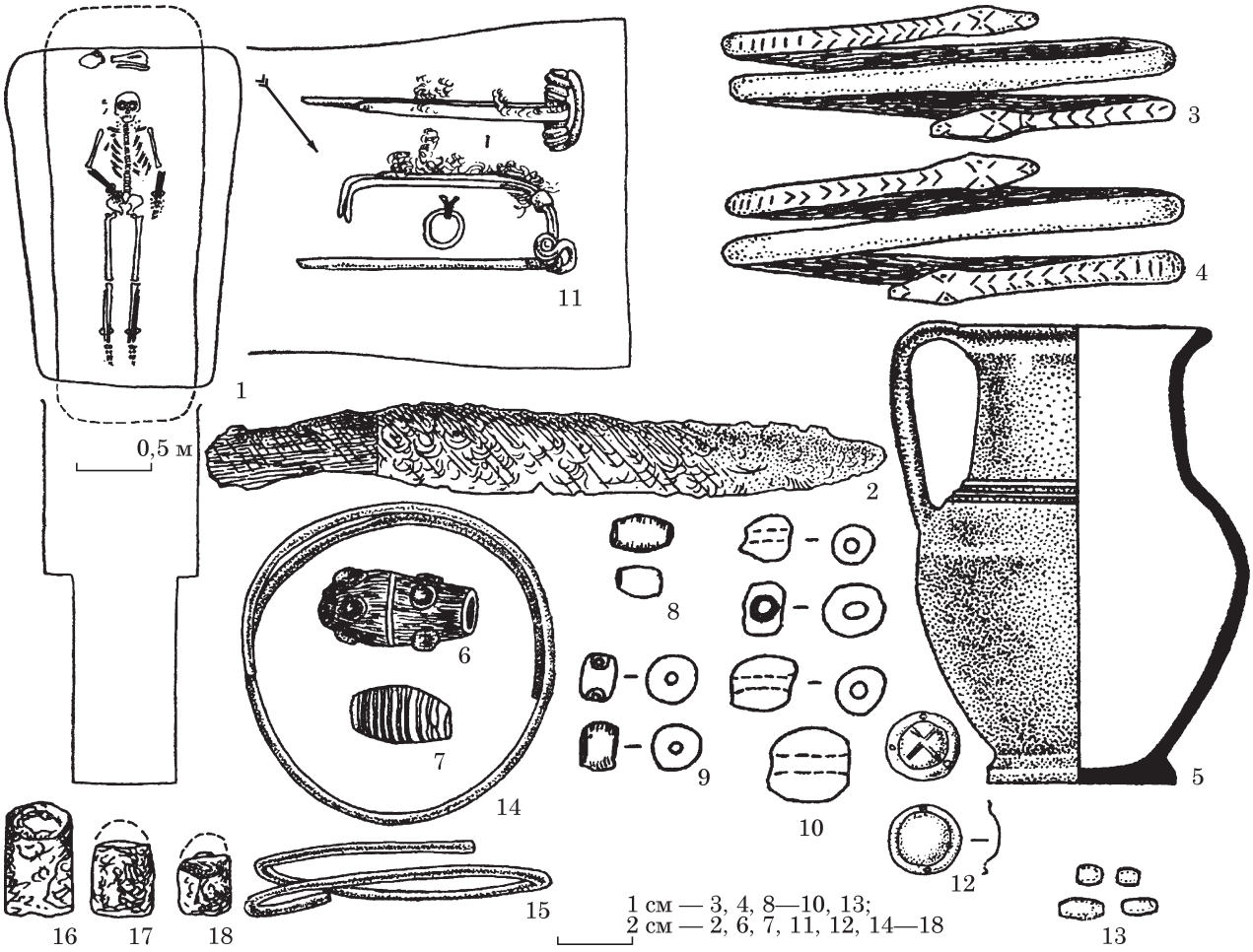


Рис. 1. План и инвентарь погребения 4 могильника Холмское (по: Гудкова, Фокеев 1984, рис. 2)

кальные, с двумя симметричными уступами («заплечиками») шириной 0,1—0,25 м, устроенными на глубине 1,9 м от уровня современной дневной поверхности (1,5 м от уровня материка). Торцевые стены — скошены и постепенно расширяются ко дну могилы. Общая глубина конструкции составляла 3,8 м от уровня современной дневной поверхности (3,4 м от уровня материка), дно горизонтальное (рис. 1: 1).

На дне могилы, посыпанном мелом и покрытым камышовой подстилкой, находились останки погребения женщины, уложенной вытянуто на спине головой на юго-запад; ее правая рука была согнута в локте, кисть размещена на тазовых костях, на черепе возле глазниц прослежены следы красной краски. При покойной обнаружены следующие предметы: в изголовье — одноручный гончарный красноглиняный кувшин (рис. 1: 5), рядом с ним — лопатка и кости передней конечности животного (барана?) с железным ножом (рис. 1: 2), справа от черепа — бронзовая игла и кусочек охры, близ шейных позвонков — низка крупных стеклянных бусин (рис. 1: 6—10), в районе грудной клетки — серебряная фибула, покрытая остатками ткани, и кольцо (рис. 1: 11), на запястьях — серебряные двухвитковые проволочные браслеты с концами, украшенными в виде змеиных головок (рис. 1: 3, 4), поверх кистей — золотые умбоновидные бляшки, а также мелкие стеклянные и сердоликовые бусы (рис. 1: 12, 13), на щиколотках — еще два серебряных проволочных браслета с гладкими концами, скрученные в полтора оборота (рис. 1: 14, 15). Кроме того, в придонной части могилы выявлены три железные ведерковидные подвески, точное положение которых не было зафиксировано (рис. 1: 16—18).

Данный памятник достаточно подробно описан и охарактеризован в публикации материалов могильника, подготовленной А. В. Гудковой и М. М. Фокеевым (Гудкова, Фокеев 1984, с. 8—10). Авторы отнесли погребение к середине — второй половине I в. до н. э. и связали его со среднесарматской культурой (Гудкова, Фокеев 1984, с. 24). О такой культурной атрибуции, по их мнению, свидетельствовал ряд специфических признаков: тип погребального сооружения — могила с «заплечиками», ориентация покойной в южной сектор, наличие меловой подсыпки и камышовой подстилки. Исследователи предположили, что над погребением первоначально находилась типичная для среднесарматских захоронений невысокая

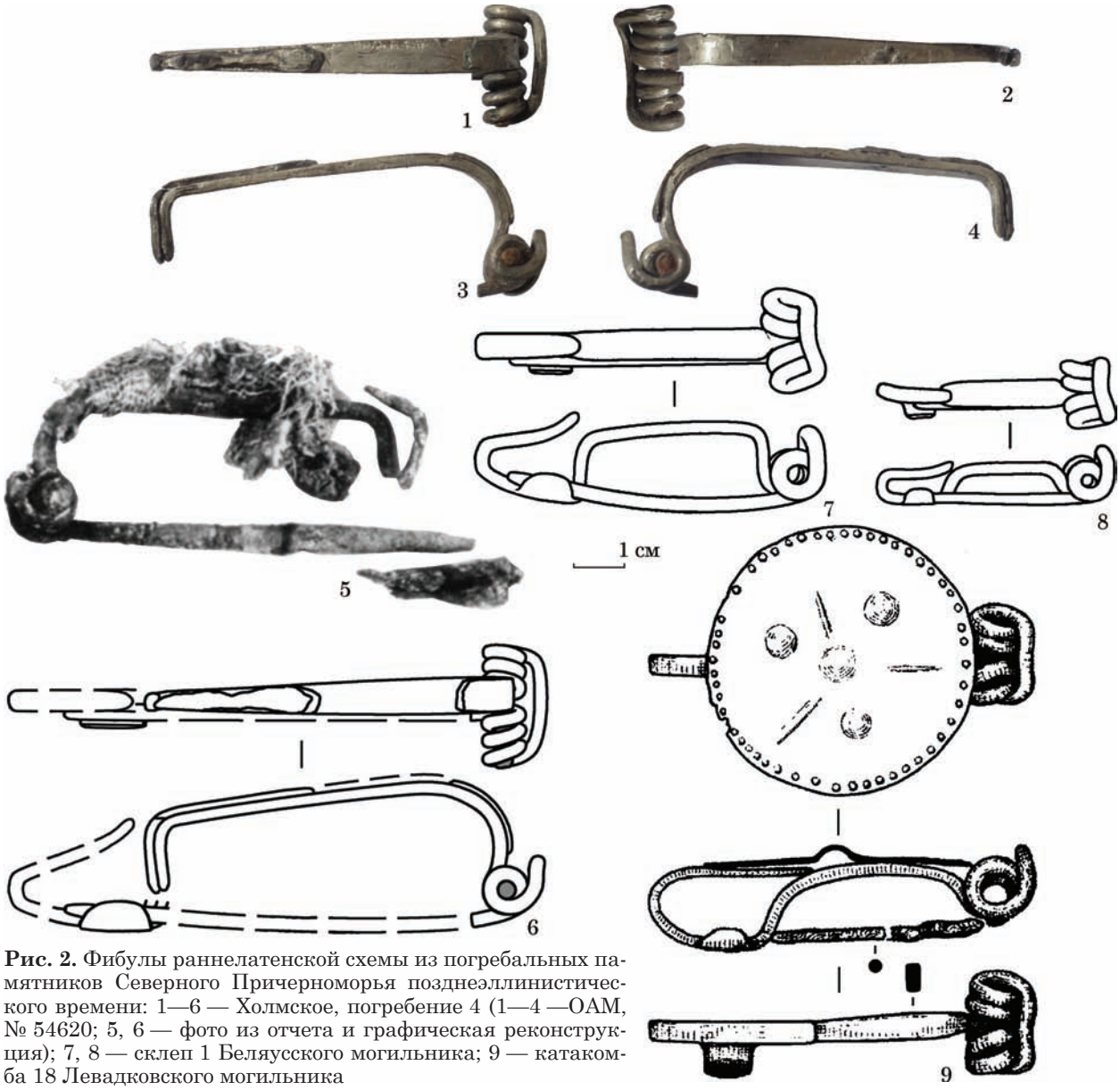


Рис. 2. Фибулы раннелатенской схемы из погребальных памятников Северного Причерноморья позднеэллинистического времени: 1—6 — Холмское, погребение 4 (1—4 —ОАМ, № 54620; 5, 6 — фото из отчета и графическая реконструкция); 7, 8 — склеп 1 Беляусского могильника; 9 — катакомба 18 Левадковского могильника

курганная насыпь, полностью распаханная до начала раскопок (Гудкова, Фокеев 1984, с. 21).

Датировка комплекса в пределах середины — второй половины I в. до н. э. базировалась в основном на анализе мелких личных украшений — стеклянных бус, золотых бляшек, ведерковидных подвесок и пр., а также серебряной фибулы. Набор бус, имеющих эллинистический облик, был отнесен к данному промежутку времени на основании присутствия в нем удлиненной бочковидной пронизи из глухого синего стекла, украшенной восемью бородавчатыми сине-белыми (или сине-желтыми) глазками и обвитой светлой бело-желтой нитью (рис. 1: 6). Последняя, как и золотые умбоновидные бляшки, находит прямые аналогии среди инвентаря погребений середины — второй половины I в. до н. э. Мавзолея Неаполя Скифского (Погребова 1961, с. 177, 178, рис. 20: 3а; 28: 4), что и послужило основным аргументом в пользу предложенной авторами датировки (Гудкова, Фокеев 1984, с. 23).

Серебряная фибула из погребения 4 сохранилась фрагментарно. Застежка имела низкий прямоугольный в сечении корпус, многовитковую пружину с верхней тетивой и поврежденную коррозией ножку; отдельно сохранившийся приемник, по замечанию А. В. Гудковой и М. М. Фокеева, конически сужался к внешней стороне (рис. 1: 11; Гудкова, Фокеев 1984, с. 8, рис. 2: 11). Авторы идентифицировали образец как фибулу среднелатенской схемы со свободным концом ножки, скрепленным со спинкой с помощью скрепы-муфты, и датировали его I в. до н. э. (Гудкова, Фокеев 1984, с. 8, 23).

Такое определение фибулы стало общепринятым (см., напр., Щукин 1989а, с. 35, 37; Гросу 1990, с. 41; Дзиговський 1993, с. 55; и др.). Именно как гладкая скрепленная застежка среднелатенской схемы она вошла в свод фибул

юга Восточной Европы сарматского времени, подготовленный автором (Кропотов 2010, с. 44, 45). Дискуссия развернулась лишь относительно датировки всего комплекса в целом — его предлагали относить либо к началу / первой половине I в. до н. э. (Симоненко 1994, с. 35, 45; Дзиговский 2003, с. 69), либо к концу этого столетия (Щукин 1989a, с. 37; 1989b, с. 70; Гросу 1990, с. 41; Дзиговський 1993, с. 71), либо даже к еще более позднему времени (Кропотов 2001, с. 187; Сергацков 2007, с. 410), связывая то со средне-, то с раннесарматскими древностями.

Ознакомление с оригиналом, хранящимся в Одесском археологическом музее НАН Украины, позволило иначе интерпретировать этот предмет.

Как уже было указано выше, фибула представлена не полностью. В фондах ОАМ (№54620) [1] хранится только ее корпус с симметричной восьмивитковой пружиной, намотанной на бронзовую ось; тетива — верхняя. Прямая прямоугольная в сечении спинка изделия резко изогнута перед пружиной и несколько нависает над ней. Плавно сужающийся корпус переходит в ножку, сгибаясь под прямым углом. На корпусе частично сохранилась припаянная к нему дополнительная пластина, полностью повторяющая его по форме. Ножка, приемник и игла фибулы утрачены. Длина сохранившегося фрагмента 5,9 см, высота 2,2 см, максимальная ширина корпуса 0,5 см (рис. 2: 1—4).

Первое, что следует отметить при анализе описываемого экземпляра, — это не типичная для гладких скрепленных фибул среднелатенской схемы, к которым принято относить данный образец, форма спинки. Она прямоугольная в сечении, а не круглая проволочная, как у всех фибул указанной группы. Вместе с тем, аналогичные уплощенные спинки-дужки хорошо известны у фибул раннелатенской схемы и некоторых форм среднелатенских «расчлененных», широко бытовавших в предшествующее время (см., напр., Кропотов 2010, рис. 17: 1—3; 23: 4).

Вторая важная особенность данного изделия — отсутствие на корпусе каких-либо следов скрепы или муфты, с помощью которой к спинке мог быть прикреплен свободный конец ножки. По-видимому, А. В. Гудкова и М. М. Фокеев указали на ее наличие лишь гипотетически, основываясь на интерпретации накладной пластины на корпусе как свободного конца ножки, скрепленного со спинкой с ее помощью.

К сожалению, ни ножка, ни приемник фибулы не сохранились, что существенно затрудняет типологическое определение изделия. Однако об их первоначальной форме можно судить по фотографии, представленной в отчете о полевых исследованиях могильника (Гудкова и др. 1978, табл. 67: 10), на которой застежка отображена еще до очистки от патины и реставрации, частично укрытая остатками ткани (рис. 2: 5). На фотографии хорошо заметна ровная прямая ножка со свободным концом, загнутым вверх под острым углом. И хотя эта деталь в месте соединения с корпусом уже надломана и смещена со своего первоначального положения, достаточно отчетливо видно, что ее конец закруглен, не доходит до края спинки и не соединен с дополнительной пластиной, припаянной к корпусу. На этом же фото присутствует и отпавшая от ножки часть с приемным аппаратом. Этот элемент представляет собой отогнутый от края ножки выступ-язычок, что не обычно для гладких фибул среднелатенской схемы, как правило, имеющих приемник-"лодочку", зато весьма характерно для тех же фибул раннелатенской схемы и отдельных форм среднелатенских «расчлененных», для которых типичен низкий прямоугольный в плане корпус с уплощенным сечением спинки.

Указанные признаки явно противоречат интерпретации рассматриваемого образца как гладкой скрепленной фибулы среднелатенской схемы. Напротив, такие отличительные черты, как низкий прямой корпус, прямоугольное сечение спинки, 8-витковая пружина с верхней тетивой, не закрепленный на корпусе свободный конец ножки, приемник в виде язычка-выступа и т. д., сближают рассматриваемую фибулу с наиболее поздними формами застежек раннелатенской схемы, хорошо известными по находкам в позднеэллинистических захоронениях Ольвии и позднескифских склепах-катакомбах из Центрального и Северо-Западного Крыма (рис. 2: 7—9; Фурманська 1953, с. 78, табл. I: 5—10; Амброз 1966, с. 21, табл. 1: 12; Михлин 1980, с. 195—197, рис. 1: 1—8; Храпунов, Мульд 2004, с. 255, рис. 12: 4; Кропотов 2010, с. 38, рис. 17: 1—3). Погребальный инвентарь этих захоронений позволяет датировать данные изделия в пределах II в. до н. э., скорее всего, второй половиной столетия (Кропотов 2010, с. 38, 39). К этому же временному промежутку, по-видимому, следует относить и фибулу из погребения 4 могильника Холмское.

Здесь необходимо подчеркнуть, что период бытования остальных категорий инвентаря из погребения 4, послужившего основанием А. В. Гудковой и М. М. Фокееву для отнесения комплекса к середине — второй половине I в. до н. э., также не исключает это определение. Так, Е. М. Алексеева для бочковидных пронизей из глухого синего стекла, украшенных восемью бородавчатыми глазками и обвитых светлой нитью, допускает более широкую датировку: II—I вв. до н. э. (Алексеева 1978, с. 54, типы 356, 357), подтвержденную, в частности,

1. Автор выражает признательность научному сотруднику Одесского археологического музея НАН Украины Д. А. Масюте за помощь в работе с материалом.

серией находок подобных украшений в захоронениях второй половины II — начала / первой половины I вв. до н. э. на Беляусском могильнике (Дашевская 2014, с. 16, 26, 33, 37, 42, табл. 15: 42, 43; 47: 19; 71: 24; 87: 35; 100: 20). В беляусских комплексах этого времени известны и идентичные золотые умбоновидные бляшки (Дашевская 2014, с. 20, 24, 27, 54, табл. 27: 2; 38: 6, 7; 50: 28, 29; 133: 4), а также ведерковидные подвески (Дашевская 2014, с. 33, табл. 74: 1) и двухвитковые браслеты с концами, украшенными в виде змеиных головок (Дашевская 2014, с. 12, 22, 23, 35, табл. 8: 13; 33: 7, 10; 38: 8, 13, 19; 83: 22, 26, и др.). Встречаются на Беляусе и гладкие проволочные браслеты, скрученные в полтора оборота (Дашевская 2014, с. 31, 35, табл. 69: 6, 7; 83: 16, 18).

Все эти факты позволяют существенно удревнить время совершения погребения 4 и датировать его по наиболее узкому хронологическому индикатору — металлической застежке-фибуле, II в. до н. э., а именно, второй половиной этого столетия.

Столь ранняя датировка, в свою очередь, позволяет по-новому подойти и к культурной атрибуции комплекса в целом. Дело в том, что синхронные несомненно сарматские погребальные памятники известны лишь в противоположной части северо-понтийского региона, в Приазовье и на Нижнем Дону, и носят совсем иной облик: они совершены в простых грунтовых или, значительно реже, подбойных могилах, впущены на небольшую глубину в насыпи более древних курганов и содержат довольно скромный набор инвентаря, в типологическом плане заметно отличающегося от представленного (Симоненко 1994, с. 34—45; Глебов 2011, с. 34—39). Напротив, вещевой комплекс погребения 4 могильника Холмское находит прямые аналогии среди материала территориально близких ему памятников так называемой Тираспольской группы. Именно для них характерны подобные наборы бус, сходные по форме и времени бытования типы фибул, аналогичные браслеты, украшенные на концах наподобие змеиных головок, и пр. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 850 и сл.). Единственное существенное отличие рассматриваемого комплекса от памятников этой группы — не типичный для последних тип погребального сооружения: могила с «заплечиками». Впрочем, данное сооружение своей трапециевидной формой, значительной глубиной и даже наличием «заплечиков» очень напоминает входные ямы катакомб III типа, наиболее характерных для Тираспольских памятников (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 676—683). В этой связи, нельзя исключать, что и могильное сооружение для погребения 4 начали строить как катакомбу, однако строительство по какой-то причине не довели до конца, и захоронение в итоге осуществили на дне незавершенного погребального сооружения, получившего внешнее сходство с «заплечиковой» могилой.

Таким образом, подробный типологический анализ металлической застежки-фибулы из погребения 4 могильника Холмское позволил не только пересмотреть существующие датировки этого комплекса, но и поставить вопрос о его иной культурной атрибуции. По всей видимости, данное захоронение следует исключить из списка наиболее ранних сарматских памятников Северо-Западного Причерноморья и отнести его к кругу древностей Тираспольской группы, обоснованно связываемой с позднескифской культурой.

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну интересную особенность рассмотренной фибулы, а именно — наличие накладной пластины на ее корпусе. Схожий элемент был встречен лишь однажды — на однотипном образце из склепа 34 Беляусского могильника, к сожалению, также сильно фрагментированном (Михлин 1980, рис. 1: 6; Дашевская 2014, табл. 20: 16). На других застежках подобная черта не отмечена — дужки абсолютно всех фибул одночастные. В этой связи, аргументировано обосновать функциональное предназначение указанного элемента не представляется возможным, однако с высокой долей вероятности можно предположить, что его появление связано с ремонтом изделия.

Как известно, из-за постоянной механической нагрузки многие части фибулы быстро изнашивались и приходили в негодность. Чаще других повреждения получали пружина и игла. Следы их ремонта заметны на многих застежках, в частности на аналогичных образцах из склепа 17 Беляусского могильника и катакомбы 18 могильника Левадки (рис. 2: 9; Михлин 1980, рис. 8: 7; Дашевская 2014, табл. 43: 7; Храпунов, Мульд 2004, рис. 12: 4). Оба украшения были поломаны в месте перехода пружины в иглу. Чтобы продлить им срок службы, древний мастер из отдельного куска железной проволоки изготовил новую иглу, которую свободным концом закрепил на головке фибулы (Кропотов 2012, с. 87, 88). Застежка из погребения 4 могильника Холмское, по-видимому, получила повреждение в месте соединения корпуса с ножкой. Чтобы как можно прочнее скрепить распавшиеся части, мастер выковал для фибулы дополнительную деталь — накладную пластину, с помощью которой надежно соединил между собой корпус и ножку изделия. Новый конструктивный элемент принял на себя всю механическую нагрузку, позволив использовать образец и в дальнейшем.

И хотя на данный момент отсутствие близких аналогий не позволяет подкрепить высказанное предположение конкретным примером, не исключено, что в будущем, с увеличением числа находок, появятся новые образцы, не только подтверждающие, но и дополняющие предложенную здесь трактовку.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Свод археологических источников, Г 1-12. Москва: Наука.

Амброз, А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.* Свод археологических источников, Д 1-30. Москва: Наука.

Глебов, В. П. 2011. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II—I вв. до н. э. В: *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Ростов-на-Дону, Кагальник, 11—15 мая 2011 г.)*, с. 34-48.

Гросу, В. И. 1990. *Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца.

Гудкова, А. В., Алексеева, И. Л., Тощев, Г. Н., Фокеев, М. М., Черняков, И. Т. 1978. *Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1978 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1978/15.

Гудкова, А. В., Фокеев, М. М. 1984. *Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I — IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Дашевская, О. Д. 2014. *Беляусский могильник*. Симферополь: Феникс.

Дзиговський, О. М. 1993. *Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. — першій половині IV ст. н. е.* Київ: ІА АН України.

Дзиговский, А. Н. 2003. *Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель*. Одесса: Гермес.

Кропотов, В. В. 2001. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац. *Бахчисарайский историко-археологический сборник*, 2, с. 182-189.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Кропотов, В. В. 2012. О ремонте северопричерноморских фибул в сарматское время. В: *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» (Київ, 14—16 листопада 2011 г.)*, с. 87-92.

Михлин, Б. Ю. 1980. Фибулы Беляусского могильника. *Советская археология*, 3, с. 194-213.

Погребова, Н. Н. 1961. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 96, с. 103-213.

Сергацков, И. В. 2007. Фибулы из погребений Азиатской Сарматии I — первой половины II вв. н. э. В: Козенкова, В. И., Малашев, В. Ю. (ред.). *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке*. Москва: Таус, с. 408-431.

Симоненко, О. В. 1994. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї. *Археологія*, 1, с. 32-48.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глинное*. Тирасполь: Stratum plus.

Фурманська, А. І. 1953. Фібули з розкопок Ольвії. *Археологія*, VIII, с. 76-94.

Храпунов, И. Н., Мульд, С. А. 2004. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры. *Проблемы истории, филологии, культуры*, XIV, с. 239-269.

Щукин, М. Б. 1989a. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования). В: *Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара*. Новочеркасск, с. 31-56.

Щукин, М. Б. 1989b. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н. э. в Центральной и Восточной Европе. *Советская археология*, 1, с. 70-83.

REFERENCES

Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomoria*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12. Moskva: Nauka.

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoi chasti SSSR II v. do n. e. — IV v. n. e.* Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-30. Moskva: Nauka.

Glebov, V. P. 2011. Pogrebalnaya obryadnost rannesarmatskoy kultury Niznego Podonia II—I vv. do n. e. In: *Pogrebalniy obryad rannikh kochevnikov Evrazii. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» (Rostov-na-Donu, Kagalnik, 11—15 maya 2011 g.)*, s. 34-48.

Grosu, V. I. 1990. *Khronologia pamyatnikov sarmatskoy kultury Dnestro-Prutskogo mezdurechia*. Kishinev: Shtiintsa.

Gudkova, A. V., Alekseeva, I. L., Toshchev, G. N., Fokeev, M. M., Chernyakov, I. T. 1978. *Otchet o rabote Izmailskoy novostroechnoy ekspeditsii IA AN USSR v 1978 g.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1978/15.

Gudkova, A. V., Fokeev, M. M. 1984. *Zemledeltsy i kochevniki v nizoviakh Dunaya I — IV vv. n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Dashevskaya, O. D. 2014. *Belyausskie mogilnik*. Simferopol: Feniks.

Dzigovskiy, O. N. 1993. *Sarmaty na zakhodi stepovogo Prichornomoriya naprykintsi I st. do n.e. — pershiy polovyni IV st. n. e.* Kuyv: IA AN Ukrainy.

Dzigovskiy, A. N. 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskikh zemel*. Odessa: Germes.

Kropotov, V. V. 2001. Pogrebeniye s fibuloy srednelatenskoy skhemy iz mogilnika Neyzats. *Bakhchisaraiskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik*, 2, s. 182—189.

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi*. Kiev: ADEF-Ukraina.

Kropotov, V. V. 2012. O remonte severoprichernomorskikh fibul v sarmatskoe vremya. In: *Muzeini chitannya. Materialy naukovoi konferentsii «Yuvelirne mystetstvo — poglyad kryz viky» (Kuyv, 14—16 lystopada 2011 g.)*, s. 87-92.

Mikhlin, B. Yu. 1980. Fibuly Belyausskogo mogilnika. *Sovetskaya arkheologia*, 3, s. 194-213.

Pogrebova, N. N. 1961. Pogrebeniya v Mavzolee Neapolya Skifskogo. *Materialy I issledovaniya po arkheologii SSSR*, 96, s. 103-213.

Sergatskov, I. V. 2007. Fibuly iz pogrebehiy Aziatskoy Sarmatii I — pervoy poloviny II vv. n. e. In: Kozenkova, V. I., Malashev, V. Iu. (eds.). *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke*. Moskva: Taus, s. 408-431.

Simonenko, O. V. 1994. Rannosarmatskiy period u Pivnichnomu Prychornomorii. *Arkheologiya*, 1, s. 32-48.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskiy mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoe*. Tiraspol: Stratum plus.

Furmanska, A. I. 1953. Fibuly z rozkopok Olvii. *Arkheologiya*, VIII, s. 76-94.

Khrapunov, I. N., Muld, S. A. 2004. Katakomby iz mogilnikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoy kultury. *Problemy istorii, filologii, kultury*, XIV, s. 239-269.

Shchukin, M. B. 1989a. Na zapadnykh granitsakh Sarmatii (nekotorye problemy i zadachi issledovaniya). In: *Kochevniki evraziyskikh stepey i antichnyy mir (problemy kontaktov). Materialy 2-go arkheologicheskogo seminara*. Novocherkassk, s. 31-56.

Shchukin, M. B. 1989b. Sarmaty na zemlyakh k zapadu ot Dnepra i nekotorye sobytiya I v. n. e. v Tsentralnoy i Vostochnoy Evrope. *Sovetskaya arkheologia*, 1, s. 70-83.

V. V. Kropotov

THE FIBULA FROM BURIAL 4 IN THE HOLMSKE BURIAL GROUND AT NORTH-WEST PONTIC REGION

The metal fibula found in the grave 4 in the Holmske burial ground is comprehensively analyzed in the paper. This entombment is characterized in the majority of generalizing works as one of the Earliest Sarmatian sites of North-West Pontic Region. At the same time its absolute dating is remained debatable up to now. Researchers dates this assemblage to the beginning / first half of the 1st century BC, or to the end of this century, or even more later time, interpreting this fibula the derivate of the smooth clamped fibula of Middle La-Ten scheme of the 1st century BC. Watching the original stored in Odessa Archaeological Museum of the National Academy of Science of Ukraine has allowed us certainly identify this object. Such distinctive features as the low direct hull, the rectangular section of the backrest, the free end of leg not fixed on the hull, the receiver in the form of a uvula-ledge etc., pull together this sample with the oldest fibulae of the Early La Ten scheme that existed in the second half of the 2nd century BC. Apparently, the fibula from burial No. 4 in the Holmske burial ground must be dated to this time interval. Other grave goods from this assemblage does not contradict such attribution.

Is of interest that the nearest synchronous undoubtedly Sarmatian graves are known only on the inverse part of North Pontic Region — in Sea of Azov region and on the Lower Don area and have absolutely other cultural looking. On the contrary, burial 4 in the cemetery of Holmske has straight analogies among the graves of so-called Tiraspil barrows which are geographically close to it and for which the similar graves goods and funeral constructions are characteristic. Thus though burial 4 is not made in a catacomb, peculiar for Tiraspil sites, it nevertheless should be included into this cultural group.

Keywords: North-West Pontic Region, cemetery, burial, fibula, Late Scythians, Sarmatians, Late Hellenism.

В. В. Кропотов

ФІБУЛА З ПОХОВАННЯ 4 МОГИЛЬНИКА ХОЛМСЬКЕ У ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОМУ ПРИЧЕРНОМОР'Ї

У статті всебічно проаналізовано металеву застібку-фібулу з поховання 4 могильника Холмське. Це поховання фігурує в більшості узагальнюючих робіт як одна з найбільш ранніх сарматських пам'яток Північно-Західного Причорномор'я. Разом з тим його абсолютне датування досі залишається дискусійним. Дослідники відносять комплекс чи до початку / першій половині I ст. до н. е., чи до кінця цього століття, чи до ще більш пізнього часу, інтерпретуючи фібулу, що походить з нього, як гладку скріплену застібку середньолатенської схеми I ст. до н. е. Огляд оригіналу, що зберігається в Одеському археологічному музеї НАН України, дозволив інакше атрибутувати цей предмет. Такі визначальні риси як низький прямий корпус, прямокутний перетин спинки, не закріплений на корпусі вільний кінець ніжки, приймач у вигляді язичка-виступу тощо зближують зразок з найбільш пізніми фібулами ранньолатенської схеми, які існували у другій половині II ст. до н. е. Мабуть, до цього часового проміжку слід віднести й фібулу з поховання 4 могильника Холмське. Решта начиння із комплексу такому визначенню не суперечить.

Цікаво відзначити, що найближчі синхронні, безсумнівно сарматські поховальні пам'ятки відомі лише у протилежній частині північно-понтійського регіону — у Приазов'ї і на Нижньому Доні, і мають зовсім інший культурний вигляд. Навпаки, поховання 4 могильники Холмське знаходить прямі аналогії серед матеріалу територіально близьких йому поховань так званої Тираспільської групи, для яких є характерний подібний набір інвентарю та подібні обриси поховальних споруд. І хоча поховання 4 здійснене не в катакомбі, властивій для Тираспільських пам'яток, його слід співвідносити саме з цією культурної групою.

Ключові слова: Північно-Західне Причорномор'я, могильник, поховання, фібула, пізні скіфи, сармати, пізній елінізм.

Одержано 13.06.2020

КРОПОТОВ Віктор Валерійович, кандидат історичних наук, пр. Вернадского, 2, Сімферополь, АРК.
KROPOTOV Viktor V., Candidate of Science (History), Prosp. Vernadskogo, 2, Simferopol, ARC.
ORCID: 0000-0001-8317-0272, e-mail: v-kropotov@bk.ru.

УДК 904.25(470.62)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.30

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

ХРОНОЛОГИЯ БРАСЛЕТОВ С КОНИЧЕСКИМИ ШИШЕЧКАМИ НА КОНЦАХ ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ

Статья посвящена хронологии бронзовых браслетов с коническими шишечками из меотских могильников Прикубанья. Хронологический анализ типов фибул, стеклянных сосудов и другого инвентаря позволил определить время использования браслетов этого типа у меотских племен в пределах I — начала II в. н. э.

***Ключевые слова**: меотская культура, браслеты, фибулы, хронология, Прикубанье.*

В настоящее время, в связи с накоплением материалов, остро ощущается необходимость в разработке региональных хронологических схем для отдельных категорий и типов археологических находок. Данная работа посвящена хронологии бронзовых браслетов с коническими шишечками на концах [1], которые встречаются в меотских грунтовых погребениях с фибулами и другими предметами с узкими датами и поэтому сами по себе могут являться довольно надежными хронологическими индикаторами для комплексов первых веков нашей эры, в которых отсутствуют другие возможности для датирования.

Подобные браслеты нередко встречаются в памятниках юга Восточной Европы. Так, аналогичные экземпляры из погребальных комплексов предгорного Крыма А.А. Труфанов отнес к выделенным им первым трем хронологическим группам, т. е. ко второй половине I в. до н. э. — рубежу I—II вв. н. э. (Труфанов 2009, с. 128, 225, рис. 65: 4).

Специальных исследований по хронологии подобных браслетов из меотских могильников Прикубанья и Нижнего Дона не проводилось. В погребениях могильника Кобякова городища большинство таких браслетов исследователи датируют I в. н. э. (Косяненко 2008, с. 137; Ларенок 2013, с. 265), а хронологическая позиция этих украшений из захоронений некрополя Крестового городища (Паниардиса) определяется в пределах конца I в. до н. э. — начала II в. н. э. (Горбенко, Косяненко 2011, с. 97, 98).

Имеющиеся материалы из грунтовых могильников Прикубанья (учтено 16 погребений) дают нам возможность уточнить хронологию этого типа браслетов. В работе использованы комплексы из могильников Старокорсунского городища 2 (СК-2), Старокорсунского городища 3 (СК-3) [2], Елизаветинского городища 2 (ЕЛ-2) [3].

В пяти погребениях СК-2 № 53в (рис. 1: 1, 2), 63з (рис. 1: 3, 4), ЕЛ-2 № 6, 73, 200/2013 г. браслеты были встречены вместе с фибулами типа «Авцисса» (Aucissa). Наиболее подробная типология и хронология этих фибул разработана Э. Риха на материалах из лагеря Август. Фибулы из приведенных меотских погребений относятся к группе 5, типу 2, варианту 1 (Riha 1994, S. 100—105, Taf. 18—20, Nr. 2241, 2245, 2256, 2272 и др.). Этот вариант фибул встречается преимущественно с монетами римских императоров первой половины I в. н. э. (Riha 1994, S. 101,102). Время появления фибул «Авцисса» в Западной Европе относится к концу

1. Они отличаются от похожих браслетов IV в. до н. э. меньшей массивностью и оформлением концов, которые у ранних экземпляров оформлены в виде крупных пирамидок, часто с нарезными вертикальными линиями.

2. Приносим благодарность А. В. Кондрашову за возможность использовать для публикации материалы из раскопанного им могильника.

3. Благодарим М. Ю. Лунева за возможность ознакомиться с материалами из его раскопок

© Н. Ю. ЛИМБЕРИС, И. И. МАРЧЕНКО, 2020

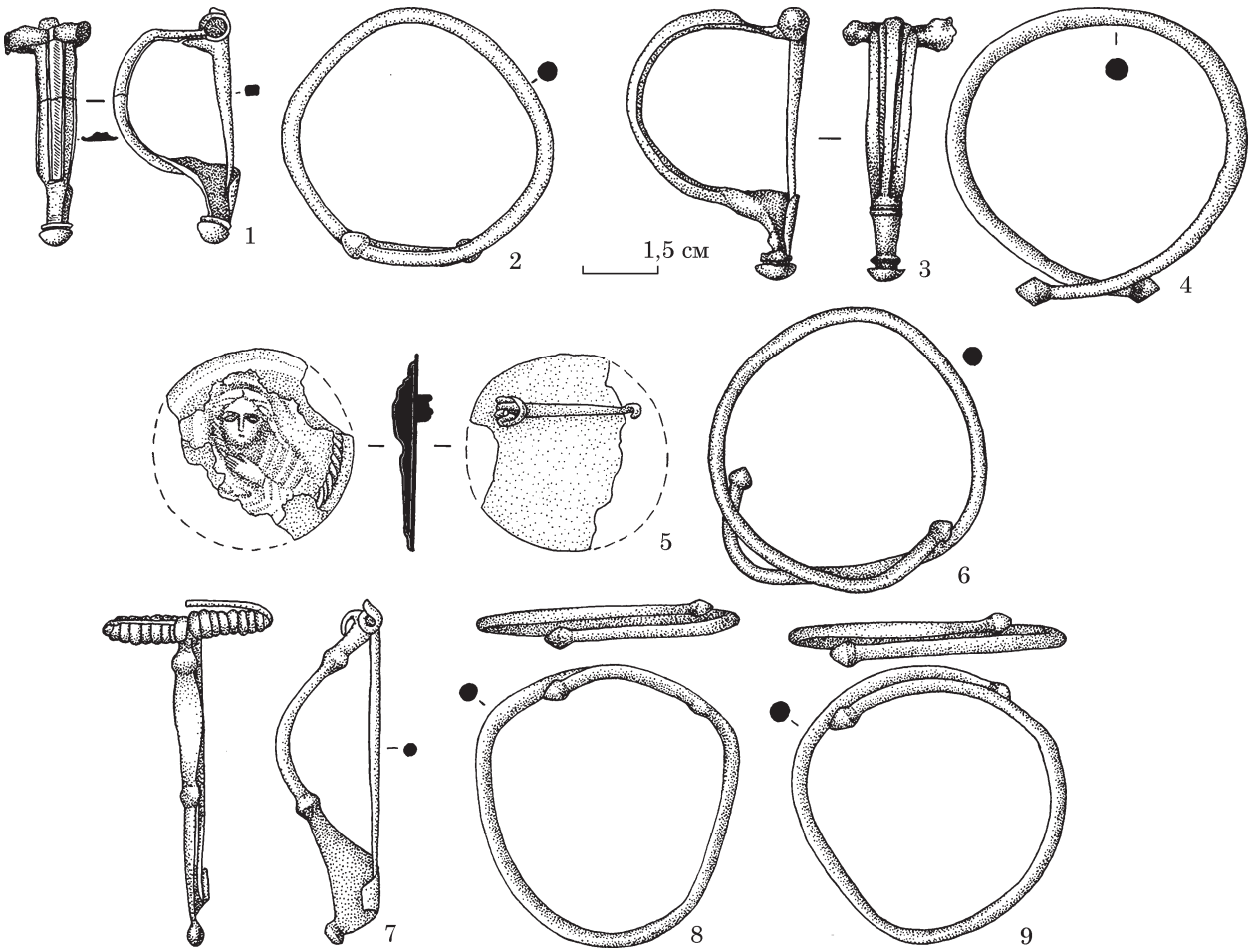


Рис. 1. Фибулы и браслеты из меотских некрополей: 1—6 — могильник Старокорсунского городища 2 (*погребения*: 1, 2 — № 53в; 3, 4 — № 63з; 5, 6 — № 614з); 7—9 — могильник Старокорсунского городища 3, погр.3

I в. до н. э. В лагерях Оберхаузен и Хальтерн, которые датируются 15—10 гг. до н. э., они уже преобладают количественно (Rieckhoff 1975, S. 22, 30—32; Щукин 1989, с. 64). Э. Эттлингер на основе швейцарских материалов предлагает для фибул «Авцисса» дату 25 (?) г. до н. э. — 50 г. н. э. (Ettlinger 1973, S. 29, Typ 29).

А. К. Амброз считал фибулы типа «Авцисса», найденные на территории бывшего СССР, синхронными западным (Амброз 1966, с. 26). По мнению В. В. Кропотова, на юге Восточной Европы эти застежки запаздывают. Исследователь ограничивает хронологические рамки их бытования в этом регионе второй половиной I — началом II в. н. э., вероятно, исходя из утверждения А. В. Симоненко, что римские застежки этого типа могли появиться здесь после сирако-аорской войны 45—49 гг. н. э., и, следовательно, их хронология ограничивается второй половиной первого столетия (Кропотов 2010, с. 273; Симоненко 2004, с. 143; 2011, с. 21; Дзнеладзе, Сикоза, Симоненко 2019, с. 369).

Если обратиться к карте распространения фибул типа «Авцисса», составленной В.В. Кропотовым, который учел 149 экз. (Кропотов 2010, рис. 77), то станет очевидным, что фибулы могли поступать в Прикубанье и далее на север (Нижний Дон и Поволжье) не с запада (с Азиатского Боспора), а с Кавказа (из восточных римских провинций). Собственно, в степях Европейской Сарматии их насчитываются единицы. Как показывает картографирование, эти фибулы могли попасть к сарматам и торговым путем: через меотов Кубани, причем значительно раньше аорсо-сиракской войны, о чем свидетельствует и очень малое количество более поздних застежек с надписью AVCISSA. Отсутствие фибул типа «Авцисса» в курганах Золотого кладбища, самые ранние комплексы которого датируются второй половиной I в. н. э., также может служить доказательством, что в Прикубанье их хронология ограничивается первой половиной I в. н. э. В качестве аргумента о запаздывании фибул «Авцисса» В. В. Кропотов приводит факты их встречаемости с лучковыми подвязными фибулами варианта 2, время распространения которых он относит ко второй половине I в. н. э. (Кропотов 2010, с. 273). Но здесь хотелось бы заметить, что в связи с удревнением периода бытования лучковых подвязных фибул варианта 1, вероятно, надо пересмотреть и датировку варианта 2, учитывая хронологию застежек типа «Авцисса» (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 152; Скрипкин 2003, 129—133).

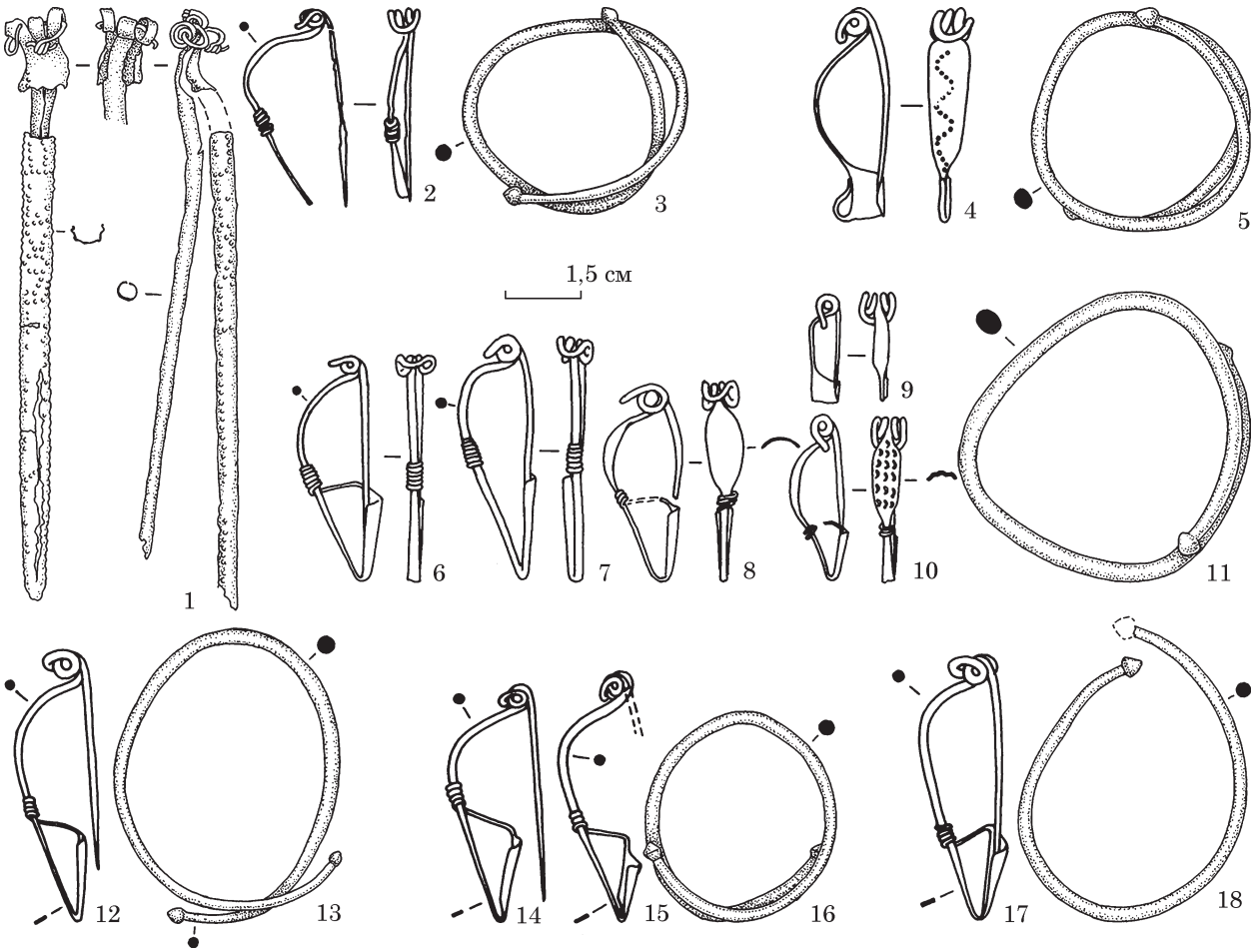


Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища 3, *погребения*: 1—3 — № 3; 4, 5 — № 74; 6—11 — № 81; 12, 13 — № 233; 14—16 — № 246; 17, 18 — № 348

Таким образом, указанные выше меотские комплексы из Прикубанья, в которых присутствуют браслеты с коническими шишечками и фибулы типа «Авцисса», мы склонны датировать первой половиной I в. н. э. Добавим, что в погребении ЕЛ-2 № 73/2013 г. была найдена еще и лучковая подвязная фибула варианта 2, которая может указывать на более позднюю дату комплекса или, наоборот, на более раннюю датировку фибул варианта 2. Во всяком случае, на сегодняшний день данный комплекс можно датировать серединой — началом второй половины I в. н. э.

В погребении ЕЛ-2 № 41/2013 г. вместе с браслетом встречены две фибулы: одна — с выпуклой пластинчатой спинкой и S-видным завитком на конце приемника, другая — лучковая подвязная варианта 2. Аналогичные пластинчатые фибулы В. В. Кропотов датирует второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 183, 186). Правда, при датировке этого типа фибул, как и многих других, В. В. Кропотов опирается на хронологию среднесарматской и позднесарматской культур. В. М. Косяненко, исследовав фибулы из некрополя Кобякова городища, предложила датировать пластинчатые застежки с завитком I в. н. э. (Косяненко 1987, с. 45; 2008, с. 101). Для нас важны наблюдения и выводы исследовательницы, построенные на материалах памятника оседлого **меотского** населения. Находка в комплексе ЕЛ-2 № 41/2013 г. лучковой фибулы варианта 2 позволяет ограничить его датировку второй половиной I в. н. э. Погребение СК-3 № 74 (рис. 1: 7, 8), в котором браслет был найден вместе с фибулой с плоской пластинчатой спинкой и S-видным завитком на конце приемника, мы относим к I в. н. э.

Найденная вместе с браслетом в погребении ЕЛ-2 № 65/2013 г. провинциально-римская бронзовая ромбовидная фибула-брошь с двумя стойками, без эмали, с завитками на концах, по форме близка фибулам типа 42, 2 по Э. Эттлингер, датирующимся 30—50 гг. н. э. (Ettlinger 1973, S. 29, Taf. 13: 2). Соответствующий тип 7.4 из лагеря Август относится ко второй четверти — концу I в. н. э. (Riha 1994, Taf. 78). В. В. Кропотов выделил эти застежки в форму 3, приведя датировки западных образцов и не уточняя их хронологию в местных памятниках (Кропотов 2010, с. 304, рис. 90: 2). Поэтому дату комплекса из Елизаветинского могильника (учитывая и другой инвентарь) можно ограничить рамками второй четверти — конца I в. н. э.

Из погребения СК-2 № 614з (рис. 1: 5, 6) происходит бронзовая пружинная круглая фибула-брошь (диаметр — 3,9 см), обтянутая серебряной фольгой с позолотой, с тисненым погрудным изображением богини. Изображение обрамлено рельефным валиком, имитирующим перевитую проволоку, край диска гладкий. Застежка — смычковой конструкции. Такие фибулы В. В. Кропотов датирует второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 294). Аналогичная брошь происходит из захоронения ЕЛ-2 № 27/1978 г. (Анфимов 1984, с. 93, табл. In: 17, 18, 20), которое по стеклянному бальзамарию типа AR 129 и бронзовой фибуле-броши с двумя стойками, округлым щитком с фестонами по краю и стеклянной вставкой в центре (Richa 7.8) мы датировали второй половиной I в. н. э. (Marčenko, Limberis 2008, S. 389, Kat. Nr. 187, Taf. 193: 7—9).

В нескольких погребениях браслетам с шишечками на концах сопутствовали лучковые подвязные фибулы. В погребении СК-3 № 81 их было три. Две фибулы относятся к серии I, варианту 2 (рис. 2: 6, 7), одна — к серии IV, варианту 2 (рис. 2: 8), что позволяет датировать данный комплекс второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 74, 161). Лучковые подязные фибулы серии I были встречены еще в трех комплексах: СК-3 № 233, 246, 348 (рис. 2: 12—18). В. В. Кропотов по отчетам А. В. Кондрашова отнес их к варианту 3 (Кропотов 2010, с. 104). Однако у этих экземпляров ножка не настолько расширена и дужка невысокая, поэтому мы относим их к варианту 2 и датируем второй половиной I — началом II в. н. э. Исследователи уже не раз отмечали, что порой очень трудно разделить фибулы вариантов 2 и 3. Так, А. А. Труфанов объединил лучковые одночленные подвязные фибулы 2 и 3 вариантов в единый хроноиндикатор, отметив, что безоговорочно отнести находку к какому либо варианту очень трудно (Труфанов 2009, с. 210).

В погребении СК-3 № 37 (рис. 2: 1—3) вместе с браслетом встречена деформированная лучковая подвязная фибула с раскованной ножкой варианта 3. А. К. Амброз, а вслед за ним и В. В. Кропотов, датировали эти застежки первой половиной — серединой II в. н. э. (Амброз 1966, с. 49—50; Кропотов 2010, с. 75). В. М. Косяненко выделила аналогичные фибулы из некрополя городища Кобяково в тип I, ограничив время их бытования второй половиной I в. н. э., и, частично, II в. н. э. (Косяненко 1987, с. 56). Из этого погребения происходит амулет-«игольница» (рис. 1: 4). Такие изделия встречаются в меотских комплексах II в. н. э., что дает нам основание датировать данное погребение первой половиной этого столетия.

Из разрушенного погребения СК-3 № 3 с двумя браслетами происходит сильнопрофилированная фибула причерноморского типа с бусинами на пластинчатой дужке (рис. 1: 7), формы 3б по В. В. Кропотову (Кропотов 2010, с. 236). Раннее, при рассмотрении хронологии сильнопрофилированных фибул с бусинами на дужке мы уже отмечали, что хронология, предложенная В. В. Кропотовым, требует уточнения (Лимберис, Марченко 2018, с. 213—214). На наш взгляд, типология и хронология этой серии фибул, разработанная В.М. Косяненко на материалах некрополя Кобякова городища, более объективно отражает период распространения этих застежек. К первому типу она отнесла фибулы со спинкой в виде стержня, и датировала их второй третью I в. н. э., а второй тип — с пластинчатой дужкой — II в. н. э., допуская возможность их бытования и в начале III в. н. э. (Косяненко 1987, с. 45—49; 2008, с. 85—88). Таким образом, датировка Старокорсунского комплекса укладывается в широкие рамки II в. н. э.

Как мы отмечали в начале статьи, специальных исследований по хронологии браслетов с окончаниями в виде конических шишечек из меотских могильников Нижнего Дона не проводилось, поэтому далее мы рассмотрим более подробно датировки погребений с браслетами этого типа из памятников донских меотов, опираясь на хронологию совместно встреченных с ними фибул.

В некрополе Кобякова городища (КБ) таких погребений 19. К первой половине I в. н. э. относятся погребения КБ № 12/1961 г., 23, 26, 46/1999 г. с фибулами типа «Авцисса». В погребении 46, кроме того, была найдена еще и фибула «лебяжьинской» серии варианта 2 (Ларенок 2013, с. 32, 33, 261, 265, табл. 13: 8—9; 21: 7, 9—10), а в детском погребении 26 — три пружинные фибулы с кнопкой на конце приемника типа I, вариантов 1, 2 и типа II, варианта 1 по классификации В. М. Косяненко, а также фрагменты сильнопрофилированной фибулы с бусиной на конце приемника (тип не восстанавливается), по которым В. А. Ларенок датировала этот комплекс первой половиной I в. н. э. (Ларенок 2013, с. 20, 21, 261, табл. 15: 6, 10—14; Косяненко 2008, с. 89—93).

В нескольких погребениях браслеты интересующего нас типа были найдены вместе с фибулами с плоской ленточной спинкой и копкой на конце приемника, которые В. М. Косяненко относит к группе II, типу I и делит на три варианта. Фибула варианта 1 из погребения КБ № 4/1958 г. датируется началом I в. н. э. (Косяненко, 2008, с. 89, 93, табл. 5: 1). Экземпляры варианта 2 из погребений КБ № 55, 132, 311/2000 г. характерны для I — начала II в. н. э. (Косяненко 2008, с. 91, 93; Ларенок 2013, табл. 44: 2; 74: 8; 136: 10). По В.В. Кропотову — это вариант 1, время бытования которого ограничивается периодом второй половины I — начала II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 212, 213). В. А. Ларенок, хотя и придерживается хронологии, предложенной В.М. Косяненко, датировала погребение 132/2000 г. второй половиной I—II в. н. э. (Ларенок 2013, с. 116).

В погребении КБ № 220/2000 г. вместе с шестнадцатью браслетами найдены пять фибул с плоской спинкой и кнопкой на конце приемника типа I, варианта 2, которые позволили датировать этот комплекс I в. н. э. (Ларенок 2013, с. 164, 165, рис. 106). Однотипная фибула встречена в детском погребении 351/2000 вместе с лучковой подвязной варианта 2, что также позволяет датировать комплекс второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 213, 217; Ларенок, 2013, с. 241, табл. 153: 6—8).

Погребения КБ № 1/1956 г., № 4/1961 г., № 316/2000 г. датируются в пределах I в. н. э. на основании фибул с выпуклой ленточной спинкой и кнопкой или завитком на конце приемника (Косяненко 2008, с. 89, 92, 93, 101, табл. 6, 4; 11: 1; Ларенок 2013, с. 223, 261, табл. 142: 3, 5—7), как и погребение КБ № 91/2000 г. с маленькой пластинчатой фибулой с завитком на конце приемника [1] (Ларенок 2013, с. 92, табл. 60: 2, 4).

Хронология погребений КБ № 195, 211, 255 2000 г. может быть ограничена второй половиной I в. н. э. Датировка погребения 195 устанавливается по взаимовстречаемости лучковой подвязной фибулы серии I варианта 2 и застежки с кнопкой на конце приемника варианта 2 (Ларенок 2013, с. 150, 151, табл. 98: 3—5; Кропотов 2010, с. 91, 216).

В погребении 211, кроме маленькой фибулы с завитком на конце приемника, была встречена краснолаковая тарелка с клеймом planta pedis (Ларенок 2013, с. 158—159, табл. 98: 10; 100: 14, 16, 17). Аналогичные тарелки Д. В. Журавлев относит к форме 1.3.1 понтийской сигиллаты А и датирует второй половиной I в. н. э. (Журавлев 2010, с. 40, 42, табл. 12: 68).

Погребение 255 В. А. Ларенок отнесла к группе I в. н. э. (Ларенок 2013, с. 183, 262, 265). Однако по круглой броши без эмали, с шарниром из двух стоек [2] этот комплекс может быть датирован более узко. По краю брошь украшена шестью выступами, в центре — круглое отверстие с железным штырьком. Такие застежки Э. Риха отнесла к типу 7.2 (вариант 1) и датировала серединой — второй половиной I в. н. э. (Riha 1994, S. 151—153, Taf. 39: 2751—2768). Более ранним временем — второй четвертью I в. н. э. датировала их Э. Эттлингер (Ettlinger 1973, S. 110, 111, Taf. 12: 10). При датировке этой фибулы В. В. Кропотов также опирается на западноевропейскую хронологию (Кропотов 2010, с. 302, табл. 89: форма 1). Наиболее вероятная дата этого погребения — вторая половина I в. н. э.

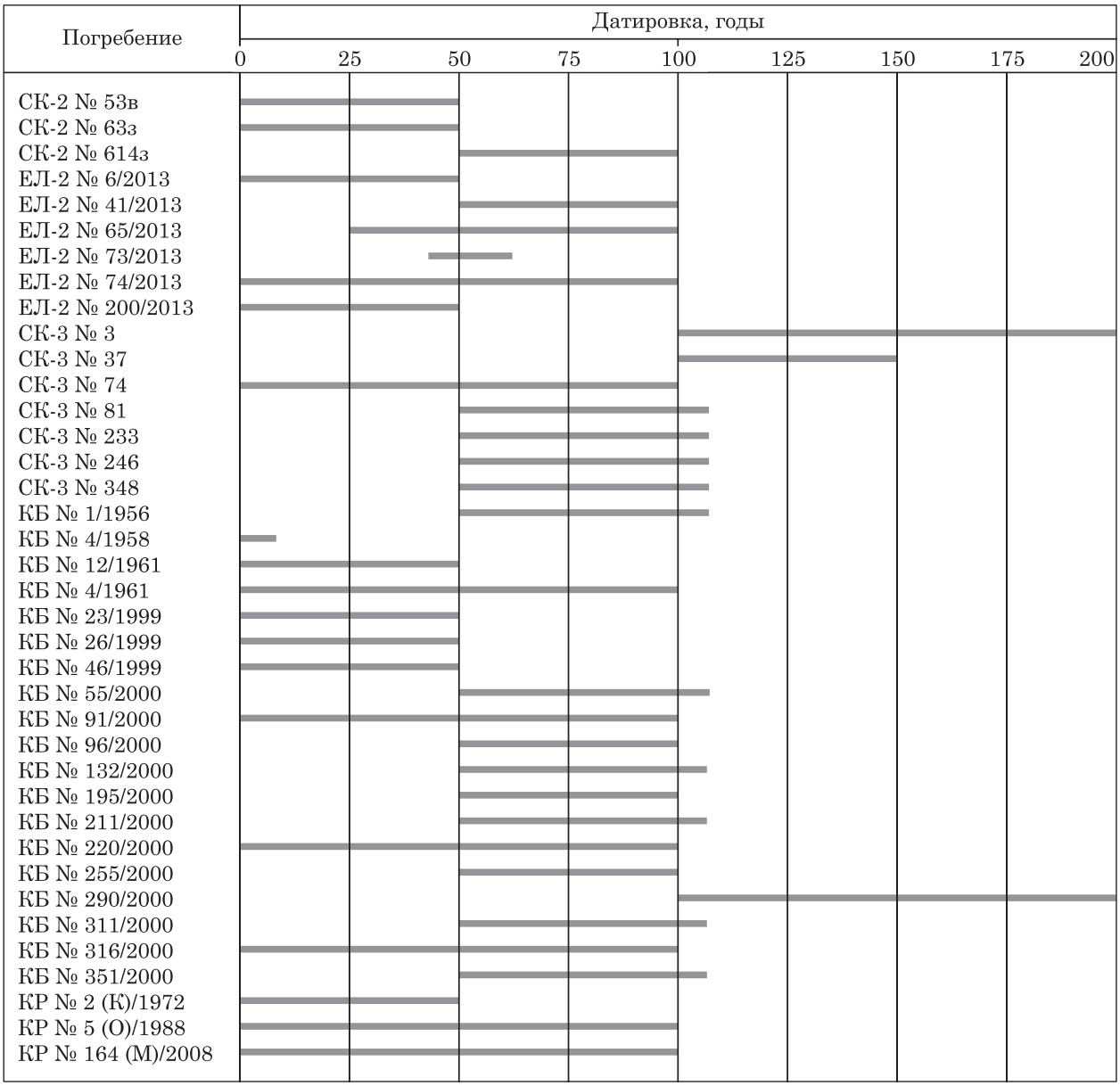
Датирующими вещами в погребении КБ № 96 2000 г. являются стеклянный бальзамарий и раннеримская, т. н. «глазчатая», фибула с многовитковой пружиной, крючком для тетивы и пластинчатым корпусом с перехватом и слабо намеченным валиком (?) на стыке спинки и ножки. Спинка профилирована ребром, ножка плоская, немного расширенная. Схема фибулы соответствует типу Альмгрен 53 (Almgren 1923, S. 21—27, Taf. III: 53). Э. Риха выделила такие фибулы в тип 2.3 (Альмгрен: группа III) и датировала их I в. н. э., отметив при этом, что самые ранние экземпляры относятся к концу I в. до н. э. (Richa 1979, S. 68, 69, Taf. 7: 193—209; 78; 79: 2, 3). «Глазчатые» фибулы типа Альмгрен 53 (основная серия) М. Б. Щукин относил к ступени B1C — B2a раннеримской хронологии, т. е. преимущественно ко второй половине I в. н. э., а наиболее поздние экземпляры — к рубежу I—II — начала II в. (Щукин 1991, рис. 7: 11; 1994, с. 233, 234, рис. 24). Этой же хронологии придерживается В. Новаковский (Nomakowski, S. 46, Abb. 12: 645). По В. В. Кропотову — это форма 3 редких западных типов, которую он также соотносит с типом Альмгрен 53. Современные хронологические разработки для этих фибул, которые приводит исследователь, укладываются во вторую половину или последнюю четверть I — начало II в. н. э. Для комплексов юга Восточной Европы исследователь допускает более позднее бытование фибул этого типа в период формирования позднесарматской культуры, т. е. на протяжении большей части II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 329—331). Форма стеклянного бальзамария характерна в целом для I — начала II в. н. э. (Лимберис Марченко 2003, с. 115, № 86, 94, 98). В.А. Ларенок, учитывая наличие бальзамария, при публикации датировала фибулу второй половиной I в. н. э., а погребение — концом I—II в. (Ларенок 2013, с. 95, 266, табл. 62: 7, 8). Однако, взаимовстречаемость фибулы и бальзамария позволяет определить хронологические рамки погребения второй половиной I — началом II в. н. э.

Вместе с браслетом в погребении КБ № 290/2000 найдены три сильнопрофилированные фибулы с бусинами на пластинчатой дужке (форма 3б по В. В. Кропотову), которые, как отмечалось выше, датируются широко — в пределах II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 244), и одна фибула с пластинчатой спинкой и кнопкой на конце приемника варианта 2. Автор раскопок датирует это погребение II в. н. э. (Ларенок 2013, с. 203—205, 265, табл. 130).

В двух комплексах вместе с браслетами интересующего нас типа из некрополя Паниардиса — Крепостного городища (КР) встречены фибулы «лебяжьинской» серии, варианта 2, которые датируются, в основном, I в. н. э., или его второй половиной (Кропотов 2010, с. 159—162). Застежки этого варианта в крымских материалах имеют более узкую дату в пределах середины—третьей четверти I в. н. э. (Пуздровский 2007: 86, 176). Второй половиной I в. н. э. обоснованно датирует эти фибулы А. В. Симоненко (Симоненко 2004: 144). Три фибулы с тремя браслетами в погребении КР № 5 (О) 1988 г. и одна с двумя браслетами в погребении КР № 164(М)2008. Исследовате-

1. В описании у В. А. Ларенок ошибочно указано — «с бусиной».
2. У В. А. Ларенок ошибочно написано, что фибула — «пружинная».

Хронологическая таблица погребений из меотских некрополей Прикубанья и Нижнего Дона



ли некрополя относят данные погребения к I в. н. э. (Горбенко, Косяненко 2011, с. 26, 150—151, рис. 87: 2—4; 88: 2—4; 183: 1, 2, 4).

В погребении КР № 2 (К) 1972 было найдено бронзовое зеркало диаметром 10 см с коническим утолщением в центре, валиком по краю, и ручкой штырем, которое исследователи датировали второй половиной I в. до н. э., а сам комплекс — последней четвертью этого столетия. При датировании зеркала авторы ссылаются на работу И. И. Марченко (Горбенко, Косяненко 2011, с. 92, 46, 150, рис. 8: 1, 3). Однако, если мы обратимся к ней, то для таких зеркал (тип VIII, вариант 1) время бытования устанавливалось в рамках рубежа II—I вв. до н. э. — первой половины I в. н. э., и отмечалось, что для экземпляров первой половины I в. н. э. характерны меньшие размеры диска — 10—11 см (Марченко 1996, с. 23). Таким образом, нет оснований относить этот комплекс к столь раннему времени, его датировку следует ограничить первой половиной I в. н. э.

Подведем итоги. Среди проанализированных нами 38 погребений с браслетами из меотских могильников Кубани и Нижнего Дона 10 комплексов относятся к первой половине I в. н. э., 17 — ко второй половине этого столетия, 8 — к I — началу II в. н. э., 1 — к первой половине II в. н. э. и только 2 погребения датируются широко — вторым столетием (табл. 1).

Незначительное количество погребений II в. н. э. вряд ли свидетельствует о долговременном употреблении браслетов рассматриваемого типа. Датировка (II в. н. э.) широкая — это может быть и начало, и конец столетия. Объяснить факт длительного сохранения таких браслетов как раритетных, престижных предметов, которые передавались из поколения к поколению, невозможно. Скорее всего, эта ситуация объясняется их вторичным применением в погребальном обряде,

что не раз наблюдалось на грунтовых могильниках меотов (к примеру, использование керамических сосудов из более ранних разрушенных захоронений в более поздних погребениях).

Таким образом, хронологический анализ погребений дает нам основание определить основное время бытования браслетов с коническими шишечками на концах у меотов Прикубанья, как, впрочем, и на Дону, в рамках I — начала II в. н. э. Надо отметить, что в меотских памятниках погребения более раннего времени с такими браслетами, которые в Крыму появляются, по мнению А. А. Труфанова, во второй половине I в. до н. э., пока нам не известны (Труфанов 2009, с. 128, 225). Возможно, это связано как раз с трудностями выделения комплексов этого времени из-за малого количества импортных вещей и отсутствия надежных хронологических индикаторов.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз, А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.* Свод археологических источников, Д 1-30. Москва: Наука.

Анфимов, И. Н. 1984. Меотский могильник I—II вв. н. э. близ станицы Елизаветинской. В: Аутлев, В. (ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, с. 83-111.

Дзнеладзе, Е. С., Сикоза, Д. Н., Симоненко, А. В. 2018. Фибулы могильника Красный Маяк. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 359-374.

Горбенко, А. А., Косяненко, В. М. 2011. *Некрополь Паниардиса (Крепостного городища)*. Донские древности, 11. Азов: Азовский музей-заповедник.

Зайцев, Ю. П., Мордвинцева, В. И. 2003. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья. *Российская археология*, 2, с. 135-154.

Косяненко, В.М. 1987. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища. *Советская археология*, 2, с. 45-62.

Косяненко, В. М. 2008. *Некрополь Кобяково городища*. Донские древности, 9. Азов: Азовский музей-заповедник.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.

Кунина, Н. З., Сорокина, Н. П. 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора. *Труды Государственного Эрмитажа*, XIII, с. 146-177.

Ларенок, В.А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* 1. Ростов-на-Дону: Донской Издательский Дом.

Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2003. Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 3, с. 106-183.

Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2004. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 4, с. 221-241.

Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2018. Хронология орнаментированных зеркал-подвесок с боковой ручкой из меотских могильников правобережья Кубани. *Stratum plus*, 4, с. 201-217.

Марченко, И. И. 1996. *Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар: КубГУ.

Пуздровский, А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Симоненко, А. В. 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. В: *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, с. 134-173.

Симоненко, А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Скрипкин, А. С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений). *Советская археология*, 2, с. 128-134.

Труфанов, А. А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. *Stratum plus*, 4, с. 117-329.

Щукин, М. Б. 1991. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 31, с. 90-106.

Almgren, O. 1923. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchrislichen Jahrhunderte mit Berücksicktigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Mannus-Bibliothek, 32. Leihzig.

Ettlinger, E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern.

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes*. In: Simonenko, A. V., Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien, 25. Mainz: Philipp von Zabern.

Nowakowski, W. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutigen Sicht. In: *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren*. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, 5. Wünsdorf.

Rieckhoff, S. 1975. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hufingen, Saalburg. *Saalbuch Jahrbuch*, XXII, S. 105-129.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Forschungen in Augst, 3. Augst: Hochuli A. G., Muttenz.

Schleiermacher, M. 1993. *Die römischen Fibeln von Kempten-Cambodunum*. Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege, 63; Cambodunumforschungen, V. Kallmünz. Michael Lassleben.

REFERENCES

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n. e. — IV v. n. e*. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-30. Moskva: Nauka.

Anfimov, I. N. 1984. Meotskiy mogilnik I—II vv. n. e. bliz stanitsy Elizavetinskoy. In: Autlev, B. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei*. Maykop: ANIIEYaLI, s. 83-111.

Dzneladze, E. S., Sikoza, D. N., Simonenko, A. V. 2018. Fibuly mogilnika Krasnyy Mayak. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (27). s. 359-374.

Gorbenko, A. A., Kosyanenko, V. M. 2011. *Nekropol Paniardisa (Krepostnogo gorodishcha)*. Donskiye drevnosti, 11. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik.

Zaytsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I. 2003. Podvyaznyye fibuly v varvarskikh pogrebeniyakh Severnogo Prichernomoria. *Rossijskaya arkheologiya*, 2, s. 135-154.

Kosyanenko, V. M. 1987. Bronzovyye fibuly iz nekropolya Kobyakova gorodishcha. *Sovetskaja arkheologija*, 2, s. 45-62.

Kosyanenko, V. M. 2008. *Nekropol Kobyakovo gorodishcha*. Donskiye drevnosti, 9. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik.

Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi*. Kiev: ADEF-Ukraina.

Kunina, N. Z., Sorokina, N. P. 1972. Steklyannyye balzamarii Bospora. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XIII. s. 146-177.

Larenok, V.A. 2013. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebalnykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg*. 1. Rostov-na-Donu: Donskoy Izdatelskiy Dom.

Limberis, N. Yu. Marchenko, I. I. 2003. Stekliannye sosudy pozdneellinisticheskogo i rimskogo vremeni iz Prikubania. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani*, 3, s. 106-183.

Limberis, N. Yu., Marchenko, I. I. 2004. Rimskiye i provintsialno-rimskiye bronzovyye fibuly iz Prikubania. *Materialy i issledovanija po arkheologii Kubani*, 4, s. 221-241.

Limberis, N. Yu. Marchenko, I. I. 2018. Khronologiia ornamentirovannykh zerkal-podvesok s bokovoi ruchkoi iz meotskikh mogilnikov pravoberezhia Kubani. *Stratum plus*, 4, s. 201-217.

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani*. Krasnodar: KubGU.

Puzdrovskiy, A. E. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnyye pamyatniki*. Simferopol: Biznes-Inform.

Simonenko, A. V. 2004. Khronologiya i periodizatsiya sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomoria. In: *Sarmatskiye kultury Evrazii: problemy regionalnoy khronologii. Doklady k 5-y mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»*. Krasnodar, s. 134-173.

Simonenko, A. V. 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomoria*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.

Skripkin, A. S. 1977. Fibuly Nizhnego Povolzhia (po materialam sarmatskikh pogrebeniy). *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 128-134.

Trufanov, A. A. 2009. Khronologiya mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. — III v. n. e. *Stratum plus*, 4, s. 117-329.

Shchukin, M. B. 1991. Nekotoryye problemy khronologii rannerimskogo vremeni (k metodike istoriko-arkheologicheskikh sopostavleniy). *Arkheologicheski sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 31, s. 90-106.

Almgren, O. 1923. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchrislichen Jahrhunderte mit Berücksicktigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Mannus-Bibliothek, 32. Leihzig.

Ettlinger, E. 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern.

Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. 2008. *Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes*. In: Simonenko, A. V., Marčenko, I. I., Limberis, N. Ju. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien, 25. Mainz: Philipp von Zabern.

Nowakowski, W. Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutigen Sicht. In: *100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren*. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, 5. Wünsdorf.

Rieckhoff, S. 1975. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hufingen, Saalburg. *Saalbuch Jahrbuch*, XXII, S. 105-129.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Forschungen in Augst, 3. Augst: Hochuli A. G., Muttenz.

Schleiermacher, M. 1993. *Die römischen Fibeln von Kempten-Cambodunum*. Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege, 63; Cambodunumforschungen, V. Kallmünz. Michael Lassleben.

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

CHRONOLOGY OF THE ARMLETS WITH CONICAL CONE ENDS FROM THE MAEOTIAN SITES OF THE KUBAN REGION

Currently there is a need to develop of regional chronological schemes for certain categories and types of archaeological finds. The bronze armlets with the conical cones at the ends can be quite reliable chronological indicators for the assemblages of the first centuries AD in case of lack of other possibilities for dating. The assemblages with armlets from the Maeotian burial grounds of the Kuban region are analyzed in the paper. The published materials from the Don Maeotians burials are also used in order to compare and clarify the chronology. The analysis was mainly carried out basing of the burials with fibulae which are the base for chronology of the armlets. The types of fibulae are quite diverse: the Early Roman type «Aucissa», the «ocular» of Almgren 53 type, the provincial-Roman not enameled brooch, with a hinge of two racks, a round brooch with a clasp of a bow construction, highly profiled fibulae of the Black Sea types, lamellar fibulae with a S-prominent curl and with a button at the end, as well as bow garter fibulae. In separate burials glass vessels and Terra sigillata plate have been found which helped to clarify the dating.

In total, 38 burials from the Maeotian burial grounds of the Kuban and the Lower Don were analyzed. Among them 10 assemblages belong to the first half of the 1st century AD., 17 — to the second half of this century, 8 — to the 1st — beginning of the 2nd century AD., 1 — to the first half of the 2nd century AD. and only 2 burials date widely — the 2nd century. The main period of existence of the armlets with the conical cones at the ends among the Kuban Maeotians, as, however, on the Don, within the 1st to beginning the 2nd centuries AD. The burials of the 1st century BC. with such armlets are not yet known to us. Perhaps this is due to the difficulties in distinguishing assemblages of this time due to the small amount of imported items and the lack of reliable chronological indicators.

Keywords: Kuban Region, Lower Don, Maeotian culture, armlets, fibulae, chronology.

Н. Ю. Лімберіс, І. І. Марченко

ХРОНОЛОГІЯ БРАСЛЕТІВ З КОНІЧНИМИ ШИШЕЧКАМИ НА КІНЦЯХ З МЕОТСЬКИХ ПАМ'ЯТОК ПРИКУБАННЯ

Сьогодні відчувається необхідність в розробці регіональних хронологічних схем для окремих категорій і типів археологічних знахідок. Бронзові браслети з конічними шишечками на кінцях можуть бути досить надійними хронологічними індикаторами для комплексів перших століть нової ери, в яких відсутні інші можливості для датування. У статті аналізуються комплекси з браслетами з меотських могильників Прикубання. Для порівняння і уточнення хронології залучаються також опубліковані матеріали з могильників донських меотів. Аналізу були піддані, головним чином, поховання з фібулами, на датування яких і спирається хронологія браслетів. Типи фібул досить різноманітні: раннерімского типу Aucissa, «вічкова» схеми Альмгрен 53, провінційно-римська фібула-брошка без емалі, з шарніром з двох стойок, кругла фібула-брошка з застібкою смичкової конструкції, сильнопрофільовані фібули причорноморських типів, пластинчасті фібули з S-подібним завитком і з кнопкою на кінці приймача, а також лучкові подв'язні фібули. В окремих похованнях були присутні скляні посудини і червонолакова тарілка, які допомогли уточнити датування. Всього було проаналізовано 38 поховань з меотських могильників Кубані і Нижнього Дону. З них 10 відносяться до першої половини I ст. н. е., 17 — до другої половини цього сторіччя, 8 — до I — початку II ст. н. е., 1 — до першої половини II ст. н. е. і тільки 2 поховання датовані широко — II ст. н. е. Основний період побутування браслетів з конічними шишечками на кінцях у меотів Прикубання, як, втім, і на Дону, обмежується I — початком II ст. н. е. Поховання I в. до н. е. з такими браслетами поки нам не відомі. Можливо, це пов'язано з труднощами виділення комплексів цього часу через малу кількість імпортних речей і відсутність надійних хронологічних індикаторів.

Ключові слова: Прикубання, Нижній Дон, меотська культура, браслети, фібули, хронологія.

Одержано 26.05.2020

ЛІМБЕРІС Наталія Юріївна, старший науковий співробітник, Кубанський державний університет, вул. Ставропільська, 149, Краснодар, 350040, Російська Федерація.
LIMBERIS Natalya Yu., Senior Researcher, Scientific Research, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-0395-315X, e-mail: limberis2@mail.ru.

МАРЧЕНКО Іван Іванович, кандидат історичних наук, професор, Кубанський державний університет, вул. Ставропільська, 149, Краснодар, 350040, Російська Федерація.
MARCHENKO Ivan I., Candidate of Sciences (History), Professor, Kuban State University, Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation.
ORCID: 0000-0001-7319-5214, e-mail: meot@mail.ru.

УДК 904.24(517.3) DOI: 10.37445/adiu.2020.03.31

Н. В. Полосьмак

ВЕЩИ ИЗ ГАРДЕРОБА ХУННУ (по находкам в Ноин-улинских курганах)

В статье анализируются предметы одежды, обнаруженные в курганах хуннуской знати в могильнике Ноин-Ула. Делается вывод об эклектичности костюма знатных хунну.

***Ключевые слова**: костюм, хунну, Ноин-ула, текстиль, шелк, Монголия, Китай.*

Костюм является важным составляющим элементом культуры. Восстановить костюм по материалам древних погребений чрезвычайно сложно, так как археологи имеют дело, главным образом, только с нетленными деталями одежды (металлическими, костяными, стеклянными, каменными украшениями, застежками, пряжками, пуговицами и т. п.), а не с костюмом как таковым, который во все века изготавливался, главным образом, из нестойких органических материалов. Но роль костюма настолько велика, что даже по самым скудным элементам одежды ученые пытаются восстановить облик исчезнувших народов. Когда же волею обстоятельств в погребениях сохраняются реальные детали костюма в виде целых изделий, они нередко заставляет полностью пересматривать сложившиеся представления.

Что мы знаем о костюме хунну, кочевого народа, создавшего империю на границах с ханьским Китаем?

В письменных источниках ханьского времени относительно хунну отмечено, что «Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием» (Бичурин 1950, с. 40). В этом пассаже перечислены материалы, которыми пользовались хунну для изготовления своего костюма, но не названы его составляющие. В ходе раскопок Ноин-улинских курганов экспедицией под руководством П. К. Козлова в двадцатых годах прошлого века были обнаружены многие вещи, в значительной степени проливающие свет на то, как были одеты знатные хунну, похороненные в могилах пади Судзуктэ. Эти люди составляли важную часть хуннского общества, предпочившей китайский костюм своему, судя по данным китайских летописей. Этому в немалой степени способствовали сами китайцы, считавшие, что дорогие шелковые одежды служат одной из т. н. «приманок» и должны приучить хунну к китайской роскоши, приручить их и тем самым обезопасить свои границы от постоянных набегов. В свое время китаец Чжунхан Юэ, бывший советником при хуннуском правителе Лаошане, предостерегал последнего от последствий пристрастия к китайской роскоши и особенно к одежде: «Ныне вы, шаньюй, изменяя обычаям, проявляете любовь к ханьским изделиям, но если только две десятых ханьских изделий попадут к сюнну, то все сюнну признают над собой власть Хань. Если в шелковых тканях и шелковой вате, которые сюнну получают от Хань, пробежать по колючей траве, то верхняя одежда и штаны порвутся; покажите этим, что такая одежда не так прочна и хороша, как шубы из войлока…» (Сыма Цянь, гл. 110, л. 15б—16а, цит. по: Таскин 1989, с. 26). Но, судя по находкам в ноин-улинских курганах, знатные хунну предпочли роскошь.

В 6 Ноин-улинском кургане экспедицией под руководством П. К. Козлова были найдены шелковые длиннополые халаты или кафтаны, отделанные собольим мехом, шерстяные шаровары, шелковые ноговицы, несколько головных уборов. Уже одно перечисление этих

© Н. В. ПОЛОСЬМАК, 2020

вещей показывает, что костюм знатного хунну был довольно эклектичен по составу — в нем сочетались китайские предметы одежды, подаренные шаньюю и розданные им своим ближайшим подданным, и вещи, всегда бытовавшие в культурах центральноазиатских кочевников — шерстяные шаровары и, возможно, один из трех головных уборов; два других очень похожи на китайские, известные по изобразительным источникам.

С. И. Руденко в свое время пытался найти какие-то изображения, которые помогли бы в реконструкции костюма хунну, но пришел к справедливому и сегодня выводу о том, о что достоверных изображений хунну той эпохи, о которой идет речь (III в. до н. э — III в. н. э.) не существует. Он обратился к рисункам XIV и XVII вв., запечатлевших образы гуннов (Руденко 1962, с. 39, рис. 31). Гунны изображены в длинных, широких кафтанах, опушенных мехом, запахивающихся на левую сторону и подпоясанных матерчатым поясом. Из-под кафтанов видно края штанин, собранных в сборы, и мягкую обувь с голенищем, лишь незначительно выше щиколоток. Головной убор — круглая шапка с меховой оторочкой и верхом, крытым материей. У одного из персонажей в левом ухе имеется серьга в виде крупного кольца. Судя по тем предметам одежды, которые были обнаружены П. К. Козловым в ноин-улинских курганах, хунну, по мнению С. И. Руденко, одевались так же (Там же, с. 39).

Как известно, все курганы хуннуской знати ограблены еще в древности. Слишком много врагов было у них в Степи, чтобы остаться безнаказанными. Особенность грабежа состояла в том, что осквернителей могил интересовали, прежде всего, сами погребенные. С телами умерших не церемонились: археологи, в лучшем случае, находят на полу погребальной камеры разрозненные кости скелетов. Вероятно, тела умерших поднимали из глубоких могильных ям не только для того, чтобы на поверхности собрать все находящиеся на них украшения и знаки отличия, но и чтобы осквернить (возможно — расчленить) тело покойного. Принадлежащие погребенному украшения, оружие, какие-то личные вещи становились добычей грабителей, а тела бросали. Поэтому, несмотря на то, что за последние годы на территории современной Монголии и на границе с ней — в Забайкалье — исследовано уже несколько погребальных комплексов хуннской знати, до сих пор не найдено ни одного нетронутого захоронения. Кроме того, поскольку предметы из органических материалов сохраняются только в погребальных комплексах Ноин-улы, именно здесь можно было ожидать новые находки, позволяющие представить, как же выглядели в полном облачении эти властители степей.

По материалам раскопок П. К. Козлова было установлено, что в гардеробе хунну было много готовых изделий из шелка. Все находки были сделаны в 6 кургане — это, прежде всего, два длинных халата и детали третьего. Один без подкладки, обшитый по подолу, бортам и вороту узкой полоской меха соболя. Два других халата из такой же ткани были на войлочном подкладе (Руденко, 1962, с. 41, табл. XIV, XV). Известно, что ношение халатов на китайский манер у сяньби было законодательно введено только в 494 г. правителем Тоба Хуном (Крюков, Малявин, Софронов 1987, с. 121). Сами же шелковые халаты, как показывают археологические материалы, задолго до этого уже носили знатные кочевники-хунну.

Интересны головные уборы: все три — разных фасонов (Руденко 1962, табл. XVI—XVII). Один — типичный колпак евразийских кочевников, из шерстяной ткани на войлочном подкладе, но сверху и внутри он обшит шелковой тканью, у него шелковые завязки. Второй убор — это широкая головная повязка, сшитая из войлока, крытого шерстяной тканью и собольим мехом. К ней пришиты наушники, выкроенные из шелка и также покрытые собольим мехом. И наушники, и повязка имеют шелковые ленточки-завязки. И последний головной убор — это тоже головная повязка, но целиком выполненная из шелка (Там же, с. 42, 43). Какими бы ни были фасоны этих изделий, в их изготовлении всегда находил применение китайский шелк.

Поясной одеждой были шаровары. В кургане 6 их было найдено две пары, одни из которых сшиты из шерстяной ткани, другие — из шелковой. Покрой этих изделий абсолютно одинаков. В книге приведены размеры этих штанов: длина 1,14 м, ширина в талии 1,16 м, с большой мотней. В пояс по окружности вшит толстый (4 мм в диаметре) шерстяной шнур слабой крутки. Концы штанин слегка собраны в сборы и обшиты полоской светло-коричневой шерстяной ткани того же типа и качества, как и ткань шаровар. На некотором расстоянии от пояса на обеих штанинах вышита двусторонним стежком шерстяными нитками слабой крутки полоска 4 × 34 см. Эти шаровары С. И. Руденко называет типичными для хунну (Там же, с. 39, 40, рис. 32), в отличие от других (по его словам, «китайского» покроя), представлявших собой две отдельно надевающиеся штанины. Они сшиты из цельных кусков ткани китайского шелка с вытканным узором, на подкладке из красного шелка. «При невероятной ширине они круто, почти под прямым углом суживаются внизу, где к ним пришита войлочная обувь» (Там же, с. 40, табл. XII: 1). Обувь представляла собой полусапожки с войлочной подметкой и стелькой из толстой шерстяной ткани, покрытой пришитым к ней шелком. Все изделие сверху было также обшито белым шелком. Поверх этих полусапожек, которые составляли одно целое со штанинами, надевались другие,

Рис. 1. Фрагмент шубы, декорированной соболиными хвостиками и мелкими серебряными бляшками. 22 ноин-улинский курган

такого же кроя и тоже из войлока, но крытые расшитой шелковыми нитями кожей. Войлочная подошва этой обуви была украшена аппликацией из тонкого войлока двух цветов (Там же, с. 41, табл. LXX: 2). Еще одна подошва, на этот раз женской обуви, была обнаружена в 24 ноин-улинском кургане. Она была украшена вышивкой шелком в китайском стиле (Там же, с. 41, табл. XIII). К поясу каждая штанина крепилась при помощи широких петель. Рубах обнаружено не было, из чего С. И. Руденко сделал вывод, что рубах хунну могли и не носить.

Поскольку вся эта одежда была обнаружена в одном кургане, представить, насколько такой наряд был типичен для хунну, невозможно. В 2006 и 2012 гг. российско-монгольской экспедицией были исследованы два кургана могильника Ноин-ула — 20 и 22 (Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж 2011; Полосьмак, Богданов 2015). Среди других находок в этих элитных погребениях были найдены многочисленные фрагменты текстильных изделий. Установ-

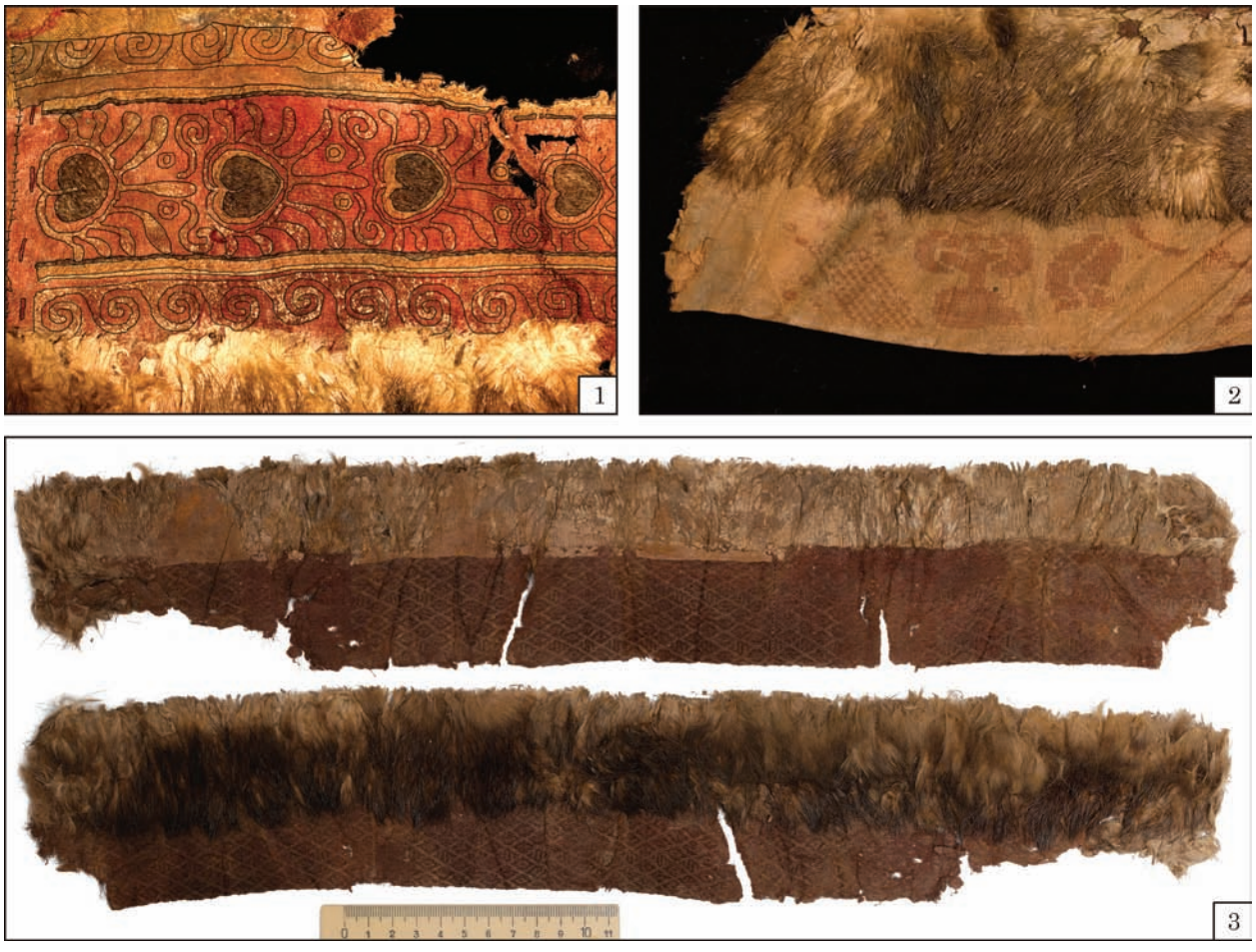


Рис. 2. Кафтан из 20 Ноин-улинского кургана: 1, 2 — фрагменты полы; 3 — фрагменты отделки, шелк и мех соболя

лено, что в обоих курганах находились фрагменты шелковых халатов. Речь может идти о халате из одноцветного шелка на подкладе из шелковой ваты и о другом — из красной шелковой полихромной ткани с опушкой из собольего меха (22 ноин-улинский курган). В этом же погребении были обнаружены фрагменты изделия из собольего меха — по всей видимости, это могла быть шуба (рис. 1). В Китае шелковые халаты надевались поверх шуб. Возможно, так же носили эти вещи и знатные хунну.

Кроме шелковых тканей, в этих курганах было довольно много фрагментов шерстяного текстиля; некоторые из них относятся к одежде. В 20 кургане найдено несколько деталей нарядного вышитого кафтана — часть подола с отделкой из меха соболя (рис. 2: 1, 2; 3), а в 22 кургане обнаружены фрагменты отделки подола кафтана — полосы шелковой ткани, отороченной мехом (рис. 2: 3). Нам неизвестен фасон шерстяных кафтанов, но небольшие фрагменты, обнаруженные в 20 и 22 ноин-улинских курганах, дают представление о яркости и декоративности этих изделий, сплошь покрытых вышивкой и отделанных мехом соболя. При изготовлении этих кафтанов использовались и разнообразные шелковые ткани. Известно, что хунну получали в качестве подарков (замаскированная дань) от императорского двора большое количество шелков из лучших мастерских Поднебесной. Эти уникальные ткани находили применение при пошиве одежды местными мастерицами. Они искусно комбинировали их с шерстяными тканями и мехом. Получалось нечто поистине великолепное, о чем мы можем судить по сохранившимся фрагментам кафтана из 20 ноин-улинского кургана (рис. 3; Полосьмак 2015, с. 445, 456). Эти кафтаны и были, на наш взгляд, собственной одеждой знатных хунну.

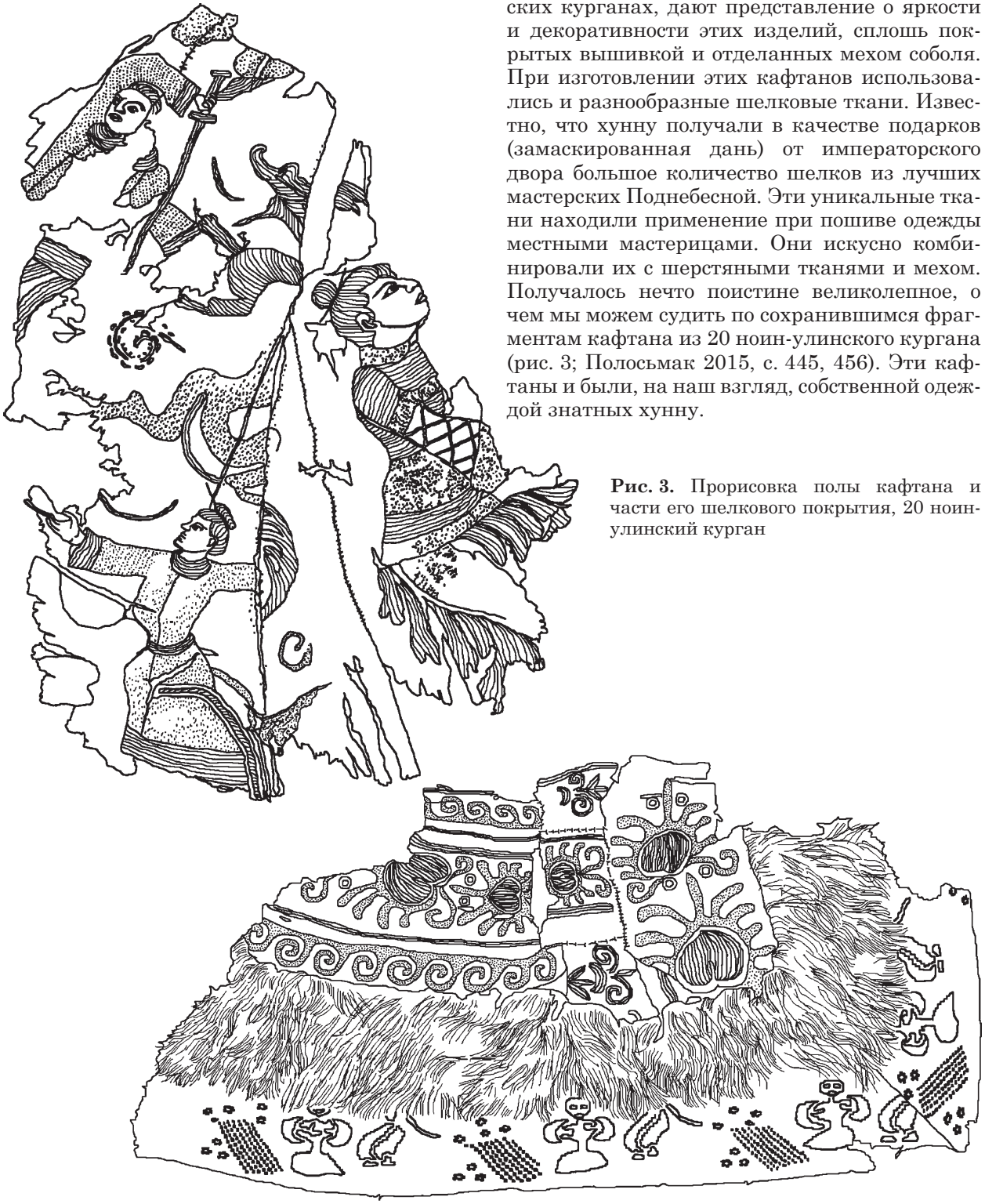


Рис. 3. Прорисовка полы кафтана и части его шелкового покрытия, 20 ноин-улинский курган

Рис. 4. Одна из шерстяных ноговиц в развернутом виде

Рис. 5. Правая и левая стороны штанины с пришитой к ним войлочной обувью, 22 ноин-улинский курган

Также в погребальной камере 22 кургана были обнаружены ноговицы, сшитые из шерстяной ткани. Текстильный сверток лежал рядом с западной стенкой гроба. Нитки швов истлели, и все изделие распалось на два больших и пять маленьких фрагментов. Как оказалось, одна из штанин была сшита из трех кусков, вторая — из четырех. Т. Н. Глушковой было установлено, что максимально возможная длина полотна ткани, из которой были выкроены ноговицы, составляла не менее 180 см, ширина — не менее 91 см; фрагменты полотен ноговиц были сшиты по долевой (основной) нити, что свидетельствует о хорошем знании мастерами характеристик текстильного полотна (рис. 4). На каждой ноговице в верхней, наиболее высокой части находятся разрезы, через которые штанина крепилась к поясу. Ткань в этих местах деформирована (вытянута по основе), что является следами носки; возможно, здесь находилась несохранившаяся драгоценная отделка. Ноговицы заканчивались пришитыми к ним и покрытыми расшитой шерстяной тканью войлочными сапожками, составлявшими со штаниной одно целое (рис. 5). Когда было собрано все изделие, выяснилась интересная деталь: вышивка шелком была сделана после того, как все выкроенные куски ткани были пришиты друг к другу. То есть, вышивалась не сама ткань, а уже готовые изделия. Хотя нитки, использованные для вышивания, почти полностью истлели, на ткани остался ясный след вышитого узора. Небольшие фрагменты сохранившейся вышивки позволяют полностью восстановить весь орнамент (рис. 6). Анало-

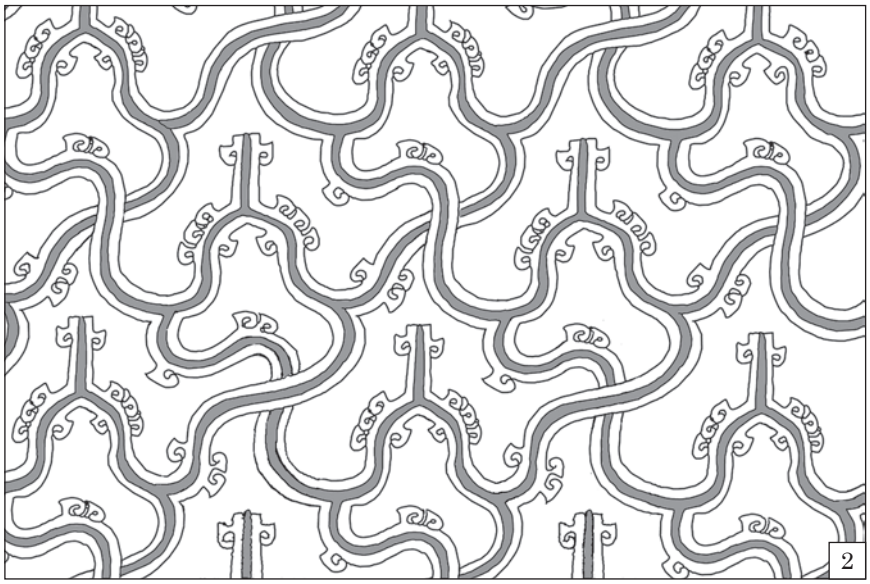


Рис. 6. Фрагмент шерстяной ткани ноговиц с вышитым шелком узором, 22 ноинулинский курган: 1 — фото; 2 — прорисовка орнамента

гичный орнамент, выполненный нитями трех цветов — песочного и двумя оттенками коричневого — имеется на неокрашенной шелковой ткани, являющейся нижней частью покрытия обуви, обнаруженной в 24-м ноин-улинском кургане экспедицией П. К. Козлова. Сам орнамент, по мнению исследователей, представляет собой абстрактный и стилизованный горный пейзаж (Лубо-Лесниченко 1961, с. 49, табл. XLII, XLIII). Таким образом, на штанины, сшитые из шерстяной ткани, был перенесен узор, которым обычно вышивались шелка. Так же был оформлен и войлочный сапожок. С помощью стежки шерстяными нитями он был покрыт плотной, эластичной и тонкой шерстяной тканью полотняного переплетения. Ткань вышита шелковыми нитями одной из разновидностей тамбурного шва (рис. 7). Подметка сапожка имеет макси-

Рис. 7. Войлочный, покрытый шерстяной вышитой тканью сапожка из 22 ноин-улинского кургана: 1 — развертка; 2 — прорисовка орнамента вышивки шелковыми нитями

Рис. 8. Подошва войлочного сапожка с двух сторон. Основа — береста и войлок, поверх обтянута шерстяной вышитой тканью

мальную длину 19,5 см, ширину — 9 см. Основа подметки, обтянутой такой же, как и весь сапожок, шерстяной тканью, сделана из бересты и войлока (рис. 8).

Как было установлено в ходе аналитического исследования сотрудниками Института органической химии СО РАН (Новосибирск) В. И. Маматюком, Е. В. Карповой и В. Г. Васильевым, при окрашивании ткани, использованной для пошива ноговиц, использовалось сразу несколько видов красителей растительного и животного происхождения — ализарин, пурпурин и лаккаиновые кислоты. Ткани, окрашенные несколькими красителями для получения желаемого цвета, ценились очень дорого. Источником самого экзотического красителя — лаккаиновой кислоты — служили лаковые червецы, насекомые из отряда хоботных, обитающие на различных видах деревьев в большинстве районов Индии и Цейлона, а также в Бутане, Непале, Бирме, Лаосе, Камбодже, Вьетнаме, Таиланде и на юге Китая (Юньнань). В средиземноморском регионе этот лак был известен еще с античности: вместе с хлопчатобумажной тканью он поступал с северо-западного побережья Индии в Египет, а уже оттуда — в Восточное Средиземноморье. Шерстяные ткани, окрашенные лаккаиновой кислотой, были обнаружены в погребениях Пальмиры, одного из богатейших городов поздней античности, среди изделий, принадлежащих самым состоятельным слоям общества (Bohmer, Karadag 2000, p. 87).

В ханьском Китае для окраски шелковых тканей во все оттенки красного цвета использовались красители, получаемые из культивируемых видов растений (марены красильной и сафлора красильного); также был очень популярен минеральный краситель — киноварь, сульфид ртути (Лубо-Лесниченко 196, с. 23, 24). В китайских письменных источниках периодов Чжоу-Хань (1027 г. до н. э. — 220 г. н. э.), где содержатся обширные сведения об окраске тканей в древнем Китае, червецы не упоминаются. Не были обнаружены следы красящего вещества, полученного с помощью червецов, и в ходе исследований шелковых ханьских тканей (Кононов 1946, с. 70; Bohmer, Karadag 2000, p. 83, 84, tab. 6, 7). В Китае лак начали использовать для окрашивания тканей гораздо позднее (соответствующие достоверные письменные свидетельства относятся к началу IV в. н. э.).

Проведенные в НИОХ СО РАН аналитические исследования коллекции текстиля из

ноин-улинских курганов Монголии, полученной в ходе раскопок в 2006—2013 гг., а также хранящихся в Эрмитаже образцов тканей из раскопок экспедиции П. К. Козлова, показали, что большая часть наиболее качественных шерстяных тканей была окрашена с использованием именно лаккаиновой кислоты. Это служит дополнительным подтверждением того, что шерстяные ткани из ноин-улинских курганов хунну были изготовлены и окрашены далеко от Китая и центральноазиатских степей. То есть в регионах, расположенных на пространстве от северо-западной Индии, где было получено исходное красильное сырье, до Восточного Средиземноморья, где могла быть соткана сама ткань.

Для изготовления ткани использовалась высококачественная овечья шерсть с толщиной волокон около 21 мкм. Ткань сохранила изначально присутствующие качества: легкость, эластичность, мягкость, тонкость и плотность. Нити основы — двойные, светло-коричневого цвета (натурального цвета исходного материала); нити утка — одинарные, красного цвета. Цветовые различия свидетельствуют, что окрашивалась не готовая ткань, а пряжа. Технологические особенности ткани заключаются в том, что число основных нитей меньше, чем уточных, так что основу практически невозможно рассмотреть. Этот способ тканья известен по хорошо изученным пальмирским материалам как уточно-настилочное полотняное переплетение, с помощью которого можно изготовить особо прочные ткани (Stauffer 2000, p. 19).

На одном куске ткани в прямом смысле осуществилось слияние двух культур для нужд третьей. Можно предположить, что в сирийской мастерской с ее давними традициями текстильного производства была выткана и окрашена с помощью индийского красителя превосходного качества шерстяная ткань. Затем вместе с другими такими же дорогими тканями она отправилась с торговыми караванами в Китай, где эти столь высоко ценившиеся при ханьском дворе товары должны были быть обменяны на китайские шелка, уже хорошо известные на средиземноморских рынках. Возможно, торговцы с товаром достигли г. Чанъань, бывшего до 25 г. н. э. столицей Западной Хань. А оттуда ткань могла попасть к хунну в виде все тех же императорских подарков. Но могло быть и проще — хунну контролировали участок Шелкового пути на границах с Китаем и могли взимать дань или просто грабить проходящие караваны.

Штанины-ноговицы из этой высококачественной шерстяной ткани были сшиты не в ханьских дворцовых мастерских, а в ставке шаньюя. О том, что кройкой и шитьем занимались местные женщины, свидетельствуют надежные швы, сделанные грубыми двойными шерстяными нитками. Их явно кроила и шила какая-то местная умелица, возможно, по образцу (лекалу или другому такому же изделию, ведь эти штанины являются полной копией шелковых ноговиц из 6 ноин-улинского кургана), но ткани было мало и в ход шли все обрезки. Вышивку делала китаянка: такой сложный, типично ханьский узор, воспроизведенный по шаблону, и так безупречно могла вышить только мастерица со стажем, для которой вышивка разноцветным шелком — привычная с детства работа. Надо заметить, что вышивка шелком по шерстяной ткани для рассматриваемого периода времени, т. е. для начала I в. н. э. — явление уникальное.

Ноговицы не были частью погребального костюма. Они были изрядно поношены. Об этом свидетельствуют заворсившаяся ткань, ставшая похожей на тонкое сукно, деформированная ткань в местах крепления штанин к поясу и заношенная подошва обуви, которая была пришита к штанинам. Ноговицы пострадали и от грабителей. Судя по всему, их просто стащили с лежавшего в гробу тела мужчины и бросили рядом, на покрытый войлочным ковром пол деревянной погребальной камеры, где они и были найдены. Вероятно, ноговицы надевались поверх простых (не орнаментированных) шелковых или шерстяных шаровар. Они служили, скорее, украшением, нежели защитой от грязи и холода.

Нужно отметить, что с древности штаны были типичной одеждой кочевников; более того, в античной литературе служили одним из главных признаков «варваров» (Рикман, 1986, с. 19, 28). Китайцы переняли эту часть костюма довольно рано, поскольку всегда на их северных границах находились и угрожали спокойствию государства всадники. Уже при чжоуском императоре Улин-ване варварский костюм всадника был принят в китайской армии (Крюков и др. 1983, с. 336). Поэтому вполне вероятно, что штаны у хунну и воинов ханьской конницы были одинаковыми.

Что касается ноговиц, то эту одежду в виде несшитых штанин, прикрепленных к поясу, исследователи костюма ставят в начало «эволюционного ряда» штанов, поскольку находят следы бытования этих изделий в самых разных культурах и регионах (Морозова 1989, с. 44; Лобачева 1989, с. 28). Возможно, поясная одежда древних китайцев, обозначаемая термином «ку», также представляла собой отдельно надевающиеся штанины. После находки в 6-м ноин-улинском кургане шелковых ноговиц эта идея, по мнению исследователей китайского костюма Л. П. и В. Л. Сычевых, нашла материальное подтверждение (Сычев, Сычев 1975, с. 32).

Отдельно надеваемые несшитые штанины из ткани в древности, по-видимому, были наиболее характерны для иранских народов — персов, скифов, возможно, некоторых сарматских племен. Это предположение подтверждается

Рис. 9. Прорисовка изображения на серебряном сасанидском блюде, датируемом первой половиной VII в. из коллекции Государственного Эрмитажа. Изображена царская охота. На царе надеты узкие складчатые штаны, поверх которых видна прикрепленная над коленом штанина из более плотной ткани с тигровым узором

Рис. 10. Прорисовка глиняной фигурки всадника из погребального комплекса танского времени, раскопанного в округе Сяньюань провинции Шаньси. На ней хорошо видны ноговицы, крепящиеся к поясу

не только изобразительными источниками и письменными свидетельствами (Равдоникас 1990, с. 24, 25), но и реальными вещами. Войлочные сапоги-чулки пазырыкцев, обнаруженные как в царских, так и в рядовых погребениях мужчин и женщин, являются, по сути, теми же отдельно надеваемыми штанинами с обувью — своеобразный вариант ноговиц. Мужчины заправляли в них укороченные штаны из шерстяной ткани, женщины носили их под юбками, как длинные чулки. Эти изделия так же, как и ноин-улинские ноговицы, крепились к поясу (Полосьмак 2001, с. 125, 126; Полосьмак, Баркова 2005, с. 92—97). Пазырыкские сапоги-чулки имеют прямую аналогию в Персеполе: на рельефе в восточной части ападаны изображен сакский воин, которые несет в руках в качестве дара точно такое же изделие (Полосьмак 2001, с. 126). Широкие ноговицы из драпирующейся красивыми складками ткани можно увидеть на скульптуре парфянского вельможи из Шами (Тегеранский музей). Продолжая «иранскую» линию аналогов, отметим, что наиболее похожими на «хуннские» ноговицы выглядят штаны на изображениях сасанидских всадников (рис. 9). В одном из китайских погребальных комплексов в округе Сяньюань в провинции Шаньси, относящегося примерно к тому же времени (первой половине VII в., эпохе Тан), были обнаружены три глиняные фигурки всадников, высотой 26 см, чья экипировка, значительно отличающаяся от китайского костюма, включает в себя и отдельные штанины, пристегнутые к поясу. За пояс заправлены и полы меховой шубы (рис. 10). В этой маленькой глиняной скульптуре передан образ чужестранца, одетого в необычный для Китая костюм.

Прижился ли этот тип штанов в евразийской степи, доподлинно неизвестно. Разве что речь может идти о половцах: на некоторых надкурганных статуях можно увидеть изображение довольно коротких сапог, с ремнями, подтягивающими голенища и крепящихся к поясу (Плетнева 1981, с. 220, рис. 88: 7). Но эти сапоги мало напоминают хуннуские ноговицы. Исследователь монгольского костюма Н. В. Хрипунов предполагает, что у монголов начала 13 в. могла быть традиция ношения чулок, поскольку она известна у хунну, но однозначных источников, указывающих на это, нет (2012, с. 378).

Благодаря китайским подаркам, среди которых были не только ткани, но и готовые изделия, хуннуская знать одевалась довольно своеобразно, сочетая привычный для всадника комплект штанов и обуви с китайскими халатами и головными уборами. Создавался своеобразный эклектичный стиль в одежде, который подчеркивался украшениями, главным образом китайского производства. Представить в полном объеме, как выглядел этот костюм, мы

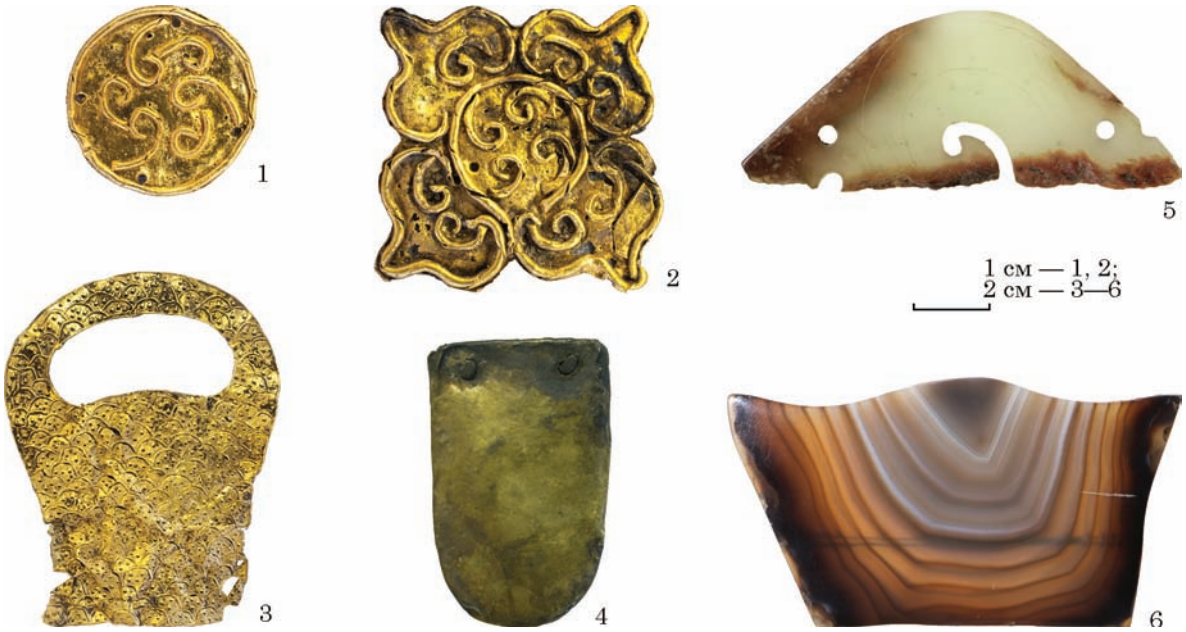


Рис. 11. Ноин-улинские курганы: 1, 2 — мелкие нашивные бляшки; 3 — покрытие пряжки; 4 — наконечник ремня; 5 — украшение; 6 — подвеска (1—4 — золото; 5 — нефрит; 6 — агат)

не можем, но наличие мелких золотых бляшек с отверстиями, украшенных орнаментами в китайском стиле, служит доказательством, что костюм погребенного, согласно степной «варварской» традиции, был густо расшит золотом. Пряжки покрывало тончайшее ажурное золотое покрытие, из золота и серебра делались наконечники узких ремней (рис. 11: 1—4). Для вставок в золотые украшения использовалась бирюза, среди украшений были также бусы из янтаря и кристаллов пирита, подвески из агата и нефрита (рис. 11: 5, 6).

Заключение. Одежда во все времена являлась важнейшим этническим показателем, объединяя людей одной общности. Благодаря письменным и археологическим источникам мы многое знаем о культуре хунну, но внешний облик этих властителей степей до сих пор остается загадкой. Находки, позволяющие в той или иной степени реконструировать костюм знатных хунну, происходят из погребений могильника Ноин-ула, единственного памятника этого народа, где сохраняются предметы из органических материалов. По имеющимся на сегодняшний день данным можно сделать следующие выводы.

Костюм знатных хунну был эклектичен и состоял из предметов разного происхождения. Во-первых, это вещи, которые были изготовлены в китайских (ханьских) мастерских, были подарены шаньюю и затем, как это было принято, переданы им своим приближенным. Это, главным образом, халаты из дорогого шелка. Но могли быть и другие изделия — головные уборы, золотые украшения, не говоря уже о множестве драгоценных шелковых тканей, которые хунну использовали по своему усмотрению.

Во-вторых, одежда, сшитая из шерстяных тканей непосредственно в Степи, возможно, мастерицами при ставках шаньюя. Для пошива одежды людям высокого ранга использовалась импортная шерстяная ткань самого лучшего качества. Из этой ткани шились кафтаны, шаровары, ноговицы.

Эклектичность костюма знатного хунну выражалась не только в сочетании вещей разного происхождения и культуры, но и в том, что в одежде, изготавливаемой непосредственно в Степи, мастерицы использовали не только то, что было под рукой — войлок, грубую ткань, но и поступавшие в степь прекрасные шерстяные и шелковые ткани и вышивки. Типичным примером такой одежды являются ноговицы из 22 ноин-улинского кургана. Они сшиты местной мастерицей из великолепной шерстяной ткани, произведенной в средиземноморских мастерских, а вышиты шелком китайской мастерицей, которых было немало при ставке шаньюя. Пришитые к штанинам войлочные башмаки покрыты китайским шелком, а подошвы вырезаны из бересты. В одном изделии представлены три цивилизации — средиземноморская, китайская и степная евразийская.

Даже имея реальные предметы одежды, мы не можем достоверно восстановить костюм хунну, поскольку нет уверенности в том, что найденные фрагменты — это весь гардероб. Кроме того, мы не знаем, как носились эти вещи. Опыт исследования непотревоженных пазырыкских курганов показал, что только обнаружив все детали одежды непосредственно на теле, мы будем иметь представление о том, как они соотносились друг с другом и как носились. Например, у пазырыкских женщин шелковая

рубаха не была заправлена в юбку, а носилась поверх ее и т. д.

Последние находки в ноин-улинских курганах добавили много нового к характеристике костюма знатных хунну. Но сам костюм, под которым мы понимаем не только набор одежды от головного убора до обуви, но и манеру его носить, прическу, украшения, косметику, по-прежнему не может быть реконструирован полностью. Будем надеяться, что со временем удастся собрать весь гардероб и восстановить внешний облик выдающихся всадников монгольских степей.

ЛИТЕРАТУРА

Бичурин, Н. Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* I. Москва; Ленинград: АН СССР.

Кононов, В. Н. 1946. Технологическая характеристика тканей из могил Ильмовой пади. *Советская археология*, VIII, с. 69-72.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. 1987. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени*. Москва: Наука.

Лобачева, Н. П. 1989. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана. В: Лобачева, Н. П., Сазонова, М. В. **(ред.).** *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана.* Мосва: Наука, с. 5-39.

Лубо-Лесниченко, Е. И. 1961. *Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Морозова, А. Г. 1989. Традиционная народная одежда туркмен. В: Лобачева, Н. П., Сазонова, М. В. **(ред.).** *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана.* Мосва: Наука, с. 39-90.

Плетнева, С. А. 1981. Печенеги, торки, половцы. *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР. Москва: Наука, с. 213-222.

Полосьмак, Н. В. 2001. *Всадники Укока.* Новосибирск: Инфолио-пресс.

Полосьмак, Н. В. 2015. Вышивки на одежде из двадцатого ноин-улинского кургана. В: Никоноров, В. П., Алекшин, В. А. (ред.). *Академическое востоковедение в России и странах ближнего Зарубежья (2007—2015): Археология, история, культура*. Санкт-Петербург: Контракт, с. 445-456.

Полосьмак, Н. В., Баркова, Л. Л., 2005. *Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н. э.).* Новосибирск: Инфолио.

Полосьмак, Н. В., Богданов, Е. С., Цэвээндорж, Д. 2011. *Двадцатый ноин-улинский курган.* Новосибирск: Инфолио.

Полосьмак, Н. В., Богданов, Е. С. 2015. *Курганы Суцзуктэ. Ноин-Ула, Монголия.* 1. Новосибирск: Инфолио.

Равдоникас, Т. Д. 1990. *Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. — конец XVII в.).* Ленинград: Наука.

Рикман, Э. А. 1986. Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке. Скифы, сарматы и гето-даки (середина I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.). В: Рабинович, М. Г. (ред.). *Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу*. Москва: Наука, с. 7-30.

Руденко, С. И. 1962. Культура хунну и ноин-улинские курганы. Москва; Ленинград: АН СССР.

Сычев, Л. П., Сычев, В. Л. 1975. *Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве.* Москва: Наука.

Таскин, В. С. 1989. *Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв.* Москва: Наука.

Хрипунов, Н. В. 2012. Одежда знати Великой империи монголов в 1207—1266 гг. *Золотоордынская цивилизация*, 5, с. 363-393.

Bohmer, H., Karadag, R. 2000. Farbanalytische untersuchungen. In: Schmidt-Colinet, A., Stauffer, A., Khaled Al-As'ad. *Die Textilien aus Palmyra: neue und alte Funde.* Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, S. 83-87.

Stauffer, A. 2000. Material und technik. In: Schmidt-Colinet, A., Stauffer, A., Khaled Al-As'ad. *Die textilien aus Palmyra: neue und alte Funde.* Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, S. 8-32.

REFERENCES

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena.* I. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Kononov, V. N. 1946. Tekhnologicheskaya kharakteristika tkanei iz mogil Ilmovoi padi. *Sovetskaja arkheologija*, VIII. s. 69-72.

Kryukov, M. V., Malyavin, V. V., Sofronov, M. V. 1987. *Etnicheskaya istoriya kitaitsev na rubezhe srednevekovya i novogo vremeni*. Moskva: Nauka.

Lobacheva, N. P. 1989. O nekotorykh chertakh regionalnoi obshchnosti v traditsionnom kostyume narodov Srednei Azii i Kazakhstana. In: Lobacheva, N. P., Sazonova, M. V. (eds.). *Traditsionnaya odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana.* Moskva: Nauka. s. 5-39.

Lubo-Lesnichenko, E. I. 1961. *Drevnie kitaiskie shelkovye tkani i vyshivki V v. do n. e. — III v. n. e. v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog.* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Morozova, A. G. 1989. Traditsionnaya narodnaya odezhda turkmen. In: Lobacheva, N. P., Sazonova, M. V. (eds.). *Traditsionnaya odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana.* Moskva: Nauka, s. 39-90.

Pletneva, S. A. 1981. Pechenegi, torki, polovtsy. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekovya. Arkheologiya SSSR.* Moskva: Nauka, s. 213-222.

Polosmak, N. V. 2001. *Vsadniki Ukoka.* Novosibirsk: Infolio-press.

Polosmak, N. V. 2015. Vyshivki na odezhde iz dvadtsatogo noin-ulinskogo kurgana. In: Nikonorov, V. P., Aljokshin, V. A. (eds.). *Akademicheskoe vostokovedenie v Rossii i stranakh blizhnego Zarubezhya (2007—2015): Arkheologiya, istoriya, kul'tura.* Sankt-Peterburg: Kontrakt, s. 445-456.

Polosmak, N. V., Barkova, L. L. 2005. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV—III vv. do n. e.).* Novosibirsk: Infolio.

Polosmak, N. V., Bogdanov, E. S., Tsevendorzh, D. 2011. *Dvadtsatyi noin-ulinskii kurgan.* Novosibirsk: Infolio.

Polosmak, N. V., Bogdanov, E. S. 2015. *Kurgany Sutszukte. Noin-Ula, Mongoliya.* 1. Novosibirsk: Infolio.

Ravdonikas, T. D. 1990. *Ocherki po istorii odezhdy naseleniya Severo-Zapadnogo Kavkaza (V v. do n. e. — konets XVII v.).* Lenngrad: Nauka.

Rikman, E. A. 1986. Odezhda narodov Vostochnoi Evropy v rannem zheleznom veke. Skify, sarmaty i getodaki (seredina I tys. do n. e. — seredina I tys. n. e.). In: Rabinovich, M. G. (ed.) *Drevnjaja odezhda narodov Vostochnoj Evropy. Materialy k istoriko-jetnograficheskomu atlasu*. Moskva: Nauka, s. 7-30.

Rudenko, S. I. 1962. Kultura khunnu i noin-ulinskie kurgany. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Sychev, L. P. 1975. *Kitaiskii kostyum. Simvolika. Istoriya. Traktovka v literature i iskusstve*. Moskva: Nauka.

Taskin, V. S. 1989. *Materialy po istorii kochevykh narodov v Kitae III—V vv.* Moskva: Nauka.

Khripunov, N. V. 2012. Odezhda znati Velikoi imperii mongolov v 1207—1266 gg. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*, 5, s. 363-393.

Bohmer, H., Karadag, R. 2000. Farbanalytische untersuchungen. In: Schmidt-Colinet, A., Stauffer, A., Khaled Al-As'ad. *Die Textilien aus Palmyra: neue und alte Funde.* Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, S. 83-87.

Stauffer, A. 2000. Material und technik. In: Schmidt-Colinet, A., Stauffer, A., Khaled Al-As'ad. *Die textilien aus Palmyra: neue und alte Funde.* Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, S. 8-32.

N. V. Polosmak

CLOTHES FROM THE XIONGNU WARDROBE (Based on Finds from the Noin-Ula Burial Mounds)

Clothing has always served as a major ethnic marker by uniting people of the same community. Written and archaeological sources tell us a lot about the Xiongnu culture, but the appearance of these formidable rulers of the steppe remains a mystery, and we are still on our way to deciphering it.

Archaeological finds for reconstructing the Xiongnu costume come from the Noin-Ula burial mounds (Mongolia), the only site attributed to this people where objects from organic materials have survived. Many items of clothing were discovered as early as in the 1920^{s} by Pyotr Kozlov's expedition. New data were obtained from three large Noin-Ula mounds as a result of studies organized and directed by the author of this article at the beginning of this century.

The main conclusions that we have arrived at today are as follows:

The costume worn by the Xiongnu nobility was eclectic and consisted of items of different origin. Those were mainly robes made of expensive silk, which were manufactured at Chinese (Han) workshops and presented by the emperor as gifts to the chanyu, who then passed them, as was the custom, to his confidants.

Clothes for people of high rank were sewn from an imported woolen textile of the topmost quality. The clothes from this textile — caftans, trousers, leggings- were created directly in the Steppe, possibly by craftswomen at the chanyu's base camp.

We do not know the design of the woolen caftans, but the small fragments that were found in Noin-Ula mounds 20 and 22 give us a clue of how bright and decorative they were: these caftans must have been completely covered with embroidery and trimmed with sable fur. A variety of silk textiles were also used in creating these clothing items. It is known that the Xiongnu received from the imperial court as gifts (disguised tribute) plenty of silks from the best workshops of China. These unique textiles were then passed to local craftswomen, who skillfully combined them with woolen textiles and fur. They created truly magnificent garments, as is evident from the surviving fragments of a caftan from Noin-Ula mound 20. In our opinion, it was these caftans that represented the costume of the Xiongnu nobility; i. e., the eclecticism of this costume manifested itself not only in a combination of items of different origin and culture but also in the fact that the clothing items that were created directly in the Steppe were made not only from local materials-felts, coarse textiles, birch bark — but also from imported woolen and silk textiles and embroideries. A good example of these clothes is the leggings from Noin-Ula mound 22. They were sewn by a local craftswoman from a magnificent woolen textile produced in the Mediterranean workshops and embroidered with silk by a Chinese craftswoman, of whom there were many at the chanyu's base camp. Felt shoes sewn to the leggings were covered with Chinese silk, and their soles were carved from birch bark. This one item brings together three civilizations: Mediterranean, China, and Eurasian Steppe.

Even if we possessed actual clothing items from the burials, we would not be able to confidently reconstruct the Xiongnu costume because we could not be sure that the available items represented the entire wardrobe. Furthermore, we would not know exactly how these clothes were worn. The experience of studying the undisturbed Pazyryk mounds showed that only in those cases where we see all the details of clothes directly on human body, we get a correct idea of how related to one another and how they were worn.

The recent finds from the Noin-Ula mounds added a lot of new details to the description of the costume of the Xiongnu nobility. However, the costume itself, by which we mean not only a set of clothes from the headdress to the shoes but also the color scheme, hairstyle, jewelry, cosmetics, accessories, and manner of wearing, still cannot be reconstructed in its entirety. As of now, we can describe in detail only individual components of this costume. However, I believe that over time we will «assemble» the entire wardrobe and reconstruct the appearance of the splendid riders of the Mongolian steppes.

Keywords: costume, Xiongnu, Noin-Ula, textile, silk, Mongolia, China.

Н. В. Полосьмак

ОДЯГ ІЗ ГАРДЕРОБУ ХУННУ (за знахідками у Ноін-улінських курганах)

Одяг завжди був важливим етнічним маркером, об'єднуючи людей одного суспільства. Письмові та археологічні джерела багато розповідають нам про культуру хунну, але зовнішність цих грізних правителів степу залишається загадкою, і ми все ще на шляху до її розшифровки.

Археологічні знахідки для реконструкції костюму хунну походять з курганів Ноін-ула (Монголія) — єдиної пам'ятки, пов'язаної с цим народом, де збереглися предмети з органічних матеріалів. Багато предметів одягу було виявлено ще у 1920-х рр. експедицією Петра Козлова. Нові дані було отримано з трьох великих курганів Ноін-ули в результаті досліджень, організованих і проведених автором цієї статті на початку цього століття.

Головні висновки, яких ми сьогодні дійшли, є такі.

Костюм, який носила знать хунну, був еклектичним і складався з предметів різного походження. В основному це були шати з дорогого шовку, які виготовляли в китайських (ханьських) майстернях і подаровані імператором шаньюю, який потім передавав їх зазвичай своїм довіреним особам.

Одяг для людей високого рангу шили з імпортного вовняного текстилю найвищої якості. Одяг з цього текстилю — каптани, штани, ноговиці — шили безпосередньо в Степу, можливо, майстрині в ставці шаньюя.

Ми не знаємо конструкції вовняних каптанів, але невеликі фрагменти, виявлені в курганах Ноін-ула 20 і 22, дають нам уявлення про те, наскільки яскравими та декоративними вони були: ці каптани, мабуть, були повністю вкриті гаптуванням та оздоблені хутром соболя. Для створення цих предметів одягу також використовувався різноманітний шовковий текстиль. Відомо, що хунну отримували від імператорського двору в подарунок (приховану данину) велику кількість шовку з найкращих майстерень Китаю. Потім цей унікальний текстиль передавали місцевим майстриням, які вміло поєднували їх із вовняним текстилем та хутром. Вони створили справді чудовий одяг, як це видно із вцілілих фрагментів каптану з кургану Ноін-ула 20. На наш погляд, саме ці каптани представляли костюм знаті хунну; тобто, еклектика цього костюма проявилася не лише у поєднанні предметів різного походження та культури, але й у тому, що предмети одягу, що створювались безпосередньо у Степу, були зроблені не лише з місцевих матеріалів — повсті, грубого текстилю, берести — але також із імпортного вовняного та шовкового текстилю та вишиванок. Хорошим прикладом цього одягу є ноговиці з кургану Ноін-ула 22. Вони були пошиті місцевою майстринею з розкішного вовняного текстилю, виготовленого в середземноморських майстернях і вишитого шовком китайською майстринею, яких було багато у ставці шаньюя. Фетрові черевики, пришиті до ноговиць, були вкриті китайським шовком, а підошви вирізані з берести. Цей предмет об'єднує три цивілізації: середземноморську, китайську та євразійського степу.

Навіть якби ми мали повний комплект одягу з поховань, ми не змогли б впевнено реконструювати костюм хунну, оскільки не певні, що наявні предмети є весь гардероб. Крім того, ми не знаємо, як саме носився цей одяг. Досвід вивчення непорушених курганів Пазирика показав, що лише в тих випадках, коли ми бачимо всі деталі одягу безпосередньо на тілі, ми отримуємо правильне уявлення про те, як вони пов'язані між собою і як вони носились.

Недавні знахідки з Ноін-улинських курганів додали багато нових деталей до опису костюма знаті хунну. Однак сам костюм, під яким ми розуміємо не лише набір одягу від головного убору до взуття, а також колірну гамму, зачіску, прикраси, косметику, аксесуари та манеру носіння, все ще не може бути повністю реконструйований. На даний момент ми можемо детально описати лише окремі складові цього костюма. Однак я сподіваюся, що з часом ми «зберемо» весь гардероб і реконструюємо вигляд вершників монгольських степів.

Ключові слова: костюм, хунну, Ноін-ула, текстиль, шовк, Монголія, Китай.

Одержано 10.06.2020

ПОЛОСЬМАК Наталія Вікторівна, доктор історичних наук, член-кор. РАН, головний науковий співробітник, Інститут археології та етнографії СВ РАН, пр-т Академіка Лаврентьєва, 14, Новосибірськ, 630090, Росія.
POLOSMAK Natalia V., Doctor of History; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Prospekt Akademika Lavrent'eva, 14, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com.

АНТРОПОЛОГІЧНІ СТУДІЇ

УДК [904.5:572.7](477.46)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.32

О. Д. Козак, Т. І. Слободян

НЕОРДИНАРНЕ ПОХОВАННЯ У КУРГАНІ СКІФСЬКОГО ЧАСУ БІЛЯ с. ЖАБОТИН

У статті описані морфологічні, палеопатологічні та тафономічні ознаки, виявлені на скелеті підлітка 13—15 р. Посмертні зміни кісток пов’язуються зі специфічним поховальним обрядом.

***Ключові слова**: Скіфська культура, лісостеп, курган, поховальний обряд, муміфіковані тканини, кремація.*

Поховальний обряд скіфського часу є досить різноманітним. У більшості випадків прочитання його не викликає сумнівів та складнощів. Однак, трапляються поховання, аналогії яким ледь відображені в археологічній та етнографічній літературі. Незвичні посмертні перетворення на кістках, які з’являються в процесі підготовки до поховання або в момент поховання, іноді важко побачити, ще важче інтерпретувати. Останнім часом завдяки розширенню методик дослідження, набуттю досвіду та можливостям консультації з фахівцями інших країн, а також плідній співпраці з археологами, ми почали (хоч і дуже повільно) збирати базу даних, яка включає «незвичні» випадки обрядів, переважно скіфського часу. До таких можна віднести обезголовленого юнака у кургані біля с. Кусторівка, супроводжуючого основне поховання жінки зі зброєю (Козак, Окатенко 2018); кістки черепів з ознаками скальпування й свідомого руйнування, виварені окремі кістки кінцівок, знайдені на зольниках Більського городища (Козак, Шульц 2006) тощо.

З цієї точки зору, безперечно, цікавим є архаїчне поховання у кургані 524 скіфського часу біля Жаботина у басейні р. Тясмин, досліджене у 2019 р. археологічною експедицією Інституту археології під керівництвом С. А. Скорого. Основне поховання (№ 1) повністю зруйноване й не мало навіть слідів скелету. Наше повідомлення присвячено антропологічному дослідженню людських решток з другого поховання, яке інтерпретується авторами дослідження як жертва (Скорий та ін. 2020).

Матеріал. Для антропологічної експертизи представлено неочищені дрібні фрагменти кісток брунатного кольору різних відтінків. Найбільшими фрагментами виявились дистальна половина діафізу правої плечової кістки та фрагменти діафізів кісток правого передпліччя (рис. 1). Вдалося ідентифікувати також голівку лівої стегнової кістки, фрагмент дистальної частини діафізу лівої плечової кісток, дуже дрібні фрагменти лівої ліктьової, крижів, двох шийних та першого грудного хребця, фрагментовані кістки кистей, а також медіальний кінець лівої ключиці. Череп зберігся в дрібних крихких фрагментах, найбільший з яких має розмір до 4 см. Ідентифіковано два фрагменти верхньої щелепи, три фрагменти нижньої щелепи, основну частину потиличної кістки, фрагмент скроневої кістки з вушним отвором, а також фрагмент правої виличної кістки та лівої орбіти (рис. 1). Збереглися зуби, на більшості яких зруйновано корені.

Поверхня кісток практично не збереглася. Еродовано більше 75 % поверхневого шару кісток. Консистенція кісткової тканини тверда в середині фрагментів та крихка по краях.

Методи. Температурні зміни кісткової тканини (зокрема, низькотемпературні зміни) описані у низці робіт (Symes et al., 2008; Solari et al., 2015; Strydonck van et al., 2015). Схеми кореляції забарвлення кісток із температурою поховального вогнища розробили Ф. Волкер і К. Міллер та Б. Геррманн (Herrmann 1988; Walker et al. 2008).

© О. Д. КОЗАК, Т. І. СЛОБОДЯН, 2020

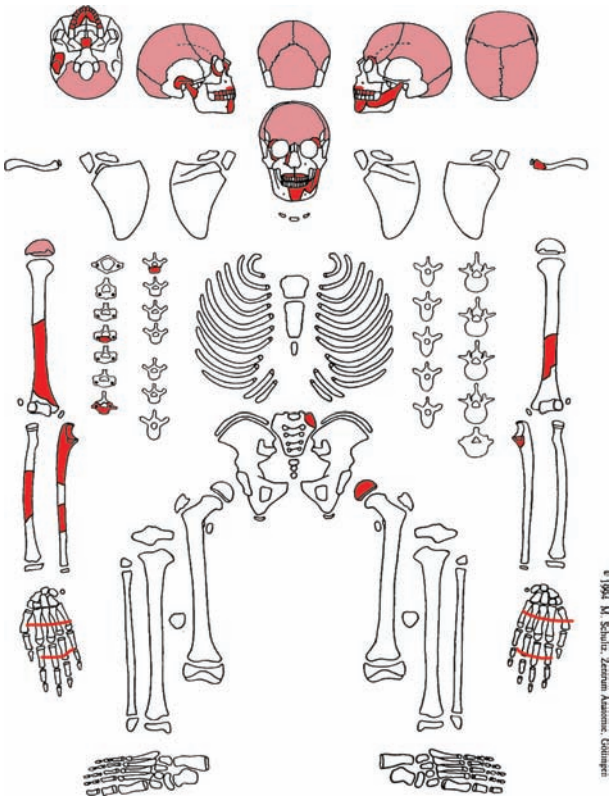


Рис. 1. Збереженість кісток в похованні 2, курган 524

Вік людини визначено за ознаками на посткраніальному скелеті (Schaffer et al. 2009, p. 150, Baker et al. 2005, p. 109) та зубах (Ubelaker 1978; Smith 2010). Досліджені також морфологічні та патологічні маркери.

Результати дослідження прижиттевих маркерів. ***Стать і вік***. Кістки дуже грацильні, підборіддя округлене, «м'яке». Інші індикатори статі на збережених рештках відсутні. До того ж визначення статі на останках підлітків завжди є проблематичним з огляду на знижений статевий диморфізм в певному віці.

Проксимальний епіфіз ліктьової кістки повністю сформований. Голівка стегнової та плечової кістки й дистальні епіфізи п'ясних кісток не приросли до діафізу. На них чітко видно структуру, характерну для періоду часткового закриття метафізарної пластинки. Грудинний кінець ключиці не сформований, має ребристу структуру, відсутні будь які ознаки осифікації епіфізу. Структура кістки у збережених місцях має підліткові характеристики.

Закриття метафізарних пластинок (приростання епіфізів до діафізів) є одним з вікових індикаторів, який позначає перехід від підліткового до дорослого віку. У дівчат та хлопців швидкість статевого дозрівання й, відповідно, швидкість формування кісток різниться. Так, приміром час приростання проксимального епіфізу ліктьової кісти коливається у дівчат від 12 до 15, а у хлопців — від 13 до 17 років (Baker et al. 2005, p. 109). Приростання голівки стегнової кістки починається відповідно у 12—16 та у 14—19 років у дівчат та хлопців (Baker et al. 2005, p. 112). Медіальний (грудинний) епіфіз ключиці з'являється на пізньому етапі дорослішання, тобто після 17 років (Schaffer et al. 2009, p. 150). За цими ознаками індивід не може бути молодший за 12 років і старший за 17 років.

Рис. 2. Ділянка поротичного гіперостозу на черепі підлітка

Ступінь формування коронки та коренів збережених зубів відповідає віку 13—15 років (Ubelaker 1978). Формування зубів є достовірнішою ознакою, хоча також дає певну похибку (Smith 2010). Зважаючи на розміри та загальний стан кісток та зубів, базовий вік ми визначили як 13—15 років, за можливою похибкою в 1 рік.

Морфологія. Збережено досить мало фрагментів кісток, на яких можливо провести виміри (Алексеев 1966). Діаметри діафізів ліктьової кістки становлять: верхній поперечний — 19 мм, верхній дорзо-вентральний — 20 мм. Відповідно, індекс платоленії складає 95 %. Окружність променевої кістки — 39 мм, поперечний діаметр середини діафізу — 11 мм, сагітальний — 9 мм, з індексом перерізу 81,8 %. Окружність плечової кістки — 55 мм. Діаметр голівки стегна становить 39 мм. Ці розміри є досить малими. Вони підтверджують слабий розвиток рельєфу та незакінчене формування кісткової системи.

Патологія. На зовнішній поверхні тім'яних кісток, близько до лямбдоподібного шва, спостерігаються зміни, подібні до симптому поротичного гіперостозу (рис. 2). Вони мають вигляд потовщених ділянок пористої зовнішньої пластинки кістки. Подібні зміни можуть бути пов'язані з певними порушеннями обміну речовин або голодуванням. Локалізація ареалів пористості відповідає таким при анемії.

На стінках основного синуса (одна з навколоносових пазух) виявлені пухирці новоутворенної кістки, які є наслідком хронічного синусита (сфеноїдита).

Зубна система. Збережено 13 зубів верхньої та два моляри нижньої щелепи. Треті моляри знаходяться у стадії формування коронки. Корені більшості зубів зруйновано. Стертість слабка, на різцях вона сягає дентину, який має вигляд тонкої смужки. Зубний камінь жовтуватого кольору на молярах має помірний розвиток і сягає цементо-емалевої межі.

Поперечна гіпоплазія емалі зубів присутня на збережених коренях та коронках. Вона множинна, декілька ліній утворені на одному зубі (рис. 3). Розташування більшості ліній, згідно зі схемою Д. Убелакера відповідає віку 3—4 роки (Ubelaker 1978). Особливо глибокі лінії утворились у віці 5—6 років. Зазвичай гіпоплазію емалі пов'язують з тривалою стресовою реакцією організму на зовнішні або внутрішні подразники. Це може бути голодування або хвороба, під час якої зупиняються процеси побудови емалі та всі сили організму направляються на боротьбу з подразником. В епоху раннього заліза, як і раніше, частота цієї ознаки сягала 40—90 % в залежності від соціального статусу та території (Козак 2018, с. 668).

Підсумовуючи описані ознаки можна сказати, що скелет належав підлітку 13—15 років з досить слабким розвитком м'язового рельєфу, характерним для віку. Зуби слабо стерті, мають сліди зубного каменя, що вказує на м'які та білкові дієти. На жаль, дуже погана збереженість скелета дозволяє визначити лише сліди хвороб або голодування у віці між 3 та 6 роками, хронічні респіраторні інфекції та якесь захворювання обміну речовин (можливо, дефіцит певних вітамінів) незадовго до загибелі. Важко з упевненістю віднести цього підлітка до певної соціальної групи, однак, можна припустити, що він не належав до еліти суспільства. Так само, ми не можемо визначити і причину загибелі.

Тафономія та обряд. В антропології та загалом археології існує думка про те, що погано збережені останки є малоінформативними. Однак стан збереженості або ступінь руйнування кісток є повноцінним, і практично єдиним джерелом інформації про процеси, які відбувались з тілом людини після смерті (Duday 2009; Козак 2020). Особливо важлива така інформація у випадку дослідження поховальних практик давніх суспільств давніх суспільств, що не мають прямих етнографічних аналогів.

Посмертні зміни на кістках скелету, що досліджується, мають певні характерні особливості. Досі ми не знайшли аналогів таких альтерацій на території лісостепу та степу Північного Причорномор'я.

Кістки з поховання 524 мають темно-коричневий та кавовий колір, який є припустимим наслідком контакту поверхні з органічною вистилкою могили. На кістках посткраніального скелету та черепа присутні плями чорного кольору (чорна патина). Таке забарвлення поверхні кісток досить поширене у могилах скіфського часу. Однак трапляється також і на більш пізніх останках. Допоки про причину цих плям можна лише здогадуватись. Вони можуть бути наслідком розкладання м'яких тканин тіла людини, одягу, або слідами присутності грибків чи інших органічних субстанцій.

Рис. 3. Гіпоплазія емалі на верхніх премолярі, центральному та боковому різцях (лінії позначені стрілками)

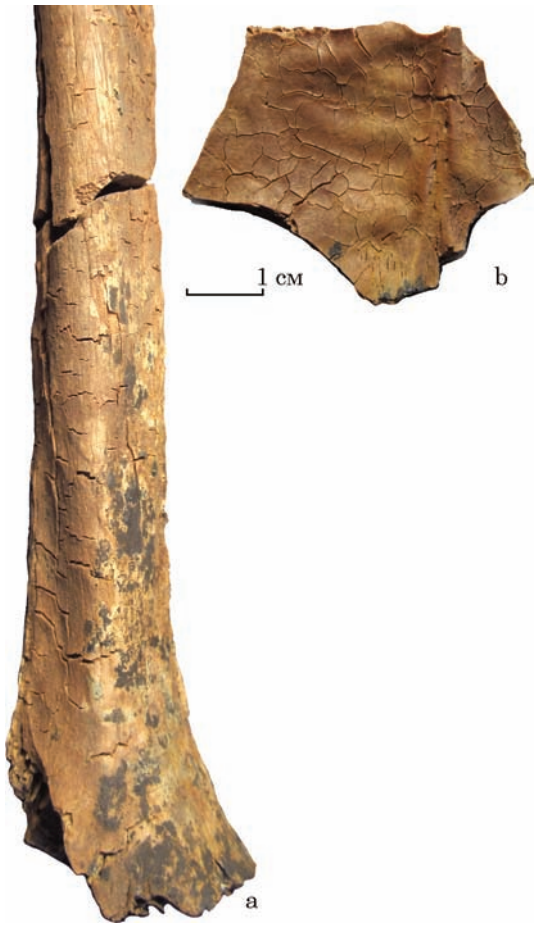


Рис. 4. Зміни, викликані дією вогню: 1 — тріщини на діафізі плечової кістки; 2 — «кракелюр» на внутрішній поверхні лобної кістки

На більшості збережених кісток, на їх зовнішній та внутрішній поверхні спостерігаються тріщини довжиною в середньому до 3—4 мм. Тріщини поверхневі, неглибокі. У діафізарній частині трубчастих кісток ідентифіковано переважно поздовжні та поперечні тріщини (рис. 4: a). Тріщини у вигляді кракелюру («patina» за Symes et al. 2008, p. 42, 43) розташовані на поверхні плоских кісток, уламках черепа (рис. 4: b) та епіфізарній поверхні дов-

Рис. 5. Посмертні температурні зміни на поверхні плечової кістки: 1 — поверхня перімортального косого сколу дистальної частини діафізу плечової кістки; 2 — середина діафізу плечової кістки

гих кісток. Ці тріщини є результатом обструкції мяких тканин тіла під час тривалого термічного впливу (Symes et al. 2008, p. 42—45). Подібні тріщини з'являються на кістках при дуже швидкому їх висушуванні (дегідратації) при високих температурах. На діафізах довгих кісток виявлені сліди посмертних спонтанних переломів. Більшість з них спіральні (рис. 5: a), з дуже гладкою поверхнею злому (рис. 5: b). Такі лінії переломів утворюються у двох випадках — перелом відбувся, коли кістка ще була волога (тобто у час, близький до смерті індивіда), або у випадку розколу кістки по лініях температурних тріщин.

Забарвлення кісток лише дещо темніше звичайного кольору кісткової тканини. Хоча потемніння може бути частково спричиненим контактом з органікою у могилі, наявність тріщин вказує на його частково термічну причину. Колір кісток відповідає температурі горіння 100—200 °C (Walker et al. 2008, p. 20, 21; Symes et al., 2008, p. 42, 43).

На поверхні фрагментів черепа, із зовнішньої сторони кісток (lamina externa), виявлена плівка чорно-коричневого кольору. Ця плівка лежить на поверхні кісток, й легко відділяється від них (рис. 6). Товщина її сягає 1—2 мм, вона має дрібно-шорстку або гладку поверхню та консистенцію пергаменту. Фрагмент цієї субстанції було піддано мікроелементному спектрометричному аналізу, який показав переважання у зразку сполук кальцію, марганцю, фосфору та сірки (Гошко 2020). Хімічний склад відповідає органічним сполукам, які зокрема, входять до складу людських тканин. Отже, вказана субстанція може бути фрагментом муміфікованих м'яких тканин голови.

З етнографічних джерел відомі випадки муміфікації висушуванням тіла на тліючому вогні (Смирнов 1997, с. 55), однак більшість таких обрядів стосується інших частин світу. Своїх померлих у племені Анга в Новій Гвінеї муміфікують шляхом тримісячного копчення тіл над постійно тліючим вогнем (Stone 2016). Схожий обряд практикувався і у народу ібалоі в місцевості Кабаян, Філіпіни (Picpican 2003).

Тіло підлітка у могилі знайдене у скорченому положенні з дещо незвичайною позицією рук (Скорий та ін. 2020). Така поза може бути спричинена локальною деформацією м'язів і сухожиль під дією вогню (Symes et al. 2008).

Викликає деякі питання походження неглибокого надрізу на зовнішній поверхні тім'яної кістки, близько потилично-тім'яного шва (рис. 7). Довжина надрізу близько 12 мм, ширина — 0,6 мм. Він має V- або U-подібний перетин, з однією більш покатою викришеною, і другою — здутою стінкою. Дно гладеньке, краї

Рис. 6. Плівка муміфікованої тканини на фрагментах кісток черепа

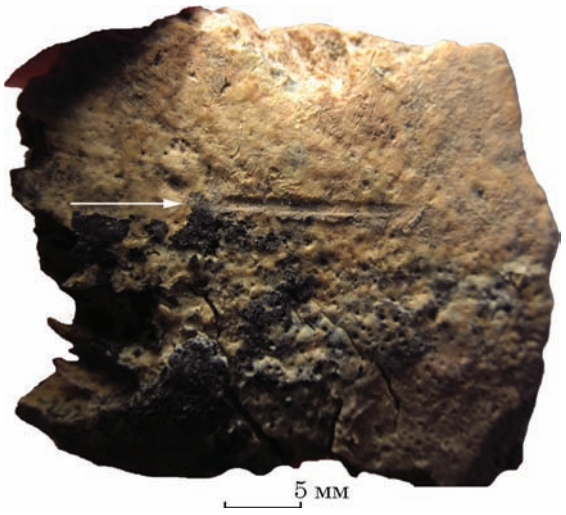


Рис. 7. Перімортальний надріз на зовнішній поверхні тім'яної кістки

не мають слідів свіжого облуплювання. Колір всередині надрізу не відрізняється від кольору кістки навколо нього. Стінки надрізу більш чи менш паралельні, на кінцях дещо звужені. За класифікацією Г. Кюхельмана, він ближче всього до типу 2 (Küchelmann 1997, s. 30, 138, Abb. 91a), і є, судячи з морфології поверхні та країв — штучним надрізом, зробленим по вологій кістці у момент, близький до часу смерті [1]. Неможливо сказати, чи м'які тканини були збережені на момент маніпуляції. Дуже обережно ми можемо припустити, що на тілі дитини проводили процедуру дефлешингу, хоча погана збереженість скелету не дає можливості стверджувати, чи був цей надріз одиничним і випадковим. Очищення кісток від м'яких тканин є одним з етапів процедури підготовки до поховання або частиною ритуалів у багатьох народів. Вони відомі також у скіфів (Козак, Шульц 2006, рис. 4, 7; 2019, с. 293, рис. 2, 5)

Висновки. Поховання належало підлітку 13—15 років дуже грацильної будови тіла. Ознаки на скелеті вказують на поганий стан здоров'я з раннього дитинства. Підліток страждав на часті тривалі хвороби або голодування у віці від 2 до 6 років.

Процес підготовки тіла до поховання у дослідженому випадку представляється дуже складним. Дії низькотемпературного вогню (100—200 °С) було піддано тіло дитини та дерев'яний помост. Можна припустити, що тіло було розміщено на ньому. Поки що немає підстав достеменно визначити мотив такого обряду — ритуальне очищення вогнем споруди чи тіла або цілеспрямований процес муміфікації шляхом низькотемпературного висушування тіла на тліючому вогні. Спектрометричний аналіз чорної плівки на уламках черепу підтверджує наявність муміфікованих органічних тканин людського тіла. З етнографічних джерел відомі випадки муміфікації такого типу. Надріз на черепних кістках міг виникнути внаслідок процедури очищення кісток від м'яких тканин, або надрізання певних сухожиль перед похованням.

На даний момент неможливо відповісти на питання, для чого були проведені такі складні процедури. Вони могли бути складовою якогось невідомого нам поховального культу або етапами жертвоприношення. Випадковість загибелі дитини, наприклад, від удару блискавки або у пожежі виключає наявність обгорілого дерев'яного помосту біля поховальної ями.

Поки не знайдено інших подібних випадків у аналогічних культурних середовищах, мета та точний характер дій, проведених з тілом дитини в кургані біля Жаботину, залишаються відкритим питанням.

1. Автори висловлюють подяку к. і. н. В. Б. Панковському за консультацію.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, В. П. 1966. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.

Гошко, Т. Ю. 2020. Протокол исследования элементного состава. Додаток № 5. В: Скорий, С. А., Зимовець, Р. В., Окатенко, В. М. *Звіт про розкопки кургану № 524 біля с. Жаботин (басейн р. Тясмин) у 2019 році.* НА ІА НАН України, ф. 64.

Козак, А. Д. 2018. Сопровождающие погребения в тризне Александропольского кургана. К антропологии скифского времени. В: Полин, С. В., Алексеев, А. Ю. *Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье.* Курганы Украины, 6. Киев; Берлин, с. 632-676.

Козак, О. Д. 2020. Санітарне захоронення на Південному городищі Возвягеля. Реконструкція обставин за антропологічними даними. *Місто: історія, культура, суспільство. Електронний журнал урбаністичних студій* (у друці).

Козак, О. Д., Шульц, М. 2006. Людські жертвоприношення у зольниках Більського городища. В: Черненко, Є. В. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень).* Київ: Шлях, с. 77-100.

Козак, О., Окатенко, В. 2018. Скіфські жіночі поховання зі зброєю на Харківщині. Травми, захворювання та поховальний обряд. В: *Матеріали II міжнародної конференції Ольвійський форум (пам'яті В. В. Крапівіної) до 150-річчя дослідження Ольвії.* Миколаїв: Лукомор'є, с. 114-115.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В., Окатенко, В. Н. 2020. Курган 524 у с. Жаботин (новое в изучении «опорного» памятника скифской архаики в украинской правобережной лесостепи). *Археологія і давня історія України*, 3, с. 297-323.

Смирнов, Ю. А. 1997. *Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения*. Москва: Восточная литература.

Baker, B. J., Dupras, T. L., Tocheri, M. W. 2005. *The Osteology of Infants and Children*. Texas: A&M University Press.

Devlin, J. B., Herrmann, N. P. 2008. Bone Colour as Interpretative of the Depositional History of Archaeological Cremations. In: Schmidt, C. W., Symes, S. A. (eds.). *The Analysis of Burned Human Remains*. London: Elsevier, p. 109-128.

Duday, H. 2009. *The Archaeology of the Dead: Lectures in Archaeothanatology*. Oxford: Oxford University.

Herrmann, B. 1988. Behandlung von Leichenbrand. In: Knussman, J., Reiner, H. (eds.). *Antropologie Handbuch der vergleichenden Biologie des Menchen*. 1. Stuttgart; NewYork, p. 576-585.

Küchelmann, H. Ch. 1997. *BiЯspuren von Säugetieren an rezenten und subfossilen Knochen — ein Beitrag zur Taphonomie*. Diplomarbeit, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. Oldenburg.

Picpican, Is. 2003. *The Igorot Mummies: A Socio-cultural and Historical Treatise*. Quezon: Rex Bookstore, Inc.

Schaefer, M., Black, S., Scheuer, L. 2009. *Juvenile Osteology: A Laboratory and Field Manual*. Amsterdam; Tokio: Elsevier.

Smith, E. L. 2010. Age Estimation of Subadult Remains from the Dentition. In: Latham, K. E., Finnegan, M. (eds.). *Age Estimation of the Human Skeleton*. Springfield: Charles C. Thomas, p. 57-75.

Solari, A., Olivera, D., Gordillo, I., Bosch, P., Fetter, G., Lara, V. H., Novelo, O. 2015. Cooked Bones? Method and Practice for Identifying Bones Treated at Low Temperature. *International Journal of Osteoarchaeology*, 25, p. 426-440.

Stone, D. 2016. *The Modern Mummies of Papua New Guinea*. https://www.nationalgeographic.com/photography/proof/2016/10/mummy-photography-ulla-lohmann

Symes, S., Rainwater, C., Chapman, E., Gipson, D., Piper, A. 2008. Patterned Thermal Destruction of Human Remains in a Forensic Setting. In: Schmidt, C. W., Symes, S. A. (eds.). *The Analysis of Burned Human Remains*. London: Elsevier, p. 15-54.

Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation*, *Analysis*, *Interpretation*. Chicago: Aldine.

Strydonck, M. van, Decq, L., Brande, T. van den, Boudin, M., Ramis, D., Borms, H., Mulder, G. de 2015. The Protohistoric «Quicklime Burials» from the Balearic Islands: Cremation or Inhumation. *International Journal of Osteoarchaeology*, 25, p. 392-400.

Walker, P., Miller, K., Richman, R. 2008. Time, Temperature, and Oxygen Availability: an Experimental Study of the Effects of Environmental Conditions on the Color and Organic Content of Cremated Bone. In: Schmidt, C. W., Symes, S. A. (eds.). *The Analysis of Burned Human Remains*. London: Elsevier, p. 129-135.

REFERENCES

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskih issledovanij*. Moskva: Nauka.

Goshko, T. Yu. 2020. Protokol issledovaniya elementnogo sostava. Dodatok N 5. In: Skoryi, S. A., Zymovets, R. V., Okatenko, V. M. *Zvit pro rozkopky kurhanu N 524 bilia s. Zhabotyn (basein r. Tiasmyn) u 2019 rotsi*. NA IA NAN Ukrainy, f, 64.

Kozak, A. D. 2018. Soprovozhdayushie pogrebeniya v trizne Aleksandropolskogo kurgana. K antropologii skifskogo vremeni. In : Polin, S. V., Alekseev, A. Yu. *Skifskij carskij Aleksandropolskij kurgan IV v. do n. e. v Nizhnem Podneprove*. Kurgany Ukrainy, 6. Kiev; Berlin, s. 632-676.

Kozak, O. D. 2020 Sanitarne zakhoronennia na Pivdennomu horodyshchi Vozviahelia. Rekonstruktsiia obstavyn za antropolohichnymy danymy. *Misto: istoriia, kultura, suspilstvo. Elektronnyi zhurnal urbanistychnykh studii* (u drutsi).

Kozak, O. D., Schultz, M. 2006. Liudski zhertvoprynoshennia u zolnykakh Bilskoho horodyshcha. In: Chernenko, Ye. V. (eds.). *Bilske horodyshche ta yoho okruha (do 100-richchia pochatku polovykh doslidzhen)*. Kyiv: Shliakh, s. 77-100.

Kozak, O., Okatenko, V. 2018. Skifski zhinochi pokhovannia zi zbroieiu na Kharkivshchyni. In: *Travmy, zakhvoriuvannia ta pokhovalnyi obriad. Materialy II mizhnarodnoi konferentsii Olviiskyi forum (pamiati V. V. Krapivinoi) do 150-richchia doslidzhennia Olvii*. Mykolaiv: Lukomorie, s. 114-115.

Skoryj, S. A., Zimovec, R. V., Okatenko, V. N. 2020. Kurgan N 524 u s. Zhabotin (novoe v izuchenii «opornogo» pamyatnika skifskoj arhaiki v ukrainskoj pravoberezhnoj lesostepi). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 3, s. 297-323.

Smirnov, Yu. A. 1997. *Labirint. Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Baker, B. J., Dupras, T. L., Tocheri, M. W. 2005. *The Osteology of Infants and Children*. Texas: A&M University Press.

Devlin, J. B., Herrmann, N. P. 2008. Bone Colour as Interpretative of the Depositional History of Archaeological Cremations. In: Schmidt, C. W., Symes, S. A. (eds.). *The Analysis of Burned Human Remains*. London: Elsevier, p. 109-128.

Duday, H. 2009. *The Archaeology of the Dead: Lectures in Archaeothanatology*. Oxford: Oxford University.

Herrmann, B. 1988. Behandlung von Leichenbrand. In: Knussman, J., Reiner, H. (eds.). *Antropologie Handbuch der vergleichenden Biologie des Menchen*. 1. Stuttgart; NewYork, p. 576-585.

Küchelmann, H. Ch. 1997. *BiЯspuren von Säugetieren an rezenten und subfossilen Knochen — ein Beitrag zur Taphonomie*. Diplomarbeit, Carl von Ossietzky Universität Oldenburg. Oldenburg.

Picpican, Is. 2003. *The Igorot Mummies: A Socio-cultural and Historical Treatise*. Quezon: Rex Bookstore, Inc.

Schaefer, M., Black, S., Scheuer, L. 2009. *Juvenile Osteology: A Laboratory and Field Manual*. Amsterdam; Tokio: Elsevier.

Smith, E. L. 2010. Age Estimation of Subadult Remains from the Dentition. In: Latham, K. E., Finnegan, M. (eds.). *Age Estimation of the Human Skeleton*. Springfield: Charles C. Thomas, p. 57-75.

Solari, A., Olivera, D., Gordillo, I., Bosch, P., Fetter, G., Lara, V. H., Novelo, O. 2015. Cooked Bones? Method and Practice for Identifying Bones Treated at Low Temperature. *International Journal of Osteoarchaeology*, 25, p. 426-440.

Stone, D. 2016. *The Modern Mummies of Papua New Guinea*. https://www.nationalgeographic.com/photography/proof/2016/10/mummy-photography-ulla-lohmann

Symes, S., Rainwater, C., Chapman, E., Gipson, D., Piper, A. 2008. Patterned Thermal Destruction of Human Remains in a Forensic Setting. In: Schmidt, C. W., Symes, S. A. (eds.). *The Analysis of Burned Human Remains*. London: Elsevier, p. 15-54.

Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation*, *Analysis*, *Interpretation*. Chicago: Aldine.

Strydonck, M. van, Decq, L., Brande, T. van den, Boudin, M., Ramis, D., Borms, H., Mulder, G. de 2015. The Protohistoric «Quicklime Burials» from the Balearic Islands: Cremation or Inhumation. *International Journal of Osteoarchaeology*, 25, p. 392-400.

Walker, P., Miller, K., Richman, R. 2008. Time, Temperature, and Oxygen Availability: an Experimental Study of the Effects of Environmental Conditions on the Color and Organic Content of Cremated Bone. In: Schmidt, C. W., Symes, S. A. (eds.). *The Analysis of Burned Human Remains*. London: Elsevier, p. 129-135.

O. D. Kozak, T. I. Slobodyan

UNUSUAL BURIAL IN THE BARROW OF SCYTHIAN AGE NEAR ZHABOTIN VILLAGE

The funeral rite is a complex ritual process. It combines traditional worldview norms and rituals, includes various stages — the preparatory, process of burial and post-funeral actions as the funeral fest etc. From the archaeological point of view, the funeral rite

is considered as the system of interrelated features which includes the funeral method, type of burial, form of the burial structure, grave goods and the remains of the buried people or animals.

Mostly the reconstruction of the funeral rite is quite simple. However, there are the burials, practically having no analogies in archaeological culture and literature. Unusual postmortem transformations on the bones that appear during the preparation process or at the time of burial are sometimes hard to be seen, even more difficult to interpret. Recently, thanks to the spread of research methods, gaining the experience and opportunities to international consultations as well as fruitful cooperation with archaeologists we began (albeit very slowly) to collect the database of «unusual» cases of rites. The vast majority of such cases can be traced at the populations of Scythian Age. The examples are decapitated accompanying persons; skull fragments with signs of scalping and deliberate destruction; possibly boiled human bones found on the ash hills of the Bielsk hill-fort etc.

From this point of view the Early Scythian grave in the barrow 524 near Zhabotin village in the basin of the Tyasmin River is undoubtedly interesting. The primary burial (N 1) was completely destroyed and has no traces of any skeleton. Our paper is focused on the anthropological study of human remains from the other grave.

This is the burial of teenager aged 13—15 with the body of very gracile structure. Features on the skeleton indicate poor health from early childhood. The teenager suffered from frequent prolonged illnesses or starvation.

The process of preparing the body for burial in this case is very complicated. The body and a wooden platform located near grave were exposed to low-temperature fire (100—200 °C). One can assume that the body was placed on the platform. There are no reasons yet to determine the motive of such rite — the ritual cleaning the wooden structure or body by fire or the purposeful process of mummification by low-temperature drying of the body on a smoldering fire. Spectrometric analysis of the black plaque on the skull fragments confirms the presence of mummified organic tissues of the human body. Cases of this type of mummification are known from ethnographic sources. The incision in the skull may have been caused by a procedure to clean the bones of soft tissue or by cutting certain tendons before burial.

Until other similar cases would be found in similar cultural milieu the purpose and exact nature of the manipulation with the child's body in the barrow near Zhabotin remain unknown.

Keywords: Scythian culture, forest steppe, barrow grave, funeral rite, mummified tissue, cremation.

Одержано 11.06.2020

КОЗАК Олександра Деонізіївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.
KOZAK Oleksandra, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalinhradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0003-2094-4490, e-mail: akozak26@ukr.net.

СЛОБОДЯН Тетяна Іванівна, кандидат історичних наук, науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.
SLODODIAN Tetiana, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalinhradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0001-7185-8774, e-mail: tanya_slobodyan@ukr.net.

УДК [904.5:572](470.4+470.6+470.5+477.7-15)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.33

М. А. Балабанова

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ [1]

В статье обсуждается вопрос о возможных связях сарматского населения Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона с синхронными группами Северного Причерноморья по данным физической антропологии. Для этого был проведен обзор письменных, археологических и краниологических публикаций, посвященных этому вопросу. Проверка существующих наиболее популярных моделей этногенетических связей была проведена с помощью поэтапных межгрупповых сопоставлений краниометрических данных. Массовый материал по сарматским культурам и культурам Северного Причерноморья обрабатывался каноническим методом с последующим рассмотрением расстояний близости Махаланобиса. В результате исследования была подтверждена гипотеза о незначительном влиянии раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского компонента на изменение внутригрупповой структуры северо-причерноморских популяций. Наибольшим морфологическим сходством с западными популяциями обладает позднесарматское население, так как все они являются носителями типа длинноголовых европеоидов, но такой важный признак как ширина глазницы обособляет западные популяции от восточных. Несмотря на это результаты исследования позволяют предположить внедрение компонента всех трех хронологических сарматских групп в среду оседлого населения Нижнего Дона и позднескифских групп.

***Ключевые слова**: черняховская культура, позднесарматская культура, тип длинноголовых европеоидов, тип широкоголовых европеоидов, морфологический тип, статистические методы.*

Введение. При рассмотрении проблемы связей и взаимоотношений сарматов с синхронным населением западнее Дона следует обращаться не только к данным письменных и археологических источников, но к антропологическим материалам. Так как именно они могут свидетельствовать о фактах смешения или о перемещениях отдельных групп населения и включения их в состав субстратных групп. О значительных перемещениях сарматских племен на запад, а также намек на процессы ассимиляции сарматов с другими народами сообщают античные источники рубежа первых веков нашей эры. Несмотря на то, что эта информация зачастую носит компилятивный характер, она позволяет проследить перемещение сарматских племенных союзов с востока, Нижнее Поволжье, Предкавказские степи и Нижний Дон, с исконно сарматской территории, на запад за Дон, в Северное Причерноморье и на территорию римских провинций — в Паннонию и Мезию.

Все источники отмечают тот факт, что активная роль сарматских пленных группировок в этом регионе приходится на II—I вв. до н. э., когда отмечают массовый отход их на запад. В процессе переселения сарматские племена занимают обширную территорию от Дона до Дуная, вытесняя скифов. Об этом пишет Диадор Сицилийский (Историческая…, II, 43—46), источник I в. до н. э.: «*Эти последние, много лет спустя сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребив побежденных, превратили большую часть страны в пустыню*».

Начиная с этого времени сарматские племена и отдельные крупные союзы племен: аорсов, сираков, роксоланов, языгов и др. фигурируют у

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)», № 19-09-00471А.

© М. А. БАЛАБАНОВА, 2020

Страбона, Плиния Старшего, Птолемея и др. в связи с теми или иными событиями. По их данным к началу новой эры западные границы Сарматии достигают Истра и Вислы. На этнической карте «Географии» II в. н. э. Клавдия Птолемея Сарматия уже подразделяется на Европейскую и Азиатскую (Клавдий Птолемей: V, VIII). Страбон, а позднее и Аппиан в степях между Танаисом и Борисфеном расселяет роксолан (Страбон: VII: 16; Аппиан: Митридатовы войны: 69). Они соседствовали с другим сарматским народом языгами. У Плиния Старшего на территории Северного Причерноморья проживали и азиатские аорсы, которые, видимо, продвинулись сюда с более восточных территорий, так как Страбон на рубеже эр локализует их на территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (Плиний Старший: IV: 25, 80; Страбон V: 7, 8).

Таким образом, начиная с I в. н. э. по-видимому территория Европейской Сарматии становится районом, который активно осваивают различные сарматские и другие этнические и племенные группировки, которые вместе с ними продвигались на запад. Результатом этой экспансии были этнические и культурные ассимиляции и интеграции. Отголоски описанных процессов нашли отражение в работе Плиния Старшего: «*…Имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны…*» (Плиний Старший: IV: 25, 81).

Для нашего исследования является интересной информация и об аланах, которые появляется на страницах источников в I в. н. э. Так Плиний Старший называет их вместе с роксоланами и помещает их к северу от Истра (Плиний Старший: IV: 80). Есть и более раннее упоминание аланов на этой территории у Аннея Сенеки, его племянника Лукана и у Валерия Флакка (Сенека: Вестник: 627—631; Лукан: X: 450—454; Валерий Флакк: VI: 33—167). Информация об аланах I в. н. э., как жителях Европы, также присутствует у Иосифа Флавия (VII: 7: 4) и Марциала (VII: 30: 6). Начиная с этого времени аланы фигурируют у многих авторов античности (Клавдия Птолемея: III, гл. 5, 7; Дионисий Периегет: 298—320 и др.). Аланы вместе с другими этническими компонентами упоминаются в связи с их участием в многочисленных военных конфликтах между варварскими народами Европы и в союзе с ними против римских легионов (см.: Юлий Капитолин: XXII: 1; Павел Орозий: VII: 37: 3 и др.). На это время приходятся сведения о найме аланских и сарматских воинов в римские легионы (см.: Евсевий Кесарийский, кн. IV, гл. 6 и др.). Локальная группа алан, населявшая прибрежные районы Меотиды и Танаиса, в письменных источниках фигурирует под названием аланов-танаитов (Иосиф Флавий: VII: 7: 4; Аммиан Марцеллин: XXXI, 3, 1). В первые века нашей эры они заняли исконные территории таких сарматских этносов как аорсы и сираки. Эти племенные союзы, кочевавшие между Меотидой и Каспийским морем, впервые упоминает Страбон (XI: II: 1; V: 7, 8). По его данным территория, по которой кочевали сираки были предкавказские степи, а севернее их располагались кочевья аорсов. Кстати у Страбона упоминаются две аорсские группировки: одна из них кочевала на Нижнем Дону, вторая, верхние аорсы, — в Северном Прикаспии. Как свидетельствует этот автор и сираки и аорсы, в свою очередь, в районы Подонья, Северного Кавказа также откуда-то переселились «*…беглецами из среды выше живущих народов*» (Страбон: V: 7, 8). Позднее в I в. информация об аорсах вместе с сираками есть у Тацита в пассаже о боспорско-римском военном конфликте, где на стороне римлян и брата Митридата Котиса выступали аорсы во главе с Эвноном, а в альянсе с боспорианами выступили сираки во главе с Зорсином (Тацит: XII, 15—20). Плиний Старший также знает аорсов и сираков (IV: 80, 82). В это время какая-то часть аорсов, видимо, из исконных территорий переместилась в Северное Причерноморье и была в зависимом положении, так как этот автор их называет неблагородными, рабского происхождения, скифами. У Помпония Мелы (I: 114) сираки как сирахи вместе с меотами и фатами населяли «*побережье, идущее изгибом от Борисфена до Танаиса*». Во II в. у Клавдия Птолемея аорсы упоминаются как соседи агафирсов и пагиритов, а сираки — яксаматов, псессиев и других народов (Клавдий Птолемей). После Клавдия Птолемея информация об аорсах и сираках в письменных источниках исчезает. Очевидно, к концу II в. н. э. аорсский и сиракский племенные союзы распались, а сами народы включились в аланский или другие союзы, что вполне приемлемо. Возможно именно этот факт вместе с другими отразился в тексте Аммиана Марцеллина (XXXI: 2: 13), так как аланы появившиеся в I в. н. э. на территории Восточно-европейских степей в первую очередь столкнулись с аорсами. Не исключается и тот факт что после исчезновения этнонима «аорсы» в источниках они могли скрываться под общим названием «сарматы». Отдельно следует отметить то, что почти все осведомители алан никогда не определяют их в качестве сарматского народа, не зависимо от того, что они часто перечисляют их рядом. К тому же у авторов античности появляется ряд собирательных этнонимов, которые могут объяснить эту ситуацию, например, «алано-сарматы», фигурирующие у Маркиана из Гераклеи Понтийской, и «аланорсы» — у Птолемея (Маркиан; Птолемей: VI: 14: 9).

Перемещения сарматов и включение отдельных группировок в состав оседлого населения фиксируют ученые, так как наряду с сарматскими культурами Северного Причерноморья

их компонент выделяется на археологических материалах оседлого населения. Причем сначала отмечают наличие раннесарматского компонента, а затем и позднесарматского.

Так, в связи с проблемой сарматизации Крыма выделяют пять его этапов. Первый этап начинается с конца II—I вв. до н. э. продвижением раннесарматских племен в Крым, вторая волна сарматов датируется третьей четвертью I в. до н. э. Третью волну связывают с выходом на политическую арену аланских племен, вторая половина I — начало II вв. н. э. Четвертый и пятый этапы связаны с проникновением в Крым позднесарматских племен: конец II — начало III вв. — четвертый этап; середина III — третья четверть IV вв. — пятый этап. Он ознаменовался тем, что «сармато-аланы» в составе готского племенного состава проникают в горный Крым и на южное побережье (Пуздровский 1994, с. 402; 1999a, с. 216; Власов 1999; Храпунов 2019, с. 317 и др.).

Отдельно рассматривались и вопросы сарматизации позднескифской культуры Крыма. А. Е. Пуздровский, рассматривая этносоциальную историю Крымской Скифии, дает развитие взглядов у ученых на проблему сарматизации поздних скифов и с небольшими поправками дает свою концепцию. Не останавливаясь на специфике каждого из этапов отметим, что первый этап этот исследователь датирует концом II—I в. до н. э. с возможностью продления его до начала I в. н. э.; второй этап — вторая половина I — начало II в. н. э. и третий этап — конец II — первая половина III в. н. э. (Пуздровский 1999b, с. 107, 108).

Кроме аналогий в комплексах Крыма еще в 1950-е гг. ученые стали выделять сарматские черты в погребальном обряде черняховской культуры (Федоров 1958, с.242; Сымонович 1983, с. 119; Зубарь 1982, с. 118, 126; Высотская 2001, с. 172; Пуздровский 1994, с. 402; Магомедов 2001, с. 42; Онищук 2018, с. 123—125 и др.). По мнению Б.В.Магомедова сарматы были одним из ираноязычных компонентов среди населения черняховской культуры (Магомедов 1999). Наряду с ними он называет и алан: «*носителей обычая погребений в катакомбах и подбоях с северной ориентировкой умерших*». В связи с этим автор особо выделяет причерноморскую группу черняховцев, которую считает смешанной, включающей культурные компоненты поздних скифов и алан, так как, по его мнению, последние еще во II в. уже занимали украинскую степь (Магомедов 2000, с. 323, 324, 326, 328)

Еще одним культурно-антропологическим признаком, относящийся к сарматскому, исследователи считают обычай искусственной деформации, следы которого фиксируют на некоторых черняховских черепах. Как отмечает Г. Б. Федоров черепа с деформацией встречаются почти во всех могильниках черняховской культуры, в некоторых они составляют около 40,0 %. Причем тип деформации тоже определяется как сарматский (Федоров 1958, с. 242, 243).

Вслед за археологами антропологи также обнаруживают сарматский компонент как у населения Крыма, так и на материалах черняховской культуры. Он был определен Т. А. Рудич в сериях из могильников Левобережной Украины и Среднего Днепра, а еще раньше С.В. Великанова его выделила в материалах могильников Молдовы (Рудич 2000, с. 287; 2004, с. 213; 2005, с. 72; 2006, с. 82; 2014; Великанова 1975, с. 78—86 и др.).

Оба эти автора сарматский этнический компонент у населения черняховскрй культуры определяли на черепах, которые сочетали брахикранию, широкое умеренно профилированное лицо на уровне назомалярных точек. Так как это сочетание является морфологической доминантой раннесарматского населения Нижнего Поволжья и Нижнего Дона, то и компонент был раннесарматским (Рудич 2004, с. 215; 2006, с. 82). Он не значительный и присутствует в женской серии из могил с заплечиками, а при межгрупповых сопоставлениях черняховские и сарматские серии разных территорий и хронологических срезов максимально удалены друг от друга (Рудич 2006, с. 78).

Следует отметить, что раннесарматский тип в черняховскую эпоху практически исчезает на исконной сарматской территории, а преобладающим типом становится тип длинноголовых европеоидов, который морфологически сходен с типом черняховских популяций. Поэтому при рассмотрении внутригрупповой изменчивости черняховских серий необходимо выделять не только раннесарматский тип, но и позднесарматский. Что касается его, то в своих работах Т. А. Рудич высказывает мнение о том, что позднесарматское население Нижнего Поволжья «*скорее находит аналогии в скифской среде*», нежели в черняховской (Рудич 2014, с. 64).

Таким образом, перемещения сарматских групп в западном направлении известные по данным письменных источников подтверждаются на археологических и частично на антропологических материалах. Для того, чтобы проверить данную концепцию была проведена серия поэтапного сравнения сарматских серий с синхронными западными группами населения Нижнего Дона, Кубани и Северного Причерноморья.

Материал и методика исследования. Источником данного исследования послужили прежде всего краниологические серии раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского времени изученные автором данной публикации, а также данные по опубликованным сериям относительно синхронных групп населения Нижнего Дона и Северного Причерноморья. Последние использовались

для поэтапного сравнения с сериями раннесарматского, затем среднесарматского и наконец позднесарматского времени. Позднесарматский материал включал только группы с не деформированными черепами. На первом этапе сравнивались 57 мужских (из них 25 раннесарматского времени) и 48 женских серий (из них 20 раннесарматского времени). На втором этапе сравнивались 52 мужские (из них 20 среднесарматского времени) и 44 женские серии (из них 16 среднесарматского времени). И, наконец, на третьем этапе сравнивались 49 мужских (из них 17 позднесарматского времени) и 34 женских серий (из них 6 позднесарматского времени). Из западных синхронных культур в межгрупповой анализ были включены территориальные серии черняховской и позднескифской культур, а также серии по кубанским и нижнедонским городищам, по населению Крыма. Для решения исследовательских задач все относительно синхронные серии были включены в межгрупповой анализ каноническим методом (табл. 1, 2). Программа исследования включала 14 краниологических признаков (1, 8, 17, 9, 45, 48, 54, 55, 51, 52, 77, <zm', SS: SC, 75-1). На основе результатов анализа с использованием значений нагрузок по каноническим векторам, а также расстояний близости по Махаланобису строились графики, на которых отражаются межгрупповые зависимости (Дерябин 1983; 1998).

Анализ и результаты исследования. Как выше было сказано весь материал анализировался поэтапно. В результате изучения межгрупповых зависимостей раннесарматских и восточноевропейских групп каноническим методом было извлечено 10 канонических векторов с собственными числами больше единицы (табл. 1). Около половины изменчивости (более 50,1 %) при анализе мужских групп приходится на первый канонический вектор (далее КВ), а наиболее значимыми по данной дискриминанте являются различия по двум тотальным размерам, по ширине и высоте черепного свода. Таким образом, I КВ делит всю совокупность мужских групп на два типа:

1) широкоголовых европеоидов с низким сводом;

2) длинноголовых европеоидов с высоким сводом.

Как известно первый вариант является морфологической доминантой раннесарматских серий, а второй в большей степени присутствует на материалах черняховской и позднескифской культур. При ранжировании значений по I КВ крайнее положение с одной стороны занимает приуральская раннесарматская группа из могильника Мечет Сай, у которой поперечный диаметр 152 мм, а высотный — 124 мм, а с другой стороны группа черняховской культуры из могильника Деревяна с параметрами соответственно 138 мм и 142 мм.

Таблица 1. Результаты канонического анализа мужских сарматских групп с группами Восточной Европы

№ по Мартину и др.	Раннесарматское время		Среднесарматское время		Позднесарматское время	
	Канонические вектора					
	I	II	I	II	I	II
1	–0,333	–0,089	–0,292	0,080	–0,225	–0,055
8	**0,583**	0,234	**0,570**	0,004	0,211	0,178
17	**–0,591**	0,429	**–0,482**	0,401	**–0,550**	0,273
9	–0,089	–0,426	–0,042	–0,170	–0,003	–0,310
45	0,359	–0,394	0,210	**–0,514**	0,425	–0,371
48	0,136	**–0,960**	0,030	**–0,715**	0,217	**–0,917**
55	–0,216	**0,744**	–0,116	**0,589**	–0,248	**0,731**
54	–0,034	–0,138	–0,030	–0,236	0,026	–0,205
51	0,405	**0,629**	**0,524**	**0,605**	**0,488**	**0,645**
52	–0,116	0,112	–0,136	0,064	–0,262	0,117
77	0,152	0,196	0,249	0,318	0,278	0,296
<zm'	0,116	0,205	0,215	0,181	0,205	0,161
SS : SC	0,361	–0,106	0,269	0,037	**0,519**	–0,108
75-1	–0,194	–0,414	–0,053	**–0,589**	–0,155	–0,474
Собственные числа	24,090	6,257	12,027	7,555	7,807	6,549
% дисперсии	50,107	13,015	31,090	19,528	23,491	19,706

Таблица 2. Результаты канонического анализа женских сарматских групп с группами Восточной Европы

№ по Мартину и др.	Раннесарматское время		Среднесарматское время		Позднесарматское время	
	Канонические вектора					
	I	II	I	II	I	II
1	**–0,518**	0,073	**–0,500**	–0,189	–0,244	–0,220
8	**0,693**	0,134	**0,681**	0,197	0,155	0,032
17	–0,264	**0,724**	–0,465	**0,538**	**–0,634**	0,041
9	–0,243	0,133	–0,272	–0,155	–0,217	–0,345
45	0,181	–0,372	0,312	–0,417	0,304	–0,114
48	0,201	**–0,716**	0,422	**–0,579**	**0,947**	–0,271
55	–0,135	0,332	–0,119	**0,604**	**–0,504**	**0,526**
54	0,057	–0,090	0,081	0,127	0,401	0,234
51	**0,568**	0,443	0,324	**0,704**	–0,163	0,420
52	–0,013	–0,134	–0,030	–0,089	0,253	0,091
77	0,067	0,475	–0,056	0,419	–0,138	0,292
<zm'	0,243	–0,172	0,287	0,025	0,239	0,165
SS : SC	0,223	–0,213	0,131	–0,251	0,125	0,025
75-1	–0,080	–0,014	0,070	–0,158	0,067	**–0,675**
Собственные числа	14,256	5,469	12,014	6,245	7,031	5,609
% дисперсии	38,656	14,830	32,771	17,034	24,310	19,392

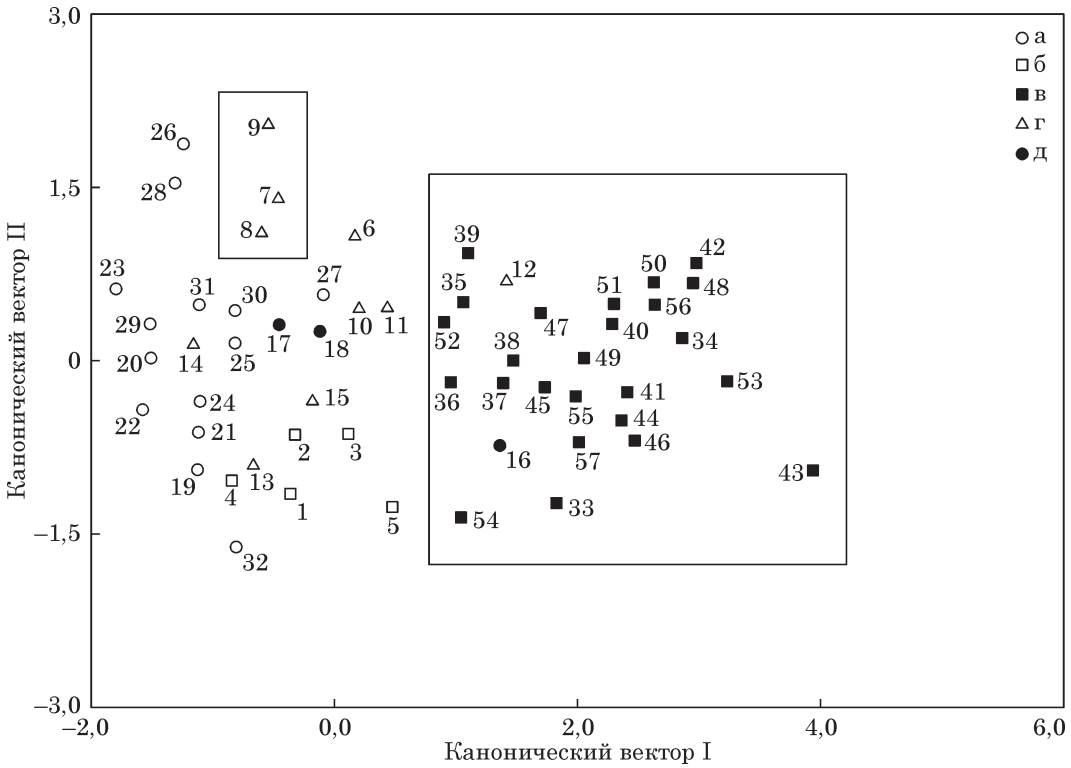


Рис. 1. Результат межгруппового анализа мужских серий раннесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *скифские серии*: 1 — Николаевка-Казацкое; 2 — Золотая Балка; 3 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 4 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 5 — Кут; *некрополи нижнедонских городищ и Кубани*: 6 — Танаис (III в. до н. э. — рубеж эр); 7 — Танаис (суммарно; I—III вв.); 8 — Танаис (I—II вв.); 9 — Танаис (II—III вв.); 10 — Елизаветинское городище; 11 — Кобяковское городище (суммарно; I—III вв.); 12 — Кобяковское городище (I—II вв.); 13 — Кобяковское городище (II—III вв.); 14 — Старокорсунское городище 2; 15 — Нижнегниловское городище (I—III вв.); *могильники Крыма*: 16 — Тавры; 17 — Херсон 1; 18 — Херсон 2; *серии черняховской культуры*: 19 — Журавка; 20 — Черняхов; 21 — Черкассы; 22 — Средний Днепр; 23 — Деревяна; 24 — Гавриловка; 25 — Будешты; 26 — Малаешты; 27 — Ромашки; 28 — Западная Украина; 29 — Центральная Украина; 30 — Левобережье Украины; 31 — Буджакская степь; 32 — Южнобуго-Тилигульское междуречье; *серии раннесарматского времени*: 33 — Нижнедонская; 34 — Быково; 35 — Калиновка; 36 — Бережновка; 37 — Верхний Балыклей; 38 — Старица; 39 — Батаевка; 40 — Степной IV; 41 — Киляковка; 42 — Старые Киишки; 43 — Мечет Сай; 44 — Новый Кумак; 45 — Первомайский; 46 — Калмыково; 47 — Кара Оба; 48 — Эльтон; 49 — Кривая Лука; 50 — Верхнепогромное; 51 — Политотдельское; 52 — Перегрузное I; 53 — Колобовка; 54 — Маляевка; 55 — Аксай; 56 — Прохоровка; 57. — Лебедевка. **Условные обозначения**: а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии раннесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма)

При анализе женских серий распределение изменчивости по I КВ также выпадает на поперечный диаметр, но еще и на продольный диаметр и ширину глазницы (табл. 2). Вклад его в межгрупповую изменчивость тоже очень большой, 38,7 %. Согласно этим данным на положительном полюсе будут группы, сочетающие короткую и широкую мозговую коробку с широкой глазницей, а на отрицательном — с узкой и длинной мозговой коробкой в сочетании с узкой глазницей. В данном случае как и при распределении изменчивости по I КВ мужских групп первый вариант встречается в раннесарматских группах и в наибольшей степени представлен в сериях из могильников Заволжья (Богодушанский Ерик и Бережновка II), а второй в сериях черняховской культуры (Малаешты, Гавриловка) и в скифских группах (Неаполь Скифский восточный могильник) и др.

Вклад второй канонической переменной в межгрупповую изменчивость при анализе мужских групп всего лишь 13,0 %, что намного меньше, чем первой. Распределение изменчивости по этому вектору приходится на лицевые признаки, выделяя группы у которых низкое лицо сочетается с высоким носом и широкими глазницами и группы с высоким лицом низким носом и узкой глазницей. Ранжирование значений групп по II КВ уже не демонстрирует резкое разграничение по культурной принадлежности. В наибольшей степени первый вариант присутствует в группе из Танаиса II—III вв. н. э., а второй — в черняховской серии из могильников Юга Буго-Тилигульского междуречья.

Что касается женских серий, то вклад II КВ 14,8 % и высокая положительная корреляции у нее с высотой свода, а отрицательная с высотой лица. Получается, что высокосводчатые серии

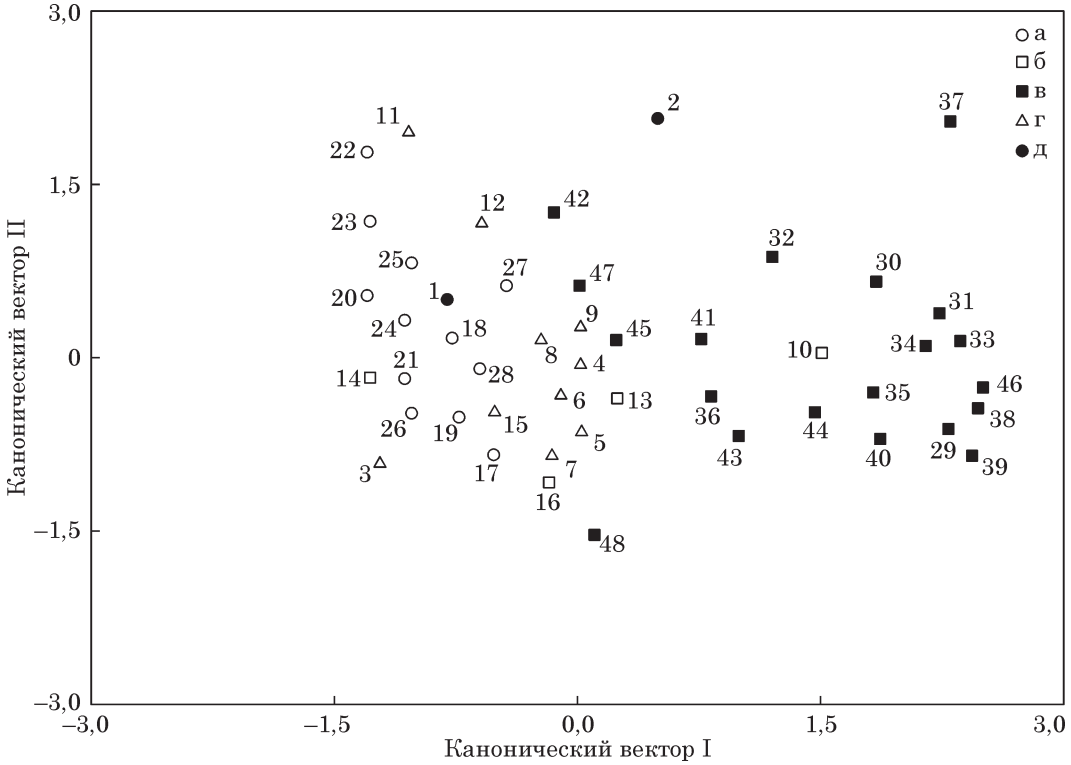


Рис. 2. Результат межгруппового анализа женских серий раннесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *могильники Крыма:* 1 — Заветное; 2 — Скалистое (ранние погребения); *некрополи нижнедонских городищ*: 3 — Танаис ранний (III в. до н. э. — рубеж эр); 4 — Танаис (I—III вв.); 5 — Танаис (II—III вв.); 6 — Кобяковское городище (Сум.) 7 — Кобяковское городище (I—II вв.); 8 — Кобяковское городище (II—III вв.); 9 — Нижнегниловское городище сумм. (I—III вв.); 10 — Нижнегниловское городище (I—II вв.); 11 — Нижнегниловское городище (суммарно; II—III вв.); 12 — Азов; *скифские серии:* 13 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 14 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 15 — Золотая Балка; 16 — Николаевка-Казацкое; *серии черняховской культуры*: 17 — Журавка; 18 —Черняхов; 19 — Средний Днепр; 20 — Гавриловка; 21 — Северное Причерноморье; 22 — Малаешты; 23 — Будешты; 24 — Левобережная Украина; 25 — Буджак; 26 — Буго-Тигульское междуречье; 27 — Западная Украина; 28 — Центральная Украина; *серии раннесарматского времени:* 29 — Богодушанский Ерик; 30 — Первомайский; 31 — Старица; 32 — Калиновка; 33 — Бережновка II; 34 — Быково; 35 — Кривая Лука; 36 — Верхний Балыклей; 37 — Степной IV; 38 — Старые Киишки; 39 — Мечет Сай; 40 — Калмыково; 41 — Нижнедонская; 42 — Верхнепогромное; 43 — Красный Октябрь; 44 — Царев; 45 — Перегрузное I; 46 — Солодовка; 47 — Авиловский II; 48 —Ковалевка. **Условные обозначения**: а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии раннесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

с низким лицом, а низкосводчатые с высоким лицом. Оба варианта не имеют культурной приуроченности и встречаются как в раннесарматских сериях, так и в сериях черняховской культуры и культур оседлого населения Нижнего Дона, Крыма.

Итак результаты межгруппового сопоставления восточно-европейских и раннесарматских разнополых групп свидетельствует о разительном их отличии. Об этом же свидетельствуют результаты кластерного анализа расстояний близости по Махаланобису и четырехпольный график положения групп в плоскостях I и II КВ (рис. 1, 2). На обоих рисунках хорошо заметны два скопления с обособлением раннесарматских серии от серий черняховской, позднескифской культур и серий из городищ Нижнего Дона и Кубани (рис. 1, 2).

Тем не менее, если говорить все-таки о наличии раннесарматского компонента у скифского и черняховского населения, то он не исключается. Об этом свидетельствуют расстояния близости по Махаланобису. Так, раннесарматские серии из могильников Бережновка II, Верхний Балыклей, Батаевка, Степной IV, Первомайский, Калмыково, Авиловский II и др. первую очередь обладают определенным сходством со скифскими сериями из Неаполя Скифского (мавзолей и склепы), Кута и серией опубликованной как тавры.

Видимо оседание раннесарматского населения на нижнедонских городищах отражается в близости их с сериями из ранних погребений Кобяковского городища (I—II вв.).

Связь раннесарматского населения с населением черняховской культуры более призрачная. Была обнаружена лишь одна группа из могильника Ромашки, обладающая сходством с раннесарматскими сериями, но так как она малочисленная (три черепа), то нет смысла

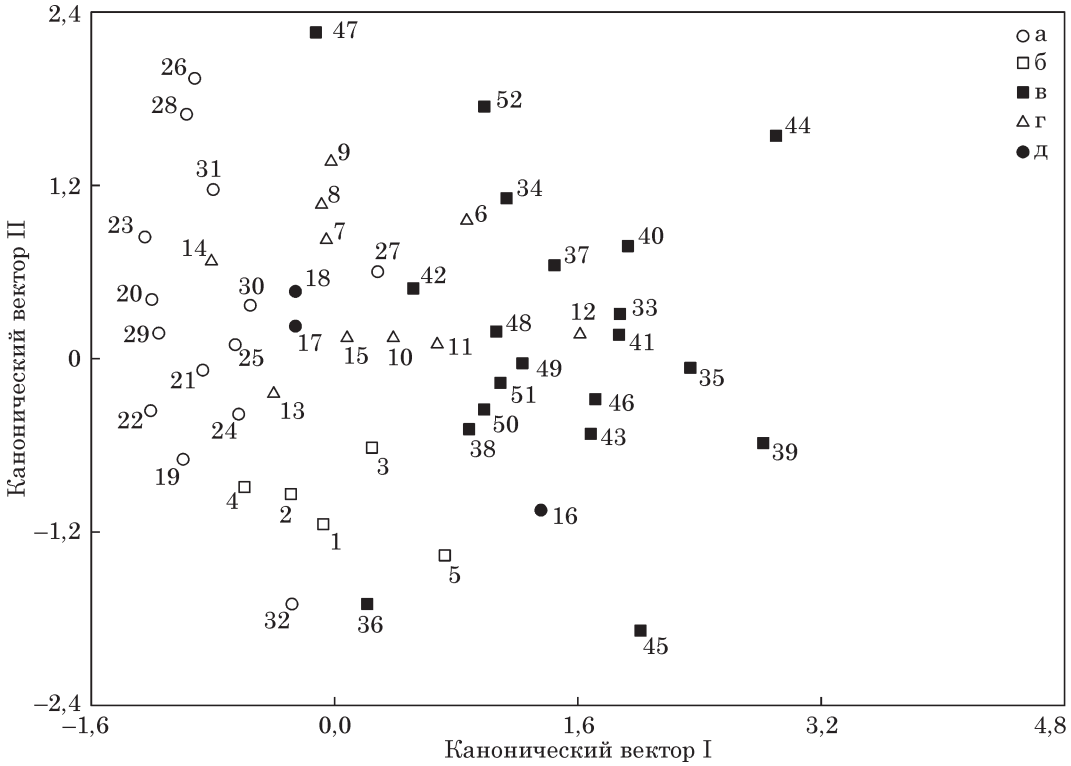


Рис. 3. Результат межгруппового анализа мужских серий среднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *скифские серии:* 1 — Николаевка-Казацкое; 2 — Золотая Балка; 3 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 4 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 5 — Кут; *некрополи нижнедонских городищ и Кубани*: 6 — Танаис (III в. до н. э. — рубеж эр); 7 — Танаис (суммарно; I—III вв.); 8 — Танаис (I—II вв.); 9 — Танаис (II—III вв.); 10 — Елизаветинское городище; 11 — Кобяковское городище (сум.; I—III вв.); 12 — Кобяковское городище (I—II вв.); 13 — Кобяковское городище (II—III вв.); 14 — Старокорсунское городище 2; 15 — Нижнегниловское городище (I—III вв.); *могильники Крыма:* 16 — Тавры; 17 — Херсон 1; 18 — Херсон 2; *черняховская культура*: 19 — Журавка; 20 — Черняхов; 21 — Черкассы; 22 — Средний Днепр; 23 — Деревяна; 24 — Гавриловка; 25 — Будешты; 26 — Малаешты; 27 — Ромашки; 28 — Западная Украина; 29 — Центральная Украина; 30 — Левобережье; 31 — Буджакская степь; 32 — Южно-Буго-Тилигульское междуречье; *серии среднесарматского времени:* 33 — Терновский; 34 — Первомайский; 35 — Бережновка I; 36 — Кузин; 37 — Кривая Лука; 38 — Калиновка; 39 — Быково; 40 — Бережновка II; 41 — Старица; 42 — Канал Волга-Чограй; 43 — Жутово; 44 — Эвдык; 45 — Аккермень; 46 — Усть-Каменка; 47 — Колобовка; 48 — Перегрузное I; 49 — Аксай; 50 — Нижнедонская 1; 51 — Нижнедонская 2; 52 — Калиновка 1. **Условные обозначения**: а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии среднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

делать далеко идущие выводы. Следует отметить, что Т. А. Рудич также отмечала отсутствие связи у черняховцев с раннесарматским краниологическим комплексом за небольшим исключением (2014, с. 21, 44, 46).

Аналогичный анализ проведенный со среднесарматскими сериями уже демонстрирует не такое резкое разобщение, но распределение изменчивости имеет определенное сходство с предыдущим анализом. Оно, видимо, связано с тем, что на формирование среднесарматского населения большое влияние оказал субстратный раннесарматский компонент. При анализе мужских серий I КВ (вклад его в межгрупповую изменчивость 31,1 %) на полюсах изменчивости также разводит серии, у которых широкая с низким сводом черепная коробка сочетается с широкой глазницей и серии с узкой высокосводчатой мозговой коробкой в сочетании с узкой глазницей. В наибольшей степени первый тип присутствует в сериях из могильников среднесарматской культуры, у которых сохраняется раннесарматский морфологический комплекс (могильники: Эвдык, Быково, Бережновка, Аккермень и др.), а второй — из могильников черняховской культуры, меотов Кубани и др.

Женские группы при аналогичном анализе также сохраняют основные тенденции в распределении изменчивости с раннесарматскими группами, то есть, тип с короткой и широкой мозговой коробкой имеет максимальные положительные значения по I КВ, а тип с длинной и узкой — отрицательные. Ситуация очень похожая, то есть, почти все среднесарматские серии имеют положительные значения, а черняховские и серии оседлого населения Нижнего Дона и Крыма — отрицательные.

Второй канонический вектор при анализе мужских серий также имеет сходство в распределении изменчивости при предыдущем анализе. В данном случае доминантой этой дискриминанты является сочетание узкое, низкое лицо с

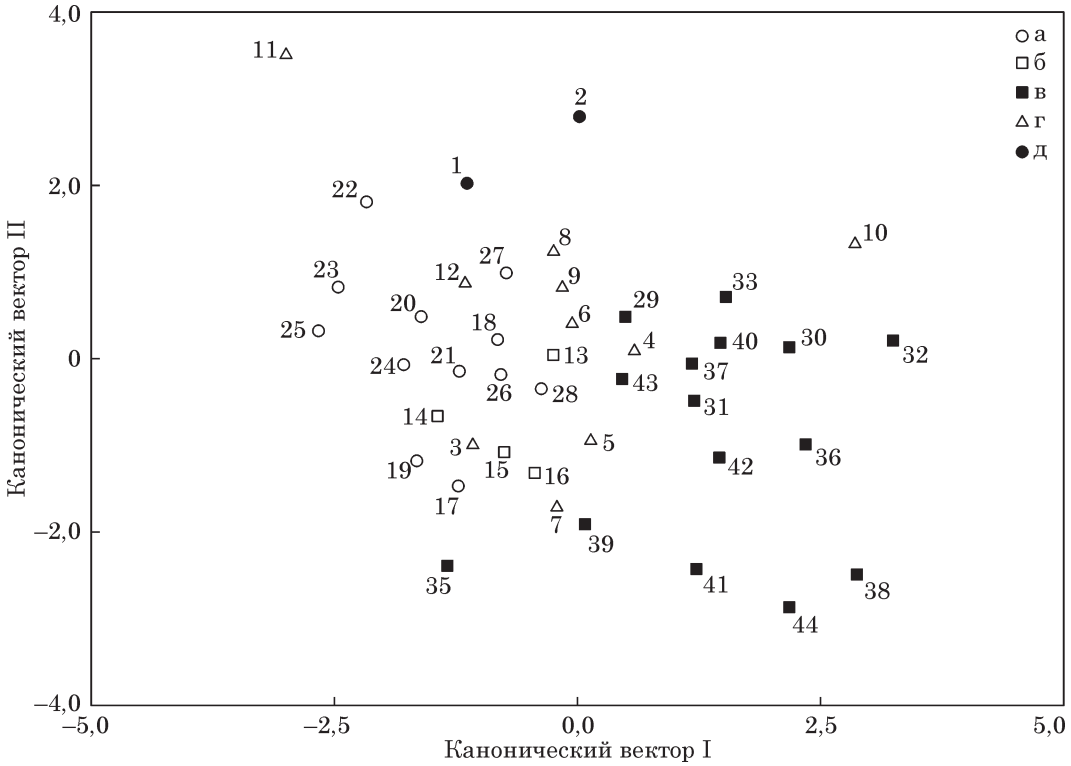


Рис. 4. Результат межгруппового анализа женских серий среднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *могильники Крыма:* 1 — Заветное; 2 — Скалистое (ранние погребения); *некрополи нижнедонских городищ*: 3 — Танаис ранний (III в. до н. э. — рубеж эр); 4 — Танаис (I—III вв.); 5 — Танаис (II—III вв.); 6 — Кобяковское городище (сумарно); 7 — Кобяковское городище (I—II вв.); 8 — Кобяковское городище (II—III вв.); 9 — Нижнегниловское городище (суммарно; I—III вв.); 10 — Нижнегниловское городище (I—II вв.); 11 — Нижнегниловское городище (суммарно; II—III вв.); 12 — Азов; *скифские серии:* 13 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 14 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 15 — Золотая Балка; 16 — Николаевка-Казацкое; *серии черняховской культуры*: 17 — Журавка; 18 — Черняхов; 19 — Средний Днепр; 20 — Гавриловка; 21 — Северное Причерноморье; 22 — Малаешты; 23 — Будешты; 24 — Левобережная Украина; 25 — Буджак; 26 — Буго-Тигульское междуречье; 27 — Западная Украина; 28 — Центральная Украина; *серии среднесарматского времени:* 29 — Бережновка I; 30 — Бережновка II; 31 — Калиновка; 32 — Калиновка 1; 33 — Крепь; 34 — Первомайский; 35 — Старица; 36 — Нижнедонская 1; 37 — Нижнедонская; 38 — Ново-Филипповка; 39 — Аккермень; 40 — Перегрузное I; 41 — Аксай; 42 — Терновский; 43 — Маляевка; 44 — Политотдельское. **Условные обозначения**: а — серии черняховской культуры; б —скифские серии; в — серии среднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

широкой глазницей и умеренно выступающим носом — положительный полюс изменчивости и широкое высокое лицо с узкой глазницей и резко выступающим носом — отрицательный полюс изменчивости. В данном случае также нет культурных предпочтений, поэтому в наибольшей степени как первый вариант, так и второй вариант встречается и среднесарматских и в черняховских, скифских группах.

У женской совокупности также наблюдается сходство с результатами анализа, в котором участвовали раннесарматские серии. Эта дискриминанта на своих полюсах разводит группы, у которых высокий свод сочетается с низким лицом, высоким носом и широкой глазницей от групп с альтернативным набором признаков. Как в первом случае, так и во втором на полюсах изменчивости располагаются среднесарматские серии.

Что касается графиков многомерного неметрического шкалирования и кластерного анализа, то большая часть среднесарматских разнополых серий обособляется от всей остальной совокупности (рис. 3, 4). Тем не менее, как и в случае анализа с раннесарматскими группами есть серии черняховской культуры из могильников Ромашка и Гавриловка, а также позднескифские из Неаполя Скифского (мавзолей), Кута, оседлых групп населения Нижнего Дона (Елизаветовское, Нижнегниловское и Кобяковское городище, Танаис) и Крыма (тавры), которые попадают в один кластер со среднесарматскими группами. Об аналогичном сходстве свидетельствуют и значения расстояний близости по Махаланобису.

Морфологическая идентичность позднесарматского населения с группами черняховской культуры, поздними скифами и синхронным населением Нижнего Дона, Кубани, как носителей типа длинноголовых европеоидов демонстрируют и результаты канонического анализа. На первую дискриминанту приходиться лишь 23,5 % от общей межгрупповой изменчивости

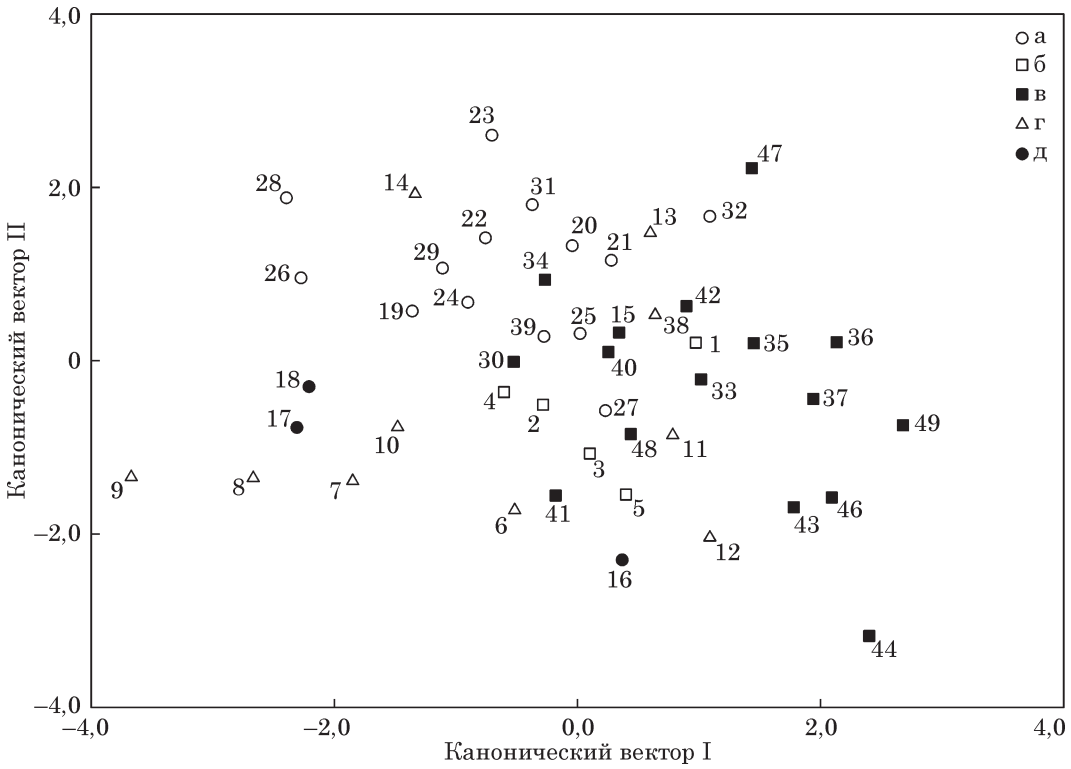


Рис. 5. Результат межгруппового анализа мужских серий позднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *скифские серии:* 1 — Николаевка-Казацкое; 2 — Золотая Балка; 3 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 4 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 5 — Кут; *некрополи нижнедонских городищ и Кубани*: 6 — Танаис (III в. до н. э. — рубеж эр); 7 — Танаис (суммарно; I—III вв.); 8 — Танаис (I—II вв.); 9 — Танаис (II—III вв.); 10 — Елизаветинское городище; 11 — Кобяковское городище (суммарно; I—III вв.); 12 — Кобяковское городище (I—II вв.); 13 — Кобяковское городище (II—III вв.); 14 — Старокорсунское городище 2; 15 — Нижнегниловское городище (I—III вв.); *могильники Крыма:* 16 — Тавры; 17 — Херсон 1; 18 — Херсон 2; *черняховская культура*: 19 — Журавка; 20 — Черняхов; 21 — Черкассы; 22 — Средний Днепр; 23 — Деревяна; 24 — Гавриловка; 25 — Будешты; 26 — Малаешты; 27 — Ромашки; 28 — Западная Украина; 29 — Центральная Украина; 30 — Левобережье; 31 — Буджакская степь; 32 — Южно-Буго-Тилигульское междуречье; *серии недеформированных черепов позднесарматского времени*: 33 — Нижнедонская; 34 — Кузин; 35 — Джангр; 36 — Кривая Лука; 37 — Старица 38 — Бережновка; 39 — Бережновка II; 40 — Бережновка I; 41 — Калиновка; 42 — Купцын Толга; 43 — Канал Волга-Чограй; 44 — Цаган-Усн; 45 — Абганерово II; 46 — Терновский; 47 — Аксай; 48 — Перегрузное I; 49 — Первомайский. **Условные обозначения**: а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии позднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

при анализе мужских групп и 24,5 % при анализе женских групп. В разнополых группах наблюдается сходство в распределении изменчивости. Так при анализе мужских серий по I КВ существенные различия между группами по высоте свода и носовых костей, по ширине глазницы, а при анализе женских серий по высоте свода, высоте лица и носа (табл. 1, 2). Таким образом, первый вариант, который разграничивает I КВ у мужчин, характеризует группы с низким сводом в комплексе с широкой глазницей и высокими носовыми костями, от групп с высоким сводом в сочетании узкой глазницей и низкими носовыми костями. Ранжирование значений мужских групп по данному вектору показывает, что почти все позднесарматские серии имеют положительное значение и демонстрируют первый набор признаков, а большая часть самых западных серий (черняховские, позднескифские) — второй набор признаков. Что касается женских серий, то эта дискриминанта разводит на полюсах изменчивости с одной стороны группы с низким сводом, сочетающие высокое лицо и низкий нос, а с другой — группы с высоким сводом, сочетающие низкое лицо и высокий нос. Оба варианта не имеют культурной ориентации и встречаются как на позднесарматских материалах, так и на материалах оседлого населения Нижнего Дона, Крыма, черняховской культуры и т. д.

В связи с вышесказанным следует отметить, что самые существенные различия в сравниваемой совокупности мужских серий по ширине глазницы (51 признак по Мартину), которая имеет высокие корреляции и по I и по II переменной. Именно этот признак и еще высота носовых костей играет большую роль при разграничении позднесарматских и некоторых нижнедонских групп оседлого населения от более западных серий позднескифской и черняховской культуры. Эти различия сказываются и при представлении расстояний Махаланобиса в виде четырехпольного графика неметрического многомерного шкалирования и на дендрограмме кластреного анализа (рис. 5).

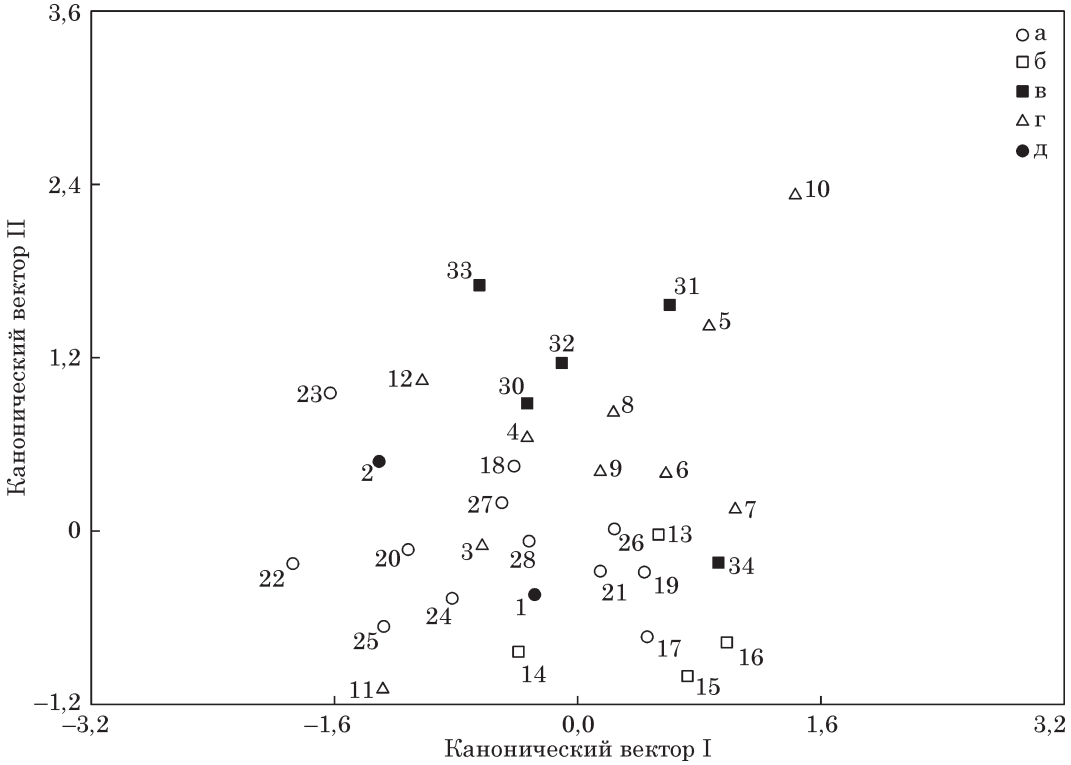


Рис. 6. Результат межгруппового анализа женских серий позднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *могильники Крыма:* 1 — Заветное; 2 — Скалистое (ранние погребения); *некрополи нижнедонских городищ*: 3 — Танаис ранний (III в. до н. э. — рубеж эр); 4 — Танаис (I—III вв.); 5 — Танаис (II—III вв.); 6 — Кобяковское городище (суммарно) 7 — Кобяковское городище (I—II вв.); 8 — Кобяковское городище (II—III вв.); 9 — Нижнегниловское городище (суммарно; I—III вв.); 10 — Нижнегниловское городище (I—II вв.); 11 — Нижнегниловское городище (суммарно; II—III вв.); 12 — Азов; *скифские серии:* 13 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 14 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 15 — Золотая Балка; 16 — Николаевка-Казацкое; *серии черняховской культуры*: 17 — Журавка; 18 — Черняхов; 19 — Средний Днепр; 20 — Гавриловка; 21 — Северное Причерноморье; 22 — Малаешты; 23 — Будешты; 24 — Левобережная Украина; 25 — Буджак; 26 — Буго-Тигульское междуречье; 27 — Западная Украина; 28 — Центральная Украина; *серии недеформированных черепов позднесарматского времени*: 34 — Чиковский; 35 — Купцын Толга; 36 — Кермен Толга; 37 — Кузин; 38 — Первомайский; 39 — Нижнедонская. **Условные обозначения**: а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии позднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

При сравнении женских серий несколько иная ситуация, которая связана с тем, что позднесарматского материала без следов деформации мало и серии малочисленные. К тому же большая их часть демонстрирует преобладания типа широкоголовых европеоидов (рис. 6).

Интерпретируя результаты анализа первых двух канонических векторов, на которые приходится более 43,0 % межгрупповой изменчивости, можно выделить главные различия в сравниваемой совокупности, это, во-первых, ширина глазницы. У мужчин этот признак является главным критерием разграничения позднесарматских групп, у которых широкая глазница, и черняховских групп, у которых узкая глазница. У женщин ширина орбиты выполняет второстепенную функцию при сравнении, а на первое место выступает высота носа, которая у мужчин на втором месте.

Четырехпольный график, построенный на основе многомерного неметрического шкалирования расстояний Махаланобиса, как и их значения, показывает некоторое морфологическое сходство позднесарматского населения как с позднескифским, так и с группами черняховской культуры (рис. 5, 6).

При кластеризации расстояний Махаланобиса на дендрограмме отмечено, что большая часть позднесарматских мужских серий образует свой кластер. Серии из Бережновки и Кузина объединились с группами черняховской культуры. Суммарная серия из могильников Нижнего Подонья попала в кластер с сериями поздних скифов.

Женские позднесарматские группы не имеют такой четкой дифференциации. Две из них: серии из Кузина хутора и Кермен Толги оказались в одном кластере с сериями нижнедонских грунтовых могильников (погребения II—III вв. Кобяковское городище и погребения IV—V вв. Танаис) и двумя сериями черняховской культуры из могильников западной Украины и Черняхова. Нижнедонская суммарная позднесарматская серия объединилась с сериями из погребений I—II вв. могильника Кобяковского городища и скифской серией из Николаевки-Казацкого. Две серии из Купцын Толги и Первомайского оказались вместе с раннесредневековой группой с Крыма (Скалистое). Так

как все позднесарматские женские группы немногочисленные — 2—8 черепов, вышеприведенные связи можно только иметь в виду, не делая результатирующие выводы.

Что касается мужских групп, то все связи с другими культурами, видимо, не случайны. Анализ расстояний близости, по Махаланобису, позволяет определить наибольшее количество связей между группами, $D^2 < 0{,}400$. Между собой позднесарматские выборки испытывают наибольшее сходство по 5—16 группам, что определяет их родство. Позднесарматские группы испытывают морфологическое сходство с населением черняховской культуры, наибольшая частота связей по четырем группам (7 групп). Почти с такой же частотой позднесарматские группы связаны с позднескифским (6 групп), нижнедонским оседлым населением (6 групп) и северокавказским и закавказским населением (всего 4 группы).

Таким образом, на основе результатов канонического анализа определяется круг Восточно-европейских культур, которые обладают морфологическим сходством с позднесарматским населением.

Подведя итоги выше сказанному можно выделить ряд проблем, которые возникают при проведении аналогичных исследований.

1. Более менее достоверное вычленение раннесарматского антропологического компонента в сериях западных культур местного очень сложно, так как обычно данная операция основывается на археологических комплексах с признаками культуры и изучением антропологических материалов, полученных оттуда. А как показывает опыт таких погребений немного, а антропологического материала еще меньше из-за плохой сохранности кости и отсутствия костей в ограбленных погребениях. Сравнение серий даже из отдельно взятых могильников не может удовлетворительно ответить на данный вопрос.

2. Что касается групп среднесарматского облика, то морфологический тип единственной опубликованной серии с территории Украины скорее свидетельствует о том, что это население формировалось под влиянием кочевых групп Заволжья раннесарматского облика (Балабанова 2000, с. 105, 110). Видимо эта группа не участвовала в процессах ассимиляции и сохранила свой первоначальный облик в связи с тем, что отличалась от соседних народов культурными традициями, которые характеризовали их как кочевников. Компонент же среднесарматского населения Нижнего Поволжья, сочетающего мезоморфные черты, еще сложнее выделить на синхронных материалах западных культур именно из-за его смешанного характера.

3. Позднесарматский компонент также сложно выделить, так как практически все группы синхронного населения, позднесарматское Нижнего Поволжья и Нижнего Дона, оседлое меотское население Кубани и нижнедонских городищ, позднескифские и черняховские популяции, обладают морфологическим сходством, определяющее их как носителей длинноголового европеоидного типа. Позднесарматский набор, включающий широкую орбиту и высокие носовые кости, может встречаться на отдельных черепах черняховской и скифской культур как индивидуальное качество, а компонент его можно определить если наблюдается корреляция краниологического набора с позднесарматскими чертами погребального обряда. В данном случает также возникает та же проблема, что и при выделении раннесарматского компонента.

На мой взгляд более перспективным в этом отношении выглядит сравнение деформированных серий позднесарматских, позднескифских и черняховских черепов.

ЛИТЕРАТУРА

Аммиан, Марцеллин. 1996. *Римская история*. Пер. и коммент. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. Санкт-Петербург: Алетейя.

Аппиан. 1994. *Римские войны*. Пер. и коммент. С. П. Кондратьева. Санкт-Петербург: Алетейя.

Балабанова, М. А. 2000. *Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век*. Москва: Наука.

Валерий Флакк. 1949. Аргонавтики в восьми книгах. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 2 (28), с. 340-351.

Великанова, М. С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.

Власов, В. П. 1999. *Етнокультурні процессии в Криму у III ст. до н. е. — IV ст. н. е. (за матеріалами ліпної кераміки)*. Автореферат дисертації к. і. н. ІА НАН України.

Высотская, Т. И. 2001. О некоторых этнических особенностях погребенных в могильнике «Совхоз № 10» (на основе лепных погребальных урн). *Труды ГИМ*, 118: Поздние скифы Крыма, с. 167-174.

Дерябин, В. Е. 1983. *Многомерная биометрия для антропологов*. Москва: МГУ.

Дерябин, В. Е. 1998. О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии. *Вестник антропологии. Научный альманах*, 4, с. 30-68.

Диодор, Сицилийский. 2000. *Греческая мифология*. Историческая библиотека). Москва: Лабиринт.

Дионисий, Периегет. 1948. Описание населенной земли. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 1 (23), с. 236-241.

Зубарь, В. М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.

Евсевий, Кесарийский. 1998. *Жизнь блаженного василевса Константина*. Пер. под ред. А. А. Калинина. Византийская серия. Москва: Labarum.

Иосиф, Флавий. 1991. *Иудейская война*. Пер. Я. Л. Чертка. Санкт-Петербург: Орел.

Клавдий, Птолемей. 1953. Руководство по географии. Сост. М. С. Боднарский. *Античная география*. Москва: Географическая литература, с. 281-323.

Лукан, Марк Анней. 1993. *Фарсалия, или Поэма о гражданской войне*. Пер. с лат. Л. Е. Остроумова. Москва: Ладомир, Наука.

Магомедов, Б. В. 1999. Сармати у складі черняхівської культури. В: Терпиловский, Р. В. (ред.). *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в І тисячолітті н. е.* Київ; Львів, с. 132-142.

Магомедов, Б. В. 2000. Этнические компоненты черняховской культуры. *Stratum plus*, 4, с. 322-330.

Магомедов, Б. В. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin.

Маркиан, из Гераклеи Понтийской. 1948. Объезд внешнего моря. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 3 (25), с. 278-280.

Марциал. 2000. *Эпиграммы*. Пер. с лат. Ф. Петровского. Харьков: Фолио; Москва: АСТ.

Онищук, Я. И. 2018. Взаимосвязи населения вельбарской, сарматской и черняховской культур на территории Западного Подолья во второй четверти I тыс. н. э. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 3, с. 120-129.

Павел, Орозий. 2001. *История против язычников в 7 книгах*. Кн. VI, VII. Пер. с лат. В. М. Тюленева, VII. Санкт-Петербург: Алетейя, с. 95-224.

Плиний, Старший. 1953. Естественная история. Пер. Н. М. Подземской. *Античная география*. Москва: Географическая литература, с. 238-261.

Помпоний, Мела. 1953. Местоположение земли. Пер. С. К. Апта. *Античная география*. Москва: Географическая литература, с. 176-237.

Пуздровский, А. Е. 1994. О сарматах в Крыму. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, IV, с. 397-405.

Пуздровский, А. Е. 1999a. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. *Вестник древней истории*, 3, с. 97-119.

Пуздровский, А. Е. 1999b. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. — III в. н. э.). *Херсонесский сборник*, X, с. 208-225.

Рудич, Т. О. 2004. Сармати та черняхівська культура (за матеріалами антропології). *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XI: Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології північного Причорномор'я», с. 213-216.

Рудич, Т. А. 2005. Сарматський компонент у складі населения черняхівської культури (за матеріалам антропології). *Археологія*, 4, с. 64-73.

Рудич, Т. А. 2006. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии). В: Терпиловский, Р. В. (ред.): *Готы и Рим*. Бібліотека Vita antiqua. Київ, 73-86.

Рудич, Т. О. 2014. *Населення Середнього Подніпров'я I—II тисячоліття за матеріалами антропології*. Київ: ІА НАН України.

Сенека Луций Анней. 1949. Вестник. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 1 (37), с. 266.

Страбон. 1994. *География: в 17 кн*. Пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского. Москва: Ладомир.

Сымонович, Э. А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.

Тацит, Корнелий. 2003. Анналы. *Анналы. Малые произведения. История*. Москва: АСТ, Ладомир, с. 5-423.

Федоров, Г. Б. 1958. О двух обрядах погребения Черняховской культуры (По памятникам Молдавии). *Советская археология*, 3, с. 234-243.

Храпунов, И. Н. 2019. Сарматы в Крыму по данным археологии. *Крым в сарматскую эпоху*, V, с. 314-320.

Шульц, П. Н. 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 177: Проблемы скифской археологии, с. 123-143.

Юлий, Капитолин. 1992. Жизнеописание Марка Антонина Философа. *Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана*. Пер. С. Н. Кондратьева. Москва: Наука, с. 33-48.

REFERENCES

Ammian. Martsellin. 1996. *Rimskaya istoriya*. Per. i komment. Yu. A. Kulakovskogo i A. I. Soni. Sankt-Peterburg: Aleteyya.

Appian. 1994. *Rimskiye voyny*. Per. i komment. S. P. Kondratyeva. Sankt-Peterburg: Aleteyya.

Balabanova, M. A. 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralia i Nizhnego Povolzhia. Ranniy zheleznyy vek*. Moskva: Nauka.

Valeriy Flakk. 1949. Argonavtiki v vosmi knigakh. In: Latyshev, V. V. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. *Vestnik drevnej istorii*, 2 (28), s. 340-351.

Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechia*. Moskva: Nauka.

Vlasov, V. P. 1999. *Etnokulturni protsessyy v Krymu u III st. do n. e. — IV st. n. e. (za materialamy lipnoi keramiky)*. Avtoreferat dysertatsii k. i. n. IA NAN Ukrainy.

Vysotskaya. T. I. 2001. O nekotorykh etnicheskikh osobennostyakh pogrebennykh v mogilnike «Sovkhoz N 10» (na osnove lepnykh pogrebalnykh urn). *Trudy GIM*, 118: Pozdniye skify Kryma, s. 167-174.

Deryabin, V. E. 1983. *Mnogomernaya biometriya dlya antropologov*. Moskva: MGU.

Deryabin, V. E. 1998. O metodikakh mnogomernogo taksonomicheskogo analiza v antropologii. *Vestnik antropologii. Nauchnyy almanakh*, 4, s. 30-68.

Diodor, Sitsiliyskiy. 2000. *Grecheskaya mifologiya*. Istoricheskaya biblioteka. Moskva: Labirint.

Dionisiy, Periyeget. 1948. Opisaniye naselennoy zemli. In: Latyshev, V. V. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. *Vestnik drevnej istorii*, 1 (23), s. 236-241.

Zubar, V. M. 1982. *Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova Dumka.

Evseviy, Kesariyskiy. 1998. Zhizn blazhennogo vasilevsa Konstantina. Per. pod red. A. A. Kalinina. Vizantiyskaya seriia. Moskva: Labarum.

Iosif, Flaviy. 1991. *Iudeyskaya voyna*. Per. Ya. L. Chertka. Sankt-Peterburg: Orel.

Klavdiy, Ptolemey. 1953. Rukovodstvo po geografii. Sost. M. S. Bodnarskiy. *Antichnaya geografiya*. Moskva: Geograficheskaia literature, s. 281-323.

Lukan, Mark Anney. 1993. *Farsaliya, ili Poema o grazhdanskoy voyne*. Per. s lat. L. E. Ostroumova. Moskva: Ladomir, Nauka.

Magomedov, B. V. 1999. Sarmaty u skladi cherniakhivskoi kultury. In: Terpilovskiy, R. V. (ed.). *Etnokulturni protsesy v Pivdenno-Skhidnii Yevropi v I tysiacholitti n. e.* Kyiv; Lviv, s. 132-142.

Magomedov, B. V. 2000. Etnicheskiye komponenty chernyakhovskoy kultury. *Stratum plus*, 4, s. 322-330.

Magomedov, B. V. 2001. *Chernyakhovskaya kultura. Problema etnosa*. Lublin.

Markian, iz Geraklei Pontiyskoy. 1948. Obyezd vneshnego morya. In: Latyshev, V. V. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. *Vestnik drevnej istorii*, 3 (25), s. 278-280.

Martsial. 2000. Epigrammy. Per. s lat. F. Petrovskogo. Kharkov: Folio; Moskva: AST.

Onishchuk, Ya. I. 2018. Vzaimosvyazi naseleniya velbarskoy. sarmatskoy i chernyakhovskoy kultur na territorii Zapadnogo Podolia vo vtoroy chetverti I tys. n. e. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 3, s. 120-129.

Pavel, Oroziy. 2001. *Istoriya protiv yazychnikov v 7 knigakh*. Kn. VI. VII. Per. s lat. V. M. Tyuleneva, VII. Sankt-Peterburg: Aleteyya, s. 95-224.

Pliniy, Starshiy. 1953. Estestvennaya istoriya. Per. N. M. Podzemskoy. *Antichnaya geografiya*. Moskva: Geograficheskaia literature, s. 238-261.

Pomponiy, Mela. 1953. Mestopolozheniye zemli. Per. S. K. Apta. *Antichnaya geografiya*. Moskva: Geograficheskaia literature, s. 176-237.

Puzdrovskiy, A. E. 1994. O sarmatakh v Krymu. *Materialy po arkheologii. istorii i etnografii Tavrii*, IV, s. 397-405.

Puzdrovskiy. A. E. 1999a. Ocherk etnosotsialnoy istorii Krymskoy Skifii vo II v. do n. e. — III v. n. e. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 97-119.

Puzdrovskiy. A. E. 1999b. Etnicheskaya istoriya Krymskoy Skifii (II v. do n. e. — III v. n. e.). *Khersonesskiy sbornik*. X, s. 208-225.

Rudych, T. O. 2004. Sarmaty ta cherniakhivska kultura (za materialamy antropolohii). *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ia i Krymu*, XI: Materialy konferentsii «Problemy skifo-sarmatskoi arkheolohii pivnichnoho Prychornomor'ia», s. 213-216.

Rudych, T. A. 2005. Sarmatskyi komponent u skladi naselenyia cherniakhivskoji kultury (za materialam antropolohiji). *Arkheolohiia*, 4, s. 64-73.

Rudich. T. A. 2006. Sarmaty v sostave chernyakhovskoy kultury (po materialam antropologii). In: Terpilovskiy, R. V. (ed.): *Goty i Rim*. Biblioteka Vita antiqua. Kyiv, s. 73-86.

Rudych, T. O. 2014. *Naselennia Serednoho Podniprov'ia I—II tysiacholittia za materialamy antropolohii*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Seneka Lutsiy Anney. Vestnik. In: Latyshev, V. V. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. *Vestnik drevnej istorii*, 1 (37), s. 266.

Strabon. 1994. *Geografiya: v 17 kn*. Per. vstup. st. i koment. G. A. Stratanovskogo. Moskva: Ladomir.

Symonovich, E. A. 1983. *Naseleniye stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (Po materialam Vostochnogo mogilnika Neapolya Skifskogo)*. Kiev: Naukova dumka.

Tatsit, Korneliy. 2003. Annaly. *Annaly. Malyye proizvedeniya. Istoriya*. Moskva: AST, Ladomir, s. 5-423.

Fedorov, G. B. 1958. O dvukh obryadakh pogrebeniya Chernyakhovskoy kultury (Po pamyatnikam Moldavii). *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 234-243.

Khrapunov, I. N. 2019. Sarmaty v Krymu po dannym arkheologii. *Krym v sarmatskuyu epokhu*, V, s. 314-320.

Shults, P. N. 1971. Pozdneskifskaya kultura i eye varianty na Dnepre i v Krymu. Problemy skifskoy arkheologii. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 177. s. 123-143.

Yuliy, Kapitolin. 1992. Zhizneopisaniye Marka Antonina Filosofa. *Vlasteliny Rima. Biografii Rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana*. Per. S. N. Kondratyeva. Moskva: Nauka, s. 33-48.

M. A. Balabanova

DISCUSSING THE WESTERN CONNECTIONS OF THE SARMATIAN POPULATION ACCORDING TO ANTHROPOLOGY DATA

The paper discusses the issue of possible connections of the Sarmatian population of the Southern Urals, Lower Volga and Lower Don with synchronous groups of Northern Pontic region according to physical anthropology. The review of the literary, archaeological and craniological publications dedicated to this issue was conducted in order to fulfill this task. The academic discourse is represented by the findings of historical, archaeological and anthropological data. The works of Diodores from Sicily, Pliny the Elder, Claudius Ptolemaios, Strabo, Appianus, Ammianus Marcelinus, A. E. Puzdrovsky, B. V. Magomedov, E. A. Symonovich, I. N. Khrapunov, Ya. I. Onishchuk, T. N. Vysotskaya, V. E. Deryabin, M. S. Velikanova, T. A. Rudich and the materials of the Center for the study of the history and culture of the Sarmatians of Volgograd State University are the basic sources. Verification of the most popular models of ethnogenetic relationships was carried out using the phased intergroup comparisons of craniometric data. Mass material on the Sarmatian cultures and cultures of the Northern Pontic region was processed by the canonical method followed by consideration of the proximity distances of Mahalanobis. As a result, the hypothesis about the insignificant influence of the Early Sarmatian, Middle Sarmatian, and Late Sarmatian component on the change in the intragroup structure of the North Pontic populations was confirmed. The Late Sarmatian population has the greatest morphological similarity with western populations, since all of them are carriers of the type of long-headed Caucasians but such an important feature as the width of the orbit separates western populations from eastern ones. Despite of this the results of the study suggest the introduction of the component of all three chronological Sarmatian groups into the settled population of the Lower Don and Late Scythian groups. The findings of the study presented in this paper provide the opportunity to support or refute them with the results of paleogenetic analysis which has already been started for Sarmatian cultures, but its results have not yet been fully summed up.

Keywords: Chernyakhov culture, Late Sarmatian culture, type of long-headed Caucasians, type of wide-headed Caucasians, morphological type, statistical methods.

М. А. Балабанова

ДО ДИСКУСІЇ ПРО ЗАХІДНІ ЗВ'ЯЗКИ САРМАТСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ ЗА ДАНИМИ АНТРОПОЛОГІЇ

У статті обговорюється питання можливих зв'язків сарматського населення Південного Уралу, Нижнього Поволжя та Нижнього Дону з синхронними групами Північного Причорномор'я з точки зору фізичної антропології. Для цього було проведено огляд літературних, археологічних та краніологічних публікацій, присвячених цій проблемі. Академічний дискурс представлений історичними, археологічними та антропологічними даними. Основними джерелами є праці Діодора Сицилійського, Плінія Старшого, Клавдія Птолемея, Страбона, Аппіана, Амміана Марцеліна, роботи О. Є. Пуздровського, Б. В. Магомедова, Е. О. Симоновича, І. М. Храпунова, Я. І. Онищука, Т. М. Висоцької, В. Є. Дерябіна, М. С. Великанової, Т. О. Рудич та матеріали Центру вивчення історії і культури сарматів Волгоградського державного університету. Перевірка найпоширеніших моделей етногенетичних відносин проводилась за допомогою поетапного міжгрупового порівняння краніометричних даних. Масовий матеріал сарматських культур та культури Північного Причорномор'я оброблявся канонічним методом з подальшим врахуванням відстані Махаланобіса. В результаті підтвердилася гіпотеза про незначний вплив ранньосарматського, середньосарматського та пізньосарматського компонента на зміну внутрішньогрупової структури північнопонтійських популяцій. Пізньосарматська популяція має найбільшу морфологічну схожість із західними, оскільки всі вони є носіями типу довгоголових кавказців, але така важлива особливість, як ширина орбіти, відокремлює західні популяції від східних. Незважаючи на це, результати дослідження дозволяють ввести компонент усіх трьох хронологічних сарматських груп в осіле населення Нижнього Дону та пізньоскіфське. Результати дослідження, представлені в цій роботі, дають можливість підтвердити або спростувати їх результатами палеогенетичного аналізу, який вже розпочато для сарматських культур, але його результати ще не повністю підведені.

Ключові слова: черняховська культура, пізньосарматська культура, тип довгоголових кавказців, тип широкоголових кавказців, морфологічний тип, статистичні методи.

Одержано 10.06.2020

БАЛАБАНОВА Марія Опанасовна, доктор історичних наук, професор, Волгоградський державний університет, просп. Університетський, 100, Волгоград, 400062, Російська Федерація.
BALABANOVA Mariya A., Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, Volgograd, 400062, Russian Federation.
orcid: 0000-0002-1565-474X, e-mail: mary.balabanova@volsu.ru.

УДК [904.5:572](470.4)"638" DOI: 10.37445/adiu.2020.03.34

E. V. Pererva

TREPANATION IN THE SARMATIANS OF THE LOWER VOLGA REGION (Revisiting its Causes and Origins)

Skull trepanation of the is one of the most frequently performed operations on human skull by modern and ancient surgeons. Trepanation is often associated in the scientific literature with such widespread manipulations in ancient peoples' bodies as deliberate head or extremities deformation, scalping, artificial scarification, decapitation and truncation of limbs, etc. Nowadays, it is known that trepanation is therapeutic or ritual manipulation done in vivo or posthumous. Also skull trepanation is performed by various techniques. The definition of all these criteria allows anthropologists to evaluate the nature of the development of medical knowledge of ancient societies, to determine the degree of technical sophistication of ancient doctors, to understand the traditions and customs of peoples who lived on earth in the distant past.

The paper is an attempt to summarize and consider cases of craniotomy on craniological materials dating back to the Sarmatian era. Evaluation of the described fixed manipulations from the point of view of the technique of carrying out the operations and the reasons for their conduct is also given in the study. An attempt was made to find the sources of the spread of the tradition of skull trepanation in the nomadic peoples of the Early Iron Age who inhabited the Lower Volga region.

***Keywords**: Trepanation, sarmatians, ancient societies, skull, Early Iron Age, the Lower Volga region.*

Introduction. Paleoanthropological materials belonging to Sarmatian culture are a unique source of information that allows anthropologists and historians to learn about the way of life of the early nomads of the Lower Volga region. Thanks to the study of the Sarmatian bone remains, we were able to confirm ancient authors' data about the physical appearance of the population who had burial mounds in the South Russian steppes. The anthropologists have proved the existence of the Sarmatian tradition of deliberate artificial skull deformation using scalping techniques widespread at a late stage of the Sarmatians history described by Herodotus and Ammianus Marcellinus. Paleoanthropological analysis of the nomads' remainings dating back to the early Iron Age also confirmed that the Sarmatians practiced military field medicine.

Currently, the main focus of archaeological and anthropological research is on the discovered skulls of the Sarmatian nomads with traces of trepanation originating from the territory of the Lower Volga region. Over the past 25 years, 3 brain capsules with perforations dating from the first centuries of our era.

Trepanation of the head is one of the oldest operations performed on the human skull (Brothwell 1972; Медникова 1997) which along with the deliberate and unintentional artificial deformation of the skull, limb amputation and scalping, was known in many ancient peoples of all the continents across the globe (Лисицын 2004; Фиалков 2010).

The very first mentions of trepanation are found in the works of ancient Greek healers Hippocrates and Galen. Hippocrates who lived between 460—370 BC gives evidence for trepanation in the division «On the wounds of the head» in chapter 9. The ancient doctor described in details the causes and methods of conducting therapeutic operations on the head. Recommendations are given on monitoring the patient after the operation (Гиппократ 1936, с. 275—306).

Graeco-Roman physician Galen lived six centuries later than Hippocrates in 129—200 AD. In his scientific work «Head Damage» he also cites the methods of trepanation and suggests the reasons for this operation. In addition, the doctor gives descriptions of various instruments for trepanation: chisel, crown trephin, drill trefin, etc. (Mission 2007, p. 5—7).

© E. V. PERERVA, 2020

Trepanation of the skull was carried out for various purposes in the ancient peoples. As M. B. Mednikova indicates cause-effect fact underlies most classifications of trephine holes and the reasons for such manipulations. In general, at the moment, there are two main ways to classify trepanation (Медникова 1997).

1. Technique or method of performing operations on the skull (Wilson, Cantab 1923; Lisovski 1967; Brothwell 1972; Verano 2003; Erdal, Erdal 2011).

2. Classification of trepanation by purpose (Nemeskeri, Kinga-Kralovansky 1965; Brothwell 1972; Боев 1992; Aufderheide, Rodriguez-Martin 1998; Медникова 2001; 2004; Rubini 2008).

In Russia, scientific study of trepanation cases of the skull as a historical source of data telling us about the level of knowledge in such fields of science as traumatology and anatomy of the human body, the level of development of religious ideas, traditions and in general as a historical phenomenon began with the work of D. I. Anuchin who attempted to interpret the findings made by F. D. Nefedov in 1883 during excavations of the ancient settlement near the river Vetlugi namely pendants or amulet made from the human skull. D. N. Anuchin analyzes this subject in detail referring to similar findings and descriptions of trepanized skulls from the territory of Western Europe and South America. In the same work, the author considers incomplete trepanation on the skull of the Princes Mountain (hillfort in the Novgorod region), suggesting that in this case the operation was carried out using a tool similar to a chisel (Анучин 1895, с. 17).

The earliest cases of trepanation in the Lower Volga area are localized in the north of this territory in the Saratov region. So A. L. Nechitailo described the case of trepanation on the skull which was found by I. I. Dremov in 1985 on the Volga in the town of Engels in an eneolithic burial. The brain capsule belonged to a man. The operation was performed in vivo by scraping with a flint scraper (Нечитайло 2004, с. 61, 62).

Another ancient manipulation of a therapeutic nature, carried out on the cranium and dating to the Khvalynskiy culture was studied by A. A. Khokhlov. On the skull from the burial 21 of burial grounds Khvalynskiy II, the anthropologist revealed superficial trepanation at the wound site which testifies to the good medical skills of the ancient healers (Хохлов 2012, с. 121, 122).

In this paper the authors attempted to determine the causes and possible origins of the tradition of trepanation using the Sarmatian materials from the Lower Volga region.

Research Methods and materials. In the paper, 4 cases of trepanation in Sarmatians discovered on the materials from the territory of the Lower Volga region will be considered (fig. 1).

Case 1. The skull from the Don region (the modern territory of the Volgograd region, the Kalmyk republic and the Rostov region) presumably comes from the burial grounds of the flood zone of the future Tsimlyansk reservoir which were dug by detachments of the Volga-Don archaeological expedition under the guidance of M. I. Artamonov in 1949—1951 (Археологическая… 2009, с. 18). The radiography of the skull was published by D. G. Rokhlin in 1965 (fig. 2: 1). The bone remains originating from the burial date back to the early Sarmatian time of the 3rd-1st centuries BC.

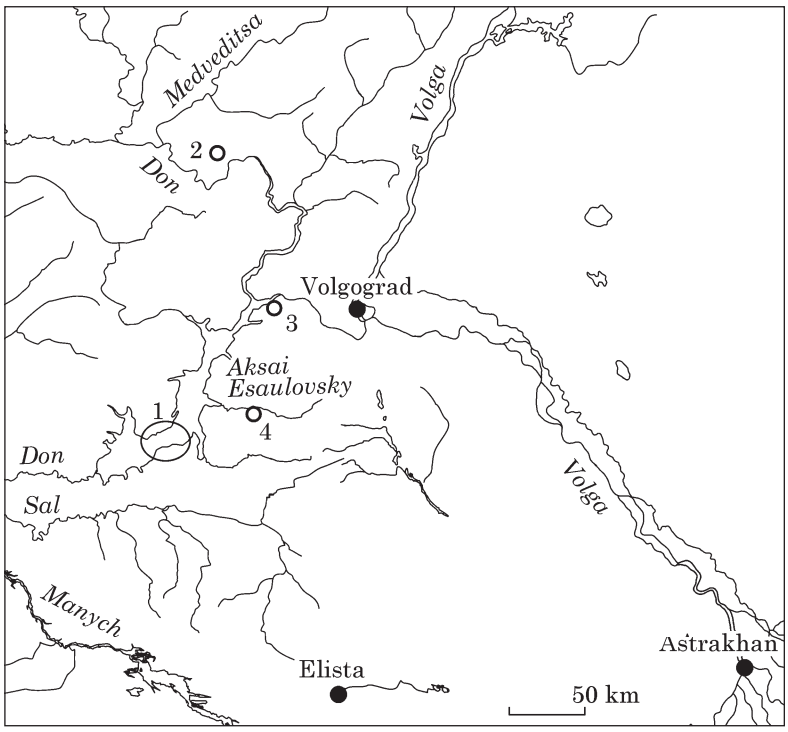


Fig. 1. Map-scheme of the Volgograd region and the location of trepanned skulls: 1 — the location of the burial grounds of the flood zone of the future Tsimlyansk reservoir; 2 — burial mound Glazunovsky; 3 — burial ground Peregruznoe I; 4 — burial ground Verbovsky I

Case 2. L. V. Gurenko conducted archaeological excavations in the Kumylzhensky district of the Volgograd region near the village Glazunovskaya in 1996. The mound of the Late Sarmatian burial of the 3rd—4th centuries was excavated. A skull with traces of trepanation and a lower jaw with holes were discovered in the burial (Гуренко 1997). The source of the case was an «*Act of Forensic Medical Exxamination No. 8*» of 5—10 February 1998, prepared by forensic medical expert V. V. Sidorov. The medical expert conducted a macroscopic examination of a 30-year-old man's cranial capsule.

Case 3. Protective excavations of mounds near the village of Peregruznoye of the Oktyabrsky Area of the Volgograd Region were conducted in 2010. Bone remains of a 25—30 year-old woman with skull

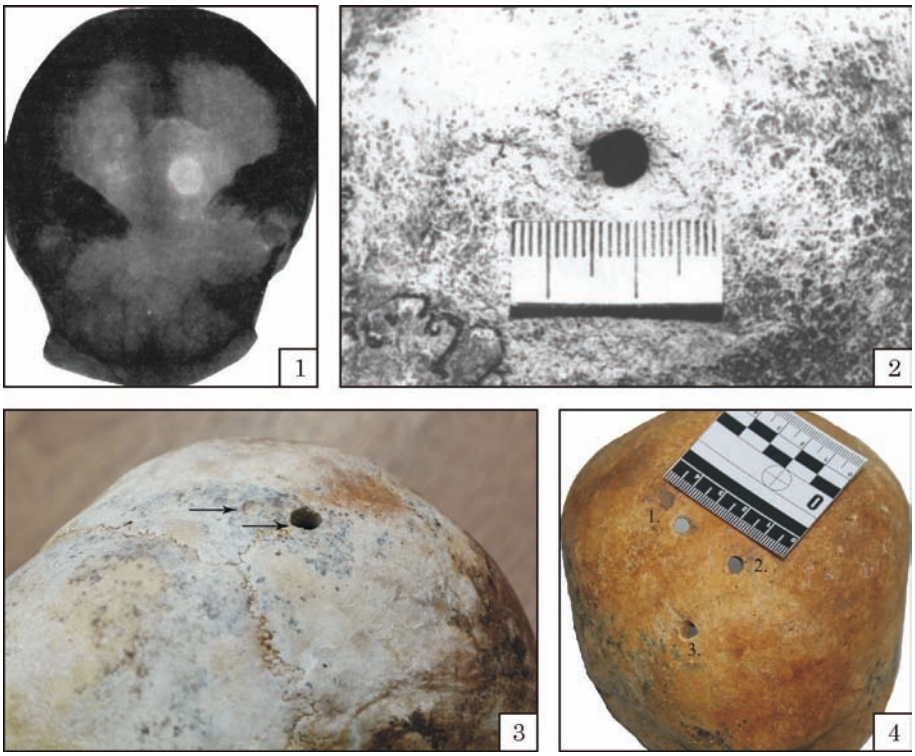


Fig. 2. Skulls of Sarmatian: 1 — X-ray of the skull of Sarmatian III—I cc. BC with a successful trepanation in the region of the cranial vault (Rokhlin 1965); 2 — trepanation hole on the skull of the Sarmatian middle III — beginning of the IV centuries AD from the burial mound Glazunovsky; 3 — trepanation of the skull of a Sarmatian woman from burial 3 of burial mound 45 of burial ground Peregruznoe I, I c. AD; 4 — trepanation of the skull of a woman from the burial I — first half of the II AD burial ground Verbovsky I

defects identifiable as trepanations were recovered during the archeological works in the burial mound 3, mound 45. The burial was attributed to the Middle Sarmatian culture and dates back to the 1st century AD. The cranium of the woman was examined macroscopically. Radiographic study of the skull was carried out in 2 projections: left lateral and straightforward from the distance to the object of 1 m. The radiation power is 70 kW, 40 mA and the holding time is 0.16 sec. The X-ray device Medics-P-AMIKO was used to conduct radio graphical study (Перерва 2012, с. 123—133).

Case 4. During archaeological works in 2017 on the territory of the burial ground Verbovskiy I, a burial mound 26 with one burial dating back to the early 2nd century AD was discovered. The burial contained a skull of a 35—45-year-old woman with three trepanation holes which was subject of examination.

For differential diagnosis the method of computed tomography was applied; the study was carried out on a 128-slice Computed Tomography Scanner «SOMATOM Definition» (Siemens) with two X-ray tubes, collimation slide 5 mm, 2 mm and 0.6 mm width and a 0.4 mm increment in the reconstruction of raw data. Multiplanar reformation in the sagittal and frontal projections and three-dimensional reformation using the three-dimensional visualization method were performed (Мамонтов и др. 2018, с. 88—90).

When describing the deformation performed on the skull from the burial ground Verbovsky, the recommendations set forth in the works of M. B. Mednikova were used (Медникова 1997; 2001). When determining post-mortem or in vivo nature of the revealed cranium deformations, the methods of forensic medical examination and mechanical injuries traumatology on skeleton bones was used (Смолянинов 1959; Пиголкин и др. 2002).

Description of the Cases. As we have already mentioned above, there are relatively few cases of trepanation operations performed on the head dating from the Sarmatian time and originating from the territory of the Lower Volga region.

The Skull from the Don region. This is the case of the earliest trepanation of the Sarmatians of the 3rd-1st centuries BC. In the parietal bone there is a circular opening with smooth contours due to the presence of closed plates covering the spongy substance and connecting with the outer and inner plates of the parietal bone (fig. 2: 1). Traces of complications after the operative exchange of scientists have not been found. The operation most likely had a therapeutic nature (Рохлин 1965, с. 174, 195).

The Skull from the mound Glazunovsky. The study of the skull and its lower jaw was carried out by the forensic medical expert V. V. Sidorov who determined that in the posterior part of the parietal bone 32 mm on the right from the arrow-shaped seam and 23 mm from the right branch of the lambdoid suture there is an oval-shaped trepanation hole with a tissue defect 7 × 6 mm in size (fig. 2: 2). The edges of the damage are rounded out from the outside; the walls are chamfered in the direction from the rear in front, from right to left and downward. At six, four and eight o'clock positions, discoloration of the inner bone plate was detected with the formation of two notches and one protruding defect of the coal scallop.

During the study of the mandible at the base of both vertical branches V. V. Sidorov also discovered artificial holes. The analysis of manipulations on the

skull allowed the expert to come to the conclusion that the lesions in the area of both vertical branches of the lower jaw were made in-vivo by drilling directed from the inside outwards and backwards, which could be performed as a ritual action. Trepanation in the posterior part of the parietal bone to the right was accomplished by the twisting action of a cylindrical-conical tool with three projecting ribs on the lateral surfaces, possibly an end part of the arrow with a metal tip (Сидоров 1996).

Skull from the burial Peregruznoye I. A circular defect of 5 × 5 mm not having perforation in the cranial cavity was found when examining the cerebral capsule on the right parietal bone of the skull (fig. 2: 3). We observed a through 8 mm hole at 6 mm from the first lesion and 22 mm from the craniological point «bregma» touching the sagittal suture. The defect is round in shape. There are no traces of inflammatory process in the area of trepanation. The entrance edges of the hole are even sharp without traces of bone fracture. On the inner surface of the skull, the edges of the exit hole are also even without any traces of damage. Cracks have not been observed. The entrance and exit holes in the cranial cavity are of the same size, without traces of expansion. The walls of the hole are even. In the cut, the structure of the bone plate is clearly seen. Judging by the nature of the hole, the absence of chips, incisions, breaks, the operation was performed, most likely, using a drill with a semicircular tip as a tool by rotation (Перерва 2012, с. 128, 129).

Skull from burial ground Verbovsky I. On the border of the scales of the occipital bone and the left parietal bone, along the lambdoid suture, in the left parietal bone three trepanation holes are defined in the projection of the sagittal suture with clear and even contours (fig. 2: 4). The inner walls of the holes on sections are 0.6 mm thick and slightly serrated. The first full hole is located on the left parietal bone 20 m from the arrow-shaped suture and 26 mm from the anthropological landmark point Lambda. The second hole is located in the swept seam with a slight displacement to the left side 10 mm from the anthropological landmark Lambda. The third perforation is located in the occipital seam on the left side with a slight shift to the bottom.

The macroscopic description of the find and its investigation with the help of a computed tomography scan, as well as the archaeological context allows us to draw the following conclusions: the method of trepanation was drilling; the absence of traces of healing indicates premortal or posthumous nature of trepanation; the presence of a rich burial inventory in the pit from which the cranium was extracted, the multiplicity of holes and their localization may indicate the symbolic-ritual significance of the performed operation (Мамонтов и др. 2018, с. 88).

Discussion. From the above-described trepanation cases in Sarmatians, holes on the skull performed by drilling most likely posthumously or immediately before death with symbolic or ritual significance were discovered in three cases (burial grounds of Verbovsky, Peregruznoye and Glazunovsky).

Only trepanation, described by D. Rokhlin, originating from the excavations of M. Artamonov, being the earliest find, since it belongs to a representative of the Early Sarmatian culture, was most likely performed by technique of scraping. Judging by the fact that the traces of the inflammatory process in the field of surgery were not found by the researcher and there are signs of successful healing after manipulation, it can be assumed that the operation was of a therapeutic-surgical nature.

The earliest trepanation cases by the type of scraping in the Volga region were observed in the materials of the Bronze Age by I. Gohman (Гохман 1989, с. 7). The cases of trepanation recorded by S. Rudenko on turtles of Central Kazakhstan from the Pazyryk and Shibinsk burial mounds of the Scythian time (Руденков 1960, с. 300—331), and by E. Murphy on the woman from the burial of the Scythian time of the burial cemetery Aymyrlig in Southern Siberia (VIII 21. Sk.3) are territorially and chronologically closer to our cases.

T. A. Chikisheva, A. V. Zubova et al. investigated trepanation on the anthropological materials of the early nomads from the burial grounds of Gorny Altai 4th—3rd centuries BC. According to the scientists, operations on the heads were performed for surgical purposes, and the method for carrying out trepanation was scraping (Чикешева и др. 2014, с. 130—141).

Thus, the findings of trepanized skulls from adjacent territories suggest that the emergence of skills for therapeutic trepanation in the Sarmatians of the Volga region could be a consequence of the transfer of eastern traditions. At the same time, one cannot deny that the manipulations might have been performed under the influence of ancient medicine achievements. However, in this case, the first option is more likely, since it more corresponds to the archaeological context of the origin of the Sarmatian antiquities in the territory of the South of Russia.

Now let us study the trepanation found on materials from the burial grounds of Glazunovsky, Peregruzhnoe I and Verbovskiy, which can be combined according to the technique of the operation performed which was drilling.

Drilling is one of the most common ways of carrying out trepanation in different peoples across the globe (Drennan 1937; Wilkinson 1975; Гохман 1989; Rawlings, Rossitch, 1994; Brothwell 1994; Campillo et al. 1999; Crubezya et al. 2001; Sankhyan, Weber 2001; Nystrom 2006; Бужилова, Добровольская, Медникова 2006; Acikkol et al. 2009; Likovsky, et al. 2010; Erdal, Erdal 2011; Pitsios, Zafiri 2012; Kurin 2013; Chorney et al. 2014; Бейсенов, Китов 2014; Tiago et al. 2015-2016).

Geographically and chronologically the closest materials are the finds of drilling trepanation of the skull found in Kazakhstan, Mongolia and Transcaucasia.

Thus, P. Boev and O. Ismagulov described a trephined skull from the burial mound in the Karabye area of the Kounrad region of the Karaganda region of the Kazakh SSR. The skull box belonged to a man of 35—40 years. The burial was attributed to the 5—3 centuries BC. The scientists found 6 holes located obliquely from the upper medial to the lower medial side on the skull on the back of the left temporal bone and on the upper left side of the occipital. The diameter of the holes range from 7 to 7.5 (Боев, Исмагулов 1962, с. 131, 132). The possible cause of trepanation of the skull was a therapeutic operation probably because of the endocrine disease of the man, meanwhile the researchers admit the possibility of the patient's death during the operation or even post-mortem trepanation (Боев, Исмагулов 1962, с. 131, 132). M. B. Mednikova find the last option more likely to be the reason (Медникова, 1997, с. 139).

The group of researchers A. Z. Beisenov, A. O. Ismagulov, E. P. Kitov and A. O. Kitova, studying the population of Central Kazakhstan, referring to the Tasmolin culture (8th—5th centuries BC), described trepanation in 11 sculls. Ten of these 11 had through round holes made by drilling perforations. The operations were performed on nine male and one child's skull. In all cases, the defects are localized on the occipital bone or back of the parietal bones. The number of perforations on the skulls varies from 1 to 15. In addition to trepanation on some skulls, traces of scalping as well as special incisions crosswise were observed in the area of operations (Бейсенов и др. 2015, с. 112—126). According to researchers, the cause of posthumous trepanation is most likely the need to preserve the body for longer period of time before the burial ceremony (Бейсенов и др. 2015, с. 133). This conclusion was made by the scientists on the basis of the analysis of ethnographic data of the peoples of Kazakhstan and the spread of the mummification rite among the ancient peoples who inhabited this territory.

B. Naran and D. Tumen give a description of the skull 47-4 (AT-129) from the Chandman (Ulang) burial ground of the 7th—3rd centuries BC from the territory of Mongolia. Seven trepanation holes were found on the cerebral capsule. Several of them were drilled. Traces of healing were not revealed. Therefore, the researchers came to the conclusion that the patient died during the trepanation or the operation was performed after his death (Наран, Тумен 1997, с. 126, 127). B. Naran and D. Tumen do not indicate the cause of trepanation in the man. Scientists only suggest that all 8 holes were made in stages, perhaps before death or posthumously (Наран, Тумен 1997, с. 127).

A. Khudaverdian described trepanation performed by drilling on the skull of a young woman from the pit of the 1st burial ground of Karamir (9th—8th centuries BC) from the territory of Armenia. A through hole measuring 14 × 12.5 mm was revealed in the sagittal seam. The edges of the lesion testify to the premarital or postmortem character of trepanation (Худавердян 2015, с. 122).

An overview of the trepanation findings carried out by a drill from adjacent territories indicates the eastern roots of this custom. The cult traditions of manipulating the human skull, along with the presence of eastern innovations in the material culture of the Sarmatians of this time, probably originated in the vast territory from Central to Middle Asia.

Considering the reasons for the skull holes appearance in the Middle Sarmatian women from the burial grounds of Verbovsky I and Peregruzhnoe, as well as in the man from the late Sarmatian burial of the Glazunovsky burial ground, one should start from interpretations and explanations of the cases of trepanation that were revealed on the anthropological materials of the early Iron Age.

So, referring to the work of Hungarian scientists D. A. Kirichenko reviewed the findings of trepanized skulls of the Sarmatian time from the territory of Hungary. He found three surgical operations that were performed in vivo and had a favorable outcome on Hungarian materials. And there was another case of a postmortem operation on the skull found in the burial 52 of the Csengele cemetery which was of a ritual symbolic nature. The operations on all skulls from Hungary were performed by scraping and cutting (Кириченко 2007, с. 63-66).

S. I. Rudenko found mummified corpses with trepanation of the skull in the Pazyryk Barrow II dating back to the Scythian era (5th century BC). Similar findings were made by S. I. Rudenko in the Shibinsky mound of the 2nd—1st centuries BC. (Руденко 1953, с. 342—360). S. I. Rudenko explains the causes of skulls trepanation from this burial mound by the funeral rite traditions of Pazyryk (Руденко 1949, с. 97—109).

Later S. I. Rudenko expressed another idea on the causes of skull trepanation from the Pazyryk barrows. He links this manipulation to the extraction of the brain, which was necessary for the mummification of the corpse (Руденко 1953, с. 104-145).

S. V. Kiselev described the features of the archaeological antiquities of the Tashtyk era on the Yenisei and recorded cases of post-mortem trepanation of the skull in the occipital area. The scientist like I. S. Rudenko suggested that the operations were carried out to extract the brain and prepare the corpses for mummification. S. V. Kiselev thought that trepanation and mummification in the era of Tashtyk burials (2nd century BC — 5th century AD) was a fairly common custom in the peoples of the East (Киселев 1951, с. 403).

Cases of posthumous trepanation found on the materials of Tashtyk culture, were also studied by I. I. Gohman. In some repositories, according to the researcher, the frequency of trephined skulls reaches 80—90 %. Trepanation is localized in the occipital part. The types of trepanation in each cemetery vary which indicates the spread of specific traditions (Гохман 1989, с. 5—10).

L. V. Kyzlasov explained the posthumous trepanation on the skulls of the Tashtyk culture

by the fact that the corpse before the burial apparently was turned into a skeleton «*for what was the posthumous trepanation of the skull…*» (Кызласов 1960). This point of view was reasonably criticized by A. N. Lipsky, who studied in detail the ethnography of funeral rites of northwestern Mongols, Altaians, Khakas, Tungus, Gold-Nanai and other Siberian nationalities. No traces of this kind of customs in the above-mentioned peoples were found. The researcher suggests that trepanation should be associated with a religious or therapeutic purpose which was intended to «release», «expel» the spirit that caused pain in the skull (Липский 1966, с. 107).

M. B. Mednikova investigated series of the Late Tengar period from the burials Samokhval, Tagarsky Island and Kazyl-Kul. The researcher described post-mortem trepanations differing greatly in form performed in numerous anthropological materials using various methods. The reason for the implementation of these manipulations with the skull box by representatives of the Tagar culture is associated with ritual actions (Медникова 1997, с. 138).

A. D. Grach revealed trepanation on the anthropological materials of the Saglyn culture from the burial grounds of Sagly-Bazhi II and Mazhalyk-Khovuzu I, II, from the territory of the Republic of Tuva. Trepanation holes were made in the frontal, occipital, parietal bones of skulls. The researcher suggested that perforations were made to extract the brain. The author indicates that such operations were usually used in the embalming of corpses, which was widespread in various areas of the ancient world: in Assyria, Media, in the Persians and the Egyptians. In addition, the author points out that the embalming of corpses of deceased noblemen was in the custom of various tribes of the «Scythian» world (Грач 1980).

We should also pay attention to the work of E. Murphy, who investigated the anthropological materials of the Aymyrlig cemetery from the Ulus-Khem area of Tuva. She studied the skull of a woman with a hole in the left part of the frontal bone which was performed for therapeutic purposes and perforation on the skull of a teenager performed posthumously as part of a ritual or for trophic purposes (Murphy 2003, p. 211—220).

An analogical case of perforations on the lower jaw found in an individual from the Glazunovsky burial ground is described in the work of E. P. Kitov who studied skulls from the Berel burial ground dating back to the Pazyryk culture of the 4th—3rd centuries BC. The researcher found through holes drilled posthumously on both branches of the lower jaw of a 45—55-year-old man from the mound 16. E. P. Kitov suggested that perforations on the lower jaw were probably made to fix the jaw in its natural state after the removal of the muscles, and the arrangement of the holes indicates its fixation to the cheekbone arch (Бейсенов, Китов 2014, с. 34—40).

So most of the researchers (I. S. Rudenko, A. D. Grach, S. V. Kiselev, L. V. Kyzlasov, etc.), referring to the wide dissemination among the peoples of Central Asia of the ritual of mummification of corpses and the presence of traces of trepanation on their skulls, as well as the ethnographic parallels of the Kazakh people, put forward the hypothesis that trepanation is a preliminary or preparatory procedure for the mummification of the corpse or its embalming. In this way, the ancient operators released the skull of the deceased person from biomass, which undergoes rapid decomposition, making the cerebral capsule hollow or filling it with a preservative, for better preservation of external soft tissues. This point of view is likely to have a right to exist, especially with regard to the cultures of Central and Middle Asia. In cases with anthropological materials from the territory of the Lower Volga region, such a explanation of skull trepanation is unlikely since the tradition of mummification and embalming with respect to peoples from this territory is not confirmed in written sources and by archaeological works.

At the same time, an overview of the findings of posthumous trepanation, as well as an interpretation of their purpose, makes it possible to suggest that trepanation on sarmatian skull from the burial ground Verbovsky I, Peregruznoe I and Glazunovski is of a ritual character, and the appearance of postmortem drill trepanation in the Sarmatians of the middle and late stages is most likely proof of the common cultural and religious development of the Sarmatian world and cultures of Central and Middle Asia, which on the whole is confirmed by archaeological material.

At the same time, an overview of the drilling trepanation case, as well as interpretation of their purposes make it possible to suggest that trepanation on the skulls in the Sarmatians from the burial grounds of Verbovsky I, Perevruznoye and Glazynovsky could have a ritual character. The appearance of drilling trepanation in the Sarmatians of the middle and late stages is most likely a proof of the common cultural and religious development of the Sarmatian world and cultures of Central and Middle Asia in the first centuries of our era, which has mostly been confirmed by archaeological material.

So back in 1992, A. S. Skripkin proposed a hypothesis on the significant influence of the cultural traditions of the population of Central and Middle Asia on the Sarmatian world of the Volga-Don region which can be explained by a series of migrations from these eastern regions in the last centuries BC and the first centuries AD.

As a result of an important nomadic unification was led by the Hun who practiced aggressive policies towards the neighbors. This event led to cultural transformations in such territories as Southern Siberia, Kazakhstan and Central Asia. Old Scythian traditions are replaced by new stereotypes. Subsequently, strengthening of new innovative processes was observed on the territory

of the Lower Volga region in the 1st century AD. Since that time, Chinese and «Bactrian» type mirrors have spread in the Sarmatian burials; small cast bronze cauldrons with plums and handles in the form of animal figures, for a number of details of the nearby Saka cult dishes; bracelets with conical thickenings at the ends, having a wide range of analogies in Central Asian antiquities; some types of weapons (ceremonial daggers in a sheath with lobes for fastening, bows with bony pads, arrowheads and swords with a ring-shaped top; Скрипкин 1992, с. 19, 20). Since that time, Tamgas are widely spread in the Volga region, the Don and the Northern Black Sea coast, identical to Central Asian and Mongolian antiquities.

All these changes in cultural traditions are associated with the appearance of the Alans in the Lower Volga and in the Black Sea steppes. According to A. S. Skripkin, the foundation of the Alanian ethnos is formed in Central Asia on the basis of the nomadic peoples of the eastern Scythians and others (Скрипкин 1992, с. 39, 40).

A similar theory was developed by S. A. Yatsenko who pointed out that the formation of social and cultural stereotypes of the population of the Lower Volga, the Lower Don and the Northern Black Sea regions was influenced by the genetic connections of the ancestors of the Alans with the South-Kazakhstan «nomadic empire» of the Kangyu / Kangha era of its heyday (Яценко 2006, с. 123—125).

In this regard, the burial with trepanation from the Glazunovsky burial ground, which was performed in the so-called T-shaped catacomb is worth considering. According to V. Yu. Malashev (2009) and M. V. Krivosheev (2017), the use of this kind of grave constructions might have been associated with the traditions that are typical for the Alanian and Early Alan culture of the Central Caucasus (Малашев 2009, с. 49; Кривошеев 2017, с. 17—27).

In this regard, the answer to the question of origins and parallels of trepanation in the Sarmatians of the middle and late stages is obvious. Probably, along with funeral traditions and innovations in material culture which are observed in archaeological complexes of the 1st—2nd centuries AD and 2nd—4th centuries AD, migrants from the east brought customs associated with manipulation of the head, for example, trepanation and skull deliberate artificial deformation occurs in 70 % of cases in the late Sarmatians.

Let us dwell on several circumstances related to the archaeological context of burial from the ground Verbovsky and Peregruznoye, on what kind of information they can provide to understand the reason for the appearance of holes on the skulls.

1. Burial 1 from the mound 26 of the burial ground Verbovsky I has a high degree of similarity with burial 3 from the mound 45 of the burial ground Peregruznoye I. Firstly, in the chronological perspective, both graves were made in the 1st—2nd centuries AD Secondly, a set of funeral inventory objects is similar in many respects. So in both burials there were fragments of large ceramic vessels made on a potter's wheel, fragments of stucco, various small syringes such as censers and balsamaria, bronze mirrors, iron implements (shiltsa, needles), bone spoons, a large and diverse set of beads and amulets, practically identical sets of gold plaques (Kurgan… 2014, p. 66, 67). Thirdly, the same construction of the grave is observed, the pit is rectangular.

2. According to the authors of the excavations of Verbovsky I and the Peregruznoye I, the women buried there probably belonged to the wealthy strata of the Sarmatian population, since the accompanying inventory of these graves is very expressive. In this regard, it is interesting that censers, bone spoons, a set of individual objects (shells, pendants from fragments of ceramics, chalk and bronze) were found in the burials which could well be amulets, amulets, allow us to talk about the possible fulfillment by the woman of priestly duties (Яценко 2007, с. 4). In this regard, it will be appropriate to recall the assumption that was made by I. S. Rudenko that the trepanation of the skull in the Pazyryk barrows was practiced exclusively with regard to influential persons, since no trepanations were found on skulls from the mediocre burials (Руденко 1949, с. 97—109). A. Z. Beisenov and E. P. Whales also indicate high social status of individuals with postmortem drilling trepanation of the skull, calling the burials of these people the elite of the Tasmolinsk archaeological culture. This conclusion is drawn on the basis of the large size and complexity of the constructions of the sepulchral structures, as well as the presence in the burials of the prestigious inventory of the Early Saka period (Бейсенов, Китов 2014, с. 31).

3. A ritual of rendering harmless or as it is also called a ritual looting of the grave was conducted in both burial places. The rituals were characterized by a partial (burial of Peregruznoye) or complete (burial of Verbovsky) destruction of the integrity of the deceased.

The latter circumstance deserves special attention. Rites of ritual robbery and neutralization of the deceased are quite widespread in ancient peoples of Eurasia. A rather extensive literature is devoted to the problem of interpretation of such ritual practices, among which the works of such scientists as S. A. Tokarev (1990), Yu. A. Smirnov (1997), V. S. Flerov (2000), O. V. Zaitseva (2005) should be recalled.

Descriptions of the ritual of rendering harmless and ritual plundering in Scythian-Sarmatian burials and their interpretation are available in the works of S. A. Abramova (1968), V. S. Flerov (2000), M. A. Grigorieva, S. G. Leonova (2015), N. A. Gavrilyuk, N. P. Timchenko (2016), S. A. Yatsenko (2016), E. V. Vdovichenkov, S. M. Ilyashenko (2016).

And if we take into account that in relation to individuals from the burial grounds of Perevruzhnoye I and Verbovsky I, manipulations were carried

out as a rite of rendering the deceased in the form of plundering the burial and violating the integrity of the skeleton, it can be assumed that it was within the framework of these ritual actions in the burials of the middle Sarmatian time that trepanation on the skulls of women could have been performed.

The symbolic meaning of trepanation of the skull in this case becomes part of the funeral rite or special ritual aimed at providing protection from a deceased person who could harm relatives or members of society.

Conclusions. 1. The origins of the trepanation tradition in the Sarmatians from the territory of the Lower Volga region should be traced from the ancient peoples who lived there in 8th—1st centuries BC in Central and Middle Asia. Most likely, ethnological and political processes that took place in this territory led to the emergence of new cultural traditions (including posthumous trepanation) in the first centuries of our era on the territory of the South Russian steppes.

2. The Sarmatian remains originating from the Lower Volga region often carry traces of trepanation made by drilling techniques, performed with a tool less than 6—8 mm in diameter. Analogies are found in the monuments of Western, Central and Eastern Kazakhstan of 5th—3rd centuries BC according to drilling type of trepanation performed.

3. There is no doubt about ritual and symbolic significance of the manipulations performed on the Sarmatian skulls from the burial grounds of Verbovsky, Perevruznoye and Glazunovsky. At the same time, an open question remains whether within the framework of what ritual or tradition these artificial manipulations with the human skull were carried out: a preparatory procedure for the mummification of the corpse or its embalming; preparation of the corpse for burial or long-term storage; the deliverance of the corpse, «liberation» or «expulsion» of the enshrouded spirit that caused pain; ritual looting and sabotage with the goal of «locking» the unwanted dead.

4. The Sarmatians of the Lower Volga region could have performed operations on the skull not only for ritual or symbolic purposes. The nomads of the south of Russia in the era of the early Iron Age knew and were able to do therapeutic trepanation, which as in the case of posthumous perforations, most likely originates from the territory of Siberia and Kazakhstan.

5. The problem of interpreting of perforations on the lower jaw of the man from the burial of Glazunovsky remains unresolved. Traces of healing, revealed in the field of operation, do not allow us to correlate this case with the perforations described by E. P. Kitov on the skull of the Pazyryk culture from the burial ground Berel from Easten Kazakhstan.

Note. This work was supported by grant No. 19-09-00471 of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) «Paleoanthropology of the ancient and medieval population of the Lower Volga River region (paleopathological aspect)».

BIBLIOGRAPHY

Acikkol, A., Gunay, i., Akpolat. E., Gulec, E. 2009. A middle bronze age case of trephination from central Anatolia, Turkey. *Bulletin International Association Paleodontology*, 3, 2, p. 28-39.

Brothwell, D.R. 1994. Ancient Trephining: Multi-focal evolution or Trans-World Diffusion? *Journal of Paleopathology*, 6, 3, p. 129-139.

Brothwell. D.R. 1972. *Digging up Bones*. London: Trustees of British Museum.

Campillo. D., Safont, S., Malagosa, A., Puchalt, F.-J. 1999. Four trepanned skull from 5th and 16th century in Spain. Surgery or ritual? *Cronos*, 2, 2, p. 261-283.

Chorney, M. A., Gandhi, Ch. D., M. D., Prestigiacomo, Ch. J. 2014. Berengario's drill: origin and inspiration. *Neurosurgery Focus*, 36, 4, p. 1-7.

Crubezy, E., Bruzek, J., Guilaine, J., Cunha, E., Rouge, D., Jelinek, J. 2001. The antiquity of cranial surgery in Europe and in the Mediterranean basin. *Earth and Planetary Sciences*, 332, p. 417-423.

Drennan, M. R. 1937. Some Evidence for a Trepanation Cult in the Bushman Race. *Medical Journal*, Maart 27, p. 3-6.

Erdal, Y. S., Erdal, O. D. 2011. A Review of Trepanations in Anatolia with New Cases. *International Journal of Osteoarchaeology*, 21, p. 505-534.

Kurin, D. S. 2013. Trepanation in South-Central Peru During the Early Late Intermediate Period (ca. AD 1000—1250). *American Journal of Physical Anthropology*, 152, p. 484-494.

Likovsky, Ja., Malykova, Dr., Brzobohata, H., Stranska, P. 2010. Causation and methods of skull trepanation in the past from the point of view of the latest findings from the Czech territory. *Anthropologie*, XLVIII, 1, p. 19-32.

Missios Symeon, M. D. 2007. Hippocrates, Galen, and the uses of trepanation in the classical world. *Neurosurg. Focus*, 23, p. 1-9.

Murphy, E. M. 2003. Trepanations and Perforated Crania from Iron Age South Siberia: An Exercise in Differential Diagnosis. In: Arnott, R., Finger, S., Smith, C. U. M. (eds.). *Trepanation: History, discovery, theory*. Lisse: Swets & Zeitlinger Publishers, p. 209-221.

Nemeskeri, J., Kralovansky, A., Harsanyi, L. 1965. Trephined skulls from the tenth century. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XVII, p. 343-367.

Nystrom, K. C. 2007. Trepanation in the Chachapoya region of Northern Peru. *International Journal of Osteoarchaeology*, 17, 1, p. 39-51.

Pitsios, Th., Zafiri, V. 2012. Cases of Trephination in Ancient Greek Skulls. *International Journal of Caring Sciences*, 5, 3, p. 239-245.

Rawlings, Ch. R., Rossitch, E. 1994. The History of Trephination in Africa with a Discussion of Its Current Status and Continuing Practice. *Surgical Neurology*, 41, p. 507-513.

Rubini, M. 2008. A Case of Cranial Trepanation in a Roman Necropolis (Cassino, Italy, 3rd Century BC). *International Journal of Osteoarchaeology*, 18, p. 95-99.

Sankhyan, A. R., Weber, G. H. J. 2001. Evidence of Surgery in Ancient India: Trepanation at Burzahom (Kashmir) over 4000 Years Ago. *International Journal of Osteoarchaeology*, 11, p. 375-380.

The Cambridge… 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin*. Cambridge: Cambridge University.

Tiago, T., Ana Maria, S., Collado, G. H., Oosterbeek, L. 2015—2016. Prehistoric trepanation in the Iberian Peninsula: a new case from the province of Badajoz (Extremadura, Spain). *Antropologia Portuguesa*, 32—33, p. 47-60.

Verano, J. W. 2003. Trepanation in Prehistoric Souht America: Geographic and Temporal Trends over 2,000 Years. In: *Trepanation. History, Discovery, Theory*. Lisse; Abingdon; Exton; Tokio: Swets & Zeitlinger, p. 223-236.

Wikinson, R. G. 1975. Trephination by drilling in ancient Mexico. *Bulletin of the New York Academy of Medicine*, 51, 7, p. 838-850.

Wilson Parry, T., Cantab, M. D. 1968. Trephination of the living human skull in prehistoric times. *The British Medical Journal*, 1923, p. 457-461.

Абрамова, С. А. 1968. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии. *Советская археология*, 3, с. 114-130.

Анучин, Д. Н. 1895. Амулет из человеческого черепа и трепанация черепов в древности, в России. *Труды XIV археологического съезда*, 1, 4, с. 18.

Балабанова, М. А., Перерва, Е. В. Клепиков, В. М., Кривошеев, М. В., Демкин, В.А., Ельцов, М. В., Скрипкин, А. С., Удальцов, С. Н., Яворская, Л. В., Дьяченко, А. Н. 2014. *Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований.* Волгоград. ФГБОУ ВПО РАНХиГС.

Бейсенов, А. З., Исмагулова, А. О., Китов, Е. П., Китова, А. О. 2015. *Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н. э.* Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

Бейсенов, А. З., Китов, Е. П. 2014. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана. *Известия АлтГУ*, 4-2, 84, с. 31-41.

Боев, П., Исмагулов, О. 1962. Трепанированный череп из Казахской ССР. *Советская этнография*, 2, с. 131-132.

Бужилова, А. П., Добровольская, М. В., Медникова, М. Б. 2006. К проблеме реконструкции социальных взаимоотношений населения Барабинской степи (анализ травм и повреждений по антропологическим материалам серии Сопка 2). *Археология, этнография и антропология Евразии*, с. 148-156.

Вдовченков, Е. В., Ильяшенко, С. М. 2016. Древние ограбления некрополя Танаиса (к постановке проблемы). *Труды ИИМК РАН*, 46: Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления, с. 157-168.

Гаврилюк, Н. А., Тимченко, Н. П. 2016. Феномен ограбления степных скифских погребений в «макроэкономике» Северного Причерноморья. *Труды ИИМК РАН*, 46: Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления, с. 129-133.

Гиппократ, 1936. *Избранные книги.* Москва: Гос. изд-во биол. и мед. лит.

Гохман, И. И. 1980. Палеоантропология и доисторическая медицина. В: Алексеева, Т. И. (ред.). *Антропология медицине.* Москва: МГУ, с. 5-16.

Грач, А. Д. 1980. *Древние кочевники в центре Азии.* Москва: Наука.

Григорьева, М. А., Леонова, С. Г. 2015. «Страх и трепет»: обряд обезвреживания в погребальной практике ираноязычных кочевников Северного Кавказа. *Кант.* 3, 16, с. 16-21.

Гуренко, Л. В. 1997. *Отчет о проведении археологических исследований в Кумылженском районе Волгоградской области (у станицы Глазуновской) в 1996 г.*

Зайцева, О. В. 2005. *Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации*: Дисертация к. и. н. Томск.

Кириченко, Д. А. 2007. О трепанации черепа в древности. *Azərbaycan arxeologiyasə vətnoqrafiyasə*, 1, с. 63-67.

Киселев, С. В. 1951. *Древняя история Южной Сибири.* Москва: Наука.

Кривошеев, М. В. 2017. Восточные традиции и инновации в сарматских памятниках второй половины II—IV в. н. э. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 22, 4, с. 17-27.

Кызласов, Л. Р. 1960. *Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.).* Москва: МГУ.

Липский, А. Н. 1966. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов. *Советская этнография*, 1, с. 105-118.

Лисицын, Ю. П. 2004. *История медицины. Учебник.* Москва: Гэотар.

Малашев, В. Ю. 2009. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница. *Российская археология*, 1, с. 47-51.

Мамонтов, В. И., Обраменко, И. Е., Перерва, Е. В. 2018. Трепанация черепа из захоронения среднесарматского времени с территории Волгоградской области. *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология*, 1, с. 86-100.

Медникова, М. Б. 1997. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии. *Российская археология*, 4, с. 130-188.

Медникова, М. Б. 2001. *Трепанации у древних народов Евразии.* Москва: Научный мир.

Медникова, М. Б. 2004. *Трепанации в древнем мире и культ головы.* Москва: Алетейа.

Наран, Б., Тумен, Д. 1997. Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника. *Российская археология*, 4, с. 122-130.

Нечитайло, А. Л. 2004. Энеолитические погребения с перфорированными черепами в степях Евразии. В: *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов.* Волгоград, с. 61-63.

Перерва, Е. В. 2012. Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Перегрузное I). *Вестник Московского университета. Серия XXIII*, 2, с. 123-133.

Пиголкин, Ю. И., Баринов, Е. Х., Богомолов, Д. В., Богомолова, И. Н. 2002. *Судебная медицина.* Москва: Гэотар-мед.

Рохлин, Д. Г. 1960. *Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения).* Москва; Ленинград: Наука.

Руденко, С. И. 1949. Культура Алтая времени сооружения пазырыкских курганов. *Краткие сообщения ИИМК*, XXVI, с. 97-109.

Руденко, С. И. 1953. *Культура населения Горного Алтая в скифское время.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Руденко, С. И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Сидоров, В. В. 1997. Акт судебно-медицинского исследования № 8. В: Гуренко, Л. В. *Отчет о проведении археологических исследований в Кумылженском районе Волгоградской области (у станицы Глазуновской) в 1996 г.* Архив № 8.

Скрипкин, А. С. 1992. *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.* Москва.

Скрипкин, А. С. (ред.). 2009. *Археологическая энциклопедия Волгоградской области.* Волгоград: ВолГУ.

Смирнов, Ю. А. 1997. *Лабиринт: мифология преднамеренного погребения.* Москва: Восточная литература.

Смольянинов, В. М. 1959. *Судебная медицина: учебник для студентов мед. ин-тов.* Москва: Медгиз.

Токарев, С. А. 1990. *Ранние формы религии.* Москва: Политиздат.

Фиалков, Л. 2010. *История медицины.* Хайфа: JKDesign.

Флеров, В. С. 2000. *Аланы Центрального Предкавказья V—VIII веков: обряд обезвреживания погребенных.* Труды Клин-Ярской экспедиции, I. Москва: Полимедиа.

Хохлов, А. А. 2012. Ритуальные травмы на черепах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья. *Этнографическое обозрение*, 2, с. 118-125.

Худавердян, А. Ю. 2015. Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 2, 29, с. 115-127.

Чикишева, Т. А., Зубова, А. В., Кривошапкин, А. Л., Курбатов, В. П., Волков, П. В., Титов, А. Т. 2014. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевни-

ков Горного Алтая. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 1, 57, с. 130-141.

Яценко, С. А. *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы).* Москва: Восточная литература.

Яценко, С. А. 2007. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. — II вв. н. э.). *Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*, 1, с. 1-8.

Яценко, С. А. 2016. Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I—II вв. н. э. *Труды ИИМК РАН*, 46: Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления, с. 147-156.

REFERENCES

Acikkol, A., Gunay, i., Akpolat. E., Gulec, E. 2009. A middle bronze age case of trephination from central Anatolia, Turkey. *Bulletin International Association Paleodontology*, 3, 2, p. 28-39.

Brothwell, D.R. 1994. Ancient Trephining: Multi-focal evolution or Trans-World Diffusion? *Journal of Paleopathology*, 6, 3, p. 129-139.

Brothwell. D.R. 1972. *Digging up Bones*. London: Trustees of British Museum.

Campillo. D., Safont, S., Malagosa, A., Puchalt, F.-J. 1999. Four trepanned skull from 5th and 16th century in Spain. Surgery or ritual? *Cronos*, 2, 2, p. 261-283.

Chorney, M. A., Gandhi, Ch. D., M. D., Prestigiacomo, Ch. J. 2014. Berengario's drill: origin and inspiration. *Neurosurgery Focus*, 36, 4, p. 1-7.

Crubezy, E., Bruzek, J., Guilaine, J., Cunha, E., Rouge, D., Jelinek, J. 2001. The antiquity of cranial surgery in Europe and in the Mediterranean basin. *Earth and Planetary Sciences*, 332, p. 417-423.

Drennan, M. R. 1937. Some Evidence for a Trepanation Cult in the Bushman Race. *Medical Journal*, Maart 27, p. 3-6.

Erdal, Y. S., Erdal, O. D. 2011. A Review of Trepanations in Anatolia with New Cases. *International Journal of Osteoarchaeology*, 21, p. 505-534.

Kurin, D. S. 2013. Trepanation in South-Central Peru During the Early Late Intermediate Period (ca. AD 1000—1250). *American Journal of Physical Anthropology*, 152, p. 484-494.

Likovsky, Ja., Malykova, Dr., Brzobohata, H., Stranska, P. 2010. Causation and methods of skull trepanation in the past from the point of view of the latest findings from the Czech territory. *Anthropologie*, XLVIII, 1, p. 19-32.

Missios Symeon, M. D. 2007. Hippocrates, Galen, and the uses of trepanation in the classical world. *Neurosurg. Focus*, 23, p. 1-9.

Murphy, E. M. 2003. Trepanations and Perforated Crania from Iron Age South Siberia: An Exercise in Differential Diagnosis. In: Arnott, R., Finger, S., Smith, C. U. M. (eds.). *Trepanation: History, discovery, theory*. Lisse: Swets & Zeitlinger Publishers, p. 209-221.

Nemeskeri, J., Kralovansky, A., Harsanyi, L. 1965. Trephined skulls from the tenth century. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XVII, p. 343-367.

Nystrom, K. C. 2007. Trepanation in the Chachapoya region of Northern Peru. *International Journal of Osteoarchaeology*, 17, 1, p. 39-51.

Pitsios, Th., Zafiri, V. 2012. Cases of Trephination in Ancient Greek Skulls. *International Journal of Caring Sciences*, 5, 3, p. 239-245.

Rawlings, Ch. R., Rossitch, E. 1994. The History of Trephination in Africa with a Discussion of Its Current Status and Continuing Practice. *Surgical Neurology*, 41, p. 507-513.

Rubini, M. 2008. A Case of Cranial Trepanation in a Roman Necropolis (Cassino, Italy, 3rd Century BC). *International Journal of Osteoarchaeology*, 18, p. 95-99.

Sankhyan, A. R., Weber, G. H. J. 2001. Evidence of Surgery in Ancient India: Trepanation at Burzahom (Kashmir) over 4000 Years Ago. *International Journal of Osteoarchaeology*, 11, p. 375-380.

The Cambridge… 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology by Arthur C. Aufderheide & Conrado Rodriguez-Martin*. Cambridge: Cambridge University.

Tiago, T., Ana Maria, S., Collado, G. H., Oosterbeek, L. 2015—2016. Prehistoric trepanation in the Iberian Peninsula: a new case from the province of Badajoz (Extremadura, Spain). *Antropologia Portuguesa*, 32—33, p. 47-60.

Verano, J. W. 2003. Trepanation in Prehistoric Souht America: Geographic and Temporal Trends over 2,000 Years. In: *Trepanation. History, Discovery, Theory*. Lisse; Abingdon; Exton; Tokio: Swets & Zeitlinger, p. 223-236.

Wikinson, R. G. 1975. Trephination by drilling in ancient Mexico. *Bulletin of the New York Academy of Medicine*, 51, 7, p. 838-850.

Wilson Parry, T., Cantab, M. D. 1968. Trephination of the living human skull in prehistoric times. *The British Medical Journal*, 1923, p. 457-461.

Abramova, S. A. 1968. Novye pogrebeniya sarmatskogo vremeni iz Kabardino-Balkarii. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 114-130.

Anuchin, D. N. 1895. Amulet iz chelovecheskogo cherepa i trepanacziya cherepov v drevnosti, v Rossii. *Trudy XIV arkheologicheskogo sieezda*, 1, 4, s. 18.

Balabanova, M. A., Pererva, E. V. Klepikov, V. M., Krivosheev, M. V., Demkin, V. A., Eltsov, M. V., Skripkin, A. S., Udaltsov, S. N., Iavorskaia, L. V., Diachenko, A. N. 2014. *Kurganny mogilnik Peregruznoe I: rezultaty mezhdisciplinarnykh issledovanij*. Volgograd: FGBOU VPO RANXiGS.

Bejsenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naselenie Tsentralnogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n. e.* Almaty: Institut arxeologii im. A. Hk. Margulana.

Bejsenov, A. Z., Kitov, E. P. 2014. Posmertnaya trepanatsiya cherepov v elitnykh zakhoroneniyakhx sakskoj epokhi Tsentralnogo Kazaxstana. *Izvestiya AltGU*, 4-2, 84, s. 31-41.

Boev, P., Ismagulov, O. 1962. Trepanirovanny cherep iz Kazakhskoj SSR. *Sovetskaya etnografiya*, 2, s. 131-132.

Buzhilova, A. P., Dobrovol'skaya, M. V., Mednikova, M. B. 2006. K probleme rekonstruktsii sotsialnykh vzaimootnoshenij naseleniya Barabinskoj stepi (analiz travm i povrezhdenij po antropologicheskim materialam serii Sopka 2). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, s. 148-156.

Vdovchenkov, E. V., Ilyashenko, S. M. 2016. Drevnie ogrableniya nekropolya Tanaisa (k postanovke problemy). *Trudy IIMK RAN*, 46; Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zaxoroneniya i ogrableniya, s. 157-168.

Gavrilyuk, N. A., Timchenko, N. P. 2016. Fenomen ogrableniya stepnykh skifskikh pogrebenij v «makroekonomike» Severnogo Prichernomoria. *Trudy IIMK RAN*, 46; Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zaxoroneniya i ogrableniya, s. 129-133.

Gippokrat, 1936. *Izbrannye knigi*. Moskva: Gos. izd-vo biol. i med. lit.

Gokhman, I. I. 1980. Paleoantropologiya i doistoricheskaya meditsina. In: Alekseeva, T. I. (ed.). *Antropologiya meditsine*. Moskva: MGU, s. 5-16.

Grach, A. D. 1980. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii*. Moskva: Nauka.

Grigor'eva, M. A., Leonova, S. G. 2015. «Strah i trepet»: obryad obezvrezhivaniya v pogrebalnoj praktike iranoyazychnykh kochevnikov Severnogo Kavkaza. *Kant*, 3, 16, s. 16-21.

Gurenko, L. V. 1997. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovanij v Kumylzhenskom rajone Volgogradskoj oblasti (u stanitsy Glazunovskoj) v 1996 g.*

Zajczeva, O. V. 2005. *Pogrebeniya s narushennoj anatomicheskoj tselostnostiju kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii*: Dissertaciia k. i. n. Tomsk.

Kirichenko, D. A. 2007. O trepanatsii cherepa v drevnosti. *Azərbaycan arxeologiyasə vətnografiyasə*, 1, s. 63-67.

Kiselev, S. V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri*. Moskva: Nauka.

Krivosheev, M. V. 2017. Vostochnye traditsii i innovatsii v sarmatskikh pamyatnikakh vtoroj poloviny II—IV v. n. e. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 22, 4, s. 17-27.

Kyzlasov, L. R. 1960. *Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoj kotloviny (I v. do n. e. — V v. n. e.).* Moskva: MGU.

Lipskij, A. N. 1966. K voprosu ob ispolzovanii etnografii dlya interpretatsii arkheologicheskikh materialov. *Sovetskaya etnografiya*, 1, s. 105-118.

Lisiczyn, Yu. P. 2004. *Istoriya medicziny uchebnik*. Moskva: Geotar.

Malashev, V. Yu. 2009. Pozdnesarmatskaya kultura: verkhnyaya khronologicheskaya granicza. *Rossijskaya arkheologiya*, 1, s. 47-51.

Mamontov, V. I., Obramenko, I. E., Pererva, E. V. 2018. Trepanatsiya cherepa iz zakhoroneniya srednesarmatskogo vremeni s territorii Volgogradskoj oblasti. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya*, 1, s. 86-100.

Mednikova, M. B. 1997. K voprosu o rasprostranenii posmertnoj trepanatsii cherepov v Tsentralnoj Azii. *Rossijskaya arkheologiya*, 4, s. 130-188.

Mednikova, M. B. 2001. *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii*. Moskva: Nauchnyj mir.

Mednikova, M. B. 2004. *Trepanatsii v drevnem mire i kult golovy*. Moskva: Aleteja.

Naran, B., Tumen, D. 1997. Travmaticheskie povrezhdeniya na cherepakh Chandmanskogo mogilnika. *Rossijskaya arkheologiya*, 4, s. 122-130.

Nechitajlo, A. L. 2004. Eneoliticheskie pogrebeniya s perforirovannymi cherepami v stepyakh Evrazii. In: *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzhija. I Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov*. Volgograd, s. 61-63.

Pererva, E. V. 2012. Sluchaj trepanatsii u sarmatov (po antropologicheskim materialam iz mogilnika Peregruznoe I). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII*, 2, s. 123-133.

Pigolkin, Yu. I., Barinov, E. Kh., Bogomolov, D. V., Bogomolova, I. N. 2002. *Sudebnaya meditsina*. Moskva: Geotar-med.

Rokhlin, D. G. 1960. *Bolezni drevnikh lyudej (kosti lyudej razlichnykh epokh normalnye i patologicheskie izmeneniya)*. Moskva; Leningrad: Nauka.

Rudenko, S. I. 1949. Kultura Altaya vremeni sooruzheniya pazyrykskikh kurganov. *Kratkie soobshchenija IIMK*, XXVI, s. 97-109.

Rudenko, S. I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya*. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Rudenko, S. I. 1960. *Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya*. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Sidorov, V. V. 1997. Akt sudebno-mediczinskogo issledovaniya N 8. In: Gurenko, L. V. *Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovanij v Kumylzhenskom rajone Volgogradskoj oblasti (u staniczy Glazunovskoj) v 1996 g*. Arkhiv N 8.

Skripkin, A. S. 1992. *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii, periodizatsii i etnopoliticheskoj istorii. Nauchny doklad, predstavlenny v kachestve dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora istoricheskikh nauk*. Moskva.

Skripkin, A. S. (ed.). 2009. *Arkheologicheskaya enczyklopediya Volgogradskoj oblasti*. 2009. Volgograd: VolGU.

Smirnov, Yu. A. 1997. *Labirint: mifologiya prednamerennogo pogrebeniya*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Smolyaninov, V. M. 1959. *Sudebnaya meditsina: uchebnik dlya studentov med. in-tov*. Moskva: Medgiz.

Tokarev, S. A. 1990. *Rannie formy religii*. Moskva: Politizdat.

Fialkov, L. 2010. *Istoriya meditsiny*. Khajfa: JKDesign.

Flyorov, V. S. 2000. *Alany Tsentralnogo Predkavkaziya V—VIII vekov: obryad obezvrezhivaniya pogrebionnykh*. Trudy Klin-Yarskoj ekspeditsii, I. Moskva: Polimedia.

Khokhlov, A. A. 2012. Ritualnye travmy na cherepakh u nositelej khvalynskoj eneoliticheskoj kultury Povolzhiya. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, s. 118-125.

Khudaverdyan, A. Yu. 2015. Trepanirovannye cherepa iz pogrebenij epokhi pozdnej bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Armenii. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2 (29), s. 115-127.

Chikisheva, T. A., Zubova, A. V., Krivoshapkin, A. L., Kurbatov, V. P., Volkov, P. V., Titov, A. T. 2014. Kompleksnoe issledovanie trepanatsij u rannikh kochevnikov Gornogo Altaya. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 1, 57, s. 130-141.

Yaczenko, S. A. *Kostyum drevnej Evrazii (iranoyazychnye narody)*. Moskva: Vostochnaya literatura.

Yaczenko, S. A. 2007. O zhenshhinakh-«zhriczax» u rannikh kochevnikov (na primere znatnykh sarmatok I v. do n. e. — II vv. n. e.). *Mirovozzrenie narodov Yuzhnoj Sibiri i Tsentralnoj Azii v istoricheskoj retrospective*, 1, s. 1-8.

Yaczenko, S. A. 2016. Kharakter drevnikh ograblenij kurganov dvukh grupp sarmatskoj elity' I — II vv. n. e. *Trudy IIMK RAN*, 46: Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebalnye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya, s. 147-156.

E. V. Pererva

TREPANATION IN THE SARMATIANS OF THE LOWER VOLGA REGION (Revisiting its Causes and Origins)

Skull trepanation of the is one of the most frequently performed operations on human skull by modern and ancient surgeons. Trepanation is often associated in the scientific literature with such widespread manipulations in ancient peoples' bodies as deliberate head or extremities deformation, scalping, artificial scarification, decapitation and truncation of limbs, etc. Nowadays, it is known that trepanation is therapeutic or ritual manipulation done in vivo or posthumous. Also skull trepanation is performed by various techniques. The definition of all these criteria allows anthropologists to evaluate the nature of the development of medical knowledge of ancient societies, to determine the degree of technical sophistication of ancient doctors, to understand the traditions and customs of peoples who lived on earth in the distant past.

The paper is an attempt to summarize and consider cases of craniotomy on craniological materials dating back to the Sarmatian era. Evaluation of the described fixed manipulations from the point of view of the technique of carrying out the operations and the reasons for their conduct is also given in the study. An attempt was made to find the sources of the spread of the tradition of skull trepanation in the nomadic peoples of the Early Iron Age who inhabited the Lower Volga region.

Keywords: Trepanation, sarmatians, ancient societies, skull, Early Iron Age, the Lower Volga region.

Є. В. Перерва

ТРЕПАНАЦІЯ У САРМАТІВ НИЖНЬОГО ПОВОЛЖЯ (до роздумів про пошук причин і витоків традиції)

Трепанація черепа — одна з найбільш частих операцій, що проводяться на черепній коробці людини сучасними і давніми хірургами. У науковій літературі антропологами приділяється велика увага трепанації, поряд з такими поширеними у давніх народів маніпуляціями з тілом людини, як навмисна деформація голови або кінцівок, скальпування, штучне шрамирування, декапітация і усічення кінцівок тощо. Сьогодні відомо, що трепанації бувають терапевтичними або ритуальними, прижиттєвими і посмертними. Також трепанації голови поділяються за технікою їх проведення. Визначення всіх цих критеріїв дозволяє антропологам оцінити характер розвитку медичних знань стародавніх суспільств, визначити ступінь технічного озброєння давніх медиків, зрозуміти традиції і звичаї народів, що жили на землі в далекому минулому.

Пропонована робота є спробою підсумувати і розглянути випадки трепанації черепа на краніологічних матеріалах сарматської доби. Дається оцінка описаних зафіксованих маніпуляцій з точки зору техніки здійснення операцій і причини їх проведення. Зроблено спробу пошуку витоків поширення традиції трепанації черепа у кочових народів епохи раннього залізного віку, які жили на території Нижнього Поволжя.

Ключові слова. Трепанація, сармати, давні суспільства, черепи, ранній залізний вік, Нижнє Поволжя.

Одержано 3.04.2020

ПЕРЕРВА Євгеній Володимирович, кандидат історичних наук, доцент, Волгоградський державний університет, пр-т Університетський, 100, Волгоград, 400062, Росія.
PERERVA Evgeny V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Volgograd State University, Prospect Universitetsky, 100, 400062, Volgograd, Russia.
ORCID: 0000-0001-8285-4461, e-mail: evgeniy.pererva@volsu.ru.

УДК [904.5:572.71]”638”

DOI: 10.37445/adiu.2020.03.35

Т. О. Рудич

ПІЗНІ СКІФИ: ФОРМУВАННЯ СКЛАДУ НАСЕЛЕННЯ ЗА МАТЕРІАЛАМИ АНТРОПОЛОГІЇ

В статті на матеріалах краніології розглядається питання про формування пізньоскіфських популяцій та їх місце в колі хронологічно близьких груп Східної Європи.

***Ключові слова**: пізні скіфи, скіфи, сармати, античні міста, антропологія, краніологія.*

Термін пізні скіфи давно використовується в археологічній літературі. Етнонім скіфи в назві пам’яток пов’язує їх з скіфським масивом населення, але назва є доволі умовною та дискусійною. Ми вживаємо її в даному тексті як технічну. Концентрацію пам’яток пізніх скіфів фіксують в трьох районах Північного Причорномор’я: в Криму, Нижньому Подніпров’ї та Добруджі (Черненко 1998). Історія усіх трьох регіонів складалася по різному, біологічна історія також могла відрізнятися. Кістковий матеріал з цих трьох локацій представлений нерівномірно, скласти уявлення про антропологічний склад населення ми можемо стосовно Кримської Скіфії та Нижнього Подніпров’я.

З історії антропологічних досліджень пізньоскіфських пам’яток. Перші масові надходження матеріалу з пізньоскіфських пам’яток до антропологічних колекцій припали на 1940—50-і рр. та репрезентували населення Криму. На землях Кримського півострова виділяють три райони, розповсюдження пізньоскіфських пам’яток: Центральний, Південно-Західний та Північно-Західний.

Центральний Крим. Під час розкопок, що проводилися Тавро-скіфською експедицією 1945—46 рр. (керівник П. Н. Шульц) на території Неаполя Скіфського, був отриманий антропологічний матеріал. Візитною карткою його стала скульптурна реконструкція черепа людини з багатого поховання II ст. до н. е. у гробниці з вапнякових плит в мавзолеї знаті. Реконструкція була здійснена М. М. Герасимовим та фігурує в літературі, як портрет скіфського царя Скілура. Але менш відомо, що вибірку черепів з розкопок 1945—46 рр., дослідив видатний антрополог Г. Ф. Дебец. Дослідник на матеріалах з мавзолею знаті II ст. до н. е. та декількох черепах з ґрунтового могильника у Петрівській балці (розкопки М. І. Веселовського) був схильний зближувати похованих там людей в середньому вияві не стільки з скіфськими групами, скільки з давніми греками. Г. Ф. Дебец провів аналіз індивідуальних даних черепів та прийшов до думки, що сумарна подібність групи до еллінів обумовлена присутністю серед місцевого населення людей грецького походження (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987, с. 28).

Тобто, від самого початку антропологічних досліджень пізньоскіфських пам’яток постала тема еллінської присутності у складі їх населення та ступені її вагомості.

Завдяки розкопкам 1953—63 рр. кількість антропологічних матеріалів з Неаполя Скіфського істотно поповнилася. Матеріал був опрацьований Т. С. Кондукторовою. До сумарної серії увійшли черепи з розкопок М. І. Веселовського 1889—91 рр. ґрунтового могильника у Петровській балці, черепи з кам’яного мавзолею знаті, з кам’яних склепів біля Петровської балки, але більшість складав матеріал з розкопок безкурганного Східного могильника, який саме і визначив середні характеристики серії.

В середньому вияві сумарна серія чоловічих черепів відзначалася мезокранією, середніми розмірами черепної коробки та обличчя, різким горизонтальним профілюванням обличчя та добре виступаючим носом.

© Т. О. РУДИЧ, 2020

Т. С. Кондукторова охарактеризувала групу як змішану, але при домінуванні морфологічного типу, що був представлений в скіфських групах більш раннього часу. Вона знаходила йому аналогії серед скіфів Подніпров'я, але скіфські колекції з території України тільки почали формуватися. Дослідниця вважала за можливе писати також про домішку сарматського, грецького та можливо таврського компонентів у складі населення Неаполя Скіфського. Т. С. Кондукторова першою порівняла вибірки черепів з різних за типом поховальних споруд (ґрунтових могил, склепів, мавзолею) та відзначила, що люди з склепів та мавзолею відрізняються більшим черепним покажчиком та грацильністю. Більший черепний покажчик вона була схильна пояснювати можливим сарматським впливом, хоча була дуже обережна з висновками (Кондукторова 1964).

Увесь відомий на початок XXI ст. краніологічний матеріал з Неаполя Скіфського до аналізу залучила київська дослідниця Т. О. Назарова, яка спеціалізується в галузі антропології античного населення Північного Причорномор'я (Назарова 2013). Прооблена авторкою робота дозволила уточнити антропологічну структуру населення міста. За результатами внутрішньогрупового аналізу, який робився з використанням методів багатовимірної статистики, серед матеріалу була виділена група черепів, морфологію яких можна пов'язати з вихідцями з грецького середовища, та яка становила практично половину населення (біля 50 %). В популяції були присутні також черепи, які Т. О. Назарова пов'язувала з скіфами, сарматами, а також метисні форми.

Північно-Західний Крим. Пізньоскіфська серія з могильника Беляус (II ст. до н. е. — I ст. н. е.), що походила з розкопок О. Д. Дашевської за 1967—79 рр., досліджувалася Т. С. Кондукторовою (1983). Було відзначено значну морфологічну близькість антропологічних матеріалів з даного могильника до сумарної серії з Неаполя Скіфського. Матеріал походив з декількох типів поховальних споруд: земляних склепів, з кам'яних грецьких склепів, які повторно використовувалися, з ям з підбоями, простих ґрунтових ям. Вдалося виявити кореляцію між типом поховальних споруд та віком людей похованих в них, в могилах з підбоями переважали кістяки дітей, їм належало 86 з 93 ям з підбоями.

Південно-Західний Крим. Матеріали з пізньоскіфського могильника Завітне (біля Бахчисарая), які походили з розкопок Н. О. Богданової 1953—59 рр., опрацювала Г. П. Зіневич. Могильник датовано I ст. до н.е — III ст. н. е., на ньому фіксувалися різні типи поховальних споруд: ґрунтові ями, підбої, могили з заплічками, земляні склепи, плитові та з кам'яними засипками, а також дитячі поховання в амфорах, що є античною традицією. При такому різноманітті поховальних споруд можна було очікувати антропологічної строкатості, але Г. П. Зіневич розглядала антропологічний тип людей, що були поховані на могильнику, як єдиний, але такий що сформувався з декількох компонентів, які можна пов'язати з скіфськими, грецькими та таврськими популяціями.

В середньому вияві чоловіча серія з Завітного мала великий поздовжній, середній поперечний та висотний діаметри, середнє за розміром обличчя, що було добре профільоване у горизонтальній площині, та мало добре виступаючий носом. На декількох черепах фіксувалося послаблення горизонтального профілювання в поєднанні з слабо виступаючим носом, що дало дослідниці можливість писати про монголоїдну домішку. Розбивка матеріалу за типами поховальних споруд не виявила різниці між вибірками черепів з них (Зіневич 1971).

Нижнє Подніпров'я. Перша дослідниця матеріалів з пізньоскіфських городищ Нижнього Подніпров'я, яка до цього працювала з матеріалами Криму, Т. С. Кондукторова зауважувала, що при використанні терміну «пізні скіфи» вона базувалася більшою мірою на антропологічних даних, а ніж археологічних (Кондукторова 1979b, с. 61). Вона вважала за можливе говорити про морфологічну близькість середніх характеристик пізньоскіфських серій з могильників Миколаївка-Козацьке (розкопки Е. О. Симоновича) та Золота Балка (розкопки О. В. Добровольського, Е. О. Симоновича, М. І. Вязьмітіновой) до матеріалів з Неаполя Скіфського та збірної скіфської серії Північного Причорномор'я. Менші розміри черепної коробки та обличчя пізньоскіфських груп у порівнянні з скіфськими авторка була схильна пояснювати передусім епохальною мінливістю (тенденцією до грациалізації), хоча і зауважувала, що між скіфами та пізніми скіфами надто маленький проміжок часу, щоб ознаки епохальної мінливості могли проявитися яскраво (Кондукторова 1972, с. 48). Дослідниця відзначала антропологічну неоднорідність серій з пізньоскіфських городищ, частину мешканців Миколаївки-Козацького вона пов'язувала з вихідцями з грецького середовища, а також відзначала можливу присутність сарматів. На трьох черепах з могильника фіксувалася штучна деформація, яка розповсюджена серед сарматів.

Матеріали з могильника Миколаївка-Козацьке були згруповані за типами поховальних споруд. Вдалося відзначити, що в могилах з підбоями більшу частину чоловіків можна пов'язати з грецьким середовищем, а жінок — з сарматками.

Археологічні розкопки останніх років в Нижньому Подніпров'ї (О. В. Симоненко) сприяли формуванню колекції матеріалів з могильника Красний Маяк. Збереженість кісток є поганою, але позитивним є те, що вони можуть бути досліджені за низкою різних антропологіч-

них програм, бо раніше перевага надавалася краніологічним дослідженням та демографічним побудовам. За попередньою інформацією Т. О. Назарової, яка досліджувала цю групу, середні характеристики серії черепів з Красного Маяка близькі до населення, що поховане на могильниках Миколаївка-Козацьке та Золота Балка. На могильнику фіксуються також черепи з сарматоїдними рисами та черепи зі штучною деформацією.

Колекції пізньоскіфської доби поповнюються повільно, але значно зросла кількість опублікованого матеріалу з антропології раннього заліза Східної Європи та Середньої Азії. Це стало однією з причин, яка спонукала нас звернутися до даної теми та спробувати уточнити місце пізньоскіфських груп в колі популяцій Східної Європи другої половини I тис. до н. е. — перших століть нової ери та з'ясувати їх витоки.

Скіфи українського степу. Для розгляду питання про біологічний зв'язок між пізніми скіфами та скіфами важливим стало розширення бази даних з антропології скіфів. Після виходу з друку праці С. І. Круц, яка присвячена скіфам степової зони України, до наукового обігу увійшов матеріал, що збирався авторкою протягом багатьох років (Круц 2017). Якщо раніше антропологи були змушені оперували переважно збірною серією Північного Причорномор'я або Нижнього Дніпра, то С. І. Круц працювала з низкою добре укомпонованих та датованих серій, що представляли різні райони Степу та різні групи населення як рядового, так і знаті. Було досліджено 20 чоловічих та 15 жіночих серій скіфів українського степу.

Скіфські популяції, з яких походять кісткові рештки, датовані VII—III ст. до н. е., але домінує матеріал V—IV ст. до н. е. Переважає матеріал з курганних могильників, збірні серії з окремих курганів, але у розпорядженні антропологів є і групи з ґрунтових могильників, які, скоріше за все, належали тій частині скіфів, яка почала осідати на землю. Вважається, що проіснували ґрунтові могильники до III ст. до н. е., хоча стосовно верхньої дати їх існування виникають дискусії. Але, у будь-якому разі, частина їх була більш хронологічно близькими до пізньоскіфських груп.

Більшість чоловічих груп Скіфського Степу виявилася доліхомезокранними (при домінуванні доліхокранії), з середньою висотою черепа, середньошироким обличчям (хоча зустрічаються і широколиці варіанти), яке має різке профілювання в горизонтальній площині, хоча присутні і групи з послабленим профілюванням. Ширина носа варіює від вузького до широкого, а виступання носа від середнього до значного.

С. І. Круц зафіксувала антропологічну неоднорідність скіфів території України та виділила декілька типів, яким знаходила аналогії в популяціях України доби бронзи (зрубній, багатоваликовій, пізньокатакомбній), але відзначала також і генетичні лінії, які вели в більш східні райони євразійських степів (до саків Північного та Східного Казахстану), а також савроматів та сарматів Нижнього Поволжя та Приуралля. Населення, яке залишило низку могильників в районі Дніпра та приморської смуги та яке, можливо, вело осілий спосіб життя, було, на думку дослідниці, змішаним, а в його формуванні приймали участь як нащадки племен доби бронзи даної території, так і вихідці з еллінського та фракійського середовища (Круц 2017, с. 84).

Населення античних міст. Від самого початку досліджень пізньоскіфських популяцій, як тільки постало питання еллінської присутності у їх складі, у антропологів виникали проблеми у зв'язку з обмеженістю порівняльного матеріалу з античних некрополів. Античні пам'ятки досліджувалися археологами тривалий час, публікувалися серії, але вони представляли Аттику та острівну Грецію. Звідти походить матеріал від доби неоліту до візантійського часу. Антропологічно греки не були однорідними, цієї думки дотримувалися дослідники, які займалися антропологією та етногенезом греків (Л. Анджел, Р. Шарль, А. Пулянос). Цього варто було очікувати, з огляду на те, що грецьке розселення охоплювало значні території. Інформацією стосовно морфологічної специфіки еллінів, які виводили колонії в Північне Причорномор'я, ми не володіємо, бо матеріали з некрополів малоазійських греків практично відсутні, а саме звідки йшла колонізація регіону. Відсутні не лише серії, які представляють антропологію метрополій, але й серії, що репрезентують ранній період грецької колонізації Північного Причорномор'я.

З огляду на ці проблеми, з еллінами на могильниках пізніх скіфів антропологи пов'язували черепи, що, як більшість черепів з грецьких некрополів, належали до середньоземноморського антропологічного кола.

Грецькі міста Північного Причорномор'я мали складну історію, їх відношення в межах античного світу та з варварським середовищем в різний час складалися не однаково. В тих випадках, коли ми маємо вузько датовані серії черепів різного часу, які походять з одного міста, можна говорити про зміни у структурі популяції, які проходили не стільки за рахунок епохальної мінливості, скільки за рахунок притоку нового населення. Особливо достовірно це демонструють матеріали з могильників найбільш східного античного міста Північного Причорномор'я — Танаїсу (Батиева 2011).

Тим не менше, добірка антропологічного матеріалу з античних міст Північного Причорномор'я поступово формується.

Ольвія на сьогодні представлена двома серіями. Одна з них датується IV ст. до н. е. та пов'язується з військовою компанією Зопіріона

(Кондукторова 1983). Друга ольвійська серія складається з матеріалів перших століть нової ери (Назарова 1994).

Матеріали з Херсонесу склали збірні серії черепів I тис. н. е., доби пізньої античності-раннього середньовіччя, середньовіччя (Дебец 1949; Зиневич 1973). Найкраще датований матеріал з Херсонесу I—IV ст. н. е. був опублікований Т. О. Назаровою (2014).

Більш репрезентативними є матеріали з території Боспорського царства, особливо його Азіатської частини. Представлені вибірки черепів різних хронологічних зрізів з Танаїсу (Батиева 2011), збірні серії Фанагорії III ст. до н. е. — IV ст. н. е., Гермонаси IV ст. до н. е. — I ст. н. е., окремі черепи з Горгіпії, Кеп, Тірамби, які об'єднують в серію Таманського півострова V ст. до н. е. — III ст. н. е. Європейський Боспор представляє збірна серія Керченського півострова, яка включає в себе матеріали з Пантікапея, Ілурата, Новоотрадного, Золотого VI ст. до н. е. — III ст. н. е. (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987).

Серії з античних полісів Північного Причорномор'я характеризуються доліхомезокранією (при домінуванні мезокранії), середньовисокою, але з тенденцією до низької, черепною коробкою, вузьким або середньошироким обличчям (при домінуванні середньоширок), різкопрофільованим обличчям, кістки носа виступають середньо або добре, останні варіанти домінують. Послаблене горизонтального профілювання обличчя фіксуються лише в одній серії з Танаїсу, що пов'язано з сарматськими впливами.

Сармати. Тема сарматської присутності на могильниках пізніх скіфів піднімалася антропологами починаючи від перших публікацій. Сармати України належали до західної частини етно-культурного ареалу, який протягнувся від степів Казахстану до Угорщини. У розпорядженні антропологів знаходиться великий за обсягом матеріал, який характеризує сарматське населення ареалу різних періодів його існування (Дебец 1948, с. 164—171; Фирштейн 1970; Гинзбург, Трофимова 1972; Великанова 1975, с. 81, Кондукторова 19564 с. 166—203; Круц 1991; 1993, Батиева 2011, Балабанова 2000).

З території України сарматський матеріал представлений слабо. Репрезентативним є матеріал II ст. до н. е. — III ст. н. е., який опублікувала Т. С. Кондукторова (1956, с. 166—203). Він складається з черепів з могильників Новопилипівка, Аккермень у Приазов'ї та Усть-Кам'янки, у басейні річки Базавлук. Обидві серії мають тенденцію до брахікранії, широколицьості й ослабленного горизонтального профілювання обличчя.

С. І. Круц було опубліковано серію із сарматських поховань Запорізької, Кримської, Херсонської областей, яка датуються II ст. до н. е. — V ст. н. е., але домінує в групі матеріал I—II ст. н. е. (1993). Чоловічі черепи характеризуються в середньому вияві великою брахікранною черепною коробкою, великим, добре профільованим обличчям, а жіноча серія — мезокранією, великими розмірами обличчя та ослабленим профілюванням обличчя на рівні назіона.

С. І. Круц також ввела у науковий обіг невеличку вибірку черепів з могильника сарматської знаті в с. Пороги Вінницької області і кургану в с. Баштечки Черкаської області (Круц 1991), що датуються не пізніше I ст. н. е.(Симоненко, Лобай 1991). Чоловічий череп з лісостепової зони характеризувався брахікранією і грацильними рисами, а жіноча група — середньошироким обличчям і тенденцією до брахікранії і сплощення обличчя.

Сарматські популяції не були антропологічно однорідними, але мали морфологічну домінуючу складову. Племена сарматського кола представляли масив населення, з яким в степах Східної Європи розповсюджується мезобрахікранний, широколиций європеоїдний комплекс з дещо ослабленим горизонтальним профілюванням обличчя. Морфологічні варіанти комплексу віддзеркалюють регіональні та хронологічні відмінності різних сарматських груп (Ефимова 1999, с. 300; Балабанова 2000; Батиева 2011). Означений морфологічний комплекс можна розглядати в якості маркера, який дозволяє фіксувати присутність вихідців з сарматського середовища в низці синхронних та хронологічно близьких іноетнічних культур.

Міжгруповий статистичний аналіз. Для з'ясування місця, яке займають групи з пізньоскіфських могильників в колі хронологічно близьких серій Східної Європи, було проведено міжгруповий порівняльний аналіз. Серії порівнювалися як морфологічно, так і статистично з використанням декількох методів багатовимірної статистики. При статистичній обробці використовувався пакет програм Systat. Аналізу були піддані як чоловічі, так і жіночі серії. В популяціях чоловіча та жіноча їх частина можуть мати різний напрямок антропологічних зв'язків.

Статистичний аналіз з використанням різних методів дав близькі результати, але для ілюстрації пропонується варіант факторного аналізу (метод головних компонент) за набором 13 таксономічно важливих ознак: довжина, ширина, висота черепа, найменша ширина лоба, ширина та висота обличчя, ширина та висота орбіт, ширина та висота носа, кути горизонтального профілювання обличчя, кут кісток носа.

До аналізу були залучені пізньоскіфські групи, скіфські групи степової зони України, сарматські серії Східної Європи та вибірки з античних міст Північного Причорномор'я.

Чоловіки. Пізньоскіфські серії в цьому варіанті аналізу представляли матеріалами з кримських могильників Неаполя Скіфського

(Кондукторова 1964), Беляуса (Кондукторова 1983), Завітного (Зіневич 1971) та нижньодніпровських Миколаївки-Козацького, Золотої Балки (Кондукторова 1979b). Степових скіфів репрезентували серії з курганних могильників та груп правобережжя Дніпра: Кут (Кондукторова 1972), Нікопольстрой (Зиневич 1967, Кондукторова 1972), Верхньо-Тарасівка, Інгулецька група (Круц 2017), ґрунтового могильника Миколаївка на Дністрі (Великанова 1975), а також збірна серія з Північно-Західного Причорномор'я (Литвинова 1994). З Лівобережжя представлені кургані могильники: Широке-Шевченко, Каховка, Носівка-Гюновка, Гайманове поле, Кам'янка, Мамай-гора, Златополь, Привольне, Присивашшя (Круц 2017). З Криму походять такі серії: Ак-Таш (Покас, Назарова, Дяченко 1988), Керчинська група, ґрунтовий могильник Фронтове 1 (Круц 2017).

Сармати були представлені групами сарматів з території України Усть-Кам'янка та Молочанська (Кондукторова 1956), збірною Таврії (Круц 1993), серіями середніх сарматів Дону (раннього та середнього етапів), середніми сарматами Заволжя, середніми сарматами Калмикії (Балабанова 2000; 1999; Батиева 2011). Античні пам'ятки репрезентували: серія IV ст. до н. е. з Ольвії (Кондукторова 1983), збірна серія римської доби Ольвії (Назарова 1994), збірна серія I—IV ст. з Херсонеса (Назарова 2014), серія з Танаїсу I—III ст. н. е., група з Танаїсу III—I ст. до н. е. (Батиева 2011), група Фанагорії, збірна серія з античних пам'яток керченського півострова (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987).

Після факторизації кореляційної матриці виділилися два фактори, які в оберненому вигляді трактуються як головні компоненти. Головні фактори описують 48,5 % загальної різноманітності сукупності. Після сортування обернених факторів ми отримали таку картину. Від першого фактора залежить 25,6 % загальної мінливості. За ним найбільші додатні навантаження несуть: довжина черепа, висота черепа, обличчя, висота носа, а від'ємні — висота орбіт. За фактором 2, який визначає 22,9 % сукупності, найбільші додатні навантаження несуть: ширина черепа, ширина обличчя, ширина орбіти, ширина носа, назомалярний та зигомаксилярний кути.

За значенням факторних навантажень для окремих краніологічних серій групи було вписано у простір двох факторів диморфізму (рис. 1). Розташування груп на факторному полі дуже добре демонструє відмінності між різними етнічними масивами, а також визначає місце пізньоскіфських груп в колі хронологічно близьких серій Східної Європи.

За результатами аналізу в цьому масштабі ми відзначаємо, що пізньоскіфські групи Криму та Нижнього Дніпра, незважаючи на територіальну віддаленість, складають досить компактний блок, для якого характерні менші розміри черепної коробки, менші розміри обличчя, вужчі та вищі орбіти, різкіше горизонтальне профілювання обличчя.

Усі пізньоскіфські групи істотно відрізняються від сарматського загалу, при всій його неоднорідності, ознаками котрі несуть навантаження на другий фактор. Пізні скіфи мають на відміну від сарматів вужчий череп, обличчя, орбіти, краще профілювання обличчя. Ці два культурних масиви антропологічно зовсім не пересікаються, що добре свідчить на користь того, що в жодній з пізньоскіфських груп сармати не були надто вагомою часткою, яка б могла вплинути на формування антропологічного складу населення. В бік сарматського масиву трохи ухиляється лише група з могильника Завітне у Криму.

Пізньоскіфські чоловічі групи відрізняються і від головного скіфського масиву, але за низкою ознак, які мають навантаження на перший фактор. Пізні скіфи мають меншу за довжиною та висотою черепну коробку, нижче обличчя та ніс, але вищі орбіти.

Такий напрямок відмінностей між пізніми скіфами та скіфами дозволяє говорити, що відмінності ці не варто пов'язувати з епохальною мінливістю. Загальний напрямок епохальної мінливості проявляється за двома комплексами ознак: горизонтальними розмірами черепної коробки та поперечними розмірами обличчя. Зміна в широтних розмірах лицевого скелета падають, головним чином, на добу неоліту та бронзи, зміна горизонтальних діаметрів голови — на добу середньовіччя (Алексеев 1989, с. 139). У нашому випадку ми маємо справу з меншими висотними розмірами обличчя та носа, при більшій висоті орбіт в хронологічно більш пізніх пізньоскіфських групах у порівнянні з скіфськими, що не є загальною епохальною тенденцією. До того ж, з огляду на те, що висота обличчя пов'язана значною фізичною кореляцією з висотою орбіт, а у нашому випадку ми маємо справу з зворотною тенденцією, то можна говорити про ще один аргумент на користь того, що відмінності між пізньоскіфськими серіями та головним скіфським масивом населення України не носять епохальний характер, а потребують інших пояснень. Одним з таких пояснень може бути те, що скіфські та пізньоскіфські популяції могли мати різні складові.

Пізньоскіфські серії розташовуються на факторному полі між групами з античних полісів та досить невеликою частиною скіфських груп. Населення античних пам'яток Північного Причорномор'я демонструє теж певне різноманіття, але для них, головним чином, характерні невеликі розміри черепної коробки, обличчя, носа, вищі орбіти та різкіше горизонтальне профілюванням обличчя. Тобто, спостерігається той самий комплекс ознак,

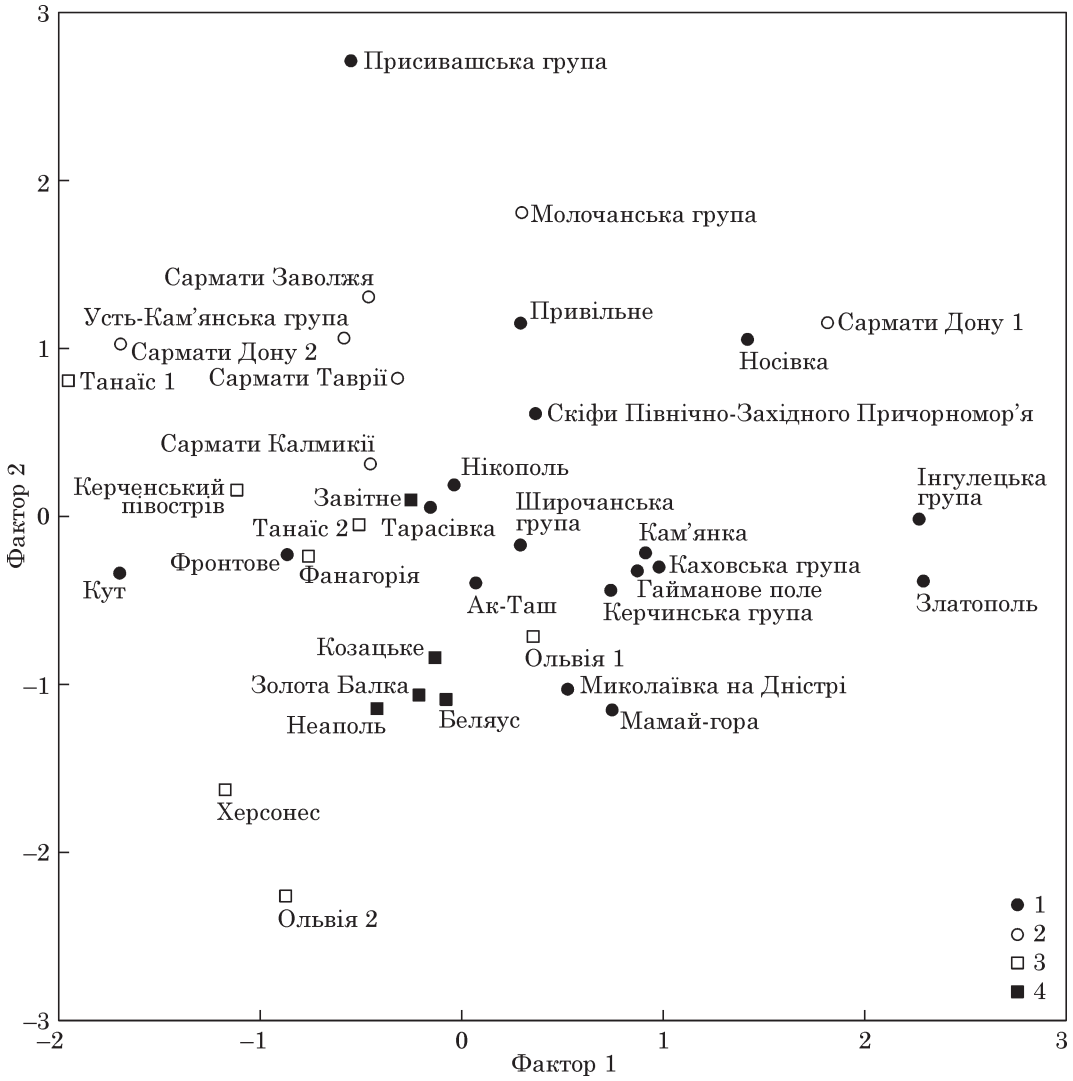


Рис. 1. Результати факторного аналізу чоловічих серій з пізньоскіфських пам'яток в колі територіально та хронологічно близьких груп: 1 — скіфи; 2 — сармати; 3 — античні пам'ятки; 4 — пізні скіфи

в напрямку якого пізньоскіфське населення відрізняється від скіфського. Найяскравіше цей середньоземноморський комплекс зафіксований на матеріалах Херсонесу та Ольвії римської доби. Окремі серії з античних некрополів, переважно Боспору, дещо ухиляються в бік іраномовних груп скіфів або сарматів, що пояснюється тим, що в цьому більш східному регіоні фіксується більш активне проникнення варварів в античне середовище.

З огляду на результати міжгрупового аналізу ми можемо говорити про те, що пізньоскіфські чоловічі серії Нижнього Дніпра та Криму представляють єдиний антропологічний масив, який пов'язаний біологічно, як з вихідцями з античного середовища, так і з людьми окремих скіфських популяцій. Досить компактний блок з нижньодніпровських пам'яток Миколаївки-Козацького та Золотої Балки, кримських Неаполя Скіфського та Беляуса займає проміжне положення між групами з античних полісів Ольвії IV ст. до н. е. та серій Ольвії перших століть н. е., Херсонесу I—IV ст. н. е. Пізньоскіфські групи відстоять досить далеко від основного скіфського масиву, але варто відзначити, що з скіфських серій до даного пізньоскіфського блоку наближаються групи з могильника Ак-Таш та Миколаївка на Дністрі. Обидва могильника знаходилися в контактній зоні з античним світом, перший з античними пам'ятками Європейського Боспору, а другий — Дністровського лиману, на обох присутній матеріал III ст. до н. е. Люди з обох могильників перебували в зоні античних впливів, вони підтримували торгові зв'язки з населенням античних полісів, на могильниках фіксується значна кількість амфорної тари та античної кераміки. У випадку з Миколаївкою на Дністрі ми, окрім того, можемо говорити про культурні впливи, бо маємо справу з ґрунтовим могильником, де більшість поховань мають східну орієнтацію кістяка в похованнях, що більш характерна для грецького світу. Дослідниця антропологічної серії з Миколаївського на Дністрі могильника М. С. Великанова відзначала більшу грацильність цієї популяції у

порівнянні з степовими групами скіфів та пояснювала це присутністю на могильнику форм середьоземноморського антропологічного кола, яку можна пов'язати з фракійцями, хоча не можна виключати і грецьких впливів (Великанова 1975, с. 68). Тобто, в обох даних скіфських серіях фіксуються торгові, культурні контакти з античним світом, але можливо мали місце і біологічні впливи вихідців з античного середовища. І саме цим може бути пояснена їх позиція на факторному полі.

З пізньоскіфських серій найближчою до груп з античних міст, а саме Ольвії IV ст. до н. е., виявляється чоловіча серія з Миколаївки-Козацького (особливо вибірка черепівI ст. до н. е. — III ст. н. е.). Серії з Неаполя Скіфського, Беляуса, Золотої Балки також демонструють статистичну та морфологічну подібність до серій з античного кола. До окремих груп іранського світу (скіфських груп з Верхньо-Тарасівки та Нікопольстроя, а також однієї сарматської групи) з пізньоскіфських серій дещо тяжіє група з могильника Завітне з Криму, хоча з іншого боку вона є також досить близькою до серій Боспорського царства: керченської серії з античних поселень, Фанагорії та Танаїсу.

Таке розташування пізньоскіфських серій на факторному полі може свідчити про змішаність груп на базі, в першу чергу, еллінської та скіфської складової. Змішаність може бути механічна, а пропорції компонентів в різних серіях можуть відрізнятися, ми можемо мати також справу з метисацією. Уточнити склад окремих пізньоскіфських популяцій за наявності гарної збереженості матеріалу дозволяє внутрішньогруповий аналіз. Так для Неаполя Скіфського за результатами такого аналізу можемо говорити про домінування серед населення середньоземноморських антропологічних форм, які можна пов'язати з еллінами (Назарова 2005). Це домінування добре відбивається на середніх характеристиках серії, яка разом з групами з Беляуса, Золотої Балки та Миколаївки-Козацького тяжіє до населення античних полісів. Але в серії з Неаполя Скіфського виділяється також група черепів, які дослідниця пов'язує з скіфами, низка черепів з сарматами, а також група, яку можна розглядати як метисну. При поганій збереженості матеріалів або при давнішій метисації, виділити при внутрішньогруповому аналізі компоненти, які можна пов'язати з популяціями, що належать до різних етнічних груп, важко, а інколи неможливо. До того ж, в окремих випадках не були опубліковані індивідуальні дані черепів, тож приходиться оперувати виключно середніми характеристиками серій, які є досить інформативними. Так, спираючись на середні характеристики серії з могильника Завітне, цілком можна говорити, що іранський компонент у її складі був більш вагомим, а ніж в інших пізньоскіфських популяціях.

Жінки. В даному варіанті факторного аналізу жіночі серії були представлені матеріалами пізньоскіфських груп з могильників Неаполя Скіфського (Кондукторова 1964), Беляуса (Кондукторова 1983), Завітного (Зіневич 1971), Миколаївки-Козацького, Золотої Балки (Кондукторова 1979b). Степових скіфів репрезентували серії з курганних могильників та груп правобережжя Дніпра: Кут (Кондукторова 1972), Нікопольстрой (Зиневич 1967, Кондукторова 1972), Верхньо-Тарасівка, Інгулецька група (Круц 2017), ґрунтового могильника Миколаївка на Дністрі (Великанова 1975). З Лівобережжя представлені кургані могильники: Широке-Шевченко, Каховка, Носівка-Гюновка, Гайманове поле, Кам'янка, Мамай-гора, Златополь, Привольне, група Присивашшя (Круц 2017). З Криму походить серія з могильника Ак-Таш (Покас, Назарова, Дяченко 1988) Керчинська група, та група з ґрунтового могильника Фронтове 1 (Круц 2017).

Сарматів представляли серії сарматів України з Усть-Кам'янки та Молочанської групи (Кондукторова 1956), збірна сарматів Таврії (Круц 1993), серія Пороги-Баштечки (Круц 1991), чотири серії середніх сарматів Дону (раннього та пізнього етапів), групи середніх сарматів Заволжя, середніх сарматів межиріччя Волги-Дона (Балабанові 1999, Батиева 2011), сарматів Молдови (Великанова 1975).

Античні міста були репрезентовані збірною серією римської доби Ольвії (Назарова 1994), Херсонеса (Назарова 2014), Танаїсу I—III ст. н. е., Танаїсу III—I ст. до н. е. (Батиева 2011), Фанагорії, керченською збірною серією (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987).

Після факторизації кореляційної матриці виділилися два фактори, які в оберненому вигляді трактуються як головні компоненти. Головні фактори описують 44,2 % загальної різноманітності сукупності. Після сортування обернених факторів ми отримали таку картину. Від першого фактора залежить 24,16 % загальної мінливості. За ним найбільші додатні навантаження несуть ширина черепа, найменша ширина лоба, ширина обличчя, назомалярний та зигомаксилярний кути. За фактором 2, який визначає 19,97 % сукупності, найбільші додатні навантаження несуть довжина черепа, висота черепа, висота обличчя, довжина та ширина орбіт, висота та ширина носа.

За значенням факторів для окремих краніологічних серій групи було вписано у простір двох факторів диморфізму (рис. 2).

Жіночі серії з пізньоскіфських пам'яток на факторному полі розташувалися досить компактно. І в цьому випадку можна говорити, що кримські та нижньодніпровські складають єдиний антропологічний масив.

Пізньоскіфські жіночі групи виявилися максимально далекими від практично усього сарматського масиву. Нагадає, що до сарматського

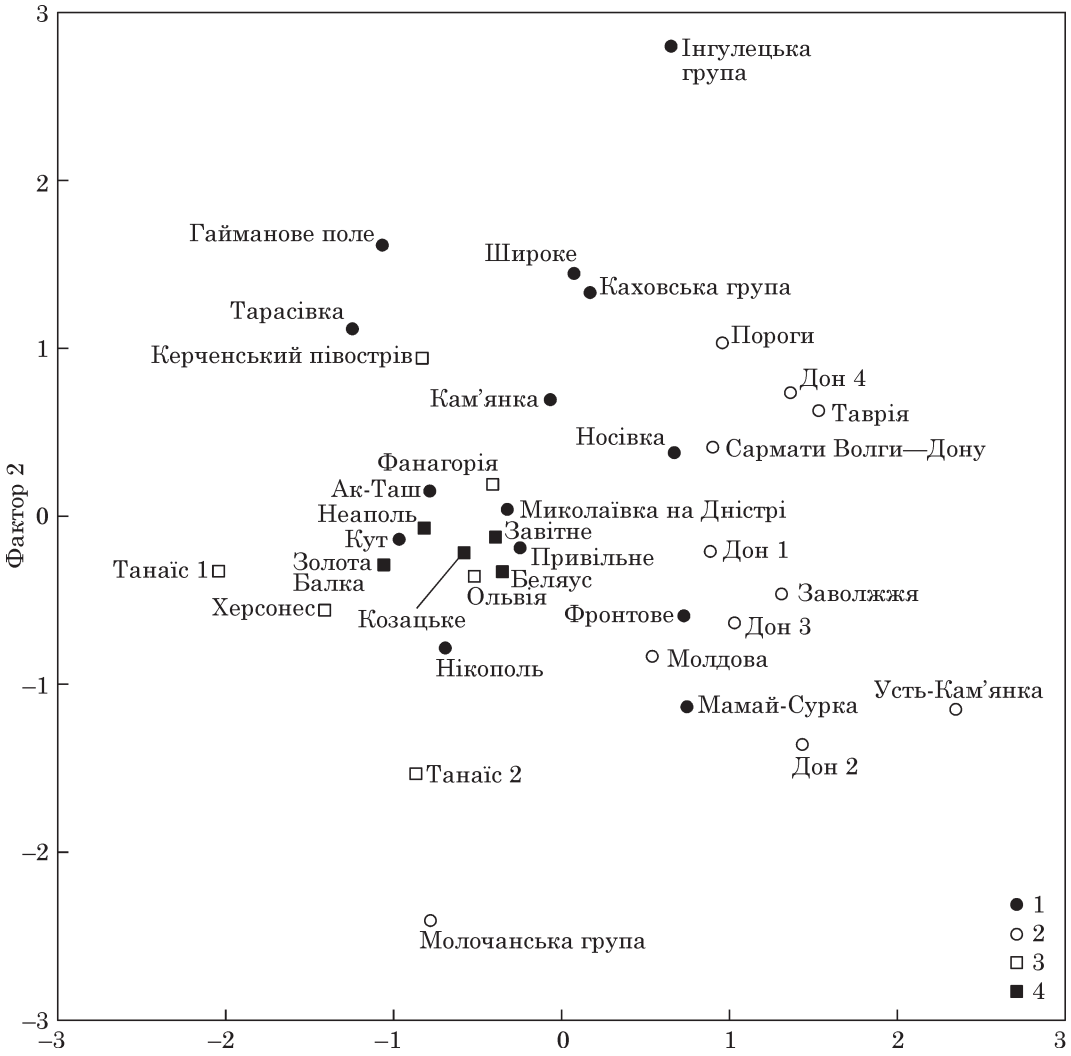


Рис. 2. Результати факторного аналізу чоловічих серій з пізньоскіфських пам'яток в колі територіально та хронологічно близьких груп: 1 — скіфи; 2 — сармати; 3 — античні пам'ятки; 4 — пізні скіфи

масиву були залучені серії з різних територій, але домінуючим для них усіх був комплекс: брахікранія, широке обличчя та послаблення горизонтального профілювання обличчя на назомалярному рівні. Пізньоскіфський та сарматській жіночі світи розділяються за ознаками, котрі мають навантаження на фактор 1. Жіночі пізньоскіфські серії мають вужчу черепну коробку (що визначає іншу форму черепа, а саме мезокранію), вужчий лоб, вужче обличчя, ніс та різкіше горизонтальне профілювання обличчя. Остане свідчить про їх більш яскраво означену європеоїдність.

Далекими жіночі пізньоскіфські серії виявляються і від основного масиву груп степових скіфів, який складають групи: Каховки, Широкого, Верхньої Тарасівки, серія з Носаків-Гюнівки, Кам'янська група. Територіально близькою до серій пізніх скіфів Нижнього Подніпров'я є Каховська група скіфів, але статистично вона дуже істотно віддалена від них. Від усіх цих серій жінки пізньоскіфських поселень відрізняються за ознаками, які мають навантаження на другий фактор. Вони мають коротшу черепну коробку, нижче обличчя, нижчі та вужчі орбіти, нижчі та вужчі носи.

Пізньоскіфські жіночі серії опиняються в тій частині факторного поля де локалізуються групи з коротшою та вужчою черепною коробкою, меншими розмірами обличчя та його деталей, різкішим горизонтальним профілюванням. В цій же частині поля розташована низка жіночих серій, які представляють населення античних міст: Танаїс, Фанагорія, Ольвія, Херсонес. Але сюди ж тяжіють окремі групи скіфського світу: Ак-Таш, Миколаївка (Придністровська), Кут, Нікопольстрой.

З пізньоскіфських груп найбільшу статистичну близькість до античних серій, особливо Ольвії римської доби, демонструє Миколаївка-Козацьке, але сюди тяжіють також Золота Балка та Беляус. До окремих скіфських серій наближаються жінки з Неаполя Скіфського та Завітного, хоча з іншого боку вони досить близькі статистично і до групи з Фанагорії.

Тобто, аналіз жіночих та чоловічих серій дають близькі результати. Як чоловічі, так і жіночі пізньоскіфські групи складають досить компак-

тні масиви. Вони розташовуються між серіями античних полісів та окремими скіфськими групами, що добре демонструє їх змішаність, але у трохи різних пропорціях. Іранська складова дещо краще читається в жіночих серіях (переважно Криму), а еллінська — в чоловічих.

При включені до аналізу лісостепових груп скіфського часу, як і можна було очікувати, серії пізньоскіфського блоку виявилися статистично максимально далеким від усіх груп лісостепу скіфської доби, які взагалі мають іншу генетичну основу.

При розгляді антропологічних груп пізньоскіфських могильників на більш широкому тлі серій Європи, антропологи змушені обмежуватися порівнянням серій за короткою краніологічною програмою ознак: довжина, ширина, висота черепа, найменша ширина лоба, ширина та висота обличчя, ширина та висота орбіт, ширина та висота носа. Це викликано розходженнями в методиках західноєвропейських та східноєвропейських дослідників і, як наслідок, відсутністю інформації стосовно профілювання обличчя для популяцій, що досліджували західноєвропейські науковці. Але міжгруповий аналіз за короткою краніологічною програмою дозволяє розширити коло популяцій, які залучені до порівняння, за рахунок серій, що представляють греко-римський світ.

При розгляді антропологічних груп пізньоскіфських могильників на тлі більш ранніх та синхронних серій Європи, нижньодніпровські та кримські пізньоскіфські групи також демонструють значну подібність між собою, близькість з одного боку до окремих серій скіфів Північного Причорномор'я, а з іншого — до цілої низки груп, що пов'язані з басейном Середземного моря та представляють грецький світ від геометричного періоду до римської доби (Schwidetzky 1972, p. 251). Цей варіант аналізу також може добре свідчити на користь існування двох головних компонентів у складі населення пізньоскіфських пам'яток — грецького та скіфського.

Підсумовуємо результати краніологічних досліджень. За антропологічними даними населення пізньоскіфських груп було змішаним і складалося з двох провідних компонентів: вихідців з грецького середовища та людей, які були генетично пов'язані з часиною скіфських популяцій Північного Причорномор'я ранішого часу. Була присутня серед населення і невелика кількість сарматів, які не вплинули істотно на їх антропологічний склад. Пропорції провідних складових в пізньоскіфських групах різнилися. Еллінська складова чіткіше читається серед чоловіків та жінок Миколаївки-Козацького, чоловіків Неаполя Скіфського. Скіфська складова істотно проступає серед чоловіків та жінок з Завітного та жінок Неаполя Скіфського.

Середина — третя чверть III ст. н. е. вважається кінцем політичної історії Кримської Скіфії, якому сприяли удари готського союзу племен. Скоріше за все, рештки місцевого населення увійшли до складу нового об'єднання.

Період існування пізньоскіфських городищ Нижнього Подніпров'я сьогодні визначають, головним чином, II ст. до н. е. — II ст. н. е. Верхня хронологічна межа їх існування залишається під питанням, одні з них припинили своє існування раніше, на інших фіксуються матеріали III—IV ст. Частина населення пізньоскіфських поселень, скоріше за все, після навали II ст. н. е. могла лишитися на місці, бо на низці нижньодніпровських городищ життя тривало, інша частина мешканців могла відійти в більш придатні для життя райони, можливо влилася до складу населення Ольвії та Тіри, або їх сільської округи, частина людей могла приєднатися до населення Скіфського царства у Криму. Досить привабливою була в цей час Ольвія та її периферія, де в другій половині II ст. н. е. — першій третині III ст. н. е. відзначався певний економічний підйом, можливо пов'язаний з перебуванням там римського контингенту (Гаврилюк, Крапивина 1999, с. 321). Не виключено також, що після занепаду городищ, долі їх жителів, які представляли різні етнічні групи склалась по різному.

Пізні скіфи у складі черняхівської культури. У подальшому частина нащадків мешканців пізньоскіфських поселень за даними антропології вливається до складу населення поліетнічної черняхівської культури. Цю тему ми піднімали в інших роботах, а тому торкнемося її тезисно.

Для Північного Причорномор'я на антропологічному матеріалі про пізньоскіфську складову чітко можна говорити для черняхівських могильників межиріччя Південного Бугу-Тилігулу, а саме Вікторівка, Коблеве, Ранжеве, Каборга, Кам'янка-Анчекрак, Городок, Чубівка (Кондукторова 1979a; Покас 2000; Рудич 2003b).

Збірна серія чоловічих черепів черняхівської культури регіону характеризується мезодоліхокранією, середніми розмірами черепної коробки, середніми розмірами обличчя (вузьким за покажчиком), різким горизонтальним профілюванням обличчя, вузьким носом, який добре виступає. Близькі характеристики має серія жіночих черепів.

При залучені до порівняльного аналізу за короткою програмою серій черняхівської культури, пізньоскіфських груп та серій з низки античних пам'яток (Ольвії, Херсонесу, Фанагорії, Танаїсу, Корінфу-Ларни, Олінфу, Істрії, збірної серії материкової Греції), ми отримали такі результати: збірна серія чоловічих черепів черняхівської культури П. Буго-Тилігульського межиріччя відхиляється від головного черняхівського масиву, виявляється ближчою та займає проміжне положення з одніеї сторони між пізньоскіфськими серіями Миколаївка-Ко-

зацьке, Неаполь Скіфський, Золота Балка, Беляус, а з іншої — з населенням Істрії та збірною серією материкової Греції II—V ст. н. е. (Рудич 2004, с. 138—143).

Жіноча збірна серія межиріччя при міжгруповому аналізі за короткою програмою ще істотніше дистанціюється від черняхівських збірних груп інших регіонів та проявляє статистичну подібність до населення Ольвії та пізньоскіфських груп (Рудич 2014, с. 43).

Черняхівське населення регіону було змішаним, що зумовлює положення сумарної групи межиріччя серед серій черняхівського, пізньоскіфського та грецького загалу.

Найбільшої присутності пізньоскіфського компоненту в черняхівському середовищі в зоні Подніпров'я варто було очікувати на Нижньому Дніпрі, але з Нижнього Дніпра у розпорядженні антропологів виявилася лише одна черняхівська серія з Гаврилівки (Кондукторова 1958). Ця група характеризується північно-західним напрямком антропологічних зв'язків населення та домінуючою північноєвропейською складовою (Рудич 2014, с. 36). Окремі черепи, які мають менші розміри та походять з західноорієнтованих поховань, можна пов'язати з пізньоскіфським загалом, але кількість їх не є такою, щоб впливати на середні характеристики серії. Відзначимо, що могильник був розташований на місці пізньоскіфського городища Гаврилівка.

Присутність вихідців з пізньоскіфських груп зафіксовано й у Середньому Подніпров'ї, найсуттєвіше на могильнику Журавка. Серія з даного могильника при типологічному порівнянні та при різних варіантах статистичного аналізу виявляється ближчою до пізньоскіфських груп, а ніж до черняхівських серій свого регіону (Рудич 2000, с. 278—288). Це може свідчити на користь того, що серед мешканців Журавки був присутній суттєвий відсоток вихідців з пізньоскіфських популяцій. Домінування в збірній серії черепів черняхівської культури Середнього Подніпров'я матеріалів з Журавки дозволило Т.С.Кондукторовій свого часу говорити про подібність черняхівців Середнього Подніпров'я до нижньодніпровських пізньоскіфських груп (Кондукторова 1979b, с. 116).

В решті випадків біологічна присутність нащадків пізніх скіфів на черняхівських могильниках, якщо і фіксується, то не є значною. Для Лівобережжя про присутність цього компонента ми можемо говорити на антропологічних матеріалах могильника Боромля (Рудич 2003a, с. 205—213, Гопкало, Рудич 2018, с. 92).

Найімовірніше, частина населення, яка була похована на згаданих черняхівських могильниках була вихідцями з південних територій. Чи було це добровільна міграція, а чи ми маємо справу з примусовим переселенням людей судити важко. Збільшення території розповсюдження черняхівської культури та щільності населення могли проходити за рахунок природного демографічного приросту в групах мігрантів, що були пов'язані з рухом готів, та за рахунок входження в черняхівську спільноту людей, які проживали на землях Східної Європи раніше, в тому числі і нащадків пізніх скіфів.

У більшості випадків провести статистично достовірну кореляцію антропологічного матеріалу та елементів поховального обряду, які можуть бути пов'язані з різними етнічними групами, не вдається через поганий стан збереженості матеріалу. Але в окремих випадках така кореляція фіксується завдяки середнім характеристикам серій. За результатами міжгрупового аналізу група черепів з західноорієнтованих могил Середнього Подніпров'я виявляє зв'язок з південними серіями (пізніми скіфами), а вибірка черепів з північноорієнтованих поховань — з групами з північно-західних земель (Рудич 2006). На могильниках черняхівської культури Північного Причорномор'я жіноча вибірка черепів з могил з підбоями близька жінкам з пізньоскіфських груп. В бік пізньоскіфських груп також ухиляються вибірки чоловічих та жіночих черепів черняхівці цього регіону з поховань у ямах з заплічками (Рудич 2006).

Тобто люди, які мали генетичні зв'язки з пізньоскіфськими групами, мали і схильність до певних традицій поховального обряду. В лісостепову зону разом з ними з півдня могла прийти традиція західноорієнтованих поховань, ями з заглибленням для тіла, можливо, підбої. Розселення їх могло йти знизу по Дніпру, де дуже пунктирно вимальовується низка могильників (Гаврилівна-Журавка-Боромля), на яких фіксується їх фізична присутність.

Пізньоскіфський вплив на формування складу населення черняхівської культури мав місце, але він не був тотальним та достовірно фіксується тільки в частині черняхівських могильників Північного Причорномор'я та Середнього Подніпров'я.

Висновки. Нижньодніпровські та кримські пізньоскіфські популяції можна розглядати як один антропологічний масив, що пов'язаний біологічно, як з вихідцями з античного середовища, так і з людьми з окремих скіфських груп більш раннього часу.

В силу своєї змішаності населення Миколаївки-Козацького, Золотої Балки, Неаполя Скіфського та Беляуса займає проміжне положення між групами з античних полісів та окремими скіфськими серіями. До пізньоскіфських груп з скіфських серій морфологічно та статистично найбільш близькі люди з могильників Ак-Таш та Миколаївка на Дністрі. Обидва ці могильника знаходилися в контактній зоні з античним світом.

Пізньоскіфські групи відстоять досить далеко від основного степового скіфського масиву та

відрізняються від нього за низкою ознак. Вони мають менший за довжиною та висотою череп, нижче обличчя та ніс, але вищі орбіти, а також більш різке горизонтальне профілювання обличчя. Напрямок відмінностей свідчить, що їх не варто пов'язувати з епохальною мінливістю. Комплекс ознак, в напрямку якого пізньоскіфське населення відрізняється від скіфського, характерний для населення античних міст.

Склад пізньоскіфських груп був змішаним, але у різних пропорціях. Компонент, який можна пов'язати з окремими групами скіфів краще читається в жіночих серіях переважно Криму, а еллінський — в чоловічих.

Черепи, які можна пов'язати з сарматами фіксуються на могильниках пізніх скіфів під час внутрішньо групового аналізу, але кількість їх незначна. Сармати не вплинули істотно на формування пізньоскіфських популяцій.

Частина нащадків пізньоскіфського населення приймали участь у формуванні антропологічного складу черняхівської культури. Це фіксується на матеріалах з черняхівських могильників межиріччя Південного Бугу й Тилігулу, але окремі групи вихідців з пізньоскіфських популяцій були присутні на черняхівських могильниках в Середньому Подніпров'ї, куди, очевидно, мав місце відтік населення з півдня.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, В. П. 1989. *Историческая антропология и етногенез*. Москва: Наука.

Балабанова, М. А. 1999. Антропология сарматских погребальных памятников нижнего Поволжья 4—3 вв. до н. э. *Нижневолжский археологический вестник*, 2, с. 54-72.

Балабанова, М. А. 2000. *Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век*. Москва: Наука.

Батиева, Е. Ф. 2011. *Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. — IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.

Великанова, М. С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.

Герасимова, М. М., Рудь, Н. М., Яблонский, Л. Т. 1987. *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*. Москва: Наука.

Гинзбург, В. В., Трофимова, Т. А. 1972. *Палеоантропология Средней Азии*. Москва: Наука.

Гопкало, О. В., Рудич, Т. О. 2018. Пізні скіфи та сармати у складі культури Черняхів—Синтана-де-Муреш (за матеріалами поселення та могильника біля с. Боромля. *Старожитності Лівобережжя Дніпра*, с. 90-101.

Дебец, Г. Ф. 1948. *Палеоантропология СССР*. Труды Института этнографии: Новая серия, 4. Москва; Ленинград: АН СССР.

Ефимова, С. Г. 1999. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время. В: Алексеева, Т. И. (ред.). *Восточные славяне. Антропология и этническая история*. Москва: Научный мир, с. 279-306.

Зиневич, Г. П. 1967. *Очерки палеоантропологии Украины*. Киев: Наукова думка.

Зіневич, Г. П. 1971. До антропології могильника біля с. Заветне в Криму. *Матеріали з антропології України*, 5, с. 111-121.

Зиневич, Г. П. 1973. *Антропологические материалы средневековых могильников юго-западного Крыма*. Киев: Наукова думка.

Кондукторова, Т. С. 1956. Материалы по палеоантропологии Украины. *Труды Института этнографии*, 33, с. 57-91.

Кондукторова, Т. С. 1958. Палеоантропологический материал из могильника полей погребальных урн Херсонской области. *Советская археология*, 2, с. 69-79.

Кондукторова, Т. С. 1964. Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними. *Матеріали з антропології України*, 3, с. 32-71.

Кондукторова, Т. С. 1972. *Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.)*. Москва: Наука.

Кондукторова, Т. С. 1979a. Антропологические материалы черняховской культуры Украины. В: Кропоткин, В. В. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, с. 163-204.

Кондукторова, Т. С. 1979b. *Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое)*. Москва: Наука.

Кондукторова, Т. С. 1983. Антропологическая характеристика погребенных из боспорского могильника у с. Золотое. В: Корпусова, В. Н. *Некрополь Золотое (к этнокультурной истории Европейского Боспора)*. Киев: Наукова думка, с. 163-174.

Круц, С. И. 1991. Антропологические материалы из сарматських погребений у с. Пороги. В: Симоненко, А. В., Лобай, Б. Ю. *Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н. э.(погребение знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.

Круц, С. И. 1993. Сарматы Таврии по антропологическим данным. В: Симоненко, А. В. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка, с. 131-140.

Круц, С. И. 2017. *Скифы степей Украины по антропологическим данным*. Курганы Украины, 5. Киев; Берлин.

Литвинова, Л. В. 1994. Антропологические материалы скифской культуры из Северо-Западного Причерноморья. В: *Ольвия — 200. Тезисы международной конференции, посвященной двухсотлетию археологического открытия Ольвии (5—9 сентября 1994 г. с. Парутино)*. Николаев: ІА НАН України, с. 11.

Назарова, Т. О. 1994. До антропологічної характеристики населення Ольвії та Березані. *Археологія*, 3, с. 85-95.

Назарова, Т. А. 2013. К вопросу о греческом присутствии в составе Неаполя Скифского. *Древности Причерноморья*, X, с. 457-463.

Назарова, Т. А. 2014. Население Херсонеса в первые века новой. *Історична антропологія та біоархеологія України*, 1, с. 35-48.

Покас, П. М. 2000. Новые антропологические материалы к проблеме дифференциации черняховской культуры. В: Алексеев, В. П. (ред.). *Народы России: от прошлого к современности. Антропология*. 2. Москва: Старый Сад, с. 260-273.

Покас, П. М., Назарова, Т. А., Дяченко, В. Д. 1988. Материалы по антропологии Акташского могильника. В: Бессонова, С. С., Бунятян, Е. П., Гаврилюк, Н. А. *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев: Наукова думка, с. 118-144.

Рудич, Т. О. 2000. Население черняховской культуры Среднего Поднепровья по материалам антропологии. *Stratum plus*, 4, с. 278-288.

Рудич, Т. О. 2003a. Антропологічний склад населення черняхівської культури Лівобережної України. *Археологічний літопис Лівобережної України*. 2002, 2; 2003, 1, с. 205-213.

Рудич, Т. О. 2003b. Антропологічний склад населення черняхівської культури Північного Причорномор'я. *Археологія*, 4, с. 19-32.

Рудич, Т. А. 2004. К вопросу об антропологическому составе населения черняховской культуры междуречья Южного Буга и Тилигула. В: *Boristhenika 2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследования острова Березань Э. Р. фон Штерном*. Николаев: ІА НАН України, с.138-141.

Рудич, Т. А. 2006. Сарматы в составе черняховской культуры Украины (по материалам антропологии). В: Терпиловский, Р. В. (ред.). *Готы и Рим*. Бібліотека Vita antiqua, 14. Киев: Стилос, с. 61-67.

Рудич, Т. О. 2014. *Населення Середнього Подніпров'я 1—2 тисячоліття за матеріалами антропології*. Київ: ІА НАН України.

Симоненко, А. В., Лобай, Б. Ю. 1991. *Сарматы северо-западного Причерноморья в 1 в. н. э. (погребение знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.

Фирштейн, Б. В. 1970. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении. В: Тот, Т. А., Фирштейн, Б. В. *Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы*. Ленинград: Наука, с. 69-114.

Черненко, Є. В. Пізні скіфи. В: Толочко, П. П. (ред.). *Давня історія України*. 2: Скіфо-антична доба, Київ: ІА НАН України, с. 176-180.

Schwidetzky, I. 1972. Vergieichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Eisenzeit (letztes Jahrtausend v. d. Z.). *Homo*, XXIII, 3, S. 245-271.

REFERENCES

Alekseev, V. P. 1989. *Istoricheskaia antropologiia i etnogenez*. Moskva: Nauka.

Balabanova, M. A. 1999. Antropologiia sarmatskikh pogrebalnykh pamiatnikov nizhnego Povolzhia 4—3 vv. do n. e. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, 2, s. 54-72.

Balabanova, M. A. 2000. *Antropologiia drevnego naseleniia Iuzhnogo Priuralia i Nizhnego Povolzhia. Rannii zheleznyi vek*. Moskva: Nauka.

Batieva, E. F. 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n. e. — IV v. n. e. (paleoantropologicheskoe issledovanie)*. Rostov-na-Donu: IuNTs RAN.

Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechya*. Moskva: Nauka.

Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Yablonskij, L. T. 1987. *Antropologiya antichnogo i srednego naseleniya Vostochnoj Evropy*. Moskva: Nauka.

Ginzburg, V. V., Trofimova, T. A. 1972. *Paleoantropologiia Srednei Azii*. Moskva: Nauka.

Hopkalo, O. V., Rudych, T. O. 2018. Pizni skify ta sarmaty u skladi kultury Cherniakhiv—Syntana-de-Muresh (za materialamy poselennia ta mohylnyka bilia s. Boromlia. *Starozhytnosti Livoberezhzhia Dnipra*, s. 90-101.

Debecz, G. F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR*. Trudy Instituta etnografii: Novaya seriya, 4. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Efimova, S. G. 1999. Naselenie Vostochnoj Evropy v epohu zheleza i pozdnerimskoe vremya. In: Alekseeva, T. I. (ed.) *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya*. Moskva: Nauchnyj mir, s. 279-306.

Zinevich, G. P. 1967. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy'*. Kiev: Naukova dumka.

Zinevych, H. P. 1971. Do antropolohii mohylnyka bilia s. Zavetne v Krymu. *Materialy z antropolohii Ukrainy*, 5, s. 111-121.

Zinevich, G. P. 1973. *Antropologicheskie materialy srednevekovykh mogilnikov iugo-zapadnogo Kryma*. Kiev: Naukova dumka.

Konduktorova, T. S. 1956. Materialy po paleoantropologii Ukrainy. *Trudy Instituta etnografii*, 33, s. 57-91.

Konduktorova, T. S. 1958. Paleoantropologicheskij material iz mogil'nika polej pogrebal'nyh urn Khersonskoj oblasti. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 69-79.

Konduktorova, T. S. 1964. Naselennia Neapolia Skifskoho za antropolohichnymy danymy. *Materialy z antropolohii Ukrainy*, 3, s. 32-71.

Konduktorova, T. S. 1972. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy (1 tys. do n. e. — 1 tys. n. e.)*. Moskva: MGU.

Konduktorova, T. S. 1979a. Antropologicheskie materialy chernyaxovskoj kul'tury Ukrainy. In: Kropotkin, V. V. (ed.). *Mogil'niki chernyahovskoj kul'tury*. Moskva: Nauka, s. 163-204.

Konduktorova, T. S. 1979b. *Fizicheskii tip liudei Nizhnego Podneprovia na rubezhe nashei ery (po materialam mogilnika Nikolaevka-Kazatskoe)*. Moskva: Nauka.

Konduktorova, T. S. 1983. Antropologicheskaia kharakteristika pogrebennykh iz bosporskogo mogilnika u s. Zolotoe. In: Korpusova, V. N. *Nekropol Zolotoe (k etnokulturnoi istorii Evropeiskogo Bospora)*. Kiev: Naukova dumka, s. 163-174.

Kruts, S. I. 1991. Antropologicheskie materialy iz sarmatskikh pogrebenii u s. Porogi. In: Simonenko, A. V., Lobai, B. Iu. *Sarmaty severo-zapadnogo Prichernomoria v 1 v. n. e.(pogrebenie znati u s. Porogi)*. Kiev: Naukova dumka.

Kruts, S. I. 1993. Sarmaty Tavrii po antropologicheskim dannym. In: Simonenko, A. V. *Sarmaty Tavrii*. Kiev: Naukova dumka, s. 131-140.

Litvinova, L. V. 1994. Antropologicheskie materialy skifskoi kultury iz Severo-Zapadnogo Prichernomoria. In: *Olviia — 200. Tezisy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi dvukhsotletiiu arkheologicheskogo otkrytiia Olvii (5—9 sentiabria 1994 g. s. Parutino)*. Nikolaev: IA NAN Ukrainy, s. 11.

Nazarova, T. O. 1994. Do antropolohichnoi kharakterystyky naselennia Olvii ta Berezani. *Arkheolohiia*, 3, s. 85-95.

Nazarova, T. A. 2013. K voprosu o grecheskom prisutstvii v sostave Neapolia Skifskogo. *Drevnosti Prichernomoria*, X, s. 457-463.

Nazarova, T. A. 2014. Naselenie Khersonesa v pervye veka novoi. *Istorichna antropologiia ta bioarkheologiia Ukrainy*, 1, s. 35-48.

Pokas, P. M. 2000. Novye antropologicheskie materialy k probleme differencziaczii chernyaxovskoj kul'tury. In: Alekseev V. P. (ed.). *Narody Rossii: ot proshlogo k sovremennosti. Antropologiya*. 2. Moskva: Staryj Sad, s. 260-273.

Pokas, P. M., Nazarova, T. A., Dyachenko, V. D. 1988. Materialy po antropologii Aktashskogo mogil'nika. In: Bessonova, S. S. Bunyatyan, E. P., Gavrilyuk, N. A. *Aktashskij mogil'nik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu*. Kiev: Naukova dumka, s. 118-144.

Rudich, T. A. 2000. Naselenie chernyaxovskoj kul'tury Srednego Podneprovya po materialam antropologii. *Stratum plus*, 4, s. 278-288.

Rudych, T. O. 2003a. Antropolohichnyi sklad naselennia cherniakhivskoi kultury Livoberezhnoi Ukrainy. *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 2002, 2; 2003, 1, s. 205-213.

Rudych, T. O. 2003b. Antropolohichnyi sklad naselennia cherniakhivskoi kultury Pivnichnoho Prychornomor'ia. *Arkheolohiia*, 4, s. 19-32.

Rudich, T. A. 2004. K voprosu ob antropologicheskomu sostave naseleniia cherniakhovskoi kultury mezhdurechia Iuzhnogo Buga i Tiligula. In: *Boristhenika 2004. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 100-letiiu nachala issledovaniia ostrova Berezan E. R. fon Shternom*. Nikolaev: IA NAN Ukrainy, s. 138-141.

Rudich, T. A. 2006. Sarmaty v sostave cherniakhovskoi kultury Ukrainy (po materialam antropologii). In: Terpilovskii, R. V. (ed.) *Goty i Rim*. Biblioteka Vita antiqua, 14. Kiev: Stilos, s. 61-67.

Rudych, T. O. 2014. *Naselennia Serednoho Podniprovia 1—2 tysiacholittia za materialamy antropolohii*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Simonenko, A. V., Lobai, B. Iu. 1991. *Sarmaty severo-zapadnogo Prichernomoria v 1 v. n. e. (pogrebenie znati u s. Porogi).* Kiev: Naukova dumka.

Firshtein, B. V. 1970. Sarmaty Nizhnego Povolzhia v antropologicheskom osveshchenii. In: Tot, T. A., Firshtein, B. V. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov. Avary i sarmaty*. Leningrad: Nauka, s. 69-146.

Chernenko, Ye. V. Pizni skify. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Davnia istoriia Ukrainy*. 2: Skifo-antychna doba, Kyiv: IA NAN Ukrainy, s. 176-180.

Schwidetzky, I. 1972. Vergieichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie der Eisenzeit (letztes Jahrtausend v. d. Z.). *Homo*, XXIII, 3, S. 245-271.

T. O. Rudych

LATE SCYTHIANS: THE FORMATION OF THE POPULATION ACCORDING TO THE ANTHROPOLOGICAL MATERIAL

In this paper, craniological materials from late Scythian monuments were considered in a wide range of Scythian, Sarmatian groups and series from ancient necropolises. Statistical analysis was performed using several methods of multidimensional statistics. According to the results of the analysis it can be said that the population from the Lower Dnieper settlements and the Late Scythian cemeteries of Crimea is the common anthropological massif which is biologically connected with people from the ancient environment and people from certain Scythian populations.

Due to its mixed population, Mykolayivka-Kozatsky, Zolota Balka, Scythian Neapolis and Belyaus occupy an intermediate position between groups from Greek polises and individual Scythian series. From the Scythian series to the late Scythians morphologically and statistically the closest people from the cemetery of Ak-Tash and Mykolayivka on the Dniester who were in contact with the ancient world. Late Scythian groups differ from the main Scythian population in a number of ways. They have a smaller skull in length and height, below the face and nose, but higher orbits, as well as a sharper horizontal profile of the face. The direction of the differences shows that they should not be associated with epoch-making variability. The set of features in the direction of which the late Scythian population differs from the Scythians, is characteristic of the population of ancient cities. People from these cities were one of the two main components among the late Scythian population. The Sarmatians did not play a significant role in shaping the composition of the late Scythian populations, but their presence among the population is fixed.

Part of the descendants of the Late Scythian population took part in the formation of the anthropological composition of the bearers of Chernyakhiv culture. This is recorded in materials from Chernyakhiv cemeteries on the Black Sea coast. Some groups of people from the late Scythian populations were buried in the Chernyakhiv cemetery in the Middle Dnieper.

Keywords: late Scythians, Scythians, Sarmatians, ancient cities, anthropology, craniology.

Одержано 4.05.2020

РУДИЧ Тетяна Олександрівна, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник відділу біоархеології Інституту археології НАН України.
RUDYCH Tetyana O., doctor of historical sciences, Chief Research Fellow, Institute of Archeology, the National Academy of Sciences of Ukraine.
ORCID 0000-0002-3396-504X, e-mail: rudich@iananu.org.ua.

УДК 904.5(477.54)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.36

Э. Шультце, М. В. Любичев, А. Д. Козак

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЙТЕНКИ

Отдельная публикация материалов детского погр. 231 могильника Войтенки с археологическим и антропологическим анализом является важной, ибо этот комплекс отличается особенностями инвентаря, позволяющих исследовать социальное положение ребенка и его семьи.

***Ключевые слова**: позднеримское время, черняховская культура, детское погребение, антропологическое исследование, патологические признаки.*

Введение. Детские погребения на могильниках черняховской культуры уже более пятнадцати лет являются предметом специального изучения. В 2004 г. Э. Шультце на материалах могильников Гавриловка, Коблево, Лазо / Слободзия Кишкэрень, Оселивка, Ружичанка, Журавка-Ольшанская проанализировала детские погребения в таких аспектах как: а) соотношение с общим количеством погребенных на могильнике; б) особенности размещения на площади могильника; в) соотношение с глубиной и размерами погребений взрослых; г) особенности погребальной конструкции и комплекса инвентаря. Сделан вывод об ограниченности выборки детских погребений, связанной, в том числе, с трудностью определений погребений младенцев и новорожденных. Был поставлен вопрос связи социального статуса семьи с инвентарем погребения ребенка (Schultze 2004).

Публикация О. В. Петраускаса погребения 132 могильника Великая Бугаевка содержит раздел о социальном статусе погребенной девочки (Петраускас 2004, с. 179—181). Исследователь считает, что появление «богатых» детских погребений на финальном этапе черняховской культуры является закономерным результатом постепенной социальной стратификации общества. За столетие существования «бугаевской» общины семьи смогли накопить определенные материальные ценности и власть в общине. Наделение погребенного ребенка атрибутами, которыми семья владела в реальной жизни, свидетельствует о формировании института наследования в черняховском обществе на финальном этапе его существования (Петраускас 2004, с. 181).

Количество известных детских погребений на могильниках культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш постоянно увеличивается в связи с дальнейшим исследованием самих могильников. Проблема их анализа остается актуальной в том числе и в направлении социальной реконструкции носителей культуры.

Описание погребения 231. На могильнике Войтенки [1] открыто 15 погребений детей

© Э. ШУЛЬТЦЕ, М. В. ЛЮБИЧЕВ, А. Д. КОЗАК, 2020

1. Могильник является частью археологического комплекса позднеримского времени — начала эпохи Великого переселения народов у с. Войтенки (Валковский р-н, Харьковская обл., Украина) в области днепро-донецкого водораздела на реке шестого порядка днепровской системы, относится к поселению с участками и комплексами ступеней C1b—C2 и C3—D1 (рис. 1: 1). В ходе совместных исследований Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Евроазийского отдела Германского археологического института в 2005—2019 гг. открыто 241 погребение (119 ингумаций, 121 кремация, один кенотаф), относящихся к ступеням C3—D1 в системе Я. Тейрала (Tejral 1992, S. 234—246) или к фазам «B»—«E» горизонта «классической» черняховской культуры в области днепро-донецкой лесостепи (Любичев 2019, с. 32—36). Исследование могильника продолжается, некоторые его комплексы опубликованы (напр.: Любичев 2009; Lyubichev 2013; Schultze, Lyubichev 2017).

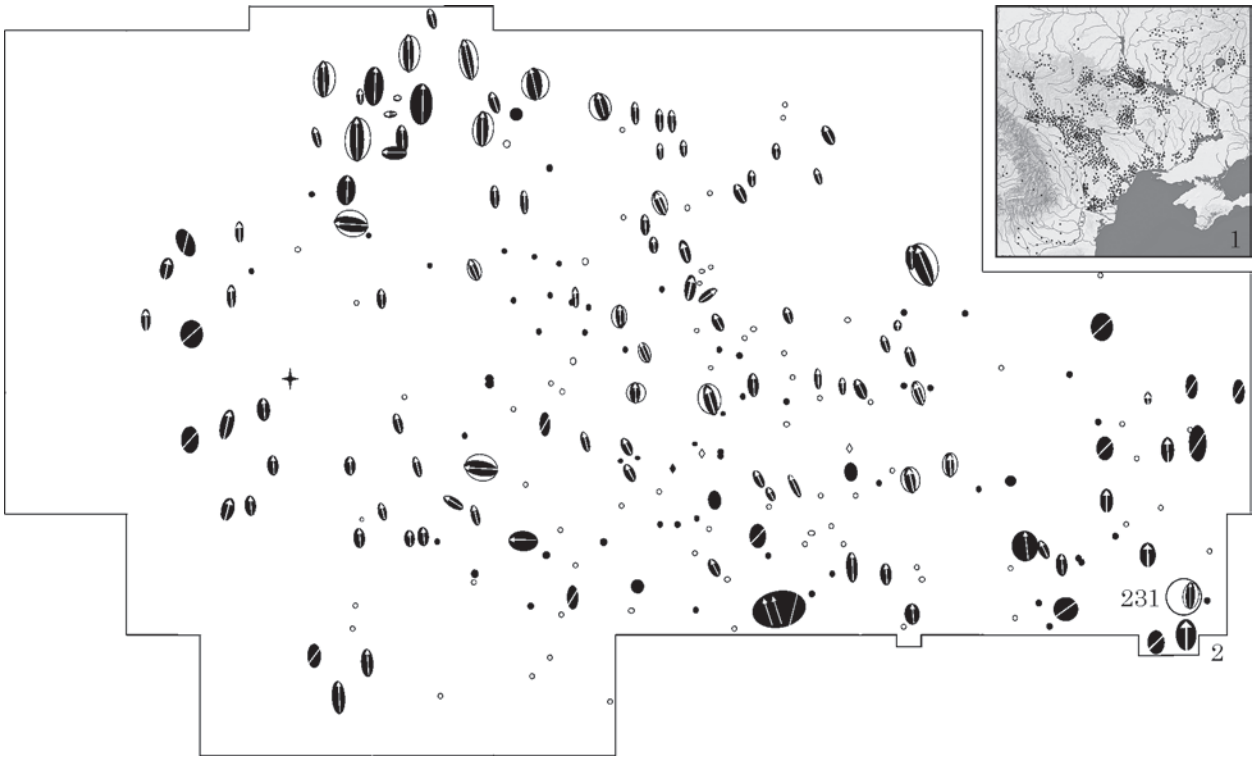


Рис. 1. Могильник Войтенки: 1 — могильник в ареале культуры Черняхов / Сынтана де Муреш (на карте: Гей 1993); 2 — положение погребения 231 на могильнике (по исследованиям 2005—2018 гг.)

различного возраста (погр. 6, 34, 50, 72, 79, 85, 94, 97, 99, 103, 126, 217, 218, 220, 231) [1]. Располагалось в юго-восточной части исследованной площади могильника (рис. 1: 2). В заполнении погребальной ямы встречены остатки древесины. Погребальное сооружение овальной в плане формы, с небольшим расширением в южной части, ориентировано по линии север—юг с отклонением на восток 15°. Подбой и входная яма располагались параллельно друг другу. Обрушенный подбой, находился к западу от входной ямы. В восточной, южной и северной частях ямы выполнена полка, в южной части которой сделана ступенька (рис. 2: 1, 3—5). Параметры ямы приведены в приложении.

Скелет ребенка лежал на спине по линии север—юг с отклонением 330° поверх сосудов 2—5, 7, 9, 20, 23 (рис. 4: 2—5, 9, 21, 23), головой на север. Частично отсутствовали позвонки и правая рука. Левая рука отведена в сторону от скелета, ноги разведены в стороны (рис. 2: 1). Параметры скелета описаны в приложении.

Инвентарь компактно сгруппирован в западной и юго-восточной частях погребального сооружения. В западной части, под скелетом и вокруг него, находились 17 круговых сосудов (сосуды 1—12, 19—23). Амфора (сосуд 1; рис. 4: 1) с остатками винного камня внутри размещалась на боку между черепом и северо-западной стеной. Вокруг шейных позвонков в сосуде 2 (рис. 4: 2) находилась низка из 83 бусин (рис. 3: 1) и две парные бронзовые щитковые фибулы (рис. 3: 2, 3). В сосуде 3 (рис. 4: 3), под правой кистью находилась подвеска 6 (рис. 3: 7), под левым бедром — подвеска 5 (рис. 3: 6). В сосуде 7 (рис. 4: 7), между нижними конечностями — подвески 1—3 (рис. 3: 8—10). В сосуде 8 (рис. 4: 8) — подвеска 4 (рис. 3: 11). Между сосудами 6—8 (рис. 4: 6—8), возле правой большой и малой берцовыми костями лежало пряслице 2 (рис. 3: 13). Возле сосуда 11 (рис. 4: 11) — пряслице 1 (рис. 3: 12). В северо-западном углу, среди остатков жертвенной пищи, находился железный нож (рис. 3: 5) и фрагмент рогового гребня (рис. 3: 4). В сосуде 6 (рис. 4: 6) размещались фрагменты гончарного сосуда 24 (рис. 4: 16), перемешанные с углями. В юго-восточной части погребального сооружения находились шесть гончарных сосудов (сосуды 13—18; рис. 4: 13—15, 17—19). В сосудах 12, 13, 18 зафиксированы остатки древесины на уровне 1,30—1,37 м. Описание инвентаря погребения приведены в приложении.

Жертвенная пища представлена двумя скоплениями: первое — возле сосуда 1 (рис. 4: 1; кости мелкого рогатого скота) на уровне 1,37—1,49 м; второе — между сосудами 7 и 12 (рис. 4: 7, 12; скорлупа яиц и угли) на уровне 1,47 м (рис. 2: 1).

Хронология погребения. По набору хронологических индикаторов (ХИ) первого (двухпластинчатые фибулы) и второго (подвески из

1. Антропологический анализ проводили: Т. А. Рудич по раскопкам 2004—2010 гг.; А. Д. Козак по исследованиям 2017 г. (Козак 2018).

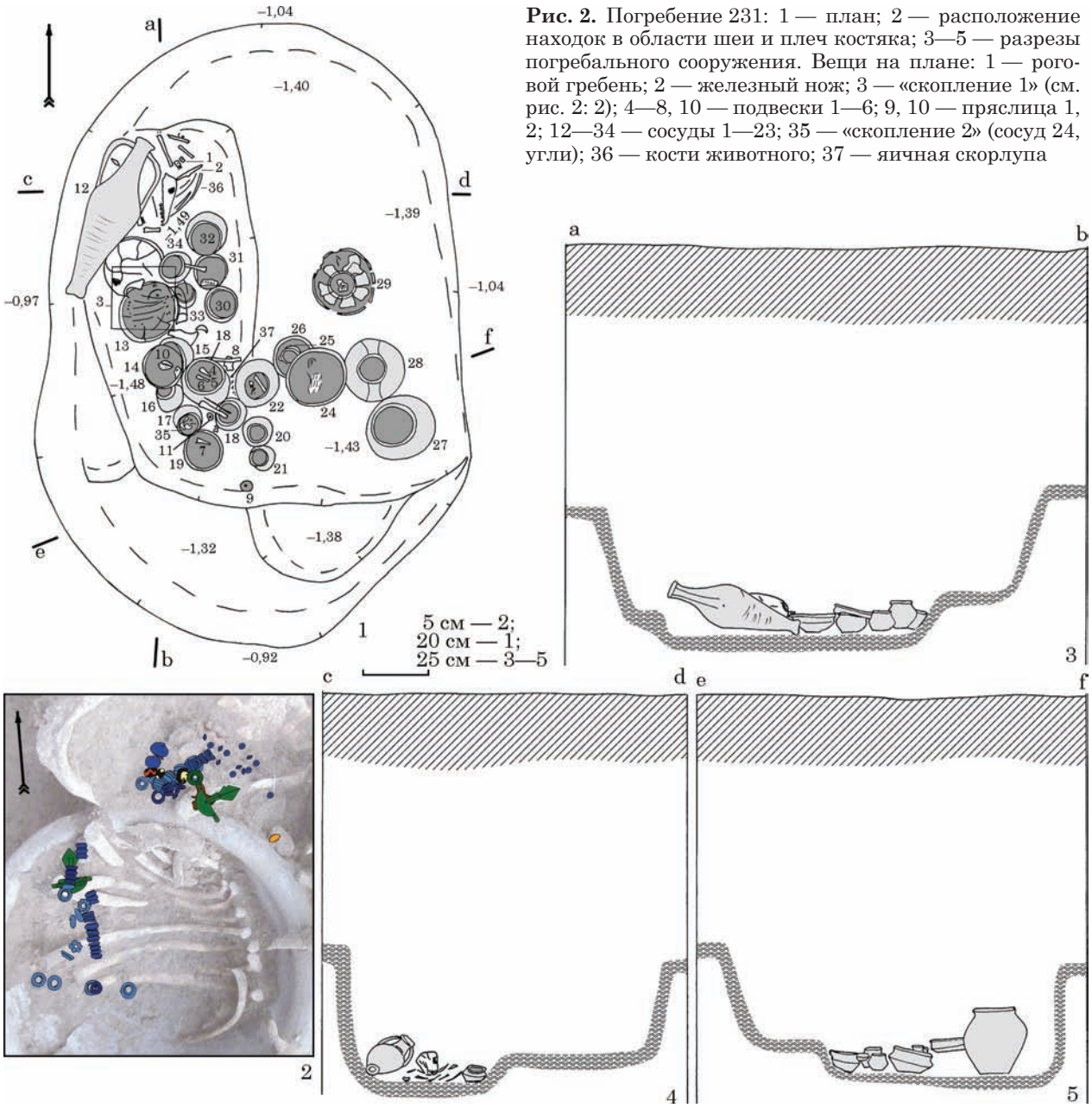


Рис. 2. Погребение 231: 1 — план; 2 — расположение находок в области шеи и плеч костяка; 3—5 — разрезы погребального сооружения. Вещи на плане: 1 — роговой гребень; 2 — железный нож; 3 — «скопление 1» (см. рис. 2: 2); 4—8, 10 — подвески 1—6; 9, 10 — пряслица 1, 2; 12—34 — сосуды 1—23; 35 — «скопление 2» (сосуд 24, угли); 36 — кости животного; 37 — яичная скорлупа

раковин морских моллюсков) уровней погребение относится к фазе «С» относительной хронологии горизонта «классической» черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи (Любичев 2019, 1, с. 95—97; 2, с. 32, 34), которая соотносится со ступенями С3, С3/D1 Я. Тейрала и в абсолютных датах может быть отнесена к третьей четверти IV в. (Любичев 2019, 1, с. 99; 2, с. 36). Узкогорлая светлоглиняная амфора типа Шелов—Диденко F3 в черняховских комплексах датируется рубежом третьей—четвертой четвертей IV в. (Діденко 2018, с. 68).

Особенности погребения. Инвентарь погребения включает 24 сосуда (параметры см. в таблице), это самое большое количество керамической посуды в погребении из всех, обнаруженных до настоящего времени на могильнике. Обычно в неразрушенных ингумациях встречаются 2—4 (33 %) или 5—8 сосудов (26 %). Только в четырех погребениях (погр. 86/1, 96, 101, 231) находились 15 сосудов или более (6 %).

Особенностью этого керамического комплекса является наличие амфоры (рис. 4: 1). Фрагменты амфор происходят из ареала поселения, а отдельные фрагменты присутствуют в культовом слое могильника. Но целая амфора пока известна только лишь в погр. 231. Амфоры в инвентаре погребений могильников культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш редки, но характерны для культуры в целом. В ареале черняховской культуры на территории современной Украины известно 24 находки целых амфор из которых 16 происходит из закрытых комплексов — погребений (Діденко 2018, с. 265—282). К сожалению, в нашем распоряжении имеется ограниченное количество антропологически определенных погребений с амфорой. Но по имеющейся выборке это погребения мужчин,

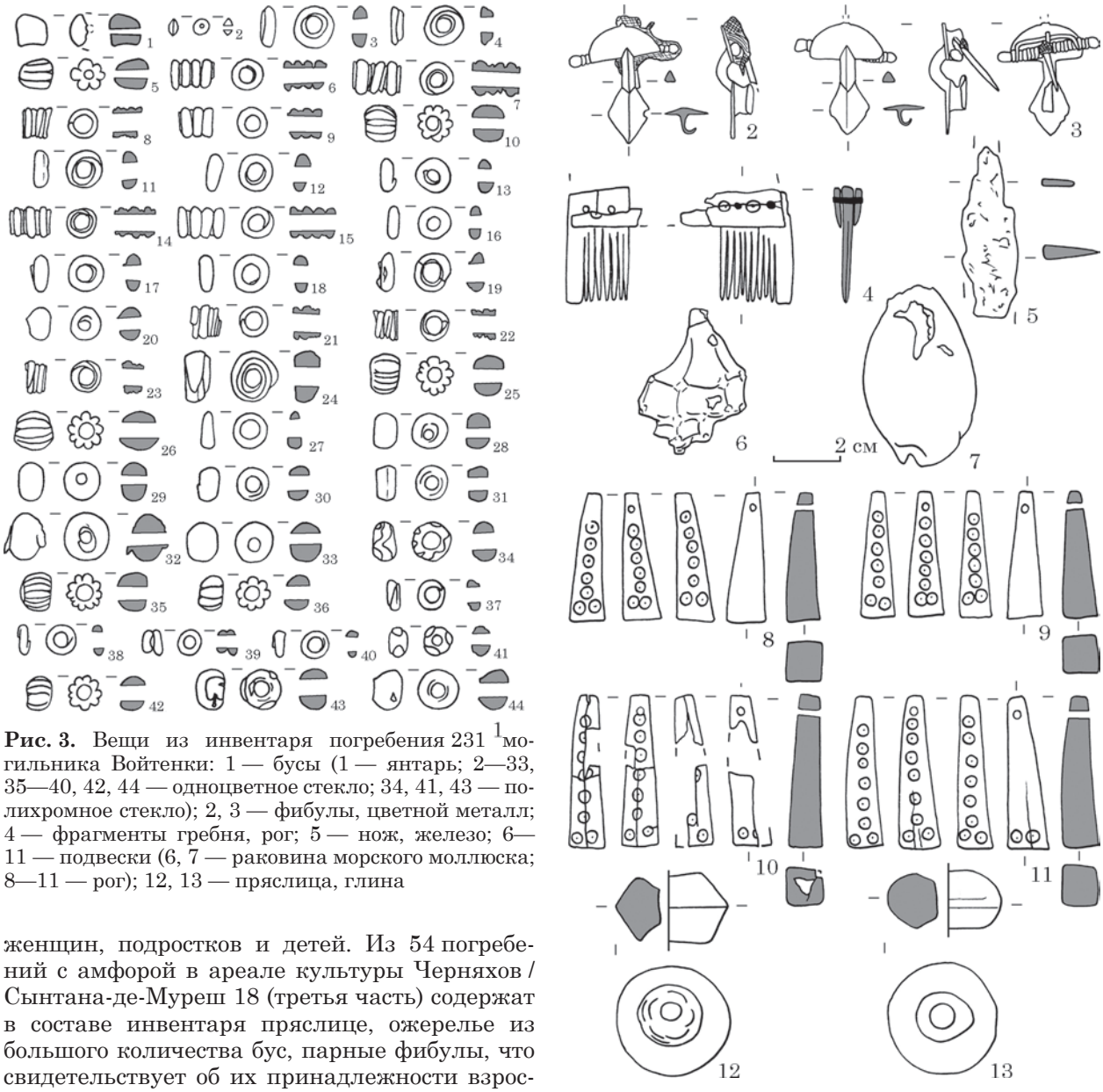


Рис. 3. Вещи из инвентаря погребения 231 [1]могильника Войтенки: 1 — бусы (1 — янтарь; 2—33, 35—40, 42, 44 — одноцветное стекло; 34, 41, 43 — полихромное стекло); 2, 3 — фибулы, цветной металл; 4 — фрагменты гребня, рог; 5 — нож, железо; 6—11 — подвески (6, 7 — раковина морского моллюска; 8—11 — рог); 12, 13 — пряслица, глина

женщин, подростков и детей. Из 54 погребений с амфорой в ареале культуры Черняхов / Сынтана-де-Муреш 18 (третья часть) содержат в составе инвентаря пряслице, ожерелье из большого количества бус, парные фибулы, что свидетельствует об их принадлежности взрослым женщинам или девочкам.

Традиционно светлоглиняные узкогорлые амфоры типа Шелов F и, в частности, Шелов—Диденко F3 считаются средством транспортировки вина из Гераклеи Понтийской (напр.: Arsen'eva et al. 1997; Внуков, 2006, с. 48—57; Діденко 2018, с. 31, 32).Остатки виного камня на стенках амфоры из погр. 231 позволяют предположить, что эта амфора попала в погребение со своим первоначальным содержанием. Сосуд являлся частью «питейного набора», который обычно включал в себя горшок, миски различных типов, вазу / трехручную вазу, одноручный / двуручный кувшины, стеклянный или керамический кубок. Такие «питейные наборы» с меньшим количеством сосудов встречаются и в других погребениях.

Следующей особенностью керамического набора погребения является наличие кружки (рис. 4: 14). Помимо погр. 231 она присутствует в погр. 96, а на поселении этот тип сосуда довольно редок.

В составе инвентаря выделяются бронзовые двухпластинчатые фибулы (рис. 3: 2, 3), которые пока не встречены ни в одном погребении могильника. Пирамидальные костяные подвески (рис. 3: 8—11) происходят из трех кремаций (погр. 10, 52, 67). Одна подвеска сохранилась в разрушенной в древности ингумации (погр. 167), два экземпляра — также в разрушенной ингумации (погр. 215). В последнем случае пирамидальные подвески выступают в комплексе с подвесками из раковин и потому это погребение является аналогией для погр. 231. Другие части инвентаря — роговой гребень, бусы, пряслица встречаются в погребениях гораздо чаще. Погребения с многочисленными вещами: комбинацией металлических деталей костюма, предметов туалета и домашней утвари обычно всегда связаны с различными сосудами, а иногда и с «полным питейным сервизом» (Шультце, Любичев 2018).

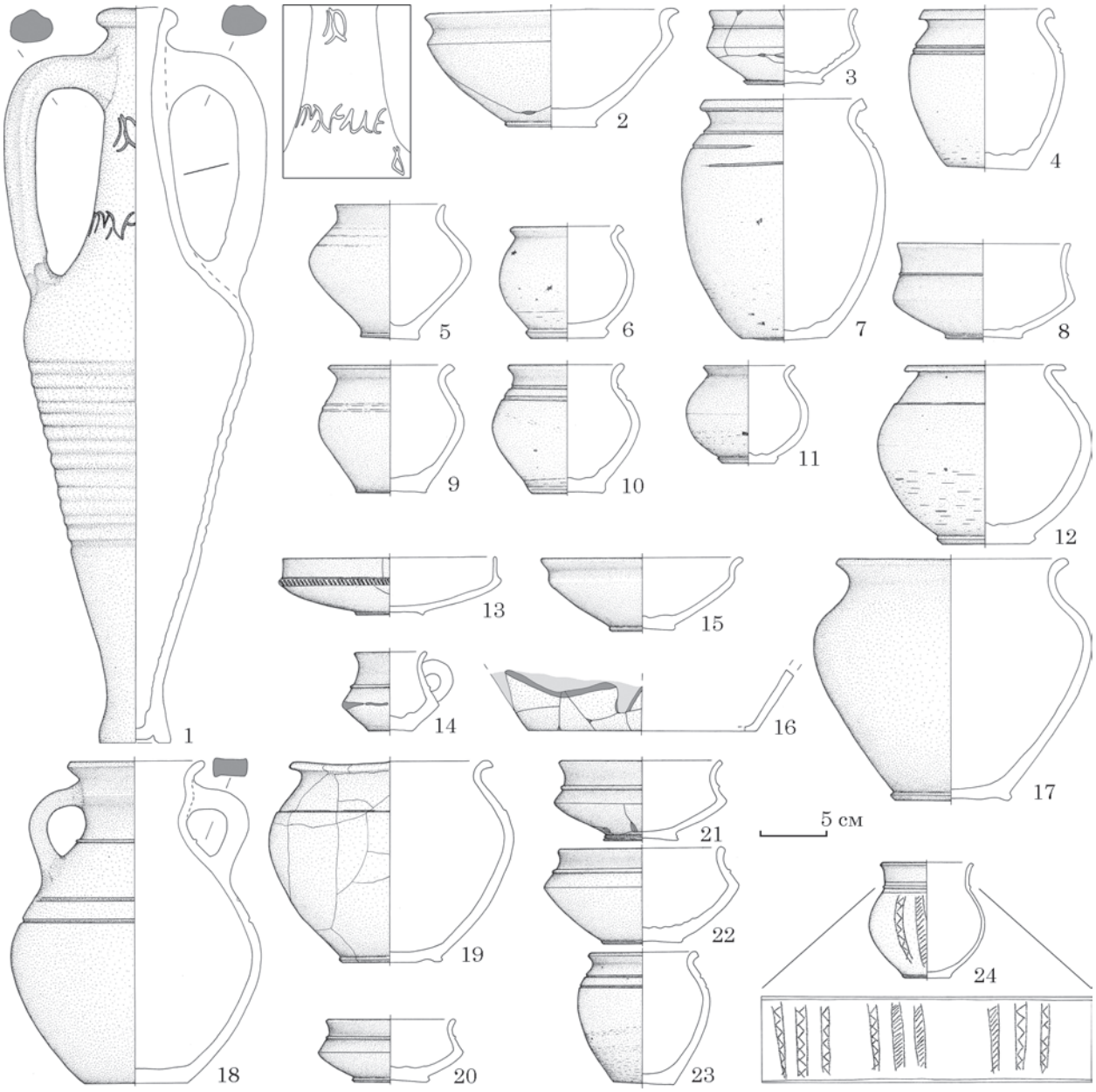


Рис. 4. Керамические сосуды из погребения 231 могильника Войтенки

Параметры керамических сосудов из погр. 231 могильника Войтенки, см

Сосуд		Высота	Диаметр			Сосуд		Высота	Диаметр		
№	Тип		венчика	тулова	днища	№	Тип		венчика	тулова	днища
1	Амфора	50,8	5,6	15,8	4,9	13	Миска	4,0	15,0	15,6	4,8
2	Миска открытого типа	8,1	17,6	17,1	6,4	14	Кружка	5,5	5,1	6,8	3,2
3	То же	5,2	10,4	10,8	5,7	15	Миска открытого типа	5,2	14,1	13,0	4,6
4	Горшок	11,0	9,6	10,9	5,7	16	Ваза	17,0	16,2	20,0	8,4
5	То же	9,4	7,8	11,4	4,2	17	Двуручный кувшин	22,5	9,6	17,6	7,2
6	То же	7,7	7,9	9,4	5,8	18	Ваза	14,0	14,3	17,1	7,3
7	То же	16,6	11,7	14,3	6,2	19	Миска закрытого типа	4,4	9,1	10,2	5,5
8	Миска закрытого типа	6,6	12,0	12,7	5,4	20	То же	5,5	11,5	12,0	5,2
9	Горшок	8,9	8,8	10,2	4,9	21	То же	6,6	11,7	13,7	5,7
10	То же	8,9	8,2	10,4	5,3	22	Кубок	8,1	6,5	8,0	3,4
11	То же	6,7	6,4	8,6	4,3	23	Горшок	9,1	7,8	9,3	4,4
12	То же	12,4	11,3	15,0	7,0	24	То же	сохр. 4	—	—	реконст. 16

Пол, возраст и следы заболеваний на скелете. Сохранность детских останков в погребениях могильника Войтенки в целом умеренная. Она зависит в первую очередь от глубины погребения, от локальных изменений состава почвы, и от факторов внешней среды в момент погребения. По нашим наблюдениям, возраст и пол ребенка, а также его социальный статус не имеют критического влияния на состояние костной ткани в погребении (Козак 2017).

В погр. 231 сохранность костей плохая, однако, достаточная для поло-возрастных и палеопатологических определений (рис. 5). Поверхность костей большей частью эродирована, на ней видны следы, оставленные корнями растений. Консистенция костной ткани варьирует от хрупкой до плотной, в зависимости от типа кости.

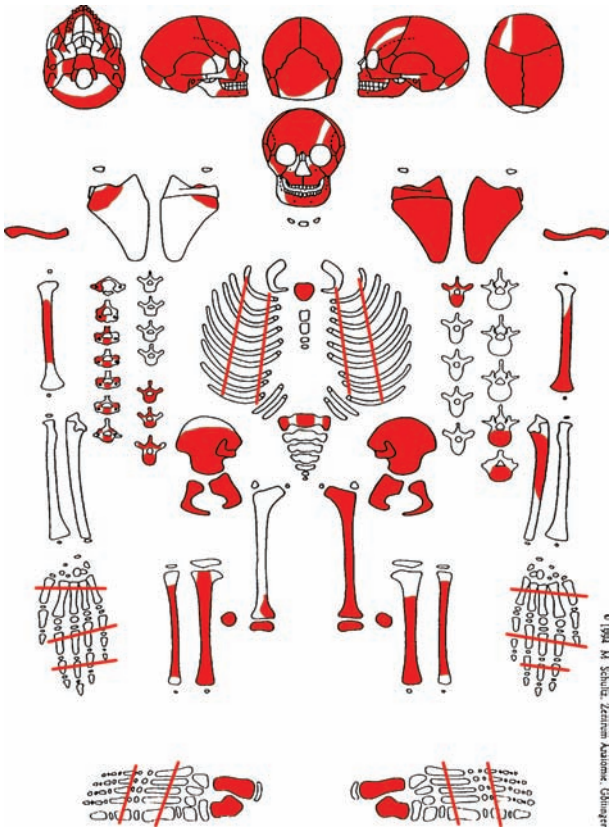


Рис. 5. Сохранность костей скелета ребенка из погребения 231 могильника Войтенки

Возраст ребенка определяли по длине костей конечностей без эпифизов (Baker et al. 2005; Schaefer et al. 2009), по порядку прорезания зубов (Ubelaker 1978), а также по степени формирования зубной коронки и корня (схема, адаптированная White, Folkens 2005, p. 367).

Роднички и нижнечелюстной синостоз закрыты, что происходит в среднем после 2 лет. Удалось измерить длину бедренной кости (138 мм), большой берцовой кости (114 мм) и ширину подвздошной кости (56 мм). Эти размеры соответствуют возрасту 1—2 года. Длина ключицы (64 мм) попадает в пределы вариантов 1,5—2,5 лет. Состояние прорезывания зубов соответствует возрасту 1,5—2,5 лет с некоторой задержкой прорезывания клыков. В целом возраст ребенка можно определить как (1,5) 2—2,5 года.

Существует несколько методик определения *пола* неполовозрелых индивидов по их костным останкам (Weaver 1980; Schutkowski 1993; Molleson et al. 1998; Loth, Henneberg 2001; Scheuer 2002; Reinman 2015; Luna et al. 2017). Эти определения основываются преимущественно на морфологии таза и нижней челюсти, их достоверность колеблется от 60 до 80 % в разных исследованиях. Кроме того, используют морфологию ключицы.

Изгиб ключицы достаточно слабый (рис. 6: 1), как и изгиб подвздошной кости (Schutkowski 1993). Угол большой седалищной вырезки больше 120°. Аурикулярная поверхность асимметрична, имеет L-форму (рис. 6: 2), что соответствует женскому полу (Luna et al. 2017). Аурикулярная поверхность приподнята над верхним краем седалищной вырезки (Weaver 1980; Mittler, Sheridan 1992), задняя линия седалищной вырезки пересекает аурикулярную поверхность (Schutkowski 1993). Нижняя челюсть имеет квадратный подбородочный выступ, смягченную линию ветви и сглаженные вертикальные абрисы, что, в конечном итоге, соответствует скорее женскому, чем мужскому полу (Loth, Henneberg 2001). Таким

Рис. 6. Полоопределяющие признаки: 1 — изгиб ключиц, 2 — строение подвздошной кости

образом, судя по морфологическим признакам, скелет принадлежит, скорее, девочке.

Кости скелета грацильные. На них выявлены следы активных ростовых процессов. В местах прикрепления крупных мышц присутствуют борозды и разрастания. На губной поверхности левого нижнечелюстного клыка расположен одиночный гипопластический дефект эмали в виде капли, размером около 3 мм (рис. 7). Линии Харриса случайно обнаружены на сломах длинных костей. Они расположены недалеко от метафизарных зон, и, значит, образовались незадолго до гибели ребенка.

Поверхность лицевых костей и костей черепа пористая, местами покрытая пленочкой новообразованной костной ткани. Особенно четко пористость определяется на дне орбит, дне и стенках носовой полости, на альвеолярном крае, подорбитальной поверхности, теле и ветвях нижней челюсти, на поверхности твердого неба, базиллярной части затылочной кости, в надостной ямке и на подостной поверхности крыла лопатки, а также на медиальной поверхности большеберцовой кости. Пористая пленка новообразованной кости расположена на своде орбиты (рис. 8), вокруг питательных отверстий, отверстий сосудов в основании черепа, в расширенных пальцевидных вдавлениях на внутренней поверхности костей свода черепа (рис. 9). Характер этих новообразований несколько различен. Так, пленка в пальцевидных вдавлениях имеет различную толщину, пронизана множественными кустовидными и сетчатыми бороздами мелких сосудов, однако создает впечатление относительно плотной костной ткани. Пленка в орбите более рыхлая, мелкопористая, в то время как изменения вокруг отверстий сосудов имеют вид кружевной, мелкопористой недавно образованной ткани. Исходя из морфологии и характера признаков, все они представляют разные стадии геморрагической реакции.

Кроме того, на шейке бедренной кости присутствуют «разрежения» поверхностной пластинки, соответствующее симптому *cribra femoris*, а также несколько нарушены процессы костеобразования в эпиметафизарных зонах длинных костей.

Анализ патологических изменений костей в контексте среды обитания. Следы деструктивных и пролиферативных процессов костной ткани в местах прикрепления сухожилий мышц у девочки 1—2 лет можно рассматривать как травмы, связанные с процессами роста. Некоторые исследователи считают, что такие изменения обусловлены особенностями прикрепления сухожилий и строения периоста у детей (Villotte, Knüsel 2013). Наиболее часто их фиксируют в местах прикрепления больших мышц (m. *pectoralis major, soleus, gluteus maximus* etc.). В средневековых сериях, исследованных на территории Украины А. Д. Козак, эти признаки практически всегда коррелируют с изменениями скелета, вследствие нарушений обмена веществ у детей и подростков.

Рис. 7. Нижняя челюсть. Пятно гипоплазии на молочном клыке

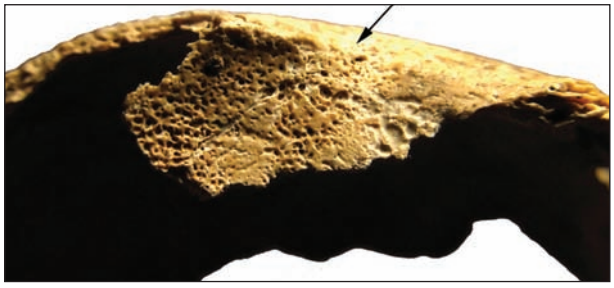


Рис. 8. Изменения в орбите ребенка

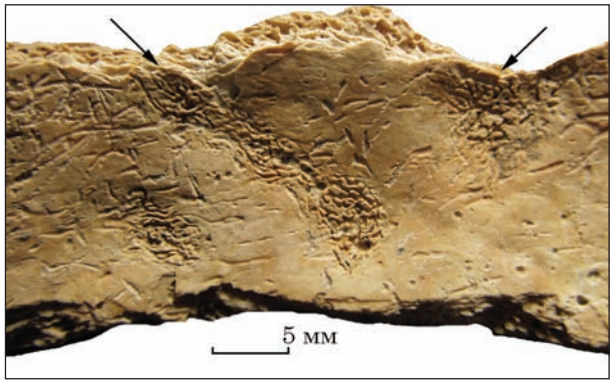


Рис. 9. Внутренняя поверхность теменной кости. Пористая пленка в пальцевидных вдавлениях

На скелете девочки обнаружен ряд других патологий, свидетельствующих о нарушениях обмена веществ. В первую очередь это следы метаболических процессов, связанных с дефицитом определенных витаминов. К ним относятся пористость поверхности лицевых костей и следы оссифицированных и частично кальцинированных геморрагий на костях черепа. Причиной таких изменений может быть хрупкость сосудов вследствие авитаминоза С (и в дальнейшем — цинги). Диагноз подтверждается симптомом «скорбутного лица» (рис. 10), видимым на верхнечелюстных костях и рыхлостью краев и стенок альвеол, вызванных пародонтопатиями (Ortner, Ericksen 1998; Козак, Шульц 2007; Brickley, Ives 2008, p. 56—60; Козак 2010, с. 149—156; Lewis 2018, p. 215—217). Причиной появления дефекта эмали клыка нижней челюсти или так называемой локальной ги-

Рис. 10. Верхняя челюсть ребенка. Симптом «скорбутного лица»

поплазии молочных клыков: LHPC (Skinner 1986) или Skinner's teeth (Lewis 2018 p. 85, 86) считают механическую травму формирующейся эмали вследствие временного истончения альвеолярной кости (остеопения). Это, в свою очередь, обусловлено дефицитом кальция в материнском молоке (Skinner, Hung 1989), недостатком солнечного света у детей, рожденных в зимние месяцы (Lewis 2018) или низким потреблением жиров, необходимых для усвоения витамина А и каротиноидов (Skinner et al. 1994; Skinner, Newell 2000), то есть, состояниями, связанными с дефицитом витаминов А и Д, или кальция. Ослабление связок и сухожилий периодонта и кровотечения в области десен, вызванные авитаминозом С также могут вызвать нарушение целостности альвеолярной кости или деформацию стенок альвеол, соответственно, привести к травмам формирующейся коронки (Kalnins 1950). Другие изменения, которые указывают на возможные метаболические нарушения — пористость шейки бедренной кости (*cribra femoris*), что является одним из симптомов анемии (Lewis 2018, p. 194). Разрежение поверхности кости в зонах эпиметафизов сопровождает различные заболевания, в том числе и нарушение обмена веществ.

Однако, дефицитные заболевания у ребенка из социально обеспеченного слоя населения, кажутся, по крайней мере, сомнительными, до той поры, пока мы считаем эти заболевания лишь последствием голода. Недостаток витаминов и микроэлементов может быть спровоцирован также их повышенным потреблением вследствие инфекции, с которым борется организм. Геморрагии на внутренней поверхности черепных костей, наряду с увеличенными пальцевидными вдавлениями (симптом повышенного внутричерепного давления), могут быть следствием реакции мозговых оболочек на бактериальную или вирусную инфекцию (Шультц, Козак 2008). С другой стороны, к таким последствиям может привести ухудшение качества материнского молока или же раннее прекращение грудного вскармливания вследствие заболевания или смерти матери.

Низкое поступление жира или кальция с молоком матери в период формирования коронки клыка (от 6 месяцев до года), в дальнейшем могли вызвать снижение иммунитета или же привести к хроническим диареям, вызвавшим истощение организма.

Интересно, что подобный набор симптомов (цинги, анемии, следов бактериального менингита как следствия осложнения среднего отита и др.), обнаружен у ребенка из другого погребения с богатым инвентарем на исследуемом могильнике (погр. 217), а также у ребенка из погребения 218. Оба эти погребения располагались в десятке метров к северо-западу от исследуемого.

Таким образом, можно предположить, что метаболические и дефицитные состояния, приводящие к гибели грудных детей, могли быть обусловлены какими-то явлениями в общине, условиями жизни. Такие же изменения часто выявлены у детей и на других могильниках черняховской культуры (Козак 2016). Причину гибели детей поможет выявить исследование патологических процессов и смертности у взрослых.

Отметим, что время образования линейной гипоплазии эмали, маркирующей эпизоды острых и обострения хронических болезней, а также голоданий в детском возрасте в популяции Войтенков соответствует 2—4 годам (Мамчур, Козак 2020 в печати), то есть как раз возрасту, близкому к гибели девочки. Возможно, именно этот период был наиболее критичным в процессе адаптации детей к условиям среды.

Не исключено, что не выжившие дети рождались в периоды голода, вызванного неурожаем, падежом скота, или во время эпидемий. Хозяйственный уклад черняховских популяций — преимущественное земледелие и скотоводство — делало население зависимым от погодных условий и урожаев. Немалую роль в колебаниях здоровья играли миграции. Постоянный приток населения нарушал микробиомы, успевшие образоваться в относительно ограниченном пространстве общины. Это приводило к появлению новых инфекций, от которых в первую очередь страдали дети.

Подобные погребения на черняховских могильниках. Погр. 231 находится в юго-восточной части исследованной площади могильника. Его окружали как ингумации, так и кремации. Ближайшим погребением к югу является погр. 229 — ингумация, ориентированная по линии север—юг с инвентарем, включающим две фибулы, две пряжки, игольник с иглой, бусы, 10 круговых сосудов и жертвенную пищу. Немного восточнее размещалось погребение-кремация 230 с урной в виде горшка и фрагментами трех других сосудов (рис. 1: 2). Детские погребения находятся в разных частях могильника и не образуют отдельной группы. Часто они отделены друг от друга достаточно большими площадями, на которых располагаются другие погребения. Особая ситуация про-

слежена в 12—15 м к северо-западу от погр. 231: там находится группа из трех детских погребений (погр. 217, 218, 220; рис. 1: 2).

Корректным является сравнение рассматриваемого «богатого» детского погребения из Войтенков с подобным комплексом, погр. 132 могильника Великая Бугаевка. Речь идет о погребении девочки в возрасте 7 лет (Петраускас 2004; Рудич 2004). В простой яме находился скелет в вытянутом положении. Присутствует лишь одно скопление керамики — 9 сосудов были сгруппированы выше черепа и лишь один находился у бедра. Скелет не лежал на сосудах (Петраускас 2004, рис. 1, 2). Керамический набор состоит из 6 горшков, 4 мисок (Петраускас 2004, рис. 2: 1—10; 4) одну из которых (самую большую; Петраускас 2004, рис. 2: 10) можно рассматривать как вазу. Кувшин и амфора здесь отсутствуют. О. В. Петраускас называет один сосуд миской-кубком (Петраускас 2004, рис. 2: 4; 4: 5), но можно предполагать, что и маленький горшок у бедра (Петраускас 2004, рис. 2: 1; 4: 8) служил кубком. Следовательно, набор сосудов из погр. 132 Великой Бугаевки отличается от погр. 231 Войтенков, являясь «неполным питейным сервизом». Предметы туалета и утвари в обеих погребениях состояли из гребня, ножа, но в погр. 231 Войтенков находилось пряслице, а в погр. 132 Великой Бугаевки — клюковидная булавка, костяная иголка, ладан. Жертвенная пища обнаружена только в погр. 231. Набор металлических деталей костюма сходен в обоих погребениях. Следует отметить парные бронзовые фибулы, пряжку, украшения с бусами. В погр. 132 бусы найдены не только в скоплении в области шеи, но и у пояса, за черепом. О. В. Петраускас реконструировал из бусин в области шеи два ожерелья (Петраускас 2004, рис. 7). В обоих погребениях между ногами лежал амулет из костяных пирамидальных подвесок и подвесок из раковин морских моллюсков, который первоначально был прикреплен к поясу.

Детали костюма и украшения свидетельствуют, что в этих погребениях детей находятся вещи взрослой женщины. Если принимать во внимание керамический сервиз, то возможно предположить, что инвентарь не отражает реальное положение этих девочек в обществе, но он отражает их будущее в другом мире. Одновременно особенности инвентаря свидетельствуют об экономических возможностях семьи родственников умерших. Погребение с амфорой свидетельствуют о прочных хозяйственных позициях семьи. Эта семья, вероятно, участвовала в межрегиональном обмене, что нельзя сказать обо всех жителях поселения. Возможно, амфора с вином здесь выполняет некую идеологическую нагрузку, связанную, вероятно с культом плодородия и продолжения рода, в том числе и в потустороннем мире. Амфора сочетается с амулетом, из двух подвесок-раковин и пирамидальных роговых подвесок. Этот амулет в погребениях могильников во всем ареале культуры связан с девочками, девушками, не рожавшими женщинами и явно имеет отношение к магии рождения детей и продолжения рода (Lyubichev 2013, p. 244—246).

Инвентарь взрослых в погребениях детей встречен в различных частях ареалах черняховской культуры. Другим примером является погр. 67 могильника Нагорное 2, где плохая сохранность костей не позволила провести антропологический анализ, а археологические остатки свидетельствуют о погребении ребенка (Gudkova, Schultze 2017, 223, Taf. 55—57). Инвентарь похож на сравниваемые выше два комплекса. Парные серебряные фибулы и бусы, как обычно, находились возле плеч, а подвески из раковин и пирамидальная подвеска находились в скоплении в северо-восточном углу ямы. Возможно, эти вещи находились в кулаке и представляли собой подарок.

Приложение

ПАРАМЕТРЫ И КАТАЛОГ ИНВЕНТАРЯ ПОГРЕБЕНИЯ 231

Параметры погребального сооружения (м): длина — 1,92; ширина: в северной части — 1,18; в центральной части — 1,27; в южной части — 1,34; полки: северная часть: длина — 0,31, ширина — 0,18, высота — 0,09; восточная часть: длина — 0,80, ширина — 0,62, высота — 0,1; южная часть: длина — 1,17, ширина — 0,31, высота — 0,11; ступеньки в южной части: длина — 0,46, ширина — 0,2, высота — 0,05; глубина от уровня современной поверхности: в северной части — 1,49; в центральной части — 1,49; в южной части — 1,48; глубина ступени — 1,32; глубина дна ямы от уровня материка — 0,35—0,56.

Параметры скелета (м): правая плечевая кость — 0,087, левая плечевая кость — 0,093; правая бедренная кость — 0,137; левая бедренная кость — 0,111.

Инвентарь.

1. Фрагменты рогового многочастного гребня (рис. 3: 4) — плечики, предплечья и ножки — прямые, сохранились 4 бронзовых штифта, циркульный орнамент на пластинах-накладках. Параметры (см): высота — 3,3; толщина — 0,9; тип Thomas III (Thomas 1960).

2. Фрагменты железного ножа (рис. 3: 5) — сильно коррозирован, спинка — прямая. Параметры (см): сохр. длина — 7,4; ширина клинка — 1,6; толщина клинка — 0,1—0,6.

3. Бусина (рис. 3: 1: 1) — янтарь, фрагмент, округлая уплощенная, цвет — бордовый, непрозрачная, канал — конический; параметры (см): диаметр — 0,8; высота — 0,8; диаметр канала — 0, 2—0,1. Тип Гопкало Я I/1а (Гопкало 2008).

4. Бусина (44 ед.; рис. 3: 1: 2) — одноцветное синее полупрозрачное стекло, биконическая усеченная дважды, канал — цилиндрический. Параметры (см): диаметр — 0,5; высота — 0,4; диаметр канала — 0,1. Тип Гопкало ОС XII/2а.

5. Бусина (10 ед.; рис. 3: 1: 6—9, 14, 15, 21—23, 39) — одноцветное голубое непрозрачное стекло, многочастная винтообразная эллипсоидная усеченная дважды, канал — цилиндрический продольный. Параметры (см): высота — 0,5—1; диаметр — 0,7—0,8; диаметр канала — 0,4. Тип Гопкало ОС XIII/1.

6. Бусина (4 ед.; рис. 3: 1: 28, 29, 32, 33) — одноцветное голубое полупрозрачное стекло, округлая эллипсоидная усеченная дважды, канал — цилинд-

рический, параметры (см): высота — 0,7; диаметр — 1,0; диаметр канала — 0,35. Тип Гопкало ОС II/15.

7. Бусина (8 ед.; рис. 3: 1: 11—13, 16—18, 30, 31) — одноцветное голубое полупрозрачное стекло, округлая эллипсоидная усеченная дважды, канал — цилиндрический. Параметры (см): высота — 0,35; диаметр — 0,9—1,1; диаметр канала — 0,5—0,6. Тип Гопкало ОС II/2.

8. Бусина (рис. 3: 1: 27) — одноцветное черное непрозрачное стекло, округлая эллипсоидная усеченная дважды, канал — цилиндрический поперечный. Параметры (см): высота — 0,4; диаметр — 1,0; диаметр канала — 0,4. Тип Гопкало ОС II/1.

9. Бусина (7 ед.; рис. 3: 1: 5, 10, 25, 26, 35, 36, 42) — одноцветное непрозрачное голубое стекло, ребристая эллипсоидная усеченная дважды, канал — цилиндрический поперечный. Параметры (см): высота — 0,6—0,8; диаметр — 0,9—1,1; диаметр канала — 0,35—0,4. Тип Гопкало ОС XIV/9.

10. Бусина (2 ед.; рис. 3: 1: 20, 44) — одноцветное черное непрозрачное стекло, округлая эллипсоидная усеченная дважды, средняя, канал — цилиндрический. Параметры (см): высота — 1,0; диаметр — 1,3; диаметр канала — 0,4. Тип Гопкало ОС II/14.

11. Бусина (7 ед.; рис. 3: 1: 3, 4, 19, 24, 37, 38, 40) — одноцветное голубое полупрозрачное стекло, винтообразная эллипсоидная усеченная дважды с шейкой. Параметры (см): высота — 0,7—0,8; диаметр — 1,1—1,3; диаметр канала — 0,4—0,6. Тип Гопкало ОС XIII/1.

12. Бусина (рис. 3: 1: 34) — полихромное непрозрачное стекло, основа: черное непрозрачное стекло, декор: одноцветный плоский в виде волнистой линии из розово — коричневого непрозрачного стекла, округлая эллипсоидная усеченная дважды, средняя, канал — цилиндрический. Параметры (см): высота — 0,7; диаметр — 1,1; диаметр канала — 0,5. Тип Гопкало ПС IX/1б.

13. Бусина (2 ед.; рис. 3: 1: 41, 43) — полихромное непрозрачное стекло, основа: черное непрозрачное стекло, декор: одноцветный выпуклый в виде трех симметричных пятнышек из желтого непрозрачного стекла, округлая эллипсоидная усеченная дважды, малая и средняя, канал — цилиндрический, параметры (см): высота — 0,5—0,9; диаметр — 0,9—1,2; диаметр канала — 0,4—0,5. Тип Гопкало ПС I/Аб.

14. Бронзовая двухчастная двупластинчатая фибула (№ 1; рис. 3: 2). Отсутствует маленький фрагмент нижней пластины. Дуговидная спинка треугольного сечения, верхняя пластина — полукруглая, нижняя — ромбовидная с максимальным расширением на середине высоты. Приемник — сплошной пластинчатый прямоугольный, оттянут от края ножки. Одна пружина закреплена в первом отверстии в вертикальной пластинке и выступает за край щитка, на концах — «кнопки». Одинарная верхняя тетива продета через второе отверстие в вертикальной пластинке. Параметры (см): длина корпуса — 3,5; сечение спинки: 0,3 × 0,3; размеры пластинок: верхняя: 2,0 × 1,0; нижняя: 1,2 × 1,5; длина пружины — 3,4. С внутренней стороны верхняя пластина и часть пружины закрыты остатками ткани. Тип Амброз: «маленькая» 1бб; Гавритухин: вариант Боромля—Компанийцы.

15. Бронзовая двухчастная двупластинчатая фибула (№ 2; рис. 3: 3). Дуговидная спинка треугольного сечения. Верхняя пластина — полукруглая, нижняя пластина — ромбовидная с максимальным расширением на середине высоты. Приемник — сплошной пластинчатый подпрямоугольный, оттянут от края ножки. Одна пружина закреплена в нижнем отверстии в вертикальной пластинке и выступает за край щитка, на концах — «кнопки». Одинарная верхняя тетива продета через верхнее отверстие в вертикальной пластинке. Параметры (см): длина корпуса — 3,2; сечение спинки: 0,4 × 0,3; размеры пластинок: верхняя: 2,1 × 1,0; нижняя: 1,2 × 1,3; длина пружины — 3,0; количество витков пружины с двух сторон: 8 и 10. Тип Амброз: «маленькая» 1бб; Гавритухин: вариант Боромля—Компанийцы.

16. Подвеска роговая пирамидальная (4 ед.; рис. 3: 8—11) — целые (23, 24, 26), из фрагментов (25), сечение — квадрат, циркульный орнамент на трех (подвески 1, 2), четырех (подвески 3, 4) гранях в виде 7—8 циркульных окружностей, сквозное отверстие в верхней части. Параметры (см): высота — 3,7—4,6; размеры: верхнего основания — 0,4—0,6 × 0,4—0,5; нижнего основания — 1,1 × 1,1—1,2; диаметр отверстия — 0,2. Тип Гопкало К 1.

17. Подвеска из раковины морского моллюска *Bolinus brandaris* (подвеска 5; рис. 3: 6). Параметры (см): размеры 4,4 × 3,2. Тип Гопкало Р 2.

18. Подвеска из раковины морского моллюска *Cypraea pantherina* (подвеска 6; рис. 3: 7). Параметры (см): размеры 5,5 × 3,3. Тип Гопкало Р 2.

19. Глиняное пряслице (пряслице 1; рис. 3: 12) — биконическое с острым ребром, лощеная поверхность коричневого цвета, основания — вогнутые. Параметры (см): высота — 2,0; диаметр по ребру — 3,3; диаметр основания — 2,0; диаметр отверстия — 0,7.

20. Глиняное пряслице (пряслице 2; рис. 3: 13) — колесовидное, лощеная поверхность коричневого цвета, основания — вогнутые. Параметры (см): высота — 1,8; диаметр по ребру — 3,2; диаметр основания — 1,5—2,1; диаметр отв. — 0,7.

21. Амфора узкогорлая светлоглиняная (сосуд 1; рис. 4: 1) — шероховатая поверхность бежевого цвета, горло — узкое, максимально расширенное в основе, тулово — удлиненное, борозды на тулове, плечо — низко опущенное покатое, переход от горла к плечу — плавный, венчик — валикообразный, сечение ручки — профилированное, ножка — коническая, поддон — кольцевой, дипинти (несколько знаков) — в два ряда: на горле, на основании горла. Параметры сосудов содержатся в таблице.

22. Миска открытого типа (сосуд 2; рис. 4: 2) — целая, шероховатая поверхность светло-серого цвета, ребристое тулово, ребро — в верхней части высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое.

23. Миска закрытого типа (сосуд 3; рис. 4: 3) — археологически целая, лощеная поверхность черного цвета, ребристое тулово, ребро на середине высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое, орнамент — валик на плече.

24. Горшок (сосуд 4; рис. 4: 4) — целый, шероховатая поверхность серого цвета, округлобокое тулово с наибольшим расширением выше середины высоты, венчик — отогнут, днище — сплошное, орнамент — две врезанные линии на плече.

25. Горшок (рис. 4: 5) — целый, шероховатая поверхность светло-светло серого цвета, округлобокое тулово с наибольшим расширением на середине высоты, венчик — слабо отогнут, днище — плитчатое.

26. Горшок (сосуд 6; рис. 4: 6) — целый, шероховатая поверхность серого цвета с выступающим кусками шамота, шаровидное тулово с наибольшим расширением на середине высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое.

27. Горшок (сосуд 7; рис. 4: 7) — целый, шероховатая поверхность светло-серого цвета, округлобокое вытянутое тулово с наибольшим расширением выше

середины высоты, венчик — отогнут, днище — сплошное, орнамент — две врезанные линии на плече.

28. Миска закрытого типа (сосуд 8; рис. 4: 8) — целая, лощенная поверхность светло-серого цвета, ребристое тулово, ребро ниже середины высоты, венчик — плавно отогнут, днище — плитчатое, орнамент — валик на плече.

29. Горшок (сосуд 9; рис. 4: 9) — целый, шероховатая поверхность белого цвета, округлобокое тулово с наибольшим расширением на середине высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое, орнамент — две врезанные линии на плече.

30. Горшок (сосуд 10; рис. 4: 10) — целый, шероховатая поверхность серого цвета, округлобокое тулово с наибольшим расширением на середине высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое, орнамент — две врезанные линии на плече.

31. Горшок (сосуд 11; рис. 4: 11) — целый, шероховатая поверхность темно-серого цвета, шаровидное тулово с наибольшим расширением на середине высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое.

32. Горшок (сосуд 12; рис. 4: 12) — целый, шероховатая поверхность серого и светло-коричневого цветов, шаровидное тулово с наибольшим расширением на середине высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое, орнамент — уступ на плече.

33. Миска открытого типа (сосуд 13; рис. 4: 13) — целая, лощеная и частично слабо обожженная поверхность черного цвета, ребристое тулово, ребро — на середине высоты, венчик — прямой, днище-кольцевое, орнамент — валик на ребре с рядом косых насечек.

34. Кружка (сосуд 14; рис. 4: 14) — целая, шероховатая поверхность серого цвета, ребристое тулово, ребро ниже середины высоты, венчик — отогнут, днище — сплошное, сечение ручки — овал, в профиле — круглая, место крепления — шейка — плечо выше ребра, одна ручка, орнамент — валик на плече.

35. Миска открытого типа (сосуд 15; рис. 4: 15) — целая, лощенная поверхность темно-серого цвета, ребристое тулово, ребро — в верхней части высоты, венчик — отогнут, днище — плитчатое.

36. Горшок — ваза (сосуд 16; рис. 4: 17) — целый, лощеная поверхность светло-серого цвета, округлобокое тулово с наибольшим расширением в верхней части высоты, венчик — отогнут, днище — кольцевое.

37. Двуручный кувшин (сосуд 17; рис. 4: 18) — целый, лощеная поверхность светло-серого цвета, округлое тулово с наибольшим расширением на середине высоты, венчик — отогнут, днище — сплошное, две ручки, сечение — прямоугольник с одним выступающим углом, профиль — дуга, место крепления: горло — плечо, горло — с плавным переходом от тулова, расширяющееся и профилированное, орнамент: валик на основании горла и два канала ниже ручки;

38. Горшок-ваза (сосуд 18; рис. 4: 19) — целый, лощеная поверхность светло-серого цвета, округлобокое тулово с наибольшим расширением выше середины высоты, венчик — отогнут, днище — кольцевое орнамент — уступ на плече.

39. Миска закрытого типа (сосуд 19; рис. 4: 20) — целая, лощеная поверхность серого цвета, ребристое тулово, ребро — на середине высоты, венчик — отогнут, днище-плитчатое, орнамент — валик на плече ниже шейки.

40. Миска закрытого типа (сосуд 20; рис. 4: 21) — целая, лощеная поверхность черного цвета, ребристое тулово, ребро — на середине высоты, венчик — отогнут, днище —плитчатое, орнамент — валик на плеч ниже шейки.

41. Миска закрытого типа (сосуд 21; рис. 4: 22) — целая, лощеная поверхность светло-серого и терракотового цветов, ребристое тулово, ребро — выше середины высоты, венчик — слабо выделен, днище — плитчатое, орнамент — валик на плече.

42. Кубок (сосуд 22; рис. 4: 24) — целый, лощеная поверхность черного цвета, венчик — слабо отогнут, тулово — округлое, днище — плитчатое, орнамент — комбинированный: валик на переходе от горла к плечу и чеканно — штамповый орнамент на тулове.

43. Горшок (сосуд 23; рис. 4: 23) — целый, шероховатая поверхность темно-серого цвета, округлобокое тулово с максимальным расширением выше середины высоты, венчик — отогнут, днище — сплошное, орнамент — две врезанные линии на плече.

44. Горшок (сосуд 24; рис. 4: 16) — фрагменты днища и стенок, шероховатая поверхность серого цвета, днище — сплошное.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз, А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР*. Свод археологических источников, Д 1-30. Москва: Наука.

Внуков, С. Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э.* II: Петрография, хронология, проблемы торговли. Санкт Петербург: Алетейя.

Гей, О. А. 1993.Черняховская культура. Хронология. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс.н. э.* Москва: Наука, с. 146-155.

Гопкало, О. В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев: Корвін-Піотровський А. О.

Діденко, С. В. 2018. *Античний керамічний імпорт у черняхівській культурі на території України*. Дисертація к. і. н. Київ, ІА НАН України

Козак, О. Д. 2010. *Кияни княжої доби. Біоархеологічні студії*. Київ: Академперіодика.

Козак, О. Д. 2016. Землероби у верхів'ях Південного Буга (палеопатологічне дослідження могильника біля с. Лісові Гринівці). *Oium*, 5: Черняхівська культура: до 85-річчя від дня народження І. С. Винокура, с. 116-126.

Козак, О. Д. 2017. Антропологічний аналіз інгумаційних поховань на могильнику Війтенки, відкритих у 2017 році. В: Любичев, М. В., Филатов, Д. А., Мызгин, К. В., Шультце, Э., Варачева, К. Г., Руснак, В. В. *Отчет о работе Германо-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2017 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, с. 208-221.

Козак, О. Д., Шульц, М. 2007. Палеопатологія та діагностика цинги (на антропологічних матеріалах з давньоруського Києва). *Археологія*, 4, с. 60-69.

Любичев, М. В. 2009. Погребение с римским импортом на могильнике черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина). *Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов*, с. 72-90.

Любичев, М. В. 2019а. *Ранняя история днепродонецкой лесостепи I—V веков*. 1, 2. Ostrogothica-Serie, 2. Харьков: Естет принт.

Мамчур, Б., Козак, О. 2020. Зубні захворювання та маркери стресу у мешканців поселення Війтенки. *Ostrogothica*, 3, с. 516-527.

Петраускас, О. В., 2004. Поховання багатої дівчинки на могильнику черняхівської культури. В: Козак,

Д. Н. (ред.). *Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали*. Київ: Корвін Пресс, с. 165-188.

Рудич, Т. О. 2004. Антропологічне визначення решток скелету з поховання № 132. Додаток. В: Петраускас, О. В. Поховання багатої дівчинки на могильнику черняхівської культури. В: Козак, Д. Н. (ред.). *Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали*. Київ: Корвін Пресс. с. 184.

Шультц, М., Козак, А. Д. 2008. Морфология и классификация следов менингиальных реакций на древних черепах (проблемы диагностики на примере средневековых популяций Киева). *Опус: Междисциплинарные исследования в археологии*, 6, с. 276-299.

Шультце, Э., Любичев, М. В. 2018. Группа погребений-ингумаций в северо-западной части могильника черняховской культуры Войтенки: вопросы хронологии. *Ostrogothica-Serie*, 3: Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе, с. 121-145.

Arsen'eva, T., Kassab Tezgör, D., Naumenko, S. 1997. Un depotoir d'atelier d'amphores a pate Claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanais a l'epoque romaine. *Anatolia Antiqua*, V, p. 187-198.

Baker, B. J., Dupras, T. L., Tocheri, M. W. 2005. *The Osteology of Infants and Children*. Texas: A&M University.

Brickley, M., Ives, R. 2008. *The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease*. Amsterdam; London: Elsevier.

Gavritukhin, I. 2002. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup. *A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve*, 44, p. 113-184.

Gudkova, A. V., Schultze, E. 2017. *Gräberfeld und Siedlung Nagoroe 2. Ein Fundplatz des Ŝantana de Mureş—Černjachov-Kultur an der Unteren Donau*. Archäologie in Eurasien, 35. Bonn: Habelt.

Kalnins, V. 1952. Developmental Disturbances of Enamel in Scurvy. *Journal of Dental Research*, 31, p. 440-452.

Lewis, M. 2018. *Paleopathology of Children. Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults*. Elsevier, Academic Press.

Loth, S. R., Henneberg, M. 2001. Sexually Dimorphic Mandibular Morphology in the First Few Years of Life. *American Journal of Physical Anthropology*, 115, 2, p. 179-186.

Luna, L., Aranda, C., Santos, A. L. 2017. New Method for Sex Prediction Using the Human Non-Adult Auricular Surface of the Ilium in the Collection of Identified Skeletons of the University of Coimbra. *International Journal of Osteoarchaeology*, 27, 5, p. 898-911.

Lyubichev, M. 2013. The secondary used artifact in grave 41 of the chernyakhov cemetery of Voytenki. In: Khrapunov, I., Stylegar, F.-A. (ed.). *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black sea*. Kristiansand; Simferopol, p. 236-248.

Mittler, D., Sheridan, S. 1992. Sex Determination in Subadults Using Auricular Surface Morphology: a Forensic Science Perspective. *Journal of Forensic Sciences*, 37, 4, p. 1068-1075.

Molleson, T., Cruse, K., Mays, S. 1998. Some Sexually Dimorphic Features of the Human Juvenile Skeleton and their Value in Sex Determination in Immature Juvenile Remains. *Journal of Archaeological Science*, 25, 8, p. 719-728.

Ortner, D. J., Ericksen, M. F. 1998. Bone Changes in the Human Skull probably Resulting from Scurvy in Infancy and Childhood. *International Journal of Osteoarchaeology*, 7, 3, p. 212-220.

Reinman, A. S. 2015. *Sex Estimation in Subadult Skeletons: a Test of Eight Nonmetric Traits of the Mandible and Ilium*. Thesis Submitted to the Faculty of Dorothy F. Schmidt College of Arts and Letters In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. Florida Atlantic University Boca Raton.

Schaefer, M., Black, S., Scheuer, L. 2008. *Juvenile Osteology: a Laboratory and Field Manual*. New York: Academic Press.

Scheuer, L. 2002. Brief Communications: a Blind Test of Mandibular Morphology for Sexing Mandibles in the First Few Years of Life. *American Journal of Physical Anthropology*, 119, p. 189-191.

Schultze, E., 2004. Zu den Kindergräbern im Bereich der Černjachov-Kultur. In: Kokowski, A. (ed.). *Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu IV*. Monumenta Studia Gothica. Lublin: UMCS, S. 415-425.

Schultze, E., Lyubichev, M. V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. *Swiatowit*, Supplement Series C: Pontica et Caucasica, 1: The Crimea and the Nothern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013, p. 277-294.

Schutkowski, H. 1993. Sex Determination of Infant and Juvenile Skeletons: I. Morphognostic Features. *American Journal of Physical Anthropology*, 90, 2, p. 199-205.

Skinner, M. F. 1986. An Enigmatic Hypoplastic Defect of the Deciduous Canine. *American Journal of Physical Anthropology*, 69, 1, p. 59-69.

Skinner, M. F., Hung, J. T. W. 1989. Social and Biological Correlates of localized Enamel Hypoplasia of the Human Deciduous Canine Tooth. *American Journal of Physical Anthropology*, 79, 2, p. 159-175.

Skinner, M., Newell, E. 2000. A Re-Evaluation of Localized Hypoplasia of the Primary Canine as a Marker of Craniofacial Osteopenia in European Upper Paleolithic Infants. *Acta Universitatis Carolinae Medica*, 41, p. 41-58.

Skinner, M. F., Hadaway, W., Dickie, J. 1994. Effects of Ethnicity, Nutrition and Birth Month on Localized Enamel Hypoplasia of the Primary Canine. *ASDC Journal of Dentistry for Children*, 61, 2, p. 109-113.

Tejral, J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski, K., Madyda-Legutko, R. (eds.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków, S. 227-248.

Thomas, J. A., Temple, D. H., Klaus, H. D. 2019. Crypt Fenestration Enamel Defects and Early Life Stress: Contextual Explorations of Growth and Mortality in Colonial Peru. *American Journal of Physical Anthropology*, 168, 3, p. 582-594.

Thomas, S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der Römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*, 8, S. 54-120.

Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Aldine.

Villotte, S., Knüsel, C. J. 2013. Understanding Entheseal Changes: Definition and Life Course Changes. *International Journal of Osteoarchaeology*, 23, 2: Special Issue: Entheseal Changes and Occupation: Technical and Theoretical Advances and Their Applications, p. 135-146.

Weaver, D. S. 1980. Sex Differences in the Ilia of a Known Sex and Age Sample of Fetal and Infant Skeletons. *American Journal of Physical Anthropology*, 52, 2, p. 191-195.

White, T. D., Folkens, P. A. 2005. *Human Bone Manual*. Elsevier, Academic Press.

REFERENCES

Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly yuga Evropejskoj chasti SSSR*. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-30. Moskva: Nauka.

Vnukov, S. Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n. e. — II v. n. e.* II: Petrografiya hronologiya problemy torgovli. Sankt Peterburg: Aletejya.

Gej, O. A. 1993. Chernyahovskaya kul'tura. Hronologiya. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Slavyane i ih sosedi v koncze I tys. do n. e. — pervoj polovine I tys. n. e*. Moskva: Nauka, s. 146-155.

Gopkalo, O. V. 2008. *Busy i podveski chernyahovskoj kultury*. Kiev: Korvin-Piotrovskij A. O.

Didenko, S. V. 2018. *Antychnyi keramichnyi import u cherniakhivskii kulturi na terytorii Ukrainy*. Dyssertaciia k. i. n. Kyiv, IA NAN Ukrainy.

Kozak, O. D. 2010. *Kyiany kniazhoi doby. Bioarkheolohichni studii*. Kyiv: Academperiodika.

Kozak, O. D. 2016. Zemleroby u verkhiv'iakh Pivdennoho Buha (paleopatolohichne doslidzhennia mohylnyka bilia s.Lisovi Hrynivtsi). *Oium*, 5: Cherniakhivska kultura: do 85-richchia vid dnia narodzhennia I. S. Vynokura, s. 116-126

Kozak, O. D. 2017. Antropolohichnyi analiz inhumatsiinykh pokhovan na mohylnyku Viitenky, vidkrytykh u 2017 rotsi. In: Lyubichev, M. V., Filatov, D. A., Myzgin, K. V., Shul'tcze, E., Varacheva, K. G., Rusnak, V. V. *Otchet o rabote Germano-Slavyanskoj arheologicheskoj ekspediczii Harkovskogo naczional'nogo universiteta imeni V. N. Karazina v 2017 g.* NA IA NAN Ukrainy, f. 64, s. 208-221.

Kozak, O. D., Schultz, M. 2007. Paleopatolohiia ta diahnostyka tsynhy (na antropolohichnykh materialakh z davnoruskoho Kyieva). *Arkheolohiia*, 4, s. 60-69.

Lyubichev, M. V. 2009. Pogrebenie s rimskim importom na mogilnike chernyahovskoj kultury Vojtenki Vostochnaya Ukraina. *Ostrogothica. Arheologiya Czentralnoj i Vostochnoj Evropy pozdnerimskogo vremeni i Epohi Velikogo pereseleniya narodov*, s. 72-90.

Lyubichev, M. V. 2019. *Rannyaya istoriya dnepro-doneczkoj lesostepi I—V vekov*. 1, 2. Ostrogothica-Serie, 2. Har'kov: Estet print.

Mamchur, B., Kozak, O. 2020 Zubni zakhvoriuvannia ta markery stresu u meshkantsiv poselennia Viitenky. *Ostrogothica*, 3, s. 516-527.

Petrauskas, O. V., 2004. Pokhovannia bahatoi divchynky na mohylnyku cherniakhivskoi kultury. In: Kozak, D. N. (ed.). *Arkheolohiia davnikh slov'ian. Doslidzhennia i materialy*. Kyiv: Korvin Press, s. 165-188.

Rudych, T. O. 2004.Antropolohichne vyznachennia reshtok skeletu z pokhovannia N 132. Dodatok. In: Petrauskas, O. V, 2004. Pokhovannia bahatoi divchynky na mohylnyku cherniakhivskoi kultury. In: Kozak, D. N. (ed.). *Arkheolohiia davnikh slov'ian. Doslidzhennia i materialy*. Kyiv: Korvin Press, s. 184.

Schultz, M., Kozak, A. D. 2008. Morfologiya i klassifikacziya sledov meningialnyh reakczij na drevnih cherepah (problemy diagnostiki na primere srednevekovyh populyaczij Kieva). *Opus: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arheologii*, 6, s. 276-299.

Schultze, E., Lyubichev, M. V. 2018. Gruppa pogrebenij-ingumaczij v severo-zapadnoj chasti mogil'nika chernyahovskoj kul'tury Vojtenki: voprosy hronologii. *Ostrogothica-Serie*, 3: Hronologiya i monetnye nahodki pozdnerimskogo vremeni i epohi Velikogo pereseleniya narodov. Aktual'nye arheologicheskie issledovaniya v Czentral'noj i Vostochnoj Evrope, s. 121-145.

Arsen'eva, T., Kassab Tezgör, D., Naumenko, S. 1997. Un depotoir d'atelier d'amphores a pate Claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanais a l'epoque romaine. *Anatolia Antiqua*, V, p. 187-198.

Baker, B. J., Dupras, T. L., Tocheri, M. W. 2005. *The Osteology of Infants and Children*. Texas: A&M University.

Brickley, M., Ives, R. 2008. *The Bioarchaeology of Metabolic Bone Disease*. Amsterdam; London: Elsevier.

Gavritukhin, I. 2002. On the study of double-plate fibulas of the first subgroup. *A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve*, 44, p. 113-184.

Gudkova, A. V., Schultze, E. 2017. *Gräberfeld und Siedlung Nagoroe 2. Ein Fundplatz des Ŝantana de Mureş—Černjachov-Kultur an der Unteren Donau*. Archäologie in Eurasien, 35. Bonn: Habelt.

Kalnins, V. 1952. Developmental Disturbances of Enamel in Scurvy. *Journal of Dental Research*, 31, p. 440-452.

Lewis, M. 2018. *Paleopathology of Children. Identification of Pathological Conditions in the Human Skeletal Remains of Non-Adults*. Elsevier, Academic Press.

Loth, S. R., Henneberg, M. 2001. Sexually Dimorphic Mandibular Morphology in the First Few Years of Life. *American Journal of Physical Anthropology*, 115, 2, p. 179-186.

Luna, L., Aranda, C., Santos, A. L. 2017. New Method for Sex Prediction Using the Human Non-Adult Auricular Surface of the Ilium in the Collection of Identified Skeletons of the University of Coimbra. *International Journal of Osteoarchaeology*, 27, 5, p. 898-911.

Lyubichev, M. 2013. The secondary used artifact in grave 41 of the chernyakhov cemetery of Voytenki. In: Khrapunov, I., Stylegar, F.-A. (ed.). *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black sea*. Kristiansand; Simferopol, p. 236-248.

Mittler, D., Sheridan, S. 1992. Sex Determination in Subadults Using Auricular Surface Morphology: a Forensic Science Perspective. *Journal of Forensic Sciences*, 37, 4, p. 1068-1075.

Molleson, T., Cruse, K., Mays, S. 1998. Some Sexually Dimorphic Features of the Human Juvenile Skeleton and their Value in Sex Determination in Immature Juvenile Remains. *Journal of Archaeological Science*, 25, 8, p. 719-728.

Ortner, D. J., Ericksen, M. F. 1998. Bone Changes in the Human Skull probably Resulting from Scurvy in Infancy and Childhood. *International Journal of Osteoarchaeology*, 7, 3, p. 212-220.

Reinman, A. S. 2015. *Sex Estimation in Subadult Skeletons: a Test of Eight Nonmetric Traits of the Mandible and Ilium*. Thesis Submitted to the Faculty of Dorothy F. Schmidt College of Arts and Letters In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. Florida Atlantic University Boca Raton.

Schaefer, M., Black, S., Scheuer, L. 2008. *Juvenile Osteology: a Laboratory and Field Manual*. New York: Academic Press.

Scheuer, L. 2002. Brief Communications: a Blind Test of Mandibular Morphology for Sexing Mandibles in the First Few Years of Life. *American Journal of Physical Anthropology*, 119, p. 189-191.

Schultze, E., 2004. Zu den Kindergräbern im Bereich der Černjachov-Kultur. In: Kokowski, A. (ed.). *Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu IV*. Monumenta Studia Gothica. Lublin: UMCS, S. 415-425.

Schultze, E., Lyubichev, M. V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. *Swiatowit*, Supplement Series C: Pontica et Caucasica, 1: The Crimea and the Nothern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013, p. 277-294.

Schutkowski, H. 1993. Sex Determination of Infant and Juvenile Skeletons: I. Morphognostic Features. *American Journal of Physical Anthropology*, 90, 2, p. 199-205.

Skinner, M. F. 1986. An Enigmatic Hypoplastic Defect of the Deciduous Canine. *American Journal of Physical Anthropology*, 69, 1, p. 59-69.

Skinner, M. F., Hung, J. T. W. 1989. Social and Biological Correlates of localized Enamel Hypoplasia of the Human Deciduous Canine Tooth. *American Journal of Physical Anthropology*, 79, 2, p. 159-175.

Skinner, M., Newell, E. 2000. A Re-Evaluation of Localized Hypoplasia of the Primary Canine as a Marker of Craniofacial Osteopenia in European Upper Paleolithic Infants. *Acta Universitatis Carolinae Medica*, 41, p. 41-58.

Skinner, M. F., Hadaway, W., Dickie, J. 1994. Effects of Ethnicity, Nutrition and Birth Month on Localized Enamel Hypoplasia of the Primary Canine. *ASDC Journal of Dentistry for Children*, 61, 2, p. 109-113.

Tejral, J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski, K., Madyda-Legutko, R. (eds.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków, S. 227-248.

Thomas, J. A., Temple, D. H., Klaus, H. D. 2019. Crypt Fenestration Enamel Defects and Early Life Stress: Contex-

tual Explorations of Growth and Mortality in Colonial Peru. *American Journal of Physical Anthropology*, 168, 3, p. 582-594.

Thomas, S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der Römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*, 8, S. 54-120.

Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Aldine.

Villotte, S., Knüsel, C. J. 2013. Understanding Entheseal Changes: Definition and Life Course Changes. *International Journal of Osteoarchaeology*, 23, 2: Special Issue: Entheseal Changes and Occupation: Technical and Theoretical Advances and Their Applications, p. 135-146.

Weaver, D. S. 1980. Sex Differences in the Ilia of a Known Sex and Age Sample of Fetal and Infant Skeletons. *American Journal of Physical Anthropology*, 52, 2, p. 191-195.

White, T. D., Folkens, P. A. 2005. *Human Bone Manual*. Elsevier, Academic Press.

E. Schultze,
M. V. Lyubichev, A. D. Kozak

CHILDREN'S GRAVE AT THE CEMETERY OF THE CHERNYAKHIV CULTURE VOYTENKI

The children's graves at the cemeteries of the Chernyakhiv / Sîntana de Mureş culture are the relevant problem for the archaeology of the period. Children's burials at the cemeteries of this culture have been the subject of special study for more than fifteen years. At the cemetery Voytenky 15 graves of children of various ages were discovered (graves 6, 34, 50, 72, 79, 85, 94, 97, 99, 103, 126, 217, 218, 220, 231). Their analysis is envisaged within the framework of the project on the reconstruction of the social structure of the population of the Chernyakhiv culture on the basis of the cemetery Voytenki.

The publication of materials from grave 231 of the cemetery Voytenki includes archaeological and anthropological analysis. Inventory features of the complex allow determination of the social status of the child and his family.

The burial's inventory includes 24 vessels. A specific feature of this complex is the presence of an amphora. The burial belongs to the phase «C» after the relative chronology of the «classical» Chernyakhiv culture horizon in the Dnepr-Donetsk forest-steppe (after M. Lyubichev). This correlates with stages C3, C3/D1 by J. Tejral, and in absolute dates can be attributed to the third quarter of the 4th century.

The age of the child determined as (1.5) 2—2.5 years. Pathological lesions on the skeleton diagnosed as traces of scurvy, probably anemia, and viral or bacterial meningitis. Their presence permits raise the question of adaptation of the children of particular social class to their living conditions. Presumably, some adults of this social stratum belonged to the mobile part of the population or were in close contact with migrants. Migrations could be seen as one of the reasons, led to the emergence of new infections, which primarily affected children.

The grave with the amphora testifies to the strong economic position of the family, whose child was buried. This family probably participated in an interregional exchange.

Keywords: Late Roman Period, Chernyakhiv Culture, children's grave, anthropological research, pathological sings.

Е. Шультце, М. В. Любічев, О. Д. Козак

ДИТЯЧЕ ПОХОВАННЯ НА МОГИЛЬНИКУ ЧЕРНЯХІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ ВОЙТЕНКИ

Дитячі поховання на могильниках культури Черняхів / Синтана-де-Муреш є актуальною проблемою у археології та антропології. Дитячі поховання на могильниках цієї культури вже понад п'ятнадцять років є предметом спеціального вивчення. На могильнику Войтенки відкрито 15 поховань дітей різного віку (поховання 6, 34, 50, 72, 79, 85, 94, 97, 99, 103, 126, 217, 218, 220, 231). Їх аналіз передбачено у межах проекту з реконструкції соціальної структури носіїв черняхівської культури могильника Войтенки. Публікація матеріалів поховання 231 могильника Войтенки включає археологічний та антропологічний аналіз. Особливості інвентаря, які формують комплекс дозволяють визначити соціальний стан дитини та її родини.

Інвентар поховання включає 24 посудини. Особливістю цього керамічного комплексу є наявність амфори. Поховання відноситься до фази «С» відносної хронології горизонта «класичної» черняхівської культури у дніпро-донецькому лісостепу (за М. Любичевим), яка співвідноситься із ступенями С3, С3/D1 Я. Тейрала. В абсолютних датах поховання може бути датоване періодом до третьої чверті IV ст.

Вік дитини визначено як (1,5) 2—2,5 роки. Патологічні ознаки на скелеті діагностовані як наслідки цинги, імовірно анемії та вірусного або бактеріального менінгіту. Їх присутність в цьому похованні дозволяє поставити питання про адаптацію дітей певного соціального класу до умов життя. Допускається, що дорослі представники визначеного соціального стратуму входили до мобільної частини популяції або ж знаходились у тісному контакті з мігрантами. Міграції можуть бути розглянуті як одна з причин появи нових інфекцій, від яких в першу чергу страждали діти. Поховання з амфорою свідчить про міцні господарські позиції родини, дитина якої була похована. Ця родина імовірно приймала участь у міжрегіональному обміні.

Ключові слова: пізньоримський час, черняхівська культура, дитяче поховання, антропологічне дослідження, патологічні ознаки.

Одержано 7.06.2020

КОЗАК Олександра Деонізіївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр-т Героїв Сталінграду, 12, Київ, 04210, Україна.

KOZAK Oleksandra, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, the Institute of Archaeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalinhradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.

ORCID: 0000-0003-2094-4490, e-mail: akozak26@ukr.net.

ЛЮБИЧЕВ Михайло Васильович, доктор історичних наук, професор, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, пл. Свободи, 4, Харків, 61022, Україна.

LYUBICHEV Mikhailo V., D. habil., professor, Kharkiv National V.N.Karazin-University, Svobody Square, 6, Kharkiv, 61022, Ukraine.

E-mail: gsae@karazin.ua.

ШУЛЬТЦЕ Ердмуте, доктор, науковий співробітник, Германський археологічний інститут, Im Dol, 2—6, Berlin, 14195, Німеччина.

SCHULTZE Erdmute, Dr. Ph. Senior Researcher, German Archaeological Institute, Im Dol, 2—6, Berlin, 14195, Germany.

E-mail: Erdmute.Schultze@dainst.de.

ДИСКУСІЇ

УДК 904.5(477.7-15)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.37

С. Я. Ольговский

БРОДЯЧИЕ МЕТАЛЛУРГИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В статье рассмотрены традиция бродячего ремесла, то есть работа литейщиков на выезде. Об их деятельности свидетельствуют погребения в эпоху бронзы вдали от поселений, сопровожденные аксессуарами литейного ремесла, а также клады позднебронзовой поры, содержащие литейные формы, инструменты и металлические заготовки, лом и полуфабрикаты. Бродячие мастера существовали на протяжении всей истории металлургии от возникновения этого ремесла и практически до нового времени. При этом стационарных мастерских в Северном Причерноморье в эпоху бронзы известно всего две. Вопрос о бродячих мастерах в раннем железном веке был поставлен совсем недавно и в это время известно много развитых металлообрабатывающих центров. На рубеже н. э. цветной металл переходит в руки ювелиров и роль цветной металлообработки снижается.

***Ключевые слова**: бродячие литейщики, литейные формы, металлургическое производство, бронзолитейное ремесло, клады литейщиков, погребения литейщиков.*

Изучение древней металлургии и металлообрабатывающего ремесла открывает широкие перспективы в реконструкции социальных и торговых отношений, взаимодействия различных культур и групп населения, поэтому данное направление следует считать одним из первоочередных и весьма актуальных.

Начало эпохи меди определило целый ряд характерных признаков ремесленной деятельности, связанных с металлообрабатывающим ремеслом. В связи с высокой технологичностью, это ремесло нельзя назвать домашним даже для его начального периода, как, например, ткацкое, гончарное, деревообрабатывающее и пр. В отличие от других, более ранних ремесел, освоение металла обусловило очередное разделение труда. До сих пор не утихают дискуссии о характере и темпах освоения человеком первого металла и способах его обработки. Но понятно, что уже первые известные нам медные изделия были изготовлены мастерами с определенными профессиональными навыками и, вероятно, они находились в стороне от общей социальной организации и не были заняты в других отраслях хозяйственной деятельности. Более того, как свидетельствуют этнографические данные, металлурги, кузнецы составляли особый класс или касту, их побаивались и по возможности избегали, с ними не общались без особой надобности, а их работа была окружена таинственностью, всяческими верованиями и приметами.

Но и в среде металлургов последовательно выделялись более узкие специалисты. Е. Н. Черных воспроизводит схему эволюции металлургического производства, предложенную английским исследователем Р. Форбесом, согласно которой на начальном этапе металлург выполнял все операции — от добычи руды до изготовления готовых изделий, то есть он был универсалом. Со временем выделяются горняки, которые ищут месторождения и добывают руду, и металлурги, занимающиеся выплавкой металла и дальнейшим изготовлением готовых изделий. А уже из среды металлургов выделяются литейщики и кузнецы. Из среды литейщиков также выделяются узкие специалисты по изготовлению конкретных изделий — орудий, оружия, посуды, украшений и т. д. При этом можно наблюдать и обратный процесс — универсализацию мастеров по изготовлению готовой продукции, которые работают на выезде, изготавливают любую продукцию

© С. Я. ОЛЬГОВСКИЙ, 2020

и выполняют все операции с металлом. То есть, по сути, это бродячие мастера (Черных 1972, с. 191). Единственное, в чем можно не согласиться с Р. Форбесом, что бродячий мастер будет объединять такие операции, как выплавка металла из руды и изготовление готовой продукции. Более допустимо, что он будет работать с товарными слитками, которые будет получать от горняка-металлурга. Трудно поверить, что рудокоп, получив из добытой руды металл, покинет месторождение и пойдет странствовать на большие расстояния, удовлетворяя по дороге потребности населения, случающегося у него на пути. Хотя, как отмечают этнографы, горняки-металлурги, не занимающиеся изготовлением готовых изделий, например, в Индии также вели подвижный образ жизни, находясь на одном месте, пока были обеспечены рудой и древесным углем. Большое значение имели также приметы и предзнаменования, что могло заставить сменить место обитания (Перси 1869, с. 430).

Согласно этой схеме, можно согласовать этапы распространения металла на территории Европы. Так древнейшие медные изделия были обнаружены в Малой Азии в восточной Анатолии, на поселении Чайоню-Тепези и датировались они концом VIII — началом VII тыс. до н. э. (Braidwood 1973, p. 37), а потом — в двух погребениях VII тыс. до н. э. под жилищной постройкой на поселении Чатал-Гойюк в Центральной Анатолии (Esin 1995, p. 37). Как известно, на Малоазийском нагорье имеются богатые залежи марганцевых, молибденовых, медных и полиметаллических руд, которые разрабатывались в древности. То есть, местная металлургия неолитического времени была обеспечена собственной сырьевой базой. По всей видимости в Малой Азии на начальном этапе работали мастера универсалы, выполнявшие все операции — от добычи руды до изготовления вещей, или отдельное звено составляли горняки, а последующее металлург-литейщик.

В Юго-Восточной Европе древнейшие изделия из меди в Сербии датируются V тыс. до н. э. (Богданович 1987, с. 167). Отмечая некоторый хронологический разрыв между металлическими находками Ближнего Востока и Балкан, Н. В. Рындина считает, что металлургический опыт в Юго-Восточной Европе имеет автохтонный характер (Рындина 1998, с. 29). С этим можно согласиться, поскольку на Балканах металлурги также были обеспечены местным сырьем. Древнейшие горные разработки здесь были обнаружены в месторождении Аи-Бунар в Болгарии.

На территории Украины собственных залежей меди практически нет, а находки первых металлических изделий связаны с трипольской культурой. Сейчас известно более 600 изделий, которые представлены, в основном, мелкими орудиями труда — рыболовными крючками, шильями, одиночными пробойниками и теслами, а также украшениями — бусинами, пронизями, подвесками, булавками, нашивными бляшками, антропоморфными амулетами. Относительно крупные изделия представлены несколькими втульчатыми топорами. Из всей массы металлических изделий 493 происходят из кладов (Карбун, Арыушд, Хебешешты), 120 обнаружены на поселениях и 10 — это случайные находки около поселений. Наиболее презентабельны в этом отношении Лука-Врублевецкая, Берново-Лука, Александровка, Новые Русешты, Кельменцы (Ольговський 2003, с. 220).

Хронологически и по типологическим характеристикам этот материал близок изделиям из Сербии и Болгарии, что традиционно объяснялось балканским истоком трипольской культуры или экспортом. Но находки каменных кувалд и молотов, а также открытой литейной формы из камня на поселении Александровка в последние годы (Есипенко 1957, с. 19), а также глиняных тиглей со следами металла в Хебешештах (Duvitresku, 1954, s. 382, tab. CXI: 3, 8—12), медных пробойников из Троянова и Луки-Врублевецкой, медных полосок, из которых делали бусины, стержней, из которых делали орудия труда, на первый взгляд, убедительно свидетельствуют о металлообработке на местах. Н. В. Рындина даже выделяет некоторые типы булавок из Александровки и долота-тесла типа Кукутени, которые, по ее мнению, имеют местное происхождение. Местные черты, как считает этот автор, выделяются и в горизонтальных формах заготовок с последующей их проковкой и выгибанием пронизей. (Рындина 1998, с. 129).

Но при этом на трипольских поселениях нам не известны металлургические мастерские или, хотя бы, отдельные плавильные печи. Этот факт, как правило, не особо обращал на себя внимание. Для выводов о местной металлообработке исследователям достаточно было находок литейных форм, инструментов или мелких отходов металлообрабатывающего производства. Конечно, можно рассчитывать на будущие находки, но в последнее время трипольские поселения исследуются весьма активно и достаточно широкими площадями, поэтому отсутствие стационарных мастерских выглядит, в определенной мере, закономерностью. Конечно, отсутствие мастерских на поселениях можно объяснить расположением последних вдали от поселений во избежание пожаров и археологические поиски на этих территориях могли и не производиться. Но при использовании современной поисковой техники обнаружить их было бы достаточно легко. Объяснить этот факт можно, скорее, работой на трипольских поселениях мастеров не местных, а выходцев из Балкано-Карпатской горно-металлургической

области. То есть на памятниках трипольской культуры работали бродячие (странствующие) мастера, которые, возможно, даже не имели постоянного места жительства.

С наступлением эпохи бронзы, вместе с усложнением технологических приемов обработки металлов появляются яркие ритуальные признаки ремесленной деятельности. Прежде всего, это погребения литейщиков, сопровождаемые аксессуарами бронзолитейного ремесла — литейными формами, тиглями, прочими инструментами. В Азово-Черноморской зоне катакомбной культуры, например, исследователи отмечают более сорока таких погребений (Кубышев, Нечитайло 1991, с. 7 и сл.). И, что характерно, поблизости курганов с такими погребениями не обнаружены памятники оседлого быта — поселения, городища или хотя бы временные стоянки. Для эпохи меди мы таких погребений не знаем, но для трипольской культуры вообще характерно отсутствие могильников.

Начиная с середины бронзового века, появляются новые следы деятельности бродячих литейщиков, а именно клады, содержащие инструменты, литейные формы, полуфабрикаты изделий, металлический лом и пр. Иногда общий вес таких кладов мог достигать нескольких десятков килограмм. Они также не связаны с древними населенными пунктами или ремесленными центрами. В 1960-х гг. А. М. Лесков картографировал такие клады в степной зоне и на их основе выделил северопричерноморский очаг металлообработки позднебронзового века (Лесков 1967, с. 143). Из более тридцати известных этому автору кладов и мастерских только красномаяцкая и волошская мастерские располагались в ремесленных центрах. Но, как оказывается, при этом наличие таких ремесленных центров вовсе необязательно. Ведь под очагом металлообработки следует подразумевать не отделный памятник с мастерской, а регион сходного производства с едиными типологическими и химико-металлургическими характеристиками изделий и единой технологией их производства. То есть, это зона деятельности мастеров, которые получали металл из одних источников, использовали одинаковые приемы обработки металла и изготавливали однотипные вещи. Иногда очаг может характеризовать металлургическое производство на территории проживания населения нескольких археологических культур. Исходя из этих условый, Е. Н. Черных для эпохи средней и финальной бронзы выделяет три очага металлообработки, которые обеспечивали металлическими изделиями население практически всей территории Украины. Особенно активно металлурги этих очагов действовали в бассейнах больших рек (Черных 1976, с. 175).

Если ингуло-красномацкий очаг в XIII—XII вв. до н. э. обслуживал практически все население Поднестровья, Побужья и Поднепровья, то уже в XII—IX вв. до н. э. деятельность литейщиков завадово-лобойковского очага охватывает только Поднепровье. Ремесленники же кардашинского очага IX—VIII вв. до н. э., хотя и распространяют свою продукцию, повторяя ареал ингуло-красномаяцкого очага, но происходит это в значительно меньшем объеме. В целом же металлургическое производство в это время переживает упадок, что следует связывать с затуханием деятельности Балкано-Карпатской горно-металлургической области и в конце VIII в. до н. э. Деятельность мастеров кардашинского очага окончательно сворачивается, не доживая до начала греческой колонизации Северного Причерноморья в середине VII в. до н. э. (Черных 1976, с. 198).

В качестве примера деятельности бродячих мастеров в зоне таких очагов можно привести находку створки литейной формы, в которой отливали кельты и тесла характерные для срубной культуры степной зоны на поселении тшинецкой культуры Зазимье, неподалеку от Киева (Клочко 1994, с. 118). На первый взгляд факт не примечательный, но больше никаких следов обработки металлов ни на этом поселении, ни на других памятниках тшинецкой культуры не известно.

На Левобережье Днепра в конце эпохи бронзы обитали племена бондарихинской культуры, собственная металлообработка которых была развита крайне слабо, поэтому население этого региона находилось в сфере влияния завадово-лобойковского очага металлообработки. Вследствие этого металлические изделия с этой территории находят многочисленные аналогии в самых отдаленных точках Европы. Например, кельты и литейные формы, аналогичные найденным на бондарихинских памятниках, обнаружены в Киевской и Черкасской обл., вблизи Керчи и в Молдове (Черных 1976, с. 81). На самом Бондарихинском поселении, которое дало название всей культуре, обнаружены литейные формы для отливки черешковых ножей, аналогичных найденным на Дону и в Волго-Уралье на востоке, а на западе — в Румынии и Молдове (Черных 1976, с. 115). А учитывая, что мастерские на бондарихинских памятниках не известны, все перечисленные факты убедительно свидетельствуют о работе на территории Украины в эпоху бронзы именно бродячих мастеров.

К концу эпохи бронзы или к самому началу раннего железного века относятся две находки, относящиеся к бронзолитейному ремеслу. Это две литейные формы и тигель с городища Дикий Сад, исследуемого в настоящее время в черте Николаева в Нижнем Побужье (Горбенко 2009, с. 20), и известный новочеркасский клад, в состав которого входит литейная форма для отливания наконечников стрел. Относительно поселения Дикий Сад следует отметить, что

тут не обнаружена сама бронзолитейная мастерская, а форма копья, которое отливалось в литейной форме, свидетельствует о работе здесь литейщиков кардашинского очага металлообработки. Новочеркасский клад также не связан с конкретной мастерской. То есть и для начала раннего железного века мы отмечаем работу бродячих мастеров.

Цветная металлообработка скифского времени лишь недавно стала предметом специального исследования. Традиционно считалось, что в архаическое время изделиями из бронзы скифское население обеспечивали мастера из греческих колоний, прежде всего, Ольвии. Относительно же собственной скифской металлообработки считалось, что ее просто не существует. Так в специальном разделе, посвященному бронзолитейному ремеслу у скифов, в академическом издании «Археология Украинской ССР» авторы пишут, что «*мастерских, в которых обрабатывались цветные металлы, в Скифии не обнаружены. На поселениях встречаются только* ***незначительные*** (выделено мною — *С. О.*) *следы металлообработки — льячки, тигли, слитки и капли меди, бракованные изделия, литейные формы. Техника обработки металлов изучается только по готовым изделиям. Что касается золота, серебра и электра, из которых изготовлялись посуда, элементы оружия, конской упряжи и личные украшения, то связанные с ними ремесла с конца VI в до н. э. начинают концентрироваться в античных городах Северного Причерноморья*» (Ильинская, Тереножкин 1986, с. 132).

Странно, что такие выразительные следы, перечисленные в названном издании, которые по своему количеству значительно превосходят античные находки, не произвели на авторов указанного раздела впечатление. Кроме того, когда в 1986 г. выходила из печати «Археология УССР», в которой была приведена оценка скифского ремесла В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, уже были известны и опубликованы в научной литературе материалы из мастерских бронзолитейщиков на Бельском городище, обнаруженных еще в 1965 г. (!) (Шрамко 1967, с. 199) и в 1969 гг. Во второй из них, кроме плавильной печки и традиционного специфического сопроводительного материала, были обнаружены обломки литейной формы, в которой отливались массивные щитовые умбоны в виде лежащего оленя, аналогичного известной бляхе из кургана конца VII в. до н. э., исследованного около станицы Костромская на Кубани (Шрамко 1976, с. 195, 196, рис. 57).

Объясняется такое отношение к скифской металлообработке тем, что в исследовании античных и скифских памятников к середине XX в. сложилась определенная диспропорция. Если греческие города, хотя и с некоторыми перерывами, всесторонне исследовались начиная с рубежа XVIII—XIX вв., то культура скифского населения эпизодически изучалась в основном по материалам погребальных памятников, причем преимущественно курганов скифской знати. Материалы же поселений и городищ сравнительно мало привлекали внимание исследователей. Только в конце XIX в. на Полтавщине и Харьковщине были произведены небольшие по объему разведывательные работы на двух скифских городищах — Восточном укреплении Бельского городища и Лихачевском.

Таким образом, за долгие годы раскопок был накоплен колоссальный материал, который позволял раскрыть различные стороны жизни и деятельности населения греческих городов Северного Причерноморья, а быт населения лесостепной зоны Украины оставался мало изученным. Практически ничего не было известно о производственной деятельности автохтонов. А это, в свою очередь, породило субъективное отношение к греческой культуре, которая расценивалась как решающий фактор в истории местного населения, которое пользовалось продукцией греческого ремесла в обмен на рабов и продукты натурального хозяйства.

Но на сегодняшний день нам известны ремесленные центры в Скифии, которые свидетельствуют о высоком уровне местного бронзолитейного ремесла. Практически на каждом большом скифском городище открыты остатки мастерских со специализированными инструментами, литейными формами, тиглями, бракованными изделиями, отходами производства. На правом берегу Днепра это Жаботинское, Шарповское, Мотронинское городища, поселение Грищенцы. На левом берегу — городища Бельское, Лихачевское, Люботинское, Кнышевское, Коломакское, Полкавая Никитовка (Ольговський 2011, с. 129). То есть, в отличие от греческих колоний Северного Причерноморья металлообрабатывающее ремесло в Скифии было на много более развито и скифские мастера могли сами обеспечивать металлическими изделиями не только местное население, но и греческих колонистов, о чем ярко свидетельствует деятельность мастеров Ягорлыцкого поселения в низовье Днепра, которое было сезонным торжищем, и варварские украшения и полуфабрикаты стрел, в большом количестве обнаруживаемые в ранних слоях Березанского поселения и Ольвии. Типологическое разнообразие металлических изделий на этих памятниках свидетельствует о деятельности здесь мастеров из Поднепровья, Балканского бассейна, Северного Кавказа, Поволжья и даже Зауралья. А это могли быть только бродячие (странствующие) мастера.

Предметом активной дискуссии долгое время было погребение V в. до н. э. в кургане Марицинского могильника у поселения Аджигол, неподалеку от Ольвии, раскопанное

М. Эбертом в 1910 г. (Ebert 1913, s. 9, fig. 6). Погребение сопровождалось каменной литейной формой, в которой отливались бляшки в виде головы кошачьего хищника и это давало основание говорить о работе ольвийских литейщиков по заказу кочевников. Но, беря во внимание, что данное погребение, как и остальные 13 курганов, раскопанных М. Эбертом, были совершены с соблюдением всех признаков погребального обряда посульских курганов в лесостепном Левобережье, а также высокий уровень развития металлообработки в Скифии, можно с уверенностью говорить, что в Марицинском могильнике был похоронен бродячий литейщик, выходец из одного из поднепровских центров.

Особо следует отметить появление в раннем железном веке сезонных торжищ, на которых в теплое время года работали мастера — выходцы из различных областей ойкумены. Сначала, по всей видимости, роль такого торжища выполняло Березанское поселение, но в VI в. до н. э. с расширением греко-варварских контактов бродячие мастера перебрались в Гилею (Полесье), приднепровские пойменные леса на нынешнем Кинбурнском полуострове. Но причина этого перемещения состояла не только в ограниченной площади или перенаселении Березанского поселения. В низовье Днепра, по свидетельству Геродота, выпадало само собой большое количество соли (IV, 53). Это, по всей видимости, привлекало сюда не только греков-колонистов из расположенных неподалеку Борисфена и Ольвии, но и выходцев из более отдаленных областей Северного Причерноморья, которые, помимо добывания соли, могли быть и активными потребителями продукции работавших здесь мастеров. Но, что особенно важно, в Гилее кузнецы и литейщики были обеспечены древесным углем, необходимым для разогрева и плавки металла, и который можно было получить из растущих здесь деревьев. Согласно описаниям Северопричерноморского побережья, на территории Кинбурнского полуострова еще в XIV—XV вв. произрастали густые леса с деревьями различных пород (Брун 1860, с. 238). П. О. Бурачков также свидетельствует, что еще в конце XVIII в. от мыса Кинбурн до г. Олешки (нынешний Цюрюпинск) все побережье Днепровского лимана было покрыто густыми лесами, в которых водилось много диких зверей (Бурачков 1875, с. 3).

В IV в. до н. э., после затухания жизни на большинстве лесостепных городищ сезонное торжище возникает в степной зоне, на левом берегу Днепра в песчаных дюнах у Каменского городища. Условия расположения этого торжища весьма схожие с Ягорлыцким поселением — отсутствие культурного слоя и долговременных жилищ, большое количество остатков производственной деятельности — медные и железные шлаки, капли и выплески металла, полуфабрикаты стрел и бракованная продукция. И при этом практически полное отсутствие специализированных металлургических инструментов и литейных форм. Что, в общем то, не удивительно, ведь отработав сезон, мастера разъезжались домой или в другие места, где был спрос на их продукциюи забирали с собой весь свой инструмент (Ольговский 1987, с. 52). К тому же, само Каменское городище располагалось у брода-переправы через Днепр, то есть на оживленной дороге, что обеспечивало работающим здесь мастерам постоянную и многочисленную клиентуру.

Кроме сезонных торжищ существовали небольшие пункты, не связанные с населенными пунктами, где бродячие мастера останавливались на непродолжительный срок и производили небольшое количество продукции. Возможно это происходило рядом с оживленной дорогой или неподалеку от временного стойбища кочевников. Такой пункт был обнаружен на песчаной дюне около с. Гончаровка во Львовской обл. На площади менее 1 га были собраны отходы литейного производства — бронзовые выплески и капли, бесформенные слиточки, бракованные стелы, створка литейной формы. Судя по всему, это был пункт оперативной работы литейщиков, находящихся в пути.

Известны временные торжища и в эпоху средневековья. Примером может служить Гнездовский комплекс памятников IX—XI вв. на Смоленщине, где наряду с укрепленными городищами имеются поселения, расположенные на перекрестках торговых путей в сравнительно безопасном месте. Исследователи сравнивают Гнездовский комплекс с торговыми центрами викингов в Северной Европе и находят много сходных черт с такими памятниками, как Домбург на острове Вальхерн, Дорестад в устье Рейна, которые возникли еще в VII в. (Булкин, Лебедев 1974, с. 15).

Таким образом, специфика деятельности бродячих мастеров в Причерноморье имела глубокие корни. Возникнув с появлением металла, она просуществовала на протяжении энеолита, бронзового и раннего железного века. Некоторое снижение роли бродячих литейщиков следует связывать с возрастающей ролью железа. С цветными металлами в первых веках н. э работают в основном ювелиры. Но, что касается обработки железа, то пример бродячего ремесла еще в XX в. показывали кочующие цыгане, мужское население которых всегда считалось непревзойденными кузнецами и, останавливаясь возле населенных пунктов в Западной Украине и Белоруссии обеспечивали местное население продукцией, изготавливаемой в переносных горнах. До настоящего времени, как высшая похвала качеству железных орудий в селах этих областей, сохранился эпитет «цыганский».

ЛИТЕРАТУРА

Булкин, В. А., Лебедев, Г. С. 1974. Гнездово и Бирка (К проблеме становления города). В: Кирпичников, А. Н., Раппшорт, П. А. (ред.). *Культура средневековой Руси*. Ленинград: Наука, с. 11-17.

Брун, Ф. К. 1860 О позднейших названиях древней Гилеи. *Записки Одесского общества истории древностей*, IV, с. 237-243.

Богданович, М. 1987. Неолитические поселения в Дивостине и протостарчевская культура. *Советская археология*, 2, с. 5-17.

Бурачков, П. О. 1875. *О местоположении древнего города Керкинитеса и монетах ему принадлежащих.* Одесса: Городская типогафия сод. Апексомати.

Есипенко, А. Л. 1957. Раннетрипольское поселение Александровка (по материалам разведок и раскопок 1949—1951 гг.). *Материалы по археологии Северного Причерноморья*, 1, с. 10-23.

Горбенко, К. В., Гребенников, Ю. С., Смирнов, А. И. 2009. *Степная Троя Николаевщины*. Николаев: Шамрай П. Н.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1986. Материальная культура. Занятия и орудия труда. В: Артеменко, И. И. (ред.). *Археология Украинской ССР*, 2. Киев: Наукова думка, с. 128-134.

Клочко, В. И. 1994. Металлургическое производство в энеолите и бронзовом веке. В: Черняков, И. Т. (ред.). *Ремесло эпохи энеолита—бронзы на Украине*. Киев: Наукова думка, с. 96-132.

Кубышев, А. И., Нечитайло, А. Л. 1991. Центри металлообрабатывающего производства Азово Черноморской зоны (к постановке проблемы). В: Братченко, С. Н. (ред.). *Катакомбные культуры Северного Причерноморья*. Киев: Укооптторгреклама, с. 6-21.

Лесков, А. М. 1967. О северопричерноморском очаге металообработки в эпоху поздней бронзы. В: Лесков, А. М., Мерперт, Н. Я. (ред.). *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР*. Киев: Наукова думка, с. 143-178.

Ольговский, С. Я. 1987. Социально-экономическая роль Каменского городища на Днепре. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 48-53.

Ольговський, С. Я. 2003. Трипільський метал у системі Балкано-Карпатської та Малоазійської металургійної провінції. В: Черняков, І. Т. (ред.). *Трипільська цивілізація у спадщині України*. Київ: Просвіта, с. 219-222.

Ольговський, С. Я. 2011. *Скіфо-антична металообробка архаїчного часу*. Київ: КНТ; Москва: Университет Дмитрия Пожарского.

Перси, Д. 1869. *Руководство к металлургии*, 2. Санкт-Петербург.

Рындина, Н. В. 1998. *Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите и энеолите).* Москва: Наука.

Черных, Е. Н. 1972. *Металл — человек — время.* Москва: Наука.

Черных, Е. Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва: Наука.

Шрамко, Б. А. 1967. Исследования лесостепной полосы УССР. *Археологические открытия 1966 г.*, с. 199-201.

Шрамко, Б. А. 1976. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 194-209.

Braidwood, R. 1973. The Early Village in Souswestern Asia. *Journal of Near Eastern Stadies*, 32, 1—2, p. 5-123.

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouw. Cherson. *Prahistorisce Zeitscrift*, 2, S. 3-80.

Esin, U. 1995. Early Copper Metallurgy at the Pre-Pottery Site of Asikli. In: *Reading in Prehistory. Studies presen if Haletted Cambel.* Istambul, p. 28-56.

Duvitresku, V. 1954. *Hâbâşeşti.* Monografie arheologica. Bucureşti.

REFERENCES

Bulkin, V. A., Lebedev, G. S. 1974. Gnezdovo i Birka (K probleme stanovleniya goroda). In: Kirpichnikov, A. N., Rappport, P. A. (eds.) *Kultura srednevekovoy Rusi*. Leningrad: Nauka, s. 11-17.

Brun, F. K. 1860 O pozdneyshih nazvaniyah drevney Gilei. *Zapiski Odesskogo obschestva istorii drevnostey*, IV, s. 237-243.

Bogdanovich, M. 1987. Neoliticheskie poseleniya v Divostine i protostarchevskaya kultura. *Sovetskaya arheologiya*, 2, s. 5-17.

Burachkov, P. O. 1875. *O mestopolozhenii drevnego goroda Kerkinitesa i monetah emu prinadlezhaschih.* Odessa: Gorodskaya tipogafiya sod. Apeksomati.

Esipenko, A. L. 1957. Rannetripolskoe poselenie Aleksandrovka (po materialam razvedok i raskopok 1949—1951 gg.). *Materialyi po arheologii Severnogo Prichernomorya*, 1, s. 10-23.

Gorbenko, K. V., Grebennikov, Yu. S., Smirnov, A. I. 2009. *Stepnaya Troya Nikolaevschinyi.* Nikolaev: Shamray P. N.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1986. Materialnaya kultura. Zanyatiya i orudiya truda. In: Artemenko, I. I. (ed.). *Arheologiya Ukrainskoy SSR*, 2. Kiev: Naukova dumka, s. 128-134.

Klochko, V. I. 1994. Metallurgicheskoe proizvodstvo v eneolite i bronzovom veke. In: Chernyakov, I. T. (ed.) *Remeslo epohi eneolita-bronzyi na Ukraine.* Kiev: Naukova dumka, s. 96-132.

Kubyishev, A. I., Nechitaylo, A. L. 1991. Tsentri metalloobrabatyivayuschego proizvodstva Azovo Chernomorskoy zonyi (k postanovke problemyi). In: Bratchenko, S. N. (ed.). *Katakombnyie kulturyi Severnogo Prichernomorya.* Kiev: Ukooptorgreklama, s. 6-21.

Leskov, A. M. 1967. O severoprichernomorskom ochage metaloobrabotki v epohu pozdney bronzyi. In: Leskov, A. M., Merpert, N. Ya. (eds.). *Pamyatniki epohi bronzyi yuga Evropeyskoy chasti SSSR.* Kiev: Naukova dumka, s. 143-178.

Olgovskiy, S. Ya. 1987. Sotsialno-ekonomicheskaya rol Kamenskogo gorodischa na Dnepre. In: Chernenko, E. V. (ed.) *Skifyi Severnogo Prichernomorya.* Kiev: Naukova dumka, s. 48-53.

Olgovskiy, S. Ya. 2003. Tripilskiy metal u sistemi Balkano-Karpatskoyi ta Maloaziyskoyi metalurgiynoyi provintsyi. In: Chernyakov, I. T. (ed.). *Tripilska tsivilizatsiya u spadschini Ukrayini.* Kyiv: Vidavnichiy tsentr «Prosvita», s. 219-222.

Olgovskiy, S. Ya. 2011. *Skifo-antichna metaloobrobka arhayichnogo chasu*. Kyiv: KNT; Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Persi, D. 1869. *Rukovodstvo k metallurgii*, 2. Sankt-Peterburg.

Ryindina, N. V. 1998. *Drevneyshee metalloobrabatyivayuschee proizvodstvo Yugo-Vostochnoy Evropyi (istoki i razvitie v neolite i eneolite).* Moskva: Nauka.

Chernyih, E. N. 1972. *Metall — chelovek — vremya.* Moskva: Nauka.

Chernyih, E. N. 1976. *Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR*. Moskva: Nauka.

Shramko, B. A. 1967. Issledovaniya lesostepnoy polosyi USSR. *Arheologicheskie otkryitiya 1966 g.*, s, 199-201.

Shramko, B. A. 1976. Novyie nahodki na Belskom gorodische i nekotoryie voprosyi formirovaniya i semantiki obra-

zov zverinogo stilya. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (eds.). *Skifo-sibirskiy zverinyiy stil v iskusstve narodov Evrazii*. Moskva: Nauka, s. 194-209.

Braidwood, R. 1973. The Early Village in Souswestern Asia. *Journal of Near Eastern Stadies*, 32, 1—2, p. 5-123.

Ebert, M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouw. Cherson. *Prahistorisce Zeitscrift*, 2, S. 3-80.

Esin, U. 1995. Early Copper Metallurgy at the Pre-Pottery Site of Asikli. In: *Reading in Prehistory. Studies presen if Haletted Cambel.* Istambul, p. 28-56.

Duvitresku, V. 1954. *Hâbâşeşti. Monografie arheologica*. Bucureşti.

S. Ya. Olgovskii

WANDERING CASTERS IN THE NORTHERN PONTIC REGION

The paper deals with the tradition of wandering craft that is the work of foundry workers on the road. Due to the high technological effectiveness the production and processing of metals required high professionalism which determined the isolation of the speciality of foundry workers and their difference from the rest of the population. They did not engage in other types of economic work and spread their influence over large areas, moving between settlements. Their activity is evidenced by burials in the Bronze Age far from settlements, accompanied by accessories of foundry craft, as well as treasures of the Late Bronze Age containing foundry moulds, tools and metal blanks, scrap and semi-finished products. Indirect traces of foundry craft in agricultural settlements are also frequent. They are represented by worn-out casting moulds or their fragments that were no longer of value to the artisan, or traces of working with metal in the form of semi-finished products or copper slags. Wandering craftsmen existed throughout the history of metallurgy from the emergence of this craft and almost until modern times, that is, from the Neolithic, the Bronze Age and the Early Iron Age to the 20th century, which made it possible to single out specialized metalworking centres, whose craftsmen provided the agricultural population with their products, wandering between settlements. At the same time, only two stationary workshops in the Northern Pontic region are known in the Bronze Age. But when isolating a metalworking centre, the presence of workshops is not at all necessary, since the focus does not mean a metalworking centre, but a region of similar production with common typological and chemical and metallurgical characteristics of products and a single technology for their production. It should only be noted that the question of wandering craftsmen in the early Iron Age has been raised quite recently, and by this time many well-developed metalworking centres are known. At the turn of the century, non-ferrous metal passes into the hands of jewellers and the role of non-ferrous metalworking decreases. Apparently, the role of wandering craftsmen is gradually decreasing. But an example of the work of a wandering craft has been only recently shown by nomadic gipsies.

Keywords: wandering craftsmen, casting molds, metallurgical production, bronze casting craft, caster treasures, caster burials.

С. Я. Ольговський

БРОДЯЧІ МЕТАЛУРГИ У ПІВНІЧНОМУ ПРИЧОРНОМОР'Ї

У статті розглянуто традицію бродячого ремесла, тобто робота ливарників на виїзді. В силу високої технологічностіі, отримання і обробка металів вимагали високого професіоналізму, що зумовило відособленість спеціальності ливарників та їхню відмінність від іншого населення. Вони не займались іншими видами господарської діяльності і розповсюджували свій вплив на великі території, переміщуючись між населеними пунктами. Про їхню діяльність свідчать поховання в добу бронзи далеко від поселень, супроводжені аксесуарами ливарного ремесла, а також скарбі пізньобронзової доби, в яких містилися ливарні форми, інструменти і металеві заготовки, металобрухт і напівфабрикати. Часті також опосередковані сліди ливарного виробництва на землеробських поселеннях. Це можуть бути зношені ливарні форми або ж їхні уламки, які не являли ніякої цінності для ремісника, або сліди роботи з металами у вигляді напівфабрикатів виробів та мідних шлаків. Бродячі майстри існували протягом всієї історії металургії від виникнення цього ремесла і практично до нового часу, тобто від неоліту доби бронзи та раннього залізного віку і до XX ст. що дало можливість виділити спеціалізовані осередки металообробки, майстри яких забезпечували землеробське населення своєю продукцією, подорожуючи між населеними пунктами. При цьому стаціонарних майстерень у Північному Причорномор'ї в добу бронзи відомо всього дві. Але при виділенні осередка металообробки наявність майстерень необов'язкова, оскільки під осередком слід розуміти не центр металообробки, а регіон схожого виробництва з єдиними типологічними і хіміко-металургійними характеристиками виробів і єдиною технологією їх виробництва. Слід лише відзначити, що питання про бродячих майстрів у ранньому залізному віці було поставлено нещодавно і для цього часу відомо досить багато розвинених металообробних центрів. На межі н. е. кольоровий метал рубеже переходить в руки ювелірів и роль кольорової металообробки знижується. Мабуть поступово падає роль і бродячих майстрів, але приклад роботи бродячого ремесла ще нещодавно показували кочові цигани.

Ключові слова: Бродячі ливарники, ливарні форми, металургійне виробництво бронзоливарне ремесло, скарби ливарників, поховання ливарників.

Одержано 1.06.2020

ОЛЬГОВСЬКИЙ Сергій Якович, кандидат історичних наук, професор, Київський національний університет культури і мистецтв, вул. Є. Коновальця, 36, Київ, 01601, Україна.
OLGOVSKIY Sergiy Ya., Candidate of Historical Sciences, professor, Kyiv National University of Culture and Arts, E. Konovatsya st., 36, Kyiv, 01601, Ukraine.
ORCID: 0000-0002-8677-9312, e-mail: olgovskiy@online.ua.

УДК 904.2(470.6)”638” DOI: 10.37445/adiu.2020.03.38

Б. А. Раев

КОНСКИЕ НАЛОБНИКИ ИЗ НОВОЛАБИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ 71 И КУРГАНОВ У С. ГЛИНОЕ КАК ИНДИКАТОР КОНТАКТОВ ПОДНЕСТРОВЬЯ И ПРИКУБАНЬЯ [1]

В статье публикуются материалы конского захоронения Новолабинского могильника (Прикубанье) с несколькими комплектами снаряжения верхового коня — удилами с псалиями, бляхами оголовья и налобниками. По аналогиям из курганов Азиатского Боспора комплекс датируется серединой II в. до н. э. Налобники с крючком, аналогичные новолабинским, были найдены в курганах у с. Глиное на Днестре в погребениях второй четверти II в. до н. э. Специфический элемент конской узды — налобник с крючком и секировидной лопастью — диагностирует переселение части скифского населения, оставившего Тираспольские курганы, в Северо-Западное Предкавказье, о котором писал А. В. Симоненко.

Ключевые слова: *снаряжение верхового коня, налобники, Тираспольские курганы, Прикубанье, миграции кочевников.*

В работах последних 10—15 лет А. В. Симоненко затрагивал не только отдельные аспекты, связанные с гибелью «Великой Скифии», но и, в развитие высказанного в конце 1990-х гг. предположения о ведущей роли в этом сарматов Прикубанья (Виноградов и др. 1997, 18), предложил гипотезу о возвращении «*восточной тираспольской аристократии… в родные земли — на Дон и Северный Кавказ*» (Симоненко 2016, с. 481). Такая иммиграция не могла не отразиться в археологических материалах Прикубанья в виде принесенных переселенцами вещей или идей. Конские налобники с крючком, которые представлены как в Тираспольской группе курганов, так и в могильниках Прикубанья, показались мне той категорией находок, которые могут диагностировать переселение.

Материалы могильника у с. Глиное в полном объеме опубликованы, в семи могилах там найдено восемь налобников с крючком (Тельнов и др. 2007, с. 794—796, рис. 415). В Новолабинском могильнике, исследованном в 2011—2012 гг., найдено пять налобников с крючком в трех могилах, из которых особенно интересен комплекс захоронения 71, где три налобника с крючком разных типов найдены на черепах трех из шести захороненных коней. Комплекс не опубликован [2], поэтому есть необходимость дать его краткое описание.

Погребение 71 совершено в широкой прямоугольной яме размером 2,4 × 1,9 м. В яму были уложены шесть коней, их головы размещены вдоль стен по периметру ямы, а туловища оказались в яме на брюхе или на боку (рис. 1: 1, 2).

Конь А лежал вдоль СЗ стенки ямы на левом боку. Под черепом находились сильно корродированные удила с крестовидными насадками (рис. 1: 1А; 2: 1, 2).

Конь Б лежал в средней части поперек ямы на правом боку. Кости задних конечностей отсутствовали. Сильно корродированные удила с крестовидными насадками лежали к востоку от черепа (рис. 1: 1Б; 2: 3, 4).

1. Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 гг. в рамках базовой темы НИР «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени», № гос. регистрации 01201354248.

© Б. А. РАЕВ, 2020

2. Предварительное сообщение о 71 погребении Новолабинского могильника было сделано автором 14 ноября 2014 г. на международной научной конференции «Сарматія від Алтаю до Дунаю» (14—16 листопада 2014 р., м. Вінниця, Україна).

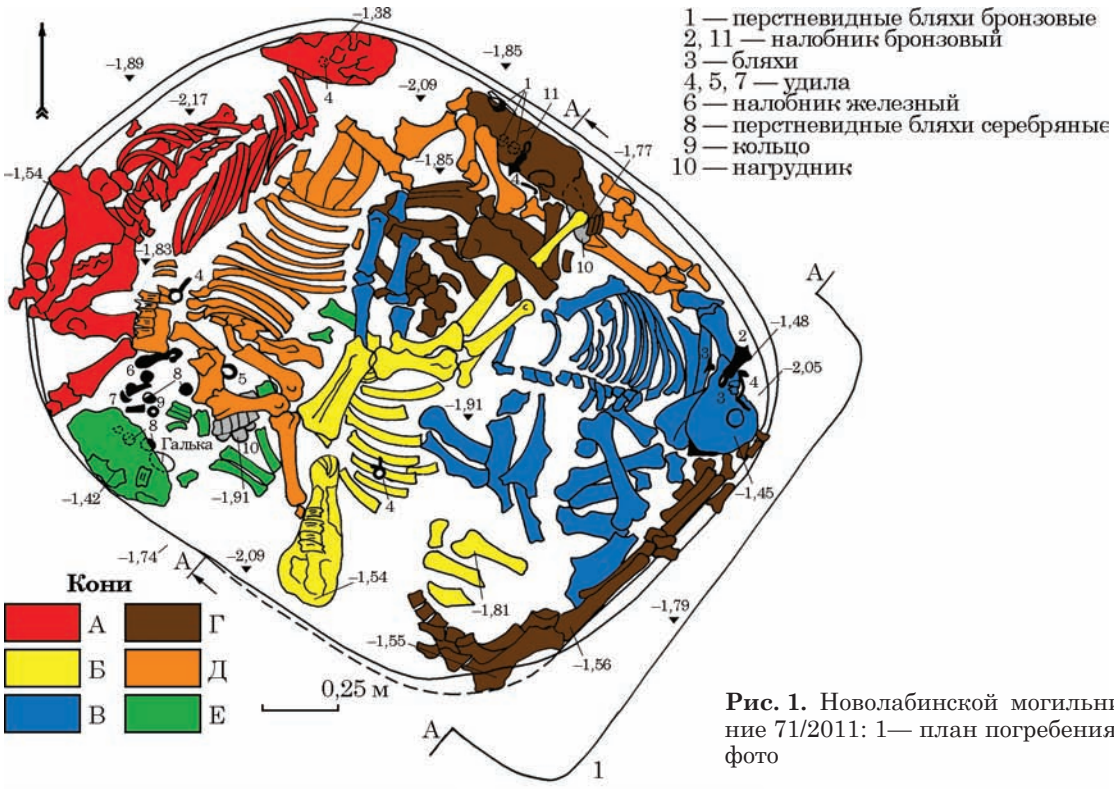


Рис. 1. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: 1— план погребения; 2 — то же, фото

Конь В лежал на брюхе по диагонали ямы, череп в ЮВ углу. Две передние конечности вытянуты вдоль юго-восточной стенки (рис. 1: 1В). На черепе обнаружен бронзовый налобник с крючком, загнутый вверх конец которого завершается головкой кошачьего хищника (?). Лицевая поверхность лопасти оформлена тремя валиками, между которыми пунсоном нанесен орнамент в виде зигзага (рис. 3: 1, 2). Во рту зажаты железные удила с парой С-видных псалиев (рис. 2: 5, 6). У нижней челюсти — три бронзовые квадратные бляхи с петлями на оборотной стороне. Четвертая бляха найдена в заполнении над черепом (рис. 3: 3, 4). Там же — пряжка с боковым штырем, частично рассыпавшаяся из-за коррозии (рис. 2: 7)

Конь Г разрублен на две части. Бóльшая часть костей конечностей уложена вдоль ЮВ стенки, остальная туша у СВ стенки в центре ямы (рис. 1: 1Г). Под черепом найдены две пары сильно корродированных удил и одна пара С-видных железных псалиев, украшенных на концах бронзовыми шишечками с косым сетчатым рифлением (рис. 3: 5—12, 15, 16). Рядом с псалиями обнаружены пять бронзовых перстневидных блях с поверхностью, украшенной косым сетчатым рифлением. Поверхность образованных им ромбов оформлена острыми диагональными ребрами (рис. 4: 5, 6). Там же — бронзовые бляшки в форме усеченного конуса, скрывающие узел крепления блях к ремешку (рис. 4: 3, 7), и два бронзовых кольца (рис. 3: 13, 14). На черепе лежал бронзовый налобник с крючком в форме головки грифона (рис. 4: 1, 2). Под черепом найдены обломки нагрудника из тонкого листа бронзы и обломки петель, крепивших к нему подвески (рис. 5: 1, 2).

Конь Д лежал в СЗ части ямы параллельно коню А (рис. 1: 1Д). Его задние конечности под СВ стенкой частично перекрывали костяк коня Г. Около черепа в западной части ямы найдены удила с крестовидными насадками с зубчатыми (?) выступами (рис. 5: 3, 4).

Конь Е. Кости скелета частично лежали под костями коня Д, а череп около ЮЗ стенки ямы (рис. 1: 1Е). Вдоль левой стороны черепа лежал

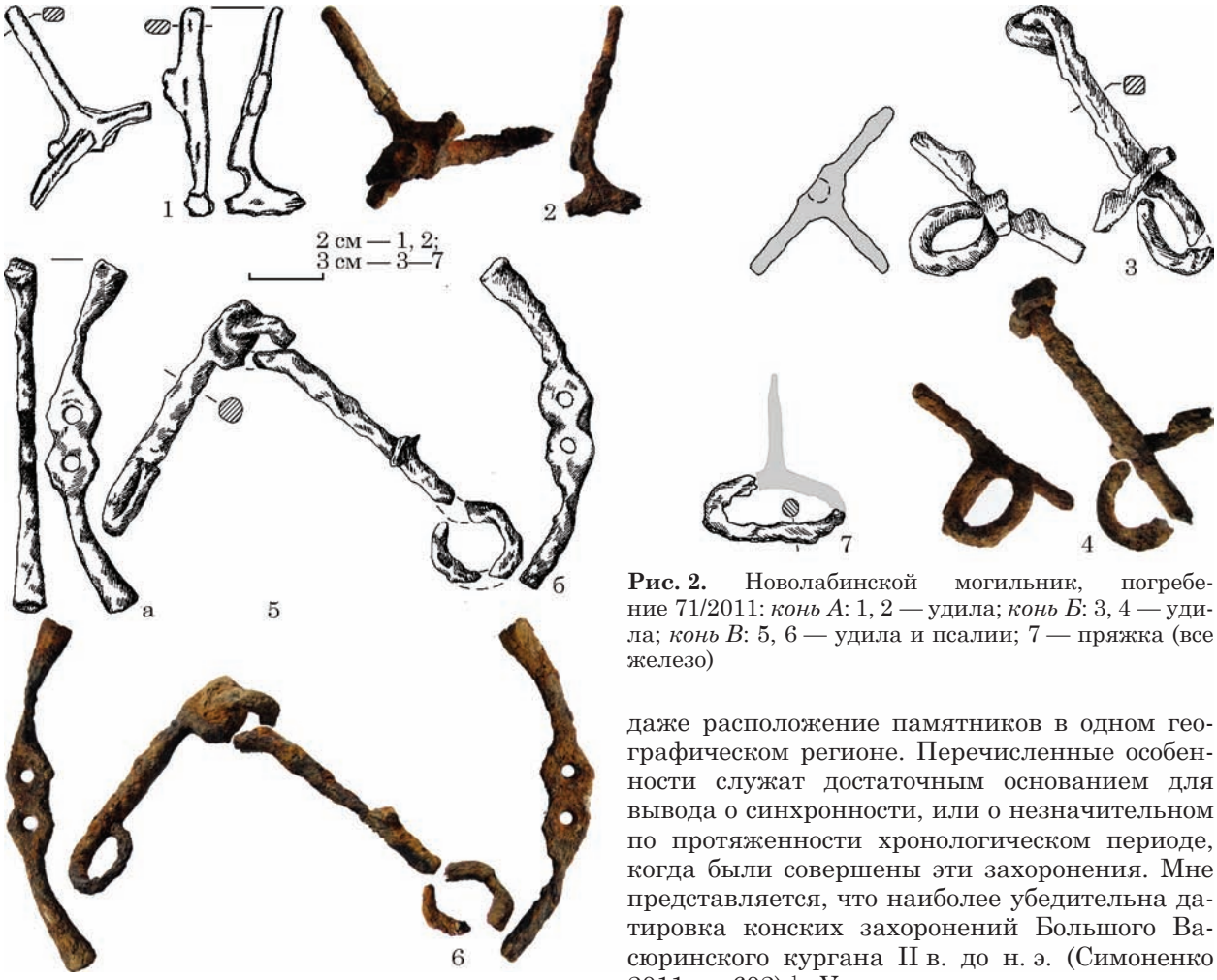


Рис. 2. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: *конь А*: 1, 2 — удила; *конь Б*: 3, 4 — удила; *конь В*: 5, 6 — удила и псалии; 7 — пряжка (все железо)

налобник с крючком, лопасть которого обтянута серебряной пластиной. Конец крючка украшен биконическим шариком (рис. 6: 7, 8). Под черепом и около него найдены фрагменты трех железных удил, на одних сохранились части крестовидных насадок с зубчатыми (?) выступами (рис. 6: 1—6). Там же найдены шесть серебряных перстневидных блях (рис. 6: 9, 10), две бронзовые бляшки в форме усеченного конуса, скрывающие узел крепления блях к ремешку (рис. 6: 11, 12), и серебряное кольцо (рис. 7: 1, 2). Рядом найдены обломки нагрудника из тонкой листовой бронзы, на оборотной стороне которого прочерчены тамгообразные знаки (?) (рис. 7: 3, 4).

В заполнении могилы обнаружены фрагменты бронзовых пластин нагрудника (рис. 7: 5—8).

Комплекс снаряжения верхового коня из Новолабинского погребения 71 по многим существенным признакам аналогичен комплексу из Большого Васюринского кургана. Это и редкий, если не уникальный, тип налобника с крючком в форме головки грифона, и техника обкладки железных деталей конского снаряжения серебром (Новолабинская — налобник; Васюринская — часть псалиев) или золотом (Васюринская — налобник, часть псалиев), и даже расположение памятников в одном географическом регионе. Перечисленные особенности служат достаточным основанием для вывода о синхронности, или о незначительном по протяженности хронологическом периоде, когда были совершены эти захоронения. Мне представляется, что наиболее убедительна датировка конских захоронений Большого Васюринского кургана II в. до н. э. (Симоненко 2011, с. 602) [1]. Удила со строгими насадками типа найденных в Новолабинском погребении в соседнем Тенгинском могильнике найдены в ритуальном комплексе второй четверти II в. до н. э. (Беглова 2004, с. 104).

В первой и третьей колонках таблицы показаны хронологические позиции семи погребений могильника у с. Глиное по датировкам авторов публикации и погребения 71 Новолабинского могильника. Показавшийся мне странным для одного могильника разрыв 20—30 лет между датами погребений в курганах 4/1 [2] и 97/1 и остальными пятью захоронениями, как и большой разрыв между датами погребений с налобниками в Глином и Новолабинской, заставил меня обратиться к обоснованию авторами публикации хронологии могил с налобниками у с. Глиное.

Курган 4/1 авторы датируют первой половиной III в. до н. э. по налобнику, аналогии которому найдены на городище «Чайка» (Канторович 2007а, с. 252, 253, рис. 1: 1—3), где они датированы амфорными клеймами первой

1. Датировка конских захоронений в кургане III—II вв. до н. э. (Шаров 2009, с. 303; Власова 2004, с. 172) представляется мне слабо аргументированной.
2. Я использую это удобное сокращение, принятое авторами публикации могильника у с. Глиное для обозначения номера кургана и погребения.

Рис. 3. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: *конь В*: 1, 2 — налобник; 3, 4 — бляхи; *конь Г*: 5—12, 15, 16 — удила и псалии; 13, 14 — трензельные кольца (1—4, 13, 14 — бронза; 5—10 — железо; 11, 12, 15, 16 — железо, бронза)

половины или первой четверти III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 963, 964). Ничего подобного налобнику из Глиного на «Чайке» найдено не было. В Глином 4/1 налобник с загнутым вниз крючком, конец которого отогнут вверх и вперед. Ниже, в месте соединения крючка с лопастью, сделана петля для ремня (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 87, рис. 30: 11; с. 795, рис. 415: 1).

Все три налобника, найденные на городище "Чайка", на которые ссылаются авторы, над петлей для ремня имеют замкнутую петлю, что относит их в эволюционном ряду А. Р. Канторовича к типу, предшествующему длинным налобникам с крючком (Канторович 2007b, с. 77, рис. 1).

В погребении 4/1 были найдены железные С-видные псалии с двумя отверстиями в 8-видном расширении центральной части и округлыми окончаниями (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 87, рис. 30: 12, 13). Несколько подобных псалиев происходят из «странных комплексов» (Симоненко 2015, с. 228, рис. 80: 1д, 2, 3, 6, 7; Редина, Симоненко 2002, с. 95, рис. 8: 3), что позволяет исключить III, и даже начало II века до н. э. из возможного времени совершения погребения 4/1. Этой дате не противоречит и время совершения конских захоронений в Большом Васюринском кургане (Симоненко 2011, с. 602), где были найдены С-видные псалии (Власова 2004, с. 166, рис. 11).

Курган 14/1. В погребении найдена небольшая фракционная амфора, время бытования которых определяется второй половиной II в. н. э., и стандартная амфора с клеймом, датирующимся по Дж. Финкельштейну 205 г. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 949). Из рва этого же кургана происходит фрагмент ручки с клеймом, отнесенным к последнему десятилетию III в. до н. э., которое и стало основной датирующей находкой (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 949). Оставляя в стороне сомнительную датировку погребения по находке фрагмента амфоры из рва, хочу обратить внимание на странный прием, нарушающий процедуру исследования, который позволил избежать противоречий, в то же время не игнорируя позднюю амфору. Совместная находка фракционной и стандартной амфоры, по мнению авторов, служит основанием для того, чтобы отнести появление первых «*по крайней мере, к концу III в. до н. э.*» (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 949). Таким образом, начало производства целого класса амфор перенесено на 60—70 (!) лет даже не по совместной находке — это был бы 205 год до н. э. — а по фрагменту ручки из рва. Учитывая позднейшую датированную находку из комплекса —

фракционную амфору — погребение 14/1, вероятно, следует датировать серединой — третьей четвертью II в. до н. э.

Курган 18/2. Единственной датирующей находкой авторы считают фибулу со скобами, хронологию которой определяют по С.П. Пачковой концом III — началом II вв. до н. э. (Пачкова 2006, с. 77, 78, 80, рис. 28). Бронзовый фрагментированный налобник, что, вероятно, должно свидетельствовать о его долгом использовании, дает возможность хоть не на много — на 15—20 лет, — но сделать погребение древнее, отнеся его к последней четверти III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 958).

Однако фибулы с выгнутой спинкой и короткой ножкой вариантов А и В-Костшевски относятся к более позднему времени — поздней фазе латена С1—С1b, а основная масса соответствует латену С2 (Каспарова 1993, с. 173, 174). Таким образом, III — начало II в. до н. э., как возможное время совершения погребения в кургане 18/2, должны быть исключены. Погребение в лучшем случае можно отнести к середине первой половины II в. н. э.

Курган 21/1 следует датировать, по мнению авторов, в пределах последней четверти III в. до н. э. на том основании, что ближайшая аналогия бронзовому налобнику с П-образным профилем [1] — налобник из Семеновки, датируется клеймами на амфорных ручках именно этим временем (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 964).

Находка налобника в кургане 20 у с. Семеновки сделана в удалении от центра насыпи «*в специальном углублении, — на глубине 1,1 м при высоте кургана 0,7 м*» (Полин 1992, с. 55). Связь этого комплекса со скоплениями амфорного боя, зафиксированными на глубине 0,65—0,8 м на уровне древнего горизонта представляется сомнительной, как и попытка хронологически связать все эти комплексы (Зайцев 2012, с. 58—63). Найденный там же

1. Правильно — с П-образным (или швеллерным) сечением.

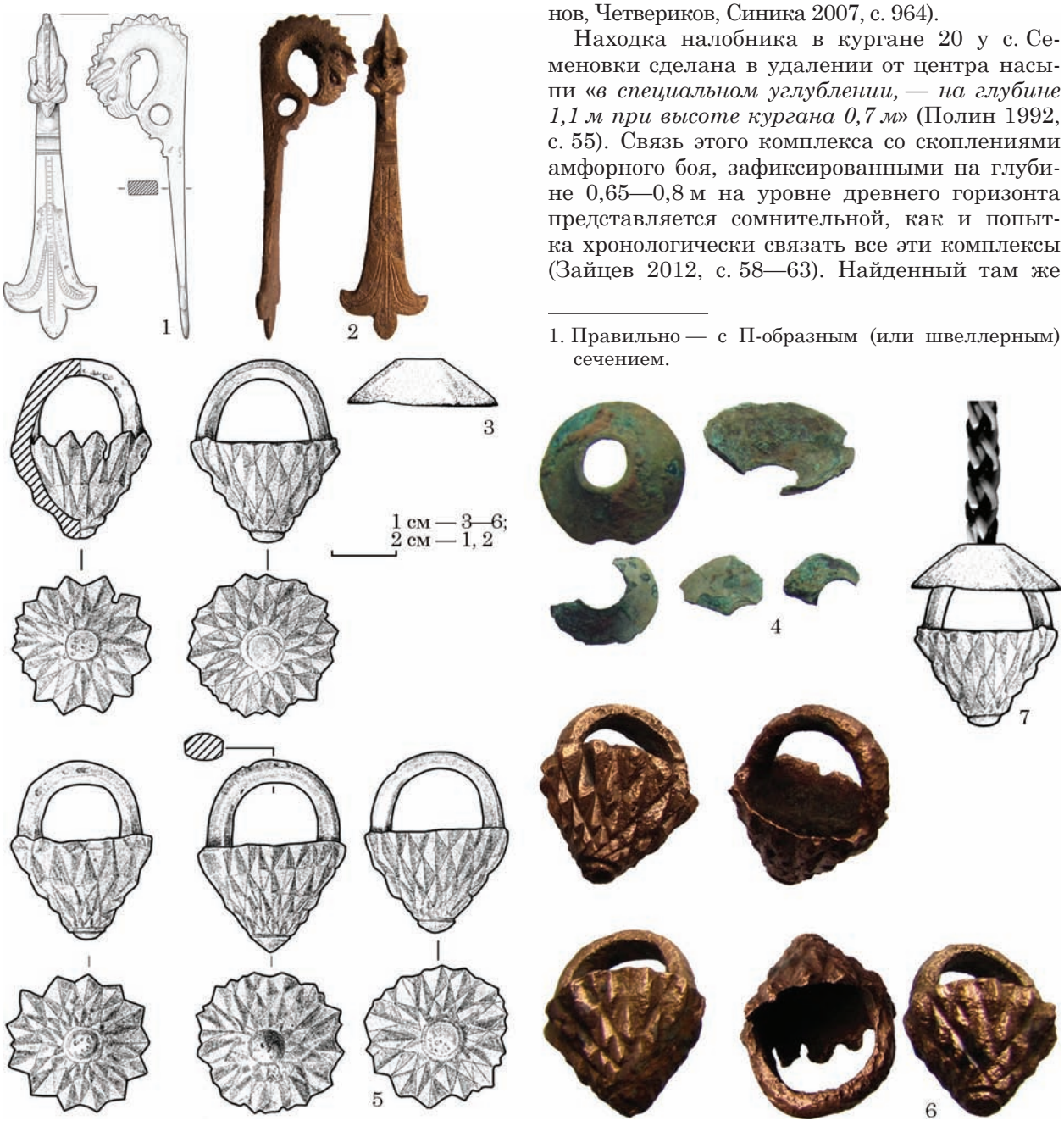


Рис. 4. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: *конь Г*: 1, 2 — налобник; 3, 4 — деталь крепления перстневидных блях; 5, 6 — перстневидные бляхи; 7 — реконструкция крепления блях к ремешку (бронза)

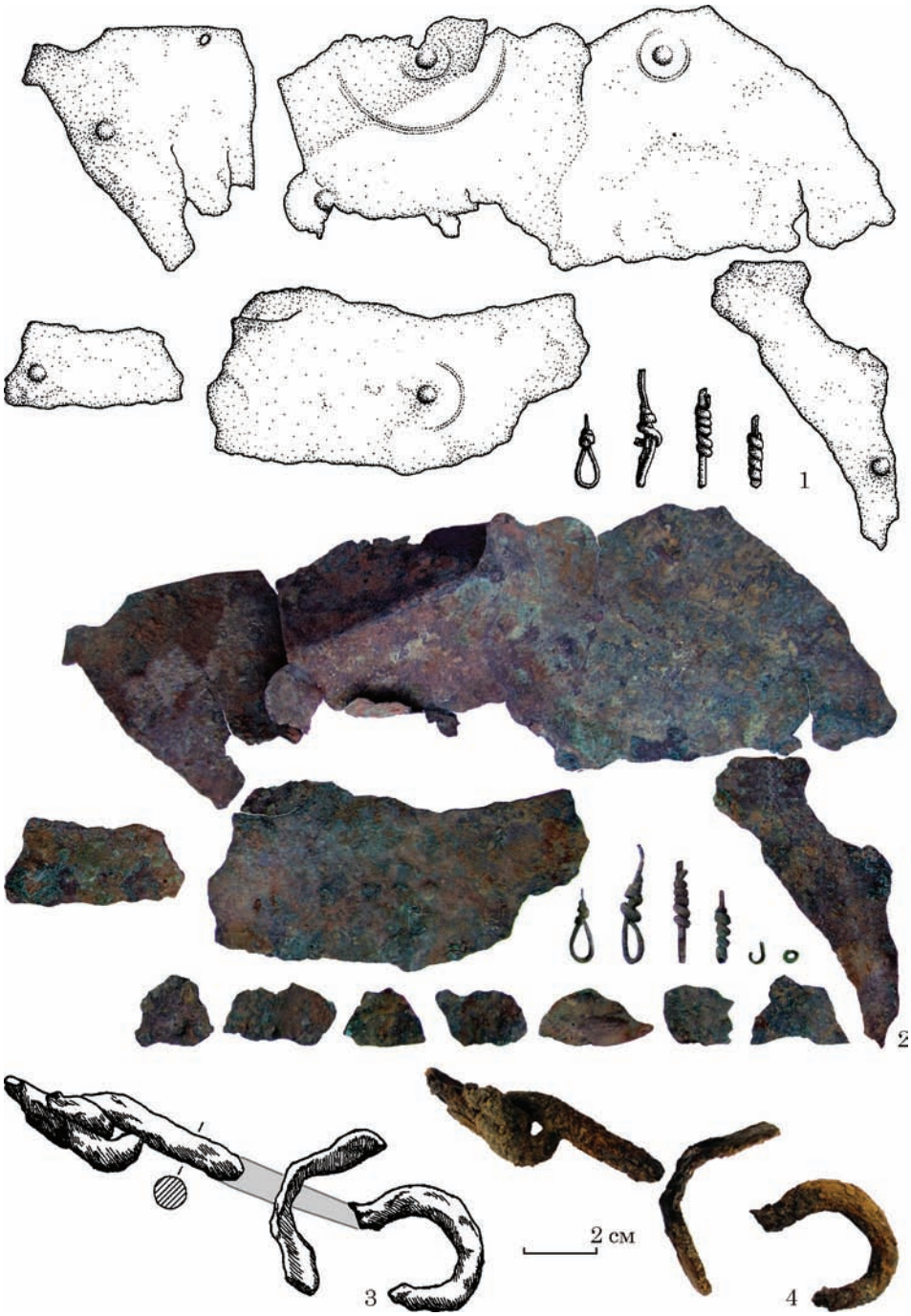


Рис. 5. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: *конь Г*: 1, 2 — нагрудник; *конь Д*: 3, 4 — удила (1, 2 — бронза; 3, 4 — железо)

стеклянный кубок — подражание металлическим ахеменидским (Oliver 1970, p. 15, 16; Лимберис, Марченко 2015, с. 14, 18, рис. 1) — не является датирующим. Его можно рассматривать исключительно как пример необычайно долгого использования дорогой вещи (Островерхов, Охотников 1991, с. 46) если, конечно, он не был обретен хозяином в разграбленном кургане времени сооружения Толстой Могилы и Курджипса, где были подобные кубки.

Помимо Семеновки, налобники со швеллерным сечением верхней части лопасти были найдены:

• в Снигиревке (Симоненко 2015, с. 257, рис. 93: 5) вместе с перстневидными бляхами и наконечником копья, близким наконечникам из Великоплоского (Симоненко 1982, с. 239, рис. 2: 3);

• в Бубуечь (Симоненко 2015, с. 262, рис. 93: 1, 2) с псевдоаттическим шлемом, нащечниками, бляхами оголовья;

• в конском захоронении кургана на горе Зеленского (таблица, врезка, 2) с двумя бляхами, ворворкой, и железными удилами.

Все эти комплексы А. В. Симоненко относит ко II—I вв. до н. э. (Редина, Симоненко 2002, с. 85, 86; Симоненко 2015, с. 262). Косвенным подтверждением поздней даты Зеленского налобника является поразительное сходство орнаментации бортиков и лопасти, оформление крючка

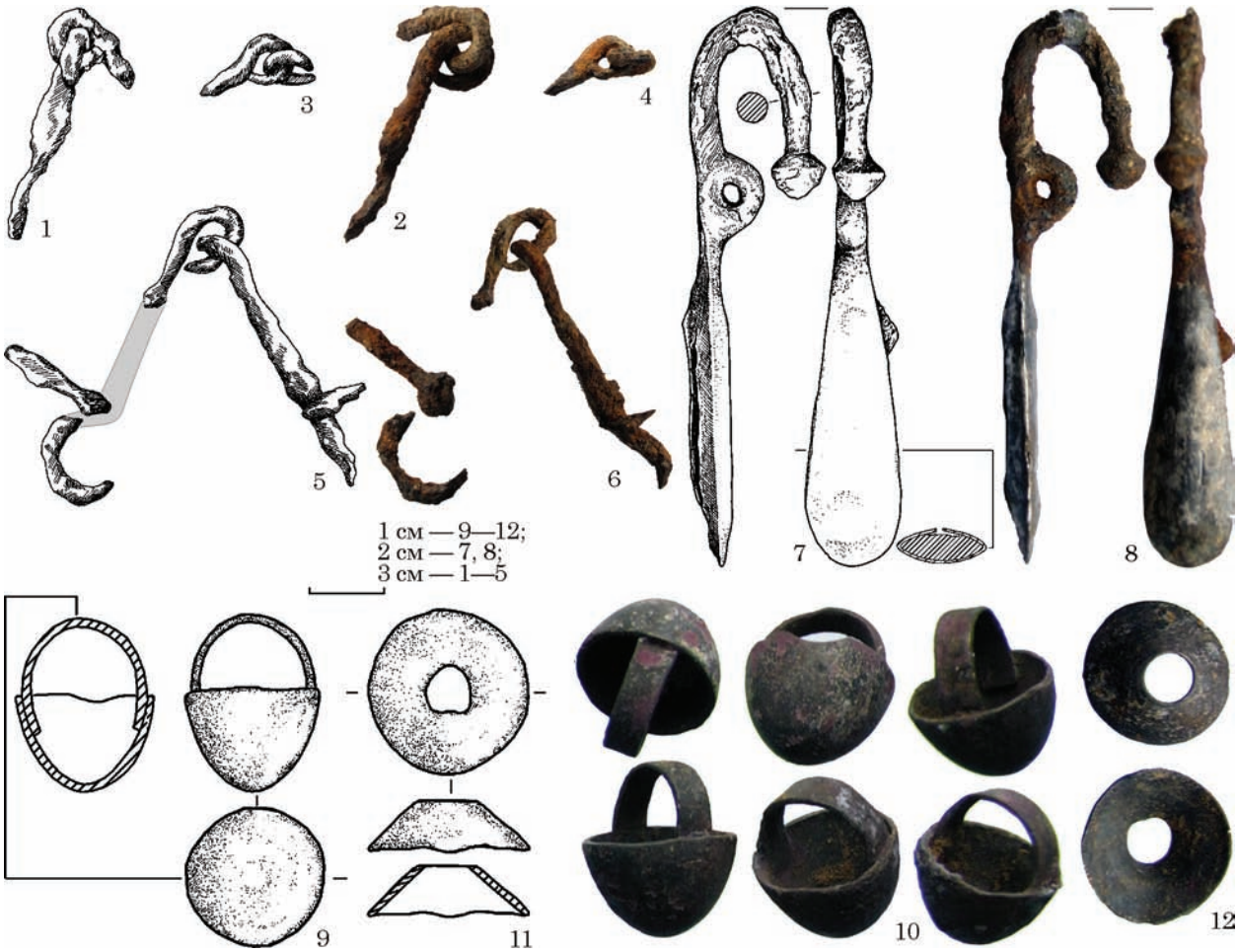


Рис. 6. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: *конь Е*: 1—6 — удила; 7, 8 — налобник; 9, 10 — перстневидные бляхи; 11, 12 — деталь крепления перстневидных блях (1—6 — железо; 7, 8 — железо, серебро; 9, 10 — серебро; 11, 12— бронза)

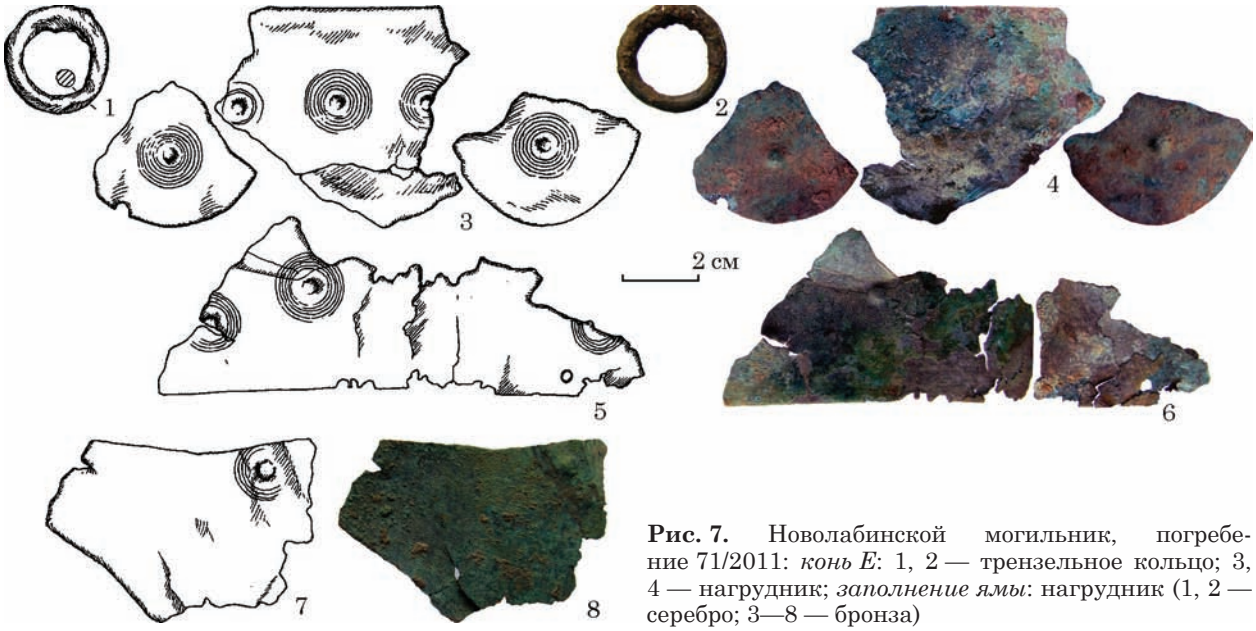


Рис. 7. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: *конь Е*: 1, 2 — трензельное кольцо; 3, 4 — нагрудник; *заполнение ямы*: нагрудник (1, 2 — серебро; 3—8 — бронза)

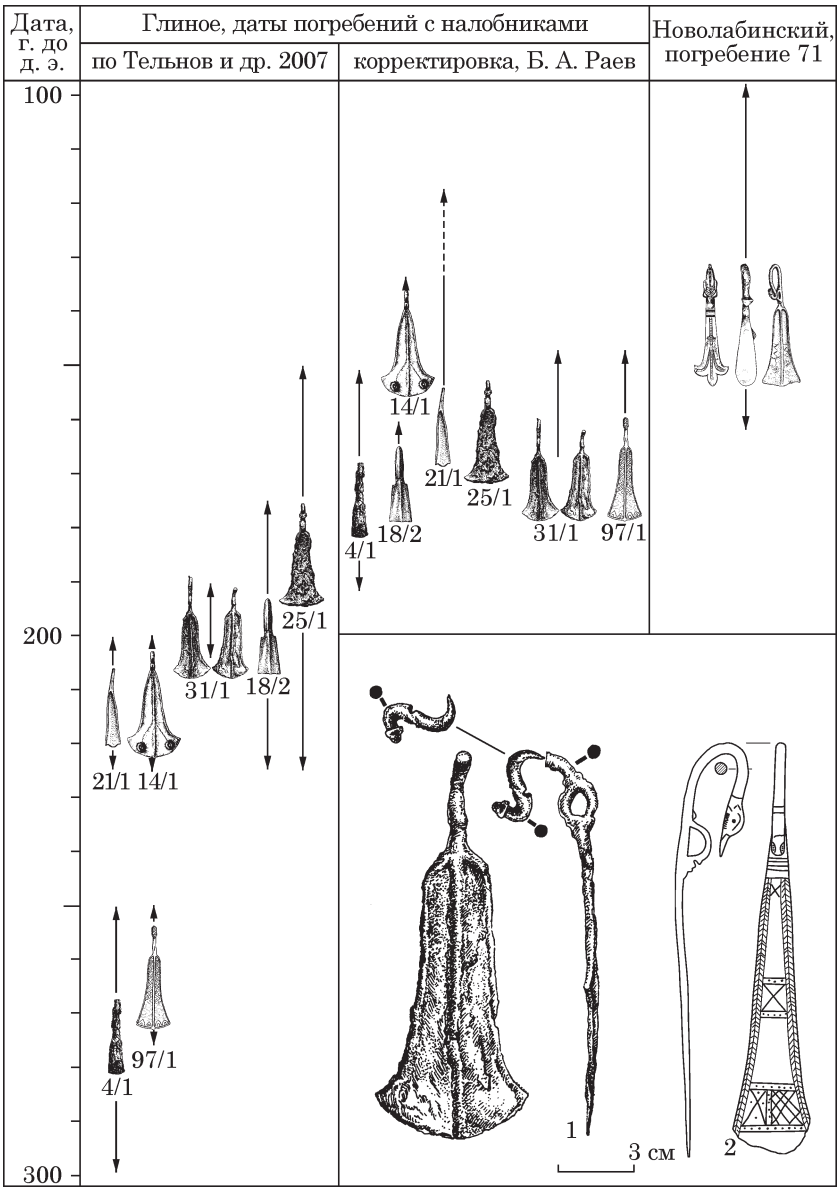
лебединой головкой и даже поперечное сечение, с оформлением ручек и прилегающих краев венчика сковород типа Айлесфорд, датирующихся периодом латен D1 и D2 (Feugère, De Marinis 1991, p. 99, fig. 2: 3; p. 109, 110, fig. 11, 12). Лебединую головку, соотнес с металлической посудой С. В. Полин, но сослался он на более ранние греческие аналоги (Полин 1992, с. 60).

Все это дает основания исключить конец III — начало II вв. до н. э. как возможное время сооружения кургана 21/1, и отнести его ко времени не ранее второй четверти II в. до н. э., из осторожности не определяя верхнюю границу возможного периода.

Курган 25/1 датирован последней четвертью III в. до н. э. — первой половиной II в. до н. э. по найденной в нем «копьевидной» фибуле (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 959). Однако копьевидные фибулы, появление которых связывают с балканскими походами бастарнов 179—168 гг. до н. э. (Каспарова 1993, с. 173; Щукин 1994, с. 74, рис. 20), принято датировать не ранее периода латена С2. И. В. Бруяко именно так датирует фибулу из кургана 25/1 у с. Глиное (Бруяко 2009, с. 337, 335, рис. 2: 5). Курган был сооружен незначительно позже, чем курган 18/2, скорее всего во второй четверти II в. до н. э. Сама же попытка пересмотреть время появления копьевидных фибул (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 959) и тем самым откорректировать на 40—50 лет хронологию европейского латена представляется мне мало перспективной.

Курган 31/1, в котором были найдены два налобника [1], как считают авторы, был сооружен в период от середины 10-х гг. III по 90-е гг. II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 965), что соответствует датам фибул среднелатенской схемы с шариками на спинке и ножке по С. П. Пачковой — конец III — начало II вв. до н. э. (Пачкова 2006, с. 107). Хронология фибул с шариками, однако, совсем не бесспорна. Проанализировав комплекс погребения 108 из Велемичей I и другие ранние комплексы с фибулами с шариками, К. В. Каспарова отнесла их к начальной фазе периода латен С2, т. е. к 185/170 гг. до н. э. (Каспарова 1993, с. 175). Позже В. Е. Еременко посчитал, что такие фибулы появляются на ранних этапах стадии латен С1b — т. е. в 225—190 гг. до н. э. (Еременко 1997, с. 107), с чем не согласились М. Б. Щукин и Д. А. Мачинский. Анализ данных позволил им отнести фибулы с шариками в основном к стадии латен С1b, но если нижняя граница этого периода совпадает с датой, предложенной В. Е. Еременко, то верхняя отнесена ими к 160 г. до н. э. (Щукин

Хронология налобников с крючком из курганов у с. Глиное и погребения 71 могильника Новолабинского городища



На врезке: 1 — бронзовый налобник из кургана 31/1 у с. Глиное (по: Тельнов, Четвериков, Синика 2007; с изменениями автора); 2 — бронзовый налобник из кургана на горе Зеленского (рис. Е. В. Черненко, компьютерная графика автора).

1. По описанию, крючок одного из налобников из кургана 31/1 «*заканчивается конической кнопкой*», тогда как рисунок воспроизводит налобник с обломанным крючком (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 216, 214, рис. 107: 5). На том же рисунке (рис. 107: 3) изображена «*бронзовая S-видная уздечная пряжка*» с одним заостренным концом, и вторым, завершающимся конической кнопкой. Представить ее назначение трудно, при соединении этой «пряжки» с налобником (таблица, врезка, 1) становится понятно, что это обломанная часть крючка, конец которого был отогнут вперед и вверх, что обычно для бронзовых налобников с широкой лопастью.

1994, с. 51, 69, рис. 16; Мачинский 2012, с. 51, 56—57). Сочетание же таких фибул с графитовыми сосудами в могильнике Велемичи I, по мнению Д. А. Мачинского, возможно только в 170—160 гг., или, с учетом условности хронологических границ, в 180—150 гг. до н. э. (Мачинский 2012, с. 51).

Латеном С2 датирует фибулы с шариками, найденные в Румынии, Влад Зирра. Фибулы выделены им в тип 31, самым распространенным из которых является тип 31а с арочной спинкой. Отмечено, что все эти фибулы железные с бронзовыми шариками (Zirra 2017, p. 55, 56, 100, harta 13, 338, pl. 6: 31a).

Следует учитывать также подмеченное Д. А. Мачинским стремление С. В. Пачковой, даты которой безоговорочно принимаются исследователями могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 956, 957), «*удревнить зарубинецкую культуру*» (Мачинский 2012, с. 57). Таким образом, время совершения погребения 31/1 никак не может быть ранее рубежа первой — второй четвертей II в. до н. э.

Как отмечают авторы, среднелатенские фибулы «*сосуществуют на могильнике у с. Глиное с раннелатенскими фибулами*» (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 961). Это так, но при существенной оговорке — они не встречаются в одном погребении. Единственный случай — это курган 69/2. Даже если согласиться с далеко не бесспорной реконструкцией фибул из этого комплекса, одна из них (с шариками на спинке) — это период латен С1b, а вторая, с фальшивой пружиной на окончании ножки, синхронна фибуле с шариками, и действительно сосуществует с ней, но это не раннелатенский импорт (Щукин 1994, с. 51, 65, рис. 11: 29).

В кургане 31/1 была найдена пара золотых серег с витыми дужками и окончаниями в форме львиных головок (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 214, рис. 107: 2), в описании которых авторами упущена важная деталь: это единственный известный мне экземпляр, у которого дужка свита не из нескольких круглых проволочек, а из одной, круглой в сечении, накрученной на коническую сердцевину, которую затем удалили. Лишенная жесткости дужка в форме полой конусовидной спирали, была усилена напаянной по внешнему диаметру витой квадратной проволочкой. Спаянные концы обеих проволочек образуют заостренный конец дужки (Синика, Разумов, Тельнов 2016, с. 112, № 127).

Серьги типа найденных в кургане 31/1 у с. Глиное — один из самых распространенных типов золотых серег эллинистического времени (Pfrommer 1990, S. 146—156, Abb. 22—26, Taf. 30: 1—26). Остановлюсь на некоторых морфологических особенностях подобных серег и их датировке.

Серьги из Глиного относятся к особой группе серег с окончаниями в форме львиных головок, манжеты которых украшены напаянными S-видными проволочками с шариками зерни, впаянными в завитки спиралей. Эта характерная деталь послужила основанием для выделения их М. Пфроммером в особую группу Седес / Севтополис. Одновременно М. Пфроммер отметил особенность свивки проволочек, из которых изготовлены дужки серег, заключающуюся в том, что на ранних серьгах, вне зависимости от формы окончаний и наличия скани на манжетах, шаг свивки проволочек длинный, а на более поздних — короткий (Pfrommer 1990, S. 150).

Специальное исследование серег с витыми дужками и окончаниями в виде львиных головок из Фанагории было осуществлено М. Ю. Трейстером и О. В. Тугушевой (Трейстер, Тугушева, 2014), а позже включено в раздел коллективной монографии, посвященной золотым изделиям из Фанагории (Трейстер 2015, с. 108—111). Авторы, в целом следуя типологии и хронологическим наблюдениям М. Пфроммера (Трейстер, Тугушева 2014, с. 393, 397), высказали сомнения в верной датировке последним фанагорийского погребения 1954 г. второй четвертью III в. до н. э. На основании стилистического анализа изображений на пеликах они отнесли фанагорийское погребение и появление таких серег на Боспоре ко времени не позднее последней четверти IV в. до н. э. (Трейстер, Тугушева 2014, с. 399, 401). Не являясь специалистом в вазописи, и не считая для себя возможным оценивать достоверность даты пелики, а тем более предполагать время ее использования в быту, отмечу, что при рассмотрении дат погребений, где найдены серьги со сканью на манжетах, попытка удревнить их на 50—70 лет не выглядит убедительной.

Также не убедительна попытка авторов обосновать раннюю дату фанагорийского погребения ссылками на время совершения погребения 1/2003 на ул. Терской в Анапе, с аналогичным составом инвентаря. Маленькие биконические бусы, как отмечают сами авторы, существуют вплоть до II в. до н. э. (Трейстер, Тугушева 2014, с. 398), а в погребении, кроме них и фрагментированной пелики, были найдены статуэтки, расцвет производства которых приходится на III в. до н. э. (Шевченко 2004, с. 190). Датировка фанагорийского погребения М. Пфроммером выглядит более обоснованной.

Обратимся к самим серьгам с манжетами, украшенными сканью. Самые ранние из них появляются в Македонии и Фракии (Димитрова 1989, с. 2, табл. 1), откуда они, скорее всего, были привезены на Боспор в конце IV в. до н. э. (Трейстер, Тугушева 2014, с. 401). Все они с длинным шагом свивки дужки (Pfrommer 1990, S. 150, Taf. 30: 2, 8; Димитрова 1989, с. 4, 5, обр. 2, 5, 6). Дужки с коротким шагом свивки появляются в Македонии и Фракии во второй четверти III в. до н. э. (Pfrommer 1990,

S. 370—371, OR 222, Taf. 30: 9). М. Пфроммер особо отмечает, что серьги с длинным шагом свивки дужек доживают до этого времени, и могут сосуществовать с серьгами, у которых короткий шаг свивки. В качестве примера он ссылается на известный погребальный комплекс, в котором найдены оба типа серег — могилу 2 в Мезек (Болгария), датированную по инвентарю временем не ранее середины III в. до н. э. (Pfrommer 1990, S. 250, FK 99b; S. 371, OR 232, OR 233, Taf. 30: 3, 4).

Что касается боспорских находок, то этим же, или близким временем датируют погребение с парой серег с коротким шагом свивки из урны 4 склепа 1012 в Херсонесе все исследователи (Гриневич 1926, с. 22, 23, 40, рис. 10; Белов 1948, с. 78, 79, табл. VII: внизу; Pfrommer 1990, S. 267, 268, FK 125b; S. 372, OR 239; Taf. 30: 10).

Серьги из погребения 1—2/1958 в Херсонесе интересны тем, что их дужка свита из одной квадратной в сечении проволочки, а не из нескольких круглых. Поэтому шаг свивки у нее ближе к головке льва короткий, а к концу — длинный (Стоянов 2007, с. 126, рис. 5А: 4). Р. В. Стоянов датировал серьгу концом III — первой половиной II вв. до н. э. (Стоянов 2007, с. 126) а В. И. Мордвинцева и М. Ю. Трейстер — серьгу II—I вв. до н. э., а погребения — I в. до н. э., (Мордвинцева, Трейстер 2007, с. 109—110, № А363 а.3, табл. 48).

Таким образом, в дужках серег из Глиного можно увидеть сочетание двух элементов: навитой (но не витой!) золотой проволоки с коротким шагом свивки, восходящей к серьгам середины III в. до н. э., и витой квадратной проволоки, которая использована для изготовления дужки серег II—I вв. до н. э. Боспорские аналогии и морфология самих серег дают основания, как и фибула, отнести погребение в кургане 31/1 ко времени не раньше рубежа первой — второй четверти II в. до н. э.

Что касается найденной в кургане амфоры, то определение ее как амфоры позднего типа III, варианта III-С по С. Ю. Монахову можно уточнить: по размерным характеристикам это серия III-С-1 (Монахов 2003, с. 153, 154), узко датированная авторами по магистратскому клейму последним десятилетием III — первым десятилетием II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 948). При наличии других датированных импортов, можно говорить о значительном запаздывании амфор в погребениях Тираспольских курганов. Тару сюда завозили, скорее всего, во вторичном использовании, и временной интервал между амфорами и хорошо датированными импортами составляет в отдельных курганах до 20—25 лет. Этот период фиксируется не только в городах и сельских поселениях (Внуков 2015, с. 163, 165, 168), но и в варварских курганах на их периферии (Монахов 1999, с. 419). Сочетание в погребениях могильника у с. Глиное клейменной амфорной тары и иных хорошо датированных импортов, позволяет на материалах этого могильника определить время запаздывания амфор для конкретного микрорегиона.

Курган 97/1. Вторичное захоронение в кургане отнесено авторами ко второй четверти III в. до н. э. на основании красноглиняной чашки (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 957, 965). Точных аналогий ей нет, можно «*только* ***условно*** *определить дату*» (выделено мной — *Б. Р.*) и предполагать (условно?) ее местное производство, но дата, по мнению авторов, верифицируется датой фибулы среднелатенской схемы с шариками (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 951). Датировка среднелатенских фибул с шариками рассмотрена в разделе, посвященном кургану 31/1, других датирующих предметов во вторичном женском погребении кургана 97/1 не найдено, и его с полным основанием можно считать синхронным кургану 31/1.

Вторым предметом, который, по мнению исследователей, определяет время первичного захоронения кургана 97/1, является чашка, аналогии которой происходят из цистерны Е14: 1 афинской агоры (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 950—951). Верно указав даты керамического импорта в нижних слоях цистерны по С. Ротроф — 325—200 гг. до н. э., — авторы не упомянули существенные детали описания цистерны. Прежде всего, С. Ротроф отмечает, что кроме того, что в 150—75 гг. до н. э. заполнение цистерны Е14: 1 было нарушено [перекопом?], материал III в. до н. э. из нее и материал 150—50 гг. до н. э. из соседней цистерны Е14: 3 был перемешан в ходе раскопок. Основная часть заполнения цистерны Е14: 3 относится к 115—50 гг. до н. э., что совпадает с датой нарушения заполнения Е14: 1, и первая может быть источником некоторого количества позднеэллинистического материала во второй (Rotroff 1990, p. 446). Это не позволяет использовать материал из цистерн в качестве датирующего, тем более для далекой от Афин периферии. Параллели чашке из кургана 97/1 есть в материалах горизонтов E/D (175—108 гг. до н. э.) Неаполя Скифского (Зайцев 2003, с. 129, рис. 59: 6, 12). И наконец, если на рисунке в монографии профиль чашки изображен верно (в чем есть повод сомневаться, поскольку левая и правая его части разнятся выше допустимых колебаний асимметрии в кружальной аттической керамике), то ни материалы Агоры, ни материалы Неаполя не являются для нее близкими аналогами.

Катакомба 97/1 сама по себе необычна: вторичное «женское» захоронение [1] сопровождает-

1. Антропологические определения из-за плохой сохранности костяков ограничивались определением возраста погребенных (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 80, сн. 7). Определения пола по инвентарю неоднозначны и не могут использоваться как достоверный источник.

ся предметами вооружения и конским снаряжением; «мужской» костяк лежит не «*ближе к западной стене*», что было бы странно, так как в этом случае он лежал бы у входа, а смещен к западу от центра камеры всего на 10—15 см; при манипуляциях с телом покойной у восточной стенки мужской костяк не мог остаться непотревоженным. Не могли ли оба погребенных быть захоронены одновременно через южный колодец в существующую камеру катакомбы, из которой вынесли первого погребенного? Оставшаяся от него амфора найдена расколотой. Вопреки описанию (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 577), на уступе у западной стенки, судя по плану, лежала только ее верхняя часть, нижняя находилась на дне колодца (там же, с. 579, рис. 326).

Таким образом, обоснование дат курганных захоронений с конскими налобниками в могильнике у с. Глиное вызывает большие сомнения. Уточнение дат показывает, что эти комплексы формируют хронологически компактную группу, нижняя граница которой — конец первой — начало второй четверти II в. до н. э., а верхняя — третья четверть II в. до н. э. (табл. 1, центральная колонка). Самым ранним в этой группе является курган 4/1, в котором найден железный налобник, сохраняющий такую черту прототипов, как узкая лопасть. Дальнейшая эволюция налобников с крючком шла по линии расширения лопасти, превращения ее в секировидную и дополнительной орнаментации самой лопасти. Материал тираспольских курганов позволяет предполагать, что это развитие связано с местным производством.

Налобники с крючком из 71 Новолабинского погребения или синхронны, или незначительно моложе тираспольских. Имеющиеся материалы показывают, что в Прикубанье они появляются в окончательно сложившейся форме — у них широкие лопасти, украшенные орнаментом, крючок длинный, конец его загнут вперед и вверх. При том, что в предшествующее время каких-либо прототипов, с которыми можно было бы связать их появление в регионе нет [1], на налобниках из Прикубанья появляется оформление крючков зооморфными изображениями — головками грифонов на Новолабинском и на налобнике из Большого кургана Васюринской горы (Власова 2004, с. 165, рис. 9), головкой кошачьего хищника (?) на Новолабинском (рис. 3: 1, 2) и лебединой головкой на налобнике из кургана на горе Зеленского (табл. 1, врезка, 2).

Зооморфизация крючков Прикубанских налобников связана с иными влияниями; два из трех появившихся на них образа — лебедь и грифон — характерны для античного искусства. О лебединой головке речь шла выше, возможность знакомства варварских мастеров эпохи позднего эллинизма с изображением грифона отметил А. В. Симоненко (Симоненко 2015, с. 262). Перенос образов античного искусства на конскую упряжь вернувшейся на исконные земли (меотской? скифской? меото-скифской?) знати мог произойти как в Прикубанье, где традиционны были интенсивные контакты местного населения с античными центрами, так и в Крыму или на Боспоре. Изготовление налобников с крючком в Неаполе Скифском документировано находкой литейной формы (Симоненко 2015, с. 267, рис. 96: 1), а гора Зеленского и Васюринская гора расположены на территории Азиатского Боспора, что делает такую возможность вполне реальной. Прикубанье и Крымский полуостров на протяжении всей истории были в культурном, политическом и этническом отношении тесно связаны между собой. Представляется, что высокое качество налобников из Прикубанья, выразившееся не только в декоре, но и в сложной технике соединения в одном изделии нескольких металлов (железа, серебра, бронзы, золота), было обусловлено изготовлением их в мастерских Боспора.

Да и сам маршрут иммиграции из Северо-Западного Причерноморья в Прикубанье, скорее всего, пролегал через Крымский полуостров, поскольку был не только на четверть расстояния короче, но и не подразумевал преодоления многих водных преград в Приазовье.

В заключение отмечу, что уточнение датировок курганов с налобниками, раскопанных у с. Глиное, результатом которого стало уменьшение до 10—15 лет разрыва в дате их сооружения, и дате погребения 71 Новолабинского могильника, является дополнительным аргументом в пользу гипотезы А. В. Симоненко.

Благодарности. Считаю своим приятным долгом поблагодарить за помощь в работе научного сотрудника Исторического музея «Искра», (г. Казанлык, Болгария) Меглену Парвин, а также профессора А. Р. Канторовича и доцента В. И. Мордвинцеву (оба — Москва). Для меня были также очень важны уточнения и дополнения, которыми делился со мной Виталий Синика (Тирасполь). Пользуюсь случаем выразить ему искреннюю признательность.

ЛИТЕРАТУРА

Беглова, Е. А. 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника. *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*, 3, с. 88-107.

Белов, Г. Д. 1948. *Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Бруяко, И. В. 2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. *Stratum plus*, 3, с. 329-370.

1. Великолепные бронзовые детали узды с зооморфным декором (Канторович, Эрлих 2006, кат. № 63—67, 91, 92) были отлиты на 100—150 лет раньше налобников, найденных в Новолабинском могильнике.

Виноградов, Ю. А., Марченко, К. К., Рогов, Е. Я. 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии». *Донские древности*, 5: Сарматы и Скифия, с. 6-27.

Власова, Е. В. 2004. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове. В: Ходза, Н. К. (ред.). *Эллинистические штудии в Эрмитаже*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 158-174.

Внуков, С. Ю. 2015. Продолжительность использования античных винных амфор. *Краткие сообщения института археологии*, 238, с. 161-169.

Гриневич, К. Э. 1926. *Стены Херсонеса Таврического.* I: Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса. Херсонесский сборник, 1. Севастополь: Херсонесский музей.

Димитрова, М. 1989. Обеци с лъвски глави от елинистическата епоха (по материли от България). *Археология*, XXXI, 3, с. 1-13.

Зайцев, Ю. П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.).* Симферополь: Универсум.

Зайцев, Ю. П. 2012. Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья. В: Тельнов, Н. П. (ред.). *Древности Северного Причерноморья III—I вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, с. 55-66.

Канторович, А. Р. 2007a. О некоторых предметах конского снаряжения с городища «Чайка». В: Янин, В. Л., Щапова, Ю. Л. (ред.). *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму.* Москва: МГУ, с. 252-265.

Канторович, А. Р. 2007b. Конские налобники / наносники с петлей и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля. В: Скорий, С. А. (ред.). *Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна.* Київ: ІА НАН України, с. 74-77.

Канторович, А. Р., Эрлих, В. Р. 2006. *Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи.* Москва: Государственный музей Востока.

Каспарова, К. В. 1993. О времени возникновения зарубинецкой культуры. *Археологические вести*, 2, с. 169-190.

Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2015. Стеклянная чаша из погребения могильника Старокорсунского городища № 2. В: Эрлих, В. Р. (ред.). *Северный Кавказ: искусство в контексте времени*. Майкоп: Графика, с. 14-18.

Мачинский, Д. А. 2012. О прародине славян в I—V вв. и об этносоциуме *русь / rôs* в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа»). В: Мачинский, Д. А. (ред.). *Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской.* Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 25-127, 134-165.

Монахов, С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары.* Саратов: СГУ.

Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре.* Москва; Саратов: Киммерида; СГУ.

Мордвинцева, В. И., Трейстер, М. Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. — 2 в. н. э.* 1—3. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе, 2. Симферополь: Тарпан-Бонн.

Островерхов, А. С., Охотников, С. Б. 1991. О происхождении стеклянных фиал из курганов Северного и Восточного Причерноморья. В: Ванчугов, В. П. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур.* Киев: Наукова думка, с. 48-52.

Пачкова, С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы.* Киев: ИА НАН Украины.

Полин, С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии.* Киев: ИА АН Украины

Редина, Е. Ф., Симоненко, А. В. 2002. «Клад» конца III—I в. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 2, с. 78-96.

Симоненко, А. В. 1982. О позднескифских налобниках. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 237-245.

Симоненко, А. В. 2011. Конский убор из большого кургана Васюринской горы. *Боспорский феномен*: Население, языки, контакты, с. 598-602.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья.* Изд. 2-е, дополн. Киев: Олег Филюк.

Симоненко, А. В. 2016. О происхождении позднескифской культуры Нижнего Днепра. *Стародавнє Причорномор'я*, XI, с. 476-483.

Синика, В. С., Разумов, С. Н., Тельнов, Н. П. 2016. *Археологическое наследие Приднестровья*. Тирасполь: Полиграфист.

Стоянов, Р. В. 2007. К хронологии участка эллинистического некрополя возле гончарных мастерских в Херсонесе Таврическом. *Археологические вести*, 14, с. 121-129.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—I вв. до н. э. у с. Глиное.* Археологические памятники Приднестровья, 3. Тирасполь: Stratum plus.

Трейстер, М. Ю. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В: Кузнецов, В. Д. (ред.). Фанагория. Результаты археологических исследований, 2: Трейстер, М. Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: ИА РАН, с. 77-181.

Трейстер, М. Ю., Тугушева, О. В. 2014. О хронологии ранних групп серег с витыми дужками и окончаниями в форме львиных головок эллинистического времени в Северном Причерноморье. *Боспорские исследования*, XV: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы хронологии, с. 393-405.

Шаров, О. В. 2009. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы. *Боспорские исследования*, XXII: Степи Евразии и история Боспора Киммерийского, с. 283-348.

Шевченко, Н. Ф. 2004. Материалы исследований некрополя Горгиппии в 2003 г. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 4, с. 186-211.

Щукин, М. Б. 1994. *На рубеже эр.* Санкт-Петербург: Фарн.

Feugère, M., De Marinis, R. 1991. Les poêlons. In: Feugère, M., Rolley, C. (eds.) *La vaisselle tardo-républicaine en bronze: Actes de la table-ronde CNRS organisée à Lattes du 26 au 28 avril 1990*. Dijon: Université de Bourgogne, p. 97-112.

Oliver, A. 1970. Persian Export Glass. *Journal of Glass Studies*, XII, p. 9-16.

Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Istanbuler Forschungen, 37. Tübingen: E. Wasmuth.

Rotroff, S. I. 1997. *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. 1—2. The Athenian Agora, 29. Princeton.

Zirra, V. V. 2017. *Fibule de schemă La Tène din România*. Craiova: Scrisul Românesc Fundaţia.

REFERENCES

Beglova, E. A. 2004. Pervyi ritual'nyi kompleks Tenginskogo mogil'nika. In: *Opus: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii*, 3, s. 88-107.

Belov, G. D. 1948. *Khersones Tavricheskii. Istoriko-arkheologicheskii ocherk*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh.

Bruiako, I. V. 2009. Ot Skifii k Sarmatii: desiat' let spustia. *Stratum plus*, 3, s. 329-370.

Vinogradov, Iu. A., Marchenko, K. K., Rogov, E. Ia. 1997. Sarmaty i gibel' «Velikoi Skifii». *Donskie drevnosti*, 5: Sarmaty i Skifiia, s. 6-27.

Vlasova, E. V. 2004. Kurgan Vasiurinskaia gora na Tamanskom poluostrove. In: Khodza, N. K. (ed.). *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, s. 158—174.

Vnukov, S. Iu. 2015. Prodolzhitel'nost' ispol'zovaniia antichnykh vinnykh amfor. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 238, s. 161-169.

Grinevich, K. E. 1926. *Steny Khersonesa Tavricheskogo*. I: Podstennyi sklep N 1012 i vorota Khersonesa. Khersonesskii sbornik, 1. Sevastopol': Khersonesskij muzej.

Dimitrova, M. 1989. Obeci s lvski glavi ot elinisticheskata epoha (po materili ot Blgarija). *Arheologija*, XXXI, 3, s. 1-13.

Zaitsev, Iu. P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n. e. — III v. n. e.)*. Simferopol': Universum.

Zaitsev, Iu. P. 2012. Antichnaia keramika v ritual'nykh (votivnykh) kladakh Severnogo Prichernomor'ia. In: Tel'nov, N. P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—I vv. do n. e.* Tiraspol': PGU, s. 55-66.

Kantorovich, A. R. 2007a. O nekotoryh predmetah konskogo snarjazhenija s gorodishha «Chajka». In: Janin, V. L., Shchapova, Ju. L. (eds.). *Materialy issledovanij gorodishha «Chajka» v Severo-Zapadnom Krymu*. Moskva: MGU, s. 252-265.

Kantorovich, A. R. 2007b. Konskie nalobniki/nanosniki s petlej i krjuchkom i ih svjaz' s nekotorymi motivami skifosibirskogo zverinogo stilja. In: Skoryj, S. A. (ed.). *Rannij zaliznyj vik Jevrvzii': do 100-richchja vid dnja narodzhennja O. I. Terenozhkina*. Kyiv: IA NAN Ukrainy, s. 74-77.

Kantorovich, A. R., Erlikh, V. R. 2006. *Bronzoliteinoe iskusstvo iz kurganov Adygei*. Moskva: Gosudarstvennyi muzei Vostoka.

Kasparova, K. V. 1993. O vremeni vozniknoveniia zarubinetskoi kul'tury. *Arkheologicheskie vesti*, 2, s. 169-190.

Limberis, N. Iu., Marchenko, I. I. 2015. Stekliannaia chasha iz pogrebeniia mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha N 2. In: Erlikh, V. R. (ed.). *Severnyi Kavkaz: iskusstvo v kontekste vremeni*. Maikop: Grafika, s. 14-18.

Machinskij, D. A. 2012. O prarodine slavjan v I—V vv. i ob jetnosociume *rus' / rôs* v IX v. (chrezvychajno razvernutyj kommentarij k nekotorym soobshhenijam «Bavarskogo geografa»). In: Machinskij, D. A. (ed.). *Istoki slavjanstva i Rusi: sbornik statej po materialam X chtenij pamjati Anny Machinskoj*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, s. 25-127, 134-165.

Monakhov, S. Iu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary*. Saratov: SCU.

Monakhov, S. Iu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare*. Moskva; Saratov: Kimmerida; SGU.

Mordvintseva, V. I., Treister, M. Iu. 2007. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. 2 v. do n. e. — 2 v. n. e.* 1—3. Drevniaia torevtika i iuvelirnoe delo v Vostochnoi Evrope, 2. Simferopol': Tarpan-Bonn.

Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 1991. O proiskhozhdenii stekliannykh fial iz kurganov Severnogo i Vostochnogo Prichernomoria. In: Vanchugov, V. P. (ed.). *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e — kontaktnaia zona drevnikh kul'tur*. Kiev: Naukova dumka, s. 48-52.

Simonenko, A. V. 2011. Konskii ubor iz bol'shogo kurgana Vasiurinskoi gory. *Bosporskii fenomen*: Naselenie, iazyki, kontakty, s. 598-602.

Pachkova, S. P. 2006. *Zarubineckaja kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii*. Kiev: IA AN Ukrainy.

Redina, E. F., Simonenko, A. V. 2002. «Klad» kontsa III—I v. do n. e. iz Veseloi Doliny v krugu analogichnykh drevnostei Vostochnoi Evropy. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani*, 2, s. 78-96.

Simonenko, A. V. 1982. O pozdneskifskikh nalobnikakh. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoi Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 237-245.

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomoria*. Izd. 2-e, dopoln. Kiev: Oleg Filiuk.

Simonenko, A. V. 2016. O proiskhozhdenii pozdneskifskoi kul'tury Nizhnego Dnepra. *Starodavnje Prychornomorja*, XI, s. 476-483.

Sinika, V. S., Razumov, S. N., Tel'nov, N. P. 2016. *Arkheologicheskoe nasledie Pridnestrovia*. Tiraspol': Poligrafist.

Stojanov, R. V. 2007. K hronologii uchastka jellinisticheskogo nekropolja vozle goncharnyh masterskih v Hersonese Tavricheskom. *Arheologicheskie vesti*, 14, s. 121-129.

Tel'nov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—I vv. do n. e. u s. Glinoe*. Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia, 3. Tiraspol': Stratum plus.

Treister, M. Iu. 2015. Zoloto Fanagorii. Tipologicheskii, stilisticheskii i khronologicheskii analiz. In: Kuznetsov, V. D. (ed.). Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanii, 2: Treister, M. Iu. (ed.). *Zoloto Fanagorii*. Moskva: IA RAN, s. 77-181.

Treister, M. Iu., Tugusheva, O. V. 2014. O khronologii rannikh grupp sereg s vitymi duzhkami i okonchaniiami v forme l'vinykh golovok ellinisticheskogo vremeni v Severnom Prichernomor'e. *Bosporskie issledovaniia*, XV: Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekovia: Aktual'nye problemy khronologii, s. 393-405.

Sharov, O. V. 2009. O konskikh pogrebeniiakh Bol'shogo kurgana Vasiurinskoi gory. *Bosporskie issledovaniia*, XXII: Stepi Evrazii i istoriia Bospora Kimmeriiskogo, s. 283-348.

Shevchenko, N. F. 2004. Matrialy issledovanii nekropolia Gorgippii v 2003 g. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani*, 4, c. 186-211.

Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er*. Sankt-Peterburg: Farn.

Feugère, M., De Marinis, R. 1991. Les poêlons. In: Feugère, M., Rolley, C. (eds.) *La vaisselle tardo-républicaine en bronze: Actes de la table-ronde CNRS organisée à Lattes du 26 au 28 avril 1990*. Dijon: Université de Bourgogne, p. 97-112.

Oliver, A. 1970. Persian Export Glass. *Journal of Glass Studies*, XII, p. 9-16.

Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Istanbuler Forschungen, 37. Tübingen: E. Wasmuth.

Rotroff, S. I. 1997. *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. 1—2. The Athenian Agora, 29. Princeton.

Zirra, V. V. 2017. *Fibule de schemă La Tène din România*. Craiova: Scrisul Românesc Fundația.

B. A. Raev

HORSE FRONTLET PLATES FROM HORSE FRONTLETS FROM NOVOLABINSKY GRAVE 71 AND KURGANS NEAR THE VILLAGE OF GLINOE AS AN INDICATOR OF CONTACTS BETWEEN THE LOWER DNIESTR REGION AND THE KUBAN REGION

This publication presents an assemblage from a horse burial excavated in 2011 in the cemetery of the 4th Novolabinsky settlement in the Kuban region. Six horses placed in a pit, were accompanied by several sets of riding harness. It included one bit with straight check-pieces, C-shaped check-pieces, bridle decorations, breastgirth ornaments and three frontlets, each with a hook, two of them have zoomorphic ends. The closest parallels to the horse frontlets from the Bolshoi Kurgan of Vasyurinskaya Gora allow us to attribute the Novolabinsk grave to the 2nd century BC.

A series of eight similar frontlets without zoomorphic décor was found in kurgans near the village of Glinoe in Transnistria. The excavators dated the assemblages to the period from the first half of the 3rd century BC to the first half of the 2nd century BC. Meanwhile, during this period there was a significant gap in 20—30 years when frontlets were not found in the graves. Considering the typological closeness of the Transnistrian and Kuban frontlets, the chronological gap looked questionable. Re-evaluation of the data of the Tiraspol kurgans, and an analysis of the grounds for their dating revealed that the authors of their initial publication assigned the materials to 15—90 years older. Assemblages with frontlets from kurgans near the village of Glinoe, according to the revised dating, make up a compact group, and a time period between the earliest and latest burials was no more than 50—60 years, from the first decade to the third quarter of the 2nd century BC.

The revision and specification of the dates of the Tiraspol kurgans reduces to a minimum the time gap between the graves with frontlets in the Transnistria and the graves with frontlets in the Kuban region. Such a chronology confirms the possibility of a hypothesis formulated in 2016 by A. V. Symonenko, according to which a part of the Tiraspol elite returned to the native lands of the North-Western Ciscaucasia. It was in the Kuban region, when zoomorphic decorative elements, as a result of an influence of the antique centers of the Black Sea region, appeared on frontlets with hook. The high quality of the frontlets from Kuban region, expressed not only in the décor but in the complicated technique of combining several metals (iron, silver, bronze, and gold) in the same object, was due to their manufacturing in the Bosporus workshops.

Keywords: horse harness, frontlets, Tiraspol kurgans, Kuban region, nomad migrations.

Б. А. Раєв

КІНСЬКІ НАЛОБНИКИ З НОВОЛАБІНСЬКОГО ПОХОВАННЯ 71 ТА КУРГАНИ БІЛЯ с. ГЛИНОЄ ЯК ІНДИКАТОР КОНТАКТІВ ПОДНІСТРОВ'Я І ПРИКУБАННЯ

Статтю присвячено публікації матеріалів кінського поховання, розкопаного у 2011 р. в могильнику 4 Новолабінського городища в Прикубанні. Шість коней, покладених в яму, супроводжувалися кількома комплектами спорядження верхового коня. До нього входили вудила із жорсткими насадками, С-подібні псалії, бляхи оголов'я, нагрудники та три налобники з гачком, два з яких завершуються зооморфними зображеннями. Найближчі аналогії кінським налобникам з Великого кургану Васюринської гори дозволяють віднести новолабінське поховання до II ст. до н. е.

Серію з восьми подібних налобників, але без зооморфних елементів, було знайдено в курганах у с. Глиное в Придністров'ї. Авторське датування комплексів відносило їх до періоду від першої половини III ст. до н. е. до першої половини II ст. до н. е., із значним для одного могильника проміжком в 20—30 років, коли таких налобників в курганах взагалі немає. При типологічній близькості придністровських і прикубанських налобників дивним виглядав хронологічний розрив між похованнями, в яких вони знайдені. Звернення до матеріалів Тираспольських курганів і перевірка підстав для їх датування виявили тенденцію авторів публікації могильника до заниження дат курганів на 15—90 років. Комплекси з налобниками з курганів у с. Глиное за уточненими датуваннями становлять компактну групу, час здійснення поховань в якій становить не більше 50—60 років.

Перегляд та уточнення дат Тираспольських курганів до мінімуму скорочує розрив між ними і прикубанськими похованнями з налобниками. Така хронологія підтверджує можливість гіпотези, сформульованої у 2016 р. О. В. Симоненком, про повернення частини тираспольської еліти на споконвічні землі Північно-Західного Передкавказзя. Вже у Прикубанні на налобниках з гачком з'являються зооморфні елементи декору, пов'язані з впливом античних центрів Причорномор'я. Висока якість налобників з Прикубання, що відбилася не тільки в декорі, але й у складній техніці з'єднання в одному виробі кількох металів (заліза, срібла, бронзи, золота), було зумовлено виготовленням їх у майстернях Боспора.

Ключові слова: спорядження верхового коня, налобники, Тираспольські кургани, Прикубання, міграції кочовиків.

Одержано 12.06.2020

РАЄВ Борис Аронович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Федеральний дослідницький центр «Південний науковий центр», Російська академія наук, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 346006, Росія.
RAEV Boris, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre, the Russian Academy of Sciences, Chekhov av., 41, 340006 Rostov-on-Don, Russia.
ORCID: 0000-0001-6006-6173; e-mail: boris_raev@mail.ru.

УДК 904.4(477.52)"638"(091) DOI: 10.37445/adiu.2020.03.39

Д. В. Каравайко

ІСТОРІЯ ДОСЛІДЖЕННЯ ГОРОДИЩА СКІФСЬКОГО ЧАСУ ШИРЯЄВЕ

Стаття присвячена історії досліджень городища Ширяєво. На сьогоднішній день городище Ширяєве — єдине городище скіфського часу в Путивльському Посейм'ї де проводилися та проводяться зараз цілеспрямовані археологічні дослідження. Роботи розпочав у повоєнний час Д. Т. Березовець. Рівно 70 років тому археологічні розкопки на пам'ятці вперше проведела фахівець-скіфолог В. А. Іллінська, 100-річчя від дня народження якої відзначаємо в 2020 р.

Ключові слова: *городище, історія досліджень, р. Сейм, скіфський час.*

У 2020 р. виповнюється 100 років від дня народження видатного українського скіфолога В. А. Іллінської. І рівно 70 років тому Варвара Андріївна провела перші професійні археологічні розкопки на території середньої течії річки Сейм. Об'єктом досліджень стало городище Ширяєве, що розташовано поблизу сс. Ширяєве та Старі Гончари, в 10 км на південний схід від м. Путивль Сумської обл. Аж до сьогоднішнього дня ці роботи залишалися єдиними професійними археологічними дослідженнями укріплених поселень Путивльського Посейм'я. Отримано доволі виразний матеріал, що знайшов своє відображення на сторінках періодичного видання «Археологія» та в рукописі докторської дисертації В. А. Іллінської (1953; 1971). З огляду на інформативність та багатогранність знахідок з городища Ширяєве результати розкопок 1950 р. були нещодавно переопубліковані (Каравайко 2018). Детальний аналіз показав необхідність та перспективність подальших розкопок городища. Відтак, з 2017 р. спільними зусиллями Державного історико-краєзнавчого заповідника у м. Путивль та Інституту археології НАН України відновлено археологічні дослідження на пам'ятці, що проводяться вже третій рік поспіль. Поступово накопичується матеріал, який вимагає детального осмислення та ретельного опрацювання. То все — справа майбутнього. Наразі, слід відмітити, що будь-яка пам'ятка має свою історію, і саме вона є основою подальших досліджень.

Городище Ширяєве розташоване в 1,1 км на південний схід від околиці с. Ширяєве та на схід від с. Старі Гончари. Займає останець правого берега р. Сейм (рис. 1). Його висота — 43 м. Русло ріки віддалене на 7—8 км. Вся ця відстань являє собою заболочену заплаву, або Молчанське болото. Джерелом питної води свого часу, вірогідно, слугувала маленька річка, що впадає до заплави північніше городища. На сьогоднішній день вона в кількох місцях перегороджена, в результаті чого утворилися ставки, а основне русло майже пересохло. Назва річки місцевим мешканцям невідома [1], проте, за усним повідомленням місцевого краєзнавця, в документах XVIII ст. фігурує назва Плотницький струмок, що бере свій початок в Плотницькому яру та впадає в Молчанське болото.

Майданчик має форму неправильного трикутника, загальною площею близька 0,5 га. Від поля городище відділене глибокою та широкою угловиною. Жодних видимих слідів рову не простежується. Північно-західний схил ескарповано, а на верхівці влаштовано вал заввишки 2 м і шириною 20 м. Висота оборон-

1. Більшість городищ Путивльського Посейм'я розташовано на значній відстані від основного русла Сейму. Поруч з ним, до заплави, або до болота, обов'язково впадав струмок, чи невелика річка. На сьогодні, вони майже пересохли, а їх назви місцевому населенню невідомі.

© Д. В. КАРАВАЙКО, 2020

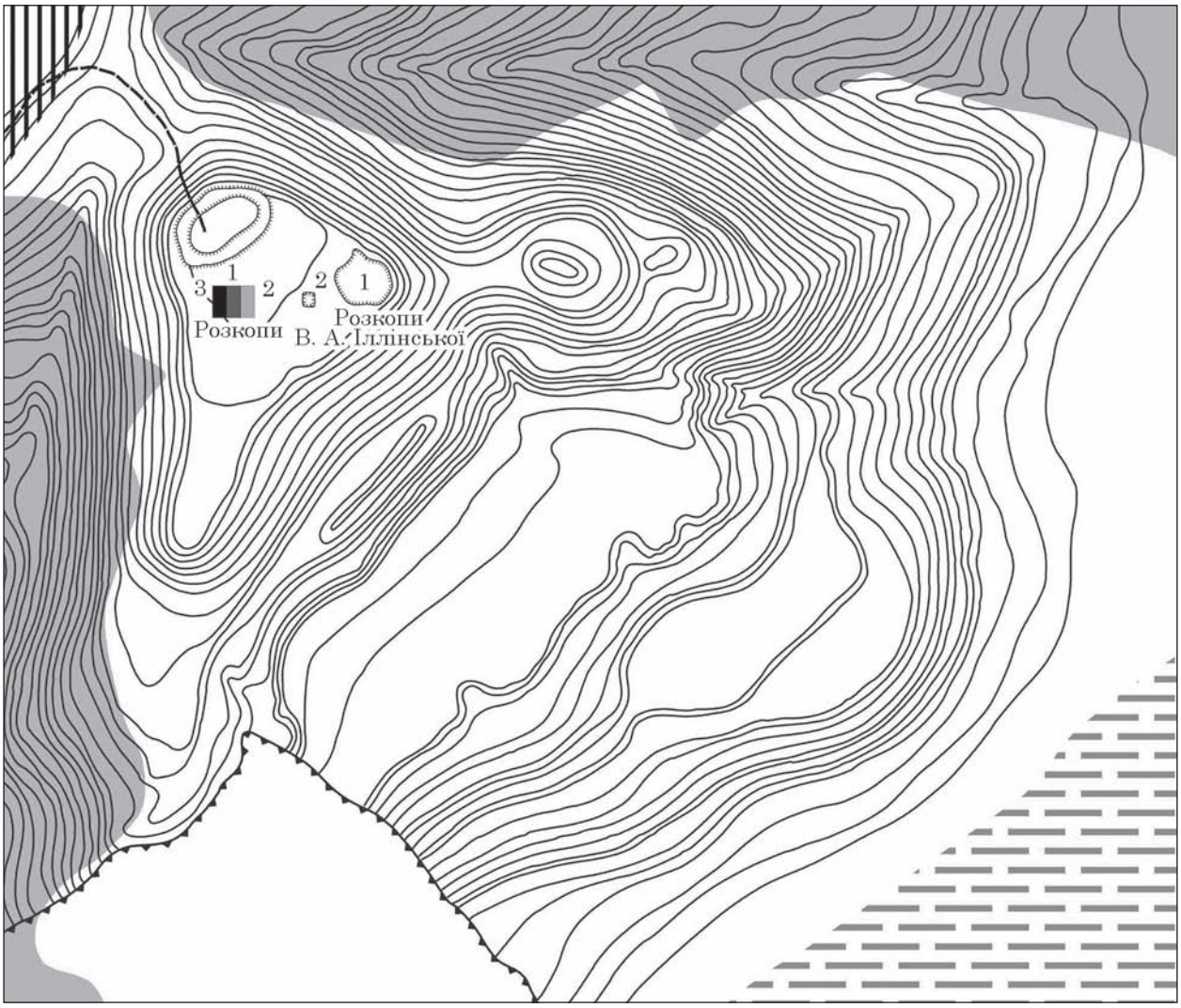


Рис. 1. План городища Ширяєве

ної ділянки в цьому місці сягає 7 м. З півдня та сходу останець має дві стрілки, що полого спускаються до заплави. З огляду на те, що це були найуразливіші місця в оборонній системі, тут влаштовано додаткові земляні укріплення. Так, південна стрілка в верхній частині, вірогідно, мала рів, що візуально не фіксується. Опосередковано про його наявність може говорити інший колір трави на невеличкій ділянці, що добре помітно на фото, яке зроблене за допомогою БПЛА (рис. 2). Так само ровом укріплена і східна стрілка мису. Як показали дослідження В. А. Іллінської, навпроти цієї стрілки, край майданчика, свого часу було досипано та укріплено штучним випалом (Іллінська 1953, с. 111, 112). Глиняні обпалені серцевини в основі валів відомі на багатьох городищах, що дозволяє припускати наявність на цьому місці валу, що не зберігся. Більш детальна характеристика оборонної лінії городища Ширяєве вимагає проведення відповідних археологічних розкопок, що є справою майбутнього.

До певної міри пам'ятка є унікальною в своєму роді, адже майданчик городища не має в'їзду, а відтак, жодного разу не орався. Відсутність будь-яких насаджень дозволяє побачити це укріплене поселення з далекої відстані. Саме тому воно було відоме місцевим мешканцям з незапам'ятних часів.

Чи не перша згадка про городище міститься в трудах Д.Я. Самоквасова (Самоквасов 1878, с. 229). Сам дослідник навряд бував в цих місцях, а свої відомості про городища, як відомо, він отримував від місцевих мешканців. Звідси і виникла «прив'язка» пам'ятки до с. Гончар.

Вперше городище поблизу с. Старі Гончари обстежив та зняв детальний план І. І. Ляпушкін (1947, с. 6, уч. карт. XXIII; 1950, с. 52; 1961, с. 134). В результаті зачистки схилу було визначено потужність культурного шару (хоча й помилково), зібрано не чисельний матеріал (Каравайко 2018, рис. 4: 1), що дозволив віднести пам'ятку до старожитностей так званої зольничної культури. До того ж з'ясовано, що вперше мис було заселено за доби бронзи, про що свідчили поодинокі фрагменти кераміки того часу.

У 1948 і 49 рр. дослідження на городищі проводив Д. Т. Березовець (1948; 1949). Бу-

Рис. 2. Фотозйомка городища Ширяєве за допомогою БПЛА, вид з боку заплави

дучи фахівцем зі слов'яно-руської археології, дослідник не приділив належної уваги вивченню пам'ятки скіфського часу. Зокрема, це стосується тексту наукового звіту де інформація про розкопки Ширяєвського городища вкрай обмежена й міститься переважно на сторінках польового щоденника. Так, в 1948 р. Д.Т. Березовець проводив археологічні розкопки на городищі «Курган» поблизу с. Волинцеве. В один з днів основна частина місцевих робітників з приводу релігійного свята не вийшла на роботу. Тоді Дмитро Тарасович разом з кількома школярами вирішив відвідати городище Ширяєве, що знаходилося неподалік, та закласти на ньому кілька розвідувальних шурфів. Останні мали розмір 2 × 4, 2 × 4 та 3 × 5 м і розміщувалися в центрі та по краю майданчика в північно-західній та західній частинах. Сліди цих розкопок і зараз помітні, принаймні по краях городища. За свідченням Д. Т. Березовця однорідний культурний шар мав потужність 0,8—0,85 м. Не можна з впевненістю твердити, але, вірогідніше за все, дослідник лише вказав глибину шурфів, на яку вдалося вийти протягом одного робочого дня зусиллями кількох школярів. Як показали подальші дослідження потужність культурного шару сягає більше одного метру в центрі та майже два метри (як мінімум 1,7 м) по краях майданчика.

Наступного, 1949 р. Д. Т. Березовець продовжив дослідження городища, які цього разу тривали два дні. В центрі городища було закладено дві траншеї розмірами 10 × 1 м. Напевне цього року розкопи вдалося вибрати повністю до рівня материка, на що вказує потужність культурного шару — 1—1,4 м. Маємо вкрай мало інформації щодо об'єктів, стратиграфії та окремих знахідок. Зазначалося, що в одній з траншей виявлено фрагменти глиняної обмазки з відбитками прутів. На сьогоднішній день в центральній частині майданчику не простежується будь які сліди розкопок 1949 р., відтак місце розташування цих двох траншей залишається під питанням.

Третя розвідувальна траншея розташовувалася в безпосередній близькості до валу. Дивує той факт, що матеріал в ній, по свідченню автора розкопок, був відсутній. Ще одну траншею закладено в південно-західному куті городища. В ній «на глубине 0,4 м есть обкладка склона городища, выполненная из разной величины кусков кварцита уложенного в два слоя с земляной прослойкой в 25—30 см толщиной» (Березовец 1949).

Польові креслення розкопок 1949 р. були втрачені [1], за винятком одного невеличкого клаптика міліметрівки з кресленнями стратиграфії трьох траншей (Каравайко 2018, рис. 6). Виходячи з цього можна припустити, що на городищі було закладено ще три траншеї довжиною 16 м. Потужність культурного шару в них досягала 1,5 м в середньому. Відтак, за приблизними підрахунками протягом трьох робочих днів було досліджено близько 120 м^2, і це за наявності доволі потужного культурного шару. З сумом маємо констатувати, що строки та площа розкопів говорять аж ніяк не на користь якісних та професійних досліджень. Вкрай обмежена інформація, що була подана у звітах призвела до того, що археологічні розко-

1. У відповідності до внутрішньої інформації Наукового архіву ІА НАН України.

пки Д. Т. Березовця 1948—1949 рр. на городищі Ширяєве, фактично, втрачені для науки.

Ситуація докорінно змінилася в 1950 р., коли вперше на території Середнього Сейму, на городищі Ширяєве, археологічні розкопки провела фахівець з археології раннього залізного віку — В. А. Іллінська. Розкоп загальною площею 160 м^2 закладено на східному куті майданчика [1]. Коротко зупинимося на результатах тих досліджень.

Перш за все, було встановлено, що східний пологий схил був додатково підсипаний, а на його краю влаштовано вал. Останній зберігся частково, у вигляді пропаленої глиняної ділянки заввишки 0,6—0,7 м з покатими краями. Поруч розчищена наземна споруда приблизними розмірами 8 × 8 м з двома господарськими ямами та двома глиняними печами. Звертає на себе увагу деяка невпевненість дослідниці стосовно чітких меж та розмірів будівлі, що простежується на сторінках польового щоденника. На сьогоднішній день, розкопками 2017—2019 рр., повністю вдалося дослідити лише одну споруду з верхнього горизонту. Її розміри (8 × 8 м) співпадають з розмірами, які припускала В. А. Іллінська для дома в розкопі 1950 р.

Залишки споруди 1950 р. фіксувалися за специфічною обмазкою підлоги — так званим земом. Об'єкт не був заглиблений в материк та й певної системи в розташуванні ямок від стовпів не вдалося простежити. Як показали сучасні дослідження городища Ширяєве всі наземні споруди, а на сьогоднішній день їх виявлено 5, мали заглиблений в середньому на 30 см котлован. Інша справа, що не завжди його можливо чітко простежити, якщо будівля виявлена не на материку, а в межах культурного шару. В наземних спорудах підлога влаштовувалася або на рівні давнього горизонту, або заглиблювалася, але не більше ніж на 0,3—0,4 м (Гершкович 2016, с. 57).

На особливу увагу заслуговують печі, опис яких подано вкрай стисло. Так, від північно-західної печі «збереглася основа, зроблена з білої глини та каменів, а також черінь розміром 1 × 1 м, з обпаленої глини з відбитками пруттів». Західна піч зображена на плані у вигляді скупчення глини та каміння розмірами 2,8 × 1,8 м. Було зафіксовано, що «основа її, товщиною 0,4 м, зроблена з білої та жовтої глини. Черінь викладений дрібним щебенем» (Іллінська 1953, с. 113, 114).

Як бачимо, ступінь збереженості обох пічок не дозволяє робити висновки щодо їх конструкції. Уточнити деякі моменти дозволяють результати розкопок городища 2019 р. Цього року було виявлено залишки 4 печей, які відносилися до 4- споруд — дві споруди в межах 2 горизонту, і дві — на рівні материку (3 горизонт). Вони являли собою масивні, як правило аморфні завали міцно обпаленої білої глини розмірами від 2 × 1,6 до 3,8 × 2 м. В процесі розчистки зруйнованих каркасів чітко вділося зафіксувати лише конструкцію однієї печі. Її черінь мав розміри 1 × 1 м, пропалений нерівномірно на 50—10 см. Стіни, що збереглися in situ мали товщину 0,4—0,6 м, а в них зафіксовано округлі ямки діаметром 0,1—0,2 м від дерев'яного каркасу. Стан збереженості інших печей набагато гірший, що поки не дозволяє додати більше конкретики. Вочевидь, саме, такі печі трапилися під час розкопок 1950 р., що і завадило В. А. Іллінській дати їх детальну характеристику. Таким чином, можемо констатувати, що опалювальною спорудою в домах Ширяєвського городища були звичайні купольні печі.

Ще одним фактом, що стосується дослідженої споруди, є наявність двох печей. Існування двох опалювальних об'єктів, що знаходяться в межах однієї великої споруди, але в різних її частинах цілком виправдане з точки зору рівномірного обігріву. Аналогічна ситуація простежена в житлах Суботівського городища (Гершкович 2016, с. 66). Але, судячи з польових креслень відстань між печами складає всього 2,3 м. Отже, їх одночасне існування в межах одного житла виглядає сумнівним. Та й сама Варвара Андріївна сумнівалася в існуванні двох вогнищ (Ильинская 1950, дневник, тетрадь 1, с. 46). Не зайвим буде ще раз звернутися до результатів робіт 2019 р. Так, відстань між печами двох споруд 2 горизонту складає приблизно 4,8 м, між печами споруд нижнього горизонту — 5,4 м. Але згідно останніх досліджень вдалося чітко зафіксувати стіни будівель, що з об'єктивних причин не було зроблено в 1950 р. Малоймовірним виглядає припущення, щодо існування двох печей в межах однієї споруди, які знаходилися на відстані всього 2,3 м. З певною долею обережності можемо припустити, що В. А. Іллінська свого часу досліджувала не одну, а дві споруди, які знаходилися поруч. Основну увагу, за відсутністю заглиблення, дослідниця сконцентрувала на так званому «землі» — підсипці підлоги. Проте, він міг і не зберегтися в різних частинах дому, а систему в розташуванні ямок від стовпів, про що йшлося вище, виявити не вдалося. Наразі, теорію, щодо наявності двох споруд в межах розкопу 1950 р. залишимо лише як припущення, обґрунтування якого стане можливим лише після археологічних досліджень поруч з розкопом В. А. Іллінської, а, вірогідно, й після його повторного розкриття.

Кілька слів, щодо стратиграфії городища Ширяєве. Дослідженнями 2017 р. було з'ясовано, що культурний шар має три горизонти, що виділяються і кольором ґрунту, і знахідками (Каравайко, Плаксіна 2019). Будучи скрупульозним дослідником, В. А. Іллінська виконала п'ять

1. Виходячи з креслень площа розкопу складала 164 м2.

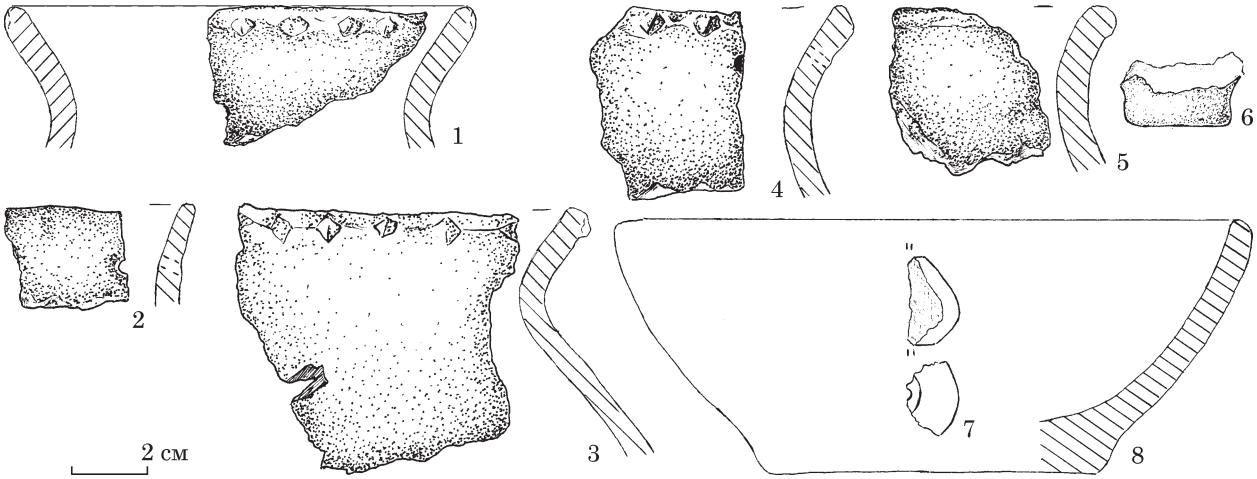


Рис. 3. Матеріал з відпрацьованого ґрунту розкопу 2, 1950 р.

стратиграфічних розрізів в межах розкопу 1. Верхній горизонт відображено на кресленнях [1] (Іллінська 1953, рис. 3), а на сторінках щоденника відмічено, що верхня частина культурного шару являє собою м'який гумусований чорнозем, нижче якого залягає сіра золиста земля (Ильинская 1950, дневник, тетрадь 1, с. 10). За відсутністю будь-яких слідів будівництва в верхній частині культурного шару цей горизонт не привернув уваги В. А. Іллінської. Дослідниця відмічала, що «керамічний матеріал, знайдений в шарах вище глиняної площадки, цілком однорідний і не дає можливості виділити якінебудь особливі риси, властиві різним хронологічним періодам» (Іллінська 1953, с. 115). Як показали розкопки 2017—2019 рр., це твердження виявилося помилковим. Так, виключно для верхнього горизонту властиві горщики 1 типу (за В. А. Іллінською 1953) без проколів. Лише в цьому шарі є знахідки уламків амфор, а відсоток столової посуди вище в порівнянні з нижніми горизонтами. Разом з тим, при детальному вивченні матеріалів колекції 1950 року (Каравайко 2018, с. 273—275) було помічено, що глибини, вказані на шифрах горщиків 1-го типу без проколів (до 0,7 м) значно нижчі ніж рівень темного чорнозему, відображеного на стратиграфії. Пояснити це можливо сильним пересиханням ґрунту в процесі розкопок, завдяки чому чітко зафіксувати межу між більш темним та золистим шарами вкрай важко. Вірогідно, саме це стало причиною, що у звіті В. А. Іллінської повністю відсутня інформація про розкоп 2. Коротко зупинимося на ньому.

Невеликий розкоп розмірами 4 × 4 м було закладено в 15 м на південний захід від західного кута розкопа 1, тобто ближче до центру майданчика. Інформація щодо нього обмежена розмірами, місцем розташуванням, кількома словами у щоденнику та переліком знахідок, занесених до польового опису. Серед останніх: фрагменти кераміки, глиняні блоки-грузила, чотири з яких знайдено у купі, чотири пряслиця, кам'яні терочники, залізна булавка, уламок бронзового браслету та скляна пірамідальна підвіска блакитного кольору. Не виключено, що саме остання знахідка і наштовхнула дослідницю на припущення, щодо можливості існування городища в IV ст. н. е. (Іллінська 1953, с. 114). Останні дослідження надійно підтвердили здогадку Варвари Андріївни.

Відносно «однорідний» культурний шар та відсутність залишків житлобудівництва, вірогідно, спричинили те, що креслення не проводилися, а до уваги бралися лише знахідки. Разом з тим, розкоп 2 має важливе значення для вирішення питання про планування городища вже на сучасному рівні знань, спираючись на загальну досліджену площу. Мається до уваги його розташування поодаль від краю мису. Ближче до центру майданчику закладено і розкоп 2018 р. Тут виявлено не так багато знахідок, а головне, що в частині розкопу, що тяжіє до центру не виявлено залишків споруд. Робити остаточні висновки передчасно, однак можемо обережно припустити, що центральна частина укріпленого поселення не була заселена, а всі споруди розміщено по краю.

Наприкінці зупинимося ще на одному моменті. По закінченню робіт в 1950 р. обидва розкопи було засипано, але частково. Їх центральні частини у вигляді глибоких ям і сьогодні добре видні на поверхні. В 2019 р. було частково перебрано викид з розкопу 2, а відпрацьованим ґрунтом знівельовано поверхню місця дослідження. Знахідки виявилися не чисельними. Серед них уламки вінець горщиків, характерних для верхнього горизонту (рис. 3: 1—5), окремі фрагменти стінок та донець. Від-

1. Раніше, мною було зроблено припущення, що нижня межа 1 горизонту фіксується по рівню залягання каміння (Каравайко 2018, рис. 18).

мітимо археологічно цілу форму миски (рис. 3: 8) 5 типу за К. Ю. Пеляшенком, що не так часто трапляються на пам'ятках Лівобережного Лісостепу (Пеляшенко 2014, с. 58—60), але широко представлені на городищі Ширяєве (Каравайко 2019, с. 297). Крім того, знайдено фрагмент глиняного пряслиця та денце мініатюрної посудинки (рис. 3: 6, 7). На особливу увагу заслуговує фрагмент стінки амфори, адже В. А. Іллінська зауважила, що в розкопі 1950 р., на відміну від досліджень Д. Т. Березовця, уламків грецьких амфор не знайдено (Іллінська 1953, с. 119).

На довгий час пам'ятки українського Посейм'я і, зокрема, городище Ширяєве залишилися поза увагою дослідників скіфського часу, а стаття В. А. Іллінської 1953 р. стала опорною при вивченні старожитностей цього регіону. Городище неодноразово оглядали, але роботи носили поверховий характер (Мельниковская 1968, с. 3; Сухобоков 1986, с. 83). Наприкінці 1990-х, а особливо в 2000-х рр. городище й поселення Ширяєве (як і більшість інших пам'яток), стали об'єктом грабунку за допомогою металодетекторів. Безумовно, початок систематичного дослідження пам'ятки національного значення є позитивним моментом, проте існує й зворотна сторона медалі — поновлення інтересу з боку грабіжників.

Підсумовуючи сказане слід відмітити розкопки В. А. Іллінської, які, безумовно, проведені на вищому рівні і відповідають всім вимогам не лише 1950 р., а й сучасності. Матеріал належним чином було своєчасно опубліковано, а основні висновки роботи залишаються актуальними і сьогодні.

ЛІТЕРАТУРА

Гершкович, Я. П. 2016. *Суботовське городище*. Киев: ИА НАН Украины.

Березовец, Д. Т. 1948. *Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волынцево, Путивльского района, Сумской области*. НА ІА НАН України, ф. 64, 1948/10.

Березовець, Д. Т. 1949. *Звіт про роботу Сеймсько-Слов'янської експедиції 1949 р.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1949/9.

Ильинская, В. А. 1950. *Отчет о работе Путивльского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции 1950 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1950/2б.

Іллінська, В. А. 1953. Городище скіфського часу на р. Сеймі. *Археологія*, VIII, с. 109-122.

Ильинская, В. А. 1971. *Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье*. Автореферат диссертации д. и. н. Москва. ИА АН СССР.

Каравайко, Д. В. 2018. О трех городищах скифского времени Путивльского Посеймья. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 264-286.

Каравайко, Д. В. 2019. Глиняные миски городища Ширяево. *Археологія і давня історія України*, 2 (31), с. 294-299.

Каравайко, Д. В., Плаксіна, О. В. 2019. Дослідження городища Ширяєве на Сеймі. *Археологічні дослідження в Україні, 2017 р.*, с. 232-235.

Ляпушкин, И. И. 1947. *Памятники эпохи железа Левобережной Украины (по материалам полевых изысканий 1947 г.)*. НА ІА НАН України, ф. 64, 1947/29.

Ляпушкин, И. И. 1950. Поселения культуры скифов-пахарей. *Советская археология*, XII, с. 41-65.

Ляпушкин, И. И. 1961. *Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами*. Материалы и исследования по археологии СССР, 104. Москва: Наука.

Мельниковская, О. Н. 1968. *Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1968/85.

Пеляшенко, К. Ю. 2020. *Ліплений посуд скіфського часу населення Дніпро-Донецького Лісостепу*. Київ; Котельва: ІА НАН України, ІКЗ Більськ»

Самоквасов, Д. Я. 1878. Историческое значение городищ. *Труды третьего Археологического съезда*, 1, с. 225-235.

Сухобоков, О. В. 1986. *Отчет о работах Левобережной славяно-русской экспедиции в 1986 г.* НА ІА НАН України, ф. 64, 1986/31.

REFERENCES

Gershkovich, Ia. P. 2016. *Subotovskoe gorodishche*. Kiev: IA NAN Ukrainy.

Berezovets, D. T. 1948. *Otchet o raskopkakh ranneslavyanskogo poseleniya i mogilnika okolo s. Volyntsevo, Putivlskogo rayona, Sumskoy oblasti*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1948/10.

Berezovets, D. T. 1949. *Zvit pro robotu Seimsko-Slov'ianskoi ekspedytsii 1949 r*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1949/9.

Ilinskaya, V. A. 1950. *Otchet o rabote Putivlskogo otryada Seymsko-Desninskoy ekspeditsii 1950 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1950/2b.

Illinska, V. A. 1953. Horodyshche skifskoho chasu na r. Seimi. *Arkheolohiia*, VIII, s. 109-122.

Ilinskaia, V. A. 1971. *Skifskii period v Dneprovskom Lesostepnom Levoberezhe*. Avtoreferat dissertatsii d. i. n. Moskva. IA AN SSSR.

Karavaiko, D. V. 2018. O trekh gorodishchakh skifskogo vremeni Putivlskogo Poseimia. *Arkheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (27), s. 264-286.

Karavaiko, D. V. 2019. Glinianye miski gorodishcha Shiriaevo. *Arkheologiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (31), s. 294-299.

Karavaiko, D. V., Plaksina, O. V. 2019. Doslidzhennia horodyshcha Shyriaieve na Seimi. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini 2017 r.*, s. 232-235.

Lyapushkin, I. I. 1947. *Pamyatniki epokhi zheleza Levoberezhnoy Ukrainy (po materialam polevykh izyskaniy 1947 g.)*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1947/29.

Lyapushkin, I. I. 1950. Poseleniya kultury skifov-pakharey. *Sovetskaya arkheologiya*, XII, s. 41-65.

Lyapushkin, I. I. 1961. *Dneprovskoye lesostepnoye Levoberezhye v epokhu zheleza. Arkheologicheskiye razyskaniya o vremeni zaseleniya Levoberezhia slavyanami*. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 104. Moskva: Nauka.

Melnikovskaya, O. N. 1968. *Otchet o rabotakh Desninskogo otryada IA AN SSSR v 1968 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1968/85.

Peliashenko, K. Yu. 2020. *Liplenyi posud skifskoho chasu naselennia Dnipro-Donetskoho Lisostepu*. Kyiv; Kotelva: IA NAN Ukrainy, IKZ Bilsk.

Samokvasov, D. Ya. 1878. Istoricheskoye znacheniye gorodishch. *Trudy tretyego Arkheologicheskogo syezda*, 1, s. 225-235.

Sukhobokov, O. V. 1986. *Otchet o rabotakh Levoberezhnoy slavyano-russkoy ekspeditsii IA AN USSR v 1986 g*. NA IA NAN Ukrainy, f. 64, 1986/31.

D. V. Karavaiko

HISTORY OF INVESTIGATIONS OF SHYRIAIEVE HILLFORT OF THE SCYTHIAN TIME

Shyriaieve is the only one hillfort of the Scythian time in Putyvl Seym region, where targeted archaeological research was carried out. The site has known since the 19th century. The first excavations were carried out in 1948—1949 by D. T. Berezovets. Unfortunately, the information content is extremely low. In 1950, the famous Ukrainian scythologist Varvara Andriivna Illinska, also worked at the hillfort. A significant area was investigated, as a result an informative material was obtained. Possible construction was revealed.

Excavations led by the author have resumed, since 2017. It gave an opportunity to compare the results of investigations. The proportions of dwellings absolutely coincided. It is important to note that the contours of the construction uncovered in 1950 were fixed conditionally. The furnaces turned out to be identical. Recent studies have clarified their construction.

A scrupulous researcher V. A. Illinska recorded a stratigraphic column in five parts of the excavation. In 2017—19 here were observed three horizons, which were shown in the drafts in 1950. The assertion by Varvara Andriivna that the pottery in the upper part of the cultural layer are homogeneous and not separated chronologically turned out to be erroneous.

A small excavation trench of 1950, which is almost not mentioned in the report and ignored in the publication, is briefly examined. A pyramidal glass pendant was found there. In my opinion, this fact, allowed V. A. Illinska suggest the possibility of a functioning of the settlement in the IV century BCE.

It should be noted that the excavations of 1950 were carried out at a high level, the conclusions presented in the article in 1953 are relevant today, and the article itself for a long time remained the fundamental work devoted to the sites of the Scythian time of Putyvl Seym region.

Systematic and permanent studies have been carried out since 2017. An informative material is obtained and requires reflection. It is the subject of a separate article.

Key words: hillfort, history of investigations, Seym River, Scythian time.

Одержано 16.05.2020

КАРАВАЙКО Дмитро Володимирович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна.
KARAVAIKO Dmytro V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0001-9309-6707, e-mail: dmytro.karavaiko@gmail.com.